

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

5.

стр.

5. Посольство князя **Б. И. Куракина** въ Голландію въ 1711 году. Статья **С. И. Недрова**.
30. Изъ писемъ **М. Н. Лонгинова** къ графу **С. Р. Воронцову**.
67. Изъ Архива **Н. О. Кутлубицкаго**. Нерапечатанное почти сто лѣтъ письмо. Письмо монахини. О жалованныхъ земляхъ и ихъ цѣнности. Сообщилъ **И. А. Бронскій**.
72. Собраніе разныхъ анекдотовъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи знаменитые богачи.
77. Московскіе городскіе головы и замѣстители ихъ. **У. Г. Ивасна**.
82. Изъ воспоминаній **П. И. Щукина**.
131. Письма 1812 года. Графъ **Н. В. Нессельроде** къ тещѣ своей графинѣ **Гурьевой**.
134. Пожаръ Москвы. Запись **И. М. Ситѣрева**.
142. Графа **С. Р. Воронцова** забота о Русскомъ солдатѣ.
156. Изъ Записной книжки издателя «Русскаго Архива».

Внутри обложки: О Сборникѣ **П. И. Щукина**, выпускъ десяткомъ. **П. Б.** —
О Гербовникѣ **Князева**, **У. Г. Ивасна**.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1912.

ЩУКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.
Выпускъ десятый. М. 1912 г.
Большая 4^о. 485 и 2 нон. стр.

Этотъ выпускъ начинается походными дневниками прапорщика Пензенскаго ополченія 1813 и 1814 годовъ. Затѣмъ идетъ дневникъ путешествія Г. А. Демидова съ супругою и дѣтьми въ 1818 году. Они ѣздили на богомолье изъ села Таицы подъ Петербургомъ въ Кіевъ и Малороссійскую деревню. Тогда даже и каменнаго пути не было, и богомольная семья терпѣла всяческія невзгоды. Когда почтовыхъ лошадей не давали, Демидовъ обращался къ сосѣднимъ помѣщикамъ, которые вездѣ его угощали и снабжали лошадьми.

Далѣе слѣдуютъ письма Т. Н. Грановскаго изъ заграницы въ Петербургъ къ его пріятелю В. В. Григорьеву, напоминающія читателю про тѣ письма Григорьева къ Грановскому, изъ которыхъ въ 1856 году загорѣлся сырборъ между начавшимися тогда журналами „Р. Бесѣдою“ и „Р. Вѣстникомъ“. Помнится блистательная оборона, которую нашель себѣ скончавшійся за годъ передъ тѣмъ Грановскій въ статьѣ Н. Ф. Павлова. Веселостью, и живою искренностью вѣетъ отъ писемъ Тимофея Николаевича. Прошло съ тѣхъ поръ болѣе полувѣка, ориенталистъ Григорьевъ забытъ, а свѣтлый образъ Грановскаго продолжаетъ радовать собою Русскихъ людей, особливо тѣхъ, кому знакома превосходная біографія его, написанная А. В. Станкевичемъ. „Я не легко и, признаюсь, неохотно поддаюсь чужому вліянію“, пишетъ Грановскій изъ Берлина; но Станкевичъ (это старшій братъ біографа) имѣлъ на меня большее вліяніе, болѣе чѣмъ кто-нибудь послѣ моей матери. Разъ я говорилъ о немъ съ Вердеромъ, профессоромъ философіи. Онъ такъ много можетъ сдѣлать, но ничего не дѣлаетъ, сказалъ я.— „А развѣ вы ни во что считаете, что онъ живетъ на свѣтѣ? Самая жизнь такого человѣка уже есть хорошее дѣло“, былъ отвѣтъ Вердера. Любопытны бесѣды Грановскаго въ Прагѣ съ Шафарикомъ: „Я не могу согласиться, заявляетъ Грановскій, что Славяне не менѣе Нѣмцевъ участвовали во Всемирной Исторіи; мнѣ кажется, что намъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу дру-

гихъ, и мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ. Какъ ни говори, а всетаки исторія Германцевъ теперь важнѣе Славянской въ связи ея со всеобщю; черезъ два-три столѣтія другое дѣло“. Въ этихъ словахъ—программа ученой дѣятельности Грановскаго на исторической кафедрѣ въ Московскомъ университетѣ.

Десятый выпускъ Щукинскаго Сборника превосходитъ предшествующіе богатствомъ содержанія, и притомъ общезанимательнаго. Таковы прекрасныя письма Мерчанскаго къ отцу во время Севастопольской войны, съ которыми любопытно сопоставить письма нѣкоего Андреева, писанныя четверть вѣка позже, во время послѣдней войны нашей съ Турками. Особенно богатъ новый выпускъ письмами нашихъ ученыхъ и писателей. Кому было прежде извѣстно, что другъ Герцена Огаревъ былъ человѣкъ очень богатый, занимался хозяйствомъ, имѣлъ писчебумажную фабрику и клялъ судьбу свою въ сношеніяхъ съ рабочими. Тутъ письма Тургенева, Жуковскаго, Гончарова, графа Соллогуба, Лѣскова, И. С. Аксакова. Имѣются дорогія показанія для біографіи Пушкина. Такъ Мухановъ пишетъ брату изъ Москвы въ Петербургъ 19 Мая 1827 года: „Александръ Пушкинъ, отправляющійся нынче въ ночь, взялъ доставить тебѣ это письмо. Постарайся съ нимъ сблизиться. Нельзя довольно оцѣнить наслажденіе быть съ нимъ часто вмѣстѣ, размышляя о впечатлѣніяхъ, которыя возбуждаются въ насъ его необыкновенными дарованіями. Онъ стократъ занимательнѣе въ мужскомъ обществѣ, нежели женскомъ, въ которомъ, дробясь безпрестанно на мелочи, онъ тогда дѣлается для этихъ самокъ только натянутымъ“ *). Въ отвѣтномъ письмѣ брата, 15 Іюля того же года, читаемъ: „Пушкина я вовсе не вижу, встрѣчаю его иногда въ клубѣ. Онъ здѣсь въ кругу шумномъ и веселомъ молодежи. Впрочемъ мы сошлись съ нимъ хорошо. Съ Пушкина списалъ Кипренскій портретъ необычайно похожій. Онъ представленъ сидящій

*) Левъ Сергѣевичъ увѣрялъ, что бесѣды его брата съ женщинами были лучше даже его стиховъ; Хомяковъ любилъ вспоминать про дѣтски-искренній хохотъ Пушкина, который производилъ на собесѣдниковъ чарующее впечатлѣніе.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

1912.

II.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

... Предразсудокъ!
Онъ обломокъ древней правды...
Гонить въ немъ нашъ вѣкъ надменный,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлостнаго отца.

Баратинскій.

1912.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1912.

Посольство князя Б. И. Куракина въ Голландію въ 1711 году.

I.

Въ серединѣ Октября мѣсяца 1711 г. князь Борисъ Ивановичъ, Куракинъ, будучи въ Торгау, получилъ повелѣніе ѣхать въ качествѣ полномочнаго министра въ Гагу, 29 Октября онъ туда и пріѣхалъ¹⁾.

Это назначеніе было однимъ изъ самыхъ видныхъ, если не самое видное. Чтобы судить о его важности, надо вспомнить, что въ исторической жизни Европы вообще, а въ эпоху Петра Великаго въ частности, Голландія имѣла большое значенія. Страна, заселенная стойкимъ и трудолюбивымъ племенемъ, создавшимъ берега моря²⁾, подчинивъ эту могучую стихію разуму человѣка и заставивъ ее работать на него, страна искусныхъ и храбрыхъ мореплавателей, широкой колониальной дѣятельности, развитой промышленности, какъ земледѣльческой, такъ и обрабатывающей, страна міровой торговли, банковъ и кредита, „биржа Европы“, какъ тогда называли Голландію, страна крупной научной дѣятельности и высоко развитаго искусства, наконецъ—страна, долгою и героическою борьбою отстаившая свою вѣроисповѣдную и государственную свободу отъ „демона Южныхъ странъ“, Филиппа II Испанскаго, и создавшая, почти исключительное въ Европѣ, если не считать Швейцаріи, гражданское устройство, Голландія естественно

¹⁾ См. „Р. Арх.“ 1907 г. 311—312. Точно обозначить время назначенія Б. И. Куракина посланникомъ въ Голландію трудно: самъ онъ говоритъ, что получилъ назначеніе 20 Окт., но у Бантышъ-Каменскаго („Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи“ М. 1894 г. стр. 194), Октября 17-го.

²⁾ По Голландской пословицѣ: Богъ создалъ море, а Голландцы берега.

должна была обращать на себя взоры другихъ Европейскихъ государствъ, болѣе или менѣе сильно подчинявшихся ея образовательному воздѣйствію. Не прошла безслѣдно эта страна и въ исторіи Россіи, особенно при Петрѣ, оказавъ нашей родинѣ многія, хотя и небезвозмездныя услуги.

Чтобы судить объ этомъ, сдѣлаемъ краткій очеркъ сношеній Россіи съ Голландіей до Петра и въ первые годы его царствованія.

Начало сношеній нашей родины съ Нидерландами относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ, къ Новгороду Великому, который принималъ участіе въ Голландской торговлѣ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Голландцы уже настолько дорожили торговлею съ Россіей, что подкупали царскихъ совѣтниковъ съ цѣлю ограничить нашу торговлю съ Англіею¹⁾. Царемъ Грознымъ, его сыномъ Ѳедоромъ и В. И. Шуйскимъ давались отдѣльнымъ Голландскимъ купцамъ жалованныя грамоты о свободной торговлѣ въ Россіи. Такъ, Голландскій купецъ Дебитгеръ до 1625 г. двадцать два года свободно торговалъ въ Россіи. Съ конца XVI в. и въ теченіи всего XVII-го болѣе и болѣе укрѣпляются связи Россіи съ Голландіей, при чемъ опредѣляются и тѣ начала, которыя развиваются въ позднѣйшихъ отношеніяхъ этихъ государствъ. Прежде всего сношенія велись чрезъ посольства, которыя не всегда преслѣдовали цѣли политическія, но главнымъ образомъ экономическія. Такъ, вскорѣ по прекращеніи смуты, въ Іюнь 1613 г. въ Голландію, отправлены были послы дворянинъ Степанъ Ушаковъ и дьякъ Семень Зоборовскій съ увѣдомленіемъ о восшествіи на престолъ Михаила Ѳедоровича и съ просьбою о посредничествѣ въ дѣлѣ примиренія со Шведами²⁾. Въ Голландской землѣ послы держали себя пьяно и неучтиво. Побывавъ въ Вѣнѣ, на обратномъ пути въ Россію, они снова заѣхали въ Голландію, и на этотъ разъ всехъ удивляли скромностію, боязливостію и приличіемъ, что, можетъ быть, объяснялось ихъ безпомощнымъ положеніемъ: пріѣхали они въ жалкомъ состояніи, такъ что Голландское правительство снабдило ихъ всемъ нужнымъ, приказавъ выдать одновременно тысячу гульденовъ. Послы просили о помощи царю войскомъ и деньгами. Ни того, ни другого Голландцы не дали, но обѣщали посредничество въ примиреніи съ Швеціей. Царю отъ Голландскаго князя Маврикія дана была грамота, „съ полнымъ царскимъ именованіемъ“, при чемъ Голландцы просили царя о пропускѣ чрезъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. VII, 60—62.

²⁾ У Веневитинова „Русскіе въ Голландіи“ 1897, стр. 98, пр. 1, сказано, что начало дипломатическихъ сношеній Россіи съ Голландіей относится къ 1615 г., что не вѣрно.

Россію въ Арменію и Персію Амстердамскаго купца Витзена для торговли¹⁾). Въ началѣ 1615 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Голландіи особый посланникъ Масса съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Михаила и повторительною просьбою о проѣздѣ чрезъ Россію Голландскихъ купцовъ на Востокъ. Послѣ этого, спѣшно, въ Іюль этого же года, новые Русскіе посланники, Кондыревъ и Невѣровъ, пріѣхали въ Гагу, гдѣ просили Маврикія снабдить царя казною и пушками и запретить Голландцамъ поступать на службу къ недругамъ Россіи, Полякамъ и Шведамъ. Просьба посланниковъ 1614 года о посредничествѣ была исполнена: въ Столбовѣ Голландцы содѣйствовали заключенію мира Россіи съ Швеціей²⁾). Въ 1617 г. Масса снова пріѣхалъ въ Москву съ просьбою о „повольномъ“ торгѣ и о томъ, чтобы царь принялъ Голландцевъ въ дружбу и союзъ. Въ отвѣтъ на это Русскіе просили Массу передать Штатамъ, чтобы они помогли царю противъ Польши. Въ слѣдующемъ году, въ Гагу пріѣхалъ Русскій посоль Баклановскій, прося о присылкѣ 1100 п. пороху и 3000 п. свинцу, что Голландцы обѣщали исполнить. Такъ какъ Русскіе нуждались въ знающихъ людяхъ, то въ 1623 г. Маврикіи писалъ въ Москву, что будетъ помогать царю въ принятіи на службу ремесленныхъ людей. Чрезъ годъ Масса снова пріѣхалъ въ Москву съ ходатайствомъ о дозволеніи Голландцамъ ежегодно покупать въ Россіи хлѣба на двухъ корабляхъ; было дозволено купить 3000 четвертей. Этотъ Масса былъ до нѣкоторой степени довѣреннымъ лицомъ Россіи и часто сообщалъ Михаилу и въ Посольскій Приказъ о „политическихъ происхожденіяхъ“ въ Европѣ. Русская внѣшняя торговля уже въ царствованіе Михаила Федоровича направлялась и къ Балтійскимъ портамъ: Голландцы были этимъ недовольны. Въ 1630 г. пріѣзжали въ Москву Голландскіе послы, Альбертъ Бургъ и Іоганъ Фелтдриль хлопотать о томъ, чтобы Русскіе не возили хлѣба, золь, льну и пеньки въ Данцигъ, и по прежнему спускали бы ихъ къ Архангельску, гдѣ покупали бы эти товары Голландцы; кромѣ того, послы высказывали желаніе Голландскихъ купцовъ вольно торговать въ Россіи, съ платежемъ умѣренной пошлины; просили о дозволеніи покупать въ Россіи хлѣбъ, рубить корабельный лѣсъ близъ Архангельска и по Двинѣ и пахать землю. Въ Москвѣ на предложеніе торговать вольно отвѣчали требованіемъ, чтобы Голландскіе купцы поименно заявили о томъ, кто изъ нихъ хочетъ торговать; всѣмъ купцамъ дозволить свободный торгъ нельзя: будутъ убытки Русскимъ купцамъ. Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ было условлено, чтобы Голландцы

¹⁾ Соловьевъ IX. 71, 72, 86.

²⁾ Бятышъ-Каменскій, Обзоръ сношеній, стр. 174 и слѣд.

имѣли въ Москвѣ по примѣру Англичанъ, человѣка, съ которымъ Русскіе купцы и должны были уговариваться относительно торговли. Въ просьбѣ пахать землю было отказано, но дозволено было рубить корабельный лѣсъ, только чрезъ Русскихъ; дозволено также вывезти 23000 четв. хлѣба¹⁾. По смерти Михаила, въ 1645 г., въ Голландію были отправлены гонецъ Спиридоновъ и толмачъ Романовъ съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Алексѣя. Въ слѣдующемъ году къ Генеральнымъ Штатамъ и принцу Генриху Нассаускому поѣхали въ качествѣ пословъ стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій и дьякъ Байбаковъ для разбора взаимныхъ жалобъ и найма офицеровъ и солдатъ, что и было исполнено успѣшно. Въ этомъ же году пріѣзжалъ въ Москву Голландскій посолъ Бургъ съ просьбою, чтобы задержанные Русскимъ правительствомъ у купцовъ Виніуса и его товарищей, Акема и Марселіса. Тульскіе заводы были имъ возвращены и купцы эти освобождены отъ пошлинъ. Эти заводы, желѣзные и пушечные, Андрей Денисовичъ Виніусъ, съ братомъ Авраамомъ, построилъ еще въ 1632 г., въ 12 в. отъ Тулы, на р. Тулицѣ. При Алексѣѣ они были задержаны по случаю неисполненія договора съ царемъ. Бургъ, кромѣ того, просилъ, чтобы въ Москвѣ Голландцамъ дозволено было построить кирку и нанимать для услугъ Русскихъ людей, на что все и получилъ отвѣтъ отчасти удовлетворительный. Врагами Россіи въ Голландіи печатались о царѣ и странѣ неодобрительные отзывы; поэтому въ 1653 г. гонецъ Поливановъ привезъ къ Штатамъ грамоту съ жалобою на Польскихъ королей, Владислава и Яна Казимира, печатавшихъ укорительные отзывы о Русскомъ правительствѣ; а въ 1666 г., царь, чрезъ нарочито пріѣзжавшаго изъ Россіи переводчика, выговаривалъ Штатамъ о томъ, что издатели газетъ въ Голландіи, говоря о государѣ, называютъ его великимъ княземъ, а не царемъ.

Со второй половины XVII в. сношенія Россіи съ Голландіей уже настолько усилились, что Русское правительство сочло нужнымъ имѣть въ Голландіи постоянного представителя, которымъ въ 1660 г., съ титуломъ комиссаріуса, назначенъ былъ Англичанинъ Иванъ Гебдонъ. Онъ, съ дозволенія Англійскаго короля Карла II, нанималъ разныхъ людей въ Россію²⁾. Въ этомъ же году въ Голландіи были Русскіе послы, Нащокинъ и Кащеевъ, съ предложеніемъ Штатамъ, чтобы они, по прежнему, были въ дружбѣ и въ любви съ Россіей, не умаляя титула государя, и съ извѣстіемъ, что въ Россіи наложена была по-

¹⁾ Соловьевъ IX, 196—198. Ср. Б. Каменскій 178.

²⁾ Бантышъ Каменскій 180, 183, 184, 185, 187; Соловьевъ XII, 238—239.

шлина на всё привозимые товары. Въ отвѣтъ на это посольство, въ 1664 г., пріѣхалъ въ Москву посолье Борель съ предложеніемъ 29 статей, въ которыхъ говорилось, чтобы обновлены были и подтверждены всё тѣ предложенія, о которыхъ говорилъ Бургъ, чтобы въ грамотахъ Штатамъ сохранялся титулъ „высокомочные“, чтобы дозволено было Голландцамъ по прежнему безошлинно торговать въ Россіи и т. п. При этомъ Штаты предлагали свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Польшей. Какъ извѣстно, это примиреніе состоялось въ Андрусовѣ, извѣстіе о чемъ привезъ въ Голландію подъячій Головининъ. Титулъ „высокомочные господа Штаты“ царь сталъ писать въ грамотахъ только съ 1670 г., о чемъ хлопоталъ Голландскій посланникъ Н. Гейнсъ, который, между прочимъ, предлагалъ, но неуспѣшно, и о посредничествѣ Голландіи въ примиреніи Россіи съ Швеціей. Въ 1676 г. пріѣхалъ въ Москву великій и полномочный посолье Кленкъ. Онъ просилъ, чтобы Россія напала на Шведовъ, которые, соединясь съ Франціей, воевали съ Голландіей (въ эпоху первой коалиціи противъ Людовика XIV). Кленку было отказано по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Швеціей. Кромѣ того, Кленкъ ходатайствовалъ о свободной торговлѣ иностранцевъ въ Россіи, о торговлѣ съ Персіей шелкомъ-сырцомъ, о производствѣ торгова въ Архангельскѣ только до Сентября, о дозволеніи купить 40 т. четвертей хлѣба, ѣздить купцамъ и посланникамъ чрезъ Россію въ Китай и Хиву и о томъ, чтобы въ грамотахъ штатгальтеру писать „высочество“, а вмѣсто князя—принцу Оранскому. Кленкъ оставилъ Келлера, своего маршалка, постояннымъ резидентомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ до 1689 г. Преемникомъ его былъ Гулстъ, замѣненный въ 1700 г. Яковомъ де-Біе. Ходатайство Кленка о торговлѣ съ Персіей и Китаемъ было отклонено, потому что дѣла торговли требуютъ „великаго труда и размышленія“¹⁾).

Кромѣ сношеній чрезъ посольства и всякаго рода грамоты, въ XVII в. Россія поддерживала съ Голландіею дѣятельныя связи и другими путями. Военная нужда заставляла искать въ Голландіи опытныхъ военныхъ руководителей и закупать припасы для войны. Изъ Нидерландовъ призывались въ Россію генералы, офицеры, рейтары и солдаты. Такъ, въ 1631 г. отправленъ былъ изъ Россіи въ Голландію полковникъ Лесли для найма военныхъ людей²⁾. Въ 1649 г. Голландскій офицеръ Марешаль, имѣя грамоту отъ Штатовъ, просилъ царя Алексѣя о принятіи его на службу полковникомъ. Въ 1662 г. пріѣхали въ Россію

¹⁾ Бантышъ Каменскій стр. 186, 188, 187, 189, 190, 194.

²⁾ Б. Каменскій стр. 185; Соловьевъ IX, 218.

генераль-поручика Карль Эргартъ и разные офицеры, нанятые резидентомъ Гебденомъ¹⁾. Русское правительство закупило въ Голландіи порохъ, свинець и ружья. Такъ царь Михайль просилъ позволенія купить въ Голландіи 500 мушкетовъ и другое оружіе. Покупка военныхъ припасовъ особенно усилилась съ 50-хъ годовъ XVII столѣтія. Въ Августѣ 1653 г., отправленъ былъ въ Голландію капитанъ Фанъ-Керкъ Говенъ для покупки карабинныхъ и пистолетныхъ замковъ и для призыва въ Россію мастеровъ, которые бы умѣли ихъ дѣлать; а въ Октябрѣ этого года подъячій Головининъ закупилъ въ Голландіи 20000 мушкетовъ и 30.000 пудовъ пороху²⁾.

Изъ Голландіи пріѣзжали въ Россію и другіе знающіе люди. Въ первой четверти XVIII в. въ Москвѣ жили Голландскіе доктора Іовъ Полиданъ и Матвѣй; послѣдняго въ 1624 г. Масса просилъ царя Михаила отпустить на родину. Въ 1637 г. докторъ Ренинъ Пауда просилъ царя принять его на Русскую службу³⁾. Аптекарскаго сына Яковъ Арсенсъ учился медициной въ Голландской школѣ. Въ Россію пріѣзжали изъ Голландіи и всякаго рода ремесленные люди. Въ 1624 г. пріѣхали знавшій городовое дѣло Яковъ Демусеронъ и бархатное—Кашпоръ Ѳеодоровъ, съ рекомендаціями отъ Маврикія. При Михаилѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ Эксель, по порученію царя, нанималъ мастеровъ въ Голландіи; въ Москвѣ, при дворѣ, жили Голландскіе органные мастера; выписанъ былъ также „Голландскія земли Нѣмчинъ“ кирпичный мастеръ Рудерикъ Мартысъ, который устроилъ кирпичный заводъ въ Даниловской слободѣ „по своему Нѣмецкому образу“⁴⁾. Точно также, помимо военныхъ припасовъ, Русскіе покупали въ Голландіи, особенно про дворцовый обиходъ, разнаго рода узорчатые товары, посуду, сукно и т. п., а въ Нидерланды вывозили для продажи казенный хлѣбъ, поташъ, ревенъ, ленъ, пеньку, селитру, дѣсь, рыбу, икру, золу, и др.⁵⁾.

Конечно, самыя крѣпкія связи были торговля, для упроченія которыхъ цари отдѣльными грамотами давали Голландцамъ широкія льготы. Въ 1614 г. дана была грамота „Компаніи Голландскихъ гостей“ на трехлѣтнюю свободную и безпошлинную торговлю, освобождавшая

¹⁾ Соловьевъ XII, 238—239, В. Каменскій 185.

²⁾ В. Каменскій 178; Соловьевъ X, 348—351.

³⁾ В. Каменскій 175, 176, 179.

⁴⁾ Соловьевъ IX, 423; В. Назаревскій: Трехсотлѣтіе съ освобоженія Москвы отъ Поляковъ. М. 1911 г., стр. 82.

⁵⁾ В. Каменскій 184—185.

купцовъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, кромѣ дѣлъ уголовныхъ¹⁾. Кромѣ того, въ 1628 г. многіе Голландцы просили у царя Михаила правъ на свободную торговлю. При Алексѣѣ, кромѣ Виніуса, льготами свободнаго торгова пользовались Акема и Марселісъ, устроившіе пушечные и желѣзные заводы по р.р. Вагъ, Шекснѣ и Костромѣ²⁾. Въ 1670 г. дана привиллегія Голландцу Миллеру на свободный вывозъ въ теченіи десяти лѣтъ корабельныхъ деревьевъ³⁾.

Сложное торговое дѣло, какъ и вообще нерѣдко бываетъ, сопровождалось спорами и всякаго рода злоупотребленіями, чтѣ принуждено было разбирать Русское правительство. Случалось, что Голландскіе купцы уѣзжали безъ платежа пошлинъ за привезенные товары, напр. Выдерсъ и Корнилосъ; случалось, что Русскіе притѣсняли Голландцевъ во взиманіи пошлинъ, напр. купца Рака въ 1644 г.; случилось, что Голландскіе купцы хлопотали о снятіи съ нихъ пошлинъ, напр. Фоглеръ, Клинкъ и Сванъ въ 1651 г., съ посланной ими за границу золы. На почвѣ обмѣна возникали, то спорныя торговыя дѣла, напр., у Голландскихъ купцовъ Фоглера и Клинка съ купцомъ Свѣтошниковымъ въ икрянѣмъ промыслѣ на 10000 р., то дѣла по разсрочкѣ долга, напр. купцу Еремѣю Иванову, то дѣла по неплатежу денегъ за проданный товаръ и под. Иногда сами Штаты просили царя, чтобы онъ принудилъ Голландскихъ купцовъ заплатить долги своимъ землякамъ, напр. въ 1666 г. Свеллингребеля Амстердамскому купцу Немеру; иногда царь просилъ Голландское правительство понудить Голландскихъ купцовъ заплатить деньги Русскимъ торговцамъ, напр. Свелина Буйкову за поташъ 3193 р. Нерѣдко Голландцы жаловались на притѣсенія воеводъ, напр. въ 1636 г. царю Михаилу на Кольскаго воеводу князя Щербатова въ обидяхъ по рыбной ловлѣ и въ отнятіи табаку⁴⁾. Въ свою очередь Русскіе купцы жаловались на злоупотребленія Голландцевъ и на стѣсненіе торговли съ ихъ стороны. Такъ, Голландцы, торгуя въ разбродѣ, отнимали барыши у Русскихъ⁵⁾. Въ 1652 г. Вологодскіе купцы жаловались на производство Голландцами мелочнаго торгова. Бывали случаи, что Голландцы злоупотребляли монетою. Такъ, въ 1641 г. царь Михаилъ выговаривалъ Штатамъ, что ихъ купцы дѣлали изъ ефимковъ серебряные рубли, которые и привозили въ Россію. Въ 1660 г. казень былъ въ Россіи Амстердамскій житель Индрикъ

¹⁾ Соловьевъ X, 145.

²⁾ Соловьевъ IX, 420—423.

³⁾ Б. Каменскій 188.

⁴⁾ Б. Каменскій стр. 179—181, 187, 185, 189.

⁵⁾ Соловьевъ IX, 120, 415, 416—417; X, 145.

Индриксонъ за дѣланіе имъ воровскихъ мѣдныхъ денегъ, кои обманутъ былъ Русскій купецъ Филатьевъ. При царѣ Алексѣѣ возбуждались дѣла о томъ, что Голландцы платили пошлины фальшивыми Голландскими ефимками¹⁾. На злоупотребленія Голландцевъ въ торговлѣ жаловались Московскому правительству и Англичане²⁾.

*

Такимъ образомъ, еще задолго до Петра Великаго Голландія для Русскихъ была не чужою страной, но очень знакомою по разнаго рода связямъ, преимущественно экономическимъ. Эти связи въ XVII в. намѣчали и тотъ путь сношеній съ Голландіей, по которому пошелъ царь Петръ, расширивъ его и углубивъ. Такъ какъ при дѣдѣ и отцѣ Петра, Голландія свила себѣ прочное гнѣздо въ Россіи и заявила себя съ разнообразныхъ сторонъ, то и Великое посольство 1697 г. направлялось преимущественно въ Голландію, гдѣ оно пребыло почти годъ и гдѣ самъ царь жилъ 4¹/₂ мѣсяца, подъ протекціей бургомистра Н. Витзена, знаменитаго автора сочиненія „Татарія Восточная и Южная“, жившаго при царѣ Алексѣѣ въ Россіи и сохранявшаго съ ней связи и по выѣздѣ въ Голландію. Великое посольство еще болѣе закрѣпило нити, связывавшія Россію съ Голландіей, и сблизило эти страны³⁾. Съ одной стороны сами Голландцы воспользовались посольствомъ, чтобы устроить дѣла Австрійскія⁴⁾. Во время пребыванія Петра въ Голландіи, Штаты хлопотали о заключеніи мира Австріи (союзницы Россіи) съ Турціей, потому что эта борьба отвлекала Австрійскаго императора отъ готовившейся войны съ Франціей за Испанское наследство. Но въ тоже время для Голландіи было выгодно, чтобы Россія воевала съ Турціей, которая, такимъ образомъ, была бы занята и не отвлекала Императора отъ дѣлъ Франціи⁵⁾. Теперь Голландцы имѣли возможность ближе ознакомиться съ царемъ, его взглядами, направленіемъ политики, что все должно было отразиться на характерѣ дальнѣйшихъ отношеній обѣихъ державъ.

Но несравненно болѣе значеніе имѣло посольство для Россіи. Подготовленный къ сближенію съ Голландіей предыдущимъ временемъ Петръ увидалъ страну настолько привлекательную, а для пользы Русскихъ выгодную, что впоследствии за все время своего царствованія,

¹⁾ Б. Каменскій 180, 187, 190.

²⁾ Соловьевъ XII, 246—248.

³⁾ Соловьевъ XIV, 233, 236. Веневитиновъ—Русскіе въ Голландіи 188.

⁴⁾ Вообще-же Голландцы не понимали цѣлей путешествія Петра, думая, что онъ своимъ сближеніемъ съ Европой, хотѣлъ переменить у насъ вѣру.

⁵⁾ Соловьевъ XIV, 237.

ей одной дарилъ свое преимущественное сочувствіе и дружбу. Практическій народъ въ глазахъ царя-работника былъ особенно поучителенъ. Вступая „на новый путь первоначально подъ флагомъ Голландской цивилизаціи“, Петръ даже свой излюбленный Петербургъ устраивалъ по образу Амстердама¹⁾. Вотъ почему и во время пребыванія Петра въ Голландіи и послѣ начинаются особенно дѣятельныя сношенія царя съ этой страной. Сюда преимущественно посылаются молодые люди для изученія морскаго дѣла. Сочувствіе Штатовъ укрѣпляется дарованіемъ правъ отдѣльнымъ Голландцамъ: такъ напр., Голландецъ Ив. Тессингъ въ 1700 г. получаетъ жалованную грамоту на печатаніе въ Голландіи ландкартъ, чертежей, кунштовъ, математическихъ и военныхъ книгъ, на Славянскомъ и Голландскомъ языкахъ съ провозомъ ихъ на продажу въ Россію. Нѣкоторые Голландскіе купцы вступаютъ въ близкія отношенія къ царю, и онъ собственноручно съ ними переписывается. Вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, въ 1699 г., царь, заботясь объ укрѣпленіи связей съ Голландіей, счелъ нужнымъ отправить въ Гагу Матвѣва въ чинѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, съ дьякомъ Ив. Волковымъ и 8 дворянами на постоянную резиденцію²⁾. Случалось, что изъ Гаги Матвѣвъ назначался то въ Парижъ (4 Сент. 1705 г.), то въ Лондонъ (27-го Дек. 1706 г., возвр. 1708 г. 19-го Авг.); но эти назначенія были временными. И при отлучкахъ Матвѣвъ руководилъ дѣлами въ Голландіи³⁾, которые были самаго разнообразнаго характера, начиная отъ присылки формъ для дѣланія фейерверковъ и кончая сложными, политическими; послѣднія разрѣшались, большею частію, къ выгодѣ обѣихъ державъ. Такъ, въ 1699 г., увѣдомляя Штаты о заключеніи двухлѣтняго перемирія съ Портою, царь просилъ Голландское правительство, чтобы его посланникъ въ Константинополь помогалъ Русскому (Украинцеву) для заключенія перемирія на бѣльшій срокъ, на что Голландцы, хотя это было и не особенно для нихъ выгодно, согласились⁴⁾. Въ 1705 г. торговья отношенія обѣихъ державъ были уже настолько сложны, что царь нашелъ нужнымъ ихъ упорядочить, отправивъ къ Матвѣву полномочіе учинить съ Голландцами „Купеческій договоръ и о морскомъ ходу“. Правда, когда началась Сѣверная война, Штаты, руководимые

¹⁾ Веневитиновъ стр. 189.

²⁾ При посольствѣ въ 1703 г. учреждена была и церковь для службы Божіей; къ ней отправленъ былъ священникъ Аѳанасій Георгіевъ. Б. Каменскій 192.

³⁾ Непосредственно, на время отлучекъ Матвѣва, дѣлами завѣдывалъ надзиратель за Рускими матросами фонъ-деръ Бургъ, впоследствии Русскій агентъ въ Нидерландахъ.

⁴⁾ Б. Каменскій 191.

Вильгельмомъ III, который тогда былъ представителемъ двухъ державъ (Англіи и Голландіи) просили царя прекратить ее, такъ какъ Шведы были не виновны. Также просьба была повторена и въ 1701 г., съ объясненіемъ, что Голландія не можетъ прекратить союзъ съ Швеціей. Успокаивая Штаты, царь отвѣчалъ завѣреніемъ готовности помириться со Шведомъ. И позднѣе, Голландія не всегда дѣйствовала въ Сѣверной войнѣ согласно съ выгодами Россіи, такъ какъ руки Штатовъ были связаны союзомъ „Великаго Аліанса“. Они, напр., отговаривали Датчанъ отъ Сѣвернаго союза, потому что Данія важна была для Голландіи, какъ союзница Запада. Тѣмъ не менѣе она не употребляла и особыхъ средствъ къ умаленію Русскихъ выгодъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея собственныя выгоды не страдали, помогала возвышенію Россіи и охотно шла на уступки въ ея пользу. Въ Балтійскомъ поморьѣ Голландцы имѣли торгъ, вслѣдствіе чего Сѣверная война подрывала ихъ торговые обороты. Отсюда возникалъ цѣлый рядъ взаимныхъ хатайствъ, почти всегда сопровождавшихся взаимнымъ соглашеніемъ. Въ 1705 г., по просьбѣ Штатовъ, царь согласился не бомбандировать Ригу, въ которой было много Голландскихъ купцовъ. Когда Франція предлагала царю союзъ и однимъ изъ его условій требовала прекращеніе торговли Россіи съ Голландіей и передачи ея Франціи, то царь не согласился на этотъ союзъ на предложенномъ условіи, хотя онъ и былъ выгоденъ для Русскихъ въ другихъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что когда, напр., Карлъ XII низложилъ въ Польнѣ Августа и возвелъ на престолъ Станислава Лещинскаго, то Штаты, въ угоду Россіи, не признали его королемъ Польши, за что получили особыя торговыя привилегіи, между прочимъ, освобожденіе своихъ судовъ отъ сбора ластовыхъ денегъ*). Въ Голландіи, при дѣятельномъ участіи Матвѣева, заключенъ былъ и актъ нейтральства съ цѣлію обезпеченія спокойствія въ Имперіи, оберегавшій союзниковъ Петра. Датскаго и Польскаго королей, отъ Шведовъ. Сочувствіе Голландцевъ къ Россіи побуждало Петра предъ Полтавскою побѣдою искать посредничества Голландцевъ въ дѣлѣ примиренія со Швеціей. Въ 1709 г. Штаты одни изъ первыхъ поздравили Петра съ „преславной викторіей“ Полтавы.

Вообще, въ первые годы царствованія Петра, Голландія была самою дружественною страной для Россіи въ Европѣ; таковою она осталась и послѣ. Особенно была полезна эта дружба въ Сѣверную войну, когда Голландія явилась центральнымъ мѣстомъ Европейской

*) Тамъ же, стр. 193.

дипломатіи; здѣсь былъ главный штабъ войны за Испанское наслѣдство. Въ то же время, по словамъ Англійскаго посла Витворта, Гага была и важнымъ мѣстомъ Сѣверной войны¹⁾. Послѣ смерти Австрійскаго императора Юсифа I, когда представители „Великаго Аліанса“ стали заговаривать о мирѣ и когда должны были разрѣшиться запутанные вопросы вѣка, возникшіе изъ союзовъ Западнаго и Сѣвернаго и изъ отношеній ихъ другъ къ другу, Голландія, гдѣ должны были разрѣшиться эти вопросы, особенно выдвигалась. Въ ней созывался международный съѣздъ для рѣшенія Европейскихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ Голландіи возникали „важныя обстоятельства²⁾“, воспользоваться которыми и предостеречь ихъ вредныя послѣдствія было крайне необходимо. Къ счастью для Россіи разрѣшеніе вопросовъ вѣка сосредоточивалось въ странѣ, близкой къ нашей родинѣ по предыдущимъ отношеніямъ, пользовавшейся симпатіями царя и находившей себѣ выгоду въ ея поступательномъ движеніи. Теперь нужно было найти такого человѣка, который бы могъ понять сложную задачу времени и разрѣшить ее къ пользу Россіи. Въ князь В. И. Куракинѣ Петръ и на этотъ разъ нашелъ человѣка, который могъ оправдать его довѣріе.

II.

Съ Голландіей В. И. Куракинъ знакомъ былъ и раньше. Нѣкоторые дѣлаютъ предположеніе, что онъ участвовалъ временно въ составѣ „Великаго посольства“ и написалъ „Записную книжку великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина Россійскаго посольства³⁾“. Авторъ „записки“ былъ въ посольствѣ во время пребыванія его въ Амстердамѣ и Гагѣ; пріѣхалъ онъ въ Голландію ранѣе пословъ и выѣхалъ въ Италію раньше выѣзда посольства изъ Голландіи. Что Куракинъ былъ за границей и въ годъ Великаго посольства, это несомнѣнно; но несомнѣнно и то, что онъ и авторъ записки—два разныхъ лица. Куракинъ выѣхалъ изъ Москвы на 21 году своей жизни, въ Мартѣ 1697 года, въ Италію, „для наукъ навтичныхъ“, вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами: авторъ-же записки—11 Мая 1697 г.. Далѣе маршрутъ автора записки не сходится съ маршрутомъ Куракина⁴⁾. Если-бы кн.

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русск. Истор. Общества т. 50., стр. 443.

²⁾ Сборникъ т. 61, стр. 14, 73.

³⁾ Горбуновъ. „Р. Старина“ 1879 г. т. XXV, стр. 101 и слѣд. Ср. Веневитиновъ, стр. 66—67.

⁴⁾ Маршрутъ автора Записки былъ такой: Выѣхавъ изъ Москвы 11 Мая 1697 г., онъ чрезъ Клинъ, Торжокъ и Новгородъ прибылъ въ Нарву. Отсюда 11 Юня, моремъ, онъ отправился въ Любекъ, а затѣмъ, чрезъ Гамбургъ, 21 Юня прибылъ въ Амстер-

Куракинъ былъ въ составѣ Великаго посольства, то, несомнѣнно, онъ упомянулъ бы объ этомъ въ своемъ Дневникѣ и въ своей автобіографіи. Въ Дневникѣ, напр., князь подробно описываетъ Голландію, въ которую онъ ѣздилъ уже въ концѣ (Октябрь) 1705 года и въ которой пробылъ почти цѣлый годъ; при этомъ описаніе Голландіи ведется отъ имени лица, впервые посѣтившаго страну въ 1705 г., чего бы Куракинъ не сдѣлалъ, еслибы былъ въ Голландіи и въ 1697 г. Въ Дневникѣ онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ жизни посольства, но какъ о событіяхъ прошлыхъ, по воспоминаніямъ о нихъ другихъ лицъ, или по сближенію мѣста и схода, но отнюдь не времени. Несомнѣнно, что князь Куракинъ много написалъ сочиненій не дошедшихъ до насъ. Въ частности онъ написалъ, или хотѣлъ составить описаніе Голландіи на Голландскомъ языкѣ, изобразилъ „Віажъ Итальянскій“, книгу „Пелигринациі и дѣль Гамбургскихъ и др.¹⁾), но не вѣрно, чтобы онъ описалъ пребываніе посольства въ Голландіи, потому что самъ не участвовалъ въ его составѣ.

Въ Голландіи кн. Куракинъ былъ позднѣе. Первый разъ князь ѣздилъ въ Голландію для лѣченія, изъ Карлсбада, въ Октябрѣ 1705 г. Здѣсь князь прожилъ до конца Мая 1706 г., восемь мѣсяцевъ, позна-

дамъ. 15 Сентября онъ участвовалъ въ торжественномъ вѣздѣ посольства въ Гагу и вернулся оттуда въ Амстердамъ, гдѣ 28 Октября видѣлъ торжество объявленія Рисвикскаго мира. Затѣмъ, изъ Амстердама 1 Апрѣля 1698 г. авторъ чрезъ Кельнъ, Кобленцъ, Майнцъ, Франкфуртъ и Инсбрукъ уѣхалъ въ Венецію, гдѣ 11 Мая видѣлъ церемонію обрученія дожа съ Адриатическимъ моремъ. Кромѣ Венеціи путешественникъ посѣтилъ слѣдующіе города Италіи: Падую, Феррару, Болонью, Флоренцію, Римъ, Ливорно, Геную, Нови, Миланъ, Бресцію, Верону, Виценцу. 6-го Іюня онъ вернулся въ Венецію и пробылъ въ ней до 18 Октября, когда предпринялъ обратный путь въ Россію; ѣхалъ чрезъ Гамбургъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, Мемель, Митаву и Ригу; 27 Февраля прибылъ въ Москву. Куракинъ же выѣхалъ въ первыхъ числахъ Марта 1697 г. чрезъ Смоленскъ, Могилевъ, Минскъ, Варшаву, Ченстоховъ, Силезію, Моравію, Ольмюцъ, Вѣну, Альпы въ Венецію, куда пріѣхалъ въ Іюлѣ. Въ Венеціи князь лѣчился отъ лихорадки у доктора Александра Грека въ теченіи шести недѣль. Въ послѣднихъ числахъ Сентября онъ былъ въ Далмаціи, въ Рагузѣ, а, потомъ, испыталъ при переѣздѣ чрезъ Адриатическое море бурю, былъ въ Барѣ, Неаполѣ и Римѣ, послѣ чего возвратился въ Венецію. Въ Октябрѣ слѣдующаго года, чрезъ Вѣну, Краковъ и Кіевъ, князь Куракинъ выѣхалъ въ Россію; въ Москву онъ пріѣхалъ въ Февралѣ 1699 г. Т. обр., изъ этого сопоставленія маршрутовъ видно, что поѣздка кн. Куракина совпадаетъ съ поѣздкою автора записки только во времени выѣзда изъ Венеціи и прибытія въ Москву; все остальное—противорѣчить. См. Архивъ кн. Кур., I, 254—256 стр., Куракинъ сообщаетъ, что онъ написалъ особую книгу „о всемъ моемъ віажѣ“ (Архивъ I, 272), но вѣроятно это относится къ Дневнику, гдѣ князь подробно описываетъ свое путешествіе въ Голландію, но относящееся уже къ 1705—1710 гг., Арх. 101—240.

^{*}) См. Архивъ кн. Кур., т. IV, стр. 467—468.

комился съ страною. побывавъ во многихъ городахъ Голландіи и подробно ихъ описавъ. Вторично онъ посѣтилъ Голландію въ Маѣ 1708 г., пріѣхавъ сюда изъ Гамбурга, чрезъ Ганноверъ, и пробылъ до Августа, побывавъ въ Лейденѣ, Амстердамѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и др. городахъ. Сохранилось извѣстіе, что въ этомъ году князь пріѣзжалъ въ Голландію по распоряженію царя „находиться при послѣ Матвѣевѣ для пріученія политическихъ дѣлъ“: но векорѣ отправленъ былъ въ Англію, гдѣ, пробывъ около года, снова возвратился въ Гагу¹⁾; самъ князь Куракинъ ничего не говоритъ объ этой командировкѣ, что онъ не преминулъ бы сдѣлать, если-бы дѣйствительно участвовалъ въ ней. Правда, автобіографическія записки князя не даютъ точныхъ указаній относительно поводовъ его путешествія въ Голландію въ 1708 г., но ихъ можно объяснить необходимостію получить въ Голландіи деньги какъ для уплаты издержекъ по заграничному путешествію, такъ и для того, чтобы отправиться въ Россію. Случай прикомандировки кн. Куракина къ посольству Матвѣева, если и былъ, то относится къ позднѣйшему времени, къ 1711 году, хотя, повторяемъ, самъ князь нигдѣ и ни однимъ словомъ не говоритъ объ этомъ, всегда разсуждая о своихъ назначеніяхъ, какъ о самостоятельныхъ порученіяхъ. Послѣ пребыванія своего въ Ганноверѣ, князь, дѣйствительно, ѣздилъ въ Голландію, но затѣмъ, чтобы занять тамъ денегъ, безъ чего онъ не могъ уѣхать въ Англію, куда назначался послѣ Ганновера, что было позднѣе 1708 г. Это было третье путешествіе кн. Куракина въ Голландію, во время котораго онъ совѣтовался съ Матвѣевымъ по Англійскимъ дѣламъ что дѣлалъ и по порученію канцлера Головкина²⁾, и познакомился съ выдающимися лицами страны; но нѣтъ указаній, чтобы и на этотъ разъ онъ подчиненъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ Матвѣеву, или находился въ зависимости отъ его распоряженій. Наконецъ, послѣдній разъ князь посѣтилъ Голландію на короткое время, по дорогѣ изъ Англіи въ Россію, помѣстивъ въ Лейденѣ, для обученія, своего сына, Александра.

Въ 1711 году князь ѣхалъ въ Голландію, какъ страну, вполне ему извѣстную, гдѣ учиться его сынъ и гдѣ самъ онъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ. Нельзя сказать, чтобы страна эта пользовалась особымъ сочувствіемъ его. „Вся Голландія, писалъ онъ изъ Лондона Матвѣеву, мнѣ противна“: тѣмъ не менѣе, этотъ отзывъ скорѣе надо относить къ климату страны, въ которой приходилось жить болѣзненному князю, чѣмъ къ другимъ условіямъ.

¹⁾ Бантышъ Каменскій 194.

²⁾ Архивъ кн. К., IV, 202.

17 Окт., 1711 года, получивъ полномочную грамоту въ Торгау, гдѣ тогда находился царь, и пачпортъ¹⁾, князь Куракинъ выѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія. Тамъ былъ уже представитель Россіи Матвѣевъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла, къ которому Петръ написалъ собственноручное письмо: „Господинъ посоль! Посылается въ Голландію нашъ полномочный министръ князь Куракинъ для престоереганія нашихъ интересовъ. И тебѣ бы быть съ нимъ во всемъ согласну и обще наши дѣла управлять“²⁾. Такимъ образомъ кн. Куракинъ послался не въ качествѣ простаго совѣтника, но полномочнаго министра при существующемъ послѣ, что случалось въ практикѣ тогдашняго времени³⁾. Князь Куракинъ посылался съ особою цѣлью. Еще въ Апрѣль 1710 года Матвѣеву было предписано слѣдить, чтобы воюющіе на Западѣ при заключеніи мирнаго трактата съ Франціею не внесли въ него условія о помощи Шведскому королю или явно (вступленіемъ въ союзъ) или тайно, деньгами и войсками. Русское правительство опасалось и того, чтобы при заключеніи мира на Западѣ воюющіе не внесли въ трактатъ обязательства о сильной медиации, посредствомъ которой можно было бы принудить царя возвратить Карлу XII завоеванное въ Прибалтійскомъ краѣ. Матвѣеву предписывалось слѣдить и за тѣмъ, чтобъ союзникамъ Петра, Польскому и Датскому королямъ, при заключеніи проекта, не было сдѣлано чего-либо предосудительнаго къ ихъ выгодамъ. Еслибы Матвѣевъ узналъ, что при заключеніи трактата Шведы стали бы домогаться о помощи себѣ со стороны Запада или о сильной медиации, то обязанъ былъ всячески это домогательство пресѣкать, заботясь о томъ, чтобы воюющіе на Западѣ оставили Восточныхъ государей и союзниковъ царя „въ своей силѣ“. Въ числѣ доводовъ, почему Западныя не должны были вмѣшиваться въ Сѣверную войну, Матвѣевъ долженъ былъ указывать и на то, что ни царь, ни его союзники не только не вмѣшивались въ войну на Западѣ, но и обнаруживали всякую склонность къ Западнымъ „Аліатамъ“. Если бы этотъ и другіе доводы не подѣйствовали, то Матвѣевъ обязанъ былъ объявить, на основаніи послыавшейся ему особой полномочной, что царь и его союзники—склонность Западныхъ державъ къ Шведамъ будутъ считать за противность себѣ и „вопріимуть инья миры“ къ своей защитѣ⁴⁾. Такимъ образомъ Русское

¹⁾ Архивъ Кн. К. П, 45. 47.

²⁾ Архивъ Кн. К. П, 44—45.

³⁾ Такъ въ 1712 г. въ Вѣну, къ Урбиху былъ посланъ Нарышкинъ договариваться о заключеніи союза Австріи съ Россіей. Соловьевъ XVII, 105.

⁴⁾ Архивъ Кн. К. П, 32—33.

правительство, еще задолго до заключенія Утрехтскаго мира, старалось опредѣлить отношеніе Западнаго „адіанса“ къ Восточному.

Въ свою очередь и Западные союзники зорко слѣдили за Восточными. Англичане, напр., опасались, какъ бы дѣйствія ихъ противъ Франціи не стали въ злополучную зависимость отъ Сѣверной войны, при чемъ желали, чтобы сѣверный союзъ сталъ или въ дружественныя отношенія къ западному или лишенъ былъ возможности стать его врагомъ¹⁾. Когда въ первой половинѣ 1711 г. въ Русской политикѣ стало обнаруживаться намѣреніе сближенія съ Франціей, то Англійская политика обнаружила тревожное состояніе. Въ бытность царя въ Карлсбадѣ, въ 1711 г., Англійскій посланникъ Витвортъ, бывъ въ конференціи съ Русскими, предлагалъ I): Хотя по времени между царемъ и союзными державами, воюющими противъ Франціи, явилось нѣкоторое несогласіе, устроенное врагами, желавшими поссорить царя съ союзниками, хотя королева и знаетъ о пропозиціяхъ, которыя предложены отъ Французскаго двора Русскому, тѣмъ не менѣе она не показала себя противною царю; наоборотъ — обнаружила явные опыты своей склонности и дружбы, сказавшіяся, между прочимъ, и въ содѣйствіи Англій къ примиренію Турціи съ Россіей, о чемъ ходатайствовала кн. Курякинъ, когда былъ посломъ въ Англій. Это содѣйствіе непременно бы обнаружилось, если бы ранѣе того не былъ заключенъ миръ на Прутѣ. II). Заботясь о безопасности Имперіи и огражденіи ея со стороны Французовъ, королева, какъ извѣстно, сочинила актъ нейтральства и даже, хоть сама имѣла нужду въ войскахъ, нѣкоторое ихъ количество отправила, по давнему обѣщанію, къ арміи нейтральства. Изъ этого, еслибы царь благоизволилъ разсудить о своемъ интересѣ, „оставя всякое похлѣбство иныхъ“²⁾, онъ и его союзники получали великій авантажъ и пользу. И хотя союзники Англій имѣли достаточное основаніе мѣшать осуществленію задачъ нейтральства, опасаясь какъ бы не усилить Францію, тѣмъ не менѣе они допустили Польскаго и Датскаго королей войска Шведскія, находившіяся въ Помераніи, разорить и разогнать и даже, для усиленія Польскаго, на своихъ проторяхъ перепустили нѣсколько и своихъ войскъ. III). Королева надѣется, что царь, видя всѣ эти благожелательныя дѣйствія Англій, оставитъ всякія причины къ недовѣрію и несогласію съ союзниками Англій. Нынѣ царь приказалъ своимъ войскамъ идти въ Померанію, чтобы разорить Шведскія. Это можетъ внушить союзникамъ запада подозрѣніе относительно

¹⁾ Сборникъ 50; 437, 481. Ср. Р. Арх. 1907, II, 307—308.

²⁾ Разумѣется—Французовъ и ихъ сторонниковъ.

дальнѣйшихъ намѣреній царя: войска Шведскія въ Помераніи не настолькоъ сильны, чтобы можно было ихъ опасаться и тѣмъ болѣе ихъ наступательныхъ дѣйствій. Поэтому королева желаетъ получить отъ царскаго величества объявленіе относительно дальнѣйшихъ его намѣреній и того, чтобы царь принялъ мѣры, ограничивающія войну въ Имперіи, сдерживавшія ея распространеніе, чтобы король Датскій въ Мекленбургскомъ нейтральномъ княжествѣ не бралъ квартиръ и не отягощаль жителей налогами, также чтобы война не распространялась за Эльбу, чего западные союзники, для содержанія покоя въ Имперіи, допустить не могутъ и въ крайнемъ случаѣ принуждены будутъ воспріять нныя мѣры. IV). Такъ какъ царь объявлялъ себя всегда склоннымъ къ миру со Шведами, а королева имѣла особое стараніе прекратить войну на Сѣверѣ, тоже и приказала Витворту, въ случаѣ, еслибы царю угодно было объявить свои кондичіи мира—предложить отъ ея имени условія, которыми бы царь остался доволенъ. На эти свои предложенія Витвортъ желалъ получить отвѣтъ *).

Здѣсь нѣтъ надобности опредѣлять, насколько важно было содѣйствіе Англіи въ Турецкихъ дѣлахъ и въ организаціи арміи нейтральства: извѣстно, что Англичане очень богаты были на обѣщанія, а не на дѣло, чѣмъ и объясняется желаніе царя сблизиться съ Франціей и его распоряженіе о посылкѣ своихъ войскъ въ Померанію. Предложенія Витворта важны тѣмъ, что они свидѣтельствуютъ о желаніи западныхъ союзниковъ установить болѣе или менѣе точно свои отношенія къ сѣвернымъ.

Чтобы опредѣлить эти отношенія и предостеречь Русскія выгоды, вытекавшія изъ создававшихся условій, особенно въ дни, когда война на Западѣ прекращалась и западные могли имѣть свободныя руки, чтобы дѣйствовать въ пользу Шведамъ, и посылался князь В. И. Куракинъ. „И дана была мнѣ, пишетъ онъ, великаго дѣла инструкція—предложеніе чинить союзнымъ: не мѣшаться въ дѣла Сѣверной войны, ни воюющимъ сѣвернымъ не мѣшаться въ дѣла союзныхъ съ Франціей“. Дѣло это, дѣйствительно, было самое важное и самое трудное, потому что приходилось отстранить участіе Запада въ дѣлахъ Сѣвера при запутанности тогдашнихъ отношеній, при нерасположеніи однихъ и равнодушномъ отношеніи другихъ къ Россіи. Выгоды, напр., Англіи и Ганновера, Австріи и Пруссіи такъ переплетались съ выгодами союзниковъ Петра (Даніи и Польни) что невмѣшательство ихъ въ Сѣверную войну являлось невозможнымъ дѣломъ. Войска Саксонскія и Датскія, находясь въ войскахъ аліатскихъ, участвовали въ войнѣ съ Фран-

*) Арх. Кур. т. IV стр. 47 и слѣд.

цією; Августъ Саксонскій былъ членомъ Имперіи, императоръ которой воевалъ съ Людовикомъ XIV. Пруссія, Данія, Ганноверъ, Мекленбургъ и др., слишкомъ заняты были Шведскими дѣлами на сѣверѣ Германіи и пр. Недаромъ князь Куракинъ сказалъ, что ему дана была „великаго дѣла инструкція“. И князь посылался полномочнымъ министромъ собственно не въ Голландію, но къ представителямъ Великаго Аліанса. Въ данной ему полномочной писалось: „объявляемъ, что мы отправили въ Голландію для смотрѣнія нашихъ интересовъ полномочнаго нашего министра и подполковника отъ гвардіи кн. Куракина, которому даемъ чрезъ сіе полную мочь высокимъ союзнымъ областямъ, противъ Франціи воюющимъ, цесарскому величеству Римскому и ея королевскому величеству Великобританской и высокочиннымъ господамъ Статамъ Соединенныхъ Нидерландовъ о всякихъ приключаящихся дѣлѣхъ предложенія чинить и во время случая съ министры ихъ трактовать. И что онъ полномочный нашъ министръ помянутымъ высокосоюзнымъ именовъ нашимъ предлагать будетъ, или съ оными какой трактатъ поставитъ и заключить, то отъ насъ все твердо и непорушимо содержано будетъ“. Въ инструкціи, данной Куракину въ Торгау, подробности поручавшагося ему дѣла изъяснялись нѣсколько иначе, чѣмъ какъ предлагалось Матвѣеву въ 1710 г. „Князь долженъ былъ настаивать на томъ, чтобы „Высокосоединенные“ Запада ни теперь, когда велась война за Испанское наслѣдство, ни по учиненіи мира съ Франціей, не только не вмѣшивались въ войну Сѣверную, но не хлопотали о возвращеніи Шведамъ завоеванныхъ Петромъ и его союзниками мѣстъ при Балтійскомъ морѣ. „И чтобы сіе ихъ, Соединенныхъ, обѣщаніе не такъ, какъ нейтральной актъ былъ сочиненъ и въ дѣйство не произведенъ, но дабы о томъ постановленный трактатъ отъ самыхъ высокихъ потентатовъ подписанъ былъ“. Далѣе князь Куракинъ долженъ былъ заявить, что царь обѣщаль не только не вмѣшиваться съ своей стороны въ войну Запада, даже и по заключеніи мира съ Швеціей, еслибы таковой состоялся ранѣе мира на Западѣ, но, еслибы угодно было Аліатамъ Запада, и свое вступленіе въ Великій Аліансъ и содѣйствіе войсками. Объ этомъ, обще съ Матвѣевымъ, обязывался хлопотать князь Куракинъ, настаивая на немедленномъ рѣшеніи въ двухъ мѣсячный срокъ, дабы царь имѣлъ время приобщить къ этому дѣлу и своихъ союзниковъ *)).

Въ связи съ этимъ важнѣйшимъ дѣломъ князю Куракину поручались и дѣла Франціи, гдѣ агентомъ Россіи былъ Волковъ. Онъ обо всемъ

*) Архивъ кн. Кур. II, 46.

долженъ былъ переписываться съ кн. Куракинымъ, требовать отъ него указовъ и безъ его разрѣшенія ничего не предпринимать. Неопредѣленность отношеній аліатовъ Запада къ Сѣвернымъ и невозможность, вслѣдствіе этого, опредѣлить заранѣе плоды этихъ отношеній, побуждали Петра искать выгоды и во Франціи. Предусмотрительный царь не только не прерывалъ своихъ сношеній съ этой страной, но поручилъ кн. Куракину (при отъѣздѣ его изъ Россіи) предложить, чрезъ Волкова, Французскому министерству слѣдующіе пункты: 1). Хотеть-ли Людовикъ XIV' принять медиаторомъ царя въ примиреніи съ аліатами Запада? 2) Если бы король захотѣлъ возбудить Турка противъ своихъ непріятелей, то царь обязывается ни съ кѣмъ не вступать въ аліансъ противъ него, но при условіи, чтобы король „ничего не клалъ о Шведѣ въ нынѣшнемъ миру“. Если бы король принялъ указанные пункты, то царь обѣщалъ прислать во Францію особаго министра для заключенія договора. По пріѣздѣ въ Гагу, кн. Куракинъ въ Ноябрѣ 1711 г. обо всемъ этомъ сообщилъ Волкову¹⁾. Князь думалъ, что этимъ министромъ будетъ онъ и что ему самому придется ѣхать во Францію, когда покажетъ время²⁾. Такимъ образомъ первоначальное намѣреніе царя послать князя изъ Лондона въ Парижъ отчасти осуществлялось: кн. Куракинъ изъ Гаги, хотя и не въ качествѣ посла, слѣдилъ за политикою Франціи.

Кромѣ этихъ важныхъ дѣлъ кн. Куракину поручались и другія. Въ числѣ ихъ одно изъ крупныхъ—дѣло о покупкѣ военныхъ кораблей. О важности этого дѣла говорилъ князю и самъ царь: „вся наша нынѣ война въ томъ состоитъ“, замѣчалъ Петръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю³⁾. Дѣломъ покупки кораблей за границей завѣдывалъ Ѳедоръ Салтыковъ: „понеже онъ сей купити отчасти зналъ“⁴⁾. Въ Іюнѣ 1711 г. Салтыковъ получилъ отъ Меншикова наказъ, въ которомъ ему поручалось ѣхать въ Копенгагенъ и тамъ освѣдомиться при помощи Русскаго посла, князя В. Л. Долгорукова, гдѣ какіе продажные корабли есть и какимъ образомъ ихъ можно купить. Узнавъ, ѣхать въ мѣста нахождения кораблей, а особенно во Французскій городъ Дункеркенъ и Голландію, гдѣ находилось довольно кораблей изъ взятыхъ каперами. По пріѣздѣ, корабли осмотрѣть и приторговать „въ какую цѣну возможно“; объ этомъ писать „по часту“ царю и ему, Меншикову. Будучи въ сей посылкѣ, Салтыковъ долженъ былъ вездѣ вести

¹⁾ Арх. II, 48.

²⁾ Арх. V, 22.

³⁾ Арх. II, 66.

⁴⁾ Арх. I, 1.

себя инкогнито, выдаваясь за Россійскаго дворянина; корреспондировать осторожно и цифирью¹⁾. Теперь Салтыкову посланъ былъ указъ поступать во всемъ согласно съ кн. Куракинымъ и слушать его распоряженій. „Г. Салтыковъ! Писаль ему собственноручно Петръ, въ Голландію посылается для нашихъ дѣлъ князь Куракинъ, которому о томъ же дѣлѣ приказано управлять, и тебѣ бы о всемъ съ нимъ списываться и обще стараніе имѣть.“²⁾ Такъ какъ корабли покупались и въ Англій, чѣмъ завѣдывалъ Томасъ Стельсъ, то и его царь собственноручно увѣдомлялъ о посылкѣ кн. Куракина въ Голландію, прося его имѣть съ нимъ корреспонденцію, во всемъ ему вѣрить и содѣйствовать³⁾. Петръ снабдилъ кн. Куракина, отпуская его изъ Торгау, возможно подробною инструкціею относительно покупки кораблей. Князю поручалось: 1) пріискать и купить кораблей пять, или больше, а по конечной нуждѣ—три, отъ 60 до 48 пушекъ, чтобы были доброй препорціи, и, договорясь цѣною, тотчасъ писать чрезъ Эльбингъ къ намъ“. Хорошо было бы получить все Англійскіе, причемъ расходъ по покупкѣ ихъ возложить на Стельса за старый долгъ, который на немъ (Стельсъ—купецъ). Если трудно будетъ купить Англійскіе, то можно и Голландскіе, но непременно, чтобы были изъ Зейландіи и чтобы „не гораздо стары были“. 2) Чтобы на корабляхъ находилось полное число пушекъ, а именно: „которые въ 60 пушекъ, то бѣ на нижней палубѣ полукартауны или 18 фунтовья, а прочія палубы вполы одна отъ другой, а которыя въ 50 или 48 пушекъ, то у тѣхъ исподнія въ 12 фунтовъ ядра; а по нуждѣ хотя и неполное число пушекъ“. 3) Веревки и паруса, каковы есть и запасныхъ не надобно; все это можно дешевле найти дома. Когда корабли будутъ куплены, то проводить ихъ туда, гдѣ будетъ зимовать Датскій флотъ, если на этотъ предметъ не получите иного указа. 4) Цѣна кораблямъ—Голландскимъ 50-ти пушечнымъ около 24000 р., а Англійскимъ—можно по тысячѣ или по двѣ на каждую десять тысячъ прибавить. 5) Въ цѣнѣ гораздо смотрѣть, чтобы лишняго не дать, понеже намъ только корпусы одни нужны“. О поручаемомъ дѣлѣ кн. Куракинъ долженъ былъ всячески стараться, а о производствѣ его писать царю „по вся почты“; а когда торгъ состоится, то съ извѣстіемъ о немъ прислать немедленно курьера⁴⁾. Дѣло покупки кораблей было не легкое. Отъ лица, вѣдавшаго это дѣло, требовались техническія, спеціальныя знанія, чтобы не купить корабля съ бракомъ, плохо устроеннаго. Кромѣ того, морскія державы подозрительно отно-

¹⁾ Арх. II, 357.

²⁾ Арх. II, 51.

³⁾ Арх. II 47—48.

⁴⁾ Арх. I, 1.

сильнѣ къ усиленію нашего флота: на Балтійскомъ морѣ велась война; все это заставляло какъ покупку кораблей, такъ и отправку ихъ въ Россію производить умѣло и осторожно, чтобы не навлечь себѣ выговора отъ царя, не вызвать подозрѣнія морскихъ державъ и тѣмъ не осложнить отношеній ихъ къ Петру, наконецъ, необдуманною отправкою не погубить корабли уже купленнаго.

Помимо кораблей, князю Куракину поручалось производить и всѣ другія дѣла по куплѣ и продажѣ разнородныхъ вещей, а равно по найму для Россіи нужныхъ людей. Голландія была торговою страной: поэтому было естественно, что ея купцы поддерживали Швецію воинскими и другими припасами въ своихъ торговыхъ интересахъ. Важно было остановить эту поддержку или ее ослабить, что тоже поручалось наблюденію князя Куракина¹⁾.

Такъ какъ въ Голландіи учились морскому дѣлу Русскіе навигаторы, которыми завѣдывалъ Львовъ, то и наблюденіе и за этими учениками возлагалось теперь на князя Куракина: Львовъ долженъ былъ во всемъ слушаться князя. Объ этихъ навигаторахъ князь Куракинъ писалъ еще въ 1706 г., что „нашей націи народъ—люди бездѣльные и пьяные и что трудно ими управлять“²⁾.

Съ такими порученіями, постепенно расширявшимся по мѣрѣ новыхъ обстоятельствъ, и посылался теперь князь Куракинъ въ Голландію, съ годовымъ окладомъ въ 6000 ефимковъ: „а въ дачѣ денегъ, говоритъ князь, на силу великую могъ выхлопотать у графа Головкина 6000 еф. годового жалованья“³⁾. Сумма эта (около 33000 р.—40,000 на наши деньги⁴⁾) не настолько уже была значительна, чтобы могла соответствовать положенію представителя Россіи при выступленіи его на сцену общеевропейской дѣятельности. Въ Лондонѣ князь Куракинъ проживалъ почти въ два съ половиною раза болѣе назначеннаго ему въ Голландіи жалованья⁵⁾.

Пока кн. Куракинъ ѣхалъ къ Штатамъ въ качествѣ полномочнаго министра; но самъ Петръ трактовалъ князя даже посломъ. „Находилъ

1) Арх. II, 105.

2) Арх. III, 333.

3) Арх. III, 310.

4) Ср. Р. Арх. 1906 г. I, 521. Ефимокъ равнялся 80—87 к., Рубль 1710 г. въ 7 или 8 разъ былъ дороже современнаго.

5) Тамъ-же, стр. 524.

я себѣ нѣчто чрезвычайнаго видѣть изъ писемъ властныхъ царскаго величества, писалъ кн. Куракинъ по прибытіи въ Голландію, что царь мнѣ надписи давалъ и въ писемѣ въ заглавіи упоминалъ: „Господинъ посоль“, также и въ надписи упоминалъ: „Господину послу“, а не такимъ образомъ, какъ прежде сего подписывалъ „господину подполковнику отъ гвардіи“. И того для надлежитъ мнѣ разсуждать, въ какое намѣреніе тотъ мнѣ характеръ данъ, котораго не имѣю. Я былъ въ томъ мнѣніи: или ругаяся, или отлуча моего полуполковничьяго чину. Однакожь по томъ времени получилъ полномочную о заключеніи трактата коммерціи, въ которой я написанъ подполковникомъ отъ гвардіи. Еще инымъ образомъ разсудилъ, чая мнѣ въ угодность то чинить, вмѣсто какого награжденія, вмѣняя быть мнѣ тѣмъ удоволену. Но я все то получа, за большее сокрушеніе принималъ, нежели за удовольство“. И, конечно, не проницески называлъ царь кн. Куракина посломъ: это не соотвѣтствовало бы тому великому порученію, какое ему предлагалъ государь: естественнѣе думать, что Петръ имѣлъ дѣйствительное намѣреніе, по времени, сдѣлать князя настоящимъ посломъ, что и случилось по удаленіи Матвѣва.

Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ кн. Куракинъ къ сему послѣднему, сказать трудно: вѣроятно эти отношенія и не были строго опредѣлены. „Обхожденіе мое, говоритъ князь, такъ было трудное съ посломъ Матвѣвымъ, что никогда такъ политично не былъ ни съ кѣмъ принужденъ обходиться, такъ что оной въ амбиціи своей хотѣлъ свою ауторити казать; но я трудился, чтобы мнѣ своей не утерять. Правда, ему большій способъ былъ его характеръ, а мнѣ порода моя и властное имя, къ тому же и кредиту большаго при дворѣ“. Отсюда видно, что кн. Куракинъ не хотѣлъ быть ниже Матвѣва, на правахъ подчиненнаго ему и зависимаго отъ него человѣка; онъ былъ равенъ ему, а по происхожденію и родству при дворѣ даже выше Матвѣва. При такихъ условіяхъ, естественно должно было возникнуть соперничество между обоими лицами, которое вскорѣ и обнаружилось. „Я усмотрѣлъ, пишетъ кн. Куракинъ, въ пріѣздѣ своемъ, противнаго, что мой кредитъ чрезъ интриги Матвѣва не можетъ распространиться: того для я не очень могъ бытъ дѣйствителенъ въ дѣлѣхъ“. Когда собирался Утрехтскій съѣздъ, то обоимъ поручено было ѣхать на него въ качествѣ представителей Россіи. „Тогда я усмотрѣлъ, пишетъ откровенно князь, что мнѣ (нельзя) быть при такомъ великомъ дѣлѣ, что есть славно на весь свѣтъ, безъ всякой ауториты. И чтобы не безчестно было къ моей чести, тогда я нашелъ способъ такой: сложилъ полномочную грамоту, которая мнѣ могла быть дѣйствительнѣе и, написавъ, ко двору послалъ,

въ которой бы именовалось, что я именно посылаюсь на съѣздъ въ Утрехтъ. И на ту вскорѣ указъ получилъ, согласный съ моими желаніями. Одновременно съ этимъ и Матвѣеву прислана была полномочная, въ которой не написанъ посломъ, только полномочнымъ, въ томъ же видѣ, какъ и мнѣ¹⁾. Я сіе разсудилъ, что у него тѣмъ, при такомъ съѣздѣ, отлучилъ характеръ“. Такое соперничество между обоими представителями Россіи отражалось на отношеніяхъ князь Куракина къ иностраннымъ министрамъ.

Когда князь, 29 Октября вечеромъ, пріѣхалъ въ Гагу, то въ этотъ же день, обославшись съ Матвѣевымъ, былъ у него и предъявилъ ему царскіе указы²⁾. 30-го Октября, обославшись съ ратпенсіонаріемъ Генсіусомъ, кн. Куракинъ былъ у него, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, и предлагалъ по инструкціямъ о цѣли своего посольства. О томъ же, на другой день, оба министра предлагали Англійскому, милорду Стратфорту, и Австрійскому, графу Гоусу. У ратпенсіонарія Куракинъ предъявилъ свою полномочную и сказалъ, что царь „велѣлъ ему обнадѣжить генераловъ-статовъ своею неотмѣнною дружбою и что онъ намѣренъ всегда содержать добрую корреспонденцію и пребывать въ доброй дружбѣ; что онъ также и къ особѣ ратпенсіонера имѣеть особую склонность и почтеніе, потому что о склонностяхъ его къ интересамъ царя могъ пространно извѣститься чрезъ доношенія Матвѣева“. Кромѣ Генсіуса, кн. Куракинъ былъ у президента Гренинской провинціи, Гокенгайла, которому объявилъ, что „по указу царя будетъ находиться въ некоторое время въ Голландіи для предостереганія интересовъ его царскаго величества“. Однако, вопреки обычая, требуемаго этикетомъ, и доннынѣ наблюдаемымъ, кн. Куракинъ не объявилъ о своемъ пріѣздѣ чужестраннымъ министрамъ, потому что „избѣгалъ церемоніала“³⁾. Не смотря на это, чужестранные министры почтили кн. Куракина первыми визитами. „А особливо, пишетъ князь, я имѣлъ честь и чрезвычайное почтеніе отъ дука Мальбурха (Мальборо), что ввечеру мнѣ отдалъ визиту первый; и милордъ Стратфортъ тожь учинилъ; также потомъ и всѣ другіе чужестранные министры“. Представитель Германіи, министръ цезаря, не хотѣлъ дѣлать перваго визита Матвѣеву, когда тотъ явился въ Гагу; но кн. Куракину онъ сдѣлалъ. „Правда, замѣчаетъ князь, это было не предосудительно въ его персонѣ, потому что я былъ безъ характера“. И другіе персоны перваго ранга имѣли съ кн. Куракинымъ доброе обхожденіе, какъ напр., принцъ Евгенийъ Савойскій.

¹⁾ Матвѣевъ получилъ ранѣе полномочную, вообще къ съѣзду, но не въ Утрехтъ. Арх. Кур. II, 33.

²⁾ Арх. Кур. IV, 49.

³⁾ Тамъ же IV, 51.

относясь къ нему съ „естимою“¹⁾). Когда кн. Куракинъ пріѣхалъ къ нему „отдать первую визиту, то принцъ Евгенийъ встрѣтилъ его у дверей, а потомъ далъ правую руку на стулахъ сидѣть. И во всѣхъ разговорахъ имѣлъ почтеніе, а при прощаніи провожалъ, сойдя съ крыльца на три ступени“²⁾). Изъ министровъ чужестранныхъ князь имѣлъ доброе обхожденіе съ Датскимъ, Польскимъ и Палатинскимъ, особенно съ Датскимъ. Изъ Русскихъ персонъ особенно хорошо относился къ кн. Куракину кн. Меншиковъ: 26 Февраля онъ написалъ кн. Куракину чрезвычайное письмо, съ покорностію и учтивостію, въ которомъ объявлялъ о врученіи своей команды въ Помераніи и просилъ о корреспонденціи³⁾).

Повидимому, и Штаты отнеслись къ назначенію кн. Куракина съ удовольствіемъ и уваженіемъ. Такъ, утромъ, въ 9 часу, 6 Ноября, пріѣзжалъ визиту отдавать кн. Куракину агентъ Розенбаумъ; онъ говорилъ князю слѣдующій комплиментъ отъ Генеральныхъ Штатовъ: „Ихъ высокопочетства безмѣрно благодарны тѣмъ, что его царское величество учинилъ имъ честь, приславъ вашу особу яко своего полномочнаго министра. И врученная (полномочный списокъ) чрезъ ратпенсіонарія была сообщена ихъ высокопочетствамъ. И въ томъ, съ своей стороны, велѣли обнадежить, что такая ваша особа принята, и во всемъ предложенія ваши и все изслѣдованіе въ дѣлахъ дѣйствительны будутъ. И въ засвидѣтельство вѣрное того, присылаютъ письменный экстрактъ; при томъ-же и для вольнаго привилегія, какъ всѣ министры обыкновенно имѣютъ“. Въ экстрактѣ говорилось, что „господинъ фонъ-Гокингъ, президентъ въ собраніи, доносилъ ихъ высокопочетствамъ и объявилъ, что господинъ-*принцъ* фонъ-Куракинъ, полномочный его царскаго величества, былъ у него для объявленія ихъ высокопочетствамъ о своемъ прибытіи сюда и вручилъ ему списокъ съ своей полномочной грамоты, и тоя оригиналь ему показалъ, дабы его царскаго величества дѣла здѣсь осматривать и высокимъ соединеннымъ противъ Франціи, его цесарскому величеству, ея королевину величеству Великобританскому и ихъ высокопочетствамъ о томъ, что потребно, предлагать и съ ихъ министры трактовать. И по совѣтованіи о семъ, заблаго изобрѣтено и разсуждено чрезъ сіе объявить, что помянутый господинъ *принцъ* фонъ Куракинъ ихъ высокопочетствамъ въ выше упомянутомъ характерѣ полномочнаго его царскаго величества пріятель, и имѣетъ экстрактъ изъ сего ихъ высокопочетствъ рѣшенія чрезъ агента Розенбаума оному врученъ бытъ.

1) Арх. Кур. III, 313.

2) Арх. Кур. IV, 52.

3) Арх. Кур. III, 313.

Изъ этого видно, что Куракинъ официально признанъ былъ Штатами не только въ качествѣ полномочнаго министра, но и принца, родственника царя, за назначеніе котораго республика была „безмѣрно благодарна“.

Однако, несмотря на столь блестящій приѣмъ, князь Куракинъ, въ зиму 1711—12 г., видѣлъ и много „шагрину“. Нѣкоторые представители Голландской республики отнеслись къ нему „непріемно“. Вопреки обычая, они не сдѣлали ему перваго визита, такъ что князь началъ самъ, не ожидая отъ нихъ, отдавать визиты. „Однакожь, пишетъ онъ, отъ многихъ контръ-визиты не имѣлъ; а паче всѣхъ объявлю двухъ принципальныхъ персонъ: Грефиль и Фегель, также и великій казначей Гообъ и Рандвикъ визиты мнѣ насупротивъ не отдали... Также, хотя малое обстоятельство, однакожь объявлю: отъ дамъ никакой пріемности себѣ не имѣлъ, весьма всѣхъ холодныхъ видѣлъ и за самаго постоянного (обыкновеннаго) чловѣка былъ принять“.

Причина подобныхъ „шагриновъ“ лежала отчасти въ неопредѣленности его положенія при Матвѣевѣ. „Великая была помѣшка о двохъ насъ здѣсь находящихся“, замѣчаетъ кн. Куракинъ, объясняя свои отношенія къ чужестраннымъ министрамъ: „оныя, видя желюзію между нами, не знали, какъ обходиться, и часомъ склоннѣе къ нему являлись, а часомъ ко мнѣ. Но я, правда, могу сказать, своей стороны не имѣлъ никакого подозрѣнія; но помянутый Матвѣевъ весьма—e come credo che avevano detto qualche cosa a tutti quelli in segreto di mettere qualche zra noi mesintelligenza“^{1 2)}.

Въ такомъ положеніи находился кн. Куракинъ, пока не уѣхалъ изъ Голландіи Матвѣевъ, и князь не сдѣлался единственнымъ представителемъ Россіи: Уже въ Мартѣ (22-го) 1712 г., Петръ писалъ Штатамъ: „Изобрѣли мы запотребно, вмѣсто нашего, до сего времени при вашемъ высокомоціи бывшаго посла, г. Матвѣева, къ продолженію дружбы и содержанію добраго согласія полномочному нашему министру и подполковнику отъ гвардіи князю Куракину, посланному отъ насъ къ вашему высокомоцію и нынѣ пребывающему при васъ, въ помянутомъ характерѣ и впредь пребывать при васъ. Того ради просимъ ваше высокомоціе дружбно, чтобы вы не токмо склонную ему аудіенцію

¹⁾ Арх. Кур. IV. 54.

²⁾ Арх. III, 314, т. е. и какъ я думаю, сказалъ что нибудь всѣмъ тѣмъ по секрету для того, чтобы возбудить между нами недоразумѣніе.

дали, но и во всемъ томъ, что онъ какъ нынѣ, такъ и впрочемъ отъ времени до времени по нашему указу вашему высокомоучію предлагати будетъ, полную вѣру яти, такожде и всегда ему на то такую резолюцію дати изволили, какову мы нашего ради всегда доказаннаго добраго намѣренія къ вашему высокомоучію уповаемъ¹⁾. Такимъ образомъ совмѣстно съ Матвѣевымъ кн. Куракинъ управлялъ дѣлами не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ Августѣ того-же года, онъ, какъ особо полномочный царя, назначался уже посломъ, съ тѣми преимуществами положенія, какія имѣлъ и Матвѣевъ²⁾. Это случилось послѣ личнаго свиданія кн. Куракина съ царемъ въ Грибсвальдѣ, куда князь вызывался Петромъ изъ Голландіи. Здѣсь же, вскорѣ, послѣ назначенія посломъ, онъ удостоился и особаго царскаго расположенія: 14 Сентября царь произвелъ „подполковника отъ гвардіи князя Бориса Куракина, за его вѣрнорадѣтельныя къ царю службы и для добраго воинскаго искусства—въ генералъ-майоры“. „И состоимъ въ надеждѣ, писалъ царь въ патентѣ на чинъ, что онъ, князь, во всемъ тако держаться и намъ служить будетъ, како его храбрости и доброму офицеру надлежитъ“³⁾. Въ это время новому генералу было 36 лѣтъ.

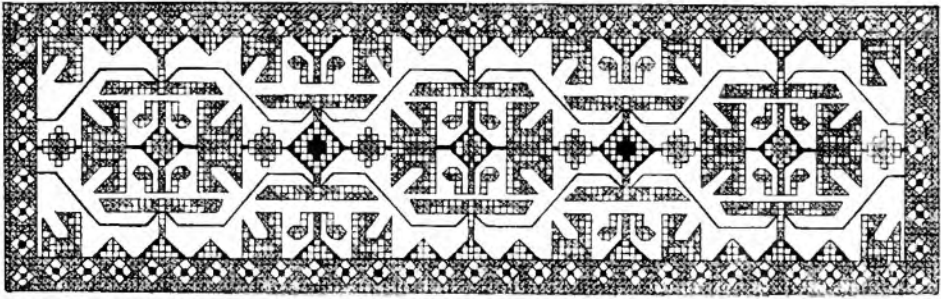
С. Кедровъ.

¹⁾ Арх. Кур. II, 53.

²⁾ Полномочная отъ 30 Августа. II, 55.

³⁾ Арх. Кур. II, 57. Въ Декабрѣ 1712 года Матвѣевъ уѣхалъ на резиденцію въ Вѣну, на мѣсто Урбиха, которымъ былъ недоволенъ Вѣнскій дворъ (онъ желалъ національнаго министра II, 378). Въ Австріи Матвѣевъ находился до конца Февраля 1715 г. Отсюда онъ, поручивъ завѣдываніе дѣлами секретарю Ланчинскому, отправился въ качествѣ посла въ Польшу, но здѣсь не остался и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто президента Юстицъ Коллегіи. Соловьевъ XVII, 106, 118, 120.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову *).

Петербургъ. 3 Января 1813.

1813 годъ начинается при такихъ счастливыхъ для всего міра и счастливыхъ для Россіи предзнаменованіяхъ, что мнѣ остается только пожелать, чтобы Всемогущій въ Своей божественной благодати даровалъ вашему сіятельству здоровье и силы для полнаго воспринятія нашего счастья и радости, раздѣляемыхъ всѣми негнанными патріотами при видѣ спасенія родины и близкаго освобожденія Европы. Зная чувства патріотизма самаго чистаго и горячаго, коимъ ваше сіятельство воодушевляемы во всякое время, легко могу судить, какъ велики должны быть счастье и удовлетвореніе вашего сіятельства въ настоящую пору. Вотъ еще одна причина, среди другихъ, заставляющая меня молить отъ всей души Всевышняго о продленіи вашихъ дней, графъ, дабы вы могли увидать исходъ того, что такъ хорошо начато: торжество праваго дѣла, предметъ всѣхъ вашихъ заботъ въ теченіи большей части вашей жизни. Присоединяю свои пожеланія къ вашимъ, графъ, да сохранить Европа навсегда память о славномъ примѣрѣ, данномъ ей Россіею и, слѣдуя ему и соединясь съ нею, пусть она постарается подняться изъ того постыднаго и гнуснаго униженія, въ которомъ она погрязла такъ давно, что, казалось, и не выйдетъ изъ него. Небо въ своемъ гнѣвѣ наслало для ея исправленія самый жестокій бичъ. Если она способна использовать наказаніе, она должна теперь убѣдиться, что безопасность націй, народное спасеніе и спокойствіе міра не въ стѣнахъ Магдебурга или Шпандау, а въ храбрости, твердости и настойчивости каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ: что настоящій оплотъ счастья—любовь къ родинѣ и чувство національнаго достоинства, о

*) См. первую книгу „Русскаго Архива“ сего года.

который разобьется и самое необузданное честолюбіе, и самая жестокая тиранія. Счастливы народы, если они смогутъ оживить въ себѣ эти благородныя и великодушныя чувствія, и тогда мы снова увидимъ золотой вѣкъ, и наши побѣдныя знамена, ведущія къ свободѣ и независимости Европу и всю вселенную.

Съ величайшимъ удовлетвореніемъ читалъ я копию письма, адресованнаго вашимъ сіятельствомъ Кутузову, которое долженъ ему передать адмиралъ Грейгъ. Не могу достаточно выразить благодарность за довѣріе, которое ваше сіятельство соблаговолили мнѣ выказать этимъ интереснымъ сообщеніемъ. Могу отвѣтить только такимъ же довѣріемъ и сердечнымъ признаніемъ, что я имѣлъ смѣлость прочесть это письмо Ея Величеству. Такъ какъ ваше сіятельство сказали, что содержаніе письма должно остаться между вами, графомъ М. и мною, то я долженъ просить прощенія, что поступилъ противно выраженной волѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я твердо убѣжденъ, что получу просимое прощеніе, когда ваше сіятельство узпасте побужденія и обстоятельства, вызвавшія чтеніе письма тамъ, гдѣ оно не ожидалось. Такъ какъ Ея Величество постоянно помогала цѣлой толпѣ людей, разоренныхъ войною и число коихъ ежедневно возрастало до того, что я увидалъ, что средства Ея Величества изсякаютъ, не взирая на то, что она отказывала себѣ въ малѣйшихъ личныхъ тратахъ, я однажды взялъ смѣлость замѣтить ей, что приближеніе зимы неизбежно увеличитъ число людей, могущихъ найти пріютъ и средства только здѣсь. Доходъ Ея Величества составляетъ 225 т. рублей, изъ коихъ 150 т. расходятся только на жалованье и пенсіи, остальное обыкновенно употребляется на добрыя дѣла и помощь тѣмъ, кто нуждается и достоинъ. Число неимущихъ возрастало до такой степени, что остатка дохода не могло больше хватать, тѣмъ болѣе, что все обращались именно къ ней въ увѣренности не получить отказа. Мысль, явившаяся мнѣ, о частной и не очень разглашенной подпискѣ, была принята Ея Величествомъ съ благосклонностью. Она поговорила съ Головинымъ, Голицынымъ, Толстымъ, и первая попытка удалась довольно хорошо. Какъ только узнали сущность и побудительныя причины, явилась цѣлая туча людей съ проэктами. Графъ К., глава этого сорта людей и покровитель разныхъ учрежденій, преобразованій и разобраній, не упустилъ столь прекрасный случай и представилъ по этому поводу объемистую тетрадь Государю въ то время, какъ у него было слишкомъ много занятій, помимо тетради К. Государь поручилъ государственному секретарю Шишкову пересмотрѣть проэкты и контр-проэкты и сдѣлать изъ нихъ что нибудь цѣльное. Вотъ происхожденіе комитета и общественной подписки, заслугу коихъ оставили за Госуда-

рынею, такъ какъ дѣло началось подъ ея покровительствомъ. К. не упускалъ случая спрашивать о судьбѣ своего великолѣпнаго плана, и Государь, чтобы отвязаться, назначилъ его членомъ комитета, и онъ, по своему чину сталъ первымъ; бѣднякъ—слишкомъ счастливый быть чѣмъ нибудь въ этомъ презрѣнномъ свѣтѣ. Ея Величество всегда давала мнѣ свѣдѣнія о подвѣскахъ по мѣрѣ того, какъ она шла; но такъ какъ она никогда не упоминала К. между лицами, которыхъ бы она избрала, то я былъ очень удивленъ, встрѣтивъ его имя во главѣ всѣхъ. Имѣя случаи часто слышать о немъ различныя соображенія въ обществахъ, я взялъ смѣлость замѣтить, что назначеніе К. вызвало во мнѣ большое изумленіе и не скрылъ, что оно не очень понравилось публикѣ, потому что всѣ знаютъ спѣсь и нечувствительность этой личности, а на это мѣсто нуженъ человѣкъ противоположнаго характера и болѣе уважаемый, нежели покровитель Сперанскаго, а впоследствии покровительствуемый имъ, который справедливо презираемъ всѣми. Вотъ тогда-то и узналъ я достовѣрную исторію этой личности. Ея Величество прибавила, что она сама была очень удивлена, видя его, входящаго со всѣми членами, избранными ею, для изъявленія благодарности за довѣріе, оказанное ему ею, и только черезъ нѣсколько минутъ узнала, какъ и почему это произошло. „Однако“, прибавила она, „вы, кажется, очень противъ К.; а онъ, по видимому, связанъ узами дружбы съ В.“—„Эта дружба“, отвѣчалъ я, „была, насколько я знаю, во всѣ времена довольно умѣренна“.—„Онъ, по крайней мѣрѣ, очень ее до сихъ поръ выставляетъ“.—„Вотъ то, что я знаю и могу смѣло утверждать, что онъ обманывается, желая обмануть другихъ“.—„О, я не обманута, я отлично знаю, что два характера съ такими противоположными побужденіями не могутъ согласоваться“.—„И доказательствомъ того“, прибавилъ я, „что между ними нѣтъ переписки*), и я могъ бы вызвать К. доказать противное и убѣдить въ мнимой дружбѣ кого нибудь мало-мальски знающаго того и другого“.

Послѣ этого судьба захотѣла, чтобы Качаловъ передалъ мнѣ въ тотъ же день письмо вашего сіятельства, гдѣ вы подробно говорите о высокихъ дѣяніяхъ К., и я не преминулъ, при первомъ же случаѣ, прочесть выдержку, касающуюся его, говоря что раньше я высказывалъ о пресловутой дружбѣ свое сужденіе, а теперь я имѣю доказательство, что я не ошибался. Выдержка была выслушана съ особымъ

*) Т. е. въ это время переписка уже прекратилась. Графъ Семенъ Романовичъ писалъ графу Кочубею, когда тотъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, что его преобразование тяжелѣе восточнаго деспотизма. См. XIV книгу „Архивъ Князя Воронцова“. П. Б.

вниманіемъ, и замѣчанія вашего сіятельства найдены вполне справедливыми, а нѣкоторыя и весьма любопытными, какъ на примѣръ: его бѣдность, его здоровье, его поѣздка и т. д., которыя повлекли для насъ за собою такія прекрасныя послѣдствія. Такъ какъ разговоръ возвращался нѣсколько разъ къ этой личности, то я счелъ нужнымъ сообщить содержаніе письма самому К., прежде чѣмъ онъ получитъ его самъ, и это обстоятельство придадо его способу дѣйствій еще больше интереса и именно такого, какого онъ заслуживалъ. Это сообщеніе вызвало благодарность въ виду того, что способствовало исправленію тѣхъ еще немногихъ заблужденій, которыя существовали относительно мнимой тѣсной связи К., коей онъ хвастался. Не знаю, останется ли у него послѣ упомянутаго письма прежняя наглость.

Все, что онъ пишетъ вашему сіятельству по поводу своего здоровья и бѣдности замѣчательно и заслуживаетъ, чтобы я вамъ все объяснилъ. Онъ не пользуется хорошимъ и прочнымъ здоровьемъ, но онъ никогда не бываетъ боленъ, не заболѣлъ даже послѣ пресловутой поѣздки, вызвавшей такія пагубныя послѣдствія и которая привела бы человѣка мало-мальски чувствительнаго къ агоніи, ни послѣ катастрофы съ тѣмъ, кому, покровительствовалъ и потомъ пользовался его покровительствомъ. Кто созданъ изъ кремня, какъ всѣ эгоисты, тотъ противостоитъ всему, ничѣмъ не волнуется и прекрасно себя чувствуетъ; что ни случилось бы съ его близкими, онъ ничего не чувствуетъ, потому что интересуется друзьями постольку, поскольку они ему нужны. Вотъ неизсякаемый источникъ здоровья К., и онъ болѣлъ только тогда (какъ замѣчаетъ ваше сіятельство), когда предвидѣлъ, что съ нимъ дурно обойдутся и даже могутъ причинить вредъ. Хвала Богу, немного людей, завидующихъ такому роду здоровья. У него долги, правда; но, Боже, какіе долги! За два раза онъ, по указу, занялъ около 400.000 р. если не больше, на десять лѣтъ безъ процентовъ! О другихъ долгахъ не слышно. Долгъ не разорительный, потому что изъ 40.000 р. дохода за 6—8 лѣтъ составилось теперь 160.000 р., и у него безъ сомнѣнія, года черезъ два, будетъ 200.000 р., потому что онъ не тратитъ и четвертой части, дѣлая видъ, что у него открытый домъ, гдѣ никто не бываетъ и который не блещетъ роскошью. Я не знаю побужденій его отказа отъ должности посла, но думаю, что выставленный имъ былъ смѣшенъ. Черезъ это онъ покидаетъ своего друга.

*

Петербургъ, 15 Января 1813.

Третьяго дня были вѣсти о Его Величествѣ Государѣ, судя по которымъ онъ вчера долженъ былъ быть въ Виллембургѣ, гдѣ, какъ

предполагають, Его Величество остановится на нѣкоторое время въ ожиданіи, какой оборотъ примутъ наши дипломатическія сношенія. Такъ какъ наши войска уже на Вислѣ и въ виду того, что одновременно мы узнали о занятіи Эльбинга и Мариенвердера, то событія не замедлятъ явиться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Можно объяснить только приступомъ сумасшествія, что Прусскій король остается данникомъ Бонапарта, тогда какъ его народъ выражаетъ чувства противоположныя его поступку въ политикѣ. Въ Мариенвердерѣ едва не захватили Виктора и Богарнэ: наши казаки уже вступали въ городъ, когда они бѣжали, оставя намъ много плѣнныхъ и четырнадцать пушекъ. Мюрать и Бертье проѣхали Эльбингъ, какъ истые бѣглецы. Послѣ приказа, даннаго въ Кёнигсбергѣ, по которому солдаты, встрѣченные на *лѣвомъ берегу* Вислы будутъ считаться дезертирами и какъ таковые судимы и наказаны, оказывается, что тѣ, которые его писали для другихъ, т. е. Мюрать и Бертье, будутъ приблизительно первыми заслуживающими наказаніе. Увѣряютъ положительно, и Государь подтверждаетъ, что у послѣдняго отморожены руки и ноги и его везутъ въ сильной лихорадкѣ. Плѣнные увѣряютъ, что онъ не можетъ остаться въ живыхъ: но если онъ не умретъ, то навсегда сохранитъ воспоминаніе о дерзкомъ предпріятіи своего господина въ Россіи. Говорятъ, будто Ожеро послалъ войска къ Данцигу, чтобы остановить бѣглецовъ и сразиться съ нами близъ этого города и что для этого пущены въ ходъ все средства обороны. Съ другой стороны, повидимому мы не остановимся на Вислѣ, и походъ окончится только на Одерѣ. Въ Парижѣ продолжаютъ говорить о великой арміи, о складахъ и зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ. Какъ кажется, Бонапартъ еще разъ ошибся въ своихъ расчетахъ, основывая все свои планы на предположеніи, что мы не перейдемъ нашихъ границъ. Теперь онъ не можетъ пускать пыль въ глаза своимъ тупоумнымъ Парижанамъ, и любопытно, какъ онъ выпутается. Какую бы ложь онъ ни выдумалъ, дѣло слишкомъ очевидно, чтобы можно было скрыть истину, и его могутъ спросить, что же случилось съ великой арміей, съ запасами и зимними квартирами въ Польшѣ, уже занятой побѣжденными и разбитыми Русскими, внезапно появившимися на Вислѣ и Одерѣ. Съ 29-мъ донесеніемъ не кончается кампанія, приходится выпускать 30-ое. Бонапартъ, въ своихъ отвѣтахъ сенату и государственному совѣту не дерзнулъ высказаться за продолженіе войны съ Россією, и эта умѣренность доказываетъ, что онъ еще не знаетъ, что предпринять.

*

Петербургъ, 17 Января 1813.

Третьяго дня получилъ я изъ казначейства пенсію за Майскую и Сентябскую трети прошлаго года и за вторую половину командорет-

венные. Изъ сей суммы послано мною сегодня г. Андерсону тринадцать тысячъ пятьсотъ рублей, кои и будутъ переведены къ вашему сіятельству съ сегодняшнею или слѣдующею почтою. Если вспомните, въ какомъ положеніи было правительство и частные люди въ прошломъ Сентябрѣ, то я оправданъ буду предъ вашимъ сіятельствомъ, почему я тогда за Майскую третью не требовалъ пенсіона: да и всякія частныя выдачи въ казначействѣ на тотъ разъ были остановлены.

Посылаю при семь послѣдній печатный журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Истребленіе Французской арміи продолжается и по сію пору. По ничтожеству ея, кажется, и называть ее арміею невозможно. Сколько извѣстно, теперь уже не большая Французская армія, а войска, вновь присланныя маршаломъ Ожердъ, подвергаются таковой участи.

О возвращеніи Государя ничего еще неизвѣстно. Инспекторъ артиллеріи баронъ Меллеръ-Закомельскій и генералъ Барклай-де-Толли призваны въ армію. Слышно, что послѣдній изъ нихъ получитъ начальство надъ арміею, бывшею у Чичагова; сей же, говорятъ, находится нынѣ при Государѣ.

Въ особливомъ пакетѣ посылаю журналъ, послѣдніе манифесты и пр. и пр. Ваше сіятельство хотѣли имѣть полный журналъ военныхъ дѣйствій. Таковой найдете въ Journal du Nord, который за полгода прилагается. Нынѣ оный окончился, а вмѣсто него выходитъ Французская газета *), коей первые номера у сего прилагаются.

Ваше сіятельство желали имѣть портретъ или эстампъ князя Смоленскаго; я имѣю надежду получить копію портрета, писаннаго здѣшнимъ академикомъ Волковымъ, который обѣщаетъ копію на такомъ условіи, чтобы оную выгравировать въ Англіи въ его пользу. Портретъ сей есть самый лучший въ разсужденіи сходства и работы, и художникъ не иначе согласенъ дать копію, какъ на семь условіи, считая, что снимъ образомъ онъ поправитъ свои обстоятельства: ибо вашему сіятельству извѣстно, сколь вообще бѣдны наши художники. Г. Волковъ хотѣлъ доставить мнѣ записку, которую, по полученіи, къ вашему сіятельству пришлю. Если бы вамъ неугодно было оказать ему благодѣаніе выгравированіемъ сего портрета, то онъ проситъ покорнѣе копій съ онаго никому не давать. Въ такомъ случаѣ онъ выгравируетъ здѣсь, а награжденіе отдастъ на вашу волю, не назначая цѣны за свой трудъ.

*) Conservateur impartial? П. В.

*

Петербургъ, 22 Генваря 1813.

Вотъ извлеченіе изъ записки, полученной мною вчера отъ Ея Величества въ отвѣтъ на письмо, которое я ей написалъ наканунѣ. Поговоривъ о дѣлѣ, на которое я ей указывалъ и посовѣтовавъ безречься до полного выздоровленія, она прибавляетъ: „Можетъ быть, вы и получили какія нибудь вѣсти о графѣ Воронцовѣ, но я бы хотѣла, чтобы этого не было и чтобы мнѣ первой сообщить вамъ, что онъ занялъ Бромбергъ въ Пруссіи и этимъ облегчилъ приближеніе къ Торню“.

По вечернимъ вѣстямъ Государь еще въ Иоганнсбергѣ и предполагаютъ, что онъ потомъ поѣдетъ въ Торнь.

Слухъ объ увольненіи графа В. подтверждается и что Чичаговъ на его мѣсто будетъ назначенъ. Навѣрно извѣстно, что В. писалъ съ недѣлю тому и просилъ покоя, въ коемъ, кажется, не будетъ ему отказано. Сначала ему сообщали все, что въ арміи дѣлалось и бумаги, какія были написаны; съ нѣкоторыхъ же поръ ему ничего не присылаютъ, ни пишутъ. Одна племянница его Апраксина выходитъ замужъ за одного Новосильцова; онъ просилъ поторопить свадьбу, потому что собирается въ деревню.

*

Петербургъ, 30 Генваря 1813.

Благодаря Симсону, я поправляюсь и сегодня въ первый разъ имѣлъ счастье видѣть Государыню; она была такъ добра, что сама прочла бумаги, кои обыкновенно я ей читаю, дабы побережь мою грудь, которая еще довольно слаба. Я сообщилъ о письмѣ, которое ваше сіятельство написали мнѣ по поводу 40.000 р., жертвуемыхъ вами на помощь людямъ, разореннымъ войною. Ея Величество, поблагодаривъ ваше сіятельство отъ лица этихъ несчастныхъ, выразила сожалѣніе, что до сихъ поръ была мнѣнія противоположнаго вашимъ взглядамъ и если бы знала ихъ раньше, то можетъ быть поддержала бы ихъ. Въ данное время ничего уже сдѣлать нельзя въ виду того, что записка лорда Катгарта послана недавно къ Его Величеству Государю; окончательное рѣшеніе этого дѣла зависить отъ его отвѣта; впрочемъ она думаетъ, что на подписку въ Англіи нельзя смотрѣть какъ на субсидію нашему правительству или Русской націи, а только субсидію нѣкоторымъ лицамъ этой націи, взывающимъ къ общей помощи изъ за крайней нужды, несчастій и страданій, и если бы запретили въ Англіи подписку, это было бы въ нѣкоторомъ родѣ несправедливость, которую

правительство могло бы исправить только потребовавши удовлетворения: это невозможно при настоящемъ положеніи дѣлъ. Въ данное время въ одной Москвѣ около 70.000, живущихъ въ подвалахъ сожженныхъ домовъ и получающихъ пропитаніе отъ правительства. По этому ваше сіятельство можете судить, что улучшить ихъ положеніе можно только всеобщей подпискою, которая у насъ не можетъ ходко пойти, потому что почти каждый лишенъ этой возможности или собственнымъ разореніемъ, или налогами и жертвами, принесенными и приносимыми еще на различныя потребности войны, славной и счастливой, благодаря Божественному Провидѣнію. Впрочемъ надо отдать справедливость Англійской націи, предлагающей эту помощь не какъ милость, а какъ вознагражденіе справедливое, хотя и недостаточное, за жертвы, принесенныя нами для общей пользы, и Англія первая пожинаетъ плоды. Однимъ словомъ, этотъ даръ дѣлаетъ честь больше намъ, нежели самимъ Англичанамъ.

Адмираль Грейгъ пріѣхалъ 27-го и передалъ всѣ пакеты, врученныя ему вашимъ сіятельствомъ для меня и графа Михаила. Такъ какъ онъ черезъ 2—3 дня ѣдетъ прямо къ Чичагову, то я ему передамъ все для вашего сына, котораго онъ тамъ встрѣтитъ, и по этой причинѣ сегодня вечеромъ я ничего не отсылаю съ лордомъ Каткартомъ, ѣдущимъ прямо въ Плоцкъ, куда Государь долженъ былъ прибыть 25-го, какъ онъ самъ о томъ писалъ. Ваше сіятельство найдете такія интересныя данныя въ письмахъ графа Михаила, что я ограничусь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣжихъ новостей. Положительно извѣстно, что мы заняли Варшаву, очищенную Шварценбергомъ. Его зимнія квартиры, какъ говорятъ, будутъ въ Моравіи. Не знаю, какъ уладилъ онъ дѣло Ренне, а также что станется съ Саксонцами и Французами, находящимися подъ его начальствомъ, и которыхъ онъ, какъ кажется, предоставилъ ихъ судьбѣ.

Говорятъ, будто получены удовлетворительныя вѣсти изъ Вѣны, куда былъ посланъ изъ главной свитской квартиры Анштедтъ. Австрійскія войска сдѣлали нѣсколько переходовъ въ сторону Богеміи; въ общемъ, кажется, довольны послѣдними сношеніями съ этой державою. Прусскій король, безъ сомнѣнія, скоро прибудетъ къ нашему Государю, потому что онъ, будучи въ Силезіи, назначилъ въ Берлинъ регентство на время своего отсутствія. Платовъ осаждаетъ и жметъ Данцигъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, будто тамъ находятся большой Бертье и Макдональдъ со всѣми, спасшимися изъ Кёнигсберга и другихъ мѣсть. Были переговоры съ городекимъ управленіемъ, но Французы требуютъ,

чтобы имъ дали свободный выходъ; въ этомъ имъ отказано. Они не смогутъ долго держаться.

Продолжаютъ говорить о Чичаговѣ для иностранныхъ дѣлъ. Хотя это и не лучший выборъ, благодаря его придиричивому и сварливому характеру, могущему возбудить много непріятностей въ сношеніяхъ со всѣми дворами, но все же радуются при мысли, что не отъ Р. будетъ зависѣть судьба нашей злосчастливой политики.

*

Петербургъ, 31 Января 1813.

Сейчасъ я узнаю, что канцлеръ, уколотивъ отъѣздомъ вчера вечеромъ курьера отъ посла, не хочетъ окладывать на два дня отсылку своего и непременно желаетъ, чтобы онъ ѣхалъ черезъ два часа. Узнавъ о такомъ совершенно необыкновенномъ припадкѣ дѣятельности при моемъ вставаньи, я спѣшу пополнить мое вчерашнее письмо, принужденный до будущей оказіи отложить мое большое письмо № 1, которое я постараюсь докончить и отослать елико возможно скоро.

Ваше сіятельство спрашиваете, правда ли, что Чичаговъ и Витгенштейнъ командуютъ своими арміями самостоятельно, не будучи подъ началомъ князя Смоленскаго. Имѣю честь отвѣтить, что нѣтъ, и фельдмаршалъ командуетъ всѣми и всѣми, будучи главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ армій. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, чтобы Чичаговъ, полный безграничной самоувѣренности, не послушался его приказовъ въ дѣлѣ при Березинѣ, перейдя на сторону противоположную той, которую рекомендовалъ и предписывалъ главнокомандующій. Государь слишкомъ добръ, чтобы наказать подобный проступокъ, который въ военное время обыкновенно сглаживается храбростью, твердостью и отвагою въ трудномъ предпріятіи и забывается при счастливомъ исходѣ. Ваше сіятельство все же видите, какъ опасно имѣть подъ своею властью человека, подобнаго Чичагову, который уметствуетъ тамъ, гдѣ мало понимаетъ; онъ это показалъ движеніемъ на Борисовъ, которое предпринялъ по своему усмотрѣнію, не спрашиваясь и не слѣдуя ничему совѣту; онъ способенъ ослушаться тамъ, гдѣ должно дѣйствовать по приказу буквально и со всею поспѣшностью. Теперь, когда Государь самъ при арміи, предоставляя фельдмаршалу, не смотря на свое присутствіе, всѣ почести и свободу дѣйствія, Чичаговъ, думаю, болѣе сговорчивъ. Но бесполезно распространяться о характерѣ адмирала, такъ какъ ваше сіятельство давно должны знать, насколько онъ грубъ и досадливъ. Графъ Михаилъ, желая въ своемъ письмѣ нѣсколько оправдать его въ дѣлѣ Березины, пишетъ, что,

конечно, онъ сдѣлалъ ошибку, но онъ былъ не одинъ ошибавшійся. На это можно возразить, что существуетъ большая разница между совершеиіемъ ошибки и желаніемъ не совершить; извѣстно, доказано и подтверждено, что ошибка Чичагова была не только умышленная, но онъ поступилъ противно приказаніямъ начальства и мнѣнію всѣхъ зависѣвшихъ отъ него генераловъ. Что касается Витгенштейна, то это—герой во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательнъ своимъ достоинствами, заслугами и такой скромностью и мягкостью, что невозможно предположить при взглядѣ на него, что это человѣкъ, покрывшій себя безсмертной славою за все время кампаніи. Чичаговъ настолько забылся, что послѣ дѣла подъ Кѣнигсбергомъ сталъ отдавать ему приказанія и умышленно перенесъ свои дѣйствія по сую сторону, чтобы выставить старшинство. Всѣ генералы Витгенштейна подали на другой день въ отставку, и Витгенштейну не оставалось ничего другого, какъ подать и свою. Тогда увидали, что дѣло зашло далеко и возстановили порядокъ, отдѣливъ его совершенно отъ адмирала.

Слухи, ходившіе по поводу беременности Императрицы, оказались совершенно ложными, къ большому общему огорченію. Сожалѣють, но не отчаяваются, что эта обожаемая Государыня осчастливитъ Россію, давъ ей наслѣдника, достойнаго матери.

Лордъ Каткартъ уѣхалъ вчера къ Его Величеству Государю въ Плоцкъ. Прибытіе лорда Вальполя изъ Вѣны и пребываніе Прусскаго короля въ Силезію, вѣроятно, вызвали эту поѣздку, которая должна имѣть важныя послѣдствія. Говорятъ, что въ общемъ политическія сношенія съ этими дворами приняли хорошій оборотъ, и дѣло Мюнхена, о которомъ я говорилъ въ письмѣ къ Николаю, утверждено.

Я бы сдѣлалъ все возможное, графъ, чтобы видѣть наконецъ вашего сына женатымъ и устроеннымъ. Николай можетъ засвидѣтельствовать, что таково было наше общее всегдашнее желаніе. Но война и его отсутствіе не допускаютъ того. Ваше сіятельство убѣдитесь въ этомъ, какъ только кончится война и ваши совѣты не преминутъ заставить его рѣшиться на мѣру, необходимую для счастья человѣка, съ такимъ характеромъ, какъ его.

*

Петербургъ, 12-го Февраля 1813 г.

Не предвидя скорой оказіи, я назначаю это письмо къ отправкѣ вашему сіятельству по пути болѣе надежному, нежели скорому. Вотъ

почему помѣщу въ немъ извѣстія, могуція занять ваше сіятельство и не требующія свѣдѣній; они послужатъ отвѣтомъ на нѣкоторые вопросы, кои я имѣлъ честь получить въ разное время. Не могу не довести до вашего свѣдѣнія въ первую очередь о замѣчательной и забавной сценѣ, происшедшей въ день Рождества при дворѣ между Румянцовымъ и мною. Былъ день почты, и мнѣ надо было отправлять письма Ея Величества, что задержало меня принести поздравленіе Ея Величеству въ кабинетъ, какъ я имѣю обыкновеніе дѣлать до большого выхода. Ея Величество уже прослѣдовала въ церковь, я пошелъ за нею, и первое лицо, кого я встрѣтилъ въ дверяхъ пріемной залы, изъ которой Ея Величество только что вышла, былъ графъ Р. Послѣ обычныхъ поздравленій съ его стороны (ибо моя вѣжливость ограничивается обыкновенно очень низкими поклонами на возможномъ далекомъ разстояніи), онъ сказалъ, что радъ меня видѣть, очень жалѣеть, что не встрѣчаетъ меня, что хотѣлъ даже письмомъ просить меня зайти къ нему и что я могу оказать ему большую услугу. „Я готовъ“, отвѣчалъ я, „исполнить приказаніе, которое ваше сіятельство найдете нужнымъ мнѣ дать“. — „Есть ли у васъ портретъ графа Михаила Воронцова?“ — „Нѣтъ, къ сожалѣнію я его не имѣю“. — „Такъ вы можете, не правда ли, достать мнѣ? Я знаю, что таковой здѣсь есть“. — „Да есть довольно хорошій у капитана Марина, и онъ его, вѣроятно, мнѣ одолжитъ; онъ сдѣланъ карандашемъ, но довольно похожъ“. — „Будьте добры оказать мнѣ эту услугу; я вамъ скажу, что желалъ бы его выгравировать: во первыхъ это—имя, которое я уважаю, а во вторыхъ личное поведеніе графа Михаила таково, что привлекло къ себѣ уваженіе общее и мое въ частности“. Подобная низость побудила меня нарочно сказать ему, что есть портретъ у Нарышкина (съ которымъ онъ даже не разговариваетъ) и что онъ лучшій изъ всѣхъ. „Вы хорошо знаете“, сказалъ онъ, „что я не могу просить его у Нарышкина: но если вы его достанете, я вамъ буду очень благодаренъ“. — „Постараюсь“, отвѣчалъ я. Потомъ онъ спрашивалъ о графѣ Михаилѣ и т. д. и т. д. Въ залѣ находилось человѣкъ до ста, и нѣкоторые стояли вблизи отъ насъ. Этотъ разговоръ забавлялъ присутствующихъ, особенно генерала Армфельда, его, можно сказать, заклятого врага, который громко дѣлалъ замѣчанія и поясненія на каждую его фразу.

На этомъ мы разстались. Нѣсколько дней спустя, видя собравшихся въ большемъ количествѣ друзей графа Михаила и моихъ, я предложилъ вопросъ, слѣдуетъ ли давать портретъ или нѣтъ? Въ началѣ всѣ были противъ, но графъ Мусинъ-Пушкинъ (бывшій министръ въ Неаполѣ) рѣшилъ за, говоря, что портретъ надо дать обязательно, и

графу Румянцеву придется уважить волею-неволею это имя, отдавъ выгравировать упомянутый портретъ. Всѣ согласились, и Маринъ одолжилъ мнѣ портретъ, который я отослалъ графу Р. въ день Нового года съ письмомъ, въ которомъ, поздравляя его, я выражаю пожеланія счастья не ему, а Россіи и Европѣ. Вчера онъ прислалъ ко мнѣ статскаго совѣтника своей канцелярш съ благодарностью за мою обязательность, увѣряя, что я сдѣлалъ ему самый пріятный праздничный подарокъ. Но сегодня, встрѣтивъ меня во дворцѣ, онъ сказалъ, что Нарышкинъ обѣщаль дать ему лучшій, и бѣдняга, казалось, заранѣе предвгушалъ удовольствіе. Нужно обладать большою низостью, чтобы предъявить подобную просьбу Нарышкину, съ которымъ онъ никогда не разговариваетъ, и это за параднымъ обѣдомъ Ея Величества. Вообще, съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ гравѣромъ. Это онъ, и на свои средства, велѣлъ выгравировать портреты графа Витгенштейна, Платова и даже князя Смоленскаго (послѣ Московской гибели онъ предлагалъ съ Козодавлевымъ въ Совѣтъ Министровъ смѣнить его и послать Палена). Вдругъ его обуяла манія выписывать разнаго рода инструменты и рабочихъ для всевозможныхъ ремеслъ; онъ не пренебрегъ даже соломенными шляпами. Дай Богъ, чтобы онъ преуспѣлъ въ ремеслахъ и чтобы его успѣхи въ этомъ направленіи отвратили его отъ политики—ремесло неблагодарное въ его рукахъ. Вопреки скряжничеству, ему вдругъ понравилось давать обѣды генераламъ, женщинамъ и т. д. Въ первый разъ Кутузова, графиня Витгенштейнъ и г-жа Беннгсенъ отказались; во второй, точно также; но онъ никогда не отчаивается, и въ третій разъ Кутузова и Витгенштейнъ обѣдали, а г-жа Беннгсенъ сдѣлала это уже послѣ вторичнаго приглашенія. Недавно Барклай и Эссенъ также были у него на обѣдѣ. Нѣкоторые слышали, какъ графъ Р. третьяго дня обращался къ первому изъ нихъ съ упреками, говоря, что видитъ какъ становится старъ, потому что даже старинные пріатели покидаютъ его.

Сцена съ Морковымъ *) при дворѣ была, говорятъ, великолѣпна. Этотъ спросилъ его о здоровьѣ. „Оно прекрасно“, отвѣчалъ тотъ, „у меня былъ легкій ударъ; но голова никогда не страдала, и если бы замѣтилъ я, что она хоть немного слабѣетъ, я тотчасъ попросилъ бы отставить меня отъ дѣлъ“. Это похоже, дѣйствительно, какъ бы на извиненіе передъ Морковымъ.

Ваше сіятельство спрашиваетъ, кѣмъ до сихъ поръ держится канцлеръ? Никто не знаетъ иной дружеской связи, какъ съ Аракче-

*) Графомъ Аркадіемъ Ивановичемъ, который, будучи посломъ во Франціи, держалъ себя самостоятельно, а не преклонялся передъ Наполеономъ, какъ познѣе канцлеръ графъ Румянцовъ. П. В.

свымъ; но этотъ слишкомъ эгоистиченъ и честолюбивъ, чтобы не пожертвовать дружбою, если представится случай. Впрочемъ, до отъезда Государя они были закадычными друзьями по пословицѣ: „рыбакъ рыбака видитъ издалека“ и обѣдали обыкновенно глазъ на глазъ. Не знаю, былъ ли Аракчеевъ, сопровождающій Его Величество въ путешествіи, въ заговорѣ оставить канцлера здѣсь; но онъ испыталъ оскорбленіе остаться помимо своего желанія, и его обманули жестокимъ образомъ. Отъездъ Государя былъ рѣшенъ въ нѣсколько часовъ, тогда какъ его ждали въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Графъ Александръ Салтыковъ, оставшійся здѣсь со времени первой своей повѣдки, чтобы вести переговоры съ дипломатическимъ корпусомъ, за два дня до отъезда Его Величества подавъ просьбу объ отставкѣ (предполагаютъ, что эта просьба ему вынуждена). Его Величество, принявъ ее, сказала графу Р., чтобы онъ оставался здѣсь съ дипломатическимъ корпусомъ и что можетъ быть онъ его вызоветъ. Итакъ графъ Р. не видалъ его при отъездѣ, потому что ночью велѣно было все приготовить, и въ 9 часовъ утра послѣдовалъ отъездъ. Этотъ самый министръ поссорился недавно съ графинею Протасовою (которая разсказывала мерзости про Бонапарта), утверждая, что говорятъ и пишутъ слишкомъ свободно и безъ всякой сдержки о государѣ, съ которымъ въ концѣ концовъ придется прійти къ соглашенію. Однимъ словомъ, можно написать цѣлые томы, если бы того стоило, и не вмѣстить въ нихъ всѣхъ чертъ этого ничтожества.

Я видѣлъ нѣкоего, читавшаго четыре протокола Французскихъ военныхъ совѣтовъ, бывшихъ въ Витебскѣ, Смоленскѣ и два въ Москвѣ. Въ двухъ первыхъ обсуждалось только, нужно ли преслѣдовать нашу армію или, остановясь и занявъ позицію на Двинѣ и Дибнрѣ, закончить кампанію. Всѣ маршала были послѣдняго мнѣнія, исключая Бонапарта, Мюрата и Бертье. Хвала Богу: этимъ они лишились возможности отнять у насъ Польшу и продиктовать миръ. Въ Москвѣ, на первомъ совѣтѣ, три дня спустя по занятіи ея, обсуждалось, нужно ли выйти изъ города и занять позицію со всѣми своими силами противъ нашей арміи; всѣ стояли за выходъ, кромѣ Бонапарта, увѣреннаго въ мирѣ, и его мнѣніе опиралось, какъ онъ говорилъ, на томъ, что онъ знаетъ нашихъ министровъ. Онъ далъ имъ изумительную и точную характеристику; онъ говорилъ, что надо утвердиться и начать царствовать въ Москвѣ, чтобы заставить насъ возможно скорѣе приступить къ переговорамъ. Было бы очень любопытно узнать, чѣмъ онъ говорилъ о Р. Первое свиданіе Кутузова съ Лористономъ (утверждаютъ, что ихъ было два) утвердило его въ его мнѣніи, и это-то и погубило его. Мнѣ

разсказывали, что сцена была смѣхотворна. Главнокомандующій и Лористонъ проливали оба слезы и выражали взаимныя чувства дружбы и желанія скорѣйшаго мира. Бонапартъ справедливо назвалъ Кутузова „старою лисою“, потому что сей послѣдній сыгралъ злую шутку своею якобы довѣрчивостью, слезами и мягкостью. Лористонъ былъ такъ очарованъ, что въ припадкѣ довѣрія и дружбы первый сообщилъ ему о разгромѣ при Саламанкѣ и Мадритѣ, говоря, что не надо придавать вѣры всему, чтò можетъ ему разсказать Англійскій агентъ Вильсонъ, и бѣдствіе вовсе не такъ велико, какъ его представляютъ Англичане. Во второе свиданіе этотъ человѣкъ, такой мягкій, добрый и дружественный, предсталъ страшнымъ, какъ дьяволъ, такъ какъ прошло уже нѣкоторое время съ перваго свиданія, замѣшательство во Французской арміи увеличилось, а наша получила подкрѣпленіе, припасы и средства изгнать непріятеля.

Четвертый совѣтъ состоялся въ день отъѣзда Бонапарта изъ Москвы и пораженія Мюрата. Бертье предложилъ бросить всю артиллерію и обозъ, дабы наиболѣе облегчить армію, доказывая, что этимъ выиграются шесть переходовъ. Бонапартъ одинъ заявилъ, что онъ не согласенъ и не желаетъ оставлять намъ никакого триумфа.

Если разсказъ о двухъ свиданіяхъ вѣренъ, Кутузовъ оправдалъ мнѣніе о немъ Суворова, что отъ него порохоомъ пахнетъ, что онъ же и Рибаса проведетъ, ибо онъ провелъ даже самого Бонапарта съ его кликою мошенниковъ и плутовъ.

Эти четыре протокола, о которыхъ я говорю, достались намъ вмѣстѣ съ военной канцеляріей Бонапарта, и эта добыча важна, какъ для нашего собственнаго наставленія, такъ и для истребленія его арміи.

Государь хорошо дѣлаеть, не держа при себѣ ни одного министра, потому что у насъ Кутузовъ, который, думаю, даже болѣе министръ, нежели полководецъ, чтò онъ доказалъ во многихъ случаяхъ. Барклай вернулся къ арміи, но Бенигсенъ, пробивъ въ Витебскѣ и Порховѣ больше мѣсяца, пріѣхалъ въ Вильну, такъ какъ главнокомандующій объявилъ, увѣряютъ, что не останется и двухъ часовъ при арміи, если въ нее пріѣдетъ этотъ интриганъ, глупецъ и негодяй, въ виду того, что именно онъ поссорилъ его съ Барклаемъ и приблизительно со всѣми генералами. Было время чтò говорили, будто Бенигсенъ совѣтовалъ Государю назначить Кутузова вмѣсто себя командующимъ. Дало поводъ къ этому слуху то, что оба эти генерала были связаны узами тѣсной

дружбы въ Вильнѣ, что Кутузовъ просилъ Беннгсена себѣ въ помощники и, получивъ, оказалъ ему вниманіе и самъ пошелъ объявить это его женѣ, бывшей въ то время здѣсь. Теперь выяснено, что слухъ былъ ложенъ, но что его распустили друзья Беннгсена, желавшіе приписать ему эту заслугу, но послѣ Москвы сами его опровергали. Также извѣстно, что Беннгсень неблагодаренъ и интриганъ или, вѣрнѣе, тяжелъ и глупъ. Принцы Ольденбургскій и Виртембергскій стояли за него, также и графъ Раstopчинъ, заклятый врагъ Кутузова. Ваше сіятельство изъ сего увидите всѣ пружины и нити коварствъ, кои хвала Богу, съ отсылкою Беннгсена прекратились. Главнокомандующій теперь въ арміи все, и самъ Государь, далекій отъ мысли стѣснять его, дѣлаетъ, какъ онъ хочетъ и предоставляетъ ему всѣ почести, полную свободу дѣйствій и всю власть. При такомъ положеніи дѣла идутъ хорошо. Такъ и слѣдуетъ поступать. Вильсонъ также примкнулъ къ Беннгсену; онъ имѣлъ даже глупость и нескромность присылать сюда курьеровъ съ депешами къ Государю. Какъ мало придавали имъ значенія, видно изъ того, что поставили во всеобщую извѣстность его глупыя депеши, о которыхъ говорить весь городъ, справедливо удивляясь, какъ осмѣливается иностранецъ, вчера испеченный генераль, судить о дѣлахъ и обращаться съ совѣтами и донесеніями къ Государю. Онъ долженъ чувствовать себя теперь очень скверно, видя, что его глупыя предсказанія не сбылись. Лордъ Каткартъ удивлялся вмѣстѣ со мною, какъ у главнокомандующаго доставало терпѣнія не отослать его, чтò онъ долженъ былъ сдѣлать тотчасъ же для примѣра другимъ. Я думаю, на подобныя поступки натолкнули его Беннгсень и эти принцы, съ которыми онъ восторженно считалъ себя за панибрата, воображая, что эта связь окажетъ ему честь, тогда какъ наши его презирали и избѣгали.

Говорятъ, будто Аракчеевъ при арміи не тотъ, чтò здѣсь: онъ настолько же ласковъ и мягокъ съ главнокомандующимъ, насколько здѣсь былъ горделивъ и золь и, благодаря Бога, ему не даютъ ни во что вмѣшиваться безъ вѣдома князя. Этотъ человекъ ненавистникъ, желченъ, мстителенъ, жестокъ, эгоистъ, прирожденный шпионъ, никогда не дѣлавшій добра, но только какъ можно больше зла, и его власть простиралась далеко. Здѣсь князь Горчаковъ ничего не значилъ, все шло черезъ него; онъ былъ воплощеніемъ военной полиціи и не допускалъ никого къ Государю. Главный интендантъ продовольствія Лаба, прибывъ въ армію, явился къ князю Горчакову; тотъ сказалъ, что онъ долженъ представиться Государю завтра въ такой-то часъ. Послѣ долгаго совѣщанія съ Его Величествомъ о состояніи магазиновъ и средствахъ пе-

ревозки (вопросъ болѣе важный, нежели все остальное въ подобной войнѣ), онъ получилъ приказъ передать Аракчееву записку по этому поводу. Этотъ сначала не хотѣлъ ее принять, говоря, что онъ удивляется, какъ Горчаковъ позволяетъ своимъ подначальнымъ беспокоить Его Величество: доказательство, что по его мнѣнію никто не долженъ съ пустяками приближаться къ Государю. Здѣсь онъ привѣтствуетъ такого-то и сообщаетъ ему такое-то и такое-то приказаніе Его Величества. Если получившій приказъ проситъ объясненія, онъ съ отвратительнымъ притворствомъ отвѣчаетъ, что ничего ему неизвѣстно, но надо исполнять волю Его Величества, не дерзая даже объясняться съ нимъ; самъ же дѣлаетъ видъ, будто ничего не знаетъ. Въ данное время не знаю, есть ли у него какое дѣло при арміи; но онъ покоенъ, и о немъ по крайней мѣрѣ ничего не слышно. Онъ много сдѣлалъ для нашей артиллеріи, гдѣ выказалъ большія познанія и даже усовершенствовалъ эту часть: но въ арміи мало людей, коимъ онъ не сдѣлалъ бы зла и особенно людямъ приличнымъ. Самъ Гатчинецъ, онъ вообще покровительствуетъ только этой сволочи.

Вижу съ великимъ изумленіемъ, что такъ громко восхваляютъ въ Англіи великія дѣянія графа Ростопчина¹⁾. Дѣйствительно, въ началѣ все очень ошибались на счетъ того, чтѣ онъ печаталъ въ Москвѣ, и его прокламаціи, казалось, электризовали населеніе злосчастной столицы. Однако оказалось, что то, чтѣ онъ называлъ *кличъ кликну* было пустымъ звукомъ и вмѣсто 60.000 человекъ этого *клича* было всего 3 и самое большое 4 тысячи арестантовъ, захотѣвшихъ защищать Кремль и которые потомъ способствовали Французамъ въ разграбленіи и пожарѣ города. Единственное подкрѣпленіе, которое онъ послалъ съ графомъ Морковымъ, была часть Московской милиціи, каковую доставляли и другія губерніи. Послѣ всего этого бахвальства его *кличъ* далъ тягу, и самъ онъ уѣхалъ изъ первыхъ. Онъ даже не уничтожилъ запасовъ, такъ какъ Французы нашли болѣе 10.000 ружей, и Кремль они взорвали порохомъ, найденнымъ въ Москвѣ. Онъ постоянно ссорился съ главнокомандующимъ, напомнилъ ему даже, что тотъ варилъ шеколадъ у князя Зубова и не можетъ про себя сказать, что достоинъ командовать арміей. Ваше сіятельство помните прокламаціи, гдѣ онъ говоритъ: у меня одинъ глазъ былъ боленъ и слѣпъ, а теперь я въ оба гляжу. Это онъ ясно намекнулъ на князя²⁾. Онъ былъ особенно разсерженъ тѣмъ, что его не допустили ни на одинъ изъ военныхъ совѣтовъ,

1) Въ Лондонѣ даже одна улица названа Ростопчинскою. П. Б.

2) Кутузовъ на одинъ глазъ былъ кривъ. П. Б.

собиравшихся до оставленія Москвы. По мнѣнію военныхъ, его и нельзя было допустить изъ боязни поставить въ неловкое положеніе его самого и безопасность арміи: его дѣйствія были такъ не соответственны, что Богъ знаетъ, какъ бы пришлось поступать, имѣя за спиною врага среди населенія, а передъ лицомъ непріятельскую армію. Словомъ, соображенія противъ его допущенія были важнѣе чѣмъ желаніе удовлетворить его тщеславію и честолюбію. И вотъ борьба на смерть между нимъ и княземъ Кутузовымъ. Онъ до сихъ поръ продолжаетъ писать прокламаціи, вызывающія смѣхъ своимъ слогомъ и подъ частъ страннымъ содержаніемъ. Онъ могъ бы предоставить эту обязанность писакамъ, ибо это вовсе недостойно званія военнаго губернатора, тѣмъ болѣе, что теперь въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Онъ, напримѣръ, увѣряетъ, что заразная гнилая горячка существуетъ только въ воображеніи, тогда какъ вся Россія и Москва въ особенности показываютъ противное, какъ это засвидѣтельствовано смертью нѣсколькихъ людей выдающихся, чего нельзя не знать. Ваше сіятельство думаете, что я нахожусь подъ вліяніемъ двора и друзей касательно языка и образа дѣйствій графа Ростопчина. По чести, я не знаю, какое мнѣніе на этотъ счетъ при дворѣ, но мнѣніе общества и публики въ общемъ теперь таково, что все окончательно извѣрились въ него настолько же, насколько раньше вѣрили въ его бахвальство. Надо предположить, что Москву мы сожгли наравнѣ съ Французами; по крайней мѣрѣ объ этомъ говорятъ, потому что онъ вывезъ изъ города все пожарныя трубы, чтобы не тушить огня. Словомъ, городъ сгорѣлъ, и дѣлать нечего. Въ дѣйствіяхъ графа Ростопчина я считаю достопамятнымъ только сожженіе Воронова, поступокъ дѣйствительно великій и величественный. Въ остальномъ пусть его превозносятъ, ничто меня не переубѣдитъ, и чѣмъ болѣе я вѣрилъ его словамъ въ началѣ, тѣмъ болѣе убѣдился, что онъ плохой писака прокламацій, съ самыми обыкновенными способностями какъ военный губернаторъ. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ служитъ мнѣ то, что у него нѣтъ ни одного друга въ Москвѣ, и тамъ его каждый день клянутъ все. Даже народъ ненавидитъ его теперь въ такой же степени, какъ былъ раньше имъ возбужденъ. Я получилъ сотни писемъ изъ Москвы и видѣлъ много людей, пріѣхавшихъ оттуда: о Ростопчинѣ существуетъ только одно мнѣніе.

Что касается измѣны Платова, такъ гнуено приведенной въ извѣстность въ Лондонѣ, то онъ ясно доказалъ противное своими поступками неопровержимыми и славными какъ для него, такъ и для его казаковъ. Ошибка, совершенная имъ послѣ Бородина, когда онъ не удер-

жалъ съ аррьергардомъ позиціи, чтобы дать время укрѣпиться подѣ Можайскомъ, гдѣ бой долженъ былъ возобновиться, была велика и даже явилась причиною потери Москвы; но ее равно можно приписать и Бенингсену, ибо сей послѣдній очень медлилъ сдѣлать должныя распоряженія. Платовъ искупилъ свою вину, и отечество вѣчно обязано этому знаменитому человѣку, заставлявшему Наполеона столько разъ дрожать за свою жизнь. Памятникъ, который воздвигнуть въ Москвѣ изъ неприятельскихъ орудій, будетъ со славою носить имя Платова среди именъ главныхъ героевъ этой войны.

Сдѣлано нѣсколько проектовъ для этого памятника, но ни одинъ не утвержденъ. Рескриптъ Его Величества къ графу Ростопчину дастъ нужныя указанія, чтобы имъ заняться немедленно. Этотъ памятникъ будетъ прекраснѣйшимъ во всемъ мірѣ и передастъ потомству нашу славу и гнусность подлаго Корсиканца, спасшагося бѣгствомъ и пожертвовавшаго 300.000 людей для спасенія своей особы. Кажется, онъ надѣется царствовать только подѣ именемъ жены и сына, ибо хочетъ короновать сего послѣдняго и въ тоже время говорить о регентахъ. Я вижу въ этомъ только приумноженіе подлости, на которую только онъ способенъ.

Ваше сіятельство спрашиваете, почему графа Сень-При не произвели въ генераль-адъютанты? Онъ стоитъ впереди всѣхъ, коихъ повысили за Бородино. Графъ Сень-При прекрасный человѣкъ, другъ графа Михаила, и я его люблю всѣмъ сердцемъ, но онъ хитре всѣхъ насъ. Если бы князь Багратионъ оставилъ завѣщаніе, онъ его представилъ бы въ генераль-лейтенанты, ибо онъ получилъ повышение въ день, когда пришло извѣстіе о смерти князя; кромѣ него никто изъ приближенныхъ князя не получилъ награды.

Это письмо начато болѣе мѣсяца тому назадъ: отсутствіе оказій и моя болѣзнь—причины, что я его кончаю только сегодня, 12 Февраля 1813 г.

*

Петербургъ, 13 Февраля 1813.

Не получая извѣстій отъ графа Михаила, я радъ сообщить вашему сіятельству, что узналъ отъ Ея Величества. Она сооблаговолила спросить о немъ генераль-адъютанта Васильчикова, присланнаго сюда съ ключами Варшавы. Онъ не видалъ его съ Вильны, но сообщилъ Ея Величеству, что его послали на Берлинъ съ значительнымъ отрядомъ и, вѣроятно, мы получимъ отъ него первыя извѣстія изъ этой столицы.

Могу также вполне увѣрить ваше сіятельство, что онъ совсѣмъ не чувствуетъ своей раны. Съ послѣдними письмами графа Михаила я получилъ письмо отъ его адъютанта Нарышкина¹⁾, сына покойной Анны Ивановны, гдѣ онъ говоритъ положительно и съ великою радостью, что онъ даже не вѣрилъ, что графъ былъ раненъ: такъ хорошо зажила его рана. Жалѣю, что не имѣю этого письма для отсылки къ вамъ, графъ, такъ какъ онъ говоритъ въ немъ о дѣлѣ своей сестры, графини Бальменъ; но, не имѣя силъ написать ей своевременно, я ограничился отсылкою этого письма, какъ отвѣта на то, что она мнѣ писала.

Послѣднія извѣстія изъ арміи гласятъ, что Его Величество покинулъ Плоцкъ и передвинулся дальше; а какъ Прусскій король въ Бреславлѣ, то возможно, что они встрѣтятся въ Петроковѣ (Petrikau). Болѣе чѣмъ когда либо есть надежда, что Австрія соединится съ нами. Отсюда уже установили что-то въ родѣ прямого сообщенія съ Вѣною, потому что на почтѣ принимаютъ письма съ наложеніемъ на нихъ заказа въ Радзивиловѣ, что служитъ хорошимъ признакомъ. Если правда, какъ увѣряютъ наши газеты, что графъ Стадіонъ назначенъ генераль-коммисаромъ въ арміи съ неограниченными полномочіями, то не останется сомнѣнія въ настоящихъ намѣреніяхъ Австріи, и она приметъ правую сторону, не заботясь о Маріи-Луизѣ и ея незаконномъ сынѣ²⁾.

Графъ Строгоновъ здѣсь уже двѣ недѣли. Смерть его зятя, князя Бориса Голицына, заставила его покинуть армію, чтобы внести нѣкоторое утѣшеніе въ семью. Онъ отправляется черезъ двѣ недѣли.

*

Петербургъ, 15 Февраля 1813.

Ея Величество соблаговолила сообщить мнѣ, что Государь упоминаетъ о славномъ и счастливомъ дѣлѣ, которое графъ Михаилъ имѣлъ въ окрестностяхъ Познани, но въ его письмѣ нѣтъ никакихъ подробностей. Курьеръ, прибывшій вчера, привезъ нѣсколько увѣдомленій объ экспедиціи графа Михаила. Кажется, онъ съ своимъ отрядомъ нагналъ непріятеля въ количествѣ 4.000 человекъ, удалявшагося изъ Торна, разбилъ его окончательно и занялъ Познань, гдѣ нашелъ множество пищевыхъ складовъ и всякаго рода боевыхъ припасовъ.

¹⁾ Дмитрія Васильевича, который позднѣе женился на дочери графа Ростопчина, Натальѣ Фёдоровнѣ. П. Б.

²⁾ Не понимаемъ, почему Лонгиновъ не признавалъ законности Наполеонова брака. Развѣ потому, что Наполеонъ не разводился съ Жозефиною. П. Б.

*

Петербургъ, 26 Февраля 1813.

Ваше сіятельство спрашиваете, почему Полтавская и Черниговская губерніи совсѣмъ не даютъ рекрутовъ. Жалѣю, что забылъ сообщить вамъ, что обѣ эти губерніи поставили, въ труднѣйшія времена, милицію и затѣмъ всеобщее вооруженіе на подобіе Малороссійскихъ казаковъ до 50.000 человекъ; князь Яковъ Лобановъ¹⁾ увѣрилъ ихъ, что за это имъ вернутъ прежнія льготы. Первая милиція прибыла въ армию, нѣсколько дней спустя по оставленіи Москвы, на Красную Пахру, а всеобщее вооруженіе въ Могилевъ при переходѣ нашей арміи черезъ Днѣпръ. Ваше сіятельство, можетъ, помните рапортъ князя Кутузова, гдѣ онъ съ удивленіемъ говоритъ, что нашель подкрѣпленіе въ 70.000 человекъ подъ начальствомъ Гудовича въ Могилевѣ: это и была большая часть воиновъ изъ Малороссіи. Однако до сихъ поръ ихъ старинныя льготы не возобновлены.

*

Петербургъ, 11 Марта 1813.

Его Величество Государь сообщаетъ, что Австріакъ Лебцельтернъ²⁾ находится при главной квартирѣ, начиненный всѣми увертками своего двора. Однако не отчаяваются приблизиться къ желаемому разрѣшенію. Лордъ Вальполь, который долженъ былъ ѣхать черезъ Кобленцъ въ Лондонъ, можетъ дать болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ.

Пока предоставляютъ свободу дѣйствій главнокомандующему, дѣла, какъ военныя, такъ и политическія, пойдутъ удачно; а канцлеръ, если его не выгонять, можетъ считать себя счастливымъ сохранять свое мѣсто въ презрѣннѣи общества и во всеобщемъ отвращеніи всѣхъ иностранныхъ державъ. На слѣдующій день по полученіи извѣстія о трактатѣ, заключенномъ съ Пруссією и—извѣстія, сообщеннаго Государемъ Ихъ Величествамъ Императрицамъ, и нѣсколькими частными письмами (такъ какъ событіе не являлось уже тайною и весь городъ зналъ о немъ), канцлеръ за столомъ у Императрицы опровергалъ его, увѣряя, какъ говорилъ онъ, что Пруссія не способна принять подобное рѣшеніе. Надъ его невѣдѣніемъ посмѣялись и оставили его въ немъ, и онъ въ немъ пребываетъ до сихъ поръ, потому что, какъ извѣстно, онъ отвѣчаетъ всему дипломатическому корпусу, что не получалъ по этому поводу никакого сообщенія.

¹⁾ Малороссійскимъ генераломъ-губернаторомъ. П. Б.

²⁾ Еврей по происхожденію, воздѣе женившійся на богаткѣ нашей, графинѣ Лаваль, и сдѣлавшійся Австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. П. Б.

Учреждена комиссія по управленію Варшавскимъ герцогствомъ подъ предѣдательствомъ Ланского (Василія Сергѣевича). Для управленія испрашиваются 130 гражданскихъ чиновниковъ всѣхъ степеней, и занимаются выборомъ ихъ съ величайшимъ затрудненіемъ. Недавно рескриптомъ фельдмаршалу князю Салтыкову Государь приказалъ уволить изъ всѣхъ департаментовъ сверхштатныхъ, имѣя въ виду замѣстить ими порожнія мѣста въ полкахъ; а какъ въ спискахъ, представленныхъ министрами, было мало лицъ, уволенныхъ по этому приказу, то въ данное время затребованы именныя списки всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ безъ различія, дабы увидать, нѣтъ ли какого обмана или злоупотребленія. Изъ за этого почти не находятъ людей для управленія герцогствомъ.

Ваше сіятельство пишете по поводу Вильсона, что у насъ легко пристращаются къ иностранцамъ и портятъ ихъ. Это правда и именно относительно Вильсона, который изъ за позволенія Государя, даннаго изъ простой вѣжливости, писать Его Величеству, позволилъ себѣ посылать ему курьеровъ и депеши, полныя ругательствъ на главнокомандующаго. Это продолжалось до дѣла подѣ Краснымъ, и я не понимаю, какъ главнокомандующій не отослалъ его, подобно какъ Беннигсена, въ руку котораго Вильсонъ дѣйствовалъ. Малое значеніе, которое придавали его писаніямъ, доказывается широкою гласностью, приданной имъ, и это должно было отвратить Вильсона отъ его ремесла, особенно послѣ того, какъ всѣ его безумныя предсказанія были опровергнуты самыми счастливыми послѣдствіями, каковыхъ голова Вильсона не способна была предусмотрѣть. Ему отдають справедливость въ его рвеніи и устояхъ; но онъ сталъ немного уподоблять себя Веллингтону, хотя и сей послѣдній не достаточный авторитетъ для вояки, убѣленнаго сѣдинами подѣ звуки выстрѣловъ, какъ Кутузовъ. Всюду много подобныхъ добровольныхъ Англійскихъ дипломатовъ. Покойный Бентингъ былъ таковымъ и трубилъ повсюду, что надо призвать Бернадота командовать соединенными силами противъ Бонапарта и что онъ единственный герой вѣка. Здѣсь теперь нѣкій Вайбурнъ, котораго я никогда не могъ разобрать, но который, кажется, горячій другъ Вильсона. Я не знаю, какъ и почему онъ здѣсь. Всѣ эти господа—причина, почему Новосильцовъ не былъ посланъ посланникомъ въ Лондонъ, ибо они всѣ съ шумомъ и гамомъ требовали его, и я предвидѣлъ, что это послужитъ причиною не посылать его въ Лондонъ, какъ и случилось. Они хватились за умъ, но слишкомъ поздно. Бентингъ, еще въ первый прїѣздъ свой въ армію, намѣчалъ на этотъ постъ Бяратинскаго. Онъ даже просилъ о немъ Государя, какъ самъ говорилъ

миѣ, и Государь будто соглашался. Лордъ Каткартъ, прїѣхавъ сюда, поставилъ этихъ господъ на ихъ мѣста; не думаю, чтобы Вильсонъ былъ восхищенъ увидѣть его при арміи; онъ заслуживаетъ хорошаго урока.

Генераль Бепигсенъ, сконфуженный и выпровоженный, какъ кажется, недавно еще получилъ 15.000 р. пенсіи за убытки, какъ говорятъ, въ Ганноверѣ, причиненные конфискаціей его владѣній, приносящихъ не болѣе 1500 р. дохода. Онъ въ Минскѣ, въ своемъ помѣстьѣ, а жена остается здѣсь, чтобъ каверзничать съ Польской кликою. Покойный князь NN. также имѣлъ дѣло съ каверзниками въ арміи, и я удивляюсь, что его отзывы могли произвести какое нибудь впечатлѣніе, ибо онъ былъ болѣе чѣмъ ограниченъ; а что касается его брата, такъ тотъ вѣтрогонъ, ничтоженъ и глупъ.

Я имѣлъ честь говорить вамъ о казакахъ Полтавы и Чернигова. Князь Лобановъ, генераль-губернаторъ, въ минуту опасности и когда почти не существовало сообщенія съ его губерніями, прибѣгъ къ этой мѣрѣ, обязавшись возстановить этимъ губерніямъ прежнія ихъ льготы, которыя въ сущности очень не велики. Нѣкоторые министры, по минованіи опасности, возстали, говоря, что государство теряетъ этимъ болѣе 3 милліоновъ дохода. Если сравнить эту сумму и число великолѣпныхъ войскъ, коихъ эти губерніи могутъ поставлять постоянно, то потеря дохода будетъ незначительная. Чтò значитъ для государства и Малороссіи, будутъ ли они одѣты казаками или уланами, гусарами и т. д.? Они останутся прекрасными всадниками, которыхъ можно даже собрать въ полки и образовать правильную кавалерію.

Князь Лобановъ, видя, что его обѣщаніе не утверждаетъ, написалъ Его Величеству, что если не признаютъ того, чтò онъ обѣщаль отъ своего имени, пусть объявятъ его сумасшедшимъ. Не знаю, къ какому рѣшенію придутъ; но, кажется по этому поводу не сказано ни да, ни нѣтъ.

Имяне Круглое*) не дастъ, думается миѣ, въ нынѣшнемъ году дохода, но по всему, чтò я узнаю изъ присылаемыхъ миѣ донесеній,

*) Могилевской губерніи. Оно было завѣщано графу Михаилу Семеновичу Воронцову его теткою княгиней Дашковой, которая желала, чтобъ онъ принялъ все состояніе ея съ именемъ князя Дашкова-Воронцова. Этого не дозволилъ графъ Семенъ Романовичъ, такъ какъ ей въ сущности не принадлежали имѣнія Дашковскія. Вдова ея двоюроднаго брата, графа Ларіона Ивановича, была стоворчивѣ, и сынъ ея (въ то время подростокъ) получилъ съ имѣніями имя графа Воронцова-Дашкова. П. Б.

видно, что по крайней мѣрѣ ничего не сожжено и будетъ чѣмъ прокормить людей, принадлежащихъ къ этой землѣ и 22 человекъ музыкантовъ Нарвскаго полка, коихъ графъ Михаилъ прислалъ съ Французскимъ капельмейстеромъ для обученія и съ хирургомъ, тоже плѣннымъ. Между музыкантами есть Французы, долженствующие обучить Русскихъ полковыхъ музыкантовъ. Библіотека покойной княгини Дашковой сожжена въ Слободѣ*), куда была перевезена; я думаю, что въ ней были хорошія книги, но предполагаю, что это должны были быть дубликаты Андреевской библіотеки. Во всякомъ случаѣ, потеря чувствительная. Чтѣ касается библіотеки Бутурлина, то это очень горько: она была единственное утѣшеніе графа, причина его разоренія, и безпрекословно одна изъ первыхъ библіотекъ въ Европѣ.

*

Петербургъ, 22 Марта 1813.

Графъ де-ла-Ферронэ прибылъ на этихъ дняхъ и передалъ мнѣ вчера письма и пакеты, коими былъ снабженъ отъ вашего сіятельства. По поводу того, чтѣ вы пишете графу Михаилу относительно Австріи и опасности для насъ двигаться въ ея глубь, если она не объявитъ себя нашей сторонницею или не останется, по меньшей мѣрѣ, бездѣйственной, я могу отвѣтить вашему сіятельству, что по всему, чтѣ я знаю, Австрія не въ состояніи напасть на насъ и что, во всякомъ случаѣ, у насъ довольно силъ въ Подоліи и Волыни, чтобы не бояться опасности съ этой стороны, не говоря о Туркахъ, кои могутъ намъ помочь. Въ Волыни въ данное время нѣсколько регулярныхъ войскъ, вся Украинская милиція и таковая же, собранная въ Нижнемъ-Новгородѣ въ количествѣ 70.000 человекъ графомъ Толстымъ, составленная изъ прекрасныхъ частей, такъ что изъ нея можно было бы образовать гвардейскіе полки, какъ я слышалъ отъ всѣхъ, пріѣзжающихъ изъ этого города. Кромѣ того есть резервные войска, образованныя княземъ Лобановымъ и генераломъ Клейнмихелемъ, и кавалерія—Кологривовымъ, которыя частію уже двинулись въ эту губернію, а частію уже тамъ. Все вмѣстѣ, какъ меня увѣряютъ, составляетъ около 200.000 человекъ, сытыхъ, одѣтыхъ, свѣжихъ и воодушевленныхъ столькими блестящими побѣдами ихъ собратій по оружію. Австрія ничего не можетъ намъ сдѣлать, принимая во вниманіе плачевное состояніе ея финансовъ и особенно, что вся эта великая конфедерація

*) Т. е. въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ находился домъ графа С. Р. Воронцова. Другой домъ его, на Знаменкѣ, вышѣ Бутурлина, уцѣлѣлъ, будучи занятъ кѣмъ-то изъ Французскихъ генераловъ. П. Б.

не существуетъ болѣе съ отпаденіемъ Пруссіи и при настроеніи, явно выраженномъ во всей Германіи, не исключая и Австрійцевъ. Мнѣ думается, графъ, что можно быть покойнымъ, не полагаясь, впрочемъ очень на случай.

*

Петербургъ, 9 Апрѣля 1813.

Ея Величество довѣрила мнѣ нѣсколько дней тому назадъ приложенное при семъ письмо г-жи Ботль, дабы переслать его съ первой оказіею. Оно отъ маркграфини Баденской *). Я не стѣжю лучше исполнить порученіе Ея Императорскаго Величества, какъ умоляя ваше сіятельство благоволить взять на себя заботу о доставленіи письма. Надѣюсь, что больше не понадобится заставлять путешествовать письма, какъ до сихъ поръ; какое великое пространство должно было пройти это, чтобы прибыть сюда черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ и снова отправиться въ Лондонъ! Нравственно невозможно, чтобы Европа во второй разъ оказалась въ подобномъ ужасномъ положеніи.

*

Петербургъ, 26 Апрѣля 1813.

Ея Величество Императрица нездорова нѣсколько дней; ее мучаетъ коклюшь въ такой степени, что жаль смотрѣть. Она схватила его при посѣщеніи дѣтей принцессы Виртембергской, гдѣ болѣетъ вся семья. Стараются не давать ей говорить, потому что, когда она начинаетъ, то не въ силахъ окончить словъ: кашляетъ до слезъ. Когда я подаю ей письмо вашего сіятельства, она сказала, что прочтетъ его послѣ. Вчера я видѣлъ ее мелькомъ, но избѣгалъ вовлекать въ разговоръ, а сегодня совсѣмъ не пошелъ, такъ какъ она меня не спрашивала, и у меня не было ничего особеннаго для сообщенія. Я не премину уведомить ваше сіятельство, если она скажетъ мнѣ что нибудь по поводу вашего письма. Предполагаю, что это и здоровье побудитъ Ея Величество раньше переѣхать въ Царское Село; она рѣшила поселиться на лѣто въ этомъ восхитительномъ и пріятномъ мѣстѣ; ибо кажется, Государь, вернувшись сюда, не станетъ жить въ томъ домишкѣ на Каменномъ острову. Я буду имѣть счастье сопровождать Ея Величество въ Царское Село по приглашенію, которое она соблаговолила мнѣ сдѣлать въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. Невозможно описать мое счастье быть вблизи этой великой особы, и разумѣется, если бы я стѣжлъ сохранить свое здоровье, я былъ бы теперь счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; я таковой и есмь, не взирая на огорченія, кои мнѣ причиняютъ

*) Маркграфиня Баденская—мать императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

мои частыя недомоганья. Весна принесла съ собою ужасныя болѣзни, изъ нихъ гнилостныя и нервныя горячки самыя распространенныя, и отъ нихъ выживаютъ немногіе. Третьяго дня скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ, Питтъ; нельзя достаточно оплакать этого человѣка, милостиваго, полного честности и знаній, чтеца на Англійскомъ языкѣ Императрицѣ и ея сестрѣ принцессѣ Амалін, кои объ живомъ о немъ сожалѣютъ. Графъ Строгановъ, благодаря Бога, спасенъ; онъ былъ очень близокъ къ смерти.

Посылаю вашему сіятельству послѣдніе стихи покойнаго Марина. Вы найдете изображенія поразительныя, вѣрныя и удивительно язви-тельные. Графъ и графиня Ливень и вашъ племянникъ могутъ подтвердить вамъ вѣрность портретовъ. Какая утрата для словесности и общества, а также для друзей въ лицѣ этого несчастнаго Марина, честнаго человѣка и настоящаго друга своихъ друзей. Графъ Михаилъ любилъ его сердечно, а я былъ связанъ съ нимъ тѣсными узами съ самаго моего возвращенія въ Россію. Его только что произвели въ генералъ-маіоры и пожаловали ему Владимира 3-й степени; но онъ даже не получилъ удовольренія узнать о счастливомъ поворотѣ своей судьбы послѣ казавшагося забвенія, которое огорчало его, и послѣ всѣхъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ должности свитскаго генерала при арміи князя Багратіона въ теченіи всей кампаніи. Умоляю ваше сіятельство не давать списковъ съ этого произведенія, ибо оно могло бы повредить его памяти. Только подъ этимъ условіемъ получилъ и я этотъ списокъ отъ одного его друга, единственнаго обладателя стиховъ, потому что Маринъ не хотѣлъ давать ему списка, и этотъ другъ зналъ отъ него самого, что тотъ хотѣлъ сообщить письменно стихи только графу Михаилу и мнѣ. Онъ охотно читалъ ихъ наизусть, когда хотѣлъ забавить друзей.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ, графъ, вы находите, что поведеніе различныхъ политическихъ партій въ Польшѣ заслуживаетъ строгаго наказанія и именно союзъ студентовъ въ Вильнѣ. Безъ сомнѣнія, эти бездѣльники заслуживаютъ, чтобы ихъ поголовно сдали въ солдаты; но врожденная доброта главнокомандующаго и сдержанность Государя безпримѣрны: всѣ были прощены, все забыто. Это велико, это прекрасно; но я бы никогда такъ не поступилъ, если бы долженъ былъ дать свое мнѣніе. Иногда нужны примѣры строгости; но у насъ грѣшатъ безнаказанно, и зло отъ этого неизчислимо. Самъ Бонапартъ бывалъ часто возмущенъ подлостью нѣкоторыхъ Поляковъ. На одномъ балу въ Вильнѣ фрейлина Тизенгаузенъ, получившая передъ войною

шифръ, появилась въ немъ. Бонапартъ спросилъ, что онъ означаетъ, и на ея отвѣтъ, что это знакъ отличія и доброты властителя Россіи, похвалилъ ее, прибавя, что никогда не надо забывать благодарній, полученныхъ отъ властителей. Обратясь затѣмъ къ княгинѣ Гедройцъ, онъ спросилъ, почему она безъ шифра, тогда какъ получила его одновременно съ своей сосѣдкою. Та отвѣчала, что получила помимо своей воли это отличіе, надъ которымъ смѣется. Бонапартъ, живо отвернувшись, громко сказалъ: вотъ дура! Ректоръ университета, архи-плутъ Снядецкій, былъ осыпанъ отъ Россіи благодареніями, и онъ же былъ первымъ до входа Французовъ, проповѣдовавшій повиновеніе новому правительству и произносившій отвратительныя рѣчи. И только одинъ Минскій епископъ, назначенный по выбору нашего правительства, былъ удаленъ изъ епархіи, но не лишень сана, какъ это слѣдовало сдѣлать за проступки и образъ его дѣйствій, словно изступленнаго Якобинца. Однимъ словомъ, милосердіе велико, но не слѣдуетъ, чтобы оно было зловредно, и у насъ на это не обращаютъ вниманія. Слышкомъ добры!

*

Петербургъ, 18 Мая 1813.

Меня сейчасъ предупредили, что канцлеръ отсылаетъ курьера въ Лондонъ сегодня въ 6 часовъ вечера. Поѣдетъ Бутеневъ¹⁾, служащій въ канцеляріи графа Румянцова. Осмѣливаюсь рекомендовать его вашему сіятельству, какъ прекраснаго человѣка съ большими заслугами и твердыми устоями. Достаточно сказать для его рекомендаціи, что ему особенно покровительствуетъ графъ Александръ Салтыковъ, первоначально помѣстившій его въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ. Ваше сіятельство по приложенному билету узнаете о приглашеніи, сдѣланномъ мнѣ канцлеромъ; это, чтобы передать мнѣ 30 экземпляровъ гравированнаго портрета графа Михаила. Онъ сопровождалъ этотъ даръ фразами и комплиментами безъ конца, отъ передачи которыхъ я васъ пощажу, такъ какъ они имѣютъ мало значенія отъ человѣка его закала. Одинъ экземпляръ онъ далъ мнѣ, остальные въ распоряженіе графа Михаила. Ваше сіятельство по праву должны получить первый, хотя канцлеръ ни словомъ не обмолвился про васъ²⁾. Правда, онъ никогда этого не дѣлаетъ. Говорятъ, что онъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ на Макарьевскую ярмарку и ждетъ разрѣшенія Государя. Жаль, что до сихъ поръ его не получаетъ.

¹⁾ Это Аполлиарій Петровичъ Бутеневъ, Записки котораго во Французскомъ подлинникѣ изданы его сыномъ графомъ К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ, а Русскій ихъ переводъ предварительно помѣщенъ имъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 и 1883. Выдержки изъ этихъ Записокъ, о 1812 годѣ, вышли отдѣльною книжкою (Москва 1912 г.). П. Б.

²⁾ Намъ неизвѣстенъ этотъ портретъ будущаго фельдмаршала. П. Б.

Сраженіе при Лютцовѣ и смерть главнокомандующаго были сообщены намъ въ одинъ и тотъ же день. Эту смѣсь общихъ радости и горя можно сравнить развѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Трафальгарѣ. Но различіе большое: Англія имѣла гѣмъ замѣнить Нельсона, а мы ищемъ въ Россіи и во всей Европѣ замѣстителя князю Смоленскому и не находимъ! Для босвой славы можно разсчитывать на всѣхъ нашихъ генераловъ, но головы, чтобы руководить всѣмъ, не существуетъ послѣ горестной смерти великаго Кутузова.

*

Царское Село, 2 Іюня 1813.

Я огорченъ сверхъ мѣры, графъ, безпокойствомъ, которое причинилъ вамъ, сообщивъ Ея Величеству копію письма, довѣреннаго мнѣ вами. Неопытность ввела меня въ заблужденіе. Зная мнѣніе о лицѣ, которому было адресовано письмо*) и полное согласіе чувствъ Ея Величества съ вами по отношенію къ нему, я считалъ возможнымъ сдѣлать это сообщеніе безъ всякаго риска и уцѣрба, тѣмъ болѣе, что я былъ какъ бы вызванъ на то рядомъ вопросовъ, о которыхъ я вамъ въ свое время сообщалъ. Никакой бѣды, конечно, не произошло, но я продолжаю быть въ отчаяніи отъ превышенія приказаній вашего сіятельства, ибо это обстоятельство огорчило васъ и навлекло на меня заслуженные упреки. Зло остается безъ поправки, но я могу извлечь на будущее полезный урокъ не позволять вести себя собственными сужденіями въ дѣлѣ подобнаго рода, неукоснительно слѣдовать приказаніямъ и больше ничего. Умоляю ваше сіятельство простить мнѣ эту ошибку, послѣднюю, какъ я надѣюсь, и принять съ благоволеніемъ выраженіе моего искреннаго раскаянія. Копія отослана графу Мпхаилу и болѣе у меня не находится.

Не менѣе огорченъ я, графъ, что заслужилъ ваши упреки гѣмъ, что имѣлъ смѣлость написать вамъ относительно грава Растопчина и адмирала Чичагова. Конечно, ни мои года, ни мое положеніе не дозволяютъ мнѣ судить государственныхъ людей съ такимъ высокимъ положеніемъ; сверхъ того, у меня не въ характерѣ становиться на ту, либо на другую сторону, если бы таковыя и были, ни громко и публично высказываться о дѣйствіяхъ политическихъ или частныхъ въ такихъ выраженіяхъ, кои могли бы имѣть послѣдствія; но разъ существуетъ общество и мнѣніе, называемое общественнымъ, выразившееся такъ ярко и наглядно въ прошломъ году, я считалъ по своему скромному разумѣнію, что меньше самонадѣянности быть согласену съ большинствомъ

*) Это вице-капцлеръ графъ Румянцевъ. П. Б.

общества, нежели олицетворять въ себѣ одномъ противное. Часто популярность пріобрѣтается неизвѣстно чѣмъ; съ другой стороны, непопулярность часто бываетъ несправедлива и незаслужена. Ободряемый вашимъ сіятельствомъ давать вамъ подробныя извѣстія всего, что происходитъ, я не удержался изобразить вамъ картину того, что здѣсь думаютъ объ этихъ двухъ личностяхъ. Я сдѣлалъ это съ безграничнымъ довѣріемъ къ вашему сіятельству, чтобы исполнить ваше желаніе знать все. Съ своей стороны, если я и выразился противъ нихъ, то этимъ руководило только одно побужденіе, которое, я увѣренъ, ваше сіятельство найдете правымъ: вражда и сведеніе личныхъ счетовъ съ главнокомандующимъ, и ваше сіятельство знаете, кто изъ троихъ оказалъ больше заслугъ отечеству. Я не могу забыть посланій изъ Ярославля, забыть время, когда заговорили о Паленѣ, Бенигсенѣ и т. д., какъ о главнокомандующихъ; признаюсь, это сильнѣе меня. Никто не имѣеть болѣе высокаго мнѣнія о талантахъ графа Р. и адмирала, нежели я, и дай Богъ, чтобы у насъ побольше было людей съ ихъ достоинствами; но къ этому позволю прибавить одно пожеланіе: пусть они руководятся однимъ желаніемъ блага, безъ примѣси личныхъ расчетовъ. Въ заключеніе умоляю ваше сіятельство быть увѣреннымъ, что на меня не имѣютъ вліянія ни мнѣніе министровъ, не имѣвшихъ счастія заслужить одобреніе народа, ни мнѣніе двора, ибо я его совсѣмъ не знаю, строго держась съ самаго начала непосредственныхъ сношеній съ Ея Величествомъ и болѣе ничего: ни одного шага ни впередъ, ни вправо, ни влѣво.

Этотъ образъ дѣйствія заслужилъ одобреніе Ея Величества съ самаго начала, и я рѣшилъ держаться его всю свою жизнь, чтобы избѣжать сплетень двора и города. Совѣты, даваемые вашимъ сіятельствомъ съ чисто отеческой заботою и усиливающіе во мнѣ, если возможно, чувства благодарности, уваженія и преданности, такъ согласны съ путемъ, намѣченнымъ мною, что я, безъ сомнѣнія, никогда не сверну съ него и докажу мое послушаніе и благодарность, которыми я вамъ обязанъ за столько благодѣяній и которыя никогда не изгладятся ни изъ сердца моего, ни изъ памяти.

*

Петербургъ, 12 Іюня 1813.

Тѣло покойнаго князя Смоленскаго перенесено изъ Сергіевскаго монастыря близъ Стрѣльны въ Казанскій соборъ. Я счелъ священною обязанностью, вмѣстѣ со всѣми, присутствовать при этой горестной церемоніи, которая вызвала слезы у тѣхъ, кто имѣлъ понятіе о любви къ родниѣ и о памятныхъ заслугахъ этого великаго человѣка. Надо

было видѣть этотъ наплывъ народа изъ города и окрестностей, воодушевленіе его, не допустившее, не смотря на настоянія, просьбы и даже приказанія властей, чтобы катафалкъ везли лошади: нѣтъ, за двѣ версты отъ города выпрягли лошадей, и до Казанскаго собора не было недостатка въ благонамѣренныхъ гражданахъ чтобы нести гробъ на плечахъ и двигать катафалкъ. Блескъ и пышность церемоніи не могли сравниться съ этимъ трогательнымъ зрѣлищемъ. Оно было полно великихъ воспоминаній и сопровождалось значительнымъ количествомъ войскъ. Государь, давъ полную свободу въ расходахъ по погребенію, отмѣнилъ статутъ, учрежденный Павломъ I-мъ, по которому погребальное шествіе фельдмаршала сопровождалось только 3 батальонами, столькими же эскадронами и нѣсколькими пушками. Тутъ участвовали всѣ войска, находившіяся въ окрестностяхъ, что составило 11 батальоновъ, 7 эскадроновъ и нѣсколько орудій. Честь, оказанная такимъ образомъ спасителю государства, произвела очень хорошее впечатлѣніе на народъ. Сегодня Императрицы были въ городъ на панихидѣ и затѣмъ посѣтили со всей семьей вдову этого великаго человѣка. Завтра состоится погребеніе въ самомъ Казанскомъ соборѣ, который онъ за одну только кампанію наполнилъ трофеями. Лучшаго памятника не можетъ быть; видя эти трофеи, вспомнишь, что останки великаго человѣка положены тутъ же и съ уваженіемъ подойдешь къ нимъ.

Письмо вашего сіятельства я получилъ по возвращеніи съ этой церемоніи. Оно навело меня на многія размышленія. Мнѣніе, высказанное вами по поводу движенія за Эльбу, оказалось пророческимъ. Что сдѣлаемъ мы и къ чему поведетъ насъ это перемиріе, заключенное вопреки всякому ожиданію,—вопросъ, на который никто не отвѣтитъ, ибо нашего генія-покровителя, на котораго опиралось все довѣріе, вся надежда, не взирая на многочисленныхъ враговъ и безстыжихъ хулителей (ибо они всѣ ниже какого либо соперничества), болѣе нѣтъ. Завтра воздадимъ ему послѣднія почести. И въ какую тяжелую минуту! Мысль о ней ужасна; ею удвоивается болѣзненное чувство. Ужасаешься за будущее, такое невѣрное и тревожное.

*

Царское Село, 10 Августа 1813.

Ваше сіятельство узнаете гораздо раньше этого письма о возобновленіи военныхъ дѣйствій, объявленныхъ намъ черезъ курьера, прибывшаго три дня тому назадъ. Надежда и довѣріе всеобща во всѣхъ письмахъ изъ главной квартиры, и успѣхъ этой кампаніи почти обезпеченъ. Самъ Государь пишетъ, какъ говорятъ, что мы имѣли прево-

сходство арміи на 150.000 людей и можемъ въ общемъ разсчитывать на 500.000 штыковъ (я предполагаю, съ ландверомъ и т. д.). Скоро извѣстія стануть очень живы. Пишуть также, что особенно Австрія скандализована и возмущена чрезвычайными требованіями Бонапарта. Неужели она до сей поры была въ заблужденіи? Все равно,—она съ нами, и князь Горчаковъ говорилъ мнѣ, что его братъ (довольно способный генералъ) двинулся со своимъ корпусомъ въ Богемію, чтобы соединиться съ Австрійцами и открыть вмѣстѣ кампанію. Этого генерала знаютъ и любятъ въ Австріи.

Единственная занимательная новость, которую я могу сообщить вашему сіятельству, это—новая просьба графа Румянцова объ отставкѣ. Онъ, кажется, наконецъ возмущился сверхъ мѣры. Онъ говорилъ всѣмъ, включая и дипломатическій корпусъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не имѣеть никакого отвѣта отъ Государя. Такой отзывъ далъ онъ Англійскому консулу за обѣдомъ у герцога Серра-Каприола по поводу нѣсколькихъ паспортовъ, которые Байлей просилъ у него давно. Наконецъ пришло письмо Его Величества о нѣкоторыхъ дѣлахъ его вѣдомства. Письмо объ Англійской субсидіи онъ прочелъ Гурьеву, чтобы вмѣстѣ принять нужныя распоряженія, и при томъ сказалъ ему, что повторилъ просьбу объ отставкѣ съ курьеромъ, отосланнымъ въ тотъ же день. Онъ повторялъ тоже здѣсь и въ Павловскѣ, но только Кочубею прочелъ письмо Государя полностью, а этотъ другъ разсказалъ многимъ, такъ что содержаніе стало извѣстнымъ. Государь, какъ причину невзятія его съ собою въ главную квартиру, выставляетъ то, что не разсчитывалъ никогда на дипломатическіе переговоры и, дѣйствительно, были только переговоры, не могущіе ни къ чему повести; единственная надежда основывалась на оружіи, и, объявляя ему о возобновленіи военныхъ дѣйствій, Государь указываетъ, что ему нечего бы было дѣлать при арміи. Однако онъ умалчиваетъ о переговорахъ съ Австріею и объ Англійской субсидіи. Онъ кончаетъ письмо предложеніемъ ему оставаться на своемъ посту до его возвращенія въ Петербургъ и надеждою, что до того времени онъ измѣнитъ свое рѣшеніе; но если и тогда повторить просьбу, то онъ охотно приметъ его отставку. Графъ Р., повѣривъ содержаніе письма графу К., сказалъ, что тотчасъ же отправилъ курьера съ просьбою объ отставкѣ и что для него невозможно оставаться, *что онъ хочетъ показать Его Величеству, что съ порядочными людьми нельзя обращаться какъ съ лакеями и къ тому же его отставка доставитъ удовольствіе людямъ, ищущимъ его мѣста* и среди которыхъ Его Величеству останется только сдѣлать выборъ. Изъ сего видно, что онъ, кажется, задѣтъ за живое. Можно ли было предположить, чтобы

въ немъ скрывалось сознание чести! Въ общемъ думаютъ, что теперь Его Величество приметъ отставку. Достоверно, что все имѣющее отношеніе къ послѣднимъ политическимъ дѣяніямъ главной квартиры вполнѣ чуждо ему и его канцеляріи, и въ послѣднее время онъ являлся только хранителемъ архивовъ и актовъ, къ коимъ нимало не былъ причастенъ.

Пока совѣмъ не знаютъ, кого назначать на его мѣсто. Мѣсяць тому назадъ называли графа Ростопчина, котораго въ Москвѣ замѣнить князь Горчаковъ, а послѣдняго здѣсь—Тормасовъ; но это былъ слухъ, заглохшій, какъ много другихъ, и все остается въ неизвѣстности. Наши дѣла вовсе не процвѣтаютъ при графѣ Нессельроде, и я опасуюсь, какъ бы выборъ не былъ окончательно плохъ, судя по столькимъ выборамъ за послѣдніе годы.

Графъ Морковъ здѣсь, но не думаютъ, что его назначать на этотъ постъ. Я его недавно видѣлъ; каждый разъ спрашиваетъ онъ про васъ и проситъ вамъ о себѣ напомнить.

Скажу по секрету вашему сіятельству, что всѣ подробности о графѣ Р. я знаю отъ графа Литты¹⁾, къ которому К. явился, запыхавшись, сообщить все, что читалъ и слышалъ отъ Р. Графъ Литта замѣтилъ, что К. не прочь занять постъ Р., но, кажется, Его Величество слишкомъ хорошо его знаетъ и оцѣниваетъ, чтобы не бояться новаго несчастія для нашей дипломатіи.

*

Царское Село, 17 Сентября 1813.

Канцлеръ объявилъ, что не вернется въ городъ и скорѣе заимуетъ въ деревнѣ, нежели поселится въ канцлерскомъ домѣ и вступить въ него только для сдачи дѣлъ. Онъ сдѣлалъ эту декларацію передъ 20 лицами, прибавя, что ждетъ съ нетерпѣніемъ отставки и свободы. Онъ, видимо, въ полномъ отчаяніи, узнавъ, сколько важныхъ дѣлъ обсужено и рѣшено безъ его участія, о которыхъ онъ вовсе и не помышлялъ. Ему даже не сообщили о ходѣ настоящихъ сношеній между союзными дворами, такъ что каждое рѣшеніе является для него неожиданностью и усиливаетъ огорченіе видѣть, какъ его обошли Нессельроде и Анштедтъ. Готовятъ ему домъ на Галерной²⁾ для его пріѣзда въ началѣ зимы, и Богъ съ нимъ! Я желаю ему всякаго покоя, лишь бы онъ только не вредилъ дѣламъ и не имѣлъ бы возможности вредить имъ.

¹⁾ Оберъ-церемоніймейстера. П. Б.

²⁾ На Галерную выходилъ и тотъ домъ (нынѣ дворецъ Великаго Князя Павла Александровича), гдѣ, до перевоза въ Москву, находился Румянцевскій Музей. П. Б.

*

Петербургъ, 29 Сентября 1813.

Послѣдніе дни нѣтъ никакихъ новостей. Арміи, видимо, оставались на прежнихъ позиціяхъ, къ несчастію для Бонапарта, терявшаго людей безъ боя отъ голода, недостатковъ и усталости. Лучше всего на это указываютъ перехваченныя письма, которыя ваше сіятельство вѣрно уже читали и снова найдете въ прилагаемой газетѣ. Есть и другія письма неоспоримо достовѣрныя, какъ Бертье, Коленкура и др., кои будутъ напечатаны.

Со вчерашняго дня распространился слухъ, что Бонапартъ въ Лейпцигѣ, послѣ того какъ взорвалъ укрѣпленія Дрездена, мы—въ Галле, а Блюхеръ перешелъ Эльбу. Все болѣе чѣмъ вѣроятно, но нѣтъ прочнаго и подлиннаго основанія для этой вѣсти. Ген.-адъютантъ князь Волконскій пишетъ, что Баварія и Виртембергъ объявили себя на сторонѣ праваго дѣла. Это сообщеніе считаютъ за очень вѣрное, что находитъ и герцогъ Серра-Каприола, ибо князь почти никогда не сообщаетъ политическихъ новостей. Въ письмѣ находится замѣчательное выраженіе: „Вотъ на 60.000 людей болѣе, чѣмъ мы раньше не имѣли и позиціи, каковыхъ Бонапартъ уже не найдетъ“. Если все это точно, то я не постигаю, какъ сможетъ чудовище отвести не только свою армію, но и свою особу во Францію. Къ несчастію, извѣстіе слишкомъ хорошо, а что слишкомъ хорошо, тому нельзя легко повѣрить въ нашъ вѣкъ. Даже относительно дѣла, каковы они теперь, я постоянно боюсь дурного оборота со стороны Австріи, склонной къ продажности, и этотъ Меттернихъ производитъ такое же впечатлѣніе, какъ нашъ Р. въ былое время. Эстафеты изъ Вѣны принесли извѣстіе о занятіи Триеста Австрійцами.

Черезъ три дня состоятся здѣсь похороны генерала Моро *) съ военными почестями. Тѣло его выставятъ послѣ завтра въ Католической церкви. Увѣряютъ, будто его вдова получитъ 100.000 пенсін. Этотъ знакъ великодушія соответствуетъ величію имперіи и ея властелина; онъ достоинъ также памяти великаго человѣка, павшаго за правое дѣло и спасеніе міра. Но когда подумаешь, что вдова спасителя родины, безсмертнаго князя Смоленскаго, ждетъ до сихъ поръ указа о полученіи жалованья своего супруга, не зная до сихъ поръ, что ей дадутъ, и запуталась въ дѣлахъ, то нельзя не огорчиться при сравненіи. Говорятъ даже и съ большой увѣренностью, что ей дадутъ только

*) Какъ извѣстно, Моро, личный врагъ Наполеона, былъ убитъ, стоя рядомъ съ Александромъ Павловичемъ, который тутъ и въ другихъ случаяхъ обнаруживалъ полную неустрашимость. П. В.

19.000 ассигнаціями, содержаніе, которое главнокомандующій получалъ серебромъ, переступивъ границы Россіи. Этотъ излишекъ великодушія съ одной стороны и скупости съ другой не укладывается въ головѣ. Раньше не нашли бы достаточно сокровищъ вознаградить заслуги подобнаго Кутузова, даже въ отдаленнѣйшемъ его потомствѣ, чтобы сохранить родъ, столь драгоценный для родины *).

Есть извѣстіе о прибытіи Вандама въ Москву. Потребовалась вся бдительность, чтобы спасти его отъ рукъ народа; не только полиція, но и нѣсколько отрядовъ гарнизона были необходимы для его личной безопасности. Графъ Р. помѣстилъ его въ верхнемъ этажѣ Сухаревой башни, дабы онъ могъ созерцать дѣло своего хозяина и соотечественниковъ. Однако, хотѣлось бы, чтобы его заставили проѣхать за Ураль.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Стихи, найденные въ общественномъ саду въ Берлинѣ въ видѣ транспаранта, въ вечеръ иллюминаціи по поводу занятія Москвы Французами.

Durchmarschiren.	Войска пропускать.
Einquartiren.	Квартиры давать.
Alimentiren.	Ихъ же питать.
Requisiren.	Реквизиціи брать.
Conscribiren.	Конскриптовъ хватать.
Frau einführen.	Женъ похищать.
Haus verlieren.	Домъ свой терять.
Nicht resoniren.	Не смѣть толковать.
Und doch illuminiren.	А все иллюминовать.
Das ist zum krepiren.	Осталось что? Окалѣвать!

*

Петербургъ, 18 Октября 1813.

Графъ Бутурлинъ пріѣхалъ дней двѣнадцать тому назадъ. Онъ представлялся Ея Величеству царствующей Императрицѣ и преисполненъ радости отъ трогательнаго вниманія, которое Ея Величество выказываетъ къ его плачевному положенію и къ невозградимымъ потерямъ. Графиня на этихъ дняхъ пріѣзжаетъ изъ Бѣлгина. Они не были въ Москвѣ, и графъ далъ обѣтъ никогда не бывать въ ней. Безъ сомнѣнія, никто

*) Н. М. Лонгиновъ еще не знаетъ, что семьѣ Кутузова (супругѣ и пяти дочерямъ) назначена была стотысячная пенсія, и при томъ вѣчная, такъ что потомки Кутузова и до сихъ поръ получаютъ ее. П. Б.

не потерялъ такъ много, какъ онъ; все его счастье¹⁾ погребено подъ грудями пепла.

Есть слухъ, распространившійся здѣсь съ нѣкоторыхъ поръ, о повышеиіи графа Михаила въ чинъ генерала отъ инфантеріи. Онъ не можетъ быть вѣренъ, суди по мнѣнію Государя на этотъ счетъ; но очень пріятно видѣть, что общество воздастъ ему по заслугамъ. Этотъ слухъ сталъ общимъ, ибо все считаютъ его достойнымъ такого повышеиія, предпочтительно передъ другими. Чтò достоверно и чтò подтвердилъ мнѣ самъ князь Горчаковъ, это—письмо принца-регента (prince royal) къ Его Величеству, гдѣ онъ пишетъ: „чѣмъ болѣе онъ узнавалъ графа Михаила и оцѣнивалъ его качества и достоинства, тѣмъ болѣе убѣждался, что графъ Михаилъ не на своемъ мѣстѣ, будучи достоенъ командовать самостоятельно, а не оставаться подъ началомъ Винценгероде; что онъ умоляетъ Его Величество повесить его, какъ для него самого, такъ и для блага службы; что это повышеиіе онъ считаетъ необходимымъ для командуемой имъ арміи, такъ какъ это повышеиіе развяжетъ ему руки относительно Русскаго корпуса, входящаго въ ея составъ⁴. Копію этого письма прислали князю Горчакову²⁾, и я знаю про то отъ лица, читавшаго ее у него. Онъ самъ говорилъ мнѣ тоже. Я не посмѣлъ попросить показать ее мнѣ, ибо я знаю, до какой степени князю тягостно оставаться здѣсь, слѣдуя приказамъ и повторяемымъ просьбамъ Его Величества, хотя онъ просился въ армію, и сознавалъ, что онъ продолжаетъ оставаться генералъ-лейтенантомъ, тогда какъ младшіе его получаютъ милости, двигаются впередъ или получаютъ ордена, высшіе, нежели онъ, отягченный дѣлами, сложными и многочисленными въ данное время.

Усиленно говорятъ, что Татищевъ не поѣдетъ больше въ Испанію и долженъ вернуться сюда, чтобы стать вторымъ (а въ дѣйствительности первымъ) чиновникомъ для веденія иностранныхъ дѣлъ. Утверждаютъ даже, что графъ Р. намекнулъ на него нѣкоторымъ лицамъ, удивляясь, что *Т., въ бытность въ Лондонѣ, выказалъ таланты, коихъ онъ въ немъ не замечалъ.*

Изъ арміи нѣтъ ничего значительнаго, развѣ что Бонапартъ, видимо, окруженъ и теряетъ голову. Декларация Баваріи и Виртемберга должна его неминуемо погубить. Послѣдній курьеръ привезъ приказы отослать на родину всехъ плѣнныхъ Баварцевъ. Кажется, и

¹⁾ Т. е. утрата сгорѣвшей въ Москвѣ библіотеки. П. Б.

²⁾ Военному министру. П. Б.

Данія скоро послѣдуетъ этому примѣру, такъ какъ Бломъ¹⁾, долженствующій выѣхать отсюда на этихъ дняхъ, получилъ разрѣшеніе остаться.

*

Петербургъ, 21 Октября 1813.

Графъ Р. получилъ съ послѣднимъ курьеромъ письмо отъ Его Величества, въ которомъ, какъ говорятъ, находятся двѣ знаменательныя фразы: „Чтобы *доказать* вамъ, что я во Франкфуртъ, посылаю вамъ письмо вашего друга Бетмана“²⁾ и дальше: „Спѣшу увѣдомить васъ, что наши три авангарда (или летучіе отряды) перешли Рейнъ“.

Это весьма похоже на двѣ пощечины.

Лордъ и лэди Литтлтонъ³⁾ здоровы и чувствуютъ себя здѣсь прекрасно. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и выказываютъ имъ уваженіе, вполне заслуженное. Ея Величество говорила мнѣ съ большою похвалою про обоихъ и про лэди Л. въ особенности. Она нашла въ сей послѣдней пріятное обращеніе, привлекательный способъ выражаться, непринужденность и благородную откровенность. Это заставляетъ меня думать, что они останутся довольны своимъ пребываніемъ и даже продолжать его, чтобы увидѣть окрестности весною. Я отыскалъ имъ хоршее помѣщеніе, куда они переѣдутъ завтра.

*

Петербургъ, 22 Октября 1813.

Прежде чѣмъ ѣхать въ Казанскій соборъ на благодарственное молебствіе Всевышнему за блистательную побѣду подъ стѣнами Лейпцига, не могу лишиться себя удовольствія отослать при семъ копію письма графа Михаила, которое я получилъ вчера вечеромъ черезъ генералъ-адъютанта Кутузова, гонца этой вѣсти.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

„Любезный Николай Михайловичъ! Поздравляю васъ съ достопамятною побѣдою вчерашняго числа и съ сегодняшнимъ занятіемъ Лейпцига. Вы все узнаете по реляціямъ. Вчера было сраженіе, по послѣдствіямъ первое изъ всѣхъ прежде бывшихъ. Въ первый разъ Бонапарте совершенно уступилъ мѣсто и признался побитымъ. Сегодня же, форсируя Лейпцигъ, мы взяли десятка полтора генераловъ,

¹⁾ Датскій при нашемъ дворѣ посланникъ.

²⁾ Извѣстнаго банкира. И. Б.

³⁾ За чѣмъ они пріѣзжали къ намъ? И. Б.

20.000 плѣнныхъ, Лористона, Ренъе, пропасть пушекъ. Понятовскій, говорятъ, утонулъ. Я сегодня видѣлъ императора Австрійскаго и короля Саксонскаго. Сей послѣдній, кажется, въ числѣ плѣнныхъ; войска же его вчера перешли во время сраженія и тотчасъ начали драться противъ Французовъ. Вчера ружейный огонь не былъ такъ великъ, а канонада сильнѣе Бородинской. А сегодня я чуть-чуть не попался въ руки двумъ взводамъ Французскихъ кирасировъ, въ серединѣ города, когда занимали. Прощайте, будьте здоровы^{*)}, и пр.

Лейпцигъ, 7 (19) Октября 1813.

Р. С. Я вскрываю письмо, чтобы объяснить, какъ графъ Михаилъ едва не сталъ плѣнникомъ. Оказывается, по свидѣтельству Кутузова, что онъ вошелъ въ Лейпцигъ первымъ во главѣ 14-го полка стрѣлковъ. Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ, сейчасъ, что Государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра.

*

Петербургъ, 3 Ноября 1813.

Утверждаютъ, будто въ одной статьѣ нашего соглашенія съ Австріей сказано, что Австрійская династія (т. е. Марія-Луиза) должна царствовать во Франціи. Я не сомнѣваюсь въ доброй волѣ Австрій, но такъ какъ идетъ дѣло о вооруженіи всей Французской націи для своей собственной защиты, то она сама сдумаетъ спросить отчета у Бонапарта и всей его адекой породы, и тогда эта статья будетъ для Австрій недействительна, ибо удостовѣрено, что никогда Французы не потерпятъ у себя Австрійцевъ; на Австрію падеть только стыдъ имѣть на рукахъ не императрицу, а госпожу Бонапартъ съ ея незаконнымъ ребенкомъ. Бонапартъ, говорятъ, уѣхалъ въ Парижъ; было бы дѣйствительно чудомъ, если бы онъ показался тамъ, какъ послѣ послѣдней кампаніи и удержался даже и теперь на окровавленномъ и колеблющемся тронѣ.

Баварія, говорятъ, послѣдовала примѣру Австрій, потребовавъ для пасынка, Богарнэ, герцогства Пармское, Піаченцу и Модену. что было исполнено. Эта династія, слишкомъ грубая по происхожденію, чтобы возбудить въ комъ либо сомнѣніе, сможетъ, пожалуй, удержаться, тѣмъ болѣе, что будетъ царствовать въ земляхъ никому не принадлежащихъ, какъ скоро гнусная Корсиканская порода не осмѣлится именовать себя династіей. Вотъ понятія, кои я имѣю на сей счетъ. Ваше сіятельство, разумѣется, знаете, согласилась ли Англія на эти условія, обстоятельство столь же неизвѣстное мнѣ, какъ и канцлеру имперіи, который еще менѣе осведомленъ.

*) Письмо это писано по русски. П. Б.

Ваше сіятельство оказали мнѣ однажды честь, заговоривъ о женитьбѣ графа Михаила: я желаю этого болѣе, чѣмъ кто либо. Всѣ его друзья раздѣляютъ наши пожеланія, и никто лучше его не можетъ быть отличнымъ отцомъ семейства, дать счастье своей женѣ, произвести для родины лучшихъ дѣтей и потомковъ одной изъ прославленныхъ семействъ. Это побуждаетъ меня говорить съ вашимъ сіятельствомъ напрямикъ. Здѣсь есть двѣ невѣсты, которыхъ я не знаю лично, но про нихъ всѣ отзываются очень хорошо. Къ красотѣ онѣ присоединяютъ примѣрные нравы и образъ дѣйствій; это—княжна Трубецкая изъ Москвы, дочь камергера, и графиня Салтыкова, внучка фельдмаршала Николая Ивановича, дочь его старшаго сына. По смерти матери, три года назадъ, она стала матерью для своихъ младшихъ сестеръ. Есть много и другихъ достойныхъ, но мое мнѣніе, что эти двѣ заслуживаютъ предпочтенія. Меня нельзя заподозрить въ пристрастіи, такъ какъ я не имѣю чести знать ихъ лично. Если бытъ пристрастнымъ, то я желалъ бы его женитьбы на графинѣ Ордовой, которую знаю достаточно. Она не обладаетъ красотою, но пріятна и къ большому уму присоединяетъ отмінный образъ дѣйствій. Желаю этого брака единственно по той причинѣ, что никто лучше графа Михаила не сумѣетъ использовать это громадное богатство.

*

Петербургъ, 27 Декабря 1813.

Ваше сіятельство уже до полученія этого письма будете знать о важной новости, занимающей здѣсь всѣ умы. Я говорю объ отъѣздѣ Ея Величества за границу по приглашенію Государя. Никогда не было такой всеобщей радости: можно сказать, что и уѣзжающіе, и остающіеся омынены радостью и удовлетвореніемъ самымъ живымъ. Дай Богъ, чтобы надежды общества не оказались призрачными. Отъѣздъ состоится послѣ завтра, 29-го. Ея Величество приказала мнѣ готовиться къ ея сопровожденію, и я восхищенъ какъ никто; но и мнѣ хотѣлось бы скорѣе уѣхать: настолько усталость, предшествующая путешествію, тягостна. Не смотря на то, что со времени этого приказа были двѣ отправки почты, у меня не было ни минуты сообщить вашему сіятельству о немъ и о распоряженіяхъ, отданныхъ совмѣстно съ Постниковымъ по вашимъ дѣламъ. Ея Величество сказала, что путешествіе можетъ продолжиться самое большее 5 или 6 мѣсяцевъ. Дабы не произошло какого либо ущерба выгодамъ вашего сіятельства, считаю долгомъ сообщить вамъ о вышеупомянутыхъ распоряженіяхъ. Постниковъ будетъ наблюдать за всѣмъ, и я предписалъ управляющимъ Москвы, Круглаго и въ Финляндіи обращаться къ нему и спрашивать его приказаній по всѣмъ вопросамъ.

ИЗЪ АРХИВА Н. О. КУТЛУБИЦКАГО.

1.

Нераспечатанное почти сто лѣтъ письмо.

Въ Декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1882 г. помѣщены Записки Я. И. де-Санглена. На стр. 481 описывается онъ прїѣздъ въ Петербургъ во время императора Павла. „Я роздалъ (рекомендательныя) письма. Я былъ опредѣленъ въ Адмиралтействъ-Коллегію и былъ при вице-президентѣ *Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ*. Сей почтенный престарѣлый мужъ соединялъ въ себѣ остатки Петра I, Елисаветы и вѣка Екатерины. Къ обширнѣйшимъ познаніямъ присовокуплялъ онъ твердость Петра, доброту Елисаветы и вельможество Екатерины. Императору Павлу онъ давно былъ извѣстенъ, былъ имъ любимъ и уважаемъ. Супруга его, *Авдотья Ильинишна*, могла служить образцомъ доброты душевной и дѣтской покорности мужу. Она напоминала конецъ XVII и первую половину XVIII столѣтія“.

Разбирая старыя письма Н. О. Кутлубицкаго, мы нашли среди нихъ запечатанный конвертъ съ слѣдующимъ адресомъ: „*У ея превосходительства Лопина Иванова Голенищева-Кутузова, милостивой государынѣ Авдотьи Васильевны Кутузовой. Въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ*“. На оборотѣ конверта рукою Н. О. Кутлубицкаго сдѣлана помѣтка „2 года какъ умре!“ Конвертъ *нераспечатанъ*. Такъ какъ возвращать письмо тому лицу, которое писало его по видимому поздно, то мы его распечатали и посылаетъ въ „Русскій Архивъ“, на случай если бы кто либо изъ потомковъ пожелалъ на оное письмо написать отвѣтъ.

„Милостивая государыня и любезная моя сестрица Авдотья Васильевна. Я раза два къ вамъ писала, но не имѣя удовольствія отъ васъ ни одной строчки получить, рѣшилась черезъ вѣрную оказію къ вамъ еще писать черезъ ея превосходительство Николая Осиповича

Кутлубицкаго, чтобы узнать о вашемъ здоровьи и гдѣ вы находитесь; мнѣ сказывала княгиня Марѳа Петровна Трубецкая, что вы живете у Логина Ивановича; и потому рѣшилась къ нимъ въ домъ адресовать. Пожалуста, милая, напишите объ себѣ, а я ожидаю возвращенія мужа моего изъ ополченія, который случайно былъ у вашего брата въ Ровнахъ... Засвидѣтельствуйте мое почтеніе ея превосход. Надеждѣ Никитишнѣ, пишите ко мнѣ въ г. Лукояновъ Ольгѣ Степановнѣ Вириландтѣ. Доброжелательная сестра ваша Ольга, урожденная Шульгина.

1814 года Декабря 20 дня, г. Лукояновъ, милому братцу вашему Сергѣю Васильевичу мое почтеніе. Цалую васъ мысленно⁴.

II.

Письмо монахини.

Въ числѣ писемъ на имя Н. О. Кутлубицкаго и жены его попадаютъ письма отъ нѣкоей кн. Варвары Голлицыной, бывшей повидимому монахиней въ одномъ изъ женскихъ монастырей г. Арзамаса. Она не безъ основанія называетъ сама себя „бѣшеной“ дочкой.

Вотъ одно изъ этихъ писемъ.

„Почтенные мои благодѣтели и любезные друзья Авдотья Савельевна и Николай Осиповичъ, здравствуйте!

Душевно рада, что имѣю случай свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Мысленно у обоихъ цѣлую ручки при желаніи вамъ милости Божіей и добраго здоровья. Благодарю васъ, что не забываете бѣшеной вашей дочки. На Введеніе Божіей Матери, то есть 21 числа, я по приказанію вашему познакомилась съ Анной Ивановной Аннинской¹⁾, она истинно примилая; обѣщалась ко мнѣ быть въ келію, и васъ я поджидаю—съ вами моднѣе—генералъ съ генеральшой со звѣздою въ лентѣ, да и сама я буду въ крестѣ. Она была у обѣдни, и тѣмъ мнѣ мила, что мою маминьку и папиньку (т. е. васъ) любить. Знаю, что вы меня любите и за меня порадайтесь: былъ у меня братъ родной князь Дмитрій Васильевичъ, *который съ карты шрасть*, мнѣ подарилъ 25 рублей. За обѣщанный капоть благодарю, для зимы ненадобно лучшей награды. Бога ради пришлите, друзья мои благодѣтели, муки аржаной, крупки, et je vous en prie, ordonnez de me faire des souliers noirs, я гроша не имѣю.

Еще жаль оставить пера, скажу вамъ смѣхъ: Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ²⁾ пріѣзжалъ съ женою приложиться къ святителю Ни-

¹⁾ Аннинковы старинные помѣщики Нижегородской губерніи (село Аннинково въ Арзамасскомъ уѣздѣ).

²⁾ Бывшій генералъ-прокуроръ, впоследствии Московскій губернскій предводитель дворянства (Нижегородскій помѣщикъ).

колаю. Ее люди по всему монастырю несли на рукахъ, какъ павлина; а она кричитъ и всѣхъ монахинь разругала, что подъѣзду нѣтъ къ церкви. Это надобно было видѣть! Прощайте, мои благодѣтели, папенька и маменька. Не забывайте преданую богомъ данную дочку, и Господь васъ не оставитъ. Ваша покорнѣйшая слуга

Кн. Варвара Голицына.

Октября 11, 1809 г.

P. S. Скажу вамъ, мои благодѣтели, я по вашей милости украсила свою келью вашимъ ковромъ прекрасно, хорошо и тепло, а особенно модно и знатно. Adieu, mes charmants amis.

На печати вырѣзано: „Богъ мой покровитель“.

III.

О жалованныхъ земляхъ и ихъ цѣнности.

Въ Декабрѣ 1796 года императоръ Павелъ пожаловалъ своему любимому флигель-адъютанту Н. О. Кутлубицкому, въ день его совершеннолѣтїя, 1000 душъ крестьянъ. Въ Февралѣ 1797 года указано было дать Кутлубицкому въ счетъ сего дворцовыя селенїя въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи: Березовку, Аламаево, Крапивки и *Костянку* *) съ прилегающими дачами, всего около 6½ тысячь десятинъ земли.

Высочайшимъ указомъ 1 Марта 1801 г. (за 10 дней до кончины Императора) повелѣно было донарѣзать Кутлубицкому въ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ 8½ тыс. десятинъ земли, по расчету 15 десятинъ на душу (всего 15.000 дес.).

Указомъ Сената 7 Марта 1801 года въ счетъ недостающихъ земель Кутлубицкому были указаны земли въ Казанской губерніи въ Лаишевскомъ уѣздѣ „изъ казенной пустоши, лежащей по одну сторону рѣчки Чертыка, и по обѣ стороны рѣчки Бездны“ всего до 2½ тыс. десятинъ.

*) Н. О. Кутлубицкій построилъ въ Костянкѣ и переселился туда вскорѣ послѣ событїя 11 Марта 1801 года. Здѣсь онъ выстроилъ въ память Императора большую церковь во имя Петра и Павла, и переименовалъ Костянку въ Петропавловское. По названїю это не привилось. *Костянка*, какъ и Костянская волость, сохранила до сего времени свое первоначальное названїе, какъ мѣстное, такъ и официальное. Названїе-же „Петропавловское-тожъ“ сохранилось лишь на хозяйственныхъ планахъ бывшихъ имѣній Кутлубицкаго. Родовое имѣніе это до самого послѣдняго времени въ теченїи 115 лѣтъ оставалось въ роду Кутлубицкихъ, и только на дняхъ продано черезъ крестьянскій банкъ правнучкою Николая Осиповича, Марїей Николаевной Кутлубицкой, къ которой перешли родовыя имѣнія покойнаго.

Остальныя 6000 десятинъ Кутлубицкому пришлось дополучать уже въ царствованіе Александра I-го.

Событіе 11 Марта вынудило Кутлубицкаго уѣхать изъ Петербурга; но у него, не смотря на близость къ Императору, не было денегъ, чтобъ немедленно покончить свои дѣла въ Петербургѣ; 22 Апрѣля 1801 г. онъ занялъ подъ залогъ только что полученной Казанской земли у жены коллежскаго асессора Настаси Ивановны Гавриловой 10.000 р. Подъ закладной этой свидѣтелями подписались „гофъ-фурьеръ II класса Степанъ Васильевъ и камергеръ графъ Петръ Львовъ сынъ Санти“. Деньги эти Кутлубицкій уплатилъ уже по переѣздѣ въ Костянику изъ Арзамаса въ Апрѣлѣ 1802 года; а Казанскія земли продалъ, выдавъ на то довѣренность Казанскому помѣщику Агарову.

Въ 1802 и 1803 г.г. Кутлубицкій началъ хлопотать о дополученіи земель въ ближайшихъ губерніяхъ согласно высочайшему повелѣнію Павла. Онъ писалъ объ этомъ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и Михаилу Ивановичу Донаурову, но дѣло отъ этого повидимому не подвинулось.

Въ Мартѣ 1803 г. по этому поводу Кутлубицкому писалъ изъ Петербурга Нижегородецъ Мих. Алекс. Лѣвивцевъ: „Высылайте скорѣе ко мнѣ письма для подачи ихъ въ очередь и снабдите меня рѣшительнымъ уполномочіемъ къ графу Кочубею; ибо если Трощинскій отрѣчется отъ этого доклада, то пойдетъ черезъ Кочубея. Къ Государю же въ письмѣ много я помѣстилъ Славянскихъ изъ Священнаго Писанія словъ, потому что Государь желаетъ, чтобы Русскій языкъ и коренныя его красоты вводились въ употребленіе, и оныя очень любитъ. Въ Сенатѣ-же просить нечего: онъ чисто откажетъ, а надо черезъ министровъ просить прямо объ имянномъ.

P. S. Адресъ мой въ Петербургѣ, на Дворцовой набережной въ домѣ камеръ-фрау Верре, въ квартирѣ ея высокопревосходительства Наталіи Федотовны Пденцевой“.

То что называлъ Лѣвивцевъ „красотами языка“ заключается въ нижеслѣдующихъ совершенно несуразныхъ выраженіяхъ:

Послѣ словъ: „Все благополучіе и счастье мое возсотворены токмо милостію въ Бозѣ почивающаго родителя твоего“ вписано „Желаніе сердца его и хотѣніе устно его пѣси (?) лишено, предваренное благословеніемъ благодѣтельнымъ, всеблагое сердце всемилостивѣйшаго сына его! Воззову къ тебѣ, и услыши мя, яко милость твоя предъ очима моима есть!“ Въ концѣ прошенія: „Помяни щедрость Твоя, и милость Твоя, яко отъ вѣка суть!“

Кутлубицкій подписалъ это воззваніе и направилъ по назначенію въ домъ камеръ-фрау Верре, но своеобразныя „красоты“ также повидимому не подѣйствовали...

Только въ 1805 году межевой департаментъ Сената распорядился указать Кутлубицкому недостающія 6 тысячъ десятинъ въ далекой Саратовской губерніи... Тамошній губернаторъ Петръ Уляновичъ Бляковъ (на гербовой печати котораго видно „пылающее сердце“) въ концѣ 1805 года по поводу этихъ земель писалъ Кутлубицкому: „Ваше пр—во на всемялостивѣйше пожалованныя вамъ земли намѣрены переселить нѣсколько сотъ душъ крестьянъ; но земли эти совершенно безводны и безлѣсны, почему предпріятіе сіе нахожу совершенно бесполезнымъ и невозможнымъ“... При этомъ Бляковъ указывалъ земли, которыя, по его мнѣнію, должны считаться по Саратовской губерніи свободными: 1) въ уѣздѣ Хвалынскомъ въ Сосновской и Елшинской излишне захваченныя и подлежащія отмежеванію отъ помѣщика Кокоскина и др. лицъ. 2) По Камышинскому уѣзду при селѣ Троицкомъ-Краншевкѣ—тожь и 3) по Царинскому уѣзду „бывшія во владѣніи Волскаго Войска Казаковъ“, имѣвшихъ уже „неудовольствіе съ Рыбинскимъ селеніемъ“ и въ другихъ „неизвестныхъ мѣстахъ“.

Въ 1806 году Кутлубицкій самъ былъ въ Саратовѣ у губернатора и выдалъ довѣренность на выборъ, пріемъ и продажу Саратовскихъ земель титулярному совѣтнику Василю Тимофеевичу Рѣшетникову, получивъ подъ ихъ залогъ 10.000 рублей. Земли эти повидимому были проданы затѣмъ тамошнему помѣщику Михаилу Андреевичу Устинову, что видно отчасти изъ нижеслѣдующаго письма Ивана Трусевича, писаннаго къ Кутлубицкому изъ Москвы въ концѣ 1806 года. „Увѣдомляю васъ, что повѣренный Мих. Андр. Устинова болѣе 3 руб. за десятину не даетъ, и то если вы скоро рѣшитесь; а если до зимы пройдетъ въ перепискѣ, то и той цѣны не дадутъ. То невѣрно, что Климентъ Гаврилычъ Голиковъ покупаетъ ваши земли; я поѣхалъ видѣть его проѣздомъ въ Москвѣ и говорилъ ему, а онъ сказалъ, что ему ихъ даромъ не надобно, ибо онъ въ Саратовѣ скупилъ сверхъ жалованныхъ ему-же еще до 10.000 десятинъ по 1 руб. и по 2 руб. за десятину, но и 5⁰/₁₀₀ не можетъ съ нихъ выручить. При томъ онъ мнѣ сказалъ, что если Устиновъ дастъ за всю по 3 рубля, то напрасно не уступаете: дороже его никто не дастъ, если всю вообще и что послѣ будете и сами жалѣть“....

На этомъ краснорѣчивомъ сообщеніи переписка о жалованныхъ земляхъ заканчивается.

Скупившіе эти земли за безцѣногъ, вѣроятно въ настоящее время — не въ проигрышѣ!

Сообщилъ И. А. Бронскій.

СОБРАНИЕ РАЗНЫХЪ АНЕКДОТОВЪ.

Въ восемнадцатомъ столѣтїи знаменитые богачи*).

1.

Федоръ Петровъ сынъ Володимировъ, уроженецъ города Тулы, сынъ весьма небогатаго отца, нажилъ около четырехъ милліоновъ рублей торгомъ, завелъ въ С.-Петербургѣ сахарную фабрику, былъ весьма искусный купецъ и умеръ купцомъ.

Сынъ его, Иванъ Федоровичъ, хотя фабрику ту же содержитъ, но торговлю оставилъ и записался въ службу, получилъ чины, а фабрикою править, съ именемъ прикащика, Михаила Грыбановъ, имѣющій своего капитала болѣе четырехъ сотъ тысячъ рублей.

2.

Афанасій Авраамовъ сынъ Гончаровъ изъ небогатыхъ Калужскихъ гражданъ, около 20-ти лѣтъ своего возраста пошелъ во услуженіе къ нѣкоторому заводчику, котораго невеликому имѣнію онъ сдѣлался наслѣдникомъ. Въ теченіи 50 лѣтъ бумажную фабрику, желѣзные заводы, парусныя полотна привелъ въ совершенство и въ славу, такъ что изъ Англіи требовали именно его полотна, и за доброту ихъ, бралъ онъ отъ трехъ до семи рублей излишняго въ кускѣ, коихъ выходило въ годъ отъ восьми до двадцати тысячъ. Успѣлъ нажить села, деревни; имѣніе его больше $3\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей простиралось. Сочинителю сего онъ самъ сказывалъ, что въ жизни его шелъ на него три раза золотой дождь; ибо кусокъ полотна, становившійся ему съ

*) Печатается съ тетради, въ четверку листа, писанной на грубой бумагѣ почеркомъ стариннымъ. Сообщилъ У. Г. Иваскѣ. П. Б.

расходами въ Петербургѣ менѣе 7 рублей, продавался отъ 15 до 17 р.; притомъ такъ что деньги приносили напередъ и брали полотно. Къ сему г. Гончарову Государь Петръ Великій въ 1718-мъ году, при письмѣ своемъ, прислалъ полотнянаго мастера, нанятаго въ Амстердамѣ, съ тѣмъ, ежели наемъ дѣрогъ, то Государь оную плату приеѣмлетъ на себѣ*).

Онъ былъ пожалованъ въ коллежскіе ассесоры, заводъ его и домъ, отстоящіе отъ города Калуги въ 30 верстахъ, 1775-го года въ Ноябрь мѣсяцѣ удостоила своимъ посѣщеніемъ Великая Екатерина II-я. Нарочно изволила ѣздить изъ Калуги. Умеръ онъ 1784 г. на 92-мъ году своей старости. Ростомъ былъ высокъ и сухощавъ, глаза быстрые, носъ большой съ горбиною, рѣчь произносилъ громко, въ пищѣ и питьѣ для себя обыкновенно былъ умѣренъ до скупости; во всѣхъ частяхъ домашней, сельской фабричной и торговой экономіи былъ искусенъ, имѣлъ въ комерціи обширныя свѣдѣнія, дѣла всѣ самъ отправлялъ и счета самъ разматривалъ. Прикащику А. за 6 старыхъ рогожъ стоящихъ 12 коп. учинилъ на письмѣ строгій выговоръ и на счетъ выставилъ, будучи уже девяти-десяти лѣтъ.

У него осталось два сына: 1-ый Николай, 2-ой Иванъ. Они оба по службѣ маіорами, наслѣдіе отцомъ нажитое раздѣлили: Николаю досталась полотняная и бумажная фабрика близъ Калуги и прочее. Николай былъ частію охотникъ скотовъ, содержалъ до 700 собакъ, также охоту лошадиную и любилъ испить; разошелся съ женою и умеръ вскорѣ. По немъ наслѣдовалъ сынъ его Афанасій, который вступаетъ въ слѣды своего дѣда и получилъ отъ Екатерины Великой дипломъ на дворянство въ 1789-мъ году; а нынѣ уже бригадиромъ, надворнымъ совѣтникомъ.

Иванъ живетъ въ деревняхъ, ведетъ брань съ волками и медвѣдями, жениться раздумалъ; а просилъ имѣніе его укрѣпить нѣкоторой женщиной съ тѣмъ, чтобы ему владѣть по смерти.

3.

Господа Демидовы, ведущіе родъ свой изъ Тульскихъ оружейниковъ. За скорое приготовленіе и дешевую цѣну ружей Никита Демидовъ былъ пожалованъ Петромъ Первымъ заводами въ Сибири. Въ цѣну и вновь заводить позволено, а потомъ пожалованъ въ 1721-мъ году дворянствомъ; потомки его получили величайшее богатство, состоящее въ неизчерпаемыхъ рудникахъ. Изъ нихъ особливаго замѣчанія

* Дѣянія Петра Великаго VI часть, страницы 254, 255.

достоенъ Прокофій Агнѣиновичъ Демидовъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, какъ своею щедростію, такъ острыми и другими выдумками прославился, изъ коихъ нѣсколько слѣдуетъ здѣсь.

4.

Полицейскій офицеръ, строя себѣ домъ, пришелъ къ Прокофью и попросилъ, чтобы пожаловалъ ему желѣза на связи и подѣлки и кровельнаго сколько нибудь.—Прокофій спросилъ: „а сколько тебѣ нужно?“. Офицеръ: „связнаго 160 пудовъ, полоснаго 50 пудовъ, кровельнаго 600 аршинныхъ листовъ“. Прокофій тотчасъ крикнулъ писца и приказалъ написать къ прикащику номеръ 5 ордеръ, чтобы сему офицеру выдать означенное количество требуемаго желѣза и, подписавъ отдать, а офицеръ благодаря вышелъ и спрашивалъ въ домѣ, гдѣ ему найти прикащика номеръ 5. Ему сказываютъ, что онъ въ Сибири далѣе 3,000 верстъ отъ Москвы. Офицеръ подумалъ, что Демидовъ въ имени ошибся, возвращается, докладываетъ, что номеръ 5 находится въ Сибири. Прокофій сказалъ: „Да это подлинно я знаю, отъ него и получи“.—Офицеръ: „я прошу здѣсь пожаловать“.—Прокофій: „Какая причина! Даю тебѣ яичко, да еще облупленное; я на тебя не холопъ, сюда возить; какая мнѣ нужда, хочешь берешь, хочешь нѣтъ; я здѣсь желѣзо продаю, а не даромъ даю“.

5.

За нѣкоторый родъ письма, въ которомъ Прокофій непристойно невѣстку свою порицалъ, пресужденъ онъ былъ просить прощенья, а письмо велѣно было сжечь чрезъ палача подъ висѣлицею, причемъ быть и Прокофю. Больше 25 лѣтъ народъ въ Москвѣ не видывалъ, смертной казни, а узнавши, что висѣлица поставлена на Царицыномъ лугу, что на Болотѣ, и слухъ пронесся, что въ 12-мъ часу будетъ экзекуція надъ преступникомъ, коего не знали, собралось разнаго званія, въ каретахъ, одноколкахъ, на дрожкахъ и пѣшкомъ великое множество народа. Наступилъ часъ, пришла полицейская команда, принесли пукъ соломы, готовъ былъ и огонь. Наконецъ пріѣхалъ Прокофій въ каретѣ съ главнымъ надъ экзекуціею. Читаютъ скороговоркою опредѣленіе, котораго силы народъ не можетъ понять; потомъ отдають палачу письмо, а тотъ торжественно бросаетъ въ огонь. Прокофій, выглянувъ въ окошко изъ кареты сказалъ: вотъ сколько собралось дураковъ смотрѣть, какъ сгоритъ страничка бумаги.—Народъ, ожидавшій больше чего-нибудь, съ ропотомъ на Прокофія, пошелъ готовыхъ щей хлебать.

6.

Нѣкоторая госпожа просила у него на крайнюю нужду, на полгода 2,000 руб. денегъ. Онъ ей далъ безпрекословно, но взялъ обязательство, въ которомъ написано условіе: что ежели она на срокъ денегъ не отдастъ, то должна называться б...., курвою, плѣхой и извергомъ изъ дворянства. Нужда госпожи принудила дать таковую подписку, хотя съ великою горестью.—Пришелъ срокъ, госпожа привезла деньги; онъ принялъ, расписку выдать, по своему обыкновенію нѣсколько потчивалъ, а между тѣмъ тайно оныя деньги фаткою велѣлъ положить той госпожѣ въ карету.—Госпожа, въ удовольствіи, что выручила свою рукопись, пріѣхала домой; лакей докладываетъ: куда деньги два мѣшка прикажетъ? Госпожа спрашиваетъ, какія? Слуга сказываетъ, что у Демидова фатой ему вынесъ и положилъ въ карету.—Госпожа думаетъ, что фатой ошибся, садится въ карету, ѣдетъ опять къ Демидову, велитъ нести къ нему деньги, отдастъ, извиняясь, что она не знала, какъ положили ей въ карету.... Прокофій спрашиваетъ, какъ она исправилась ему заплатить? Она сказываетъ, что заплатя необыкновенный процентъ и заложа всё свои вещи. Прокофій велитъ ей деньги взять и прибавилъ еще 200 руб. Удивленная щедростью его госпожа благодаритъ его и принуждается забыть причиненную имъ ей прежде досаду.

7.

Нѣкоторый молодой господинъ, промотавши все оставшееся отъ предковъ имѣніе и заложа послѣднюю свою деревню, провѣдавъ объ оказанной вышеозначенной госпожѣ милости, пришелъ къ Прокофію рассказывая, что деревня его стѣбитъ пять тысячъ рублей, и буде онъ не сдѣлаетъ ему милости, онъ пропадетъ, въ двухъ тысячахъ рубляхъ: просилъ, чтобы онъ его тѣмъ одолжилъ, обѣщаясь черезъ шесть дней ему деньги возвратить. Прокофій оставилъ его у себя отобѣдать, между тѣмъ искусно выспросилъ:—„Не оставилъ ли отецъ его послѣ себя долгу? Получилъ отвѣтъ, что нѣтъ“.—„Не сгорѣло ли что у него“.—„Нѣтъ“.—„Не покрали ли чего“.—„Нѣтъ“.—„Не ручался ли по комъ“.—„Нѣтъ“.—„Не было ль въ деревняхъ его чумы“?—„Нѣтъ“.—„Сколько вамъ отъ отца досталось крестьянъ?“.—Молодчикъ сказалъ: „1,800 душъ“.—„Сколько теперь имѣете“.—„Отвѣчалъ—200 душъ“.—„А тысяча шесть сотъ душъ гдѣ?“ смиренно спросилъ Прокофій.—Смущенный снмъ вопросомъ, молодецъ отвѣчалъ: „прожилъ“.—„Прожилъ, сказалъ Прокофій; я этому не вѣрю, ибо тебѣ не больше 25 лѣтъ, развѣ не

проигралъ ли“.—Закраспѣвшисъ проситель отвѣчалъ, что случилось такъ, что онъ по несчастію нѣсколько проигралъ, а при томъ еще и отъ любви пострадалъ; ибо, влюбясъ въ танцоршу, въ угодность ей 500 душъ прожилъ съ нею, 500 проигралъ,—600 ушли на бѣгунахъ, разобраны пѣсенниками, кулачными бойцами и тому подобными.—Прокوفій сказалъ: „сожалѣю о тебѣ, мой сынъ“.—„А, отецъ мой“. бросаея на колѣни, сказалъ молодецъ, „помоги“.—Прокوفій. „Такъ ты признаешь меня за своего отца“.—„Точно такъ“.—Прокوفій сказалъ: „Ты человекъ молодой, скоро забудешь, что я тебѣ отецъ, когда дамъ тебѣ двѣ тысячи рублей“.—„Нѣтъ, любезный отецъ, вѣчно, вѣчно буду тебя моимъ отцомъ почитать“. Прокوفій: „Того-то я и желаю; такъ дайже подписочку“. Молодчикъ тотчасъ взялъ бумаги и написалъ: Благодѣтеля моего и милостивца Прокوفія Акинфовича Демидова признаю за моего отца и во всемъ его волѣ повиноваться буду и все родительское право надо мною ему предоставляю навсегда такой-то, послѣ чего подалъ Прокوفію, который покликнулъ фатюю, отдалъ бумагу спрятать, а потомъ приказалъ клигнуть людей и подать плетей, да господина новаго сына взварилъ, опоролъ ему спину и бока: досталось, сказываютъ и брюху, уговаривая притомъ*).

*) Тутъ рукопись кончается. П. Б.

Московскіе городскіе головы, и замѣстители ихъ.

1782—1912 гг.

- 1782—1786. **Мещаниновъ**, Демидъ Демидовичъ, именитый гражданинъ*), коллежскій ассессоръ.
- 1786—1789. **Ситниковъ**, Семень Дмитріевичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ. Временно должность исправлялъ 1-ой гильдіи купецъ
Емельяновъ, Егоръ Емельяновичъ.
- 1789—1792. **Губинъ**, Михаилъ Павловичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1792—1795. **Долговъ**, Аѳанасій Ивановичъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1795—1798. **Жигаревъ**, Василій Яковлевичъ, именитый гражданинъ, надворный совѣтникъ.
- 1798—1802. **Емельяновъ**, Владимиръ Егоровичъ, 1-ой гильдіи купецъ.
- 1802—1804. **Губинъ**, Михаилъ Павловичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1804—1807. **Фалѣевъ**, Дмитрій Ѳедоровичъ, именитый гражданинъ, коллежскій ассессоръ.
- 1807—1810. **Кирияковъ**, Григорій Абрамовичъ, именитый гражданинъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1810—1811. **Насоновъ**, Иванъ Степановъ, именитый гражданинъ, первостатейный купецъ. Во время болѣзни Насонова должность его исправляли: 1-ой гильдіи купецъ, городской староста

*) Для лицъ, прослужившихъ по порядку городскую службу, узаконено было званіе „именитыхъ гражданъ“. Высочайшимъ указомъ 1-го Января 1807 г. (ст. 19) званіе это отмѣнено.

- Агѣвъ**, Петръ Ларионовичъ, и 1-ой гильдін купецъ
- Грезенковъ**, Николай Ивановичъ. За два года до своей смерти, послѣдовавшей 4-го Декабря 1813 г., Насоновъ вышелъ въ отставку и на его мѣсто былъ избранъ первостатейный купецъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1811—1813. **Куманинъ**, Алексѣй Алексѣевичъ. Во время болѣзни Куманина его мѣсто заступалъ городской староста, 1-ой гильдін купецъ, коммерціи совѣтникъ
- Шеллапутинъ**, Прокофій Дмитріевичъ.
- 1813—1814. **Кожениковъ**, Ѳедоръ Ивановичъ, первостатейный купецъ. Онъ умеръ 12-го Сентября 1814 г. и его замѣнилъ 1-ой гильдін купецъ, коммерціи совѣтникъ
- 1814—1819. **Титовъ**, Михаилъ Ивановъ, избранный затѣмъ (15-го Декабря 1815 г.) въ городскіе головы на трехлѣтіе 1816—1819 гг.
- 1819—1822. **Савельевъ**, Андрей Яковлевичъ, первостатейный купецъ.
- 1822—1825. **Поповъ**, Алексѣй Гавриловичъ, 1-ой гильдін купецъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1825—1828. **Куманинъ**, Константинъ Алексѣевичъ, первостатейный купецъ.
- 1828—1831. **Мазуринъ**, Алексѣй Алексѣевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдін купецъ.
- 1831—1834. **Ярцовъ**, Иванъ Матѣевичъ, дворянинъ, 1-ой гильдін купецъ.
- 1834—1837. **Колесовъ**, Иванъ Алексѣевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдін купецъ.
- 1837—1840. **Куманинъ**, Валентинъ Алексѣевичъ, дворянинъ, первостатейный купецъ.
- 1840—1841. **Алексѣевъ**, Александръ Васильевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдін купецъ. За болѣзнию и послѣдовавшей затѣмъ (2-го Октября 1841 г.) смертью Алексѣева, обязанности городского головы исполнялъ избранный къ нему въ кандидаты, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдін купецъ.
- 1841—1843. **Шапошниковъ**, Кондратій Карповичъ.
- 1843—1846. **Шестовъ**, Андрей Петровичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдін купецъ, коммерціи совѣтникъ. (См. о немъ въ сборникъ „Наше купечество и торговля съ серьезной и карикатурной стороны“, М. 1866 г., вып. II, съ портретомъ). Кандидатомъ

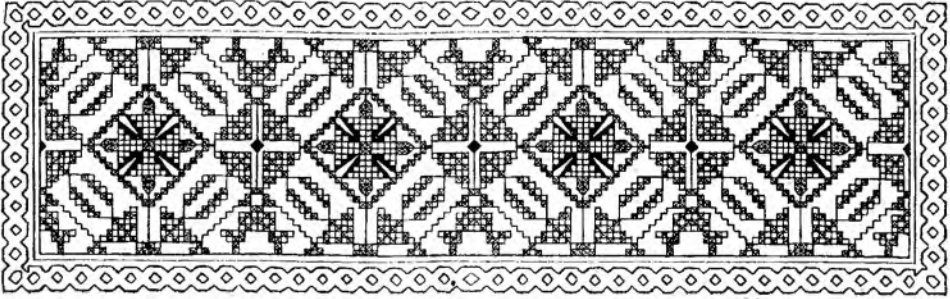
- состоялъ потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ.
- 1846—1849. **Лепешкинъ**, Семень Логиновичъ, избранный затѣмъ въ городскіе головы на трехлѣтіе 1846—1849 гг. Кандидатомъ при Лепешкинѣ состоялъ потомственный почетный гражданинъ
1849. **Кирьяковъ**, Клавдій Аѳанасьевичъ. По истеченіи срока службы Лепешкина, Кирьяковъ былъ избранъ въ городскіе головы на трехлѣтіе 1849—1852 гг., а къ нему въ кандидаты—потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ
- 1849—1852. **Щекинъ**, Илья Аѳанасьевъ. Въ 1849 г. Кирьяковъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, въ которую вступилъ Щекинъ, а въ кандидаты къ послѣднему были избраны потомственные почетные граждане, 1-ой гильдіи купцы:
- Спиридоновъ**, Христофоръ Дмитріевичъ,
Перловъ, Василій Алексѣевичъ, и
Мазуринъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ.
- 1852—1855. **Кукинъ**, Кирилль Аѳанасьевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, заявлялъ должность городского головы вмѣсто избраннаго, но не утвержденаго въ должности, Фридрихсгамскаго первостатейнаго и временно московскаго 1-ой гильдіи купца Петра Ивановича Куманина. Кандидатомъ при Кукинѣ состоялъ степенный гражданинъ
- Русиновъ**, Алексѣй Пантелѣевичъ.
- 1855—1858. **Колесовъ**, Алексѣй Ивановичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ. Кандидатами состояли потомственные почетные граждане, 1-ой гильдіи купцы:
- Молчановъ**, Евграфъ Владиміровичъ, и
Борисовскій. Мартемьянъ Ивановичъ. Временно (съ 2—15 Марта 1855 г. и съ 11—26 Января 1856 г.) обязанности городского головы исполнялъ также 1-ой гильдіи купецъ
- Расторгуевъ**, Дмитрій Ивановичъ.
- 1858—1859. **Гучковъ**, Ефимъ Ѳедоровичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, мануфактуръ совѣтникъ. Кандидатами на то же трехлѣтіе состояли:
- Борисовскій**, Мартемьянъ Ивановичъ, и коммерціи совѣтникъ

- Кокоревъ**, Василій Александровичъ. Гучковъ умеръ 29-го сентября 1859 г., а Борисовскій перешелъ (въ 1858 г.) въ купечество г. Переяслава. Въ должность городского головы вступилъ потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ
- 1859—1861. **Ширяевъ**, Сергій Дмитріевичъ, избранный на эту должность 9-го Октября 1859 г. Въ 1859—1860 гг. временно исполнялъ обязанности городского головы 1-ой гильдіи купецъ
- Камынинъ**, Иванъ Степановичъ.
- 1861—1862. **Королевъ**, Михаилъ Леонтьевичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ. Кандидатами къ нему были избраны потомственные почетные граждане, 1-ой гильдіи купцы:
- Хлудовъ**, Герасимъ Ивановичъ, и
Чижовъ, Андрей Гавриловичъ.
Первымъ Московскимъ городскимъ головой послѣ введенія Новаго Городоваго положенія былъ гвардіи поручикъ (потомъ статскій совѣтникъ), князь
- 1862—1869. **Щербатовъ**, Александръ Алексѣевичъ. Временно исполняли должность: потомственные почетные граждане, мануфактуръ-совѣтники:
- Рѣзановъ**, Ѳедоръ Ѳедоровичъ (съ 6—22 Апрѣля, 31-го Августа по 22 Сентября, 24-го Октября по 16 Ноября 1866 г.) и
Бостанжогло, Василій Михайловичъ (съ 19—31 Мая, 11—17 Июля и 14—21 Августа 1867 г.).
- 1869—1871. **Черкасскій**, князь Владиміръ Александровичъ.
- 1871—1873. **Ляминъ**, Иванъ Артемьевичъ, потомственный почетный гражданинъ, коммерціи совѣтникъ (потомъ статскій совѣтникъ). Товарищемъ состоялъ коллежскій совѣтникъ
- Ладыженскій**, Сергій Александровичъ.
- 1873—1876. **Шумахеръ**, Даніилъ Даніиловичъ, статскій совѣтникъ. Товарищемъ вновь былъ избранъ
- Ладыженскій**, Сергій Александровичъ.
- 1876—1882. **Третьяковъ**, Сергій Михайловичъ, потомственный почетный гражданинъ, 1-ой гильдіи купецъ, коммерціи совѣтникъ. Товарищемъ состоялъ кандидатъ правъ
- Сумбулъ**, Леонидъ Николаевичъ.

- 1882—1883. **Чичеринъ**, Борисъ Николаевичъ, статскій совѣтникъ, докторъ государственнаго права.
- 1883—1885. **Тарасовъ**, Степанъ Алексѣевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.
- 1885—1893. **Алексѣевъ**, Николай Александровичъ, потомственный почетный гражданинъ, убитый 11-го Марта 1893 г. Товарищемъ состоялъ статскій совѣтникъ
Ушаковъ, Михаилъ Фѣдоровичъ.
- 1893—1897. **Рукавишниковъ**, Константинъ Васильевичъ, тайный совѣтникъ. Товарищемъ состоялъ надворный совѣтникъ
Щепкинъ, Николай Николаевичъ.
- 1897—1905. **Голицынъ**, князь Владимиръ Михайловичъ, тайный совѣтникъ. Товарищемъ состоялъ
Лебедевъ, Иванъ Алексѣевичъ, статскій совѣтникъ.
- 1905—1912. **Гучковъ**, Николай Ивановичъ, потомственный почетный гражданинъ, нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ. Товарищемъ состоитъ потомственный дворянинъ
Брянскій, Викторъ Діодоровичъ. До него (съ 1905—1907 г.) обязанности товарища исправлялъ членъ городской управы, надворный совѣтникъ
Дувакинъ, Дмитрій Дмитріевичъ.

У. Г. Иваскъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ П. И. ЩУКИНА *).

Въ Декабрѣ 1878 года отецъ основалъ торговый домъ подъ фирмой: „И. В. Щукинъ съ Сыновьями“, принявъ братьевъ моихъ, Николая и Сергѣя, и меня въ качествѣ товарищей. Торговали мы попрежнему на Чижовскомъ подворьѣ, а въ 1878 году сняли еще другую лавку въ Юшковомъ переулкѣ и Шуйскомъ подворьѣ, въ домѣ Московскаго Купеческаго Общества.

До смерти отца жилъ я въ его домѣ, бывшемъ Толмачевой, на углу Пречистенки и Лопухинскаго переулка.

На Пречистенкѣ, почти напротивъ насъ, жилъ въ своемъ домѣ Владиміръ Дмитріевичъ Коншинъ. Въ этомъ домѣ мнѣ приходилось бывать; между прочимъ я присутствовалъ тамъ на свадьбѣ дочери Владимира Дмитріевича—Прасковьи Владимировны, вышедшей замужъ за Анатолія Ильича Чайковскаго, бывшаго впоследствии Нижегородскимъ вице-губернаторомъ. Свадьба была съ генералами, военными и статскими, до которыхъ Владиміръ Дмитріевичъ былъ большой охотникъ. Владиміръ Дмитріевичъ былъ всегда одѣтъ съ иголочки и тщательно выбритъ. Мы называли его между собой „лордомъ Биконсфильдомъ“. Въ роскошно убранныхъ комнатахъ, которыя занималъ Владиміръ Дмитріевичъ, кромѣ громадной книги „Коронація императора Александра II“, съ хромофотографированными картинками, было полное отсутствіе какихъ-либо книгъ, а изъ газетъ, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, не видать другихъ. Свой домъ со всей обстановкой Владиміръ Дмитріевичъ потомъ продалъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой за триста тысячъ рублей, а самъ переѣхалъ въ Большой Знаменскій переулокъ, въ домъ моего отца, купленный у князя Трубецкаго.

*) Съ позволенія достоуважаемаго Петра Ивановича Щукина, извлечено изъ X-го выпуска его „Сборника“, который издается имъ для немногихъ. П. Б.

На Пречистенкѣ же, ближе къ Пречистенскому бульвару, жилъ въ своемъ домѣ толстякъ, кавалергардскій офицеръ, Лихачевъ, который часто катался по Пречистенкѣ въ шарабанѣ, вмѣстѣ съ красивой Кронбергъ, бывшей Петербургской актрисой. Лихачевъ былъ однимъ изъ усердныхъ посѣтителей „Салона де Варьетэ“, на Большой Дмитровкѣ, который содержалъ какой-то Кузнецовъ, и гдѣ иногда на ночь составлялось до десяти полицейскихъ протоколовъ. Разсказчикъ Гинцбургъ завѣдывалъ въ „Салонѣ“ репертуарной частью и самъ выступалъ на сценѣ. Получая въ банкирской конторѣ Ценкера деньги, Гинцбургъ всегда приглашалъ г-дъ Ценкеровъ въ „Салонъ“, говоря, что тамъ бываетъ „Seine Excellenz Herr Lichatscheff“.

Вслѣдствіе разстройства дѣлъ у Лихачева, домъ его былъ проданъ вдовѣ Михаила Алексѣевича Хлудова—Вѣрѣ Александровнѣ¹⁾. М. А. Хлудова я немного знавалъ; онъ былъ пріятелемъ генерала Михаила Григорьевича Черняева и сопровождалъ его въ Туркестанскомъ походѣ. Съ Михаиломъ Алексѣевичемъ встрѣтился я дважды: разъ ѣхалъ съ нимъ изъ Петербурга въ Москву, другой разъ—изъ Турина въ Маданъ. Изъ Туркестана М. А. Хлудовъ привезъ молодого тигра, котораго держалъ у себя въ комнатахъ на свободѣ.

Далѣе, на Волконкѣ, въ домѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, находился музей, входъ въ который былъ со стороны нынѣ несуществующаго „Колымажнаго двора“, гдѣ помѣщалась пересыльная тюрьма²⁾. Въ нижнемъ этажѣ Голицынскаго дома жилъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ съ женой (урожденной графиней Капнистъ), а въ верхнемъ этажѣ помѣщался музей, учрежденный по мысли покойнаго князя Михаила Александровича Голицына³⁾ и открытый для публики въ 1865 году⁴⁾. Директоромъ музея состоялъ старичекъ, Нѣмецъ, докторъ медицины Карлъ Марковичъ Гюнцбургъ. Съ нимъ я познакомился. К. М. Гюнцбургъ, служившій въ прежнее время врачомъ у Голицыныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, былъ человекъ очень начитанный, философски образованный, знавшій Нѣмецкій, Русскій, Латинскій,

¹⁾ Теперь домъ Морица Филиппа.

²⁾ Въ настоящее время на мѣстѣ „Колымажнаго двора“ выстроены Музей изящныхъ искусствъ.

³⁾ Кн. М. А. Голицынъ былъ посланникомъ въ Мадридѣ; родился въ Москвѣ 12 Мая 1804 года, умеръ въ Монпелье, 17 Марта 1860 года.

⁴⁾ Музей этотъ былъ высочайше утвержденъ, и его не слѣдовало упразднить, въ чемъ причиненъ покойный предводитель Московскаго дворянства, графъ А. В. Бобринскій, дѣйствовавшій изъ опасенія, чтобы Музей не достался Французамъ, которые предлагали за него сыну основателя князю С. М. Голицыну 800 тысячъ рублей и уже получили на то согласіе. П. Б.

Древне-греческій, Французскій и Англійскій языки. Гюнцбургомъ были написаны и изданы:

1) „Catalogue des livres de la bibliothèque du prince Michel Calitzin rédigé d'après ses notes autographes, par Ch. Cunzbourg“. (Moscou, 1866).

2) Краткое описаніе Голицынскаго музея подъ заглавіемъ „Московскій Голицынскій музей въ 1866 году“. (М. 1867).

3) „Указатель Голицынскаго музея“. (М. 1869).

и 4) „Основы умственнаго воспитанія и обученія въ связи съ психологіей и логикой“. (М. 1880).

Голицынскій музей былъ открытъ для посѣтителей по Средамъ и Воскресеньямъ, съ 12-ти до 4-хъ часовъ дня. Внизу при входѣ встрѣчалъ посѣтителей швейцаръ въ красномъ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ. По красивой лѣстницѣ поднимались во второй этажъ, гдѣ въ пяти залахъ были размѣщены старинныя картины разныхъ школъ, античныя произведенія изъ мрамора, бронзы и обожженной глины, старинныя серебряныя вещи, фаянсъ, фарфоръ, часы, эмали, миниатюры, камеи, геммы, медали, монеты и т. д. Помню, на стѣнахъ висѣли два большихъ чудеснѣйшихъ гобелена, на коихъ, по рисункамъ Детруа, были изображены сцены изъ Ветхаго Завета: Эсфирь и Агасферъ. Съ боку на коврахъ были двѣ надписи: „Fait par Detroit à Rome 1793“; внизу: „Cazotte 1763“. Находившіяся въ музеѣ двѣ парныя вазы изъ слоновой кости съ бронзой въ стилѣ Людовика XVI, тончайшей работы, когда-то принадлежали Маріи-Антуанеттѣ, ибо на нихъ имѣлся шифръ этой несчастной королевы. Библіотека, помѣщавшаяся въ отдѣльной залѣ, заключала въ себѣ драгоцѣнныя библіографическія рѣдкости.

Голицынскій музей былъ въ сущности небольшой, но все, что въ немъ заключалось, было дѣйствительно прекрасно. Всѣ предметы, собранные княземъ Михаиломъ Александровичемъ Голицынымъ, указывали на его вкусъ и знанія.

Сынъ его князь С. М. Голицынъ продалъ въ 1886 году въ Петербургъ всѣ свои коллекціи за относительно незначительную сумму (восемьсотъ тысячъ рублей) и тѣмъ лишилъ Москву прекраснаго музея, обогативъ и безъ того богатые Императорскій Эрмитажъ и Императорскую Публичную Библіотеку. Теперь не увидишь ни въ одномъ Московскомъ музеѣ такихъ чудныхъ гобеленовъ, такого Северскаго фарфора и многихъ другихъ вещей, какія находились въ Голицынскомъ музеѣ. Прошло 25 лѣтъ какъ закрылся этотъ музей, и объ его существованіи большинство успѣло забыть. Только въ „Русскомъ Календарѣ“ Суворина изъ года въ годъ продолжаютъ печатать (см. Суворинскій календарь за 1911-й годъ, стр. 347), въ какіе дни и часы Голицынскій музей открытъ для посѣтителей, когда и самъ-то домъ не принадлежитъ

болѣ князю Голицыну, а Училищу Живописи, Ваянія и Зодчества¹⁾. Нѣтъ въ живыхъ и устроителя Голицынскаго музея, добрѣйшаго Карла Марковича Гюнцбурга.

Живя за границей, я собиралъ Нѣмецкія и Французскія книги, фотографіи актрисъ, актеровъ, писателей, ученыхъ, военныхъ, коммунистовъ и др. Возвратясь въ Москву, сталъ я также собирать гравюры, литографіи и рисунки. Такимъ образомъ у меня составилось значительное собраніе гравюрокъ лучшаго Нѣмецкаго иллюстратора книгъ XVIII в., Даниіла Ходовецкаго, офортовъ и рисунковъ Фелисіена Ропса и литографій Гаварни, Греведона, Буали и другихъ, XIX в.

Разъ съ братомъ Николаемъ, по рекомендаціи дяди П. Л. Пикулина, поѣхали мы къ старичку Константину Ивановичу Лапкову, жившему въ Лефортовскомъ дворцѣ, на квартирѣ капитана Дарагана, и купили у него: „Le Temple de Spide“, изд. 1772 года, съ прелестными гравюрами съ рисунковъ Eisen'a, за десять рублей; четыре тома in-4 „Метаморфозъ Овидія“, изд. 1767—77 г., во Французскомъ переводѣ аббата Баньё, со множествомъ гравюръ, за сорокъ рублей; двѣ серіи Custave Moreau le Jeune, миниатюру на кости, представляющую Нимфу и Сатира, писанную Прудономъ, гравюры Гогарта XVIII в., и еще нѣсколько старинныхъ книгъ и гравюръ.

Потомъ купилъ я въ Столешниковомъ переулкѣ у антикварія, Француза Давида, прежде торговавшаго пивомъ Трехгорнаго завода²⁾ два тома „Pierres gravées du duc d'Orleans“, въ красныхъ сафьянныхъ старинныхъ переплетахъ, экземпляры замѣчательной сохранности, за сорокъ рублей. У врача Михаила Осиповича Вивьена былъ купленъ мною прекрасный оттискъ портрета Боссюэта, гравированный Петромъ Древе (Drevet) въ 1723-мъ году, за пятнадцать рублей. Этотъ портретъ можно считать шедевромъ гравировальнаго искусства.

Черезъ К. М. Гюнцбурга купилъ я собраніе маленькихъ томиковъ изданія Cazin XVIII в. и прекрасное Келевское изданіе Beaumarchais „Свадьба Фигаро“, съ пятью картинками Saint-Quentin.

Въ Москвѣ одновременно со мной собирали книги и гравюры нѣкоторые знакомые: Н. С. Мосоловъ, Н. В. Баснинъ, Н. Г. Егоровъ,

¹⁾ Въ Суворинскомъ „Русскомъ Календарѣ“ на 1912 годъ Голицынскій Музей наконецъ-то не указанъ, но Боткинская картинная галлерея въ Москвѣ, уже нѣсколько лѣтъ несуществующая, все еще приводится.

²⁾ Нѣкоторые изъ Московскихъ антикваріевъ, прежде тѣмъ сдѣлались таковыми, занимались совсѣмъ другими дѣлами: такъ, антикварій Черномордикъ былъ канторомъ въ синагогѣ Л. С. Полякова, Парфеновъ — оберъ-кондукторомъ, Абрамовскій — бухгалтеромъ въ конторѣ Шлезингера.

С. С. Шайкевичъ, И. М. Остроглазовъ, В. С. Абакумовъ и В. К. Вульффертъ.

Николай Семеновичъ Мосоловъ, учившійся гравировальному искусству у Фламенга въ Парижѣ, самъ хорошій офортистъ. Его болѣе извѣстная и крупная работа—офорты съ картинъ Рембрандта, находящихся въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. У самого Николая Семеновича замѣчательное собраніе старинныхъ офортовъ, Нѣмецкихъ и въ особенности Голландскихъ мастеровъ. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ собиралъ также книги XVIII в. съ гравюрами.

Присяжный повѣренный Николай Васильевичъ Баснинъ (тоже еще здравствующій) собиралъ преимущественно гравюры XVIII ст.

Нынѣ покойный Николай Георгіевичъ Егоровъ служилъ цензоромъ въ иностранномъ отдѣленіи цензуры, помѣщавшемся тогда въ Шереметевскомъ переулкѣ. Н. Г. Егоровъ, человекъ одинокій, жилъ въ Антипьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Созановича, гдѣ занималъ небольшую квартиру. Онъ былъ цензоромъ. Егорову приходилось просматривать массу иностранныхъ изданій, между коими встрѣчалось много роскошныхъ. Николай Георгіевичъ пристрастился къ послѣднимъ и сталъ покупать Французскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX в., тратя на нихъ бѣольшую часть своихъ средствъ. Приобрѣтаемыя книги Егоровъ посылалъ обыкновенно въ Парижъ, откуда онѣ возвращались въ дорогихъ переплетахъ. Свои книги Егоровъ держалъ въ шкафахъ, тщательно завернутыми въ бумагу. Впослѣдствіи Егоровъ былъ отдѣльнымъ Русскимъ цензоромъ, а его мѣсто въ иностранной цензурѣ занялъ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, съ которымъ я тоже познакомился. По смерти Егорова¹⁾, его небольшое, но прекрасное книжное собраніе было продано въ 1907 году наследниками Московскому книго-торговцу П. П. Шибанову.

Присяжный повѣренный Самуилъ Соломоновичъ Шайкевичъ сразу приобрѣлъ большую часть извѣстной Власовской²⁾ коллекціи гравюръ (небольшая ея часть находилась въ Голицынскомъ музеѣ) и затѣмъ сталъ ее пополнять. Между прочимъ Самуилъ Соломоновичъ перевелъ съ Нѣмецкаго на Русскій извѣстное руководство по собираию гра-

¹⁾ Н. Г. Егоровъ родился въ 1839 году; умеръ 25 Декабря 1902 года. Это правнукъ княгини Е. Р. Дашковой. П. Б.

²⁾ Власовъ былъ небогатый помѣщикъ, но имѣлъ вкусы богатаго. Богачъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій предложилъ ему руку своей хромой дочери, на которой Власовъ женился и сталъ рьянымъ коллекционеромъ. Чего только у Власова не было! И старинныя картины, и миниатюры первоклассныхъ художниковъ, и гравюры, и книги, и табакерки и фарфоръ, и бронза и т. д. Въ концѣ концовъ Власовъ разорился, и одна часть его собранія была продана съ аукціона, а другая разыграна въ лотерею.

вюръ Вессели. Наживъ адвокатской практикой хорошее состояніе и продавъ свой домъ въ Полуэктовскомъ переулкѣ, Шайкевичъ переселился въ Парижъ, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Судьба его коллекціи гравюръ осталась мнѣ неизвѣстна.

Товарищъ прокурора Московской судебной палаты Иванъ Михайловичъ Остроглазовъ жилъ въ своемъ домикѣ на Бутыркахъ. При домикѣ былъ садъ, въ которомъ росло много ягодъ. Въ этомъ саду Иванъ Михайловичъ показывалъ мнѣ свое собраніе Русскихъ гравированныхъ портретовъ. Онъ собиралъ также Русскія книжныя рѣдкости. У него видѣлъ я Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, „Вадима Новгородскаго“, самое миниатюрное изданіе басенъ Крылова и другія рѣдкія книги. Иванъ Михайловичъ перешелъ потомъ на службу въ Тулу, гдѣ и умеръ предсѣдателемъ Окружнаго Суда. Зналъ я также пріятеля Остроглазова, Кирилла Александровича Нарышкина. Остроглазовъ покупалъ вещи у антикварныхъ торговцевъ обыкновенно вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, держась слѣдующаго правила: когда Остроглазовъ торговалъ какою-нибудь вещь, Нарышкинъ всегда находилъ въ ней недостатки и не совѣтовалъ покупать, чѣмъ смущалъ торговца, который поэтому невольно уступалъ въ цѣнѣ. По смерти Ивана Михайловича, его собраніе книгъ было продано Николаю Павловичу Рогожину, затѣмъ оно перешло къ сыну послѣдняго Владимиру Николаевичу. Въ настоящее время собраніе И. М. Остроглазова вмѣстѣ съ Рогожинской бібліотеккой составляетъ собственность Московскаго Историческаго Музея. Свое собраніе гравированныхъ портретовъ Иванъ Михайловичъ распродалъ еще при жизни.

Товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго суда Владимиръ Сергѣевичъ Абакумовъ собиралъ гравюры и автографы. По смерти Владимира Сергѣевича, согласно его волѣ, гравюры поступили въ Нижегородскій музей*), помѣщающійся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ одной изъ Кремлевскихъ башенъ, а автографы были розданы душеприкащикомъ В. К. Вульффертомъ пріятелямъ покойнаго. Такимъ образомъ нѣсколько автографовъ, какъ-то: Нижегородскаго губернатора Одинцова, игуменьи Митрофаніи (баронессы Розенъ), адвоката Ѳ. Н. Плевако и другіе достались мнѣ.

Членъ Московской судебной палаты Владимиръ Карловичъ Вульффертъ, бывшій раньше мировымъ судьей, собиралъ преимущественно рѣдкія книги, автографы и курьезныя объявленія и печатки. Вульффертъ занимался переводами и кое-что написалъ, между прочимъ

*) В. С. Абакумовъ началъ свою службу въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ.

интересный разсказъ „Вальдшнепъ“¹⁾). Вдова Владимира Карловича передала въ Московскій Историческій Музей всѣ неимѣвшіяся въ Музее, большею частію очень рѣдкія, книги.

Не могу обойти молчаніемъ еще одного библіофила, котораго хотя и не знавалъ лично, но часто встрѣчалъ у букинистовъ, а именно потомственнаго почетнаго гражданина Ѳедора Ѳедоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одѣтый, онъ по цѣлымъ днямъ рылся въ книжныхъ лавкахъ, при чемъ иногда незамѣтно вырывалъ изъ рѣдкой книги листъ или два, чтобы ее обезцѣнить и купить подешевлѣ, а при случаѣ даже и воровалъ книги. Мазуринъ покупалъ книги въ долгъ и постепенно платилъ. Будучи страстнымъ любителемъ книгъ, онъ обладалъ большими библіографическими познаніями. Жилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ своемъ домѣ, окруженный котами и кошками, коихъ называлъ по имени и отчеству и съ коими не брезгалъ ѣсть изъ одной посуды. За котами и кошками ухаживали жившія у него въ домѣ старушки. Свои книги Ѳедоръ Ѳедоровичъ держалъ не въ шкафахъ, а въ сундукахъ. Мазуринъ, видя расточительность своей матери на украшеніе церквей и не будучи въ состояніи сдѣлать ей замѣчанія по мягкости своего характера, самъ наложилъ на себя опеку. Опекунами его были: Василій Алексѣевичъ Бахрушинъ и Михаилъ Алексѣевичъ Чернышевъ. По смерти Мазурина²⁾ опекуны передали его цѣнное собраніе печатныхъ книгъ и рукописей въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Домъ моего отца въ Лопухинскомъ переулкѣ былъ купленъ у Толмачевой за очень дорогую цѣну³⁾ значительно бѣльшую, чѣмъ онъ

1) Вотъ списокъ печатныхъ трудовъ В. К. Вульфберта, любезно сообщенный мнѣ Алексѣемъ Ивановичемъ Стапкевичемъ:

I) Стихотворенія: 1) „Къ утренней зарѣ“. Подражаніе Овидію. 2) Отрывокъ „Разговоръ Фауста съ Мефистофелемъ“^d. 3) „Царь Рустемъ“. Восточное преданіе. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1880 года, Августъ.

II) „Вальдшнепъ“. Разсказъ холостяка. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1882 года, Августъ.

III) „Тяжба Гоголя подъ цензурою Дуббельта“. Въ Русскомъ Архивѣ“ 1887 года, II, стр. 256.

IV) „Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ судебно-мировыхъ учреждений 1866—1891 г.г.“ Москва, 1891. Отдѣльною книгою.

Въ письмѣ В. И. Солдатенкова (изъ Кунцева, отъ 15 Сентября 1883 г.) говорится еще о комедіи, написанной В. К. Вульфбертомъ: „ . . . у насъ, пишетъ Солдатенковъ, предполагается устроить домашній спектакль: пойдутъ двѣ пьесы: „Горацій и Лидія“, комедія въ 1 дѣйствіи моего пріятеля Вульфберта“.

²⁾ Ѳ. Ѳ. Мазуринъ умеръ 23 Декабря 1898 года, родился 21 Мая 1845 года.

³⁾ Домъ былъ купленъ съ мебелью за 250 тысячъ рублей. Кромѣ того отпу пришлось платить за вунчюю. По смерти отца наслѣдники съ трудомъ могли продать этотъ домъ безъ мебели, за сто тысячъ рублей, Л. С. Полякову.

дѣйствительно стоилъ. Толмачева, при продажѣ дома, сумѣла отца, какъ говорится, обставить. Домъ имѣлъ форму буквы Г и былъ каменный трехэтажный. При домѣ имѣлись: садъ, небольшая оранжерея и службы. Въ саду отецъ выстроилъ деревянную бесѣдку. Въ нижнемъ этажѣ дома находились: комнаты для прислуги, чайная конторщиковъ и кухня, настолько большая, что въ ней во время вечеровъ пятнадцать поваровъ свободно готовили ужинъ. Какъ въ нижнемъ, такъ и во второмъ этажѣ всѣ комнаты были низкія и всѣ окна второго этажа полукруглыя*). Во второмъ этажѣ находились столовая, буфетная, комнаты моихъ сестеръ и старшихъ братьевъ, моя комната, комната гувернантки, комната прислуги и контора.

Во второй и третій этажи вела парадная чугунная бронзированная лѣстница. Биллиардная находилась въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ комнатъ; изъ передней въ биллиардную надо было подниматься по деревянной винтовой лѣстницѣ. Въ третьемъ этажѣ жили отецъ, мать и два младшихъ брата, Владимиръ и Иванъ, съ пожилой Нѣмкой Эммой Карловной Крузе. Всѣ комнаты третьяго этажа были высокія, причемъ парадныя—богато отдѣланы и роскошно меблированы. Потолокъ въ большомъ, родѣ залы, отцовскомъ кабинетѣ былъ красный съ бѣлыми съ золотомъ лѣпными орнаментами. Мебель въ двухсвѣтной залѣ была обита желтымъ шелковымъ штофомъ, и изъ такого же штофа были драпировки на окнахъ и дверяхъ. Изъ залы черезъ арку входили въ гостиную, стѣны и золоченая мебель которой были обиты пунцовой шелковой матеріей. За пунцовой гостиной слѣдовала голубая шелковая гостиная, затѣмъ бѣлый атласный будуаръ и спальня матери. Всѣ эти четыре комнаты составляли одну афиладу. Въ корридорѣ третьяго этажа на потолокъ и карнизахъ была хорошая фресковая живопись Итальянской работы; между прочимъ были написаны тигры. Въ третій этажъ вела еще деревянная лѣстница, а изъ второго этажа въ нижній—каменная (черная).

Отецъ, человекъ хлѣбосольный, любилъ приглашать къ обѣду гостей, но не любилъ, если кто самъ напрашивался на обѣдъ. Такъ, помню, разъ Константинъ Августиновичъ Тарновскій сказалъ отцу: „въ Четвергъ я приду къ вамъ обѣдать“, на что отецъ отвѣтилъ: „мы будемъ вамъ очень рады, но только насъ дома не будетъ“.

Изъ ближайшихъ родныхъ чаще другихъ обѣдалъ у насъ дядя Павелъ Петровичъ Боткинъ, служившій прежде въ Петербургѣ, въ

*) Толмачевъ былъ откущикъ, и въ его домѣ помѣщался винный складъ, чѣмъ и объяснялись имѣвшіяся во второмъ этажѣ полукруглыя окна. Третій этажъ надстроили уже потомъ. Во время коронаціи императора Александра II, въ домѣ Толмачева стоялъ Австрійскій посланникъ Эстергази.

какомъ-то департаментѣ, а потомъ вышедшій въ отставку и переселившійся въ Москву. Павелъ Петровичъ, старый холостякъ, былъ страстный любитель балета и оперы и поклонникъ прекраснаго пола. Неуклюжій, лѣнивый, съ бритымъ обрюзглымъ лицомъ, онъ напоминалъ Католическаго священника. Однажды гдѣ-то въ Испаніи его не пустили на балъ, принявъ за патера. Несмотря на свои ограниченныя средства, Павелъ Петровичъ много тратилъ на подарки актрисамъ, что не мѣшало имъ водить его за носъ. О своихъ неудачахъ съ красивыми дамами онъ откровенно и наивно рассказывалъ. Напримѣръ, попросить его какая-нибудь изъ нихъ сопровождать ее на балъ; Павелъ Петровичъ закажетъ букетъ, найметъ карету и вмѣстѣ съ дамой поѣдетъ на балъ. По едва взойдутъ они въ залу, какъ подбѣжитъ гвардейскій офицеръ и уведетъ ее, а Павелъ Петровичъ останется при пиковомъ интересѣ и опечаленный вернется домой. Павелъ Петровичъ былъ, можно сказать, живыми святыми: помнилъ всѣ дни празднованій Русскихъ святыхъ.

Изъ двухъ Боткинскихъ семей, Петра и Дмитрія Петровичей, отецъ былъ ближе ко второй. Поэтому и наши общенія съ семьей Дмитрія Петровича были чаще. Дмитрій Петровичъ Боткинъ жилъ съ женой Софьей Сергѣевной (рожденной Мазуриной), дочерью Елисаветой и тремя сыновьями Петромъ, Сергѣемъ и Дмитріемъ, въ своемъ домѣ, на Покровкѣ, которую въ насмѣшку онъ называлъ: „наша rue de la Paix“. Человѣкъ съ большимъ вкусомъ, Дмитрій Петровичъ собралъ замѣчательную картинную галерею иностранныхъ художниковъ, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время наследниками частью продана, а частью увезена изъ Москвы. По Воскресеньямъ у Дмитрія Петровича бывали обѣды съ гостями зимой на Покровкѣ, а лѣтомъ въ Кунцевѣ на его дачѣ. Бывали у него въ Московскомъ домѣ также балы и маскарады. Вообще семья Дмитрія Петровича отличалась радушіемъ и гостепріимствомъ.

Петръ Петровичъ Боткинъ, глава чайной фирмы „Петра Боткина Сыновей“, жившій на Маросейкѣ въ Петро-Веригскомъ переулкѣ, бывалъ у насъ рѣдко, какъ и его три дочери, Анна, Надежда и Вѣра; а супруга Петра Петровича Надежда Кондратьевна (урожденная Шапошникова) и совсѣмъ у насъ не бывала, да и вообще въ гости нигде не ѣздила. Братъ и я дѣлали визиты семьѣ Петра Петровича только въ первый день Рождества и Пасхи. Въ эти высокаторжественные дни у Петра Петровича бывали всегда семейные обѣды, на которыхъ присутствовали близкіе родственники и Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Въ концѣ обѣда, когда еще никто не выходилъ изъ за стола, Иванъ Ѳедоровичъ медленно поднимался со стула и, опершись руками о столъ, начиналъ какой-нибудь рассказъ.

Дядя Владимиръ Петровичъ Боткинъ, женатый на Аннѣ Ефимовнѣ Гучковой, былъ человѣкъ атлетическаго сложенія. Жилъ онъ съ семьей на дачѣ въ Сокольникахъ, гдѣ однажды захворалъ бѣлой горячкой, сталъ буйствовать, почему былъ связанъ и скоро умеръ, еще въ молодыхъ лѣтахъ. Мы съ отцомъ пріѣхали въ Сокольники, когда Владимиръ Петровичъ лежалъ уже мертвый, и у воротъ дачи толпились гробовщики. Потомъ пріѣхалъ Петръ Петровичъ Боткинъ и, гробовщики стали приставать къ нему; одинъ говорилъ: „я дѣлалъ гробъ вашему батюшкѣ“; другой: „я дѣлалъ гробъ вашей сестрицѣ“; и т. д.¹⁾ Послѣ Владимира Петровича остались два сына: Ѳедоръ и Михаилъ; старшій, Ѳедоръ, нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ въ Парижѣ, гдѣ усердно занимался живописью и подавалъ надежды сдѣлаться хорошимъ художникомъ.

Отецъ и мать находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гучковыми²⁾, которыхъ было нѣсколько семействъ. Иванъ Ефимовичъ Гуч-

1) Похоронныхъ бюро тогда еще не существовало; гробовщики сами узнавали, гдѣ покойникъ, и являлись за полученіемъ заказа.

2) Родоначальникомъ Гучковыхъ былъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ, крестьянинъ Калужской губерніи, Малоярославецкаго уѣзда. Онъ завелъ шерстяную фабрику въ 1790-хъ годахъ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ; въ 1840-хъ годахъ, за принадлежность къ старообрядчеству, Ѳедоръ Алексѣевичъ былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, и дѣло перешло къ его сыновьямъ Ефиму и Ивану. Ефимъ Ѳедоровичъ былъ Московскимъ городскимъ головой въ 1857 и 1859-мъ годахъ. Съ моимъ отцомъ оба брата состояли въ большой дружбѣ, и ихъ литографированные портреты висѣли у него въ кабинетѣ. Изъ нѣмѣющей у меня коши съ духовнаго завѣщанія И. Ѳ. Гучкова видно, что душеприкащиками его были: Иванъ Ефимовичъ Гучковъ, Петръ Петровичъ Боткинъ, мой отецъ и Альбертъ Осиповичъ Гюбнеръ. Жена Ивана Ѳедоровича Марья Павловна считалась одной изъ Московскихъ красавицъ. У Ивана Ѳедоровича были дѣти: Павелъ, Владимиръ, Сергѣй, Николай, Александра, Марья, Екатерина и Юлія. Вначалѣ 1859 года Ефимъ и Иванъ Ѳедоровичи раздѣлялись, и фирма стала называться „Ефимъ Ѳедоровичъ Гучковъ“, а послѣ смерти Ефима Ѳедоровича (29 Сентября 1859 года) дѣло продолжали сыновья его, Иванъ, Николай и Ѳедоръ, подъ фирмою „Ефима Гучкова Сыновья“. Въ 1896 году Гучковы фабрику закрыли, но торговлю продолжали. Въ Октябрѣ 1911 года Гучковы свое дѣло совсѣмъ прикончили.

Николай Ефимовичъ † въ 1884 году. Иванъ Ефимовичъ † въ 1904 году. Ѳедоръ Ефимовичъ † въ 1909 году.

Дѣти Ивана Ефимовича:	{	Александръ.
	{	Николай.
	{	Ѳедоръ.
	{	Константинъ.
Николая Ефимовича:	{	Николай.
	{	Василій.
	{	Вѣра.
Ѳедора Ефимовича—Ѳедоръ.		

ковъ былъ женатъ на Француженкѣ, Коралии Петровнѣ. Одинъ изъ его сыновей, Николай Ивановичъ, женатый на Вѣрѣ Петровнѣ Боткиной, нынѣшній Московской городской голова; другой, Александръ Ивановичъ, извѣстный лидеръ Октябристовъ и бывший председатель Государственной Думы. Братья Ивана Ефимовича, Николай и Ѳедоръ, жили въ Преображенскомъ, гдѣ у нихъ при домѣ былъ большой садъ съ прудомъ*). Къ нимъ я ѣздилъ съ отцомъ. Съ Ѳедоромъ Ефимовичемъ и его женой Ольгой Кирилловной я встрѣчался также въ Биаррицѣ, куда они имѣли обыкновеніе ѣздить осенью, и гдѣ у нихъ былъ пріятель, тамошній аптекаръ Музампесъ, напоминавшій Флоберовскаго аптекаря въ романѣ „Madame Bovary“.

Павелъ Ивановичъ Гучковъ, худощавый и одинъ изъ самыхъ высокихъ мужчинъ въ Москвѣ, любилъ совѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ моимъ отцомъ. Павелъ Ивановичъ одно время торговалъ въ магазинѣ „Русскихъ издѣлій“ мануфактурнымъ товаромъ и былъ покупателемъ у моего отца; потомъ оставилъ торговлю и сталъ заниматься дисконтомъ и приобрѣтаетъ доходные дома. Женился Павелъ Ивановичъ на Лидіи Семеновнѣ Перловой. Его братъ Владимиръ Ивановичъ служилъ волонтеромъ въ конторѣ у Розентауера въ Берлинѣ въ то время, когда я служилъ у Абельсдорфа и Мейера. Три сестры Павла Ивановича, Marie, Julie и Alexandrine, бывали у насъ. Александра Ивановна, очень красивая, вышла замужъ за Буркина, а Марія и Юлія Ивановны остались въ дѣвцахъ. Бракъ съ Буркинымъ оказался неудачнымъ, и Александра Ивановна вскорѣ разошлась съ мужемъ. Помню, какъ молодые Буркины пріѣзжали къ намъ въ Кунцево на тройкѣ лошадей, разукрашенныхъ пестрыми лентами съ бубенчиками.

Врачъ Иванъ Петровичъ Постниковъ приходился двоюроднымъ братомъ моей матери и жилъ въ Кудринѣ, въ собственномъ домѣ, одна стѣна котораго, выходящая въ садъ, была вся до крыши покрыта дикимъ виноградомъ. Иванъ Петровичъ самъ раздѣлывалъ свой садъ и сажалъ цвѣты; былъ онъ также охотникъ до разныхъ звѣрей, которыхъ дрессировалъ; своего попугая Иванъ Петровичъ научилъ говорить: „всякое дыханіе да хвалить Господа“. Иванъ Петровичъ увлекался фельетонами нѣкоего „Берендея“ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Врачебной практикой Постниковъ пренебрегалъ, и когда ему говорили: „не понимаемъ, какъ вы можете лѣчить“, онъ добродушно отвѣчалъ: „а я не понимаю, какъ у меня могутъ лѣчиться“. Иванъ Петровичъ любилъ рассказывать анекдоты въ родѣ того, какъ одна дѣвочка, кушая дичь и проглотивши дробинку, съ испуга воскликнула: „мама, я заря-

*) Въ этомъ домѣ мои родители праздновали свою серебряную свадьбу.

дилась, я выстрѣлю“; или, что въ одномъ рецептѣ для приготовленія какого-то вина, было сказано: „для знатока положи вѣточку бузины“. За обѣдомъ Иванъ Петровичъ имѣлъ обыкновеніе показывать разные фокусы. Жена Ивана Петровича, Марья Михайловна, была очень добрая и дѣятельная. Два сына его, Александръ и Петръ, были отличные гимнасты. Александръ Ивановичъ былъ притомъ замѣчательный конькобѣжецъ и давалъ уроки гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы; къ сожалѣнію, онъ въ послѣдствіи сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ. Петръ Ивановичъ Постниковъ, извѣстный въ Москвѣ хирургъ, здравствуетъ и понынѣ.

Часто у насъ гостила пріятельница матери Анна Леонтьевна Шустова, братъ которой, Николай Леонтьевичъ, имѣлъ въ Москвѣ водочный заводъ. Очень занятой, Николай Леонтьевичъ являлся къ намъ лишь по вечерамъ, иногда даже тогда, когда мать уже была въ постели; но для него она вставала, одѣвалась и спускалась въ столовую, гдѣ бесѣдовала съ нимъ до поздней ночи. Мы прозвали Николая Леонтьевича „каменнымъ гостемъ“. Анна Леонтьевна, уже немолодая, сохранила слѣды прежней красоты: черты лица ея были чрезвычайно правильныя; замужъ она не вышла и отличалась своей болтливостью. Не менѣе болтливою посѣтительницею моей матери была вдова Альфонсина Ивановна Постникова; мужъ ея, котораго мы звали „Американскимъ дядей“, служилъ въ Россійской Американской компаніи, и когда-то Альфонсина Ивановна жила вмѣстѣ съ нимъ въ Ситхѣ. Альфонсина Ивановна, несмотря на свои преклонные годы, очень интересовалась дамскими нарядами, о которыхъ могла рассказывать безъ умолку.

Сестра моей матери—Марья Петровна Феть, жила прежде съ мужемъ у себя въ деревнѣ, а потомъ они переселились въ Москву, и она стала часто бывать у насъ. Въ Москвѣ Феты купили себѣ домъ на Плющихѣ, у Карауловыхъ*).

Младшая сестра матери, Анна Петровна Пикулина, подолгу жила за границей и навѣщала насъ, когда пріѣзжала въ Москву.

О дядѣ Павлѣ Лукичѣ Пикулинѣ я уже имѣлъ случай говорить въ своемъ „Сборникѣ“. Павелъ Лукичъ, разбитый на ноги параличемъ, выѣзжалъ изъ дому рѣдко; всѣ родные и знакомые любили его навѣщать, въ томъ числѣ и я. Зимой Павелъ Лукичъ всегда принималъ посѣтителей въ халатѣ, сидя въ креслѣ за письменнымъ столомъ у себя въ кабинетѣ. Посѣтители принадлежали къ различнымъ классамъ

*) Г-жа Караулова, красивая модная дама, фигурировала на Московскихъ балахъ, и за ней увивалось много военныхъ.

общества. Въ этомъ же кабинетѣ жили двѣ его любимыя левретки, которыя обыкновенно всюду лазили и приставали ко всѣмъ; случалось даже, что онѣ незамѣтно добирались до головы кого либо изъ плѣшивыхъ гостей и облизывали ее. Павелъ Лукичъ уже мало занимался врачевной практикой, но все же иногда приходили къ нему за совѣтами пациенты. Такъ, Пикулинъ лѣчилъ дочь извѣстнаго охотнорядскаго торговца Лобачева, у которой на лицѣ была сыпь; къ кому ни обращался Лобачевъ со своей дочерью, никто не могъ ее излѣчить. Пикулину же удалось совершенно избавить ее отъ этой сыпи, въ благодарность за что Лобачевъ присылалъ Павлу Лукичу прекрасныхъ рябчиковъ, а левреткамъ тоже рябчиковъ, только похуже.

П. В. Шумахеръ приходилъ иногда къ Пикулину прямо изъ Сандуновскихъ бань, съ растрепанными волосами¹⁾, въ ночной сорочкѣ, съ узелкомъ и березовымъ вѣникомъ, который подносилъ Павлу Лукичу какъ букетъ; Павелъ Лукичъ отъ души смѣялся, а Анна Петровна негодовала.

Одинъ изъ самыхъ старинныхъ друзей Пикулина былъ Николай Христофоровичъ Кетчеръ; крикливый, онъ часто затѣвалъ съ Павломъ Лукичемъ споръ, къ сожалѣнію, переходившій иногда въ грубую взаимную брань. Волосы у Кетчера были всегда взъерошены, и курилъ онъ обыкновенно сигары, причемъ во время куренія такъ крутилъ сигару своими нервными пальцами, что развѣтывалъ табачные листы, изъ коихъ она была свернута. Въ компаніи пріятелей, когда пили вино, Кетчеръ любилъ всѣмъ подливать и сердился, если кто не пилъ, говоря: „что раскисъ? пей!“ Кетчеръ называлъ Павла Лукича тайнымъ членомъ Географическаго Общества, потому что тотъ плохо зналъ географію. Напримѣръ, однажды Пикулинъ адресовалъ письмо Александру Владимировичу Станкевичу *въ Ниццу, въ департаментъ Нижнихъ Пиренеевъ*. (Basses Pyénées). Въ другой разъ онъ искалъ монастырь „Grande Chartreuse“²⁾ на небольшомъ учебномъ глобусѣ. Когда П. В. Шумахеръ жилъ у Кетчера, то являлся иногда къ Пикулину вмѣстѣ съ нимъ. Передъ тѣмъ какъ отправляться домой, Кетчеръ посылалъ Пикулинскаго лакея Мишу нанять двухъ извозчиковъ „къ Филиппу Митрополиту“, ибо вслѣдствіе тучности Шумахера Кетчеръ не могъ помѣститься съ нимъ на одномъ извозикѣ.

Однажды навѣстилъ я Кетчера³⁾, котораго засталъ въ саду копающимъ гряды. Жилъ Николай Христофоровичъ довольно неопрятно: въ

1) У Шумахера были густые волосы и совсѣмъ не было сѣдыхъ.

2) Влѣзъ Гренобля.

3) Кетчеръ жилъ на 2-й Мѣщанской, близъ церкви Филиппа Митрополита, въ своемъ домѣ. У Николая Христофоровича былъ братъ—Владимиръ Христофоровичъ, генералъ-маіоръ, имѣвшій въ Москвѣ свою мастерскую военныхъ принадлежностей.

своихъ комнатахъ держалъ паршивую собаку, которая даже спала на подушкѣ его постели. Вообще у Кетчера находили себѣ пріютъ изувѣченныя и больныя животныя, собаки, кошки птицы, коихъ онъ лѣчилъ. Одна комната у него постоянно завалена книгами, изданными К. Т. Солдатенковымъ. Кетчеръ любилъ читать романы Ксавье де Монтепена хотя и страшно ихъ ругалъ; но все же, по его словамъ, онъ не могъ бросить чтеніе этихъ романовъ. Въ кабинетѣ у Николая Христофоровича висѣла на стѣнѣ въ обгорѣдой золоченой рамѣ прекрасная цвѣтная гравюра, Англійской работы, изображающая Наполеона консуломъ. По разсказу Кетчера, рама обгорѣла во время Московскаго пожара 1812 года. Послѣ смерти Кетчера эта гравюра досталась В. К. Вульфберту.

Я уже говорилъ объ елкѣ, которую Пикулинъ какъ-то устроилъ своимъ собакамъ и кошкѣ¹⁾. Въ другой разъ онъ устроилъ елку своимъ пріятелямъ и сдѣлалъ имъ соотвѣтствующіе подарки. Такъ, Н. Х. Кетчеру онъ подарилъ намордникъ, Александру Николаевичу Аванасьеву (сказочнику) кусокъ мыла и мочалку²⁾, кому-то изъ безволосыхъ пріятелей—частый гребень, и т. д. Съ своей стороны пріятели поднесли Павлу Лукичу соску. Аванасію Аванасьевичу Фету Пикулинъ дарилъ на именины большую коробку слабительнаго порошку (*Pulvis Liquiritae compositus*)³⁾.

П. В. Шумахеръ, познакомившійся у Пикулина съ Фетомъ, сразу не влюбилъ его. Фету Шумахеръ тоже сталъ антипатиченъ, въ особенности послѣ того какъ однажды у Пикулина съѣлъ, во время закуски, почти всю зернистую икру. Впослѣдствіи Павелъ Лукичъ поссорился съ Шумахеромъ, и Шумахеръ пересталъ бывать у него. Пикулинъ такъ и умеръ, не примирившись съ Шумахеромъ.

Ходилъ къ Пикулину дѣлопроизводитель Московской мѣщанской управы, Алексѣй Аванасьевичъ Виноградовъ; человекъ очень словоохотливый. Помню, онъ разсказывалъ Пикулину, какъ у его брата описали и опечатали имущество вмѣстѣ съ живой канарейкой, которую позабыли взять. Еще разговорчивѣе Виноградова былъ тоже посѣщавшій Павла Лукича предсѣдатель Московскаго мирового съѣзда Петръ Николаевичъ Грековъ. Никто, напримѣръ, не разсказывалъ такъ подробно коронаціи императора Александра III, какъ онъ, не забывая даже упомянуть, сколько пирожковъ и съ какой начинкой онъ съѣлъ на царскомъ обѣдѣ. Но разсказывалъ Грековъ о коронаціи всѣмъ тѣми же словами, не прибавляя ни единого слова.

¹⁾ См. „Щукинскій Сборникъ“, выпускъ седьмой, стр. 115.

²⁾ Аванасьевъ былъ неопрятенъ и рѣдко мылся.

³⁾ А. А. Фетъ ежедневно принималъ этотъ порошокъ.

Навѣщавшій Пикулина преподаватель Латинскаго языка, старичекъ Миндереръ, управлялъ дѣлами фарфороваго завода Гарднера; онъ курилъ изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ табакъ Василя Жукова¹⁾. У Пикулина былъ запасъ этого табаку.

Встрѣчалъ я также у Пикулина жизнерадостнаго Дмитрія Васильевича Григоровича, скучнаго Бориса Николаевича Чичерина, постоянно жаловавшагося на нездоровье Александра Владимировича Станкевича, добродушнаго Ивана Егоровича Забѣлина, остряка, зайку, библиотекаря Румянцевскаго Музея, Евгенія Ѳедоровича Корша, книгопродавца, старичка Владимира Ивановича Готье, хирурга Ивана Николаевича Новацкаго, глазнаго врача Алексѣя Николаевича Махлакова, скрипача Безекирскаго, Егора Мина и многихъ другихъ.

Пикулинъ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми. Такъ, разговаривалъ онъ разъ съ однимъ крысоморомъ, которому замѣтилъ, что толочь мышьякъ²⁾ опасно, на что крысоморъ спокойно отвѣчалъ: „да мы сами и не толчемъ, а заставляемъ это дѣлать бабъ“. Одна женщина говорила Пикулину: „я, батюшка, всѣхъ своихъ дѣтей пристроила: одного сына взяли въ солдаты, другой сошелъ съума, а дочь утонула“.

Одинъ бѣдный Итальянецъ ѣдетъ съ обезьяной въ вагонъ желѣзной дороги. „За собаку платятъ“, говоритъ кондукторъ. Итальянецъ показываетъ черепаху: „насъкомое“, говоритъ кондукторъ: „ничего не полагается“.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ профессоръ Рулье умеръ на улицѣ, и тѣло его было доставлено въ Тверскую часть. Поэтому Московскій цензоръ³⁾, тоже генералъ, сталъ всегда носить при себѣ записку слѣдующаго содержанія: „сіе тѣло принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику“ такому-то.

Когда были еще въ модѣ высокія талии, то на одномъ балу въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, у хорошенькой 18-ти лѣтней княжны, нагнувшейся, чтобы оторвать отъ своего башмака волочившуюся ленточку, вдругъ выскочили груди. Какъ ни старалась растерявшаяся княжна ихъ спрятать, никакъ не могла; наконецъ одна дама догадалась накинуть на княжну шаль.

¹⁾ Петербургскій табачный фабрикантъ Василій Жуковъ былъ прежде рабочимъ у табачнаго фабриканта Фаллера.

²⁾ Мышьякъ называется въ тайной продажѣ „бѣлымъ камнемъ“. Отъ Н. Х. Кетчера я слышалъ, что Московскій оберъ-полиціймейстеръ А. А. Козловъ далъ было приказъ сжечь нѣсколько пудовъ мышьяку, отобраннаго въ какой-то лавкѣ. Приказъ пришлось отмѣнить, по совѣту Кетчера, такъ какъ исполненіе его было бы очень опасно.

³⁾ Безсомыкинъ. П. Б.

За обѣдомъ разревѣлся ребенокъ. Писемскій, поднявъ стаканъ съ виномъ, сказалъ: „пью за добраго царя Ирода“.

Будучи студентомъ, Пикулинъ однажды отправился на балъ въ Благородное Собраніе, переодѣвшись барышней. Большую часть вечера онъ провелъ въ дамской уборной. Товарищи-студенты часто водили его въ буфетъ, гдѣ поили Шампанскимъ. Все шло хорошо, но опьянѣвшій Пикулинъ вдругъ поднялъ платье, чтобы достать изъ кармана кошелекъ. Вышелъ скандалъ, Пикулина взяли въ часть. Къ счастью, дѣло это удалось замаять, а то бы не сдобровать Пикулину въ тогдашнее строгое Николаевское время.

Когда пріѣзжалъ въ Москву Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, то собиралъ своихъ Московскихъ друзей у Пикулина.

Въ ночь на Свѣтлое Христова Воскресенье бывалъ у Пикулина ужинъ. Около 12 часовъ ночи Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, врачъ Николай Яковлевичъ Шкоттъ, В. К. Вульфертъ, художникъ Николай Ефимовичъ Рачковъ и я выходили изъ Пикулинской квартиры на крыльцо и прислушивались, когда заблаговѣстятъ. Иногда ночь бывала тихая и звѣздная. Какъ только загудятъ колокола, мы возвращались въ квартиру, всѣ садились за ужинъ и начинались поздравленія съ праздникомъ.

Ѣздилъ Пикулинъ разъ въ годъ на именины къ аптекарю Ивану Ивановичу Келлеру, жившему на Мясницкой. Иванъ Ивановичъ въ этотъ день устраивалъ ужинъ для своихъ пріятелей (Кетчера, Шкотта, Вульферта, К. М. Мазурина и др.), на который приглашалъ также кафе-шантаннхъ пѣвицъ. Иванъ Ивановичъ очень желалъ сдѣлаться членомъ Англійскаго Клуба; но его пріятели—члены этого клуба—не рѣшались предлагать И. И. Келлера на баллотировку, изъ боязни, что его не выберутъ, потому что онъ имѣлъ лишь званіе провизора.

О своемъ переѣздѣ на дачу въ Марьину Слободку Пикулинъ извѣщалъ друзей открытками съ лаконической фразой, писанной карандашемъ: „сегодня переѣхалъ“. Моему брату Николаю Пикулинъ разъ прислалъ чистую открытку, позабывъ на ней написать „сегодня переѣхалъ“, и братъ поваялъ въ чемъ дѣло. Большой шутникъ Н. Я. Шкоттъ какъ-то отвѣтилъ Пикулину на его открытку открыткой же: „а я еще не переѣзжалъ“.

На своей дачѣ въ хорошую погоду Пикулинъ обыкновенно сидѣлъ на террасѣ, въ пальто и картузѣ, окруженный своими комнатными собачками и дворовыми псами. Н. Е. Рачковъ очень удачно изобразилъ на своей картинкѣ, писанной масляными красками, П. Л. Пикулина, сидящаго на террасѣ, въ картузѣ, съ закутанными пледомъ ногами, съ газетой въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ на стулѣ стоитъ одна изъ его

левретокъ, поставивъ правую переднюю лапку на столъ. На полу лежитъ дворовый песъ Болванъ. На кронштейнѣ виситъ колоколь. Карандашный набросокъ этой картины Рачковъ дѣлалъ при мнѣ, на террасѣ, украдкой отъ Павла Лукича. Эта масляная картина была написана Рачковымъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ приобрѣлъ К. Т. Солдатенковъ, другой находится у меня и былъ воспроизведенъ фототипией въ изданномъ мною 2-мъ выпускѣ „Русскихъ Портретовъ“. Въ холодную погоду Пикулинъ надѣвалъ шубу, которую называлъ „лѣтней“. Иногда лѣтомъ можно было встрѣтить Павла Лукича ѣдущимъ въ каретѣ, въ шубѣ, въ соломенной шляпѣ и съ букетомъ цвѣтовъ. Въ висѣвшій на террасѣ мѣдный колоколь Пикулинъ звонилъ, когда хотѣлъ позвать своего Мишу, котораго звалъ Михайломъ, если былъ имъ недоволенъ. Разъ украли у Пикулина со стола террасы клеенку и находившіеся въ ящикѣ стола писанные Шумахеромъ стихи. Пикулина эта кража очень забавляла и, извѣщая Шумахера о кражѣ его стиховъ, онъ добавилъ: „жалѣю я о ворѣ“.

Пикулинъ понималъ толкъ въ кухнѣ. У него была старушка-кухарка, вкусно готовившая. Въ хорошую погоду обѣдали на террасѣ, и на этихъ обѣдахъ обыкновенно присутствовали: К. Т. Солдатенковъ, Н. Х. Кетчеръ, Е. Ѳ. Коршъ, Н. Я. Шкоттъ, П. Н. Грековъ, П. В. Шумахеръ, мой отецъ, Николай и я. К. Т. Солдатенковъ и мой братъ Николай присылали на эти обѣды стерлядей, фрукты, Шампанское и разныя вина. Своихъ гостей Павелъ Лукичъ угощалъ чудесной земляникой съ грядъ своего сада.

Болѣе простыя кушанья Пикулинъ не считалъ за блюда. „Какъ подадутъ шпинатъ съ яичками“, писала мнѣ изъ деревни Марья Петровна Фетъ, „невольнo вспомнишь Павла Лукича *„у васъ въ деревнѣ—это блюдо“*. Улицу Плющиху въ Москвѣ, гдѣ жили Феты, Пикулинъ называлъ деревней. Самъ онъ любилъ жить въ центрѣ города. Живя на Петровкѣ, онъ говорилъ, что отъ него близки и театры, и клубы (хотя онъ въ нихъ никогда не бывалъ).

На дачу къ Пикулину пріѣзжалъ Московскій гражданскій губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ съ женой Прасковьей Ѳедоровной (рожденной графиней Толстой). Пріѣзжалъ и Московскій вице-губернаторъ Иванъ Ивановичъ Красовскій, который впоследствии былъ назначенъ губернаторомъ въ Томскъ, гдѣ и умеръ. Во время своего губернаторства въ Томскѣ, Красовскій присылалъ Пикулину зимой съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ рыбу нельму и ягoду облѣпиху*);

*) Изъ облѣпихи дѣлали у Пикулина мороженое, которое напоминало вкусомъ персики.

взамѣнъ коихъ, съ тѣмъ-же унтеръ-офицеромъ, Пикулинъ посылалъ Красовскому замороженныхъ Филипповскихъ калачей*).

Пикулинъ бывалъ всегда на именинахъ у Кетчера (6 Декабря), гдѣ порядкомъ пили. Разъ произошелъ такой случай. Н. Я. Шкоттъ возвращался съ именинъ Кетчера домой, въ саняхъ на извозикѣ, съ какимъ-то гостемъ. Оба были выпивши. Дорогой гость вывалился изъ саней; Шкоттъ велѣлъ извознику вернуться назадъ и скоро увидалъ валявшагося на снѣгу человѣка, поднялъ его, и такъ какъ это было недалеко отъ дома Кетчера, то Шкоттъ рѣшилъ отвезти его туда. Кетчеръ уже легъ спать и, не посмотрѣвши кого привезъ Шкоттъ, велѣлъ положить гостя въ кабинетъ на диванъ. Утромъ, проснувшись, Николай Христофоровичъ пошелъ навѣстить своего гостя. Каково же было его удивленіе, когда онъ неожиданно увидалъ совершенно незнакомаго человѣка. Оказалось, что спутникъ Шкотта, вывалившись изъ саней, скоро очнулся, всталъ, взялъ извозника и преспокойно поѣхалъ домой; Шкоттъ же поднялъ и привезъ къ Кетчеру неизвѣстнаго пьянаго.

Въ концѣ лѣта 1885 года Павелъ Лукичъ серьезно захворалъ у себя на дачѣ, былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ и скончался 14 Сентября. Отпѣвали его въ церкви Григорія Богослова 18 Сентября, а похоронили въ Покровскомъ монастырѣ. Въ лицѣ Павла Лукича я потерялъ одного изъ лучшихъ моихъ друзей, который постоянно сердечно относился ко мнѣ и искренно меня любилъ. Смерть Пикулина также сильно огорчила Н. Х. Кетчера, который вскорѣ послѣдовалъ за нимъ: въ 1886 году Кетчеръ умеръ. Со смертью Павла Лукича Пикулинскій кружокъ, гдѣ собиралось столько интересныхъ людей, распался.

Лѣтомъ мы продолжали жить въ Кунцевѣ, все на той же дачѣ, которую снимали у К. Т. Солдатенкова. Козьма Терентьевичъ съ давнихъ поръ находился въ дружбѣ съ моимъ отцомъ и называлъ его Ваней. Онъ былъ старообрядецъ по Рогожскому кладбищу, что не мѣшало ему жить съ Француженкой Клемансой Карловной Дюпюи; называлъ онъ ее Клемансой, а она его Кузей. Въ Москвѣ Козьма Терентьевичъ купилъ Клемансѣ Карловнѣ домъ, въ Кунцевѣ же она жила на дачѣ близъ оранжереи. Клеманса Карловна очень плохо знала по русски, а Козьма Терентьевичъ кромѣ Русскаго не говорилъ ни на какомъ языкѣ. Однажды, будучи въ Константинополѣ, Солдатенковъ съ Клемансой Карловной отправились въ гаремъ какого-то пашы, куда конечно его не пустили. Клеманса Карловна, сказавши

*) Замороженные калачи, положенные въ натоленную печь, получаютъ вкусъ свѣжихъ.

ему: „твой сидить, мой идетъ“, вошла въ гаремъ, откуда прислала съ евнухомъ оставшемуся при входѣ Козьмѣ Терентьевичу кофею и розоваго варенья.

Зимой К. Т. Солдатенковъ жилъ на Мясницкой, въ своемъ домѣ, гдѣ было нѣсколько богато отдѣланныхъ комнатъ, въ томъ числѣ диванная въ Арабскомъ стилѣ; имѣлось много хорошихъ картинъ Русскихъ художниковъ, большая библіотека и молельня. Въ послѣдней служилъ самъ Козьма Терентьевичъ вмѣстѣ со своимъ дальнимъ родственникомъ, торговцемъ церковныхъ старопечатныхъ книгъ, Сергѣемъ Тихоновичемъ Большаковымъ, для чего оба надѣвали кафтаны особаго покроя. Жилъ у Козьмы Терентьевича, въ качествѣ конторщика и управляющаго, Иванъ Ильичъ Барышевъ. Въ былое время Козьма Терентьевичъ торговалъ бумажной пряжей и занимался дисконтомъ векселей; въ послѣдствіи онъ сталъ крупнымъ пайщикомъ на фабрикахъ Губнера, Цинделя, Даниловской мануфактуры, Кренгольмской мануфактуры, Трехгорнаго пивовареннаго Товарищества¹⁾, Московскаго Учетнаго Банка, Московскаго Страховаго Общества и въ другихъ предпріятіяхъ. Въ Старомъ Гостинномъ дворѣ К. Т. Солдатенковъ снималъ лавку, состоящую изъ двухъ комнатъ, нижней и верхней; въ верхней обыкновенно Козьма Терентьевичъ занимался чтеніемъ газетъ, а въ нижней И. И. Барышевъ стоялъ или сидѣлъ за конторкой, и если не было дѣла, то писалъ фельетоны для „Московскаго Листка“ подъ псевдонимомъ „Мясницкаго“. Козьма Терентьевичъ никогда не начиналъ писать писемъ или записокъ, не поставивъ предварительно въ двухъ верхнихъ уголкахъ бумаги буквъ: „Г“ и „Б“, что означало: „Господи благослови“²⁾. К. Т. Солдатенковъ ежегодно ѣздилъ за границу и, не зная иностранныхъ языковъ, бралъ всегда съ собой переводчика, обыкновенно изъ врачей. Такъ ѣздилъ онъ съ врачомъ Але-

¹⁾ Пивоваренный заводъ Трехгорнаго Товарищества въ Москвѣ основанъ въ 1875 г. Учредителями были: Т. С. Морозовъ, А. К. Крестовниковъ, торговый домъ „М. Борисовскій съ Сыновьями“. А. А. Карзинкинъ, С. П. Вишняковъ, П. П. Дюшенъ, К. Т. Солдатенковъ, Б. А. Гивартовскій, торговый домъ „И. В. Юнкеръ и К^о“, Н. С. Грачевъ, А. А. Лютрейль, А. фонъ-Барберъ, Н. Ф. Герике, А. К. Беккерсъ и мой отецъ. Въ настоящее время этотъ заводъ одинъ изъ первыхъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, чѣмъ онъ много обязанъ своему директору, талантливому и энергичному Альберту Альбертовичу Кемпе, который съ самаго основанія завода постоянно и зорко слѣдилъ за всѣми техническими изобрѣтеніями и улучшеніями въ пивоваренномъ дѣлѣ, успѣшно примѣняя ихъ къ Трехгорному заводу. Лѣтомъ 1911 г. заводъ сталъ также производить искусственный ледь.

²⁾ Нѣкоторые купцы тоже ставятъ въ своихъ торговыхъ книгахъ буквы: „Г“ и „Б“ или три крестика.

ксандромъ Яковлевичемъ Тугенгольдомъ *). Бѣдить съ Козьмой Терентьевичемъ было довольно трудно, такъ какъ онъ всюду спѣшилъ; напримеръ, при осмотрѣ картинныхъ галлерей или музеевъ Тугенгольдъ едва успѣвалъ за нимъ. Козьма Терентьевичъ опережалъ Александра Яковлевича иногда на двѣ или на три залы, и послѣднему приходилось бѣгать за нимъ, обливаясь потомъ.

Въ Кунцевѣ у К. Т. Солдатенкова всегда кто-нибудь гостилъ: то его племянникъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ (покуда Козьма Терентьевичъ не выстроилъ ему отдѣльную дачу), то художникъ Риццони, то В. Е. Грачевъ, и другіе. Риццони пріѣзжалъ на лѣто въ Москву изъ Рима, гдѣ усердно работаль и откуда привозилъ цѣлыя коллекціи тонко выписанныхъ картинокъ, представлявшихъ преимущественно кардиналовъ и женскія головки. Былъ у Риццони еще и другой талантъ: насвистывать разныя оперы, что онъ исполнялъ весьма искусно.

Василій Егоровичъ Грачевъ имѣлъ прежде въ Москвѣ типографію, въ которой Козьма Терентьевичъ печаталь свои изданія. Грачевъ носилъ некрахмальную сорочку изъ грубаго холста, ходилъ въ длинныхъ сапогахъ и вообще одѣвался очень просто. Козьма Терентьевичъ взялъ однажды Грачева съ собой за границу; отъ этой поѣздки у Грачева не осталось въ памяти даже такихъ городовъ, какъ Римъ, Флоренція, Неаполь. Грачевъ все мечталъ о поѣздкѣ на Востокъ, въ Иерусалимъ, къ Святымъ мѣстамъ. Закрывъ свою типографію, онъ переѣхаль жить изъ Москвы въ Пушкино, гдѣ поселился одинъ въ своемъ домикѣ, и когда его спрашивали, не скучаетъ ли онъ въ одиночествѣ, Грачевъ отвѣчалъ: „скучать мнѣ некогда: утромъ встанешь, принесешь воды, наколешь дровъ, истопишь печь“, и т. д.

Пріѣзжали въ Кунцево къ Козьмѣ Терентьевичу также Н. Х. Кетчеръ, И. Е. Забѣлинъ, И. С. Аксаковъ, Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ, А. А. Козловъ, П. Л. Пигулинъ, художникъ Лагорио и другіе. Всѣхъ ихъ Козьма Терентьевичъ радушно принималъ и угощаль тонкими обѣдами; но старѣя онъ становился скупѣе и сталъ приглашать къ обѣду не болѣе двухъ-трехъ человекъ. На одномъ такомъ обѣдѣ, en petit comité, мой братъ Николай сказалъ; „угостили бы вы насъ, Козьма Терентьевичъ, спаржей“, на что Козьма Терентьевичъ возразилъ: „спаржа, батенька, кусается: пять рублей фунтъ“. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Козьма Терентьевичъ сталъ обходить свой домъ и тушить электрическія лампочки, чтобы зря не горѣли.

*) А. Я. Тугенгольдъ ѣздилъ также за границу съ графомъ А. А. Закревскимъ, уже послѣ его увольненія отъ должности Московскаго генераль-губернатора.

Умеръ Козьма Терентьевичъ въ своемъ любимомъ Кунцевѣ, 19 Мая 1901 года, переживъ своего друга, моего отца, на десять лѣтъ.

Въ концѣ лѣта 1884 года случилось въ Кунцевѣ грустное событіе, о которомъ Василій Ивановичъ Солдатенковъ такъ писалъ одному своему пріятелю: „Еслибъ Кунцево въ состояніи было заговорить, оно навѣрно сказало бы, какъ Платонъ Михайловичъ въ „Горе отъ ума“: „Да! теперь уже я не то Кунцево, когда кусались отъ любви! Да, дѣйствительно отъ любви никто больше не кусается; но зато на дняхъ закусали или лучше сказать загрызли до смерти собаки одну молодую дѣвушку, которая вела ихъ купать“. Не думай, что это мои собаки отличились; нѣтъ, слава Богу, это собаки барона Кнопа!“

Ежегодно съ моими братьями, Николаемъ и Сергѣемъ, ѣздили я на Нижегородскую ярмарку. Изъ Москвы выѣзжали съ вечернимъ поѣздомъ, въ раскладныхъ креслахъ перваго класса и брали съ собой подушки. Въ Павловѣ ѣли пирожки; утромъ въ Гороховцѣ умывались у бабъ, которыя стояли на платформѣ станціи съ кувшинами, тазами, мыломъ и полотенцами, предлагая свои услуги; затѣмъ пили на станціи кофей или чай.

Съ 1878 года отецъ пересталъ ѣздить на ярмарку, мы же оставались тамъ до окончанія ея. Первые годы жили въ лавкѣ, гдѣ обыкновенно прислуживали намъ Татары Сабиръ и другіе, пріѣзжавшіе изъ своей деревни въ Нижній лишь на ярмарочное время. Впослѣдствіи квартировалъ я въ центрѣ города, у Чернаго пруда, въ „Почтовой гостинницѣ“, затѣмъ на Нижнемъ Базарѣ, въ домѣ Блинова, въ „Биржевой гостинницѣ“, которую содержалъ Алексѣй Андреевичъ Филимоновъ. Завтракъ приносили намъ въ лавку изъ ресторана Никиты Егорова*), куда мы ходили обѣдать. Ресторанъ этотъ помѣщался на ярмаркѣ въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Вслѣдствіе большого наплыва посѣтителей, около ресторана разбивалась еще парусинная палатка.

У Никиты Егорова въ то время въ верхнемъ этажѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, было два стола: такъ называемый *Нѣмецкій столъ*, за которымъ обѣдали представители Московскихъ Нѣмецкихъ фирмъ: Вогау, Кнопа, Ценкера и другихъ, и *Русскій столъ*, за которымъ обѣдали почти одни Русскіе коммерсанты: фабрикантъ Павелъ Павловичъ Малютинъ, торговцы бурнусами братья В. Н. и К. Н. Кириковы, торговецъ бурнусами и Румынскій консулъ Николай Кононовичъ Голофтѣевъ, фабрикантъ фарфора Матвѣй Сидоровичъ Кузнецовъ, чайный торговецъ Василій Семеновичъ Перловъ, платочный фабрикантъ

*) Послѣ смерти Никиты Егорова ресторанъ перешелъ къ его сыновьямъ.

Антонъ Адамовичъ Гивартовскій, торговецъ, археологъ и земскій дѣятель (изъ Ростова Ярославскаго) Андрей-Александровичъ Титовъ¹⁾ и другіе.

Послѣ обѣда подавался намъ общій счетъ, сумма котораго дѣлилась на число обѣдавшихъ за нашимъ столомъ. Заказывалъ обѣдъ обыкновенно А. А. Гивартовскій, котораго А. А. Титовъ прозвалъ „блинчиками“, потому что онъ неизмѣнно предлагалъ на сладкое это блюдо. Самъ Титовъ отличался скупостью. Такъ, онъ просилъ не брать съ него за вино; потому что онъ его пить не будетъ; между тѣмъ онъ вино пилъ и ничего не платилъ, говоря, что выпиваетъ за обѣдомъ лишь одинъ стаканъ; наконецъ однажды Титовъ совсѣмъ отказался платить и за самый обѣдъ, сказавъ, что издержался на покупку рукописей.

Въ нижнемъ этажѣ ресторана Егорова, напротивъ входа, помѣщался буфетъ: столъ, на которомъ красовались всевозможныя закуски, а за столомъ шкафъ съ бутылками разныхъ водокъ, ликеровъ и винъ. По вечерамъ въ буфетѣ часто сидѣлъ за столикомъ Александръ Максимовичъ Поповъ, сынъ извѣстнаго суконщика Максима Ефимовича²⁾. На столикѣ стояла батарея полбутылокъ краснаго вина, ибо Александръ Максимовичъ пилъ лишь красное вино и не иначе какъ полбутылками. По мѣрѣ того какъ Александръ Максимовичъ опоражнивалъ полбутылки, онъ становился все развязнѣе и, встрѣчая входившихъ посѣтителей, бросался въ объятія каждому, уже не различая знакомаго отъ чужаго. Собутылникомъ Александра Максимовича былъ его покупатель, торговецъ мануфактурнымъ товаромъ, Константинъ Васильевичъ Епифановъ изъ Новочеркасска, который такъ напивался на ярмаркѣ, что билъ въ трактирахъ зеркала и посуду.

Бывалъ также у „Никиты“ (какъ коротко называли ресторанъ Н. Егорова) маклеръ по хлопку, Армянинъ Викторъ Агапитовичъ Эларовъ, знакомый намъ по дому Д. П. Боткина и прозванный Дмитріемъ Петровичемъ за Эфіопскаго типа лицо (въ родѣ покойнаго Менелика) „Дельнегро“. Эларовъ находился въ дружбѣ съ примадоннами и пѣвцами Итальянской оперы, пѣвшими въ Москвѣ.

Познакомился я на ярмаркѣ съ богатымъ Казанскимъ помѣщикомъ Александромъ Тавріоновичемъ Молоствовымъ, пріѣзжавшимъ на ярмарку ни съ какой другой цѣлью, какъ покутить. Онъ пилъ только Шампанское, съ утра уже былъ пьянъ и развѣзжалъ по ярмаркѣ въ коляскѣ,

¹⁾ А. А. Титовъ скончался въ Ростовѣ 24-го Октября 1911 года.

²⁾ Въ Москвѣ въ то время были, какъ говорили Нѣмцы, три извѣстныхъ фирмы Попова: „Schnaps-Popoff, Thee-Popoff und Tuch-Popoff“.

вмѣстѣ со своимъ знакомымъ, академикомъ и сенаторомъ, Владимиромъ Павловичемъ Безобразовымъ¹⁾. Пѣвицамъ въ трактирахъ А. Т. Молоствовъ дарилъ брилліантовыя вещи.

Во всѣхъ ресторанахъ и трактирахъ пѣли хоры разныхъ достоинствъ. Въ ресторанѣ Барбатенко пѣлъ Русскій хоръ Анны Захаровны Ивановой; пьянистомъ въ ея хорѣ былъ Пригожевъ, авторъ „Пары гнѣдыхъ“, а лучшей пѣвицей считалась красавица Варвара Николаевна. Въ ресторанѣ „Германія“, который содержалъ Нижегородскій Нѣмецъ Фаульдрагъ, пѣлъ Шведскій хоръ²⁾ г-жи Мартини во главѣ съ красивой блондинкой, Датчанкой Эльвирой. Въ трактирѣ Бубнова пѣли Цыгане изъ Рыбинска.

Живя на Нижнемъ Базарѣ въ „Биржевой гостинницѣ“, я слышалъ рано по утрамъ пѣвучій и протяжный голосъ разнощика печенаго картофеля: „карто-о-о-фель, карто-о-о-фель“. Этотъ голосъ я слышу подъ-рядъ уже 33 года. Часто доносились до моего слуха разговоры изъ сосѣдняго номера, которые теперь всѣ забылъ, кромѣ одного, по своей дикости до сихъ поръ не изгладившагося изъ моей памяти. Занималъ сосѣдній номеръ какой-то пожилой чиновникъ съ молодой женой. (Я самъ ихъ не видалъ, но мнѣ говорилъ про нихъ содержатель гостинницы). И вотъ какъ-то поздно ночью слышу, мужъ упрекаетъ жену за то, что она въ церкви прежде его подходитъ ко кресту; жена удивляется этому упреку; наконецъ мужъ приводитъ женѣ, доведенной до слезъ, примѣръ изъ военного быта, совсѣмъ неподходящій къ данному случаю: что прежде ко кресту прикладывается корпусный командиръ, потомъ дивизіонные генералы, затѣмъ бригадные, и т. д.

Въ „Биржевой гостинницѣ“ устраивались иногда свадебныя и другіе обѣды. Между прочимъ, управляющій дѣлами графа Строганова въ Нижнемъ Ширшевъ давалъ ежегодно въ ярмарочное время обѣдъ для своихъ покупателей желѣзниковъ, обѣдъ съ военнымъ оркестромъ и хоромъ пѣвицъ. По смерти Ширшева эти обѣды прекратились.

Изъ оконъ моего номера я любовался и до сихъ поръ люблюсь на Волгу, сливающуюся у Сибирской пристани съ Окой, на новый ярмарочный соборъ, на виднѣющееся вдали Сормово и на противопо-

¹⁾ „Молоствовы“, писалъ мнѣ Р. Н. Гришинъ въ 1881 году, „почти сосѣди Даниловки (бывшее имѣніе Гришина въ Казанской губерніи). Они очень многочисленны, ихъ имѣніе лучшее въ Спасскомъ уѣздѣ. Академикъ Безобразовъ способный человѣкъ и иногда превосходный рассказчикъ и большой говорунъ; но, года два назадъ, его пригласили въ Зимній Дворецъ поразсказать великимъ князьямъ кое-что о Нижегородской ярмаркѣ: нашъ академикъ сильно сплоховалъ“.

²⁾ Хоръ госпожи Мартини, хотя и назывался Шведскимъ хоромъ, но пѣлъ исключительно Нѣмецкія пѣсни.

ложный, поросшій мелкимъ лѣсомъ съ бѣлѣющимися церквами, берегъ Семеновскаго уѣзда¹⁾; эту картину оживляютъ то и дѣло проходящія и гудящія пассажирскіе и буксирные пароходы и ползущія баржи.

Каменные корпуса ярмарки, выстроенные Бетанкуромъ, со временемъ сдѣлались недостаточными для торговли; поэтому на свободной землѣ, противъ корпусовъ, стали устраивать временные досчатые лабазы. При губернаторствѣ графа Игнатъева было приказано замѣнить деревянные склады желѣзными²⁾; потомъ при губернаторѣ Безакѣ желѣзные склады замѣнили каменными, такъ какъ въ желѣзныхъ въ жаркую погоду было очень душно.

Клозетовъ въ старыхъ корпусахъ не было, а всѣ ходили въ устроенные подъ землей, на протяженіи всей ярмарки, сводчатые туннели, куда спускаются изъ каменныхъ башенъ и которые существуютъ до сихъ поръ и служатъ для большинства ярмарочнаго населенія и прїѣзжаго люда. Въ старомъ Главномъ Домѣ, въ нижнемъ этажѣ, подъ низкими сводами, въ темнотѣ ютились небольшіе магазины, даже днемъ освѣщавшіеся коптѣвными керосиновыми лампами. Посрединѣ на деревянной эстрадѣ играла военная музыка; въ тѣснотѣ и духотѣ толкалась публика, состоявшая большею частію изъ Армянъ, Персіанъ, Бухарцевъ и сомнительныхъ женщинъ. Теперь на мѣстѣ стараго Главнаго Дома выстроенъ большой, довольно красивый, болѣе удобный и приличный, крытый стекломъ. Въ немъ живетъ во время ярмарки Нижегородскій губернаторъ и помѣщается ярмарочный комитетъ.

Что касается до уличной ярмарочной жизни, то она мало измѣнилась: какъ прежде, такъ и теперь ходячіе цирюльники брѣвуютъ на улицѣ ломовыхъ, сидящихъ на своихъ телѣгахъ, а странствующіе сапожники чинятъ прохожимъ сапоги; женщины и мальчишки подбираютъ щепки, дощечки, бумагу, концы веревокъ и т. п.; снуютъ бабы съ Владимирскими вишнями, разнощики съ балыками, ветчиной, раками и другими товарами, Татары со шнурками карагуля, Персіане съ коврами, орѣхами и сушеными фруктами, Бухарцы и Хивинцы въ своихъ пестрыхъ полосатыхъ халатахъ; хлѣбники на дубочныхъ лоткахъ разносятъ по лавкамъ бѣлый ситный хлѣбъ, а бабы на коромыслахъ—кушанья въ эмальированныхъ судкахъ и соленые огурцы въ желѣзныхъ ведрахъ. Все попрежнему прїѣзжаетъ на заработки масса Татаръ. По чрезвычайно длинному плашкоутному мосту тянутся, какъ и

¹⁾ Семеновскій уѣздъ былъ когда-то знаменитъ старообрядческими скитами, жизнь которыхъ такъ художественно изобразилъ П. И. Мельниковъ въ своемъ романѣ „Въ лѣсахъ“.

²⁾ Нашъ желѣзный складъ на ярмаркѣ строилъ Сормовскій заводъ.

прежде, по двумъ противоположнымъ направлѣнїямъ, безконечныя вереницы телѣгъ, нагруженныхъ невыдѣланными кожами, разнымъ желѣзомъ и чугуномъ, ящиками, бочками и т. п.

Жить въ ярмарочныхъ помѣщенїяхъ было не всегда прїятно. Въ сильный жаръ, вслѣдствїе низкихъ комнатъ, бывала иногда такая духота, что спали голыми, а въ холодъ мерзли, ибо печей не было и отовсюду дуло, а чтобы хотя немного согрѣться, жгли спиртъ. Въ Воскресенья и праздничные дни торговали весь день, какъ и въ будни. Въ послѣднихъ числахъ Августа ярмарка замѣтно пустѣла: въ модной линїи, ближе къ старому собору, оптовые торговцы сукнами закрывали свои лавки, тоже дѣлали въ панскомъ гуртовомъ ряду мануфактуристы. Когда начинали появляться на ярмаркѣ козлы и козы, спускавшїеся съ городскихъ горъ, то купцы говорили, что ярмарка кончается, а когда начинали бродить свиньи, то говорили, что она уже кончилась.

Пассажъ, выстроенный черезъ канаву напротивъ ярмарочнаго театра, называется „Бразильскимъ“. О происхожденїи этого названїя если еще не всё забыли, то во всякомъ случаѣ многіе не знаютъ. А дѣло было такъ. Въ одну изъ ярмарокъ въ началѣ 80-хъ годовъ изъ Бразилїи привезли большую партїю кофею, для ознакомленїя и распространенїя коего между Русскими Бразильцы выстроили черезъ канаву пассажъ, въ которомъ стали для рекламы угощать публику кофеемъ, а актрисамъ находящагося противъ пассажа театра подносить вмѣсто букетовъ мѣшки съ кофеемъ. Бразильцы уѣхали, а пассажъ остался, и осталось его названїе „Бразильскаго“.

Вечера во время ярмарки я проводилъ не всегда въ трактирахъ, театрѣ или циркѣ Никитина, но бывалъ иногда въ гостяхъ въ городѣ.

Радужный Дмитрїй Михайловичъ Бурмистровъ, нашъ хорошій покупатель, приглашалъ меня къ себѣ на обѣды. Былъ онъ женатъ на Варварѣ Михайловнѣ Рукавишниковой, большой охотницѣ до лошадей. Жили Бурмистровы на Откосѣ, и изъ ихъ дома и сада открывался прекрасный видъ на Волгу. При домѣ имѣлись образцовыя конюшни, гдѣ стояли дорогіе рысаки. Дмитрїй Михайловичъ, большой любитель садоводства, имѣлъ нѣсколько цвѣточныхъ и фруктовыхъ оранжерей и держалъ Нѣмца-садовника, которому платилъ три тысячи рублей въ годъ. Садъ утопалъ въ цвѣтахъ. Помню, Дмитрїй Михайловичъ дарилъ мнѣ прекрасныя клуберозы и угощалъ бѣлой малиной. Въ то время цвѣточныхъ торговцевъ въ Нижнемъ совсѣмъ не было. Въ ресторанѣ „Германїя“ продавали астры, надушенные пачулями. В. С. Перловъ доставалъ букеты, для подношенїя ярмарочнымъ актрисамъ, у садовника Бурмистровыхъ и платилъ за эти букеты чаемъ.

На Бурмистровскихъ обѣдахъ познакомился я съ братьями хозяйки: Иваномъ, Митрофаномъ и Николаемъ Михайловичами Рукавишниковыми, съ ея сестрой Юліей Михайловной и съ мужемъ послѣдней— Иваномъ Кузьмичемъ Николаевымъ. Бывали на этихъ обѣдахъ также: жена Ивана Михайловича Елена Николаевна, двѣ пріѣзжавшія изъ Ярославля барышни, дочери Николая Петровича Пастухова, Нижегородскій фабрикантъ Зайцевъ, маклеръ Иванъ Юльевичъ Шульцъ изъ Москвы, домашній врачъ Бурмистровыхъ Штюрмеръ, домашній врачъ Николаевыхъ Никаноръ Ивановичъ Васильевъ и др. Сталъ бывать я и у Николаевыхъ, жившихъ на Большой Печерской улицѣ, съ единственнымъ малолѣтнимъ сыномъ Мишей, въ которомъ мать не чаяла души. У Николаевыхъ встрѣчалъ я только ихъ домашняго врача, стараго и ворчливаго Н. И. Васильева, ими до крайности избалованнаго и пользовавшагося у нихъ большимъ авторитетомъ.

Вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, М. С. Кузнецовымъ, Н. К. Голофѣевымъ и братьями Кириковыми ходилъ я на Пески, въ трактиръ Журавлева, ѣсть пельмени, которые подавали сотнями, при чемъ въ одной мискѣ были пельмени, а въ другой бульонъ.

Однажды Владимиръ Карловичъ фонъ-Меккъ пригласилъ меня принять участіе въ прогулкѣ по Окѣ, на его пароходѣ. Вечеромъ у него въ конторѣ, которая находилась на пристани, на такъ называемой Стрѣлкѣ, собрались: В. С. Перловъ, пріѣхавшіе изъ Москвы К. А. Тарновскій и П. И. Гучковъ, братья Кириковы и др., и на Мекковскомъ пароходѣ, съ военной музыкой, пошли мы вверхъ по Окѣ. Ночью пристали къ берегу Оки, гдѣ высадились. У рыбаковъ купили тоню стерлядей и раковъ и заставили рыбаковъ варить намъ уху. Слуги отъ Никиты Егорова вынесли съ парохода на берегъ столъ, Вѣнскіе стулья и Мекковскій поставецъ съ серебряными стаканами; накрыли столъ; принесли зернистой икры, холодной дичи, въ дыняхъ маседуанъ изъ свѣжихъ фруктовъ; захлопали пробки отъ Шампанскаго—и пошло пиршество. По желанію В. С. Перлова послали за дѣвицами въ ближайшую деревню и заставили ихъ водить хороводы. На обратномъ пути всѣ гости съ хозяиномъ засѣли въ каютѣ вокругъ большой льдины съ бутылками Шампанскаго, и пиршество, начатое на берегу, продолжалось до ярмарочной пристани, куда пришли часовъ въ семь утра, и гдѣ уже ждали извозничьи коляски, которыя развезли всѣхъ по гостиницамъ и лавкамъ.

Припоминаю пріѣздъ на ярмарку великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Вмѣстѣ съ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета Павломъ Васильевичемъ Осиповымъ и Нижегородскимъ губернаторомъ Безакомъ, великій князь посѣтилъ нѣсколько лавокъ, въ томъ числѣ и

нашу. Увидавъ у насъ рубашечный ситець, великій князь сказалъ: „хорошо бы на солдатскія рубашки“. Выходя изъ лавки, П. В. Осиповъ попросилъ великаго князя посѣтить еще кого-то, на что великій князь отвѣтилъ: „слушаю-съ“. Вечеромъ состоялся праздникъ въ лагерѣ, который былъ иллюминированъ. Въ палаткѣ, убранной щитами изъ штыковъ, былъ накрытъ ужинъ, во время котораго играла военная музыка и пѣлъ хоръ А. З. Ивановой. Изъ лагеря великій князь поѣхалъ на ночлегъ въ Главный Домъ, сопровождаемый солдатами, бѣжавшими съ зажженными факелами и кричавшими ура.

Пріѣзжалъ на ярмарку и великій князь Владимиръ Александровичъ съ великой княгиней Маріей Павловной. Ихъ Высочествамъ ярмарочное купечество давало обѣдъ на Зевековскомъ пароходѣ, стоявшемъ на Сибирской пристани. Во время обѣда играла военная музыка. Я сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ В. С. Перловымъ, и намъ вмѣсто стерляди подали шипа. Послѣ обѣда пароходъ съ Ихъ Высочествами и гостями отчалилъ отъ пристани и пошелъ въ Сормово, откуда вернулись опять на Сибирскую пристань.

П. В. Осиповъ, будучи предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета, дѣлалъ большіе денежные сборы на губернаторскіе обѣды съ торговавшихъ на ярмаркѣ купцовъ. Оставшіеся отъ обѣдовъ вина и сигары относились къ П. В. Осипову на квартиру.

О бывшемъ одновременно съ П. В. Осиповымъ Нижегородскомъ губернаторѣ Б. тогдашній Французскій посолъ въ Петербургѣ генералъ Шанзи былъ не особенно лестнаго мнѣнія. „Вмѣсто ярмарочныхъ свѣдѣній“, рассказывалъ въ Петербургѣ Шанзи, возвратившись изъ Нижняго, „за которыми я пробовалъ не разъ обращаться въ разговорѣ къ генералу Б., онъ нарисовалъ мнѣ картину Парижскихъ кафе-шантановъ *avec leurs sujets principaux*“. Не лучше Б. былъ и тогдашній Нижегородскій полиціймейстеръ Каргеръ, который, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ пріятелямъ, не стѣснялся вызывать по тревогѣ пожарныхъ.

Скажу кое-что о нѣкоторыхъ торговцахъ, покупавшихъ у насъ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

Одними изъ первыхъ и лучшихъ покупателей изъ Сибири считались тогда Стахѣвы, Александръ Ѳедоровичъ Второвъ*), Петровъ и Михайловъ, Иванъ и Николай Герасимовичи Гадаловы, Бѣлоголовый и Киселевъ, братья Зензиновы, братья Бутины и Семень Семеновичъ Кальмейеръ. А. Ѳ. Второвъ пользовался большою популярностью на Нижегородской ярмаркѣ.

*) А. Ѳ. Второвъ умеръ 20 Октября 1911 года.

Изъ Армянъ покупали у насъ братья Цавьяновы, братья Варта-новы, Иванъ Исаевичъ Питаньянца (всѣ трое изъ Тифлиса), братья Бабасиновы (изъ Нахичевани), Карпъ Ивановичъ Яблоковъ (изъ Росто-ва на Дону), Кириллъ Моисеевичъ Поповъ (изъ Луганскаго завода), Минай Лукьяновичъ Шоршоровъ (изъ Екатеринодара), Христофоръ Христофоровичъ Харагилеевъ и другіе.

Армянинъ Макаръ Ивановичъ Улухановъ (изъ Моздока), толстый, безволосый, съ важнымъ, но тупымъ выраженіемъ лица, любилъ почетъ. У него была красивая сестра, которую увезли въ плѣнъ Черкесы, во время набѣга на Моздокъ; потомъ она стала женой Шамиля. Когда Макара Ивановича спрашивали, хороша ли была его сестра, то онъ съ важностью, показывая на себя, отвѣчалъ: „какъ я“. При этомъ надо было видѣть его болѣе чѣмъ непривлекательное лицо. Позднѣе явились къ намъ покупатели Армяне изъ Армавира: братья Тарасовы, братья Багорсуковы, братья Багдасаровы, братья Сеферовы, Акимъ Ма-наевичъ Каспаровъ, братья Давыдовы и братья Шахъ-Назаровы. Въ на-чалѣ братья Тарасовы жили весьма скромно: ѣздили по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ, возили съ собой мѣшки съ сухарями изъ чернаго хлѣба, которыми питались дорогой, носили зимой потертая бараньи шубы; но потомъ они разбогатѣли, и мы увидали ихъ въ собольихъ шубахъ съ бобровыми воротниками.

Когда на Кавказѣ начались беспорядки, то богатые Армяне стали переселяться въ Москву. Въ прежнее время говорили въ Москвѣ только объ одномъ богатомъ Армянинѣ Иванѣ Степановичѣ Анановѣ, имѣвшемъ домъ на Мясницкой. Въ настоящее время говорятъ о нѣ-сколькихъ милліонерахъ Армянахъ, переселившихся со своими семьями въ Москву изъ Армавира, Екатеринодара, Баку и другихъ городовъ Кавказа. Своихъ хорошенькихъ дочерей Армяне стали посылать загра-ницу учиться, въ лучшіе пансіоны и одѣвать ихъ по послѣдней модѣ; стали заводить автомобили и строить себѣ въ Москвѣ дворцы.

Нашимъ самымъ крупнымъ покупателямъ въ Ростовѣ на Дону былъ Павелъ Ѳедоровичъ Севрюговъ. Донскіе казаки Иванъ и Николай Андреевичи Абрамовы, люди очень почтенные, были одними изъ луч-шихъ покупателей изъ Новочеркасска. Они, по старому обычаю, при-возили намъ въ подарокъ прекрасное Цимлянское вино собственнаго приготвления, въ Шампанскихъ бутылкахъ, или отличные Донскіе балыки.

Одинъ изъ крупныхъ Саратовскихъ покупателей былъ Иванъ Герасимовичъ Кузнецовъ, прозванный за свой малый ростъ „Аршиномъ Герасимовичемъ“. Разъ во время ярмарки въ нашей лавкѣ служили молебень; Иванъ Герасимовичъ стоялъ за прилавкомъ, такъ что была

видна одна его голова. По окончаніи молебна священникъ, не зная, что Иванъ Герасимовичъ въ родѣ карлика, сталъ ему выговаривать за то, что онъ сидѣлъ во время службы. Иванъ Герасимовичъ пріѣзжалъ въ Москву или на ярмарку со своимъ взрослымъ сыномъ Василиемъ Ивановичемъ, котораго называлъ Васенькой.

Изъ Пятигорска пріѣзжали къ намъ два брата Зипаловы, а изъ Перми—два брата Киселевы. Старшій Киселевъ, Вячеславъ Васильевичъ, былъ всегда въ мрачномъ настроеніи духа. Одинъ изъ самыхъ веселыхъ покупателей былъ Армянинъ изъ Ставрополя-Кавказскаго Давыдъ Вареоломеевичъ Поповъ. Казанскій покупатель Савватей Савватеевичъ Савватъевъ, старикъ въ очкахъ, которые чаще были у него на лбу, чѣмъ передъ глазами, имѣлъ привычку мять въ рукахъ кусочекъ тѣста, которое всегда носилъ съ собой.

Покупатель Фуфыкинъ явился однажды къ намъ на ярмарку весь выпачканный и пьяный и сообщилъ, что не можетъ уплатить стараго долга, сказавъ: „торговали кирпичемъ и остались ни при чемъ“. Благодаря присяжному повѣренному Меморскому, бывшему потомъ Нижегородскимъ городскимъ головой, мы получили сполна состоявшій за Фуфыкинымъ долгъ. Вообще, когда кто не желалъ совсѣмъ платить своихъ долговъ, являлся къ кредиторамъ плохо одѣтымъ, выпачканнымъ и нерѣдко пьянымъ. Такъ было и съ Константиномъ Васильевичемъ Епифановымъ изъ Новочеркасска, прекратившимъ свои платежи. Другіе должники, не желавшіе платить полнымъ рублемъ, приглашали, какъ говорятъ купцы, на чашку чаю, т. е. собирали своихъ кредиторовъ и просили о скидкахъ и разсрочкахъ долга. Объ одномъ неплательщикѣ, Армянинѣ, дѣло котораго слушалось въ Московскомъ Коммерческомъ Судѣ, мой отецъ рассказывалъ слѣдующее. Армянинъ этотъ подписался на выданномъ имъ векселѣ по армянски, и на судѣ переводчикъ перевелъ эту надпись, оказавшуюся такого содержанія: „когда хочу, тогда плачу, а кисея твоя г.....“

Покупали у насъ также Евреи изъ Одессы, Кишинева, Бердичева и другихъ городовъ, Татары и Нѣмцы-колонисты. Изъ Одессы покупали у насъ между прочимъ Евреи, торговавшіе подъ фирмою „Гимельфартъ и Фингерхуть“. Кишиневскіе Евреи-покупатели пріѣзжали лѣтомъ въ Москву въ своихъ длинныхъ лапсердакахъ, надѣтыхъ непосредственно сверхъ нижняго бѣлья. Въ мою бытность въ Кишиневѣ, нашъ тамошній покупатель, старикъ Еврей Шулимъ Перельмутеръ, выказалъ ко мнѣ большое вниманіе и любезность: его довѣренный, Рейтигъ, возилъ меня въ коляскѣ и показывалъ городъ; потомъ мы заѣхали къ самому Перельмутеру, жившему въ своей усадьбѣ, въ простомъ деревянномъ домикѣ, окруженномъ виноградниками, гдѣ Перельмутеръ

угощалъ меня виномъ своего приготовления и по моей просьбѣ далъ мнѣ попробовать мамалыгу (густая каша изъ кукурузы). Зятя Перельмутера не было въ Кишиневѣ; но меня все же повезли къ его молодой женѣ, дамѣ съ нѣкоторыми претензіями, гдѣ меня, какъ видно, ждали, потому что былъ накрытъ столъ съ разными угощеніями и даже приготовлено Шампанское. За столомъ прислуживали лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Татаринъ Баязитовъ изъ Стерлитамака былъ безъ одной челюсти, чему онъ былъ обязанъ искусству какого-то дантиста на Ирбитской ярмаркѣ. Однажды одинъ изъ нашихъ рабочихъ попросилъ у Баязитова на чай. Баязитовъ счелъ это за оскорбленіе, на шумѣлъ и, выпросивъ себѣ кусокъ матеріи, успокоился. Баязитова хорошо знали на пароходахъ, ходящихъ по рѣкѣ Бѣлой. „Мы будемъ *фарсить*“, говаривалъ онъ, заказывая себѣ стерлядку. Изъ Уфимской губерніи Баязитовъ привозилъ на продажу въ жестяныхъ коробкахъ липовый медъ, который держалъ на ярмаркѣ у насъ въ лавкѣ, подъ лѣстницей. Вообще Баязитовъ отличался своей грубостью и назойливостью.

Самымъ послѣднимъ нашимъ покупателемъ на ярмаркѣ былъ Петръ Ивановичъ Батуевъ изъ Вятки; его покупкой заканчивалась у насъ ярмарка.

Въ Нижнемъ познакомился я съ фотографомъ-художникомъ Андреемъ Осиповичемъ Карелинымъ, который имѣлъ фотографію въ своемъ домѣ, на Малой Покровкѣ. Большая зала въ его домѣ напоминала антикварный магазинъ. Тогда я былъ еще далекъ отъ идеи собиранія старинныхъ Русскихъ вещей; но художники Василій Васильевичъ Верещагинъ и Константинъ Егоровичъ Маковский уже покупали ихъ у Карелина. По фотографіи Карелинъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя изобрѣтенія, но, увлекшись собираніемъ старинныхъ и новыхъ вещей, сталъ мало заниматься фотографическимъ дѣломъ; а между тѣмъ у него явился серьезный конкурентъ, фотографъ Дмитріевъ, и постепенно фотографическое дѣло у Карелина стало падать, а у Дмитріева развиваться. Домъ свой на Малой Покровкѣ Карелинъ прожилъ и сталъ жить по квартирамъ, гдѣ давалъ уроки рисованія Нижегородскимъ барышнямъ, писалъ недурные и очень схожіе портреты и снималъ фотографіи. Во время ярмарки по вечерамъ можно было встрѣтить Андрея Осиповича въ Ярославскомъ ряду у старьевщиковъ, гдѣ онъ искалъ рѣдкостей.

Мое знакомство съ Персіянами началось съ покупокъ на ярмаркѣ, по порученію отца, ковровъ для дома, которые мы покупали у Сафара Алеева въ Персидскихъ рядахъ. Въ этихъ рядахъ до сихъ поръ сохранились свои нравы и обычаи: въ лавкахъ, между мѣшками съ фицташ-

ками, миндаземъ, рисомъ, драгантомъ, чернильными орѣшками, ящиками съ сабзой и другими товарами, можно видѣть Персіянь въ ихъ національныхъ костюмахъ, курящихъ кальянь. Тутъ же можно наблюдать, какъ Персидскій Фигаро брѣдетъ голову краснородому сыну Ирана. Въ караванъ-сараѣ пекутъ Персидскій хлѣбъ „лавашь“, въ видѣ большихъ, круглыхъ, плоскихъ лепешекъ, которыя, кромѣ своего прямого назначенія, замѣняютъ у Персіянь ложки и салфетки. Персія меня интересовала: я много читалъ о ней книгъ на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Еще въ Москвѣ познакомился я съ Московскимъ Персидскимъ вице-консуломъ и комиссіонеромъ мирзой Нематулой Ашимовымъ¹⁾, который зналъ по русски и порядочно говорилъ по французски. На ярмаркѣ онъ останавливался въ караванъ-сараѣ, гдѣ я его разъ навѣстилъ и засталъ его сидящимъ на диванѣ, поджавши подъ себя ноги, въ голубомъ шелковомъ засаленномъ халатѣ, и курящимъ кальянь. У него и у торговца коврами Усейнова сталъ я приобретать разныя Персидскія вещи: калямданы (пеналы), голябпаши (флаконы для розовой воды), кячколи (чаши для воды, носимыя дerviшами), рубэндэ (платокъ, которымъ женщины закрываютъ себѣ лицо), шербетныя ложки, ларцы, гребни, кривыя кинжалы ферашей и другія преимущественно современныя вещи Персидскаго искусства и быта.

Въ 1887 году пріѣзжалъ въ Москву изъ Темиръ-Ханъ-Шуры фотографъ Роиновъ со своимъ „передвижнымъ Кавказскимъ музеемъ“. У Роинова купилъ я небольшую Персидскую занавѣску²⁾, вышитую шелками, серебромъ и золотомъ, XVII в., изъ дворца Нухинскаго хана, и три старинныя Персидскія фаянсовыя тарелки съ изображеніями: на одной—кисти руки, на другой—двухъ козъ, на третьей—всадника.

На Нижегородской же ярмаркѣ приобрѣлъ я большую Китайскую занавѣску, богато вышитую по красному Русскому сукну разноцвѣтными шелками и золотомъ. Вообще на Нижегородской ярмаркѣ сдѣлалъ я починокъ по собиранію предметовъ Востока, точно такъ же, какъ

¹⁾ Въ 1877, 1878 и 1889 гг. шахъ Насръ-Эдлинъ былъ въ Европѣ. Пріѣзжалъ онъ и въ Москву, гдѣ на балу у генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова сказалъ указывая пальцемъ на залитую всю брилліантами Шаблыкину: „laide“, а о какой-то красивой дамѣ выразился: „belle, comme les vers de Pouchkine“. Р. Н. Гришинъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 2 Октября 1887 г. писалъ: „Въ мою бытность въ Астрахани, гдѣ я началъ мою службу, мнѣ приходилось не одинъ разъ бывать на балахъ Персидскаго посланника и участвовать въ загородныхъ Персидскихъ торжествахъ; образованныхъ Персіянь не удавалось видѣть“.

²⁾ Точь въ точь такая же занавѣска хранится въ Московской Оружейной Палатѣ. Роиновъ рассказывалъ мнѣ, что спасъ проданную мнѣ занавѣску, которую собирался жечь одинъ Персіянинъ—для полученія выжиги.

потомъ сдѣлалъ начинъ по собиранію старинныхъ Русскихъ вещей, купивъ тамъ же серебряный жалованный ковшъ Яицкаго войска.

Въ 1889 году, будучи съ отцомъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ, я купилъ въ Японскомъ отдѣлѣ много художественныхъ предметовъ: ширмы шелковыя, тканья и вышитыя, представляющія съ лицевой стороны четыре времени года, за 6 тысячъ франковъ; другія ширмы съ искусно сдѣланными изъ разныхъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ матерій фигурами по золоченому фону, изображающія сцены изъ Японской жизни, за 3 тысячи франковъ; лаковую этажерку (лучшую лаковую вещь, которую продавало Японское правительство) за 6 тысячъ франковъ, и другія Японскія вещи.

Въ то время, когда мой братъ Сергѣй и я были на ярмаркѣ, отецъ, а потомъ и братъ Дмитрій заботились о своевременной высылкѣ намъ товара и ѣздили на фабрики Гюбнера, Цинделя и Прохорова, гдѣ торопили исполнять наши заказы.

Вообще отецъ велъ очень дѣятельную жизнь. Какъ человѣкъ уже пожилой, онъ ложился спать рано и вставалъ тоже рано; въ театрахъ отецъ обыкновенно не досиживалъ до конца представленія, а въ ложахъ Московскаго Большого театра, гдѣ имѣются комнатки съ диванами, обыкновенно засыпалъ во время Итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любилъ. По утрамъ изъ всей нашей семьи вставалъ раньше всѣхъ отецъ. Передъ тѣмъ какъ спуститься съ верху въ столовую пить кофеи, въ халатѣ и туфляхъ, отецъ вызывалъ къ себѣ повара Егора, котораго пробиралъ за не такъ приготовленныя накануне кушанья и заказывалъ завтракъ и обѣдъ на текущій день. Поваръ Егоръ, или, какъ мы его звали, Егоръ Петровичъ, не пилъ, не курилъ и вообще готовилъ хорошо, притомъ былъ очень набожный; даже въ кухнѣ онъ держалъ Библию и въ свободное время читалъ ее, для чего надѣвалъ очки. Егоръ любилъ употреблять кулинарные термины на Французскомъ языкѣ, немилосердно коверкая его; даже кушанье приготовленное по-русски, онъ иначе не называлъ какъ „а-ла-рюсь“*). Поваръ былъ онъ довольно упрямый: когда отецъ говорилъ ему, что надо сдѣлать такъ, Егоръ противорѣчилъ, „а по моему такъ“.

Отецъ любилъ красное вино и былъ большимъ его знатокомъ; Шампанскаго же не переносилъ. Сладкое варенье посыпалъ еще сахаромъ. За завтракомъ и обѣдомъ отцу, чтобы онъ не пачкалъ скатерти,

*) Французскій языкъ вообще коверкаютъ Русскіе повара и трактирщики. Извѣстный трактирщикъ Лопашевъ всегда предлагалъ П. В. Шумахеру кушанье, которое называлъ „бушеглазомъ“, что означало по французски „bouché glacé“; по словамъ Шумахера, это кушанье состояло изъ куска филейной говядины въ густомъ соусѣ въ родѣ столлярнаго клея.

клали подъ приборъ клеенку темнаго цвѣта. Однажды у насъ въ первый разъ обѣдалъ прѣбывавшій изъ Харькова нѣкій Алчевскій, котораго посадили на мѣсто отца, но позабыли снять клеенку; гость такъ и просидѣлъ весь обѣдъ, ибо, кромѣ моихъ младшихъ братьевъ, никто не обратилъ на это вниманія.

Къ отцу въ столовую каждое утро вызывался артельщикъ Михайло Хайловъ, которому отецъ давалъ разныя порученія; потомъ приходилъ прикащикъ Иванъ Ивановичъ Челышковъ, и отецъ просматривалъ съ нимъ остатокъ долговъ за покупателями. Тому и другому нерѣдко отъ отца доставалось. Какъ-то Хайловъ, стоя у стола, за которымъ отецъ пилъ кофей, оперся руками о столъ; тогда отецъ, не говоря ни слова, всталъ, взялъ стулъ и предложилъ ему сѣсть, чѣмъ конечно очень его сконфузилъ.

Нашего кассира Трещалина отецъ почему-то называлъ всегда Пищалинымъ и вообще часто искажалъ фамиліи*). Отецъ былъ сильный брюнетъ; но съ годами волосы на головѣ и борода стали у него сѣдѣть; только однѣ брови, которыя были чрезвычайно густыя, оставались черными. У отца были такіе выразительные каріе глаза, что отъ одного его взгляда дѣти моментально переставали ревѣть; взглядъ отца дѣйствовалъ и на взрослыхъ; говорилъ онъ всегда очень громко, все равно, было ли это дома, въ гостяхъ, или на улицѣ; даже за границей говорилъ на улицѣ такъ громко, что прохожіе оборачивались; рѣчь у него была ясная и выразительная. Вотъ два его характерныя выраженія: объ одномъ мушинѣ, у котораго было много волосъ на головѣ, отецъ сказалъ, что „у него волосъ на три добрыя драки“; объ одномъ горькомъ пьяницѣ отецъ выразился такъ: „пѣть запоемъ да еще каждый день пьянъ“.

Изъ столовой отецъ шелъ въ контору и, проходя мимо дѣвичьей, если замѣчалъ какой-нибудь безпорядокъ, то бранилъ горничныхъ, причемъ употреблялъ выраженіе: „хуже пустого мѣста“. Въ конторѣ отецъ просматривалъ торговыя книги и тутъ обыкновенно не обходился безъ замѣчаній конторщикамъ. Изъ конторы отецъ поднимался къ себѣ на верхъ, одѣвался и ѣхалъ на одну изъ трехъ фабрикъ: къ Гюб-

*) Мастеръ искажать фамиліи былъ служившій у насъ въ швейцарахъ Егоръ Акимовъ Касьяновъ. Напримѣръ, Рошфора онъ иначе не называлъ какъ *Растворомъ*. Какъ иногда Русскіе люди искажаютъ не только фамиліи, но и самый смыслъ сказаннаго, могу указать на два случая. Мой братъ Дмитрій разъ послалъ своего служащаго купить черныя запонки; служащій вернулся и сказалъ, что черныхъ жаворонковъ нѣтъ. Въ другой разъ братъ поручилъ купить тому же служащему Швейцарскаго сыра; вернувшись тотъ заявилъ, что не нашелъ Цыцарскаго мыла.

неру¹⁾ подь Дѣвичье, или къ Цинделю²⁾ въ Кожевники, или къ Прохорову на Три-Горы, откуда возвращался частью пѣшкомъ, въ то время какъ экипажъ слѣдовалъ за нимъ шагомъ. Послѣ обѣда, если не было гостей, отецъ немного отдыхалъ, а потомъ отправлялся въ театръ или въ гости.

По Четвергамъ у насъ обыкновенно обѣдали нѣсколько человекъ родныхъ и знакомыхъ. Бывали еще врачи: Иванъ Карловичъ Монигетти, Юлій Ивановичъ Вольфъ и Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, драматургъ Константинъ Августиновичъ Тарновскій, Московскій оберъ-полицеймейстеръ А. А. Козловъ, П. В. Шумахеръ, нотариусъ Петръ Дмитріевичъ Перевошиковъ, Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, маклеръ Александръ Яковлевичъ Верленъ и другіе. Врачъ императорскихъ Московскихъ театровъ И. К. Монигетти, лѣчившій отца, принадлежалъ къ числу мало разговорчивыхъ людей; послѣ него отца сталъ лѣчить Юлій Ивановичъ Вольфъ³⁾, весьма деликатный и обстоятельный врачъ, подолгу спрашивавшій пациента и подолгу дававшій совѣты. Совѣтъ въ другомъ родѣ былъ врачъ Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, по специальности акушеръ, „Accoucheur de la ville de Moscou“, какъ значилось у него на визитныхъ карточкахъ, бывавшій у насъ лишь въ качествѣ гостя. Болѣе веселаго, жизнерадостнаго человека я не встрѣчалъ. Несмотря на свои почтенные годы и сѣдые волосы, Михаилъ Осиповичъ отличался замѣчательной подвижностью; танцевалъ онъ, въ особенности мазурку, какъ никто. Въ жилахъ Вивьена текла Французская кровь; хотя его предки (Вивьенъ-де-Шатобренъ) и были Французы, но самъ онъ, кромѣ Русскаго, собственно не говорилъ ни на какомъ языкѣ. Онъ былъ большой кадамбуристъ и забавный шутникъ. Когда его спрашивали, гдѣ онъ останавливается въ Парижѣ, онъ отвѣчалъ: „въ своей улицѣ—рю Вивьенъ“. Въ Біаррицѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ П. И. Гучковымъ въ пансіонѣ г-жи Жилосъ. Вспоминая о жизни въ этомъ пансіонѣ, Вивьенъ говорилъ: „у мадамъ Жилосъ какъ намъ жилось“. Изъ поѣздки въ Марсель онъ только и вспоминалъ объ одной большой бутылкѣ коньяку, поданной въ какой-то кофейнѣ. Когда Михаила

¹⁾ А. О. Гюбнеръ жилъ на фабрикѣ, гдѣ у него былъ садъ. Въ саду было много цвѣтовъ и стояла большая желѣзная клетка, въ которой лѣтомъ сидѣло множество разнообразныхъ пѣвчихъ птицъ. Впослѣдствіи Гюбнеръ купилъ себѣ домъ въ Парижѣ, въ улицѣ Тѣнеган, куда переѣхалъ вмѣстѣ со всей своей семьей и гдѣ жилъ зимой. Лѣтомъ Гюбнеръ жилъ на своей виллѣ близъ Базеля, въ Сизахъ, въ чрезвычайно живописной мѣстности.

²⁾ При Цинделевской фабрикѣ былъ прекрасный фруктовый садъ, за которымъ ухаживалъ самъ старикъ Эмиль Эмильевичъ Циндель, основатель фабрики. Циндель, какъ и Гюбнеръ, былъ Эльзасецъ.

³⁾ Родной братъ Альфонсны Ивановны Постниковой.

Осиповича спрашивали меню какого-нибудь обѣда, онъ обыкновенно скороговоркой отвѣчалъ: „супъ—щи, пироги—ватрушки, рыба-раки, говядина—телятина, пирожное—мороженое“. Чай онъ называлъ брандахлыстомъ; за то вино, водки и ликеры такъ уважалъ, что нерѣдко пилъ ихъ не въ мѣру. Наливая себѣ въ стаканъ вино, Вивьенъ говорилъ:

„Rempli ton verre vide,
Bois ton verre plein
Et fais qu'il soit ni plein, ni vide“.

Михаилъ Осиповичъ очень мило пѣлъ оперу, въ которой мотивы были взяты главнымъ образомъ изъ оперы „Марта“, а слова неизвѣстно откуда. Начало дѣйствія этой оперы происходитъ въ Марьиной рощѣ, и самоварщицы поютъ:

„Чашки чисты,
Чай душистый,
Москворѣцкая вода,
Вы пожалуйста сюда,
Всечестные господа“.

Далѣе Вивьенъ пѣлъ: „Играетъ музыка принца Фридриха Карла полка, кака, какака, какака“. Последнее дѣйствіе заканчивалось въ полицейскомъ участкѣ и въ заключеніе Михаилъ Осиповичъ пѣлъ: „Былъ вѣрно пьянъ мосье Вивьенъ“. Онъ также отлично читалъ наизусть „Маіора“ Фодотова, „Гросъ-Фатера“ и „Сенсаціи госпожи Курдюковой“ Мятлева. „Сенсаціи“ онъ читалъ такъ хорошо, что какая-то важная особа сказала ему: „вы примирили меня съ Мятлевымъ“. О своей акушерской дѣятельности (Вивьенъ былъ полицейскимъ врачомъ) онъ говорилъ, что другіе врачи отправляютъ людей на тотъ свѣтъ, онъ же—на этотъ. На маскарадъ къ Д. П. Боткину Михаилъ Осиповичъ явился разъ въ костюмѣ яко бы баши-бузука: въ красной фескѣ, съ ятаганомъ за поясомъ. Къ намъ на вечеръ онъ пріѣхалъ въ домино и въ кошачьей маскѣ, причемъ такъ мяукалъ и фыркалъ, какъ настоящая кошка. Однажды въ Парижѣ въ театрѣ Вивьенъ сидѣлъ въ креслахъ; къ нему сталъ обращаться съ вопросами на Англійскомъ языкѣ сидѣвшій съ нимъ рядомъ Англичанинъ, на что Вивьенъ все время отвѣчалъ: „oh yes!“ Должно быть на послѣдній вопросъ Михаилъ Осиповичъ отвѣтилъ невпопадъ, потому что Англичанинъ разсерженнымъ тономъ спросилъ: „mais, monsieur, parlez vous anglais?“

Вивьенъ одинъ разъ пріѣзжалъ въ Нижній на ярмарку и останавливался у насъ въ лавкѣ. На ярмаркѣ онъ ходилъ въ красной фескѣ. Проходя какъ-то ночью мимо трактира Бубнова, гдѣ на балконѣ сидѣли

арфистки, Вивьень вдругъ громко зашѣлъ: „Привѣтъ тебѣ, пріютъ родимый!“ О некрасивыхъ лицахъ Михаилъ Осиповичъ говорилъ: „у него или у нея лицо *рылотвиное*“. Про одну монахиню онъ выразился такъ: „была монашенка, а стала мамашенькой“.

Вивьень уже подъ конецъ своей жизни женился на Мулаткѣ, съ острова св. Ѳомы. Свадьба состоялась у него на квартирѣ, на Цвѣтномъ бульварѣ. Вѣнчалъ пасторъ Диггофъ. Вивьень былъ Католикъ, а Мулатка—Лютеранка. На свадьбѣ присутствовало очень мало приглашенныхъ: Московскій виноторговецъ Александръ Ивановичъ Арабажи, мой братъ Дмитрій, я, да еще кто-то. Послѣ вѣнчанія былъ обѣдъ. Вивьень называлъ свою жену „Арабишъ-фантазія“ и лѣтомъ жилъ съ ней на дачѣ въ Перервѣ. Однажды я съ братомъ Дмитріемъ навѣстили молодыхъ въ Перервѣ. Михаилъ Осиповичъ шутилъ со своей Мулаткой и расчесывалъ ей курчавые жесткіе волосы щеткой изъ желѣзной проволоки, въ родѣ скребницы, какой чистятъ лошадей. Впослѣдствіи, безъ вѣдома Михаила Осиповича, Мулатка открыла въ Москвѣ прачешное заведеніе подъ вывѣской: „Прачешная госпожи Вивьень“. Михаилъ Осиповичъ распорядился снять эту вывѣску. Въ 1887 году М. О. Вивьень захворалъ и умеръ. Мой братъ и я были на отпѣваніи въ костелѣ, что въ Милютинскомъ переулкѣ¹⁾.

Насколько много было естественнаго въ Вивьенѣ, настолько много напускнаго въ Константинѣ Августиновичѣ Тарновскомъ. Старикъ высокаго роста, полный, совершенно лысый, съ остроконечной бородкой, всегда болѣе или менѣе эксцентрично одѣтый, въ широкихъ брюкахъ, которыя книзу суживались, Константинъ Августиновичъ напоминалъ Французскаго отставнаго военнаго времени Наполеона III. Если Тарновскій не могъ кого переспорить, то во всякомъ случаѣ могъ перекричать²⁾. Константину Августиновичу, порядкомъ вравшему,

¹⁾ У М. О. Вивьена было два брата: архитекторъ (Эдуардъ) и пьянистъ. Племянникъ Михаила Осиповича дирижировалъ оркестромъ у Лентовскаго въ Эрмитажѣ. На Воздвиженнѣ находилась библіотека Вивьена, принадлежавшая другому племяннику Михаила Осиповича. Въ Петровскомъ-Разумовскомъ Михаилъ Осиповичъ имѣлъ свои дачи, но онѣ были заложены. Въ своей квартирѣ на Цвѣтномъ бульварѣ Вивьень сдавалъ наймы комнату клоунамъ изъ цирка Соломонскаго.

²⁾ К. А. Тарновскій былъ другомъ дома въ семьѣ графа А. А. Закревскаго. Маркевичъ изобразилъ Константина Августиновича въ своемъ романѣ „Четвертъ вѣка назадъ“. Какъ графиня Аграфена Ѳедоровна, такъ и ея дочь Лидія Арсеньевна Закревскія не отличались цѣломудріемъ. Лидія Арсеньевна была красивая, нѣсколько полная блондинка съ голубыми глазами. (Мнѣ пришлось видѣть ее въ Лионѣ, уже старушкой). Пикулинъ рассказывалъ, что Лидія Арсеньевнѣ понравился молодой, красивый часовщикъ, приходившій заводить часы въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Полураздѣтая, лежа на постели, она ожидала прихода часовщика. Но вмѣсто молодого, красиваго пришелъ уродливый старикъ. Отъ Пикулина же я слышалъ, что актера Самарина, отличавшагося въ молодости красотой, возили къ Лидіи Арсеньевнѣ.

мой отецъ говариваль: „если и четверть того, что вы рассказываете, правда,—и то хорошо“. Вивьенъ называль Константина Августиновича „Konstantin“ и „Паномъ Твардовскимъ“. Тарновскій говорилъ Вивьену: „ты изъ вѣры вышелъ“, на что послѣдній отвѣчалъ: „ошибаешься, мою мать вовсе не звали Вѣрой“.

Александръ Александровичъ Козловъ рассказываль много забавнаго о своей службѣ въ Петербургѣ. Такъ, когда онъ былъ тамъ градоначальникомъ, однажды ему донесли, что на Васильевскомъ островѣ, у одной купчихи-вдовы бываютъ студенческія сходки. Козловъ вызвалъ къ себѣ эту купчиху и прикрикнулъ было на нее за то, что у нея собираются сходки: „Какія, батюшка, сходки! завопила смущенная купчиха: студенты—это мои „*пѣтушки*““. И дѣйствительно оказалось, что вдова только прикармливала студентовъ.

П. В. Шумахеръ любилъ проводить время въ нашей семьѣ. Безподобный рассказчикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, онъ бываль всегда желаннымъ гостемъ. П. В. Шумахеръ былъ очень начитанъ; зналь въ совершенствѣ Нѣмецкій, Французскій и Англійскій языки, на которыхъ даже сочиняль стихи; свободно читаль Малороссійскія, Польскія и Итальянскія книги. Пользуясь книгами моего собранія, Шумахеръ при чтеніи дѣлалъ карандашемъ на поляхъ книгъ замѣтки, которыя всегда были интересны и часто остроумны. Навѣщаль и я Шумахера зимой, когда онъ жилъ у Н. Х. Кетчера, потомъ у Перфильевыхъ на Тверской, въ губернаторскомъ домѣ, затѣмъ въ Страннопріимномъ домѣ графа Шереметева, у Сухаревой башни; лѣтомъ навѣщаль его въ „Забытой усадьбѣ“, въ Спасскомъ, близъ Новаго Іерусалима и въ Кусковѣ, въ „Голландскомъ домикѣ“.

У Н. Х. Кетчера Шумахеру не жилось. Недаромъ актеръ Вильде сказалъ Петру Васильевичу относительно его житія у Кетчера:

„Лѣтами ты ужъ старъ, да сердцемъ живъ и молодъ;
Не слѣдъ бы жить тебѣ, гдѣ мракъ и смерти холодъ“.

Съ Василиемъ Степановичемъ*) и Прасковьей Ѳедоровной Пер-

*) В. С. Перфильеву по дѣламъ службы часто приходилось ѣздить по уѣздамъ Московской губерніи. Въ Вереѣ, въ домѣ одного старообрядца, гдѣ ему была отведена квартира, на стѣнѣ висѣлъ въ золоченой рамкѣ написанный уставомъ листъ слѣдующаго содержанія:

„Аристотель книга говоритъ тако:
В. Что лучше злата?
О. Яхонтъ.
В. Что лучше яхонта?
О. Добродѣтель.
В. Что лучше добродѣтели?
О. Богъ.“

фильевыми Шумахеръ очень сошелся, въ особенности съ послѣдней. Но и у нихъ онъ не былъ увѣренъ, что можетъ спокойно провести остатокъ своей жизни, ибо квартира, занимаемая ими, была казенная; возможно было и перемѣщеніе по службѣ Василя Степановича куда-нибудь внѣ Москвы; наконецъ, могли Перфильевы и умереть. Поэтому Шумахеръ чрезвычайно обрадовался, когда, благодаря графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву, онъ могъ не только переѣхать въ Страннопріимный домъ, но и поселиться тамъ въ отдѣльной комнатѣ, а не въ одной изъ общихъ палатъ для призрѣваемыхъ, и имѣть отдѣльный столъ.

„Забытая усадьба“, гдѣ Шумахеръ прожилъ одно лѣто до поздней осени, была дѣйствительно *забытая*, ибо въ ней не жило ни души, и все было запущено: барскій домъ, службы и паркъ. Въ этой усадьбѣ все было предоставлено въ полное распоряженіе Петра Васильевича. Близъ усадьбы находилось имѣніе глазного врача Алексѣя Николаевича Маклакова Дергайково. Шумахеръ въ усадьбѣ жилъ анахоретомъ: самъ готовилъ себѣ пищу; только иногда заглядывалъ къ нему староста Андрей Ивановъ, который ѣздилъ въ Москву, при чемъ исполнялъ порученія Петра Васильевича. Крестьяне приносили Шумахеру куръ, цыплятъ, молоко, масло, яйца, ягоды, грибы. Въ барскомъ домѣ нашлась небольшая библіотека, состоявшая изъ старинныхъ книгъ, разборомъ коихъ занялся Петръ Васильевичъ.

Переѣхавъ въ Страннопріимный домъ, Шумахеръ сталъ жить лѣтомъ въ Кусковѣ, гдѣ по распоряженію графа С. Д. Шереметева,

В. Что лучше Бога?

О. Ничто.

В. Что злѣе тигра?

О. Аспидъ.

В. Что злѣе аспида?

О. Демонъ.

В. Что злѣе Демона?

О. Злая жена.

В. Что злѣе Демона?

О. Ничто.

Аще бы было все небо—бумага, всѣ моря—чернила, всѣ звѣзды—перья, всѣ ангелы—писцы, то и тогда не могли бы женскаго лукавства описать“.

В. С. Перфильевъ былъ пріятелемъ генераль-адъютанта Черевина, съ которымъ бывалъ въ разныхъ ресторанахъ. Между прочимъ Черевинъ прислалъ Василю Степановичу прейскурантъ новооткрышагося въ Петербургѣ трактира, въ родѣ Тѣстова въ Москвѣ. Въ этомъ прейскурантѣ темная водка была переведена по французски: „Eau de vie de Tmip“; здѣшняя—„d'ici“, бѣлая померанцевая—„de Poméranie blanche“.

У Прасковьи Федоровны въ квартирѣ имѣлся, можно сказать, маленькій звѣринецъ; между прочимъ были бѣлый какаду и обезьяна мартышка, которую звали Яшкой; этотъ Яшка много проказничалъ.

ему отдали „Голландскій домикъ“; завтракъ и обѣдъ Шумахеръ получалъ отъ управляющаго Кусковымъ, главнаго садовника, Нѣмца Пича.

Шумахеръ по временамъ страдалъ отъ подагры, почему И. С. Тургеневъ называлъ его своимъ коллегой по литературѣ и подагрѣ. Разъ Шумахеру пришла въ голову странная мысль: вымораживать подагру изъ своей ноги. Онъ поѣхалъ на извозчикѣ въ сильный морозъ, надѣвъ на большую ногу лишь одинъ нитяный чулокъ. Лѣчилъ онъ свою ногу и копытной мазью Иванова. Универсальнымъ же средствомъ почти отъ всѣхъ болѣзней была у Шумахера баня. Живя въ Спасскомъ, онъ ѣздилъ въ Новый Иерусалимъ, гдѣ мылся въ банѣ у настоятеля монастыря и гдѣ такъ сильно парился, что разъ паромъ вышибло оконную раму, и служба чуть не вылетѣла изъ парильни. Въ Москвѣ Шумахеръ посѣщалъ Сандуновскія бани, куда отправлялся на весь день и гдѣ долго мылся и сильно парился. На полкѣ Шумахеръ обыкновенно выпивалъ бытулку ледяного квасу прямо изъ горлышка. Парили его два банщика. Потомъ Петръ Васильевичъ спалъ нѣсколько часовъ въ раздѣвальной. У себя въ комнатѣ Шумахеръ клалъ подъ голову сухой банный вѣнникъ, когда отдыхалъ на диванѣ. Шумахеръ воспѣлъ въ стихахъ и подагру, и баню. Въ комнатѣ у него всегда была чистота и все прибрано; во всемъ онъ былъ аккуратенъ. Зимой Шумахеръ любилъ заходить въ кондитерскую Сіу на Тверской, гдѣ пилъ шоколадъ и ѣлъ пирожки съ яблоками (*rommes en chemises*), и гдѣ надъ большой, тучной его фигурой, во время его ѣды, барышни-продавицы подсмѣивались, переглядываясь между собой. Пить и ѣсть Шумахеръ могъ много. Случалось, что въ одинъ вечеръ онъ выпивалъ до девяти бутылокъ Бургонскаго и не былъ пьянъ, а напротивъ—дѣлался краснорѣчивѣе. Если ставили передъ Петромъ Васильевичемъ бутылку съ коньякомъ, или шартрезомъ, или съ другимъ какимъ-нибудь крѣпкимъ напитокомъ, то онъ считалъ невѣжливымъ оставлять бутылку невыпитою. Когда Шкоттъ говорилъ Шумахеру: „вы пьяница“, тотъ отвѣчалъ: „отъ пьяницы слышу“. Блиновъ Шумахеръ съѣдалъ изрядное количество и ѣлъ ихъ, разрывая пальцами, находя, что такъ они вкуснѣе. Курилъ онъ и папиросы, и сигары, но предпочиталъ курить табакъ въ трубочкѣ*).

*) У Шумахера видѣлъ я транспарантъ съ печатной надписью: „Печатать дозволяется. Цензоръ“ такой-то. Шумахеръ рассказывалъ, что въ молодости Грейгъ, будущій министръ финансовъ, служилъ подъ его, Шумахера, начальствомъ, въ какомъ-то департаментѣ, и чинилъ ему гусиные перья (стальныхъ перьевъ тогда еще не употребляли). „Мажетъ“, говорилъ Шумахеръ Грейгу, и бросалъ перо, и Грейгъ опять принимался чинить, пока не удовлетворялъ Шумахера.

Степанъ Степановичъ Стрекаловъ, женатый на извѣстной благотворительницѣ, кавалерственной дамѣ, Александрѣ Николаевнѣ *) былъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, деликатный, пріятный собесѣдникъ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, Степанъ Степановичъ любилъ хорошо покушать, и выпить и поиграть въ карты.

П. Д. Перевощиковъ былъ сынъ извѣстнаго астронома, а А. Я. Верленъ, очень дѣльный маклеръ, черезъ котораго отецъ покупалъ миткаль.

Всѣ вышеназванныя лица были болѣе или менѣе постоянными посѣтителями нашихъ Четверговъ. Бывали также у насъ, а скорѣе приходили ко мнѣ, цензоръ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ, Дмитрій Васильевичъ Каншинъ и Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ.

М. Н. Ремезовъ, большой труженикъ, по окончаніи службы въ цензурѣ, сталъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ журналѣ „Русская Мысль“, въ которомъ занимались переводами его жена и дочь. Сынъ Митрофана Ниловича, полковникъ, въ настоящее время командиръ Самогитскаго полка.

Д. В. Каншинъ устроитель дешевыхъ столовыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ его столовой на Никитскомъ бульварѣ, теперь уже не существующей, Дмитрій Васильевичъ угостилъ разъ П. В. Шумахера и меня вкуснымъ обѣдомъ.

Археологъ Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ занималъ должность хранителя Московской Оружейной Палаты и хранителя христіанскихъ и Русскихъ древностей при Румянцевскомъ Музеѣ. Будучи студентомъ, Юрій Дмитріевичъ описалъ собраніе старинныхъ вещей Карабанова, въ которомъ было много поддѣлокъ, чего тогда онъ еще не вѣдалъ. Карабановское собраніе было приобрѣтено Погодинымъ, а отъ него куплено для Московской Оружейной Палаты. Юрій Дмитріевичъ былъ человѣкъ прямой: занимаясь въ Оружейной Палатѣ, онъ, не стѣсняясь дворцовой прислуги, вслухъ ругалъ своего непосредственнаго начальника, называя его солдатомъ и дуракомъ. Когда К. Т. Солдатенковъ отказался дать деньги на какое-то научное изданіе, то Филимоновъ ему въ лицо сказалъ: „вы не Козьма Медичи, а какой-нибудь Козьма-кучеръ“. Иногда Юрія Дмитріевича можно было застать въ гардеробной Румянцевскаго Музея, гдѣ, сидя въ виць-мундирѣ со звѣздой, онъ курилъ папирсы и бесѣдовалъ со швейцарами-солдатами. Какъ археологъ, Юрій Дмитріевичъ былъ весьма опытный, и у него можно было многому научиться по части археологіи. Съ Юріемъ Дмитріевичемъ

*) А. Н. Стрекалова, урожденная княжна Касаткина-Ростовская, родилась въ 1821 году, семнадцати лѣтъ вышла замужъ за С. С. Стрекалова; умерла въ 1904 году.

чемъ я разбиралъ старинныя ткани и шитье въ складѣ Оружейной Палаты. Жилъ Филимоновъ въ Кремлѣ, у Спасскихъ воротъ, въ домикѣ рядомъ съ гауптвахтой. Въ 1898 году 26 Мая Юрій Дмитріевичъ умеръ въ Сухумѣ.

Въ 1882 году я сдѣлался членомъ Московскаго Англійскаго клуба*), гдѣ уже состояли членами мой отецъ и братъ Николай, и сталъ бывать тамъ на Субботнихъ обѣдахъ.

Между членами клуба было много военныхъ генераловъ: Манзей (старшина), Дукмасовъ, Бискупскій, А. А. Козловъ, графъ Олсуфьевъ, князь М. М. Голицынъ, графъ В. Ө. Келлеръ и другіе. Въ клубъ же познакомился я съ адмираломъ Асланбеговымъ и съ капитаномъ 1-го ранга Калагерасомъ, командиромъ клипера „Наѣздникъ“. На этомъ клиперѣ совершилъ кругосвѣтное плаваніе сынъ Петра Ивановича Бартенева, знакомый мнѣ Иванъ Петровичъ.

*) Московскій Англійскій клубъ—старѣйшій изъ Московскихъ клубовъ, вслѣдствіе того, что во время пожара 1812 года лишился всего своего архива, не знаетъ ни дня, ни года своего основанія. Въ напечатанномъ мною документѣ (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, М. 1898, 5-я часть, стр. 227) „Опредѣленіе Московской Полицімейстерской Канцеляріи, 6 Іюня 1772 года“ сказано, что Англійскій клубъ содержали въ этомъ году Французы Петръ Павловъ Тюлье и Леопольдъ Годеннъ въ Красномъ Селѣ, въ домѣ графа Карла Ефимовича Сиверса. Въ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Каменнаго приезда, упоминается въ Нѣмецкой слободѣ, въ Посланниковой улицѣ, въ домѣ Годенна, „Англійскій Клубъ“. Въ третьемъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1783-й годъ тоже упоминается Англійскій Клубъ въ Нѣмецкой слободѣ. Въ „Копіи съ дѣла о переводѣ Моск. Англійскаго клуба въ домъ князя Ю. В. Долгорукова, 1790 года“ (см. „Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина“, М. 1901, 8-я часть, стр. 427) приведенъ весь уставъ Англійскаго клуба того времени. Въ 1793 году Англійскій клубъ помѣщался въ домѣ княгини Чернаской, между Никольскими и Ильинскими воротами. Слѣдовательно столѣтіе его существованія давно уже миновало. Въ 1802 году Англійскій клубъ былъ открытъ на Петровкѣ, въ домѣ князя Гагарина. (Въ этомъ домѣ теперь помѣщается Ново-Екатерининская больница). Съ Петровки клубъ перешелъ на Большую Дмитровку, въ домъ Муравьева (впослѣдствіи Лицей Каткова, затѣмъ „Салонъ де Варьетэ), а отсюда на Тверскую, въ домъ графа Разумовскаго (прежде домъ писателя Хераскова), гдѣ онъ находится и теперь. Изъ всего вышесказаннаго видно, что Московскій Англійскій клубъ часто мѣнялъ свое помѣщеніе. Въ пятой же части моего „Сборника стар. бумагъ“ (стр. 228) напечатано заявленіе 19-ти членовъ Англійскаго клуба къ старшинамъ этого клуба: „обратиться съ просьбою къ Московскому Военному генералъ-губернатору графу Закревскому, дабы онъ исходатайствовалъ одному клубу Всемилоствѣйшее разрѣшеніе не называться долѣе Англійскимъ Клубомъ, а Московскимъ Собраніемъ“. У меня имѣются: одинъ билетъ Англійскаго клуба, выданный на 1818-й годъ Николаю Ивановичу Тургеневу, и два билета того же клуба 1826 и 1827 г., подписанные старшиной-Англичаниномъ „Thomas Pickersgill“. На всѣхъ этихъ билетахъ въ орнаментальныхъ рамкахъ напечатано: „Знакъ для входа въ Англинское Собраніе“, на такой-то годъ.

Въ Англійскомъ клубѣ были старики-члены, которые обижались, если ктонибудь садился, даже по незнанію, на кресла, на которыхъ они привыкли сидѣть много лѣтъ. Членъ Иванъ Васильевичъ Чижовъ, напоминавшій Фальстафа въ „Виндзорскихъ Кумушкахъ“, пилъ много Шампанскаго, которое въ видѣ пота выходило у него изъ безволосой головы. Старикъ Михайлъ Михайловичъ Похвисневъ, пріятель С. С. Стрекалова, по Субботамъ нарочно садился на краю обѣденнаго стола, съ котораго начинаютъ обносить кушанье и, любя мороженое, сваливалъ себѣ на тарелку громаднѹю порцію, а пуншъ-гласе бралъ пять-шесть бокаловъ. Столѣтній Геннадій Владимировичъ Грудневъ, состоявшій на государственной службѣ уже въ 1812 году, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Когда официантъ спрашивалъ его: „супъ или щи?“ Геннадій Владимировичъ отвѣчалъ: „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ; давай щей“. Отставной гвардіи полковникъ Казаковъ, имени котораго пріютъ для дворянъ находится на Поварской, несмотря на то, что былъ слѣпъ, пріѣзжалъ на Субботніе обѣды. За стуломъ Казакова всегда стоялъ его слуга и накладывалъ ему на тарелку кушанья; Казаковъ же самъ, безъ посторонней помощи, рѣзалъ и ѣлъ. Князь П. В., которому дома, вслѣдствіе запрещенія врача, не давали ни водки, ни закуски, заѣзжалъ въ Англійскій клубъ, чтобы наскоро выпить рюмку водки и закусить, послѣ чего отправлялся домой обѣдать. Богатый, но скупой В. И. Я. пилъ только яблочный квасъ, а вино лишь тогда, когда его угощали. Разъ только, по случаю какого-то радостнаго событія въ его семьѣ, онъ разошелся и спросилъ бутылку Донскаго, которымъ сталъ угощать своихъ знакомыхъ. При этомъ мой отецъ иронически замѣтилъ ему, что „мы не казаки и по случаю такой семейной радости слѣдовало бы выпить настоящаго Шампанскаго“. Анатолій Васильевичъ Каншинъ, съ черной шелковой повязкой на одномъ глазу, извѣстный любитель Цыганъ, носившій прозвище „Цыганскаго Каншина“, со своимъ пріятелемъ Николаемъ Николаевичемъ Дмитріевымъ пили исключительно дорогія вина. Дмитріевъ съ пренебреженіемъ относился къ членамъ клуба, которые играли въ карты по небольшой ставкѣ; „перехватить съ нихъ какую-нибудь сотню рублей“, говаривалъ онъ, „не стоитъ и мараться“. Когда Дмитріевъ проходилъ мимо хора пѣвицъ, пѣвшихъ иногда въ клубѣ, то всегда съ презрѣніемъ показывалъ имъ языкъ.

Московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ тоже посѣщалъ Англійскій клубъ, гдѣ игралъ на билліардѣ съ маркеромъ, или слушалъ Русскій хоръ А. З. Ивановой*).

*) Князь В. А. Долгоруковъ всегда присутствовалъ на предводительскихъ балахъ. На одинъ изъ этихъ баловъ явился молодой человекъ въ красномъ фракѣ, что не по-

Иногда я ходилъ съ отцомъ по Вторникамъ обѣдать въ Купеческій клубъ. Въ то время однимъ изъ членовъ, этого клуба былъ товарищъ прокурора Московскаго окружнаго суда графъ Алексѣй Павловичъ Барановъ, женатый на танцовщицѣ Петербургскаго балета, красивой А. Ф. Веригиной. Графъ Барановъ любилъ острить. Напримѣръ, увидавъ одного своего знакомаго въ шляпѣ съ очень большими полями, онъ сказалъ ему: „вы напоминаете мнѣ Кочубея: „его поля необозримы“. Однажды графъ хотѣлъ сѣсть въ купе вагона желѣзной дороги, но былъ остановленъ кондукторомъ, заявившимъ ему, что купе занято однимъ извѣстнымъ миллионеромъ (Евреемъ); графъ отвѣтилъ: „я не брезгливъ“. Когда графъ встрѣчалъ въ клубѣ Семена Ивановича Лямина, одѣвавшагося довольно эксцентрично, то начиналъ напѣвать на мотивъ „Венеціанскаго Карнавала“: „Се-менъ И-ванычъ Ля-минъ“.....

Малый театръ находился еще въ апогеѣ своей славы. Въ „Свадьбѣ Кречинскаго“ отличались Шумскій и Провъ Михайловичъ Садовскій; въ „Заколдованномъ принцѣ“ былъ неподобенъ Разказовъ; прекрасно исполнялъ роль Француза-гувернера въ пьесѣ „Гувернеръ“—Петровъ, а въ „Ямщикахъ“—старосту старикъ Степановъ¹⁾. Никто не игралъ такъ хорошо свахъ и купчихъ какъ Акимова, а чиновниковъ и лакеевъ—Никифоровъ²⁾. Даже незначительныя роли исполнялись мастерски. Помню, въ одномъ водевилѣ Живокини вынималъ изъ своего кармана дырявый носовой платокъ и, обращаясь къ публикѣ, говорилъ: „у меня такихъ съ полдюжины“. Въ другомъ водевилѣ участвовали на сценѣ музыканты, которымъ Живокини долженъ былъ раздавать ноты; но ноть была всего одна тетрадка; Живокини рвалъ тетрадку на клочки, и эти клочки раздавалъ музыкантамъ.

правилось князю, и полиція попросила красный фракъ удалиться съ бала. На балахъ у князя В. А. Долгорукова въ генераль-губернаторскомъ домѣ ужинъ подавали поздно, когда большая часть гостей уже разъѣдется. Князь спрашивалъ нѣсколько разъ во время бала: сколько остается гостей? И когда находилъ, что уѣхало достаточно, то приказывалъ подавать ужинъ. Одна изъ первыхъ красавицъ, фигурировавшая на тогдашнихъ балахъ, была Марья Семеновна Пустовалова.

¹⁾ Въ прежнее время Степановъ, игравшій въ „Горе отъ ума“ князя Тугоуховскаго, копировалъ извѣстнаго князя Гагарина, который показывался на всѣхъ Московскихъ гуляньяхъ въ коричневомъ фракѣ и со звѣздой. Часто можно видѣть князя верхомъ, во фракѣ и со звѣздой. Въ „Горе отъ ума“ Степановъ сдѣлалъ самъ себѣ парикъ изъ лисьяго мѣха и надѣлъ звѣзду, снятую съ военного чепрака (носить на сценѣ настоящую запрещали). Относительно разныхъ театральныхъ запрещеній тогда и на Западѣ было не лучше, чѣмъ въ Россіи. Напримѣръ, въ Австріи запрещали Мефистофелю надѣвать красное трико, потому что красные штаны носили Австрійскіе генералы. Въ Римѣ, во время папъ, балетныя танцовщицы должны были носить трико зеленого цвѣта.

²⁾ Никифоровъ былъ мастеръ готовить столовую горчицу, которую дарилъ пріятелямъ.

Въ Большомъ театрѣ еще давались маскарады, для чего сцену соединяли съ зрительнымъ заломъ. Въ одномъ изъ этихъ маскарадовъ оказался пьяный господинъ; блюститель порядка, приставъ, увидавъ его, строго обратился къ нему со словами: „я велю васъ сейчасъ вывести“. Пьяный, и безъ того искавшій тщетно выхода изъ театра, съ радостью воскликнулъ: „сдѣлайте милость, буду вамъ очень благодаренъ“.

Въ былое время верхній и нижній Прѣсенскіе пруды соединялись между собою туннелемъ, находившимся подъ Прѣсенскимъ мостомъ. Въ нижнемъ саду былъ выстроенъ театръ, гдѣ Новиковъ содержалъ Русскую оперу. У Новикова пѣла Кадмина, впоследствии кончившая жизнь самоубійствомъ. И. С. Тургеневъ, въ своей повѣсти „Клара Милить“, изобразилъ Кадмину. На открытой сценѣ въ нижнемъ Прѣсенскомъ саду давались разнообразныя представленія и пѣли Француженки.

Въ настоящее время восхищаются постановками піесъ Московскаго Художественнаго театра. Въ 80-хъ годахъ, т. е. лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Москву пріѣзжала Мейнингенская труппа, отличающаяся такъ же, какъ и Художественный театръ, отсутствіемъ выдающихся актеровъ и актрисъ, но зато замѣчательная по сценическимъ постановкамъ. Въ послѣднемъ отношеніи Мейнингенцы пожалуй даже превосходили Художественный театръ. Напримѣръ, въ драматической трилогіи Шиллера „Лагерь Валленштейна“, „Пиколомини“ и „Смерть Валленштейна“ декорации, костюмы, мебель, вся обстановка, до послѣдняго стакана, были археологически вѣрны, чего нельзя сказать о Художественномъ театрѣ, гдѣ напримѣръ, тоже въ драматической трилогіи графа Алексѣя Толстого „Смерть Іоанна Грознаго“, „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ и „Борисъ Годуновъ“ замѣчались нѣкоторые недочеты: на боярыняхъ сарафаны были сшиты изъ Русскихъ матерій конца XVIII и начала XIX в., а на боярахъ одежда, вмѣсто того чтобы быть сдѣлана изъ восточной или западной фасонной бархатной парчи XVI и XVII в., была изъ манчестера, аляповато расписаннаго красками; что касается до декораций, то ихъ иногда ставили слишкомъ близко къ рампѣ, такъ что невольно бросалась въ глаза ихъ грубая техника.

Въ 80-хъ же годахъ въ Солодовниковскомъ пассажѣ былъ театръ, въ которомъ процвѣтала Французская оперетка.

Лѣтомъ 1883 года Московскую публику весьма привлекали скороходы, бѣгавшіе въ саду „Эрмитажъ“ у Лентовскаго. Во время бѣга у одного скорохода лопнули штаны, такъ что было видно голое тѣло. Бѣгали также и женщины; при этомъ изъ толпы слышались громкія

замѣчанія: „понатужься, блондинка!“ и т. п. Ахенбахъ заставлялъ на бульварахъ мальчишекъ бѣгать въ перегонку за деньги. Въ Нижегородской ярмаркѣ (на мѣстѣ, гдѣ бывають скачки) Русскій газетчикъ перегналъ скорохода мистера Кинга.

Въ одинъ прекрасный день поѣхалъ я съ К. А. Тарновскимъ по Рязанской желѣзной дорогѣ къ инженеру Николаю Ивановичу Ильину, въ имѣніе Быково, раньше принадлежавшее графу Воронцову-Дашкову. Быково было продано Ильину всего за 125 тысячъ рублей. Въ барскомъ каменномъ домѣ было все оставлено: мебель, бронза, фарфоръ, библіотека и даже фамилные портреты и вина. Передъ обѣдомъ мы вдвоемъ съ Тарновскимъ ходили въ отлично устроенный винный подвалъ, гдѣ выбрали къ обѣду хорошаго рейнвейна. Въ библіотекѣ оказалось собраніе рѣдкихъ Англійскихъ каррикатуръ.

Въ 1882 году моя сестра Ольга вышла замужъ за Александра Ивановича Юста, который управлялъ имѣніями А. А. Фета*), а потомъ имѣніями Боткиныхъ. Однажды навѣстилъ я Фетовъ въ ихъ имѣніи Воробьевкѣ. Они жили въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ; при домѣ былъ прекрасный вѣковой паркъ, въ которомъ протекала рѣчка Тускаръ. Въ Воробьевкѣ на открытомъ воздухѣ созрѣвали отличные персики-венусы, а Фетовскій поваръ приготовлялъ вкусную яблочную пастилу. Единственное неудобство было страшное количество мухъ, какого я нигдѣ не видывалъ: мухи летали цѣлыми роями по комнатамъ и отъ нихъ чернѣли бѣлыя скатерти на столахъ; поэтому во время чая, завтрака или обѣда деревенскіе мальчишки стояли у стола и махали большими вѣтками.

Въ Воробьевкѣ встрѣтилъ я философа Владимира Сергѣевича Соловьева, гостившаго у Фетовъ, и вмѣстѣ съ нимъ вернулся въ Москву. Изъ Воробьевки же А. А. Фетъ прислалъ моей сестрѣ Ольгѣ слѣдующее стихотвореніе:

Спасибо вамъ, мы вспоминаемъ
Вашъ рѣзвый смѣхъ, съ умомъ живымъ.
Безъ васъ и Май бы не былъ Маемъ
И старый паркъ бы былъ инымъ.
И не перила лишь пестрили
Вы разноцвѣтной чередой,
А всю весну для насъ увили
Вы лентой вѣжно-голубой.

*) А. А. Фетъ владѣлъ тремя имѣніями: Воробьевкой (Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда), Ольховаткой (той же губерніи и того же уѣзда) и Грайворонкой (Воронежской губерніи, Землянскаго уѣзда). По смерти А. А. и М. П. Фетовъ Ольховатка и Грайворонка перешли къ ихъ племянницѣ Ольгѣ Васильевнѣ Галаховой, а Воробьевка къ племянникамъ Петру Дмитріевичу и Сергѣю Дмитріевичу Боткинымъ.

Не только мы, и чай „Колдунья“
 Не разъ вздохнетъ подъ сѣдокомъ:
 Затѣмъ на мнѣ не та летунья,
 А этотъ неподъемный комъ.
 Adieu! счастливо оставаться.
 Юньскій зной у насъ насталь,
 И хоть и лѣнь за дѣло взяться,
 Но Gartenlaube къ вамъ послалъ.

Въ 1883 году мой отецъ вмѣстѣ съ моей сестрой Ольгой купили у Василя Ивановича Лужина, сына бывшаго Московскаго оберъ-полицеймейстера, имѣние Безсоновку, находящееся въ Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда, въ 7-ми верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи „Веселая Лопань“. Вмѣстѣ съ А. И. Юстомъ ѣздилъ я совершать купчую въ Курскъ. Тамъ мы остановились въ лучшей гостинницѣ Монтрезора. Какъ большая часть Русскихъ гостинницъ, такъ и эта оказалась довольно грязноватой. Въ Курскѣ на главной площади смотрѣли мы Русскаго Блондена, ходившаго по канату, натянутому поперекъ площади на значительной высотѣ.

Въ Безсоновкѣ находились барскій домъ съ садомъ, съ небольшимъ прудомъ, со службами, амбарами и скотнымъ и птичьимъ дворами. Какъ въ Малороссіи, бѣлѣли мазанки сосѣдняго села. Мѣстность вокругъ Безсоновки преимущественно степная, черноземная; кое-гдѣ сохранились еще небольшіе дубовые лѣса. Ближайшее отъ Безсоновки имѣние принадлежало генералу Озерову. Въ 12-ти верстахъ находилось имѣние поэта К. К. Случевского, а въ 18-ти верстахъ слобода Борисовка, нѣкогда принадлежавшая фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву. Теперь Борисовка принадлежит графу А. Д. Шереметеву*). Осенью изъ Борисовки тянулись мимо Безсоновки воза съ яблоками. Барскій домъ въ Безсоновкѣ былъ купленъ у Лужина вмѣстѣ съ мебелью; между прочимъ тамъ находились два большіе масляные портрета: одинъ императора Петра Великаго (копія съ Натѣ), а другой—Николая I, подаренный самимъ императоромъ оберъ-полицеймейстеру Лужину. Эти портреты сестра подарила мнѣ. Въ Безсоновкѣ бывалъ я нѣсколько разъ, а также въ Бѣлгородѣ, гдѣ мы съ Александромъ Ивановичемъ останавливались въ грязныхъ номерахъ Шепелева. Въ Бѣлгородѣ сдѣлалъ я съ А. И. Юстомъ визитъ семейству Слатиныхъ, въ которомъ были двѣ взрослыя дочери; одна изъ нихъ, болѣе красивая, вышла потомъ замужъ за Москвича Владимира Владимировича Коншина. Сдѣлали мы также визитъ предсѣдателю Бѣлгородской земской управы

*) Во время беспорядковъ 1905—1906 г. Борисовка была разграблена и вся усадьба сожжена. Погибъ въ огнѣ и домикъ Петра Великаго.

Говорухъ-Отрогу, очень почтенному старику. Въ Бѣлгородѣ же мы ходили въ клубъ, гдѣ ѣли бекасовъ и пили Шампанское. Въ клубѣ я познакомился съ Бѣлгородскимъ уѣзднымъ исправникомъ Павломъ Александровичемъ Сивохинымъ и съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами, батареи коихъ стояли въ Бѣлгородѣ.

Въ Безсоновкѣ Юсты жили въ то время только наѣздомъ, большую же часть года они проводили въ Новотаволжанкѣ (тоже Бѣлгородскаго уѣзда), гдѣ на берегу Сѣвернаго Донца находится свеклосахарный заводъ Боткиныхъ. Не разъ гащивалъ я у Юстовъ и въ Новотаволжанкѣ. Напротивъ Новотаволжанки находилось имѣніе графа Гендрикова „Напрасное“, съ барскимъ домомъ и громаднымъ паркомъ. Изъ Новотаволжанки ѣздилъ я съ Александромъ Ивановичемъ въ ближайшій городъ Волчанскъ и въ нѣкоторыя имѣнія: въ Шебекино, принадлежавшее генералу Ребиндеру, гдѣ тоже былъ свеклосахарный заводъ и гдѣ имѣніемъ управлялъ извѣстный мѣстный дѣятель Краинскій; въ Графское, имѣніе одного изъ графовъ Гендриковыхъ, съ барскимъ домомъ, конскимъ заводомъ и вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ; въ Тихій Хуторъ, купленный Д. П. Боткинымъ, съ прекраснымъ барскимъ домомъ на берегу рѣки Волчей и съ великолѣпнымъ видомъ на окрестности *).

Въ сырую погоду ѣздили мы, гдѣ возможно, песками, а гдѣ приходилось ѣхать черноземомъ,—колеса экипажа сильно вязли и ѣхали съ трудомъ. Разъ поздней осенью, когда уже стемнѣло мы сбились съ дороги; пришлось зажечь фонарь и искать дорогу, которая оказалась перекопанной; въ концѣ концовъ пріѣхали къ какой-то помѣщицѣ, гдѣ были очень радушно приняты.

Ѣздилъ я съ Александромъ Ивановичемъ также на свекловичныя плантаціи и смотрѣлъ, какъ бабы выкапываютъ свеклу. Близъ одной такой плантаціи находился хуторъ, мимо котораго намъ пришлось проѣзжать. Поровнявшись съ домикомъ, вдругъ увидели, къ нашему удивленію, стоящую на крылечкѣ красивую молодую даму въ изящномъ модномъ нарядѣ; странно было видѣть это, среди свекловичныхъ плантацій, а дѣло оказалось очень просто: на хуторѣ жила мать этой дамы, пріѣхавшей изъ Харькова ее навѣстить.

Въ 1881 году состоялась свадьба моей сестры Надежды, вышедшей за товарища прокурора Тульского окружного суда Александра Аристіоновича Мяенова. Въ этомъ же году братъ Николай ушелъ изъ

*) Александръ Ивановичъ Юстъ, замѣчательный сельскій хозяинъ, между прочимъ развелъ въ Безсоновкѣ, Новотаволжанкѣ и Тихомъ Хуторѣ виноградъ, который отлично созрѣваетъ.

нашей фирмы и поступилъ директоромъ въ Даниловскую мануфактуру; изъ отцовскаго дома онъ переѣхалъ на квартиру въ домъ Юліи Адалъбертовны Воейковой, напротивъ храма Христа Спасителя.

Въ 1884 году женился мой братъ Сергѣй на Лидіи Григорьевнѣ Кореновой, а въ 1887 году вышла замужъ моя сестра Антонина за Алексѣя Ильича Лагодина. Въ 1889 году вышли замужъ двѣ мои двоюродныя сестры: Елисавета Дмитріевна Воткина за инженера путей сообщенія Константина Густавовича Дункера, и Надежда Петровна за художника Илью Семеновича Остроухова. Въ томъ же году скончались: моя тетка Софья Сергѣевна Боткина, а вскорѣ за ней и ея мужъ Дмитрій Петровичъ; а затѣмъ умеръ въ Ниццѣ дядя Сергѣй Петровичъ Боткинъ *).

Въ 1882 году отецъ купилъ домъ князя Трубецкаго въ Большомъ Знаменскомъ переулкѣ, заплативъ за него всего 160 тысячъ рублей, при чемъ одной земли при домѣ имѣлось болѣе десятины. Въ 1883 году домъ этотъ былъ сданъ внаймы графу Клейнмихелю за 6 тысячъ рублей въ годъ; но графъ въ немъ не жилъ, и домъ простоялъ пустымъ цѣлый годъ. Въ 1884 году домъ нанялъ за ту же цѣну В. Д. Коншинъ; а въ 1885 году 7 Апрѣля въ домовою церкви этого дома вѣнчался Владимиръ Владимировичъ Коншинъ съ Марьей Николаевной Слатиной, съ которой я познакомился еще въ Бѣлгородѣ.

Мнѣ пришлось дважды быть присяжнымъ засѣдателемъ въ Московскомъ Окружномъ Судѣ: въ 1886 и 1888 годахъ. Предсѣдательствовали на засѣданіяхъ суда обыкновенно Рингъ и Рынкевичъ. Рингъ говорилъ плавно и хорошо резюмировалъ дѣла. Былъ онъ однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей „Салона-де-Варьетъ“. Потомъ Рингъ вышелъ въ отставку и сталъ заниматься адвокатурой. Рынкевичъ, суетливый и бойкій, любилъ обрывать слишкомъ болтливыхъ адвокатовъ. Зимой онъ ходилъ въ лѣтнемъ пальто и спалъ съ открытымъ окномъ.

Въ память ярмарочныхъ обѣдовъ у Никиты Егорова участники оныхъ стали разъ въ мѣсяцъ собираться обѣдать въ „Славянскомъ Базарѣ“, въ отдѣльной залѣ. Главный инициаторъ этихъ обѣдовъ былъ В. С. Перловъ, который заботился, чтобы на нихъ присутствовалъ также женскій элементъ. Василій Семеновичъ былъ въ своемъ родѣ Донъ-Жуанъ, но мало разборчивый: красивыя или некрасивыя, молодыя или старыя, актрисы или горничныя казались ему одинаково хороши.

Однажды вечеромъ В. С. Перловъ затащилъ меня къ моему родственнику Воронину, котораго я совсѣмъ не зналъ. Жилъ Воронинъ

*) Въ 1869 году скончались три мои дяди: Иванъ, Николай, и Василій Петровичъ Боткины.

у Страстного монастыря, въ домѣ, принадлежавшемъ раньше извѣстному Московскому гастроному Рахманову. Войдя въ первую комнату, мы увидали Алексѣя Сергѣевича Мазурина*), дирижировавшаго струннымъ оркестромъ вмѣсто капельмейстера, тутъ же стоявшаго. Въ слѣдующей комнатѣ никого не было; затѣмъ, посрединѣ небольшой комнаты стоялъ круглый столъ и на немъ громадная корзина съ фруктами; и въ этой комнатѣ не было ни души. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ шла азартная игра: на столѣ лежали кучи кредитныхъ билетовъ, самъ Воронинъ держалъ банкъ, и было нѣсколько человѣкъ гостей.

По праздникамъ В. С. Перловъ любилъ устраивать у себя въ домѣ, на 1-й Мѣщанской, завтраки, на которыхъ присутствовали статскіе и военные. Послѣ завтрака ктонибудь изъ гостей игралъ на фортепьяно или пѣлъ. Въ особенности отличался недурно игравшій и пѣвшій, племянникъ министра иностранныхъ дѣлъ, Гирсъ, о которомъ В. С. Перловъ говорилъ, что „его дядя занимаетъ постъ министра, а онъ занимаетъ деньги“, намекая на привычку Гирса просить денегъ займа. Гирсъ пѣлъ „Подъ душистою вѣткой сирени“ и другіе романсы.

У В. С. Перлова было два брата. Иванъ Семеновичъ, владѣлецъ образцовой фермы подъ Москвой, говорилъ лишь о бычкахъ, курахъ, уткахъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Толстопузый Николай Семеновичъ, напоминавшій барскаго кучера, постоянно рассказывалъ Армянскіе анекдоты. Иванъ Семеновичъ и Василій Семеновичъ были холостые, а Николай Семеновичъ женатъ на Марьѣ Кузьминишнѣ Усачевой; онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Василюемъ Семеновичемъ, только въ другой половинѣ, и устраивалъ у себя обѣды, на которые любилъ приглашать полиціймейстеровъ, приставовъ и протодьяконовъ. Живя близъ Сухаревой башни, Николай Семеновичъ былъ всегдашнимъ посѣтителемъ тамошняго воскреснаго рынка, гдѣ покупалъ всевозможныя вещи, старыя и новыя.

*) А. С. Мазуринъ — извѣстный любитель-фотографъ, превосходно снимавшій.

ПИСЬМА 1812 ГОДА.

Графъ К. В. Нессельроде къ тещѣ своей графинѣ Гурьевой ¹⁾.

1.

Вильна, 27 Апрѣля 1812 г.

Кочубей, Шишковъ и Балашевъ присоединились, наконецъ, къ намъ; теперь, не достааетъ одного Армфельдта.

18 Апрѣля. Вчера мы снова говорили съ Николаемъ на счетъ его денежныхъ обстоятельствъ. Выяснилось, послѣ сдѣланнаго нами полнаго всему подсчета, что ему необходимо, даже при самой большой бережливости, отъ 800 до 1000 р. въ мѣсяцъ, пока его лошади не перейдутъ на казенный кормъ. Съно въ здѣшнихъ мѣстахъ 1 р. 10 к. сер. за пудъ, такъ что многіе говорятъ, что скоро будетъ выгоднѣе давать лошадямъ чай. Николай надѣется, что всѣ наши убытки покроются вскорѣ выгодными предпріятіями Александра ²⁾.

2.

Графъ К. В. Нессельроде къ своей супругѣ.

Вильна, 13 Мая 1812.

Графъ Левъ Потоцкій передастъ тебѣ, дорогой другъ, 4 пакета. Онъ вполне приличный человекъ и не безъ ума, кажется. Постарайся, чтобъ съ нимъ обошлись съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ на время войны, и чтобъ отдалиться отъ Польскихъ происковъ.

¹⁾ Графиня Гурьева, рожденная Салтыкова. П. Б.

²⁾ Графы Николай и Александръ Дмитріевичы Гурьевы, сестра которыхъ, графиня Марія Дмитріевна незадолго перель тѣмъ вышла за графа К. В. Нессельроде. П. Б.

Со времени нашей разлуки это первый вѣрный случай, которымъ я пользуюсь, чтобъ поговорить съ тобой, безъ стѣсненій, обо многомъ. что я не рѣшался довѣрить фельдегерю, зная, изъ достовѣрнаго источника, какъ всѣ письма вскрываются. Почта, по прибытіи въ Петербургъ, доставляется Вязмитинову, гдѣ ее такъ перебираютъ, что одинъ восторгъ! Состояніе печатей на твоихъ письмахъ доказываетъ мнѣ, что и они не избѣгаютъ общей горькой участи. Поэтому, умоляю тебя, не касайся политики, развѣ только черезъ самыя вѣрныя руки. На счетъ этого подозрительны больше, чѣмъ когда либо, и я имѣлъ много доказательствъ тому, за время моего пребыванія здѣсь.

Мое личное положеніе продолжаетъ быть какъ нельзя лучше, не смотря на сильную стычку мою съ канцлеромъ Румянцевымъ, въ которой побѣда осталась за мной, чего онъ не проститъ мнѣ во вѣки. Здоровье его плохо какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но подобная агонія затяжная въ томъ и другомъ отношеніи. Другъ его Аракчеевъ болѣе чѣмъ когда либо хорошо принятъ при дворѣ, и вѣроятно вернется на свое прежнее мѣсто. Фельдмаршалъ Гудовичъ подалъ въ отставку, и Растопчинъ замѣтилъ его. Генералъ Эссенъ получить Рязскую губернію, а князь Лобановъ другую должность. Боюсь, что ему дадутъ роль примирителя¹⁾, такъ какъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, что намъ будетъ въ томъ надобность. Вѣсти изъ Германіи самыя миролюбивыя, а Великій Мужъ, принявшій такъ хорошо все, что доставилъ Сердобинъ²⁾, только затѣмъ и пріѣхалъ въ Дрезденъ, чтобъ заключить миръ. Внуши ему, Боже, подобное намѣреніе, и ничто не помѣшаетъ ему остаться на вѣки вѣрнымъ этому намѣренію.

Я достовѣрно узналъ здѣсь, что, по прежнему, впутываются въ государственныя дѣла, что Кампенгаузенъ ведетъ очень дѣятельную переписку прямо съ Государемъ на счетъ финансовъ, а Розенкамъ съ барономъ Армфельдомъ; что Голубцовъ, тайкомъ, душа всей этой каверзы, и очень хлопочетъ вернуться на свое прежнее мѣсто³⁾. Для твоего отца я болѣе всего желаю, чтобъ Голубцовъ успѣлъ въ своихъ хлопотахъ, но для Россіи всего менѣе⁴⁾. Это несчастное министерство принесло бы твоему отцу, на случай войны, много непріятностей, а

1) Т. е. примирителя съ Наполеономъ, какъ тотъ же князь Лобановъ заключалъ миръ пять лѣтъ тому назадъ въ Тильзитѣ. П. Б.

2) Незаконный сынъ князя Куракина, который былъ нашимъ посломъ при французскомъ дворѣ. П. Б.

3) Т. е. быть министромъ финансовъ. П. Б.

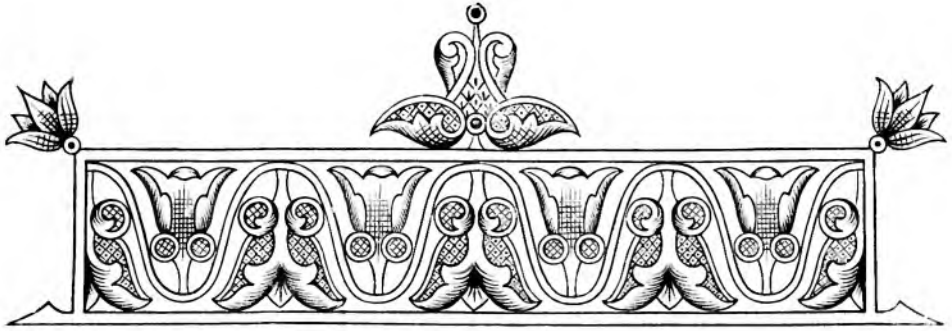
4) Графу Д. А. Гурьеву († 1825) довелось оставаться министромъ финансовъ еще слишкомъ десять лѣтъ, и въ этомъ государственная его заслуга. П. Б.

положеніе его такое, что не видишь, какъ бы онъ изъ него вышелъ. Мнѣ кажется, однако, что онъ долженъ всегда имѣть эту мысль въ виду: въ концѣ концовъ и при неутомимомъ своемъ искусствѣ, онъ, безъ сомнѣнія, достигъ бы своей цѣли.

Точно также стараюсь я не терять свою цѣль. Всегда есть и будутъ назначенія въ Россіи. Я никогда не заблуждаюсь на счетъ моего настоящаго положенія, какъ оно ни блестяще и какъ ему ни завидуютъ. Надѣюсь, что Господь пошлетъ мнѣ силу воли и здравый смыслъ, чтобъ не податься обольщеніямъ. Я счастливъ, что ты, дорогой другъ, одинаково мыслишь со мной относительно этого. Меня болѣе всего прельщаетъ, въ случаѣ заграничной миссіи, возможность быть всегда съ тобой.

Извлечено и переведено съ Французскаго изъ Архива графа Нессельроде, изданнаго внукомъ его графомъ Анатоліемъ Дмитріевичемъ. Читатель припомнить, что эти письма писаны почти наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію. Осторожный, исполнительный и дѣятельный графъ Нессельроде оставался на своей должности до Парижскаго мира (1856). Писано за мѣсяць до нашествія Наполеона на Россію. П. Б.

ПОЖАРЪ МОСКВЫ¹⁾.

Пожаръ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!..
Лишь тотъ великій огонь съ тобой сравнится,
Которымъ міръ испепелится,
Который царства все пожретъ.

Вайронъ.

Когда уже столица начала пустѣть, улицы ея были наполнены только отъѣзжавшими изъ нея, или обозами съ военными снарядами и ранеными: тогда изъ Вѣнѣнїа прибылъ митрополитъ Платонъ въ послѣдній разъ взглянуть на любезную ему Москву. Говорятъ, что онъ хотѣлъ было ѣхать на Бородинское поле, или на Поклонную гору, и благословеніемъ своимъ одушевить воинство къ битвѣ за Москву. Приѣхавъ въ Чудовъ монастырь, 28-го Августа, онъ сѣлъ въ креслахъ на входномъ крыльцѣ и долго со слезами смотрѣлъ на Кремль, какъ-будто прощаясь съ нимъ и какъ будто предчувствуя свою вѣчную съ нимъ разлуку и его жребій²⁾.

Преосвященный Августинъ, навсегда простившись съ благодѣтелемъ своимъ³⁾ на Троицкомъ подворьѣ и проводивъ его до самой кареты, занимался по духовной части распоряженїями, какія тогда можно было сдѣлать. Между прочимъ, для предупрежденїя тревоги и смятенїя, онъ

¹⁾ Это записъ П. М. Сибирева. Онъ ее напечаталъ въ своей (нынѣ рѣдкой) книгѣ: „Очерки жизни Московскаго архіепископа Августина“. М. 1848, стр. 30 и слѣд. Подробности записаны вѣроятно со словъ самого Августина. П. Б.

²⁾ Митрополиту Платону шель 76-й годъ отъ роду. Онъ одаренъ былъ художественнымъ чувствомъ и любилъ всяческую картинность. П. Б.

³⁾ Р. е. съ митрополитомъ Платономъ, при которомъ онъ былъ викаріемъ. П. Б.

велѣлъ заперать колокольни при церквахъ, убирать ризницы, не касаясь вышнихъ украшеній въ церквахъ, самъ выдавалъ виды для выѣзда изъ Москвы священно и церковно-служителямъ, которые тогда безпрестанно обращались къ нему съ просьбами и вопросами. Непрiятель уже подъ самую Москву, но мысль объ отдачѣ ему древней столицы далека была отъ жителей Московскихъ; они молились, надѣялись на силу и храбрость воинства, вѣрили двухъмысленнымъ обнадеживанiямъ Растопчина и сами готовились отстаивать грудью престолъ Царя, святыню храмовъ, могилы предковъ, колыбели дѣтей, честь женъ: ожидали сраженiя подъ стѣнами столицы и даже на улицахъ, съ тѣмъ убѣжденiемъ, что и пастыръ ихъ не отречется душу свою положить за овцы своя. Вспомнили тѣ времена, когда святители выступали съ св. иконами и крестами на стѣны осажденныхъ городовъ, на поле битвы, и силою молитвы низлагали враговъ отечества. Главными дѣйствующими лицами въ Москвѣ были архіерей, еще только викарiй митрополiи, завѣщавшій отъ Св. Синода, и главнокомандующiй, которому приказана была Царемъ Москва. Народъ ждалъ и смотрѣлъ, что они станутъ дѣлать, слушалъ проповѣди одного, читалъ воззванiя другаго.

Наконецъ Растопчинъ, по совѣщанiи съ преосвященнымъ Московскимъ, рѣшился идти на Три-Горы съ крестнымъ ходомъ для приготовленiя и благословленiя народа и воинства къ рѣшительной битвѣ, которую предполагали дать непрiятелю, не вѣдая еще тайнаго плана Кутузова и настоящаго положенiя Русской армiи. „Москва и армiя“, тогда доносилъ Растопчинъ Государю, „соединятся для спасенiя Россiи“ *). Между тѣмъ въ деревнѣ Филяхъ, предъ самою столицей, въ военномъ совѣтѣ, Кутузовымъ рѣшено уступить Москву Наполеону безъ боя. Это было вечеромъ въ Воскресенье, 1 Сентября, наканунѣ вступленiя непрiятелей въ Москву, чрезъ которую уже начали отступать наши войска въ тотъ же день на Коломенскую и Калужскую дороги, когда церковь, празднуя новолѣтiе, молила о „лѣтѣ Господнемъ прiятномъ“ и когда Москвѣ предстояла година тяжкаго испытанiя. Августинъ, совершивъ въ Успенскомъ соборѣ литургiю, со слезами молилъ Господа о низложенiи врага, о спасенiи Москвы и Россiи. Соборъ полонъ былъ народа и рыданiй: казалось, что все остальные жители Москвы собрались оплакивать предстоящiя, но еще непредвидѣнные ими бѣдствiя. По окончанiи литургiи, преосвященный, складывая по

*) Карамзинъ, отправивъ семейство свое и бумаги въ Нижнiй, оставался у графа Растопчина и готовился принять участiе въ подмосковномъ бою, для чего была у него и лошадь. П. Б.

чинуположенію антиминосъ, промолвилъ: „Скоро-ли Богъ удостоить насъ служить въ семь храмѣ?“

Изнуренный отъ трудовъ и сердечнаго волненія, онъ едва могъ изъ собора проѣхать среди разныхъ обозовъ на Савинское подворье и тамъ ожидать извѣстія отъ Растопчина, когда должно будетъ идти ему съ крестнымъ ходомъ на Поклонную гору, чтобы благословить Московскую дружину на рѣшительную битву за Москву. Озабоченный участію своей паствы, преосвященный безпрестанно посылаетъ къ нему навѣдываться; отвѣчаютъ ему не прямо, двусмысленно. Официальныя и народныя извѣстія, слухи и дѣйствія противорѣчили одни другимъ: потому что дальновидный Кутузовъ долго скрывалъ отъ Растопчина приговоръ военнаго совѣта, рѣшившій судьбу столицы. Между тѣмъ близъ Поклонной горы дѣлались укрѣпленія, войска наши стояли у Дорогомиловской заставы, а Московскіе жители—одни торопились выѣзжать и выходить съ семействами изъ столицы, другіе тѣснились въ Кремль у Арсенала, запасаясь оружіемъ, чтобы, по воззванію Растопчина, идти съ архіереемъ на битву противъ врага. Никто почти не сомнѣвался въ близкомъ сраженіи подъ Москвою и даже въ самой Москвѣ; но едва-ли кто воображалъ, что она будетъ предана врагу и огню, какъ искупительная жертва за отечество. Растопчинъ тогда увѣрялъ, что „жизнію своею отвѣчаетъ, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ“. Многіе готовились къ смерти напугетвованіемъ себя Св. Тайнами. У воротъ Савинскаго подворья толнился народъ; одни кричали: „непріятель вступаетъ въ Москву“, а другіе: „Англичане идутъ къ нашимъ на помощь“; спрашивали объ архіереев, скоро ли пойдетъ онъ съ ними на Три Горы? Преосвященный оставался только съ нѣкоторыми духовными особами и секретаремъ своимъ; онъ приказываетъ запереть ворота подворья и на всякій случай готовить лошадей. Въ такомъ томительномъ ожиданіи и нерѣшимости настаетъ вечеръ. Непріятельскіе отряды уже появляются въ окрестностяхъ заставъ Московскихъ; слышны и выстрѣлы, и музыка; а народъ собравшійся на Трехъ Горахъ, ждетъ главнокомандующаго и архіерея съ крестнымъ ходомъ, порывается постоять за матушку свою Москву, какъ будто гореть различно вооруженныхъ гражданъ могла одолѣть полчища Наполеона!

Наступила темная осенняя ночь; въ 11 часовъ пріѣзжаетъ къ Августину чиновникъ отъ гражданскаго губернатора Обрѣзкова съ извѣстіемъ, что „непріятель у самой Москвы и что губернаторъ передъ выѣздомъ своимъ проситъ себѣ благословенія у преосвященнаго“. Это смутило пастыря и въ тоже время увѣрило, что ему уже нечего болѣе

ожидать. Велить готовить себѣ экипажи; но нельзя было ему ни выѣхать, ни оставаться безъ рѣшенія отъ главнокомандующаго. Наконецъ, въ слѣдъ за тѣмъ получаетъ онъ письмо отъ графа Раstopчина, что „Москва сдается Наполеону и что Московскому преосвященному назначень для выѣзда безопасный путь на Владимиръ съ тремя св. иконами, Владимирскою, Иверскою и Смоленскою“. Была уже полночь. Тотчасъ посылаетъ онъ Перервинскаго настоятеля Лаврентія взять изъ часовни у Воскресенскихъ воротъ образъ Иверской Богоматери, а секретарю своему Малюновскому поручаетъ привезти къ себѣ образъ Владимирской Богоматери изъ Успенскаго собора; икона же Смоленской Богоматери уже вывезена была изъ Москвы преосвященнымъ Принемъ. Когда съ предосторожностію, въ то время необходимою, доставлены были св. иконы на подворье и помѣщены въ экипажъ: тогда Августинъ, помолившись въ домовоѣ церкви, благословилъ всѣхъ и, надѣливъ деньгами оставшихся тамъ людей, эконома Іону и священника Іоанна, отправляется изъ Москвы въ два часа по полуночи, на 2 Сентября. Ему сопутствовали нѣкоторыя духовныя особы и секретарь.

Вокругъ столицы цылали уже села и деревни, зарево страшно разливалось по небосклону во мракъ ночномъ и освѣщало ея улицы; по Смоленской дорогѣ издали видны были огни въ таборахъ, изрѣдка раздавались выстрѣлы пушечные и ружейные; тащились раненые въ Москву, а изъ Москвы по Владимирской дорогѣ тянулись обозы жителей Московскихъ, пушки изъ Арсенала: крестьяне и ратники сопровождали отряды плѣнныхъ Французовъ, толпились пѣше въмѣстѣ съ конными; по ней ѣхалъ и нашъ архипастырь и долженъ былъ иногда слышать несправедливые укоры и даже угрозы отъ встрѣчавшихся по дорогѣ крестьянъ за то, что покидаетъ паству свою и бѣжитъ какъ наемникъ; тогда и всѣхъ выходцевъ упрекали, что „они продали ее“. Но это былъ патриотическій ропотъ Русскихъ, нечаявшихъ, чтобъ пожертвованіемъ Москвы можно было спасти Россію, и представлявшихъ себѣ въ стѣнахъ древней столицы все отечество свое. Въ 25 верстахъ отъ столицы преосвященный встрѣтился и переговорилъ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, который съ ополченіемъ шелъ было къ Москвѣ, не зная еще, что она сдана неприятелямъ. На пути своемъ, часто обращая назадъ взоры свои, Августинъ и за сто верстъ отъ Москвы видѣлъ надъ нею ночью ужасное зарево.

Оставимъ викарія Московскаго на пути его къ древней Митрополіи Россіи и столицы, посмотримъ, что станется съ Москвою, которая была позорищемъ сценъ совсѣмъ иного рода.

Наступил роковой для Москвы Понедѣльникъ, втораго Сентября, когда еще наши войска продолжали отступать черезъ нее, жители выѣзжать и выходить, покидая свои дома и большую часть имущества. Древняя столица представляла картину какого-то переселенія, или какъ тогда солдаты говорили: „Москва въ походъ пошла“; но куда, за чѣмъ надолго-ли, никто не вѣдалъ, такъ какъ и того, что будетъ съ Москвою и что станеть съ ними?¹⁾ Въ рѣдкихъ церквахъ слышенъ былъ благовѣстъ къ обѣднѣ; опустѣли площади и улицы. Вдругъ среди самаго благовѣста къ вечернѣ на Ивановской колокольнѣ появились непріятельскія войска въ Троицкихъ и Никольскихъ воротахъ Кремля, гдѣ ихъ встрѣтила ружейными выстрѣлами толпа Русскихъ, обречшихъ себя на смерть за свою родную Москву²⁾.

Съ самаго вступленія въ Москву Наполеоновыхъ войскъ, ночью загорѣлись въ Китаѣ Гостинный дворъ и ряды, а на другой день, 3 Сентября, едва вошелъ Наполеонъ въ Кремль, какъ въ 7 часу пополудни, запылали москательныя лавки, масляные ряды и Зарядье въ Китаѣ, потомъ Балчугъ³⁾, Каретный рядъ въ Земляномъ городѣ, зажженный хозяевами лавокъ; напослѣдокъ, ночью, пожаръ распространился по всему городу, пламя лилось быстрымъ потокомъ изъ улицы въ улицу, изъ одной части въ другую, носилось клубами и языками надъ городомъ и рѣкою, искры и головни сыпались дождемъ; между тѣмъ бушевалъ и крутилъ ужасный вихорь. Казалось, Москва превратилась въ огнедышащую гору и пламенную лаву. Оставшіеся тогда жители думали, что свѣту преставленія настало. Безмолвіе въ городѣ прерывалось то трескомъ обрушавшихся зданій, то изрѣдка слышимымъ набатомъ на колокольняхъ, то выстрѣлами непріятелей, то воплемъ Москвичей, которые укрывались въ домахъ еще негорѣвшихъ, и какъ скоро огонь обхватывалъ ихъ убѣжища, они бросались изъ одного мѣста въ другое, задыхаясь отъ дыма, преслѣдуемые пламенемъ и врагами, которые ихъ грабили и поражали. Но можно ли вполнѣ изобразить весь ужасъ, все бѣдствіе, которое тогда испытала Москва?

¹⁾ Еще не совсѣмъ разсвѣло, когда Кутузовъ пробирался отъ Дорогомиловской заставы съ провожатыми, которыхъ далъ Растопчинъ. Они встрѣтились у Яузскаго моста, по которому шли наши войска. Вотъ предметъ для художника. П. Б.

²⁾ Первыми направлены были въ Кремль Польскіе отряды великой арміи. Они безъ разбору избивали столпившихся тамъ у Арсенала Москвичей. П. Б.

³⁾ Балчугомъ не въ одной Москвѣ называлось топкое мѣсто. Московскимъ балчугомъ доселѣ называется пространство между двумя мостами Москворѣцкимъ и тѣмъ, что надъ канавою. П. Б.

Такъ трое сутокъ горѣла она и еще не вся сгорѣла: въ ночь съ 5 на 6 Сентября запылало все Замоскварѣчье, и пламя его слилось въ одну ярко-багряную массу. Обширѣйшій и величественнѣйшій городъ тогда представлялъ груды каменьевъ, пепла и курившихся головень; цѣлыя улицы домовъ превратились въ смядныя пожарища, гдѣ опаленныя трупы человѣческіе лежали вмѣстѣ съ конскою падалью. Нѣсколько церквей сдѣлалось добычею пламени, а уцѣлвшія были жертвою грабительства и поруганія. Въ оставленныхъ священнослужителями и запертыхъ церквахъ грабители-непріятелн выламывали двери и вторгались въ нихъ обдирать со св. иконъ золото и серебро, спарывать позументы съ облаченій, искать скрытыхъ драгоценныхъ утварей. Гдѣ они встрѣчали при церквахъ священниковъ съ причетомъ, били и мучили ихъ, чтобы выпытать, гдѣ у нихъ спрятаны церковныя сокровища, и нѣкоторые изъ нихъ живогъ свой положили за святыни храма. Нерѣдко священниковъ, діаконовъ и причетниковъ брали подъ ношу, какъ вьючныхъ скотовъ. Кажется, что храмы Божіи въ Москвѣ болѣе испытали поруганія отъ питомцевъ Революціи, ревнителей Реформаціи и Католицизма, нежели человѣческія жилища; многіе, уцѣлвшіе отъ пожара, обращены въ казармы, амбары, конюшни и бойни, гдѣ повторялись тѣже буйства и мерзости, какія видѣла Москва назадъ тому два вѣка при Полякахъ. Враги Россіи были закоренѣлыми врагами и отечественной нашей Церкви, которая столько вѣковъ ратовала противъ замысловъ Папизма и Уніи, противъ покушеній Лютеранства и Западнаго нечестія. И предъ глазами Наполеона въ Кремлѣ поругана была святыня, и онъ издѣвался надъ старымъ священникомъ Михаиломъ Пылаемъ, приказавъ насильно облачить его въ архіерейскую одежду среди Успенскаго собора, чтобы видѣть изображеніе Россійскаго іерарха. Но, не взирая на все ужасы пожара и неистовство враговъ, не взирая на грозившую отечеству опасность, нѣкоторые изъ оставшихся въ Москвѣ іереевъ совершали въ церквахъ божественную службу безъ звона, напутствуя Св. Тайнами жителей, ежечасно ожидавшихъ себя смерти.

Какъ Троицкое, такъ и Савинское подворье, преданы были грабежу и пожару, отъ коего уцѣлѣла на воротахъ икона Преподобнаго Саввы. На послѣднемъ экономя и священникъ испытали жестокія истязанія и побой отъ враговъ. Въ архіерейскихъ покояхъ, тогда не сгорѣвшихъ, поселились комендантъ и три маіора.

Между тѣмъ непріятелн въ Москвѣ спрашиваютъ: гдѣ архіерей Московскій? Гдѣ митрополить Платонъ? Тогда Платонъ жилъ въ Мах-

рицскомъ монастырѣ и молился о спасеніи Россіи: а преемникъ его, 5 Сентября, прибылъ во Владимиръ съ тѣмъ самымъ образомъ, который, назадъ тому четыре вѣка, отсюда взятъ былъ въ Москву, чудесно избавленную отъ свирѣпства Тамерлана. По свидѣтельству лѣтописцевъ, Владимирскіе жители тогда плакали, отпуская сію чудотворную икону, а теперь среди общей печали возрадовались, опять встрѣтивъ ее въ городѣ своемъ. По просьбѣ преосв. Ксенофонта и жителей и по распоряженію преосв. Августина, тамъ ежедневно носили св. икону по городу съ крестнымъ ходомъ. Общее чувство сердечнаго умиленія и сближеніе душевное въ несчастіи проявились въ общемъ моленіи, слезахъ и рыданіяхъ.

Изъ Владимира, куда собрался жители древней столицы и другихъ городовъ, преосвященный Августинъ отправился въ Муромъ, куда прибылъ 10 Сентября, съ чудотворными иконами Владимирской и Иверской, тамъ помѣщенъ былъ въ настоятельскихъ келліяхъ Благовѣщенскаго монастыря, куда явились къ нему съ привѣтвіемъ почетнѣйшіе жители Мурома. За преосвященнымъ Московскимъ постѣдовали многіе изъ паствы его, не желая никакъ разлучиться съ пастыремъ своимъ; самъ опечаленный, онъ долженъ былъ утѣшать огорченныхъ и подавать имъ примѣръ твердости духа въ бѣдствіи. Не имѣя извѣстій объ отправленныхъ имъ ризницахъ, онъ весьма беспокоился до тѣхъ поръ, пока не получилъ достовѣрныхъ свѣдѣній, что онѣ благополучно привезены въ Вологду и тамъ помѣщены въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ. Заботясь о судьбѣ родины своей и вмѣстѣ паствы, Августинъ писалъ въ главную квартиру къ князю Кутузову, отъ котораго получилъ 25 Сентября утѣшительныя обнадеживанія и часть отбитаго у непріятелей церковнаго серебра, между прочимъ и утвари, принадлежавшей Римско-Католической церкви, какъ доказательство, что враги не щадили и церквей своего неповѣданія.

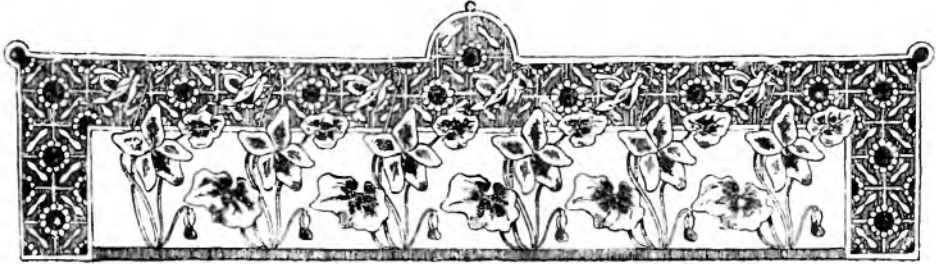
Уже оканчивался сорокодневный срокъ буйству и неистовству враговъ въ Москвѣ, но еще мѣра ея испытанія не исполнилась. Предъ выходомъ своимъ изъ древней столицы, Наполеонъ умыслилъ разрушить священный Кремль, съ тѣмъ, чтобы истребить всѣ памятники Русской отечественной древности, славы и святыни, чтобы расторгнуть всѣ связи Россіи съ ея сердцемъ—Москвою. Въ ночь на 6 Октября, Наполеонъ выѣхалъ изъ столицы. Наканунѣ выступленія непріятелей изъ Москвы, на 11 Октября, около полуночи, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ очевидцевъ, въ 10 часовъ ночи, началось приготовленное Наполеономъ взорваніе Кремля: около стѣнъ его копали рвы, подкапывали бочки съ порохомъ подъ зданія его, зажжены и скоропалитель-

ные фитили, проведенные отъ одного подкопа къ другому. Въ это самое время загорѣлся Кремлевскій дворецъ съ Грановитою палатою. Пять ужасныхъ взрывовъ сѣдовали одинъ за другимъ: они разрушили только Арсеналь и верхъ Никольской башни, южную часть Никольской стѣны съ тремя башнями, Филаретовскую, Колокольную и Рождественскую въ ней церковь. Иванъ-Великій всколебался, треснулъ, но устоялъ: всѣ соборы, церкви и монастыри въ Кремлѣ уцѣлѣли отъ взрывовъ съ Грановитою палатою и Теремнымъ дворцомъ. Сии ужасные, неожиданные взрывы, далеко отозвавшіеся во всѣхъ концахъ и окрестностяхъ Москвы, сперва почтены были за землетрясеніе. Отъ нихъ разсѣдались и падали каменные стѣны обгорѣвшихъ зданій; не только лопались стекла, но и выпадали самыя оконницы и двери въ домахъ; бревна и камни летали по городу; людей кидало съ одного мѣста на другое. Въ это самое время, среди безоблачнаго неба, нахлынувшій дождь и груды каменьевъ и земли отъ взрывовъ остановили дѣйствіе прочихъ подкоповъ въ Кремлѣ, изъ коихъ вынута 60 бочекъ пороха. Наставшій день послѣ страшной ночи освѣтилъ полуразрушенный Кремль, слѣды бѣгства враговъ и появленіе Русскихъ войскъ въ Москвѣ.

На третій день, утромъ, въ Страстномъ монастырѣ раздался первый благовѣстъ къ божественной литургіи и благодарственному молебну, повторенный, по условленному знаку, на всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольняхъ и не слышанный въ Москвѣ сорокъ дней. Это было торжественнымъ благовѣстіемъ для собравшихся жителей Москвы, которые восклицали: „Слава Богу, матушка наша Москва очнулась“.

Въ Муромѣ еще не вѣдали всѣхъ печальныхъ подробностей о Москвѣ; но слышали только объ освобожденія ея отъ враговъ: 18 Октября Августинъ получилъ отъ графа Раstopчина радостную и вмѣстѣ прискорбную вѣсть, что „Москва разграбленная и сожженная освобождена отъ враговъ, и что враги бѣгутъ и преслѣдуются“. Вѣсть сія тогда была благодатнымъ дождемъ послѣ долговременной засухи. Весь Муромъ подвигся отъ радости; всѣ, знакомые, другъ друга поздравляли, обнимали и плакали. Сии чувства раздѣлялъ и Августинъ съ жителями древняго города. Муромскіе жители и Московскіе странники стекались въ соборный храмъ для принесенія благодаренія Господу, Спасителю Россіи; туда же прибылъ и Августинъ. Предъ совершеніемъ литургіи, прочтено было письмо графа Раstopчина, а послѣ литургіи, преосвященный въ рѣчи своей, обращенной къ жителямъ Мурома, высказалъ тѣ чувства, какими объято было тогда его сердце.

Забота графа С. Р. Воронцова о нашемъ солдатѣ.

Прославившійся въ должности Русскаго посла въ Англии, графъ С. Р. Воронцовъ, въ первую Турецкую войну Екатеринына царствованія отличился въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ. Имъ вѣроятно не безъ участія графа Румянцева-Задунайскаго, составленная нижеслѣдующая

инструкція господамъ ротнымъ командирамъ*).

Три года тому назадъ хотя и предписана была господамъ ротнымъ командирамъ инструкція касательная до обученія солдатъ и до прочаго, но какъ опытами и временемъ много мною отмѣнилось, иное пропущено, иное, за настоящимъ нынѣ военнымъ временемъ, неспособнымъ мнѣ оказаться: для чего вышеозначенная инструкція назадъ отбирается, а сію новую къ непремѣнному и наиточнѣйшему исполненію господамъ ротнымъ командирамъ здѣсь предлагаю.

1-е.

Излишнимъ я почитаю распространяться о субординаціи, ибо объ оной ясно и пространно въ Военномъ Уставѣ и въ Военныхъ Артикулахъ показано, а упомяну только, что между тѣми артикулами, кои до солдатъ принадлежать (кои здѣсь ниже показаны будутъ и кои дважды еженедѣльно всѣмъ строевымъ чинамъ господа ротные командиры читать и толковать имѣють), 27-й артикулъ 3-ей главы наипаче утверждать и толковать своимъ подчиненнымъ. Вслѣдствіе онаго наблюдать субординацію, чтобъ рядовой предъ ефрейторомъ, оный предъ капраломъ, капралъ предъ унтеръ-офицеромъ, а сей предъ сержантомъ и такъ далѣе во всѣхъ чинахъ роты, младшій предъ старшимъ, во

*). Печатается со списка, который сохранился у потомка одного изъ ротныхъ командировъ. П. Б.

всѣхъ дѣлахъ по службѣ встрѣчающихся въ страхѣ, повиновеніи, покорномъ послушаніи и безмолвіи неотмѣнно всегда находился: а въ противномъ случаѣ никто изъ преступниковъ наказанъ въ ротѣ быть не можетъ, а представленъ быть имѣеть къ полку, поелику опричь того что за такое преступленіе наказаніе долженствуетъ быть наипесточайшее и такое какое въ ротѣ учинить не можно, сіе наказаніе сверхъ того должно быть публичное и въ виду всего полка учиненное, дабы примѣромъ одного всѣ прочіе воздержались. Вслѣдствіе той же субординаціи отнынѣ впредь и навсегда воспрещается чрезъ младшихъ старшихъ наказывать, то есть если проступится ефрейторъ или кап-раль, то не приказывать рядовымъ его бить палками и такъ далѣе, а приказывать чинить наказаніе чрезъ унтеръ-офицера, унтеръ-офицеръ чрезъ сержанта, сей чрезъ старшаго сержанта, а сего послѣдняго самъ только ротный командиръ наказывать имѣеть: ибо сіе противно военному порядку, и оный совсѣмъ развращаетъ, когда младшій, долженствующій всегда бояться и почитать старшаго, можетъ иногда имѣть случай бить онаго и хотя онъ по приказу вышняго командира сіе дѣлаеть, однако же того, котораго онъ билъ внутренно уже почитать много не можетъ. Сіе установленіе необыкновенно у насъ въ службѣ: но какъ я его наиважнѣйшимъ почитаю, то и исполненіе онаго весьма строго выскпывать буду.

2-е.

Прежде нежели приступитъ къ поученію до разума и разужденія солдатъ принадлежащему, объяснить нужно все что до тѣла ихъ касается. Чистота, опрятность суть вещи, кои неотмѣнно отъ нихъ требовать, выскпывать и толковать имъ должно, для чего оныя выскпываются: ибо первая сохраняетъ ихъ здоровье, другая даетъ имъ видъ пріятный и благородный. И для того заставлятъ каждого неотмѣнно ежедневно умывать лицо и руки, чесать голову, промывать глаза, полосать ротъ, стричь у рукъ ногти еженедѣльно два раза, ноги мыть разъ въ недѣлю, дважды въ мѣсяць стричь у ногъ ногти на квартирахъ, всякую недѣлю разъ ходить въ баню, а въ лагерѣ, когда есть рѣка, купаться. Еженочно, какъ въ квартирѣ, такъ и въ лагерѣ, разуваться; ибо изъ лѣности иной того не дѣлая такъ себѣ натираеть ноги, что на оныхъ дѣлаются раны, и съ трудомъ потомъ залечить ихъ можно; подъ нитяные чулки или такъ на голую ногу подъ сапоги ничего шерстяного, гаруснаго и бумажнаго носить не дозволяется, поелику все сіе для тѣла есть вредное, причиняеть чесотку и при наималѣйшемъ оцарапливаніи растравливаетъ раны большія и глубо-

кія, и затѣмъ такія одежды носить всегда сверхъ нитяныхъ чулокъ или холстинныхъ обертковъ, ибо одно только описное или посконное полотно или нитяныя чулки для тѣла здоровы. Рубахи перемѣнять бѣлыя по крайней мѣрѣ не рѣже какъ два раза въ недѣлю; сіе, кромѣ того что для здоровья нужно, но и для экономіи ихъ сходно: ибо рубахи болѣе отъ долгой носки на тѣлѣ нежели отъ частаго мытья дерутся. Опрятность состоитъ въ томъ, что, кромѣ того, чтобы все на немъ не висѣло ни чтобы не было разодрано, а все бы было хорошо зашито и такъ чтобы нитки не видны были. Вѣтхой мундиръ носить не стыдно, а разодранный весьма не прилично, и сколько бы на ономъ дыръ ни было, но ровно и плотно зашиты, такъ что нитки не видны, то и дурнаго виду нѣтъ. Сей пунктъ кромѣ виду, но и для экономіи наблюдать имѣется; ибо чѣмъ болѣе умедливаешь зашить то что разодрано, тѣмъ болѣе оно дерется и наконецъ въ сущую негодность приходитъ. Не на караулѣ и не на вѣстяхъ, а какъ бы солдатъ за просто одѣтъ ни былъ, чтобы все на немъ было не разодрано, чулки бы были и сапоги натянуты, штаны шпифными пряжками застегнуты, галстухъ хорошо застегнуть и чтобы рубашечный воротъ изъ подъ него не вылазилъ; голова бы была причесана и въ плетешкахъ, пуговицы бы не оторваны и не висѣли, грязи и ниже пыли на платьѣ бы его не было. Однимъ словомъ, приучать ихъ къ чистотѣ и опрятности, необходимость и пользу оныхъ толковать имъ и весьма строго изыскивать. Тѣ кон, поверхностно о существѣ дѣлъ разсуждая, ненужными мелкостями вышесписанное почитаютъ и еще развратно думая наблюденіе онаго подымъ для офицера упражненіемъ считаютъ; но тѣ кои представлять себѣ, что отъ чистоты здоровье зависить и отъ опрятности солдатъ видъ званію своему принадлежащій имѣеть и тѣмъ откроется видимо отличныиъ: то удостоверяется въ томъ, что нѣтъ ненужныхъ мелкостей въ службѣ и что все до солдата касательно офицеру стыдно не знать и объ ономъ не имѣть попеченія.

3-е.

Если безпокойное, трудное и опасное есть состояніе военнаго человека предъ прочими въ государствѣ, столь же и отличается неоспоримою отъ нихъ честью и славою: ибо, превозмогая труды часто несносныя и нецѣдя своей жизни, обезпечиваетъ своихъ согражданъ, защищаетъ отъ враговъ отечество, обороняетъ Святую Церковь отъ порабощенія невѣрныхъ и симъ заслуживаетъ признаніе и милость Государя, благодарность земляковъ и молитвы чиновъ духовныхъ. Все сіе нужно довольно твердить и повторять солдатамъ и прилежно ста-

ратся должно вліять въ нихъ сколько можно болѣе честолюбія, которое одно возбуждасть на преобореніе трудовъ и опасностей, на всѣ славные подвиги: честолюбивый солдатъ все изъ амбиціи дѣлаеть и слѣдовательно все дѣлаеть лучше. Но прежде нежели приступить къ симъ внушеніямъ, надлежитъ истребить изъ него духъ крестьянства, который не токмо въ рекрутахъ, но еще и въ старыхъ солдатахъ нерѣдко, къ сожалѣнію и удивленію моему, находится. Для чего неотмѣнно должно говорить почаству со всеми вообще и со всякимъ по одиночкѣ, дабы всякій умѣлъ говорить такъ какъ солдату прилично, былъ бы смѣль, командира своего, если онъ за собой ничего дурнаго не знаетъ, не опасался. Толковать ему все что до солдата принадлежитъ, чтобы всякой зналъ свою мѣру, сколько вершковъ, свое мѣсто подъ кѣмъ и выше кого стоитъ, въ какой шеренгѣ, зналъ бы имена всѣхъ офицеровъ и штабовъ въ полку и кто въ какой ротѣ; зналъ бы бригаднаго, частнаго и дивизионнаго командира, каждаго по имени, по отечеству и прозванію; зналъ бы фельдмаршала, котораго славныя дѣла имъ рассказывать, помнилъ бы всѣхъ генераловъ, у коихъ былъ въ командѣ. Надлежитъ стараться вливать въ нихъ любовь и привязанность къ полку, въ которомъ служатъ; а какъ честь, которую полкъ заслужилъ, всякій и на свою долю дѣлать считаетъ, что и справедливо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ рядовыхъ и нужно сохранять и умножить сіе мнѣніе: надлежитъ всякому объяснять полковую исторію, рассказывать всякому что сей полкъ предъ начатіемъ прошедшей Прусской войны въ 1756 году имѣлъ честь и счастіе сформированъ быть главнокомандующимъ нынѣ арміею, то есть первымъ, и наиславнѣйшимъ полководцемъ нашимъ, что онъ былъ собранъ изъ лучшихъ гренадерскихъ ротъ всей арміи. Въ 1757-мъ году подъ Велау, на первой съ Прусакми баталіи сей полкъ отмѣнно отличился; то же самое учинилъ въ 1758 году на баталіи подъ Цорндорфомъ, гдѣ самъ Прусскій король противу насъ командовалъ и гдѣ сей полкъ болѣе 1000 человекъ имѣлъ убитыхъ и раненыхъ; что подъ Франкфортомъ въ 1759 году, гдѣ то же самъ король противу насъ командовалъ, сей полкъ болѣе всѣхъ отличился: ибо когда треть арміи была превосходнымъ непріятельскимъ огнемъ съ мѣста сбита и прочія части съ трудомъ оборонялись, первый гренадерскій полкъ вступилъ въ бой и принудилъ непріятеля ретироваться; выигрышъ сей баталіи неоспоримо ото всѣхъ сему полку приписывается. Во время продолжавшихся въ Польшѣ безпокойствій, сей полкъ раздробленъ былъ по частно, и всѣ части онаго со славою вездѣ дѣйствовали, какъ напримѣръ на штурмахъ городовъ Бара и Краіово. Въ нынѣшнюю войну какъ полкомъ, такъ и по частно прославился; тому свидѣтельствомъ служили тѣ роты, кои

отъ полку отдѣлены были и кои кромѣ генеральныхъ баталіевъ 7-го и 21-го числа Іюля 1770 года были при занятіи Измаила, Киліи, Аккермана, Браилова, на двухъ штурмахъ Журжи и вездѣ, по свидѣтельству корпусныхъ командировъ, духъ неустрашимости полку сохраняли и при томъ служили въ примѣръ и поощреніе. Полкъ же самъ собою заслужилъ безсмертную славу на баталіи 21-го числа Іюля 1770 года подъ Кагуломъ и, по свидѣтельству главнокомандующаго арміею, дѣйствительно споспѣшествовалъ полученной тамъ побѣдѣ, о чемъ отъ фельдмаршала и Государынѣ донесено было. Въ прошлой кампаніи 1773 года подъ Силистріею, когда полкъ отдѣленъ былъ въ передовой корпусъ, отъ онаго посланъ будучи одинъ впередъ 12 числа Іюня и будучи въ 8 ротахъ, въ коихъ только 600 человекъ было и когда за большимъ числомъ орудіевъ, кои между обоими баталіонами были, крѣпости построить было, то хотя въ такомъ случаѣ окруженъ былъ спереди, боковъ и тылу въ восемь разъ превосходнымъ числомъ непріятеля и не имѣлъ долго ни отъ кого помощи, храбро отборонялся и наконецъ отбилъ непріятеля. 18-го числа того же мѣсяца и около того же города съ Куринскимъ полкомъ вмѣстѣ сіи два полка отбили Черкесь-пашу, который велъ 3000 человекъ непріятельской конницы на помощь городу и, встрѣтясь съ сими двумя полками, тщетно покушался ихъ разбить своимъ стремленіемъ. Однимъ словомъ, храбрость и отмѣнныя дѣла сего полка съ начала его формированія и по нынѣ всѣмъ извѣстны и вездѣ славятся. отчего пронесодитъ, что всѣ командующіе арміями и всѣ генералы первой гренадерской полкъ отмѣнно любятъ и почитаютъ. Сіе самое обяываетъ всякаго гренадера въ ономъ служащаго вести себя отмѣнно добропорядочно и храбро, дабы поведеніемъ своимъ полку стыда не сдѣлать. Надлежитъ неотмѣнно толковать каждому, сколь необходимо нужны строй и порядокъ, что оными столько же какъ и храбростью побѣды получаютъ, а что одна храбрость безъ оныхъ ни къ чему не служитъ. Примѣръ сему Турки, народъ прехрабрый, но строю и порядку не знающій; отчего, не смотря, что вездѣ былъ сильнѣе насъ, но тамъ гдѣ мы строй и порядокъ сохраняли, тамъ и побѣдителями остались; напротивъ того, то малое число неудачъ, что мы въ сію войну имѣли, произошло отъ разстройки и безпорядка, и 12-го числа прошлаго Іюня мѣсяца если бы не токмо одинъ плутонгъ, но нѣсколько рядовъ пришли бы въ замѣшательство. то весь бы полкъ былъ изрубленъ; напротивъ того, онъ устоялъ и отбилъ непріятеля строемъ, порядкомъ и повиновеніемъ къ командѣ.

Если солдаты будутъ имѣть амбицію и будутъ сохранять строй непоколебимо, то и непобѣдимы будутъ отъ какихъ бы превосходныхъ силъ ни было, и ничто противъ ихъ стоять не будетъ. Я разумѣю,

что сіи подробныя поученія и толкованія каждому рядовому господамъ ротнымъ командирамъ трудны покажутся, но знаю и то, какая великая разнища есть командовать людьми прямо выученными, совершенно знающими долгъ своего званія и преисполненными благороднымъ честолюбіемъ или такими, кои подъ именемъ солдата образъ житія образъ мыслей и духъ крестьянства сохраняютъ. Сколь дестно первыми и сколь грустно послѣдними предводительствовать! Для того требую, яко начальникъ въ полку, точное исполненіе сего артикула и строго по оному взыскивать буду; а съ другой стороны убѣждаю господъ ротныхъ командировъ собственнымъ ихъ удовольствіемъ, честью и славою.

4-е.

Неотмѣнно должно, чтобы всякій солдатъ зналъ чистить, бѣлить и лощить свою аммуницію и чтобы онъ имѣлъ къ тому охоту, толкуя каждому, какъ стыдно отъ другаго отстать въ сей исправности или другихъ своихъ товарищей тѣмъ беспокоить, чтобы они на него чистили. Въ семъ случаѣ неприлежныхъ наказывать должно и какъ во всякой ротѣ есть нѣкоторые, изъ коихъ иной лучше ружье свое полируетъ, иной лучше ложу чернить и лакируетъ, иной лучше бѣлить перевязь, иной лучше чернить и лощить суму: для того такихъ мастеровъ заставлятъ, чтобы они всѣхъ прочихъ томуужь учили. Не всѣхъ вдругъ, ибо сіе невозможно, а по нѣкоторому числу, кои лишь научатся, то на мѣсто ихъ дать другихъ, и такъ перемѣняя довести до того, чтобы вся рота совершенно чистить и бѣлить аммуницію умѣла. Парикмахеровъ особливыхъ, чтобы въ ротѣ отнюдь не было; ибо сіе званіе сохраняется затѣмъ, что не всѣ въ ротѣ волосы убирать умѣютъ, а надобно, чтобы всѣ безъ исключенія и малые, и большіе, и молодые, и старыя всѣ чтобы неотмѣнно знали убирать волосы. Сіе въ самомъ дѣлѣ не столь трудно, какъ кажется; ибо уборка въ полку употребляемая есть самаго простаго роду, и самый вялый, неповоротливый и непонятный въ три недѣли легко научиться можетъ. Господа ротные командиры должны еще неотмѣнно заводить въ своихъ ротахъ портныхъ и сапожниковъ, какъ можно болѣе, и стараться, чтобы во всякомъ капральствѣ не менѣе было какъ по четыре человекъ портныхъ, и сапожниковъ тоже число, объявля старымъ мастерамъ, что ихъ никогда не оставлять, если они положенное на нихъ число учениковъ выучатъ изъ молодыхъ. Выбрать также нѣкоторое число, какъ на примѣръ по одному въ капральствѣ, которые бы брить учились, ибо одного фершала и одного ученика мало.

5-е.

При приводѣ рекрутъ всякаго изъ оныхъ отдать на руки одному старому и добропорядочному гренадеру, который долженъ смотрѣть за его поведеніемъ и учить его мало по малу разбираться и собирать свое ружье, чистить оное и потомъ чистить свою аммуницію: онъ же и учить его одѣваться, и все сіе съ ласкою и безъ напалѣйшей суровости. Маршировать и приемамъ самъ ротной командиръ рекрутъ учить имѣть; а если рекрутъ много, такъ что ему времени не достанетъ, то самъ по себѣ возьметъ нѣкоторое число, а прочихъ раздѣлить по офицерамъ или унтеръ-офицерамъ или рядовымъ весьма знающимъ, и то въ своемъ присутствіи. За маршировку и за приемы отнюдь не бить и не скучать показывать какъ имъ должно дѣлать: ибо я довольно примѣчалъ, что разсудительный, знающій и терпѣливый офицеръ никогда, уча приемамъ и маршированію, драться не станетъ, а особливо съ малоумѣющими: одинъ только лѣнивый и незнающій офицеръ въ такомъ случаѣ дерется затѣмъ, что или видя, что люди худо дѣлаютъ и ошибаются, а прямо растолковать не умѣя, бьетъ ихъ, или показавъ разъ пять или шесть, теряя несправедливо терпѣніе, наказываетъ съ досады, не понимая того, что не всѣ равно проворны родятся и что если есть такіе изъ солдатъ, кои скоро все понимаютъ, большая часть есть такихъ, кои весьма тупо принимаются, и такихъ бить есть дѣло весьма безразсудное и безчеловѣчное. Неприлично и вредно, если солдатъ ружье свое ненавидитъ что легко дѣлается, когда за ученіе его бьютъ и когда онъ на оное инако взирать не можетъ какъ на инструментъ своего мученія. Какъ дѣлать приемы, при семъ описаніе прилагается, а между тѣмъ сіе здѣсь прибавляю, что всего болѣе и нужнѣе учить заряжать скорымъ зарядомъ и прикладываться подъ мышку, держа ружье горизонтально такъ, чтобы дуло отнюдь вверхъ не поднималось, и толковать каждому необходимость сихъ двухъ предписаній, что чѣмъ скорѣе заряжаетъ, тѣмъ болѣе бьетъ непріятеля, а который убитъ, тотъ уже по тебѣ не стрѣляетъ. Въ горизонтальномъ прикладѣ изяснить каждому, что если прикладывается не такъ, а такъ какъ у насъ въ арміи обыкновенно дѣлаютъ, то дуло всегда почти выше замка, и пули всѣ вверхъ летаютъ, такъ что изъ ста тысячъ пуль ни одна въ непріятеля не попадетъ.

6-е.

Если новоприведеннаго рекрута, не выуча его прежде позитуръ, поворотамъ и маршированію, зачать тотчасъ учить ружьемъ, оное его совсѣмъ изломаетъ, и онъ уже никогда ни стоять, ни маршировать

порядочно умѣть не будетъ. Затѣмъ надлежитъ мало по малу, но прилежно учить его позитурѣ, которая есть слѣдующая. Поставить его безъ ружья вытянувшись прямо, такъ чтобы ни впередъ ни въ задъ не нагибался: плечи назадъ и ровно такъ, чтобы одно другаго не было выше, грудь впередъ, животъ въ себя, колѣни выворочены и вмѣстѣ, такъ какъ и ляжки; каблукъ вмѣстѣ, носки выворочены правой на право, а лѣвой на лѣво; правая рука должна быть опущена, вольно въ натуральной позиціи, такъ чтобы она не оттопырилась и не прильнутая къ тѣлу была: кисть у одной руки должна быть свернутая, но также непринужденнымъ образомъ и чтобы на сжатый кулакъ не походила, и вся сія рука должна быть нѣсколько назадъ: голову ни впередъ не нагибать, ни назадъ не перекидывать, а держать прямо, глазами смотрѣть быстро и весело. При семъ толковать надлежитъ, что когда стоитъ во фронтѣ, весьма мало поворачивать на ту сторону; а если стоитъ на часахъ или идетъ рапортовать, то должны и голову держать прямо, рапортуя и смотрѣть прямо, и во всякомъ случаѣ когда съ кѣмъ говорить, то долженъ прямо и быстро смотрѣть въ глаза той особы кому рапортуется или съ кѣмъ разговаривается. Такимъ образомъ должно ставить неумѣющаго, но не надолго, а только повторять по часту.

Повороты на мѣстѣ на право и на лѣво, такъ какъ на право кругомъ и во фронтѣ, дѣлать на однихъ каблукахъ только и отнюдь всею ступеню ихъ не дѣлать. Когда онъ дни три или черезъ четыре совершенно будетъ знать позитуру, на ногахъ стоять будетъ твердо и повороты дѣлать не шатаясь и проворно, тогда начинать учить маршировку слѣдующимъ образомъ: поднять ногу съ вытянутымъ весьма колѣномъ, такъ чтобы въ ономъ ни малѣйшаго сгиба не было, ногу и ступню выворотить какъ можно болѣе въ поле *), носокъ какъ можно болѣе внизъ и опуская ногу, чтобы ступить, отнюдь колѣна не изгибать и не становиться на каблукъ прежде нежели на пальцы, а всегда оными прежде. Когда онъ выучится маршировать одинъ совершенно, тогда ставить его съ другими старыми, дабы въ взводѣ идучи съ оными ноги ровнять учился, въ чемъ состоитъ наипервѣйшая краса маршированія. Еще, уча его ходить по одиночкѣ, должно учить его на походѣ безъ остановки, какъ у насъ водится, на право, на лѣво и на право кругомъ оборачиваться. Сіе послѣднее надлежитъ всегда дѣлать ступя на лѣвую ногу и на оной поворачиваться, что послѣ и въ взводѣ пріучать почаству; тоже учить послѣшнему маршу, при которомъ наблюдать должно, чтобы шаги были не такъ велики какъ въ обыкновенномъ, но несравненно чаще, и при томъ при ономъ марши-

*) Старинное выраженіе, значитъ наружу. П. Б.

рованіи имѣть тѣло гораздо впередъ. Какъ онъ все сіе знать будетъ, то зачинать учить ружьемъ, наблюдая то, чтобъ сперва ставить въ позигуру ружьемъ на плечѣ и повторять сіе много разъ, примѣчая, чтобъ отъ тягости ружья одно плечо не было другаго ниже и чтобъ онъ не терялъ вольной видъ, ибо человѣку необыкшему къ ружью трудно съ онымъ стоять съ непринужденнымъ видомъ. Потомъ учить его поворотамъ, имѣя ружье на плечѣ, потомъ маршировать одному съ онымъ, примѣчая, чтобъ отъ тягости ружья не шатался; когда-жъ къ тому привыкнетъ, то учить его маршировать въ шеренгѣ и пріучать, чтобъ умѣлъ ровнять себя и свое ружье съ прочими, а потомъ учить пріемамъ, не отягощая его долгимъ ученьемъ, учить по малу съ большими роздыхами и немного въ день, такъ, чтобъ ему въ охоту было; между тѣмъ толковать ему всю должность солдатскую и смотрѣть, чтобъ учили его одѣваться и чистить всю свою аммуницію. Обходиться съ нимъ ласково, примѣчать его нравъ и стараться вперять въ него амбицію. Такъ выученный рекрутъ будетъ навѣкъ добропорядочный, надежный и прочный солдатъ.

7-е.

Ротной командиръ неотмѣнно долженъ всякаго изъ роты куда ни есть командированнаго человѣка на карауль, на ординарцы или на вѣсти куда, самъ осмотрѣть наиприлежнѣйшимъ образомъ, порядочно ли онъ одѣтъ и когда найдетъ во всемъ исправно, тогда изъ роты выпустить, ибо всякая неопрятность въ одномъ или неравенство во многихъ на ротномъ командирѣ взыщется; а какъ одѣваться и обуваться, то уже во всехъ ротахъ прошлою зимою въ Яссахъ даны мѣры, по коимъ непремѣнно слѣдовать и ни въ чемъ не перемѣнять. Кромѣ того, что онъ и въ исправности одежды осмотритъ, онъ долженъ всякаго выходящаго на карауль осмотрѣть аммуницію, а особливо исправность ружья, потомъ долженъ ему повторить, если тотъ идетъ на карауль, какъ ему надлежитъ стоять бодро и пуще всего осторожно, какъ онъ долженъ думать о важности своей особы, когда онъ на часахъ стоитъ и что не токмо брань или грубое слово, но даже ни малѣйшей неучливости никто, какого бы званія или чину человѣкъ ни былъ, ему сдѣлать не можетъ; а если тотъ осмѣлится, то онъ часовой долженъ его убить, и сіе отъ воли его зависить штыкомъ или прикладомъ, а если примѣтится, что онъ сіе стерпѣлъ, не сдѣлавъ тому наказанія, то по смѣнѣ съ караула самъ безъ пощады наказанъ будетъ. И для того неотмѣнно господамъ какъ ротнымъ командирамъ, такъ и прочимъ офицерамъ отнюдь, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа, не дерзать говорить грубо и неучливо съ часовыми и

не слѣдовать примѣру другихъ полковъ, гдѣ капитаны, не зная службы, отваживаются въ своихъ ротахъ бранить часовыхъ, если они въ чемъ ошибутся, не имѣя терпѣнія дожидаться, когда они съ караула смѣнятся.

8-е.

Табели, списки арматурные и формулярные должны быть въ ротахъ въ самой точнѣйшей исправности. Ротный командиръ долженъ имѣть великое попеченіе о ротномъ провіантѣ и за цѣлость онаго отвѣтствовать; онъ же долженъ наблюдать, чтобы котлы въ ротѣ всегда вылужены были, отчего здоровье людей зависитъ.

9-е.

Вездѣ, куда бы то ни было, гдѣ пошлются два или три человѣка, всегда одному изъ нихъ быть старшему, которому другіе или другой во всемъ повиноваться долженъ, а старшій за всякій безпорядокъ того или тѣхъ отвѣтствуетъ. Равномѣрно и на квартирахъ, если стоятъ два или три вмѣстѣ, то одинъ изъ нихъ долженъ начальствовать и за всѣхъ отвѣтствовать.

10-е.

Военные артикулы должны быть читаны въ ротѣ два раза въ недѣлю по Середамъ и по Воскресеньямъ всѣмъ нижнимъ чинамъ въ присутствіи одного офицера; при сихъ случаяхъ и самому ротному командиру часто присутствовать. Чтеніе сихъ артикуловъ должно быть громко, не скоро и явственно, а читать нижеслѣдующія главы и артикулы. Въ главѣ 3-ей артикулы 26-й и 27-й; въ главѣ 4-ой артикулы 41-й, 44-й, 45-й, 46-й, 47-й и 49; въ главѣ 6-я артикулы 59-й и его толкованіе; въ главѣ 13-й артикулы 101-й и 103-й; въ главѣ 14-й артикулы 104-й, 105-й и его толкованіе; въ главѣ 15-й артикулы 117-й, 119-й, 121 и 122-й; въ главѣ 16-й артикулы 124-й, 125-й, 126-й, 127-й, 129-й и его толкованіе; въ главѣ 17-й артикулы 133-й, 135-й, 136-й, 137-й, 138-й; въ главѣ 19-й артикулы 154-й, 155-й, 156-й, 157-й, 160-й, 161-й, 162-й, 163-й; въ главѣ 21-й артикулы 178-й, 179-й, 180-й, 181-й, 182-й, 183-й, 184-й, 185-й, 188-й, 192-й, 194-й, 195-й, въ главѣ 22-й артикулы 196-й и его толкованіе: 197-й, 198-й и его толкованіе, 199-й, 200-й, 201-й, 202-й, и его толкованіе и артикуль 203-й.

Всѣ сіи главы и артикулы должно въ каждой ротѣ списать въ особливую тетрадь и читать рядовымъ, какъ уже показано, дважды въ недѣлю.

11-е.

Если нужно, чтобъ рядовой зналъ свою должность, кольми паче нужно, чтобъ сержанты, унтеръ-офицеры, капралы и ефрейторы оную знали, и затѣмъ ротному командиру неотмѣнно должно зачать съ того, чтобъ оныхъ совершенно ихъ должности выучить: ибо оные суть исполнители его приказовъ, надзиратели исправнаго исполненія оныхъ и суть тѣ самыя, которые примѣромъ и дѣломъ во всякомъ случаѣ должны поправлять рядовыхъ, какъ въ экзерциціи, такъ въ одеждѣ, въ чистотѣ и въ добромъ поведеніи. Часто случается, что незнающій унтеръ-офицеръ или капраль своимъ незнаніемъ рядовыхъ совсѣмъ развращаетъ. И такъ надлежитъ сихъ надзирателей солдатскихъ по часту учить, по часту экзаменовать и стараться приводить въ совершенное должностямъ ихъ принадлежащее состояніе; ибо къ крайнему моему негодованію я вижу много такихъ, кои за ружье приняться не умѣютъ, кои на караулѣ стоять и даже что на часы порядочно развести не знаютъ.

12-е.

Нужно также, чтобъ всѣ рядовые могли всегда и вездѣ ходить мельдъ-ефрейторами*), и для того учить сему всякаго по одиночкѣ. Мельдъ-ефрейторъ долженъ идти ни скоро, ни тихо, а натуральнымъ шагомъ; ружье нести подъ курокъ, а взять его подъ прикладъ, когда онъ будетъ въ 15 шагахъ той особы, къ которой посланъ и подошедши за три шага остановиться, сдѣлать, ружьемъ вольно, считая въ мысляхъ разъ, два, три, четыре между каждымъ темпомъ и рапортуя говорить не сильно громко и не сильно тихо, а такъ какъ обыкновенно въ разговорѣ говорится. Должно произносить слова емѣло и явственно и какъ ружьемъ дѣлая, такъ и говоря, смотрѣть глазами быстро и весело, прямо въ глаза той особы, къ которой посланъ. Оборотъ долженъ дѣлать проворно и не всегда на право кругомъ, а смотря по мѣсту куда назадъ идти; ежели то просто на лѣво, на лѣво и повернуться, ежели на право, то на право, а если прямо назадъ, то на право кругомъ. Ежели же отрапортовавши идти впередъ надлежитъ, что часто въ лагерѣ и на дворѣ случается, то не оборачиваясь никуда имѣть идти прямо мимо той особы и прошедъ шаговъ 15-ть беретъ опять ружье подъ курокъ. Ежели жь мельдъ-ефрейторъ

*) Т. е. вѣстовыми (отъ Нѣмецкаго melden). П. Б.

идеть въ горницу и дверь отворена или кто другой ему отворить, то проходя оную, дабы не зацѣпить ружьемъ, долженъ такъ какъ онъ держалъ оное на плечѣ вытянуть лѣвую руку впередъ горизонтально во всю руку и поворотить ее такъ, чтобъ кисть руки была въ верхъ приклада, а миновавъ дверь опять поставить однимъ разомъ ружье на плечо, отнюдь не дотрогиваясь правою рукою; ежели-жь дверь затворена, то чтобъ ему ловко оную отворить можно было, то, взявъ ружье правою у того самаго мѣста гдѣ нынѣ берутъ, дѣлать къ ногѣ и опустить его; но чтобъ прикладомъ до полу не доставало, лѣвою рукою отворить дверь и пошедь затворить оною же рукою, а потомъ однимъ разомъ бросивъ ружье на плечо идти куда надлежитъ. Мельдъ-ефрейторъ отнюдь не долженъ быть застѣнчивъ, а напротивъ того смѣлъ, бодръ и веселъ и въ состояніи бы говорить и отвѣчать прилично; а до сего состоянія солдаты доходятъ только способомъ частаго обращенія съ офицерами, а особливо съ ротнымъ командиромъ. Ротной командиръ можетъ довольно часто съ рядовыми обращаться; онъ долженъ къ себѣ на квартиру или въ палатку по часту призывать ихъ, самъ долженъ весьма часто ходить къ нимъ въ квартиры или между палатками. Гдѣ бы онъ ни увидѣлъ, гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ рядоваго своей роты, онъ не долженъ пропустить случай, чтобы у него чего не спросить и поговорить съ нимъ, хотя мало; надобно, чтобъ онъ и офицеровъ своей роты къ тому приучалъ, чтобъ они, обращаясь съ гренадерами, толковали бы имъ какъ можно болѣе должность солдатскую.

13-е.

Ротной командиръ долженъ учить офицеровъ своей роты, чтобы они знали совершенно экзерцицію ружьемъ, ибо если они оную не знаютъ, то подчиненныхъ учить и поправлять не могутъ; чтобъ они знали салютовать ружьемъ на мѣстѣ и на походѣ, командовать плутонгами, полудивизионами и прочее что въ строю всякому офицеру случаться можетъ, чтобъ они знали военный уставъ, военные артикулы, обряды службы и всякія къ полку по службѣ учрежденія. Неогмѣнно должно, когда рота стоитъ вся вмѣстѣ на квартирахъ и въ лагерь, чтобъ ежедневно былъ въ ротѣ одинъ офицеръ дневальный, который бы о всемъ вѣдалъ, которому бы все капитанъ приказывалъ и на немъ бы все онъ взывалъ. Ротной командиръ долженъ непрілежныхъ офицеровъ возбуждать къ прилежанію, стараться вперять въ нихъ охоту къ службѣ, а когда въ томъ не успѣеть, меня увѣдомить.

14-е.

О еволюціяхъ я здѣсь ничего не предписываю, ибо сіе есть не ротное дѣло и когда люди выучены совершенно маршировать, колонны строить, деплоировать и равняться фронтомъ, то изъ нихъ все что захочешь сдѣлаешь. Всего нужнѣе, чтобы пріучали ротные командиры людей свсихъ, фронтомъ идучи, равняться и не терять ноги. Для перваго надобно всякому толковать, чтобъ онъ въ ту сторону куда равняются, могъ бы видѣть четвертаго человѣка, и для послѣдняго если съ ноги сблизись, и чтобъ не останавливаясь сіе поправить, то надлежить барабаннику велѣть бить короткую дробь, а послѣ оной одни палки: дробь затѣмъ чтобъ фронтъ имѣлъ вниманіе и пріуготовился бы къ слѣдующему, то есть съ палками тотчасъ поднять лѣвую ногу, хотя уже ею кто бы и ступилъ и поднялъ было правую, однакожь тотчасъ съ палками долженъ перемѣнить и поднять лѣвую.

15-е.

Наказанія должны быть въ ротъ за вину, но разбирая оныя, на примѣръ: за ученіе ружьемъ нужды нѣтъ, а инако не наказывать какъ многимъ ученіемъ тѣхъ, въ коихъ надлежащаго проворства не имѣется. Наказывать должно лгуна, лѣниваго, неряху, пьяницу; но смотрѣть, чтобъ наказанія не подходили къ жестокости; довольно 30-ть или 40 палокъ, ихъ охотно достать не захочетъ и конечно впередъ убѣгать ихъ будетъ: а если болѣе бить, симъ человѣка не исправишь, а въ лазаретъ отошлешь. Если же кто сдѣлалъ большое преступленіе, украсть много или мало, ибо хотя на денежку, оное вину его не уменьшаетъ; если на караулѣ напился пьянъ, если начальника не послушалъ и спорилъ съ нимъ или грубіянствовалъ съ онымъ, тѣкихъ отнюдь да не держаетъ ротной командиръ у себя въ ротѣ наказывать, а немедленно имѣть къ полку представить, гдѣ жесточайшимъ образомъ безъ пощады наказанъ быть имѣеть.

16-е.

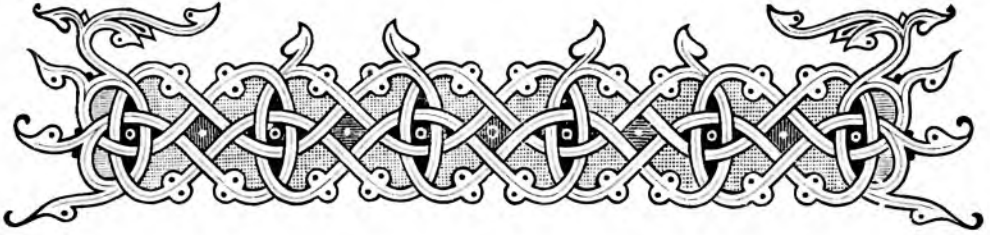
Ротной командиръ долженъ всегда при себѣ имѣть ротной списокъ съ показаніемъ всѣхъ отлучекъ, другой ранжирной всей роты, третій росписанный по капральствамъ, дабы во всякомъ случаѣ основательнѣе бы могъ дать отвѣтъ своимъ командирамъ.

17-е.

Сколь нужно, чтобъ капитана яко главу боялися всѣ въ ротѣ и почитали, столь же нужно, чтобъ его любили и имѣли бы къ нему наисовершеннѣйшую довѣренность. Онъ долженъ себя вести какъ отецъ съ дѣтьми, увѣщавая непорядочныхъ, поправляя ихъ совѣтами и наказывая милости недостойныхъ; отличать добрыхъ, дабы они сами и всѣ прочіе видѣли, что есть наказаніе за зло и воздаяніе за исправность и добродѣтель. Онъ долженъ входить во всѣ подробности ротнаго хозяйства, помогать имъ своими совѣтами, изыскивать имъ всѣ выгоды, кои отъ него безъ нарушенія службы зависятъ, имѣть попеченіе о ихъ цѣлости, посѣщать своихъ больныхъ; какъ можно чаще смотрѣть, есть ли за ними довольно прирѣнія, однимъ словомъ, имѣть попеченіе какъ о своихъ дѣтяхъ.

Дана оная инструкція Генваря 17-го дня 1774 года, въ Морженели. Подлинную подписалъ графъ Воронцовъ.

Выдержки из записной книжки издателя „Русскаго Архива“.

На Французской выставкѣ въ Москвѣ можно было любоваться гипсовымъ груднымъ бюстомъ Екатерины. Его помѣтили такъ, что проходящимъ видна была надпись, находившаяся сзади: *Haec effigies sculpta fideliter exponit oblata reverente optimaе reginarum memoriae a sua pronepte Ludmilla. ANNO MDCCLXXXIX. In infelice spes. T. e.*: это вѣрно изваянное изображеніе въ почтительную память лучшей изъ царицъ выставлено ея правнучкою Людмиллою. 1889 года. Въ несчастіи надежда. Означено имя ваятеля: *Millet de Marsilly*.

Такъ заявила себѣ Людмила Павловна Бутурлина, рожденная графиня Бобринская. Какое было у нея несчастіе и на что надежда, не знаемъ.

*

Въ 22 верстахъ отъ ст. Серго-Ивановской, по Московско-Брестской ж. дорогѣ, есть большое село Тёсово со стариннымъ домомъ, церковью и каменными службами. Теперь это владѣніе Сергѣя Сергѣевича Иванова, а прежде Тёсово принадлежало графу Ивану Петровичу Салтыкову, отъ котораго пріобрѣтено извѣстнымъ откупщикомъ Екатеринына вѣка Логиновымъ.

Какъ Логинова дать оправить,
Который золотомъ гремитъ?

говорилъ Державинъ. Логиновъ пользовался покровительствомъ князя Потемкина. Общее твердое преданіе увѣряетъ, что Логиновъ въ царствованіе Павла былъ удушенъ пріѣхавшими изъ Петербурга людьми въ подвалѣ Тёсоваго дома. Одна изъ внучекъ Логинова, въ замужествѣ за иностранцемъ, живетъ въ Италіи и хранитъ письма къ ея дѣду отъ Потемкина и Екатерины. Другая внучка, Праксковья Ивановна, за извѣстнымъ Казанскимъ губернаторомъ Никол. Яковлевичемъ Скарятинымъ, который нынѣ живетъ въ двухъ верстахъ отъ богатаго помѣстья Тесовскаго, въ скромномъ поселкѣ, на берегу большаго проточнаго пруда. Деревянные стѣны его небольшого домика даже не ошпекатурены, но все прибрано прилично и уютно, благодаря заботливости жены и дочери. Александры Николаевны (которую

я позволилъ себѣ прозвать морскою волною. за прекрасный густой ея голосъ). Я провелъ у нихъ съ 9 до 12 часовъ утра 26 Юля 1885, возвращаясь изъ села Дугина на Серго-Ивановскую станцію Московско-Брестской ж. дороги, и со словъ Прасковьи Ивановны записалъ ниже-слѣдующее.

1. Иванъ Васильевичъ Логиновъ, Новгородскій дворянинъ. Измайловскій офицеръ, пріятель Потемкина и виный откупщикъ, былъ такъ богатъ, что въ одномъ Петербургѣ имѣлъ до 60 домовъ. Павелъ попросилъ у него денегъ. Логиновъ посовѣтовался съ Потемкиннымъ и отказалъ. Воцарившись, Павелъ проѣзжалъ мимо его дома, къ чему-то придрался и велѣлъ снять съ дома крышу. На ту пору боленъ былъ сынъ Логинова отъ перваго брака, Николай Ивановичъ, который и умеръ отъ этой передраги. Во второмъ бракѣ Логиновъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Арцыбаневой (ея сестра за Рубцовымъ, во второмъ бракѣ за Чихачевымъ, мать путешественника). Логиновъ удавленъ въ подвалѣ своего дома въ Тёсовѣ, о чемъ до сихъ поръ говоритъ вся округа, увѣряя, что и теперь въ одной комнатѣ, откуда шель ходъ въ подвалъ, бывають стуки и видѣнія. (Это подтвердилъ мнѣ владѣлецъ Тесова, С. С. Ивановъ, нѣкогда мой сослуживецъ по Московскому Архиву Министерства Иностраннхъ дѣлъ).

2. Иванъ Ивановичъ Логиновъ, адъютантъ принца Виртембергскаго въ Витебскѣ, пріятель Якушкина, братьевъ Муравьевыхъ, ум. въ 1842 г. въ Ахенѣ, гдѣ поселился и имѣлъ свой домъ. Женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Ильиной, дочери артиллериста, служившаго въ Кіевѣ (ея сестра Елисавет. Вас. за графомъ Петромъ Степановичемъ Толстымъ).

Иудина Ивановна за начальникомъ перваго Кадетскаго корпуса Годде. Ея сынъ гусарь Петръ Годде ж. на Сапожниковой, а ея внука за графомъ Ростовцевымъ.

Елисавета Ивановна за Раевскимъ. Ихъ дочь Анна Михайловна за Хитровымъ, внукомъ князя Кутузова.

Анна Ивановна за маркизомъ Делла-ди-Карачіола, княземъ Торелли, живеть въ Римѣ и владѣеть бумагами дѣда.

Прасковья Ивановна Скарятина имѣеть сына Григорія, женатаго на княжнѣ Черкасской, и двухъ дочерей, дѣвицу Александру и Ольгу за Итальянскимъ кавалерійцемъ *Гальяно*.

Александра Ивановна за Мартень-Монте-ди-Беккариа въ Туринѣ.

Софья Ивановна за Болонскимъ маркизомъ ди-Чентуріони.

По Запискамъ Державина, Логиновъ приличеть быть въ томъ, что взять откупъ, не представя своихъ залоговъ, а добывъ для того у Московскаго компсаріатскаго чиновника Руднева 400.000 казенныхъ денегъ. Онъ, по настоянію Державина, за это и поплатился; но у него все таки оставалось большое состояніе.

*

Вскорѣ по кончинѣ Павла Петровича, императрица-вдова его заказала икону, на которой изображенъ Спаситель на престолѣ, а передъ Нимъ стоящій на колѣняхъ Павелъ. Подъ иконою подпись: „Апокалипс. гл. VI. ст. 10“. Икона была поставлена мѣстною въ иконостасѣ Павловской дворцовой церкви. Тамъ случайно увидѣлъ ее Александръ Павловичъ и остался очень недоволенъ. Когда Павловскъ достался въ наслѣдство Великому Князю Михаилу Павловичу, эта икона, по волѣ Государя, вынута изъ иконостаса и хранится теперь въ шкафѣ, въ алтарѣ той же церкви.

(Сообщено графомъ М. В. Толстымъ).

*

Графъ А. В. Адлербергъ сказывалъ, что не задолго до своей кончины Александръ Павловичъ отвелъ своей супругѣ старинные покои, въ которыхъ нѣкогда жила великою княгинею Марія Федоровна и гдѣ родился Николай Павловичъ. Императрица-мать не жила въ Царскомъ, и эти покои вовсе не были ей нужны. Однако она нѣсколько недѣль сердилась на сына за это распоряженіе. Она была женщина по преимуществу парадная и даже любила поимператорски. А. О. Смирнова, бывшая фрейлиной еще при ней, сказывала, что каждое утро надѣвали на нее мокрое лосиное платье, которое передъ отходомъ ко сну надо было распарывать, и оттуда вываливалось грузное тѣло, въ теченіи дня стянутое кожей, кромѣ корсета. Только величавой представительности успѣла она выучиться у Екатерины Великой.

*

Графъ А. В. Адлербергъ сказывалъ, что въ Берлинѣ на парадахъ Николай Павловичъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ своему тестю и даже публично цѣловалъ ему руку, что ихъ, молодыхъ офицеровъ, тогда оскорбляло. — „Нашъ пріѣхалъ, настоящій!“ толковало Прусское солдатство про Николая. Къ тому же и щедрота разливалась царская. Множество вещей въ Прусскихъ дворцахъ состоитъ изъ Русскихъ подарковъ; безчисленныя просьбы о вспоможеніи въ Русскомъ посольствѣ, въ проѣздъ нашихъ царей, оплачивались даже и гораздо поздне, каждая не менѣе 10 талеровъ, и Варнгагенъ-фонъ-Энзе говорилъ мнѣ, что въ числѣ этихъ просьбъ бывали и отъ Берлинскихъ профессоровъ;

а протоіерей Палисадовъ (1858) сказывалъ, что его просьба о бѣдной Русской колоніи подѣ Потсдамомъ оставалась безъ уваженія.

*

Стихи Пушкина Соболевскому:

На досугѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ,
Жареныхъ котлетъ отвѣдай
И отправься налегкѣ.

Дочь ямщика въ Торжкѣ, Дарья Евдокимовна Пожарская, готовила котлеты для проѣзжающихъ. Онѣ понравились Государю Николаю Павловичу и вошли въ моду. Мало по малу слава Пожарскихъ котлетъ дошла до того, что сама Дарья уже нанимала съ кухни графа Нессельроде поваровъ готовить ихъ. Ловкая дѣвка, толстая, рослая и себѣ на умѣ стала вхожа ко двору; въ ней записывали, и она умѣло пользовалась своею близостью къ сильнымъ міра сего. Слышано отъ Г. В. Грудева.

По кончинѣ фельдмаршала Воронцова († 1856, 6-го Н.) его вдова, подобно многимъ другимъ вдовамъ, принялась разбирать его переписку, долго этимъ занималась и производила уничтоженія. Тутъ же она разбирала и собственныя свои бумаги. Попалась небольшая связка съ письмами Пушкина, и княгиня ихъ истребила: но домоправитель ея (впослѣдствіи и секретарь) Григорій Ивановичъ Тумачевскій, помогавшій ей въ разборѣ бумагъ, помнитъ въ одномъ Пушкинскомъ письмѣ выраженіе: *Que fait votre lourdaud de mari?* (Что дѣлаетъ вашъ неуклюжій супругъ?). Въ глубокой старости княгиня Елисавета Ксаверьевна восхищалась сочиненіями Пушкина: ей прочитывали ихъ почти каждый день, и такое чтеніе продолжалось цѣлыя годы. Это сказывала мнѣ и жившая при ней до самой ея кончины (въ Одессѣ въ 1880) Ельвина Ланге.

12 Апрѣля 1889.

Въ Одессѣ проживаетъ у брата своего гр. А. Г. Строганова Идалія Григорьевна П., лѣвая дочь извѣстнаго сластолюбца графа (барона) Г. А. Строганова, воспѣтаго даже Байрономъ*), отъ какой-то Гречанки или вообще инородки. Она—вдова. У нея дочь за границею. Нрава она рѣзкаго или что Французы называютъ *acagiâtre*. Мужъ ея нѣкогда служилъ въ кавалергардахъ. Это былъ наглець. Во время Польскаго похода 1831 года онъ жилъ на счетъ графа Д. Н. Шереметева и даже завладѣвалъ его вещами и походною кроватью. Прія-

*) Джулія говоритъ мужу въ доказательство своей безупречности: „Графъ Строгановъ писалъ мнѣ рядъ посланій. Осталась я глуха къ его мольбамъ“. (Донъ Жуанъ въ переводѣ Козлова. I, 149).

телемъ ему былъ кавалергардъ, убійца Пушкина Гекернъ. Пушкинъ же часто бывалъ въ обществѣ кавалергардовъ, и Т. В. Шлыкова, вспоминая про Пушкина, говаривала, что въ театрѣ встрѣчала его постоянно съ кавалергардами. Покойная княгиня В. Ѳ. Вяземская обвиняла Идалию Григорьевну въ томъ, что она сводила Гекерна съ Наталіей Николаевной, которая съ ужасомъ рассказывала княгинѣ Вяземской, что однажды Идалия нарочно оставила ее вдвоемъ съ Гекерномъ, и что положеніе ея дѣлалось критическимъ, но ее спасла вбѣжавшая въ комнату дѣвочка, дочь Идалии.

Смѣшно и для П. позорно, что нынѣ, въ глубокой старости, она не стыдится клясть Пушкина. Она говоритъ, что ее оскорбляетъ воздвигаемая въ Одессѣ статуя Пушкина, что она намѣрена поѣхать и плюнуть на нее, что это былъ извергъ, и т. д. Елена Григорьевна Шереметева, недавно навѣстившая въ Одессѣ престарѣлаго графа А. Г. Строганова, любя и хорошо зная поэзію Пушкина, была изумлена этими отзывами. Идалия Григорьевна заявляетъ большую вѣжливость къ памяти Наталіи Николаевны. Она рассказываетъ, что однажды они ѣхали въ каретѣ и напротивъ сѣдѣлъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ схватить ее за ногу. Наталія Николаевна пришла въ ужасъ, и потомъ по ея настоянію Пушкинъ просилъ у нея прощенья.

Есть поводъ думать, что Пушкинъ, зная свойства Идалии, оскорблялъ ее, и она, изъ мести, была сочинительницей анонимныхъ писемъ, изъ за которыхъ произошелъ поединокъ.

Графъ А. Г. Строгановъ, полувтора сестрѣ (которая отчасти имъ командуетъ) отзывается о Пушкинѣ полупрезрительно, какъ о какомъ-то рюмоплетѣ. Онъ говоритъ, что послѣ поединка онъ ѣздилъ въ домъ раненаго Пушкина, но увидалъ тамъ такія разбойническія лица и такую сволочь, что предупреждалъ отца своего не ѣхать туда.

Московская статуя Пушкина находится прямо противъ Страстного женскаго монастыря. Освящаль ее митрополитъ Макарій. Какой-то шутникъ сказалъ:

Страстной въ восторгѣ монастырь:
Предъ нимъ стоитъ поэтъ отшельникъ.
„Монахини, долой Псалтырь
Вотъ вамъ Кавказскій плѣнникъ!..“

въ плащѣ, а надъ нимъ фигура со свѣтильникомъ, представляющая Генія“. „Не можешь себѣ представить, писалъ В. А. Мухановъ изъ Москвы своему Петербургскому брату, какъ Груша хохотала, когда мы ей читали второй разговоръ Татьяны съ Филипповной; но она явно сердилась о первомъ, когда Татьяна говоритъ нянѣ, что она влюблена. Поступокъ няни ей очень не понравился. Она говоритъ, что на ея мѣстѣ она бы розгами хорошенъко“.

Заслуживаютъ вниманія письма къ Завалишину отъ извѣстнаго путешественника по Россіи Максимова, знатока престонародной жизни. Тутъ, если не ошибаемя, въ первый разъ въ нашей печати говорится охулително про графа Муравьева-Амурскаго; но все таки не выясняется загадочная личность Завалишина.

Особенно занимательны воспоминанія самого издателя съ подробностями о его рабочей службѣ въ Лионѣ и потомъ въ Берлинѣ. Исполняешь уваженіемъ къ отцу его Ивану Васильевичу Щукину, который умѣлъ такъ попечительно и такъ дѣловито воспитать сыновей своихъ и оставилъ имъ не только крупное состояніе, но и привычку къ труду, къ занятіямъ дѣльнымъ и любовь къ произведеніямъ искусства. Имя старшаго изъ нихъ Петра Ивановича останется навсегда памятнымъ въ Москвѣ, которой представилъ онъ въ собственность прекрасный Музей, плодъ своей непрерывной многолѣтней дѣятельности. П. Б.

* * *

О „Гербовникѣ“ Князева.

Въ библиотекѣ Казанскаго Университета, среди книгъ, поступившихъ туда изъ библиотеки князя Потемкина, хранится рукописный сборникъ дворянскихъ гербовъ, срисованныхъ съ печатей. Гербовникъ этотъ извѣстенъ, по имени его составителя, подъ названіемъ „Гербовникъ Анисима Титовича Князева“.

С. Н. Тройницкому, уже получившему извѣстность не одной работой въ области геральдики, пришла счастливая мысль издать этотъ любопытный сборникъ*). Задачу эту онъ вы-

*) Гербовникъ Анисима Титовича Князева 1785 года. Изданъ С. Н. Тройницкимъ. СПб. Въ тип. «Сиріусъ». 1912. 4^е. VIII+10 нен.+

полнилъ весьма успѣшно, и за это ему скажутъ большое спасибо любители Русской геральдики.

Особенное значеніе придаютъ этому изданію тѣ обстоятельно и старательно составленныя примѣчанія, которыми издатель сопровождаетъ отдѣльные рисунки гербовъ. Князь допустилъ въ своемъ сборникѣ немало ошибокъ и неточностей. Часто одинъ и тотъ же гербъ приписанъ разнымъ лицамъ и т. п. Всѣ эти недочеты отмѣчены г. Тройницкимъ въ его примѣчаніяхъ. Кроме того, имъ отмѣчены всѣ обнаруженныя въ рисункахъ Князева особенности въ сравненіи съ гербами Высочайше утвержденными и съ гербами Польскими. Что касается послѣднихъ, то вліяніе ихъ на Русскую геральдику не подлежитъ сомнѣнію. Но при установленіи этого вліянія, намъ бы хотѣлось видѣть нѣсколько большую точность въ выраженіяхъ со стороны составителя примѣчаній. Такъ напр. есть большее основаніе говорить о сходствѣ между собою гербовъ Бакъевыхъ (стр. 5, рис. № 15) и Ергольскихъ (стр. 53 рис. № 152),— хотя въ главной своей части они совершенно несходны между собою, нежели о сходствѣ того и другого герба съ Польскимъ гербомъ „Наленчъ“, который отличается отъ нихъ фигурой, и наплемникомъ. Одинаково нельзя признать сходства между Гербомъ фамилии фонъ-Липгардъ (стр. 84, рис. № 243) и гербомъ Масловыхъ (стр. 90, рис. №№ 264 и 265). Проверивъ, въ отдѣльности, всѣ рисунки, такихъ случаевъ мы замѣтили немало. Съ другой стороны опять вызываетъ недоумѣніе, почему напр. г. Тройницкимъ не отмѣчено несомнѣнное сходство между гербомъ Буниныхъ (стр. 15, рис. № 41) и Польскимъ гербомъ „Боньча“.

Эти наши замѣчанія нисколько не умаляютъ значенія работы г. Тройницкаго. Повторяемъ, трудъ его заслуживаетъ всякаго одобренія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что приложенныхъ къ книгѣ снимковъ, а равно и описанія внѣшности рукописи, вполне достаточно, чтобы имѣть ясное и опредѣленное представленіе о ней.

У. Г. Иваскъ.

190+2 нен. стр. Съ фототипическими и цинкографическими снимками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Ц. 10 рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка 20 копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1908 продаются по 7 рублей за каждый годъ; годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ, платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

И. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТИЕ СВЯТЫЙШАГО ПАТРИАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексѣя Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартоновъ.**

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

6.

стр.

161. Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову. 1814—1815 г.
206. Завѣщаніе Федора Петровича Гааза.
212. Московскіе храмы по ухodu Французовъ. Записъ И. М. Сивгирева.
218. Очерки Терской Старины. Побѣги въ горы. Исторія одной раскольничьей обители у Шагила (1848—1859). Федора Чернозубова.
226. Изъ воспоминаній о генераль-адъютантахъ М. И. Драгомировъ. Безсмертнаго.
228. Письмо Ф. Ф. Вигеля. (Его послѣдняя жлань въ Москвѣ).
232. Злоключенія депутата. Къ исторіи Екатерининской Комиссіи. Н. Г. Иваска.
234. Къ исторіи Поволжскаго раскола. Пришибенскіе иконоборцы. П. Юдина.
240. Искушеніе въ пустынь. Стихотвореніе Ѳ. Н. Глинни.
243. Къ годовщинѣ 1812 года. Зль-Эсь.
244. Французское нашествіе 1812 года въ письмахъ современниковъ. Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго. Сообщилъ И. А. Бронскій.
254. Раненый Севастополецъ о порядкахъ въ Симееропольскомъ госпиталѣ 1855—1856. Записка Лебедева.
282. Переписка В. А. Жуковскаго съ принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ о Киревскомъ, съ предисловіемъ Д. Ѳ. Нобено.
287. Замятки о письмахъ Пушкина и о разночтеніяхъ въ его стихахъ. Ч. О. Лернера.
292. Письмо А. П. Зонтагъ къ П. И. Бартеву.
295. Къ дѣлу о Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Н. Г. Высоцкаго.
301. Списокъ ремесленниковъ, высланныхъ изъ Дерпта въ 1708 г. Сообщилъ Н. Г. Иваска.
302. Челобитые Марыи Ивановны Сурминой.
304. Александръ III. Рѣчь о Немъ А. М. Золотарева.
305. Привѣтъ старой Москвы Русскому Царю 28 Мая 1912. А. А. Александрова.
306. Письма къ П. И. Бартеву отъ П. А. Плетнева и Н. П. Гилярова.
- Внутри обложки: Голодь во Франціи передъ нашествіемъ на Россію. Изъ Записокъ канцлера Пакье, извлечено С. Фарфоровскимъ.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1912г

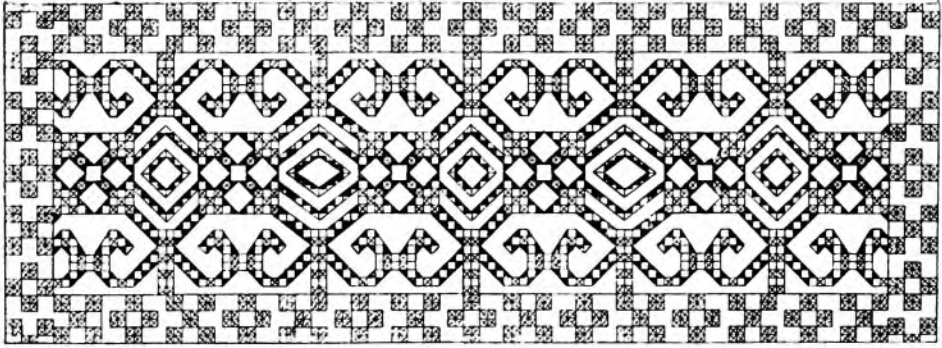
Положеніе Франціи передъ походомъ Наполеона въ Россію.

Въ нашей печати почти ничего не говорится о внутреннемъ положеніи Франціи передъ походомъ 1812 года. Много показаній о томъ даютъ Записки Пакье*), рисующія положеніе страны и то настроеніе, какимъ охваченъ былъ тогда Наполеонъ. „Повышеніе изъ офицеровъ въ императоры, въ связи съ постоянными военными удачами, вскружило голову Наполеону, который вѣрилъ въ неукатность своей звѣзды.

Внутреннее состояніе Франціи было ужасно. Неурядицы, волненія въ столицѣ, раздраженіе въ провинціяхъ и департаментахъ, все это требовало долгой, неуставной внутренней работы. Наполеонъ, какъ военный геній, представлялъ эту работу мелкимъ чиновникамъ. Въ его военной головѣ всѣ такіе вопросы разрѣшались легко и просто. Когда ему представляли, что нельзя рубить съ плеча, онъ гнѣвался, кричалъ, что окружающіе неспособны понять даже самыхъ простыхъ истинъ. Въ концѣ концовъ рѣшительнымъ средствомъ для прекращенія запутанности вопроса служилъ императорскій декретъ, прекращавшій всѣ затрудненія. И въ то время, какъ бѣдные чиновники должны были распутывать, подъ страхомъ наказанія, всѣ еще болѣе запутанные декретомъ вопросы, завоеватель устремлялся на поле битвы, въ походъ, въ ту атмосферу, гдѣ онъ жилъ и дышалъ свободно.

Въ концѣ 1811 года Францію постигъ голодъ. Въ самомъ Парижѣ хлѣбъ сталъ рѣдкостью, дѣна на него возрасла, казенные запасы были незначительны. Что дѣлать? Наполеонъ приказываетъ дать субсидію пекарямъ, отпустить изъ казенныхъ магазиновъ ржи и пшеницы по низкой цѣнѣ. Оказалось, что это не понизило цѣны на хлѣбъ, а обогатило пекарей. Тогда было рѣшено, чтобы пекаря покупали муку по дорогой цѣнѣ, а хлѣбъ продавали по дешевой. Разница должна быть выплачиваема правительствомъ. Привести въ исполненіе это рѣшеніе оказалось нельзя, въ виду возможной стачки пекарей съ муко-

*) Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

1814-й годъ *).

Льежъ, 3 (15) Февраля 1814.

Проведя шесть недѣль въ дорогѣ, путешествуя быстро и неудобно въ такое суровое время года, не имѣя времени писать вашему сіятельству, я не удивлюсь, что вы будете изумлены, увидя письмо помѣченное такимъ городомъ, гдѣ я и не думалъ быть самъ нѣсколько дней тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, это какъ сонъ, едва вѣроятный; и однако я дѣйствительно въ этомъ городѣ, въ комнатѣ графа Михаила и даже въ его присутствіи, пріѣхавъ провести съ нимъ нѣсколько дней и имѣвъ удовольствіе найти его въ добромъ здоровьи. Въ короткихъ словахъ, исторія вышла такая: обманутый въ своихъ надеждахъ встрѣтить его въ Берлинѣ или по дорогѣ изъ Лейпцига во Франкфуртъ, какъ онъ мнѣ предлагалъ, я рѣшился нагнать его въ Кельнѣ, руководясь числами и маршрутами, которыя онъ мнѣ прислалъ. И такъ, только я пріѣхалъ въ Брюссель, и Ея Величество отъправилась на 6 дней въ Карльсруе (гдѣ братъ ея приготовилъ блестящія торжества въ честь ея) я предпочелъ употребить это время на поѣздку, и Ея Величество благоволила дать мнѣ отпускъ на недѣлю. Я пріѣхалъ въ Кельнѣ 31 прошлаго мѣсяца, къ несчастью на пять часовъ позже отъѣзда графа Михаила въ Эгсъ-ла-Шапель; какъ ни былъ я раздосадованъ и, такъ сказать, обезкураженъ, чтобы нагонять его въ этомъ городѣ, я рѣшился упоретвовать и не останавливаться на половинѣ пути, проѣхавъ уже сорокъ миль по Германіи. Наконецъ мнѣ посчастливилось найти графа почти въ минуту его отъѣзда въ Льежъ, куда я его и сопровождалъ третьяго дня. Завтра мы оба уѣзжаемъ, онъ на Намюръ и Реймъ,

*) См. выше, стр. 30.

а я—въ Брюссель, мѣсто, назначенное для пребыванія Ея Величества съ ея племянницею маркграфинею. При отъѣздѣ Ея Величество въ два пріема поручила мнѣ передать графу Михаилу свои привѣтствія и привести ей о немъ добрыя вѣсти. Вообще она уважаетъ его больше всѣхъ почти нашихъ генераловъ.

Не сумѣю описать вамъ, графъ, все удовольствіе, испытанное отъ свиданія съ вашимъ сыномъ послѣ трехъ лѣтъ разлуки, лѣтъ, полныхъ важными событіями, какъ для всѣхъ въ совокупности, такъ и для каждаго въ частности. Но особенно радъ я сказать вамъ, что относительно его здоровья я желалъ бы, чтобы ваше сіятельство могли сами убѣдиться, насколько оно удовлетворительно. У него прекрасный видъ, гораздо больше силы, нежели было въ Петербургъ, и отгѣнокъ веселья и хорошаго расположенія духа; я уѣзжаю восхищенный своей побѣдкою и счастливъ, что возымѣлъ эту благовую мысль. Въ разговорѣ онъ сообщилъ мнѣ, что ваме сіятельство одно время имѣли намѣреніе пріѣхать на материкъ для свиданія съ нимъ. Безъ сомнѣнія, это самое подходящее время: путешествіе по морю до Helvelsluys будетъ не долго, приближеніе прекраснаго времени года и счастливая развязка политическихъ дѣлъ, близость графа Михаила, котораго ваше сіятельство увидите тотчасъ же, какъ кончится кампанія, чтѣ не преминетъ, я думаю, исполниться именно къ нашему пріѣзду, пребываніе въ Брюсселѣ Ея Величества, которая будетъ такъ рада васъ видѣть—все это причины, совокупность коихъ, можетъ быть, побудитъ ваше сіятельство выполнить ваше намѣреніе, не взирая на предложеніе графа Михаила съѣздить въ Англію, какъ скоро кончится война. Путешествіе Ея Величества, какъ я имѣлъ честь сказать, было чрезвычайно трудное, часто почти невѣроятное; останавливались мы среди дороги изъ за невозможности двигаться дальше, и случилось два раза, что Ея Величеству не могли приготовить постели, и она совсѣмъ не почивала. Ваше сіятельство легко можетъ заключить, что это могло произойти только вѣдѣствіе распоряженій завѣдующаго путешествіемъ*) подобнаго нашему, и судить, чтѣ испытывала часто свита Ея Величества. Я продолжаю до сихъ поръ удивляться, какъ могла Ея Величество перенести всю усталость и неудобства, она, которая никогда не путешествовала со времени своего прибытія въ Россію. Морозъ и вьюги преслѣдовали насъ непрерывно до береговъ Рейна, и только на другой день нашего пріѣзда въ Брюссель погода смягчилась. Проѣздъ Ея Величества черезъ Пруссію проходилъ какъ триумфальное шествіе, пріятное для насъ, утомительное для нея, принужденной покоряться долгимъ и скучнымъ ока-

*) Т. е. Александра Львовича Нарышкина. Н. Б.

зательствамъ. Нигдѣ не видѣлъ я такого энтузіазма къ нашей націи и ея властелинамъ, какъ въ Пруссіи и особенно въ коренной Пруссіи. Дальше, демонстраціи чувствъ были менѣ сильны, пропорціонально нищетѣ, бѣдствіямъ и угнетенію, подавившимъ народный духъ. Съ Потсдама почти до Майнца видѣли мы слѣды бѣгства Бонапарта, и можно было бы сказать, что всѣ вороны съ земного шара слетѣлись въ эти мѣста на многочисленные трупы лошадей, чтобы указать проѣзжимъ дорогу, мѣстами совсѣмъ скрытую подъ глубокимъ снѣгомъ. Когда увидишь Путлеръ, Гельнгаузенъ, Ганау, можно составить себѣ вѣрное представленіе о разгромахъ войны по Бонапартовскому образцу: но, хвала Провидѣнію, это чудовище скоро погибнетъ, и мнѣ кажется, никакая власть не сможетъ спасти его, ибо очевидно, что Всемогущій Властелинъ навсегда отвернулся отъ него.

Во время моего пребыванія въ Веймарѣ великая княгиня часто говорила мнѣ о вашемъ сіятельствѣ и о лэди Немброкъ, повторяя не разъ просьбу передать вамъ ея привѣтствія и сказать, что вспоминаетъ о васъ всегда съ удовольствіемъ; она повторила это порученіе еще разъ въ тотъ день, когда я прощался съ нею. Эта добрая и отличная княгиня входила въ подробности всего, что касается лэди П. и ея дѣтей¹⁾.

Шведская королева²⁾, остающаяся въ Брюсселѣ, тоже спрашивала о васъ. Я имѣлъ случай восхищаться величію, съ какимъ она переноситъ свои несчастія. Ея сынъ очаровательный мальчикъ, замѣчательной наружности и, говорятъ, уменъ.

Принцесса Амалія тоже въ числѣ семьи въ Брюсселѣ и, вернувшись туда, я уже застаю королеву Баварскую, которую ждали дней черезъ 8—10 послѣ моего отъѣзда. Я желалъ бы, чтобы ваше сіятельство видѣли Ея Величество въ такіе рѣдкіе дни. Государь тоже долженъ былъ пріѣхать, но быстрый ходъ побѣдъ и событій, рѣшающихъ судьбу Европы, задержитъ его, вѣроятно, во Франціи до полной развязки политическихъ дѣлъ. Могу увѣрить ваше сіятельство, что его пѣжнность и заботы къ супругѣ счастливать всѣхъ и возбуждаютъ надежды на будущее. Безъ сомнѣнія въ данную минуту для него и Россіи не достаетъ только этого счастія³⁾.

*

Брюссель, 5 (17) Марта 1814.

Такъ какъ Свининъ, развозящій прекрасныя извѣстія, проѣзжаетъ Брюссель на пути въ Англію, то я не могъ удержаться поздравить ваше

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ называлъ ее перломъ семьи (la perle de la famille).

²⁾ Это сестра нашей императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

³⁾ Этому, по свидѣтельству короля Леопольда, мѣшала императрица-мать. П. Б.

сіятельство съ новыми успѣхами, пріобрѣтенными графомъ Михаиломъ въ его службѣ, славной и отмѣнной среди героевъ нашей родины. Раньше свиданія съ Свинымымъ, отправившись къ ихъ императорскимъ высочествамъ, великимъ князьямъ, кои прибыли сюда вчера поздно вечеромъ, и направляясь въ главную квартиру, я узналъ эту новость отъ молодыхъ прекрасныхъ великихъ князей, которые съ восхищеніемъ говорили мнѣ о графѣ Михаилѣ и о томъ, что онъ совершилъ. 24 часа держался онъ съ 18.000 людей на опасной позиціи противъ 52.000 Французскихъ избранныхъ солдатъ, съ Бонапартомъ во главѣ, потерялъ 4.000 человекъ, но произвелъ страшное опустошеніе въ непріятельскихъ рядахъ и забралъ плѣнныхъ и орудія. Великіе князья прибавили, что за это дѣло онъ долженъ былъ получить Георгія 2-й степени. Къ несчастію, въ этомъ кровавомъ дѣлѣ убитъ молодой графъ Строгановъ, единственный сынъ вашего друга, прекрасный молодой человекъ, надежда своей почтенной семьи. Онъ былъ только что назначенъ къ графу Михаилу, что было горячимъ желаніемъ его родителей. Какое горе для семьи и какъ долженъ быть огорченъ графъ Михаилъ такой ужасной потерей! Послѣдствіемъ этого дѣла было, что на слѣдующій день Блюхеръ окончательно разбилъ армію, а послѣдствіемъ сраженія—взятіе приступомъ Реймса, 14.000 плѣнныхъ, по большей части старыхъ солдатъ, 50 пушекъ и бѣгство Бонапарта, котораго преслѣдуютъ Блюхеръ и Винцегероде и вѣроятно достигнуть до Парижа.

*

Намюръ, 27 Марта (8 Апрѣля) 1814.

Послѣ того, какъ я имѣлъ честь въ своемъ послѣднемъ письмѣ уведомить ваше сіятельство о несчастіи, случившемся съ графомъ Строгановымъ и предупредить о моей побѣздкѣ къ нему вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ, мы дѣйствительно были уже во Франкфуртѣ, чтобы предварительно устроить нѣкоторыя денежные дѣла Ея Величества, какъ она прислала сказать намъ, чтобы мы не ѣхали дальше, потому что графъ Витгенштейнъ, прибывъ въ Брухзаль, не согласился на отъѣздъ графа Строганова изъ арміи, и самъ Государь, говоря о смерти его сына, совсѣмъ не упоминаетъ о немъ самомъ. Нѣсколько дней спустя, я имѣлъ счастье получить письмо отъ графа Михаила и узналъ, что послѣ всѣхъ этихъ ужасныхъ дѣлъ съ 23 по 27 Февраля, онъ находится въ добромъ здоровьи. Изъ этого же письма узнали мы объ отъѣздѣ графа Строганова въ Эксъ-ла-Шанель, и Ея Величество сказала намъ ѣхать къ нему на слѣдующій же день. Не заставъ его тамъ, мы продолжали путь до сего города, гдѣ онъ былъ задержанъ тяжелымъ положеніемъ генераль-лейтенанта Ланского, тяжело ране-

наго въ дѣлѣ 23 Февраля, схватившаго затѣмъ гнилостную горячку и наконецъ умершаго здѣсь нѣсколько дней тому назадъ. Чтобы судить объ этой ужасной рѣзни, достаточно сказать, что этотъ день стоилъ намъ 4.000 солдатъ и семи генераловъ, изъ коихъ Ушаковъ убитъ, Ланской умеръ отъ ранъ (это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ кавалерійскихъ офицеровъ) и пятеро ранены. Вознесемъ хвалу Провидѣнію, сохранившему намъ графа Михаила, хотя и у него была прострѣлена шинель нѣсколькими пулями и ранена лошадь. Большинство лицъ его окружавшихъ и съ коими я познакомился за свою послѣднюю побѣдку или убиты или ранены, и огорченіе, которое я испыталъ отъ этого, отнимаетъ желаніе знакомиться впредь съ уважаемыми людьми, дѣйствующими на поприщѣ славномъ, побѣдоносномъ.

Я узналъ здѣсь отъ графа Строганова, что графъ Михаилъ уже получилъ за свое геройство Георгія 2-й степени. Изъ всѣхъ его награды эта доставила мнѣ наибольшее удовольствіе, и я отъ всего сердца поздравляю ваше сіятельство. Такъ какъ вѣроятно, что, благодаря необычайной дѣятельности, въ которой онъ находится, ваше сіятельство не будете имѣть отъ него частыхъ вѣстей, то я съ тѣмъ большею радостью пользуюсь случаемъ сообщить вамъ о немъ. Генераль-адъютантъ Кутузовъ, прѣбывавшій сегодня утромъ съ вѣстями о событіяхъ прекрасныхъ, равно и необычайныхъ, которыя произошли въ Парижѣ, видѣлъ графа Михаила пять дней тому назадъ. Это онъ досталъ графу Строганову разрѣшеніе ѣхать въ Россію, благодаря письму, написанному имъ послѣ сдачи графу Строганову командованія его корпусомъ: ибо адъютантъ послѣдняго, посланный имъ съ рапортами и т. д., пропалъ и не появлялся въ главной квартирѣ. Кутузовъ говоритъ, что графъ Михаилъ не въ Парижѣ, а двинулся дальше. Слава Богу, онъ, кажется, отдѣлался отъ Винценгероде, допустившаго перебить его прекрасную кавалерію близъ Витри и не прѣбывающаго въ Парижѣ. Признаюсь, очень тягостно видѣть графа Михаила подъ начальствомъ этого проходимца, который поступаетъ со времени соединенія своего съ Блюхеромъ довольно загадочно; не только генералы, но и самыя мелкіе офицеры громко ропщутъ на него. Съ нетерпѣніемъ жду еще извѣстій о графѣ Михаилѣ, ибо, кажется, ему суждено нанести послѣдній ударъ Бонапарту; а какое счастье не страшиться больше опасностей, особенно если Ожеро, Мармонъ и Мортъе перешли на правую сторону.

Графъ Строгановъ поручилъ мнѣ напомнить о себѣ вашему сіятельству, равно и князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Мы нашли перваго удрученнаго горемъ и очень похудѣвшаго; однако онъ

переносить свое несчастье съ возможною твердостью и покорностью, и здоровье его не плохо.

Мы уѣзжаемъ всё вмѣстѣ сегодня послѣ полудня на Кельнъ, гдѣ разстанемся: онъ поѣдетъ въ Россію, а мы вернемся къ Ея Величеству. Не представляю себѣ, какъ несчастная графиня Строганова перенесетъ свое бѣдствіе, она—такая хрупкая и слабая здоровьемъ.

Въ нашемъ путешествіи произошла задержка по случаю проѣзда пресловутаго Шведскаго принца. Онъ никакъ не могъ доѣхать къ Государю въ главную квартиру, встрѣтивъ въ дорогѣ Бонапарта, отнявшаго у него генерала Шильдебрандта и его адъютанта. Фхавшихъ впереди. Итакъ, онъ повернулъ назадъ и въ данное время идетъ на Брюссель. Это немного поздно и, кажется, онъ начинаетъ испытывать страхъ, и не безъ причины. Въ этихъ мѣстахъ ненавидятъ его и его Шведовъ, захватившихъ и съѣвшихъ громадное количество припасовъ и набравшихъ еще припасовъ для Швеціи, кои они отправили туда за счетъ страны. Кромѣ того онъ, его свита и всѣ офицеры жили здѣсь даромъ. Ужасное паденіе Бонапарта должно навести его на печальныя размышленія, особливо въ виду затрудненій съ Норвегією. Шепчутъ, что союзники возьмѣли великодушіе или жалость предложить Бонапарту избрать себѣ пріютъ и попросить чего нибудь для поддержанія его существованія. Я отъ этого въ отчаяніи; это означаетъ, если слухъ вѣренъ, что чудовище не успокоится и будетъ возбуждать новыя смуты во Франціи и Италіи. Къ тому же справедливость требуетъ, чтобы онъ некушалъ свои преступленія на эшафотѣ.

*

Баденъ, 20 Іюня (2 Іюля) 1814.

Мы покидаемъ Баденъ завтра утромъ, узнавъ, что Государь можетъ прибыть въ Брухзаль послѣ завтра или день спустя. Ея Величество чувствуетъ себя прекрасно, и я даже нахожу, что она пополнила. Она поручила мнѣ напомнить вамъ о ней. Къ сожалѣнію дурная погода не позволила вполнѣ воспользоваться этимъ очаровательнымъ и однимъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстомъ. Я однако воспользовался имъ, чтобы принять до двадцати ваннъ, принесшихъ мнѣ нѣкоторую пользу. Многіе изъ нашихъ раненыхъ офицеровъ находятъ здѣсь облегченіе, но дороговизна чрезмѣрна. Пріѣздъ Ея Величества былъ истиннымъ счастьемъ для бѣдняковъ. Поляки все портятъ азартною игрою: они изъ числа того отвратительнаго пріобрѣтенія, которое Россія сдѣлала изъ офицеровъ Бонапартовыхъ, и я считаю ихъ настоящей язвою. Надѣюсь,

что эти Поляки составятъ отдѣльный корпусъ и не внесутъ заразы въ нашу храбрую армію.

*

Брухзаль, 6 (18) Іюля 1814.

Ваше сіятельство спрашиваетъ о подробностяхъ пребыванія здѣсь Государя и о времени возвращенія его въ Россію. Имѣю честь отвѣтить вамъ, что Государь провелъ здѣсь только шесть дней и прошлую Среду уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ останавливался на два часа въ Гейльбронѣ, столько же въ Дармштадтѣ и часъ во Франкфуртѣ; въ Веймарѣ онъ долженъ былъ остановиться только для обѣда и на нѣсколько часовъ въ Лейпцигѣ. Онъ рассчитывалъ быть въ Петербургѣ 15 (27) этого мѣсяца. Онъ предлагалъ Государынѣ остаться здѣсь и пріѣхать въ Вѣну, чтобы провести вмѣстѣ время, пока будетъ длиться конгрессъ. Онъ рассчиталъ, что 31 Августа ст. ст. выѣдетъ изъ Петербурга и будетъ въ Вѣнѣ 13 Сентября. Велѣдствіе этого Ея Величество предполагаетъ покинуть эти края въ концѣ Августа, провести недѣли двѣ въ Мюнхенѣ и выѣхать оттуда въ Вѣну 14 или 15 Сентября. Послѣ конгресса Государь думаетъ пробѣхать съ Ея Величествомъ въ Мюнхенъ и Штутгардтъ, чтобы выполнить обѣщаніе, данное королемъ Баварскому и Вюртембергскому, провести нѣсколько дней съ маркграфинею, и тогда уже рѣшать, будетъ ли Ея Величество сопровождать его въ Берлинъ или пробѣдетъ прямо въ Петербургъ. Его Величество не можетъ миновать Берлинъ, ибо здѣсь ждутъ дней черезъ пять-шесть Прусскаго короля, а такъ какъ онъ привязанъ къ Ея Величеству памятью покойной королевы, не считая другихъ причинъ, связывающихъ его съ Государемъ и Россіею, то я увѣренъ, что онъ попытается пригласить Ея Величество, и Ея Величество не сможетъ не принять приглашенія, такъ какъ должна близко пробѣжать отъ столицы. Ваше сіятельство видите, что этотъ распорядокъ продержитъ насъ до Ноября, и я не думаю, чтобы мы могли вернуться домой раньше начала Декабря, если не произойдетъ какой либо перемены въ планѣ. Весь этотъ расчетъ основанъ на словахъ Нессельроде и Булгакова, сказавшихъ мнѣ, что конгрессъ не продлится свыше трехъ недѣль, такъ какъ все уже заранѣе обещано въ Парижѣ и Лондонѣ и могутъ явиться только второстепенныя обещанія: дѣло будетъ, слѣдовательно, заключаться, по обычаю, только въ изложеніи всего письменно.

Что касается въ частности Ея Величества, мы все въ восторгѣ и въ радости. Дѣйствительно, невозможно выказать больше заботъ и трогательныхъ доказательствъ самой нѣжной дружбы по отношенію къ Ея Величеству и вниманія ко всей семьѣ, какъ это дѣлалъ Государь.

Все было слишкомъ очевидно, чтобы мы не прониклись радостью и надеждами на будущее. Дай Богъ, чтобы такъ и осталось: Россія и самъ Государь будутъ счастливы и довольны. Первое свиданіе въ Рорбахѣ, насколько я знаю, было въ высшей степени трогательно. Ея Величество сопровождали только ея сестра, принцесса Амадія, и одна изъ нашихъ придворныхъ дамъ. Взаимное удовлетвореніе Ихъ Императорскихъ Величествъ было тѣмъ болѣе очевидно, что было отмѣчено самой настоящей искренностью. Опасна поѣздка въ Россію*). Ея Величество была готова и рѣшила ѣхать нѣсколько дней спустя за Государемъ въ Петербургъ; но окончательное рѣшеніе было предоставлено Государю. Шведская королева и в. княгиня Екатерина заставили рѣшить по своему желанію: первая для дѣтей, коимъ Государь взялся подъ секретомъ быть опекуномъ, а вторая, дабы съ Ея Величествомъ можно бы и ей ѣхать въ Вѣну. Мнѣ давно извѣстны ея виды на эрцъ-герцога Карла, и такъ какъ мы теперь уже остались, то я желаю сердечно ей успѣха. Но, признаюсь, не могу не жалѣть о сей отерочкѣ, во первыхъ по причинѣ разныхъ сплетенъ и пр. и пр.; во вторыхъ, что не надобно было жертвовать настоящимъ для будущаго, которое не всегда вѣрно, а всегда неизвѣстно. Но съ надеждою на Бога остается намъ еще жить здѣсь шесть недѣль безвыѣздно.

Послѣ отъѣзда Пруссакаго короля, коего ждутъ 13 (25) Сентября, сего мѣсяца, Ея Величество и весь дворъ ѣдутъ въ Баденъ, мѣстопробываніе пріятное и коимъ я хочу воспользоваться и пить воды, которыя принесли мнѣ нѣкоторое облегченіе въ тѣ десять дней, что я тамъ провель. Король и королева Баварскіе пріѣдутъ туда послѣ завтра; слѣдовательно вся семья снова будетъ въ сборѣ. Мнѣ очень хотѣлось совершить трехнедѣльную поѣздку, чтобы повидать ваше сіятельство и лично выразить чувства почтительной и вѣчной преданности; но, къ несчастію, будучи единственнымъ для всякаго рода работъ, имѣя кромѣ того деньги и кредитъ на свое имя, а также обязанность провѣрять счета, я не смѣю просить объ этомъ Ея Величество, тѣмъ болѣе, что князь Голицынъ уже получилъ разрѣшеніе Ея Величества на поѣздку въ Швейцарію и уѣзжаетъ послѣ завтра.

Если, однако, въ будущемъ, особливо, если Ея Величество поѣдетъ обратно съ Государемъ, я увижу, что не такъ необходимъ ей, то моимъ величайшимъ счастіемъ будетъ увидѣть своего благодѣтеля, второго отца, коему я обязанъ своимъ положеніемъ, благосостояніемъ, всѣмъ,

*) Эти четыре слова написаны по русски. П. Б.

включая чувства и правила, руководящія мною. Я увѣренъ, что ваше сіятельство не откажете мнѣ въ милости быть свидѣтелемъ вашего свиданія съ графомъ Михаиломъ и примите меня какъ человѣка, преданнаго вамъ на всю жизнь. Одна мысль о такомъ счастьи дѣлаетъ скучное пребываніе при Нѣмецкомъ дворѣ переносимымъ, и я всѣмъ сердцемъ желаю возможности ее осуществить.

Государь послѣ моего назначенія къ Ея Величеству скоро уѣхалъ въ армію, и только здѣсь имѣлъ я счастье быть ему представленнымъ въ первый разъ Ея Величествомъ. Могу поздравить себя съ милостью и добротою, съ коими онъ меня принималъ. Между прочимъ онъ спросилъ, сколько лѣтъ я былъ при вашемъ сіятельствѣ и сказалъ, что видѣлъ васъ въ добромъ здоровьи и безъ всякой перемѣны съ поѣздки въ Россію. Я понимаю восторгъ Англичанъ при видѣ Государя, коего привѣтливость, доброта и милость равны его славѣ и величію. Государь самъ восхищенъ Англією; онъ сказалъ Ея Величеству, что очень жалѣлъ объ ея отсутствіи въ Лондонѣ, пребыванія въ коемъ онъ никогда не забудетъ: что касается Парижа, то онъ покинулъ его съ удовольствіемъ, какъ самый худшій изъ бивуаковъ.

*

Бадень, 16 (28) Августа 1814.

Въ данное время Ея Величество готовится покинуть Бадень 1-го Сентября и. ст. и Карлеруэ 8-го числа, чтобы прибыть въ Мюнхенъ 10-го. Къ 15-му она должна быть въ Вѣнѣ непосредственно послѣ пріѣзда Государя. Это тѣже предположенія, что были сдѣланы въ бытность Государя здѣсь и подтвержденіе коихъ онъ прислалъ Ея Величеству съ курьеромъ, прибывшимъ нѣсколько дней тому назадъ; съ нимъ же Государь сообщаетъ о своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга въ послѣдній день Августа. Такимъ образомъ я принужденъ завтра утромъ ѣхать въ Аугсбургъ, приготовить нужныя для путешествія деньги, и вернуться въ Карлеруэ за три дня до отъезда Ея Величества. Пока съ довѣріемъ говорятъ о возвращеніи сюда Ея Величества съ Государемъ послѣ конгресса, и я съ трепетомъ помышляю о времени, когда это возвращеніе состоится. Дай Богъ, чтобы послѣдствія были счастливы для Россіи и Ея Величества.

Я читалъ въ газетахъ объ отъѣздѣ лорда Кастльрэ, а изъ Парижа извѣщаютъ, что Талейранъ тоже готовится къ отъѣзду. Потребуется много тонкости работать съ этимъ человѣкомъ. Франція беретъ тонъ, отъ котораго могла бы пока воздержаться послѣ несчастій,

причиненныхъ ей міру и справедливаго униженія, испытаннаго ею въ наказаніе за столько преступленій. Признаюсь, роль, которую въ данное время играетъ Людовикъ XVIII, указываетъ на слабость, чего въ началѣ въ немъ не предполагали. Утверждать почти все гнусныя учрежденія Бонапарта развѣ не значить признавать ихъ законность? Послѣдствія могутъ оказаться неисчислимы и пагубны. Герцогъ Беррійскій въ Корсикѣ тоже задастъ тонъ своими воинственными предположеніями: было бы лучше, если бы онъ отплылъ съ своими храбрцами и бахвалами на завоеваніе Санъ-Доминго, нежели говорить о своихъ будущихъ подвигахъ въ Европѣ.

Говорятъ, нѣтъ границъ, на которыхъ Австрія не дѣлала бы проэктовъ своего расширенія, и потому неудивительно, что Виртембергъ открыто вооружается, а остальные Нѣмецкіе принцы дѣлаютъ тоже втихомолку. Въ Италіи большинство частныхъ владѣній конфисковано. Принцесса Августа Баварская, жена бывшаго вице-короля, не можетъ даже получить свои приданные наряды, конфискованные у нея, не смотря на просьбы. Указываютъ на черты жадности и Гарпагоновой скупости этого правительства, которыя не къ славіи его будутъ заявляться на конгрессѣ. Но все же невозможно ждать войны, какъ слѣдствія конгресса. Хотя многіе вѣрятъ въ это, и нѣкоторыя письма изъ нашей арміи о томъ говорятъ.

*

Вѣна, 11 (23) Октября 1814.

Нашъ отъѣздъ отсюда такъ неопредѣленъ, что Ея Величество сама не можетъ указать на точный срокъ. Впрочемъ думаютъ, что конгрессъ не продолжится дальше 15 Ноября н. ст. Путешествіе зимою будетъ ужасно, а такъ какъ видимо рѣшено, что остановка въ Мюнхенѣ продлится не болѣе 5 дней, въ Штутгартѣ 2 дня и въ Брухзалѣ—8, къ чему слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько дней на Веймаръ и Берлинъ, то въ Петербургѣ мы, вѣроятно, будемъ въ Генварѣ. Государь изъ Берлина съѣздитъ въ Варшаву. Не смотря на привычку, образовавшуюся здѣсь, быть вмѣстѣ и жить въ согласіи, которымъ окружающіе не могутъ достаточно налюбоваться и которое сулитъ въ будущемъ счастье для Россіи, мало вѣроятія, чтобы Государь, привыкшій путешествовать быстро, день и ночь, свыкся съ такимъ путешествіемъ, на которое будетъ обречена Ея Величество. Впрочемъ, дальше станетъ виднѣе. Дай Боже, чтобы въ Петербургѣ не было больше горя: а на это можно надѣяться съ отъездомъ Н.*), которая уѣхала въ Парижъ на два года, а можетъ, надѣюсь, и на болѣе долгій срокъ. Разъ это обстоятельство

*) Марья Антоновны Парышкиной. П. Б.

будетъ улажено, можно будетъ сказать, что Россія восторжествовала надъ всѣми врагами виѣшними и внутренними. Особенно можно будетъ это сказать и въ томъ увѣрится, если, какъ пишутъ изъ Петербурга, уничтоженіе министерствъ и возвращеніе къ прежнимъ формамъ управленія будетъ одною изъ первыхъ мѣръ послѣ конгресса. Полнаго счастья достигнетъ Россія только съ паденіемъ всѣхъ этихъ мелкихъ тирановъ и когда умъ великаго основателя Россійской имперіи оживитъ всѣ ея омертвѣвшія части. Отставка графа Румянцова, призывъ Троицкаго въ Министерство Юстиціи и Мордвинова въ президенты экономической части Совѣта, довольно хороши для начала; найдутся и Мѣрковы, и Салтыковы, и Новосильцовы, и другіе; стоитъ только серьезно этого захотѣть.

Послѣдній государственный секретарь, Шишковъ сдѣланъ членомъ Совѣта безъ назначенія кого либо на его мѣсто; въ этой отсрочкѣ видятъ какъ бы признакъ упраздненія Совѣта, образецъ коего данъ Бонапартомъ.

Я знаю, графъ, что эрцъ-герцогъ Карлъ былъ первымъ женихомъ, предназначавшимся великой княгинѣ Екатерицѣ и къ которому она даже чувствовала расположеніе. Я думаю, что ихъ бракъ былъ почти рѣшенъ до поѣздки въ Лондонъ; именно тамъ представилась новая партія и была предпочтена первой. Эрцъ-герцогъ былъ самъ потомъ въ Эгрѣ (Egra); говорили, будто онъ получилъ формальный отказъ. Но судя по вниманію и заботамъ, которыя онъ оказываетъ ей до сихъ поръ, нужно думать, что отвѣтъ былъ уклончивъ. Королевскій принцъ Виртембергскій *) болѣе сдержанъ, вѣроятно вѣдѣтвіе присутствія всей Баварской семьи, но держится съ видимою увѣренностью. Оба, видимо, увлечены ею. Пока неизвѣстенъ отвѣтъ Императрицы-матери и приняла ли она послѣдняго, но ихъ бракъ считаютъ рѣшеннымъ, чего съ своей стороны очень желаетъ король. Такъ какъ извѣстно, что преобладающая страсть великой княгини — честолюбіе, и мать слишкомъ обожаетъ ее, чтобы отказать въ томъ, чего она желаетъ, то можно смотрѣть на это дѣло, какъ на рѣшеное, по крайней мѣрѣ почти всѣ такъ и смотрятъ. Причины, выставляемыя вашимъ сіятельствомъ, слишкомъ важны, чтобы не видѣть, что этотъ бракъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе перваго, какъ бы ни было это безразлично по отношенію къ принцессѣ Баварской, коей разводъ и несостоятельность брака объявлены. Я видѣлъ эту несчастную принцессу въ Мюнхенѣ. Ея умъ, кротость и доброта заставляютъ забывать о безобразіи, которое вовсе не такое

*) Это сынъ Зельмиры. П. Б.

отталкивающе, какъ я полагалъ. Думаю, что она будетъ хорошо отомщена своей преемницею.

Мнѣ пишутъ, что графъ Растопчинъ поѣхалъ въ деревню; другіе увѣряютъ, что онъ поѣдетъ за границу, чему я не вѣрю. Вѣрно то, что онъ просилъ уволить его отъ управленія Москвою. Наскучивъ всякими придирками, которыя начаты покойнымъ Валугевымъ и продолжены многими другими, онъ, думаю, потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Меня увѣряютъ, что Государь обошелся съ нимъ очень милостиво, и такъ какъ его назначили членомъ Совѣта, то, пожалуй, онъ будетъ имѣть значеніе, если департаменты нашего управленія преобразуются согласно началамъ Петра Великаго, а едва ли найдется болѣе ревностный приверженецъ этихъ началъ, какъ графъ Растопчинъ. Князь Чарторыйжскій здѣсь и просилъ меня напомнить о себѣ вашему сіятельству. Онъ, повидимому, не играетъ никакой роли; впрочемъ, онъ достаточно сдержанъ и скромнень, чтобы выставляться. Новосильцевъ пока въ Варшавѣ и въ проѣздъ Государя получилъ ленту св. Александра. Что касается графа Строганова, то онъ здоровъ, но его горе неизлечимо, и я съ прискорбіемъ узнаю, что онъ сталъ страдать острой меланхоліей. Ваше сіятельство можете быть покойны относительно своего письма къ нему въ Экъ-ла-Шапель; онъ говорилъ мнѣ о немъ съ глубокимъ чувствомъ, когда я видѣлъ его въ Намюрѣ.

Нѣсколько дней уже весь городъ занятъ слухомъ, ложнымъ или вѣрнымъ, трудно сказать, но достаточно необычнымъ, чтобы не сообщить о немъ вашему сіятельству: это—даръ здѣшняго дома со всѣмъ что въ немъ, поднесенный графомъ Разумовскимъ Государю. Нѣтъ сомнѣній, что онъ его сдѣлалъ, но что Государь принялъ, какъ думаютъ, невѣроятно. Вотъ какія подробности этого дѣла узналъ я отъ осведомленныхъ людей. Графъ Разумовскій, давшій нѣсколько дней тому назадъ обѣдъ ихъ величествамъ и высочествамъ, явился на слѣдующій день благодарить Государя за оказанную честь и между прочимъ прибавилъ: „Ваше Величество обѣдали у себя, ибо я вывезъ изъ Россіи для постройки этого дома милліонъ рублей не для того, чтобы оставлять его въ Вѣнѣ. Я строилъ домъ съ мыслию, что онъ навсегда останется дворцомъ для посольства вашего величества (ясно, что онъ просился опять въ послы). Теперь я умоляю принять его для таковой надобности, и такъ какъ онъ имѣетъ достаточный запасный капиталъ для оплачиванія расходовъ по содержанію, то я буду имѣть утѣшеніе знать, что выстроилъ это помѣщеніе для пользы общественной и что оно не будетъ въ тягость родинѣ“. Государь отвѣчалъ, что не хочетъ

лишать племянниковъ и племянницъ графа такого значительнаго наслѣдства и не требуетъ такой большой жертвы для доказательствъ усердія графа, которое онъ всегда впагалъ въ свою службу. Графъ, говорятъ, продолжалъ настаивать, и тогда Государь сказалъ: „Вы узнаете черезъ нѣсколько дней, графъ, какъ я умѣю цѣнить и награждать достоинства и долгія и важныя заслуги, оказанныя мнѣ вами“. Этотъ неопредѣленный отвѣтъ далъ поводъ думать, что Государь принялъ дворецъ Разумовскаго и назначаетъ его канцлеромъ. Зная однако, что графъ не помышляетъ о возвращеніи въ Россію, предполагають, что, получивъ это званіе, онъ вернется сюда посломъ и останется жить въ собственномъ дворцѣ. При отъѣздѣ ихъ величество вопросъ долженъ выясниться. Другіе охотно вѣрятъ, что мысль о возможности брака великой княгини съ эрцъ-герцогомъ Карломъ дала поводъ графу Р. сдѣлать это предложеніе; нѣкоторыя низости, не довольно скрываемыя, которыя всѣ замѣтили въ этомъ великолѣпномъ и горделивомъ человѣкѣ, придаютъ слуху вѣроятность. Самъ графъ Штапельбергъ испыталъ живѣйшее безпокойство, но видимо успокоился съ того времени, какъ Государь удостоилъ быть у него на балу, нѣсколько дней тому назадъ, и обѣщаль пріѣхать еще разъ. Самое вѣроятное заключеніе, которое можно сдѣлать изъ этого слуха, по моему мнѣнію, то, что Государь пожелалъ дать большой обѣдъ на слѣдующій день годовщины Лейпцигской битвы генераламъ и офицерамъ всѣхъ союзныхъ державъ, и графъ Р. предложилъ ему свое обширное помѣщеніе и такъ какъ дѣйствительно обѣдъ данъ въ его дворцѣ, то это истолковали совсѣмъ иначе. Обѣдъ состоялся 7(19) числа и, увѣряють, былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ; 360 персонъ были обслужены такъ, какъ будто ихъ было не болѣе 25. Говорять, что обѣдъ и убранство стоили 200.000 флориновъ, что составляетъ по теперешнему курсу столько же рублей. Наканунѣ, т. е. 18 (6) императоръ Австрійскій далъ военный праздникъ съ молебномъ, совершеннымъ въ Пратерѣ и съ парадомъ, послѣ чего 17.000 солдатъ обѣдали на прилегающей долині. Этотъ праздникъ, по мѣстоположенію, красному и обширному, по изобилію угощенія для солдатъ, по богатству убранства, по чудному виду и особенно по воспоминанію, былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ (потому что всѣ эти такъ называемые Нѣмецкіе праздники замѣчательно скучны). Вечеромъ того же дня Меттернихъ далъ балъ, и иллюминаціи изображали всюду Лейпцигъ, гдѣ Меттернихъ и компанія принимали такъ мало участія. Было замѣчено, что Шварценбергъ единственный отсутствовать и, говорятъ, онъ никогда не упускаетъ случая выказать свое глубокое презрѣніе къ этому министру. Онъ, вѣрно, и не пріѣхалъ бы въ Вѣну, если бы Государь не послалъ нарочно графа Потоцкаго въ

Богемію пригласить его сюда для свиданія. Вообще этотъ министръ не можетъ похвалиться, чтобы его любили или даже особенно уважали.

Государь на этихъ дняхъ уѣзжаетъ въ Венгрію, какъ для посѣщенія могилы своей сестры, такъ и для смотра нѣкоторыхъ Венгерскихъ полковъ. Вѣнскій дворъ не спѣшитъ съ конгрессомъ, занимая непрерывно властелиновъ смотрами, балами и охотами, чѣмъ они не особенно довольны. Впрочемъ увѣряютъ, будто дѣла почти окончены и остается только выяснитъ нѣкоторыя подробности. Такъ какъ судьба Саксоніи, которую очевидно раздѣлять на три части, достаточно отвратила меня отъ политики, чтобы умѣрить мое любопытство, и я болѣе не спрашиваю вѣстей, то не съумѣю, графъ, дать вамъ какихъ нибудь удовлетворительныхъ указаній; пусть онопливаютъ королевскую власть, броя изъ нея пять или шесть королей, Европа не станетъ отъ этого ни спокойнѣе, ни счастливѣе. Если продолжать систему Бонапарта, дѣлать раздѣлы, обмѣны, промѣны, естественнымъ и очевиднымъ слѣдствіемъ явится то, что народы не могутъ быть привязаны къ своимъ властелинамъ, на коихъ смотреть, какъ на временныхъ хозяевъ; нужно отказаться отъ мысли и надежды возстановить прочный миръ; наоборотъ, этими мѣрами сѣять сѣмена раздора и будущихъ войнъ, за которыя потомство насъ не поблагодаритъ. Карая короля Саксонскаго, думаю, по справедливости, было несправедливостью наказывать весь народъ, который такъ достойно себя велъ и всегда могъ имѣть короля среди другихъ вѣтвей царствующей такъ давно въ Саксоніи династіи. Къ несчастію, на конгрессѣ приняли, видимо, за основаніе устранить личность Бонапарта, но не его политику, такъ хорошо подходящую для Австріи и Пруссіи. Говорятъ, Польша будетъ намъ принадлежать не какъ королевство, а какъ герцогство Варшавское. Я недоволенъ, ибо никогда не слѣдуетъ дѣлать дѣло на половину; впрочемъ возстановленіе королевства въ лицѣ Государя Россіи было нѣкимъ образомъ обѣщано Полякамъ, и только льстя чрезмѣрному тщеславію этой низкой и мятежной націи, можно держать ее въ покоѣ. Она также будетъ подличать передъ великимъ княземъ въ лицѣ вице-короля, какъ передъ Бонапартомъ. Или слѣдовало бы переселить большую часть Польскаго населенія въ незаселенныя мѣста Россіи и замѣнить ихъ настоящими Русскими, на которыхъ можно бы было положиться. Россія достаточно обширна и могущественна, чтобы перенести лѣтъ въ пять эту важную и столь необходимую для будущаго спокойствія операцію. Еще ничего неизвѣстно о судьбѣ Италіи, но надѣются, что Австрія согласится на высылку Мюрата. Марія-Луиза въ Шёнбрунѣ и не показывается, въ обществѣ. Она и Ея Величество обмѣнялись обычными визитами.

Австрійская императрица захотѣла непременно привести къ Ея Величеству эту дуру. Мнѣ рассказывали, что эта бывшая императрица въ свой проѣздъ изъ Парижа черезъ Линцъ, послѣ послѣдней революціи, выказала столько спѣси, высокоумія и дерзости по отношенію къ дамамъ, что во второй разъ, когда она проѣзжала городъ по дорогѣ въ Эксъ, никто не явился представиться ей кромѣ тѣхъ, кои обязаны были по долгу службы. Она много ѣздитъ верхомъ, доѣзжая даже до Бадена и къ обѣду возвращается. Я ея не видалъ, но видѣлъ ребенка, отправившись какъ-то съ Русскими въ Шёнбрунъ посмотреть дикихъ звѣрей. Мы много смѣялись тому, что начали съ него, и все стоило намъ только два дуката. Заявившись г-жѣ Монтескье, мы были ею довольно вѣжливо приняты. Маленькій чертеночъ стоялъ возлѣ нея въ напяленной Венгерской формѣ, зеленой съ серебромъ, и держался на караулѣ, положивъ руку на саблю, висѣвшую съ боку; онъ все время оставался въ этомъ положеніи, предписанномъ ему, полагаю, его гувернанткою. Онъ отвѣчалъ намъ „да“ и „нѣтъ“ на нѣкоторые вопросы, заданные нами ему, но довольно неохотно, такъ что мы не могли подмѣтить и признака того ума, который ему приписываютъ. Онъ очень бѣлокуръ, бѣлъ, великъ ростомъ, толстъ, съ голубыми глазами, однимъ словомъ, не имѣющій ни одной черты своего чудовища-отца. Рассказываютъ, что когда ему сказали при входѣ Австрійскаго императора: „Поклонитесь вашему дѣдушкѣ“, онъ отвѣчалъ: „Какъ, это нашъ злѣйшій врагъ!“ Въ общемъ постоянно выдумываютъ разговоры и приписываютъ ихъ этому ребенку, который въ его годы не можетъ имѣть о нихъ даже и понятія. Я увѣренъ, что онъ уже и забылъ, что былъ королемъ. Вице-король Евгений Богарне также здѣсь, и увѣряюгъ, будто ему дадутъ значительное княжество, которое хотятъ образовать для него изъ владѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Тревскому электорату. Австрійскій дворъ въ началѣ дурно обращался съ нимъ, но какъ только замѣтили, что нашъ Государь обращается съ нимъ милостиво и даже нѣсколько разъ приглашалъ его на обѣдъ, начали его также приглашать на праздники и обѣды при Австрійскомъ дворѣ. Кажется, узнали о словахъ нашего Государя, сказавшаго, что, кто обходится дурно съ зятемъ Баварскаго короля, тѣмъ выказываетъ сему непочтеніе послѣднему. Я имѣлъ случай часто видѣть его въ Баденѣ, Мюнхенѣ и здѣсь; нахожу, что онъ честный человекъ и никогда не выказалъ бы притязаній, если бы не имѣлъ въ супругъ Баварскую принцессу. Онъ показывалъ нѣкогорымъ письмо, полученное имъ отъ Бонапарта, гдѣ тотъ задаетъ ему такой вопросъ: „Скажите, чтѣ случилось съ Италіей; потому что я сижу на своемъ острову въ полномъ невѣдѣніи того, чтѣ происходитъ на театрѣ Европы“.

Никогда Вѣна не была, думаю я, такъ скучна, какъ въ данное время. Я даже удивляюсь, что прежде слышалъ похвалы нашихъ соотечественниковъ пребыванію въ Вѣнѣ. Безспорно, въ ней есть источники для искусствъ, наукъ и любознательности путешественниковъ, но общества никакого. Только иностранцы, т. е. мы, Русскіе, держимъ открытый домъ, а потому я не понимаю, почему не тратить свои деньги въ Россіи, тѣмъ болѣе, что источники, о коихъ я упомянулъ, настолько здѣсь тощи, что въ три недѣли можно все увидеть и все узнать. Что касается Вѣнцевъ, то они ограничиваются нѣсколькими плохими зваными обѣдами, на которыхъ много скуки, еще больше этикета и самая дурная провизія. Большинство живетъ у себя и для себя; но стоить иностранцу устроить чай, маленькій ужинъ или завтракъ, какъ сбѣгается весь городъ. Я встрѣчалъ князя Штаремберга въ нѣкоторыхъ домахъ; онъ вспомнилъ Лондонъ и сказалъ мнѣ по секрету, что ненавидитъ свою страну всею сердцею. Не желая никому дѣлать визитовъ, я не пошелъ и къ нему. Его младшая дочь очень красива.

Сборъ государей здѣсь представляетъ любопытнѣйшее зрѣлище: никогда не видалъ я такихъ смѣшныхъ или глупыхъ уродовъ, какъ эти князья Нѣмецкой имперіи; иногда нельзя удержаться отъ смѣха или жалости при видѣ этихъ людей, великихъ у себя и ничтожныхъ здѣсь¹⁾. Нельзя не пожалѣть, что собраніе, подобное здѣшнему, выставило ихъ всѣхъ на показъ и отняло всякую иллюзію, которая могла бы существовать, тѣмъ болѣе, что съ этихъ поръ каждаго можно оцѣнивать по его настоящей стоимости. Среди королей, Датскій, какъ говорить, ниже посредственности; но это можетъ быть оттого, что онъ самый несчастный, и природа была къ нему особенно безжалостна, надѣливъ его отвратительной фигурою; это какой то Альбиносъ, привидѣніе, существо омерзительное, не обладающее, повидимому, даже даромъ слова, чтобы-заставить забыть свое гнусное безобразіе. А говорить, что это человекъ съ головою. Что касается Виртембергскаго короля²⁾, то онъ такъ любезенъ и обладаетъ такимъ умомъ, что неприятное впечатлѣніе отъ его громоздкой фигуры исчезаетъ тотчасъ же, какъ съ нимъ заговоришь. Говорятъ, будто большинство министровъ, съѣхавшихся на конгрессъ, люди съ большими достоинствами, но я мало кого знаю. Наша канцелярія для конгресса состоитъ, кромѣ графа

¹⁾ Тоже самое читаемъ въ Запискахъ графини Эдлингъ. П. Б.

²⁾ Это бывший у насъ Выборгскимъ генералъ-губернаторомъ, мужъ Зельмиры, которую онъ колотилъ. П. Б.

Нессельроде, изъ Анштедта, Булгакова и графа Воронцова¹⁾. Помимо нихъ здѣсь Штейнъ и Лагарпъ. Сей послѣдній сдѣланъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; онъ сказалъ мнѣ, что разсчитываетъ ѣхать въ Россію только будущей весною; не знаю, чтобъ оставаться ли на нашей службѣ или только повидать Государя и Россію²⁾. Знаю, что онъ не пользуется любовью и уваженіемъ въ Швейцаріи, и Государь это также хорошо знаетъ; знаю даже, что онъ старался узнать причины нерасположенія Швейцаріи. Сюда вызваны Поццо изъ Пармжа, Каподистрія изъ Швейцаріи и Козловскій изъ Турина. Этотъ совершилъ большую глупость, попросившись сюда, чтобы придать себѣ важности, ибо не хотятъ его возвращенія въ Туринъ и устраняють это, а онъ и не подозрѣваетъ. Онъ такой же сумасшедшій, какимъ былъ въ Лондонѣ и не перестаетъ хвалиться передо мною благорасположеніемъ вашего сіятельства и *нѣкимъ уваженіемъ*, коимъ онъ пользуется у васъ! Разумѣется, я сдѣлалъ видъ, что ничего не знаю и радуюсь узнать это отъ него. Въ сущности я не знаю, что можно сдѣлать на конгрессѣ съ этимъ человѣкомъ, развѣ что впередъ разгласить все дѣла. Къ счастью, его ни до чего не допускають.

Несчастливая графиня Протасова въ такомъ положеніи, что не протянетъ и зиму. Не смотря на это, ея притязанія и страсть ко двору не уменьшились, такъ что Ея Величество постоянно въ страхѣ, что она умретъ у нея въ прихожей, или на лѣстницѣ. Печально видѣть человѣка, упорство котораго протянуть, можетъ, всего на нѣсколько дней свою непрочную и тягостную жизнь, заставляетъ подвергаться случайности умереть на улицѣ; а между тѣмъ въ Петербургѣ у нея пять племянницъ, и много друзей, могущихъ закрыть ей глаза. Она намѣрена ѣхать въ Италію и провести зиму въ Ниццѣ; но все доктора не вѣрятъ, чтобы она была въ состояніи совершить такую поѣздку³⁾.

*

Вѣна, 5 (17) Ноября 1814.

Я снова растроганъ добротою вашего сіятельства, выказывать которую вы не устаете, исправляя съ отеческою заботою заблужденія въ нѣкоторыхъ моихъ мнѣніяхъ, происшедшія отъ предубѣжденія и ненависти къ Бонапарту и его учрежденіямъ. Если я обвинялъ Людовика XVIII въ слабости, то за то, что онъ сохранилъ нѣкоторыя изъ нихъ, кои могъ измѣнить или въ названіи или въ формѣ, какъ на примѣръ По-

¹⁾ Это былъ молодой Ларіонъ Ивановичъ, первый графъ Воронцовъ-Дашковъ, отецъ нынѣшняго Кавказскаго намѣстника. П. Б.

²⁾ Сколько извѣстно, этотъ пріѣздъ къ намъ Лагарпа не состоялся. П. Б.

³⁾ Графиня Анна Степановна Протасова прожила еще нѣсколько лѣтъ. П. Б.

четный Legionъ. Я знаю, что было немислимо уничтожить этотъ орденъ изъ за пенсій и многихъ преимуществъ, коими пользуются по крайней мѣрѣ 40—50 т. человекъ, въ особенности военныхъ (они стали бы заклятыми врагами того, кто захотѣлъ бы ихъ отнять); но, сохраняя ихъ выгоды, прекрасно можно было дать ордену менѣе ненавистное названіе и присвоить признаки и болѣе почетные, и болѣе подходящіе къ обстоятельствамъ. Мнѣ въ свое время говорили, что королю указывали на возможность возбудить тѣмъ ненависть, и онъ принужденъ былъ измѣнить рѣшеніе, принятое имъ, оставить прежнихъ пенсіонеровъ Legionа и не назначать новыхъ, и роздалъ ордена даже эмигрантамъ, взиравшимъ на орденъ съ ужасомъ. Впрочемъ причины были такъ важны, что пришлось уступить необходимости успокоить умы, и король такую жертвою достигъ того, что во Франціи лишь немногіе вспоминаютъ Бонапарта. Онъ на своемъ острову, такъ сказать, забытъ всѣмъ свѣтомъ, начиная съ Франціи.

Съ того времени, какъ я имѣлъ честь вамъ писать, познакомился я съ Кукомъ. Трудно найти человека болѣе почтеннаго внѣшностью и обращеніемъ, а что касается до его разговора, то это разговоръ человека испытаннаго въ дѣлахъ, тѣмъ болѣе пріятный, что онъ очень простъ и безъ всякаго пустословія. Имѣлъ я удовольствіе видѣть его два раза, и если бы онъ не былъ такъ близокъ къ дѣламъ, я бы желалъ видѣть его чаще; но въ то время, что оба наши отечества въ очевидной политической оппозиціи, я боюсь показаться нескромнымъ, видаясь съ нимъ слишкомъ часто и имѣть видъ любопытнаго или желающаго вмѣшиваться въ дѣла, меня нисколько не касающіяся. Я съ удовольствіемъ узналъ, что онъ получилъ обо мнѣ благопріятное представленіе.

Графъ Мюнстеръ*) благодаритъ ваше сіятельство за память и сказалъ мнѣ вчера, что получилъ отъ васъ письмо. Онъ женился. Я видѣлъ его жену, когда она представлялась на балу Ея Величеству, нѣсколько дней тому назадъ и вчера. Ей за тридцать, и она весьма некрасива; но такъ какъ красота не составляетъ часто достоинства супруги, то обладаетъ заслугою быть существомъ исполненнымъ ума и талантовъ, по мнѣнію всѣхъ. Князь Гагаринъ, князь Голицынъ, княгиня Прозоровская, графъ Иванъ и Булгаковъ просили меня напомнить о нихъ вашему сіятельству. Всѣ здоровы, начиная съ Ея Величества.

Барклай-де-Толли не здѣсь, а въ главной квартирѣ близъ Варшавы. Я знаю его лично только съ Брухзаля и Бадена, гдѣ я имѣлъ случай

*) Прусскій министръ. П. Б.

любоваться его достойнымъ уваженіемъ характеромъ, полнымъ умѣренности, мягкости и достоинства; онъ говорилъ мнѣ тогда съ удовольствіемъ, что знаемъ вашему сіятельству. Наша царская свита самая многочисленная среди другихъ дворовъ, а такъ какъ ваше сіятельство любопытно узнать, изъ кого она состоитъ, то я счелъ, что вы охотно просмотрите общій списокъ иностранцевъ, находящихся здѣсь. Въ этомъ предположеніи я имѣлъ честь послать вамъ печатный указатель съ добавленіемъ, въ которомъ помѣтилъ, въ отдѣлѣ Россіи, лицъ входящихъ въ свиту Ихъ Величествъ. Тѣ кои не помѣчены—путешественники или люди пріѣхавшіе для леченія.

Нашъ отъѣздъ отсюда не рѣшенъ, такъ же какъ окончаніе конгресса. Сегодня говорятъ о 2 Декабря н. ст., какъ о послѣднемъ срокѣ нашего пребыванія, но такъ какъ я не вижу никакого основанія для этого слуха, то считаю его празднымъ вымысломъ, что случалось уже не разъ. Увѣряютъ, будто дѣла уладятся, не смотря на противодействие Англіи, поддерживаемой Австріей. Извѣстно, что послѣдняя всегда, гдѣ возможно, прячется за спину другихъ; но это ей не всегда удается. Говорятъ, что Пруссія прямо заявила себя сторонницею нашею и что король былъ не весьма доволенъ, узнавъ, что Гарденбергъ совѣтъ попался въ сѣти интригъ Меттерниховыхъ, поддержанныхъ вѣроятными посулами Австріи на основаніи обѣщаній Англіи и даже Франціи. Что касается первой, то указываютъ на одну ноту лорда К., писанную довольно рѣзко и предлагающую соображенія сдѣлокъ и условій неприемлемыхъ. Относительно второй, увѣряютъ, будто Талейранъ (уже въ теченіи двухъ недѣль, что ждутъ возвращенія его курьера) извиняется, что не получаетъ отвѣта на свои депешы по поводу Польши, хотя къ нему прибыло уже нѣсколько курьеровъ. Вслѣдствіе этого предполагаютъ, что Франція отрекается отъ требованій, выставленныхъ Талейраномъ тотчасъ по прибытіи, такъ что Австрія, имѣя поддержку только въ Англіи, принуждена будетъ уступить, особенно если, какъ думаютъ, и съ нашей стороны будутъ сдѣланы нѣкоторыя уступки. Что касается Англійской ноты, увѣряютъ, будто Государь самъ съ Чарторыжскимъ составилъ отвѣтъ, коимъ отвергается посредничество и предложенія, сдѣланныя лордомъ С. Впрочемъ, зная о дѣлахъ политики только изъ косвенныхъ и довольно невѣрныхъ источниковъ, я боюсь писать и представлять событія, можетъ быть, иначе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Но достоверно, что слухи о войнѣ, коей намъ открыто грозили, съ нѣкоторыхъ поръ прекратились, и настало миролюбіе. Одинъ изъ Англійскихъ чиновниковъ говорилъ со мною въ этомъ смыслѣ; но непростительно и даже глупо, что ихъ пресловутый

посоль Ст. сказалъ генералу Олсуфьеву, когда сей послѣдній отъѣзжалъ съ великимъ княземъ*): *прощайте до свиданья на аванпостахъ*. Въ томъ же духѣ говорилъ онъ и на нѣкоторыхъ званныхъ обѣдахъ. Лишь бы намъ дали возможность уѣхать, я бы охотно предоставилъ все политическіе вопросы тѣмъ, кто въ нихъ больше понимаетъ, нежели я. Боюсь, что болѣзнь Государя еще отсрочитъ нашъ отъѣздъ, ибо четыре дня, какъ онъ не выходитъ изъ комнаты и лежитъ въ постели. Онъ уже больной пріѣхалъ на балъ графа Пальфи; но вмѣстѣ съ тѣмъ много танцевалъ, въ надеждѣ, что пройдетъ ознобъ, его безпокоившій. Онъ четыре раза спрашивалъ чаю, но подъ конецъ чуть не лишился чувствъ. Всю ночь была у него сильная лихорадка, а къ утру показала на ногъ рожа. Ему лучше, и сегодня онъ даже всталъ съ постели; но нельзя надѣяться, чтобы рожа прошла раньше недѣли. Онъ слишкомъ мало берегъ себя и такъ какъ днемъ онъ участвовалъ на охотахъ, смотрахъ и прогулкахъ, а вечеромъ на празднествахъ, то для работы ему оставалось только ночи, а извѣстно, что онъ по двѣ, по три ночи подрядъ не спалъ, рассчитывая на крѣпость своего сложенія. Никакое здоровье не можетъ противостоятъ такой усталости.

Говорятъ, что отсюда мы поѣдемъ черезъ Прагу въ Берлинъ и оттуда въ Россію; но и этотъ слухъ не имѣетъ основанія. Общаніе Государя королямъ Баварскому и Виртембергскому было вернуться въ Мюнхенъ и Брухзаль, и я думаю, онъ захочетъ сдержать слово, тѣмъ болѣе, что онъ не оставилъ никакихъ знаковъ милости двору своей тещи, хотя и былъ тамъ два раза, а откладывалъ это до своего возвращенія.

Теперь, когда графъ Румянцевъ, такъ сказать, выгнавшій меня изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, самъ оттуда выгнанъ, я просилъ съ соизволенія Ея Величества, графа Нессельроде вернуться въ то вѣдомство, гдѣ служилъ, чтобы числиться тамъ, оставаясь при Ея Величествѣ. Государь словесно согласился, но указъ еще не подписанъ. Мнѣ даютъ надежду на повышение. При упоминаніи о вѣдомствѣ, вашему сіятельству, можетъ быть, будетъ любопытно узнать о предполагаемыхъ назначеніяхъ на незанятые мѣста. Камергеръ Балкъ уже имѣетъ общаніе Государя на должность въ Португаліи: это человѣкъ съ умомъ, но большой оригиналъ; онъ путешествовалъ по всей Европѣ въ теченіи 13 лѣтъ, не возвращаясь въ Россію. Графъ Паленъ, говорятъ, ѣдетъ въ Туринъ, а Козловскій въ Америку. Сей послѣдній здѣсь и ничего

*) Константиномъ Павловичемъ. Н. Б.

не подозрѣваетъ. Не знаю, что сдѣлаютъ съ пресловутымъ Дашковымъ*). Генераль Ханыковъ будетъ въ Мюнхенѣ, потому что должность въ Дрезденѣ упраздняется. Говорить, будто Анштедтъ рассчитывалъ на сіе послѣднее мѣсто, и его у него какъ бы отнимаютъ. Не могу повѣрить, чтобы Штакельбергъ, какъ увѣряютъ, просидя въ Римѣ, предвидя, что долженъ будетъ уступить Вѣну Разумовскому; развѣ, что онъ захочетъ обезпечить себѣ уѣжище и, такъ сказать, пожизненную пенсію, ибо онъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы удовлетвориться такимъ незначительнымъ мѣстомъ. Это человѣкъ довольно пріятный, но кое-что мнѣ въ немъ не нравится, и онъ, кажется мнѣ, человѣкъ непрямой.

*

Вѣна, 14 (26) Ноября 1814.

Здоровье Государя несравненно лучше; уже нѣсколько дней у него нѣтъ лихорадки, но онъ еще не можетъ дѣйствовать больною ногою. Рожа съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, и онъ каждый день правильно занимается дѣлами. по крайней мѣрѣ текущими.

И имѣя счастье видѣть доказательство сему на себѣ четыре дня тому назадъ, когда онъ милостиво подписалъ указъ, коимъ я снова принять въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ повышеніемъ въ коллежскіе совѣтники и съ сохраненіемъ мѣста при Ея Величествѣ. Я въ восторгѣ снова числится въ томъ вѣдомствѣ, которое напоминаетъ мнѣ про начало моего служебнаго поприща подъ отеческимъ покровительствомъ вашего сіятельства и въ которомъ всегда пріятно имѣть для себя открытую дверь, хотя бы только для ношенія формы. Уходъ того, кто все стараніе прилагалъ, чтобы обезчеститься, долженъ неизбѣжно поднять значеніе вѣдомства гражданской службы, бывшаго всегда однимъ изъ лучшихъ; и если когда либо этотъ человѣкъ снова выступитъ на сцену, что невѣроятно, не смотря на угрозы при его уходѣ снова вернуться и взяться за дѣла, онъ не сможетъ дѣлать мнѣ тѣхъ придирокъ, которыя заставили меня уйти изъ нашей злосчастной дипломатіи, сдѣлавшейся притчею для всѣхъ государствъ. Если онъ дѣйствительно рассчитываетъ вернуться, то вѣрно забылъ поговорку: отсутствующіе всегда въ накладѣ; справедливость ея не разъ подтверждалась даже въ нынѣшнее царствованіе. Баронъ Тюиль-де-Сераскеркенъ вернулся изъ Неаполя; такимъ образомъ тамъ не осталось ни повѣреннаго въ дѣлахъ, ни агента отъ Россіи. На это смотрятъ какъ на доказательство, что изгнаніе Мюрата рѣшено союзными державами и что Австрія, един-

*) Дѣломъ Павла Яковлевича Дашкова. П. Б.

ственная покровительница этого короля-людоѣда, принуждена предоставить его судьбѣ его, отказываясь отъ своихъ обязательствъ. Увѣряютъ, будто онъ забираетъ все, что можно, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе.

*

Вѣна, 6 (18) Декабря 1814.

Здоровье Ея Величества прекрасно, а относительно Государя начинаютъ бояться повторенія рожи, отъ которой онъ считалъ себя совершенно избавленнымъ; говорятъ, онъ часто испытываетъ острые боли въ ногѣ, пораженной недавно рожею, хотя его видятъ гуляющимъ нѣшкомъ съ тѣхъ поръ, какъ установилась хорошая погода. У него было нѣсколько возвратовъ подобной рожи четыре года тому назадъ. Здѣсь заняты разными закупками для предстоявшаго къ намъ посѣщенія Австрійскаго императора; но не думаютъ, чтобы этотъ отвѣтный визитъ состоялся раньше 1816 года. Что касается дѣлъ конгресса, то онѣ, видимо подвигаются не скоро. Всю прошлую недѣлю, были ежедневныя совѣщанія; но чѣмъ кончилось, неизвѣстно. Если Франція выставляетъ столько затрудненій изъ за отдачи Швейцаріи четырехъ миль земли, то какого же успѣха можно ожидать въ болѣе важныхъ дѣлахъ? Сербскія дѣла вызвали новыя затрудненія. Сербы осаждаютъ Бѣградъ и, можетъ быть, уже его взяли. Тиранія Турокъ и рѣзня, недавно произведенная ими, вызвали почти поголовное возстаніе въ Сербіи. Черногорія выступила на сцену съ изумительными денежными средствами, коихъ у нея не подозревали, и со значительными силами.

1815-й годъ.

Вѣна, 3 (15) Генваря 1815.

Сегодня утромъ получилъ я письмо отъ графа Михаила изъ Варшавы отъ 28 Декабря ст. ст. и спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что онъ прибылъ туда благополучно и въ добромъ здоровьѣ. Такъ какъ онъ пишетъ мнѣ два часа спустя по прибытіи съ курьеромъ, отправленнымъ сюда, и извѣщаетъ только о своемъ пріѣздѣ и о томъ, что видѣлъ проѣздомъ черезъ Калишь свою дивизію, я могъ узнать отъ курьера только, что онъ поселился у своего друга Сабанѣва; но курьеръ ничего не могъ сказать мнѣ о продолжительности его пребыванія въ Варшавѣ.

Здѣсь сэръ Спдней Смитъ, таскающій и показывающій всюду декларацию Шведскаго короля Густава, въ которой тотъ надумалъ заявить, немного поздно, что хотя онъ для себя и отказался отъ Шведской короны, но не имѣлъ права сдѣлать того же по отношенію къ

своему сыну. Онъ избралъ странный путь доставить документъ на конгрессъ, ибо Сидней тоже немного не въ свосмъ умѣ; и видимо заявленіе не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія, а Сидней показываетъ его только, чтобы придать значеніе своей особѣ. Думаю, что я увѣдомлялъ ваше сіятельство, что Государь еще въ Врхзалѣ принялъ на себя опеку надъ своими Шведскими племянникомъ и племянницами, и это въ послѣдствіи будетъ имѣть болѣе значенія, нежели министерство Сиднея Смита.

Нарышкина еще здѣсь и такъ какъ видимо она помирилась съ Вѣною, благодаря 2—3 лишнимъ приглашеніямъ ко двору, то и не думаетъ уѣзжать въ Парижъ. Она сказала Австрійской императрицѣ, что вернется въ Россію, какъ только услышитъ о ея поѣздкѣ въ Петербургъ. Впрочемъ здѣсь не думаютъ, чтобы посѣщеніе властелиновъ состоялось раньше будущаго года, и Нарышкинъ*) уже составилъ программу празднествъ, которыя дастъ. Онъ поѣхалъ въ Венецію и вернется ко дню рожденія Ея Величества. Единственнымъ объясненіемъ этой поѣздки является скука оставаться на одномъ мѣстѣ. Какіе расточители! Содрогаешься, зная, что у дѣтей часто нѣтъ и копѣйки.

Получены подробности о революціи въ Китаѣ; она, видимо, еще не кончена, хотя замысль изгнать царствующую Монгольскую династію и объявить императоромъ отпрыскъ старинной Китайской, на этотъ разъ разрушенъ. Въ манифестѣ признаются, что уже въ теченіи восьми лѣтъ во всѣхъ провинціяхъ существовали клубы революціонеровъ, а за четыре года была уже цѣлая армія ихъ на различныхъ позиціяхъ и въ крѣпостяхъ, и настоящій императоръ даже не зналъ того. Это было ниже его достоинства; но теперь, говорятъ, онъ хочетъ заниматься дѣлами самъ.

*

Вѣна, 1 (13) Февраля 1815.

Я исполнилъ порученіе вашего сіятельства, сообщивъ Ея Величеству поздравленія и пожеланія счастья къ новому году. Когда я подошелъ къ упоминанію о беременности, я сложилъ письмо. Увы! Не смотря на все, чтѣ говорили, слухъ оказался ложнымъ, и сожалѣнія Россіи еще не окончились. Невозможно проникнуть, въ чемъ причина; но это бѣдствіе для нашей родины, которой не достаетъ только надежды на счастливое и спокойное будущее. Извѣстно и удостовѣрено, что

*) Александръ Львовичъ; братъ его Дмитрій женатъ былъ на пресловутой Маріѣ Антоновнѣ. П. Б.

личность, о которой ваше сіятельство дѣлаете намеки въ своемъ письмѣ, много способствовала ослабленію этой надежды у Россіи, и бояться, что даже теперь она очень замѣшана¹⁾. Знають также, какимъ образомъ, пріѣхавъ сюда заранѣе, она хотѣла приготовить почву своимъ „если“ и „но“; но хотя она и не достигла цѣли, все же имѣетъ достаточно причинъ утѣшиться. Были удивлены выраженіемъ столькаго почтенія и уваженія, если не сказать, низости, послѣ всего, чтò она говорила; а потому она искусно перемѣнила фронтъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ. Эта ненависть извѣстна и отмѣчена всѣми, хотя единственнымъ основаніемъ, думается мнѣ, является превосходство противницы во всѣхъ отношеніяхъ. Впрочемъ эта личность никого не любитъ, даже свою мать, несмотря на какое-то обожаніе послѣдней къ любимой дочери. Рассказываютъ даже о случаяхъ отвращенія или ненависти, коихъ невозможно разгадать. Все, въ чемъ есть намекъ на зависимость, нетерпимо подобнымъ характерамъ, громко заявляющимъ право на первенство. Остается посмотрѣть, удастся ли ей это.

Я въ восторгѣ отъ знакомства съ Кокошкинымъ, такимъ прекраснымъ человѣкомъ. Онъ достоинъ похвалъ, конми вы его награждаете и искренно привязанъ къ вамъ. Я вручилъ его судьбу Булгакову²⁾ отъ вашего имени. Очень печально, что Русскіе не получаютъ должностей, которыя нужно было бы предоставлять только имъ и, ознакомившись съ составомъ нашихъ миссій, найдешь естественнымъ изумленіе иностранцевъ, что среди нихъ совсѣмъ нѣтъ Русскихъ.

Пріѣздъ лорда Веллингтона или, вѣрнѣе, отъѣздъ лорда Кастльрэ, внесъ въ конгрессъ такой приливъ дѣятельности, что разные спорные вопросы, тянувшіеся пять мѣсяцевъ, разрѣшены въ недѣлю. Участъ Саксоніи и Польши рѣшена, и первая, убавленная на половину, сохранить своего короля. Что касается второй, Богъ вѣдаетъ, чтò станетъ съ нею подъ владычествомъ Россіи. Ни разу не упоминалось о предполагаемыхъ тамъ учрежденіяхъ. Боюсь, что она окажется въ разрядѣ Финляндіи, и вполне естественно думать, что Чарторыйскій и всѣ его соотечественники будутъ работать въ этомъ духѣ, если правда, что онъ пустилъ въ ходъ все свое значеніе, чтобы отстоять королевство. Вѣрно то, что по этому поводу хранять самую глубокую тайну, и весьма вѣроятно, что только послѣ совершившагося Россія узнаетъ, должна ли она радоваться или бояться за свое будущее процвѣтаніе.

¹⁾ Великая княгиня Екатерина Павловна, враждовавшая противъ императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

²⁾ Константину Яковлевичу. П. Б.

Надѣются также, что въ теченіи недѣли окончательно рѣшится вопросъ о Германской конституціи. Какъ только рѣшатся все эти важные вопросы, имѣющіе ближайшее соприкосновеніе съ Россією, Государь можетъ покинуть Вѣну, не дожидаясь окончанія конгресса, и дѣла Италіи и другихъ странъ будутъ обсуждаться въ его отсутствіи. Есть нѣкоторые намеки, что таково его намѣреніе, и уже дѣлаются приготовленія къ путешествію. Ея Величество уѣдетъ, думаю, впередъ, особливо, если мы сдѣлаемъ большой кругъ по Германіи.

Бракъ великой княгини съ принцемъ Виртембергскимъ вѣкъ сомнѣнія, и увѣряютъ, что онъ состоится въ Петербургѣ. А пока въ спорахъ по Германскимъ дѣламъ остается назначить его фельдмаршаломъ Германской конфедераціи, съ чѣмъ не соглашаются, и предоставитъ ему въ резиденцію Майнцъ, что съ упорствомъ оспаривается. Не знаю, будетъ ли удовлетворена ихъ любовь къ независимости.

Государь, по собственному побужденію, обѣщаль мѣсто въ Бразиліи камергеру Балку, а Флоренцію—генералу Хитрову, находящемуся здѣсь и едва имѣющему человѣческой обликъ: такъ онъ скорченъ и разбитъ ревматизмами*). Предполагаютъ, что въ нашемъ Петербургскомъ министерствѣ произойдутъ большія перемѣны, но пока никого не называютъ. Графъ Румянцевъ въ Петербургѣ по газетамъ, называющимъ его не канцлеромъ, а тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса. Богъ знаетъ, на что его употребятъ; но я думаю, что онъ останется безъ должности, въ виду того, что Государь никогда не беретъ обратно тѣхъ, кто самовольно подалъ въ отставку.

*

Вѣна, 10 (22) Февраля 1815.

Получивъ третьяго дня вечеромъ письмо графа Михаила на имя вашего сіятельства, помѣченное Краковымъ, гдѣ онъ еще находился 1-го числа сего мѣсяца по причинѣ дурныхъ дорогъ, я спѣшу переслать его вмѣстѣ съ этимъ по адресу Гампльтона. Я смотрю на эту помѣху, задержавшую графа Михаила въ Краковѣ, какъ на обстоятельство болѣе полезное и пріятное для него, вслѣдствіе интереса, представляемаго городомъ и варницами Велички, нежели сидѣть безъ дѣла и скучать въ такомъ жалкомъ городѣ, какъ Калишь, который впередъ будетъ принадлежать намъ и служить пограничнымъ городомъ. Недавно я имѣлъ случай бросить взглядъ на новую карту, составленную по

*) Это второй супругъ дочери князя Кутузова, Елисаветы Михайловны, въ первомъ бракѣ графини Тизенгаузенъ. П. Б.

протоколамъ конгресса; кажется, что наша граница составляетъ выступъ съ Калиша на Торнъ, а Познань и много другихъ городовъ остаются за Пруссіей. Торнъ и Краковъ на двухъ концахъ, какъ свободные города, владѣютъ довольно значительной территоріей. Боюсь, что именно въ этихъ двухъ республикахъ совьютъ себѣ гнѣздо всѣхъ каверзы, имѣвшія до того своимъ очагомъ Варшаву. Еще неизвѣстно, какого рода конституцію они получатъ. Остальная Польша присоединится къ Россіи. Говорятъ также о конституціи для этого новаго приобрѣтенія, но на какихъ основаніяхъ, я не могъ узнать. Но видимо, Государь весьма измѣнилъ свой взглядъ на характеръ этой націи и болѣе не хочетъ дѣлать большихъ тратъ въ ея пользу. Князь Чарторыжскій, видимо, будетъ играть выдающуюся роль, каковая ему уже и опредѣлена, судя по назначенію къ нему графа Льва Потоцкаго; слѣдовательно, онъ не вернется въ Лондонъ. Одно время говорили, что онъ вернется къ намъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; но я скорѣе склоненъ вѣрить, что онъ займетъ одно изъ главныхъ гражданскихъ мѣстъ на своей родинѣ. Именно ему, говорятъ, поручено выработать основы правленія и конституціи въ бывшей Польшѣ, а Анштедту—совѣщанія по опредѣленію границъ.

По всѣмъ, довольно благопріятнымъ, признакамъ, видно, что дѣла конгресса очень двинулись впередъ, и нашъ отъѣздъ можетъ состояться въ половинѣ Марта. Князь Волконскій сказалъ, что Государь объявилъ, что будетъ говѣть только въ Петербургѣ на Страстной недѣлѣ. Главное, получить рѣшительный отвѣтъ Англіи на судьбу Мюрата, такъ какъ лордъ Кастльрѣ уже соглашался здѣсь на его изгнаніе изъ Неаполя. Онъ взялся убѣдить свое правительство согласиться и принять дѣйствительныя мѣры для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія. Австрія одна еще не соглашается, такъ какъ не желаетъ съ нимъ войны; но можно полагать, что она послѣдуетъ побужденіямъ остальныхъ державъ, согласившихся по этому поводу. А пока на этихъ дняхъ закончатъ Нѣмецкія дѣла, въ которыхъ главное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить Австрійскаго императора снова стать главою Германской имперіи. До сего времени Вѣнскій кабинетъ упорно отказывался. Съ другой стороны Марія-Луиза бомбардируетъ конгрессъ, не желая отказаться отъ герцогствъ Пармы и Піаченцы въ пользу Этрусской фамиліи, хотя было рѣшено отобрать ихъ у нея и дать взамѣнъ помѣстье въ Богеміи и двойную пенсію. Неизвѣстно, чѣмъ кончится эта трагикомедія. Таковы приблизительно вкратцѣ новости дня.

Говорятъ съ увѣренностью, что графъ Штакельбергъ останется здѣсь и будетъ назначенъ посломъ; Государь, видимо, уже обѣщаль ему

это мѣсто. Невозможно знать, что́ станется съ графомъ Разумовскимъ. Поѣдетъ онъ въ Россію? Не поѣдетъ? Такъ какъ ему выдали впередъ 150.000 червонцевъ въ долгъ безъ процентовъ на 17 лѣтъ для перестройки дворца, то нужно думать, что у него есть намѣреніе остаться здѣсь на покоѣ. Треть суммы онъ уже получилъ, остальное получить въ два срока въ теченіи шести мѣсяцевъ.

*

Вѣна, 2 Марта н. ст. 1815.

Третьяго дня нашъ отъѣздъ наконецъ рѣшенъ, и мы покинемъ Вѣну въ будущій Четвергъ, 9 Марта н. ст., и снова сдѣлаемъ кругъ по Германіи, направляясь къ дорогой родинѣ. Ея Величество остановится въ Мюнхенѣ, чтобы подождать Государя, который останется здѣсь еще нѣсколько дней закончить дѣла и уѣдетъ между 13 и 15 числами н. ст. Еще не рѣшили, поѣдетъ ли Ея Величество съ Государемъ въ Штутгардтъ; дѣло въ томъ, что она не особенно этого желаетъ и хотѣла бы проѣхать мимо. Пребываніе въ Мюнхенѣ и Брухзалѣ можетъ продолжиться по восьми дней каждое и столько же въ Берлинѣ. Какъ бы ни надѣялись пріѣхать въ Петербургъ къ Пасхѣ, я сомнѣваюсь, чтобы это было возможно; но, конечно, немного поторопившись, мы можемъ пріѣхать на праздникахъ. Всѣ въ восторгѣ покинуть Вѣну, сдѣлавшуюся скучнымъ мѣстопребываніемъ, и вернуться къ себѣ; что касается меня, я не могу скрыть своей радости, все болѣе и болѣе чувствуя, насколько такая кочевая жизнь не подходитъ къ моему положенію, гдѣ я долженъ работать совсѣмъ одинъ, а пользоваться ею—меньше чѣмъ кто-либо.

Нарыпкина уѣхала сегодня утромъ въ Парижъ. За границею много труднѣе жить, нежели въ Россіи, и она стѣсняла всѣхъ. Эти знатныя дамы не должны были никогда покидать своей родины; ибо, когда онѣ начинаютъ сумасбродничать съ такимъ умомъ, то себя превосходятъ, и Анна Степановна на ряду съ ними явится ангеломъ кротости и доброты.

*

Мюнхенъ, 10 (22) Марта 1815.

Мы остановились здѣсь среди пути, благодаря филантропическимъ заботамъ (смѣшнымъ до крайней степени) сохранить такого интереснаго челоуѣка острова Эльбы! Извѣстіе о бѣгствѣ Бонапарта прибыло въ Вѣну за день до нашего отъѣзда, но такъ какъ приготовленія къ путешествію уже были сдѣланы, то сочли нужнымъ ѣхать, не смотря на настоянія императора и императрицы Австрійскихъ остаться и дожидаться дальнѣйшихъ событій. Последняя сопровождала Ея Величество до перваго ночлега и разсталась съ нею съ трогательною горестью и

выраженіями искренней и дѣйствительной дружбы. Въ Вѣнѣ еще предполагали, что Бонапартъ направится къ Мюрату для совмѣстныхъ дѣйствій, и только здѣсь узнали мы о его высадкѣ во Францію и о быстромъ походѣ до Ліона, а также о всѣхъ бѣдствіяхъ, грозящихъ королю и всей Франціи. „Въ сей землѣ, начиная съ перваго министра и особливо его жены, есть столько людей, кои не могли скрыть своей радости и не увеличивать дурныя извѣстія, присылаемыя изъ Швейцаріи отъ подобнаго имъ повѣреннаго въ дѣлахъ, что въ первые дни безпокойство наше поминутно было увеличиваемо разными ложными слухами, но основанными на таковыхъ же официальныхъ извѣстіяхъ, какъ ихъ называютъ. Южная Германія столь заражена въ правилахъ, какъ и Франція. Съ перемѣною правилъ Баварскаго короля и его политики, перемѣнилась и довѣренность его къ министру, а тѣмъ болѣе сей ненавидимый челоѣкъ долженъ желать успѣховъ всеобщему врагу челоѣчества. На развалинахъ его силы основалось могущество князя Вреде, коего правила совершенно противны, и во всякомъ случаѣ честныхъ людей больше и его партія сильнѣе. Монжеласъ никогда не простить, что въ конгрессѣ не онъ, а Вреде участвовалъ и что миновало время, когда при Бонапартѣ онъ значилъ одинъ Баварію, короля и все¹⁾“.

Частныя письма изъ Вѣны извѣщаютъ, что бракъ великой княгини Екатерины состоится въ будущемъ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ, но такъ какъ это будетъ еще нашъ постъ, то я не вѣрю; до нашего отъѣзда изъ Вѣны говорили, что бракосочетаніе будетъ въ Августѣ въ Петербургѣ. Впрочемъ я не понимаю, зачѣмъ такъ медлили; лучше было сдѣлать это раньше, и можно было это великой княгинѣ посовѣтовать, тѣмъ болѣе, что влюблена она или кажется влюбленной, а онъ очень мало и даже совсѣмъ не влюбленъ. Разъ онъ на конгрессѣ получитъ все, чего ищетъ, онъ сможетъ измѣнить намѣреніе. Въ подобнаго рода союзахъ интересъ политика, честолюбіе составляютъ все; сумасшедшимъ будетъ тотъ, кто ищетъ чувства. При томъ извѣстно, что онъ сказалъ: „О, я научу ее, какъ должно почитать свою невѣстку²⁾ и умѣть ее цѣнить!“ Всѣ видѣли, что неоднократно онъ ей оказывалъ явную холодность и невниманіе; видно, что онъ ее понялъ весьма хорошо, почему для нея было бы благоразумно свадьбу поторопить; иначе, по успѣхѣ его на конгрессѣ, опасно, чтобы онъ не раздумалъ и не пріискалъ себѣ другую подругу.

Здѣсь получено извѣстіе, что Виртембергскіе штаты единодушно отвергли конституцію, предложенную королемъ, сохранившимъ за собою

1) Означенное кавычками писано во Французскомъ подлинникѣ по русски. П. Б.

2) Т. е. его сестру Екатерину, жену Геронима Бонапарта. П. Б.

право налагать подати и двинуть войска вслѣдствіе пунктовъ Парижскаго трактата и основъ, заложенныхъ для будущей Германской конституціи. За него былъ только одинъ голосъ на собраніи всѣхъ сословій, и члены его семьи, такъ же какъ и его любимецъ (бывшій лавочникъ во Франкфуртѣ, теперѣ генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ и богачъ) были первыми, заявившими себя противъ него, совместно съ большинствомъ министровъ. Выйдя изъ собранія, уязвленный и провожаемый недоброжелательными взглядами народа, тогда какъ остальныхъ онъ горячо привѣтствовалъ, король отставилъ нѣкоторыхъ министровъ, и между прочими своего брата, военнаго министра, говоря, что онъ не можетъ лучше отомстить ему, какъ предавъ въ руки кредиторовъ. Онъ хвастался, что первый въ Германіи далъ конституцію, думая, что удивленіе и новшества скроютъ его хитрость; а потому онъ удивленъ, что долженъ поступить какъ другіе и уязвленъ, что поставилъ себя въ неловкое положеніе.

Марья Алексѣевна*), узнавъ по дорогѣ о событіяхъ, грозящихъ Франціи, остановилась въ Карлсруэ и въ данное время во Франкфуртѣ, намѣреваясь ѣхать въ Голландію. Во всякомъ случаѣ нашему сѣятельству угрожаетъ, и ея сосѣдство, и ея посѣщеніе. Проѣзжая мимо Мюнхена, она сказала караульному офицеру объявить о ея пріѣздѣ во дворецъ. Офицеръ сказалъ неизвѣстно кому: думали, что она заявится на слѣдующій день и были очень удивлены, узнавъ черезъ день, что она уѣхала, поручивъ съ неудовольствіемъ хозяину гостинницы сказать, что она давала о себѣ знать и ея не удостоили вниманіемъ. До сихъ поръ смѣются надъ новой претензіей горделивой школьницы. Ваше сѣятельство справедливо говорите, что надъ ними обоими слѣдуетъ учредить опеку; къ несчастью, скоро никакая опека не поможетъ.

*

Мюнхень, 10 (22) Апрѣля 1815.

Полу-официальныя свѣдѣнія изъ Вѣны увѣряютъ насъ, что отъѣздъ Государя состоится 3-го Мая, 5-го онъ прибудетъ сюда, а Австрійскій императоръ—7-го того же мѣсяца. Это сообщаетъ повѣренный по Австрійскимъ дѣламъ, но прямыя извѣстія Ея Величеству и королю Баварскому пока объ отъѣздѣ не упоминаютъ, въ виду того, что остается закончить еще много дѣлъ. Хотятъ, слышно, положить основы будущей Германской конституціи, дабы каждый зналъ, почему ему надо бороться противъ общаго врага. Упустили драгоценное время уладить самое важное дѣло, съ чего и начали бы, если бы вмѣсто

*) Рожденная Сенявина, тетка графа М. С. Воронцова? Ш. В.

Меттерниха и Н. ¹⁾ были другіе министры; а теперь возникнетъ опасеніе не совершатся ли на спѣхахъ промахи, трудно исправимые въ будущемъ. „Князь Козловскій, который пріѣхалъ сюда сегодня, возвращаясь въ Туринъ, увѣряетъ, что Государь, съ общаго согласія конгресса, принимаетъ титулъ *Царя* Польскаго (а въ переводѣ круль и гоі) и что изготовляется о семь манифестъ; но какъ нельзя всеѣмъ новостямъ его вѣрить, то и сію не выдаю за вѣрную. Онъ же говоритъ, что войска Польскія съ великимъ княземъ также идутъ въ походъ съ арміей фельдмаршала Барклая. Боюсь, что мы приведемъ наилучшихъ союзниковъ Якобинцамъ и Бонапарту, а намъ однимъ преопасѣйшихъ товарищей—змѣй за пазухой. Одна надежда—великъ Богъ Русскій! Еще онъ увѣряетъ, что графъ Палень, если уже не назначенъ, то близко къ назначенію посланникомъ сюда. Жаль, что до сихъ поръ нѣтъ здѣсь нашего министра, коего вліяніе, въ нынѣшнее время особливо, такъ здѣсь нужно. Народъ хорошъ и честенъ, король добръ; но все, что на мѣстахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, или явные или тайные враги добраго дѣла, а дѣйствовать противъ нѣтъ кому. Живучи здѣсь, не спрашиваю о новостяхъ, потому что всегда въ отвѣтъ объявляютъ дурныя и ложныя вѣсти. Министръ ихъ въ Англии, къ сей же шайкѣ принадлежащій, съ своей стороны пишетъ, что оппозиція усилилась; что парламентъ за Людовика не вступится, субсидій не дадутъ, и что войнѣ не бывать. Послѣ сего, что сказать о здѣшней политикѣ? На нее вовсе нельзя бы считать, если бы не 500 тысячъ штыковъ подстрекали съ тылу“ ²⁾.

Если судить по тому, что случилось съ герцогомъ Ангулемскимъ и прислушиваться къ здѣшнимъ разсужденіямъ, дѣлу Бурбоновъ погибель; ибо здѣсь все даннаго основывается приблизительно на лживомъ „Монитерѣ“. Провидѣніе, бдившее до сихъ поръ надъ правымъ дѣломъ, не покинетъ насъ и на сей разъ и не отдастъ Европу въ руки нѣсколькихъ негодяевъ, мечтающихъ о безпорядкѣ, ужасной тираніи или еще болѣе жестокой анархіи. Въ самомъ дѣлѣ, странно видѣть Бонапарта, мѣняющаго по очереди тактику и систему и превращающагося изъ деспота въ яростнаго Якобинца. Если бы дѣло шло не о войнѣ, грозящей Франціи, я увѣренъ, что черезъ революцію, такъ легко вызываемую, Фуше, Карно и компанія низвергли бы его въ преисподнюю. Но въ данное время надо нанести безъ промедленія рѣшительный ударъ; отъ этого зависить все, и Боже сохрани дать ему время закрѣпить

¹⁾ Т. с. Нессельроде. Ему и не предоставлялась вчинательность. П. Б.

²⁾ Означенное кавычками во Французскомъ подлинникѣ написано по русски, конечно въ предосторожность отъ почты. П. Б.

эту новую революцію и приготовить средства для войны, каковыхъ онъ сейчасъ не можетъ еще имѣть. Бонапартъ въ томъ же положеніи, что и Мюратъ: первый ударъ рѣшить его дальнѣйшую судьбу. Здѣсь вчера уже получено извѣстіе, что Итальянцы, колебавшіеся еще нѣсколько дней тому назадъ, послѣ пораженія Мюрата въ его первыхъ выступленіяхъ и отступленія къ Анконѣ, начали насмѣхаться надъ нимъ, говоря: „Un ré de'marmitoni é per far gli macaroni“^а. Такимъ образомъ коварныя прокламаціи послужили ни къ чему, и про ихъ уже забыли. Утверждаютъ, будто Мюратъ раненъ тяжело въ руку. Можно поблагодарить его, что онъ своей надменностью и объявленіемъ войны рѣшилъ участь Италіи; ибо теперь, надѣюсь, не нужны будутъ сдѣланныя раньше предложенія ему верховной власти, выяснится настроеніе умовъ и до какой степени были обмануты его якобы популярностью въ Италіи: ложь, имѣвшая больше приверженцевъ, чѣмъ того заслуживала. Во Франціи люди, безъ сомнѣнія, еще хуже, ибо дѣйствія показываютъ, что лучший изъ Французовъ все же плохъ; но я увѣренъ, что послѣдствія для Бонапарта будутъ таковы же, какъ для Мюрата въ Италіи. Можетъ быть, мое предположеніе сочтутъ слишкомъ рѣзкимъ; но когда видишь, какъ столько маршаловъ, изъяслявшихъ свою преданность королю, возвращаются къ Бонапарту, то нужно считать, что суховарно. Бертъ, оставшійся съ королемъ и вернувшійся въ Бомбергъ, прося пріюта у Баварскаго короля, черезъ нѣсколько дней началъ снова проситься въ Парижъ! Разумѣется, ему было отказано; но это доказываетъ, до какой степени эти люди унизились и развратились.

*

Мюнхенъ, 2 (14) Мая 1815.

Я могу увѣрить, ссылаясь на г-на Эмонта (достойнаго молодого человека и привязаннаго къ своему начальнику) что графъ Михаилъ пользовался совершеннымъ здоровьемъ и былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, хотя частная его жизнь была не очень хорошо обставлена, такъ какъ изъ всѣхъ его людей при немъ былъ только Рѣщиковъ и плохой Французскій поваръ. Дѣйствительно, вся его обстановка была уже въ Петербургѣ, куда онъ намѣревался ѣхать, когда прибытіе Бонапарта все перевернуло верхъ дномъ. Теперь, по словамъ Эмонта, онъ ждетъ людей, вещей и картъ изъ Петербурга, пославъ за ними еще изъ Варшавы. Онъ двинулся лично съ первой колонной, состоящей изъ двухъ стрѣлковыхъ полковъ и артиллеріи; двѣ другія колонны состояли каждая изъ такого же количества полковъ пѣхотныхъ и артиллеріи. Съ нимъ былъ только одинъ адъютантъ Митюша*) и майоръ

*) Дмитрій Васильевичъ Парышкинъ. П. Б.

Бароцци въ качествѣ бригаднаго маіора. Эсмонть находится при немъ временно, пока Бѣлорусскіе гусары не нагонятъ арміи, слѣдуя по Силезской и Саксонской дорогамъ. Въ этой дивизіи былъ только одинъ ген.-маіоръ Богдановскій, тотъ самый, что служилъ полковникомъ у него въ Нарвскомъ полку. Таковы подробности, кои мнѣ удалось узнать и кои безъ сомнѣнія займутъ ваше сіятельство, такъ какъ касаются обстановки вашего сына. А вотъ то, что я узналъ потомъ отъ Нейдгарта, свитскаго полковника и адъютанта Барклая-де-Толли, только что уѣхавшаго, по заключеніи конвенціи относительно прохода нашихъ войскъ черезъ Баварію. Армія подъ начальствомъ Барклая, при немъ четыре генерала, командующіе каждый корпусомъ: Сакенъ, Дохтуровъ, Раевскій, Ланжеронъ. Не знаютъ, будутъ ли еще другіе, ибо все просится въ дѣйствующую армію, какъ Витгенштейнъ, Милорадовичъ и т. д. Генераль Ермоловъ, другъ графа Михаила, достойный человекъ и отлѣнный генераль, командуетъ авангардомъ, состоящимъ изъ трехъ дивизій, гдѣ находится и графъ Михайль, такъ сказать, по своему собственному выбору и желанію. Но когда армія станетъ на квартиры въ Баваріи, ждуть перемѣнъ, т. е. Ермоловъ получитъ корпусъ гренадеръ, который составитъ резервъ, а дивизія графа Михаила перейдетъ въ корпусъ Сакена, что въ смыслѣ пріятности составитъ разницу для графа Михаила. Впрочемъ Нейгартъ сказалъ мнѣ, что эти распоряженія выработаны въ Варшавѣ, а въ послѣдствіи могутъ быть и перемѣнены. Говорятъ, армія простоитъ по меньшей мѣрѣ три недѣли на квартирахъ, и графъ Михайль станетъ въ окрестностяхъ Бамберга, тогда какъ главная квартира командующаго будетъ въ Нюрнбергѣ. Франконія страна хорошая и обильная, и я надѣюсь, что армія отдохнетъ и не будетъ терпѣть лишній, не смотря на все затрудненія и непріятности, кои этотъ плутъ Монжеласъ замышлялъ; надѣюсь также, что эта жестокая революція окончится безъ новой войны погибелю Корсиканскаго изверга, зажегшаго ее, и его союзниковъ-Якобинцевъ. Мнѣ все кажется, что разъ Бонапартъ уйдетъ къ арміи и Парижъ освободится отъ войскъ, контръ-революція совершится еще легче, нежели триумфъ Бонапарта и эмиграція Бурбоновъ. Но если и будетъ война, она будетъ непродолжительна, и въ счастливомъ исходѣ нельзя сомнѣваться; да избавитъ насъ только Богъ отъ утратъ и огорченій! Что касается дальнѣйшихъ распоряженій, я не съумѣю съ точностью отвѣтить на вопросы вашего сіятельства. Короля извѣстили о прибытіи нашего Государя къ 27 Мая; знаютъ также, что главная квартира Шварценберга будетъ одна съ монархами; но будетъ ли наша армія состоять подъ его началомъ или нѣтъ, никто не знаетъ, равно какъ и то, будетъ ли она дѣйствовать отдѣльно. Увѣряютъ, и думаю, спра-

ведливо, что Шварценбергъ, человекъ прямодушный и честный, самъ просилъ нашего Государя не давать ему командованія надъ арміей, дабы избѣжать зависти и недовольства, вполнѣ справедливыхъ въ генералахъ и солдатахъ, изъ коихъ первые имѣютъ столько достоинствъ и славы, а послѣдніе самолюбія и привязанности къ своимъ командирамъ и чтобъ не допустить открытой ненависти, могущей возникнуть между двумя императорскими арміями, и что послѣ не разъ повторенной просьбы Государь, наконецъ, согласился. Надо жалѣть, что въ подобномъ случаѣ именно Шварценбергъ явился образцомъ деликатности, если дѣло дѣйствительно обстояло такъ. Съ другой стороны говорятъ, будто открьсть кампанію Нѣмецкая армія, а наша останется во второй линіи и выступитъ только, когда явится необходимость. Я не знаю, будетъ ли она тогда дѣйствовать сообща, что желательно для общей выгоды. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что такъ какъ Государь будетъ съ Шварценбергомъ, то у него будетъ свой корпусъ; по крайней мѣрѣ такъ было бы приличнѣе. Когда дѣйствія разовьются, я не премину поставить ваше сѣятельство въ извѣстность, на сколько это будетъ отъ меня зависеть.

Я читалъ статью Рея и очень удивленъ, что нашелся человекъ, осмѣлившійся такъ обращаться къ Бонапарту. Вѣрно, что онъ и Якобинцы составляютъ союзъ по деклараціи конгресса 13 Марта и по трактату союзниковъ противъ Франціи; безъ этого они давно уже перегрызли бы другъ другу горла. Общая опасность является основой ихъ союза, но придетъ еще время, когда они все погибнутъ. Если бы эта нація, подлая и униженная, могла истребить себя, не приводя всей Европы въ волненіе, какъ бы ни было противно человечеству подобное пожеланіе, надо сознаться, что это было бы настоящимъ и величайшимъ благодѣяніемъ для вселенной.

Здѣсь больше нѣтъ извѣстій о Франціи, и ложь ихъ не проникаетъ сюда; даже приверженцы Бонапартекаго якобинизма не находятъ что сказать. Это отлученіе и своего рода политическій карантинъ должны служить самымъ чувствительнымъ и унижительнымъ наказаніемъ дерзкому самолюбію Французовъ и явятся страшнымъ орудіемъ въ первую голову противъ Бонапарта и Якобинцевъ.

Въ Швейцаріи общественное мнѣніе выражается съ безпримѣрной энергіею: пожилые люди наравнѣ съ молодежью становятся въ ряды арміи Бахмана, размѣщенной близъ Женевы, влѣдствіе движенія Французовъ на Аннеси и Коппѣ; но кажется, это движеніе произве-

дено раньше извѣстія о поражениі Мюрата и является только диверсією. Теперь, когда этому королю-шарлатану отказано даже въ капитуляціи при условіи дать ему возможность вернуться къ себѣ, со стороны Швейцаріи не было болѣе движенія. Окончанія кампаніи и низложенія Мюрата ожидаютъ на дняхъ. Надо надѣяться, что его паденіе будетъ предвѣстникомъ такого же для Бонапарта, и безъ промедленія. Говорятъ, что чудовище заковано съ головы до пятъ въ латы, такъ что едва можетъ ходить, согбенный подъ такой ненужной тяжестью, потому что кончитъ онъ долженъ на плахѣ, и не иначе. Утверждаютъ, будто онъ сказалъ про герцогиню Ангулемскую, что среди Бурбоновъ онъ нашелъ только одного мужа и это она—женщина. Это величайшая похвала и, можетъ быть, единственная правда, сошедшая съ его устъ.

Мы пользовались здѣсь въ теченіи двухъ недѣль феноменомъ-Козловскимъ, возвращавшимся на свое мѣсто въ Туринъ, которое онъ снова получилъ вопреки всему. Все, что говорилъ этотъ человѣкъ, такъ глупо, что порадовались, когда онъ уѣхалъ. Между прочимъ разглагольствовалъ онъ передъ Французами и Нѣмцами безъ различія, что раздѣлъ Франціи рѣшенъ и Прусскій король не хочетъ слышать о какомъ либо смягченіи, зарождая такимъ образомъ ненависть къ одному изъ важнѣйшихъ союзниковъ. Бѣдняга начиналъ всегда: *мы на конгрессѣ*, и я былъ вынужденъ напомнить ему, что на конгрессѣ въ Вѣнѣ онъ праздно шатался по улицамъ, какъ каждый изъ насъ и многіе другіе, ибо единственная бумага, которую ему поручили написать порусски, оказалась такъ плоха, что Государь ее разорвалъ. Этотъ наглець не переставалъ плести чепуху; изъ извѣстій, сообщенныхъ имъ, извѣстіе о походѣ Поляковъ оказалось ложнымъ, ибо о немъ никогда не было и рѣчи. Мы еще не знаемъ, какое впечатлѣніе получилось въ Варшавѣ отъ титула *Царь Польскій*, каковой былъ объявленъ тамъ генераль-адъютантомъ Ожаровскимъ.

*

Нимфенбургъ, 17 (29) Мая 1815.

Я видѣлъ графа Михаила въ Нюренбергѣ, откуда я вернулся сюда третьяго дня въ полночь, выѣхавъ наканунѣ.

Я очень признателенъ Ея Величеству за полученное дозволеніе, въ то время, какъ я откланчивался ей, оставаться у графа Михаила насколько возможно долго; благодаря этому разрѣшенію и особливо нашему невѣдѣнію относительно скорого приѣзда Государя, я провелъ вмѣсто четырехъ дней восемь съ удовольствіемъ всегда новымъ и ни-

когда не забываемымъ. Я пріѣхалъ въ Нюренбергъ на часъ раньше графа. Я уже нашелъ тамъ генераль-адъютанта Закревскаго, достойнаго и задушевнаго друга его со времени Молдавскихъ кампаній. и въ то время, что я былъ съ нимъ, насъ извѣстили о его пріѣздѣ, такъ что, отправившись къ нему, мы провели тамъ весь вечеръ, а на утро и переселились къ нему. Черезъ день пріѣхалъ генераль Ермоловъ, и наша кампанія умножилась, ибо и онъ поселился съ нами. Это самый достойный человекъ, съ рѣдкимъ умомъ и образованіемъ и одинъ изъ тѣхъ характеровъ, коимъ нельзя достаточно удивиться, истинно Русскій, горячо любящій свою родину, жертвующій всемъ для достоинства націи и счастья родины, безъ какой либо примѣси личной выгоды. Два брата не могутъ быть тѣснѣе связаны дружбою и довѣріемъ, нежели онъ и графъ Михайлъ, и эта близость доставляетъ счастье обоимъ. Лично для меня знакомство съ генераломъ Ермоловымъ, удостоившимъ и меня своею дружбою, является выгоднымъ пріобрѣтеніемъ. Я видѣлъ послѣдовательный пріѣздъ генераловъ и офицеровъ, между коими генераль Богдановскій, единственный въ дивизіи графа Михаила, и полковникъ Букинскій изъ Нарвскаго полка заслуживаютъ особаго упоминанія, потому что выбраны самимъ графомъ Михайломъ и, не говоря о ихъ признанныхъ достоинствахъ, видно по дѣйствіямъ и обхожденію, что это люди очень замѣчательные, одновременно заслуживающіе и внушающіе довѣріе. Изъ остальныхъ трехъ генераловъ 12-й дивизіи, Гурьевъ (сынъ министра), только что женившійся на дочери графа Петра Толстого, долженъ пріѣхать, а два другіе къ счастью не двинулись съ мѣста: Свѣчинъ, къ выгодѣ графа Михаила, получилъ отпускъ подъ предлогомъ болѣзни, а Глѣбовъ захотѣлъ остаться въ резервѣ со вторыми батальонами въ Калишѣ. Разумѣется, они доставили великое удовольствіе своему начальнику подобнымъ смѣлымъ и умнымъ рѣшеніемъ. Графъ Михайлъ просилъ генерала Красовскаго для командованія бригадою, но выставили затрудненія въ виду того, что у него есть бригада въ дивизіи гренадерскихъ стрѣлковъ. Это человекъ съ большими заслугами, который далъ себя узнать графу Михаилу въ чинѣ майора и съ той поры обязанъ ему своимъ повышеніемъ, коего онъ выказалъ себя достойнымъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть также моихъ братьевъ, выросшихъ и сдѣлавшихся хорошими офицерами, какъ меня все увѣряютъ; по крайней мѣрѣ ими довольны какъ за поведеніе, такъ и за любовь ихъ къ дѣлу. Я особенно былъ доволенъ видѣть, что они любятъ свое занятіе и проникнуты благодарностью къ графу Михаилу за все, что онъ для нихъ сдѣлалъ. Бригада стрѣлковъ, составленная изъ 6-го и 41-го полковъ, прошла Нюренбергъ; она прекрасна, хотя первый (бывшій покойнаго графа Сень-При) на три четверти

состоить изъ рекрутовъ, потерявъ въ послѣднія кампаніи, особенно при Реймсѣ, своихъ старыхъ солдатъ. Имъ командуетъ полковникъ Жамбонъ, Русскій, хотя и Французскаго происхожденія. Полковникъ 4-го полка Русскій, но я забылъ его фамилію. Обѣ пѣхотныя бригады прошли по другой дорогѣ, и графъ Михаилъ выбралъ день, когда 1-я бригада уходила изъ Эрлангена, а 2-я вступала, чтобы показать ихъ въ совокупности генералу Ермолову. Это одно изъ лучшихъ войскъ, и если бы не ростъ, то по выправкѣ и порядку его можно было бы сравнить съ Русскою гвардіею. 1-я бригада, составленная изъ Смоленскаго и Нарвскаго полковъ, подъ началомъ Богдановскаго; я забылъ фамилію полковника перваго полка, Эстонца изъ Ревеля: полковникомъ втораго—Букинскій. 2-я бригада состоитъ изъ полковъ Алексопольскаго и Ново-Ингерманландскаго; полковникомъ перваго—Панцербиттеръ *), хорошій офицеръ, уже старикъ и не генераломъ, потому, что судьба его никогда не баловала; онъ командуетъ бригадою и полкомъ; полковникъ втораго—Русскій, фамиліи коего я не узналъ. Послѣ смотра Ермоловъ простился съ этою прекрасною дивизіею и выразилъ трогательную чувствительность, въ виду того, что она переходитъ въ корпусъ генерала Сакена, равно какъ и его корпусъ раздѣлили между другими начальниками, а ему даютъ гренадеръ, еще не прибывшихъ. При 12-й дивизіи находятся три роты пѣшей артиллеріи: изъ нихъ двѣ великолѣпны, особенно своими лошадьми, а третья, состоитъ вся изъ старыхъ артиллеристовъ, а потому превосходитъ остальные. Двѣ подъ командою полковниковъ Синельникова и Зенича, а третья—капитана, фамиліи коего не знаю. Каждый полкъ, по приказу Государя, имѣетъ резервъ въ 400 человекъ безъ оружія, съ соответственнымъ числомъ офицеровъ, назначенный для немедленнаго пополненія убыли во время кампаніи; такимъ образомъ въ каждомъ батальонѣ 200 человекъ сверхъ комплекта, могущихъ немедленно пополнить ряды, если встрѣтится надобность.

Я видѣлъ также въ Нюренбергѣ проходъ дивизіи легкой конницы, составленной изъ полковъ Ахтырскаго, Бѣлорусскаго, Александрійскаго и Мариупольскаго съ двумя ротами конной артиллеріи. За всю жизнь не видалъ я такого прекраснаго зрѣлища; можно было подумать, что люди идутъ на парадъ, и дивисься, видя солдатъ съ 2 и 3 медалями. Лошади у этихъ полковъ и артиллеріи таковы, что частный

*) Князь П. А. Виземскій сказывалъ мнѣ, что въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ случалось ему находить стихотворенія какого-то Панцербиттера, и въ числѣ ихъ одно про Екатерину Великую, неприличнаго содержанія. (Горюетъ вдовушка, горюетъ день и ночь и горю своему не знаетъ, какъ помочь. Такого горя ей и съ роду не бывало). П. Б.

человѣкъ не пожелалъ бы для себя лучшихъ. Эта дивизія командуется младшимъ Васильчиковымъ, но такъ какъ онъ былъ въ отсутствіи, ее велъ прежній генераль-маіоръ Мезенцовъ; вторая—генераль-маіоромъ княземъ Мадатовымъ, Армяниномъ изъ Грузіи, извѣстнымъ партизаномъ. Затѣмъ шла 9-я дивизія бывшаго корпуса Ермолова, но я не могъ ее видѣть; говорятъ, она хороша, но хуже дивизіи графа Михаила.

Здоровье его прекрасно, лучшаго нельзя желать; я только замѣтилъ у него столько сѣдыхъ волосъ, что удивился, судя по его годамъ. А относительно расположенія духа, то его и нельзя не имѣть прекраснымъ въ томъ обществѣ, какое я нашелъ у него и среди людей, уважающихъ другъ друга и связанныхъ тѣсными узами дружбы. Первымъ дивизионнымъ адъютантомъ у него капитанъ Васильковскій, человѣкъ дѣятельный и порядливый, а вторымъ—бывшій адъютантъ Ягницкій *), который долженъ пріѣхать изъ Круглага и вѣроятно привезетъ съ собою часть экипажей. Кромѣ того при немъ Арсеньевъ, Раевскій, князь Лобановъ и Митюша, который произведенъ въ капитаны и получилъ орденъ св. Анны съ брилліантами. Капитанъ Бетневъ квартирмейстеромъ; это, показалось мнѣ, малый знающій и дѣятельный. Личный персоналъ ограничивается Рѣзниковымъ и деньщиками; но первый изумительно дѣятеленъ, и можно подумать, что прислуживаетъ дюжина людей, а это онъ одинъ вѣдаетъ гардеробъ, туалетъ, вещи, услугу за столомъ и даже готовить нѣкоторыя Русскія кушанья. Графъ Михаилъ писалъ еще изъ Варшавы, чтобы ему прислали камердинера Михайловскаго, Аванасія Гибзарева, берейтора Петра Еремѣева, повара, и вмѣстѣ съ ними пріѣдетъ также Англичанинъ Веньяминъ Элисъ, отмѣнный человѣкъ въ смыслѣ порядка и честности. У него достаточно верховыхъ лошадей, и онъ ждетъ изъ Круглага коляску съ 6 упряжными. Пока онъ пользуется коляскою Льва Парышкина. На слѣдующій день по моемъ отъѣздѣ, т. е. 15 (27) числа, онъ долженъ былъ разстаться съ своимъ другомъ Ермоловымъ въ Нюренбергѣ и ѣхать къ себѣ въ главную квартиру въ Гасфуртѣ передъ Бомбергомъ. Генераль Сакенъ уже находится въ семь послѣднемъ. Кромѣ этого командующаго генерала и трехъ другихъ, каковы Раевскій, Дохтуровъ, Ланжеронъ, кавалерійскій генераль князь Голицынъ (братъ графини Строгановой) долженъ командовать кавалеріей подъ началомъ фельд-маршала, а князь Яшвилъ—артиллерією. Говорятъ также, что корпусъ Витгенштейна войдетъ въ составъ дѣйствующей арміи, но поздиѣ. Другіе корпуса, включая и армію, двинулись въ походъ, но въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій останутся на нашихъ прежнихъ грани-

*) Поздиѣ управлявшій обширными имѣніями графа и его супруги. П. Б.

цахъ. Говорятъ, что слишкомъ извѣстная Польская армія составитъ часть нашей южной арміи подъ начальствомъ Бенигсена и пойдетъ на границы Турціи.

Духъ въ арміи великолѣпный, и генераль Ермоловъ рассказывалъ мнѣ, что въ одномъ его корпусѣ болѣе 200 человекъ, уже выслужившихъ свой срокъ и получившихъ отставку (есть даже покрытые ранами и вернувшіеся), прослышавъ про новую войну, просятъ позволенія служить и отомстить за Французское вѣроломство. Возвращается много офицеровъ, и я видѣлъ одного безъ руки, желающаго служить волонтеромъ въ Ахтырскомъ полку, откуда онъ вышелъ въ отставку, не взирая на свое разрушенное здоровье и положеніе болѣе чѣмъ самостоятельное. Рассказываютъ о многихъ подобныхъ случаяхъ. Безконечно жалѣютъ, что генераль Сабанѣевъ покинулъ должность начальника главнаго штаба и принялъ командованіе дивизіей. Его, вѣроятно, утомили, удручили и раздражили люди, осаждающіе главный штабъ, и особенно женщины, вмѣшивающіяся въ дѣла. Фельдмаршалъ, славный человекъ, долженъ былъ бы, ради собственнаго достоинства и спокойствія, отправить вонъ свою*) и тѣмъ подать примѣръ другимъ. Сабанѣева замѣнилъ пѣкій генераль-лейтенантъ Дибичъ; ему приписываютъ достоинства, но онъ молодъ и не можетъ обладать тѣмъ твердымъ и непреклоннымъ характеромъ, который выказывалъ его предшественникъ во всѣхъ дѣлахъ, кои онъ считалъ, по своей совѣсти, правыми. Фельдмаршалъ долженъ пріѣхать послѣ завтра въ свою главную квартиру въ Бамбергъ, и вся армія въ теченіи двухъ недѣль станетъ на квартиры, занявъ страну отъ Нюренберга до Фульды. Намѣчены три мѣста переправы черезъ Рейнъ, Мангеймъ, Оппенгеймъ и Майнцъ; но это еще не вѣрно.

*

Нимфенбургъ. 19 (31) Мая 1815.

Я рассчитывалъ остаться еще день съ графомъ Михаиломъ, какъ офицеръ, пріѣхавшій изъ Вѣны 14 (26), объявилъ намъ о прибытіи Государя въ Мюнхенъ на слѣдующій день; а потому я счелъ нужнымъ выѣхать изъ Нюренберга въ тотъ же вечеръ и, прибывъ въ Мюнхенъ 15 (27) поздно вечеромъ, узналъ, что онъ дѣйствительно находится въ Нимфенбургѣ съ 8 часовъ вечера. Третьяго дня пріѣхали послѣ обѣда императоръ и императрицы Австрійскіе. Все время происходила суматоха, а я долженъ былъ еще устраивать денежные дѣла съ княземъ Волконскимъ. Австрійскій дворъ отбылъ сегодня рано послѣ обѣда на Штутгартъ и Луисбургъ, имѣя въ виду по дорогѣ провести день

*) Рожденную Снарскую, происхожденіе Польскаго. П. Б.

или два въ помѣстѣхъ сестры Австрійской императрицы, курфюрстины, якобы вдовствующей (которая замужемъ за своимъ гофмаршаломъ графомъ Аркѣ и ведетъ себя такъ непотребно, что мужъ мирволить только изъ за ея положенія и званія; въ прошломъ году, при рожденіи своего послѣдняго ребенка, эта безстыдница сказала королю, что сама не знаетъ, отъ кого ребенокъ, отъ патера или отъ гренадерскаго офицера). Нашъ Государь только что уѣхалъ въ 11 съ половиною часовъ вечера по дорогѣ на Аугсбургъ и прибудетъ въ Штутгардтъ завтра вечеромъ. Властелины пробудутъ въ этомъ городѣ и въ Луисбургѣ самое большое два дня и оснуютъ свои главныя квартиры въ Гейльбронѣ. Государь, рѣшая нашу судьбу, т. е. что Ея Величество можетъ или должна остаться пока въ Германіи на время его отсутствія, совѣтовалъ ей ѣхать къ матери не раньше 8 (20) Іюня, когда наши войска перейдутъ Рейнъ. А потому кажется, что этотъ срокъ назначень для открытія кампаніи, и аррьергарду нашей арміи не удастся отдохнуть на квартирахъ.

„Хотя супруги, казалось, жили между собою лучше сіи 3 или 4 дни, чѣмъ подъ конецъ въ Вѣнѣ; но я не вижу ни повода, ни удовольствія, для чего намъ еще скитаться. Если для того, чтобы имѣть часто извѣстія, то прошлогодній опытъ, когда по мѣсяцу и 6 недѣль проходило безъ малѣйшаго слова, долженъ бы тѣмъ скорѣе услатъ насъ домой и избавить отъ безчисленныхъ поговорокъ и стыда. Даже о занятіи Парижа не было намъ повѣщено; до самаго выѣзда изъ Калэ¹⁾ не получено ни строки, тогда какъ къ великой княгинѣ К. П. былъ тотчасъ посланъ генераль-адъютантъ, и газеты заставили насъ краснѣть передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но дѣло, по несчастію, рѣшено, и мы осуждены, можетъ быть, еще и теперь такое же униженіе переносить²⁾).

Великія княгини выѣхали изъ Вѣны: Веймарская, проѣзжая черезъ Зальцбургъ, должна встрѣтить въ Ратисбонѣ Австрійскую императрицу на ея обратномъ пути въ Вѣну, а великая княгиня К. встрѣтитъ ее въ Линцѣ. Насъ увѣряли изъ Вѣны, что сія послѣдняя получила приказъ отъ Государя ѣхать въ Россію, быть при матери и не шататься по свѣту; но королева сказала мнѣ противное, и она знаетъ отъ Австрійской императрицы, что великая княгиня останется на Рейнѣ, дабы имѣть возможность получать скорѣе извѣстія отъ своего будущаго супруга. „Вотъ для насъ новая радость“³⁾. Ея Величество разсчитываетъ совершить поѣздку въ Зальцбургъ на будущей недѣлѣ, а по возвращеніи мы

¹⁾ Т. е. на пути Государя въ Англию. П. Б.

²⁾ Означенное кавычками писано въ подлинникѣ по русски. П. Б.

³⁾ Это пять словъ въ подлинникѣ тоже по русски. П. Б.

поѣдемъ сперва въ этотъ ужасный Брухзаль, на который я смотрю какъ на могилу, куда насъ живо погребаютъ.

Свита Государя состоитъ изъ князя Волконскаго, Чернышова, генерала Толя, квартирмейстера Брозина¹⁾, Вилле и Марченко; послѣдній военнымъ секретаремъ, человѣкъ съ умомъ, но къ несчастью не знающій языковъ; кромѣ того много офицеровъ въ свитѣ другихъ лицъ. Здѣсь познакомился я съ Толемъ, который слыветъ между своими за человѣка съ большими достоинствами, хотя и съ злымъ характеромъ, чего я не имѣлъ времени провѣрить. Мнѣ любопытно было услышать его мнѣніе о войнѣ, и онъ сказалъ, что ждетъ большого рѣшительнаго сраженія, которое Бонапартъ принужденъ будетъ дать приблизительно между Шаленомъ, Реймсомъ, Лаономъ и Суасономъ; но онъ его положительно проиграетъ и будетъ раздавленъ тремя арміями: Веллингтона, Блюхера и нашею, потому что онъ не можетъ становиться на позиціи, гдѣ его окружатъ, особенно послѣ опыта подъ Лейпцигомъ²⁾. Толь думаетъ, что послѣ произойдутъ отдѣльныя схватки до Парижа, и Бонапартъ съ своими ожесточенными солдатами, желая защищать столицу и не будучи въ состояніи, разрушить ее до основанія, какъ это намѣревались сдѣлать въ прошломъ году. Европа приметъ это благодѣяніе особенно охотно отъ тѣхъ, кто сдѣлалъ Парижъ очагомъ всѣхъ злодѣйствъ. Судя по этому, Толь даетъ войнѣ самое большее три мѣсяца сроку, и есть много лицъ, раздѣляющихъ это мнѣніе. Дай Богъ, чтобы она кончилась скоро и счастливо и особливо на радость вашему сіятельству, каковое желаніе я не перестану высказывать во всю мою жизнь.

*

Нимфенбургъ. 5 (17) Іюня 1815.

Едва вернулись мы изъ поѣздки, которую Ея Величество совершила въ Зальцбургъ и Инспрукъ и въ которой я имѣлъ счастье ее сопровождать, какъ прибылъ отъ Государя курьеръ, объявившій намъ вчера (14 часовъ спустя послѣ нашего возвращенія), что Ея Величество можетъ въ данное время безопасно ѣхать къ матери въ Брухзаль. А потому Ея Величество ѣдетъ сегодня же вечеромъ, не переночевавъ, чтобы прибыть въ Брухзаль 20-го, день именинъ маркграфини. Такъ какъ изъ за такого поспѣшнаго отъѣзда нѣтъ возможности сдѣлать распоряженій о необходимомъ количествѣ лошадей, то странствующая

¹⁾ За него впоследствии вышла замужъ овдовѣвшая знаменитая Марья Антоновна Нарышкина. П. Б.

²⁾ Толь предсказалъ сраженіе подъ Ватерлоо, въ которомъ намъ не пришлось участвовать, и окончательную гибель Наполеона. П. Б.

колонія дѣлится на три отряда. Князь Голицынъ и я съ дамами, находясь во второмъ, отправимся послѣ завтра рано утромъ и дождемъ въ три дня до мѣста назначенія. Богъ знаетъ, сколько времени проведемъ мы въ этомъ отвратительномъ Брухзалѣ, гдѣ весь свѣтъ заключается въ маленькомъ дворѣ: положеніе не завидное!

И все же надѣюсь, что война не продлится долѣе четырехъ мѣсяцевъ, и мы, наконецъ, будемъ имѣть радость вернуться къ себѣ. Я буду имѣть честь писать вашему сіятельству изъ Брухзаля: въ данное время голова идетъ кругомъ, и я едва могу нести возложенныя на меня обязательства.

*

Брухзаль, 26 Іюня (8 Іюля) 1815.

Я ѣздилъ въ Гроссъ-ЖерѸ близъ Дармштадта повидать графа Михаила, котораго нашелъ въ полномъ здоровьѣ. На слѣдующій день сѣздалъ полу-переходъ и переправился съ нимъ черезъ Рейнъ около Опенгейма, гдѣ мы обѣдали, послѣ чего онъ продолжалъ свой походъ до ночлега въ Альзеѣ, а я вернулся сюда черезъ Мангеймъ, гдѣ находилась главная квартира. Проѣзжая городъ, я передалъ генералъ-адъютанту Закревскому письмо для вашего сіятельства, порученное мнѣ графомъ Михаиломъ, подъ адресомъ г-на Гамильтона.

Генералъ Сакенъ смотрѣлъ, какъ проходила 12-я дивизія черезъ Опенгеймъ и остался необычайно доволенъ. Дѣйствительно, я самъ видѣлъ въ Гейдельбергѣ, какъ проходили 9 и 11 дивизіи Раевского, и ни одна не могла сравниться съ дивизіей графа Михаила, ни выдержкою, ни здоровьемъ, ни бодрымъ видомъ солдатъ, что особенно удивляло Сакена и графа Остермана, находившагося также тамъ; его люди имѣли видъ, какъ будто только что вышли съ квартиръ, а не совершили такого быстрого и дальняго перехода. Остерманъ находится въ корпусѣ Сакена, но не имѣетъ подвластныхъ частей, считается въ данное время сверхштатнымъ. Судя по расположенію войскъ, корпусъ Сакена составляетъ, видимо, центръ нашей арміи, корпусъ Раевского—лѣвый, а Дохтурова—правые фланги, Ланжеронъ въ резервѣ для осады и блокированія крѣпостей, тогда какъ Ермоловъ съ гренадерами составитъ резервъ арміи. У Сабанѣева также корпусъ изъ двухъ дивизій на правомъ флангѣ подъ началомъ Дохтурова. Повидимому, графъ Михаилъ, равно какъ и генералъ Сакенъ, вполне довольны другъ другомъ. Я восхищенъ и польщенъ, что предупредилъ желаніе вашего сіятельства, описавъ главный штабъ графа Михаила во всѣхъ подробностяхъ при своемъ отчетѣ о побѣдѣ въ Нюрнбергѣ. Въ данное время мнѣ остается только упомянуть имя Басаргина, ординарца Нарвскаго полка: это сынъ дво-

рянна-сосѣда по Андреевскому*). Онъ вернулся въ Нюренбергъ, когда я уѣзжалъ, изъ поѣздки въ Дрезденъ съ порученіями къ Сабанѣву. Это малый живой, неумолимый, и его обычно называютъ чрезвычайнымъ посланникомъ, потому что онъ въ постоянныхъ разъѣздахъ и всюду, гдѣ надо когонибудь послать. Я его также увезъ съ собою въ Мангеймъ, нагруженнаго порученіями къ Закревскому, и въ эту короткую поѣздку могъ судить, какъ необходимъ человѣкъ съ такими свойствами при начальникѣ, подобномъ графу Михаилу. Что касается, какъ говорите ваше сіятельство, приближенныхъ, якобы фаворитовъ, которые не любятъ вашего сына, то это не имѣетъ послѣдствій: у нихъ зависть считается заслугою, а съ этимъ далеко не уйдешь, хотя иногда временно и успѣваешь, ибо цѣну человѣка составляетъ не фаворъ, а общее уваженіе. Я не имѣлъ извѣстій отъ графа Михаила со времени нашего свиданія; но, благодаря Богу и Веллингтону, нѣтъ основанія очень беспокоиться въ данное время, и война, равно какъ и революція, должна, несомнѣнно окончиться и, надѣюсь, въ послѣдній разъ. Въ данную минуту насъ извѣщаютъ, что Блюхеръ передъ Парижемъ, и Людовикъ XVIII признанъ и провозглашенъ королемъ. Бонапартъ покинулъ Парижъ, и пока неизвѣстно, куда онъ направился; онъ просилъ у лорда Веллингтона паспорта въ Америку, въ чемъ послѣдній, разумѣется, отказалъ. Я вовсе не буду удивленъ, если этого негодяя убьетъ ктонибудь изъ своихъ же на кучѣ мусору. Я читалъ прокламацію короля; въ ней хороши только параграфъ о наказаніи за измѣну; въ остальномъ слишкомъ много добродушія, если не сказать слабости, и не такая мѣра нужна для настоящаго поколѣнія Франціи. Впрочемъ, принимая во вниманіе все, Эльзасцы хуже самихъ Французовъ; ибо до сихъ поръ вооруженные крестьяне убиваютъ въ лѣсахъ курьеровъ, путешественниковъ, офицеровъ и солдатъ, и нашъ курьеръ, вернувшійся сегодня утромъ, принужденъ былъ спастись отъ этихъ гнусныхъ Нѣмцевъ, переодѣвшись почтальономъ.

*

Бадень, 17 (29) Сентября 1815.

Я бы очень хотѣлъ съѣздить въ Парижъ, чтобы имѣть счастье хотя нѣсколько мгновеній повидать ваше сіятельство въ кругу вашей семьи; но эта ужасная неопредѣленность, ежедневное ожиданіе приказа объ отъѣздѣ и, можетъ быть, даже пріѣзда Государя, не позволяетъ намъ, такъ сказать, шевельнуться. Такова была и будетъ до конца исторія нашего путешествія, такъ перевозосимаго! Впрочемъ Ея Величество заявила намъ, что ни въ какомъ случаѣ не продлитъ своего

*) Не будущій ли это Декабристъ? П. Б.

пребыванія въ этой странѣ долше 15 (27) Октября, дабы вернуться въ Петербургъ раньше зимы, и что даже она могла бы уѣхать раньше, если получить на этотъ счетъ приказаніе Государя. Я было надѣялся, что ваше сіятельство пріѣдете повидать Ея Величество, такъ какъ Парижъ находится всего въ четырехъ дняхъ пути; но движеніе войскъ и позднее время года начинаютъ отдалять эту надежду и, можетъ, быть, ваше сіятельство не выѣдете изъ Англии до отъѣзда властелиновъ и окончанія дѣлъ.

То, что происходитъ въ королевствѣ Виртембергскомъ только начало, и если не обратятъ вниманія, то вся Германія можетъ стать театромъ новыхъ ужасовъ революціи. Мнѣ кажется, что союзники, пока они еще въ сборѣ, должны бы залечить зло, подвергающее всю Европу опасности; было бы осторожно и даже благодѣтельно тотчасъ же принять мѣры, чтобы подавить зародышъ революціи, которая начинается въ Штутгартѣ, а кончится, Богъ вѣсть, гдѣ и когда. Относительно Франціи, все что оттуда исходитъ заставляеть опасаться, что дѣла не остановятся, и надо ожидать великихъ бѣдствій. Признаюсь, что съ величайшимъ безпокойствомъ ожидаю я открытія палаты депутатовъ и новаго набора арміи. Если по несчастію послѣдняя составитя изъ погибшихъ людей прошлаго года, какъ это естественно предвидѣть, то чего хорошаго можно ожидать отъ нихъ? А если къ тому же депутаты будутъ изъ новаго поколѣнія, то всей мудрости короля не достанеть, чтобы вести корабль при этихъ ужасныхъ буряхъ, которые до сихъ поръ мучаютъ Францію. Происходятъ перемѣны въ администраціи; этимъ хотятъ, немного поздно, исправить безразсудства, и совершаютъ другія, каковыхъ бы не было, если бы раньше были приняты надлежащія мѣры. Какими бы иллюзіями ни питаются, невозможно не согласиться съ вашимъ сіятельствомъ, что произойдетъ еще революція, которая, безъ ошибки, кончится признаніемъ дома Орлеановъ, поддерживаемаго всякими Якобинцами и мерзавцами, вмѣсто теперешняго дома, правящаго безъ популярности, къ несчастію, для людей мирныхъ, но не имѣющихъ ни авторитета, ни силы. Однимъ словомъ, Европа еще далека до успокоенія, и я боюсь, что мы будемъ свидѣтелями еще многихъ ужасныхъ катастрофъ.

„По всѣмъ извѣстіямъ видно, что Государь поѣдетъ въ Брюссель, и если Богъ дастъ, что совершится бракъ наслѣдника Голландскаго съ нашею великою княжною, то отъ союза сего Россія можетъ надѣяться великой пользы въ дѣлахъ политическихъ, какъ и въ торговыхъ. Сколько я примѣчаю, Англичане, какихъ удалось мнѣ здѣсь видѣть, крайне симъ недовольны и весьма сердиты на свою принцессу Шарлотту. Впро-

чемъ я нисколько не удивлюсь, если бы они сему предполагаемому браку помѣшали. Нѣтъ сомнѣнія, что взаимныя выгоды гораздо значительнѣе отъ союза Голландіи съ Англіею, чѣмъ съ нами^{*)}.

*

Баденъ, 30 Сентября (12 Октября 1815).

Я узналъ отъ великихъ князей Николая и Михаила, уѣхавшихъ отъ насъ вчера, о пріѣздѣ вашего сіятельства въ Парижъ. Они остановились въ Нанси, чтобы повидаться съ графомъ Михаиломъ, но не нашли его къ ихъ большому сожалѣнію, потому что онъ только что уѣхалъ въ Парижъ на встрѣчу къ вашему сіятельству и къ лэди Пемброкъ. Они питаютъ большую дружбу къ графу Михаилу и имѣли намѣреніе провести у него цѣлый день.

Въ сумятицѣ отъѣзда въ Россію и нашего переѣзда въ Карлсруэ на нѣсколько дней и затѣмъ въ Брухзалъ на такой же срокъ, мнѣ невозможно и мыслить о поѣздкѣ въ Парижъ, такъ какъ тяжесть этихъ переѣздовъ лежитъ по преимуществу на мнѣ; но еслибы я узналъ, что ваше сіятельство пріѣдете посмотрѣть квартиры своего сына и войскъ, которыми онъ командуетъ въ Нанси, еще до нашего отъѣзда изъ этой страны, ничто на свѣтѣ не сдѣлало бы меня счастливѣе, какъ эта поѣздка столь дорогая моему сердцу. Мы покидаемъ Баденъ въ данное время. Ея Величество останется въ Карлсруэ до Вторника 5 (17) Октября и въ Брухзалѣ до 13 (25); этотъ день и, самое позднее, слѣдующій назначенъ для нашего отъѣзда въ Россію. По курьеру, присланному Государемъ къ Ея Величеству, мы надѣемся застать его дня 3—4 въ Берлинѣ до отъѣзда его въ Варшаву. По дорогѣ Ея Величество остановится только на короткій срокъ въ Дармштадтѣ и Веймарѣ, изъ Берлина прослѣдуетъ прямо въ Петербургъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ Ея Величество сказала великимъ князьямъ, до какой степени она рада услышать о пріѣздѣ вашего сіятельства въ Парижъ и знать, что вы пріѣдете въ Нанси, потому что она можетъ надѣяться, что вы пріѣдете повидаться. И я не сомнѣваюсь, что ея надежды исполнятся, если ваше сіятельство будете такъ близко отъ насъ.

Поздравляю отъ всего сердца ваше сіятельство съ повышеніемъ вашего достойнаго сына въ чинъ генераль-адъютанта.

*

Петербургъ, 28 Декабря 1815.

Ваше сіятельство найдете въ послѣднихъ номерахъ нашихъ газетъ указъ, весьма суровый, противъ Іезуитовъ, которыхъ всѣхъ выселили за слишкомъ большое стремленіе обратить нашу церковь въ Католи-

*) То что въ кавычкахъ писано по русски. П. Б.

чество. Множество женщинъ высшего сословія обращены открыто; молодые люди, вѣрныя ихъ воспитанію, также совращены, и Іезуитскіе наставники дошли до такой дерзости, что начали совращеніе съ собственнаго племянника министра вѣроисповѣданій. Указъ хорошо написанъ Шишковымъ, и Государь подписалъ его не медля ни минуты¹⁾. Министръ Сардиніи, графъ де-Местръ, ханжа и болѣе, чѣмъ Іезуитъ, обвиняется въ пособничествѣ прозелитизму: извѣстно, что ему обязаны они доступомъ въ знатныя дома. Эготъ взрывъ долженъ произвести спасительное дѣйствіе на слабыя умы новыхъ Католиковъ. Мнѣ, однако хотѣлось бы, чтобы также поступили съ нашимъ Библейскимъ Обществомъ, которое принесетъ въ послѣдствіи больше зла, чѣмъ Іезуиты.

Я посылаю вмѣстѣ съ газетами два оттиска церемоніала пріѣзда и аудіенціи Персидскаго посланника. Онъ былъ ослѣпленъ блескомъ и пышностью нашего двора, гвардіи и т. п. и сказалъ, что никогда не видалъ подобнаго. Къ счастью, все это кончилось къ великому удовольствію нашихъ солдатъ и бѣдныхъ слоновъ, съ трудомъ таскавшихъ ноги, обутыя въ сапоги, по холоду и снѣгу. Лошади, приведенныя въ подарокъ, великолѣпны, равно и шали и жемчуга, а ткани, золотошвейныя матеріи и ковры хороши, но не въ нашемъ вкусѣ. Въ отвѣтъ ему готовить великолѣпныя подарки; между прочимъ фарфоровыя и стекляныя фабрики заняты этимъ дѣломъ.

И ничего не пишу о новомъ трактатѣ дружбы, союза и братства, который обнародованъ Сенатомъ²⁾; ваше сіятельство должны были ознакомиться съ его содержаніемъ въ Парижѣ. Это явленіе столь новое въ дипломатіи, что нельзя впередъ сказать, какое впечатлѣніе оно произведетъ; но я думаю, что его постигнетъ та же участь, что и другіе трактаты, существовавшіе до сей поры. У политики есть свой опредѣленный путь, такъ что пока трактатъ продержится обстоятельствами, ему благоприятными.

Бракосочетаніе великой княгини Екатерины состоялось сегодня: былъ большой обѣдъ и балъ при дворѣ.

¹⁾ Гр. Жозефъ де-Местръ говорилъ, что при разговорѣ съ нимъ Александръ Павловичъ такъ горячился, что, казалось, у него ноздри были въ пламени: *le feu lui sortait de narines*. (См. Р. Архивъ 1866, стр. 1492). П. Б.

²⁾ Т. е. о Священномъ Союзѣ. П. Б.

ЗАВѢЩАНІЕ ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА ГААЗА ¹⁾.

Копія.

Я все размышляю о благодати, что я такъ покоенъ и доволенъ всѣмъ, не имѣя никакого желанія, кромѣ того, чтобъ воля Божія исполнялась надо мною. Не введи меня во искушеніе, о Боже Милосердый. Милосердіе коего выше всѣхъ Его дѣлъ. На Него я бѣдный и грѣшный человѣкъ вполне и единственно уповаю. Аминь.

Какъ я признанъ совершенно несостоятельнымъ ²⁾, то родные мои не могутъ имѣть никакой претензіи на то, что можетъ оставаться послѣ меня. Равномѣрно и кредиторы мои, раздѣливши все, что имъ по суду досталось, кажется, не будутъ имѣть больше претензіи на то, что могло бы оказаться у меня, почему я осмѣливаюсь полагать, что не приведу начальство въ затрудненіе чрезъ покорнѣйшую мою просьбу, что все могущее оказаться послѣ меня, не подвергая печатанію, по моему искреннѣйшему желанію и просьбѣ, было бы представлено моему старинному искреннему пріятелю, дѣйствительному статскому совѣтнику Андрею Ивановичу Полю ³⁾, котораго я симъ прошу не отказать мнѣ быть душеприкащикомъ, при помощи нашихъ товарищей и друзей: Павла Яковлевича Владимірова, Ѳедора Михайловича Елецкаго, Василія Филипповича Собакинскаго, Христіана Ѳедоровича Поль, Льва Григорьевича Гофмана, Ивана Алексѣевича Нечаева и старинныхъ нашихъ друзей Ивана Ѳедоровича Померанцева и Василія Ивановича Розенштрауха ⁴⁾. Я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ для него не будетъ никакого особеннаго затрудненія. Я предоставляю Андрею Ива-

¹⁾ Изъ архива Московскаго Надворнаго Суда.

²⁾ Нѣкогда О. П. Гаазъ былъ такъ богатъ, что ему принадлежалъ на Кузнецкомъ мосту огромный домъ (нынѣ наслѣдниковъ доктора Захарына). П. Б.

³⁾ Извѣстному въ Москвѣ врачу-оператору; онъ ввелъ раздробленіе камня въ мочевомъ пузырьѣ. П. Б.

⁴⁾ Извѣстному въ то время владѣльцу галантерейнаго магазина на Кузнецкомъ мосту, на углу Рождественки. П. Б.

новичу распорядиться безъ всякой отвѣтственности во всемъ томъ, что придется сдѣлать. Я прошу Андрея Ивановича подарить всякому, кто бы что желалъ имѣть на память.

Книги, кои способны и назидательны для библіотеки при церкви нашей*), всѣ дарю въ библіотеку церкви нашей, равно фортепіаны и Латинскія пѣсни, какія у меня окажутся. Два тома Лексикона Бланкарда оставить при конторѣ Полицейской больницы для безпріютныхъ больныхъ и нѣсколько книгъ медицинскихъ, сколько разсудится Андрею Ивановичу, такъ чтобы при больницѣ составила маленькая медицинская библіотека.

Сверхъ того изъ другихъ медицинскихъ книгъ, сколько Андрею Ивановичу разсудится, подарить Николаю Агапитовичу Норшинъ; а всѣ прочія книги и вещи я желаю по продажѣ ихъ сумму раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одну Андрей Ивановичъ будетъ раздавать бѣднымъ при нашей церкви, а другую часть предоставитъ раздавать другу моему Павлу Яковлевичу Владимирову при нашей больницѣ, какъ онъ прежде сіе дѣлалъ при большей моей благодарности и къ великому моему утѣшенію.

Книги Американскія о трезвости надобно переплетать и стараться продавать ихъ за 50 коп. серебромъ и заплатить г. Мерелису сколько я останусь должнымъ за полученныя отъ него для продажи книги.

Если бы оказались у меня остальные наличныя деньги, то я желалъ бы всѣ другія находящіяся въ бѣлыхъ, т. е. А, Б, В, Христіанскаго Благонравія и всѣ картонны азбуки переплетать и такъ беречь ихъ, пока со временемъ онѣ мало по малу будутъ продаваться или даромъ раздаваться, какъ Павлу Яковлевичу сіе благоразсудится.

О милыхъ моихъ родныхъ я здѣсь не упоминаю, предоставляя Господу Богу, что Онъ склонитъ сердце Царя и велитъ ему возвратить все, что чрезъ несправедливость 7-го Департамента Правительствующаго Сената они потеряли; а что они могли бы отъ царской милости получить, я желаю, чтобы они удовлетворили всѣхъ кредиторовъ, которые остались обижены чрезъ меня. При томъ я очень помню, что я остался долженъ моимъ братьямъ и сестрамъ пятнадцать тысячъ рублей ассигнаціями, и сіи 15 тысячъ сперва надобно отдѣлить отъ денегъ, которыя могутъ быть по царской милости пожертвованы для удовлетворенія случившейся мнѣ обиды и потери, и 15 тысячъ рублей тогда будутъ выданы тѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые меня ссудили, а потомъ деньги, которыя останутся, какъ мнѣ принадлежація, всѣ братья и сестры должны раздѣлить по равнымъ частямъ, а въ

*) Т. е. церкви св. Людовика на Малой Лубянкѣ? П. Б.

число братьевъ и сестеръ принять милого племянника Якова, сына благодѣтеля моего отца профессора Гааза. Я знаю, что все мои милые и добрые родные раздѣлятъ со мною духъ повинovenія во всемъ волѣ Божіей и всегда съ искреннимъ сердцемъ скажутъ Ему слава и похвала во вѣки. Всеми, которые будутъ полагать, что они остаются мнѣ что нибудь должны, да будетъ извѣстно, что я имъ все прощаю.

Покорнѣйше прошу добрѣйшаго Алексѣя Николаевича Бахметева¹⁾ иногда обратить око милосердія на жалкаго Филиппа Андріанова. Первая милость, которую показалъ ему Алексѣй Николаевичъ, сдѣлалась причиною всего того, что я послѣ него дѣлалъ. Кажется, очевидно, что Провидѣніе хотѣло вручить его объимъ нашимъ рукамъ.

На моемъ столѣ находится маленькій ящикъ, въ коемъ лежитъ чернильница, перо и мощи Св. Франциска Солезіуса. Сей ящикъ надобно передать Боголюбу Давыдову Боевской, которая со временемъ такъ устроитъ, что сія мощи можно хранить при Католической церкви въ г. Иркутскѣ. Въ верхнемъ ящикѣ комода находятся двѣ картины папеньки моего и маменьки; я ихъ передаю, чтобы она ихъ тихимъ образомъ хранила при себѣ. Я прошу добрѣйшаго моего благодѣтеля Николая Алексѣевича Муханова²⁾, чтобы онъ продолжалъ нѣсколько времени мѣсячные десять рублей серебромъ, которые прошу чрезъ Андрея Ивановича передать бѣдной добрѣйшей Боевской, которая мнѣ какъ духовная дочь и сестра. О какая твоя благодѣтельная для меня ручка, мой почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ!

Еще имѣю нѣкоторыхъ бѣдныхъ, которымъ я отъ г. Муханова всякой мѣсяцъ давалъ: Аннѣ Петровнѣ Тринклеръ два рубля, г-жѣ Безсоновой одинъ рубль, г-жѣ Рыльевой одинъ рубль, бѣдной дѣвушкѣ въ Набилковской богадѣльнѣ Принѣ одинъ рубль, г. Медединой одинъ рубль; Матренѣ съ дочерьми одинъ рубль, кои прошу чрезъ Павла Яковлевича, ежели получится вспомошествованіе, продолжать выдавать.

Два портрета моихъ благодѣтелей графа Зотова и генерала Бутурлина передаю моему другу Андрею Ивановичу Полю, который раздѣляетъ объ нихъ мои чувства любви и преданности.

¹⁾ Въ то время бывшаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа. П. Б.

²⁾ Ѳ. П. Гаазъ былъ связанъ дружбою съ семействомъ Мухановыхъ. Онъ сопровождалъ ихъ на Кавказскія минеральныя воды, описаніе которыхъ и сдѣлалъ: *Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809 et 1810, par le docteur Frederic-Joseph de Haas, médecin en chef de l'hôpital de Paul à Moscou.* М., 1811. 1°. П. Б.

На счетъ картины Вандика, которую почетный гражданинъ Ѳедоръ Егоровичъ Уваровъ во время моей болѣзни подарилъ мнѣ, за что я не въ состояніи выразить чувства глубочайшей благодарности: я думаю, что этимъ подаркомъ сдѣлалъ онъ для меня самую пріятную вещь, которая могла быть сдѣлана для меня въ свѣтѣ. Молюсь Богу, чтобъ онъ возвратилъ Ѳедору Егоровичу во сто разъ то, что я чувствовалъ, что получилъ отъ него. Я прошу гг. священниковъ нашей церкви, г. Элрова, г. Кампіона и Михаила Дормидоновича Быковского, чтобы они нашли приличный способъ помѣстить ее возлѣ алтара Божіей Матери въ нашей церкви. Она должна быть поставлена на мраморномъ брускѣ и на семь брусковъ написаны сіи слова, что Божія Мать говорила всѣмъ въ Канѣ Галилейской: сдѣлайте все, что Онъ скажетъ (*Quodcumque vobis dixerit, facite*) Св. Іоан., глав. 11, ст. 4. Важность сей картины состоитъ въ томъ, что Божія Мать всѣмъ молящимся Ей показываетъ Младенца и всегда намъ говоритъ эти слова, которыя Она сказала въ Канѣ Галилейской: сдѣлайте все, что онъ скажетъ: *Quodcumque vobis dixerit, facite*.

Велѣдствіе сего наставленія Божіей Матери сдѣлано Спасителемъ нашимъ чудо, о которомъ Онъ сперва объявилъ, что Онъ не намѣревъ быть въ тотъ день чудо дѣлать и что Провидѣніемъ отъ вѣка вѣковъ не назначено было, что оно должно быть сдѣлано въ тотъ день; однакожь сіе единственное чудо сдѣлано чрезъ участіе, которое Божія Мать приняла въ этомъ дѣлѣ, а участіе состояло въ томъ, что она научила людей исполнять все, что Ея сынъ, нашъ Богъ, намъ скажетъ. Утѣшаетъ меня очень мысль, что чрезъ прибавленіе къ сей прекраснѣйшей картинѣ материнскихъ словъ: „сдѣлайте все, что Онъ скажетъ“, во многихъ сердцахъ откроется настоящее отношеніе нашихъ молитвъ къ Божіей Матери, т. е. что наши молитвы къ Божіей матери могутъ имѣть только успѣхъ, когда мы исполняемъ наставленіе Ея исполнять все, что Онъ намъ скажетъ. Не надобно жалѣть расходовъ, дабы это было сдѣлано очень прилично. Добрый мой Андрей Ивановичъ найдетъ уже на сей предметъ нужныя деньги.

Занимаютъ меня еще два предмета: 1, Представленіе мое къ награжденію служащихъ при больницѣ. Я прошу покорно моего друга Александра Ивановича Овера, чтобъ онъ попросилъ Ивана Васильевича Капниста*) самому разсмотрѣть сіе дѣло, которое вѣрно тогда будетъ при-

*) Въ то время бывшаго въ Москвѣ гражданскимъ губернаторомъ. П. В.

знаю достойнымъ одобренія. 2-ой предметъ есть, что покорнѣйше прошу Комитетъ согласиться на мою просьбу препоручить нѣкоторымъ членамъ сдѣлать справки о полученныхъ мною чрезъ Комитетъ отъ Губернскаго Правленія кандалныхъ денегъ, излишки которыхъ должны принадлежать мнѣ какъ подрядчику; но, не желая имѣть отъ этого ни малѣйшей пользы, я просилъ Комитетъ дать шнуровую книгу для записи о расходѣ сихъ денегъ, кои я всегда писалъ въ шнуровую комитетскую книгу.

Я бы желалъ чтобы было разсмотрѣно подъ предсѣдательствомъ члена нашего Комитета Дмитрія Ивановича Коптева, при членахъ г. Кондратьевѣ, г. Шеншинѣ, при сынѣ г. Розенштрауха Фодорѣ Васильевичѣ, при правителѣ дѣлъ Комитета Ильѣ Ивановичѣ Захаровѣ. Я прошу пригласить для изясненія сего дѣла Ивана Алексѣевича Нечаева, который одинъ лучше всего знаетъ, что тамъ на Воробьевыхъ горахъ всегда дѣлалось.

Кажется, Комитетъ не будетъ отказывать мнѣ въ такой просьбѣ, чрезъ которую откроется важное для меня обстоятельство въ дѣйствіяхъ моихъ въ Пересыльномъ Замкѣ, ибо старшій писарь Полицейской больницы для безпріютныхъ больныхъ Петръ Андреевъ Игумновъ открылъ, что я передержалъ противъ полученнаго отъ Губернскаго Правленія значительную сумму. А сіе могло случиться слѣдующимъ манеромъ. Часто меня просили, не угодно ли мнѣ изъ кандалной экономіи расходовать на это, это и это, на что я очень легко всегда соглашался; ибо истинно знали, что я желалъ расходовать всю экономію по кандаламъ и точно иногда затруднялся, что сдѣлать изъ остатковъ экономіи, которые въ прежнія времена иногда оставались значительны, то и легко могло случиться, что я, полагая, что экономія есть, соглашался на разныя раздачи, но никогда не намѣренъ былъ изъ моихъ собственныхъ денегъ дѣлать никакого пожертвованія. Я часто удивлялся, что, пріобрѣтая иногда деньги, имѣвши тогда практику, не израсходывая для себя особеннаго ничего, все находилъ себя безъ денегъ. и по открытіи писаремъ Игумновымъ я вижу теперь, что мои собственные деньги пропали въ этихъ расходахъ, кои назывались кандалными, а за сіе ежели окажется истинно, то я прошу Андрея Ивановича выдать Игумнову сто рублей серебромъ. Ежели окажется, что я по ошибкѣ въ пользу Комитета расходовалъ, то я надѣюсь, что онъ мнѣ возвратитъ сумму, которую предоставляю получить Андрею Ивановичу Полю, а его прошу ихъ употреблять для трехъ извѣстныхъ ему предметовъ.

Еще уповаю на добраго моего Андрея Ивановича, что онъ найдетъ способъ наградить всѣхъ столь много трудящихся около меня, а книжки *Problèmes de Socrate* я очень желаю, чтобы были напечатаны въ память дружбы моей къ Николаю Николаевичу Бутурлину, сыну моего большого благодѣтеля генерала Бутурлина. Я чувствую, что Размышленія о системѣ Сократа могутъ быть многимъ полезны, но покорнѣйше прошу г-на Пако*), г. Кроткаго, г. Чедаева и г. Цурикова принимать въ семь дѣлъ христіанское участіе и стараться совершить эти Размышленія такъ какъ слѣдуетъ.

Я просилъ г. Эларова, чтобы похороны были на счетъ Церкви, на одной парѣ лошадей, безъ всякаго прибавленія.

Москва. Іюня 21 дня 1852 года.

(Изъ сборника П. И. Щукина, выпуска X-го).

*) Это профессоръ Французскаго языка въ Московскомъ университетѣ, достойнѣйшій Степанъ Ивановичъ Пако, уроженецъ Нормандіи, приглашенный О. В. Самаринымъ въ наставники къ сыну его Юрію Оедоровичу. П. Б.

МОСКОВСКІЕ ХРАМЫ ПО УХОДЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

Запись И. М. Снѣгирева *).

20 Октября (1812), жители Мурома проводили преосвященнаго Августина за городъ, при колокольномъ звонѣ, съ крестнымъ ходомъ, въ космъ несли на себѣ болѣе пяти верстѣ иконы Иверской и Владимирской Богоматери. За пастыремъ слѣдовали и жители Москвы на свои пепелища.

Вскорѣ по прїѣздѣ въ Москву графа Растопчина, Августинъ, 31 Октября, прибылъ изъ Мурома въ село Черкизово, сіе древнее помѣстье Св. Алексія митрополита. Въ самой Москвѣ негдѣ ему было остановиться: архіерейскія подворья были или разорены, или сожжены. Кремль, вмѣстѣ съ святыней, до его прїѣзда былъ запертъ: онъ нашелъ монастыри разграбленными, церкви обращенными въ казармы и запасные магазины, а нѣкоторыя даже въ конюшни и бойни, священнослужителей безъ должности и пропитанія, приходы безъ прихожанъ и церквей: ибо изъ 237 Московскихъ церквей 12 сгорѣли, 115 повреждены были отъ пожара, а прочія почти всѣ разграблены, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отправлялось богослуженіе оставшимися священниками. Тогда іерархъ на паствѣ своей былъ, какъ земледѣлецъ на нивѣ, побитой градомъ; но его утѣшало возвращеніе на свое родное пепелище, въ Москву, освобожденную отъ враговъ; онъ встрѣчалъ и привѣтствовалъ своихъ подчиненныхъ и знакомыхъ возваніемъ: Христосъ Воскресе!

Вскорѣ получилъ Августинъ отъ Государя Императора повелѣніе устроить духовную часть и возстановить поруганную врагомъ святыню.

*) См. выше, стр. 134.

7 Ноября, изъ Черкизова онъ переѣхалъ въ Срѣтенскій монастырь; на другой же день, совершивъ тамъ молебствіе съ козѣнопреклоненіемъ, онъ вступилъ ночью въ Кремль черезъ Боровицкія ворота для осмотра соборовъ; его сопровождали Симоновскій архим. Герасимъ, соборные ключари, Чудовскій намѣстникъ, секретарь его и отставной майоръ П. В. Головинъ.

Внутренность Кремля была завалена горами каменьева и мусора отъ взрыва Филаретовской колокольни, Рождественской церкви и нѣкоторыхъ башень, стѣнъ и Арсенала, разнаго рода оружіемъ, понтонными лодками, фургонами, конскими и человѣческими трупами, мебелью, между коими попадались даже св. иконы и утварь. Двери Успенскаго собора были затворены и запечатаны; снаружи въ стѣнахъ его кругомъ пробиты были гнѣзда, въ кои вставлены брусья для коновязей, а другіе полагали, для взрыва онаго порохомъ. Не знали, что находилось во внутренности храма: опасались, нѣтъ ли въ немъ подкоповъ или какихъ ухищреній: отъ коварнаго и отчаяннаго врага можно было всего ожидать. Но Августинъ велѣлъ отворить сѣверныя двери собора: потомъ, обратясь къ предстоявшимъ, сказалъ: „помолитесь“, трикраты самъ помолился въ землю предъ Господомъ на священномъ прагѣ, и, осѣнивъ входъ крестнымъ знаменіемъ, воскликнулъ: Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази Его! Онъ первый вступилъ во храмъ, за нимъ и спутники его съ зажженными свѣчами.

При видѣ мерзости запустѣнія на мѣстѣ святыни, они зарыдали и содрогнулись: имъ открылось плачевное зрѣлище поруганной святыни, разграбленнаго и оскверненнаго храма. Отъ ужасныхъ взрывовъ окна въ соборѣ перебились, и внутренность его отчасти занесло снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ пылью, стружками, углями и навозомъ: на мѣстѣ огромнаго серебрянаго паникадила тамъ были вѣсы для вѣшанія награбленнаго серебра и золота, и на правомъ столбѣ иконостаса, у патриаршаго мѣста начертанъ счетъ онаго (325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота) недавно только закрытый позолотою; среди собора поставлены плавильные горны и изъ Оружейной Палаты деревянные болваны въ богатыревскихъ доспѣхахъ; съ алтарнаго иконостаса ободрано было все серебро басменной работы, кромѣ одного уголка, какъ будто для того, чтобы онъ могъ послужить образцомъ при возобновленіи храма. Иконы, снятыя съ мѣстъ и лишеныя драгоценныхъ окладовъ, утвари изломанныя, церковныя одежды разодранныя разбросаны были по полу вмѣстѣ съ разнымъ оружіемъ такъ, что едва можно было пройти. Съ гробницъ святителей сняты серебряныя украшенія, запече-

чатанная рака св. Петра Митрополита вскрыта. мощи Святителя Филиппа лежали внѣ раки на помостѣ. Надъ гробами митрополичьими сдѣланы были стойла для лошадей. При этомъ позорищѣ архипастырь съ чувствомъ скорби воскликнулъ: „Боже, приидоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святыи Твой!“ Но какимъ чувствомъ умиленія объялось сердце преосвященнаго, когда онъ, среди такого разрушенія и поруганія святилища, увидѣлъ мощи Святителя Ионы не только неприкосновенными на своемъ мѣстѣ въ серебряной ракъ, но даже и при нихъ серебрянную лампаду, подсвѣчникъ и образъ Спасителя въ серебрянномъ окладѣ.

Архангельскій и Благовѣщенскіе соборы подвергались одинаковой участи съ Успенскимъ и Кремлевскими церквами: только, къ удивленію, въ послѣднемъ три верхнія церкви съ иконостасами въ серебрѣ остались совершенно неприкосновенными. Еще дивное и вмѣстѣ отрадное зрѣлище представилъ нашему архипастырю уцѣлѣвшій отъ хищенія образъ Спасителя въ серебрянной позолоченой ризѣ на Спаскихъ воротахъ. Никольская башня, примыкающая къ Арсеналу, взорвана была по самый кіотъ образа св. Николая; но икона осталась невредимою со стекломъ и съ фонаремъ. Объ этомъ чудѣ засвидѣтельствовалъ преосвященный Августинъ въ проповѣди своей, а императоръ Александръ I въ слѣдующей надписи, изображенной на мраморной доскѣ подъ самымъ образомъ: „Въ 1812 году, во время непріятельскаго нашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятеля: но чудесною силою Божіею св. образъ великаго угодника Божія Святителя Николая, здѣ начертанный на самомъ камнѣ, и не токмо самый образъ, но и самое стекло, прикрывавшее оный, и фонарь со свѣцею остались невредимыми. Кто Богъ велии, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяи чудеса. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“!

1812 года, 10 Ноября, Августинъ, отслуживъ молебень въ Срѣтенскомъ монастырѣ, читалъ отъ себя особую молитву со слезами, прерывавшими чтеніе оной: потомъ перенесъ съ крестнымъ ходомъ икону Иверской Богоматери въ часовню у Воскресенскихъ воротъ и, до поставленія образа на прежнее мѣсто, совершилъ водосвятіе передъ дверьми часовни, вокругъ коей вся площадь, развалины строеній и обгорѣлыя стѣны домовъ покрыты были народомъ. Тогда всѣ глаза обращались къ небесамъ со слезами умиленнаго сердца; всѣхъ уста повторяли молитвы, а руки возносились для крестнаго знамени.

Въ тотъ же день обозрѣвая Чудовъ монастырь, преосвященный смутился скорбію, не находя мощей св. основателя сей обители, въ коей

алтарь главной церкви служилъ пріютомъ для маршала Наполеонова Даву. Наконецъ, по усиленномъ исканіи, въ кучахъ ободранныхъ и распоротыхъ ризъ, въ преддверіи Благовѣщенской церкви найдены были мощи св. Алексія Митрополита, къ великой радости Августина, который поставилъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ.

Комиссія духовныхъ училищъ изъ суммъ, состоявшихъ въ ея вѣдѣніи, пожертвовала на сей предметъ¹⁾, съ разрѣшенія Св. Синода, 3,500,000 рублей. Исполненіе это было возложено на преосвященнаго Августина.

Въ первый день послѣдняго мѣсяца 1812 года, Августинъ положилъ начало возобновленію и устройству той важной части столицы, которая сосредоточиваетъ въ себѣ торговлю съ промышленностію и по преимуществу именуется Городомъ. Собравъ все бывшее въ Москвѣ духовенство, преосвященный въ этотъ день освятилъ Покровскій соборъ, памятникъ завоеванія Царства Казанскаго.

По распоряженію Августина, съ пѣніемъ и кропленіемъ св. водою, начался крестный ходъ отъ Лобнаго мѣста вокругъ Китая-города тремя отдѣленіями. Въ семъ ходу несли чудотворныя иконы Богоматери Иверской, Грузинской, Владимірской и Утоленія Печалей. Въ первомъ отдѣленіи преосвященный самъ слѣдовалъ по Ильинкѣ за Ильинскія ворота: второе шло Старою площадью и Никольскою улицею до Никольскихъ воротъ; третье по Москворецкой улицѣ на Набережную. Обойдя кругомъ стѣны Китая, они сошлись у Варварскихъ воротъ, черезъ кои тѣмъ же порядкомъ учредитель сего священнаго хода возвратился въ Покровскій соборъ, сопровождаемый всѣми тремя отдѣленіями.

Освященіемъ Бѣлаго города преосвященный ознаменовалъ день рожденія императора Александра I и вмѣстѣ день возврата солнца съ зимы на лѣто, что принято было жителями Москвы за благодатное предвѣстіе возврата прежняго ихъ благоденствія. Платоновъ преемникъ²⁾ умѣлъ воспользоваться и симъ случаемъ, чтобы доставить скорбящимъ утѣшеніе св. вѣры: онъ учредилъ крестный ходъ въ двухъ отдѣленіяхъ, которыя, во время освященія имъ соборной церкви въ Срѣтенскомъ монастырѣ, обойдя улицы Бѣлаго города, сошлись въ сей обители. Тамъ при чрезвычайномъ стеченіи народа, въ новоосвященномъ храмѣ графъ Растопчинъ читалъ извѣстія о побѣдахъ Русскихъ надъ полчищами Наполеона. Духовное и вмѣстѣ гражданское торжество довершено побѣднымъ громомъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ, стоявшихъ близъ стѣнъ Срѣтенскаго монастыря.

¹⁾ Т. е. на возстановленіе Кремлевской святыни. П. Б.

²⁾ Т. е. Августинъ. П. Б.

Продолжая заниматься дѣлами званія своего, Августинъ перемѣстился изъ Срѣтенскаго въ Богоявленскій монастырь, который замѣнялъ каедрѹ до открытія Архангельскаго собора.

Но Кремль еще не доступенъ былъ для любопытства: никто не могъ входить въ него безъ особеннаго позволенія начальства. Туда Августинъ ѣздилъ каждый день. Ревнители благочестія, видя вездѣ поруганіе святыни, заботились о томъ, сохранились ли св. мощи и чудотворныя иконы въ Кремлевскихъ соборахъ; они сбѣгались на Красную площадь предъ запертыми воротами Кремля сътовать объ этомъ. Для ихъ успокоенія и утѣшенія преосвященный Августинъ высылалъ Симоновскаго архимандрита Герасима.

Торжественное открытіе Кремля (1 Февраля 1813) началось освященіемъ Архангельскаго собора, приведеннаго Августинѹ въ возможное устройство; ибо въ другихъ соборахъ еще не совсѣмъ изглажены были скверныя слѣды враговъ, не пощадившихъ въ нихъ ни святыни, ни древности. При освященіи же храма—блюстителя праха Государей Россійскихъ—обносили вокругъ его съ крестнымъ ходомъ св. мощи благовѣрнаго царевича Дмитрія, сохраненныя священникомъ Іоанномъ Веніаминовымъ за иконостасомъ въ Вознесенскомъ монастырѣ и доставленныя преосвященному вскорѣ по пріѣздѣ его въ Москву. Въ праздникъ же Срѣтенія Господня (это было на другой день) носили св. мощи порфиророднаго Мученика вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ въ соупствіи освященнаго собора и въ предшествіи хоругвій, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ.

Послѣ освященія Чудовской церкви, графъ Растончинъ въ трапезѣ монастырской представилъ Московскому архіерсею 243 челѹвѣка, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ непріятели. Преосвященный, сдѣлавъ пастырское наставленіе, приличное положенію сихъ несчастныхъ, роздалъ имъ 15,000 рублей, доставленныхъ ему отъ С. Петербурскаго Общества призрѣнія разоренныхъ.

Въ нѣкоторыхъ приходсахъ не оставалось ни одного почти дома; въ другихъ прихожане не только причеть, но и себя содержать не въ силахъ были: жители не скоро собирались, невдругъ могли обстроиться и обзавестись. Надлежало взять мѣры въ разсужденіи храмовъ, не имѣвшихъ пособій для своего возобновленія; должно было придумать средства къ устроенію священнослужителей. Преосвященный входилъ объ этомъ съ мнѣніемъ своимъ въ Св. Синодъ, который разрѣшилъ ему приписать нѣкоторыя церкви къ другимъ, изъ 237 приходѹвъ оставить 137, а нѣсколько священниковъ помѣстити на время въ сельскіе приходы.

Исполненіе сей мѣры начато преосвященнымъ съ 4 Февраля 1813 года; однакожъ не обошлось безъ нареканій ему и безъ сѣтованія, такъ что, видя ревность въ народѣ къ сохраненію и возобновленію храмовъ и слыша общее желаніе, онъ представлялъ высшему начальству: „что жители не прежде начинаютъ обстроивать свои дома, пока не увидятъ освященными свои церкви“. Наконецъ, уже въ 1816 году высочайше повелѣно: „Преосвященному Августину разоренныя и сожженныя церкви, по прошенію и согласію прихожанъ, позволять исправлять, если не окажется къ тому законныхъ препятствій, оставляя церкви приписными до того времени, когда соберется и водворится достаточное число прихожанъ“.

Почивающія въ Успенскомъ соборѣ св. мощи Петра митрополита Московскаго, въ царствованіе Іоанна Васильевича, запечатаны были въ гробницѣ ихъ царицею Анастасіею: послѣ нашествія Поляко-Литовцевъ, похитившихъ золотую раку съ св. останковъ храмоздателя, онѣ до 1812 года лежали запертыя, подъ спудомъ, въ среброкованной гробницѣ: но святотатственная рука врага сорвала печать и замокъ съ верхней гробницы, заключавшей въ себѣ раку съ мощами первосвятителя Московскаго. Августинъ просилъ у Св. Синода позволенія оставить св. мощи Петра навсегда открытыми.

Открывъ раку, онъ до земли поклонился и облобызавъ святыя останки великаго іерарха; потомъ совершилъ молебное пѣніе, а по окончаніи литургіи окропилъ святою водою матеріалы, приготовленные для поновленія св. иконъ въ соборѣ. Самыя иконы были съ крестнымъ ходомъ перенесены въ мироваренную палату Патріаршаго дома, гдѣ избранные иконописцы, священно и церковнослужители, въ облаченіяхъ, сверху коихъ были на нихъ бѣлыя препоясанія, приняли благословеніе отъ своего архипастыря и приступили къ своему дѣлу, обратившему на себя вниманіе ревнителей старины. Преосвященный почти каждый день самъ надзиралъ надъ производствомъ сей работы, достойной служителя алтаря, поощряя трудившихся и руководствуя ихъ повелѣніемъ Екатерины II: поновлять соборы, не измѣняя ихъ древняго стила. Тогда же въ Чудовѣ монастырѣ дѣлали серебряныя ризы на Успенскій иконостасъ по оставшемуся на немъ образчику. Въ три мѣсяца окончено поновленіе трехъ сотъ семидесяти пяти св. иконъ въ Успенскомъ соборѣ и онъ приготовленъ былъ къ освященію *).

*) Успенскій соборъ открытъ былъ только 30 Августа 1813 года. П. Б.

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

IV. Побѣги въ горы¹⁾.

Исторія одной расколыничьей обители у Шамиля (1848—1859).

11.

Мы рассказали исторію расколыничьей обители у Шамиля²⁾.

Но что же въ это время происходило на Линіи?

Побѣгъ пяти Червленцевъ лѣтомъ 1849 года сильно встревожилъ Гребенское начальство. Правда, и раньше скитничество въ Кумскихъ и Терскихъ лѣсахъ процвѣтало; въ безмолвіе лѣсной глуши удалялись казаки, склонные къ подвижничеству и ждали пришествія Антихриста вдали отъ мірской суеты. „Кизлярскіе коменданты³⁾ посылали драгунскія команды по лѣсамъ забирать гнѣздившихся тамъ расколыниковъ, какъ людей опасныхъ въ пограничномъ краѣ“. Но все это было дѣломъ далекаго прошлаго.

Командиръ Гребенскаго полка полковникъ баронъ Розенъ наивно писалъ⁴⁾ наказному атаману Феликсу Антоновичу Круговскому: „побѣговъ на богомолье до сего никогда не было“. О расколыникахъ-отшельникахъ очевидно забыли. Забыли потому, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ сумѣлъ развить у казаковъ національное чувство. Забыли еще потому, что во главѣ горцевъ стоялъ Шамиль, во владѣнія котораго зазорно было идти Русскому человѣку. И, забывъ про это историческое явленіе, упустивъ изъ виду законъ повторяемости извѣст-

¹⁾ См. 1912, I, 452.

²⁾ См. 1912, I, 64.

³⁾ Н. П о п к о.

⁴⁾ Рапортъ 19 Іюля 1852 года № 3835. св. № 17, дѣло № 375.

ныхъ жизненныхъ событій. начальство рѣшило. если не разслѣдовать вполне причины побѣговъ казаковъ на богомолье въ горы. то во всякомъ случаѣ найти виновныхъ и потушить пожаръ.

Необходимость энергичныхъ мѣръ стала особенно очевидна, когда въ Ноябрь 1850 года вновь бѣжало изъ Червленной тринадцать душъ подъ предводительствомъ Ивана Башмакова. Дѣло принимало серьезный оборотъ: приходилось дѣйствовать. Командиръ Гребенского полка *), желая открыть истинную причину побѣговъ. назначилъ комиссію изъ одного штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ.

Къ крайнему сожалѣнію. въ архивахъ Гребенского полка, и Войскового Дежурства Кавказскаго Линейнаго войска, какихъ-либо документовъ по этому вопросу нѣтъ. или (будемъ надѣяться) пока не найдено. Судя по описямъ. громадное число очень интересныхъ дѣлъ было уничтожено по минованіи десятилѣтней давности. Разные архивариусы и помощники старшихъ адъютантовъ. не имѣя возможности содержать архивы въ порядкѣ и заботясь только о необходимомъ мѣстѣ для вновь поступающихъ на храненіе документовъ. ревностно. на законномъ основаніи, уничтожали оптомъ все. чтѣ казалось не нужнымъ или потерявшимъ интересъ. Они конечно нанесли познанію старины гораздо больше вреда. чѣмъ хищники-любители. вырывавшіе и увозившіе изъ архивовъ отдѣльные драгоценные документы. Сіи послѣдніе, хотя изрѣдка. но все-же обогащали исторію плодами своихъ дурныхъ инстинктовъ.

О дѣятельности комиссіи. назначенной барономъ Розеномъ. мы знаемъ очень мало. Послѣ тщательныхъ секретныхъ обысковъ и справокъ. она. хотя и не могла найти виновныхъ. но заподозрѣла главными участницами и побудительницами къ побѣгамъ женщинъ посторонняго вѣдомства (т. е. не казачекъ), живущихъ въ скитахъ Червленной станицы: „ибо онѣ. проживая издавна въ скитахъ при этой станицѣ и именуя себя монахинями. учили молодыхъ казаковъ фальшивымъ понятіямъ о религіи и ханжеству изъ собственного интереса. чѣмъ приобрѣли большое уваженіе и почтеніе. въ особенности же отъ казачекъ“. Къ такому рѣшенію. очевидно. пришли. исходя изъ побѣга въ горы двухъ монахинъ Евпраксен и Фелицитаты. будто бы пришедшихъ въ Червленскіе скиты изъ Иргизскихъ монастырей.

Затѣмъ комиссія выяснила передачу монахинями писемъ съ деньгами Червленскому казаку Меводію Богданчикову для пересылки въ разныя мѣста, заподозрѣвъ его въ званіи о намѣреніи бѣжать въ горы

*) Предписаніе отъ Команд. войсками Кавказ. линіи 28 Сентября 1856 года № 20036.

не только двухъ монахинь, но всѣхъ казаковъ. „Богданчиковъ, имѣя почти постоянное пребываніе въ скитахъ“ (доносила комиссія) „завелъ и въ своемъ домѣ часовню, чѣмъ заслужилъ отъ нѣкоторыхъ жителей уваженіе. Къ тому общій голосъ подтверждалъ, что всѣ бѣжавшіе бывали у казака въ домѣ и вмѣстѣ съ нимъ въ скитахъ“. Было приложено даже пять писемъ, найденныхъ при обыскѣ одного скита, писанныхъ Богданчиковымъ къ монахинямъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ подписывается цифрами, а въ другомъ называетъ себя Меѳодіемъ Смирненнымъ¹⁾.

Итакъ по мнѣнію начальства подстрекателями къ побѣгамъ являлись скиты и отдѣльные раскольничьи главари.

Винность скитовъ была несомнѣнна; начальство распорядилось выслать на мѣста жительства въ Россію шестнадцать монахинь, обитавшихъ въ скиту въ Червленной. Относительно Богданчикова велѣсь дополнительныя разслѣдованія для выясненія причастности еще и другихъ раскольническихъ учителей.

Но вотъ случились событія, пришедшія на помощь начальству.

Въ Ноябрь 1851 года²⁾ Кизлярскаго полка сотникъ Кирѣевъ представилъ своему командиру подполковнику Суходольскому, по долгу службы и присяги, письмо, адресованное на его имя и писанное къ родителямъ братомъ его фельдшеромъ Александромъ Кирѣевымъ, бѣжавшимъ, къ непокорнымъ горцамъ³⁾. Фельдшеръ Кирѣевъ между прочимъ писалъ, чтобы родители, если пожелаютъ отвѣтить, переслали бы письмо въ Червленную къ казаку Антону Шавыреву, который уже знаетъ, какъ поступить: вѣдь сынъ его также находится тоже въ горахъ.

Затѣмъ въ Февралѣ 1852 года Чеченскій приставъ майоръ Доможировъ⁴⁾ прислалъ войсковому старшинѣ Тиханову два письма, посланныя жителями Калиновской станицы къ бѣжавшимъ въ горы и доставленные къ нему Староюртовскимъ жителемъ Далакъ-Алтемировымъ.

Обнаруживались сношенія съ бѣжавшими на богомолье Червленскихъ и Калиновскихъ казаковъ.

Переписка о фельдшерѣ поступила къ временно командующему Гребенскимъ полкомъ. Тогда войсковой старшина Тихановъ немедленно

¹⁾ Донесенія полк. барона Розена 25 и 27 Янв. 1851 г. № 1 и 3. (Самихъ рапортовъ не найдено).

²⁾ Рапортъ Команд. Греб. пол. Войск. Стар. Тиханова 22 Февраля 1852 г. № 10, св. № 17, дѣло № 375.

³⁾ Выписка изъ суднаго дѣла о сношеніяхъ казаковъ Червленной съ бѣжавшими въ горы. Св. № 17, дѣло 375.

⁴⁾ Рап. войск. стар. Тиханова 29 Февраля 1852 года № 1152 св. № 17, дѣло № 375.

предписать Полковому Правленію секретно приступить къ открытію законопротивныхъ дѣйствій казака Антона Шавырева¹⁾.

Полковое Правленіе прибѣгло къ дѣйствию, которое въ настоящее время называется провокаціею. оно было тогда въ большемъ ходу. Оно нависало два подложныхъ письма: одно къ фельдшеру Кирѣеву, будто бы отъ его родителей, а другое отъ нихъ же къ Шавыреву съ просьбою переслать влагаемое въ горы.

Принимая эти письма отъ неслужащаго казака Карагичева, Шавыревъ поблагодарилъ: „Спаси Христосъ“.

Затѣмъ войсковой старшина Тихановъ сталъ выжидать: не объявитъ ли казакъ Антонъ Шавыревъ ему или начальнику станицы о полученіи законопротивныхъ писемъ. Но Шавыревъ молчалъ.

Наступило наконецъ шестнадцатое Февраля пятьдесятъ второго года. Командующій полкомъ получилъ отъ Чеченскаго пристава документы о сношеніи Калиновцевъ съ обителю въ горахъ. Прибыль въ этотъ же день и обѣжавшій изъ горъ Василій Митрошкинъ, давшій весьма цѣнныя для начальства показанія. Войсковой старшина Тихановъ побоялся затягивать дѣло и вызвалъ Шавырева въ Правленіе²⁾. Но старый раскольникъ сталъ на издревле испытанный въ то время способъ защиты: „Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Тогда засѣдателю, сотнику Федюшкину, да начальнику Червленной хорунжему Пономареву приказали произвести обыскъ³⁾.

Искали, рыли, все перевернули. Наконецъ въ сундукъ жены обѣжавшаго Ефима Шавырева, въ маленькомъ узелкѣ нашли письмо: мужъ благодарилъ за присланный подрушникъ, за внички и калачики, кланялся Меѳодію Маргеловичу Богданчикову за подарочки, а казаку Сергѣеву просилъ передать признательность за старанія.

Сильно уже заподозрѣнный Богданчиковъ серьезно уличался. По представленію начальства главнокомандующій приказалъ предать военному суду Антона и Степавиду Шавыревыхъ, Богданчикова и другихъ причастныхъ лицъ⁴⁾.

Въ Тифлисѣ придавали большое значеніе обителю въ горахъ и понимали необходимость распутать таинственное и глубоко задуманное дѣло. На судъ предстало два, быть можетъ заблуждавшихся, но крѣпкихъ и сильныхъ духомъ человѣка. Два фанатика, но два нравственныхъ, глубоко религіозныхъ человѣка. Два казака преданныхъ, вѣроотно. идеѣ осуществленія неисполнимой мечты вольности и свободы.

¹⁾ Св. № 17, дѣло 373. Рапортъ войск. стар. Тиханова 17 Окт. 1852 г. № 5424.

²⁾ Рапортъ войск. стар. Тиханова св. № 17, дѣло № 375.

³⁾ Рап. барона Розена 8 Юля 1852 г. № 272, св. № 17, дѣло 375.

⁴⁾ Рап. Пом. Нач. Гл. Шт. 6 Февр. 1853 г. № 342 св. № 17, д. № 375.

Предстала также казачка, обыденная чисто-Русская женщина, любящая мужа, готовая слѣдовать за нимъ на край свѣта.

Особенно выдѣлялся по облику Богданчиковъ, совсѣмъ молодой человекъ¹⁾ слабого тѣлосложенія, съ поврежденной ногой, съ шестнадцати-лѣтняго возраста ходившій на костыляхъ. Но тѣлесная немощь пробудила въ немъ духовную дѣятельность, направивъ умъ и сердце къ Богу.

Въ большой свѣтлой комнатѣ, на подобіе часовни обвѣшанной и обставленной старинными иконами, перешедшими отъ предковъ, весь обложенный книгами, въ молитвѣ и чтеніи пребывалъ Богданчиковъ, отдавая досуги обученію казачьихъ и офицерскихъ дѣтей грамотѣ, церковному пѣнію, Россійскому письму и переплету книгъ²⁾.

Такихъ старообрядческихъ школъ въ Червленной въ 1849 году было еще пять. Ихъ просвѣтительная дѣятельность въ глазахъ большинства властей и православнаго духовенства всегда казалась ничѣмъ инымъ, какъ пропагандою раскола. Думается, однако, что болѣе знакомое съ сущностью дѣла казачье начальство имѣло основанія считать ихъ лишь простымъ орудіемъ для пріобрѣтенія знанія и развитія ума среди дѣтей. Къ этому, повидимому, особенно стремился вполне грамотный, развитой и начитанный Богданчиковъ, имѣвшій кромѣ церковныхъ и „книги гражданской Русской литературы, въ коихъ онъ почиталъ за благо упражняться, видя въ нихъ ученый плодъ“.

Великое уваженіе, которымъ пользовался Богданчиковъ, создавало ему выдающееся положеніе среди раскольниковыхъ главарей. Оно вызывало и зависть старовѣрческихъ дѣятелей, обвинявшихъ Богданчикова въ куреніи табаку, чтеніи православныхъ книгъ и другихъ грѣховныхъ поступкахъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ принадлежности Богданчикова къ какой-нибудь новой въ то время сектѣ, усиленно распространявшей толки и разныя разсужденія, а въ особенности предсказанія о скоромъ пришествіи Антихриста съ цѣлью расположить казаковъ къ побѣгамъ въ горы, для спасенія души молитвами въ скрытыхъ мѣстахъ. Быть можетъ, этимъ и ограничивался единственно Богданчиковъ: но статья также, что манила-ли къ себѣ начитаннаго и образованнаго наставника мечта о созданіи въ горахъ вольныхъ казачьихъ станицъ, свободныхъ вполне въ дѣлѣ вѣры и самоуправленія? Такъ надо думать, сопоставляя разныя намеки официальной переписки, вытекавшіе, вѣроятно, изъ содержанія канувшихъ нынѣ въ вѣчность секретныхъ бумагъ. Такъ слѣдуетъ еще полагать, взглядываясь въ свѣтлую фигуру Богданчикова и прислушиваясь къ ходящимъ еще по

¹⁾ Въ 1852 году было ему 24 года.

²⁾ Судебное дѣло, а также прошенія матери Богданчикова св. № 17, дѣло № 375.

Червленной преданіямъ о жизни безусловно-умнаго раскольника. На это наводитъ еще на мысль объ отношеніи Шамиля къ фактическому настоятелю раскольниковъ обители въ горахъ, къ Тимофеемъ Янхотову.

Антонъ Шавыревъ, человекъ старый, вполнѣ сочувствовалъ Богданчикову, отличался также строгою жизнью, но былъ умомъ попроще. Вскорѣ послѣ преданія суду этотъ раскольникъ умеръ.

Въ Мартѣ 1853 года началось дѣло¹⁾ и по обычной въ то время волокитѣ, переходя отъ одного начальника къ другому, было конфирмовано временно-командующимъ войсками Кавказской линіи и Черноморіи лишь въ Сентлбрѣ 1855 года²⁾.

Комиссія военнаго суда, признавъ Богданчикова и Шавырева виновными въ сношеніяхъ съ бѣжавшими на богомолье казаками и передачѣ имъ хлѣба и разныхъ вещей, а Степаниду Шавыреву въ намѣреніи бѣжать къ мужу, приговорила: Богданчикова, какъ вреднаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами черезъ пятьсотъ человекъ два раза и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ. Степаниду Шавыреву, также лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетью черезъ палача двадцатью ударами и сослать въ каторжныя работы на шесть лѣтъ. А подсудимаго Шавырева за смертію „оставить безъ послѣдствій“³⁾.

Завѣдывавшій Кавказскимъ Линейнымъ войскомъ полковникъ Мейеръ посмотрѣлъ на процессъ въ высшей степени благожелательно. Судное дѣло поступило къ нему на заключеніе въ концѣ 1854 года, когда обитель уже развалилась и все предпріятіе потерпѣло неудачу. Полковникъ Мейеръ былъ склоненъ сильно смягчить участь подсудимыхъ, но тутъ Богданчиковъ по собственной винѣ вышелъ изъ равновѣсія и ухудшилъ свое положеніе⁴⁾.

Ореоль, окружавшій Богданчикова въ станицѣ, захватилъ повидимому въ свои руки и Гребенское начальство⁵⁾. Подсудимому, старались дѣлать всякія поблажки: его увольняли часто съ Червленской гауптвахты домой и къ знакомымъ, разрѣшали вести корреспонденцію по почтѣ черезъ разныхъ людей и даже офицеровъ; позволяли читать, переплетать и разрисовывать старовѣрческія церковныя книги. Словомъ Богданчиковъ пользовался необыкновенными льготами.

Но у кого пѣгъ на этомъ свѣтѣ враговъ? Нашлись конечно и у Богданчикова недоброжелатели и завистники. Послѣдовалъ доносъ, и

¹⁾ Выписка 1854 года, св. № 17, дѣло № 375.

²⁾ Предп. г.—л. Козловскаго 28 Сент. 1855 г. № 20036.

³⁾ Судебное дѣло 1854 года св. № 17, дѣло № 375.

⁴⁾ Докладъ 1854 года св. № 17, дѣло № 375.

⁵⁾ Отнош. Нач. Штаба 1855 г. № 2059, св. № 17, дѣло № 375.

высшее войсковое начальство распорядилось содержать подсудимаго подь арестомъ, строго, согласно законамъ. Мѣра эта подорвала въ корень уже распатанный престижъ Богданчикова среди Гребенцовъ.

Безусловно трудно было раскольникъему наставнику сидѣть подь арестомъ, переживать всѣ тягости состоянія подь судомъ. Но еще ужаснѣе было умному Богданчикову сознавать паденіе своего авторитета. Люди съ сильно развитымъ самолюбіемъ, знающіе себѣ цѣну и высоко о себѣ мнящіе, рѣдко сохраняютъ равновѣсіе до конца. Такъ случилось съ Богданчиковымъ. Онъ рѣшилъ возстановить свой престижъ какимъ-либо поступкомъ, который вызвалъ бы со стороны властей суровыя мѣры. „Тогда, быть можетъ“, думалъ Богданчиковъ „симпатіи сораскольниковъ вновь вернутся ко мнѣ, какъ къ мученику за старую вѣру“¹⁾.

Раскольникій главарь сталъ сопротивляться распоряженіямъ караульнаго начальства, началъ браниться, буйствовать и подстрекать арестантовъ къ неповиновенію. Но баронъ Розень былъ на сторожѣ и сразу понялъ въ чемъ дѣло. Тихо и спокойно, въ наказаніе за скверное поведеніе, онъ отправилъ Богданчикова къ Кизлярскому коменданту для содержанія въ крѣпостномъ казематѣ впредь до рѣшенія суднаго дѣла²⁾.

Проигравъ такимъ образомъ въ глазахъ единомышленниковъ. Богданчиковъ своими поступками могъ все же усугубить тягость положенія. Въ тѣ времена Фемида не шутила.

Но Кавказское начальство, повторимъ еще, было на высотѣ положенія. Оно не отклонилось до конца отъ намѣченной политики по отношенію ко всѣмъ виновнымъ въ созданіи обители въ горахъ.

Командовавшій войсками опредѣлилъ: „избавивъ Богданчикова отъ тѣлеснаго наказанія, отправить въ арестантскія роты въ Кіевъ на пять лѣтъ, а затѣмъ зачислить въ регулярныя войска. Степаниду же Шавыреву отъ наказанія совсѣмъ освободить, но для пресѣченія возможности сношенія съ мужемъ и побѣга въ горы переселить въ одну изъ станицъ внутренней четвертой бригады“³⁾.

Вскорѣ начальство убѣдилось въ дѣйствительности смерти въ горахъ Ефима Шавырева и вернуло Степаниду въ Червленную⁴⁾. Богданчиковъ же, по просьбѣ матери, былъ помилowanъ и возвращенъ домой въ 1858 году⁵⁾.

¹⁾ Рапортъ бар. Розена 1855 года № 3744.

²⁾ Рапортъ полк. Мейера 1855 г. № 5377.

³⁾ Преди. г.—л. Козловскаго 1855 г. № 20036. св. 17, дѣло 375.

⁴⁾ Преди. Штаба войскъ Кавк. Линіи 1856 г. № 14176 и прошеніе Шавыревой 25 Марта 1866 г. св. 17, дѣло 375.

⁵⁾ Преди. нач. гл. шт. 1858 г. № 732. св. № 17, дѣло 375.

Во время своего нахождения въ Кіевѣ, Богданчиковъ, по ходящимъ преданіямъ написалъ рукопись „Желѣзный вѣкъ“, будто бы сохранившуюся еще у родныхъ. О немъ до сихъ поръ въ Червленной живетъ добрая память.

Перенесемъ изъ Червленной въ Калиновскую. Вернемся къ письмамъ присланнымъ маіоромъ Доможировымъ*).

Начальству было совершенно ясно, что сношенія съ бѣжавшими въ горы поддерживали и Калиновцы: отставной хорунжій Растеряевъ, урядникъ Аревъ, казаки Маріонъ Епифановъ, малолѣтній Фока Персіановъ, Ефросинья Ремизова и Прасковья Кудрявцева. Ихъ арестовали, но обыскъ ничего не далъ. Наученные Червленскими событіями, Калиновцы приняли предосторожности.

И тутъ обвиняемые пустили въ ходъ разные извороты: все велось крайне толково и умѣло. Дѣло запутывалось и затягивалось, дополнялось и пересматривалось и завершилось лишь въ пятьдесятъ шестомъ году.

Но тогда про обители почти забыли.

По конфирмаціи командующаго войсками хорунжему Ремизову было вмѣнено въ наказаніе судъ и содержаніе подъ арестомъ при производствѣ дѣла. Арева и Кудрявцеву совершенно простили.

Калиновцы отдѣлались еще легче Червленцевъ.

Когда оглянешься назадъ на все рассказанное, сердце невольно радуется, что идея образованія вольныхъ казачьихъ станицъ и скитовъ у горцевъ подъ покровительствомъ Шамиля, въ самое острое время Кавказской войны, потерпѣла неудачу. Случилось это конечно благодаря умнымъ мѣрамъ Кавказскаго начальства, промаху Шамиля, не съумѣвшаго обращаться съ раскольниками, а въ особенности вслѣдствіе близорукости самихъ сектантовъ, пустившихъ въ обитель не желательный элементъ, а главное не подходящихъ женщинъ.

Все это такъ конечно. Но если бы даже обстоятельства сложились въ пользу мечтателей воскрешенія казачьихъ идеаловъ, мысль не имѣла бы успѣха. Все хорошо въ свое время. А пятидесятые года прошлаго столѣтія безусловно не допускали возможности уклоненія вѣрнаго Россіи Терскаго казака отъ наследственно переданнаго ему долга служить дѣлу распространенія и укрѣпленія владычества своего Царя на Кавказѣ.

Ведоръ Чернозубовъ.

*) Св. № 17, дѣло 397 о сношеніяхъ съ бѣжавшими жителями Греб. полка отставн. хорун. Ремизова и другихъ.

Изъ воспоминаній о генераль-адъютантѣ М. И. Драгомировѣ.

У покойнаго Михаила Ивановича Драгомирова была прекрасная черта не считать свой ученый кантъ и знакъ, украшенный лаврами, единственными мѣрилами всякихъ достоинствъ и талантовъ.

Глубоко былъ правъ генераль баронъ И. П. Оффенбергъ (рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова), утверждая, что тотъ, кто всѣхъ кромѣ себя считаетъ дураками и мошенниками, навѣрно самъ и первый дуракъ и не послѣдній плутъ *).

М. И. Драгомировъ признавалъ, на примѣръ, за одного изъ лучшихъ генераловъ того времени Р. Т. фонъ-Мевеса, знаменитаго командира Павловскаго полка; равно былъ очарованъ и генераломъ Войновымъ, лицами даже близко не подходившими къ Военной Академіи.

Слѣдующій случай можетъ подтвердить вышесказанное.

Почти четверть вѣка назадъ, въ Петербургѣ, среди офицеровъ генеральнаго Штаба, блистала звѣздою первой величины нѣкто Т...въ. Большой говорунъ, не-дуракъ, великій нахаль, вынырнувъ изъ нѣдръ глубокой арміи, чуть ли не изъ какой-то захолустнѣйшей крѣпостной артиллеріи и украсившись значкомъ съ лаврами, онъ возомнилъ о себѣ, какъ о Мюратѣ.

Какъ ни странно, но именно крѣпостная артиллерія почему-то волею судебъ имѣла спеціальностью поставлять для усовершенствованія „оружія боговъ“, т. е. кавалеріи, „табуретныхъ“ Зейдлицевъ и Мюратовъ. Кромѣ Т., были и Г. и Ч. и мало ли букашекъ совсѣмъ мелкаго калибра.

*) Баронъ И. П. Оффенбергъ (1792—1870 г.) въ концѣ 50-хъ годовъ былъ начальникомъ почти всей нашей армейской кавалеріи по званію командира резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Поэтому не удивительно, что вмѣсто роты Т... командовалъ (для ценза конечно) казачьей сотнею, и долго по Кавказу ходили рассказы о трюкахъ, продѣланныхъ симъ новоявленнымъ Баклановымъ. Вмѣсто батальона Т... отбывалъ цензъ въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку и засѣдалъ во всѣхъ кавалерійскихъ комиссіяхъ.

Въ одну прекрасную осень Т... какъ новый авторитетъ, былъ командированъ за-границу. Съѣздилъ.. Дѣло простое; вернувшись—представъ отчетъ и займись своимъ дѣломъ... Какъ бы не такъ! У такихъ господъ сейчасъ же явится пространное сочиненіе, озаглавленное въ родѣ: „Работа на конѣ днемъ и ночью въ теченіе 100¹/₂ часовъ“.

Драгомировъ въ тѣ времена былъ начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба; къ нему Т.. и почелъ нужнымъ заявиться.

Угрюмый Драгомировъ принялъ Т.. и, выслушавъ цѣлый фейерверкъ словозверженій въ момептально-кавалерійскомъ духѣ, спросилъ: „Да вамъ, собственно, что же отъ меня-то угодно?“ — „Да я, ваше превосходительство, собравъ за границей такой богатый матеріалъ, желалъ бы отъ васъ получить указанія“.

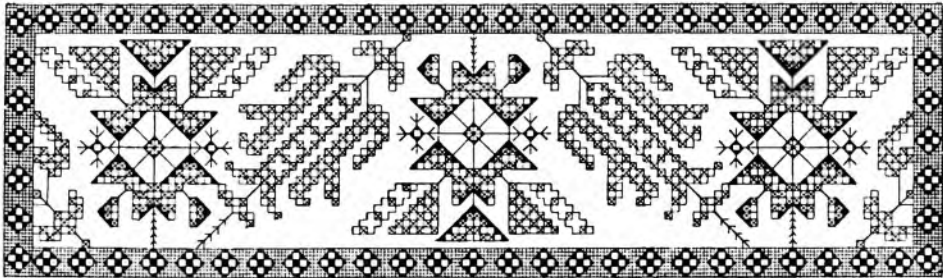
Михаилъ Ивановичъ, разведя по своей привычкѣ руками, изрекъ: „Начните вы хоть такъ: Изъ дальнихъ странствій возвратясь, какой-то дворянинъ.....—ну, а дальше сами уже знаете какъ!.... Желаю бытъ здоровымъ!“...

Озабоченный Т.. турманомъ вылетѣлъ отъ Драгомирова и вскорѣ (склоненъ думать я, не на горе кавалеріи) Господу Богу угодно было отозвать его туда, гдѣ нѣтъ ни маневровъ, ни отчетовъ.

Безсмертный.

Мартъ 1912 г.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ ОТЪ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ

къ одной родственницѣ.

Милая сестрица Марѳа Ефимовна.

Виновать, давно собираюсь васъ поздравить и все не успѣлъ. Да и съ чѣмъ поздравить? Съ умноженіемъ семейства. Миѣ бы хотѣлось, чтобы ваше потомство было менѣе велико и болѣе богато. Въ этомъ только не похожу я на старую Русь, когда многочадіе почиталось благословеніемъ Божиимъ; въ этомъ только случаѣ принадлежу я къ Европѣ и къ девятнадцатому вѣку.

Я получилъ повѣстку на тысячу рублей серебромъ, но не успѣшилъ еще послать за деньгами, ибо полагаю, что при нихъ нѣтъ письма. Вы, миѣ кажется, писали о 1500 ассигнаціяхи за выручкую отъ хлѣба, отъ урожая 1851 года, а прошлогодній урожай оставили до болѣе благоприятнаго время; когда получу деньги, то можетъ быть это узнаю.

У меня времени какъ-то ни на что не достаетъ. Ко множеству стараго знакомства присоединилось еще много новаго, такъ что едва успѣваю я выѣзжать по приглашеніямъ. Иной сказалъ бы, что миѣ житье здѣсь да и только, но съ моею хворостью и слабостью, одинъ Богъ знаетъ чего это миѣ стѣдитъ. Впрочемъ это можетъ быть меня и поддерживаешь, и я не совсѣмъ опустился и облѣнился. Вотъ таки третьяго дня я былъ на великолѣпномъ балѣ у графа Закревскаго. Чтѣ дѣлать? Онъ, говорятъ, не любитъ, когда его приглашеніями не хотятъ пользоваться, а между тѣмъ онъ такъ ко миѣ добръ. Много посѣщаю я старухъ, напоминающихъ миѣ старые амуры; на примѣръ княгиня Наталья Юрьевна Салтыкова, въ которую я слылъ влюбленнымъ тому сорокъ пять лѣтъ. Она была тогда во всемъ блескѣ славы и красоты, и теперь еще въ семьдесятъ почти лѣтъ кажется лѣтъ пятидесяти и въ совершенной только зрѣлости. Мы все говоримъ о быломъ, о прошед-

шемъ; она увѣряетъ меня, будто изъ молодыхъ она мало видѣла столь красивыхъ какъ я былъ; я увѣряю, что красивѣе ея не видѣлъ я тогда женщины, и это взаимно пріятно. Меня останавливало посѣтить ее то, что сынъ ея женился на Лужиной, племянницѣ Ховриной; но мы встрѣтились, объяснились, и я нашелъ, что не только она, но и невѣстка ея раздѣляютъ мои чувства къ этой архидурѣ-педанткѣ, которая мучила ребячество княгиньки. Она умѣла теперь выжить ее изъ дома отца, и сама (Салтыкова) съ мужемъ у него поселилась.

Еще навѣщаю я одну старуху, но уже весьма опустившуюся, графиню Софью Ивановну Сологубъ. Положеніе ея не завидное; необыкновенный умъ ея не ослабѣлъ, но нѣтъ уже той веселости, которая прежде оживляла разговоры наши. Чтобы развеселиться, вижу я нерѣдко съ двумя молодыми, еще красивыми женщинами, Алекс. Василь. Кирѣевой и извѣстной графиней Растопчиной; я говорю молодыми въ сравненіи, хотя имъ подь сорокъ лѣтъ; обѣ меня жалуютъ и напрашиваются меня посѣщать. Съ Четвертинскимъ и его многочисленнымъ семействомъ живу я, право, какъ съ родными. Мнѣ весело бываетъ со знакомымъ вамъ, вѣчно веселымъ кн. Владимиромъ Голицынымъ и его милой женой; но онъ бѣдняжка очень боленъ. Я обѣдалъ у него наканунѣ почти того дня, когда у него открылся карбункулъ; ему дѣлали операцію, и вотъ болѣе недѣли что онъ не выходитъ изъ опасности... Знаете ли, что ваши Горсткины здѣсь въ большой модѣ и никакъ не тоскуютъ о Пензѣ; на двякъ какъ-то я у нихъ обѣдалъ; дочь ихъ не красавица, но миленькая. Литвинова въ пріязни и часто посѣщаетъ Лидію Нессельроде, дочь Закревскаго; она ко мнѣ такъ добра, что передъ отъѣздомъ въ Пензу хочетъ посѣтить меня вмѣстѣ съ Лисаветой Осиповной. Если я горемычный ищущу веселыя лица, за то почитаю долгомъ навѣщать скорбныхъ и страждущихъ неизцѣлимими болѣзнями, какъ напримѣръ вдову Мих. Ник. Загоскина и еще чаще больную нашу Софью Дмитріевну, у которой братъ Артемій вотъ третій мѣсяцъ между жизнью и смертію.

Хотѣлось бы чаще видѣть милостивца моего и доброхота Алексѣя Петров. Ермолова, но въ десять дней едва могу улучшить нѣсколько часовъ, чтобы съ нимъ побесѣдовать. Онъ всегда мнѣ радъ, никуда почти не выѣзжаетъ, хворость и его постигла, тѣломъ онъ опустился, но свѣтлый умъ его никакъ не потемнѣлъ. Въ такомъ же положеніи и еще хуже находится бывший министръ графъ Уваровъ; его я вижу еще рѣже. Отрадно мнѣ бываетъ также не столько съ Сергѣемъ Павловъ, какъ съ Анной Евграф. *) Называть ли мнѣ вамъ Соймоновыхъ, Писем-

*) Шшновичъ. П. Б.

скаго. Ник. Вас. Сушкова, княг. Черкасскую? Если я приневоливаю себя ѣздить на ихъ званые вечера, то оттого, что меня убѣдительно приглашаютъ, а если сіе дѣлають, то вѣроятно благоволятъ ко мнѣ. Черезъ Понедѣльникъ или два бываю я у новаго вельможи, барона Боде. Еслибъ вы знали, какъ это скучно: всѣ играютъ въ карты, за то никто не курить. Подъ бокомъ у меня сосѣдка или скорѣе хозяйка дома, гдѣ живу, кн. Алекс. Павлов. Голицына, урожденная гр. Кутайсова. Чтѣ это за милая, почтенная женщина; тутъ я отдыхаю, стѣить до нея сдѣлать нѣсколько шаговъ, и я имѣю всегда позволеніе всегда быть въ скуртукѣ. На дняхъ въ большомъ домѣ ея поселилось богатое, почтенное и любезное семейство князя Львова, женатаго на сестрѣ новаго военнаго министра Долгорукаго; по сосѣдству и туда меня усиленно приглашаютъ. Не знаю, какъ мнѣ управиться съ временемъ: около сорока домовъ: пожалѣйте обо мнѣ*)!

Почитайте это письмо Елисаветѣ Филипповнѣ, къ которой отъ части оно адресуется. Ей будетъ пріятно: вы знаете какъ она меня любитъ и въ разсѣянной жизни видитъ великое удовольствіе, чего я совсѣмъ не вижу. Какъ подумаешь, какой контрастъ у меня между нынѣшней и прошлогодней зимой... Почти до Декабря были днѣ теплые, даже жаркіе, потомъ пошли частые, холодные дожди, сырость и грязь; но вдругъ днѣ на два покажется солнышко, бываетъ 15 град. тепла и въ Симферопольскихъ домахъ тамъ и сямъ открываются окошки до Февраля. За то, чтѣ за люди, что за общество, чтѣ за образъ жизни! Нынѣ 3 Октября постоянно вижу небо свинцоваго цвѣта, землю всю покрытую какъ бы саваномъ и частые довольно большіе морозы; за то перемѣшанная съ удовольствіями, не скучная, но болѣе тяжелая жизнь. Случается, что людей, которыхъ никогда не видалъ, знаешь только по заочности, но непонятно, отъ чего полюбишь всѣмъ сердцемъ. Вотъ что случается у меня съ вашимъ зятемъ. Когда я прошу васъ обнять за меня дѣтей вашихъ, я думаю, что онъ не откажется принять отъ меня, но вашими устами, лишній поцѣлуй. Пріимите же и вы его отъ меня.

Вашъ братъ и другъ Ф. Вигель.

Москва 27 Генваря 1853.

Какъ умѣлъ старался здѣшнимъ сенаторамъ растолковать ваше дѣло. Всѣ они сказали мнѣ, что если оно подлинно такъ, то съ вели-

*) И однако вскорѣ Вигель переѣхалъ въ Петербургъ и по смерти императора Николая Павловича вновь пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и скончался 20 Марта 1856 г. всѣми оставленный. П. Б.

чайшимъ пристрастіемъ въ пользу сильныхъ нельзя его иначе судить, какъ Саратовская Палата.

Я совѣмъ првступалъ къ запечатанію, когда мнѣ принесли съ почты ругательное письмо отъ Филиппа Николаевича*). Оно меня никакъ не удивило, ни оскорбило, ни даже нимало не встревожило. Я слишкомъ хорошо знаю этого человѣка. Онъ ни съ кѣмъ изъ постороннихъ не позволяетъ себѣ дерзостей, это было бы нѣсколько опасно; но съ родными, особенно съ женщинами, съ престарѣлыми, коихъ почитаетъ онъ беззащитными, это другое дѣло: онъ тутъ ничего не рискуетъ. Какъ не избѣгать непріятныхъ столкновеній съ родственникомъ, это былъ бы срамъ, позоръ, отъ котораго всякій порядочный человѣкъ уклонится. Оттого, пользуясь безнаказанностію, онъ такъ смѣло клеветами и грубостями преслѣдуетъ всѣхъ родныхъ своего отца, своей матери и своей жены. Французы по всей справедливости назвали бы *lâcheté*. Письмо его пошло въ каминъ, туда же куда и письмо, писанное лѣтъ пятнадцать тому назадъ, гдѣ онъ жестоко поносилъ покойнаго мужа вашего, моего друга и брата; то я принялъ болѣе къ сердцу, и если вы такъ равнодушны, что послѣ того живете съ нимъ въ ладахъ, то это уже ваше дѣло. Бранить ему за сына, кажется, не слѣдуетъ, благодарить тоже не за что; если я принималъ участіе въ образованіи ума и сердца бѣднаго мальчика, то отъ того, что съ такимъ отцомъ видѣлъ въ немъ сироту.

Въ письмѣ этомъ есть нѣчто и забавное: онъ увѣряетъ, что съ гнусной, запачканной репутаціей, всѣмъ отверженный, я принужденъ скитаться по міру, нигдѣ не находя пристанища. Увы, сколько есть подобныхъ мнѣ, богаче, моложе и здоровѣе меня! Иной, слышишь, живетъ въ Римѣ, глядишь онъ уже въ Парижѣ, обернешься онъ уже въ Рязанской губерніи, въ Москвѣ, а тамъ опять куда нибудь отправится. Вѣкъ странствованія, и я не буду уже смѣть это называть бродяжничествомъ. Конечно, и благоразумнѣе, и спокойнѣе и дешевле кинуть неподвижно въ глуши, но все еще я не могу на то рѣшиться. Здѣсь Ник. Иван. Тулиновъ бываетъ у меня, и я у него. Онъ ничего себѣ не позволяетъ на счетъ племянника; замѣтно однако, что онъ далекъ отъ всякой къ нему нѣжности; зато къ ввукъ успѣлъ я внушить ему живѣйшее участіе. Но послѣ такого поступка, разумѣется я въ дѣла обоихъ, отца и сына, болѣе мѣшаться не намѣренъ. Мнѣ недолго остается жить, и хочется провести послѣдніе дни въ тишинѣ и спокойствіи. Охъ, доживу ли я до лѣта? Тогда опять уединеніе, писаніе, чтеніе, прогулки, такая жизнь, какая мнѣ нравится.

*) Это племянникъ, Вигеля, женатый на богачкѣ Тулиновой жившій въ Воронежѣ. П. Б.

ЗЛОКЛЮЧЕНІЯ ДЕПУТАТА¹⁾.

Къ исторіи Екаторининской Коммиссіи.

По обнаруженіи въ Декабрѣ 1766 г. манифеста объ избраніи депутатовъ въ Коммиссію для сочиненія новаго уложенія, возбуждено было горедомъ Перновомъ ходатайство объ освобожденіи его отъ этой обязанности въ виду полнаго истощенія городскихъ средствъ. На самомъ дѣлѣ это было не единственной и, кромѣ того, не главнѣйшей причиною для ходатайства. Дѣло въ томъ, что незадолго передъ тѣмъ вновь утверждены были верховной властью дѣйствовавшіе въ Прибалтійскомъ краѣ мѣстные законы и привиллегіи, и городъ не безъ основанія опасался напоминаніемъ о себѣ лишиться этихъ преимуществъ. Сенатъ отклонилъ просьбу Пернова, подчеркнувъ, что всѣ пункты манифеста должны быть выполнены на точномъ основаніи. Дѣлать было нечего, и 27 Марта 1767 г. приступлено было къ выборамъ. Избраннымъ оказался штатдт-физикусъ, докторъ Виссель, но онъ не былъ утвержденъ генералъ-губернаторомъ графомъ Броуномъ изъ-за „vitiis nullitatis“²⁾. На вторично назначенныхъ выборахъ, состоявшихся 16 Апрѣля, всего лишь 12-ю голосами (изъ 50-ти) былъ избранъ портновскій мастеръ Фридрихъ Ганфъ. Избраніе простаго ремесленника-портного на такую отвѣтственную должность, какъ депутата Коммиссіи, наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ объ отрицательномъ отношеніи города къ самой Коммиссіи.

Права и преимущества, связанныя со званіемъ депутата, не могли заглушить въ Ганфѣ того ужаса, съ которымъ онъ думалъ о предстоявшей ему повѣздкѣ во внутрь невѣдомой страны, безъ знанія языка. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ своего новаго званія и съ этой цѣлью подалъ генералъ-губернатору обширное прошеніе. Выставивъ въ немъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ, по его мнѣ-

¹⁾ По документамъ Перновскаго Городскаго Архива. См. Отчеты Перновскаго Археологическаго Общества, т. IV.

²⁾ Изъ за ушерба, сопряженнаго съ ничтожествомъ? П. Б.

нію, причинъ, какъ напр. сильныя боли въ рукѣ, незнаніе Русскаго языка и „Латинскихъ и юридическихъ терминовъ“, наконецъ, заявленный имъ еще передъ выборами протестъ противъ избранія его въ депутаты, Ганфъ всѣми силами старался убѣдить начальство въ своей непригодности къ возложенной на него миссіи. „Такъ какъ я вслѣдствіе вышеуказанныхъ важныхъ обстоятельствъ (кончается прошеніе) рискую поѣздкою въ Москву потерять жизнь и все свое земное благополучіе, не будучи въ тоже время въ состояніи принести пользу Пернову и исполнить Высочайшія Ея Императорскаго Величества намѣренія, то колѣнопреклонно, со слезами въ глазахъ, умоляю освободить меня отъ важныхъ обязанностей депутата“.

20-го Іюня 1767 г. послѣдовалъ отвѣтъ, съ указаніемъ, что время не терпитъ никакихъ дальнѣйшихъ отсрочекъ и переизбраній и съ предписаніемъ о скорѣйшемъ выѣздѣ избранника въ Москву.

Снабженный подробными инструкціями, выработанными обѣими гильдіями, и деньгами на дорогу, Ганфъ волеи-неволеи выѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ не безъ удовольствія увидѣлъ себя среди высокопоставленныхъ и знатныхъ людей. Онъ живо вошелъ въ роль защитника интересовъ родного города и, надо отдать ему справедливость, горячо ихъ отстаивалъ.

По распущеніи Комиссіи въ 1769 г., Ганфъ вернулся на родину и, вмѣстѣ съ отчетомъ о своей дѣятельности, представилъ городу счетъ на произведенные имъ въ Москвѣ и Петербургѣ расходы. Но получить деньги съ города оказалось не такъ просто. Обѣ гильдіи на отрѣзъ отказались возмѣстить Ганфу его издержки. Ничего не добившись у города, онъ прибѣгъ къ содѣйствію генераль-губернатора, но когда ему и здѣсь не повезло, онъ въ отчаяніи обратился непосредственно къ маршалу Комиссіи, генералу Бибикову. Получивъ отъ послѣдняго предписаніе уплатить Ганфу требуемую имъ сумму, городъ тѣмъ не менѣе остался при своемъ первоначальномъ рѣшеніи, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Ганфъ жилъ въ Москвѣ несообразно своему простому званію. Только въ 1771 г., послѣ вторичнаго обращенія къ Бибикову, Ганфу, наконецъ, удалось добиться уплаты денегъ. Но этой своей настойчивостью онъ нажилъ себѣ много враговъ среди товарищей по гильдіи и даже просто среди бывшихъ друзей и знакомыхъ. Цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ, возбужденныхъ противъ него изъ за малѣйшихъ пустяковъ, преслѣдовалъ до самой его смерти, послѣдовавшей въ Мартѣ 1777 г.

У. Г. Иваскъ.

КЪ ИСТОРИИ ПОВОЛЖСКАГО РАСКОЛА.

Пришибенскіе иконоборцы *).

1892—1896.

Несмотря на обширность Астраханской губернии, обвинявшей собою въ былое время нынѣшнія губерніи Астраханскую, Саратовскую, Ставропольскую, части Самарской и Симбирской и область Терекскую и соприкасающуюся съ внутренними болѣе зараженными духомъ раскола губерніями Воронежской и Рязанской и Областью Войска Донского,—рѣзкое старообрядчество стало укрѣпляться въ ней сравнительно недавно. Судя по переписи 1744 года, только нѣсколько семей старовѣровъ проживало въ Саратовѣ, да на сѣверномъ Кавказѣ, среди тамошнихъ казаковъ Гребенского войска, сохранился почти тотъ же укладъ быта и обычаевъ и тотъ же строй вѣроисповѣднѣхъ воззрѣній, какіе по-заимствовали казаки въ древней Руси. при первомъ оставленіи ими своего домашняго крова. Сѣмена раздора въ города Низоваго Поволжья заносились большею частію изъ губерній Московской, Рязанской и Симбирской прибывшими на новыя мѣста поселенцами, да изъ сосѣдней области Уральскихъ казаковъ, издавна исповѣдывавшихъ старую вѣру. Но сильнѣе стать укрѣпляться тамъ расколь послѣ основанія знаменитыхъ Иргизскихъ скитовъ. Однако это старообрядчество, такъ называемая поповщина, далеко все-таки была не враждебно настроено противъ существующаго гражданскаго порядка и вѣроисповѣднаго строя простолюдиновъ. Ненависть къ православію и Русской народности болѣе проявили переселенные въ концѣ XVIII столѣтія императрицей Екатериной II Нѣмцы-колонисты, явившіеся въ Новоузенскихъ и Саратовскихъ степяхъ съ своими Менонитскими и Мормонскими воззрѣніями. Немного позднѣе стали проникать сюда и съ Кавказа вѣрованія, противныя исконному Русскому духу.

Секта мистическаго характера впервые появилась въ Астраханской губерніи въ 1822 году; она носила громкое названіе „*иконаборческой*“, хотя послѣдователи ея мало имѣли общаго съ той ересью, которая возникла при Византійскомъ императорѣ Львѣ Исавриниѣ въ 726 г. и продолжала существованіе до временъ Константина Копронима (780 г.).

*) По бумагамъ Астраханскаго губернскаго архива.

Открылась секта эта сначала въ с. Пришибѣ, куда занесъ ее крестьянинъ Михайла Суриковъ изъ села Прасковинъ Кавказской губерніи, гдѣ онъ съ своимъ братомъ Романомъ около года работалъ въ Георгіевской крѣпости *).

Какъ Михайла, такъ и прочіе его родичи не принадлежали къ кореннымъ обитателямъ Пришиба. Переселились они туда только въ 1805 году изъ однодворческаго села Козловки. Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Семья ихъ была довольно многочисленная и состояла изъ 60 лѣтняго старика отца, Дементія Ѳедорова и сыновей: Михайлы съ женой Марьей Титовой, Романа и его жены Варвары Ларионовой, Кирика, женатаго на Татьянѣ Ивановой, Никиты съ Еленой Ѳедоровой и, наконецъ, младшаго Ѳедора. Спустя лѣтъ десять послѣ переселенія, Михайла отправился въ Георгіевскъ, гдѣ нѣкоторое время находился въ обществѣ сектантовъ „Моисеева закона“, а потомъ, „по наученію Субботниковъ“, и самъ вскорѣ перемѣнилъ вѣру отцовъ своихъ. Возвратившись въ Пришибъ, „сначала потаенно принявъ Молоканскую секту“, уговаривалъ и родныхъ послѣдовать его примѣру. „Напрасно, говорилъ онъ имъ, вы поклоняетесь иконамъ: ни въ пророческихъ и апостольскихъ посланіяхъ, ни въ Евангеліи, ни въ одной даже книгѣ я не нашель указаній, чтобы дѣлать имъ поклоненія“.

На его преступныя рѣчи прежде всѣхъ сдались Романъ и старикъ Дементій. Слѣдомъ за ними перекинулись въ секту „духовныхъ христіанъ“ и остальные члены семьи. Съ 1817 г. Михайла Суриковъ уже „явно“ обнаруживаетъ свое исповѣданіе и открыто начинаетъ проповѣдывать его своимъ сельчанамъ. Успѣху его проповѣди много способствовало то обстоятельство, что въ село Пришибъ долгое время не было назначено приходскаго священника. Какъ разъ къ тому же, около этого же времени, старикъ Дементій былъ избранъ сельскимъ старостой.

Вдвоемъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, они сильнѣе дѣйствовали на малопроевѣщенныхъ сельчанъ, распространяя ересь гдѣ лаской и обѣщаніями, а иной разъ употребляя противъ неподатливыхъ силу и власть. Какъ будто проповѣдывали они новое ученіе, совершенно несхожее съ ученіемъ Субботниковъ или Жидовствующихъ.

Пришибенскіе „иконоборцы“ „взирали“ на Единаго начальника вѣры и совершителя Иисуса, вѣрили, что Богъ пребываетъ въ трехъ лицахъ, принимая „свидѣтельство ко спасенію душъ по двумъ завѣтамъ“. Они почитали пророковъ, апостоловъ и Іоанна-Крестителя; другихъ же угодниковъ хотя „не хулили“, но и не оказывали имъ поклоненія, такъ какъ о томъ не было указаній „ни въ одномъ пророчествѣ“. „Священника и архіерея имѣемъ мы одного, говорили сектанты, иже сидитъ одесную Бога“. Видимаго воднаго крещенія ученія ихъ не признавало. По вѣрванію Суриковыхъ, послѣднее состояло „въ покаяніи и оставленіи грѣховъ“, какъ глаголають ученикамъ Христось: „*Шедисе, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*“, и

*) Дѣло Астрах. губ. архива за 1822 г., вѣзка 403, № 14.

какъ говорилъ Иоаннъ-Креститель: „*Азъ крещая водою въ покаяніе, той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ*“.

Таинство покаянія въ точномъ смыслѣ не признавали Пришибинскіе иконоборцы или, скорѣе, не понимали, какъ и таинство причащенія. Покаяніе т. е. раскаяніе въ грѣхахъ, они называли „исповѣданіемъ“, по свидѣтельству апостола Павла, говорившаго: „*Исповѣдайте другъ другу согрѣшенія и молитесь другъ за друга, яко да исцѣлитесь*“, добавляя къ этому еще слова Спасителя: „*Аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу и той—отпущеніе грѣховъ*“.

Подъ именемъ „причащенія“, Пришибинцы разумѣли „Слово Божіе“, такъ поясняя его: Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „*Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ*“. Въ другомъ же мѣстѣ Св. Евангелистъ Иоаннъ говоритъ: „*Слово плоть бысть и вселися въ ны*“. Наконецъ, апостоль Павелъ называетъ „*причастниковъ, бывшихъ Духа Святаго и доброа вкусившихъ Божія магола*“. Исходя изъ этихъ изрѣченій, сектанты поучали, что всякій вкушившій (познавшій) „Слова Божія“, вкусилъ такимъ образомъ и плоть Христову, а слѣдовательно содѣлался и причастникомъ жизни вѣчной.

Поэтому они не считали необходимымъ имѣть видимую церковь (т. е. храмъ Божій) съ ея іерархіею для совершенія таинствъ и богослуженія. По слову Спасителя, иконоборцы признавали церковью собраніе зѣрующихъ. Какъ заповѣдалъ апостоль Павелъ, „аще сидеться церковь вся закупъ“, такъ и мы, говорили они, собираемся на молитву вмѣстѣ, мужья и жены, памятуя слова св. Павла апостола: „*Всякою молитвою и моленіемъ молящійся на всякое время Духомъ на семъ утверждается*“.

Пользуясь властью старосты, Дементій Суриковъ переманилъ въ секту сельскаго писаря Николая Степанова. Нѣсколько времени спустя, къ концу 1821 года, къ нимъ присоединился переселенецъ Егоръ Ленихинъ, „вовлеченный въ секту еще въ г. Усмані Тамбовской губерніи“, а за нимъ однодворецъ Сергій Бабиницъ. Всѣ старанія приходскаго священника о. Герасима Семіонова къ обращенію заблудшихъ на путь истины не имѣли желаемого успѣха, не смотря на его кроткія и любвеобильныя увѣщанія. Напротивъ, сектанты съ озлобленіемъ и силою вступали въ споръ съ батюшкою, публично понося православную церковь, таинства ея и св. иконы.—Какое тамъ у васъ тѣло Христово,—выкрикивали ихъ вожаки,—просто дасте темнымъ мужикамъ бѣлый хлѣбъ, а вмѣсто крови—вино.

Особенно нагло и дерзко поступалъ неграмотный Дементій Суриковъ. Входя въ дома православныхъ сельчанъ, онъ плевалъ на иконы.—Что за чучелы у васъ поставлены? Снимите ихъ, ибо онѣ вредятъ вашему спасенію!..

Его примѣру слѣдовали и сыновья его Михайла и Никита.

— Однажды по веснѣ, рассказываютъ однодворцы Луневъ и Востриковъ, мы строили Никитѣ избу. Глядимъ, а между неприличнымъ мѣстомъ и клѣткою валяется икона неизвѣстнаго намъ изображенія. Мы подняли и поставили ее на плетень, но къ вечеру пришелъ Михайла. Увидя икону, онъ взялъ ее и началъ тесать топоромъ. Икона не подавалась, такъ какъ была писана на

холстѣ. Тогда Михайла пуще съ поруганіемъ сталъ смѣяться надъ ней.—Вотъ вы, дураки,—обратился онъ къ плотникамъ,—поклоняетесь дереву и холсту. А може холстѣ-то этотѣ былъ у бабѣ на подолѣ?

Изъ своихъ иконъ Михайла дѣлалъ къ ведрамъ днища. Сергѣй Бабининъ устраивалъ дѣтямъ игрушки. У послѣдняго образъ валялись на подлавкѣ.—Гдѣ онѣ тутъ спрятались,—говорилъ онъ при сельчанахъ.—Мнѣ надо сдѣлать ребятишкамъ коляску, а онѣ (иконы) для того очень способны.

Когда въ Іюнѣ 1822 г. въ с. Пришибѣ пріѣхалъ дворянскій засѣдатель Енотаевскаго земскаго суда Шустовъ, командированный губернскимъ начальствомъ для разслѣдованія иконоборческой секты, и зашелъ съ волостнымъ старшиной въ домъ Бабанина, иконъ въ избѣ не оказалось. Засѣдатель нашелъ одну изъ нихъ воткнутой въ плетень у сѣней. На спросъ Шустова: „какой онъ вѣры?“ Сергѣй отвѣчалъ дерзко:—„По вашему молоканинъ, а по нашему духовный христіанинъ“, при чемъ назвалъ себя „апостоломъ“.

Шустовъ распорядился заковать его въ кандалы и отправить въ земскій судъ, но черезъ нѣсколько времени его оттуда кто-то выпустилъ.

Послѣ этого Пришибинскіе вожаки еще злѣе стали сѣять сѣмена раздора, съ каждымъ днемъ больше умножая число своихъ послѣдователей. Суриковы, Степановъ и Бабининъ открыто устраивали въ своихъ домахъ сборища для слушанія читаемыхъ ими книгъ, куда заманивали и православныхъ. Секта перешла въ сосѣднія селенія Никольское, Селитряное и Сасыкольское. Въ послѣднемъ главари ея были: Терентій Бѣлозеровъ, два брата Колониныхъ и жена Ивана Колонина Татьяна. Лжеученіе ихъ состояло въ томъ, это „они, въ видѣ начальниковъ секты, разъясняли на собраніяхъ Свящ. Писаніе, а при совершеніи браковъ читали евангеліе и апостолъ“. Къ концу 1822 г. число иконоборцевъ съ 118 достигло 255. Расколъ сталъ проникать и въ другія крестьянскія поселенія и даже въ казачьи станицы Астраханскаго войска. По вѣдомости, составленной въ 1824 году тамошнимъ губернскимъ правленіемъ, сектанты различныхъ направленій гнѣздились въ 18 селеніяхъ Астраханскаго, Енотаевскаго и Черноярскаго уѣздовъ*), тогда какъ дѣтъ 80 назадъ тамъ не было слышно ни о какихъ неправославныхъ вѣроученіяхъ.

Въ Сентябрѣ 1822 г. преосвященный Авраамій, епископъ Астраханскій и Кавказскій, просилъ губернатора Попова оказать возможное содѣйствіе къ вразумленію заблудшихъ. Послѣдній поручилъ земскому суду произвести разслѣдованіе о вредныхъ дѣйствіяхъ иконоборцевъ. На этотъ разъ (24 Октября) вмѣстѣ съ засѣдателемъ Шустовымъ прибылъ въ Пришибѣ и уѣздный стряпчій Поповъ; а слѣдомъ за ними пріѣхалъ туда командированный отъ губернскаго

*) Вотъ эти селенія: *Астрах.* уѣзда: Иванчугъ (поморцы), Уваринское (безпоповцы), Чогонокъ, Ново-Александровское, Новонавловка (во всѣхъ поповщина и поморы), Федоровское и станица Лебяжипская (название сектъ неизвѣстно); *Енотаевскаго*: станицы Замьянъ (попов. и поморы), Косикинская (помор.) и Грачевская (неизв.) сел. Селитряное (попов. помор. и молокане) и Сасыкольское (молок.); *Черноярскомъ*: Цацынскаго (помор.), Красный Яръ, Солонники и Никольское (помор. и молок.) и Свѣтлоярское (молок.).

правления для наблюденія за производствомъ слѣдствія Черноярскій земскій исправникъ Бухвостовъ.

Сектанскіе вожаки, повидимому, струхнули. Не имѣя чѣмъ оправдать свои преступныя дѣянія, они свалили всю вину на только что не задолго передъ тѣмъ назначеннаго въ с. Пришибѣ священника Петрова, показывая на допросахъ, что о. Макарій „не употреблялъ ожидаемыхъ по сану его наставленій и вразумленій заблуждающимся, подавая соблазнительные примѣры неприличнымъ своимъ поведеніемъ: вмѣсто увѣщаній, угрожалъ имъ вѣскими словами, приходилъ въ домъ Никиты Сурикова въ пьяномъ видѣ и ругался нецотребно, сыпалъ на иконоборцевъ табакомъ и подносилъ оный къ носу каждаго“.

По его наущенію, 43 чел. Пришибинскихъ жителей 29 Октября составили приговоръ о распространеніи Суриковыми иконоборческой секты и о ихъ зазорныхъ дѣйствіяхъ. Какъ доносилъ (24 Іюня 1823 г.) губернаторъ Поповъ преосвященному Аврааму и начальнику Кавказскаго края генералу Ермолову, 33 замѣшанныхъ въ дѣлѣ иконоборца были одобрены сельчанами на повальномъ обыскѣ, что „хозяйство ведутъ порядочно, отъ исправленія повинностей не уклоняются, праздными не бываютъ и начальству повинуются“.

По этимъ причинамъ, „слѣдуя челолюбивому Его Императорскаго Величества милосердію и кротости, основанному на вниманіи ко впадшимъ по единому заблужденію въ преступленіе“, Астраханское губернское правленіе рѣшило испытать ихъ прежде, не могутъ ли они, познавъ истину Христовой вѣры и раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, обратиться по прежнему къ православной церкви, или же напротивъ удостовѣриться въ степени закоренѣлости ихъ къ иконоборческой ереси и тогда уже предать обсужденію для опредѣленія наказанія по мѣрѣ оныхъ судебному мѣсту“.

Какъ владыка, такъ и генералъ Ермоловъ ничего не имѣли противъ такой благожелательной мѣры. Въ Сентябрѣ вожаки Пришибенскихъ сектантовъ были вызваны въ Астрахань. Убѣждать ихъ пришлось довольно долго. Наконецъ, 28 Ноября, Дементій и Михайла Суриковы, Сергѣй Бабининъ и Николай Степановъ, казалось, признали свои заблужденія и въ поданной преосвященному просьбѣ ходатайствовали о присоединеніи ихъ съ семействами къ церкви. Долѣ другихъ колебался Романъ, но и онъ въ концѣ концовъ изъявилъ желаніе быть православнымъ. Вслѣдствіе этого, было предписано приходскому священнику приготовить ихъ къ присоединенію.

О такомъ радостномъ событіи губернаторъ сообщилъ генералу Ермолову и управляющему Министерствомъ Внутр. Дѣлъ. Однако д. т. с. Ланской усумнился въ столь скоромъ окончаніи дѣла и искренности сектанскаго раскаянія. 22 Декабря онъ просилъ т. с. Попова удостовѣриться ближе, „дѣйствительно ли иконоборцы обратились паки въ нѣдра православной церкви“. Разслѣдованіе дало печальные результаты. „Съ настоящимъ раскаяніемъ обратились въ пра-

вославіе только Бабининъ и Николай Степановъ, но жена послѣдняго еще колебалась въ своемъ рѣшеніи. Дементій же Суриковъ хотя приобщался въ Филиповъ постъ св. таинъ, но съ того времени въ церковь больше не ходилъ. А его сыновья Михайла, Никита, Романъ со дня прибытія изъ Астрахани остаются въ прежнемъ своемъ заблужденіи, подъ разными предлогами скрываются отъ присоединенія къ церкви“.

По этому поводу д. т. с. Ланской входилъ съ запиской въ комитетъ министровъ. На основаніи высочайше утвержденнаго 11 Декабря 1823 г. положенія, было постановлено: „Всѣхъ уличенныхъ въ распространеніи ереси, съ оказаніемъ соблазна и ругательства св. иконъ предать уголовному суду, какъ нарушителей благоустройства общественнаго. Прочихъ послѣдователей, буде не почувствуютъ раскаянія и останутся непреклонными въ заблужденіяхъ своихъ, удалить въ Таврическую губернію на поселеніе къ ихъ единомышленникамъ“.

Пока ходила объ этомъ переписка, перекинулись въ секту и Бабининъ съ Николаемъ Степановымъ. Послѣдній даже сталъ устраивать у себя въ квартирѣ частые „соборы“, „довольтвуясь отъ нихъ всѣми выгодами“. Поэтому уѣздный судъ нашель необходимымъ заключить и его подъ стражу до разбирательства дѣла. Въ другихъ селеніяхъ Енотаевского уѣзда открылось еще 180 послѣдователей иконоборчества. И хотя командированные, по распоряженію архіепископа Меодія, священники Маркъ Студицкій и Іоаннъ Ремезовъ увѣщевали ихъ, но не достигли цѣли.

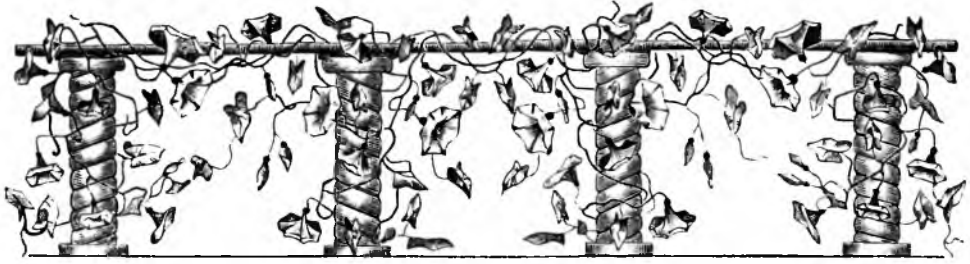
Виновные были преданы уѣздному суду. 28 Мая 1825 г. сей послѣдній рѣшилъ ихъ дѣло, представивъ его на ревизію Астраханскую Палату уголовного суда. Всѣхъ сектантовъ оказалось въ с. Пришибѣ 24 семьи—съ 57 чел. муж. п. и 69—ж. п.; сел. Сасыкольскомъ 19 семействъ 73 м. и 70 ж. п. и Селитрянномъ 3 семьи съ 15 муж. и 13 женщинами, всего 297 человекъ (въ томъ числѣ и дѣти).

Когда приговоръ Палаты поступилъ на заключеніе главнаго начальника края, генералъ Ермоловъ предписалъ Астраханскому губернатору отправить ихъ всѣхъ въ Таврическую губернію, нарядивъ для конвоированія 25 Астраханскихъ казаковъ.

Въ Январѣ 1826 г. выѣхали иконоборцы, подъ присмотромъ дворянскаго засѣдателя Эмецъ, и 2 Марта достигли мѣста назначенной имъ ссылки. Ихъ поселили на ранѣ отведенныхъ земляхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ.

П. Юдинъ.

ИСКУШЕНІЕ ВЪ ПУСТЫНЬ*).

Стихи Ѳ. Н. Глинки.

И видѣли, на высотѣ скалы
Два образа, двѣ тѣни рисовались.
Одинъ былъ Онъ, съ Своей главой въ лучахъ,
Тихъ, величавъ, въ хитонѣ аломъ, цѣльномъ,
Съ лазурною одеждой на плечахъ,
Съ волнистыми власами по плечамъ...
Изъ подъ тѣлесной оболочки
Сіяло въ Немъ, какъ солнце, Божество.

И гнусное другое существо
Кругомъ Его тревожно суетилось
Безвласое чудовища чело
Имѣло видъ и тусклый отблескъ мѣди.
Огромныя два черныя крыла
Поверхъ хребта горбатаго дрожали,
Какъ испаренія глухихъ болотъ...
Но скрасилъ онъ уста свои улыбкой
И шепотомъ привѣтнымъ говорилъ:

„Взгляни на долъ.... на эту даль земную.
На этотъ міръ.... Имъ люди дорожатъ!...
Я царства всѣ раскинулъ предъ Тобою.
И я скажу тебѣ большую тайну.
Народы тамъ родятся и живутъ.
Не зная, какъ, къ чему и для чего...
Не вѣдая, зачѣмъ пришли на землю;
Не знаютъ что съ своею дѣлать жизнью
И вѣтренно играютъ съ нею въ жмурки....

*.) Это стихотвореніе высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ нѣкогда почтилъ особеннымъ просвѣщеннымъ вниманіемъ. *Примѣчаніе В. С. Арсеньева.*

Толкаяся вокругъ ничтожныхъ цѣлей.
 Ихъ суетность и тѣшить, и манить:
 Они бѣгутъ за всякою приманкой,
 И ссорятся, завидуютъ, враждуютъ.
 И рѣжуются за все..... и за ничто!!...
 И я скажу Тебѣ еще одно:
 Знать, это ужъ врожденно человѣку,
 Что долженъ онъ повиноваться силѣ....
 Несмысленъ, тупъ... онъ любить въ дѣтствѣ жить.
 И за вождемъ, закрывъ глаза, ходить....
 Вотъ сторона,—умѣй лишь только взяться,
 Съ которой ихъ судьбѣ легко схватить
 И все зажать въ горсти, а тамъ, какъ кукольъ.
 Ихъ выпускай на нитяхъ. Но смотри,
 Чтобъ воли имъ не передать: не стѣять!!...
 Обманчивы, неблагодарны, злы,
 Все сдѣлаютъ изъ выгоды и страха.
 Вотъ, отчего я крѣпко ихъ держу
 На поводкахъ изъ злата и желѣза....
 И взнузданныхъ, какъ месковъ и коней.
 Я часто ихъ бичемъ моимъ хлещу.
 Наскучить миръ..... я крикну, возмущу.
 И ринутся народы на народы,
 Какъ двухъ морей завихренныя воды.
 А безъ того, вѣдь человѣкъ лѣнивъ.
 Лѣнивъ, я говорю: ему дай волю,
 Онъ будетъ спать, и спать, и только спать!..
 Но иглами страстей и нуждъ бодомый.
 На все готовъ. Умѣй вести его.
 Вести грозой, а иногда и лаской....

Послушай же, держися за меня
 Ты громомъ дѣль произишь грядущи вѣки
 И ветхій Римъ раздавишь подъ пятой....
 Бери-жь вѣнецъ и выбирай короны
 И надъ толпой народовъ возносишь:
 Но только мнѣ, для вида..... поклонись!..
 Я оболю тебя земною славой!.....

И замолчалъ. Съ улыбкою лукавой
 Глядитъ и ждетъ что скажется въ отвѣтъ.
 А между тѣмъ все царства съ городами.
 Съ ихъ чудною, живою нестротой,
 Раскинулись, какъ свитокъ развитой.....

Онъ выслушалъ.... и, бросивъ грустный взглядъ
 На гнуснаго совѣтника, вздохнулъ.
 И коротко сказалъ въ своемъ отвѣтѣ:
 „Я вѣдаю, Кому Мнѣ поклониться!...
 Читалъ ли ты въ Писаніи слова:
 Я Богъ? Кумировъ не твори,
 И никому не кланяйся иному!...
 Такъ говоритъ въ законѣ Вседержитель!
 Иди же прочь—и далѣе не дерзай?!..

Заскрежеталъ зубами искуситель
 И побѣжалъ отъ солнца правды прочь,
 Какъ отъ лучей бѣжить на утрѣ ночь...
 Двѣ молніи—два острые меча—
 Изъ глазъ его сердитыхъ засверкали,
 И звонко холмы застучали
 Подъ крѣпкою, мохнатою ногой.

И ринувшись съ земли къ зыбямъ воздушнымъ,
 Всю толщу воздуха онъ разодралъ...
 И въ областяхъ превыспренняго свѣта
 Стемнѣлъ, какъ тьма, зардѣлся, какъ комета...
 Рой ангеловъ съ путей его бѣжалъ;
 Болѣзненно вздыхали небеса,
 И звѣзды на осяхъ своихъ трещали,
 Когда онъ имъ налетомъ угрожалъ:
 За чистоту онѣ свою дрожали,
 Зане близъ нихъ нечистый пролеталъ!..

Это стихотвореніе сообщено въ „Русскій Архивъ“ многуважаемымъ Василиемъ Сергѣевичемъ Арсеневымъ. Оно взято имъ изъ поэмы Ѡ. Н. Глинки: „Таинственная Капля“, которая въ печати составляетъ большую книжную рѣдкость. П. Б.

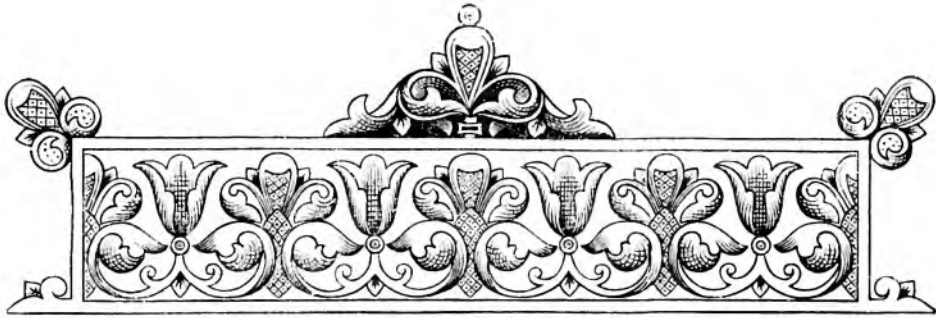
КЪ ГОДОВЩИНЪ 1812 ГОДА.

Великая годовщина славной, тяжелой, обильно подпитой потомъ и кровью борьбы Россія съ народами Запада наступаетъ. Какая громадная вереница лицъ и событій проходитъ передъ глазами, когда начинаешь вспоминать всю эту легендарную эпоху, которая кажется теперь въ дымкѣ столѣтней давности какою-то волшебною сказкою! Большое было время, и большіе были люди. Они не побоялись, послѣ погрома подъ Аустерлицемъ, пораженій подъ Фридрихсбургъ и Прейсишъ-Эйлау, вновь вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ однимъ изъ величайшихъ на всемъ пространствѣ исторіи хищниковъ. Эти люди и послѣ пораженій не боялись вѣрить въ себя и послѣ тогдашняго Портсмута-Тильзита не забыли оскорбленія передъ лицомъ всего міра и понимали, что его необходимо смыть кровью. Сентиментальныхъ, мечтательныхъ фразъ о призрачномъ всеобщемъ мирѣ и разоруженіи тогда не говорили, и никто не сталъ бы ихъ слушать. Тогда не умѣли покорно склонять шею подъ ударами побѣдителя и съ новымъ и новымъ упорствомъ шли на борьбу, длившуюся не годъ, не два, а цѣлый рядъ лѣтъ. Эти люди умѣли бороться и не только умирать, но и побѣждать. Какой неисчерпаемый запасъ вдохновенія и наблюденія для художника, поэта, ученаго и особенно для военныхъ! На зловѣщемъ фонѣ пороховыхъ грозящихъ тучъ, застилавшихъ по волѣ маленькаго Корсиканца столько лѣтъ поля Европы, яркими звѣздочками горятъ имена героевъ, озаренныхъ „священной памятью двѣнадцатаго года“. И хорошо было бы каждому Русскому человѣку по душѣ и сердцу оглянуться въ даль истекшаго столѣтія. Какой это прекрасный урокъ для слабовольнаго, унылаго и скептическаго поколѣнія дней Портсмутскаго договора! Молодежь, особенно еще юную, должны мы уберечь отъ разлагающаго, жалкаго и бесплоднаго невѣрія въ себя. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ великой годовщинѣ будетъ отведено подобающее ей мѣсто. Но нужно только пожелать отъ всей души, чтобы тѣни унылой казенщины, столь присущей нашей школѣ и все сушащей, не было въ этихъ бесѣдахъ о событіяхъ, въ которыхъ столько прошло яркой, бывшей ключомъ жизни. Здѣсь должна придти на помощь патріотическая печать перомъ и кистью, рассказывая о чудесномъ прошломъ литературно и художественно, полно и сжато, словомъ и рисункомъ. Такими изданіями должны быть не только тѣ, которыя предназначаются для войскъ, народа и начальной школы, но и для культурнаго класса, который, къ слову сказать, далеко не можетъ похвалиться знаніемъ родной исторіи и родного прошлаго. На этотъ путь уже начали становиться нѣкоторыя изданія, и недавно вышло въ свѣтъ чрезвычайно цѣнное изданіе въ этомъ родѣ. Девизъ его: „За Вѣру, Царя и Отечество“.

(Изъ „Новаго Времени“ 24 Марта 1812).

Эль-Зсь.

16*

Французское нашествіе 1812 года въ письмахъ современниковъ.

Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго.

Въ сохранившейся поствѣ Н. О. Кутлубицкаго (бывшаго генераль-адъютантомъ императора Павла) перенискѣ, въ с. Костянкѣ, Арзамасскаго уѣзда, гдѣ онъ прожилъ все царствованіе Александра I-го, имѣются письма современниковъ о 1812-мъ годѣ. Не заключая въ себѣ ничего новаго, эти письма живо рисуютъ настроеніе Русскаго общества того времени по отношенію къ нашествію „нечестивыхъ“, и къ Наполеону, „злодѣю рода человѣческаго“, какъ тогда выражались. И. Б.

I.

Къ письму изъ Нижняго отъ нѣкоего Степана Зарембы приложено слѣдующее извѣщеніе о Бородинскомъ боѣ.

Сего числа получено изъ арміи самое достовѣрное извѣстіе о двухъ сраженіяхъ, 24 и 26 числа сего мѣсяца происшедшихъ. 24-го непріятель со всеми своими силами остановилъ армію нашу, при селеніи Бородинѣ расположенную, но былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ съ величайшимъ урономъ, потерявъ 5 пушекъ и множество людей, намъ въ плѣнъ доставшихся.

25 числа военныхъ дѣйствій не было.

26-го въ 5 часовъ непріятель вторично покусился атаковать насъ; сраженіе было самое кровопролитное и вскорѣ сдѣлалось генеральнымъ. Пушечная пальба продолжалась непрерывно 15 часовъ. Въ сей день также непріятель былъ опрокинутъ и разбитъ совершенно вездѣ, гдѣ только тщетныя его усилія наиболѣе упорствовали противъ храбрыхъ войскъ нашихъ.

Потери наша людьми какъ убитыми, такъ и ранеными немало-важна, но никакъ не можетъ сравниться съ непріятельской, которая несчетна.

Непріятель принужденъ былъ отступить и занять прежнюю свою позицію. Мы взяли 12 пушекъ и нѣсколько генераловъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны лишились генер.-майора Тучкова 2-го, убитаго на полѣ сраженія; ранены генераль-князь Багратіонъ, генер.-лейт. Тучковъ 1-й, Горчаковъ, генераль-майоры графъ Кутайсовъ, графъ Воронцовъ и Бахметевъ; генер.-лейт. графъ Остерманъ-Толстой и Сень-При получили контузіи.

Полагаютъ, что непріятель отступить по дорогѣ къ Смоленску. Сраженіе при селеніи Бородинѣ конечно ознаменуется въ лѣтописяхъ нашихъ безпримѣрную неустрашимость и храбрость Русскихъ воиновъ, явще одолевшающихъ для защиты вѣры, Государя и отечества.

Подписалъ: генераль-губернаторъ Принцъ Георгій Голстинскій.

27 Августа 12 г. г. Ярославль.

На этомъ сообщеніи приписано Зарембой:

Съ третьимъ курьеромъ.

По отправленіи послѣдняго курьера взять въ плѣнъ король Неаполитанскій, маршалъ Даву убитъ на мѣстѣ, и взято въ плѣнъ 5 генераловъ, побито со стороны Французовъ около 45 тысячъ; съ нашей стороны урону убитыми около 15 тыс. Князь Багратіонъ раненъ пулею. Генераль-лейтенантъ Коновницинъ и Ливронъ, полковникъ Гудовичъ ранены-же. Извѣстіе привезъ Василій Ивановичъ Чертковъ.

Во время сраженія, изъ котораго пріѣхали въ Можайскъ: князь Багратіонъ раненъ пулей въ берцо, которая осталась въ ногѣ, и онъ не согласился дать ее вырѣзывать: говорятъ, что и послѣ того все еще командовалъ! Ранены кн. Горчаковъ, гр. Воронцовъ. Тучковъ 2-й, Сень-При, Ермоловъ, Пашкевичъ, Коновницинъ. Мѣшковъ еще оставилъ самое жестокое сраженіе, онъ вчера въ 6 часовъ поутру съ Ознобишинымъ пріѣхалъ, и Нарышкинъ тоже раненъ пулей въ лобъ 24 числа, но очень легко.

Степанъ Заремба. Нижній-Новгородъ.

II.

Тотъ-же Заремба 12 Октября сообщаетъ изъ Нижняго. Новостей не имѣеть кромѣ что разбили Французовъ 6 Октября. Изъ 50 тысячъ взяли въ плѣнъ 2000, на мѣстѣ положили 2500, пушекъ 36. одно знамя и гнали ихъ легкокопные полки за Вороново 25 верстъ. На другой день, говорятъ, Бонапартъ вышелъ изъ Москвы и направленіе имѣеть назадъ! А тамъ навѣрное его наша армія встрѣтитъ и попогчи-ваетъ. Видно, и ему пришелъ мать!..

PS. 80 тысячъ здѣсь будетъ, кн. Лобановъ-Ростовскій формировать, и теперь такая нужда въ квартирахъ, что и сказать нельзя! Есть селенія подъ Нижнемъ, гдѣ у каждаго мужика по 27 человекъ стоятъ, чтобы не разбивать батальоновъ; а у самаго меня гостей, гостей. Не знаю, какъ и съ шен спустить....

III.

Въ Сентябрѣ пишеть нѣкій г. Станкевичъ изъ Арзамаса: „Нечестивые все еще въ Москвѣ! Пропастъ пережжено, о чемъ въ точности вамъ доложить А. И. У нея человекъ только что пришелъ изъ Москвы. Однако коммуникація у нечестиваго вся прекращена, ему будетъ худо; говорятъ, и вся нація ихъ отказалась давать ему сигурь....

Мы ждемъ обратно посланнаго въ Москву; тогда рѣшимъ, куда отправляться. Домъ нашъ въ Москвѣ сгорѣлъ до основанія, и ничего не спасли; но за то Богомъ сохранена подмосковная, тамъ ничего не тронута. О дѣтяхъ извѣстить не имѣю, но надѣюсь, что посланный дастъ рѣшительное извѣстіе, чтѣ Господь имъ опредѣлитъ!... Воинскія дѣйствія идутъ хорошо: вездѣ бьютъ нечестивыхъ, а морозъ ихъ какъ червей побиваетъ. Иныхъ находили безъ всякихъ ранъ здоровыхъ стоящихъ и лежащихъ замерзлыми; можете-же себѣ представить, каково имъ! Говорятъ, что Чичаговъ взялъ большую контрибуцію съ герцогства Варшавскаго, и приказано ему взорвать Прагу.

Говорятъ также, что 60 тысячъ войска шедшаго на помощь къ Бонапарту положили оружіе и что онъ шибко побить.

Для конвоирования плѣнныхъ везуть на почтовыхъ ополченскіе полки. Богъ умилосердился надъ нами!

Купцамъ, говорятъ, Государь даетъ 170 миліоновъ на поправку состоянія (!), а про дворянъ не знаю; сказываютъ, что еще двухъ рекрутъ со 100 будутъ брать: это наша участь!...

Къ Лобанову-Ростовскому присланъ курьеръ, спрашивать мнѣнія на счетъ войска, которое здѣсь формируютъ, когда удобнѣе перевести его въ Орловскую губернію, сейчасъ или весной? Лобановъ отвѣтилъ, что сейчасъ удобнѣе, пока его только 11 тысячъ, чѣмъ когда все соберутся, да Воронежской и Тамбовской губ. туда легче поставить...

IV.

Изъ Пензы пишутъ:

„Если-бъ не нынѣшнія тяжелыя обстоятельства, то вѣрно у насъ было бы здѣсь весело: такъ много прїѣзжихъ изъ Москвы и Смоленска, и какіе все знатные люди! Ахъ проклятый Бонапартъ, какую онъ

неожиданную перемену произвелъ въ Россіи! Но, слава Богу, теперь слухи идутъ хорошіе и особливо великій герой и потомокъ Сухарева¹⁾ графъ Витгенштейнъ себя прославляетъ и вѣрно чорта Бонапартія доканаеть!⁴

19 Ноября:

„Дошли пріятные слухи, что общій всему свѣту врагъ уже отправился воевать на тотъ свѣтъ; но и тамъ, считаю, что сами черти съ нимъ нескоро сладятъ, а прочая сволочь нечестивая превратится въ пыль по Россіи. Нашъ губернаторъ сейчасъ сообщилъ, что корпусъ не упомяну какого маршала разбитъ совершенно, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ, какъ и нашъ генералъ Винценгероде. А Бонапартій съ остальнымъ войскомъ загнать въ лѣсъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ и претерпѣваетъ такой недостатокъ, что солдаты ѣдятъ человѣческое мясо (такъ лучше избавиться отъ заразы!), а по общему слуху, Бонапартъ самъ себя *отравилъ ядомъ*, который былъ у него *въ солитеръ*. Итакъ честь и слава Россійскому народу, слава золотому герою Витгенштейну и Кутузову...“.

V.

Извѣстный государственный дѣятель Н. С. Мордвиновъ²⁾ (графъ) пишетъ въ Ноябрь изъ Пензы:

„Сгорѣли наши дворцы Московскіе, и не знаемъ, куда теперь дѣваться; обращаемъ взоры вокругъ Пензы, но вездѣ, сказываютъ, тѣсно. Намѣревались ѣхать въ Крымъ, но тамъ новая бѣда: на всемъ почти полуостровѣ открылась чума и въ самыхъ селеніяхъ мнѣ принадлежащихъ. При сей поражающей насъ судьбѣ, слава Богу, что верховный сатана бѣжитъ съ земли нашей. Желалъ-бы я слышать также, что всѣ злые духи бѣгутъ по всѣмъ дорогамъ изъ городовъ нашихъ: псчадія адскія—Французское ученіе, Французскія прихоти, наряды, одежды, Французскія книги, театры, газеты, Французскій языкъ и порожденныя онымъ привычки и мысли. Благословенное время для добраго начала! Упустятъ минуту, и останемся мы навѣки въ порабощеніи гнуснѣйшемъ и пагубнѣйшемъ, нежели были въ опасеніи отъ меча и огня ихъ. Дай Боже, чтобъ духовный пламень очистилъ и умы, и сердца наши. Кто поразилъ врага усерднѣе въ настоящія времена? Тѣ, кои не читали Французскія книги и очарованіями ихъ не смущали слуха своего. Но боюсь, что нго тяжело на насъ лежитъ и цѣпи крѣпки, кои добровольно мы наложили на себя“....

1) ? П. Б.

2) Переписка его съ Н. О. Кутлубицкимъ опубликована частію П. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1898 г.

Н. О. Кутлубицкій отвѣчалъ Мордвинову: „О дворцахъ Московскихъ говорить теперь нечего, всѣ погорѣли, а вообще во всей Москвѣ съ лачужками уцѣлѣло около 2000 домовъ. По выходѣ нечестивыхъ въ Москвѣ успѣли оправить до 400 домовъ, и боюсь, что пустятся туда жить, а весною и тамъ можетъ быть чума, ибо всѣ погреба, колодцы и даже рѣка загружены тѣлами. Вчера получилъ изъ Нижняго вѣрное извѣстіе, что съ 7 Окт. по 7 Ноября, съ выхода нечестивыхъ изъ Москвы, ихъ побито и поколѣло отъ мороза до 100 тысячъ человѣкъ; 6 числа, говорятъ, убитъ Вестфальскій король, а Неаполитанскій взятъ въ плѣнъ и 1 маршалъ, 4 генерала, а самъ атаманъ нечестивыхъ безъ вѣсти пропалъ: полагають, или убитъ или скрылся. Сохрани Богъ бѣдную Русь отъ вторичнаго демонскаго нашествія, а если его не поймають, то онъ опять свою сволочь обманеть и еще 500 тыс. собереть и къ намъ пожалуетъ докончить свое покровительство!...“.

Къ этому письму отъ 22 Ноября 1812 г. Кутлубицкій между прочимъ прилагаеть *особую записочку*, въ которой сообщаетъ Мордвинову секретъ:

„М. М. С. увезли изъ Нижняго въ Пермь и тамъ, говорятъ, оказали ему отцовское милосердіе: лишили всего и въ каторжную работу. Это разсказалъ тотъ частный офицеръ, который былъ откомандированъ его въ Пермь доставить“....

Это былъ слухъ о М. М. Сперанскомъ.... Изъ письма Мордвинова, помѣщеннаго уже въ „Русской Старинѣ“ 1898 г. (отъ 2 Дек. 12 г. изъ Пензы) извѣстенъ отвѣтъ его Кутлубицкому:

„По приложенной отъ васъ *записочкѣ* извѣстіе не можетъ быть вѣрнымъ: таковыя вѣсти разносятъ Французскіе духи... Избави насъ Боже отъ событія таковыхъ приключеній! Горше было бы Московскаго пожара: тогда не было бы ни вамъ въ Костянкѣ, ни мнѣ въ Пензѣ безопасности! И васъ, и меня и всякаго могли бы безъ суда и расправы сослать въ каторжную работу. Не вѣрьте разсказчикамъ, конхъ научають въ Москвѣ, гдѣ изрубили подсудимаго (Верещагина) до рѣшенія судей. Винавнаго должно судить и по приговорѣ казнить“....

VI.

Въ Декабрѣ Н. С. Мордвиновъ писалъ изъ Пензы Кутлубицкому:

„Московскіе и Смоленскіе разоренные наполнили всѣ дома и заняли даже всѣ хижины, но здѣсь и лучшіе дома построены съ однимъ поломъ и несносно холодны. Но уѣхать нельзя: проѣздъ теперь опасенъ; по многимъ деревнямъ открылись заразительныя горячки отъ проходящихъ плѣнныхъ“....

VII.

Изъ писемъ Дм. Полочанинова въ Ноябрь 1812 г.

„О да будетъ милость Божія на насъ, и да не прогнѣвается до конца за излишнюю нашу приверженность къ учителямъ развращенія!...

Отъ Московскихъ слышно, что по немногу городу начинаетъ быть легче, но все еще тяжело, ибо по сию пору двухъ добрыхъ комнатъ отыскать нельзя...

По партикулярнымъ-же изъ Петербурга свѣдѣнїямъ ко многимъ слышно, что Наполеонъ изъ Вильны выгнанъ. Осталось у него не болѣе 17 тыс. и до 40 пушекъ. Многіе плѣнные утверждаютъ бѣдственное его положеніе; ибо онъ нѣсколько маршей дѣлалъ плѣшкомъ съ солдатами, ѣлъ съ ними ихъ пищу явно, а тайно—свой завтракъ. Онъ изъ генераловъ и приверженныхъ ему офицеровъ (всѣ Почетнаго Легиона) составилъ роту, поклявшуюся раздѣлить съ нимъ не только бѣдствїя, но и самую смерть, такъ что офицеры составляютъ рядовыхъ, генералы—офицеровъ, а самъ разжаловалъ себя въ капитаны. Авось дождемся, что опять увидимъ его поручникомъ. Но сія малая гвардія по увѣренію плѣнныхъ служить ему неусыпно бѣдствующимъ карауломъ, дабы онъ ихъ не оставилъ или не бѣжалъ бы, ибо многіе требовали отъ него за сію компанію отчета.

Шварценбергъ изрубленъ, а корпусъ его разбитъ безъ поправки Сакеномъ и 3-мъ Эссеномъ.

Макдональдъ былъ уже на два марша отъ соединенія съ Наполеономъ, но Витгенштейнъ его такъ отрѣзалъ, что заставилъ идти на Тильзитъ, а письмо его къ Бертье перехвачено“.

VIII.

А. Казариновъ пишетъ изъ Нижняго 29 Ноября: ...„Время нынѣ славное быть Русскимъ литераторомъ, и авось нашъ языкъ сдѣлается отнынѣ *дипломатическимъ!* Спасибо Англичанамъ, раскрываютъ живонацію вражескую... Чтѣ они пишутъ въ „Сѣверной Почтѣ“, то достойно золотыми буквами написать на стѣнахъ въ домахъ, чтобы и намъ такъ поступать и не забывать... Завтра идемъ къ молебну о побѣдѣ... Отливаются волку миролюбивыя овечьи слезки... Побѣда надъ Французами, миръ съ Англичанами, истребленіе враговъ подають несомнѣнную надежду имѣть въ Россіи все наилучшее и дешевое, Аглицкое. Щеголихи ѣдутъ въ великій постъ и сюда, а въ Питерѣ, слышно и нынѣ сѣкна по прежней цѣнѣ. Не удивляйтесь, что здѣсь дорого: Мо-

сква сгорѣла, и сюда товаровъ взять неоткуда. Все торговое въ большой разстройкѣ. Одинъ знакомый въ Питерѣ обратилъ имѣніе въ серебряныя деньги, горюя пишетъ сюда, что тамъ шибко лажъ упадаеть, и онъ оттого на 400 тысячъ весьма много теряетъ.

Нижній былъ набить Московцами; виноградъ и прочіе фрукты какъ метлой подмели, былъ въ возахъ виноградъ 25 коп. фунтъ, по 4 и 5 р. боченокъ, потомъ уже 8—15, а теперь загнилъ, а ужъ 20 рублей! Арбузы были 40 к.—15 к. и 5 к. а потомъ уже даромъ бросали“...

IX.

Братъ А. С. Кутлубицкой Н. С. Ваксель пишетъ 19 Ноября изъ Пензы:

„Вы спрашиваете, любезный братецъ, когда я уѣхалъ изъ Москвы и какой дорогой пріѣхалъ въ Пензу? Выѣхалъ я 30-го Августа на Коломну, Зарайскъ, Рязань, Спаскъ Тамбовскій и черезъ Ломовъ въ Пензу; это самая ближняя дорога и самая проѣзжая, но отъ Рязани до Пензы не почтовал. Въ Пензу прибыли 12 числа Сентября. А сестра уѣхала изъ Москвы, говорятъ, на Коломну; но когда я черезъ нее проѣзжалъ, ея уже тамъ не было и куда поѣхала, не могъ узнать. Теперь узналъ, что видѣли ихъ въ Козловѣ; значить, они подвигаются къ Калугѣ, гдѣ ея дочь Катя замужемъ за помѣщикомъ Паншинымъ. Злодѣи тамъ не были, и имѣніе ихъ вѣроятно въ цѣлости.. Имѣніе-же сестры въ Смоленской губерніи, также какъ и мое тамъ-же, сожжено и разгромлено... Въ Пензѣ никого не знаю и думаю подвинуться къ Туль, къ Калугѣ или Рязани поближе къ роднымъ; да мнѣ, какъ опекуну дворянской опеки, необходимо быть поближе къ своей губерніи по должности... Найму гдѣ нибудь изъ этихъ городовъ квартиру и буду жить кое-какъ, ибо теперь у меня нѣтъ уже домишка собственнаго, даже стула не осталось въ Москвѣ; тоже и у супруги дяди Марка Абрамовича и всѣхъ родныхъ всѣ дома сожжены и все въ нихъ бывшее сожжено, а въ Смоленской губерніи и домъ и церковь разграблены и сожжены, равно и деревни всѣ! Когда гдѣ окончательно расположусь, васъ увѣдомлю, а пока пишите въ Пензу. Я благодарю Бога, что еще счастливѣе другихъ, что, лишившись раззореніемъ главныхъ моихъ деревень, имѣю еще въ цѣлости въ Саратовской губерніи деревню оброчную, да у жены осталась деревня Тульская“...

X.

М. Брянцева 1 Декабря изъ Калужской губерніи пишетъ:

„Горестныя обстоятельства лишили меня средствъ писать вамъ... Вотъ уже 4 мѣсяца я съ дочерью и сыномъ странствую по свѣту и

болѣе двухъ мѣсяцевъ была въ дорогѣ, безъ цѣли, безъ предпріятія, ежеминутно спасаясь отъ злодѣя... Къ тому-же еще была оставлена въ дорогѣ людьми своими, и безъ нихъ проѣзжала съ дѣтми 800 верстѣ! Къ счастью моему Провидѣніе послало мнѣ благодѣтелей случайныхъ, которые и вели насъ, но за всеѣмъ тѣмъ мы столько претерпѣли горестей, что невозможно исчислить. Судьба завела насъ въ Калугу, и Богъ послалъ намъ здѣсь генеральшу Марію Сергѣевну Карову, живущую недалеко отъ Калуги; она взяла насъ къ себѣ, и вотъ двѣ недѣли мы въ ея домѣ отдыхаемъ, но не знаю, чтò буду дѣлать дальше, рѣшительно всего лишившись какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ деревнѣ нашей.

Дочь моя съ своей матушкой поѣхала съ Польскими помѣщиками Голынскими изъ Смоленска, и съ тѣхъ поръ я совершенно не знаю, гдѣ она. Многіе оттуда поѣхали въ Нижній, не у васъ-ли нашла она себѣ покровительство? Если надежда эта не обманываетъ меня, ради Бога одушевите несчастную мать своимъ увѣдомленіемъ; я каждую минуту трепещу за ея участь и не знаю болѣе, къ кому обратиться!...

Село Сергіевское-Горяиново, 30 верстѣ отъ Калуги“.

XI.

Сестра Н. О. Кутлубицкаго Марія Горленко писала изъ Ливенъ: „...Разскажу вамъ все подробно, чтò со мной случилось въ дорогѣ, какъ я уѣхала изъ вашей Костянки... Я доѣхала благополучно до Муромъ и здѣсь увидала безчисленное множество каретъ, ѣдущихъ изъ Москвы, но я съ твердостью рѣшила продолжать путь мой. Не доѣзжая до Владимира, повстрѣчалась съ камергеромъ Мусинъ-Пушкинымъ, который ѣхалъ всеѣмъ семействомъ изъ Петербурга въ Казань. Они очень меня обласкали и спрашивали, куда ѣду. Я отвѣчала, что въ Малороссію, и они все удивились, что я рѣшилась ѣхать на Москву, потому что тамъ ужасъ чтò теперь происходитъ. Они мнѣ многое разсказали чтò дѣлается въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ, чего я и не посмѣю, зная васъ, вамъ описывать... Въ концѣ концовъ жена Мусина-Пушкина подарила мнѣ на дорогу персиковъ, и мы разѣхались въ разныя стороны...“

Во Владимирѣ я увидала страхъ и ужасъ, изображенные на всеѣхъ лицахъ. Два дня я тамъ поневолѣ оставалась, и въ эти дни проѣхало болѣе тысячи, каретъ, колясокъ и повозокъ. Самые знатнѣйшіе господа ѣдутъ и бѣгутъ изъ Москвы, сами не зная, куда и зачѣмъ. Купцы все свои товары увозятъ въ Тамбовъ и въ Казань. Московскій Институтъ при мнѣ провезли на Казань, почему и нельзя было достать лошадей. Изъ Москвы платили до Владимира за пару лошадей 800 р.,

купцы за товары отъ Москвы до Казани по 6 и по 10 р. съ пуда... Въ Москвѣ, говорятъ, не даютъ болѣе никому подорожной, и я разсудила, что когда прїѣду въ Москву, то послѣднія свои деньги издержу, а тамъ что-же запросятъ съ меня извозчики? Рѣшила съ поэтому нанять здѣсь во Владимирѣ 6 лошадей за 900 рублей. Дешевле найти не было возможно, да еще съ тѣмъ условіемъ, что плачу въ дорогѣ только 200 рублей, а остальные 700 дома... Вотъ какія критическія обстоятельства для всѣхъ пришли, и мнѣ на хорошее трудно было рассчитывать. Вотъ до чего мы дожили, любезный братецъ! Но надо ко всему себя готовить, и что Богу угодно, то пусть и будетъ съ нами... Говорятъ, что непріятель нашъ вездѣ гдѣ проходитъ, обѣщаетъ крестьянамъ свободу. Ваша покорная и послушная сестра Марія Горленкова.
Г. Ливны, 4 Сентября 12 года⁴.

ХII.

Прошли 1812-й и 1813-й годы. Поздравляя Н. О. Кутлубицкаго съ наступленіемъ 1814-года, П. С. Мордвиновъ пишетъ:

„...Мы должны благодарить Бога, премилосерднаго Нашего Творца, за прошедшій годъ, въ коемъ явилось спасеніе наше, а нынѣшній причислить къ столѣтію, въ которое Французы уже не наступятъ на насъ съ огнемъ и мечемъ. Вѣроятно, что и мы и чада наши на столѣтъ некупимся отъ сихъ изверговъ вооруженныхъ. Но не знаю еще, до какой степени останемся свободными отъ прельщенія ядовитыхъ ихъ языковъ. Сіе только впредъ познаемъ... Мы все еще въ селѣ (*Столыпинъ* *) проживаемъ и къ веснѣ намѣреваемся ѣхать въ Москву и на Сѣверъ взглянуть, что тамъ дѣлается, если Наполеонова участь совершится, и конецъ всѣмъ бѣдамъ послѣдуетъ“....

Въ заключеніе сообщаемъ письмо Кутлубицкаго къ графу Аракчееву, какъ тотъ-же отголосокъ Отечественной войны, написанное имъ 26 Апрѣля 1816 года.

„Сіятеильнѣйшій графъ, милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ!

*) Мордвиновъ писалъ Кутлубицкому еще въ Маѣ 1813 года: „По существующимъ карантинамъ въ полуденной части Россіи долженъ я отложить побѣдку въ Крымъ, а дабы не истлѣвать въ тяжкомъ городскомъ воздухѣ, старался я отыскать праздный деревенскій домъ и получилъ дозволеніе отъ *Аркадія Алексѣевича Столыпина* занять его, находящійся въ 60 верстахъ отъ Саранска, и на сихъ дняхъ въ оный переезжаемъ. Мы очень будемъ счастливы, если насъ тамъ посѣтите; деревня называемая „Столыпино“ всѣмъ извѣстна, и домъ, сказываютъ, довольно великъ; а если и будетъ тѣсно, то надѣюсь, что и не примѣтите по той дружбѣ, которую ко мнѣ питаете“....

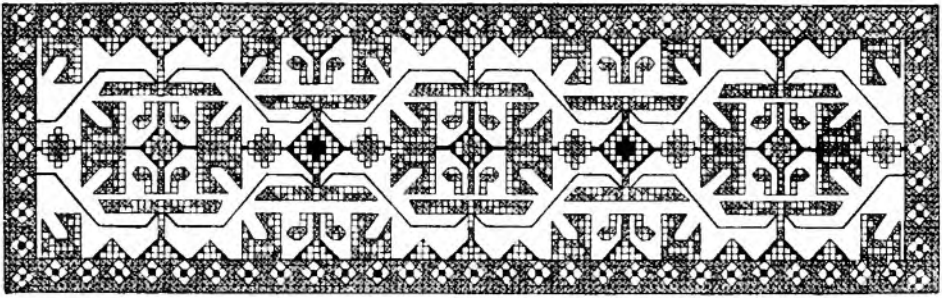
Пользуясь всегда и во всякое время вашимъ благосклоннымъ расположеніемъ, осмѣливаюсь васъ утруждать, какъ главнаго покровителя всѣхъ изувѣченныхъ въ нынѣшнюю Отечественную войну, моею всепокорнѣйшей просьбой: подарить меня стараго вашего подкомандующаго *) нѣсколькими минутами для прочтенія моего приношенія... Живя въ деревнѣ и занимаясь воспитаніемъ Богомъ данныхъ дѣтей, а равно и деревенской экономіей, получить я по сей почтѣ вѣдомости, въ коихъ напечатанъ поднесенный отъ вашего сіятельства Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ объ изысканныхъ источникахъ къ составленію капитала для пособія изувѣченныхъ въ Отечественную войну. Въ немъ предоставлены права быть соучастниками въ пособіи только тѣмъ, которые впредъ имѣютъ счастье получать монаршія милости. Если вы милостиво примете мое мнѣніе, то не должны быть лишены въ участіи сего отечественнаго пособія и тѣ, кто уже имѣли счастье нѣсколько разъ получать монаршую милость: ибо кѣмъ-же защищены были наши жены, дѣти и села и все имущество, какъ не тѣми, кто, будучи изувѣченъ, не въ страхъ нынѣ продолжать службу военную и должны пользоваться пособіемъ?.. А посему осмѣливаюсь представить вашему сіятельству изъ числа излитыхъ на меня великихъ щедротъ и милостей въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Павла Перваго, отца и благодѣтеля моего, какъ въ деревняхъ, такъ и въ алмазныхъ перстняхъ состоящихъ, приказать принять прилагаемые при семь 1000 рублей и причислить ихъ къ суммѣ вспомоствованія изувѣченнымъ. Приношеніе мое хотя не болѣе единой капли въ морѣ, но причисленіе оной къ богоугодному заведенію утѣшитъ меня какъ вѣрнѣйшаго изъ числа сыновъ отечества...

Прося о продолженіи благосклоннаго вашего расположенія, за честь ставлю себя пребывать навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшей преданностью вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга И. Кутлубицкій⁴.

(Сообщилъ И. А. Бронскій).

*) Аракчеевъ командовалъ въ 1793 году Гатчинской артиллеріей Павла Петровича, когда Кутлубицкій былъ ея адъютантомъ; въ 1799 г. Аракчеевъ былъ генераль-инспекторъ артиллеріи, а Кутлубицкій шефомъ гвардейской артиллеріи.

Раненый Севастополец о порядках в Симферопольском госпиталь *)

1855—1856.

Тетрадь в 15-ть листовъ, написанная мною съ трудомъ въ теченіе мѣсяца: раны не дозволили этого сдѣлать скорѣе.

Съ искренними чувствами уваженія, почтенія, преданности имѣю честь посвятить эту записку его сіятельству, Виктору Илларионовичу князю Васильчикову. Покорнѣйшій слуга и Севастопольскій подчиненный П. Лебедевъ.

Вмѣсто предисловія.

(Изъ стихотвореній Бенедиктова: Встрѣчный голосъ при торжественномъ въѣздѣ Его Императорскаго Величества въ С. Петербургъ. Взято изъ „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“).

Не терни, Родимый, жи и злоуправства,
Бѣдаго пронырства, низкаго лукавства,
Хитрости змѣиной, лести ядовитой!
Истинѣ священной путь стелн открытъ.
Выслушай порою, съ благостію кроткой,
Искреннее слово мужичка съ бородкой.
Пусть, Отецъ нашъ, тѣмъ что къ тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ!
Поуймемъ, поддержи́мъ роскошь-лиходѣйку,
Да на черный день мы сбережемъ копейку.

*) Эта записка подана 14 Февраля 1857 г. князю В. И. Васильчикову, въ проѣздѣ его черезъ Харьковъ. Онъ тогда ѣхалъ на слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ нашей врачебной чести въ Крымскую войну. Записка доставлена „Русскому Архиву“ другомъ князя Васильчикова Николаемъ Федоровичемъ Козляниновымъ вмѣстѣ съ письмомъ къ нему Виктора Илларионовича, которое помещено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909, II, 143. П. Б.

Родственнo-живая связь Царя съ народомъ
 Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ.
 Ты бь насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
 Да вѣдъ гдѣ жь, Родимый, одному все видѣть?
 Пусть же смотрятъ зорко верхніе-то мужи,
 Чтобъ внутри все было чисто какъ снаружи,
 Чтобъ внутри святая правда разгоралась,
 А снаружи злая гибель не подкралась.
 Дай тебѣ Всевышній провоззрѣній быстрыхъ,
 Счастія въ народѣ, радостей въ министрахъ,
 И въ мужахъ Совѣта, сихъ опорахъ царства,
 Да найдешь ты доблесть, а не гнилость барства,
 Да узришь въ нихъ знанье, честь и правосудье,
 Да не скажутъ люди, что у насъ безлюдье.
 Пусть они въ блестящихъ, золотыхъ палатахъ
 Мыслить о лачугахъ, думаютъ о хатахъ,
 О народныхъ нуждахъ, о народныхъ требохъ.
 Пусть не тунейдцы у тебя на хлѣбахъ
 Плаваютъ въ довольствѣ. Всѣ мы молимъ Бога;
 Будь тебѣ въ работѣ царственной подмога!

Дай Богъ, чтобы этотъ благородный голосъ поэта въ точности исполнился, чтобы про него можно бы сказать съ Веневитиновымъ:

И слово сильное случайно
 Изъ груди вырвется твоей.
 Уронишь ты его не даромъ;
 Оно чужую грудь зажжетъ,
 Въ нее какъ искра упадетъ,
 А въ ней пробудится пожаромъ.

И. Лебедевъ.

Февраля 14-го, 1857 г.
 Харьковъ.

Его сіятельству, Виктору Илларионовичу, князю Васильчикову
 (Для соображенія и ходатайства при случаѣ). Отъ И. Лебедева.
 Января 14-го дня, 1857 года. Харьковъ.

Письмо это заключаетъ подробности объ ординаторѣ госпиталя, о смотрителѣ госпиталя и о главномъ докторѣ въ офицерскомъ отпѣленіи Симферопольскаго военнаго госпиталя, въ домъ Мейера.

Отрывокъ изъ письма къ подполковнику генеральнаго штаба Вильку, отъ 31-го Мая 1856 г. изъ Харькова. Письмо это написано подъ влияніемъ справедливой и неостывшей еще ненависти къ Симферопольскому военному госпиталю.

Я теперь въ Харьковѣ. Какъ я радъ, что не въ проклятомъ, гниломъ домѣ Мейера въ Симферополѣ, гдѣ о раненыхъ нимало не заботились на счетъ „успокоенія“, и успокоивали развѣ одинъ Богомъ смерти нѣкоторыхъ страдалцевъ. Пища, бѣлье, постель госпитальные: это одно отвращеніе и гадость; у многихъ раненыхъ было *все свое* и даже медикаменты! Медикаменты эти покупались въ вольной аптекѣ. И я полагаю что медиковъ и госпитальныхъ чиновниковъ Симферополя прилично назвать именемъ *душегубцевъ*. Всякому извѣстно по газетамъ, что вся Россія жертвовала вещи и деньги во множествѣ „въ пользу раненыхъ“, и гдѣ все это?? Многое, нѣтъ сомнѣнія, продано и украдено; а между тѣмъ сколько было *статьишекъ* въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Сѣверной Пчелѣ“, статьишекъ сладкихъ и ложныхъ „объ успокоеніи“ въ Крыму раненыхъ,—обидныхъ и оскорбительныхъ для раненыхъ, такъ что я порывался было написать редакторамъ газетъ и намѣревался попросить ихъ, во имя чести дворянина, не позволять печатать статьи о какомъ-то „успокоеніи“ раненыхъ, чего никогда не бывало. Но потомъ передумалъ, вспомнивъ, что *интересъ и деньги* дороги для редакторовъ, а лезть общее ихъ упражненіе.

Замѣчательно, что душегубцы Симферополя наши же „православные“, богомольцы и лицеѣры. „Нельзя же“, скажутъ они съ набожнымъ видомъ, „вѣра первое дѣло!“ Тѣмъ болѣе, что кивать руками и головою, какъ вѣтреными крыльями у мельницы, ровно ничего не стѣбитъ: денегъ за это благочестивое занятіе не платятъ, а „душа спасается“. Такъ, думать надобно, разсуждаетъ Симферопольскій душегубецъ, размахивая въ церкви руками и поставивъ свѣчу на украденныя у страдалцевъ раненыхъ деньги... Славная молитва и хороша эта свѣча!

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“, № 83, отъ 11-го Апрѣля 1856 г., напечатанъ приказъ о преданіи военному суду арестованныхъ за госпитальныя злоупотребленія главнаго доктора, вашего знакомаго, *Протопова*, и аптекаря *Веймара*. Въ приказѣ сказано: „Высочайше повелѣно учреждаемому военному суду надъ статскимъ совѣтникомъ *Протоповымъ* и коллежскимъ ассесоромъ *Веймаромъ* имѣть въ виду, при дальнѣйшемъ разясненіи всѣхъ непростительныхъ безпорядковъ по Симферопольскому госпиталю, чтобы никто изъ виновныхъ не остался безъ заслуженнаго наказанія“.

Дай Богъ, чтобы поболѣе Симферопольскихъ душегубцевъ было оборвано и казнено. Чтѣ жалѣть злодѣевъ? Последнее время я убѣдился

въ бездушнн нашего ординатора *Лаврентьева*. Видите, не было воды, и масло было горькое и воиющее въ жаркомъ: бездѣлица! Смотритель, какой-то раненый въ руку, и думать надобно въ мозгъ, прапорщикъ началъ говорить дерзости сердобольной старухѣ Хоботовой, такъ что раненые за нее заступились. Я также говорилъ этому смотрителю, что онъ не похожъ на офицера: ибо ему говорятъ дѣло о необходимостяхъ раненыхъ, при раненыхъ-де „воды нѣтъ и масло въ пищѣ воиющее,—отъ чего? по какому случаю? Въмѣсто того, чтобы узнать объ этомъ толкомъ, выслушать и исполнить потребности раненыхъ. онъ говорилъ дерзости сестрѣ сердобольной или (какъ выражался одинъ раненый) „сердцеболѣзненной“. *Лаврентьевъ*, ординаторъ нашъ, ушелъ, заступился за смотрителя; „сердцеболѣзненную“ сестру называлъ „вздорною“: говорилъ мнѣ: „если палку поставять, то онъ, —разумѣя подь этимъ свое начальство,—будетъ слушаться!!“ Старая, нелѣпая фраза, слышанная мною лѣтъ 25 тому назадъ. „Моя хата съ краю, я ничего не знаю“ и т. д. Это его слова.

Хорошъ заступникъ за раненыхъ! А подарки, конечно добровольные, братъ умѣлъ, какъ будто не нарочно. „Эдакая Хохландія!“ Онъ, *Лаврентьевъ*, грубый Хохоль, увѣрялъ однажды, что „Крымское вино имѣеть букетъ „печеной груши“ (т—мягко, какъ говорятъ Хохлы). Славный букетъ!! О медицинскихъ познаніяхъ скажу вотъ что: *Лаврентьевъ* самъ отмачивалъ мнѣ рану водою, накладывалъ корпію „съ всемогущею“ по его словамъ, ляписною примочкою; туго самъ забинтовывалъ, говоря, что рана заживетъ черезъ мѣсяць, что огнившія у меня жилы отъ гангрены „черезъ полгода возстановятся“. Здѣсь же Харьковскія знаменитости, учителя „букета печеной груши“, т. е. *Лаврентьева*, доктора *Нарановичъ* и *Каличченко* объявили мнѣ свѣдѣнія, діаметрально противоположныя рѣчамъ „букета печеной груши“: водою отмачиваются раны только гангренозныя, а негангренозныя вредно мочить водою. Доказательство тому *Нарановича* не дурно: „у меня по этой методѣ не мочить водою раны“ (слова *Нарановича*), „изъ трехъ сотъ раненыхъ умеръ всего одинъ!“ А у насъ, при Симферопольскихъ душегубцахъ, въ день умирало иногда по два и по три офицера; а солдатъ, какъ говорили, до полутораэта, если это такъ. „Прибираетъ же ихъ, Господь“, говорила разъ сердобольная сестра изъ солдатскаго госпитальнаго отдѣленія. И на эту гибель воиновъ Симферопольскіе медики глядѣли какъ на гибель мухъ. Да и могли ли душонки ихъ тревожиться чувствами благородными? „Всемогущая“ по словамъ „букета печеной груши“, ляписная примочка могла сдѣлать „рану мозолистою“, непецѣлимую; „отъ тугаго бпнтованія у меня

нижата Ахиллова жила, и это бинтованіе помогло, что я безъ ноги, такъ что еще черезъ годъ или и болѣе станеть нога въ подъемѣ разгибаться. Слова Нарановича: „Сгнившія у меня жилы никогда не возобновятся“. Назначилъ мнѣ Нарановичъ примочку изъ ромашки, по часу утромъ и вечеромъ, дѣлать припарки изъ льнаго сѣмени; перевязывать ее три раза въ день, выжимая ромашку изъ корпіи, бинтовать не цѣлымъ, жесткимъ бинтомъ, но рванымъ съ мягкими краями бинтомъ, бинтовать слабо; и послѣдствія лучшаго леченія скоро оказались: нога стала терять опухоль, красноту, пальцы стали гнуться, такъ что это леченіе видимо умнѣе и полезнѣе леченія „букета печоной груши“.

Это было помѣщено въ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству отъ 14-го Января сего 1857 г. А теперь помѣщаются для полноты выписки изъ моихъ писемъ къ роднымъ и знакомымъ по дѣлу раненыхъ и инвалидовъ съ Симферопольскимъ госпиталемъ и Комитетомъ 1814 года.

„Забылъ вамъ сказать слѣдующую рѣдкость. На другой день послѣ оскорбленія „сердцеболѣзненной“ сестры Хоботовой, главный смотритель поручикъ Рагоза, тоже изъ сонма Симферопольскихъ „доброжелателей и благомыслящихъ людей“, желая явить полезный примѣръ „заботливости объ успокоеніи раненыхъ“ (это послѣ семп мѣсяцевъ отвратительнаго раненыхъ содержанія), этотъ Рагоза, комиссаріатская душа, мошенникъ отъ младыхъ своихъ „ногтей“, говорилъ, что онъ въ Симферополѣ“ 17-й смотритель и не безъ достоинства“, пришелъ въ домъ Мейера рано утромъ и самъ принесъ въ своихъ достойныхъ рукахъ горшокъ свѣжаго масла, а „сердцеболѣзненная“ сестра, не совѣтъ пожилая, пришла съ этимъ 17-мъ смотрителемъ и своими руками принесла связку свѣжей петрушки. Эта сердцеболѣзненная сестра объявила, „что отнынѣ раненые будутъ имѣть *сливочное* масло!“ (чего однако не случилось). Тогда одинъ раненый замѣтилъ въ полголоса: „что если это сливочное масло будетъ сбивать Рогоза съ сестрою, то должно быть масло это будетъ очень вкусно“.

Потомъ пришелъ на свою визитацію „букетъ печоныхъ грушъ“, т. е. ординаторъ Лаврентьевъ. Далѣе: ожидаемы были, но не п-о-ж-а-д-о-в-а-л-и (это слово надобно произнести въ носъ и на распѣвъ, какъ говорятъ иные чванные, чопорные господа), членъ попечительнаго о раненыхъ Комитета, вполне удивительнаго, 22-хъ лѣтній юноша съ желтымъ лицомъ *Дурасовъ*, и *монахъ Ашватель* служатъ молебень.

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ!“ Ну что, если бы эти лица,—сущій винигреть,—и 17-й смотритель не безъ достоинства и съ масломъ, и сестра съ петрушкою, и букетъ печоныхъ грунть, и членъ удивительнаго Комитета и монахъ Агаангель запѣли бы молебень! Это было бы чудо! Что передъ этимъ воемъ былъ бы квартетъ Крылова??!! Это и написать, чтобъ посмѣшить васъ; но здѣсь выдуманнаго *ни ни волосъ*: все такъ точно было, какъ я описалъ здѣсь. Я подобрала даже стихи Протопопова и Веймара, и вотъ послушайте дуэтъ:

Дуэтъ или арія.

(Подражаніе Арабскому, изъ А. С. Пушкина). Поютъ Протопоповъ, Веймаръ и т. п. душегубцы:

„Обрекъ себя я плутовству,
Но не стыдись: на вѣкъ ты мой!
Въ насъ страсть одна все къ воровству,
И жизнью мы живемъ одной“.

Пьютъ водку, вино, ѣдятъ селедку и продолжаютъ пѣть громче и чаще:

„Не боимся мы насмѣшекъ—
Мы сдвоились межъ собой,
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой“.

Хорошъ орѣшекъ, неправда ли??

Остается этимъ поющимъ душегубцамъ зарѣзаться, чтобы окончить свое тлетворное существованіе, и тогда бы съ трупами ихъ дьяволъ такъ бы распорядился:

„Лукавый прилетѣлъ и къ трупамъ бы приникъ,
Возжегъ въ нихъ жизнь, взвился бѣ съ своей добычей
смердной,
И бросилъ трупы тѣ въ гортань геенны холодной.
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ злодѣя и врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на лигѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Раскрасивъ весь хлѣбъ у воиновъ Христа.“

И въ заключеніе, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ, слухъ объ этихъ злодѣяхъ и душегубцахъ

. Вездѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ ихъ суній въ ней языкъ:
И храбрый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

Вотъ вамъ еще анекдотъ, слышанный мною въ госпиталѣ. Анекдотъ этотъ можетъ быть и вымышленъ кѣмъ-либо; но онъ хорошо изображаетъ суетность людскую и въ особенности спѣсивыхъ баричей.

Когда графъ Віельгорскій-Матюшкинъ, главный членъ Попечительскаго о раненыхъ Комитета, умеръ отъ тифа, его бальзамировали; тѣло лежало въ разныхъ кислотахъ, наиболѣе напиткивали хлоромъ. Тогда кто-то изъ пріѣзжихъ, желавшій видѣть графа, спросилъ: „дома ли графъ Віельгорскій?“ На это ему будто бы отвѣтили: „дома, но его *квасятъ!*“ Именно квасятъ! Теперь въ комнатахъ, гдѣ квасили Віельгорскаго, помѣщается гостиница „*Таврида*“, и слышенъ голосъ маркера: „28 и *никою*, или 46 и *очень мало!*“

„Гдѣ гробъ стоялъ, тамъ столы яствъ“.

Тамъ ѣдятъ и пьютъ во всѣ часы сутокъ, днемъ и ночью.

„Гдѣ были надгробные лики, тамъ пиршества слышатся крики“.

Къ этому: буйные разговоры, ссоры и разныя трактирныя картины, извѣстныя всѣмъ и каждому“.

Слѣдующая выписка изъ письма къ редактору газеты „Русскій Инвалидъ“, отъ 24-го Декабря 1856 г., въ отвѣтъ на его ко мнѣ письмо, посвящается не мнимой, но дѣйствительной пользѣ Русскихъ инвалидовъ отъ раненаго ихъ сослуживца.

Если не угодно будетъ вашему сіятельству сохранить эту рукопись отъ своего по Севастополю подчиненнаго, то да хранится сія рукопись въ родѣ Лебедевыхъ на память о злосчастной судьбѣ раненыхъ и объ Иванѣ Лебедевѣ.

24-го Декабря, 1856 г. Харьковъ.

Адресъ для передачи этихъ записокъ, по минованіи въ нихъ надобности, въ С. Петербургъ Петру Семеновичу Лебедеву, Генеральнаго Штаба полковнику. На Торговой улицѣ, противъ Католической церкви,

въ домъ сенатора Лавинскаго; а васъ, т. полковникъ генеральнаго штаба Лебедевъ 3-й, прошу лично передать въ С. Петербургъ записки эти старшему брату и крестному моему отцу Николаю Семеновичу Лебедеву 1-му, Корпуса инженеровъ путей сообщенія т. полковнику.

„И ежели ужъ будетъ милость ваша,
Такъ князю вы извольте доложить,
Что, молю, Петровъ, высокому начальству
Солдатскою слезою поклонился“.

Изъ сочиненія: „Солдатъ Петровъ“.

Солдатъ Петровъ, изъ отряда князя Андроникова, въ 1853 году получилъ орденъ Св. Георгія и просилъ выразить свою благодарность князю Андроникову: „Солдатскою слезою поклониться“.

Разумѣется, это слеза признательности. Подобно этому, но въ смыслѣ противоположномъ, вмѣсто поздравленія съ новымъ 1857 годомъ „и съ новымъ счастьемъ“, Русскіе инвалиды, забытые и оскорбляемые Комитетомъ 1814 г. и его газетою, кланяются имъ также „солдатскою слезою“, т. е. слезою горя и печали.

*Прошу „узнать дѣло“, о коемъ говорю здѣсь ближе и подробнѣе.
(слова письма вашего).*

Примѣчаніе, весьма важное, для редактора газеты „Русскій Инвалидъ“.

Милостивый государь Петръ Семеновичъ *)!

Предположивъ, что ваши дѣти, которыхъ вы любите, и дѣти другихъ вашихъ женатыхъ братьевъ, по призванію и влеченію, изъ заведеній пойдутъ въ военную службу; будетъ война, и случатся съ дѣтьми этими раны, увѣчья, т. е. съ ними, чего не дай Богъ, повторится точь въ точь, слово въ слово, таже исторія чтò и со мною, съ тою только разницею: будутъ ли ихъ увѣчья въ чинѣ штабъ-офицера при знакахъ отличій, или въ маленькомъ чинѣ безъ знаковъ отличій, тогда и голось ихъ будетъ послабѣе, и много они выстрадають, а пожалуй и погибнутъ, когда васъ и отцевъ ихъ или не станеть, или если они застигнуты будутъ „немощами старости скорбной“. Не лучше ли теперь, пока не поздно, положить начало попечительности „объ инвалидахъ“ на дѣлѣ, а не на словѣ, сказавъ мнѣ въ душѣ спасибо

*) Этотъ П. С. Лебедевъ получилъ въ то время извѣстность своею книгою „Братья Панины“, гдѣ онъ неврно изобразилъ ихъ виновниками болѣзненнаго настроя въ цесаревичѣ Павлѣ П. Б.

за поданную мысль, т. е. о попечительности своевременной, ибо поздняя помощь,—через годъ и болѣе,—какъ я на себѣ испытываю, не получая „покровительства этого“ *уже семнадцать мѣсяцевъ*, съ 27-го Августа 1855 г. по 27-е Января 1857 г., поздняя, говорю, помощь все равно что ничего: „инвалидъ“ можетъ въ это время въ ожиданіяхъ, въ лишениіи и нищетѣ, можетъ умереть или пропасть съ голоду, холоду и разныхъ неудобствъ, особенно зимою, когда дрова дороги и придется ему жить въ нетопленной горницѣ. Это не только „прискорбно“ (слова изъ вашего письма: „знаю, что это прискорбно для страждущихъ“), но даже *шбельно!*

Письмо ваше отъ 7-го Декабря написано въ обвинительномъ тонѣ, во 1-хъ, безъ малѣйшаго сочувствія къ дѣлу израненыхъ Русскихъ инвалидовъ; 2) нѣкоторыя выраженія вашего письма не ясны; 3) вы напрасно придасте чрезвычайно много важности ничего не стоящимъ и нисколько неудовлетворительнымъ для раненыхъ „отчетамъ“ (въ которыхъ ровно ничего нѣтъ отчетливаго), ко мнѣ вами присланнымъ, „о дѣйствіяхъ за 1855 годъ Комитета, прихода и расхода суммъ онаго, напечатанныхъ въ № 113 Русскаго Инвалида“, Мая 1856 года. И потому нельзя не написать этого письма, какъ отвѣтнаго на ваши на меня обвиненія и на ваши весьма ошибочныя мысли о быстрой дѣятельности Комитета 1814 г., издающаго газету, ложно посвящую заслуженное имя „Русскій Инвалидъ“. Будемъ безпристрастны. Вы помните слова Хемницера: „Уставъ ужли переступить!“ Непремѣнно переступить, потому что онъ изветшалъ, и положить начало попечительности о „раненыхъ слугахъ Отечества. „Лиха бѣда начало“. Начало,—дорогу проведите, а тамъ будетъ и хорошій путь.

Не глядите такъ равнодушно и проинически на слова раненыхъ; пожалѣйте послѣ не на нихъ, а на дѣтяхъ своихъ, вашихъ близкихъ и друзьяхъ, какіе у васъ есть, что не приложили силъ своихъ поправить укоренившуюся жестокость съ раненымъ и инвалидомъ и небреженіе объ ихъ существованіи, пока они доживаютъ свою несчастную жизнь. Послѣ же кончины ихъ, *немедленно* записываютъ имена мертвецовъ на мраморную доску, о чемъ печатаются по формѣ приказы „въ Русскомъ Инвалидѣ“, т. е. дается камень послѣ смерти въ знакъ попечительности и заботливости. Очень нуженъ этотъ камень послѣ смерти, ускоренной бѣдностью и нищетою!! Повторяю: будьте безпристрастны; безпристрастно, и не торопливо, со вниманіемъ прочтите и хорошенько размыслите о моихъ словахъ. Я разберу всякую фразу вашу, и этотъ разборъ лучше докажетъ, что цѣлью моею дѣйствительная, а не на

однихъ словахъ польза Инвалидовъ, а слѣд. и моя; польза на самомъ дѣлѣ, скоро и своевременно, безъ допущенія инвалидовъ къ нищетѣ и смерти.

„Отвѣчаю, какъ редакторъ газеты „Русскій Инвалидъ“ не для защиты этой газеты (узнавъ дѣло ближе и подробности, вы сами, можете быть, удержитесь отъ нападокъ на нее), но дабы избавить васъ отъ непріятности затѣять дѣло безцѣльное и навлечь на себя осужденіе людей благомыслящихъ“... (Слова редактора газеты „Русскій Инвалидъ“ по случаю того, что я намѣренъ былъ просить переимѣнить названіе это, нимало газетою не оправдываемое: ибо о живыхъ инвалидахъ въ ней почти нѣтъ ни заботливости, ни вниманія).

Совершенно напротивъ, благомыслящіе, т. е. честные люди, у которыхъ Богъ не на языкѣ, а въ сердцѣ и поступкахъ, порадуются моему предложенію и поблагодарятъ меня. „Нападокъ“ никакихъ я не могу себѣ позволить, а говорю одну правду, съ цѣлью принести скорую помощь и пользу „Инвалидамъ“ и себѣ. „Непріятностей“ вонну бояться печего, худшей не будетъ непріятности какъ нищета, въ слѣдствіе невниманія Комитета и его газеты, печатающей за 1855 годъ въ 1856-мъ году „отчеты“ о какихъ-то „дѣйствіяхъ“, тогда какъ это не дѣйствія, а просто бѣглый, темный очеркъ, ничего не значащій. „Осужденія“ эгоистовъ страшиться стыдно честному человѣку, который говоритъ истину для пользы своей и раненыхъ сотоварищей, забытыхъ и брошенныхъ Комитетомъ. Благомыслящіе люди встрѣтятъ съ участіемъ всякую попытку къ добру. Съ помощію Божіею, не теряя нимало надежды на Провидѣніе, я увѣренъ, что доживу до того времени, когда Комитету непремѣнно повелѣно будетъ, вмѣстѣ съ газетою „Русскій Инвалидъ“, обратить своевременное вниманіе и попечительность на самомъ дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, т. е. оказывать въ самомъ исполненіи „попечительную заботливость о храбрыхъ воинахъ, запечатлѣвшихъ кровію своею доблестное исполненіе долга Престолу и Отечеству“. (Слова Высочайшаго приказа по арміямъ и флоту отъ 26-го Августа 1856 года).

О первыхъ отчетахъ учредителя „Русскаго Инвалида“ г. т. с. Поміана-Пезаровіуса.

„Мнѣ кажется все происходитъ отъ того, что вамъ не извѣстны исторія Инвалида и условія его изданія (Слова изъ письма ко мнѣ редактора газеты „Русскій Инвалидъ“).

Исторія „Инвалида“ мнѣ хорошо извѣстна изъ вашихъ же словъ № 144 „Русскаго Инвалида“ отъ 1-го Юля 1856 года.

Военный Листокъ. „Поищите въ исторіи Русскаго инвалида дѣлъ, и вы найдете дѣла умныя, добрыя, патріотическія, великія“. Далѣе говорится о заслугахъ т. с. Помміана-Пезаровіуса. Онъ представилъ слѣдующій первый отчетъ о состояніи кассы „Русскаго Инвалида“. „Нижеподписавшійся издатель сего, въ пользу инвалидовъ, солдатскихъ вдовъ и сиротъ, обязался въ предъувѣдомленіи своемъ извѣщать еже-мѣсячно публику о состояніи кассы, выручаемой съ сего изданія; поелику онъ таковою токмо откровенностію въ производствѣ дѣла своего и строжайшею исправностію въ наблюденіи при отчетахъ своихъ опредѣлительной формы удостовѣрить можетъ болѣе и болѣе публику въ безкорыстности предпріятія своего. Нынѣ впервые наполняетъ онъ сіе обѣщаніе, или лучше сказать, свою обязанность“. Прекрасно! Но представленные отчеты Пезаровіуса не всѣ удовлетворительны по краткости своей; въ нихъ не видно обѣщанной откровенности, и потому читатели не могутъ быть убѣждены въ безкорыстности предпріятія, хотя онъ и было на самомъ дѣлѣ безкорыстно. Напр.: „Число инвалидовъ, получившихъ изъ этой кассы вспоможеніе, по большей части за годъ впередъ, простиралось до 825: вдовъ солдатскихъ до 40“. Здѣсь долженъ быть непременно, какъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ именный списокъ этихъ 825 и 40, съ предаткою, когда и сколько каждому и каждой выдано. А то что за „отчетность“, поверхностная, мелькомъ! Далѣе: „изъ одной же суммы, на вспоможеніе отправляющимся къ арміи недостаточнымъ офицерамъ выдано 5000“. Опять нѣтъ списка, и неизвѣстно, когда, кому и сколько денегъ выдано! Глухо.

Далѣе: „сіи деньги (20,965 руб.) безъ задержанія выдаваемы были тѣмъ, кому имянно отъ благотворителей оныя назначались“.

„Изъ вспомогательной кассы выдано: Недостаточнымъ раненымъ офицерамъ, вдовамъ ихъ и сиротамъ 84,013 руб. На годовые инвалидные пенсіоны по билетамъ—71,541 руб. 42 коп.“ На вспоможеніе инвалидамъ, вдовамъ и ихъ сиротамъ одновременно 14,718 руб. 85 коп.“

Что это за „отчеты“? Необходимо приложить списки къ каждой выдачѣ денегъ, во всякой суммѣ: когда, кому именно и сколько было выдано. А такіе пустые „отчеты“, въ огромныхъ цифрахъ, „опредѣлительной формы“, по миѣнію Пезаровіуса, совершенно темны, глухи и неопредѣленны, ничего не стоятъ и никого не удостовѣряютъ.

Разборъ отчетовъ за 1855 г. Комитета 1814 г., учрежденнаго для „покровительства“ раненныхъ.

Присланныя вами два „отчета“ Комитета за 1855 годъ напечатаны весьма поздно: въ 1856 году. Нимало не утѣшительно для раненныхъ такое несвоевременное печатаніе: оно почти бесполезно. Ужъ если печатать отчеты, то своевременно, а не древніе, минувшихъ лѣтъ. Если была причина почему нельзя было напечатать этотъ бѣглый, пустой отчетъ, по мѣрѣ выдачи денегъ, или въ третью: то почему Комитету этого печатно не объявить раненымъ для свѣдѣнія тутъ же при этихъ бѣглыхъ и пустыхъ „отчетахъ“, напечатанныхъ въ 1856 году? Въ сихъ ничего незначащихъ отчетахъ за 1855 годъ, въ статьяхъ:

I. О генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ.

II. О родителяхъ, вдовахъ и сиротахъ вонновъ, убитыхъ въ сраженіяхъ и отъ ранъ умершихъ.

III. Объ инвалидахъ.

Въ этихъ трехъ статьяхъ ничего нѣтъ **удостоверительнаго** и **подробнаго**

Не поименовано и не означено:

Кто и когда принять въ кандидаты для опредѣленія къ должности?

Кто и когда опредѣленъ къ какой должности?

Кто и когда принять въ Николаевскую Измайловскую военную богадѣльню для призрѣнія?

Кому, когда и сколько пожаловано пенсіи?

Кому, когда и по сколько ассигновано для найма прислуги?

Кому, когда и по сколько ассигновано пособій?

Кто и когда принять на пенсіи изъ инвалиднаго капитала?

Кому и когда разрѣшены просьбы?

Чьи, когда и почему просьбы отнесены къ разрѣшенію на слѣдующій годъ?

Кто, когда и куда выбылъ изъ кандидатовъ къ должности?

Не означены: имена родителей, вдовъ и сиротъ, кои мѣ пожалованы, и какіе, пенсіоны?

Чьи дѣти, и куда доставлены въ казенныя заведенія?

Кому, когда и по сколько дано единовременнаго вспоможенія инвалидамъ?

Словомъ, напечатанныя за 1855 годъ цифры не суть отчеты; они ничею не стоятъ: темны, неопредѣленны, глухи; въ нихъ ровно ничею не видно, кто, сколько и когда получилъ пособія?

Далѣе: „Статья IV о капиталахъ“. Расходъ показанъ также точно глухо.

Окончаніе разбора отчетовъ за 1855 г. Комитета 1814 года.

1. На пенсіоны 451,566 руб.

Кому, когда и сколько?

2. На содержаніе въ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей офицеровъ 27,064 руб. Чьихъ именно дѣтей и по сколько на одного?

И т. д. всѣ „отчеты“ ничею не выражаютъ: мутно, темно, глухо; ясности и подробности въ расходѣ ни малѣйшей не видно.

Примѣненіе къ жизни мертвато выраженія: „на пользу инвалидовъ или раненыхъ“.

Вотъ почему я и просилъ сравнить по содержанию „Русскій Инвалидъ“ съ „Морскимъ Сборникомъ“. Я разумѣлъ здѣсь не спеціальность, а открытыя, неспасительныя объявленія для пользы инвалидовъ; напр. отчетъ о занятіяхъ Комитета и его рѣшеніяхъ и всѣ подробныя извѣщенія. Чтò такое именно дѣлаетъ каждый день этотъ „покровительствующій“ Комитетъ „для пользы инвалидовъ? „Польза Инвалидовъ“,—это слово темное; надобно показать ясно чтò оно именно значить въ примѣненіи къ жизни, на дѣлѣ; тогда и всякій будетъ видѣть эту пользу „инвалидовъ“. Весьма недостаточно говорить все „о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, о пользѣ, и т. д. (о пользѣ), 10000000 а не показать никому ясно, подробно и отчетливо этой пользы на дѣлѣ. Я видѣлъ на опытѣ семь мѣсяцевъ въ Симферопольскомъ офицерскомъ госпиталѣ, въ домѣ Мейера, чтò значать слова: „въ пользу раненыхъ“, и вмѣстѣ со всѣми ранеными требую не подобнаго,

мерзостнаго явленія, но совѣстливаго отчета: какъ, когда и кому, чѣмъ именно, помогаетъ Комитетъ раненымъ и что онъ дѣлаеть,—пусть печатаеть для всеобщаго свѣдѣнія. Когда все объяснится, то не будетъ *ловли рыбы въ мутной водѣ*, какъ это случилось съ извѣстнымъ ловцомъ Политковскимъ, ограбившимъ инвалидный капиталъ.

Далѣе, ваши слова: „Морской Сборникъ“ превосходное и дешевое изданіе; но для этой цѣли на него отпускается болѣе 10 т. руб. сер., ибо издержки не покрываютъ изданія по подписной цѣнѣ; следовательно вѣтъ уродно, чтобы „Русскій Инвалидъ“ вмѣсто того, чтобы давать доходъ въ пользу инвалидовъ, напримѣръ въ 31,008 руб. 49 коп., получалъ изъ кассы, ассигнуемой на ихъ пособіе, тѣ 36,651 руб. 31 коп., которые нынѣ расходуются на его изданіе, и согласитесь, что подобное предложеніе нельзя назвать выгоднымъ“. Это не ясно.

*

Въ дешевомъ журналѣ *всѣ объявленія отставнымъ солдатамъ, не получающимъ весьма дорогую по цѣлѣ своей газету „Русскій Инвалидъ“, но посѣщающимъ трактиры, харчевни и кабаки, (какъ собранія, доставляющія удовольствіе и развлеченіе) всѣ такія солдатамъ объявленія дойдутъ до слуха тѣхъ, къ кому относятся и перестанутъ быть одною пустою формальностію, исполняемою не для окончанія дѣла, а для очистки бумагъ. Объявлено въ „Инвалидъ“; о томъ, дойдетъ или нѣтъ до свѣдѣнія, мнѣ что за нужда: я самъ сытъ, одѣтъ, въ теплѣ, въ довольствіи, очень мнѣ нужно заботиться!! Вотъ юлюсь газеты „Инвалидъ“ и ея составителей.*

Пока не догадались издавать подобный журналъ для народа другіе, посторонніе (не отъ Комитета 1814 г.), не худо теперь же поторопиться и привести эту мысль Комитету оному въ исполненіе, для увеличенія капитала инвалидовъ. *Этотъ общенародный журналъ въ накладъ не останется, если въ крошечной Польшѣ онъ имѣетъ до 3 т. подписчиковъ и множество сотрудниковъ. При публикаціи о газетѣ *Sztetnia Niedzielnia*, Воскресное Чтеніе, были приведены слова святого Винченція: Скорѣе не достанетъ бѣдныхъ, нежели хлѣба, ежели всѣ будутъ впрямь исполнять свои обязанности“.*

„Впрочемъ“, говоритъ редакторъ „Инвалида“ Лебедевъ 3-й, съ будущаго года цѣна на „Инвалидъ“ положена Комитетомъ на одинъ рубль менше для подписчиковъ“. Это не душно; но все таки цѣна на годовое изданіе „Русскаго Инвалида“ очень высока и недоступна

каждому. Это очевидно, и противу того не мѣшало бы принять мѣры, и довести о томъ до свѣдѣнїя высшаго начальства.

„Объяснивъ вамъ все“, пишетъ редакторъ газеты „Инвалидъ“, согласно вашему желанїю, я предоставляю обратиться съ письмами и просьбами о томъ, что „Инвалидъ“ *не исполняетъ* своего назначенїя и *долженъ издаваться какъ „Морской Сборникъ“*.

Вы мнѣ ничего ровно не объяснили согласно моему желанїю, ибо сильно налегаете на нестоющїе ничего, пустые итоги цифръ, названные „*отчетами*“, не имѣющими никакого значенїя для раненыхъ инвалидовъ. Насчетъ писемъ о самозванной газетѣ „Инвалидъ“, я пополю въ свое время: увижу, какъ будетъ издаваться „Русскїй Инвалидъ“: по прежнему ли безъ малѣйшаго вниманїя на живыхъ инвалидовъ, или точно будетъ показывать на дѣлѣ и на словѣ *призрѣніе*, а не *презрѣніе* инвалидамъ. Постараюсь въ пользу инвалидовъ со всеѣмъ огнемъ и рвенїемъ Кавказца и Севастопольскаго служиваго, и Богъ поможетъ въ столь добромъ предпрїятїи. Увидимъ, а пока подождемъ и посмотримъ, станетъ ли газета „Русскїй Инвалидъ“ оправдывать въ 1857 году свое знаменитое имя.

И калѣвка, а о пенсїи все идетъ *перетиска*. Пенсїя слово громкое. Но съ тѣхъ поръ какъ введенъ курсъ денегъ на серебро, все стало въ 3½ раза дороже: ибо на серебро считаютъ какъ на ассигнаціи. Дороговизна вездѣ и во всемъ непомерная; а слѣд. и пенсїя весьма не много значитъ. Кромѣ того необходимо пояснить: что именно и сколько долженъ получать раненый на службѣ и раненый въ отставку? „Пенсїи *изъ государственнаго казначейства*“, пенсїи *изъ инвалиднаго капитала*“. Надобно сказать, сколько *всего, одною суммою*, должны получать увѣчные 2-го напр. класса офицеры, на службѣ состоящіе и пользующіеся отъ ранъ, и въ отставку. На стр. 150-й Памятной Книжки для Русскихъ Офицеровъ, сказано: „Подполковнику, увѣчному и тяжело раненому, который ни военной, ни гражданской службы продолжать не можетъ, назначено пенсїи изъ инвалиднаго капитала:

руб. коп.	руб. коп.
214—27½	321—43 сер.

Въ журналѣ „Русскїй Вѣстникъ“, 1856 г., кн. 2-я, была напечатана новая табель „прибавленныхъ“ пенсїй, а именно:

„Подполковнику раненому, 2-го класса 285 руб. сер. Чтò тутъ прибавленнаго—не видно! 285 руб. есть среднее число между 214 р. и 321 р. Увеличеніе не пояснено. 285 руб. сер., чтобы *лечиться и жить очень немного при нынѣшней дешевизнѣ денегъ и курсѣ на серебро.*

При томъ, ни подъ какимъ видомъ никогда не можетъ быть одинакова пенсія напр. *безрукому и безногому*: тотъ можетъ ходить и слѣдовательно не тратитъ денегъ на извозчиковъ, а безъ употребленія ноги ходить нельзя, особливо какъ напр. нога у меня пробита въ верху и въ низу, такъ что отъ ходьбы на костыляхъ я получилъ счетомъ *тринадцать* ранъ: *две* въ вверху надъ входомъ пули, *одну* рану глубокую и шириною въ толстоту пальца, въ паху, и *десять* на животъ отъ воспаления и отгнившей клѣтчати. Матерія густая, какъ тѣсто, кусками выходила изъ брюшныхъ ранъ, и пользовавшій меня докторъ Нарановичъ изъяснилъ свое удивленіе, что я выдержалъ эту болѣзнь, которая могла кончиться гангреною.

Извозчики и дѣроги, и необходимы тому, кто не можетъ ходить; а это, столь важное условіе, при назначеніи пенсій, нимало не принято въ соображеніе. Къ тому жалкая ходьба на деревянкѣ и на двухъ костыляхъ возможна лишь *въ сухое время, по мѣсту ровному, твердому, нескользкому*. Мягкій грунтъ, грязь, ледъ, лѣстницы каменные и желѣзные, суть неодолимые препятствія для раненаго, противу воли своей влачащаго свою бѣдственную жизнь на двухъ палкахъ, и эти препятствія, т. е. лѣстницы, ледъ, грязь, и то могутъ быть для ходящаго на костыляхъ и на деревянкѣ причиною паденій, ушибовъ и смерти. Это аксіома, не требующая доказательствъ. Стоить только ближе вникнуть и присмотрѣться.

Или издавать газету сѣрую для одного только простаго народа и солдата (чтò будетъ гораздо лучше), и при дешевизнѣ таковой сѣрой газеты подписки будутъ во множествѣ, лишь бы всѣ провѣдали объ изданіи этой дешевой газеты, и къ этому можно пригласить мѣстные власти и духовенство заохочивать и внушать страсть къ чтенію этой общенародной газеты, которая тогда, подобно газетѣ „Варшавскій Курьеръ“, будетъ расходиться живо, ибо цѣна будетъ всемъ очень доступна; а всякому грамотному простолюдину любопытно „почитать“ газету и узнать новости. Тогда, пожалуй, во многихъ трактирахъ и харчевняхъ и даже кабакахъ, заведется сѣрая, малаго формата газета и послужитъ къ образованію народа и къ увеличенію суммъ инвалид-

наго капитала на дѣйствительную пользу солдатъ и ремесленникамъ. Въ эту газету можно помѣщать статьи: напр. изъ Польской газеты. „Воскресное Чтеніе (*Czytelnia Niedzielna*), выходящей съ 1856 года въ Варшавѣ, подъ редакціею образованной дамы А. В. Петровой, дочери сенатора. Этотъ журналъ (коему нѣтъ въ Россіи ничего подобнаго), предназначенъ для ремесленниковъ, слугъ и вообще для престопаго народа, уже имѣетъ около 3 т. подписчиковъ. Въ немъ принимаютъ участіе лучшіе Польскіе литераторы. Журналъ этотъ чрезвычайно занимателенъ и вполне достигаетъ своей цѣли. (П. Дубровскій. Изъ журнала „Русскій Вѣстникъ“, 1856 года, Ноябрь, книжка 1я, стр. 41^с). Я, какъ „инвалидъ“ имѣю право говорить объ инвалидномъ капиталѣ и предлагаю не пренебрегать очевидными выгодами сказаннаго изданія сѣрой малаго формата для простаго народа газеты.

На первый разъ на изданіе отъ Комитета 1814 г. двухъ газетъ „Русскій Инвалидъ“, обыкновенной, доселѣ издававшейся газеты этого имени, и другой на сѣрой бумагѣ малаго формата для народа и солдатъ, потребуется издержекъ; но они вознаградятся, если только редакторъ ея будетъ патріотъ и честный человѣкъ, подобный г-жѣ Петровой: въ огромной Россіи будетъ болѣе 3 т. подписчиковъ (Польша капля противъ Россіи), и этотъ журналъ неминуемо послужитъ къ увеличенію суммъ Комитета, не говоря о своей пользѣ для народа. Объ этомъ стоить подумать, и мысль эту съ 1857 г. привести въ исполненіе; только бы обнародовать властямъ и народу эту мысль: за дѣломъ и сотрудниками не станеть. А на первый случай за весь 1856 годъ журналъ Польскій, *Czytelnia Niedzielna*, послужитъ готовымъ матеріаломъ для перевода и приспособленія Русскому народу.

Въ „Морскомъ Сборникѣ“ всегда есть чертежи и картины, а они стоятъ дорого. Притомъ и бумага гораздо лучше. Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ ничего кромѣ текста, и потому, оставя спеціальность въ покоѣ, не предстоить такихъ издержекъ, какъ на „Морской Сборникѣ“.

Главное уподобленіе „Русскаго Инвалида“ относится не къ спеціальности, а къ добросовѣстнымъ для инвалидовъ и раненыхъ подробностямъ. Все письмо ваше написано уклончиво, а не съ прямою, какъ я васъ просилъ. Я нарочно выписалъ заглавіе „Морского Сборника“ и говорилъ, что не худо взять съ него примѣръ подражанія къ добру. Напр., почему также не печатать „въ Инвалидѣ“ кромѣ краткаго отчета о занятіяхъ Комитета 1814 г. за каждый мѣсяць, „именные списки помѣщиковъ, отпустившихъ на волю безвозмездно раненыхъ (т. е. вѣроятно семейства раненыхъ), въ кампанію 1853—1855 гг.

солдаты“, списокъ дѣтямъ лицъ сухопутныхъ войскъ, воспитывающимся въ казенныхъ заведеніяхъ?

Въ XXVI кн. „Морскаго Сборника“, № 18, Декабрь 1856 г. именные списки, по коимъ розданы денежныя пособія и пособіе воспитанію дѣтей. *Роздано для сего денегъ 94960 руб. 80 коп.* *Ничего подобнаго нѣтъ ни по какому ведомству* т. е. чтобы добро было „не подъ судомъ, но въ живомъ, современномъ явленіи“, иначе слово: „на пользу раненыхъ или инвалидовъ“ есть одна клевета на добро не бывалое, ибо „дорога милость во время скудости“, а „не на томъ свѣтѣ угольками“ чрезъ годъ, два и далѣе, послѣ томительнаго ожиданія въ бѣдствіяхъ лишеній и нищеты, нимаю непонимаемой здоровымъ, сытымъ и благоденствующимъ въ довольствѣ Комитетомъ 1814 г., дѣятельности котораго не видно. Предложеніе мое очень выгодно тѣмъ „для инвалидовъ“, что если газета „Русскій Инвалидъ“ будетъ въ главномъ подобна „Морскому Сборнику“ и будетъ также помѣщать именные списки и отчетливыя извѣщенія ежемѣсячно, то сдѣлаетъ въ самомъ дѣлѣ добро „инвалидамъ“ и не будетъ тогда самозванцемъ, ложно носящимъ заслуженное названіе, которое газета въ главномъ, существенномъ для инвалидовъ нимаю не выполняетъ. Меньше будетъ поступать денегъ въ инвалидный капиталъ: это не бѣда. „Инвалиды“ и раненые вполне заслужили вниманіе къ себѣ, и я не даромъ писалъ и повторяю это, что „Русскій Инвалидъ“ (т. е. газета, носящая это имя) обязанъ помнить своихъ собратій, быть честнымъ, правдивымъ и добрымъ на дѣлѣ, а не на языкѣ одномъ, и не „кремнемъ кремневичемъ“, обязанъ быть благодѣтелемъ всѣй огромной семьи несчастныхъ своихъ сотоварищей „инвалидовъ“, большею частію изнывающихъ въ нищетѣ, особенно солдатъ, нимаю не обезпеченныхъ словами указа: „бороду брить, по міру не ходить“, слѣдствіемъ чего они по міру ходятъ и бороды не брѣютъ.

Объ измѣненіи и улучшеніи указа объ отставкѣ солдатъ.

Въ искреннемъ желаніи добра и пользы родинѣ и въ справедливомъ вниманіи къ долготѣней, трудной, 25 годовой службѣ Русскаго солдата, не мѣшало бы старинный указъ измѣнить къ лучшему, а именно:

1) Славянскій языкъ, какъ напр. *житія*, вмѣсто жизни, и старый, странный слогъ измѣнить въ рѣчь общепринятую, ясную.

2) Рифмованную прозу: „бороду брить, по міру не ходить“, исключить, замѣнивъ словами не въ рѣмю.

3) Къ указу приложить всё упомянутыя въ немъ §§ и статьи законовъ и постановлений, чтобы отставной солдатъ не затруднялся хожденіемъ и просьбами, узнавая содержаніе прописанныхъ §§ и статей въ указѣ объ отставкѣ. Это хожденіе можетъ стоить долгаго времени и денегъ, что солдату тягостно и невозможно, особливо неграмотному и раненому.

4) Обезпечить, сколько можно, на самомъ дѣлѣ судьбу отставного, прописавъ всё необходимыя для того правила ясно, подробно и удобоисполнимо.

5) Опубликовать въ газетахъ и вѣдомостяхъ вновь составленный указъ объ отставкѣ и пригласить всё мѣстныя власти, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, неослабно заботиться успокоеніемъ престарѣлыхъ отставныхъ раненыхъ, *опломъ самымъ и исполненіемъ не поздишь, а своевременнымъ.*

Капиталы на святыни, иконы и лавры жертвуются большіе, а отчета этихъ капиталовъ *никогда нидѣ не было видно.*

6) Для сего ясно и подробно (съ приложеніемъ именныхъ списковъ отставнымъ и раненымъ, немогущимъ зарабатывать себѣ содержаніе по своей болѣзни и увѣчью) публиковать въ газетахъ и вѣдомостяхъ *ежестретно* въ году и сообщать для всеобщаго, удовлетворительнаго свѣдѣнія: а) сколько, когда и кому дано изъ капиталовъ, во 1) собранныхъ за концертъ, маскарадъ, спектакли, въ такъ называемую „пользу инвалидовъ“, темную по своей безотчетности; во 2) сколько и когда дано изъ капиталовъ, собранныхъ духовными властями и особливо чернымъ духовенствомъ (*пріявшимъ „Чинъ Апелскій“, чтобы, отривившись отъ всего мірскаго, отъ всего земнаго по слову Апостола, жить во Христѣ, нищелюбцами*)“, изъ капиталовъ напимѣрь *отъ служенія при явленныхъ иконахъ* въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Курскѣ, Харьковѣ и т. д.; въ 3) сколько, кому иногда дано *изъ капиталовъ жертвованныхъ при посвященіи святынь*, напр. Кіево-Печерской Лавры, Сергіе-Троицкой Лавры, Александро-Невской Лавры, въ Воронежѣ при мощахъ Св. Митрофанія, и т. д.; опубликовать *приходъ и расходъ означенныхъ суммъ*, съ приложеніемъ всякій разъ именныхъ списковъ: *кому, когда и сколько денегъ было выдано*; и вообще *всѣ жертвованныя въ Россіи суммы приводить въ отчетливую извѣстность для публики по приходу и расходу*, и тогда конечно можно будетъ достигнуть обезпеченія вонновъ въ отставкѣ. безъ доущенія ихъ

къ бѣдности и нищенству, сколько гибельному, столько же и постыдному: ибо нищенство ведетъ къ бродяжничеству, порокамъ и преступленію.

„Помѣщеніе въ „Русскомъ Инвалидѣ“ подробныхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ Комитета и о призрѣніи раненыхъ, по мѣрѣ распоряженій о томъ со стороны Комитета, будетъ принято во вниманіе, и мною составлена объ этомъ докладная записка“. (Слова редактора газеты „Русскій Инвалидъ“).

Весьма жаль, что не прислали копій съ этой записки: я бы сообщилъ ее раненымъ, и они бы увидѣли, могутъ ли надѣяться на улучшение газеты „Русскій Инвалидъ“, или не могутъ и должны дѣйствовать сами, пока живы.

„Но и эти извѣстія“, продолжаетъ редакторъ г. Лебедевъ 3-й, *„должно печатать, въ видѣ особыхъ прибавленій, что потребуетъ расхода до 3 т. руб. сер. въ годъ“.* Что же такое? 3 т. мало, можно и побольше чѣмъ на „Морской Сборникъ“, отдѣлить для тѣхъ, кто своею кровью защищали Государя и Отечество, подѣлавшись черезъ то калѣкою, не живетъ уже, а влечить бѣдную, мучительную жизнь!! Это слишкомъ очевидно.

Окончаніе о томъ, какъ примѣнить къ жизни раненыхъ и инвалидовъ мертвое выраженіе: „на пользу раненыхъ или инвалидовъ“.

„Ибо, говоритъ редакторъ Г. Лебедевъ 3-й, подписывающіеся на нашу газету хотятъ разнообразія и занимательности и требуютъ новостей, литературныхъ, военныхъ и политическихъ“. Это такъ. Но повѣрьте, много значить, что къ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ въ настоящее время не имѣетъ Россія особеннаго сочувствія, потому что она не видитъ благой ея цѣли. Надобно раскрыть эту благоую цѣль, говорить обо всемъ побольше правды, и тогда больше будетъ уваженія и участія къ журналу, который, при интересѣ и занимательности, будетъ, какъ патріотъ, добро творить такъ, что оно станетъ ясно всѣмъ и перестанетъ скрываться подъ темнымъ словомъ: *„на пользу инвалидовъ“*, *„въ пользу раненыхъ“*, или подъ итогами большихъ чиселъ, называемыхъ *„отчетами“*.

И положимъ, самъ Государь Императоръ узнаегъ, что „издержки на изданіе газеты „Русскій Инвалидъ“, требуютъ увеличенія преж-

няго до 1857 г. расхода на изданіе, то онъ конечно приметъ мѣры, чтобы издавался „Русскій Инвалидъ“ подобно „Морскому Сборнику“, на славу, честь и пользу Россіи и ея сыновъ и воиновъ, коимъ Отечество обязано дать приличное успокоеніе и оказывать вниманіе.

Изданіе „Инвалида“, продолжаетъ редакторъ этой газеты г. Лебедевъ 3-й, „на сѣрой бумагѣ не можетъ быть допущено, потому что введетъ редакцію въ такое затрудненіе, которое покажется непонятнымъ для человека несвѣдующаго“. Далѣе слѣдуютъ весьма понятныя затрудненія, очень простыя и очевидныя для каждаго несвѣдующаго типографскаго дѣла, а именно: „Инвалидъ“ изданіе ежедневное, а „Московскія Вѣдомости“ два раза въ недѣлю; что же до газеты „Варшавскій Курьеръ“, то малый его форматъ позволяетъ для каждаго сорта бумаги имѣть особый наборъ и печатать одновременно газету на всѣхъ сортахъ бумаги, а „Инвалидъ“, въ числѣ 6 т. экземпляровъ, не имѣетъ болѣе 4-хъ часовъ времени для печатанія. Согласитесь, что при этомъ не представляется возможности для сортировки, и будетъ происходить всякій разъ либо замедленіе, либо безпорядокъ“. Почему же не доложить чрезъ Комитетъ высшему начальству и Государю: не будетъ ли средствъ печатать газету „Инвалидъ“ на сѣрой бумагѣ малаго формата, кромѣ обыкновенной издаваемой газеты „Русскій Инвалидъ“? Сѣрая малаго формата газета будетъ въ родѣ Польской газеты *Воскресное Чтеніе*, о чемъ уже подробно изъяснено. Ничего въ этомъ нѣтъ ни затруднительнаго, ни невозможнаго. Конечно „при 4-хъ часовомъ времени для напечатанія въ числѣ 6 т. экземпляровъ „Русскаго Инвалида“ надобно будетъ тогда пріискать новаго редактора, чиновниковъ, помощниковъ и типографщиковъ на эту сѣрую газету для „неимущихъ“ офицеровъ, получающихъ отъ казны пособіе, называемое пенсіею, которая при нынѣшнемъ курсѣ денегъ на серебро, при крайней дешевизнѣ денегъ и непопулярной во всемъ дороговизнѣ для жизни, очень невелика, чтобы платить нынѣшнюю огромную цѣну за газету „Инвалидъ“, съ пересылкою 16 руб. сер., или 56 руб. ассигнаціями.

Обширное поприще, открытое нынѣ исполнителямъ воли Ея Величества по облегченію страданій и доставленію всевозможныхъ удобствъ храбрымъ защитникамъ Отечества, дало графу Віельгорскому-Матюшкину и его достойнымъ помощникамъ новое право на общую признательность.

Съ 3-го Сентября 1855 г. я былъ уже въ Симферопольскомъ военномъ госпиталѣ и могу спросить: „какія это облегченія страданій?

Какія это удобства, и притомъ удобства всевозможныя?! Не отвратительная ли по неопрятности и весьма скудная пища въ вонючей, грязными тряпичами вытертой посудинѣ? Не бѣлье ли, часто во вшахъ, притомъ сырое, узкое и изорванное?! Отъ сыраго бѣлья я подучилъ горячку и едва не померъ: это я на себѣ знаю, и съ тѣхъ поръ сталъ носить свое бѣлье. Не вонючія ли подушки и смрадный матрацъ, набитый бурьяномъ, жесткимъ какъ камень? Не казенные ли халаты, тѣсные, узкіе и худые? Не медикаменты ли, которыхъ не дожدهшься нѣсколько часовъ изъ казенной аптеки, а между тѣмъ раненый умираетъ. О, конечно нѣтъ! Какія это удобства?! Не медикъ ли необыкновенный? Также нѣтъ: по доброй волѣ мы „благодарили“ его, т. е. складывались деньгами, но онъ не оказалъ ни знатокомъ медицины, ни человѣкомъ съ чувствомъ, ибо не смѣлъ пикнуть противу своего медицинскаго госпитальнаго начальства. Въ госпиталѣ, въ домѣ Мейера, было два фельдшера и весь домъ; ночью ихъ не было; дежурнаго офицера не было; даже привратника у воротъ не было, и потому ночью ходили разные мошенники и крали у сонныхъ раненыхъ часы и т. п. Какія же это удобства, и при томъ всевозможныя? Это интересно. Ужъ не вонючій ли госпитальный воздухъ, тлетворный, ядовитый, ничѣмъ не освѣжаемый?! Нѣтъ что это за „удобства!“ Что найдешь другое. Что же такое именно? А вотъ на стр. 1333 сказаннаго № 262-го „Сѣверной Пчелы“ „изображена“ попечительность Комитета. Выписать бы эту удивительную попечительность. „Изъ приложенной къ сему рапорту (отъ 7-го Октября) вѣдомости видно, что въ кладовую Комитета поступило въ теченіе Іюня, Іюля, Августа и Сентября мѣсяцевъ 1855 года“.

Изъ всего исчисленнаго здѣсь расхода, исключивъ корпію, бинты, компрессы, 31-го предмета, означеннаго въ вѣдомости, не видали раненые офицеры, пока не прочитали съ изумленіемъ и огорченіемъ цифры напечатанными. Куда все это дѣвалось. Богъ знаетъ*)! Вѣльгорскій, какъ баричъ и по воспитанію благородный человѣкъ, но ни на одну каплю не хозяинъ, никакого нѣтъ сомнѣнія самъ не бралъ, а у него изъ подъ носу крали другіе. Кто эти другіе, мнѣ неизвѣстно: но совѣстно читать, стыдно, горько и обидно видѣть подобную нелѣпую опись, и знать, что подъ видомъ „пользы раненыхъ“, нажились

*) Въ 1855—1857 годахъ, когда вся Россія волновалась слухами о покражахъ въ Крыму, графиня А. Д. Блудова такъ умирала мое негодованіе: Сходите въ Имп. Публичную Библиотечку; тамъ сберегаются листы газеты: Times. Можете прочитать, какъ у Англичанъ воровались даже пушки, назначенныя для отправки въ Севастополь. П. Б.

воры и подлецы, конечно здоровые, и уморили тѣмъ не одного страдальца раненаго. Если бы всѣ исчисленныя вещи и продукты пошли бы бѣднымъ и несчастнымъ раненымъ, сколько бы изъ нихъ не умерло! Особенно напр. „клюквенный экстрактъ“, когда горло перегоритъ въ горячкѣ и гангренѣ; чай, если есть, и тотъ кажется хуже помоевъ; а 125 бочекъ клюквеннаго экстракта принесли бы большую пользу!! Я и всѣ офицеры со мною *ни одной капли* не получали этого экстракта, хотя онъ въ лавкахъ продавался по 1½ и по 2 руб. сер.

Помѣщены ничего не значащія итоги темные и неопредѣленные, названныя весьма странно: „отчетомъ“. Что же въ нихъ „отчетливаго“? Напр. „Изъ полученныхъ нынѣ отчетовъ видно, (кому это видно?), что по 1-е Января 1856 г. произведены слѣдующіе расходы:

1) Роздано денежныхъ пособій.

а) „Раненымъ“:

	руб.	коп.
„974 Штабъ и оберъ, офицерамъ:	75421	— 90 сер.
„493 юнкерамъ и подпрапорщикамъ:	8703	— 75 сер.
„Нижнимъ чинамъ:	42437	— 80 сер.
	<u>126564</u>	р. 45 коп.

Ничего не сказано: когда, кому, сколько?!

б) Плѣннымъ:

(Также безъ обозначенія: когда, кому именно, и сколько)	руб.	коп.
	138396	— 84

2) На улучшение быта раненыхъ въ госпиталяхъ

„Отпущено въ распоряженіе доктора Пирогова“ 3000 руб. сер.

Употреблено на покупку медикаментовъ и Ждановской жидкости 629 руб. сер.

Кому покупали медикаменты и кто изъ раненыхъ знаетъ, какъ пахнетъ неизвѣстная въ Симферопольскомъ госпиталѣ эта жидкость?!

На покупку сахара, чаю, кофе, водки и табаку 7757 р. 89 к. сер.

Для кого это? Всѣ офицеры покупали на свои деньги сахаръ, чай, водку и табакъ; я даже помню, какъ сердобольная старушка сбирала разъ деньги на чай одному больному бѣдному офицеру.

„На заготовленіе костылей“. 613 руб. 5 коп. сер.

Костыли всё офицеры покупали на свои деньги.

На разные предметы по госпиталямъ 3400 руб. 76 коп. сер.

(Это за чѣмъ и кому??!)

Итого: „На улучшение быта раненыхъ въ госпиталяхъ употреблено“ 16,176 руб. 70 коп. сер.

И это: „отчеты!!“

„Какъ много благородныхъ словъ...“

А дѣлъ не видно благородныхъ!!..“

Вотъ отрывокъ изъ моего письма помѣщеннаго въ „Р. Инвалидъ“ (№ 117): „Въ три недѣли, изъ *сти* саперъ моей роты, находившейся на 5-мъ отдѣленіи, во время бомбардировокъ непріятеля днемъ и ночью, производившихся съ крайнимъ ожесточеніемъ, убито бомбами 27 саперъ; ранено осколками и пулями 37; контужено по два и по три раза осколками бомбъ и камней 26. Остальные 10 человѣкъ, во время штурма 27-го Августа, очищали ровъ и вѣроятно убиты вдругъ наступившимъ непріятелемъ, который бросался изъ траншеи, находившейся впереди нашего 2-го бастиона, всего въ 25 саженьяхъ.“

Слѣдовательно мнѣ есть для кого хлопотать, чтобы не ходили по міру и не „пресмыкались въ нищетѣ“. Я уже и дѣйствую для нихъ. Къ этому подала удобный случай слѣдующая переписка. По командѣ мнѣ объявлено 6-го Ноября 1856 г., что „главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ представилъ Его Императорскому Высочеству генералъ-инспектору по инженерной части, представилъ (составленныя мною) записки о сверленіи и заряданіи цилиндровъ въ камняхъ и деревьяхъ. Его Императорское Высочество, находя этотъ трудъ подполковника Лебедева весьма похвальнымъ и заслуживающимъ одобренія, изволилъ приказать изъявить ему за оный благодарность Его Высочества и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить, что ему угодно было бы сдѣлать съ означенными записками?“ Почему я и просилъ, если можно, то издать записки въ пользу изувѣченныхъ, раненыхъ саперъ, поименованныхъ въ приложенныхъ спискахъ. Въ случаѣ же смерти кого либо изъ сихъ саперъ, въ пользу родственниковъ, подъ расписку получателей, засвидѣтельствованную двумя свидѣтелями, находившимися при выдачѣ денегъ и пр.

Редакторъ газеты „Инвадидъ“ увѣряетъ „что Комитетъ не можетъ дѣйствовать вопреки закону; дѣла въ немъ идутъ быстро, и замедленія

въ отвѣтахъ происходятъ отъ несоблюденія просящими законныхъ формъ. Знаю, что это прискорбно для страждущихъ, но что же оградить неприкосновенность капиталовъ и назначеніе пособій сообразно со степенью раны, если не строгое соблюденіе всѣхъ постановленій? Съ этимъ во многомъ нельзя согласиться. Что „Комитетъ не можетъ дѣйствовать вопреки закону“, это очевидно. „Дѣла въ немъ идутъ скоро“, это по вашему ошибочному мнѣнію, а вы не ранены, въ довольствѣ и обеспечены; а по мѣому дѣла въ Комитетѣ идутъ нестерпимо долго: ибо онъ не имѣетъ искры участія къ раненымъ, хотя и называется „покровительствующимъ раненымъ“. Участіе этого онъ ничѣмъ не обнаружилъ, хотя могъ бы милліоны разъ это сдѣлать, имѣя въ полномъ своемъ распоряженіи газету „Русскій Инвалидъ“. Чтò стоило Комитету этому, два-три года тому назадъ и теперь, напечатать въ „Русскомъ Инвалидѣ“ всѣ тѣ статьи закона, кои окончательно утверждаются всякій о раненыхъ документъ, и изложить всѣ способы къ ускоренію разрѣшенія Комитетомъ пенсій, и т. п. образомъ выразить свою о раненыхъ заботливость или напомнить кому-либо и отъ себя и чрезъ газету „Русскій Инвалидъ“ о высылкѣ такого-то удостовѣренія: короче „проявлять свое покровительство раненымъ“ никто не мѣшалъ Комитету. Но ничего подобнаго не случилось, ибо подобныя объявленія раненымъ объ ускореніи разрѣшенія имъ пенсій могутъ быть сдѣланы людьми, у коихъ сердце не изъ булыжника, а есть къ раненымъ сочувствіе и участіе. Комитетъ занимается „очисткою“ бумагъ, а не скорымъ исполненіемъ дѣлъ, т. е. разрѣшеніемъ пенсій безъ малѣйшей проволочки. Равнодушіе.—или, лучше сказать, твердость желѣза,—видно въ словахъ вашихъ: „знаю, что это (замедленіе раненымъ отвѣтовъ изъ Комитета, см. стр. 40), „прискорбно для страждущихъ!“ Только!? Только „прискорбно“? Не болѣе? Не прискорбно, а это пахнетъ смертью, милостивый государь мой. Не всякому вполне понятно, особливо здоровому и обеспеченному въ средствахъ человѣку, чтò значить нужда со всѣми ея принадлежностями, и еще зимою, безъ средствъ къ самой скудной жизни. Но вы можете себя составить хотя сколько нибудь близкую къ истинѣ идею: чтò долженъ вытерпѣть, никому того не обнаруживая, послѣ долгой, боевой службы раненый, съ незаживающими, требующими леченія ранами?

Ограждайте законностію капиталы, непременно ограждайте; но отвѣчайте и дѣйствуйте съ огнемъ усердія, а не молчаніемъ и одною „очисткою бумагъ“.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ циркулярно начальникамъ губерній, отъ 14 Мая 1855 г., „что исполненіе служебнаго долга

состоить не въ посылкѣ бумагъ, а въ существенномъ исполненіи дѣлъ“. И по сему кромѣ „отписки бумагъ“, слѣдуетъ стремиться не къ очищенію, но къ существенному исполненію дѣлъ.

Меньше денегъ на лицо безъ пользы—меньше и покушенія. Политковскій уже однажды показалъ на себѣ всю силу этого искушенія, промотавъ большую сумму (въпослѣдствіи г. Яковлевымъ пополненную) изъ капитала инвалиднаго*). Я хочу здѣсь сказать, что тяжкій грѣхъ допускать солдатъ нищенствовать, нимало ничѣмъ ихъ не обезпечивая, послѣ той непонятной ни для кого изъ Европейцевъ трудовой жизни, въ которой 25 лѣтъ солдатъ, храбрый и стойкій, преданный и терпѣливый, былъ всегда выше солдата Австрійскаго, Англійскаго, а не могъ, по немѣнью средствъ, получать напр. какъ солдатъ Англійскій въ Крыму: „по десяти шиллинговъ или рубль серебра въ день; кофе, портеръ, вино, сахаръ, ромъ, говядину, одѣяло, матрацъ, фуфайку“, какъ сказывали о томъ въ 1856 г. лѣтомъ въ Севастополѣ Англичане брату Владимиру Семеновичу, а напротивъ солдатъ нашъ довольствуется весьма малымъ, и только подсмѣивается тихонько въ тоскѣ своей. Такъ напр. онъ насмѣшливо поетъ, что получаетъ

По три денежки въ день,
Куды хочешь, туда день!

Припѣвъ въ этой пѣснѣ:

Ой, калина, ой малина.
Купи мыла, купи клею,
Побѣлить-бы портупею.
Теперь аммуниція черная, слѣд.
Купи мыла, купи сажи
Почернить бы патронганы и т. п.
Купи мыла, купи сала,
Да и вышить чтобы стало.

Мало средствъ на улучшеніе быта солдатъ: но за то весьма много небреженія о нихъ у частныхъ начальниковъ, вмѣсто попечительности и заботливости.

Въ повѣсти: Рубка лѣсу, рассказъ юнкера графа Л. Н. Толстого, „изъ ученыхъ“ солдатъ, артиллеристъ насмѣшливо-простодушнаго гово-

*) Напомнимъ читателю, что Государь Николай Павловичъ заболѣлъ съ горя, когда раскрылось воровство Политковскаго. Онъ тогда воскликнулъ: „Рылѣевъ съ братьею конечно мнѣ этого не сдѣлали бы“ (см. нашъ Сборникъ „Девятнадцатый Вѣкъ“ кн. 1-я). Изъ за этого показанія сборникъ былъ задержанъ, но Государь Александръ Николаевичъ приказалъ выпустить его въ свѣтъ. П. Б.

рить про свое житье: „Я говорю: живемъ хорошо, милый человекъ; провиантъ сполна получаемъ; утро и вечеръ „по чашкѣ *щиколата* идетъ на солдата; а въ обѣдъ идетъ господскій *супъ* изъ перловыхъ *крутъ*; а замѣстъ водки *модера* полагается по крынкѣ. Модера диверье, что безъ посуды, моля, сорокъ двѣ!“

Имянно: *Модера дивирье*, хотя этой фразы не слышалъ я у солдатъ: она не солдатская, но кстати.

Хорошо также видно состояніе солдата въ извѣстной на Кавказѣ пѣснѣ:

„Ну вотъ, вспомните ребята.
Какъ стояли въ Зеренѣхъ“.

Пѣсня эта, говорятъ, сочинена генераломъ Пассекомъ; но ее солдаты еще лучше и вѣрнѣе Пассека дополнили по своему:

Вотъ Кавказскіе солдаты
Ходятъ объ руку съ нуждой,
Завсегда горемъ богаты.
Его носить за спиной!

Голосъ этой пѣсни протяжный и заунывный.

Севастопольскій громъ прогремѣлъ какъ звучное слово Верховнаго Міроправителя. Пора вспомнить Всемогущаго Бога, завѣщавшаго любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ. А между тѣмъ сколько людей утопаютъ въ избыткахъ, и они, съ затекшимъ отъ жира сердцемъ, ничего не видятъ кромѣ „комфорта“ жизни, жены, ея нарядовъ дѣтей, экипажей, оперы, и проч. удовольствій!..

Въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1856 г., Май, книжка 1-я напечатано прекрасное стихотвореніе „Благотворитель“, какъ вѣрное изображеніе что значить „въ пользу бѣдныхъ“ дѣлать благотворенія.

Благотворитель *)).

Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лотерей
Весь годъ я тѣшилъ въ пользу бѣдныхъ
Себя, жену и дочерей.
Для братьевъ сирыхъ и убогихъ
Я вовсе выбился изъ силъ;

*) Сочинилъ Николай Филипповичъ Павловъ. П. Б.

Я танцоваль для хромоногихъ,
 Я для голодныхъ ѣлъ и пилъ.
 Рядился я для обнаженныхъ,
 Для нищихъ сдѣлался купцомъ,
 Для погорѣвшихъ, разоренныхъ
 Отдѣлалъ за-ново свой домъ.
 Моихъ малютокъ милыхъ кучу
 Я человѣчеству обречь:
 Плясала Машенька качучу.
 Дивила полькою Сашокъ.
 Къ несчастнымъ дѣтямъ безъ пріюта
 Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
 Запомгла моя Анята
 Съ базарныхъ фруктовъ и конфетъ.
 Я для слѣпыхъ пошелъ въ картины
 И отличался какъ актёръ,
 Я для глухихъ пѣлъ каватинны,
 Я для калѣкъ катался съ горъ.
 Вѣдь мы не варвары, не Турки:
 Кто слезы отереть не радъ?
 Ну какъ не проплясать мазурки,
 Когда страдаетъ меньшій братъ?
 Во всемъ прогрессъ по волѣ неба *)
 Законъ развитія во всемъ.
 Людей безъ крова и безъ хлѣба
 Все больше будетъ съ каждымъ днемъ.
 И съ большей жаждой дѣлать прекрасныхъ
 Пойду, храня священный жаръ,
 Опять на все я за несчастныхъ,
 На балъ, на рауть, на базаръ!

*) Это безъ сомнѣнія насмѣшка надъ людьми, кои, говоря о прогрессѣ, о развитіи, на дѣлѣ того ни мало не осуществляютъ, довольствуясь разговорами и проэктами. Авторъ сочувствуетъ несчастнымъ и смѣется надъ фразерами-благодѣтелями, думающими только о себѣ самихъ: „богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ“. П. Б.

Переписка В. А. Жуковского съ принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ о Кирѣевскомъ.

Критикъ, мыслитель и извѣстный писатель, славянофилъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій родился 22 Марта 1806 г. Принадлежалъ онъ къ числу образованнѣйшихъ Русскихъ людей первой половины XIX в. и оставилъ послѣ себя рядъ замѣчательныхъ статей, собранныхъ и изданныхъ уже послѣ его смерти въ Москвѣ, въ 1861 году, въ 2 томахъ. Отъ брака съ Натальей Петровной Арбеновой онъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей, старшій изъ которыхъ Василій родился въ 1835 году.

Воспитаніе его очень озабочивало родителей. Иванъ Васильевичъ остановился на мысли помѣстить его въ Императорскій Александровскій Лицей, признавая это учебное заведеніе надежнѣйшимъ мѣстомъ для хорошаго нравственнаго и ученаго образованія. Онъ желалъ опредѣлить сына на казенное содержаніе и обратился за содѣйствіемъ къ своему свойственнику и другу В. А. Жуковскому, который письмомъ 31 Марта 1849 г. передалъ его ходатайство попечителю Лицея Принцу П. Г. Ольденбургскому. Однако опредѣлить молодого Кирѣевскаго въ Лицей на казенный счетъ оказалось невозможнымъ въ силу правилъ дѣйствоваваго тогда устава Лицея¹⁾, почему онъ на 1849/50 уч. годъ помѣщенъ былъ въ пансіонъ Ф. В. Гроздова, специально подготавливаваго кандидатовъ къ поступленію въ Лицей, куда и былъ онъ принятъ въ Іюні 1850 года своекоштнымъ воспитанникомъ XXI курса. Объ отроческихъ годахъ В. И. Кирѣевскаго встрѣчается нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній въ Дневникѣ Елисаветы Ивановны Поповой²⁾. Она была дочь Ив. Вас. Попова, типографа, издателя извѣстной въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. фирмы „Люби, Гари и Поповъ“. По словамъ издателя ея дневника „она была тѣсно связана съ семьею Елагинныхъ и Кирѣевскихъ, постоянно видалась съ Аксаковыми, Хомяковыми и Свербеевыми, была вся проникнута интересами Славянофильскихъ кружковъ сороковыхъ годовъ“. Не выйдя замужъ, она достигла глубокой старости и умерла въ Москвѣ въ 1876 году.

Приводимъ выдержки изъ ея Дневника:

¹⁾ Подлинное письмо Жуковского и отпускъ съ письма Принца хранятся въ архивѣ Лицея, въ дѣлѣ о приемѣ воспитанниковъ въ 1850 году.

²⁾ Изданъ въ Москвѣ въ 1911 году.

7 Мая 1849 г. Кирьевскіе нынче утромъ поѣхали съ сыномъ въ Троицкую Лавру; по возвращеніи оттуда повезутъ его въ Петербургскій Лицей.

18 Мая. Кирьевскіе уѣхали въ Петербургъ. Они грустятъ, отдаляя отъ себя сына, чтобы впослѣдствіи уготовать путь ему къ блестящей будущности. И раздѣляю печаль ихъ, но, сверхъ того, боюсь Петербурга: „тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрїи“¹⁾, и, что еще хуже, во всякомъ развратѣ.

11 Юня 1850 г. Иванъ Васильевичъ (Кирьевскій) прїѣхалъ сюда изъ Петербурга съ своимъ любезнымъ сыномъ. Послѣдній выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ Лицей.

20 Юля. Вечеръ, 10 часовъ. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ Кирьевскій прїѣхалъ сюда²⁾ съ своимъ сыномъ, безъ жены. Она осталась въ деревнѣ....

24 Юля. Я проводила Васиньку въ Петербургъ.

Блестящая будущность, путь къ которой думали уготовать Кирьевскому, далеко не была достигнута. По отзыву многихъ изъ его товарищей, онъ поступилъ въ Лицей мальчикомъ религіознымъ, хорошо подготовленнымъ, близко знакомымъ съ языками Французскимъ, Нѣмецкимъ и Англійскимъ, а Латинскій языкъ зналъ лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Сверхъ того, онъ порядочно рисовалъ и игралъ на фортепіано. Однако въ теченіе шестилѣтняго (1850—1856) пребыванія въ Лицеѣ онъ никакъ не желалъ подчиниться обязательности школьныхъ занятій. Во время уроковъ въ младшемъ курсѣ и лекцій въ старшемъ онъ никогда не слушалъ преподавателей и профессоровъ, а либо читалъ постороннюю книгу, либо рисовалъ, либо рѣшалъ шахматныя задачи, либо же, наконецъ, мечталъ. Результатомъ подобнаго отношенія къ ученію была его малоуспѣшность, не смотря на то, что отъ природы онъ былъ не лишень способностей и дарованія. Кое-какъ переходилъ онъ изъ класса въ классъ и въ Юнѣ 1856 года былъ выпущенъ изъ Лицея съ чиномъ губернскаго секретаря, послѣднимъ изъ двадцати семи воспитанниковъ XXI курса.

Въ Лицеѣ онъ пытался писать стихи, образцомъ которыхъ можетъ служить привѣтствіе товарищамъ въ день выпускнаго акта 4 Юня 1856 года, напечатанное въ Памятной Книжкѣ Лицея на 1856/1857 г.

Оставивъ Лицей, Кирьевскій поступилъ въ Измайловскій полкъ, но прослужилъ въ немъ недолго. Онъ получилъ послѣ смерти отца, скончавшагося 11 Юня 1856 года, порядочное наслѣдство, уѣхалъ за границу, гдѣ прожилъ не менѣе 15 лѣтъ, странствуя преимущественно по Италіи. Вернувшись въ Петербургъ, онъ пытался пристроиться къ какому-нибудь дѣлу; но это ему рѣшительно не удавалось. Наскучивъ бездѣльемъ, Кирьевскій въ 1877 году отправился въ Черногорію, гдѣ и поступилъ волонтеромъ въ армію, дѣйстви-

¹⁾ Слова эти взяты въ ковычки самою Е. П. Поповою; они заимствованы изъ „Горе отъ ума“.

²⁾ Т. е. въ Москву.

вавшую противъ Турокъ. Въ это время командированы были въ Черногорію служившіи въ Министерствѣ Финансовъ товарищъ Кирѣвскаго по XXI курсу А. А. Рихтеръ¹⁾ и служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ лицеистъ XIX курса баронъ А. Е. Врангель²⁾. Оба они имѣли порученіе закупить и доставить въ Цетинье хлѣбъ для снабженія Черногорцевъ и бѣжавшихъ въ Черногорію Герцеговинцевъ. Баронъ Врангель въ воспоминаніяхъ своихъ о пребываніи въ Черногоріи говоритъ, что въ самомъ началѣ 1878 года „насъ часто посѣщаль здѣсь Русскій доброволецъ Кирѣвскій, товарищъ по Лицею Рихтера—пре-странная, оригинальная, безобидная личность. Всякій разъ, видя его, я спрашивалъ себя, съ какой стати такіе любители всякихъ приключеній идутъ воевать? А сколько такихъ оригиналовъ шло тогда въ Сербію и Черногорію и какъ надъ ними зло трунили Черногорцы! Кирѣвскій всегда былъ влюбленъ въ какую-нибудь Черногорку и распѣвалъ ей на гитарѣ по вечерамъ подъ окномъ серенады. Этихъ иѣжностей Черногорцы не знаютъ и удивлялись имъ“³⁾.

Въ томъ же году В. И. Кирѣвскій вернулся въ Петербургъ.

Д. Кобено.

КЪ ПРИНЦУ ПЕТРУ ГЕОРГІЕВИЧУ.

І. Письмо В. А. Жуковскому.

Милостивѣйшій государь.

Ваше Императорское Высочество всегда оказывали мнѣ благо-склонность. Это даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ съ покорнѣй-шею просьбою, на которую благоволите обратить милостивое вниманіе.

Вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба. Я имѣю родственника, близкаго мнѣ не по одному родству, но и по сердцу. Это Кирѣвскій (какой онъ чинъ имѣеть, не знаю), дворянинъ, помѣщикъ въ Тульской губерніи. Онъ отецъ пятерыхъ дѣтей и при весьма ограниченномъ состояніи употребляетъ главныя издержки свои на ихъ доброе, домашнее воспитаніе. Старшій сынъ достигнулъ тѣхъ лѣтъ, въ которыя нужно домашнее воспитаніе замѣнить публичнымъ. Онъ желаетъ помѣстить своего сына въ Императорскій Лицей, который, ввѣренный просвѣщенному покровительству Вашего Императорскаго Высочества,

¹⁾ Извѣстенъ заслугами по крестьянскому дѣлу, первоначально въ должности мирового посредника перваго призыва въ Самарской губ., а впоследствии въ должности директора департамента окладныхъ сборовъ. Умеръ въ 1898 году въ должности члена Совѣта министра финансовъ.

²⁾ Впоследствии былъ посланникомъ при Саксонскомъ и Брауншвейгскомъ дво-рахъ, нынѣ въ отставкѣ.

³⁾ „Новое Время“ 1911 г. Иллюстрированное приложеніе къ № 12666, стр. 7.

кажется ему самымъ надежнѣйшимъ мѣстомъ для хорошаго нравственнаго и ученаго образованія.

Принося Вашему Императорскому Высочеству просьбу мою о соизволеніи на принятіе Кирѣвскаго въ Лицей, я долженъ обратить Ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Приемъ въ Лицей будетъ только въ будущемъ 1850 году въ Іюнь мѣсяцѣ; тогда Кирѣвскому будетъ 15 лѣтъ и 3 мѣсяца, то есть онъ будетъ *девятью* мѣсяцами старѣе того возраста, въ который принимаются воспитаники въ 4-й или низшій классъ Лицея; въ третій же классъ будетъ ему вступить еще невозможно: ибо, не привыкнувъ къ способу общественнаго ученія, онъ отсталъ бы отъ товарищей, и въ его образованіи произошелъ бы скачокъ, вредный для цѣлости образованія. Могу ли просить и надѣяться, что Ваше Императорское Высочество, снисходя на мою покорнѣйшую просьбу, согласитесь *вычеркнуть* эти лишніе девять мѣсяцевъ изъ молодой жизни моего родственника? Вы окажете не однимъ его родителямъ, но и мнѣ истинное благодѣяніе. Я еще не имѣлъ случая ни о чемъ просить Васъ; теперь мнѣ стукнуло 66 лѣтъ. Не откажите старику Жуковскому въ большой радости присоединить къ тому сердечному уваженію, которое такъ давно имѣетъ къ Вашему благородному характеру, и чувство личной къ Вамъ благодарности. Вънцемъ этаго благотворенія, о которомъ прошу Ваше Высочество, было бы то, когда бы нашлась возможность помѣстить Кирѣвскаго на *казенный счетъ*: родители его имѣютъ весьма, весьма ограниченное состояніе; а я ходатайствую за сына ихъ, какъ за своего собственнаго. При этомъ долженъ сказать Вашему Высочеству, что у меня дѣйствительно есть уже *собственный* сынъ; быть можетъ, случится мнѣ просить васъ и за него; но всего вѣроятнѣе, что, если въ этомъ будетъ надобность, это сдѣлано будетъ *безъ меня* и послужитъ только *воспоминаніемъ* обо мнѣ. Пока прошу за живо и еще не о своемъ сынѣ, и смѣю думать, что Ваше Высочество приметъ милостиво просьбу мою.

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье встрѣтить Ваше Высочество въ Висбаденѣ, Германія перевернулась вверхъ дномъ. Загнанный холерою и болѣзнію жены моей въ Баденъ-Баденъ, я провелъ тамъ прошлую зиму въ совершенномъ отчужденіи отъ всѣхъ внѣшнихъ тревогъ политическихъ; мое уединеніе было такъ ненарушимо, что я имѣлъ возможность перевести послѣднюю половину Одиссеи; XIII—XXIII пѣсней кончены, XXIV-ю надѣюсь на сихъ дняхъ кончить. Говорю Вамъ объ этомъ потому, что Вы любите древнихъ и особенно покровительствуете гекзаметръ. Когда кончится печатаніе моего послѣдняго изданія моихъ сочиненій (печатаемыхъ въ Карlsru). въ томъ

числѣ и Одиссеи, я позволю себѣ представить экземпляръ ихъ Вашему Высочеству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга В. Жуковскій.

1849. 31 Марта (12 Апрѣля).

Bade-Bade. Maison Kleinmann am Graben.

II. Отвѣтъ Принца П. Г. Ольденбургскаго В. А. Жуковскому.

Милостивый государь Василій Андреевичъ.

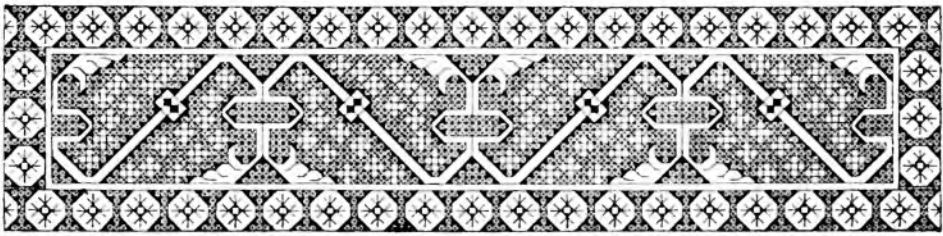
Душевно радъ, что нашлось обстоятельство, которое понудило Васъ обратиться ко мнѣ, и, получивши Ваше письмо, въ которомъ Вы просите о родственникѣ Вашемъ, Кирѣевскомъ, я съ удовольствіемъ сдѣлалъ все зависящія отъ меня распоряженія. Къ поступленію Кирѣевскаго въ Лицей, какъ видно изъ письма Вашего, представляются два затрудненія: изъ нихъ излишекъ возраста можно, по вашему ходатайству, не считать препятствіемъ къ принятію его въ Лицей, тѣмъ болѣе, что отзывъ вашъ заставляетъ меня надѣяться, что оказанное ему снисхожденіе не будетъ безплодно. О принятіи его на казенный счетъ я долженъ сказать Вамъ, что оно возможно только въ томъ случаѣ, если отецъ его имѣетъ чинъ генералъ-майора или гражданскій не ниже четвертаго класса; но и въ этомъ случаѣ необходимо разрѣшеніе Государя Императора.

Благодарю Васъ за обѣщанный мнѣ экземпляръ новыхъ сочиненій Вашихъ и раздѣляю радость просвѣщенныхъ любителей Русскаго слова о томъ, что Вы не перестаете дарить насъ прекрасными произведеніями Вашего пера.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ уваженіи.

(Подписано) Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Замѣтки о письмахъ Пушкина и о разночтеніяхъ въ его стихахъ.

„Русскій Библіофилъ“ напечаталъ въ прошедшемъ году нѣсколько автографовъ Пушкина, хранящихся въ Тургеневскомъ архивѣ, который переданъ покойнымъ П. П. Тургеневымъ въ Академію Наукъ. По поводу нѣкоторыхъ писемъ и записокъ Пушкина, а также разночтеній „Надписи къ портрету Жуковскаго“, намъ представляется нелишнимъ привести нѣсколько замѣчавій и разъясненій.

I. Время, когда написано письмо къ князю П. А. Вяземскому, приуроченное къ Сентябрю 1831 г. (№ 7), съ значительной вѣроятностью можно опредѣлить точнѣе. „Сей часъ ѣду изъ Ц. С. въ П.б., мебели твои оставлены мною здѣсь“, пишетъ Пушкинъ. Значить, эти строки написаны передъ самымъ переѣздомъ Пушкина съ дачи въ городъ, что произошло въ Октябрѣ. 21-мъ Октября въ Петербургѣ помѣчено письмо его къ С. С. Уварову, а 22-го Пушкинъ писалъ Нащокину¹⁾: „вотъ я въ П.б., гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Ниши мнѣ: на Галерной въ домѣ Брискорнтъ“. 23-го сестра поэта О. С. Павлицева, жившая тогда въ Петербургѣ, писала мужу, что Пушкины, по возвращеніи въ городъ, „ne sont pas tout-à-fait installés encore; à leur arrivée ils ont pris une maison, qui a fini par leur déplaire, et ils ont trouvé une autre à la Galerna“²⁾. Такимъ образомъ, 22—23 Октября молодые супруги еще не устроились какъ слѣдуетъ на своей новой квартирѣ въ Галерной улицѣ, быть можетъ проведя нѣсколько дней въ другой квартирѣ, очевидно, той самой, адресъ которой Пушкинъ сообщаетъ Вяземскому: „у Измайловскаго мосту, на Воскресенской“³⁾ улицѣ, въ домѣ Берникова“. Когда же переѣхалъ Пушкинъ въ Петербургъ? П. И. Миллеръ, встрѣчавшійся въ то время съ нимъ, указываетъ неопредѣленно, что въ концѣ Октября⁴⁾; это не-

¹⁾ Письма Пушкина приводятся по Академическому изданію, В. П. Саитова.

²⁾ „Пушкинъ и его современники“, XV, 101. Въ полуфантастическихъ „Воспоминаніяхъ“ Л. Н. Павлицева (стр. 263) оно невѣрно помѣчено 2 Ноября.

³⁾ Здѣсь, конечно, ошибка: вмѣсто Вознесенской улицы (т. е. Вознесенскаго проспекта).

⁴⁾ „Русс. Архивъ“ 1902 г., III, 235.

вѣрно, потому что, какъ мы уже видѣли, 21 Октября Пушкинъ писалъ изъ Петербурга Уварову. П. В. Анненковъ⁵⁾ говоритъ, что „22-го числа Пушкинъ покинулъ Царское Село и переѣхалъ въ Петербургъ“, но и это, конечно, невѣрно. Едва-ли Пушкинъ сталъ бы во время хлопотъ, вызванныхъ переѣздомъ съ дачи и мѣной квартиры въ городѣ, отвѣчать Уварову; написалъ онъ ему, конечно, тогда, когда очутился во второй квартирѣ, на Галерной улицѣ. 7 Октября онъ писалъ Нащокину изъ Царскаго и не только ничего не говорилъ о переѣздѣ въ городъ, но просилъ своего друга писать на имя Ольги Сергѣевны. „Я слышу [Изыковъ] съ Кирѣевскимъ затѣваютъ журналъ“, говоритъ Пушкинъ. Кирѣевскій написалъ Пушкину о своемъ „Европейцѣ“ въ концѣ Октября, но Пушкинъ уже зналъ о новомъ журналѣ отъ Жуковского, которому Кирѣевскій писалъ изъ Москвы: „Мой журналъ заставитъ больше писать Боратынскаго и Изыкова, которые обѣщали мнѣ дѣятельное участіе“⁶⁾. Это письмо помѣчено въ Московскомъ почтамтѣ 6 Октября; значитъ, получено Жуковскимъ и могло стать извѣстно Пушкину не ранѣе 10-го числа. Въ протоколѣ празднованія лицейской годовщины, состоявшагося въ 1831 г., какъ всегда, 19 Октября, сказано⁷⁾: „Пушкинъ не былъ потому только, что не нашелъ квартиры“ (Яковлева, у котораго собрались первокурсные). Значитъ, Пушкинъ былъ 19 Октября въ Петербургѣ. „Повѣсти мои печатаютъ“, пишетъ Пушкинъ („Повѣсти Бѣлкина“). „Повѣсти мои напечатаны“, пишетъ Пушкинъ Нащокину 22-го числа. 28 Октября Д. Н. Блудовъ писалъ своей семьѣ: „посылаю вамъ вновь вышедшее собраніе повѣстей Пушкина; я не читалъ его, получивъ только вчера“⁸⁾. „Дворъ у васъ“, говоритъ Пушкинъ князю Вяземскому, бывшему тогда въ Москвѣ. „Что-то Москва? Какъ вы приняли Государя?“ спрашивалъ Пушкинъ Нащокина въ письмѣ 22 Октября. Царь пріѣхалъ въ Москву 12 Октября, а 15-го пріѣхала государыня, и начались балы и праздники⁹⁾. По всему этому новоизданное письмо Пушкина къ князю Вяземскому¹⁰⁾ нужно считать написаннымъ въ день переѣзда изъ Царскаго Села въ Петербургъ, приблизительно между 15 и 19 Октября.

II. Записку къ А. И. Тургеневу, помѣченную № 9, лучше означить менѣе опредѣленно, 1834—1837 г.г., такъ какъ для пріуроченія ея именно къ 1834 году содержаніе ея не даетъ основаній.

III. Записка къ князю Вяземскому (№ 11) правильно означена 1836 годомъ, но невѣрно отнесена къ началу Апрѣля. Въ примѣчаніяхъ къ ней

⁵⁾ „Матеріалы для біографіи П—на“, изд. 2-ое, стр. 312.

⁶⁾ „Русс. Арх.“ 1909 г., I, 591—592; Полн. собр. сочин. П. В. Кирѣевскаго, ред. М. Гершензона, II, 224.

⁷⁾ „П—нъ и его современники“, XIII, 51.

⁸⁾ „Русс. Арх.“ 1875 г., I, 152.

⁹⁾ Тамъ же, 148, 150.

¹⁰⁾ Оно напечатано въ „Русс. Библіофилъ“ неточно. Напримѣръ, Пушкинъ жалуется, что Косичкинъ „принужденъ былъ пріютиться въ Гелеконъ“ (sic!). Несомнѣнно, въ подлинникѣ нѣтъ никакого „Гелекона“, а есть „Телескопъ“.

справедливо указано, что въ ней говорится о цензурованіи первой книги „Современника“. Но въ началѣ Апрѣля книга уже вышла въ свѣтъ¹⁾, съ цензурнымъ дозволеніемъ отъ 31 Марта. Пушкинъ пишетъ, что „сей часъ начинается печатать“ статью князя П. Б. Козловскаго; значитъ, это было задолго до выхода книги. Далѣе онъ сообщаетъ о расправѣ цензуры съ „Хроникою Русскаго“, А. И. Тургенева. 23 Января Вяземскій писалъ Тургеневу: „Изъ записки ко мнѣ Пушкина увидишь ты, что цензура тебя съчтетъ и рубить“²⁾; очевидно, Вяземскій при этомъ письмѣ послалъ Тургеневу записку Пушкина, которая и осталась въ Тургеневскомъ архивѣ и теперь обнародована³⁾. Такимъ образомъ устанавливается и время ея написанія, хотя не вполне точно. Дѣло въ томъ, что означеніе времени при письмѣ князя Вяземскаго къ Тургеневу въ „Остафьевскомъ Архивѣ“ представляется сомнительнымъ: письмо, помѣченное въ этомъ изданіи № 751, состоитъ изъ трехъ частей, „19 Января“, „24-го“ и „23-го“; но содержацію частей видно, что онѣ расположены въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ, и странно, что вторая часть означена позднѣе третьей. Здѣсь можно подозрѣвать опіску или опечатку, и записку Пушкина приходится означить приблизительно 19—24 Января 1836 г.

IV. Письмо Пушкина къ П. А. Осиповой (№ 12), судя по описанію и снимку (въ которомъ, впрочемъ, воспроизведено не все письмо), не имѣетъ въ подлинникѣ никакой помѣты. Въ перечнѣ документовъ Тургеневскаго архива оно помѣчено (стр. 9) 20 Декабря 1836 г., а надъ самымъ текстомъ иначе— 24 Декабря, при чемъ никакихъ основаній какъ для той, такъ и для другой даты не приведено. Однако, ни ту, ни другую нельзя признать вѣрною. Осипова отвѣчала Пушкину на это письмо въ день его полученія, 6 Января 1837 г.⁴⁾, а 9 Января писала ему опять: „je vs ai écrit, mon cher Александръ Сергѣичъ en reponse à vtr lettre du 22 de l'année passée que j'avois reçu le jour des 3 Rois“. Итакъ, Осипова 6 Января отвѣтила Пушкину на его письмо отъ 22 Декабря, на то самое письмо, которое теперь и появилось въ печати.

V. Указаніе (стр. 8. 10—11) на „исчезнувшія“ четыре рукописи Пушкина, которыхъ не оказалось въ 1910—1911 г.г. въ Тургеневскомъ архивѣ и слѣдовъ которыхъ не могли найти такіе знатоки, какъ П. Морозовъ, М. Лемке и П. Рейнботъ, объясняется тѣмъ, что всѣмъ участвовавшимъ въ этихъ поискахъ лицамъ неизвѣстенъ весьма рѣдкій и малодоступный источникъ— II-й выпускъ изданія „Пушкинъ и его современники“. Тамъ, на стр. 1—9, напечатано подробное описаніе этихъ рукописей, переданныхъ въ 1903 г.

¹⁾ 8 Апрѣля Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, что она выйдетъ 11 Апрѣля („Къ биографіи А. С. Пушкина“, вып. II, М., 1885, стр. 63; „Остафьевск. Арх.“, III, 312).

²⁾ „Остафьевск. Арх.“, III, 290.

³⁾ Въ примѣчаніяхъ къ „Остаф. Архиву“, III, 676, въ свое время было сказано, что эта записка не сохранилась.

⁴⁾ Оно напечатано В. И. Сантовымъ въ Академич. изд. переписки Пушкина, т. III, № 1128 (на это указано въ „Рѣчи“ с. г., № 264).

П. П. Тургеневымъ въ бібліотекѣ Академіи Наукъ¹⁾. Отсутствуетъ также справка, что послѣдній изъ нихъ (записка къ А. И. Тургеневу 26 Января 1837 г.) въ 1905 г. была напечатана П. А. Ефремовымъ²⁾.

VI. О „Надписи къ портрету Жуковскаго“ считаемъ нелишнимъ сообщить, что до сихъ поръ были извѣстны въ печати три ея чтенія. Одна, самая ранняя, появилась въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г., ч. III, № 7, стр. 24; другая въ сборникахъ стихотвореній Пушкина 1826 и 1829 г.г.; третью напечатала Н. И. Гречъ въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи Русской литературы“, С.-Пб., 1822, стр. 312, и такъ какъ до сихъ поръ она не обратила на себя ничьего вниманія, мы приводимъ ее вполнѣ. „Въ заключеніе характеристики (Жуковскаго) говоритъ Гречъ, „нельзя не привести тѣхъ стиховъ, которые написалъ Пѣвецъ Руслана и Людмилы къ портрету Жуковскаго. Въ этихъ пяти строкахъ, кажется, болѣе сказано о немъ, нежели мы нашли сказать на нѣсколькихъ страницахъ:

„Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время тѣнистую даль;
Услыша ихъ, воспламенится Младость,
Утѣшится безмолвная Печаль—
И рѣзвая задумается Радость.“

Близкое знакомство Греча съ обоими поэтами придаетъ значеніе этой редакціи; она, къ тому же, нѣсколько тщательнѣе редакціи „Благонамѣреннаго“, отъ которой выгодно отличается отсутствіемъ неловкаго „въ“ во второмъ стихѣ, болѣе удобнымъ расположеніемъ словъ въ четвертомъ (въ „Благонамѣренномъ“ было: „Безмолвная утѣшится печаль“) и пронисанными буквами въ словахъ: „Младость“, „Печаль“ и „Радость“, подчеркивающими художественную персонификацію этихъ абстракцій. Гречевская редакція близко подходит къ чтенію напечатанному съ автографа. Съ ними значительно сходится чтеніе, сообщенное по памяти престарѣлымъ поэтомъ А. И. Подолнскимъ³⁾, современникомъ Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ время тѣнистую даль,
Читая ихъ, воспламенится младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

„Безспорно“—находитъ Подолнскій—*время* выразительнѣе, чѣмъ *въ-ковъ*; *зависливая даль*—черезчуръ замысловато; и *вселя имъ влдоность о славу младость*—стихъ вялый, не Пушкинскій(?); *воспламенится* выражаетъ мысль несравненно поэтичнѣе и волиѣе, чѣмъ только вздохъ о славіи, да и

¹⁾ „Рѣчь“, тамъ же.

²⁾ Сочин. Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 594.

³⁾ „Русская Старина“ 1884, Апрѣль, 219—220.

самый вздохъ понятнѣе о прошломъ, чѣмъ о будущемъ. „Это сличеніе“, заключилъ Подолнскій „кажется, можетъ достаточно убѣдить, что стихи, приводимые мною, вѣрнѣе“—будто бы вѣрнѣе окончательной редакціи, которую (о чемъ забылъ Подолнскій) напечаталъ самъ Пушкинъ въ двухъ своихъ сборникахъ, и которую по всѣмъ соображеніямъ необходимо, какъ „самую настоящую“, предпочесть всѣмъ другимъ *). Въ числѣ послѣднихъ автографъ Тургеневскаго архива занимаетъ одно изъ промежуточныхъ мѣстъ, а именно между редакціей „Благонамѣреннаго“ и той, которую сообщилъ Гречъ.

Н. Лернеръ.

*) См. наши примѣчанія къ этой пьесѣ въ Сочин. П—на, изд. Венгерова, I, 476.

ПИСЬМО АННЫ ПЕТРОВНЫ ЗОНТАГЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ¹⁾.

Мишенское, 25-е Сентября 1853 года.

Ваше письмо, милостивый государь Петръ Ивановичъ, такъ смутило меня, что я долго не могла собраться съ мыслями и смотрѣла на себя какъ на изгнанницу изъ дорогого моего Мишенскаго. Конечно, мнѣ грустно, что оно не перейдетъ въ руки моей дочери ²⁾, но продать его... мнѣ кажется это какимъ-то преступленіемъ. Не говорю о томъ, что это единственный уголь, какой я имѣю; за деньги всегда найдешь себѣ уголь, но никакой другой не можетъ быть мнѣ такъ милъ. Если бы я могла передать Мишенское самому Жуковскому, я отдала бы его не за деньги, а за кусокъ хлѣба, которымъ бы онъ обязался кормить меня по смерть мою. Жуковскому Мишенское было бы столь же священо какъ и мнѣ самой, но дѣти его не имѣютъ причины любить этотъ святой для насъ уголокъ. Здѣсь схоронены предки мои, которыхъ я не знала, здѣсь схоронены: дѣдъ мой Аѳанасій Ивановичъ, бабка моя Марья Григорьевна Бунина (она была мнѣ вмѣсто матери); здѣсь схоронены отецъ мой, мать моя, тетва, сестра моя, которыхъ уже я знала—и мнѣ продавать кости ихъ!.. Сверхъ того въ Мишенскомъ каждое лице мнѣ знакомо; почти каждаго крестьянина и каждую крестьянку я знала по имени, и нѣтъ ни одного человѣка, которому бы я не дѣлала добра; всѣмъ имъ хорошо жить при мнѣ, слѣдственно

¹⁾ А. П. Зонтагъ, старшая дочь Варвары Аѳанасьевны (рожд. Буниной) и Петра Николаевича Юшковыхъ, овдовѣвъ послѣ Егора Ивановича Зонтага, проживала въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, которое было родиною Жуковского. Лѣтомъ 1853 года съѣздила я въ это село Мишенское подъ Вѣлевымъ, чтобы взглянуть на воспитаніе Жуковскимъ мѣсто его рожденія и первыхъ лѣтъ жизни. О красотѣ Мишенскаго написалъ я въ Петербургъ къ графинѣ А. Д. Блудовой, и та возымѣла мысль, чтобы Наслѣдникъ-Цесаревичъ приобрѣлъ это имѣніе и подарилъ его дѣтямъ своего наставника, которыя тогда привезены были своею матерью въ Москву. Объ этой мысли я написалъ владѣльницѣ Мишенскаго, и А. П. Зонтагъ, на него отвѣчала помѣщаемымъ здѣсь письмомъ. П. Б.

²⁾ Марья Егоровна Гутмансталь, которая жила со своимъ супругомъ (Австрійскимъ подданнымъ) и сыновьями за границею. П. Б.

всѣ они меня (за исключеніемъ, можетъ статья, двухъ-трехъ всего домовъ) любятъ, и я стану продавать эти христіанскія души, которыя называютъ меня матерью! При самомъ Жуковскомъ крестьянамъ Мишенскимъ было бы еще лучше нежели при мнѣ; не такъ будетъ при дѣтяхъ его. Пока они въ малолѣтствѣ, имѣніе ихъ достанется въ управленіе Лифляндскимъ дворянамъ или Лифляндскимъ управителямъ, которые крестьянъ вообще, а особливо Русскихъ крестьянъ, считаютъ рабочими скотами, сотворенными Господомъ Богомъ только для того, чтобы доставлять помѣщику доходъ. Несчастье бѣдныхъ моихъ крестьянъ и въ могилѣ не дастъ мнѣ покоя. Продать деревню противно моей совѣсти, а особливо продать Мишенское. Мнѣ скажутъ, что я уже продала маленькую Козельскую деревню генералу Скобелеву. Это правда. Я также продала семью дворовыхъ людей; но тогда имѣніемъ моимъ распоряжался мужъ мой, который лучше меня зналъ что дѣлать.

Конечно, казна не дастъ и половины того чего стоитъ мое имѣніе, послѣ моей смерти, и дочери моей достанется послѣ меня меньше, чѣмъ теперь, если бы я согласилась на предлагаемую продажу. Но дочь моя сама выбрала судьбу свою; я сказала ей все что она теряетъ. По крайней мѣрѣ я умру спокойно, думая, что крестьяне мои перейдутъ въ руки царскія, отъ которыхъ предки мои получили отчину въ награду за вѣрность ихъ отечеству. Дочь моя не сохранитъ этой вѣрности и потерпитъ ущербъ въ своихъ выгодахъ; это справедливо. Крестьяне же вообще довольно счастливы въ казенномъ управленіи, хотя со времени Киселевскаго министерства имъ хуже прежняго. Для Пашеньки¹⁾ Жуковскаго Мишенское не будетъ имѣть той цѣны, которую оно имѣло для отца его. Слѣдственно это имѣніе, или какое другое, для него все равно. И можетъ статья, имѣніе въ Остзейскихъ губерніяхъ было бы для него пріятнѣе. Его пріучаютъ быть Нѣмцемъ, и я боюсь, что онъ навсегда останется Нѣмцемъ²⁾.

Вотъ отчасти тѣ мысли, которыя мнѣ внушило ваше письмо.

Я хотѣла пріѣхать въ Москву въ Августъ, но у насъ по нынѣшній день безпрестанно шли проливные дожди, и дороги такъ дурны, что даже отъ меня до Бѣлева³⁾ нѣтъ никакого проѣзда; сверхъ того на эту ненастную погоду я простудилась и все была больна; теперь мнѣ

¹⁾ Т. е. для Павла Васильевича Жуковскаго. П. Б.

²⁾ Опасеніе ни малѣйше неоправдавшееся. П. Б.

³⁾ Всего четыре-пять верстъ. П. Б.

лучше, но все еще я не оправилась, почему и отложила свой прїездъ въ Москву до перваго пути.

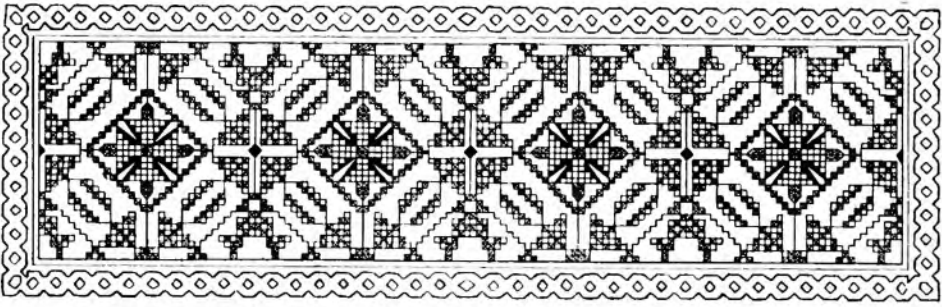
Мнѣ жаль, что вы успѣшили сообщить Антонинѣ Дмитріевнѣ слово сказанное некогда. Продать Мишенское я считаю преступленіемъ. Я не продала бы его, если бы мнѣ предлагали милліоны; а если бы я была такъ безсовѣтна, чтобы согласилась на эту продажу, то огромной цѣны, какъ вы пишете, я не стала бы требовать: ибо имѣніе это хотя имѣетъ многія выгоды по сосѣдству своему къ городу и судоходной рѣкѣ, но очень мало земельно. Резоны мои покажутся, можетъ статья, смѣшными, но я ихъ глубоко чувствую и люблю Мишенское какъ стариннаго друга. Жуковскій понялъ бы меня. Какая судьба ожидаетъ эту деревню послѣ моей смерти *), это во власти Божіей, а мое желаніе положить мои кости возлѣ праха моихъ родителей. Пока Мишенская церковь стоять будетъ, въ ней будутъ молиться за создателей и благотворителей храма сего. Слѣдовательно будутъ молиться о моей бѣдной душѣ. Можетъ статья, молитва какого нибудь добраго челоуѣка будетъ услышана. Если же я продамъ, то боюсь нажить себѣ проклятіе. И изъ чего?... Изъ того, чтобы доставить дѣтямъ моимъ немного больше денегъ!

Прощайте, Петръ Ивановичъ. Будьте здоровы. Благодарю васъ однако: вы хотѣли сдѣлать мнѣ добро, но не знали хорошенько моихъ мыслей.

Увѣряю васъ въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Ваша покорная Анна Зонтагъ.

КЪ ДѢЛУ О ЦАРЕВИЧѢ АЛЕКСѢѢ ПЕТРОВИЧѢ¹⁾.

Въ концѣ Іюня 1718 года, по указу Царя Петра Алексѣевича, повелѣно было взять въ С.-Петербургъ „для допросу“ Кіевскаго митрополита Іоасафа Краковскаго²⁾, по розыскнымъ дѣламъ.

За митрополитомъ поручено было съѣздить гвардіи капитану Богдану Скорнякову-Нисареву. Онъ немедленно отправился въ Кіевъ, взялъ престарѣлаго владыку и также спѣшно направился обратно въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ митрополитомъ была взята Скорняковымъ-Нисаревымъ найденная при немъ довольно обширная личная переписка, при чемъ письма при выемкѣ не разбирались, а брались все подрядъ. Пересмотръ и разборъ ихъ предполагалось сдѣлать въ Петербургѣ.

Но до Петербурга престарѣлому митрополиту не суждено было доѣхать: 1-го Іюля въ Твери онъ умеръ. По докладу о томъ Скорня-

¹⁾ Предлагаемая статья взята изъ приготовляемаго изданія подъ заглавіемъ: „Очерки по исторіи Русской церкви и просвѣщенія въ первой четверти XVIII-го вѣка“. Она написана по дѣламъ Коллегіи Экономіи и Монастырскаго Приказа, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

²⁾ Поводомъ ко взятію Кіевскаго митрополита въ С.-Петербургъ для допроса по розыскнымъ дѣламъ, вѣроятно, послужило слѣдующее обстоятельство. 25 Іюня 1718 года, на пыткѣ, царевичъ Алексѣй сказалъ, что онъ писалъ письма къ Кіевскому митрополиту, предлагая ему принять мѣры къ возмущенію мѣстнаго населенія, чтобы путемъ народнаго возстанія проложить себѣ дорогу къ Россійскому престолу. Конечно, такое показаніе Царевича и заставило слѣдственную власть немедленно привлечь къ допросу такую важную особу.

кова-Писарева, Царское Величество указалъ совершить погребеніе умершаго владыки въ Твери „какъ обыкновенно“. Погребеніе, по чину архіерейскому, было совершено 24 Августа, въ соборной церкви города Твери, преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ Тверскимъ, „со архи-мандриты и игумены и со всеъмъ освященнымъ соборомъ“.

Неожиданная кончина митрополита Іоасафа вызвала вопросъ, какъ поступить съ оставшимися послѣ него „пожитками“, а также и съ отобранными у него письмами. По приказанію Царя, „пожитки“ умершаго владыки должны были пойти „въ расходъ на погребеніе тѣла его“, а „бывшихъ при немъ служителей“ повелѣвалось отпустить назадъ въ Кіевъ. Чтѣ касается писемъ, то, съ цѣлью розыска, къ разбору ихъ приступили тотчасъ по смерти митрополита, не дожидаясь его погребенія. Разборка личной переписки умершаго естественно наводила иногда слѣдственную власть на такія явленія, которыя не имѣли прямого отношенія къ дѣлу, но которыя не могли не обращать на себя вниманія лицъ, руководившихъ розыскомъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдственная власть возбуждала особыя дѣла, вчиняла новыя разслѣдованія.

Между прочимъ, въ числѣ писемъ оказалась одна „цыдуля“ къ усопшему владыкѣ отъ іеромонаха Гедеона Вишневекаго, бывшаго въ то время учителемъ Славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ. Эта цыдуля показала предосудительною и „неприличною“ для лица въ положеніи, какое занималъ Гедеонъ Вишневскій. Поэтому слѣдственная власть сочла своимъ долгомъ попутно начать дѣло о цыдулѣ іеромонаха Гедеона къ митрополиту Іоасафу.

19 Іюля Петръ Толстой, руководившій розыскомъ по дѣлу царевича Алексѣя, писалъ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, находившемуся во главѣ Монастырскаго Приказа:

„Мой государь, графъ Иванъ Алексѣевичъ.

По разбору, въ письмахъ Кіевскаго архіерея явилась при письмѣ іеромонаха Гедеона Вишневекаго, который нынѣ въ Москвѣ, къ нему архіерею цыдуля о вѣдомостяхъ, гдѣ Его Царское Величество обрѣтается, и объ отъѣздѣ изъ Россіи царевича Алексѣя Петровича и о другихъ дѣлѣхъ, съ которой (цыдули) при семъ для лучшаго вамъ извѣстія копія прилагается, что имъ весьма неприлично и не надлежитъ о такихъ дѣлѣхъ писать. Того для изволите приказать того іеромонаха въ Москвѣ сыскать и объ ономъ ему и другимъ учителемъ

сказать, чтобъ они впредъ ни къ кому межъ себя о такихъ неприличныхъ имъ дѣлѣхъ не писали, за что могутъ истязаны быть жестоко.

Слуга вашъ *Петръ Толстой.*

Іюль, 19 день, 1718. Въ Санктъ-Петербургѣ“.

Въ приложенной при письмѣ копія написано было слѣдующее:

„При настоящемъ письмѣ въ цѣдулѣ къ архіерею Кіевскому монахъ Гедеонъ Вишневскій отъ 4 Апрѣля 1717 года изъ Москвы по-латинѣ пишетъ:

Вѣдомости.

P.S. „Его Царское Высочество, купно съ Государынею Царицею, по сіе время умедлеваютъ въ Амстердамѣ, и не надѣются Ихъ Величество въ Санктъ-Петербургъ сего лѣта.

Его Величество Алексѣй Петровичъ, отпустивъ весь дворъ свой къ Москвѣ, поѣхалъ съ государства. Сказываютъ, что былъ въ Вѣнѣ и въ Римѣ. А куда заподлинно поворотилъ, или гдѣ обрѣтается, по сіе время неизвѣстно.

Войска Россійскія отсюду собираются къ границамъ своимъ, для того, что зимовая ихъ станція вельми досадна была въ Помераніи и Мекленбургіи.

Пристань Ревельскую, великимъ коштомъ Царскимъ сдѣланную, волненіе морское мало не всю разбило, при которой шесть кораблей оторвало.

Преосвященный Рязанскій по сіе время обрѣтается въ Москвѣ, который чрезъ два мѣсяца уже зѣло боленъ есть.

Пречестному отцу Прокоповичу назначено въ Псковскую епископію, хотя въ живыхъ еще и первый старый архіерей, который изъ Пскова въ село недалече, хотя и отъѣхалъ, однакожь отъ епископіи отлучиться весьма не хочетъ, хотя и повторный уже указъ есть Царскаго Величества, что быть ему на митрополіи Сибирской“.

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ приведенной „цѣдулѣ“ нѣтъ ничего особеннаго и ничего такого, что могло бы быть „неприличнымъ“ для лицъ духовнаго званія. Въ „цѣдулѣ“ сообщаются достовѣрныя свѣдѣнія и приводятся слухи, дѣйствительно ходившіе въ

то время въ обществѣ. Здѣсь нѣтъ ни лжи, ни сознательнаго обмана, ни обнаруженія государственныхъ тайнъ. Повидимому, не было никакихъ основаній считать эту „цыдулю“ предосудительною. Но если принять во вниманіе тогдашнее *настроеніе* Петровскаго правительства, если припомнить всю остроту непріязни между Петромъ и духовенствомъ, которая особенно была замѣтна въ это именно время, то для насъ станеть понятнымъ подозрительное отношеніе слѣдственной власти къ „цыдулѣ“ іеромонаха Гедеона Вишневекаго.

26 Іюня, послѣ учиненнаго въ присутствіи Царя застѣика, въ Трубецкомъ раскатѣ Петропавловской крѣпости въ гарнизонѣ, скончался царевичъ Алексѣй Петровичъ*). Многолѣтняя драма завершилась ужаснымъ финаломъ. Впечатлѣніе розыска еще было очень свѣжо. Загадочная смерть Царевича не могла успокоить какъ правительственную власть, такъ и общественное сознаніе. При такомъ настроеніи правительственной власти всякое ея подозрѣніе даже къ призраку, къ отдаленному намеку было вполне естественно.

Розыскъ, приведшій къ смерти царевича Алексѣя, ясно обнаружилъ значеніе духовенства въ его дѣлѣ. Не даромъ Петръ, когда все уже было выяснено, говорилъ Толстому: „Ой, бородачи! Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“. Духовенство своимъ сочувствіемъ къ Царевичу питало въ немъ то, чтѣ было такъ ненавистно для Петра. И никогда еще, ни прежде, ни послѣ, Петръ не чувствовалъ такой вражды къ духовенству, какъ именно теперь, у свѣжей еще могилы своего несчастнаго сына. Это настроеніе Царя, конечно, передается и его правительству. Правительство и духовенство въ это время стояли другъ передъ другомъ, какъ два непримиримѣйшихъ врага. Духовенство во всемъ видѣло только дурное, старалось сгустить краски, насколько это было возможно. Конечно, это дѣлалось не открыто, не смѣлымъ и гордымъ выступленіемъ. Вражда таилась въ складкахъ монашескихъ рясъ и клобуковъ, видимость которыхъ не внушала собственно никакихъ опасеній. Для правительства борьба съ такимъ настроеніемъ была особенно тяжела, такъ какъ никогда не давала увѣренности въ его окончательномъ искорененіи.

*) Лишь очень недавно въ колокольнѣ Петропавловской крѣпости найденъ гробъ царевича Алексѣя Петровича. Его дѣло въ теченіи цѣлаго столѣтія окружено было тайною. Оно хранилось въ архивѣ 1-го баталіона Преображенскаго полка, и его открылъ князь С. М. Воронцовъ, когда командовалъ этимъ баталіономъ. П. Б.

„Цыдуля“ Гедеона Вишневецаго, повидимому, была безхитростнымъ изложеніемъ дѣйствительныхъ событій; но присмотритесь къ ней внимательно, задавъ себѣ вопросъ о томъ, почему только объ этихъ событіяхъ находить нужнымъ сообщить іеромонахъ Гедеонъ, несомнѣнно опуская рядъ другихъ явленій, не менѣе обращавшихъ на себя вниманіе сторонняго наблюдателя,—и для васъ станетъ ясно то скрытое настроеніе, которымъ проникнута „цыдуля“. Все нехорошо по мысли писавшаго ее: вездѣ плохо, куда ни посмотрѣть. Царя нѣтъ въ Россіи, по сіе время умедливаетъ въ Амстердамѣ. Царевичъ Алексѣй скрылся, бѣжавъ изъ государства; многолѣтняя война со Швеціей затягивается все дальше, войска испытываютъ мученія отъ безпрестанныхъ передвиженій и ужасныхъ условій; Ревельскую пристань, стоившую великихъ трудовъ и денегъ, чуть не размыло морское волненіе, уничтожившее при этомъ шесть кораблей; Стефанъ Яворскій продолжаетъ быть не въ чести, онъ все еще проживаетъ въ Москвѣ, не принимая участія непосредственно въ дѣлахъ управленія Русскою церковью; Теофана же Прокоповича назначаютъ на Псковскую епископскую кафедру, не стѣсняясь тѣмъ, что тамъ есть епископъ, котораго стараются ради Теофана убрать въ Сибирь. Писавшій „цыдулю“ отъ себя ничего не говоритъ, но его мысль ясна и проникнута горькой ироніей къ тому, что совершается кругомъ. Его „цыдуля“ и безъ поясненій должна вызывать грустныя думы въ читателѣ и будить въ немъ недобрый въ отношеніи правительственной власти чувства. А это, конечно, предосудительно. Но это еще не все. „Цыдуля“ была обращена къ Кіевскому митрополиту, къ которому, Царевичъ писалъ письма, какъ обнаружилъ на пыткѣ 25 Іюня, чтобы тамъ въ Кіевѣ привести къ возмущенію народъ съ цѣлью такимъ путемъ завладѣть престоломъ. „Цыдуля“ къ такому человѣку и такого именно положенія несомнѣнно заключала въ себѣ нѣчто больше, нежели то, что говорило о ней первое впечатлѣніе. Оставить ее безъ всякаго вниманія для слѣдственной власти не представлялось возможности. Наконецъ, развѣ дѣло монашеское сообщать и заниматься тѣмъ, что служить содержаніемъ „цыдули“? Тутъ политика, а не аскетика. Монаху не слѣдъ заниматься политикою; ему нужно заботиться о душевномъ спасеніи, а не о мірскихъ дѣлахъ.

Получивъ отъ Петра Андреевича Толстого приведенное выше письмо, графъ Мусинъ-Пушкинъ безъ замедленія старается исполнить заключавшееся въ немъ предписаніе. 25 Іюля онъ подписываетъ приказъ слѣдующаго содержанія:

„1718 года, Іюля въ 25 день, по указу Великаго Государя, тайный совѣтникъ, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ приказалъ

въ Москвѣ Ѳеодору Поликарпову, Спасскаго монастыря, что за иконнымъ рядомъ, архимандриту Ѳеофилакту Лопатинскому, Славенолатинскихъ школъ учителю іеромонаху Гедеону Вишнеvesкому и другимъ тѣхъ школъ учителемъ сказать Его Великаго Государя указъ съ запискою и съ приложеніемъ рукъ, дабы они впредь ни къ кому о такихъ вѣдомостяхъ, которыя объявлены въ присланной копіи и о иныхъ неприличныхъ имъ дѣлѣхъ отнюдь не писали. А ежели отъ нихъ отъ кого явятся впредь о такихъ дѣлѣхъ или къ тому приличныхъ какія къ кому письма, и за то они истязаны будутъ жестоко. И вышеписанную съ приложеніемъ рукъ записку прислать въ Канцелярію Сената съ доношеніемъ. И о томъ же оному Поликарпову послать Его Великаго Государя указъ и съ выписанной вѣдомости копію“.

Означенный указъ былъ изготовленъ въ тотъ же день, 25 Іюля. При указѣ приложена и копія съ „цыдули“. Но въ Москвѣ указъ былъ полученъ лишь 8 Августа.

Ѳеодоръ Поликарповъ, получивъ указъ, немедленно приступилъ къ его исполненію. Первоначально, вѣроятно, онъ только устно сообщилъ содержаніе указа всѣмъ лицамъ, которыхъ онъ касался. А затѣмъ имъ было составлено подробное доношеніе въ Канцелярію Сената, гдѣ, изложивъ съ буквальнойю точностью указъ Великаго Государя и приведя при этомъ копію „цыдули“, писалъ слѣдующее:

„И по тому Его Великаго Государя указу, Спасскаго монастыря, что за иконнымъ рядомъ, архимандриту Ѳеофилакту Лопатинскому, Славянолатинскихъ школъ учителю іеромонаху Гедеону Вишнеvesкому и другимъ тѣхъ школъ учителемъ Его Великаго Государя указъ съ запискою сказанъ и съ приложеніемъ рукъ ихъ подъ сими вѣднїемъ изъ Приказу книгъ печатнаго дѣла для вѣдома въ Канцелярію Сената послано“. Доношеніе по листамъ скрѣплено подписью Ѳеодора Поликарпова. Въ концѣ же его идутъ собственноручныя подписи лицъ, къ которымъ относился указъ. Указъ слушали и руку приложили:

Архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій.
 Іеромонахъ Гедеонъ Вишнеvesкій.
 Іеромонахъ Иннокентій Колчицкій.
 Гедеонъ Грембецкій.
 Іеромонахъ Рафаилъ Заборовскій.
 Іоасафъ Туркевичъ.
 Григорій Мокрицкій.
 Давидъ Скалуба.

Такъ окончилось дѣло о „цыдулѣ“.

Н. Г. Высоцкій.

Списокъ ремесленниковъ города Дерпта, высланныхъ въ 1708 г.

Въ 1708 году послѣ взятія Дерпта, около половины всѣхъ ремесленниковъ этого города, по повелѣнію Петра Великаго, было сослано въ Вологду, Устюгъ, Воронежъ, Казань и Москву. Подробный списокъ этихъ лицъ, съ указаніемъ числа лицъ составлявшихъ семьи каждого изъ нихъ, сохранился въ книгахъ Дерптекой св. Іоанна церкви.

Ссылка послѣдовала влѣдствіе желанія императора пріобрѣсти опытныхъ иноземныхъ мастеровъ. Большинство изъ сосланныхъ затѣмъ получило разрѣшеніе вернуться на родину.

Schneidermeister Johann Weilep
Schneidermeister Joachim Bestorff
Schneidermeister Michael Ruuth
Schneidermeister Peter Brass
Kleinschmied Hans Kissenbrukker
Aeltermann Waffenschmied Johann Gross

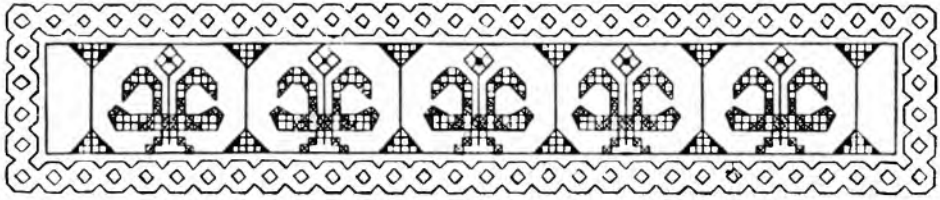
Wittwe Anna Margarete Gärtner und Tochter wurden umgetatt
(т. е. были переkreщены)

Frau Anna Magdalene Kloot und Sohn Johann Kuelert
Goldarbeiter Lucas Möller
Maurer Zaiharias Felschau
Десять челоvѣкъ сапожниковъ и башмашниковъ.

Schusterswittwe Dorothea Brunss, die hernacher Hebamme bei I. M. Gemahlin Catharina worden (вдова сапожника Доротей Брунсъ, которая потомъ была повивальною бабушкою при Ея Величествѣ супругѣ, Екатеринѣ).

Сообщилъ Н. Г. Иваскъ.

М. И. СУРМИНА¹⁾.

По челобитью моему нижеменованной, минувшаго 1733 году Октября 23 дня, данъ мнѣ нижеайшей Вашего Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Синода указъ, въ которомъ изображено, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ, повелѣно мнѣ нижеайшей отъ бывшаго мужа моего лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана князя Юрія Долгорукова быть свободною и за младостію моею повелѣно посягнуть во второбрачіе.

А о взятыхъ имъ, Долгоруковымъ, у меня нижеайшей и у матери моей пожиткахъ всякихъ, и о посудѣ серебряной два пуда, и о деньгахъ 14 тысячахъ, и объ лошадяхъ, и о сбруѣ конской, всего двадцати девяти тысячахъ пятистахъ рубляхъ, указу объ отдачѣ никакого не учинено.

А послѣ онаго Долгорукова имѣются въ разныхъ городѣхъ вотчины и дворъ Московскій каменный. По высылкѣ его Долгорукова за явившіяся его государственныя преступленія оныя вотчины отписаны на Ваше Императорское Величество всѣ, въ томъ числѣ и Суздальская его вотчина, село Воскресенское съ селы и прочими деревнями, коя имѣлась у бывшаго отца моего Ивана (Сурмина*) въ закладѣ, данною отъ него бывшаго Долгорукова отъ крѣпостныхъ дѣлъ крѣпостью въ четырехъ тысячахъ рубляхъ, отписана жъ на Ваше Императорское Величество, о чемъ значится въ Московской крѣпостной конторѣ въ записныхъ книгахъ.

Подлинную крѣпость онъ Долгоруковъ по пріѣздѣ своемъ въ Кострому ко мнѣ нижеайшей силою своею, до женитбы его, взялъ у меня и у матери моей; да и прочія крѣпости многія онъ же, Долгоруковъ, тою же своею силою побралъ. И по онымъ крѣпостямъ собиралъ его

¹⁾ Она была въ послѣдствіи супругою Романа Илларионовича Воронцова; умерла въ 1744 году; въ этомъ же году родился графъ Семень Романовичъ Воронцовъ. П. Б.

²⁾ Онъ служилъ „конюшимъ Патриаршаго Приказа“. П. Б.

человѣкъ Григорій Ш. изъ долговъ съ Костромскихъ купецкихъ людей, по которымъ имъ Ш. собрано 15 тысячъ рублей, и таковы деньги онъ Ш. ему бывшему Долгорукову отдалъ. Да и вышенисанныя деньги 14 тысячъ изъ нашихъ помѣстій онъ же Ш. бралъ съ аудиторомъ Апушкинымъ.

И за оныя взятія у меня нижайшей и у матери моей пожитки всякіе, и за посуду серебрянную, и за деньги, и лошадей изъ движимыхъ и недвижимыхъ бывшего Долгорукова имѣній ничего мнѣ нижайшей и матери моей не возвращено. А объ вышесказанномъ его бывшего Долгорукова оборѣ насильномъ отъ матери моей нижайшей записано въ Костромской духовной конторѣ явочное челобитье со всякимъ изъясненіемъ, о чемъ въ томъ челобитѣ подлиннѣе значится. А нынѣ я нижайшая по оборѣ его бывшего Долгорукова и съ матерью едва себѣ имѣемъ дневную пищу съ великою нуждою. О чемъ объ ономъ оборѣ оный бывший Долгоруковъ, при высылкѣ въ ссылку въ 1731 году Декабря, узнавъ свою виновность, объявилъ господамъ офицерамъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитану поручику Ѳеодору Ушакову, да лейбъ гвардіи жъ Семеновскаго полка поручику Андрею Сабурову, что онъ взялъ у насъ нижайшихъ и возврату не учинилъ.

Да повелить Высокодержавство Ваше сіе мое прошеніе въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ принять, и для своего Императорскаго Величества, и всей Вашего Величества порфирородной фамиліи здравія, и для поминовенія предковъ Вашего Императорскаго Величества блаженныя памяти, вышенисанное насильно взятое наше бѣдныхъ сиротъ имѣніе вышеозначенными его бывшего Долгорукова изъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній возвратитъ намъ нижайшимъ, дабы намъ бѣднымъ сиротамъ и никакой кромѣ Бога и Вашего Императорскаго Величества помощи не имѣющимъ, было изъ чего пропитаніе имѣть.

Вашего Императорскаго Величества нижайшая раба Марѳа Иванова дочь Сурмина.

Въ 1734 году. Прошеніе писалъ ея жъ служитель Козьма, Кирилловъ сынъ, Нагаевъ. Къ подацію надлежитъ въ Санктъ-Петербургъ, въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Подлинникъ (два черновыхъ экземпляра, одинъ нѣсколько сокращенный противъ другого) писанъ, можетъ быть, рукою Марѳы Ивановны; почеркъ не разборчивъ въ обоихъ экземплярахъ. Сообщено Г. А. Александровымъ изъ архива, что въ Лефортовскомъ дворцѣ. П. Б.

Александръ Третій.

(Рѣчь Акима Михайловича Золотарева).

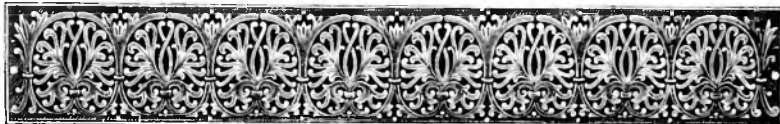
Вечеръ 27 Мая 1909 года. Обширный Дворянскій залъ наполненъ сверху до низу. Среди собравшихся, нѣсколько министровъ, много извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. На кафедрѣ входитъ генераль небольшого роста, съ приятнымъ, серьезнымъ лицомъ. Онъ начинаетъ свою рѣчь, и въ публикѣ замѣтно нѣкоторое недовольство: слабый голосъ и, вѣроятно, неизбежное волненіе оратора побудили кого-то крикнуть: „громче!“ „Прошу не шумѣть, и все услышите“, замѣтилъ генераль. Акимъ Михайловичъ продолжаетъ свой докладъ, и все понемногу смолкло и превратилось въ одно вниманіе. Съ кафедры несетя одно заявленіе опредѣленіе другого. Убѣжденный тонъ, искренность произносимаго и огненный патріотизмъ скоро проложили дорогу словамъ оратора вплоть до отдаленнѣйшихъ уголковъ зала. Раздается первый взрывъ одобренія. За нимъ вскорѣ слѣдуетъ другой, третій... Энтузіазмъ растетъ, и оратору устраиваютъ горячую овацію.

Чѣмъ Акимъ Михайловичъ поднялъ такъ общее настроеніе? Онъ нарисовалъ картину давней несправедливости въ отношеніяхъ, которыя у насъ проявлялись къ собственному крестьянину и пришельцу инородцу-колонисту. А главное—онъ съ рѣдкой убѣжденностью развивалъ положеніе, что Императоръ Александръ III первый національный Русскій монархъ, первый народный Русскій Царь. Подобно Іоанну III, свергшему Татарское иго, Императоръ Александръ III свергъ иго Нѣмечины, иго западно-европейское. А. М. Золотаревъ особенно благоговѣлъ передъ Александромъ III. „Мы видѣли Русскія войска на берегахъ Дуная, Одера, Рейна и даже Сены, но никогда голосъ Русскаго Царя не слушался такъ предупредительно, какъ слушали слова Александра III, который не только ни разу не обнажалъ свой мечъ, но ниразу даже не пригрозилъ его обнаженіемъ...“

„Въ чемъ же сила Александра III? Чѣмъ могъ онъ въ какія-нибудь 13 лѣтъ достигнуть уваженія въ Европѣ, какимъ не пользовался до него ни одинъ монархъ Россіи?.. „Александръ III былъ первый національный Русскій Императоръ“, отвѣчалъ Золотаревъ. Онъ совмѣщалъ съ Русскимъ обликомъ чисто Русскія душу и сердце. Въ его работѣ лежала печать глубокаго знанія исторіи и характера Русскаго народа. При Императорѣ Александрѣ III по всей державѣ прозвучали слова: „Россія для Русскихъ“. Онъ безконечно дѣрогъ, онъ безгранично любилъ Россію и Русскимъ... Онъ пробудилъ Русскій патріотизмъ... Это онъ съ гордостью носилъ имя Русскаго... Глубоко религіозный, проникнутый идеєю чести, права и правды, онъ былъ идеаломъ гражданина, супруга и отца, идеаломъ высоко нравственнаго человѣка...“

„Льготы въ Россіи могутъ быть допускаемы лишь для Русскихъ“ — говорилъ открыто и смѣло передъ тысячной аудиторіей А. М. Золотаревъ. Многіе ли въ наши дни имѣютъ мужество исповѣдывать подобныя политическія мысли?“

Эта страница принадлежитъ г-ну М. Бородкину. (Извлекаемъ ее изъ „Новаго Времени“ отъ 23 Мая 1912 года). П. Б.

ПРИВѢТЬ СТАРОЙ МОСКВЫ РУССКОМУ ЦАРЮ.

28 Мая 1912 года.

Я жду Тебя!.. Я встала до зари...*)
Желанный мой! Иди, побудь со мною,
Къ моимъ святынямъ припади душою:
Такъ дѣлали всѣ Русскіе Цари.

Я много видѣла, я испытала много
И много принесла изъ глубины вѣковъ;
Я принесла Тебѣ святую милость Бога,
Владычицы-Заступницы покровъ.

Передъ Тобой отверсты всѣ мои святыни.
Къ нимъ духомъ царственнымъ смиренно припади:
Какъ въ годы старые, онѣ спасутъ и нынѣ....
Иди ко мнѣ, желанный мой, иди!

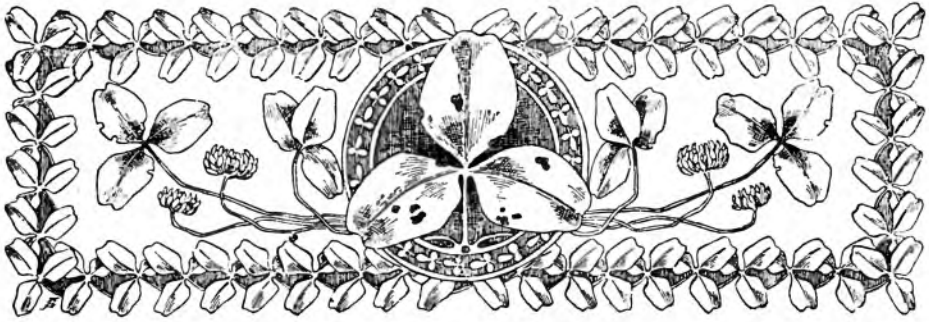
Анатолій Александровъ.

Москва давно и долго ждала Царскаго посѣщенія. Думали, что Государь и Его семейство сподобится и теперь, какъ въ 1903 году, отговѣтъ у насъ въ Кремлѣ; но этому не было суждено произойти. Назначенъ былъ и день приѣзда, какъ пришлось отложить его вслѣдствіе внезапной кончины Государева дяди, Датскаго короля.

Царское пребываніе въ Москвѣ, съ 28-го Мая по 1-е Іюня 1912 года включительно есть событіе вполне историческое. П. Б.

*) Изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 28 Мая 1912.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ.

I. Петра Александровича Плетнева.

16 Августа 1853. Санктпетербургъ.

Очень благодаренъ я доброй Аннѣ Петровнѣ¹⁾, что она передала вамъ, милый другъ Петръ Ивановичъ, вѣсточку о сердечномъ желаніи моемъ знать про ваше житье-бытье. А васъ отъ души благодарю, что вы не полѣнились исполнить мое желаніе. Все, чтѣ вы пишете о своихъ занятіяхъ, чрезвычайно для меня интересно, и я радуюсь, что любовь ваша къ отжившимъ друзьямъ моимъ²⁾ не остываетъ. Это даетъ мнѣ надежду, что въ вашемъ тепломъ сердцѣ и мнѣ уголокъ сохранится.

Напрасно поделкатничали вы, не сказавъ мнѣ откровенно, что родные Жуковскаго за многое сердятся на меня: во 1-хъ за біографическія ошибки въ статьѣ моей, во 2-хъ за помѣщеніе ея въ сборникѣ³⁾, а въ 3-хъ (и всего болѣе) за недоставленіе имъ особыхъ оттисковъ этой статьи. Но если бы имъ извѣстны были подробности труда моего, они сознались бы, что я передъ ними нисколько не виноватъ. Статью писалъ я совершенно безъ всякихъ пособій, а только по памяти и по нѣкоторымъ литературнымъ соображеніямъ. И такъ мнѣ было прости-тельно ошибаться еще болѣе. Если же бы я не написалъ ничего, это и подавно свело бы въ забвеніе столь славную для насъ память. Те-

¹⁾ Зонтагъ, съ которою П. А. Плетневъ находился тогда въ перепишкѣ по поводу своей книжки о скончавшемся 12 Апрѣля 1852 года В. А. Жуковскомъ. П. Б.

²⁾ Т. е. къ Пушкину, Баратынскому и Жуковскому. П. Б.

³⁾ Плюшара. П. Б.

перь же всё встрепенулись. Моя статья не помѣха блестящему перу ни Блудова, ни Вяземскаго. Плюшаръ соблазнилъ меня къ напечатанію въ книгѣ своей, предваривъ, что онъ украситъ біографію картинками къ тексту, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ изъ нашихъ издателей. Особыхъ же оттисковъ до сихъ поръ я и себѣ не могъ достать ни экземпляра, да кажется и не будетъ ихъ до Новаго года, какъ я думаю, отъ того, что издатель боится отъ появленія ихъ подрыва дорогой своей книгѣ. Но пусть другіе на меня сердятся и ни слова не говорятъ о томъ, о чемъ я такъ желалъ бы откровенно потолковать съ друзьями покойнова. А вы, какъ любитель такой работы и мой искренній другъ, обязаны изложить мнѣ все, что думаете объ этомъ дѣлѣ. Вамъ на меня сердиться не за что. Продолжайте прекрасный трудъ свой и все, что приготовите къ печати, отдайте въ „Москвитянинъ“, только съ условіемъ, чтобы непременно заплатили они вамъ столько, по скольку платятъ Петербургскіе журналисты. Безъ этого войдите въ переговоры сначала съ Панаевымъ: а ежели и тутъ не добьетесь толку, то разрѣшаю вамъ обратиться даже къ Жиду-Краевскому, какъ это ни гадко для чистыхъ рукъ*).

Намѣреніе ваше выдержать экзамень на магистра я вполнѣ одобряю: это поможетъ вамъ двинуться въ полученіи мѣста и чина.

Повидайтесь съ С. А. Соболевскимъ: онъ живеть на Дѣвичьемъ полѣ, въ домъ Мальцова. Узнайте отъ него и увѣдомите меня, когда навѣрное онъ возвратится въ Петербургъ. Тоже побывайте и у Шевырева: онъ совсѣмъ забросилъ меня. Ужели и онъ раздѣляетъ съ другими смѣшное на меня негодованіе? Поклонитесь доброму Бергу. Засвидѣтельствуйте особенное почтеніе А. П. Елагинной и Е. А. Жуковской.

Мои всё вамъ кланяются. П. Плетневъ.

15 Сентября 1853. Спб.

На два письма ваши (1 и 8 Сент.), любезный другъ Петръ Пвановичъ, отвѣчаю разомъ. Не можете ли вы мнѣ дать знать, гдѣ въ Спб. будетъ квартировать Вигель? Я тоже иногда люблю поговорить съ нимъ. Еще одолжили бы вы меня, если бы, кончивъ и переписавъ свою статью о матери и первомъ дѣтствѣ Жуковскаго, переслали ее ко мнѣ для прочтенія. Что касается до готоваго у васъ указателя къ статьямъ Жуковскаго, когда и гдѣ они были напечатаны, смѣло пересылайте его ко мнѣ для помѣщенія въ Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Я увѣренъ, что и вознагражденіе вамъ послѣдуетъ

*) Я не обращался никуда. П. Б.

наравнѣ съ другими. О томъ, что Жуковскій видѣлъ Екатерину съ хоръ въ авансъ-залѣ Зимняго дворца¹⁾ на какомъ-то выходѣ Императрицы, я слышалъ объ этомъ изъ собственныхъ устъ поэта. Миѣ только не пришло тогда въ голову спросить, за какимъ дѣломъ привезли его въ Спб. Послѣ же, когда узналъ я, что Посниковъ увозилъ Жуковского изъ Тулы въ Нейшлотъ, я и догадался, что это былъ тотъ самый случай, на которомъ маленькій юнкеръ явился въ Петербургъ и въ толпѣ посмотрѣлъ на Государыню. Другого случая не было въ тогдашнемъ періодѣ жизни его.

Увѣдомьте Елисавету Алексѣевну²⁾, что г. Родіоновъ не сообщалъ миѣ никакого извѣстія на счетъ постановки Цесаревичемъ на могилѣ В. А. Жуковского памятника собственнымъ Его Высочества иждивеніемъ. Теперь Государя Наслѣдника въ Спб. нѣтъ, а возвратится онъ конечно скоро, но будетъ озабоченъ близкимъ разрѣшеніемъ отъ бремени Великой Княгини супруги его. За мѣсяць передъ симъ ко миѣ писалъ г. Олсуфьевъ, гофмаршалъ двора Наслѣдника, что Великій Князь соорудитъ памятникъ Жуковскому и намѣренъ на немъ приказать изсѣчь всю послѣднюю пьесу Жуковского „Царскосельскій Лебедь“, для чего и присылалъ г. Олсуфьевъ рукопись ея, чтобы я просмотрѣлъ, нѣтъ ли въ ней описокъ³⁾. Но изъ этого я не смѣю заключить, чтобы этотъ памятникъ приготовляемъ былъ для могилы; а я полагаю, что онъ будетъ поставленъ въ Царскомъ Селѣ, на такъ называемомъ „Дѣтскомъ Островѣ“, о чемъ говорила миѣ вѣкорѣ послѣ кончины поэта В. К. Марія Николаевна и о чемъ тогда же подробно писалъ я во Франкфуртъ къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Миѣ кажется, всего удобнѣе ей и вѣрнѣе обо всемъ спросить у г. Родіонова, такъ какъ онъ при дворѣ служить и всегда состоялъ комиссіонеромъ по дѣламъ Жуковского.

Достойнаго наставника для дѣтей поэта конечно нигдѣ нельзя лучше обрѣсти, какъ въ Москвѣ. Вы можете содѣйствовать къ тому, навѣдываясь и у профессоровъ, и у бывшихъ товарищей вашихъ. Миѣ очень жаль, что Шевыревъ затрудненъ въ отвѣтахъ на письма, чего я, признаться, никогда не испыталъ и не очень понимаю. Простительно такъ отговариваться лѣнтю-Соболевскому или человѣку не желающему переписываться; а нашему брату, у котораго перо изъ

¹⁾ Не Зимняго, а Таврическаго дворца, на Потемкинскомъ праздникѣ 1791 г. П. Б.

²⁾ Вдову Жуковского. П. Б.

³⁾ Это желаніе Александра Николаевича не было приведено въ исполненіе. Устройствомъ надгробія надъ привезеннымъ изъ Баденъ-Бадена прахомъ Жуковского завѣдывалъ Сербиновичъ, по мысли графа Блудова. Вышло нѣчто несуразное, подражаніе гробницѣ Ярослава (что въ Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ). П. Б.

рукъ не выходить, писать такъ же естественно и легко какъ дышать. Что тутъ за выборъ свободнаго времени?

Вы хорошо сдѣлали, что послали свою статью¹⁾ Краевскому: онъ конечно презрѣннѣйшее существо изъ всѣхъ журналистовъ, но и богатѣйшее за то; а намъ работникамъ нѣтъ надобности разбирать, изъ какихъ рукъ выходить деньги: правило, котораго держался еще императоръ Веспасіанъ, приговаривая: „запахъ прибыли всегда пріятель, даже и отъ урины“. П. Плетневъ.

2 Декабря 1853, Спб.

Хоть я терпѣть не могу долговъ, а вотъ обстоятельства заставили меня задолжать вамъ, милый другъ Петръ Ивановичъ: я не отвѣчалъ вамъ на два письма ваши отъ 24 Сентября и 14 Ноября. Причиною тяжелая для меня всякой годъ эпоха отъ Октября до Января. Тутъ я занятъ собираніемъ матеріаловъ и составленіемъ годичныхъ отчетовъ по Академіи Наукъ или по Университету.

Все что вы рассказываете мнѣ про ученіе дѣтей Жуковскаго меня интересуеть въ высшей степени. тѣмъ болѣе, что сама Елисавета Алексѣевна писала ко мнѣ только разъ, да и тамъ не упомянула объ этомъ предметѣ²⁾. Помогли Господь Москвѣ сдѣлать всѣхъ ихъ такими Русскими, какъ былъ самъ поэтъ. „Отеч. Записки“, видно, намѣрены отвадить васъ отъ печати. Но вы не приходите въ отчаяніе: то ли еще бываетъ, когда свяжешься съ такими особами, какъ пресловутая Краевичина? Вотъ я статью вашу о Жуковскомъ, которую прислали вы мнѣ въ рукописи, перечитывалъ и перечитываю съ наслажденіемъ. Только совѣтую вамъ изъ подлинныхъ записочекъ, теперь приставленныхъ въ видѣ приложений, побольше выбрать, нисколько не отдаляясь отъ ихъ редакціи. Это придастъ болѣе не только полноты, но и точности въ сообщаемыхъ вами свѣдѣніяхъ.

Вы мнѣ позволите нѣсколько времени подержать у себя вашу статью. Нѣтъ надобности печатать ее теперь отдѣльно. Она будетъ въ высшей степени интересна, какъ часть полной біографіи поэта, но утратить лучшую часть прелести своей, если напечатать ее отдѣльно. Между тѣмъ въ свободные часы отъ вашихъ приготовленій къ магистерству продолжайте составленіе этой біографіи и что у васъ бу-

¹⁾ „Родъ и дѣтство Пушкина“. Радуюся, что нынѣ, благодаря всестороннимъ разысканіямъ о Пушкинѣ, статья эта уже не имѣетъ вовсе значенія. О статьѣ моей узналъ Т. Н. Грановскій и послать ее въ „Отечественныя Записки“. Совершенно для меня неожиданно, онъ потомъ отдалъ мнѣ отъ Краевскаго 45 рублей. П. Б.

²⁾ Учителемъ дѣтей Жуковскаго былъ приглашенъ сынъ Лютеранскаго пастора К. К. Зедергольмъ, впоследствии обратившійся въ Православіе и въ Оптиной пустыни припавшій монашеству. П. Б.

дѣть скопляться, то пересылайте по частямъ мнѣ. Теперь здѣсь Великая Княгиня Ольга Николаевна; можетъ быть, ей захочется прочесть о дѣтствѣ поэта; вотъ въ такомъ случаѣ мы съ вами и одолжимъ Ея Высочество.

Когда я увижусь въ Москвѣ, я вамъ этого не могу сказать на-вѣрное. Женѣ моей невозможно пуститься со мною въ путь, а оставить ее здѣсь одну съ дѣтьми жадко*).

14 Дек. 1853., Спб.

Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ Сербиновичъ. Вы знаете, что этотъ человекъ нѣкогда помогаль Карамзину, составляя для него выписки изъ Польскихъ хроникъ. Послѣ онъ сохранилъ лучшія отношенія къ Пушкину и Жуковскому. Теперь онъ умѣлъ пріобрѣсти равносильное вліяніе на министра просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода. Все это я рассказываю вамъ, милый другъ мой Петръ Ивановичъ, для того, чтобы вы не удивились, зачѣмъ я навязываю на васъ хлопоты для этого человека. Сербиновичъ, будучи уже тайнымъ совѣтникомъ и украшенный множествомъ звѣздъ, остается въ нашемъ министерствѣ, чѣмъ бы вы думали? редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ему очень хочется въ 1-мъ его номерѣ 1854 года помѣстить какую-нибудь (а если коротенькія, то какія-нибудь двѣ-три) изъ статей Жуковского въ прозѣ религіозно-нравственнаго содержанія. Хотя всѣ эти статьи хранятся у меня, но я безъ согласія Елисаветы Алексѣевны никакъ не рѣшусь на подобное дѣло. Ущербу для интересовъ семьи Жуковского я никакихъ тутъ не вижу. Не продавать же намъ ихъ по гривеннику за строчку? Но выгоды (какъ замѣтилъ и Сербиновичъ) отъ этого произойти могутъ: Журналъ М. Н. П. у себя все печатаетъ безъ всякой цензуры. Появленіе въ печати такихъ статей, которыя духовною цензурою нѣкогда были остановлены, а теперь самимъ правительствомъ допущены до общаго свѣдѣнія, можетъ снять нѣсколько опалъ со всѣхъ рукописей поэта, лежащихъ безнадежно.

И такъ, сейчасъ же по прочтеніи моего письма, отправляйтесь къ А. П. Елагинной и расскажите ей, почему я рѣшился просить у Елисаветы Алексѣевны позволенія выдать Сербиновичу двѣ-три небольшія пьески въ прозѣ нравственно-религіознаго содержанія. Авдотья Петровна поможетъ намъ, сама ли она приметъ на себя изложить все это дѣло вдовѣ, или отправить къ ней васъ ходатаемъ. Во всякомъ случаѣ одно только помните, что вашъ рѣшительный отвѣтъ я долженъ получить не позже Субботы нынѣшней недѣли (19 Дек.) такъ

*) Плетневъ такъ и не былъ никогда въ Москвѣ. П. Б.

какъ сегодня Понедѣльникъ, журналъ же долженъ выйти около первыхъ чиселъ будущаго Января.

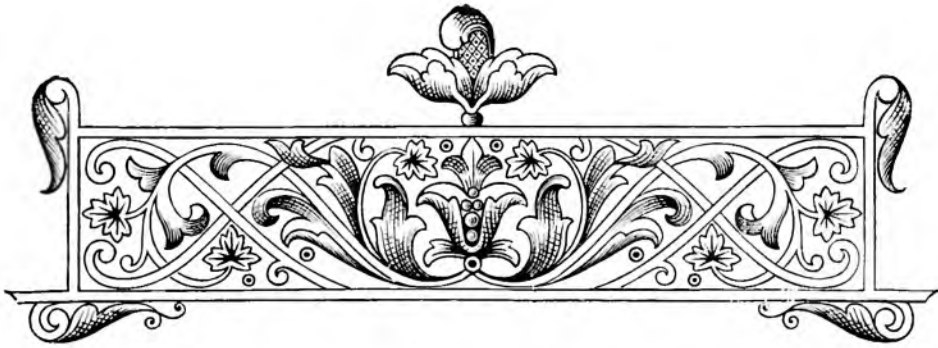
Вамъ хочется знать про статью вашу о Жуковскомъ, достойна ли она памяти его. Да какъ же и можетъ быть иначе? Вы не только собираете съ любовію все о немъ до малѣйшихъ подробностей, да и пишете даже съ видимою нѣжностію, съ благоговѣніемъ къ памяти его и къ его высокопоэтической жизни. И такъ естественно, что въ вашемъ изложеніи удерживается равновѣсіе между предметомъ и изложеніемъ, а въ литературѣ только это и составляетъ главнѣйшее достоинство произведенія.

По явившемуся у насъ номеру „Москвитянина“ я слишкомъ убѣдился, какъ его редакція прогнѣвалась на васъ за то, что вы не приносите ей въ даръ статей своихъ. Вотъ такова-то у насъ литературная дружба! Но вы не обезкураживайтесь. Надобно сохранить въ жизни одно: внутреннее убѣжденіе, что дѣйствія мои не въ противорѣчіи съ честію и совѣстію. Все же прочее можетъ приходить и уходить по произволу.

Довѣренность Пушкина, которую онъ формально выдалъ мнѣ на всѣ сдѣлки съ альманашиками и прочими литературными факторами, собственноручно имъ написана и подписана 7-го Сентября 1828 года.

...На Руси ни о комъ писать нельзя, не упоминая о его производствѣ въ чины. Это неизбежная хронологія нашихъ успѣховъ въ жизни. Даже, говоря о Крыловѣ, я не смѣлъ и не могъ пропустить этого; а Крыловъ былъ только статскимъ совѣтникомъ. Знаютъ ли родные, что чинъ тайнаго совѣтника Жуковскій принужденъ былъ самъ просить себѣ? Это случилось передъ свадьбою Цесаревича, послѣ которой назначался обѣдъ во дворцѣ для чиновъ первыхъ трехъ классовъ. Безъ чина тайнаго совѣтника Жуковскій не имѣлъ бы права явиться на обѣдъ, который устроенъ былъ въ честь его воспитанника. Вотъ что значитъ у насъ чиновное положеніе! Я нигдѣ не описывалъ поэта царедворцемъ; скорѣе онъ представляется какъ бы членомъ Августѣйшей фамиліи, а это приноситъ равную честь той и другой сторонѣ.

II. Никиты Петровича Гилярова.

Никита Петрович Гиляровъ (1824—1887), когда я былъ съ нимъ въ перепискѣ, читалъ у Троицы въ Московской Духовной Академіи о ересеяхъ и расколахъ. Съ цѣлью приобрѣсти извѣстность, отдавалъ онъ почти явное предпочтеніе старообрядчеству передъ государственными церковными порядками, и митрополитъ Филаретъ долженъ былъ удалить его отъ должности. Никогда и ни отъ кого не слыхивалъ я столько дурнаго, какъ въ то время отъ Гилярова о митрополитѣ, который, узнавъ Гилярова ближе, сдѣлался ему благодѣтелемъ и выручалъ его изъ бѣдъ. Гиляровъ былъ старше меня на пять лѣтъ, а ученостію и дарованіями превосходилъ и Каткова, и Аксакова; но къ нему можно отнести сказанное мнѣ про графа Л. Н. Толстого однимъ изъ бывшихъ у него въ Ясной Полянѣ учителей сельской школы: очковая змѣя, овладѣвъ въ человѣкѣ всѣмъ что въ немъ есть, а потомъ кидаетъ его какъ совершенно невужное.

И тогда служилъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а въ обществѣ былъ своимъ у Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Елагинныхъ, Каткова, и—главное—находился въ перепискѣ съ графиней А. Д. Блудовой (два старшихъ племянника ея, Иванъ и Дмитрій Шевичи, незадолго передъ тѣмъ были моими учениками). Гилярову былъ я нуженъ какъ почитатель и ревностный способникъ. Когда Блудовы пріѣхали на лѣто въ Нескучное, я ввелъ къ нимъ Гилярова.

*

С. Посадъ. 3 Дек. 1854.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Благодарю васъ за присланныя книги и за записку вашу. Обѣ ваши просьбы постараюсь исполнить. Относительно, собственно, свѣдѣній о жизни покойнаго Голубинскаго, думаю, что онѣ вамъ надобны не сейчасъ, потому что некрологъ лицъ, скончавшихся въ нынѣшнемъ году, конечно, долженъ явиться или въ самомъ концѣ настоящаго или въ началѣ слѣдующаго года. Между тѣмъ къ тому времени я соберу

свѣдѣнія, какъ нужно, и прибавлю нѣкоторыя замѣчанія отъ себя. Разумѣется, это должно быть въ полномъ секретѣ. Паукъ*) удержалъ у себя біографію покойнаго, писанную однимъ моимъ сослуживцемъ, и едва ли дастъ ей явиться на свѣтъ. Посему разумѣвайте и о прочемъ.

Есть у меня къ вамъ просьба: не знаю только, возможно ли для васъ ея исполненіе. и хватитъ ли въ васъ охоты ее исполнить. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ Университетской бібліотекѣ, безъ всякаго сомнѣнія, есть Лютпрандъ, лѣтописецъ среднихъ вѣковъ. Мнѣ до него есть нѣкоторая надобность, и полагаю, что вы можете его достать. Если это можно, и если у васъ будетъ охота услужить мнѣ, то предлагаю два средства. Во первыхъ или перешлите мнѣ его по почтѣ. Это для меня удобнѣе: въ такомъ случаѣ, я возвращу его вамъ черезъ недѣлю, не болѣе, или спишите для меня нѣкоторыя мѣста (это менѣе удобно для меня, потому что не могу на угадъ знать нужное для меня въ этой книгѣ).

Въ Лютпрандѣ нужны для меня слѣдующія мѣста.

1) libri. cap. 7. повѣствованіе о избраніи папы Формоса, полное мѣсто.

2) libri 1, cap. 8. Повѣствованіе о томъ, какъ Сергій папа отсѣкъ Формосу пальцы. Мѣсто нужно какъ можно болѣе въ полномъ видѣ. Оно начинается словами. *Formoso defuncto atque Arnulpho...* оканчивается: *a religiosissimis Romanae urbis viris audivi*. Мнѣ нужно было бы это мѣсто выписать, взявъ еще повыше и продолживъ нѣсколько далѣе (чтобы увѣриться, что до моего дѣла ни предшествующее, ни послѣдующее не относится).

3) Мѣсто изъ предисловія, гдѣ говоритъ Лютпрандъ, что онъ былъ очевидецъ описываемыхъ событій. Не знаю, какъ велико предисловіе и потому указать самаго нужнаго не могу. Если оно не велико, то лучше мнѣ получить его вполнѣ.

Чувствую, что исполненіе просьбы моей затруднительно. Но можетъ быть, какъ нибудъ она и удобоисполнима. Повторяю, гораздо бы лучше, если бы можно было переслать мнѣ самую книгу. Чрезвычайно жалѣю, на этотъ разъ, что незнакомъ коротко ни съ однимъ изъ Университетскихъ профессоровъ. Полагаю, что въ такомъ случаѣ путешествіе Лютпранда не составило бы ни малѣйшаго затрудненія. А мнѣ онъ крайне нуженъ. Въ концѣ Декабря должна быть непременно напечатана въ нашемъ изданіи моя статья, въ которой отсутствіе указанныхъ мѣстъ составитъ значительный ущербъ для основательнаго изложенія дѣла. Впрочемъ вполнѣ полагаюсь на вашу дружбу

*) Т. е. Филаретъ.—Книга о Голубинскомъ, съ его портретомъ и съ его стихами, вышла въ 1855 г. Ш. Б.

и надѣюсь, что вы сдѣлаете все для васъ возможное и притомъ примете во вниманіе нужду поспѣшности. Если переслать книгу нельзя, а выписки сдѣлать можно, и вы этимъ не затруднитесь: то, разумѣется, нужно указать годъ и мѣсто изданія книги, равно какъ и страницы, на которыхъ напечатаны нужныя для меня мѣста.

О себѣ сказать вамъ ничего не могу. Чувствую себя до крайности гадко. Дѣла пропасть; условія дѣла официальные невыносимы. Кромѣ того, жду формальнаго выговора, по поводу читанной мною студенческой диссертациі, хотя въ тоже время—о чудеса—никакъ не могу заранѣе опредѣлить, за что сдѣланы были замѣчанія, за пустоту ли диссертациі, или за умнячанье. До такой степени неопредѣлимъ образъ мыслей тѣхъ кто дѣлалъ замѣчанія, что оба противоположныя замѣчанія равно вѣроятны. Извѣстія о Голубинскомъ пришлю вскорѣ. Вашъ Гиларовъ.

НВ. Въ концѣ письма я приписалъ вамъ просьбу о книгѣ, именно о присылкѣ ея. Теперь, сообразивши, я раздумалъ. Къ вамъ явится отъ меня уполномоченный Иванъ Андреевичъ Веніаминовъ, которому довѣрьте, о чемъ онъ васъ отъ моего имени попроситъ. Вѣроятно, онъ придетъ къ вамъ въ самый день полученія письма.

С. Посадъ, 21 Дек. 1854.

Отрываю кусокъ своего, чрезвычайно скуднаго времени, чтобы писать къ вамъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, и благодарилъ васъ за присылку нужныхъ мнѣ выписокъ. Съ своей стороны, и я посылаю вамъ весьма сокращенныя свѣдѣнія о Голубинскомъ. Боюсь, не опоздаю ли я; потому что вы просили прислать къ 15 Декабря. Да къ тому же смущаетъ меня одно обстоятельство: на дняхъ поѣдетъ въ Москву, съ просьбой о помѣщеніи въ „Московскія Вѣдомости“, сданная, наконецъ моему сослуживцу біографія Голубинскаго, состоящая, какъ и слѣдуетъ, изъ общихъ риторическихъ фразъ. Во всякомъ случаѣ дѣлайте какъ знаете. Ранѣе не могъ я послать къ вамъ ничего по простой причинѣ, что не вызналъ года рожденія покойнаго. Теперь, вотъ вамъ, во первыхъ выписки изъ послѣдняго списка покойнаго и изъ оставшагося послѣ него календаря.

Федоръ Александровичъ Голубинскій родился 1797 года, 22 Декабря. Отецъ его Александръ Андреевичъ посвященъ въ стихарь 1790 года Юня 23. Указъ о постановленіи дьячка получилъ 1791, Авг. 18. Женлся 1794, Окт. 29. Переведенъ во Троицкій Соборъ, въ Платьевскомъ монастырѣ въ псаломщика 1795 г. Юля 30. Посвященъ въ иподьякона 1802, Сент. 7, посвященъ въ дьякона 1805, Янв. 7, во священника къ Богословской церкви 1820, Ноября 6.). Мѣсто рожденія Федора Александровича Платекая Слобода, за рѣкой Костромой, въ Костромѣ. Учился Федоръ Александровичъ въ Костромской

семинаріи съ 1806 по 1814 годъ. За годъ по окончаніи семинарскаго курса, поступилъ въ новооткрывшуюся тогда (1814) Московскую Академію. Учился хорошо какъ въ Семинаріи, такъ и въ Академіи, и въ первой, бывши воспитанникомъ, занималъ должность информатора Греческаго языка. (Информаторами въ Семинаріяхъ и Академіяхъ стараго устройства назывались воспитанники не кончившіе курса и продолжавшіе ученье, но въ тоже время занимавшіе должность учительскую). По окончаніи Академическаго курса, въ 1818 году, былъ назначенъ въ ту же Академію бакалавромъ философическихъ наукъ, 1818 г. Авг. 27. Отсель идетъ служебная дѣятельность Ѳедора Александровича и описывается въ послужномъ спискѣ такъ: 1820, Юля 30 произведенъ въ члены Академической конференціи. 1820 Юля 31 въ преподаватели Нѣмецкаго языка (съ оставленіемъ прежней каѳедры), 1822 Авг. 28 въ экстраорд. профессора филосоіи, 1824 Окт. 21 въ ординарнаго, 1826 Юля 7 въ члены Цензурнаго Комитета, 1828 Авг. 16 во священника, 1828 Сент. 4 въ цензора преобразованнаго Цензурнаго Комитета, 1828 Ноября 19 въ члены Внутренн. Правленія Академіи, 1829 Янв. 17 въ чл. Внѣшн. Правленія, 1829 Юля 29 въ протоіерея. 1840 Мая 14 уволенъ, по прошенію отъ должности члена Правленія. 1851 Ноября 22—отъ должности цензора. Въ 1854 году представленъ къ совершенному увольненію, по слабости силъ, но не получилъ его. Умеръ въ Костромѣ 1855 Авг. 22.

Пропускаю скуфы, кресты и благословенія Св. Синода.

Слѣдовало бы сказать о внутреннихъ качествахъ покойнаго, и я обещаю вамъ дать нѣсколько замѣчаній. Простите: скудость времени моего не позволила мнѣ сдѣлать это самому, и я просилъ крестника покойному, по каѳедрѣ, сдѣлать безпристрастный очеркъ его личности. Тотъ, общавшись, обманулъ меня. Если можете подождать до святокъ, то получите этотъ очеркъ, увѣдомивши напередъ о своемъ желаніи. Скажу здѣсь только нѣсколько словъ.

Не стану повторять о нравственныхъ качествахъ, о смиреніи, незлобности, вообще о высотѣ нравственнаго характера, объ удивительной памяти, съ какою Ѳедоръ Александровичъ узнавалъ напр. по почерку всѣхъ воспитанниковъ Академіи за тридцать лѣтъ и называлъ по имени, отчеству и фамиліи и проч. Объ этомъ вы слышали отъ меня у Блудовыхъ.

Скажу здѣсь, что этотъ человекъ замѣчательнъ, собственно, по своей обширной богословской и философической эрудиціи и страшному трудолюбію, съ какимъ напр., какъ рассказываютъ, при цензурованіи кнпки Венедина (въ недавнихъ годахъ) для нѣсколькихъ строкъ цензурскихъ, напечатанныхъ въ книгѣ, онъ прочиталъ цѣлые томы. Но

таланта къ конструктивности, къ созданію самобытному этотъ человекъ не имѣлъ и ничего въ жизнь свою, кажется, не произвелъ, кроме перваго письма о конечныхъ причинахъ, отпечатаннаго въ Твор. Св. Отцовъ. Но и здѣсь является только собирателемъ, не болѣе.

Покойный читалъ Введенія въ Философію, Метафизику и Исторію Древней Философіи. Что сказать о его системѣ? Философія, по выражаемому во Введеніи и Метафизикѣ понятію, должна быть развитіемъ идеи безконечнаго. Идея безконечнаго, хотя прирожденная и прирожденная и присущая каждому человекъ, не есть врожденное понятіе, понятіе опредѣленное, не есть и формальная идея въ Кантовомъ смыслѣ, но можетъ быть понимаема какъ стремленіе къ безконечному, къ божеству: пустое, неопредѣленное сначала, и притомъ запутанное и не ясное. Это стремленіе чрезъ приращеніе человѣческаго сознанія къ міру дѣйствительности наполняется и становится опредѣленнымъ. Идея является, сообразно тремъ сторонамъ духа, идею истины, добра и красоты. Въ чемъ состоитъ путь восхожденія сознанія къ понятію о безконечномъ, и какъ, при свѣтѣ идеи о безконечномъ, открываются существенныя свойства, причины и цѣли сущаго, но раскрываемыя по тремъ вышесказаннымъ сторонамъ, въ этомъ должно состоять построеніе философіи, раздѣляющейся, по основному понятію, на метафизику, нравственную философію и эстетику. Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ основное понятіе о философіи. Но это понятіе въ системѣ не является выдержаннымъ. Въ своей Метафизикѣ Фѣдоръ Александровичъ былъ эклектикъ и даже не синкретистъ. Понятія, которыя онъ раскрывалъ, онъ подгонялъ только вообще къ своему основному понятію, но въ частнѣйшемъ проведеніи терялъ, какъ бы, основную нить, долженствовавшую его руководить. Являлась кругообразность (напр., бытіе идеи доказывалось изъ свойствъ божественныхъ, а свойства божественныя раскрывались и доказывались опять изъ идеи же). Въ изложеніи покойнаго ясность была дѣйствительно необыкновенная, при общей репутациі философовъ, какъ людей туманныхъ. Но нужно рѣшить, не зависѣла ли эта ясность отъ того только, что мысль не держалась философіи въ сферѣ отвлеченной, а вращалась въ кругу обыденныхъ представленій. И такъ, можетъ быть, это недостатокъ, а не достоинство.

Видите,—и самъ я чувствую, что сказаннаго мною мало, и высказанное мною неясно обрисовываетъ что нужно. Въ душѣ моей лежитъ болѣе полный образъ какъ самаго покойнаго, такъ и подробное понятіе о немъ, какъ о философѣ. Но повторяю, извините меня: не имѣю и часа свободнаго времени.

Объ Агапиту ничего не знаю. Нужно справиться у чиновниковъ Синодальной конторы: они знаютъ.

Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ. Прошу и требую непремѣнно отвѣта вашего. Въ Москву не ѣду. потому что заваленъ по горло официальными дѣлами, и въ частности статьею. Была бы у меня къ вамъ еще просьба, но не смѣю навязываться вамъ. Если для васъ будетъ легко, и можно сдѣлать скоро, сдѣлайте. Въ числѣ хроникёровъ средневѣковыхъ есть нѣкто Martinus Polonus: нельзя ли достать и прислать мнѣ его, или книгу, въ которой онъ помѣщенъ, на три-четыре дня? Совѣстно высказывать подобную просьбу. Но... кетати, какъ писать адресъ графинѣ? *)

*

С. Посадъ, 16 Марта 1855.

Вы увѣдомляете меня, что изъ Петербурга настоятельно просятъ о доставленіи извѣстнаго моего сочиненія, въ надеждѣ, что оно, при теперешнихъ обстоятельствахъ, можетъ быть очень полезно. Не знаю, чтѣ вамъ отвѣчать по поводу этого приглашенія. Во-первыхъ, я не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ сочиненіе мое можетъ быть полезно, и притомъ въ теперешнее время. У нечитавшихъ моего сочиненія, конечно, могла родиться такая мысль, въ слѣдствіе слуховъ, что сочиненіе написано умно и хорошо; и конечно, такіе отзывы и порождаемая ими надежда очень лестны для меня. Но съ другой стороны мнѣ остается только пожалѣть, что я подалъ поводъ къ этимъ слухамъ и этимъ отзывамъ.

Словомъ, я не понимаю, о какой пользѣ моего сочиненія можетъ быть рѣчь въ теперешнее время, но по мнѣнію моему, изъ моего письма пользы не можетъ быть никакой, а вредъ порядочный. Мое письмо писано было въ Октябрѣ 1853 года, при первыхъ только слухахъ о затѣвавшихся новостяхъ, и съ другой стороны, писано человекомъ равнявшимся сдѣлать посылно добро общественное, какъ одно простое напоминаніе, но никакъ не въ видѣ совѣта или мнѣнія. Въ такомъ именно случаѣ, то есть когда письмо будетъ принято какъ одинъ памятникъ прошлаго, я готовъ вручить его скромности уважаемыхъ мною лицъ, за тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не видѣли въ отказѣ моемъ простого упрямства, или даже чего нибудь еще хуже.

Между прочимъ, появилось было у меня желаніе самому побывать въ Петербургѣ; можетъ быть, отчасти это было бы полезно. Но, не говоря о безчисленныхъ затрудненіяхъ, чисто официальныхъ, подобная поѣздка не дозволяется мнѣ даже состояніемъ здоровья.

*) А. Д. Блудовой. П. Б.

Да, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, вы оканчиваете свою краткую записку желаніемъ мнѣ здоровья и счастья. Какую проію прочиталъ я въ этомъ желаніи! Я теперь боленъ, лечусь, принимаю микстуры, и безъ надежды выздоровленія, потому что причины, кромѣ физическаго изнуренія, главнымъ образомъ, чисто-психическія. Помнится мнѣ въ домѣ графа Дм. Ник. я какъ-то сказалъ, что не знаю, вынесу ли я даже этотъ годъ. Ан. Дм. засмѣялась на это; но увы, предсказаніе мое не совсѣмъ было лишено основанія. Нервное разстройство у меня сильнѣйшее.

*

С. Посадъ, 1 Апр. 1855.

Занимаюсь я въ настоящее время исторіей и теоріей церковнаго пѣнія, преимущественно древняго. Чудныя, оригинальныя вещи встаютъ предо мной. Работы предъ собою вижу много, и не знаю, до какой степени удастся мнѣ выяснитъ существо древней церковной музыки, основанной, какъ видится, на совершенно иной системѣ, нежели теперешняя музыка.

При этомъ кстати просьба. Я просилъ И. С. А.¹⁾ адресоваться къ Алексѣю Степановичу²⁾ съ тою же просьбою, но можетъ быть у Ал. Степ. нѣтъ того, о чемъ я прошу. И такъ я думаю адресоваться еще къ другому лицу. Но въ Москвѣ ли Стаховичъ? Онъ меня, кажется, знаетъ. И вотъ я желалъ бы получить какую нибудь книгу, которая заключала бы въ себѣ общую теорію современнаго музыкальнаго искусства. У него подобная книга должна быть; а мнѣ бы она нужна на краткое время. Вы, хотя чрезъ Елагиныхъ, имѣете способы сообщить ему мою просьбу.

При этомъ передайте ему мою мысль. Приходила ли ему догадка, что гамма у Русскаго народа, поющаго пѣсни, не та, какая употребительна въ обыкновенной музыкѣ, и построена на особенной системѣ? Я почти увѣренъ въ этомъ и готовъ, если угодно, представить образчикъ пѣсни, которую невозможно выразитъ вашими нотами, по сказанной мною причинѣ. Начавшему изученіе музыки по нынѣшней системѣ, можетъ быть, трудно въ этомъ увѣриться: но мнѣ, воспитавшемуся впервые на звукахъ народнаго пѣнія, чувствуется очень ясно, что наша нынѣшняя система ниже музыки народной. И кака я система, по математическому вычисленію пропорцій между тонамъ, правильнѣе, это другой вопросъ, о которомъ разсуждать негдѣ теперь и некогда.

1) Аксакова. П. Б.

2) Хомякову. П. Б.

*

С. Посадъ, 28 Сент. 1855.

Вы спрашиваете, не оставилъ ли я желанія перемѣнить службу. Отвѣтъ вы получили уже. Я спрашивалъ васъ о мѣстѣ, котораго лѣтомъ, по многимъ отношеніямъ, я не хотѣлъ бы принять, если бы его даже и предложили. Ваше извѣстіе несказанно меня порадовало. Чья-то безыменная клевета такъ мнѣ угодила, что я вынужденъ просить отставки и подаю просьбу немедленно объ увольненіи. Паукъ запустилъ въ меня свои лапы и хотѣлъ задушить окончательно.

Подробности отлагаю до скорого личнаго свиданія. Дотогѣ прошу и надѣюсь, что дружба ваша сохранить мои намеки въ строжайшемъ секретѣ. Между тѣмъ увѣдомьте меня, что это за мѣсто, могущее скоро открыться. Можете судить, что это меня крайне интересуешь. Если извѣщеніе объ этомъ возможно по почтѣ, увѣдомьте меня въ Субботу. Если же нужна оказія, то представляются два способа: во первыхъ, въ Москвѣ семейство Аксаковыхъ, которое, кажется въ Воскресенье отправится въ деревню. Впрочемъ гдѣ оно остановилось, не знаю... Другой способъ простѣйшій, хотя для васъ и болѣе затруднительный: нужно съѣздить ко Кресту, т. е. около Троицкой заставы, гдѣ на дворѣ, кажется, Астафьева Троицкіе ямщики. Вручить ямщикамъ письмо, съ надписью: подателю столько-то (по уговору), если доставить письмо тогда-то (по уговору-же). Хорошо, если ящикъ попадетъя Мокеевъ или Моисеевъ: они меня знаютъ. Цѣна доставки съ утра на вечеръ, или съ вечера на утра, болѣе обыкновенная 50 коп. серебромъ, которыя и должны быть уплачены мною. Во всякомъ случаѣ жду отъ васъ увѣдомленія, для соображенія своихъ дѣйствій.

Поблагодарите графиню за память обо мнѣ. Я предъ ней виновать, что не исполнилъ обѣщанія ей даннаго: но обстоятельства мои были таковы, что не о томъ нужно было думать. При семъ прилагаю письмо къ ней. Оно можетъ быть отправлено не иначе какъ по оказіи. Если таковой нѣтъ, то пусть оно будетъ у васъ.

*

С. Посадъ, 28 Сент. 1855.

Вы, конечно слышали, что лѣтомъ я искалъ мѣста начальника отдѣленія у васъ въ Архивѣ и что исканіемъ своимъ я опоздалъ. Прошу васъ теперь, увѣдомьте меня немедленно, замѣщена ли вакансія бібліотекаря или нѣтъ? Извѣстіе это мнѣ крайне нужно.

На дняхъ я буду въ Москвѣ и увижу васъ. Дотогѣ прошу васъ не говорить о моемъ порученіи никому ни слова.

Жду отъ вашей дружбы немедленнаго увѣдомленія. Если письмо вы получите въ Четвергъ, то пошлите отвѣтъ мнѣ, если можно, въ

тотъ же день, хотя со штрафомъ лишняго гривенника, часу въ пятомъ. Въ Четвергъ ходитъ почта изъ Москвы къ Троицѣ. А то придется ждать до Субботы, а мнѣ до Воскресенья.

*

С. Посадъ, 14 Окт. 1855.

Прошу васъ покорнѣйше о двухъ вещахъ.

Во первыхъ, пошлите прилагаемое письмо къ графинѣ. Если есть немедленная оказія, то съ оказіей: если нѣтъ, то и по почтѣ: ибо въ письмѣ нѣтъ, кажется, ровню ничего, заслуживающаго посторонняго вниманія. Самъ не посылаю, потому не знаю адреса, не измѣненъ ли онъ съ прошлаго года*).

Второе, если Кошелевъ въ Москвѣ есть или будетъ, хорошо, если бы вы побывали у него и безъ всякихъ дальнихъ разговоровъ объявили ему, что я по непріятности выхожу изъ службы. Я отъ него жду письма, но письма нѣтъ. Можетъ быть мои обстоятельства и побудятъ его написать мнѣ. А безъ того повторить къ нему письмо не рѣшаюсь; ибо могу предполагать, что онъ на меня сердитъ, и въ такомъ случаѣ смѣшно мнѣ писать къ нему пустое письмо.

Извините, что я заваливаю васъ порученіями. Искренно желаю, чтобы какъ нибудь и мнѣ выпалъ случай чѣмъ нибудь отплатить вамъ за ваше участіе. Вашъ Гиляровъ.

Увѣдомьте меня о полученіи и о времени полученія этого письма. Мнѣ нужно для расчета съ ямщикомъ, который вамъ его доставляетъ. Адресъ пишите.

*

22 Окт. 1855.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.

Новая ко мнѣ оказія пріѣхала въ Москву и остановилась въ Петровскомъ монастырѣ, въ видѣ эконома Московскои Духовнои Академіи, іеромонаха отца Геронтія. Если есть ко мнѣ письмо, перешлите съ нимъ.

Да не можете ли вы мнѣ сообщить, въ какомъ положеніи редакторское мѣсто „Московскихъ Вѣдомостей“? Уволенъ ли Катковъ, и что за симъ послѣдовало далѣе? И если есть еще какая нибудь надежда, то не присовѣтуете ли вы мнѣ... что нибудь дѣлать? Спужу здѣсь, ничего не знаю. Говорятъ, Вяземскій скоро будетъ въ Москвѣ, и я думаю во всякомъ случаѣ побывать у него. Вашъ Гиляровъ.

*) Графъ Блудовъ и его дочь многіе годы жили въ Петербургѣ въ домѣ Болдско, на Большой Итальянской улицѣ. П. Б.

торговцами. Закрыли заставы Парижа для вывоза изъ столицы муки и хлѣба. Чтобы утѣшить жителей, имъ выдали *сто (sic)* мѣшковъ муки изъ казны. Коммуны должны были добывать хлѣбъ, какъ знали.

Голодь усиливался. Въ Нормандіи начались волненія. Въ окрестностяхъ Кана вспыхнулъ бунтъ. Грабили, жгли мельницы. Пришлось послать полкъ императорской гвардіи. Укрошеніе отличалось неслыханной жестокостью; казнили женщявъ, дѣтей, но голода не прекратили. Наполеонъ рѣшилъ издать проэктъ таксы, чтобы этой энергичной мѣрой положить конецъ жадности наживавшихся. Члены совѣта продовольствія отклонили эту бесполезную мѣру. Тогда въ Монитѣрѣ появился декретъ о таксѣ, исходившій только отъ императора. Гектометръ зерна таксировался въ 33 франка для шести департаментовъ, которые могли поставлять хлѣбъ на рынокъ. Это не помогло дѣлу, но Наполеону было некогда. Несмотря на голодь, онъ издаетъ декретъ о наборѣ 200,000 рекрутовъ. Наборъ былъ производимъ послѣ организаціи національной гвардіи въ *три* призыва. *Брались люди отъ 20 до 60 лѣтъ*. Первый призывъ состоялъ изъ молодежи отъ 20 до 26 лѣтъ. Призывъ былъ раздѣленъ на три когорты (по 100 человекъ). Этими Наполеонъ могъ призвать къ войнѣ лишнихъ 100,000 человекъ. Когорты перваго призыва были отданы въ распоряженіе военнаго министра, для защиты границъ и поддержанія внутренняго порядка. Эти громадныя наборы вызвали въ странѣ глухое недовольство.

Иго завоевателя стало для всѣхъ невыносимо. Воспитанный въ палаткѣ, явившись къ концу революціи, Наполеонъ понималъ ея матеріальную только сторону. Всѣ его стремленія были глубоко эгоистичны и сводились къ узкимъ, личнымъ цѣлямъ; въ угоду имъ приносилъ онъ все, десятки тысячъ людей, благо Европы и т. д. „Я выросъ на поляхъ битвы; для меня ничто жизнь милліоновъ людей“, вотъ подлинныя слова его. Прибавьте его презрѣніе къ идеологіи и къ мирной практической работѣ, и мы поймемъ, что первая неудача должна была повести его къ паденію.

С. Фарфоровскій.

Елисаветполь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка 20 копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частью возвышенной. Вотъ эти годы

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1903 продаются по 7 рублей за каждый годъ. годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

И. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТИЕ СВЯТЫЙШАГО ПАТРИАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексѣя Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартепевъ.**

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

7.

стр.

321. Екатерина Великая. Труды ея въ первые два года царствованія. Своеручныя письма и замѣтки.
338. Еще своеручныя замѣтки Екатерины Великой, разныхъ годовъ. (Изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ).
383. Изъ бумагъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову. 1816—1823.
417. 1812-й годъ. Общій очеркъ войны. Составилъ А. П. К.
439. Изъ Записокъ А. Е. Егорова: Служба и жизнь въ Москвѣ 1866—1869.
453. Старые годы. Изъ архива Н. О. Кутлубицаго. Сообщилъ А. А. Бронскій.
461. Письма княгини Е. Р. Дашковой къ князю А. Б. Курякину и графу А. Н. Сакоблону.
466. Воцареніе Екатерины Великой. П. Б.
468. Императоръ Александръ Второй во Владимирѣ Н. Дилекторскаго.
470. Письма къ П. И. Бартеневу: М. А. Коновича, архимандрита Порфирія Ю. Ѳ. Самарина, Н. И. Лорера, князя П. В. Долгорукаго, Н. И. Крылова и С. Т. Ансанова.
479. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (князь С. В. Шаховской).
480. Памяти Тютчева. (Стихи).
- Внутри обложки: Объ изданіи Портретной Галлерей 1812 года.— О дневникѣ Итальянскаго офицера Цеваря Ложке.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1912.

1812—1912. Военная Галерея 1812 года. Сиб. въ Экспедиціи Государственныхъ бумагъ. Больш. 4-ка, 83 листа съ портретами 399 лицъ, помѣщенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, и 291 стр. пояснительнаго текста съ азбучнымъ указателемъ. На заглавномъ листѣ видъ Зимняго Дворца и Александровской колонны. На второмъ листѣ слова: „Достойнымъ потомкамъ доблестныхъ предковъ Николай.“ Мы имѣемъ тутъ автографъ Государя Императора.

Государь Императоръ благоизволилъ издать Портретную Галерею Зимняго Дворца и поручилъ произвести это изданіе Великому Князю Николаю Михайловичу, многоопытному довершителю того, что начато державнымъ его дѣдомъ. Вспомнимъ стихи про эту единственную въ своемъ родѣ Галерею.

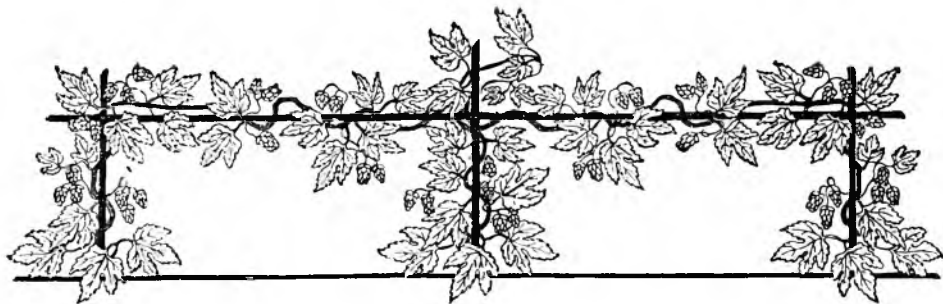
У Русскаго Цари въ чертогахъ есть палата;
Она не золотою, не янтаремъ богата;
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ,
Но сверху до низу, во нею лпану кругомъ,
Своею кистью свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстрокой.

Мысль объ увѣковѣченіи памяти защитниковъ и спасителей отечества въ гигантской борьбѣ съ Западною Европою возникла еще у Императора Александра Павловича: въ Царскомъ Селѣ противъ дворца Великаго Князя Владимира Александровича поставлена имъ триумфальная арка съ надписью на Французскомъ и Русскомъ языкахъ: „Моимъ сослуживцамъ (A mes chers compagnons d'armes). Онъ же первоначально озаботился, о снятіи портретовъ съ этихъ своихъ сослуживцевъ и для этого выписалъ Англійскаго художника Георга Дау, который работалъ и въ слѣдующее царствованіе. Портретная Галерея была готова и размѣщена, когда 17 Декабря 1837 года Зимній дворецъ весь сгорѣлъ. Портреты конечно, были вывешены и сбережены: гвардейцы на Дворцовой площади охранили спасенное отъ пламени царское достояніе.

За портретами слѣдуетъ въ книгѣ справочное изложеніе. Работа эта исполнена секретаремъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Голомбѣвскимъ. Это только формулярные списки, взятые болышею частью изъ военнаго архива, что въ Москвѣ, въ Лефортовскомъ дворцѣ.

Мы еще обратимся къ этому справочному тексту, а теперь только привѣтствуемъ этотъ великолѣпный даръ, принесенный Отчественной исторіографіи. Тутъ не взгляды личные, не сужденія, которыя иной разъ бываютъ односторонними, а налицо сами подвижники, которые своею доблестью спасли насъ отъ Наполеонова ига.

Конечно, многіе изъ этихъ портретовъ повторяютъ собою тѣ, которые мы уже имѣемъ въ пятитомномъ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича: „Русскіе Портреты.“ Любители могутъ запыться сравненіемъ, но бываетъ такъ, что лицо изображенное въ молодости совсѣмъ не похоже на снятое въ старости. Можно указать на нѣсколько лицъ, портреты которыхъ повторенные нѣсколько разъ, почти вовсе не имѣютъ сходства между собою: такова портретная зыбкость, которая обуславливается возрастомъ, общественнымъ положеніемъ и житейскими обстоятельствами того, кто снимался. П. В.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

Труды ея въ первые два года царствованія.

Своеручныя письма и замѣтки *).

Въ самый день восшествія на престолъ, прежде чѣмъ отправиться въ Петергофъ съ гвардіею, Екатерина написала графу З. Г. Чернышеву указъ о возвращеніи его съ Русскими войсками домой отъ Фридриха. Указъ начинается: „Понеже желаніемъ всего народа, а паче Божиимъ всемогущимъ вспомощеніемъ, мы вступили самодержавно на Всероссійскій престолъ“.

Чьею рукою писанъ этотъ указъ, который свидѣтельствуешь о вполнѣ ясномъ самосознаніи и не обличаетъ никакой уторопленности, столь естественной въ тѣ минуты, не знаемъ.

На случай, буде Фридрихъ станетъ задерживать у себя графа Чернышева, графу П. И. Панину приказано, присоединивъ войска, находившіяся подъ его начальствомъ, къ Австрійскимъ, снова занять и обложить податями населеніе Пруссіи.

25 Іюля 1762 г. дѣйствительный камергеръ Сергій Васильевичъ Салтыковъ назначается въ Парижъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ на мѣсто графа П. Г. Чернышева. 20 Августа 1762 г. онъ получаетъ рескриптъ объ этомъ назначеніи. На немъ своеручная замѣтка Екатерины: „Отправитъ скорѣе Сергѣя Салтыкова“. Этотъ рескриптъ поданъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 19 Августа чрезъ камергера Григорія Григорьевича Орлова. И такъ Салтыковъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ

*) Извлечены изъ 48 и 51 томовъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. П. Б.

Гамбурга (онъ былъ тамъ резидентомъ) и во дни воцаренія Екатерины могъ бывать при дворѣ, гдѣ онъ имѣлъ столько знакомствъ въ царствованіе Елисаветы Петровны.

*

„Михайла Ларіоновичъ, пишетъ Екатерина канцлеру графу Воронцову, брата моего¹⁾ посланникъ можетъ, хотя онъ мнѣ и не представленъ. въ церкви завтра съ Цесарскимъ посломъ входить. Въ десятомъ часу въ Субботу“. Помѣта канцлера: Получено 24 Сентября 1762 г.

Собственноручныя записки канцлеру.

Для памяти господину канцлеру примѣчается, что въ секретныхъ письмахъ не находится никогда письма барона Гольца²⁾, и думать надлежитъ, что оный посланникъ пересылаетъ черезъ купцовъ; и такъ прикажите осматривать письма Погенполя и тѣхъ купцовъ, которые имѣютъ корреспонденцію въ Берлинъ, Бреславъ или въ Саксонію.

Помѣта канцлера: Получено 25 Сентября 1762.

Михайла Ларіоновичъ, прикажите написать (и отошлите) паспортъ для фельдмаршала Миниха ѣхать въ чужіе края³⁾. При семъ прилагаю рапортъ сенаторской конторы о отправленіи въ Англію морскихъ офицеровъ и кадетовъ; не извѣстно ли вамъ, отправлены ли они уже? Морскому капитану Борисову, по той причинѣ, что онъ жену и дѣтей оставляетъ, надлежитъ дать тысячу рублей (восемь сотъ ему, а двѣсти женѣ) покаместъ онъ въ Англіи будетъ; и тако желаю знать, что о семъ до васъ дошло и деньги откудова оные офицеры получаютъ имѣютъ. Приложенное письмо извольте на почтѣ отослать къ графу Кейзерлингу.

Помѣта: Получено 28 Сентября 1762.

*

Рескриптъ князю Ренину въ Берлинъ.

Его свѣтлость владѣтельный князь Ангальтъ-цербстеской, любезный нашъ братъ, проситъ насъ чрезъ присланнаго къ намъ полковника Ротшица, сдѣлать заступленіе его величеству королю Прусскому, чтобъ собираемыя ежегодно съ Ангальтъ-цербстескихъ земель контрибуціи, про-

¹⁾ Этотъ единственный братъ Екатерины ни разу не допускался въ Россію (таковы были его свойства). П. Б.

²⁾ Пруссакаго посланника. П. Б.

³⁾ Кажется, что возвращенный изъ ссылки Петромъ III-мъ славный Минихъ не воспользовался этимъ паспортомъ и не ѣздилъ къ себѣ на родину, въ Ольденбургъ. П. Б.

стирающіяся до ста двадцати тысячъ талеровъ и составляющія всѣ княжескіе доходы, такожъ поставки рекрутъ и протчихъ военныхъ тягостей отложены, и чтобъ освобожденъ былъ маркизь Дюфрень, находившійся Французскимъ посланникомъ при Цербѣтскомъ дворѣ и схваченный по указу короля Прусскаго въ княжескомъ замкѣ. Мы повелѣваемъ вамъ именемъ нашимъ его величеству королю сдѣлать по тому представленію и домогаться, чтобъ Ангальтъ-цербѣтскія земли отъ всякихъ поборовъ и налоговъ избавлены были и маркизь Дюфрень на свободу отпущенъ былъ. что почтемъ мы за особенное къ представленіямъ нашимъ уваженіе. Мы будемъ въ свое время ожидать доношенія вашего. какой отвѣтъ вы получите отъ короля Прусскаго. Данъ въ Москвѣ, Октября 24 дня 1762 года.

Записки канцлеру.

Михайла Ларионовичъ. Приѣзжалъ сюда бухарець Пріазаръ и привезъ къ вамъ письмо при бывшемъ императорѣ отъ Киргизъ-кайсацкаго хана, и онъ паки отъ васъ отправленъ; пожалуй, дайте мнѣ знать о происшествіи всего того дѣла и какъ онъ отправленъ и съ какими подарками. и впредь если отъ тѣхъ народовъ какія присылки будутъ и по какимъ причинамъ, и для чего бывшія до меня не были допущены. Помѣта канцлера: получено 4 Ноября 1762.

Канцлеръ графъ Воронцовъ отвѣчалъ того-же числа: „О дѣлѣ Бухарца Пріазара, который мнѣ письмо отдалъ отъ нѣкоторыхъ Киргизъ-кайсака я совершенно не помню содержаніе онаго донести В. И. В—ву, а прикажу въ Коллегіи сочинить краткую выписку. Сколько мнѣ помнится. Киргизъ-кайсаки, Бухарцы и другіе Азіатики весьма желаютъ имѣть позволеніе чрезъ Россію проѣзжать въ Мекку на поклоненіе къ гробу Магометову, токмо имъ для статскихъ резоновъ дозволеніе не дается. Что-же касается до дѣлъ, которыя сей Бухарець здѣсь имѣлъ, оныя чаятельно были въ Сенатѣ или въ Кабинетѣ, а не въ Коллегіи, и я не вѣдаю, когда, отъ кого и съ чѣмъ онъ изъ Россіи отправленъ; впрочемъ посланцевъ изъ Бухаріи нынѣ здѣсь нѣтъ, а всѣ Азіатики вѣдомства Коллегіи были представлены В. И. В—ву“.

*

Позже я нынѣ намѣрена послать къ владѣтельной герцогинѣ Мекленбургъ-шверинской кавалерію св. Екатерины, то отправить оную кавалерію къ Мусину-Пушкину въ Гамбургъ, дабы онъ къ той принцессѣ побхалъ и ей вручилъ, также и письмо мое къ ней съ тѣмъ наставленіемъ, чтобы онъ и къ прочимъ близко дежащимъ въ Нижней

Саксонія княжескимъ домамъ поѣхалъ, будто бы изъ любопытства, и вездѣ при случаяхъ отзывался, что мое твердое намѣреніе есть совершенно протезировать всѣ вольности и права членовъ Римской имперіи, заступаться вездѣ за нихъ и не допускать до малѣйшаго имъ утѣсненія, разговаривая при томъ, сколь полезно бы было для нихъ, если бы Россія была гарантомъ сихъ нынѣшнихъ ихъ конституцій, и ему Пушкину приготовить духи, сколь его возможности будетъ. Изъ Коллегіи къ такой вѣздѣ переслать къ нему приличную сумму денегъ и окончивъ оный вояжъ о всемъ пропеходящемъ ему рапортовать, въ какихъ сентиментахъ онъ сихъ князей нашель, къ которой державѣ болѣе склонности имѣють и пр. и пр. Помѣта канцлера: Получено 11 Декабря 1762.

Рескриптъ посланнику Мусину-Пушкину въ Гамбургъ.

„Быть по сему“.

Въ знакъ императорскаго нашего благоволенія къ герцогскому Мекленбургъ-шверинскому дому и для изъявленія особенной нашей благосклонности къ ея свѣтлости владѣющей герцогинѣ, всемилостивѣйше заблагоразсудили мы оную герцогиню пожаловать орденомъ святаго Екатерины, знаки котораго купно съ нашею къ ея свѣтлости грамотою при семъ къ вамъ посылаемъ. По полученіи оныхъ имѣете вы сами въ Шверинѣ отправиться, и какъ грамоту нашу, такъ и орденскіе знаки ея свѣтлости вручить на испрашиваемой особенно для того аудіенціи съ пристойнымъ (по содержанию приложенной при семъ копіи съ той грамоты) именованъ нашимъ чинимымъ комплементомъ, который равноѣрно-жъ учинить имѣете и его свѣтлости герцогу съ такимъ присовокупленіемъ, что надѣемся мы, что онъ оказующую его супругѣ отличность съ удовольствіемъ приметъ, удостовѣряясь тѣмъ о нашемъ къ герцогскому дому его благоволеніи. Какимъ образомъ окончите вы сію комиссію, о томъ будемъ мы ожидать въ свое время обстоятельнаго вашего доношенія, а между тѣмъ поручаемъ вамъ еще и другую гораздо важнѣйшую.

Когда совсѣмъ вы изъ Шверина отправитесь, то имѣете возвратный вашъ путь такъ распорядить, чтобъ можно вамъ было и къ прочимъ ближнимъ въ нижней Саксоніи лежащимъ княжескимъ домамъ заѣхать, не подавая однако ни малѣйшаго вида, якобы вы такую поѣздку дѣлаете по точному нашему указу, но паче стараясь увѣрить всѣхъ, что вы предпринимаете оную изъ единого собственнаго вашего любопытства.

Мы на благоизобрѣтеніе ваше оставляемъ, къ кому вы по способности изъ означенныхъ князей заѣхать за удобное разсудите, а какъ мы не сумѣваемся, что вы въ разсужденіи имѣющаго на себѣ характера нашего министра вездѣ съ отличною аттенціею принимаемы будете, то надобно вамъ въ тѣхъ мѣстахъ, а особливо въ Шверинѣ, якобы отъ себя при удобныхъ къ тому случаяхъ отзываться, коимъ образомъ мы твердо намѣреніе имѣемъ совершенно защищать вольности, преимущества и правости всѣхъ членовъ Римской имперіи и, заступая за нихъ повсюду, ни до малѣйшаго ихъ утѣсенія, разсуждая при томъ далѣе, сколь для всѣхъ ихъ полезно было-бъ, когда бы мы гарантомъ были въ ненарушимомъ соблюденіи всѣхъ ихъ конституцій, къ чему вамъ при удобныхъ случаяхъ, насколько возможно, приготавливать тамошніе духи, однакожь весьма искуснымъ и безпримѣтнымъ образомъ. Мы уповаемъ, что вы стараться будете сію поручаемую вамъ комиссію окончить сходственно съ нашимъ желаніемъ, и по исправленіи вашего вояжа не оставите донести намъ подробно, какъ о всемъ во время пути вашего происшедшемъ, такъ особливо о томъ, въ какихъ сентиментахъ означенные князья находятся и къ которой державѣ болѣе склонности имѣютъ, что все зависить главнѣйше отъ вашего примѣчанія и отъ приличныхъ къ тому разговоровъ вашихъ.

Мы сей нашъ рескриптъ посылаемъ къ вамъ съ нарочнымъ курьеромъ, нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ фонъ-Визинимъ*), а для исправленія дорожныхъ издержекъ опредѣляемъ вамъ 2000 рублей, которыя деньги вскорѣ къ вамъ переведены будутъ изъ помянутой Коллегіи.

По отъѣздѣ вашемъ изъ Гамбурга можете вы на время отсутствія вашего акредитовать тамо находящагося при васъ переводчика Вихляева и наказать ему, чтобъ онъ о всемъ тамо происходящемъ доносилъ сюда въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. И пребываемъ и т. д. Данъ въ Москвѣ, Декабря 16 дня 1762 года.

*

Мысли, могуція служить для отвѣта Англійскому послу.

Что желательно было бы, если бы возможно, воспрепятствовать королю Прусскому соединиться съ Франціей, такъ какъ то было до нынѣшней войны; что для достиженія сего намѣренія еще время не настало, чтобы принять явнымъ образомъ прежнюю систему, которая не оставляла сему государю иного способа, какъ соединиться съ Фран-

*) Это прославившійся позднѣе Денисъ Ивацовичъ Фонвизинъ. П. В.

цією. Сіє князю Репнину пересказать королю и также оному князю наставленіе дать, дабы онъ продолжалъ свои старанія внушать, сколь мы можемъ поспѣшествовать мирной негоціаціи и что требованіе короля о нашемъ стараніи весьма нашу къ нему повѣренность привлечеть. особливо при нынѣшнихъ конъюнктурахъ.

Князю Голицыну въ Вѣнѣ надлежитъ ни малѣйшаго знака дать, что онъ о сей негоціаціи извѣстенъ, а когда къ нему о томъ отзываются будуть, онъ съ холодною кровью отвѣтствовать имѣеть, что его дворъ о томъ уже давно извѣстился и. не имѣвъ въ томъ откровенности отъ Вѣнскаго, видѣть съ сожалѣніемъ, что своей податливости оказать не можетъ. Хотя общій интересъ бы и требовалъ болѣе съ ихъ стороны откровенности, но, не видя ея въ ономъ случаѣ, и мы не нашли за благо дать знать, что Французскій дворъ негоцировалъ нейтралитета Нѣмецкихъ князей съ королемъ Прусскимъ въ предсужденіе цесаревы, о чемъ мы за подлинно извѣстны. Съ экспедиціей на эстафетѣ не мѣшкать.

(На конвертѣ) Отдать графу Михайлѣ Ларіоновичу Воронцову. Помѣта: Получено 7 Января 1763.

Записки канцлеру.

Есть-ли жалоба будетъ отъ графа Мерсіа и прочихъ чужестранныхъ министровъ о раскрываніи ихъ писемъ, надлежитъ имъ отвѣтствовать, что чаятельно, что въ Митавѣ ихъ принцъ Карлъ раскрываетъ, а на насъ вину кладесть. Помѣта: Получено 7 Января 1763.

*

Михайло Ларіоновичъ, я для нѣкоторой комнатной нужды отправила сержанта Толстова въ Варшаву, а нынѣ онъ назадъ пріѣхалъ и привезъ съ собой приложенный пукъ писемъ для чужестранныхъ министровъ, которыя я къ вамъ посылаю, дабы они формою шли. Пакетъ для вашей Коллегіи я распечатала и при семъ прилагаю. Также и депеши Симолина. По прочтеніи пришли ихъ обратно ко мнѣ. Чтò до Курляндіи касается, прикажите Адаму Васильевичу*) сообщить. Помѣта канцлера: Получено 8 Января 1763.

*

Аша, который куріеромъ пріѣхалъ отъ графа Кейзерлинга, надлежитъ съ извѣстнымъ рескриптомъ и съ печатными переводами, опять,

*) Олсуфьеву. Ш. Б.

какъ скоро успѣть можно, отправить, а изъ Кабинета онъ снабдепъ будетъ пятьюдесятью тысячами червонными въ натурѣ на четъ (счетъ?) сверхъ расхода, остаточную сумму штатсъ-конторы для употребленія въ Польшѣ какъ для комиссіи о дедомажементѣ¹⁾ Польскихъ жителей въ бытность нашей арміи, такъ и для прочихъ графу Кейзерлингу уже извѣстныхъ расходовъ.

Къ Симолину написать, дабы онъ, какъ скоро герцогъ Эрнстъ-Іоаннъ вѣдетъ въ Митаву, отдалъ ему все во владѣніе, снявъ секвестръ со всѣхъ доходовъ, какъ скоро онъ самъ потребуеть. Помѣта: Получено въ Коллегіи 17 Генваря 1763.

*

Изъ Иностранной Коллегіи снабдить полковника Пучкова восемью тысячами рублями изъ тѣхъ тридцати тысячъ, которыхъ я Коллегіи на секретныя употребленія приказала выдать, а инструкція ему отъ насъ дана будетъ. Помѣта канцлера: Получено 19 Генваря 1763 года.

*

Фельдмаршалъ Ляси былъ посланъ къ маршалу де-Саксъ, когда сей послѣдній хотѣлъ въ Курляндіи укрѣпиться, съ тѣмъ, чтобы сказать ему, чтобы онъ изъ Митавы выѣхалъ. Тоже и нынѣ надлежитъ дѣлать: генералу Броуну велѣть въ Митаву съ такимъ же комплиментомъ къ принцу Карлу ѣхать; а можно изъ архива, если оный здѣсь²⁾, къ тому принадлежація піесы сыскать, а если ихъ здѣсь на лицо не имѣется, такъ и безъ нихъ обойтись можно. Получено 21 Января 1763 г.

*

Михайла Даріоновичъ, извольте требовать съ господина Борхаръчъ, которую онъ при аудіенціи мнѣ говорить намѣренъ, а послѣ я означу по пристойности день, а то можно быть и нелѣпу говорить станеть. Помѣта канцлера: Получено 12 Февраля 1763.

*

Мнѣ кажется послу Англійскому отвѣтствовать удобно на его домогательство о союзномъ трактатѣ, что желательно было напередъ согласиться о мѣрѣ въ случаѣ выбора будущаго короля Польскаго, такъ какъ я уже не однажды оному послу внушить приказала, но еще мнѣніе его двора неизвѣстно. А если онъ на то скажетъ, что они на все согласны, что я по онымъ дѣламъ предприиму, тогда можно отвѣтствовать, что сіи генеральные термины не довольны, если они не въ

¹⁾ Dédommagement, возмѣщеніе, уплата. П. Б.

²⁾ Т. е. въ Москвѣ. П. Б.

инструкціи Англійскаго министра въ Варшавѣ, дабы онъ согласно могъ поступать съ моимъ посломъ. Помѣта канцлера: Получено 16 Февраля 1763.

*

1. Тѣсная голова Ржичевскаго¹⁾ не могла понять, что если ему приказано было у двора рекомендовать къ произведеніямъ тѣ персоны, о которыхъ Чарторискіе просили, онъ могъ ихъ также рекомендовать и у примаса и прочихъ. Лучше всего видится, дабы впредь тамъ не думали, что мы двойкую роль играемъ, приказать ему поступать по наставленіямъ Кейзерлинга; я сверхъ того вижу, что Ржичевскій весьма влюбленъ въ графа Бриля, а я желаю, чтобы не по собственнымъ страстямъ, но по моимъ приказаніямъ поступлено было. Въ силѣ всего, однако-же безъ выговора и умѣря слова, наставленіе ему дать надлежитъ для переду. Помѣта канцлера: Получено 16 Ноября 1762.

2. Велите внушить графу Брюлю, что если по Курляндскимъ дѣламъ онъ единый противный моей волѣ шагъ сдѣлаетъ, я велю покинуть всѣ мои старанія у короля Прусскаго объ Саксоніи, а въ Польшѣ сутенировать всѣмъ, чѣмъ только вздумать онъ можетъ, всѣхъ тѣхъ, которые ему злодѣи, и до тѣхъ поръ не перестану покамѣсть его изъ Польши не выгоню. Сіе внушеніе господину канцлеру, разговоромъ съ которымъ изъ здѣсь резидующихъ министровъ чужестранныхъ онъ за способнымъ къ тому выберетъ, имѣть, а мнѣ кажется Датскій или Шведскій способѣе, и то начиная индифферентно и разговаривая съ великимъ уничиженіемъ о мнимомъ стараніи графа Бриля по Курляндскимъ дѣламъ, и что онъ хотѣлъ выбрать Польскихъ двухъ сенаторовъ и посылать въ Митаву, и что такой и всякій иной его Брюля поступокъ противъ моей воли меня доведетъ сутенировать всѣхъ тѣхъ, которые стараются о его погибеліи и то всѣмъ тѣмъ, чѣмъ силы имѣю. И такъ стараться, чтобы сіе до Прассе²⁾ дошло, дабы знали мои намѣренія, а графъ Бриль бродливъ какъ кошка и трусливъ какъ заяцъ.

Помѣта: Полученъ 10 Декабря 1762.

3. Помнится, что у магнатовъ Польскихъ въ Венгеріи также сады наемные; если имъ то позволяется, то кажется будто бы оное дѣло было только возбуждено въ досаду бывшаго императора³⁾; о семъ князю

¹⁾ Нашего посланника въ Саксоніи при Польскомъ королѣ. П. Б.

²⁾ Саксонскаго въ Петербургѣ посланника. П. Б.

³⁾ Чтобы имѣть свое Токвайское вино, императрица Елисавета купила въ Венгеріи землю и развела виноградники. Объ этомъ см. письмо ея къ Вишневецкому (предку княгини Юрьевской) въ „Р. Архивѣ“ 1870(2) г. Сады эти поставляли вина къ нашему двору еще при Александрѣ Николаевичѣ, но имъ подарены Австрійскому императору. П. Б.

Голлицыну легко навѣдываться можно, сирѣчь есть ли у Польскихъ магнатовъ въ Вингерн сады, и тѣмъ подкрѣпить свои старательства.

*

Въ отвѣтъ къ князю Репнину надлежитъ писать, чтобы онъ короля Прусскаго отъ меня благодарилъ за дружескую откровенность о мирной негодіи. Я сіе не инако принимаю, какъ за знакъ желанія сего государя всѣми мѣрами умножить конфиденцію и повѣренность между нами и весьма радуюсь, что приближаются съ обѣихъ сторонъ къ миру; а что о семъ Вѣнскій дворъ предо мной таится, не удивительно, и ничто иное, какъ слѣдствіе стараній моихъ о мирѣ, которыя тому двору казались не инако какъ парціальны послѣ конфирмаціи.

*

Михайла Ларіоновичъ, сейчасъ я получила Французскую книгу именованную *Mémoires pour servir à l'Histoire de Pierre III Empereur de Russie. avec un détail historique des differends de la maison de Holstein avec la cour de Danemark, publié par M-r D. G. Francfort et Leipzig au dépend de la Compagnie. MDCCLX III.*

Прикажите всѣмъ нашимъ министрамъ, гдѣ вы за приличіе находите, прилежно изыскивать автора, требовать, дабы онъ наказанъ былъ, конфисковать всѣ едичи и заказать привозъ оной книги въ Россію: она еще оскорбительнѣе для націи, какъ персонально для меня. И все то немедленно учинить. На концѣ оной книги есть *Supplément aux Mémoires*, которой хуже книги, а сказываютъ, оныя здѣсь находятся, объ чемъ васъ гр. Гуронскій увѣдомить можетъ.

*

Двумя письмами къ вице-канцлеру отъ 3 (14) и 7 (18) Сентября изъ Лондона, графъ А. Р. Воронцовъ сообщаетъ о изданной тамъ противъ Русскаго двора газетѣ.

Резолюція. На сіе три способа есть:

1) Зазвать автора куда способно и покодотить его, 2) или деньгами унимать писать, 3) или уничтожить, 4) или писать въ защищеніе; а у двора, кажется, дѣлать нечего. И тако изъ сего имѣете выбирать, что вамъ приличіе кажется, а сіе пишется къ вице-канц.

Помѣта: Получено изъ дворца 15 Октября 1763.

Собственноручная записка.

Можно господину Борху сказать, что все оные труды лишны, что я не переменю своихъ сентиментовъ по Курляндскимъ дѣламъ, понеже они основаны на справедливости; что его персона пріятна мнѣ, а его коммиссія весьма не такова; что удивительна несправедливость его короля, который, любя сына, нарушаетъ правосудіе и узаконенія своего королевства и, что и того удивительнѣе, вездѣ упоминаеть, будто я по наученьямъ чѣмъ либо поступаю. Назначить ему наискорѣйше особый день для конференціи у канцлера, гдѣ, выслушавъ его, вышеписанное ему объявить, означивъ притомъ, что на третій день ему отпуская аудіенція будетъ сказана.

Помѣта канцлера: Получено 24 Февраля 1763.

Видя слабость здоровья Сергія Салтыкова, писать къ князю Дмитрію Голицыну¹⁾, дабы онъ безъ дальняго указа архивъ Салтыкову не отдавалъ, а рескрипты впередъ писать къ князю Голицыну, и остаться ему шарже де за феръ²⁾.

Помѣта канцлера: Получено 27 Февраля 1763. Отправленъ рескриптъ кн. Голицыну за № 13 отъ 27 Февраля.

*

Я бы очень хотѣла имѣть отъ времени до времени экстрактъ изъ провешествій всехъ пограничныхъ народовъ, дабы объ нихъ прямой идеи имѣть, а стороной по оной матеріи много вздора до моихъ ушей доходить. Помѣта канцлера: Получено 27 Февраля 1763 г.

*

Николай Федоровичъ Алфимовъ, думаю, способенъ будетъ ѣхать консуломъ при ханѣ Крымскомъ, да придать ему кушца вмѣсто секретаря.

Помѣта канцлера: Получено 10 Марта 1763.

¹⁾ Т. е. въ Парижѣ. П. Б.

²⁾ Chargé des affaires, повѣренный въ дѣлахъ. Дальнѣйшая судьба С. В. Салтыкова мало извѣстна: кажется, что онъ подолгу оставался въ чужихъ краяхъ, а въ Россіи жилъ въ своемъ селѣ Ершовѣ, подл Москвою, близъ Савина монастыря. Село это нынѣ принадлежитъ графу Алексію Васильевичу Олсуфьеву, правнуку сестры Салтыкова. Марія Васильевна, бывшей въ замужествѣ за статсъ-секретаремъ А. В. Олсуфьевымъ. Въ Ершовѣ сохранился и понынѣ портретъ Салтыкова масляными красками. Салтыковъ, родившійся въ 1725 году, женился въ Москвѣ 29 Января 1749 г. на Маріи Павловнѣ (рожд. Балъ), но дѣтей не имѣлъ. На старости лѣтъ онъ захотѣлъ еще разъ побывать во Франціи, поѣхалъ туда въ дни революціи и скончался, неизвѣстно гдѣ именно и когда. Въ Москвѣ ему принадлежалъ домъ на углу большой Дмитровки и Кузнецкаго переулка. Поэтому и переулокъ, идущій съ Большой Дмитровки къ Петровкѣ, называется Салтыковскимъ. Про Салтыкова Екатерина писала графу Н. И. Панину, что онъ вездѣ останется „пятою спицею въ колесницѣ“. П. Б.

Михайла Ларіоновичъ, не забудьте скорѣе переслать къ Кейзерлингу тѣ сто тысячъ рублей, о которыхъ Сенатъ вамъ далъ знать, дабы оныя деньги не къ чему иному апликованы были. Я давно столько не смѣялась, какъ надъ дурацкою выдумкой Любскаго агента; весьма хитрая инвенція его всѣхъ насъ удивила. Екатерина.

Помѣта канцлера: Получено 18 Марта 1763.

Михайла Ларіоновичъ, письмо племянника вашего не удивляетъ меня: вездѣ сунсонируютъ мои намѣренія въ Польнѣ, но *pour donner le change*¹⁾, понеже еще рано открываться, можно кому ни принадлежитъ звать по сей матеріи сказать, что еще подданаго ничего не означено и если Польскій король не покажетъ бы столько огорчительныхъ поступковъ по Курляндскимъ дѣламъ, то можно было и меня склонить на его дѣла сторону; а Александру Романовичу²⁾ можно сказать, что въ скоромъ времени дастся ему знать, какія мѣры взяты. Я сердечно сожалею о болѣзни вашей и весьма благодарствую за ваше ко мнѣ усердіе. Екатерина.

Помѣта канцлера: Получена 25 Марта 1763.

*

Пошлите господину Борху сказать, что, видя отъ его короля не много какъ крайнія мнѣ оскорбленія и его собственный поступокъ по двора его наставленію, уже моему достоинству противной, равно сослаться на декларацію объ императ. титулѣ, я повелѣваю ему въ сорокъ восемь часовъ отселѣ выѣхать; въ противномъ случаѣ прикажу его выпроводить. И прибавить къ тому, что результатъ сенатусъ-консиліума тому причиною, изъ котораго видится, что они хотятъ меня принудить изъ пріятельскихъ поступковъ выходить, хотя въ семь случаевъ Саксонская министерія не болѣе благопрістойныхъ мѣръ взяла, какъ и во всемъ и столь республику оскорбила, сколь и меня. Чтобы они знали, что я герцога Эрнста-Юанна и вольности Польской защищать буду всемъ, чѣмъ Богъ меня благословилъ.

Помѣта канцлера 27 Марта 1763.

Канцлеру и вице-канцлеру.

Борху можно позволить проститься съ вами, канцлеромъ и вице-канцлеромъ, и при сихъ свиданіяхъ каждый дискурсивно ему изъяснить

¹⁾ Въ замѣнъ. П. Б.

²⁾ Т. е. нашему посланнику въ Лондонѣ, графу А. Р. Воронцову (которому тогда было всего 22 года отъ роду). П. Б.

имѣть, что я совершенно различаю министерство Саксонское (яко своимъ пристрастіемъ недоброжелательное къ дружбѣ моей и къ добродушію согласію съ Польшею) отъ сей республики, о благосостояніи, о правахъ и вольности которой я никогда не перестану искренно усердствовать; что онъ Борхъ не можетъ быть принятъ министромъ Польской республики за недостаткомъ признанія отъ нея мнѣ императорскаго титула, я же, не нарушаю о сей моей генеральной деклараціи, не могу приступить ни къ какому средству, почему онъ Борхъ отъ сюда высылается совѣмъ не въ качествѣ министра республики Польской, но какъ такая персона, которая прислана была сюда съ дѣлами составленными министерствомъ недоброжелательнымъ къ моей дружбѣ съ республикою, на что получаю мой рѣшительный отвѣтъ, дальнѣйшее отъ него производство такихъ инструкцій было бы уже поврежденіе моего собственнаго достоинства. Равнымъ образомъ я тутъ не смѣшиваю моихъ sentimentsъ почтенія и дружбы къ персонѣ его Польскаго величества, а только вижу съ сожалѣніемъ, что его добрая вѣра и правосудіе столь много сюрпризирваны подъ маскою родительской любви, и потому я остаюсь въ неперемѣнномъ намѣреніи всѣми отъ Бога мнѣ данными силами защищать и укрѣплять права и вольности республики Польской, такъ какъ и законное владѣніе герцогствами герцога Эрнста-Юганна: что впрочемъ я не имѣю никакого неудовольствія къ персонѣ его, Борха, зная, что онъ поступалъ по силѣ поминутыхъ непристойныхъ инструкцій, въ знакъ же сего моего къ нему благоволенія дать ему презентъ въ тысячу рублей. При семъ же свиданіи можно отсрочить ему отъѣздъ еще сутки на другіе, отправленіе курьера также отказать не для чего по отправленію нашей эстафеты. Екатерина.

Помѣта канцлера: Получено 28 Марта 1763.

*

Михайла Ларіоновичъ. Оренбургской губернаторъ между прочимъ ко мнѣ пишетъ о чинимыхъ въ пути до Оренбурга иностраннымъ купцамъ отъ Киргизскаго народа остановкахъ и притѣсненіяхъ; и тако прикажите Коллегіи, чтобъ она не умедля употребила съ онымъ Киргизскимъ народомъ пристойныя средства, конми бы такъ чинимыя обиды и притѣсненія отвращены были.

Помѣта канцлера: Получено 31 Марта 1763.

*

Реляцію 7 отъ 13 (24) Февр. изъ Парижа вн. Дм. Голицынъ извѣщаетъ о вступленіи Салтыкова въ должность посланника, и прилагая счетъ издержкамъ въ бытность свою повѣреннымъ въ дѣлахъ, проситъ повелѣнія объ уплатѣ.

Переслать немедленно по присланному счету сто рублей на мѣсяць, пока онъ былъ повѣренный въ дѣлахъ.

Помѣта. Возвращено отъ ея имп. в—ва 5 Апрѣля 1763.

Михайла Ларионовичъ, для Бога скорѣе означте кандидата для Крымской посылки; можете обнадежить, что кто добровольно поѣдетъ, можетъ себя ласкать великихъ авантажей впередъ, и дѣйствительно я ничто не пожалѣю за такую знатную и нужную услугу, а къ Обрѣзкову хотя пять тысячъ для перваго случая велите перевести, хотя изъ Кабинета на счетъ статсъ-конторы или лучше изъ тѣхъ 30,000 рублей, которыя я Коллегіи на такія издержки велѣла выдать. Я чуть объ нихъ не позабыла.

Помѣта канцлера: Получено 9 Апрѣля 1763.

*

Къ графу А. Р. Воронцову.

Предъ нѣкоторыми днями статсъ-дама наша княгиня Дашкова получила на почтѣ письмо отъ 22 Марта сего года изъ Литтиха отъ нѣкоторой будто Англичанки именемъ Amelie Oldfields, которая пишетъ къ ней образомъ собственнаго своего разсужденія, что по причинѣ взятаго нами въ Курляндскихъ дѣлахъ участія подвергаемъ мы жизнь нашу опасности и злодѣйскимъ предпріятіямъ всѣхъ въ Курляндіи, Польшѣ и Саксоніи злодѣевъ, которые будто по нарушенію отъ насъ правъ и преимуществъ сихъ трехъ народовъ и отъ честныхъ между оными людей легко поощрены и ободрены быть могутъ. Изъ сего изъясненія можете вы сами натурально заключить, какой нѣжности дѣло, которое мы вамъ поручаемъ. Пускай упоминаемая Амелія Олфилдсъ сама себя, безъ малѣйшаго повода, вперила въ мысль предьявляемая опасности; но по крайней мѣрѣ осторожность и попеченіе, которыми мы въ разсужденіи собственной персоны нашей обязаны отечеству и всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, требуютъ употребленія всѣхъ удобовозможныхъ мѣръ къ распознанію сущей правды. И для того, опредѣляя по приложенному при семъ векселю на дорогу въ оба пути тысячу рублей, повелѣваемъ мы вамъ какъ наискорѣе ѣхать подъ какимъ ни есть предлогомъ въ Литтихъ и тамъ сыскать вышеозначенную Амелію Олфилдсъ, въ чемъ можетъ вамъ служить руководствомъ собственно отъ нея данный адресъ Литтвхскаго купца Павла Бюртона.

По учененіи сего перваго поступка, имѣете вы далѣе: 1) достовернѣйше освѣдомиться о родѣ, воспитаніи, житіи, настоящемъ состояніи

и душевныхъ качествахъ сей женщины; 2) адресоваться къ ней самой и объявить, что статсъ-дама наша княгиня Дашкова, получа ея письмо, не оставила оное намъ представить, что мы оказываемое къ намъ усердіе принимаемъ къ совершенной нашей благоугодности и конечно не оставимъ взыскать ее существенными опытами щедрости, если она только увѣдомленіе свое достаточными изъясненіями доказать и подтвердить можетъ; ибо мы разсуждаемъ, что образъ ея внушенія подъ видомъ ея собственныхъ рефлексій можетъ быть для того учиненъ, что она поопаслась ввѣрить почтѣ прямыя дѣла обстоятельства, мы восхотѣли подать ей надежной черезъ васъ, яко акредитованнаго нашего министра, способъ доставить намъ безъ малѣйшаго опасенія все тѣ извѣстія, которыя она имѣть можетъ; и что напоследокъ по одной только ненадежности почты не отвѣтствовала ей княгиня Дашкова; 3) стараться по возможности достать какое-нибудь письмо руки помянутой Амеліи Олфилдсъ, дабы оное сличить здѣсь съ дошедшимъ къ княгинѣ Дашковой. Впрочемъ, если сія женщина тамъ найдется и вы въ ней такія мысли откроете, то надлежитъ вамъ при томъ стараться оныя истребить партикулярными разсужденіями, доказывая извѣстное вамъ наше правосудіе и справедливость, по которымъ мы освободили и дали наше покровительство герцогу Эрнсту-Югану. Отправляя сей рескриптъ для поспѣшности съ нарочною ставетою, взаимно повелѣваемъ мы вамъ и отвѣтъ на оной изъ Литгиа равнымъ образомъ безъ укосненія сюда прислать.

При отъѣздѣ вашемъ можете вы поручить исправленіе дѣлъ нашему секретарю посольства Струве, который и сюда въ нашу Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ о происходящемъ въ отсутствіе ваше доносить имѣеть. Впрочемъ, рекомендуя вамъ поспѣшность и лучшее сего нашего указа исполненіе, пребываемъ мы вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, Апрѣля 17 дня 1763.

По именному Е. И. Величества указу. Г. Михайла Воронцовъ.

К. Александръ Голицынъ.

*

Изъ всѣхъ примѣровъ справедливости и милосердія нашей всемилостив. Государыни, свидѣтелями коихъ мы бываемъ ежедневно, нѣтъ болѣе разительнаго, ни такого, которымъ болѣе обнаружилось бы великодушіе ея, какъ поступокъ ея (14 Апрѣля въ Понедѣльникъ) по отношенію къ преступнику, равно преступившему какъ противъ человѣческихъ, такъ и противъ божественныхъ законовъ. Митрополитъ Ростовскій Арсеній прислалъ въ Св. Синодъ два донесенія, собственно-ручно имъ подписанныхъ. При чтеніи ихъ, это судилище съ ужасомъ

увидало, что они съ начала до конца преисполнены злыми и напоскорбительнѣйшими для величества выраженіями. Синодъ немедленно донесъ объ этомъ Государынѣ, представляя, какъ то и было его обязанностію, что гнусностію своего преступленія этотъ архіерей заслужилъ, чтобы съ нимъ поступлено было по всей строгости законовъ. Ея имп. в. возвратила вышеупомянутыя донесенія Св. Синоду и объявила, что предоставляетъ ему самому сужденіе виноватаго. Велѣдствіе этого Синодъ потребовалъ офицера гвардіи, что и было ему разрѣшено, который, отправившись въ Ростовъ, доставилъ архіерея въ Москву въ Симоновскій монастырь для отчета въ его поведеніи. При первомъ допросѣ въ полномъ собраніи Св. Синода обвиняемый призналъ себя виноватымъ и созналъ всю свою дерзость, и потому Синодъ приговорилъ его за доказанное оскорбленіе величества и злоумышленное жетолкованіе Св. Писанія и преданій свв. отцевъ, къ лишенію епископскаго сана, къ растриженію и къ преданію его затѣмъ свѣтскому суду. Когда этотъ приговоръ былъ представленъ на конфирмацію Императрицы, то ея имп. в.—во, повинувась свойственнымъ ей великодушію и милосердію, помиловала этого несчастнаго освобожденіемъ его отъ свѣтскаго суда и повелѣла, оставивъ его въ званіи простаго монаха, сослать его въ отдаленный монастырь, гдѣ онъ будетъ находиться подъ присмотромъ настоятеля. Св. Синодъ, вызвавъ предъ себя преступнаго Арсенія, снялъ съ него санъ епископа и священства и въ точности исполнилъ повелѣніе Императрицы.

*

9 Мая 1763 года Императрица представлень канцлеромъ журналъ возвратившагося изъ командировки къ хану Крымскому Керимъ-Гирею съ требованіемъ о постановленіи письменнаго съ консуломъ Никифоровымъ обязательства о консульскихъ правахъ и преимуществахъ поручика Бастевика, въ которомъ, между прочимъ, онъ доноситъ о сообщеніи ему ханомъ намѣренія населить Волохамп слободу на Крымской слободѣ по р. Бугу.

Справиться, не будетъ ли оное селеніе противъ мирнаго трактата, и для лучшаго усмотрѣнія при семъ посылается карта Новой Сербіи, дабы о семъ можно было Никифорова инструктировать.

*

Михайла Ларионовичъ, пожалуй поспѣшите побѣзку Никифорова и сколько можно снабдите его всеми подарками, что они требуютъ, дабы для бездѣлицы не испортилось столь великое и важное дѣло. Я не могу довольно Бога благодарить за столь счастливый во всехъ дѣлахъ успѣхъ. Продолжи Богъ милость свою далѣе.

Помѣта канцлера: Получено 9 Мая 1763.

ЕЩЕ СВОЕРУЧНЫЯ ЗАМѢТКИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Подлинники хранятся въ бумагахъ князя Безбородки въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ я служилъ (1853—1858). Тогдашній начальникъ Архива, князь М. А. Оболенскій приказалъ мнѣ разбирать Безбородкинскія бумаги. Въ числѣ ихъ сохранились краткія донесенія И. И. Неплюева о состояніи Петербурга въ тѣ часы (28—29 Іюня 1762 г.), когда избранная представителями всѣхъ сословій, Государыня во главѣ гвардейскихъ полковъ, отправилась въ Петергофъ. Неплюевъ каждые полчаса посылалъ къ ней ѣздоковъ, и въ одномъ изъ донесеній просилъ прислать указъ о внесеніи въ церкви св. иконъ, которыя, по распоряженію Петра III-го, были изъ нихъ вынесены. Князь Оболенскій проходилъ мимо меня, когда я нашелъ это донесеніе. Прежде чѣмъ успѣлъ я списать его, князь взялъ его у меня, унесъ въ присутственную комнату и приобщилъ къ бумагамъ которыя онъ собиралъ о Екатеринѣ. Не знаю, въ какой отдѣлъ положилъ онъ это донесеніе. Бумаги у него дѣлились на секретныя, секретнѣйшія и тайнѣ подлежащія. Въ послѣдствіи было узнано, что св. иконы выносились только изъ домовыхъ церквей. П. Б.

Указъ гвардіи нашей тремъ пѣхотнымъ полкамъ, господамъ штабамъ.

Какъ со времени императора Петра Великаго и императрицы Анны Іоанновны лейбъ-гвардіи нашей полкамъ никакого штату не сдѣлано, и никакого положенія ни ружью, ни мундирамъ, ни аммуничнымъ вещамъ не утверждено: то мы, желая видѣть сіи наши лейбъ-гвардіи полки въ наилучшемъ порядкѣ, повелѣли сочинить пріямѣрные штаты и табели оружейнымъ, мундирнымъ и аммуничнымъ вещамъ, также полагаемымъ при полкахъ артиллеріи и упряжкамъ. По разсмотрѣніи же оныхъ имѣете со мнѣніемъ представить намъ на конфирмацію.

Или для всѣхъ четырехъ полковъ гвардіи сдѣлать одну школу.

Прибавить. Въ Муромской инвалидной ротѣ опредѣлять всегда офицера, заслуженнаго и достойнаго по аттестату штабовъ.

*

На другомъ листѣ.

Sevastopol doit être fermé pour les vaisseaux marchands.

Eupatorie et Theodosie pourront être ports marchands, de port-franc à débarrasser en pour et contre.

Il est très sûr que Perekop pourrait avoir une douane qui remédierait à la contrebande. On pourrait en faire un essai pour trois, cinq ou sept ans.

Taganrok et Herson conserveraient leurs douanes.

Взять для меня свѣдѣнія, въ чемъ состоятъ его убытки и собрать доложить.

*

Есть ли баронъ Бретель будетъ требовать знать, намѣрена ли я продолжить покойной государыни начатая секретная переписка съ его королемъ, то не имѣю много отвѣтствовать, какъ то что въ оныхъ писемъ изображено, а именно, что миновать нельзя, чтобъ дѣла трактованы были министрами, резидующими при ресективныхъ дворахъ. И тако уничтожается сама собою оная переписка. Et ce ne serait qu' un verbiage inutile qui ne menerait point au fait. Я не находила малѣйшей важности въ оной корреспонденціи.

И такъ въ весьма учтивыхъ терминахъ свободите насъ отъ выше-реченной переписки.

Писано собственноручно императрицею Екатериною на согнутомъ листѣ золотообрѣзной бумаги. Внизу помѣта великаго канцлера гр. Воронцова: „Получено 29 Декабря 1762“.

*

Неоднократно я уже приказывала безъ всякаго подозрѣнія и остановки отсылать къ Елисаветѣ Романовнѣ письма ея фамиліи и отвѣты къ нимъ на оныя позволять писать; а нынѣ вновь подтверждаю не лишитъ ихъ сего невинного удовольствія и о томъ дать знать Роману Ларионовичу.

Писано на перегнутомъ полулистѣ золотообрѣзной бумаги, рукою императрицы Екатерины. Внизу помѣта, руки гр. М. И. Воронцова: „Получено 2 Ноября 1762 года“.

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

1816-1823 годы*).

С.-Петербургъ, 22 Февраля 1816 г.

Вы совершенно справедливо находите, ваше сіятельство, что бумага нашихъ газетъ невозможная; но могу васъ увѣрить, что на точно такой же печатаются газеты и для Его Величества. Пока не разрѣшатъ ввозъ бумаги изъ Голландіи или изъ какого другаго мѣста, у насъ и не будутъ дѣлать лучшей. Фабриканты отлично понимаютъ, что производство плохой бумаги дешевле обходится, чѣмъ хорошей, а спросъ на дурную будетъ такой же, какъ на хорошую.

Вы предполагаете, что послѣ дарованія конституціи Польшѣ, подумываютъ о введеніи ея и въ Россію, которая должна быть дороже сердцу Императора, чѣмъ Польша, по всему великому и прекрасному, содѣланному Россіею. Признаюсь, въ настоящую минуту ни по чему не видно, чтобъ шла объ этомъ рѣчь; я даже не знаю, предполагаютъ-ли дать конституцію въ будущемъ, какъ говорятъ нѣкоторые. По моему, все ограничится частичными установленіями по улучшенію дѣлопроизводства въ разныхъ вѣдомствахъ. Боюсь, что всѣ подобныя нововведенія не принесутъ никакой пользы, что мы не разъ уже испытали. Я вообще замѣчалъ, что у насъ больше занимаются внѣшнею стороною гражданской и правительственной службы, чѣмъ самою ихъ сущностью, которая пребываетъ въ прежнемъ состояніи; вотъ почему всѣ преобразованія были только ни къ чему не приводившими новшествами.

*) См. выше, стр. 161.

*

С.-Петербургъ. 19 (31) Марта 1816 г.

Третьяго дня Карамзинъ былъ принятъ Государемъ и поднесъ ему восемь томовъ своей Русской Исторіи, только что имъ оконченные. Онъ довелъ ее до покоренія Казани. Трудъ его былъ принятъ милостиво и будетъ напечатанъ на пожалованные для сего Императоромъ 60 т. р. Автора сдѣлали статскимъ совѣтникомъ (но не дѣйствительнымъ) и пожаловали ему Аннинскую ленту, чего раньше никогда не бывало, такъ какъ для этого требовался чинъ генераль-маіора; единственнымъ сему исключеніемъ было пожалованіе покойнымъ императоромъ такой же ленты капитану линейнаго корабля Белю, за взятіе Неаполя. Я прослушалъ двѣ главы этой Исторіи, *Мамаево побоище* и введеніе къ царствованію *царя Ивана Васильевича*, эпохъ, съ которой установлено самодержавіе. Если все остальное въ соответствии съ этими двумя главами, то этотъ трудъ останется выдающимся. Слогъ простъ, изящень и совѣмъ не цвѣтистъ, чего можно было ожидать отъ Карамзина; въ большинствѣ случаевъ онъ сохранилъ подлинныя выраженія подтвердительныхъ архивныхъ бумагъ, что придаетъ событіямъ много ясности и достовѣрности. Карамзинъ просилъ меня напомнить вамъ о немъ¹⁾.

Полетики еще нѣтъ²⁾. Съ нимъ приключилось въ Москвѣ несчастіе: пріѣхавъ туда съ Булгаковымъ и съ бывшимъ полицеймейстеромъ Волковымъ, онъ остановился въ домѣ сего послѣдняго. Домъ деревянный и черезъ нѣсколько дней по ихъ прибытіи сгорѣлъ до тла; съ большимъ трудомъ спасли жену и дѣтей Волкова, а Полетика, помѣстившагося на верху, было еще труднѣе спасти. Онъ выскочилъ почти голый, все его платье и прочія вещи сгорѣли. Булгаковъ пріютилъ злосчастныхъ въ домѣ Почтамта, куда только что самъ переѣхалъ.

Большихъ новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ подписанія указа о новомъ тарифѣ, который, слава Богу, удовлетворить, наконецъ, желанію народа и государства. Все ждали этого счастья, какъ единственнаго средства противъ нашего обѣднѣнія. Хотя указъ еще необъявленъ, но увѣряють, что все товары впускаются при условіи внесенія очень высокихъ таможенныхъ пошлинъ, черезъ что у всѣхъ, по крайней мѣрѣ, угѣшеніе, что можно открыто получать, чего желаешь, и знать,

¹⁾ Въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“ Карамзинъ говоритъ, какъ онъ посылалъ графа С. Р. Воронцова въ Лондонъ. II. Б.

²⁾ Петръ Ивановичъ Полетика см. отрывки изъ его Записокъ въ „Русскомъ Архивѣ“. 1885, III (11) II. Б.

что этимъ обогащается казна, а не контрабандисты и таможенные надсмотрщики, которые наживались за счетъ государства и налагали контрибуцію на капиталы и собственность громаднаго населенія имперіи.

Разрѣшено (или по крайней мѣрѣ терпимо) каждому кружку выражать гласно свои мнѣнія, что вызываетъ и смѣхъ, и жалость. Послѣ органа министра внутреннихъ дѣлъ (*Сверстой Почты*), появиваея книженка адмирала Мордвинова. Бѣдняга! Его разбила во всю неизвѣстная газетка, поставивши его на ряду съ учениками, не умѣющими еще справляться съ силлогизмами. Не зная его совсѣмъ, я только считалъ его посредственнымъ государственнымъ дѣятелемъ; но, познакомивши въ его брошюрѣ съ его кружкомъ и съ выражаемыми въ ней мнѣніями, я низвелъ его въ ряды жалкихъ писаекъ, литературныхъ вороншекъ, да къ тому-же и пошлыхъ.

Не думаю, чтобъ вашему сіятельству было любопытно познакомиться съ подобными безмыслицами, тѣмъ болѣе, что утвержденіе тарифа положило конецъ дальнѣйшимъ препирательствамъ. Вексельный курсъ немного палъ послѣ подписанія указа, и побѣжденная сторона не упустила случая покричать на тѣхъ, кто взялъ верхъ; но я думаю, что правота сихъ послѣднихъ будетъ доказана по открытіи навигаціи, когда состояніе курса вполне докажетъ виновность тѣхъ, кто помѣшалъ государству пустить въ дѣло, еще съ начала 1813 г., все свои средства. въ то самое время, когда сосѣди наши воспользовались нашими побѣдами, намъ однимъ принадлежавшими. Доказано, что одною контрабандою принесено казнѣ 60 милл. убытку; нажившіе эти милліоны могутъ, въ продолженіе 4-хъ или 5-ти лѣтъ, пожертвовать пятью или шестью милліонами на недолгое пониженіе курса, такъ какъ непреодолимая сила вещей все подчинитъ себѣ, какъ только торговля пойдетъ опять своимъ естественнымъ путемъ.

Ваше сіятельство продолжаете ожидать у насъ конституціи: но я могу васъ увѣрить, что нѣтъ даже малѣйшихъ признаковъ того. Ни почему не замѣтно, чтобъ желали выслушать мнѣніе народа или правительственныхъ органовъ относительно предмета столь высокаго значенія. Еслибъ имѣлось въ виду такое важное измѣненіе въ образѣ правленія, это чѣмъ нибудь проявилось бы себя; развѣ что ограничатся простымъ изданіемъ указа о томъ. Конечно, конституція, введенная такимъ способомъ, была бы также просто и измѣняема, какъ всякое другое постановленіе. Но тогда уже нельзя было бы считать ее конституціей. Думается, что намъ до нея еще далеко. Теперь сильно заняты

приведеніемъ въ порядокъ администраціи, исключеніемъ изъ нея людей неспособныхъ или не заслуживающихъ довѣрія. Но всѣ эти мѣры, безъ коренного измѣненія законовъ, послужатъ лишь къ временному улучшенію въ дѣлахъ управленія. Богу одному извѣстно, когда мы дождемся полного свода законовъ; тотъ, надъ которымъ такъ долго работали, совершенно уничтоженъ, какъ я уже имѣлъ честь вамъ писать. На дняхъ, говорятъ, выйдетъ уставъ о гражданской службѣ, касательно того, сколько лѣтъ нужно прослужить въ одномъ чинѣ для полученія слѣдующаго, такъ что коллежскому ассесору, напр. придется пробывать на службѣ чуть ли не 24 г. до полученія сего чина, т. е. когда почти все его начальство помретъ или будетъ какъ бы похоронено. Конечно, подобный уставъ, буде таковой появится, никогда не продержится, а исчезнетъ самъ по себѣ. Вѣдь замѣщеніе высшихъ мѣстъ должно же происходить, и нельзя постоянно давать преимущество военнымъ за ихъ храбрость на полѣ брани, при ихъ полномъ невѣдѣніи дѣлъ гражданскихъ въ министерствахъ и канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ*). Дѣйствительно много въ гражданской службѣ настоящихъ воровъ, грабителей, клятвопреступниковъ и даже неспособныхъ, а развѣ нѣтъ генераловъ наживающихся на солдатскихъ сухаряхъ и крупѣ и умирающихъ, не внося тысячи и сотни тысячъ рублей сбереженія по полку или артелямъ.

*

Петербургъ, 1 Мая 1816 г.

И ничего не слышалъ про отмену двадцатипроцентнаго налога съ лицъ, проживающихъ за границей, и думаю, что онъ и впредь будетъ взиматься. Казна, конечно, не обогатится; но ваше сіятельство не могли не замѣтить, что у насъ вся система экономіи сводится экономіей на пустяки, за которыми тщательно наблюдаютъ, между тѣмъ какъ бесполезно тратятся по военному вѣдомству сотни милліоновъ, какъ будто мы все еще въ 1812 г., и Наполеонъ ведетъ на насъ всю Европу. Въ настоящее время сокращаютъ жалованье гражданскимъ чиновникамъ, а они и безъ того чуть не мрутъ съ голоду отъ неслыханной на все дороговизны. Больше всѣхъ за это сокращеніе жалованья графъ Аракчеевъ, доказывающій, что нельзя гражданскимъ чиновникамъ давать больше жалованья противъ военныхъ; но сіи послѣдніе живутъ въ казармахъ или на постой у жителей, получаютъ фуражъ и деньщиковъ, а здѣсь малѣйшій уголь, не то что комнату, не найти дешевле 350 р. Какъ же быть тѣмъ, кто всего получаетъ 350 р.? Не

*) Припоминается Пушкинское: Бывало, важный генералъ служилъ и грамотѣ не зналъ. П. Б.

указывается-ли имъ путь на воровство или на продажу дѣлъ и правосудія; не потворствуютъ-ли взяткамъ, заранее обезпечивая ихъ ненаказуемость, такъ какъ это единственный способъ чиновнику что-нибудь раздобыть себѣ на существованіе? Къ этому еще хотять, чтобъ жалованье было повсюду одно и тоже; но развѣ можно жить здѣсь на то, чего совершенно достаточно въ Казани или Воронежѣ?

Поверхностныя знанія, безпредѣльное самолюбіе, изысканный эгоизмъ, глубокая, скрытая гордость, пристрастіе къ нѣкоторымъ любимцамъ при полномъ недоброжелательствѣ ко всѣмъ прочимъ, при извѣстной долѣ жестокости и недопущеніи никого другого до Государя. — можно-ли такъ обманываться, чтобъ такое безобразное сочетаніе считать за любовь къ отечеству или за любовь къ общественному благу? Преслѣдуютъ чиновниковъ, которыхъ почти что заставляють быть мошениками, а смотрять сквозь пальцы на то, чтѣ творится у военныхъ, которыхъ, по многимъ на то примѣрамъ, можно поставить на одну линію съ тѣми.

Столько уже и раньше сего преступныхъ умниковъ привели Россію къ страшному истощенію, довершенному чрезвычайными обстоятельствами; а плательщики теперь не въ состояніи платить подати, не голодая сами съ своими семьями. Повелѣно представить недоимки въ четырехмѣсячный срокъ. Тверской губернаторъ привелъ это въ исполненіе, заставляя продавать у крестьянъ послѣднее ихъ добро. вмѣстѣ съ недоимками онъ представлялъ вѣдомость о смертности отъ голода и нищеты и просьбу въ отставку. Его уволили съ выговоромъ, а господа Аракчевы и Гурьевы, подписывающіе подобные приказы, сидятъ, чтобъ продолжать подобныя же противорѣчія, отдѣлываясь разъясненіями Сената, что указъ о недоимкахъ относился только къ виновнымъ и солянымъ откупщикамъ! Но какъ они тамъ ни разъясняютъ, всѣмъ извѣстно, что Тверской губернаторъ Озеровъ не глупѣе ихъ, а что погибшіе Тверскіе крестьяне воскреснутъ только въ день Страшнаго Суда, когда Аракчеву и Гурьеву придется дать отчетъ объ ихъ ужасной смерти.

Велѣдствіе разъясненій Сената касательно послѣдняго указа о выисканіи недоимокъ, приступятъ на будущей недѣлѣ къ продажѣ имѣній виновныхъ и соляныхъ откупщиковъ, въ числѣ коихъ графъ Дмитрій Зубовъ. Но подобныхъ господъ нечего жалѣть: такъ они себя сами уронили, водясь со всякаго рода дрянью. Но кто достоинъ сожалѣнія — это давшіе имъ залоги, такъ какъ, въ случаѣ непокрытія не-

донмокъ продажею имущества откупщиковъ (а они почти всѣ ловкіе мошенники и, конечно, успѣли поприпрятать многое), приступать къ продажѣ имѣній залогодателей; вотъ тутъ и будетъ нанесенъ смертельный ударъ дворянству, который сразитъ и нѣкоторыхъ богачей, но особенно тяжело отзовется на мелкихъ помѣщикахъ, которые и не подозрѣваютъ, что имъ грозитъ такое несчастье.

Но я предпочитаю не разстраивать васъ картиною грядущихъ бѣдъ и, опуская занавѣсъ, перейду къ бѣдному Троцинскому. Онъ сильно заболѣлъ отъ всѣхъ этихъ мѣръ, къ которымъ онъ нѣсколько не причастенъ, и отъ немѣня силъ хладнокровно приводитъ въ исполненіе эти жестокіе приговоры. На время его болѣзни, Козодавлевъ правитъ Министерствомъ Юстиціи. По счастью, Троцинскому лучше, къ общей радости, такъ какъ всѣ видятъ въ немъ защитника отъ разрушителей счастья и славы Россіи.

*

С.-Петербургъ, 16 Іюня 1816 г.

Вашему сіятельству будетъ очень пріятно узнать, что послѣ такого явнаго и продолжительнаго пренебреженія благоденствіемъ Россіи, Императрица, кажется, послѣднія недѣли болѣе довольна, чѣмъ была до времени. Заботы и вниманіе, которыми ее окружаютъ и отъ которыхъ она поотвыкла, доставляютъ ему, повидимому, большое удовольствіе. Не знаю, приведетъ-ли это къ полному согласію или нѣтъ; но, по крайней мѣрѣ, ея не такъ забываютъ, какъ это было съ Вѣны. Пошли Господь, чтобъ это подымающееся счастье соответствовало умноженію членовъ царской семьи, такъ какъ послѣ 22-го Іюля уѣдетъ и великая княгиня Марія Павловна, и тогда останутся только обѣ Императрицы, доброму согласію между которыми слѣдовало бы пріумножаться.

Нѣсколько дней назадъ я послалъ графу Михаилу списокъ съ указа объ освобожденіи крестьянъ-Эстонцевъ. Я рассчитывалъ послать вашему сіятельству печатный указъ; но кажется, онъ будетъ напечатанъ только по эстонски, и списокъ вы можете получить отъ вашего сына. Выраженія въ этомъ указѣ выдають мысли и желанія касательно этого предмета. Слава Богу, что не вздумали напечатать его по русски. Стоитъ только разсмотрѣть положеніе Эстляндіи, чтобъ видѣть, что дворяне тамъ пожертвуютъ немногимъ. Крестьянамъ въ Эстляндіи всегда будутъ мѣшать выселяться, съ одной стороны море, а съ другой и безъ того населенная губернія Имперіи, не считая выгодъ отъ портовъ и большой торговли, что будетъ ихъ удерживать еще болѣе, чтобъ дать имъ

пользоваться сбытомъ предметовъ своей промышленности. Большая часть Русскихъ губерній не имѣють подобныхъ поводовъ, и Богъ вѣсть, что съ нами произойдегь, если подобную мѣру захотѣлъ поощрять въ остальной Россіи. Принцъ Ольденбургскій получилъ Владимирскую ленту за это, какъ генераль-губернаторъ и предѣдатель этой комиссіи; прочіе депутаты получили тоже награды за свои невеликія старанія. Вотъ чѣмъ пока ограничивается ожидаемая конституція, и я думаю, что на этомъ мы надолго остановимся. Вообще, большая часть времени поглощена военщиною.

Самое существенное, что теперь вводятъ, это переводъ 11-ой пѣхотной дивизіи на постоянныя квартиры въ окрестностяхъ Смоленска¹⁾. Я не знаю точно, на чемъ это основано, но полагаю, что, если даже только одни резервы будутъ черезъ это прокормлены, то доходы государства много выиграють, такъ какъ ихъ едва достаесть на содержаніе одной арміи. Засѣдаесть комитетъ о предлагаемыхъ измѣненіяхъ по артиллеріи и касательно предположенія уничтожить почти весь обозъ полка и завести отдѣльные фурштаты, подъ независимымъ управленіемъ изъ строевыхъ офицеровъ. Подобные фурштаты существуютъ въ Австріи, гдѣ легко бы и узнать, пригодны-ли они или нѣтъ, такъ какъ извѣстно, что Австрійцы вѣчно голодаютъ съ своими фурштатами и должны прибѣгать къ воровству и грабежу, чтобъ удовлетворить этой первой необходимости существованія и не умереть отъ истощенія.

Вы, вѣрно, не удивляетесь, что списокъ нашимъ генераламъ—секретъ. Если князь Волконскій не рѣшался заказать отъ себя безъ разрѣшенія Государя въ Тулѣ пару пистолетовъ для Ея Величества, назначавшей ихъ въ подарокъ своему племяннику²⁾, а морской министръ не счелъ себя въ правѣ, безъ той же формальности, взять на фрегатъ слугу, можно ли ихъ называть министрами? Гдѣ тутъ значеніе министра? А между тѣмъ люди эти счастливы и обогащаются.

Персидскій посоль уѣхалъ десять дней тому назадъ очень недовольный и дѣлами, которыя не устроились, и полученными подарками. Онъ не захотѣлъ принять двѣ шубы, такъ онѣ были плохи, и пришлось замѣнить ихъ лучшими. Содержаніе его обходилось тысячу р. въ день, а одновременно съ этимъ ему отказывали въ портерѣ и другихъ пустякахъ, ссылаясь на дороговизну. Къ стыду нашему, Англичане

¹⁾ Этотъ опытъ долженъ быть въ 4 года или въ 5 лѣтъ доказывать, можно ли его будетъ примѣнить ко всей арміи.

²⁾ Сыну Шведской королевы. П. Б.

подарили ему 200 бутылокъ портеру. Воровство и мошенничество стали у насъ, дѣйствительно, ужасными, и этого бѣдвягу, за тысячу р. въ день, кормили Богъ знаетъ чѣмъ, а свиту его морили голодомъ.

Замѣчаніе вашего сіятельства касательно Іезуитовъ вполне справедливо, по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя были у насъ. Невѣроятно, до чего много перешло въ Католичество, особенно женщинъ. Но указъ о Іезуитахъ поудержалъ ихъ творить публичный скандалъ изъ своего вѣроотступничества. Графа де-Местра, посланника Сардинскаго короля при нашемъ дворѣ, первѣйшаго Іезуита, проведеннаго два года у нихъ въ монастырѣ въ Полоцкѣ, чтобъ написать о нихъ хвалебную книгу, обвиняють совершенно справедливо, что онъ ввелъ Іезуитовъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ, и что больше всего перешли въ Католичество его друзья. Жаль, что его не выпроводили за одно съ Іезуитами.

Предполагають, что мѣсто въ Копенгагенѣ оставляется для кого-то изъ военныхъ. Я уже не знаю, Поуль-ли уступить свое мѣсто кому-нибудь изъ болѣе всего покровительствуемыхъ и удовольствуется другимъ, или же Тюиль будетъ туда назначенъ, чтобъ такимъ образомъ очистить мѣсто въ Римѣ Италинскому, которому предоставляется это мѣсто, какъ почетный покой его старости. Баронъ Строгановъ, заступающій его мѣсто въ Константинополь, отправляется туда въ этомъ мѣсяцѣ. Генераль Ермоловъ, ѣдущій посломъ въ Персію, чтобъ потомъ сдѣлаться главнокомандующимъ въ Грузіи, прибылъ сюда вчера. Думають, что онъ поѣдетъ одновременно съ Персидскимъ посланникомъ. Безъ всякаго сомнѣнія онъ оживитъ въ этихъ краяхъ память о покойномъ князѣ Циціановѣ. Адмираль Грейгъ отбылъ для командованія Черноморскимъ флотомъ.

*

С.-Петербургъ, 1 Августа 1816.

Здѣсь уже не выходитъ болѣе никакого историческаго календаря, какъ это было при Императрицѣ Екатеринѣ, а *Карманный Календарь*, переводъ съ очень плохаго Нѣмецкаго календаря, съ самыми пошлыми анекдотами. Его не стоитъ посылать за границу; да къ тому же онъ только по названію *Карманный*, а его и въ мѣшокъ едва уложишь. Я не знаю никакого историческаго труда о Россіи за послѣднія 12 лѣтъ, кромѣ одной хорошей исторіи Россіи Стритера, 3 т. въ 4-ку, но она вышла раньше годовъ вами назначенныхъ. Скоро приступятъ къ печатанію Исторіи Карамзина, которую я и буду высылать вашему сіятельству по мѣрѣ выхода каждаго тома. Ваши сѣтованія касательно сквер-

ной бумаги, на которой у насъ печатають книги, вполне основательны. Признаюсь, я приписываю это нашему еще варварству въ этомъ отношеніи, и на дняхъ я присутствовалъ при переговорахъ Карамзина и Закревскаго на счетъ изданія Исторіи перваго изъ нихъ. Онъ особенно старался выбрать самую сѣрую, непрочную бумагу, какъ самую дешевую: 13 рублей всего. Такая жадность меня возмутила. Ему дано на изданіе 60 тыс., а ему эти 1000 экземпляровъ обойдутся не болѣе 40 тыс., слѣдовательно онъ выгадаетъ 20 т., кромѣ того что получить отъ продажи тысячи экземпляровъ. Всего сто только экземпляровъ будутъ напечатаны на бумагѣ немного получше. Я тщетно искалъ чего-нибудь напечатаннаго о страхахъ около Кавказа, Каспійскаго и Чернаго морей и Аракса; рѣшительно ничего не появлялось по этому предмету. Клапротъ, путешествовавшій на деньги нашего правительства, издалъ для Нѣмцевъ, на Нѣмецкомъ, книгу о своемъ путешествіи, переведенную и на другіе языки; говорятъ, что вѣроятно онъ доставилъ Академіи какой-нибудь рапортъ, скрытый подъ спудомъ пыли и нашей лѣни, такъ что мы, самые заинтересованные въ этомъ, остаемся въ полномъ невѣдѣніи. Вообще, у насъ ограничиваются переводомъ нѣсколькихъ плохенькихъ романовъ, только разстраивающихъ воображеніе и развращающихъ нравы.

*

С.-Петербургъ, 8 Сентября 1816 г.

Совершенно вѣрно, что Государь былъ до крайности любезенъ въ Москвѣ. Онъ посѣтилъ самыхъ почетныхъ въ ней дамъ, чего у него нѣтъ въ обыкновеніи дѣлать здѣсь, а также всѣ общественныя учрежденія, наградилъ всѣхъ по заслугамъ и, вообще, особо милостиво обошелся, какъ съ дворянствомъ, такъ и съ гражданами. На другой день по его прибытіи, представлялась ему депутація отъ дворянъ, при чемъ онъ держалъ къ нимъ рѣчь безъ приготовленія. Сущность ея въ томъ, что за всѣ наши побѣды мы должны быть благодарны Провидѣнію, избравшему именно насъ, чтобы уничтожить врага всей Европы и возстановить порядокъ и тишину. Закончилъ онъ благодарностію дворянству за сдѣланныя имъ пожертвованія и за стойкость и храбрость, съ которымъ оно перенесло бѣдствія Москвы.

Говорятъ о многихъ другихъ милостяхъ, еще не объявленныхъ здѣсь официально, какъ напр. о четырехъ фрейлинахъ, въ числѣ коихъ дочь Кутайсова и какая-то Киселева. Графиня Марія *) пишетъ мнѣ, по секрету, что и она получила свою долю милостей разрѣшеніемъ ей

*) Марья Григорьевна Разумовская. П. Б.

суды въ 30 т., на 15 лѣтъ, о которой она просила Государя письмомъ переданнымъ ему графомъ Каподистріею. Проходя съ ней вечеромъ того же дня въ Польскомъ, Государь лично подтвердилъ ей это разрѣшеніе. Ссуда эта позволить ей расплатиться съ долгами, а ей легко будетъ погашать ихъ ежегоднымъ взносомъ въ 2 т. Не знаю, посланы ли объ этомъ сюда указы, но графъ Каподистрія приложилъ къ этому дѣлу столько старанія, что конечно, доведетъ его до конца. А къ тому-же. въ лицѣ Северина у нея добрый защитникъ ея выгодъ у помянутаго графа. Самая странная и поражающая новость въ числѣ этихъ милостей. это указъ о назначеніи Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу, а Магницкаго вице-губернаторомъ въ Воронежъ. Ваше сіятельство прочтете этотъ указъ въ газетѣ, которую посылаю графу Михаилу. Увѣренъ, что подобною цѣною немногіе захотѣли-бы получить милость такого рода.

*

С.-Петербургъ, 1-ое Декабря 1816 г.

Что касается госпожи Бунинной, этой жалкой Русской Сафо, то ее отправили въ Англію, чтобъ дать тамъ печальный образчикъ нашихъ поэтессъ. Она немало надоѣдала мнѣ и преслѣдовала меня, и только что сѣла на корабль въ Кронштадтѣ, какъ стала посылать мнѣ посланія въ Бруксаль, чтобъ получить отъ меня письма къ вашему сіятельству и къ барону Николаю, въ виду ея нужды въ деньгахъ. Поэтому я ничего и не сдѣлалъ ей. Она злоупотребляла также добротой Ея Величества, которая часто отказываетъ себѣ въ необходимомъ для дѣлъ благотворенія. Графиня Строганова только потому и знаетъ ее, что содѣйствовала къ ея отправкѣ и дала ей письмо къ вашему сіятельству по просьбѣ господина Шишкова, горячаго ея покровителя. За это, послѣ смерти, получишь прекрасную біографію или панатерику въ какой-нибудь газетѣ: вотъ и все. Надѣюсь, что эта несчастная Сафо избавитъ васъ скоро отъ своего присутствія и вернется къ намъ, чтобъ уже больше никогда не предпринимать такихъ поэтическихъ путешествій.

*

С.-Петербургъ, 4 Января 1817 г.

Здѣсь ожидали къ Новому году большихъ милостей и перемѣнъ въ управленіи: но оказалось, что о послѣднемъ нѣтъ и рѣчи, а награды ограничились пожалованіемъ Андреевской ленты Гурьеву, а князю Волконскому и Коновницыну брилліантовыхъ знаковъ Александра Невскаго. Четырнадцатилѣтняя дочь Коновницына пожалована во Фрейлины. Думаю, что этимъ назначеніемъ обязываютъ его остаться въ такъ называемомъ Военномъ Министерствѣ, откуда онъ не перестаетъ

просить увольненія. Судя по награждѣ Гурьеву, нужно считать наши финансы въ блестящемъ положеніи и, дѣйствительно, состояніе Монетнаго Двора, показаннаго Государю, было для него столько же пріятно, какъ и неожиданно, по невѣроятному количеству хранящейся тамъ монеты. Но это никому неизвѣстно, а перестань это быть тайною, тогда вѣроятно и перестало бы быть чудомъ. Послѣ этого осмотра Монетнаго Двора дано много награждѣ въ Министерствѣ Финансовъ. Однакоже, по моему крайнему разумѣнію, сдѣлки въ Ригѣ на хлѣбъ, на 25 милліоновъ, больше поспособствуютъ поднятію нашего курса, чѣмъ предполагаемая сокровища господина Гурьева. Козодавлевъ участвовалъ тоже въ пожалованныхъ наградахъ, но совершенно особенно. Жена его причислена 12-го Декабря къ кавалерственнымъ дамамъ ордена св. Екатерины, а такъ какъ онъ съ тѣхъ поръ не былъ у Государя съ докладомъ, то черезъ Аракчеева просилъ позволенія принести свою благодарность въ кабинетъ Его Величества, чѣмъ и воспользовался, чтобъ выпросить 50 тысячъ для выкупа своего дома, который онъ отдавалъ виннымъ откупщикамъ для залоговъ. Вѣроятно, бѣдняга затруднялся изъ своихъ капиталовъ взять эту сумму, тогда какъ капиталовъ у него водится немало. Полагаю, что онъ не будетъ послѣ сего благодарить Государя въ кабинетѣ: вѣдь Государь выкупаетъ его домъ уже въ третій разъ.

*

С.-Петербургъ, 4 Марта 1817 г.

Сегодня утромъ я былъ у графини Строгановой, пожелавшей переговорить со мной о положеніи одной семьи, по своему имени дорогой вашему сіятельству и графу Михаилу*). Братъ адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина, флотскій капитанъ въ отставкѣ. Сергѣй Дмитриевичъ, давно вынужденъ былъ оставить службу изъ за многочисленной семьи своей (11 человекъ дѣтей) и жить въ маленькомъ имѣніи, подъ Калугою, довольствуясь самымъ необходимымъ, но, по крайней мѣрѣ, не въ тяжелой нуждѣ. Графиня Строганова воспитала на свой счетъ двухъ его дочерей въ здѣшнемъ Екатерининскомъ Институтѣ, и ихъ считаютъ за своихъ у нея въ домѣ. За ними одна ихъ красота и приданое, которое имъ сдѣлаетъ графиня, при выходѣ въ замужество. Отецъ ихъ, достойнѣйшій человекъ, по словамъ графа и графини Строгановыхъ, въ настоящее время въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ при томъ немногѣ, что имѣеть, какъ ваше сіятельство увидите это изъ прилагаемаго письма, переданнаго мнѣ графиней Строгановой. Желаніе ея сдѣлать извѣстнымъ вашему сіятельству поло-

*) Графъ С. Р. Воронцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной. П. Б.

женіе этой семьи, имѣющей счастье быть съ вами въ свойствѣ, основано на увѣренности, что только вы съ графомъ Михаиломъ можете помочь Сенявиннымъ въ ихъ нуждѣ. Графиня Строганова давно уже говорила мнѣ, что собирается написать вамъ, чтобъ расположить васъ и графа Михаила принять участіе въ двухъ барышняхъ Сенявиныхъ и пристроить ихъ; но тревоги графини за здоровье мужа не позволили ей до сихъ поръ привести свое намѣреніе въ исполненіе; а теперь она проситъ меня взяться за это порученіе. Я позволилъ себѣ замѣтить графинѣ, что, для доказательства своего полного къ вамъ обоимъ довѣрія, ей слѣдуетъ точно опредѣлить, какого рода помощь она проситъ для Сенявиныхъ. Графиня согласилась на это, не боясь по извѣстной ей щедрости вашей показаться нескромною. Для полного удовлетворенія этой семьи нужно, по словамъ графини, тысячу рублей, чтобы выкупить имѣніе въ пользу отца и меньшихъ дѣтей, и по двѣ тысячи каждой изъ двухъ старшихъ дочерей. Что касается ихъ приданого, то графиня ничего не пожалѣетъ, чтобъ сдѣлать его достойнымъ полужизнаго ими воспитанія и носимаго ими имени.

*

С.-Петербургъ. 7 Июля 1817 г.

Скончался достойнѣйшій графъ Строгановъ¹⁾. Какъ я это почувствовалъ и какъ доктора тоже предсказывали, онъ скончался на второй день послѣ своего отплытія изъ Копенгагена, гдѣ онъ разстался съ графинею и съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ, потребовавъ настоятельно ихъ возвращенія домой и сказавъ имъ при этомъ, что онъ чувствуетъ себя очень плохо, а они ему ни въ чемъ помочь не могутъ. Врачи, на консультаціи въ Копенгагенѣ, опредѣлили, что ему не прожить болѣе двухъ-трехъ дней. Графиня должна была повидать его еще разъ въ Эльзинорѣ, на другой день; но, пріѣхавъ туда, узнала, что, по желанію графа, фрегатъ не остановился тамъ. Онъ скончался на другой же день или, лучше сказать, угасъ какъ свѣча, отъ полного истощенія силъ физическихъ: но до самаго конца сохранялъ силы душевныя, говоря съ докторомъ по англійски, съ племянникомъ, барономъ Строгановымъ²⁾ по французски, а со слугою по русски. Вскрывалъ тѣло Датскій докторъ, вмѣстѣ съ Англичаниномъ, докторомъ графа, и обнаружилось, что у него вмѣсто легкихъ былъ кусокъ, не больше двухъ дюймовъ величины, покрытый множествомъ гнойныхъ нарывовъ и въ полномъ разложеніи. Похороны происходили вчера, въ

¹⁾ См. о немъ нашу статью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887, I. II. Б.

²⁾ Графомъ Александромъ Григорьевичемъ. II. Б.

присутствіи Государя и великихъ князей Константина и Михаила¹⁾. Государь очень опечаленъ кончиною своего друга съ дѣтства, а на бѣднаго Новосильцова²⁾ тяжело было смотрѣть, какъ онъ сдерживалъ свою скорбь, видя вмѣсто друга гробъ съ его прахомъ. Рѣдко смерть вызывала такое общее сожалѣніе, какъ кончина графа Строганова, котораго все уважали за его качества и убѣжденія. Графиню вся ея семья встрѣтила близъ Выборга, въ имѣніи ея матери, княгини Голицыной. Она остановилась у себя на дачѣ недалеко отъ Каменнаго острова, только чтобъ повидать своихъ двухъ младшихъ дочерей, и, не забывая въ городской домъ, проѣхала въ имѣніе свое на Тоснѣ, въ ста верстахъ отсюда. Состояніе ея здоровья, при неутѣшной скорби, грозитъ новымъ горемъ для ея семьи, и такъ уже жестоко испытанной за послѣднее время тяжелыми утратами³⁾.

Наша эскадра съ войсками⁴⁾ прибыла сюда 2-го числа, совершивъ переходъ въ 10 дней, по истинѣ удивительный: солдатамъ некогда было и поболѣть. Два прибывшіе на ней полка назначены въ ученіе, которое будетъ производиться послѣ Петергофскаго праздника.

Свадьба великаго князя⁵⁾ и празднества задержали отправку курьера, и я готовлю это письмо, не зная точно, когда оно пойдетъ. Въ числѣ всякихъ милостей одна изъ самыхъ значительныхъ—пожалованіе Ламедорфу графскаго титула, при арендѣ въ 8 т. рублей серебромъ на 50 лѣтъ, и множество цѣнныхъ подарковъ на великую сумму. Пашковъ, зять умершаго графа Толстаго, тотъ, что завѣдывалъ послѣ него дворомъ, сдѣланъ гофъ-маршаломъ, къ вѣщему недовольству имѣющихъ передъ нимъ старшинство по службѣ. Двѣ дочери покойнаго князя Суворова⁶⁾ пожалованы во фрейлины, какъ и еще много другихъ, но

¹⁾ Архимандритъ Филаретъ говорилъ долгую проповѣдь, и тутъ Александръ Павловичъ могъ насмотрѣться на человека, которому черезъ немного лѣтъ поручилъ написать завѣщаніе, оставшееся не безъ бѣды въ Русской исторіи. Долгая проповѣдь эта, въ значительно иномъ видѣ противъ того, что поздне появилось въ Собраніи словъ и рѣчей Филарета, вполне напечатана Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ его книгѣ о графѣ П. А. Строгановѣ. П. Б.

²⁾ Кажется, мать Новосильцова была лѣвою дочерью барона Сергія Николаевича Строганова; иначе Н. Н. Новосильцовъ унаслѣдовалъ бы отъ матери богатство, но онъ его не имѣлъ. П. Б.

³⁾ Графиня Софья Владимировна прожила до 1845 года. П. Б.

⁴⁾ Изъ Франціи. П. Б.

⁵⁾ Николая Павловича. П. Б.

⁶⁾ Кн. Марья Аркадіевна (за кн. Голицынымъ, потомъ за Остолоповымъ) и кн. Варвара Аркадіевна (за Банмаковымъ и потомъ за кн. Горчаковымъ). П. Б.

незнакомыхъ въ Петербургѣ. Новая Великая Княгиня приплась здѣсь по душѣ; повидимому она добра, любезна и умна.

О будущемъ назначеніи Новосильцова еще ничего неизвѣстно. Сперва его прочили въ министры народнаго просвѣщенія, а затѣмъ на мѣсто Троцинскаго, который давно просится въ отставку. Теперь же говорятъ, что великій князь¹⁾ ни за что не разстанется съ нимъ. Новосильцову дѣлаетъ честь, что Поляки не менѣе великаго князя желаютъ, чтобъ онъ остался у нихъ, и это, несмотря на почти открытую неприязнь князя Адама²⁾. Людей, которые знали про ихъ долгую, тѣсную дружбу, эта неприязнь очень удивляетъ, и они ищутъ объяснить ее разными неподходящими причинами, тогда какъ единственная и самая простая причина въ томъ, что одинъ изъ нихъ Русскій, а другой Полякъ, да еще озлобленный, можетъ быть, тѣмъ, что ему не удастся имѣть, съ помощью Россіи, значеніе, которое до него игралъ Понятовскій. Говорятъ даже, что онъ избѣгаетъ Русскихъ. Это становится и смѣшно, и не забавно.

*

С.-Петербургъ, 7 Августа 1817 г.

Бѣду завтра въ Царское Село, откуда думаю побывать у графини Строгановой, которою я еще не видѣлъ по ея возвращеніи. Знаю, что скорбь ея все такая же; но Государь, по своей добротѣ, облегчилъ ей, по крайней мѣрѣ, ея затрудненія въ дѣлахъ, поручивъ Новосильцову составить указъ по завѣщанію ея покойнаго мужа, коимъ утвердятся главныя статьи онаго. Говорятъ, въ завѣщаніи есть очень странныя статьи, какъ напр. та, которою графъ запрещаетъ всѣмъ своимъ наследникамъ закладывать хотя бы малѣйшую часть имѣній. А самъ онъ, между тѣмъ, не далѣе какъ прошлой зимой, прибѣгъ къ этому, чтобъ не допустить до продажи всѣхъ своихъ заложенныхъ имѣній, устроить свои дѣла и успокоить этимъ себя и семью. Онъ пожертвовалъ на это 1.200.000 т. рублей. Но какъ при этомъ обернуться, чтобъ уплатить 5 милліоновъ долгу и по 3 милліона каждой изъ трехъ младшихъ дочерей³⁾, т. е. всего 14 милліоновъ? Увѣряютъ (но это еще гребуетъ подтвержденія), что по старой тяжбѣ, только что рѣшенной Совѣтомъ, Государь приметъ на себя 5-ти милліонный долгъ графа, какъ вознагражденіе за розданныя въ другія руки имѣнія Строгановыхъ, со

¹⁾ Т. е. Константинъ Павловичъ въ Варшавѣ. П. Б.

²⁾ Чарторижскаго. П. Б.

³⁾ Графини Наталья, Елисавета и Ольга; четвертая дочь Аделаида уже была въ супружествѣ за кн. Вас. Серг. Голицынымъ (котораго мать Марья Ивановна—сестра Я. И. Булакова). П. Б.

время Петра Великаго, въ виду невозможности вернуть имъ эти имѣнія. Однако и въ этомъ случаѣ все же останется приготовить 9 милліоновъ въ приданое тремъ младшимъ дочерямъ, изъ которыхъ одна уже въ возрастѣ невѣсты, а другая того достигнетъ года черезъ 4. Баронъ Сергѣй Строгановъ¹⁾, женившись на старшей, унаслѣдуетъ и графское имя и всѣ, безъ исключенія, имѣнія на вышеизложенныхъ условіяхъ; но при этомъ графиня остается пожизненно полною распорядительницею всего состоянія.

Графъ Михаилъ долженъ былъ передать вашему сіятельству проповѣдь архимандрита Филарета, произнесенную при погребеніи графа Строганова. Онъ считается здѣсь самымъ лучшимъ проповѣдникомъ, но такъ какъ его третьяго дня сдѣлали епископомъ и викаріемъ здѣшняго митрополита, то, можетъ, это была его послѣдняя проповѣдь. Не становясь судьей, скажу однако, что въ проповѣди были нѣкоторыя слабыя мѣста. особенно гдѣ онъ говорилъ о судьбѣ, какъ бы по Корану.

*

С.-Петербургъ, 1 Сентября 1817 г.

Государь отправился 25-го Августа во внутреннія губерніи на смотры и ученія, начавъ ихъ съ Могилева, гдѣ главная квартира фельдмаршала²⁾, и куда онъ назначилъ прибыть въ день Александра Невскаго. Въ этотъ день положено обнародовать указъ о пожалованіи столовыхъ денегъ батальоннымъ командирамъ, какъ это недавно было даровано полковникамъ и генераламъ, завѣдующимъ отдѣльными частями. Здѣсь, въ этотъ день, объявятъ манифестъ о томъ, что въ будущемъ году не будетъ рекрутскаго набора. Вѣроятно, прослѣдуютъ еще нѣкоторыя менѣе важныя милости, о которыхъ мы узнаемъ изъ Могилева. Завершить свой объѣздъ Государь, въ концѣ этого мѣсяца, Тарутинимъ, гдѣ гренадерскій корпусъ Остермана произведетъ военныя передвиженія. Въ день Кульмской битвы, 17-го Августа, Остерманъ произведетъ въ генералы отъ инфантеріи, на память объ этой битвѣ, гдѣ у него отстрѣлило руку и онъ привелъ наши войска къ блестящей побѣдѣ. Курьеру, который везъ этотъ приказъ, повелѣно было явиться съ нимъ къ Остерману въ самый день празднованія Кульмской битвы. Послѣ Тарутинскаго смотра, Государь отбудетъ въ Москву, куда, къ тому же времени, придутъ и Императрицы, для совмѣстнаго торжественнаго въѣзда. Я буду имѣть честь сопровождать Ея Величество въ Москву, и отъѣздъ нашъ назначенъ на 23-ье или 24-ое сего мѣсяца. Свита Ея Величества немногочисленна и будетъ состоять изъ фрейлинъ

¹⁾ Незабвенный для нашего Московскаго Университета его попечитель. П. Б.

²⁾ Графа Баркляя-де-Толли. П. Б.

Валуевой и княжны Волконской, госпожи Пить, князя Голицына, министра духовныхъ дѣлъ шталмейстера Посникова, доктора Штофрегена и меня. Вдовствующая Императрица выѣдетъ 25-го со свитою гораздо многочисленнѣе, говорятъ. Великій князь Николай Павловичъ и его супруга выѣдутъ 17-го, чтобъ ѣхать только днемъ, не торопясь, съ цѣлью не утомлять ея высочество въ ея положеніи. Здоровье ея очень не крѣпко и часто давало поводъ тревожиться за нее. Предполагаютъ, что дворъ вернется въ Мартъ мѣсяцъ къ родамъ великой княгини, такъ какъ Императрица-мать не соглашается, чтобъ это событіе произошло въ Москвѣ*). По моему, лучше бы въ такомъ случаѣ отложить поѣздку до весны. По крайней мѣрѣ, тогда воспользовались-бы лучшимъ временемъ года.

*

Москва, 10 Ноября 1817 г.

Вы спрашиваете, графъ, правда-ли, что Ермоловъ привезъ съ собою Французовъ-Бонапартистовъ. Я скажу вамъ вполне увѣренно, что нѣтъ, такъ какъ онъ не терпитъ всѣхъ иностранцевъ вообще, а Французовъ особенно. У него первымъ переводчикомъ Негри изъ Греко-Валаховъ, зять покойнаго князя Ипсиланти: нѣкій Соколовъ—совѣтникомъ миссіи, тотъ самый, который во время князя Михаила состоялъ при князѣ Циціановѣ; Армянинъ Худобосевъ, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и морской офицеръ Коцебу, сынъ писателя. Всѣ прочіе при Ермоловѣ Русскіе, преимущественно изъ военныхъ. Впрочемъ, Ермоловъ пишетъ все самъ, а остальные больше для представительства и для снятія пустѣйшихъ, быть можетъ, списковъ. Я читалъ одно его письмо, въ которомъ онъ самъ оправдываетъ политику своей миссіи, и я нахожу, что онъ отлично дѣлаегъ, не довѣряя людямъ, не имѣющимъ, по своимъ качествамъ, никакихъ правъ на довѣріе съ его стороны. А умъ и тонкость Ермолова давно вошли въ поговорку. Графъ Михаилъ разскажетъ вамъ, какъ Ермоловъ отдѣлалъ встрѣтившагося ему полковника изъ Бонапартистовъ за то, что онъ жестоко наказалъ двухъ музыкантовъ. Онъ донесъ объ этомъ Государю, который одобрилъ его дѣйствія въ настоящемъ случаѣ.

*

Москва, 21 Февраля 1818 г.

Вы совершенно правы, графъ, строго осуждая описаніе Москвы, сдѣланное Карамзинымъ для Императрицы-матери. Онъ любитъ быть

*) Это нерасположеніе къ Москвѣ унаслѣдовано и родившимся въ ней 18 Апрѣля 1818 года Александромъ Николаевичемъ, который однажды выразился, что изъ Москвы онъ уѣзжаетъ, какъ изъ душнаго заклона (слышано отъ гр. А. Д. Блудовой). Когда онъ подростъ, то, по приказанію бабушки, его возили поклоняться гробницѣ Фридриха II-го. Ш. Б.

занимательнымъ при этомъ дворѣ, гдѣ его баловали больше, чѣмъ слѣдовало. Это, впрочемъ, постоянный грѣшокъ всѣхъ писателей. Чтò касается его Исторіи, то двѣ главы, которыя онъ самъ прочелъ мнѣ, очень мнѣ понравились, но я еще не могу сказать моего мнѣнія обо всей книгѣ. Я вамъ посылаю два экземпляра Исторіи Государства Россійскаго съ настоящимъ курьеромъ, не успѣвъ даже ихъ просмотрѣть, такъ какъ получилъ ихъ только третьяго дня.

*

Москва, 18 Марта 1818 г.

Со дня отъѣзда Государя, объ Императрицы ведутъ почти что домашній образъ жизни. Для императрицы Елисаветы готовятъ дачный дворецъ „Васильевское“, принадлежавшій сперва князю Долгорукову, а теперь князю Юсупову; а вдовствующая Императрица будетъ имѣть пребываніе въ имѣніи графа Тормасова¹⁾, подъ самымъ городомъ. Май проведемъ здѣсь. Государь останется въ Варшавѣ до 18-го Апрѣля. т. е. на все время Сейма. Оттуда онъ поѣдетъ на смотръ 2-ой арміи и т. д. Графъ Беннгсенъ ждетъ этого, чтобъ подать отставку, которая, я думаю, давно ему изготовлена. Барклай получилъ позволеніе ѣхать на воды. Если, въ его отсутствіе, Витгенштейнъ будетъ командовать 1-ой арміей, въ такомъ случаѣ Сакенъ получитъ 2-ую армію и будетъ дѣйствительнымъ командующимъ, а Витгенштейнъ только временнымъ. Несправедливость будетъ такимъ образомъ прикрыта соблюденіемъ приличій, такъ какъ Витгенштейнъ имѣетъ старшинство передъ Сакеномъ, но неоспоримо уступаетъ ему въ достоинствѣ. Продолжаютъ говорить о поѣздкѣ осенью обѣихъ Императрицъ за границу; но, кажется, Государь отложилъ рѣшеніе этого вопроса до своего возвращенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила объ этомъ Императрица-мать.

Уѣзжая изъ Москвы, Государь утвердилъ одно дѣло чрезвычайной важности, а именно, о соединеніи Москвы рѣки съ Волгою, посредствомъ рѣки Клязьмы. Для здѣшней торговли это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ. Мысль далеко не новая; она принадлежитъ знаменитому Демидову и была представлена имъ еще Петру Великому. Теперь предложеніе это пересмотрѣно инженернымъ вѣдомствомъ и другими знающими лицами и признано годнымъ къ выполненію. Неизвѣстно, когда начнутся работы, такъ какъ деньги на него еще не назначены²⁾.

¹⁾ Тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора. Гдѣ была у него подмосковная, не знаемъ. П. Б.

²⁾ Водопроводные расчеты оказались невѣрными, и памятникомъ этого несостоявшагося предпріятія остается образовавшееся большое озеро Синьскъ, между нынѣшними станціями Николаевской желѣзной дороги, Брюковымъ и Подсолпечнымъ. Оно снабжаетъ Москву рыбою. П. Б.

Рескриптомъ Государя на имя графа Головина, президента экономическаго отдѣла въ Совѣтъ, на мѣстѣ Мордвинова, составленъ комитетъ изъ самого графа, министра исповѣданій князя Голлицына и генерала Бетанкура о перестройкѣ Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, по плану архитектора Монферано. Работы распредѣлены на три года и обойдутся въ нѣсколько милліоновъ. То что будетъ сломано за это лѣто стоило, вѣроятно, полъ-милліона! Соборъ будетъ расширенъ и, какъ это было въ первоначальномъ планѣ, получить форму креста, съ 5-ю куполами.

*

Москва, 25 Апрѣля 1818 г.

Вы, вѣроятно, уже прочли рѣчь, произнесенную въ Варшавѣ¹⁾. Не разбирая ея, скажу только, что она произвела въ обществѣ сильное впечатлѣніе. Нѣтъ ничего опаснѣе неопредѣленныхъ словъ, которыя каждый истолковываетъ по своему. Со временемъ, эта тревога и опасенія однихъ съ надеждами и преувеличенными мечтами другихъ, могутъ имѣть гибельныя послѣдствія. Слава-Богу, пока все остается смутно и неопредѣленно. Но, между тѣмъ, духовенству разрѣшено указомъ доносить на помѣщиковъ, и въ Сенатъ поступило уже много подобныхъ дѣлъ, довольно соблазнительнаго рода, какъ я слышалъ это отъ Посникова.

Удаленіе митрополита Амвросія было для Мартинистовъ полнымъ торжествомъ, какъ и назначеніе ему въ преемники Михаила, бывшаго Черниговскаго архіерея. Онъ человекъ вполне достойный, получившій извѣстность еще во времена Новикова и пр., по своимъ сочиненіямъ, въ духѣ его сексты писаннымъ, когда онъ еще былъ простымъ священникомъ. Впрочемъ, его благочестіе и строгость монашеской жизни признаются всѣми.

Слухъ о заграничной поѣздкѣ Императрицы подтверждается. Мухановъ²⁾ собственно затѣмъ и ѣздилъ въ Петербургъ, чтобъ распорядиться на счетъ экипажей.

*

Москва, 9 Іюня 1818 г.

Государь, кажется, остался доволенъ своею поѣздкою на Югъ и особенно Одессою. Кромѣ разныхъ денежныхъ выдачъ и преимуществъ,

¹⁾ Мы уже имѣли случай замѣтить, что, читая эту рѣчь, невольно вспоминаешь вѣщанія покойнаго графа П. А. Валуева. П. Б.

²⁾ Сергій Ильичъ. П. Б.

дарованныхъ имъ этому городу, онъ пожаловалъ герцогу Ришелье Андреевскую ленту, а Ланжерону (военному губернатору) аренду въ сорокъ тысячъ. Всѣ очень сожалѣють о кончинѣ Барклая. Кажется, его замѣнитъ Сакенъ. Беннгсенъ получилъ отставку, съ оставленіемъ ему полнаго содержанія; Витгенштейнъ занялъ его мѣсто, а герцогъ Витембергскій—мѣсто послѣдняго въ Курляндіи. Митрополитъ Амвросій, замѣщенный по собственной просьбѣ (вынужденной у него Мартинистами) Черниговскимъ архіереемъ, скончался вскорѣ послѣ своего прибытія въ Новгородъ. Даже монахъ не могъ перенести униженія быть удалену отъ двора, и этого одного достаточно, чтобъ умалить сожалѣніе о немъ, какъ о представителѣ церкви.

*

С.-Петербургъ, 28 Августа 1818 г.

Государь изволилъ выѣхать вчера, а Императрица выѣдетъ сегодня. Она ѣдетъ прямо въ Штутгартъ, черезъ Варшаву и Прагу, оттуда въ Брюссель и вернется въ концѣ Декабря, на Веймаръ и Берлинъ. Дорога намъ назначена на Кенигсбергъ, Франкфуртъ-на-Одерѣ, Лейпцигъ (Берлинъ пропустимъ), Веймаръ, Кобургъ, Вюрцбургъ и Дармштадтъ. Вернемся въ Январѣ, но еще не рѣшено, какимъ путемъ. Что касается подробностей и причинъ этого „*voyage d'émigration*“ *), они такъ необыкновенны, что даютъ поводъ ко всевозможнымъ толкамъ; но я, для себя лично, счастливъ быть Ея Величеству чѣмъ-либо пріятну и полезну, считая это ни во что, за все ея ко мнѣ милости.

*

Карлсруе, 3 Декабря н. ст. 1818 г.

Графъ Михаилъ вполне восторжествовалъ надъ этимъ подлымъ судомъ, приносящимъ такъ много вреда у насъ. Князь Меншиковъ говорилъ мнѣ здѣсь, что смотръ положилъ конецъ всеѣмъ навѣтамъ и больше чѣмъ когда либо поднялъ доброе мнѣніе о графѣ, и это, конечно, послужило къ вѣщему смущенію его клеветниковъ. А князь Меншиковъ (какъ я узналъ) также мало питаетъ пріязни къ графу, какъ все тѣ, которые всячески старались ему вредить. Здѣсь увѣряють, что Чернышевъ, не смотря на свою наглость и дерзость, былъ въ большомъ смущеніи передъ смотромъ, а послѣ смотра въ Ахенъ пришелъ еще въ бѣльшее. Пора бы Государю понять, какую цѣну можно давать невѣрнымъ доношеніямъ лжецовъ, которыхъ, по несчастью, такъ много вокругъ него. Отъ моего брата, состоящаго при генералѣ Удомѣ, я узналъ, что почти все представленія графа Михаила, остававшіяся у князя Волконскаго, уважены. Въ Мобѣжъ и

*) Поездка выселенія.

былъ свидѣтелемъ радости графа отъ всего, что Государь сдѣлалъ для его подчиненныхъ; поэтому могу себѣ представить, какъ онъ будетъ доволенъ настоящими наградами: это онъ считаетъ какъ бы наивысшею наградою для самого себя. Я въ восторгѣ, что послѣдовавшее за этимъ объясненіе графа съ княземъ Волконскимъ прекратило бывшее между ними охлажденіе, такъ вредно отзывавшееся на дѣлахъ и такъ тяготившее графа Михаила. Князь Волконскій отзывался мнѣ здѣсь о графѣ очень дружественно, и я увѣренъ, что чувства его искренни. Я мало знаю князя, но мнѣ кажется, что ему не было никакой надобности говорить неправду, тѣмъ болѣе, что онъ самъ завелъ рѣчь о графѣ, давая мнѣ свѣдѣнія объ его пребываніи въ Ахенѣ и сообщая о предстоящей ему повѣздкѣ на два дня въ Парижъ.

Я имѣлъ удовольствіе показать Ея Величеству то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите о ней, и выслушать ея сожалѣніе, что ей не удалось повидать васъ здѣсь, на что она рассчитывала, какъ и я. Она поручила мнѣ благодарить васъ за вашу память о ней и передать вамъ ея истинное уваженіе и расположеніе. Она рассчитываетъ быть отчасти вознагражденною свиданіемъ съ графомъ Михаиломъ, котораго мы надѣемся повстрѣчать, вѣроятно около Лейпцига, судя по росписанію его пути.

Отъѣздъ Ея Величества отсюда былъ назначенъ на 8-ое число настоящаго мѣсяца (н. ст.), но четыре дня тому назадъ она упала, сходя по лѣстницѣ въ Раштадтѣ, и вывихнула себѣ ногу, вслѣдствіе чего у нея сдѣлалась рожа на больномъ мѣстѣ. Однако, вчера не было уже жара, и она чувствовала себя хорошо, хотя и вынуждена лежать спокойно. Докторъ говоритъ, что ничего опаснаго нѣтъ, но что это замедлитъ ея отъѣздъ дня на два, на три. По своеобразно составленному росписанію нашихъ переездовъ, Государыня должна была въ Штутгартѣ только отобѣдать, въ Мюнхенѣ провести 3-4 дня, въ Барейтѣ одинъ день для свиданія съ Великою Княгинею Анною; въ Лейпцигъ пріѣхать 7-го (19) или 8-го (20) Декабря, и затѣмъ продолжать путь на Фракфуртъ-на-Одерѣ, Кенигсбергъ, Ковну, Митаву и Ригу, гдѣ рассчитывала провести первый день Рождества, а въ Петербургъ возвратиться 28-го или 29-го Декабря по нашему стилю. Дай Богъ, чтобъ случай съ ногою прошелъ безслѣдно и не вызвалъ никакихъ переменъ въ путешествіи. Я боюсь этой задержки здѣсь особенно потому, что братъ Ея Величества очень плохъ, и если онъ скончается, во время нашего здѣсь пребыванія, ей придется еще долѣе оставаться здѣсь. Посѣщеніе Государемъ всей здѣшней семьи и семьи королевы Шведской было

самое дружественное. Онъ долженъ былъ вчера выѣхать изъ Штутгардта въ Веймаръ, отдумавши ѣхать въ Мюнхенъ. Дѣйствительно, если жители Баденскаго маркграфства выказали Государю столько восторга за неприкосновенность ихъ земли и за дарованіе имъ великаго герцога изъ ихъ владѣтельнаго дома, черезъ призваніе за Гогсберскою вѣтвью правъ на наслѣдованіе престоломъ, то Баварцы всѣми этими устройствами очень недовольны, послѣ предъявленныхъ ими чрезмѣрныхъ притязаній. Я не думаю поэтому, что пребываніе наше въ Мюнхенъ будетъ пріятно, особенно для Государыни.

Со дня оставленія Государемъ Ахена, курьеры, вѣроятно, остановлены въ Веймарѣ, такъ какъ мы уже двѣ недѣли не получаемъ писемъ изъ Россіи. Меня мучаетъ больше всего, что я раньше Лейпцига или Кенигсберга не получу извѣстій о разрѣшеніи жены. По послѣднимъ извѣстіямъ, отъ 16-го Октября, она чувствовала себя хорошо. Я вамъ очень признателенъ, графъ, за ваше участіе къ намъ, при настоящемъ случаѣ, отъ котораго зависитъ мое будущее.

*

Франкфуртъ-на-Майнѣ, 22 Декабря 1818 г. (3 Января 1819).

Я пріѣхалъ сюда вчера вечеромъ, какъ по дѣламъ Государыни касательно ея возвращенія въ Россію, такъ и для свиданія съ графомъ Михаиломъ, который писалъ мнѣ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ изъ Касселя, что думаетъ оставить свои войска въ Торгау 16-го (28) и, по дорогѣ въ Парижъ и Лондонъ, заѣхать сюда. Отъ души сожалѣю, что мнѣ не удалось повидать его; вѣроятно, ему пришлось вести свои войска до Польши, чтобъ сдать ихъ лично Великому Князю, къ которому они переходятъ.

Государыня назначила свой отъѣздъ въ Россію на 28 Декабря (9 Января), слѣд. черезъ недѣлю. Изъ Карлсруе мы поѣдемъ на Штутгардъ и Мюнхенъ, гдѣ она остановится на одинъ день, потомъ на Байретъ, съ остановкой тоже на одинъ день, для свиданія съ Великой Княгиней Анной, а затѣмъ на Лейпцигъ по прежней дорогѣ. По росписанію, мы должны быть въ Петербургъ 28-го Января (10-го Февраля), если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго, отъ чего, какъ мы надѣемся, Господь избавитъ насъ, послѣ печальнаго случая, когда кончина брата Ея Величества грозила опасностью для ея здоровья. Она, вмѣстѣ со всей семьей, неотлучно была при братѣ, до самой его кончины.

*

Царское Село, 23 Юня 1819 г.

Императоръ отбылъ сегодня, рано утромъ, въ свое путешествіе въ Архангельскъ, черезъ Олонецъ и Вытегру; на обратномъ пути, съ

половины дороги, онъ свернетъ черезъ Куопіо въ Финляндію; говорятъ, что онъ пройдетъ въ Торнео, Вазу, Або и пр. Сюда его ждутъ 3-го Сентября, всего на нѣсколько дней, такъ какъ, вскорѣ за этимъ, онъ поѣдетъ въ Варшаву. Передъ его отъѣздомъ, вчера, въ день именинъ вдовствующей Императрицы, въ числѣ пожалованныхъ наградъ, Бенкендорфъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ, а состоявшіе при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ кавалеры получили аренды и мѣста, такъ какъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, въ нихъ нѣтъ болѣе надобности. При насъ остается только Алединскій, въ должности завѣдывающаго его дворомъ. Генераль Паскевичъ оставленъ тоже при немъ, полагаю, въ видѣ руководителя по дѣламъ его должности. Великій Князь Михаилъ Павловичъ назначенъ вчера командиромъ бригады Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и вступилъ въ должность начальника артиллеріи, фельдцейгмейстеромъ. Отрадно видѣть, что весь его дворъ и свита составлены изъ порядочныхъ людей. Старшимъ его флигель-адъютантомъ полковникъ Винперъ; по несчастію, этотъ достойнѣйшій человѣкъ такого слабаго здоровья, что чуть не умеръ, и ему разрѣшено ѣхать въ Неаполь, для возстановленія силъ.

*

С.-Петербургъ, 12 Ноября 1819 г.

На этой недѣлѣ графу Михаилу станетъ извѣстно рѣшеніе положенное на его прошеніе о полномъ увольненіи отъ службы. Государь отказалъ ему въ этомъ, и насколько я могу разузнать на счетъ отвѣта Его Величества, это отвѣтъ самый любезный, съ предложеніемъ безсрочнаго отпуска, или же, безъ всякаго отпуска, свобода жить, гдѣ ему хочется или путешествовать и, вообще, дѣлать, что ему угодно, такъ какъ Государь не можетъ примириться съ мыслию не видѣть въ списокѣ своихъ генераловъ такого достойнаго и даровитаго человѣка. Не знаю, на что рѣшится графъ Михаилъ; но, по моему, ему слѣдуетъ настаивать на просьбѣ объ отставкѣ, на которую онъ рѣшился не случайно, а по зрѣломъ обсужденіи. Онъ пишетъ мнѣ, что ждетъ отвѣта Государя, чтобъ съѣздить на нѣсколько дней въ Одессу, посмотрѣть разныя вещи, посланная имъ туда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

*

С.-Петербургъ, 17 Января 1820 г.

Довѣріе, которое вы мнѣ оказываете, говоря о положеніи вашего сына, очень для меня дорого, но оно обязываетъ меня говорить съ вами откровенно, безъ всякихъ стѣсненій касательно дѣлъ графа Михаила. Хорошо освѣдомленный о всемъ происшедшемъ въ Валансienъ и Мобѣжѣ, во время моего прошлогодняго пребыванія въ семъ послѣднемъ городѣ, и бывъ время отъ времени свидѣтелемъ того, что дѣлалось

здѣсь, я былъ близокъ къ чувству отвращенія отъ службы, послѣ столькихъ несправедливостей и непріятностей. Чувство это присуще всякому порядочному человѣку, а графу Михаилу болѣе чѣмъ всякому другому, по всему, что онъ сдѣлалъ, чтобъ получить ту заслуженную дань всеобщаго удивленія и безпредѣльной преданности, которая итаетъ къ нему не только войска, бывшія у него подъ командою, но и всё вообще, кто знаетъ его лично или по наслышкѣ; т. е., это равносильно тому, еслибъ я сказалъ, что всё военное въ Россіи раздѣляютъ эти чувства къ графу Михаилу. Исходя изъ этой неоспоримой правды, я не удивлю васъ, графъ, заявляя, положительно, что причиною всего происшедшаго съ нимъ и съ его войскомъ была именно эта общая любовь къ графу и его громкая слава; а что касается безчестія, которое, по вашему мнѣнію, должно было глубоко уязвить чуткую и благородную душу вашего сына, то могу васъ увѣрить, что никогда и никто и не думалъ о чемъ-либо подобномъ. Слѣдовательно, если дѣло въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, то ихъ нужно искать не за графомъ Михаиломъ, а за тѣми мелкими людшками, которые выскивали всякія мелочи, чтобъ только досадить ему. Больше всего оскорбило графа раздробленіе его полковъ. Я могу ошибаться, но мнѣ эта мѣра вообще кажется настолько же ошибочною, какъ и несправедливою. Можно ли не имѣть довѣрія къ солдатамъ, которые честно выполняли только то, что имъ приказывали; и какъ ихъ разбѣять по всей Имперіи, если ихъ понятія и условія жизни признаются неподходящими для Россіи? Однако, графу Михаилу было извѣстно, такъ какъ я самъ объ этомъ писалъ ему въ 1815 или 1816 г., что многія вліятельныя здѣсь лица, узнавъ о преимуществахъ дарованныхъ войскамъ графа рескриптомъ Государя, посланнымъ ему изъ Берлина, заявляли, что по возвращеніи этихъ полковъ изъ Франціи, нужно будетъ подыскать для нихъ необитаемый островъ, иначе прочимъ войскамъ нельзя будетъ примириться съ ихъ старыми распорядками; да къ тому-же и содержаніе этихъ путешественниковъ не подойдетъ уже къ установленному содержанію прочихъ войскъ. Меня увѣряли здѣсь, что фельдмаршалъ Толли, когда подняли вопросъ о сформированіи окупаціонной арміи во Францію, сказалъ Государю: „Ваше Величество! Вамъ нужно помнить, что Вы выиграли сраженіе, но потеряли 30 тыс. человѣкъ!“ Если я вамъ привожу все это, графъ, то для доказательства, что графъ Михаилъ тутъ не при чемъ, и что всякій другой, при подобныхъ обстоятельствахъ, оказался бы въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ онъ: но у него хоть то преимущество, что онъ можетъ доказать свою правоту. Всѣ генералы, у кого есть вернувшіеся изъ Франціи полки, въ одинъ голосъ не нахвалятся ихъ примѣрнымъ поведеніемъ, выдержкою и благородствомъ. Государь

знаеть объ этомъ отовсюду, а въ Москвѣ ему передавали объ томъ же графъ Толстой и князь Дмитрій Голицынъ. Во время пребыванія царской семьи въ Москвѣ, постоянно были разныя непріятныя исторіи въ полкахъ, и ни одной въ 38-мъ егерскомъ и въ Апшеронскомъ. стоявшихъ тамъ гарнизономъ. съ большимъ количествомъ гвардіи и съ пятью или шестью армейскими полками. Всѣ эти подробности должны быть извѣстны тому, кто за всемъ наблюдаетъ и кто слѣдитъ за ходомъ дѣлъ. Но для графа Михаила этихъ обстоятельствъ было недостаточно; ему необходимо было добиться полнаго оправданія, не оставляющаго никакихъ сомнѣній въ людяхъ, которымъ они могли быть не вполне извѣстны. Всѣ не только что ожидали, но вполне были увѣрены, что скорѣе пожертвовали бы многимъ, чѣмъ уволить графа Михаила: такъ подобная отставка послужила бы не къ посярвленію его, а всехъ носящихъ военный мундиръ! Что его отставки не примутъ, въ этомъ никто не сомнѣвался: но это вызвало объясненія, а за ними и удовлетвореніе. Приемъ, сдѣланный здѣсь графу, доказалъ всемъ, какимъ онъ пользуется уваженіемъ и вниманіемъ, а его завистниковъ онъ привелъ въ такую ярость, что имъ было совѣстно показаться ему. Заслуги графа Михаила слишкомъ хорошо извѣстны, чтобъ удивляться тѣмъ отличіямъ, которыя ему выказываютъ, а наговорщики, какъ я предсказывалъ, всѣ исчезли. Вы отъ самого графа узнаете подробности трехъ или четырехъ бывшихъ у него объясненій, и какое ему дается скромное удовлетвореніе, черезъ которое только еще лучше докажется благородство его души и его забота о благѣ всехъ его подчиненныхъ. Если же будутъ какія повышенія, то, конечно, графъ Михаилъ будетъ въ числѣ ихъ. Его настойчивость покончить со службою, доставившей ему столько огорченій, дѣлаетъ ему честь: но въ настоящее время настаивать дальше на отставкѣ было бы непростительно: таково мнѣніе самыхъ усердныхъ его друзей. Имѣющій появиться рескриптъ подтвердить его заслуги и полное довольство Государя войскомъ, заслужившимъ благодарность Россіи и всей Европы, и это свидѣтельство о доблести командующаго общей съ простымъ солдатомъ перейдетъ въ потомство. Если я, до настоящаго случая, не входилъ въ такія разсужденія съ вашимъ сіятельствомъ, то причины тому тѣже, по которымъ графъ Михаилъ воздерживался говорить съ вами о своемъ дѣлѣ. Но изъ нихъ явствуетъ, что люди, одинаково чувствующіе, сходятся въ своихъ мнѣніяхъ и, не стовариваясь, приходятъ къ соглашенію, даже не находясь вмѣстѣ. Посѣщеніе Государемъ супруги вашего сына на третій день по его возвращеніи возбудило зависть между многими военными, жены которыхъ не удостоивались подобной чести.

*

С.-Петербургъ, 14 Февраля 1820 г.

Въ городѣ много толкують о заготовленномъ уже приказѣ по назначенію графа Михаила командующимъ 3-мъ корпусомъ 1-ой арміи, стоящимъ въ Кременчугѣ. Этимъ корпусомъ во времена Барклая-де-Толли командовалъ Сакенъ, смѣненный потомъ княземъ Горчаковымъ. Въ настоящее время князь Горчаковъ занялъ во Владимирѣ мѣсто князя Голицына, назначеннаго генералъ-губернаторомъ въ Москву. Назначеніе графа Михаила сдѣлано Государемъ, чтобъ онъ могъ служить на Югѣ, какъ желалъ этого. Я видѣлъ вчера графа, который ничего не знаетъ о своемъ назначеніи, такъ какъ еще не выходитъ: но меня увѣрили, что въ этомъ же приказѣ генералъ Эмме назначается исправлять должность графа, который такимъ образомъ сохранитъ на полгода свободу, которую предоставилъ ему Государь увольненіемъ въ отпускъ.

*

С.-Петербургъ, 3 Апрѣля 1820 г.

Вы получите отъ графа Михаила манифестъ, объявленный три дня тому назадъ, по случаю развода Великаго Князя Константина Павловича. Событіе это причинило много тревогъ. Будемъ надѣяться, что Государь переживетъ своего августѣйшаго брата: въ противномъ случаѣ, нельзя ручаться, что потомство госпожи Грузинской не сдѣлается именно тѣмъ, чѣмъ манифестъ не хочетъ, чтобъ оно было.

Невѣроятно, какъ это вдовствующая Императрица согласилась на разводъ для этой Польки, на которой, по общему мнѣнію, Великій Князь женится. Однакожь, говорятъ и то, что онъ въ послѣднее свое здѣсь пребываніе, высказался какъ-то, что, пожалуй, онъ выпишетъ какую нибудь „Mecklenbourgeoise“ себѣ въ жены. Конечно, всѣ предпочли бы ее Полькѣ. А, въ ожиданіи рязвязки дѣла, эти обстоятельства полны тревогъ для Россіи и сожалѣній о Великой Княгинѣ Аннѣ. Ей будетъ оставленъ ея титулъ, съ увеличеннымъ противъ прежняго содержаніемъ, но съ утратою положенія.

*

С.-Петербургъ, 27 Октября 1820.

Пользуюсь отъѣздомъ сына доктора Симпсона, который беретъ передать вамъ этотъ пакетъ, въ сохранности. Я повторю въ настоящемъ письмѣ, что писалъ въ томъ, которое осталось непосланнымъ, за исключеніемъ говореннаго о друзьяхъ графа Михаила, такъ какъ онъ, вѣрно уже самъ удовлетворилъ на счетъ этого ваше любопытство

и родительскую заботливость. Я ограничусь завѣщеніемъ, что по общему отзыву, всѣ его старые друзья остались ему вѣрны, но нѣкоторыхъ изъ новыхъ нужно было испытать. Впрочемъ, если, при возвращеніи своемъ, графъ Михаилъ и не найдетъ ихъ уже такими, какъ оставилъ, то потеря не велика: такіе люди, при постоянной смѣнѣ обстановки и обстоятельствъ легко замѣняются другими; новы только имена и лица.

Перехожу къ другому предмету, о которомъ высказусь съ тою откровенностью, какую обязанъ имѣть по отношенію къ вамъ.

Государь не любитъ графа Михаила и, какъ я полагаю, никогда не полюбитъ. Человѣкъ, выдающійся изъ общаго уровня, никогда не былъ у него въ милости, а особенно если этотъ человѣкъ съ твердыми началами, неуязвимый никакими оскорбленіями, любимецъ солдатъ и въ уваженіи у общества. Можно, право, подумать, что Государь начинаетъ завидовать своему подданному, какъ только видитъ его достоинства. Если я вамъ говорилъ о первомъ отличномъ приѣмѣ графа, то въ немъ нельзя было ему отказать никакимъ образомъ; что же касается до втораго приѣма, то я отлично видѣлъ, что онъ милостивъ только для приличій; однако были дни, когда и этотъ приѣмъ возбуждалъ во многихъ тревогу. Но дѣло не пошло далѣе, такъ какъ графъ Михаилъ уѣхалъ по собственному желанію. Тоже самое повторится, хотя бы онъ десять разъ пріѣзжалъ сюда; но я долженъ признаться, что я, какъ и вы, не безъ тревогъ на счетъ времени, когда онъ вступитъ въ командованіе корпусомъ. Вы указываете мнѣ въ примѣръ Барклая; я могу съ своей стороны указать вамъ на Сакена и Витгенштейна, которымъ также чинятъ непріятности. Но, можетъ, даже лучше командовать корпусомъ, чѣмъ арміей; есть, по крайней мѣрѣ, иногда возможность укрыться значеніемъ командующаго арміей. Крайній эгоизмъ, съ его неизбежными спутниками въ видѣ деспотизма и жестокости, судить не по однимъ дѣйствительнымъ заслугамъ, но еще и по тому, приносятся-ли они лицомъ слѣпо боготворящимъ своего монарха и принижающимъ себя передъ нимъ. Подобные монархи пользуются словомъ отечество только тогда, когда имъ нужно обозлестить или вызвать къ себѣ довѣріе своимъ подданныхъ. А въ прочихъ случаяхъ это слово рѣжетъ имъ слухъ, возбуждаетъ опасенія, какъ призывный кличъ народолюбцевъ, людей возмущающихся противъ воли одного, если воля эта дурно направлена и ведетъ страну къ гибели. Одно уже это слово „патріотъ“ пугало; тогда какъ о началахъ мало заботятся, если только это люди преданные монарху. Вотъ почему такая любовь къ людямъ ничтожнымъ, особенно къ податливымъ Нѣмцамъ или къ другимъ иностранцамъ, которые сходятъ за людей порядочныхъ, между

тѣмъ какъ они достойны одного презрѣнiя. Очень естественно, что подобная шайка людей, безъ всякаго достоинства, безъ дарованiй и большею частью совѣзмъ необразованныхъ, никогда ни къ чему не стремится за предѣлы возможнаго и довольствуется наилегчайшимъ. Мы видимъ неграмотныхъ солдатъ постигающихъ ремесло капрала; это настоящая модная манiя, тѣмъ пригодная, что занимаетъ собой великое число людей и не даетъ имъ ни времени, ни средствъ относиться участливо къ дѣламъ, въ которыя не желаютъ посторонняго вмѣшательства. Прибавить къ этому каверзы общества и политики, и получится картина, такъ называемаго военнаго двора, достойная Гогарта. Графу Михаилу все это знакомо лучше чѣмъ мнѣ, смотрящему на обстановку равнодушнымъ зрителемъ, а онъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобъ поддаться такому обману. Его рѣшенiе держаться въ сторонѣ чрезвычайно благоразумно. Придетъ время, когда отечество обратится къ его заслугамъ, дарованiямъ и извѣстности, и тогда все преимущества окажутся на его сторонѣ, если даже, по возвращенiи изъ заграницы, онъ и утратилъ нѣкоторыя: и слава его тогда еще будетъ громче. Вы можете, графъ, быть совершенно спокойны насчетъ этого: такой человекъ, какъ вашъ сынъ, всегда будетъ выше всѣхъ носящихъ съ нимъ одинаковый мундиръ.

Посылаю вашему сiятельству, въ особомъ конвертѣ напечатанный *Отчетъ государственныя кредитныя установленiя* и списокъ съ Устава военныхъ поселенiй. Покаюсь, что я не читалъ перваго, такъ мало я вынесъ пользы отъ чтенiя прошлогодняго отчета: да къ тому же, вижу, что нынѣшнiй годъ также неблагопрiятенъ для нашихъ финансовъ. Бумага *Отчета* отвратительна, но лучшей нѣтъ. Впрочемъ, это читается изъ любопытства, и велѣдъ за этимъ забывается до будущаго года. Что касается Устава, я такъ много уже писалъ вашему сiятельству о военныхъ поселенiяхъ, что мнѣ нѣтъ надобности возвращаться къ этому предмету. Вы увидите, что можно думать объ этихъ новыхъ *стрѣльцахъ*, которые со временемъ приведутъ Россiю къ революцiи. Тридцать лѣтъ тому назадъ, можно было пройти всю Россiю безъ всякой палочки даже; а теперь по Новгородской дорогѣ, да и по Царскосельской, не пройдешь, чтобъ не быть ограблену или убиту. Это еще только цвѣтки: можно ожидать въ будущемъ ужасныхъ плодовъ. Въ порядкѣ вещей, что рано или поздно Россiя не избѣгнуть революцiи, такъ какъ вся Европа прошла черезъ это. Пожаръ начнется у насъ съ этихъ пресловутыхъ поселенiй; даже въ настоящее время достаточно одной искры, чтобъ все запылало.

Чугуевскій полкъ, у котораго отмѣнили прежнее устройство и перевели его на положеніе военныхъ поселеній, показалъ, чего можетъ ожидать правительство при упорномъ отстаиваніи своихъ выгодъ, льготъ, собственности, предразсудковъ, или при сопротивленіи несправедливостямъ тѣхъ, кто долженъ бы не притѣснять ихъ, а защищать. Для подавленія бунта двинули пѣхоту и артиллерію, и только силой могли сломить упорство Чугуевцевъ; но Боже мой, какія были экзекуціи! 60 человекъ умерли подъ ударами и 400 сосланы въ Сибирь; а между тѣмъ, духъ оставшихся все тотъ же! Я не увѣренъ, но кажется, точно также хотять отнять и у Донскихъ казаковъ ихъ самоуправленіе. Извѣстный Чернышевъ живетъ тамъ уже полтора года. Въ прошломъ году онъ пріѣзжалъ сюда на короткое время съ вытянутой фізіономіей (а она у него и отъ природы достаточно длинна), такъ какъ не достигъ никакихъ благоприятныхъ послѣдствій. Съ осени его снова послали на Донъ, и съ тѣхъ поръ онъ еще не былъ здѣсь ни разу. Неизвѣстно, что онъ тамъ дѣлалъ кромѣ подавленія въ Екатеринославской губ. мятежа, охватившаго цѣлый уѣздъ. Этимъ лѣтомъ онъ проѣхалъ оттуда прямо въ Варшаву, а затѣмъ въ Троппау, такъ что до сихъ его порученіе остается непроницаемою тайною, и неизвѣстно, добился-ли онъ чего нибудь. Сохрани Богъ, если воинственные и симпатичные казаки подымутся противъ собственнаго отечества и неблагодарнаго правительства! Послѣдствія подобныхъ революцій трудно усчитываются; поэтому трудно сказать, что насъ ждетъ тамъ въ будущемъ, и каково оно будетъ для населенія степей, Кавказа, Грузіи и др. Я только одно знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ Чернышевъ у казаковъ, у нихъ здѣсь тайный агентъ, всегда предупреждающій своихъ о посылаемыхъ Чернышеву инструкціяхъ.

Изъ всего мною сказаннаго вашему сіятельству не трудно будетъ судить о быстромъ ходѣ распаденія, которое не замедлитъ сдѣлаться полнымъ. Если оно такими гигантскими шагами распространяется въ самой Россіи, что уже говоритъ про Польшу, эту язву, разъѣдающую Россію, по вашему справедливому опредѣленію. Внезапное прекращеніе преній, полная соболѣзнованія рѣчи, такая неравномѣрная подача голосовъ въ собраніи, гдѣ правительство, можно сказать, не имѣло никакого значенія, ни интереса или вліянія, все это доказываетъ, что о расчлененіи Россіи теперь уже не думаютъ. Вѣдь было бы безуміемъ давать оружіе и силы нашимъ врагамъ, которымъ деспоты такъ завидуютъ, такъ что пылкіе Поляки своею неблагоразумною наглостью не достигли желанной цѣли. Посмотримъ, послужитъ ли намъ этотъ урокъ въ будущемъ. Сосѣди наши должны радоваться подобному

исходу, могущему, со временемъ, быть на пользу ихъ политикѣ. Поляки могутъ только гордиться этимъ, такъ какъ они добились причинить досаду и вселить опасенія Государю, назначеніе котораго презирать этотъ когда-то довольно извѣстный, а теперь выродившійся народъ. Удивительнаго будетъ мало, если онъ дастъ, когда нибудь, царей Россіи! Великій Князь Константинъ Павловичъ слишкомъ горячъ и слабъ, чтобъ не содѣйствовать плану, дорогому и выгодамъ и желаніямъ его супруги. Если жалкая Фредериксъ съ своимъ „bâtard“ оумъ вертѣла имъ, какъ хотѣла, но тѣмъ легче дѣйствовать на него законной супругъ, вмѣстѣ со своими соплеменниками и безчисленными родичами. Конечно, не обойдется безъ оппозиціи, но какъ ручаться за послѣдствія? Возражаютъ, что Курляндія и Лифляндія преданы Россіи; но исторія доказываетъ, что Польша постоянно имѣла большое вліяніе на эти двѣ провинціи, которыхъ Россія никогда не оберегала. Два старшіе Великіе Князя подозрѣваютъ другъ друга, такъ какъ одинъ изъ нихъ лишенъ въ своемъ потомствѣ права на престолъ въ пользу дѣтей втораго, а этотъ не можетъ ручаться, что старшій, по примѣру своихъ предшественниковъ, не измѣнитъ свою властію престолонаслѣдія, какъ это самодержавно сдѣлалъ царствующій Императоръ. Всѣ они, сколько ихъ ни есть, только и добиваются чести прослыть военными, которые одни и признаваемы за людей полезныхъ въ государствѣ. Слѣдовательно, и споръ ихъ за взаимныя ихъ права рѣшится военною силою, и горе если Поляки одержатъ верхъ. Наступитъ, со временемъ, пора, когда Россія сама расправится собственнымъ судомъ съ угнетающимъ ее правительствомъ и положитъ новую эру своей политической и умственной жизни. Таковъ обычный ходъ и ростъ государственныхъ революцій; а между тѣмъ, хотятъ предписывать законы другимъ народамъ, пренебрегая своимъ собственнымъ и не устраняя причинъ, ведущихъ къ гибели.

Карбонаріевъ родитъ отчаяніе народовъ; и у насъ есть на то матеріалъ, начиная въ самихъ защитниковъ отечества, которые, хотя и считаются единственными людьми, достойными уваженія въ государствѣ, тѣмъ не менѣ самые несчастные въ немъ люди. Отчаяніе Семеновцевъ доказываетъ это лучше всего. При первомъ появленіи новаго командира, полковника Шварца, солдаты говорили: *хорошъ командиръ, и Георгіевскаго креста имѣть!* Затѣмъ, узнавъ, что онъ изъ Жидовъ, спрашивали другъ друга, крещенъ-ли онъ или слѣдуетъ закону Моисея? Говорятъ, что, когда Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ бригадный командиръ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, по назначеніи своего адъютанта Пирха полковымъ команди-

ромъ Преображенскаго полка, сталъ просить Государя назначить этого Шварца въ Семеновскій полкъ, то Государь нѣсколько разъ отказывалъ, отзвываясь, что подобное назначеніе не приведетъ къ добру; но Великій Князь продолжалъ настойчиво просить о Шварцѣ, предъявляя, что только съ такимъ офицеромъ и возможно достигнуть чего нибудь хорошаго, т. е. съ офицеромъ, который по своему ничтожеству будетъ въ полной зависимости отъ Его Высочества. Ну, и понадѣлали чудесныхъ вещей! Такъ какъ солдаты не могутъ существовать на отпускаемое имъ казною, то лѣтомъ они ходятъ на издѣльные работы, которыя очень хорошо здѣсь оплачиваются, и тѣмъ поддерживаютъ свои *артели*. Шварцъ отпускалъ своихъ солдатъ только на два дня и даже въ каникулы производилъ ученія и, кромѣ батальонныхъ и ротныхъ ученій, призывалъ къ себѣ по 12-ти человекъ, безъ исподняго платья и на босу носу, чтобъ лучше судить о гибкости ноги и точности шага: онъ самъ ложился, при этомъ, на полъ, чтобъ легче выравнивать носки съ помощью щедро расточаемыхъ ударовъ шпаги или шомпола. Въ своемъ бѣшенствѣ онъ билъ солдатъ кулакомъ подъ подбородокъ, вырывалъ усы, заставлялъ держать ротъ открытымъ, а остальная рота должна была проходить мимо и плевать этимъ несчастнымъ въ ротъ! Отродясь, не слышалъ я о подобныхъ ужасахъ. Въ Воскресенье, 17-го Октября, онъ назначилъ первую роту въ ученіе, а въ Понедѣльникъ полкъ долженъ былъ смѣнить гвардію. Первая рота отказалась идти на ученіе, говоря, что у нихъ нѣтъ болѣе силъ, что Царь даетъ Воскресенье на отдыхъ, и что послѣ ученія они не успѣваютъ вовсе отдохнуть, чтобъ идти на смѣну гвардейцамъ на слѣдующее же утро. Приказаніе было вновь строго отдано, но и на него послѣдовалъ отказъ. Предупредили тотчасъ начальство и рѣшили всю первую роту отправить въ крѣпость. Только что ихъ увели въ тотъ же день вечеромъ, какъ изъ казармъ вышелъ 1-ый батальонъ, безъ ружей, и потребовалъ возврата первой роты или позволенія послѣдовать за нею въ крѣпость. За 1-ымъ батальономъ выступилъ весь полкъ и простоялъ всю ночь, подъ дождемъ и холодомъ, не соглашаясь возвратиться въ казармы. Подошли пѣхота, конная гвардія и заряженные пушки, но солдаты продолжаютъ стоять недвижимо и только повторяютъ, чтобъ или вернули первую роту, или позволили имъ раздѣлить ея участь. Шварцъ еще съ вечера спасся у Великаго Князя; все что у него было въ квартирѣ перебито, кромѣ портретовъ царской фамиліи. Утромъ пріѣхалъ изъ Гатчины Великій Князь и сталъ говорить: „*братцы, ребята!*“ Гробовое молчаніе. Это его поразило. Онъ поспѣшилъ къ Шварцу, котораго не нашелъ дома. Васильчиковъ, Милорадовичъ и Потемкинъ, бывшіе командиры Семеновскаго полка, и полковой священникъ, сколько ни уговаривали сол-

дать, все напрасно. Тоже молчаніе или тѣже слова: верните 1-ую роту, или отправьте и насъ къ ней. Рѣшили весь полкъ отправить въ крѣпость, и 21-го, во Вторникъ утромъ, послѣ военнаго совѣта, постановлено оставить 1-й батальонъ въ здѣшней крѣпости, 2-ой отправить въ Свеаборгъ, а 3-ій въ Кекегольмъ. Въ настоящее время производится слѣдствіе военнымъ совѣтомъ, засѣдающимъ въ крѣпости, и неизвѣстно, чѣмъ рѣшатъ дѣло. Вчера уже въ Тронпау¹⁾ должно быть обо всемъ извѣстно; конечно, извѣстіе это произведетъ дурное впечатлѣніе, и я полагаю, что Государь ускоритъ свое возвращеніе сюда. Опасались немало, что примѣру Семеновцевъ послѣдуютъ прочіе полки гарнизона, но благодареніе Господу, порядокъ нигдѣ не нарушился въ городѣ, и въ полкахъ все было спокойно. И даже сосѣди Семеновцевъ узнали обо всей этой исторіи только по собраннымъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, войскамъ.

Передъ отъѣздомъ Великаго Князя Николая Павловича, всѣ офицеры Измайловскаго полка рѣшили выйти изъ полка. Начиная съ 1-го Сентября, ежедневно трое подавали прошенія объ отставкѣ, по очереди и по жребію. Лишь послѣ извиненій Великаго Князя²⁾ и просьбы объ отставкѣ полковаго командира Мартынова, офицеры согласились взять свои прошенія обратно. И какъ совмѣстить такое ужасное униженіе военныхъ съ такою любовью ко всему военному? Если вы не въ военной формѣ, на васъ не стѣбитъ и обращать вниманія, а по гражданской службѣ даютъ мѣста только носящимъ мундиръ. Предпочитаютъ лучше отказаться отъ дѣтей, чѣмъ пустить ихъ на какое либо другое поприще, такъ какъ въ Россіи, въ настоящее время, только и есть одно поприще: военное. Столица и провинція полны людьми неспособными, ворами, продажными мошенниками, вышедшими изъ рядовъ арміи, а между тѣмъ постоянно корятъ гражданскихъ чиновниковъ, ничего не дѣлая для ихъ поднятія, такъ какъ вмѣсто мѣръ полезныхъ и дѣйствительныхъ думаютъ сдѣлать это военнымъ мундиромъ. *Великъ Русскій Богъ*; иначе бѣдной Россіи давно бы не существовать.

Графъ Иванъ Воронцовъ³⁾ благополучно доѣхалъ въ Крымъ, гдѣ онъ схватилъ лихорадку, которая и задержала его тамъ три недѣли.

¹⁾ Т. е. на конгрессѣ. П. Б.

²⁾ Эти извиненія Николай Павловичъ принесъ по настоянію Н. В. Васильчикова, котораго впоследствии горячо благодарилъ за то, а воцарившись возвелъ его въ графское и за тѣмъ въ княжеское достоинство. Такъ цѣнилъ этотъ Государь правдивое слово, будучи вообще гораздо менѣе самовластцемъ, нежели его преемникъ, не терпѣвшій протіворѣчій. П. Б.

³⁾ Отецъ нынѣшняго Кавказскаго наместника, графъ Иванъ Платоновичъ былъ внукомъ и тѣскою третьяго изъ Елисаветинскихъ графовъ Воронцовыхъ и одной изъ дочерей казеннаго при Анніи Іоанновнѣ Артемія Волынскаго. П. Б.

Изъ Крыма онъ отправился въ Одессу, откуда и было его послѣднее письмо къ матери¹⁾, въ которомъ онъ ее извѣщалъ, что вызванъ въ Трошау, куда тотчасъ и выѣзжаетъ. Графиня здорова и собирается скоро перебраться къ себѣ въ домъ, передѣлка котораго была очень продолжительна. Вы правы, графъ, удивляясь, что такой порядочный человѣкъ, какъ графъ Иванъ, остается въ бездѣйствіи, не смотря на расположеніе и милость, которыми онъ пользуется у графовъ Нессельроде и Каподистрин: вѣдь такой человѣкъ во всякой другой странѣ былъ бы по праву отличенъ передъ прочими. А единственная причина тому, что онъ не военный и къ тому же вполнѣ независимый по воспитанію, положенію и состоянію. Оттого Бенкендорфы и подобныя имъ, безъ преимуществъ графа Ивана, но болѣе пронырливые, всегда будутъ предпочтены ему. Правда, ему обѣщано мѣсто, но это будетъ коль скоро среди военныхъ не найдется больше охотниковъ на дипломатію. Что касается предполагаемой его женитьбы на графинѣ Паленъ, то все это выдумки, по словамъ графини, какъ и я думаю. Молодой графинѣ Паленъ всего 17 лѣтъ. Она, въ настоящее время, первая невѣста, какъ гр. Михаилъ первый женихъ, и для общества достаточно этого, чтобъ выводить подходящія изъ сего заключенія. Но, со временемъ, бракъ этотъ можетъ состояться. О характерѣ молодой графини самыя лучшіе отзывы, а состояніе у нея громадное²⁾.

Я ничего не знаю о Татищевѣ; онъ въ Москвѣ съ своей дражайшей половиной. Я его не видѣлъ за все лѣто; но знаю, что онъ игралъ тутъ прежалкую, чтобъ не сказать прегнусную, роль, стучась во всѣ двери и позволяя женѣ своей интриговать, чтобъ поддерживаться ея ловкостью, мошенничествомъ и лукавствомъ. Онъ былъ всеобщимъ посмѣшищемъ³⁾. Отъѣздъ Государя оставилъ ихъ въ убійственной праздности; поэтому они, въ началѣ осени, отправились въ провинцію попытать, не раздобудутъ ли тамъ денегъ. Непостижимо, какъ такая глухая и пошлая женщина ловко приводитъ въ дѣйствіе пружины своихъ каверзъ. Ей навѣрное удастся поднять своего мужа изъ той грязи, въ которую онъ завязъ своимъ поведеніемъ въ Испаніи.

Въ городѣ ходятъ слухи, что молодой баронъ С., женатый на гр. К.⁴⁾ очень не ладитъ съ своей женой, и будто дѣло доходило до

¹⁾ Графинѣ Иринѣ Ивановнѣ, рожд. Измайловой, извѣстной своимъ скондомствомъ. П. Б.

²⁾ Она вышла за графа Самойлова. П. Б.

³⁾ Супруга Дмитрія Павловича Татищева Юлія Александровна, родомъ Канонка, была сначала за Безобразовымъ. Самъ онъ внукъ Сергѣя Давидовича Татищева и Праксовы Иларіоновны Воронцовой. Ему покровительствовала княгиня Дашкова. П. Б.

⁴⁾ Это графъ Александръ Григорьевичъ, женатый на дочери гр. Кочубея, Натальѣ Викторовнѣ. П. Б.

насилій. Я не могу ручаться за достовѣрность этого слуха. какъ какъ не посящаю барона, но, судя по тому, что слухи эти всюду повторяются, долженъ, къ сожалѣнію, вѣрить имъ. Нѣкоторые говорятъ, что причиною несогласія запущенная болѣзнь мужа; другіе, что его влечетъ къ старой театральнѣй привязанности, а еще что виновны въ этомъ обѣ семьи взаимными требованіями. Какъ кажется, со стороны барона это былъ бракъ по расчету, а любовь была только со стороны невѣсты. Когда я знавалъ молодого барона, онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ по своему уму, порядочности и многимъ другимъ качествамъ; но, видно, чтобы быть хорошимъ мужемъ, нужно еще что нибудь другое.

*

С.-Петербургъ, 26 Февраля 1821 г.

Пользуюсь отъѣздомъ молодого Симпсона, чтобы писать вашему сіятельству и вернуть письмо господина Полье, которое очень заняло Ея Величество. Когда я прочелъ ей то, что вы пишете мнѣ о судьбѣ ея племянника*), она была тронута до слезъ вашимъ искреннимъ къ нему участіемъ и поручила мнѣ передать вамъ, что ваши о немъ заботы прибавляютъ къ ея чувствамъ уваженія еще и глубокую благодарность къ вамъ. Да и невозможно не благодарить васъ, графъ, за преподанные ему совѣты и указанія на счетъ его судьбы, которую вы ему сулите такою славною, что сердце нѣжно любящей его тетки преисполнилось радости. Государыня добавила, что переговоры о службѣ ея племянника въ Англіи веленъ черезъ наше посольство въ Лондонъ; такъ какъ встрѣтились препятствія въ законахъ страны, то была предложена служба въ Ганноверъ, дающая одинаковыя права на пребываніе въ Англіи, какъ дѣйствительная служба въ ней. Но мать принца предпочла обратиться къ Австріи, по особымъ причинамъ, тождественнымъ, вѣроятно, съ приводимыми вашимъ сіятельствомъ въ послѣднемъ письмѣ. Но пока еще ничто не рѣшено. Конечно, принцу нигдѣ не можетъ быть лучше, какъ въ Англіи по ея близости къ странамъ, влекущимъ къ собѣ его сердце, и гдѣ, со временемъ, при посредствѣ Англіи, могли бы пожелать такого даровитаго принца. И гдѣ же найти лучшіе законы для его безопасности, какъ не въ Англіи? Хотя и въ Австріи онъ будетъ въ безопасности и на видномъ мѣстѣ, все же Англія для него была бы лучше, въ отношеніи политическомъ. Пока, еще не знаю, какъ устроится его судьба, но онъ достоинъ того, чтобы пожелать ему, заодно съ вами, всего лучшаго, и чтобы судьба

*) Это сынъ бывшаго Шведскаго короля Густава и принцессы Фридерики. Онъ поступилъ потомъ на Австрійскую службу. П. Б.

осыпала его своими дарами. Если судить по условіямъ давнаго ему въ Англіи отпуска, можно надѣяться, что онъ еще вернется туда, и меня не удивитъ, если въ Вѣнѣ, гдѣ къ нему очень расположены, ему посовѣтуютъ тоже, что ваше сіятельство. Что касается Полье, вы помните, графъ, какъ я всегда отзывался объ этомъ достойномъ человѣкѣ, столь преданномъ своему воспитаннику и такого чуднаго характера; но онъ мнѣ еще болѣе пришелся бы по душѣ, не будь онъ такъ увлеченъ піэтизмомъ и мистицизмомъ, которые теперь въ модѣ повсюду, въ Германіи особенно. Но, чтоже дѣлать? Приходится иногда мириться въ человѣкѣ со многимъ. Полье, по крайней мѣрѣ, вполне добросовѣстный человѣкъ, и набожность его искренняя и не похожа на этихъ лицемеровъ, прикрывающихъ маскою благочестія самые ужасные пороки и тѣмъ самымъ безнаказанно играющихъ роль негодяевъ. Я все же надѣюсь, что Полье не оставитъ принца, въ какомъ бы онъ ни оказался положеніи *).

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я упоминалъ о назначеніи генерала Иловайскаго Донскимъ атаманомъ, на мѣсто Денисова. Теперь, говорятъ, что тамъ учреждается Совѣтъ, гдѣ предсѣдателемъ будетъ извѣстный Чернышевъ, а атаманъ—только вице-президентомъ. Не знаю, что хотятъ сдѣлать изъ земли войска Донскаго и изъ этихъ храбрыхъ казаковъ; но думаю, что добираются до ихъ учреждений и обычаевъ. Я прихожу къ этому заключенію по тому, что сдѣлано съ Чугуевскимъ полкомъ, который во многомъ походилъ на порядки войска Донскаго; въ настоящее время, полкъ этотъ вошелъ въ общій составъ военныхъ поселеній, но покорился этой перемѣнѣ или, вѣрнѣе, этому жестокому перевороту послѣ долгихъ сопротивленій и послѣ суровыхъ каръ. Дай Богъ, чтобы не повторилось ничего подобнаго на Дону. Мнѣ кажется, что графъ Михаилъ знаетъ этого Иловайскаго 3-го и можетъ, поэтому, судить, чего отъ него ждать, а еще отъ него не скроется и тайна всѣхъ продолжительныхъ дѣйствій Чернышева на Дону, по сіе время никому неизвѣстныхъ.

Графъ Кочубей поручилъ мнѣ напомнить о немъ вашему сіятельству. Онъ перенесъ тяжкую болѣзнь, заставившую одно время опасаться за его жизнь. Это былъ летучій ревматизмъ на подагрической почвѣ, бросившійся на легкія; у него и раньше бывали подобные припадки, но далеко не столь сильные. Я былъ у него вчера и нашелъ его очень

*) Не тотъ ли это Полье, за котораго вышла вторымъ бракомъ графиня Шувалова (въ третьемъ бракѣ княгиня Бутера)? Своего Полье она такъ любила, что воздвигла ему памятникъ подъ Петербургомъ. П. Б.

слабымъ: онъ говоритъ, что доктора совѣтуютъ ему ѣхать за границу. въ чемъ онъ и самъ находитъ надобность, и ждетъ только возвращенія Государя, чтобъ просить отставки. Въ настоящее время его уходъ будетъ незамѣнимой потерей, такъ какъ, сколько ни перебирай, нѣтъ человѣка, который бы могъ его замѣнить. И безъ того, финансы наши въ плачевномъ состояніи; что же будетъ, если и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ окажется въ нескусныхъ рукахъ? Гурьевъ не гений, но нельзя его винить, что расходы государства не въ соответствии съ его доходами, и не онъ виноватъ, что нѣтъ болѣе чѣмъ онъ, свѣдущаго въ финансахъ человѣка, и что вся дѣятельность его основана на томъ, чтобы ничего не мѣнять. Вы справедливо говорите, что въ Англіи лучше всего образуется хорошій канцлеръ казначейства черезъ оппозицію, имѣющую всегда въ своей средѣ готоваго ему замѣстителя. У насъ дѣло обстоитъ иначе; поэтому мы никогда не уйдемъ далеко по этой части. Оппозиція у насъ тоже найдется въ лицѣ Кампенаузена, состоящаго въ постоянной открытой войнѣ съ министромъ финансовъ. Недавно, по случаю новой смѣты, съ недоборомъ около 80 милл. (не считая непредвидѣнныхъ расходовъ, которые у насъ также громадны, какъ и неизвѣстны), Гурьевъ предложилъ новые налоги на разные предметы торговли. Кампенаузенъ прежде всего заявилъ, что не согласенъ съ этой мѣрой и предоставляетъ себѣ изложить письменно свои возраженія. И дѣйствительно, онъ привелъ причины, извѣстныя каждому школьнику, а именно, что дороговизна одного предмета увеличиваетъ въ извѣстномъ соответствии стоимость всѣхъ другихъ и поощряетъ тайный провозъ и т. п. На этомъ онъ и остановился. Ну и отдѣлать-же его Гурьевъ въ Комитетѣ Министровъ, объявляя, что члену министерства непозволительно представлять свою желчную критику и не идти далѣе, такъ какъ тутъ дѣло не въ преніяхъ о тарифѣ или объ какомъ нибудь отдѣльномъ правилѣ, а объ общей смѣтѣ, что обязываетъ возражающаго представить новую смѣту, или же указать средства къ исправленію обещуемаго. Говорятъ, что Гурьевъ обошелся съ Кампенаузеномъ также строго, какъ бы обошелся съ плохимъ ученикомъ. а такъ какъ все велось письменно, то и отправлено къ Государю. И то правда, что Кампенаузенъ только и дѣлаетъ, что придирается ко всѣмъ, а къ Гурьеву въ особенности. Оппозиція, подобная этой, не можетъ привести у насъ ни къ чему. Извѣстно, напр., что въ этомъ самомъ комитетѣ, графъ А., круглый невѣжда, всегда начинаетъ свои возраженія слѣдующими словами: *Извините, я на младшихъ деньгахъ у приходскаго дячки учился.* По представленію этого же графа А., предавался суду одинъ губернаторъ или, скорѣе, долженъ былъ, какимъ бы то ни было способомъ, быть уничтоженъ. Послѣ совѣщанія соглашаются на

преданіе губернатора суду, о чемъ и слѣдовало постановить точное рѣшеніе, и всѣ выжидаютъ страшнаго приговора графа А. о способѣ приведенія сего въ исполненіе. Онъ объявляетъ, что губернатора должна судить Уголовная Палата той губерніи, гдѣ онъ былъ губернаторомъ. Всѣ молчатъ. Государственный секретарь Молчановъ, которому надлежало занести это рѣшеніе въ журналъ и изготовить бумагу о преданіи суду губернатора, заявляетъ, что онъ не можетъ вписать такой нелѣпости въ журналъ Комитета Министровъ, ибо губернаторы судятся только Сенатомъ.—Почему это Сенатомъ, и что есть общаго между нимъ и виновнымъ губернаторомъ? Онъ предается суду Комитетомъ Министровъ, и на это есть *Уголовная Палата*.—Существуетъ законъ, возражаетъ Молчановъ, по которому только Сенатъ можетъ судить губернаторовъ.—*Ну, такъ законъ дурень!*—Законъ этотъ не мною установленъ, но я здѣсь для напоминанія о немъ и для примѣненія его.—Значитъ, нѣтъ никакого способа для правосудія? говоритъ А.—Правосудіе будетъ, да не по вашему способу; но тѣмъ не менѣе Сенатъ сдѣластъ это такъ же хорошо, если даже не лучше.—Зачѣмъ вы все говорите прежде всего о Сенатѣ, и все о Сенатѣ?—Повторяю вамъ, что этого требуетъ законъ.—А почему такой дурной законъ?—Законъ превосходный, потому что первая основа справедливости, на которой и созданъ этотъ законъ, та, что всякій судится судомъ равныхъ себѣ. Вѣдь если губернатора предать суду Уголовной Палаты его губерніи, судьями его будутъ его же подчиненные; въ Сенатѣ же его судьями будутъ равные ему. Къ тому же законъ этотъ не мною писанъ, но онъ существуетъ вездѣ, чѣмъ доказывается его пригодность.—Язвительная гнусная усмѣшка съ вѣчнымъ *извините милостія деньги и приходскій олячекъ*, вотъ въ чемъ выразилось извиненіе всевѣднлаго министра. А Сенатъ не только что оправдалъ губернатора, но тотъ же Комитетъ Министровъ нашелъ, что ему слѣдовало получить три награды, по статуту, при чемъ все же допустили его умереть въ нищетѣ! Достаточно, кажется, и этихъ двухъ примѣровъ нашей оппозиціи.

И очень доволенъ принятымъ гр. Михаиломъ рѣшеніемъ не торопиться къ командованію корпусомъ. Надѣюсь, всѣ признаютъ причины его уважительными; а еслибъ даже отдали корпусъ кому другому, такая жертва вполнѣ необходима. Для полнаго его счастья, какъ и вашего и всей семьи, ему только нужно бы теперь потомство достойное его самого и имени, которое онъ носить: этого такъ же ждуть его друзья и отечество. Если бы графъ сталъ спѣшить къ разрѣшенію графини въ Парижъ, какъ первоначально предполагалъ, а не въ Россію, онъ этимъ подвергъ бы и дитя и мать всякаго рода опасностямъ и

случайностямъ; тогда какъ если графиня Лиза не будетъ въ Парижѣ, и она и ребенокъ, къ общему успокоенію, будутъ въ полной безопасности. А я того же мнѣнія какъ и вы, что если ребенку суждено родиться въ чужихъ краяхъ, лучше ему быть Англичаниномъ, чѣмъ Французомъ. Да и нигдѣ такъ легко не остаются вѣрны Русскому сердцу, какъ въ Англии; въ Парижѣ-же совсѣмъ не знаютъ сердца.

*

Царское Село, 8 Іюня 1821 г.

Возвращаюсь къ принцу Густаву. По тому, что мнѣ недавно говорила Государыня, дѣломъ его занимались въ Лайбахѣ. Не знаю, чѣмъ кончили, но, какъ кажется, его хотятъ устроить въ Австріи. Принцъ предпочитаетъ военную службу всякой другой, и я увѣренъ, что онъ отличится на ней. Что касается Полье, я очень порадовался вашему сообщенію, что онъ отсталъ отъ мистицизма; я увѣренъ, что этому поспособствовалъ здравый смыслъ Англичанъ. У него это отъ отца, извѣстнаго въ Швейцаріи не мистика, а піетиста (сектамъ этимъ нѣтъ конца, и счастливъ тотъ, кто не принадлежитъ ни къ одной). Полье-сынъ былъ въ большой дружбѣ съ извѣстнымъ Юнгомъ Штиллиномъ, человекомъ умнымъ и даже высокой чести. въ Карлсруе они видались ежедневно; и я понимаю, что онъ не могъ не смѣяться надъ Крюднеръ и не презирать ее. Сначала она все перенимала съ Штиллинга, а кончила тѣмъ, что образовала новую секту, такую же безумную, иначе сказать, изступленную, какъ и презрѣнную. Полье, по своему уму и образованію, не могъ не познать тщеты ученія обѣихъ этихъ сектъ, и если сперва, по дружбѣ къ Штелингу, онъ придерживался его ученія, то смерть послѣдняго, зрѣлый возрастъ и жизненный опытъ привели Полье къ отрешенію, столь же почтенному, какъ и счастливому для него самого. Полагаю, что онъ не покинетъ своего воспитанника.

Вамъ любопытно, графъ, узнать причины отрѣшенія отъ должности атамана Денисова. Собственно говоря, его не увольняли, но вынудили подать въ отставку. Одна изъ главныхъ причинъ, приведшихъ этотъ край къ большимъ затрудненіямъ, это заселеніе у казаковъ цѣлыхъ округовъ крѣпостными бѣглыми и всякими другими людьми, которыхъ они обратили и у себя въ крѣпостныхъ; многіе изъ этихъ казацкихъ вельможъ имѣютъ до 12—14 тысячъ душъ. Пресѣчь подобное злоупотребленіе было такъ трудно, что самъ Денисовъ, какъ затронутый въ этомъ положеніи вещей и какъ атаманъ, прибѣгая къ нѣкоторымъ средствамъ, до того запутался, что не зналъ, какъ выйти изъ затрудненій. Чернышева снова отправляютъ на Донъ, и мы, можетъ быть, увидимъ,

какъ кончится это дѣло. Мнѣ неизвѣстно, какія мѣры намѣрено предпринять правительство, чтобъ измѣнить настоящій порядокъ вещей: но вообще подобная перемѣна приведетъ многихъ къ разоренію, и вотъ для чего хотятъ измѣнить порядки въ управленіи казацкомъ. Много послужили казаки Россіи, да и теперь нужны ей.

Говоря о Крюднерѣ, я забылъ сказать, что дама эта, съ прошлой зимы, проживаетъ въ Петербургѣ, съ дочерью своею и зятемъ, барономъ Беркгеймомъ. Про эту компанію можно сказать, что кто съ кѣмъ сходитя, тотъ тѣмъ и водится: поселились они все у княгини Голицыной, рожд. Всеволожской, такой же кающейся Магдалины, какъ и Крюднеръ. Сія послѣдняя провела два года въ Лифляндіи совершенно тихо, благодаря маркизу Пауллуччи, отдавшему ее подъ присмотръ полиціи, къ великому соблазну всей благочестивой шайки. Сюда она пріѣхала лѣчить своего зятя, который, отъ изступленія, совершенно рехнулся, а, можетъ, она только воспользовалась этимъ поводомъ, чтобы жить въ Петербургѣ. Первое время о ней ничего не было слышно, но мало по малу гостей у нея собиралось все больше, а теперь у нея постоянная толпа, и дошло до того, что спрашиваютъ другъ друга, бывають-ли у нея и удивляются, если находятся такіе оставленные Богомъ люди, которые не желаютъ ее посѣщать. О князѣ Голицынѣ, министрѣ исповѣданій, громко говорятъ, что онъ одинъ изъ усердныхъ ея посѣтителей; но больше всего осаждаютъ ея домъ благочестивыя барыни. Ну, и помогай имъ Господь! Докторъ Ея Величества, Штофрегенъ, противъ обыкновенія, занялся очень усердно леченіемъ Беркгейма, рассчитывая, что Крюднеръ употребитъ свое краснорѣчіе на его восхваленіе въ своихъ святыхъ проповѣдяхъ: но когда онъ объявилъ, что бреда у прославленнаго больнаго прекратились, и что явилась полная увѣренность въ его выздоровленіи, пророчица воскликнула, что она отлично знала, что, кромѣ ея молитвъ, не могло быть другаго средства для его спасенія, и что онъ, Штофрегенъ, долженъ теперь убѣдиться въ дѣйствительности ея молитвъ. Взбѣшенный такимъ новымъ способомъ благодарности, докторъ убѣжалъ отъ нея, и только нѣсколько дней спустя, гнѣвъ его утихъ, и онъ могъ смѣяться надъ происшедшимъ. До сихъ поръ все эти собранія (ихъ много другихъ, кромѣ Крюднеръ) терпѣлись, даже поощрялись, такъ какъ власти посѣщали ихъ, и это, вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ за этимъ неприятыями, ускорило кончину добродѣтельнаго митрополита Михаила. Не знаю, что будетъ дальше, такъ какъ говорятъ, что Императоръ окончательно перемѣнилъ свое мнѣніе о вѣроисповѣдныхъ сектахъ, особенно послѣ данной имъ (въ Лайбахѣ, по повтореннымъ просьбамъ императора Франца)

аудиенціи Іезуитамъ. Они ему доказали, что если они виноваты въ стремленіи обращать въ свою вѣру, то ихъ нельзя выпясть въ расшатываніи монархій, такъ какъ первое правило ихъ ордена и ихъ основное начало держаться монарховъ и поддерживать ихъ всевозможными средствами. При этомъ они указали на грозящую правительству опасность отъ всѣхъ этихъ тайныхъ сектъ, распространяющихся съ безпримѣрнымъ неистовствомъ. Говорятъ, что, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, они дали такія неопровержимыя доказательства, что привели въ трепетъ. Графъ Паулуччи здѣсь; онъ говорилъ мнѣ, что онъ обязанъ предъявить имѣющіяся у него бумаги и нарушить и здѣсь покой г-жи Крюднеръ, которая, уѣзжая изъ Лифляндіи, объявила, что она не хочетъ жить въ странѣ, гдѣ царствуетъ сатана. Какой онъ ни на есть сатана, у него то достоинство, что онъ не боится высокаго покровительства, которымъ она пользуется; онъ и прежде присылалъ сюда образчики ея переписки, которые, во всякомъ другомъ мѣстѣ, сочли бы достаточно точными, чтобъ ее повѣсить.

*

Царское Село, 13 Іюля 1821 г.

Новостей, заслуживающихъ вниманія, почти нѣтъ никакихъ. Сперанскій, пріѣхавшій сюда по дѣламъ Сибири, отказывается, кажется, отъ своего тамъ мѣста, чтобъ быть оставлену здѣсь. Государь часто и подолгу занимается съ нимъ, и онъ почти все время живетъ здѣсь. Очень возможно, что онъ замѣнитъ графа Кочубея, который осенью собирается въ чужіе края, такъ какъ еще недавно онъ канцляръ съ кровью, да и глядитъ онъ человѣкомъ серьезно больнымъ. Прошлую зиму онъ былъ на шагъ отъ смерти, какъ говорятъ, и вторая зима, подобная той, можетъ пресѣчь преждевременно его жизнь. Многіе объясняютъ, что въ настоящее время къ Сперанскому перешла ббольшая часть дѣлъ бывшихъ доселѣ у графа А., который оставался здѣсь только двѣ недѣли по возвращеніи Государя, а съ тѣхъ поръ пребываетъ въ своемъ чудномъ имѣніи, недалеко отсюда. Утверждаютъ даже, что графъ А. только сохранить начальство надъ военными поселеніями и будетъ занять лишь дѣлами, которыя до нихъ касаются. Увидимъ, что окажется вѣрнымъ изъ всѣхъ этихъ слуховъ; но можно сказать съ увѣренностію, что Сперанскій останется здѣсь; повидимому, онъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Кочубеемъ.

*

С.-Петербургъ, 4-ое Сентября 1821 г.

Въ настоящее время не имѣется въ виду никакой войны, и Турки расположены, кажется, дать удовлетвореніе, по скольку для нихъ это возможно. Однако я сомнѣваюсь, чтобъ дѣла остались въ настоящемъ ихъ

положеніи: весна выяснитъ многое. Въ миролюбивомъ настроеніи Государя нельзя сомнѣваться, и самые сомнѣвавшіеся должны убѣдиться въ этомъ по отмѣнѣ рекрутскаго набора въ этомъ году. Если же въ будущемъ году возмутъ двойное число рекрутъ, въ случаѣ войны, то, все же эта отмѣна успокоиваетъ, что никакихъ приготовленій къ войнѣ нѣтъ въ настоящую минуту. Но въ будущемъ намъ не избѣгнуть войны, такъ какъ Туркамъ никогда не покорить Грековъ, развѣ что съ постороннею помощію. Россія не можетъ нравственно поддерживать Турокъ, а всякая другая держава, которая вмѣшается въ это, тотчасъ возбудитъ войну. Особенно старается предотвратить разрывъ Австрія: но въ общемъ у насъ все противъ вліянія этой державы, не смотря на вкрадчивость и полную самой тонкой хитрости сметку ея посланника Лебцельтерна. Многихъ возмущаетъ его короткость съ нашими дипломатами. Можетъ, и правда, что онъ больше бы выигралъ въ этомъ дѣлѣ, еслибъ не такъ выставлялъ на показъ эту близость; но это потому, что забываютъ примѣры прошлаго, хотя и Коленкуръ и Румянцевъ оба еще здравствуютъ.—Вы думаете, графъ, что я жалѣю Ипсиланти. Я его, дѣйствительно, одно время хорошо знавалъ и не могу не жалѣть, что онъ впутался въ такое скверное дѣло, безъ соответствующихъ ему предпріятію средствъ. Онъ не безъ отваги и между Греками самый развѣтой и образованъ всесторонне. Во время Вѣнскаго конгресса я могъ лично убѣдиться, что онъ только будетъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто вершитъ дѣла больше, чѣмъ онъ. Какъ пылкій и восторженный молодой человекъ, онъ примкнулъ къ обществу, въ составъ котораго входили люди очень вліятельные и пронырливныя женщины, мечтавшія освободить свою родину по мановенію волшебной палочки, а когда онъ понялъ несостоятельность всѣхъ обѣщаній, отступленіе было уже невозможно. Одна ошибка всегда ведетъ къ другой и т. д. Вотъ откуда его надежда на поддержку нашего двора и другія самообольщенія. Обстоятельства, на которыя онъ могъ рассчитывать, такъ внезапно обратились противъ него, какъ въ Неаполь, такъ и въ Піэмонть, что онъ не вѣрилъ себѣ, очутившись между Валахами и Молдаванами, окруженный предателями и разбойниками, вмѣсто того, чтобъ встрѣтить храбрыхъ Сербовъ и отчаянныхъ Грековъ изъ Морен, готовыхъ его поддержать. Я увѣренъ, что дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ, еслибъ Италія отвлекла Австрію и Россію. Я еще удивляюсь, какъ онъ еще могъ продержаться четыре мѣсяца съ такимъ сбродомъ подлыхъ бродягъ, да еще въ странѣ, гдѣ не было никакихъ средствъ набрать какое-нибудь годное войско. Но если правда, что ему позволили отправиться въ Морею, то о немъ еще услышать. Что касается его братьевъ, я только по виду знаю ихъ, да и они были

здѣсь такими еще юными, что нельзя было судить объ ихъ способностяхъ; но безрукій, повидимому, и даровитъ, и опытенъ. Тяжело думать о причиненныхъ имъ бѣдствіяхъ и о многочисленныхъ жертвахъ его безразсудства; впрочемъ, все вожди возстаній, если не таковы сначала, то дѣлаются впоследствии кровавыми чудовищами. Имъ руководить одно честолюбіе, кровь самыхъ близкихъ такъ же ихъ трогаетъ, какъ кровь Турокъ, и они питаютъ самыя низменныя страсти.

Въ числѣ наградъ 30-го Августа, краткій списокъ которымъ я послалъ гр. Михаилу съ послѣдней почтой, пожалованы Андреевскія ленты графу Кочубею и маркизу Траверсе. Не приходится много говорить о награжденіи маркиза, такъ какъ Государь воленъ жаловать, кого онъ считаетъ сего достойнымъ. На мнѣніе о немъ Государя могло подействовать и мѣсто, и возрастъ, и долгое, хотя неважное, но за то съ большой экономіей, управленіе Морскимъ Министерствомъ, а, можетъ, еще и дружба маркиза съ графомъ А. Но извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, онъ не добивался этой награды съ такимъ безмѣрнымъ желаніемъ, какъ многіе другіе; къ тому же онъ уже три мѣсяца живетъ у себя въ имѣніи. Графъ К. другое дѣло: все знаютъ, какъ давно онъ страстно желалъ этой награды. Но, при его характерѣ, и этой наградой онъ не сочтетъ себя удовлетвореннымъ; его честолюбіе, не знающее предѣловъ, заставляетъ его мечтать о шифрѣ для жены, а, затѣмъ, и о другихъ милостяхъ. Воздавая должное рѣдкимъ качествамъ графини¹⁾, я долженъ сказать, что она поддерживаетъ честолюбіе мужа, не уступая ему въ ономъ. Они оба въ такой милости при дворѣ, что все ихъ желанія по части наградъ будутъ удовлетворены. Недавно, ихъ зять²⁾ пожалованъ во флигель-адъютанты Государя; а за этимъ придетъ очередь графини. Ихъ страсть ко двору вошла въ поговорку; но нужно замѣтить, что тамъ теперь такъ мало людей выдающихся, что имъ само собою приходится играть первыя роли. При такихъ вождельніяхъ, огромное ихъ состояніе и разстроенное здоровье только побуждаютъ ихъ къ скорѣйшему достиженію возможно большаго. Я не думаю, чтобъ полное оставленіе дѣлъ и двора входило въ ихъ планы; лишь только здоровье поправится, они непременно вернутся сюда. Управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было принято имъ съ сознаніемъ, что это свыше его силъ и лишь на время, такъ какъ не было тогда, да и теперь нѣтъ, кому бы его поручить. Если онъ не уйдетъ вовремя,

¹⁾ Марія Васильевна, рожд. Васильчиковой, племянница того Васильчикова, который былъ любимцемъ Екатерины, послѣ женитьбы князя Г. Г. Орлова и передъ ея бракосочетаніемъ съ Потемкинымъ. П. Б.

²⁾ Т. е. графъ А. Г. Строгановъ. П. Б.

онъ себя уморить этимъ. Потеря будетъ тяжелая; вѣдь стоитъ только пробѣжать списокъ его товарищей, чтобъ убѣдиться, что онъ лучше ихъ всѣхъ: на безрыбѣ и ракъ рыба.

Одно время говорили, что его замѣнять Татищевымъ. если онъ подастъ въ отставку. Что Татищеву это очень желательно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя; но нужно еще знать, желаетъ ли сего Государь. За немнѣишмъ лучшимъ, онъ, кажется, доволенъ теперь своимъ мѣстомъ въ Брюссель; но куда его влечетъ, это въ Константинополь, и я не удивлюсь, если онъ попадетъ туда: баронъ Строгановъ¹⁾. какъ можно полагать, не вернется. какія бы ни были послѣдствiя происходящихъ тамъ, въ настоящее время событiй, или могущихъ произойти впоследствии. Его ожидаютъ сюда со дня на день.

*

С.-Петербургъ, 23 Января 1822 г.

Пользуюсь отъѣздомъ Поггенполя, чтобъ доставить вашему сиятельству календарь на нынѣшнiй годъ и списокъ генераловъ. Календарь переплетенъ кадетомъ Рѣзчиковымъ. и единственный недостатокъ, который я нахожу, это неровность въ позолотѣ. Впрочемъ, успѣхи Рѣзчикова въ переплетномъ дѣлѣ общающъ, что онъ будетъ очень полезенъ библиотекѣ графа Михаила.

Поггенполю, должно быть, поручили нѣкоторыя сообщенiя относящiя къ Турецкимъ дѣламъ. Полученное оттуда, дня 4 тому назадъ, не было удовлетворительно; а такъ какъ у насъ главнымъ дѣйтелемъ по этой части Австрiйское посольство, то можно заранѣе быть увѣрену, что вся политика этого двора только и стремится къ уничтоженiю нашего влiянiя въ этой части Европы и нашей славы, снисканныхъ послѣдними событiями въ Германiи и во Францiи.

Закадычный другъ князя Меттерниха, Лебцельтернъ²⁾, приобрѣлъ тутъ такое влiянiе, что, прямо, возмутительно. Я совсѣмъ не сторонникъ войны, однако, боюсь, что канать до того натянули, что, если его не отпустить вовремя, онъ подъ конецъ лопнетъ. Вчера отбылъ въ Одессу Рибопьеръ, посланный туда для ревизiи дѣлъ порто-франка, карантина и таможенъ. Порученiе очень важное, конечно, но не настолько, чтобъ отрывать отъ собственнаго дѣла человѣка, стоящаго во главѣ двухъ банковъ: заемнаго и торговаго, годовые обороты которыхъ около 75 милл. Выборъ сдѣланъ удачный, и Государь остановился на

¹⁾ Позднѣе графъ Григорiй Александровичъ. П. Б.

²⁾ Лебцельтернъ женился на внучкѣ богачки Козицкой. П. Б.

немъ самъ. По занимаемому Рибопьеромъ мѣсту, онъ будетъ въ состояніи знать, какіе есть свободные запасы, коими можно располагать, какъ казенными, такъ и частными. Назначеніе это взволновало дипломатическій кружокъ, а Австрійское посольство очень встревожено имъ. Дай Богъ, чтобъ дѣло это и кончилось, безъ войны, которая довершила бы разореніе нашихъ финансовъ. Пенять на Государя нельзя будетъ никогда, послѣ доказанной имъ умѣренности и миролюбія, которыя убѣдили, наконецъ, всѣхъ, что война, которую считали неизбежною въ началѣ Греческихъ волненій, минуетъ насъ. Черезъ мѣсяцъ все должно выясниться.

Относительно самозванства Ипсиланти, о которомъ вы упоминаете въ послѣднемъ письмѣ, я далекъ отъ того, чтобъ оправдывать его поступки, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. У революціонеровъ вездѣ и всегда одна система: обманъ, клевета, коварство, кровожадность, грабежъ, убійства, попраніе всѣхъ правъ, Божескихъ и человѣческихъ; они ничѣмъ не брезгаютъ, считая все позволительнымъ для себя; это доказано революціями всѣхъ временъ, а въ настоящее время мы видимъ это въ Испаніи и въ Португаліи. Ипсиланти не слѣдуетъ употреблять ни въ какія дѣла и нигдѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ хитрый Грекъ и человѣкъ съ большими познаніями, онъ можетъ сдѣлать изъ нихъ самое дурное употребленіе.

*

С.-Петербургъ. 16 Мая 1822 г.

Графъ Иванъ Воронцовъ имѣлъ прощальную аудіенцію наканунѣ отъѣзда Государя; а въ прошлое Воскресеніе въ Павловскѣ, у Императрицы-Матери и Великихъ Княгинь. Царствующая Императрица приметъ его здѣсь послѣ завтра, и онъ, въ вечеръ того же дня, уѣдетъ вмѣстѣ съ Татищевымъ, который возвращается въ Вѣну, снабженный новыми инструкціями *). Я его видѣлъ только мимоходомъ, въ дворцѣ и въ гостяхъ; но знаю, что, сверхъ всякихъ ожиданій, онъ сталъ очень миролюбивъ. Если дѣла съ Портою кончатся благополучно, то нѣтъ сомнѣнія, онъ будетъ назначенъ въ Константинополь. Баронъ Строгановъ ни въ какомъ случаѣ не возвратится туда, а Татищевъ всегда мечталъ получить это мѣсто, тѣмъ болѣе теперь, когда Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ему еще придется подождать. Въ первую свою поѣздку въ Вѣну онъ получилъ отъ Австрійскаго императора ларець

*) Татищеву было поручено склонить Австрію къ устраненію нашей войны съ Турціей, и за это онъ получилъ большое денежное пожалованье. П. Б.

въ 20.000 р., а здѣсь—награду своей женѣ, которой Государь пожаловалъ третьяго дня орденъ св. Екатерины. Сопровождавшій его Кокошкинъ, котораго вы знавали въ Лондонѣ, сдѣланъ камергеромъ, что повышаетъ его только при дворѣ, такъ какъ онъ остается тѣмъ же надворнымъ совѣтникомъ, какимъ былъ при камеръ-юнкерствѣ. Онъ и въ настоящую побѣдку сопровождаетъ Татищева и съ такими же, вѣрно, для себя выгодами. Графъ Иванъ Воронцовъ хотѣлъ повидаться съ графомъ Михаиломъ въ Бѣлой Церкви, или въ какомъ другомъ мѣстѣ; но я не знаю, успѣетъ ли онъ сдѣлать это, если увѣзжаетъ одновременно съ Татищевымъ. Графиня Ирина говорила мнѣ, что она въ Августѣ или Сентябрѣ побѣдетъ къ сыну въ Мюнхенъ, но что это еще зависить отъ того, какое приметъ рѣшеніе графъ Паленъ¹⁾, по пріѣздѣ своемъ сюда. Если онъ откажется отъ своего мѣста въ Мюнхенѣ, то оно останется за графомъ Иваномъ; если же нѣтъ, то графу Ивану придется ѣхать назадъ, пока не представится что нибудь другое. Но я увѣренъ, что графъ Паленъ не останется въ Мюнхенѣ, такъ какъ онъ мнѣ говорилъ, еще въ 1818 г., что климатъ Баваріи дурно дѣйствуетъ на его грудь. Его рѣшеніе извѣстно и Государю, и министерству, и говорятъ даже, что онъ выражалъ желаніе замѣнить Полетику въ Америкѣ. Я представилъ вчера графинѣ Иринѣ Смирнова²⁾, котораго она приняла чрезвычайно любезно. Со дня его пріѣзда сюда, у него такъ много было разъѣздовъ, что я успѣлъ представить его очень немногимъ; но какъ только онъ покончитъ съ своими дѣлами, я его перезнакомлю со всеми моими друзьями. Онъ чудесный молодой человекъ и располагаетъ къ себѣ всѣхъ, кто имѣетъ случай узнать его. Графиня Строганова хотѣла замолвить о немъ графу Нессельроде; а я, съ своей стороны, поговорю графу Каподистріи.

*

Царское Село, 8 Іюня 1822 г.

Какъ ни доволенъ я, что графъ Михаилъ въ Бѣлой Церкви, но очень сожалѣю, что онъ не былъ въ Вильнѣ, во время пребыванія тамъ Государя. Конечно, пріѣхавъ къ себѣ 22-го, онъ никоимъ образомъ не могъ бы успѣть къ 25-му, дню отъѣзда Государя изъ Вильны; но это было бы очень легко сдѣлать при первоначальномъ его намѣреніи оставить графиню, чтобы она продолжала путь на Вильну, а самому свернуть на Литву. Кромѣ того, что онъ узналъ бы, чѣмъ рѣшили его судьбу (такое долгое ожиданіе отвѣта становится

¹⁾ Графъ Петръ Петровичъ, храбрый воинъ, человекъ безукоризненной честности. П. Б.

²⁾ Это сынъ Лондонскаго нашего протоіерея, отца Якова, который былъ другомъ графа С. Р. Воронцова, а въ послѣднія недѣли царствованія Павла управлялъ дѣлами посольства. П. Б.

иногда невыносимымъ) было бы еще гораздо предпочтительнѣе представиться Государю лично, чѣмъ доносить о своемъ возвращеніи рапортомъ. Я не хочу этимъ ничего критиковать: мнѣ это совсѣмъ не подобаешь, да и я и не посмѣлъ бы сдѣлать это, не зная побудительныхъ причинъ дѣйствіямъ графа, кромѣ самой для него важной—положеніе графини; но, живя здѣсь и насмотрѣвшись на многое, я опасался ложнаго толкованія дѣйствій собственно самыхъ простыхъ. Я, впрочемъ, думаю, что если графъ измѣнилъ свои намѣренія, даже послѣ полученія въ Ландсгутъ моего письма изъ Радзивилова, въ которомъ я говорилъ ему о путешествіи Государя и позволилъ себѣ посовѣтовать ему съѣздить въ Вильну, то, вѣрно, онъ имѣлъ на это уважительныя причины. Если графъ пріѣдетъ сюда, какъ предполагалъ, зимой, то вовсе не увидитъ Государя, который останется здѣсь до конца Августа, а потомъ, какъ говорятъ, поѣдетъ въ Варшаву и оттуда во Флоренцію. Пока, это одни толки, но, кажется, довольно обоснованные, какъ мнѣ еще вчера говорилъ графъ К. Гвардія возвращается сюда къ полному довольству голодныхъ губерній, гдѣ она стояла, и, какъ думаю, и къ своему.

Я провелъ очень пріятно два дня у барона Николаи, въ Монрепо: наша съ нимъ прочная, двадцатилѣтняя дружба и нахлынувшія воспоминанія о быломъ послужили содержаніемъ бесѣдъ чрезвычайно занимательныхъ. Что касается его дѣлъ, то, по тому, что мнѣ извѣстно о нихъ (за время, что я занимался ими, пока онъ жилъ въ Англіи и Даніи) у него все-же, не смотря на разстройство его состоянія, капиталъ тысячъ въ пятьсотъ, если даже не болѣе, не считая Монрепо и движимости, въ которой самое цѣнное его библіотека. Онъ ни за что не хочетъ разстаться съ этимъ имѣніемъ, которое доходу не даетъ никакого, а требуетъ немало денегъ на поддержаніе.

*

Царское Село, 3 Іюля 1822 г.

Я только что собрался писать къ вашему сіятельству, какъ получилъ извѣщеніе графа Михаила объ его пріѣздѣ, что для меня пріятная неожиданность, такъ какъ, по его вчерашнему письму, я не ожидалъ его ближе двухъ дней. Въ Субботу я передалъ его письмо князю Волконскому, и уже въ Воскресенье онъ получилъ приглашеніе къ царскому столу, а вечеромъ представился Вдовствующей Императрицѣ въ Павловскѣ. На мой взглядъ, графъ Михаилъ имѣетъ вполнѣ здоровый видъ: а Государыня нашла, что онъ помолодѣлъ и бодрѣе, чѣмъ два года тому назадъ. Графъ не нахвалится пріемомъ, какой оказанъ ему всей царской семьей. Онъ лучшаго ничего не могъ сдѣлать, какъ пріѣхать

сюда. Когда я говорилъ графу Сакену, что жду его, онъ замѣтилъ, что очень этому радъ, такъ какъ его присутствіе здѣсь также пріятно, какъ и необходимо. Въ настоящее время, поговариваютъ, что Палень получить Нидерландское мѣсто, если только не увлечетъ его страсть къ Америкѣ, куда поведетъ Тюяль, вмѣсто него. Прекуръзная вещь съ Татицевымъ, назначеннымъ въ Брюссель, куда онъ и не помышляетъ ѣхать, по той простой причинѣ, что тамъ отъ него отрещиваются руками и ногами и просятъ избавить ихъ отъ подобной напасти. Онъ теперь играетъ совсѣмъ другую роль; да и времена настали другія, какъ кажется, и рѣчи другія, и начѣла другія. Кто имѣлъ случай говорить съ нимъ (миѣ это не удалось ни разу), не надивится этому превращенію бывшаго съ головы до ногъ вооруженнаго воина въ ангела мира. Вотъ какую метаморфозу смогли сдѣлать 160 тыс. годового жалованья (задаромъ) и 10 тыс. ежемѣсячно, во время этого экстраординарнаго порученія въ Вѣну, не считая денегъ на дорогу. До чего это все доведетъ его, не знаю, но сомнѣваюсь, чтобъ онъ достигъ тѣхъ верховъ, о которыхъ мечтаетъ. Самое бдльшее, если его назначать въ Константинополь, по возобновленію нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Портой, о чемъ онъ, конечно, позаботится. Онъ разстался съ нашею политикою добраго, стараго времени, отъ которой Россіи есть чѣмъ хвалиться, и будетъ продолжать идти по новому пути, лишь бы только онъ былъ для него выгоденъ: а дѣла его теперь въ лучшемъ, чѣмъ вы можете думать, положеніи. Баронъ Строгановъ сдѣлалъ отлично, уѣхавъ къ водамъ. Положимъ, что онъ дѣйствительно нужны ему, но тѣмъ не менѣе это былъ самый лучший способъ удалиться съ достоинствомъ и прилично, какъ для себя, такъ и для всѣхъ другихъ. По счастью, я рѣшительно ничего не знаю о творящемся въ Вѣнѣ, но полагаю, что Татицеву расчетъ оставаться тамъ, насколько возможно дольше.

Сочиненія Ломоносова были въ печати еще въ прошломъ году, и я полагаю, что теперь они уже вышли. Есть нѣсколько книгъ о сосѣднихъ съ Россіею странахъ. Только что появилась книга въ этомъ родѣ, полковника Муравьева, котораго генераль Ермоловъ посылалъ въ Хиву. Въ газетахъ помѣщаются иногда выдержки изъ Записокъ столь извѣстнаго Рязанова, а также офицера, изъ тойже же экспедиціи, барона Мейендорфа, который былъ во главѣ Бухарской экспедиціи этого болвана Негри; но это все газетныя статьи, такъ какъ отдѣльно въ печати этихъ записокъ нѣтъ. Что касается Назарова, о которомъ вы изволите писать, я его видѣлъ здѣсь, два года тому назадъ, въ должности переводчика при одномъ Киргизскомъ ханѣ. Онъ родомъ

Бурятъ, учился въ народномъ училищѣ въ Оренбургѣ или въ окрестностяхъ его. Помнится, по просьбѣ одного изъ моихъ пріятелей въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я представилъ его записку Государынѣ: она пожаловала ему за нее какой-то подарокъ. Отъ него нельзя было и ожидать большаго, но я просилъ Ея Величество принять во вниманіе его бѣдность и усердіе или доброе намѣреніе, единственно, чтобъ поощрить этимъ другихъ, болѣе способныхъ, которые пойдутъ по его пути. Не будь на немъ мундира и какого-то маленькаго чина, ему бы быть въ числѣ прислуги.

*

С.-Петербургъ, 12 Іюля 1822 г.

Графъ Михаилъ уѣзжаетъ завтра, и я пріѣхалъ сюда провести съ нимъ послѣдній день, но надѣюсь повидать его еще завтра въ Царскомъ. Онъ вполне доволенъ, и пріемомъ ему оказаннымъ, и тѣмъ, какъ устроились его отъѣздъ и будущее назначеніе; онъ вступитъ въ командованіе своимъ корпусомъ только съ переводомъ его главной квартиры изъ Житомира снова въ Кременчугъ, гдѣ она была, когда графъ получилъ корпусъ и куда ее возвращаютъ по сдѣланному прежде размѣщенію; а до тѣхъ поръ графу предоставляется полная свобода, чтобъ заняться вашими и своими дѣлами. Николаи уѣзжаютъ на другой день послѣ графа, и я жалью, что видѣлъ ихъ на такое короткое время.

Слѣдующій конгрессъ произойдетъ, вѣроятно, въ Веронѣ, и уже готовится къ этому путешествію; но Каподистріи на немъ не будетъ, чему одинаковы рады и онъ, и Государь, такъ какъ въ настоящее время расходятся ихъ политическіе взгляды и начѣла. Каподистріи предложено попутешествовать для здоровья, которое, дѣйствительно, въ очень плохомъ состояніи, но, съ условіемъ быть здѣсь къ возвращенію Государя. Все, что затѣмъ послѣдуетъ, зависить отъ рѣшеній, которыя будутъ приняты на конгрессѣ. Стало быть, графъ Нессельроде назначается на конгрессъ, и я не знаю, что для него лучше, отдѣлаться-ли отъ совмѣстника, съ которымъ онъ, однако, жилъ и работалъ столько лѣтъ, или навязать себѣ на шею Татищева, который никогда не будетъ дѣйствовать за одно съ нимъ, какъ это дѣлалъ Каподистрія изъ одного усердія къ службѣ и съ рѣдкою при томъ охотою. До сихъ поръ, Н. былъ въ бозьшой милости у Меттерниха, а теперь, какъ говорятъ, Татищевъ въ наилучшихъ съ нимъ отношеніяхъ, такъ что, съ самаго начала, конгрессъ будетъ очень страннымъ. Съ отъездомъ отсюда Татищева уже сдѣлалось извѣстнымъ его въ немъ участіе. Можно уже предвидѣть, какова на немъ будетъ работа, и каковы вліянія, не предрѣшая, однако, какія произойдутъ въ Веронѣ поста-

новленія, относительно дѣйствующихъ лицъ и дѣлъ. Баронъ Строгановъ на дняхъ уѣзжаетъ на воды, онъ уже откланялся и здѣсь, и въ Павловскѣ. Партію гр. К.*) это очень устраиваетъ, такъ какъ оба они, одинъ по убѣжденіямъ, другой по своей народности (что никогда нельзя считать проступкомъ) рѣшили удалиться отъ неподходящаго имъ дѣла.

*

С.-Петербургъ, 22 Августа 1822 г.

На прошлой недѣлѣ графъ Михаилъ писалъ мнѣ, что у нихъ все, слава Богу, здоровы, чему я очень порадовался. Графиня Браницкая поручила мнѣ купить ей, изъ Михайловскаго дворца, чудесный мозаичный камень и двери краснаго дерева съ позолоченной бронзой, назначаемые ею въ новый домъ, который будетъ себѣ строить графъ Михаилъ. Покупка эта обошлась въ 5350 р., т. е. менѣе чѣмъ въ треть настоящей стоимости этихъ вещей. Дворецъ этотъ отданъ инженерному вѣдомству, состоящему въ вѣдѣніи Великаго Князя Николая Павловича, и передѣлывается, съ подобающей его новому назначенію простотою, на деньги выручаемыя отъ продажи пенужныхъ украшеній. Много чудныхъ вещей продано за пустякъ.

Последнія извѣстія о Государѣ были изъ Варшавы. Приблизительно теперь онъ долженъ выѣхать изъ Польши. Свита его очень не велика: кромѣ князя Волконскаго и князя Меншикова, сопровождающихъ его всегда, еще при немъ только генералъ-адъютанты Ожаровскій и Чернышевъ; да и то первый изъ нихъ почти что силой упросилъ Государя взять его съ собой, и еще наканунѣ отъѣзда о немъ не было и рѣчи, такъ какъ уже раньше ему было форменно отказано въ его просьбѣ быть въ свитѣ Государя въ его путешествіяхъ. Вотъ такъ-то слезами и назойливостью больше добиваются, чѣмъ заслугами. Впрочемъ, всѣмъ извѣстно, какое ничтожное значеніе придали этому обстоятельству.

Передъ своимъ отъѣздомъ, Государь на мѣсто Бетанкура, назначилъ герцога Виртембергскаго, который переѣзжаетъ сюда изъ Витебска, и я не думаю, чтобъ черезъ это его управленіе департаментомъ сдѣлалось лучше. Нельзя отнять у Бетанкура его умѣнья вести свое дѣло, но по части административныхъ распоряженій онъ, положительно, ничего не смыслить. Поэтому, расхищены громадныя суммы, въ чемъ онъ, какъ я полагаю, непричастенъ. А къ тому же онъ совсѣмъ не знаетъ Русскаго языка, и въ этомъ, какъ полагаютъ, и есть самая

*) Графа Каподистрин. П. Б.

большая ошибка. Подобный человекъ могъ бы быть чрезвычайно полезенъ, не во главѣ этого вѣдомства, а какъ лицо подначальное. За такія-то неосторожныя назначенія у насъ частенько платится милліонами, по которымъ отчета нельзя представить и на половину.

На имя графа Кочубея данъ рескриптъ касательно тайныхъ обществъ, по которому закрываются все масонскія ложи, а отъ всѣхъ состоящихъ на службѣ требуется форменная подписка о непринадлежности ни къ какому тайному обществу и о непосѣщеніи ихъ собраній. Я только что отослалъ такую подписку, что мнѣ ничего не стоило дать, такъ какъ я никогда не состоялъ членомъ какого бы то ни было общества и не посѣщалъ ихъ собраній. Рескриптъ этотъ напечатанъ, и вы его увидите.

Сюда ожидаютъ графа Сакена, которому Государь передалъ свои полномочія, какъ во время войны, пока онъ въ отсутствіи. Графу приготовлено помѣщеніе во дворцѣ. Въ гвардіи пока царствуетъ полный порядокъ, и я убѣжденъ, что его легко будетъ поддержать, только бы начальство сумѣло хорошо вести такое чудное войско.

Въ обществѣ только одна и есть новость, о которой много поговаряютъ, а именно женитьба Австрійскаго посланника на младшей дочери Лавалы¹⁾. Кажется, онъ заручился своимъ мѣстомъ въ Россіи. Впрочемъ, объ этомъ и не толковали бы, еслибъ не Еврейское происхожденіе жениха. Я побаиваюсь, какъ бы этотъ бракъ не оказалъ намъ, кое-гдѣ, плохія услуги; а привычка и случай на это всегда наготовѣ у Лебцельтерна, какъ покорнаго слуги Меттерниха. Вы можете, по всему этому, составить себѣ понятіе о положеніи нашей иностранной политики, при такомъ господинѣ здѣсь, и при тѣхъ, кто у насъ въ Вѣнѣ²⁾.

*

С.-Петербургъ, 5 Ноября 1822 г.

Послѣднія извѣстія отъ графа Михаила были изъ Одессы. Въ настоящее время онъ вѣрно уже объѣхалъ большую часть южнаго берега Крыма и скоро вернется въ Бѣлую Церковь. Графиня и дѣти были въ вождельномъ здравіи. Если его не призовутъ къ командованію корпусомъ до зимы, то ему удастся побывать въ Москвѣ, и я надѣюсь, что тогда онъ пріѣдетъ и сюда, что я ему очень советую, особенно если Государь уже будетъ тутъ. Его возвращенія съ конгресса ожидаютъ, по его обѣщаніямъ, въ началѣ Декабря, и частныя письма

¹⁾ Старшая дочь была за княземъ Трубецкимъ, который конечно не могъ противодействовать каверзамъ Лебцельтерна. П. В.

²⁾ Т. е. при Татищевѣ. — Все болѣе подтверждается, что событія 14 Декабря 1825 года произошло не безъ участія Меттерниха. П. В.

изъ Вероны подтверждаютъ это. Но, какъ знать? Не помѣшаютъ ли этому дѣла, которыя все болѣе и болѣе усложняются.

*

С.-Петербургъ, 14 Ноября 1822 г.

Въ числѣ привезенныхъ послѣднимъ курьеромъ распоряженій есть одно очень пріятное и произведшее большое впечатлѣніе. Нѣкій Лабзинъ уволенъ отъ службы, безъ права жительства въ столицахъ. Онъ былъ вице-президентомъ Академіи Художествъ и членомъ ученаго департамента въ Адмиралтействѣ. Это человекъ безнравственный, фальшивый и по своему лицемѣрью совершенно подходящій къ безумной Крюднеръ. Онъ перебивалъ во всѣхъ масонскихъ ложахъ, завелъ и свою собственную, закрытую два года тому назадъ, издавалъ „Сіонскій Вѣстникъ“, состоявшій изъ компіляціи сочиненій Нѣмца Юнга Штидлинга, но правительство запретило этотъ журналъ, возмѣстивъ ему убытки, по представленію князя Голицына, тремя тысячами въ годъ, якобы столовыхъ, за какія-то богословскія сочиненія, вѣроятно непятыя княземъ Голицынымъ; онъ получилъ Владимира 2-ой степени, а теперь онъ совершенно обезумѣлъ отъ послѣдняго распоряженія о закрытіи всѣхъ ложъ и обязательной отъ всѣхъ состоящихъ на службѣ лицъ подпискѣ о непричастности къ какимъ бы ни было тайнымъ обществамъ. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Академіи, президентъ ея Оленинъ предложилъ въ почетные члены графа Кочубея, графа Аракчеева и графа Остермана. Лабзинъ отвергъ это предложеніе, говоря, что эти люди не имѣютъ никакого значенія для искусства, а сіе послѣднее для нихъ. Президентъ, возражая ему на это, добавилъ, что люди эти по одному своему положенію и по близости къ особѣ Императора, довѣріемъ коего они пользуются, окажутъ только честь Академіи, сдѣлавшись ея членами, и что избраніе ихъ совершенно согласно съ ея уставомъ. Лабзинъ смолчалъ, но послѣ ихъ избранія, на правахъ вице-президента, предложилъ въ почетные члены Академіи Илью, перваго кучера государева, ссылаясь на то, что нѣтъ никого ближе къ Царю, какъ человекъ сидящій у него на козлахъ. Послѣ этого предложенія, сдѣланнаго по всѣмъ правиламъ, президентъ, просто, закрылъ засѣданіе; но, по дошедшимъ о предложеніи Лабзина до генераль-губернатора графа Милорадовича слухамъ, сей послѣдній затребовавъ официальнаго о семъ сообщенія. Такъ какъ протокола не было составлено, то Оленинъ отвѣчалъ официально графу Милорадовичу, воспроизведя въ подробности все происшедшее. По докладѣ Государю объ этомъ скандальномъ засѣданіи Академіи Художествъ, онъ повелѣлъ отрѣшить этого негодяя Лабзина отъ всѣхъ его должностей, съ лишеніемъ жалованья, столовыхъ, квартиры въ Академіи, права жительства

въ столицахъ, а Оленинъ получилъ выговоръ за то, что не составилъ протокола о засѣданіи, какъ того требуетъ Академическій уставъ. Это рѣшеніе Государя чрезвычайно порадовало, какъ доказательство, что подобный шарлатанъ не можетъ глумиться надъ обществомъ, не смотря на слѣпое покровительство, которое оказано ему нѣкоторыми людьми съ положеніемъ.

*

С.-Петербургъ, 6 Февраля 1823 г.

Увѣряють, что въ Мартѣ Государь отправится на осмотръ 2-ой арміи. Не знаю пока, вѣрны ли эти слухи. Толкують еще о неизбежности войны съ Турціей; но, не взирая на то, что она еще недавно захватила нѣсколько торговыхъ кораблей изъ Одессы и удерживаетъ ихъ, не думаю, чтобъ это привело къ открытому разрыву и къ войнѣ столь разорительной для нашихъ финансовъ. Повидимому, Испанія не останется спокойною, и въ лицѣ Риго, Мина и Торріоса и г. п. покажутся новые Пѣпе, которые разбѣгутся прежде всѣхъ отъ перваго выстрѣла съ Пиринеевъ. Мы живемъ въ вѣкъ повсемѣстныхъ волненій, революцій и предательствъ. Я опасаюсь, что жертвою ихъ погибнетъ и король Фердинандъ, такъ вся эта Испанская революція во всемъ сходствуетъ съ, печальной памяти, Французской революціей. Предполагають, что весной пошлуть нашъ наблюдательный корпусъ къ Польской границѣ.

Съ самого возвращенія Государя не перестаютъ толковать о разныхъ переменѣхъ, между прочимъ и въ Петербургскомъ генераль-губернаторствѣ. Конечно, графъ Милорадовичъ менѣе всего подходитъ къ такому мѣсту; а, между тѣмъ, не указываютъ, куда его перемѣстятъ. Еще никогда не было въ Петербургѣ оберъ-полиціймейстера, какъ настоящій Гладковъ, такъ же слабый ногами, какъ и головой. На его мѣсто прочать Кайсарова. На мѣсто умершаго графа Коновницына главнымъ начальникомъ надъ учебными заведеніями назначенъ генераль Кутузовъ, подъ вѣдѣніемъ Великаго Князя Константина. Судя по характеру Кутузова, можно ожидать, что его назначеніе принесетъ пользу: такъ мѣсто по немъ, а онъ по мѣсту.

Графъ Штейнгель, генераль-губернаторъ Финляндіи, подалъ, по болѣзни, въ отставку. На его мѣсто назначенъ Демидовъ, который извѣстенъ какъ военный, но не знаю, какимъ его считаютъ по гражданской части, гдѣ ему еще никогда не доводилось проявить себя. Финляндію онъ знаетъ отлично. Графъ Сакенъ долженъ былъ сегодня отправиться отсюда въ Могилевъ: я надѣюсь, что онъ встрѣтитъ по дорогѣ графа Михаила, котораго онъ очень желалъ повидать. Вообще.

онъ по прежнему отлично расположенъ къ графу Михаилу, въ чемъ не сходитя съ начальникомъ Главнаго Штаба Д.....ъ*), величайшимъ пронырой, сумѣвшимъ такъ вкрасться въ милость при дворѣ, что ему тамъ довѣряють больше, чѣмъ его настоящему начальнику.

*

С.-Петербургъ. 9 Мая 1823 г.

„Новороссійскій генераль-губернаторъ и полномочный намѣстникъ области Бессарабской“. такъ именуется во вчерашнемъ указѣ графъ Михаилъ! Изъ всѣхъ гражданскихъ мѣстъ это единственное подходящее къ положенію графа какъ по значительности самой должности, такъ личнымъ преимуществамъ для графа и по выгодамъ для дѣлъ домашнихъ. Стѣбитъ взглянуть на карту Россіи и на политическое и естественное положеніе этого обширнаго края, чтобъ понять, какую великую и неисчислимую пользу можетъ ему принести такой человекъ, какъ вашъ сынъ, графъ. Я повторю слова графа Кочубея, который писалъ ему, что если онъ можетъ поздравить его съ такимъ назначеніемъ, то еще больше поздравляетъ край съ такимъ начальникомъ. Дай Богъ Россіи побольше подобныхъ ему губернаторовъ; но, къ сожалѣнію, немногія страны могутъ похвалиться такимъ государственнымъ человекомъ, который бы одновременно пользовался заслуженною общею извѣстностью и былъ бы и такимъ при этомъ вельможей. Я не нахожу, кого бы можно сравнить съ нимъ въ Россіи. Бессарабія до сихъ поръ управлялась отдѣльно отъ Новороссіи, и графу Михаилу не хотѣлось присоединять ее къ ней; но съ другой стороны, если Бессарабія умножить его заботы и труды, то все же это предпочтительнѣе для графа, чѣмъ имѣть сосѣдомъ какого нибудь губернатора, который можетъ мѣшать обширнымъ намѣреніямъ такого человека, какъ графъ Михаилъ, который въ состояніи ихъ выполнить, если будетъ единственнымъ начальникомъ всѣхъ рынковъ на Югѣ Россіи и края, прилегающаго къ границѣ. Государь, при этомъ назначеніи, обошелся съ графомъ Михаиломъ въ высшей степени мягко, доказавъ, какъ онъ заботится о благѣ своего государства. Онъ многимъ говорилъ, что не нарадуется сдѣланному выбору, съ которымъ его такъ справедливо поздравляютъ, какъ самый удачный для мѣста такой важности.

Я еще возвращусь къ этому въ слѣдующемъ письмѣ, а въ настоящее время я радъ засвидѣтельствовать вамъ, что и графъ, и графиня здоровы и чрезвычайно довольны этимъ назначеніемъ, особенно же условіями, на которыя Государь согласился или, по крайней мѣрѣ,

*) Дибичемъ. Его отецъ привезъ изъ Германіи молодого принца Евгенія Виртембергскаго, котораго Императоръ Павель воспитывалъ себѣ въ преемники на престолѣ. П. Б.

объщаль согласиться. 1-ое условіе: графу предоставляется выбрать себѣ мѣстожителство въ любомъ городѣ края и мѣнять оное, когда онъ сочтетъ это нужнымъ. Графъ хочетъ поселиться въ Крыму, въ Симферополь. 2-ое—право ѣздить, не спрашивая разрѣшенія изъ Петербурга. въ Бѣлую Церковь или въ другія сосѣднія имѣнія, такъ часто, какъ онъ это заблагоразсудитъ. 3-ье, ему никогда не будетъ отказано въ разрѣшеніи ѣздить въ Англію, для свиданія съ вашимъ сіятельствомъ. и 4-ое, позволеніе пріѣзжать въ Петербургъ по дѣламъ такъ часто, какъ онъ это сочтетъ нужнымъ. Графъ располагаетъ выѣхать отсюда недѣли черезъ 2—3, какъ только дороги исправятся.

*

С.-Петербургъ, 15 Мая 1823 г.

Паденіе графа Гурьева и назначеніе Канкринна на его мѣсто служатъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, особенно по неожиданности этой перемѣны. Наканунѣ Свѣтлаго праздника, нѣкоторыя лица изъ самыхъ посвященныхъ въ дѣла правительственныя, перешептывались о возможности отставки Гурьева, но большинство сомнѣвалось въ ней. Въ самый праздникъ она была уже для всѣхъ совершившимся дѣломъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали о семъ указа, который появился только на третій день Пасхи и положилъ конецъ сомнѣніямъ. Странно было видѣть, какъ всѣ волновались, спрашивая безпрестанно, состоялось ли это увольненіе. Думали вѣроятно, что оставаться и 12 лишнихъ часовъ министромъ было много для человѣка, 12 лѣтъ управлявшаго Министерствомъ Финансовъ. Никто и не справлялся о способностяхъ и качествахъ его замѣстителя, котораго вообще мало знаютъ; и я, право, думаю, что рады были бы всякому прикащику изъ лавки, лишь бы только Гурьева смѣстили. Жалѣеть о немъ небольшой кружокъ его созданій, которыхъ онъ щедро надѣлилъ деньгами, богатствомъ, арендами, пенсіями, чудными землями, ловко награбленными у казны, или не доставшимися тѣмъ, кому онѣ назначались Государемъ, какъ людямъ болѣе заслужившимъ.

Дня три или четыре по своемъ увольненіи, графъ Гурьевъ съ трудомъ могъ набрать себѣ соигральщиковъ въ вистъ между своими гостями, такъ какъ и самые ему вѣрные люди начинали устраивать свои дѣла въ другомъ мѣстѣ. Я могу говорить объ этомъ не стѣняясь, такъ какъ не имѣлъ чести бывать у него, иначе какъ въ кабинетѣ его, по какому нибудь дѣлу, и то не часто. Чрезмѣрная гордость, пошлость рѣчей, умъ тяжеловѣсный и вялый, безчувственное сердце, упорство характера, ничему не уступающее, какъ только себялюбію, низость самаго подлага царедворца, спѣсь самая грубая и жестокая, дерзость часто наказанная, но всегда остающаяся неисправимою, все

это не дастъ еще полнаго портрета этого толстяка, такъ какъ жадность и корыстолюбіе со многими другими добавленіями должны необходимо служить основною подкладкою этой картины. Не считая около 180 тыс. содержанія въ годъ, чего только онъ ни набралъ, какъ для себя, такъ и для Нессельроде*), изъ лучшихъ земель и арендъ въ Россіи! Всего нѣсколько дней, какъ Канкринъ вступилъ въ должность, да его и очень мало знаютъ, а уже на биржѣ держать пари, что эта перемѣна подыметъ нашъ вексельный курсъ. Не знаю, на чемъ основано подобное предположеніе: но говорятъ, что Канкринъ, первымъ дѣломъ, уничтожилъ условіе на почти что заключенный уже заемъ у Ротшильдовъ. Предшествующіе займы нисколько не подѣйствовали на обѣщанное улучшеніе нашихъ рынковъ: напротивъ, послѣднія банкротства доходять до 20 мил. р., и графъ Гурьевъ, по созданной имъ странной и сумасшедшей системѣ, громогласно возвѣщать, что такіа банкротства нисколько не противодѣйствуютъ блестящему положенію нашихъ финансовъ (блестящи они только въ его воображеніи) потому, что разореніе небольшого числа людей обогатило многихъ другихъ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ. Дальше онъ ничего не видѣлъ и, вѣроятно, и не догадывался, что онъ обогащаетъ только Ротшильдовъ и многихъ иностранцевъ, уничтожая нашу торговлю и капиталы, и нисколько не умножаетъ доходы государства, такъ какъ недочетъ растетъ съ каждымъ годомъ, не смотря на варварскіе поборы, взыскиваемые по его приказаніямъ съ такихъ мѣстностей, гдѣ три года не было никакого урожая и гдѣ не доставало на пропитаніе жителей, умиравшимъ съ голоду и холоду по большимъ дорогамъ и въ избахъ своихъ. Въ началѣ зимы сенаторъ Барановъ, этотъ подлый, никѣмъ не чтимый чловѣкъ, былъ посланъ въ Витебскъ и Могилевъ для раздачи 1.800.000 р. потерпѣвшимъ отъ неурожаяевъ; но графъ Гурьевъ преподалъ ему такіа наставленія, что, повинуваясь имъ, онъ раздалъ не болѣе 600.000 р., къ великому удовольствію графа Гурьева, а жители едва ли получили по рублю на чловѣка. А тѣмъ временемъ онъ наложилъ запрещенія на всѣ частныя имѣнія, а помѣщиковъ отдалъ подъ судъ за то, что они не имѣютъ чѣмъ прокормить своихъ крестьянъ. Однако доказано, что смертность и острая нужда были больше всего между казенными крестьянами. Во всякой другой странѣ подобнаго чловѣка, какъ причинившаго смерть столькихъ тысячъ чловѣкъ, повѣсили бы, а у насъ его наградили рескриптомъ за его безчеловѣчное усердіе и объявили то во всеобщее вѣдѣніе. Паденіе этого жалкаго финансиста было вызвано многими причинами. Когда, съ годъ тому назадъ, Государь сдѣлалъ

*) Графъ Нессельроде—зять графа Гурьева. П. Б.

Банкринна членомъ Государственнаго Совѣта и поручилъ ему ревизію счетовъ Министерства Путей Сообщеній при Бетанкурѣ, то уже говорили, что Государь намѣчаетъ Банкринна въ министры финансовъ. Гурьевская фальшивая система таможенныхъ пошлинъ и винныя откупа (на чемъ онъ именно основывалъ увеличеніе доходовъ) промелькнули какъ метеоръ, и лишь въ началѣ приносили настолько, чтобъ вселить довѣріе къ этому нововведенію: а затѣмъ, они только оставили въ наслѣдіе: первая—недобросовѣтность и паденіе нашей торговли, а откупа полный упадокъ нравственности и узаконенное право обворовывать казну, заставляя настоящее поколѣніе пить сколько возможно больше, въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ. Директоръ этого департамента, человекъ, какъ мнѣ говорили, вполне честный, еще недавно говорилъ мнѣ въ оправданіе системы пошлинъ и откуповъ, которые нечѣмъ замѣнить, что они за 4 года ихъ введенія увеличили доходы на 80 милл. р., что очень важно для государства, въ которомъ расходы превышаютъ доходы. Если даже допустить, прибавилъ онъ, что 10 или 20 мил. были украдены, какой другой найти способъ заполнить эту страшную пропасть? А тотъ, отвѣчалъ я ему, который бы помѣшалъ украсть эти 20 милл. Вѣдь вполне ясно, что государство отягощено сто-милліоннымъ долгомъ: и въ добавокъ, для достиженія дешевизны вещей, прибѣгають къ разнымъ химическимъ ухищреніямъ, а чтобъ товаръ не оставался на рукахъ, пускають въ ходъ самыя безстыдныя средства, такъ что Государю пришлось утвердить мѣры, карающія эти мошенничества, при такомъ взиманіи таможенныхъ пошлинъ, которыя ему же восхваляли. Если допускають воровство и растраты на такую сумму въ одномъ вѣдомствѣ, можно ли ручаться, что въ другихъ не дѣлается ничего подобнаго? Итъ государства, за исключеніемъ Россіи, которое въ восемь лѣтъ по окончаніи войны не погасило бы своего долга въ громадномъ размѣрѣ. Мы же не подвинулись въ этомъ ни на шагъ; напротивъ, источники народнаго богатства изсякають съ каждымъ годомъ, а государственный долгъ все растетъ. Графъ Гурьевъ былъ такъ наивенъ, что вѣрилъ въ благоденствіе народа и въ мудрость своихъ началь, такъ какъ легко находилъ довѣріе въ Европѣ; но онъ не видѣлъ, что настанетъ время, когда не окажется средствъ выполнить принятые обязательства и что мы можемъ придти къ тому, печальной памяти, времени, когда завтракъ или пара сапогъ платились по 35 тыс. франковъ. Самовластіемъ, которымъ онъ себя предоставилъ право никому не платить въ государствѣ, или же задерживать платежи насколько можно больше, разорено множество людей въ Россіи. Онъ употреблялъ годы на признаніе справедливаго долга, а срока на полученіе по немъ денегъ не было никакого, такъ что иному случалось умереть нищимъ, имѣя въ рукахъ

признанные счеты и цѣнные бумаги только по тому, что онъ былъ лишенъ возможности пускать ихъ въ оборотъ и жить на нихъ. А взысканія, предписываемыя графомъ Гурьевымъ, дѣлались самымъ жестокимъ образомъ. Я могу подтвердить это поражающими обстоятельствами, какъ наприм. дѣломъ Перетца, который живъ и еще въ Петербургѣ. У него продали съ аукціона за долгъ казнѣ его землю дома и движимость въ полтора милліона р., а между тѣмъ казна ему должна 4 милл., по признаннымъ одной комисіей претензіямъ, которымъ Гурьевъ все не могъ установить счетъ. Нынѣшній министръ финансовъ, тогда интендантъ арміи, участвовалъ въ этой комисіи. Хотя Перетцъ и Жидъ, но тѣмъ не менѣе въ 1812 и 1813 годахъ онъ оказалъ Россіи величайшія услуги и спасъ армію отъ гибели и голодной смерти, доказавъ рѣдкую преданность, за которую его отблагодарили тюрьмою для него и сумою для сына. И подобныхъ сему примѣровъ тысячи. Несостоятельность этого жалкаго управленія финансами обнаружилась въ позапрошломъ еще году, когда въ Государственномъ Совѣтѣ многія изъ предложенныхъ графомъ Гурьевымъ мѣръ были отвергнуты чрезвычайно дружно и когда недочетъ въ 8 милл., по однимъ откупамъ, доказалъ всю ихъ безнравственность и бессмысленность, а также и неосновательность всѣхъ расчетовъ министра. Не обладая даромъ оратора, графъ Гурьевъ вскипѣлъ противъ главнаго контролера Кампенаузенца, удалилъ изъ Лайбаха директора его канцеляріи и добился отъ Государя утвержденія общей смѣты финансовъ на предстоящій годъ, несмотря на разногласія въ Государственномъ Совѣтѣ и даже при несоблюденіи обычныхъ формъ. Однако на Государя все это произвело неблагоприятное впечатлѣніе, и онъ только потому утвердилъ смѣту, что не хотѣлъ задержать ходъ дѣлъ во время своего отсутствія. Въ прошломъ году графъ Гурьевъ представилъ въ Государственный Совѣтъ предписаніе о налогѣ съ наследствъ. Между многими недѣлостями этого проекта болѣе всего возмутило всѣхъ предполагаемое учрежденіе около четыре тысячъ щедро оплачиваемыхъ чиновниковъ при Министерствѣ Финансовъ, все дѣло которыхъ будетъ состоять въ томъ, чтобъ, не давъ еще умереть чело-вѣку, прежде всего опечатать всю его движимость и недвижимость, сдѣлать всему оцѣнку и распоряжаться вефмъ, пока не будутъ внесены страшно высокія, по замыслу министра, государственныя пошліны. Мордвиновъ мастерски составилъ свое сужденіе о семъ дѣлѣ и далъ съ него списки двумъ-тремъ пріятелямъ, что вызвало со стороны графа Гурьева жалобу Государю на Мордвинова, якобы припигающаго его въ мнѣніи всего города. Хотя Государь и далъ понять, подъ рукою, Мордвинову, что въ дѣлахъ государственныхъ подобаешь быть сдержаннѣе при ихъ обсужденіи и не разглашать о нихъ преждевременно.

однако картина имъ нарисованная плачущихъ вдовъ, сиротъ и близкихъ родственниковъ отъ этого варварскаго, постыднаго и возмутительнаго налога, такъ подѣйствовала, что дѣло не пошло далѣе. Къ тому-же, было доказано, что прибыли казны не будутъ никакою, такъ какъ все, что она получитъ этимъ налогомъ, уйдетъ на содержаніе чиновниковъ, которые будутъ его взыскивать и тѣмъ только разорять наследниковъ. Два съ лишнимъ года тому назадъ министръ финансовъ, по поводу нѣкоторыхъ сужденій въ Государственномъ Совѣтѣ, предложилъ соединить старый Заемный Банкъ съ новымъ Коммерческимъ и преобразовать ихъ. Государь согласился на это, основываясь на мнѣніи Государственнаго Совѣта. Надъ этимъ много работали и составили, наконецъ, сводъ правилъ для этихъ банковъ; но когда стали ихъ обсуждать въ совѣтѣ министра финансовъ, у него въ кабинетѣ, то къ общему великому удивленію, увидѣли, что графъ Гурьевъ былъ въ противорѣчій съ самимъ собою относительно Заемнаго Банка, который, вмѣсто преобразованій въ немъ, онъ просто хотѣлъ совсѣмъ упразднить. Ему тутъ же замѣтили, что подобныя измѣненія недопустимы послѣ того, что все было обсуждено въ Государственномъ Совѣтѣ и утверждено Государемъ. Графъ всталъ и положилъ свое абсолютное Veto, на чемъ дѣло и остановилось. Графу Ламберту, который былъ съ Муравьевымъ въ Испаніи, а въ настоящее время предсѣдателемъ комисіи погашенія долговъ, наперенику графа Гурьева, поручено передѣлать проектъ въ смыслѣ уничтоженія Заемнаго Банка. Стали доискиваться причины такого крутаго поворота въ самыхъ основаніяхъ дѣла и открыли, что этотъ самый графъ Ламбертъ часто совѣщался съ Вилламовымъ, секретаремъ Императрицы-Матери; а ей, имѣющей въ своемъ вѣдѣніи Ломбардъ, очень нежелательно существованіе Заемнаго Банка, наносящаго ущербъ ея Ломбарду, такъ какъ и онъ даетъ деньги изъ процентовъ и подъ обезпеченіе. Какое достойное для государственнаго человека основаніе! Передѣланный графомъ Ламбертомъ проектъ встрѣтилъ въ Государственномъ Совѣтѣ почти всеобщее возраженіе. Графъ Гурьевъ не смогъ хорошо возразить на горячія пренія, которыя ему пришлось выслушать, и затѣялъ еще переписку по этому поводу съ княземъ Яковымъ Лобановымъ, предсѣдателемъ этого отдѣла Государственнаго Совѣта; но и въ письменныхъ разъясненіяхъ ему также мало повезло, какъ и въ устныхъ. Ему доказали пользу Заемнаго Банка, и что операціи его, въ нѣкоторомъ родѣ, неизмѣнны, такъ какъ идутъ непрерывно; а еще, что по смыслу и буквѣ манифеста императрицы Екатерины II при открытіи этого Банка, въ немъ есть нѣсколько основныхъ законовъ, касающихся льготъ дворянству и подтвержденія его правъ, черезъ что дѣлается невозможнымъ закрытіе Заемнаго Банка, развѣ

что учредить что нибудь ему соотвѣтствующее и съ такою же цѣлю. Тутъ-то графъ Гурьевъ и доказалъ свое непонятное невѣжество, говоря, что если Ломбардъ не можетъ удовлетворять всѣ просьбы дворянства о ссудахъ (что дѣйствительно и есть, такъ какъ приходится ждать годъ-другой очереди), то этому можетъ помочь Коммерческій Банкъ. Ему на это возражаютъ, что по уставу этого банка онъ выдаетъ ссуды только подъ учетъ векселей на срокъ, подъ товаръ сырьемъ и подъ фабрики, оставляемая ему въ залогъ. Графъ Гурьевъ отвѣчаетъ, что, такъ какъ и у дворянъ есть фабрики и производства оныхъ, то они могли бы пользоваться при этомъ правами купцовъ. Князь Яковъ Лобановъ замѣчаетъ ему, что онъ, какъ небогатый помѣщикъ 800 душъ, не имѣющій никакой фабрики, увѣренъ, что на послѣднемъ основаніи его перваго лишили бы льготъ, пожалованныхъ императрицей Екатериной, но что онъ можетъ указать на многихъ очень богатыхъ дворянъ, какъ напр. двухъ Нарышкиныхъ, у которыхъ, при 30—40 тыс. душъ, нѣтъ ни единой фабрики, и что если, поэтому, отказывать имъ въ ссудахъ, это тоже, что лишать помощи земледѣліе, составляющее главное богатство государства. Графъ Гурьевъ стойтъ на томъ, что если хотять улучшить финансы, надлежитъ поднять торговлю и поддержать тотъ разрядъ людей, который ближе всего къ ней прикасается. Ему отвѣчаютъ, что земледѣліе основа торговлѣ, и что прежде всего, поэтому, слѣдуетъ поддерживать земледѣліе, которымъ держится дворянство и жители деревень, крестьяне, которые и суть настоящіе земледѣльцы. За мнѣніе графа Гурьева было всего два голоса, всѣ прочіе были противъ него, и предложеніе его рухнуло въ бездну, какъ большая часть его предначертаній, съ тѣхъ поръ какъ Государь, три года тому назадъ, повелѣлъ обсуждать ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ: а до этого онъ всегда прикрывался какимъ нибудь ловко выманеннымъ указомъ, послѣ котораго, разумѣется, не было мѣста никакимъ обсуждениямъ.

За послѣдніе мѣсяцы въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждались еще два предложенія графа Гурьева, и ихъ постигла такая же печальная участь. Первое касалось о помощи двумъ Бѣлорусскимъ губерніямъ, пострадавшимъ отъ голода и гдѣ отъ этого страшная смертность. Графъ Гурьевъ находилъ, что нѣтъ средствъ для этой помощи, и что Государь не можетъ кормить всѣхъ голодающихъ. Тонъ его, при этихъ словахъ, былъ такой безсердечный, что Кампенгаузенъ возразилъ ему, что сытому и толстому никогда не понять голодныхъ и тонкихъ, но что Государственный Совѣтъ обязанъ выискать средства на помощь имъ. Тутъ вскакиваетъ Мордвиновъ и говоритъ, безъ приготовленій, рѣчь,

произведшую большое впечатлѣніе. Онъ доказываетъ, что двѣ пострадавшія отъ голода губерніи могли быть прокормлены и поддержаны остальными 50-ю губ. въ продолженіе только нѣсколькихъ мѣсяцевъ года, еслибъ сенатору Баранову не было указано вернуть, поменьшей мѣрѣ, двѣ трети денегъ, данныхъ ему на раздачу населенію этихъ двухъ губерній, и еслибъ были своевременно приняты мѣры, которыя Мордвиновъ тутъ же подробно излагаетъ. Гурьевъ на все это твердитъ одно, что денегъ нѣтъ и неоткуда ихъ достать, и что на этомъ основаніи слѣдуетъ отказать въ помощи пострадавшимъ губерніямъ. Графъ А., давшій сперва свой голосъ за Гурьева, послѣ рѣчи Мордвинова взялъ протоколъ и, зачеркнувъ свое тамъ имя, подписался подъ мнѣніемъ послѣдняго, чему послѣдовали все прочіе. На слѣдующемъ собраніи Совѣта обсуждалось прошеніе Александра Львовича Нарышкина къ Государю о покупкѣ у него казною его чудесной дачи, по Петербургской дорогѣ, за 700 тыс., или о ссудѣ ему, подъ залогъ ея, этой суммы. Государь отказалъ въ покупкѣ, а на счетъ ссуды приказалъ Совѣту дать свое мнѣніе. Многіе изъ членовъ Совѣта, съ Гурьевымъ во главѣ, были готовы разрѣшить эту ссуду. Тогда остальные члены напоминаютъ Гурьеву, что онъ только что на предъидущемъ засѣданіи Совѣта утверждалъ, что у него нѣтъ милліона на помощь Бѣлоруссін. Онъ отвѣчаетъ, что Нарышкину можно выдать ссуду изъ свободныхъ капиталовъ удѣльнаго вѣдомства, доходящихъ до, не знаю сколько, милліоновъ. Тутъ на него сильно напалъ Кампенгаузенъ, говоря, что для удовлетворенія одного человѣка или одной семьи онъ тотчасъ находитъ нужныя деньги, скрывая ихъ, когда дѣло идетъ о спасеніи двухъ такихъ важныхъ для Россіи губерній. Мнѣніе свое онъ изложилъ письменно. Совѣтъ принялъ его большинствомъ голосовъ, и Нарышкину было отказано.

Это было послѣднее дѣло Гурьевскаго министерства; оно было рѣшено на шестой недѣлѣ поста. Онъ понялъ, что ему слѣдуетъ подать въ отставку, такъ какъ на него нападки со всехъ сторонъ, а ни въ себѣ, ни въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не находилъ способовъ защиты, а главное еще и потому, что онъ видѣлъ, что Государь склоненъ ее принять. Лучшимъ тому доказательствомъ были невозможность добиться, какъ бывало прежде, указовъ, и передача всехъ его предложеній на обсужденіе Совѣта, что ему сильно не нравилось. Только поэтому Россія и избавилась отъ него, такъ долго занимавшаго столь важное мѣсто, не смотря на то, что онъ мало подходилъ къ нему. Только невозможностью найти лучшаго министра финансовъ и можно объяснить такое явленіе. Съ замѣной коллегій министерствами подоб-

ныя затрудненія будутъ постоянно. При Kollegiяхъ дѣла продолжали идти своимъ чередомъ, если даже въ иной изъ нихъ не было президента или вице-президента. и случалось, что какой нибудь въ ней мелкій чиновникъ управлялъ ими не хуже своихъ начальниковъ: дѣла никогда не прерывались. Теперь же, когда главою одинъ министръ, занимающійся отдѣльно съ каждымъ изъ своихъ подчиненныхъ, директорами или другими служащими, или когда онъ предоставляетъ это своему секретарю, всегда затруднительно найти человѣка способнаго его замѣнить. въ случаѣ его отставки или смерти.

Графъ Кочубей отъѣзжаетъ въ чужіе края, и всѣ теряются въ догадкахъ, кто будетъ на его мѣсто. А Министерствомъ Финансовъ еще труднѣе управлять, по безчисленному множеству разнообразныхъ дѣлъ, находящихся въ его вѣдѣніи. Каждый директоръ особаго департамента въ этомъ министерствѣ знакомъ только съ дѣлами своего, нисколько не касаясь и не интересуясь прочими. Вотъ съ чего Россію и наводнило такое безчисленное множество чиновниковъ съ канцеляріями, тогда какъ прежде одна канцелярія завѣдывала дѣлами 5—6 департаментовъ одной Kollegii. Всѣ эти чиновники поглощаютъ большую часть доходовъ государства и сдѣлались подневольными у министровъ. директоровъ департаментовъ и начальниковъ отдѣленій; на ихъ награды на чины, жалованье и проч. ничего не жалѣютъ. Вотъ почему казна пуста, и ея земельные запасы истощены на много лѣтъ впередъ.

Графъ Гурьевъ, оставляя Министерство Финансовъ, сохранилъ себѣ все свое содержаніе, какъ глава Кабинета и министръ удѣловъ. и чудное свое помѣщеніе въ домѣ, предусмотрительно купленномъ не для Министерства Финансовъ, а для удѣльнаго вѣдомства; на это у него хватило догадки при всей его тупости.

Судить о новомъ министрѣ еще преждевременно, такъ мало еще его знаютъ; но всякій министръ, которому придется замѣнить Гурьева, принесетъ пользу уже тѣмъ, что займется разсмотрѣніемъ и исправленіемъ всѣхъ его ошибокъ, упорно защищать которыя ему нѣтъ никакой надобности, какъ это дѣлалъ ихъ виновникъ.

Капкринъ родомъ изъ Ганновера или Брауншвейга, принятый надворнымъ совѣтникомъ на Русскую службу, при императорѣ Павлѣ. Онъ съ хорошимъ образованіемъ и у себя на родинѣ былъ совѣтникомъ правленія. Говорятъ, онъ много писалъ по предмету политической экономіи, и одно изъ его сочиненій напечатано въ Германіи. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ должностей, онъ въ 1812 г. служилъ

въ Витебскѣ по провіантской части, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ сдѣланъ главнымъ интендантомъ арміи, гдѣ заслужилъ извѣстность человѣка способнаго, честнаго и умѣющаго поддерживать порядокъ и бережливость. По окончаніи столь разорительной войны онъ удивилъ Государя, представивъ ему 26 милл. остатку, котораго никакъ не предполагали въ военныхъ казначействахъ. Ему пришлось быть въ постоянныхъ спорахъ съ правительствами Пруссіи, Польши и Австріи по ихъ поставкамъ: по какъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ и глубокимъ расчетомъ, онъ доказалъ имъ, что мы имъ должны всего только шестую часть предъявленнаго ими счета. По окончаніи этого дѣла, онъ былъ сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ, а затѣмъ, членомъ Совѣта съ порученіемъ обслѣдовать дѣла Бетанкура. Открытыя въ этомъ вѣдомствѣ злоупотребленія заставили Государя отдать этотъ департаментъ въ вѣдѣніе герцога Виртембергскаго. Пока еще ничего не рѣшено относительно сдѣланныхъ имъ обслѣдованій, такъ какъ Государь еще не положилъ своего утвержденія. Говорятъ, что Канкринъ справедливъ, скромнъ, съ большимъ здравымъ смысломъ и, вообще, расположенъ къ добру. Отъ Министерства Финансовъ онъ упорно отказывался, но вынужденъ былъ согласиться, такъ какъ рѣшительно не было другаго выбора. Я знаю его только по виду, встрѣчая въ нѣкоторыхъ домахъ. Порусски и пофранцузски онъ изъясняется плохо, но пишетъ на этихъ языкахъ хорошо. Дай Богъ ему умѣнья, силъ и терпѣнія залечить глубокія раны, причиненныя намъ Гурьевымъ. Конечно, для Россіи было бы лучше имѣть въ лицѣ его преемника чисто-русскаго человѣка; но, по несчастію, такого положительно нѣтъ. Я увѣренъ, что Канкринъ будутъ попрекать, что это пролаза-иностронецъ; а между тѣмъ онъ, не такъ какъ многіе другіе, не имѣвшіе у себя на родинѣ высокаго чина, самъ дослужился въ Россіи до высокихъ ступеней, женился на Русской*) и принялъ Русское подданство.

Шайка мошенниковъ такъ опустошала это министерство, что уже и то будетъ хорошо, если онъ очиститъ его отъ нея. Гурьевъ, зная заранѣе кого Канкринъ не потерпитъ при себѣ, поспѣшилъ такихъ перевести въ Министерство Удѣловъ; а изъ высшихъ служащихъ въ Министерствѣ Финансовъ самый глухой, подлый, дерзкій, злой и корыстолюбивый, Обрѣзковъ (начальникъ департамента таможенъ, и поэтому свободно занимавшійся контрабандой) самъ выходитъ изъ министерства, какъ имѣющій старшинство передъ Канкринымъ, по чину генералъ-лейтенанта. И другіе еще уйдутъ.

*) Екатерины Захаровны Муравьевой, брагъ которой потомъ стали Декабристомъ. П. В.

Отставка Гурьева потому еще такъ всѣхъ поразила, что въ это время только и говорили о путешествіи князя Волконскаго и объ усиливающихся ежедневно слухахъ про отставку князя Лобанова, министра юстиціи. Первый и отправился путешествовать, а второй еще сидитъ, вѣрно, за грѣхи наши; но все же есть надежда, что насъ избавятъ, наконецъ, отъ этого правосудія въ ботфортахъ и шпорахъ. Здоровье князя Волконскаго дѣйствительно плохо и требовало, если не поѣздки на воды, то временнаго отдыха. А можетъ быть, онъ лелѣялъ какія нибудь мечты, которыя не захотѣли разгадать. Но нужно отдать ему справедливость, что онъ, изъ тонкаго чувства, никогда ничего не просилъ для себя, а еще и то, что врядъ ли сыскать на свѣтѣ подобнаго ему человѣка, который бы одновременно былъ какъ бы первымъ министромъ и какъ бы послѣднимъ камердинеромъ, при 9 тысячномъ окладѣ, да еще ассигнаціями. Впереди у него наслѣдство отъ тетки*), которая любитъ его какъ сына, но, въ настоящее-то время, онъ бѣденъ. Онъ имѣлъ квартиру при дворѣ, но всегда платилъ за столъ своей семьи изъ своихъ или женныхъ средствъ. Когда его жена попросила въ Веронѣ о ссудѣ въ 200 тыс., ей сразу отказали въ этомъ: а между тѣмъ, сколько получавшихъ гораздо большія ссуды! За неисчислимыя труды ея мужа эти 200 т. можно бы подарить ему, и никто бы не имѣлъ ничего противъ: вѣдь онъ получалъ въ награду только чины, ленты и 2—3 табакерки съ брилліантами. А когда онъ представилъ два указа (одинъ, объ оберъ-камергерѣ Нарышкинѣ, которому оставляли все его содержаніе, а другой—о самомъ себѣ, съ умолчаніемъ на счетъ послѣдняго) оба указа подписали безъ измѣненій! Онъ даже приготовилъ себѣ коляску, чтобъ ѣхать на парѣ лошадей. Только передъ самымъ его выѣздомъ, Государь приказалъ дать ему коляску изъ своихъ экипажей. 5 тысячъ червонцевъ на дорогу и сохранилъ ему его содержаніе. Подозрѣваютъ, что, помимо здоровья, вѣрно были еще другія причины этого путешествія, такъ какъ князь былъ очень грустенъ и смущенъ, когда получилъ отпускъ, котораго, казалось, онъ не ожидалъ, и всѣ свидѣтельствуютъ, что до самаго отъѣзда его съ нимъ обращались очень холодно, чтобъ не выразиться смѣлѣе.

Въ это же время и князь Меншиковъ получилъ отпускъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было ему оставаться безъ своего принципала? Вѣдь если Государь два года съ лишнимъ терпѣлъ такого лживаго интригана, да еще со злымъ языкомъ, то только изъ за князя Волконскаго, которому, казалось, онъ былъ очень преданъ, конечно, изъ корыстныхъ

*) Екагеринѣ Алексѣевнѣ Волконской, рожд. Мелмуновой. II. Г.

видовъ. Я полагаю, что князь Волконскій, по возвращеніи, снова займетъ свое мѣсто: но сомнѣваюсь, чтобъ Меншиковъ вернулся на свое мѣсто; вѣрнѣе, что онъ увеличитъ собою число лежебоковъ своей касты. Уѣхавшій въ это же время генераль Закревскій еще въ прошломъ году получилъ разрѣшеніе повторить свое лѣтнее леченіе, такъ какъ первое не принесло ему достаточно пользы. Его мѣсто никѣмъ не занято, такъ какъ департаментъ смотровъ имѣетъ вице-директора, генераль-маіора Княжнина; въ аудиторіатѣ есть дежурный генераль-аудиторъ; а что касается до личной его канцеляріи, въ ней есть директоръ и, кромѣ того, полковникъ Генеральнаго Штаба, которые и исправляютъ должность Закревскаго. Генераль баронъ Дибичъ исправляетъ должность князя Волконскаго, но только какъ начальникъ Главнаго Штаба; прочія же дѣла, бывшія въ вѣдѣніе князя, въ настоящее время распредѣлены слѣдующимъ образомъ: дѣла по Министерству Двора перешли къ князю Голицыну, министру неповѣданій, у котораго они и были передъ этимъ, а канцелярія, которою управлялъ князь Меншиковъ и которая въ настоящее время вѣдаетъ только военныя дѣла, поручена полковнику Генеральнаго Штаба Бибикову. Теперь мы выжидаемъ, останется-ли князь Лобановъ министромъ юстиціи; прошеніе объ отставкѣ онъ уже подалъ, и такъ какъ оно ему не возвращено, то есть надежда, что насъ отъ него избавятъ.

Я вспоминаю теперь слышанные мною отъ вашего сіятельства нѣкоторые о немъ анекдоты; и на сто книгъ достало бы, еслибъ описывать всѣ его смѣшныя стороны, странности, вспышки, сѣбь и глупости. Тутъ будетъ умѣстно рассказать, какъ онъ попалъ въ министры. Этотъ *князь мира* совершенно случайно оказался на паромѣ въ Тильзитъ, такъ какъ Государь желалъ имѣть при этомъ когонибудь титулованнаго, а онъ, какъ нарочно, и случись тутъ. Употребивъ его на дѣло, къ которому принудили*), пришлось поддерживать лицъ, употребленныхъ на подобное порученіе; его и сдѣлали здѣсь генераль-губернаторомъ. Но дѣла при немъ шли такъ дурно, что его перевели на формированіе ополченій и на рекрутскіе наборы. По окончаніи войны онъ все проситъ какойнибудь должности, и его сдѣлали предсѣдателемъ комиссіи по ревизіи счетовъ Военнаго Министерства. Князь Горчаковъ чудный человекъ, храбрый воинъ, но всеѣмъ непригодный къ дѣламъ распорядительнымъ, чуть не сдѣлался

*) Т. е. на подписаніе вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ послѣдняго Тильзитскаго мира. Оба они не замѣтили, что миръ подписанъ 27 Іюня, т. е. днемъ Полтавской битвы, что конечно было устроено Французами нарочно. Тоже повторилось въ 1856 году: миръ подписанъ 19 Марта, т. е. въ день нашего взятія Парижа. П. Б.

жертвой положеннаго о немъ мнѣнія княземъ Лобановымъ. Спасла его только преждевременная смерть. Но сколько изъ его подчиненныхъ томится и по сіе время въ тюрьмахъ! Конечно, многіе изъ нихъ за-служили наказаніе послыше тюрьмы, такъ какъ довѣрчивый князь Горчаковъ не допускалъ существованія мошенниковъ и не видѣлъ, какъ онъ былъ окруженъ ими. По окончаніи этой ревизіи, князь Лобановъ снова сталъ просить дѣла. А тѣмъ временемъ Государь былъ очень недоволенъ Троцинскимъ. Онъ отъѣзжалъ тогда къ арміи, откуда долженъ былъ ѣхать въ Москву, куда и весь дворъ отправлялся за нимъ. Въ ту самую минуту какъ уже была подана коляска, ему подали пакетъ съ просьбой Троцинскаго объ отставкѣ; онъ ея еще не дочиталъ, какъ ему доложили о князѣ Лобановѣ, желавшемъ откланяться Его Величеству. Государь воскликнулъ: „Самъ Богъ мнѣ его послалъ!“ и предложилъ князю мѣсто Троцинскаго, конечно принятое имъ. И вотъ, какъ у насъ появился министръ юстиціи, подобнаго которому никогда не видѣли. Невозможно описать все имъ творимое. Онъ, стоящій на стражѣ законовъ, постоянно поступалъ противъ нихъ и жертвовалъ ими. Казалось, что его прихоти и причуды составляютъ весь законъ. Ему было ни почемъ отрѣшить указомъ сенатора, подавнаго голоса противъ него, въ дѣлѣ неправомъ, за которое онъ стоялъ, и при этомъ, онъ забываетъ Регламентъ Петра Великаго (на который однако постоянно ссылается), что сенаторъ можетъ быть смѣненъ только по суду. Случай, о которомъ я говорю, былъ въ Москвѣ, съ сенаторомъ Кутузовымъ, котораго слѣдовало уволить во многихъ другихъ случаяхъ, но только не въ настоящемъ; вся его вина была въ томъ, что онъ не соглашался съ министромъ. Живетъ онъ съ гадкой женщиной, отъ которой у него много дѣтей; о нихъ онъ любитъ говорить повсюду, даже и въ церкви, и женщина эта на глазахъ у всѣхъ принимаетъ все предлагаемое. Одинъ стряпчій, извѣстный взяточникъ и разбойникъ, любимецъ у министра, и жена его стала закадычнымъ другомъ его любовницы, лишь бы дѣлать взятки. Не отстаетъ отъ нихъ правитель канцеляріи, давнишній любимецъ князя. Что касается директора департамента ему идетъ особая плата, только бы онъ не мѣшалъ другимъ брать. Этотъ изъ вольноотпущенныхъ, не получившій никакого образованія, но такъ набилъ руку въ службѣ и къ тому же смѣтливъ, что ведетъ дѣла съ большимъ искусствомъ. За три года своего директорства онъ пріобрѣлъ 600 душъ, но, затѣмъ, спохватился и сталъ уже покупать на чужое имя; въ настоящее время у него двѣ тысячи душъ. Беретъ-ли самъ министръ или не беретъ, какъ же не сказать, что въ его министерствѣ все продажно, если тамъ цѣлая компанія грабителей? Недавно, при трехъ послѣдовательныхъ случаяхъ, министръ

выказалъ себя съ самой гнусной стороны. По протекціи своего директора департамента, онъ предложилъ въ Комитетъ Министровъ одного кандидата на мѣсто председателя Гражданской Палаты. Комитетъ заслушалъ эти представленія въ числѣ текущихъ дѣлъ, въ чемъ министры не стѣсняются (каждый изъ нихъ продѣлывая у себя тоже). Государь, которому представили это назначеніе на утвержденіе, возвратилъ его въ Комитетъ со строгимъ выговоромъ за то, что члены не обратили вниманія на столь важное обстоятельство, что представленный ими кандидатъ находится еще подъ судомъ Уголовной Палаты за преступленія, совершенныя имъ въ должности губернскаго прокурора. Понятно, какъ были возмущены всѣ члены, что ихъ такъ подвели, употребивъ во зло ихъ довѣріе. При этомъ, князь Куракинъ предложилъ поставить за правило, чтобъ ни единый министръ или какой другой сановникъ не предлагалъ единолично отъ себя кандидатовъ на подобныя мѣста, такъ какъ, по Регламенту Петра I, право это предоставлено одному Сенату. Безъ сомнѣнія, Государь согласится съ этимъ.

Великій монархъ, установившій подобный законъ, имѣлъ въ виду, что всегда легко ввести въ заблужденіе одного человѣка, или найти одного корыстнаго, по что въ цѣломъ составѣ Сената всегда найдется какой нибудь членъ, чтобъ вывести дѣло наружу тѣмъ членамъ, которые не обратили на дѣло должнаго вниманія или же побоялись идти противъ сильнаго покровителя предлагаемаго кандидата. Князю Лобанову пришлось, такимъ образомъ, перенести возвращеніе его представленія, которое возмутило Государя по такому недостойному кандидату. Въ это же время, любимый юрисконсультъ министра, къ которому благоволила и его дама сердца, нѣкій упомянутый мною Анненковъ, былъ уличенъ во взяткѣ по одной и той же тяжбѣ, съ обѣихъ сторонъ. Повѣса князь Долгорукій заплатилъ ему 5 тысячъ, а дѣло выигралъ его противникъ, давшій 6 тысячъ. Тогда князь Долгорукій прибѣгъ къ такой хитрости: онъ явился къ Анненкову, укоряя его въ предательствѣ и намекая, что ему извѣстно, что и противникъ его заплатилъ ему, и если онъ не хочетъ, чтобъ князь раскрылъ всѣ его продѣлки, то долженъ дать ему совѣтъ, какъ добиться пересмотра всего дѣла. Анненковъ, по голосу котораго князь Долгорукій и проигралъ тяжбу, составляетъ ему цѣлую записку, ссылаясь на законы и примѣры, чтобъ возстановить разсмотрѣніе дѣла и затянуть его до безконечности. Князь Долгорукій въ восторгѣ, что заручился такимъ документомъ, вышелъ отъ Анненкова въ полномъ на него негодованіи, обѣщаясь расплатиться съ нимъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Онъ подалъ прошеніе Государю, приложивъ къ нему записку Анненкова и просилъ пересмотра своего

дѣла. Онъ доказывалъ справедливость свою тѣмъ, что тотъ, изъ за котораго онъ его проигралъ, самъ въ прилагаемой запискѣ признаетъ его правоту; слѣдовательно, тутъ сыграла роль какая нибудь скрытая причина. Государь зналъ, какъ и всѣ, продажность Анненкова и повелѣлъ Совѣту разсмотрѣть жалобу князя Долгорукаго. Совѣтъ призналъ, что Анненкова слѣдуетъ исключить изъ службы, а Государь повелѣлъ и впредь ни на какую службу его не принимать. Этимъ увольненіемъ прекращалось и обогащеніе возлюбленной князя Лобанова, пока не найдется другой кто, чтобъ дѣлать съ нею обычную дань. Тутъ многіе начали убѣждать министра, что ему слѣдуетъ заступиться за своего искуснаго юрисконсула, и князь Лобановъ обратился къ Государю съ просьбой о прощеніи Анненкова, во вниманіе его глубокаго знанія законовъ и рѣдкихъ заслугъ. Государь на это замѣтилъ князю Лобанову, что онъ защищаетъ всѣмъ извѣстнаго вора, и что ему тяжело высказать, что ему извѣстно, какъ всѣ у него и вокругъ него берутъ взятки, а что онъ вмѣсто ихъ искорененія защищаетъ негодяя. Послѣ этого, князь Лобановъ и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Было еще одно дѣло, доказавшее Государю, до какой степени князь Лобановъ злоупотреблялъ своею властью и мѣстомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умерла очень богатая вдова сенатора Кушелева. У ней было двѣ дочери: одна за сенаторомъ Молчановымъ, другая за полковникомъ Маюровымъ. Сія послѣдняя умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивъ дочь, которая воспитывалась у своего отца. Онъ недавно вторично женился на племянницѣ графа Кочубея. По духовному завѣщанію Кушелевой, опекунами надъ имуществомъ Маюровой дѣлались мужъ и жена Молчановы, что вполнѣ естественно, такъ какъ, въ случаѣ смерти ихъ племянницы, наследниками ея состоянія будутъ ихъ дѣти. Маюровъ, породнившись съ графомъ Кочубеемъ, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и записанъ кандидатомъ въ губернаторы. Какъ человекъ болѣе самонадѣянный, чѣмъ что-нибудь значущій, онъ вбилъ себѣ въ голову жаловаться въ Сенатъ на Молчановыхъ, чтобъ опека надъ имуществомъ его дочери перешла къ нему; но, до подачи форменнаго прошенія, онъ предупредилъ объ этомъ министра юстиціи, который обѣщалъ ему свою поддержку, думая вѣроятно угодить этимъ своему товарищу, министру внутреннихъ дѣлъ. И дѣйствительно, еще до жалобы Маюрова въ Сенатъ, князь Лобановъ даетъ прокурору Сената предписаніе за №., по которому онъ ему указываетъ, какъ онъ долженъ рѣшить дѣло въ пользу Маюрова и какъ, въ очереди, тотчасъ предложить его на обещаніе Сената, что допускается только по особому указу Государя. Прокуроръ получаетъ жалобу

Маюрова шесть дней спустя и тотчасъ представляетъ ее къ докладу по своему департаменту. На вопросъ сенаторовъ, почему дѣло не было вписано въ очередь, прокуроръ предъявилъ приказъ министра. Господа сенаторы рѣшаютъ дѣло, какъ желалъ министръ, за исключеніемъ одного или двухъ, воздержавшихся отъ подачи голоса, по родству или дружбѣ съ заинтересованными сторонами. Молчановы, узнавъ обо всемъ этомъ, затребовали протоколъ обсужденія дѣла и копію съ приказа министра прокурору, предъявленнаго имъ въ засѣданіи, для оправданія того, что иначе зачлось бы ему какъ преступленіе, и заявили обо всемъ этомъ въ своемъ прошеніи къ Государю. Такой невѣроятный произволъ поразилъ Государя, и онъ повелѣлъ передать все дѣло въ Комиссію Прошеній, пока еще не высказавшую своего о томъ рѣшенія. Вотъ каковы эти три дѣла, которыя послѣдовали одно за другимъ и даютъ такое жалкое понятіе о нашемъ правосудіи. Можно будетъ поздравить и Государя, и Россію, когда они избавятся отъ настоящаго министра юстиціи, только глумящагося надъ нею. Богъ знаетъ, кѣмъ его замѣнить; впрочемъ, объ этомъ мало спрашиваютъ, интересуясь главнымъ образомъ, отставленъ-ли князь Лобановъ, ко всеобщей великой радости. Если медлятъ съ его увольненіемъ, то все по той же причинѣ, которую я приводилъ выше, а именно потому, что молодымъ людямъ нѣтъ школы, гдѣ бы они подготовлялись занять мѣста старыхъ, и что, съ уходомъ министра, дѣла останавливаются, пока не найдутъ человѣка могущаго ихъ вести, а это до того трудно, что отставнаго канцлера изъ Англій приняли бы съ удовольствіемъ, такъ какъ въ этомъ все же было бы больше смысла, чѣмъ въ назначеніи князя Лобанова министромъ юстиціи.

Вы такъ хорошо освѣдомлены, графъ, на счетъ военныхъ поселеній, что я, право, не нахожу, что я бы могъ еще сообщить вамъ о нихъ. Если же, при всемъ этомъ, вы не можете понять ни духа, ни цѣли этого учрежденія, то это потому, что все это на самомъ дѣлѣ непонятно. Только отъ полнаго незнанія исторіи вообще, а родной въ особенности, или же отъ пренебреженія примѣрами прошлаго, можно, не считаясь съ уже видѣнными событіями, не опасаться за Россію съ установленіемъ этого наследственнаго военнаго сословія, которое вы совершенно вѣрно называете *новыми стрѣльцами*. Въ настоящее время ихъ уже 80 тыс. Слава Богу, пока въ этихъ военныхъ поселеніяхъ не было бунтовъ, за исключеніемъ Чугуевского полка, гдѣ прибѣгли къ суровымъ мѣрамъ для усмиренія мятежнаго духа и для водворенія порядка. Этотъ примѣръ долженъ бы послужить предупрежденіемъ, что если, по несчастію, прочіе полки послѣдуютъ за

Чугуевскимъ, или, если со временемъ приведутъ всю армію на положеніе военныхъ поселеній, и она возмутится, гдѣ же тогда взять артиллерію и пѣхоту для обузданія ими своихъ же товарищей солдатъ, какъ это смогли сдѣлать при возмущеніи Чугуевского полка? Петръ Великій, именуя полки по городамъ и губерніямъ, имѣлъ въ виду, чтобъ въ мирное время они были для нихъ постояннымъ мѣстомъ стоянки, а на время войны, чтобъ въ нихъ оставались ихъ резервы, семьи и хозяйство. Солдаты могли точно такъ же, какъ теперь, воздѣлывать свои огороды и пашни, не составляя, однако, особаго сословія въ государствѣ, такъ какъ по окончаніи срока службы они возвращались на мѣста своего рожденія, къ своимъ родственникамъ.

Въ настоящее время военныя поселенія такъ обособлены, что мѣстныя гражданскія власти и полиція не имѣютъ права и показываться тамъ для отправленія своихъ обязанностей. Того, что стоить эти поселенія, было бы достаточно по меньшей мѣрѣ на содержаніе четвертой части всей арміи; а если бы эти деньги обратить на улучшеніе земледѣлія или ремесель, государство достигло бы благосостоянія и богатства. Особенно странно, что, кромѣ графа Аракчеева, никто не посвященъ въ дѣла военныхъ поселеній, ни Комитетъ Министровъ, ни Совѣтъ, и все ведется самимъ Государемъ съ графомъ Аракчеевымъ. А между тѣмъ, министръ финансовъ въ смѣтѣ, представленной Совѣту, выставлялъ эту огромную статью расхода, какъ видно, для проформы только, такъ какъ никогда никто не дѣлалъ ни единого замѣчанія по этому поводу. Роскошь построекъ, ихъ чистота и исправность поражаютъ всѣхъ, кому привелось видѣть эти поселенія. Для нихъ и лучшіе жеребцы, и самые породистые быки, и все прочее. О Херсонскихъ военныхъ поселеніяхъ графа Витте рассказываютъ чудеса: солдатскія дѣти такъ тамъ обучены, что могутъ отлично читать, писать и говорить пофранцузски и понѣмецки. Эта каста людей, черезъ все это, дѣлается еще опаснѣе и вреднѣе, такъ какъ она уничтожитъ дворянство и сама захочетъ добиться дворянства, по врожденному въ каждомъ человѣкѣ желанію стать выше другаго, лишь только представится на то случай. Если настоящее поколѣніе сидитъ смиренно, изъ этого еще нельзя заключать, что будущее поколѣніе или за нимъ послѣдующее не произведутъ безпорядковъ, о которыхъ придется сожалѣть потомкамъ, и которые доведутъ нашу великую Имперію до паденія; тогда какъ ей слѣдовало только совершенствовать свои древнія учрежденія и улучшать свое внутреннее политическое устройство, чтобъ на многіе вѣка остаться цѣлой и несокрушимой. Въ результатъ всего этого вы убѣдитесь, графъ, что графъ Аракчеевъ любитъ мѣшаться рѣшительно во все, но еще

больше любить, чтобъ никто не мѣшался въ это дѣло. Онъ всегда держался пріемовъ графа Гурьева и многихъ другихъ, добиваясь царскаго указа, по простому представленію имъ дѣла, и тѣмъ пресѣкалъ всякое его обсужденіе, несколько не заботясь о томъ, хорошо-ли или дурно имъ предлагаемое, и не противно-ли оно законамъ, въ которыхъ онъ ничего не смыслилъ. Такимъ образомъ, творя все, что ему хочется и что ему подходитъ, онъ выгораживаетъ себя указомъ, сваливая всю его гнусность на Монарха.

Послѣ моего послѣдняго письма, въ которомъ я имѣлъ честь говорить вашему сіятельству о назначеніи графа Михаила на высокую должность Новороссійскаго генераль-губернатора и полномочнаго на-мѣстника области Бессарабской, ничего не произошло такого, что могло бы измѣнить его довольство этимъ назначеніемъ, или уменьшить всеобщую радость послѣ того, что таковое сдѣлалось извѣстно. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что нельзя было найти никого другого, кто бы болѣе былъ расположенъ и способенъ принести этому чудному краю дѣйствительную пользу. Графъ Михаилъ пользуется полнымъ довѣріемъ. Онъ же самъ такъ усердно отдался своему дѣлу, что трудно найти у него свободную минутку, чтобъ побесѣдовать съ нимъ. Онъ вполне доволенъ, какъ съ нимъ обращаются, и я увѣренъ, что въ этомъ не произойдетъ никакой перемѣны, такъ какъ очень хорошо понимаютъ, что не найти въ Россіи человѣка, который бы получилъ столь важную должность съ такимъ добрымъ именемъ, съ такими заслугами и достоинствами, какъ нашъ графъ Михаилъ. Година черезъ два, край сдѣлается неузнаваемъ, и тогда-то весь Югъ возблагодаритъ Государя за столь удачное назначеніе. Графъ собирается выѣхать около 27—28-го числа настоящаго мѣсяца, а пока онъ знакомится съ дѣлами своей должности, такъ что онъ очень занятъ. Ему обѣщано, что полковникъ Казначеевъ, тотъ самый, который былъ при немъ во Франціи, будетъ переведенъ въ гражданскую службу, чтобъ сдѣлаться правителемъ его канцеляріи. Вы такъ хорошо, графъ, знаете Казначеева, что мнѣ нѣтъ надобности распространяться объ его достоинствахъ и честности. Послѣдняя и побудила графа Михаила тотчасъ же предложить это мѣсто Казначееву, который такъ ему преданъ, что согласился слѣдовать за нимъ безъ всякаго колебанія. Брату моему тоже выпадаетъ счастье сопутствовать графу Михаилу, и я увѣренъ, что онъ найдетъ въ немъ толковаго исполнителя своихъ распоряженій. Въдъ братъ мой провелъ три года въ самомъ важномъ департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а именно въ департаментѣ исполнительной полиціи, который соединяетъ въ себѣ почти всю дѣятельность бывшаго Министерства Полиціи, и

въ которомъ сосредоточены самыя существенныя дѣла гражданскаго управленія. Когда графъ Михаилъ будетъ на мѣстѣ и увидитъ, кого ему еще нужно, онъ безъ труда найдетъ здѣсь достойныхъ чиновниковъ готовыхъ съ нимъ служить; а онъ уже знаетъ, что за жалкій народъ входитъ въ составъ настоящаго управленія этимъ краемъ, состоя главнымъ образомъ изъ Грековъ, Армянъ, Евреевъ, Итальянцевъ и изъ презрѣннѣйшихъ людей Подоліи, оставленныхъ Бахметевымъ въ наслѣдство Бессарабіи, чтобъ безжалостно разорять ее и дѣлиться плодами своего разбойничества съ его супругой. Графу Михаилу приходилось лично видѣть все это, а теперь и министерство дало ему доказательство того же. Ланжеронъ, съ своей стороны, немало оставилъ ненужнаго народа, скорѣе даже вреднаго, чѣмъ бесполезнаго. Бѣднягу едва терпѣли на его мѣстѣ, гдѣ онъ не принесъ ни малѣйшаго блага и гдѣ потерявъ всякое значеніе и вліяніе, сдѣлался игрушкою въ рукахъ тѣхъ, кому выгодно было имъ вертѣть*). При назначеніи сына графа Гурьева губернаторомъ въ Одессу, не сообразили, что этого недостаточно; напротивъ, и отецъ и сынъ рѣшили, что, для вящаго достоинства ихъ и чести, слѣдуетъ спихнуть генераль-губернатора изъ Одессы въ Екатеринославъ. Съ Ланжерономъ имъ это удалось, такъ какъ онъ не умѣлъ поддержать своего положенія, да къ тому же все съ нетерпѣніемъ ждали его увольненія. Другое дѣло съ графомъ Михаиломъ, которому предоставленъ выборъ мѣстопробыванія и даже, если встрѣтится ему въ томъ надобность, перемѣна онаго. Такимъ образомъ, графъ проведетъ въ Одессѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, и графу Гурьеву уже нельзя будетъ обижаться на это, какъ при Ланжеронѣ.

*

Царское Село, 7 Іюня 1823 г.

Графиня Елисавета откланялась еще третьяго дня, а графу Михаилу было назначено сегодня въ 10 ч. быть у Государя, по дѣламъ его новой должности, при чемъ Государь сказалъ ему, что хочетъ непременно, чтобъ они оба отобѣдали въ этотъ день при дворѣ, и что поэтому графиня Елисавета можетъ еще разъ откланяться, если сочтетъ это удобнымъ. Тотчасъ послѣ этого обѣда Государь пріѣхалъ къ нимъ проститься и оставался больше часа; вообще, онъ такъ былъ любезенъ къ нимъ все это время, что они уѣхали вполнѣ довольные. По моему, все это предвѣщаетъ много для успѣха дѣлъ, а черезъ это самое и для пріятности графу Михаилу на важномъ мѣстѣ. Объявляя графу о своемъ отъѣздѣ 16 Августа, для смотра войскъ, Государь, при этомъ

*) Ланжеронъ былъ до того легкомысленъ, что давалъ Пушкину читать письма, которыя получалъ, въ царствованіе Павла, отъ Александра Павловича. П. Б.

пригласилъ его въ Тульчинъ, на 26-е Сентября, день. въ который онъ будетъ дѣлать смотръ 2-ой арміи.

Императрица-мать приказала приготовить въ Гатчинскомъ дворцѣ помѣщеніе для графа и графини, со всеѣмъ необходимымъ для подобающаго ихъ пріема. Тамъ они и должны были сегодня переночевать, а въ настоящую минуту они вѣрно уже порядочно отъѣхали отъ Гатчины. Они рассчитывали быть въ Бѣлой Церкви дней черезъ 12, такъ какъ должны остановиться въ Могилевѣ у графа Сакена, а еще и въ Черниговѣ. Графъ предполагалъ пробыть въ Бѣлой Церкви и въ Мошиѣ дней десять, а затѣмъ направиться въ Одессу, черезъ Екаторинославъ и Херсонъ. Въ Одессѣ онъ проведетъ нѣсколько дней, а оттуда поѣдетъ на нѣсколько недѣль въ Кишиневъ, чтобъ осмотрѣть разныя части Бессарабіи. Постояннымъ же его мѣстомъ пребыванія будетъ Одесса. Если въ моихъ предъидущихъ письмахъ я говорилъ вашему сіятельству, что онъ будетъ жить въ Симферополѣ, то это потому, что графъ очень желалъ этого, да и не перестаетъ желать и теперь еще. Но, такъ какъ его главное вниманіе должно быть обращено на устройство Бессарабіи, то Одесса, по своей близости къ ней, удобнѣе ему, чѣмъ Симферополь; а къ этому еще въ Одессѣ есть дворецъ, вполне приспособленный для генераль-губернатора, тогда какъ въ Симферополѣ пришлось бы строить домъ и долго ждать, пока онъ будетъ готовъ, чтобъ въ немъ было гдѣ хорошо помѣститься графу и всему его окруженію. Бессарабія была такая несчастливая страна, отданная на грабежъ цѣлой ужасной шайкѣ мошенниковъ, привезенной Бахметевымъ изъ Каменца, какъ самое худшее, что было въ Подоліи. А атаманомъ этой шайки была его жена, и при одномъ разсказѣ объ ихъ подвигахъ становится страшно. Такъ какъ въ Бессарабіи не существовало никакого зачатка правительства, то все доносилось сюда Каподистрии, а онъ уже докладывалъ Государю. Вы легко поймете, графъ, какъ такой слабый человекъ какъ Бахметевъ, сдѣлался почти что, преступнымъ соучастникомъ своей жены и всеѣхъ этихъ Поляковъ Грековъ, Армянъ и Евреевъ, которыми онъ населилъ города, и какъ все его судебныя мѣста дѣлали черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Замѣщавшій его временно Пизовъ, человекъ больной, лѣнивый, безъ всякихъ способностей и какого бы то ни было вліянія, только и смогъ сдѣлать, что предоставилъ дѣламъ идти какъ прежде.

Съ отъѣздомъ Каподистрии было поручено Блудову составить общій уставъ, по официальнымъ даннымъ и документамъ, а теперь вопросъ въ томъ, чтобъ графъ Михаилъ пересмотрѣлъ его на мѣстѣ и

ввелъ бы, послѣ того, какъ онъ будетъ окончательно утвержденъ. Дѣло весьма трудное, требующее полнаго его вниманія, но помимо его, никто бы не справился утвердить такое благодѣяніе. Господь, давшій ему такія способности и средства, ниспошлетъ ему и для того здоровья.

*

Царское Село. 4 Сентября 1823 г.

Братъ мой сопровождалъ графа Михаила въ Бессарабію и пишетъ мнѣ, что они тамъ нашли такіе ужасныя вещи, что волосы становятся дыбомъ. Въ тюрьмахъ оказались люди, посаженные туда безъ всякаго слѣдствія, многіе и умерли въ острогѣ. А держали ихъ тамъ изъ страха, чтобы они не донесли, какъ ихъ обкрадывали, грабили и жестоко обижали; и все это продѣлывалось на глазахъ Инзова, жившаго въ самомъ Кишиневѣ. Гр. Михаилу пришлось отрѣшить всю полицію въ полномъ ея составѣ и замѣнить тотчасъ совершенно новою: надъ старую же онъ назначилъ слѣдствіе. Честныхъ людей найдется достаточно для замѣщенія мошенниковъ, такъ какъ ихъ не принимали на службу изъ за ихъ честности, а все ихъ мѣста продавались Бахметевой за деньги: у нея же были особые ставленники, которымъ предоставлялось грабить и обирать всехъ безъ разбору, лишь бы они дѣлились съ ней по сдѣланному о томъ условію. Конечно, къ ней нахлынули все мошенники на службу; Подолія особенно много ихъ доставила, какъ родина Бахметевой, рожденной графини Потоцкой и бывшей первымъ бракомъ за графомъ Шуазелемъ. Здѣсь ея славная репутація такъ была всемъ извѣстна, что она нигдѣ уже не можетъ найти ни заступничества, ни оправданій. Въ прошломъ году, когда она была здѣсь, она всюду вертѣлась лишь бы встрѣтить Государя, а особенно здѣсь въ Царскомъ, гдѣ онъ всегда очень привѣтливъ къ дамамъ. Государь знаетъ ее коротко, но онъ ни разу не остановился даже, чтобы выказать самую обыкновенную вѣжливость. Тогда она написала ему, прося его сдѣлать ей по крайней мѣрѣ милость, прислать къ ней князя Волконскаго, чтобы она могла оправдаться въ позорящихъ ее слухахъ. Черезъ десять дней Его Величество послалъ къ ней государственнаго секретаря Муравьева, чтобы узнать, что она имѣетъ ему сказать. Но съ отвѣтомъ отъ Государя Муравьевъ уже не возвращался, а такъ какъ Государь вскорѣ затѣмъ уѣхалъ, то и Бахметевой пришлось уѣхать очень сконфуженной, что ей не удалось разубѣдить Его Величество, какъ она надѣялась. Вы увидите изъ этого, графъ, что никакого заступничества всей этой шайкѣ, такъ долго угнетавшей Бессарабію, нигдѣ не будетъ оказано. Въ спискѣ чиновниковъ нѣтъ ни одной знакомой фамиліи. Гражданскій губернаторъ Катакази, хотя и слыветъ за человѣка честнаго, но при этомъ всемъ также извѣстна его слабость

въ управленіи. Впрочемъ, при генераль-губернаторахъ или полномочныхъ намѣстникахъ должность гражданскихъ губернаторовъ сводится на должность члена Губернскаго Правленія или оберъ-полицеймейстера; а кому-же неизвѣстно, что Низовъ все оставилъ въ томъ положеніи, въ какомъ нашель послѣ Бахметева. Графа Михаила такъ хорошо все понимаютъ, что клеветникамъ придется молчать, да и неподкупность всехъ лицъ его окружающихъ также хорошо извѣстна. Государь назначилъ графа Михаила по собственному побужденію, что явствуетъ изъ того, что когда онъ послѣ своего назначенія, представлялся графу Аракчееву, то сей послѣдній, слывшій за все знающаго, спросилъ графа Михаила, по какому поводу онъ является къ нему, и когда тотъ ему объяснилъ причину своего официальнаго визита, онъ сказалъ, что ничего не зналъ объ его назначеніи, но что очень доволенъ имъ.

При первомъ случаѣ я пошлю вашему сіятельству выписку изъ письма моего брата о восторженномъ приѣмѣ, который сдѣланъ графу Михаилу въ Одессѣ. Все эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, показываютъ, при какихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ начинается дѣятельность графа. Что касается до сосѣднихъ властей, конечно, нужно быть готовымъ на могущіе возникнуть иногда непріятные споры; но я не думаю, чтобъ было возможно, а еще менѣе прилично, нападать на человѣка съ такой безукоризненной извѣстностью и съ такимъ характеромъ, какъ графъ Михайлъ; это свободно позволяли себѣ съ людьми чувствующими себя виноватыми во взяточничествѣ, въ несправедливостяхъ или же въ столь же преступной поблажкѣ.

Отъ всего сердца желаю, чтобъ все эти причины могли успокоить вашу родительскую заботливость о графѣ Михайлѣ, котораго все считаютъ способнымъ устроить благополучіе ввѣреннаго ему края. Такъ какъ графъ одновременно и гражданскимъ и военнымъ губернаторомъ, то онъ имѣетъ право, если я не ошибаюсь, имѣть четырехъ адъютантовъ, а какъ полномочный намѣстникъ еще двухъ, добавочныхъ. Впрочемъ, въ послѣднемъ я не вполне увѣренъ, но на счетъ перваго это вполне точно. Въ настоящую минуту у него ихъ 4: князь Шаховской, племянникъ графа Пушкина, Сенявинъ, князь Херхеулидзе изъ Грузинъ, рекомендованный Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и Варламъ, зять Булгакова, родомъ изъ Валахій. Онъ обѣщаль взять еще въ адъютанты князя Циціанова, племянника убитаго въ Грузіи Циціанова. Баронъ Франкъ, произведенный въ полковники, остался при графѣ Михайлѣ.

*

С. Петербургъ, 16 Октября 1823 г.

Мы ожидаемъ возвращенія Государя 4-го Ноября. Тогда только и узнаемъ что нибудь точное что произошло на Черновичскомъ совѣщаніи. А пока, говорятъ, что графъ Нессельроде прислалъ сюда приказъ все приготовить къ скорому возвращенію нашей миссіи въ Константинополь; что нашъ генеральный консулъ въ Германштадтѣ, или вѣрнѣе въ Яссахъ (куда онъ не могъ еще пріѣхать, по неопредѣленности хода нашихъ политическихъ дѣлъ) Минчаки отправленъ уже въ Константинополь, чтобъ приготовить и тамъ все, что нужно къ пріѣзду нашей миссіи. Этотъ приказъ подписанъ во Львовѣ, куда графъ Нессельроде пріѣзжалъ повидать графа Меттерниха, занемогшаго въ пути, не знаю какимъ физическимъ, моральнымъ или политическимъ недугомъ. Еще неизвѣстно, кто будетъ вмѣсто Строганова; но увѣряютъ, что Татищевъ, который сперва только и бредилъ получить это мѣсто, теперь отказывается отъ него, напуганный, вѣроятно, опаснымъ шагомъ, угрожавшимъ Строганову. Если это вѣрно, то я уже не знаю, куда его дѣнуть. Онъ не хочетъ въ Константинополь, а въ Брюссель не желаютъ его; въ Испанію ему нельзя и показаться, въ Вѣнѣ его всѣ осмѣютъ! Ливень и Поццо здравствуютъ, такъ что нигдѣ нѣтъ свободнаго мѣста. Безъ сомнѣнія, онъ предпочелъ бы всему остаться здѣсь, гдѣ онъ можетъ поддерживать *dolce il far niente* 170.000 рублями, которыя бездомочно ему выплачиваютъ, а также и другими доходами его жены отъ нѣкоторыхъ ея знакомыхъ и въ которыхъ по привычкѣ она ему отдаетъ вѣрный отчетъ. Не знаю, выгодно-ли правительству оставлять его въ безпокойствіи, платя ему, какъ бы правящему Имперіей. Его ждуть сюда со дня на день, съ его дражайшей половиной, которая изъ объятій молодого и богатаго вдовца графа Апраксина бросилась на границу въ объятія мужа. Между тѣмъ она знала, что онъ пріѣдетъ сюда. Но общество не такъ-то легко обмануть, и всѣ громко толкуютъ, что ее смутило возвращеніе Маріи Антоновны, и что она была рада придратъ къ супружеской любви, чтобъ отлучиться отсюда, по крайней мѣрѣ до возвращенія повелителя или супруга, боясь растеряться при первомъ свиданіи съ своей старой пріятельницей, которую она такъ отблагодарила за оказанное ей довѣріе. Готовятся сильно позабавиться предстоящими комическими сценами или шумными столкновениями. Красавица Марія Антоновна привезла съ собой свою дочь Софію, которая, говорятъ, вовсе не красива. Хотя и меньше, но все же толкуютъ еще про ея свадьбу съ графомъ Иваномъ В.; а такъ какъ графиня Ирина отдѣ-

лываетъ свой домъ, который, впрочемъ, безъ большихъ передѣлокъ былъ невозможенъ для жизни въ немъ, то въ этомъ находятъ новое доказательство предстоящей свадьбѣ. Съ другой стороны, гр. Растопчина мнѣ говорила, что барышня эта слишкомъ разборчива, если нашла гр. Ивана не отвѣчающимъ ея представленіямъ о немъ, и что по этому въ Парижѣ рѣшили, что этой свадьбѣ не бывать. И дѣйствительно, я не вижу смысла въ прїѣздѣ сюда молодой дѣвушки, если ей предстояло выйти за человѣка, живущаго за границей, и мать котораго предполагаетъ ѣхать жить съ нимъ, тогда какъ ея мать здѣсь съ нею.

*

С. Петербургъ, 14 Ноября 1823 г.

Последнее время я получалъ много писемъ изъ Одессы и еще вчера получилъ письмо отъ самой графини Елисаветы. Изъ нихъ всѣхъ видно, что какъ графиня, такъ и внукъ вашего сіятельства въ самомъ вождѣльномъ состояніи здоровья. Государыня поручила мнѣ поздравить васъ съ рожденіемъ этого ребенка*), надежды всей семьи, и выразить вамъ всѣ ея добрыя пожеланія родителямъ и ему. Она желаетъ, чтобъ онъ достигъ вашихъ лѣтъ, и чтобъ, нося ваше имя, унаследовалъ вашимъ добродѣтелямъ и вашей любви къ отечеству, которому, добавила она, нужно поддержаніе и умноженіе вашего рода. При этомъ, она очень подробно разспрашивала меня про ваше сіятельство и говорила, что она себя представляетъ васъ, какъ будто только еще вчера видѣла васъ; такъ ей казалось лѣтъ 20 тому назадъ, что въ васъ уже не можетъ произойти никакой перемѣны. Государыня была повержена въ тяжкую скорбь кончиною своей сестры, принцессы Амаліи, которая провела съ ней 12 лѣтъ и собиралась со временемъ вернуться сюда. Это была добрая сестра и другъ, котораго ей некъмъ замѣнить въ собственной даже семьѣ. Государыня и по сіе время еще не совсѣмъ успокоилась; но здоровье ея, во время этого тяжелаго испытанія, было довольно сносно. Она еще въ Царскомъ, въ которомъ пребываніе больше для нея подходило во время ея печали. Государь, возвратившійся 3-го, большую часть времени проводитъ съ нею, а Императрица-мать прїѣзжаетъ къ ней довольно часто изъ Гатчины.

*) Князя Семена Михайловича, родившагося въ Одессѣ 23 Октября 1823 г. П. Б.

Пропущенныя въ 5-й тетради „Русскаго Архива“ письма.

Кто здѣсь совсѣмъ изводится, въ продолжительномъ ожиданіи Государя, это Персидскій посоль. Большимъ для него утѣшеніемъ быть Великобританскій посланникъ въ Персіи Ауслей (тоже поджидавшій здѣсь Государя) по его знанію Персидскаго языка и другихъ восточныхъ языковъ, и по ихъ хорошимъ отношеніямъ еще въ Персіи. Но Ауслей не могъ ждать долѣе, и только что уѣхалъ съ женою въ Лондонъ. Персидскій посоль понимаетъ поанглійски и порядочно объясняется на этомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе его никто не посѣщаетъ и никто имъ не занимается. Говорятъ, что онъ очень жалуется, и что у него были какія-то недоразумѣнія, относительно этикета, съ тайнымъ совѣтникомъ Вейдемейеромъ, замѣняющимъ канцлера въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, на время отсутствія канцлера, который здѣсь. Г-нъ Вейдемейеръ вонючая вѣжливость; но, когда ему нужно предпринять что либо, онъ такъ долго обсуждаетъ свое рѣшеніе, что ждущему его оно кажется слишкомъ продолжительнымъ; впрочемъ, у него основательныя причины для своихъ правъ и требованій. Трудно себя представить, что такое Россія безъ своего повелителя! Здѣсь канцлеръ пользуется тѣмъ, чего такъ добиваются многіе государственные люди, или дѣлаютъ видъ, что добиваются: „*Otium cum dignitate*“. Онъ даетъ большіе обѣды, на которые приглашаетъ во фракахъ. Я никогда не присоединялся къ кричавшимъ противъ него, въ извѣстную эпоху, потому, что я никогда не считалъ его Русскимъ императоромъ: каждый Государь знаетъ, какъ ему поступать, и министръ, держащійся мыслей своего повелителя, всегда правъ; я даже вижу геройство жертвовать, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, своей системой и склонностями. Во времена Коленкура я слышалъ, какъ говорили: лучше подать въ отставку, чѣмъ быть привѣтливымъ съ подобнымъ господиномъ! Да, но это легко только на словахъ. Нечего, впрочемъ, и толковать объ этомъ. Государь доказалъ, въ 1812 и 1813 гг., что, когда нужно, онъ способенъ и на нѣчто другое, чѣмъ любезности.

Г-нъ де Ноаль*) готовится къ отъѣзду, который я объясняю себѣ его отозваніемъ. Ни Испанскаго, ни Австрійскаго, ни Португальскаго посланниковъ нѣтъ здѣсь. Англійскій посоль и посланники Швеціи, Даніи и Виртемберга, если еще не въ главной квартирѣ, то не замедлятъ своимъ туда прибытіемъ; милордъ Вальполь тоже готовится выѣхать.

*) Французскій посоль. П. Б.

Возвращаюсь къ предмету, съ котораго началъ. Я бы очень желалъ получить списокъ нашихъ отечественныхъ произведеній, на которыя можно ожидать здѣсь большой спросъ. Я подумалъ о сырцѣ, о парчахъ, о бархатѣ, о шеколадѣ, и проч. Я бы попросилъ ваше сіятельство познакомить меня покороче съ этой частью и заняться спеціально винами. Курсъ все такой же низкій: червонецъ стоитъ 13 рубл. (а нарицательная цѣна—3 р.). Громадное число отбывающихъ офицеровъ новое бѣдствіе для ихъ семействъ и для государства, такъ какъ на это нужны наличныя деньги. Кабинетъ Его Величества не платитъ болѣе золотомъ, и это даже по пенсіямъ, установленнымъ на золото, но онъ свято придерживается курса, когда платитъ ассигнаціями. Жаловаться не имѣютъ права. Къ бѣдствіямъ отъ цѣпей, наложенныхъ на торговлю, и отъ расходовъ на военныя надобности, присоединяются еще и другія, какъ послѣдствія злоупотребленій и проч.; а все это происходитъ отъ того, что машина безъ главнаго двигателя. Цѣны на все поднимаются до невѣроятія: прямо, не знаютъ, какъ существовать.

Персидскому послу дали почетный караулъ, какъ бы принцу: это по восточному этикету и не имѣетъ никакого значенія для крещенныхъ посланниковъ; согласно восточному же обычаю, онъ на полномъ содержаніи Государя; стоить его обходится 25 т. въ мѣсяцъ. Интересно видѣть какъ лица, въ вѣдѣніи которыхъ это громадное управленіе, умѣютъ при этомъ наживаться. Зрѣлище презабавное. Не въ одной Латинской церкви говорится: *ad utilitatem quoque nostram...*

*

Петербургъ, 13 (25) Іюля 1815 г.

Установленъ новый титулъ для Польскихъ владѣній, а именно титулъ: „Царя“: Государь именуется, царемъ Казанскимъ, Астраханскимъ, Польскимъ, Сибирскимъ и Таврическимъ. Однакожь, Поляки говорятъ и пишутъ на своемъ языкѣ: „Король и Королевство“, и имъ въ этомъ не мѣшаютъ, а объ своей конституціи они говорятъ открыто. Я не имѣю никакого понятія, изъ чего будетъ состоять это королевство. Русскіе, какъ я уже говорилъ вашему сіятельству, очень озлоблены противъ Польши, такъ какъ они спекулировали ея землями, это во первыхъ, а потомъ, они чувствуютъ себя приниженными этой конституціей, до которой ихъ будто считаютъ недоросшими. Придираясь къ случаю, они строго осуждаютъ характеръ и нравы Поляковъ, что, дѣйствительно, достойно осужденія.

Почти всѣ эти письма переведены съ Французскаго изъ ХХІІІ-й книги „Архива Князя Воронцова“, и тамъ они составляютъ лишь малую часть того, что Николай Михайловичъ Лонгиновъ писалъ графу Семену Романовичу въ теченіи слишкомъ четверти вѣка. Когда книга эта печаталась, внукъ его князь Семень Михайловичъ уже лежалъ на одрѣ предсмертной болѣзни. Однажды его навѣстилъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Александръ Васильевичъ Головинъ. Я сидѣлъ тутъ же и выразилъ сожалѣніе, что не избѣтся у меня подъ руками отвѣтныхъ писемъ графа Семена Романовича, а черновики онъ ему не писалъ. Тогда Головинъ сказалъ: „Да вѣдь эти письма, конечно, берегаются у живущей въ Москвѣ вдовы Лонгинова Маріи Александровны. Я ей напишу, и она, конечно, доставитъ ихъ, такъ какъ мнѣ она обязана большою пенсіей, которую я ей выпросилъ, когда она овдовѣла“. Потомъ я узналъ, что Марія Александровна сначала отиѣкивалась, а потомъ обѣщала исполнить обѣщанное и выражала намѣреніе пересылать письма черезъ Московскаго генералъ-губернатора. Но вскорѣ князь Семень Михайловичъ скончался (6 Мая 1882 г.), и вдова Лонгинова не исполнила своего обѣщанія. Письма хранятся у ея внучки княгини Анны Михайловны Козловской, отецъ которой, пріятель мой, Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, сказывалъ мнѣ, что сохранились и автобіографическія записки Николая Михайловича. Этотъ достопамятный человѣкъ, бывшій секретаремъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, приверженный къ ней, оберегавшій ея покой до конца, заслуживаетъ особаго жизнеописанія, и внучкѣ слѣдовало бы про это помнить.

Вдова Лонгинова мнѣ сказывала, что онъ былъ сыномъ бѣднаго сельскаго священника Харьковской губ., а когда его сынъ, Михаилъ Николаевичъ, служа при графѣ Закревскомъ (супруга котораго по своей бабкѣ, Дубасовой, иногда даже творила крестное знаменіе по старообрядчески) завѣдывалъ въ Москвѣ Рогожекимъ кладбищемъ и по этой своей должности имѣлъ пререканія съ нашимъ духовенствомъ, то митрополитъ Филаретъ выразился про него: своя на своихъ возстаха. Вѣроятно протоіерей нашего посольства въ Лондонѣ Я. В. Смирновъ вызвалъ юношу Лонгинова къ себѣ въ причетники. Но потомъ ему пришлось переимѣнить эту должность.

Когда, въ войну 1799 года, Русскія войска потерѣли поражение въ Бельгій отъ Французовъ, Англійское правительство отвело имъ помѣщеніе на одномъ изъ острововъ и возбудило переписку относительно ихъ содержанія. Императоръ Павелъ Петровичъ приказалъ графу Семену Романовичу принять ихъ въ свое вѣдѣніе, такъ какъ онъ былъ знакомъ съ военнымъ управленіемъ, будучи нѣкогда, въ первую Турецкую войну Екатерины, въ родѣ начальника штаба у графа Румянцева-Задунайскаго. (Издавая „Архивъ Князя Воронцова“, полюбопытствовалъ я прочесть депеши графа Семена Романовича относящіяся къ этому времени и отыскивалъ ихъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерствъ Иностр. Дѣлъ: мнѣ подали двѣ или три коробки, но въ нихъ я нашелъ только листки съ помѣтами: „взято полковникомъ Милютиннымъ“. Съ тѣхъ поръ начальство Архива многократно обращалось къ автору „Исторіи войны 1799 года“,

но безусловно. Надѣмся что по его кончинѣ эти денеши найдутся въ бумагахъ почившаго). Такимъ образомъ писмоводство при нашемъ Лондонскомъ посольствѣ возросло, и графъ Семень Романовичъ причислилъ даровитаго и получившаго книжное образованіе еще въ Россіи церковника къ своей канцеляріи. Этимъ опредѣлилось дальнѣйшее его служебное поприще. Лонгиновъ выучился пофранцузски (графъ С. Р. Воронцовъ по англійски не зналъ) и проявилъ толковитость и добросовѣтность въ своей работѣ. Послѣ Аустерлицкаго сраженія онъ посланъ былъ въ Парижъ къ находившемуся тамъ для соглашенія съ Наполеономъ нашему уполномоченному Убри. Въ это же время находился въ Лондонѣ графъ П. А. Строгановъ. Онъ сдѣлался его покровителемъ и когда Лонгиновъ за чѣмъ-то былъ посланъ въ Петербургъ, узнала его супруга графа Строганова, бывшая другомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая испросила у Императора Александра назначить Лонгинова къ ней секретаремъ.

Для оцѣнки нижеслѣдующихъ писемъ не мѣшаетъ припомнить, что въ опустѣлый вынѣ у Полицейскаго моста Строгановскій домъ-дворецъ часто ѣзжали Государь и Государыня и, бывая тамъ, Лонгиновъ имѣлъ возможность пересылать въ Лондонъ извѣстія наиболѣе достовѣрныя.

Графа Семена Романовича Лонгиновъ считалъ своимъ благодѣтелемъ и питалъ къ нему искреннюю приверженность. Князь Семень Михайловичъ мнѣ говорилъ, что когда онъ служилъ молодымъ человѣкомъ въ Преображенскомъ полку, отецъ приказывалъ ему ѣздить въ праздники къ Лонгинову (тогда уже тайному совѣтнику) съ поздравленіемъ, и всякій разъ Лонгиновъ, проводя молодого человѣка до выхода, говорилъ ему: Не подумайте, что это для васъ; я это дѣлаю въ память вашего дѣда и въ уваженіе къ вашему отцу.

Письма Лонгинова кромѣ общаго исторіографическаго значенія важны для біографіи фельдмаршала князя Воронцова, каковой мы къ сожалѣнію до сихъ поръ не имѣемъ, такъ какъ книга о немъ М. П. Щербинина есть только распространенный формулярный списокъ, а между тѣмъ памятники ему въ Одессѣ и Тифлисѣ воздвигнуты безъ правительственнаго пособія, а на приношенія частныя, и онъ—одно изъ самыхъ крупныхъ лицъ въ Русской Исторіи XIX вѣка. П. Б.

1812-й годъ.

(ОБЩИЙ ОЧЕРКЪ).

Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія, твердости показала Россія!... Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ,—словомъ всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имущества своихъ, ни жизни, составили единую душу, вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью къ отечеству, колико любовью къ Богу. (Изъ манифеста 25 Декабря 1812 г.).

Двѣнадцатый годъ—главный эпизодъ „начало конца“ той великой Европейской борьбы съ революціонною и Наполеоновскою Франціей, которая извѣстна подъ именемъ „эпохи коалицій“, продолжавшейся около 25 лѣтъ (1792—1814). Въ этой борьбѣ, осложнившейся давнимъ соперничествомъ Франціи и Англіи, видное участіе принимала Россія, хотя и не безъ колебаній. Уже Екатерина Великая вела переговоры о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Франціи, но только сынъ ея съ цѣлью „возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе“, сначала вступилъ въ коалицію противъ „неустойчивой“ Французской республики (Италійскій походъ Суворова 1799 г.), а затѣмъ въ союзъ съ Франціей готовился къ войнѣ съ Англіей. Борьба съ Наполеоновскою Франціей всецѣло выпала на долю внука великой императрицы, императора Александра I-го.

Послѣ пятилѣтія выжидательной политики Александръ начинаетъ упорную борьбу съ „императоромъ Французовъ“ сначала въ союзъ съ Австріей (Аустерлицъ 20 Ноября 1805 г.), затѣмъ въ союзъ съ Пруссіей (Пултускъ 14 Дек. 1806 г., Эйлау 27 Янв. и Фридландъ 2 Іюня 1807 г.). Этотъ первый разрывъ съ Наполеономъ (по выраженію С. М. Соловьева) былъ какъ бы „увертюрой будущей оперы“, т. е. войны 1812 г. Оставшись въ одиночествѣ „на развалинахъ Пруссіи“, Алек-

сандръ принужденъ былъ заключить Тильзитскій миръ и союзъ (27 Юня 1807 г.), въ слѣдующемъ году скрѣпленный свиданіемъ въ Эрфуртѣ (здѣсь, на Веймарской дорогѣ, 2 Окт. 1808 г. императоры разстались навсегда). Тильзитскій миръ былъ ничѣмъ инымъ, какъ новымъ пятилѣтнимъ перемиріемъ. Не говоря о томъ, что (по выраженію Вигеля) въ Россіи „все роптало“ на союзъ съ Наполеономъ, принятая по этому договору такъ назыв. „континентальная система“ (декретъ о ней 2 Ноября 1806 г. въ Берлинѣ), нанесившая такой ущербъ Россіи, была настоящею причиною войны 1812 г. Уже Австрійская война 1809 г., такъ называемая безкровная война“ (одна изъ пяти войнъ, вѣдѣнныхъ тогда Россіей), вытекавшая изъ Тильзитскаго союза, заключала въ себѣ „зародышъ войны 1812 г.“. Въ ряду нѣсколькихъ поводовъ второго разрыва, какъ, напр., захватъ Ольденбургскаго герцогства, нарушавшій историческія и династическія выгоды Россіи, Польша (23 Дек. 1809 г. Наполеонъ отказался ратификовать конвенцію о Польшѣ) была „основнымъ поводомъ“ войны 1812 г. Разрыву предшествовала дипломатическая и таможенная борьба (Триановскій тарифъ 5 Авг. и положеніе о торговлѣ 19 Дек. 1810 г.). Въ послѣдніе два года открыто шли приготовленія къ войнѣ. Наполеонъ полагалъ основаніе „великой арміи“, укрѣплялъ города на Вислѣ (Модлинъ), заключалъ союзы (съ Пруссіей 24 Февр. и съ Австріей 2 Марта 1812 г., при чемъ обѣ эти державы вели „двойную игру“), Александръ тоже усиливалъ армію на Западной границѣ, но пока оставался въ одиночествѣ. Манифестъ 23 Марта 1812 г. о рекрутскомъ наборѣ былъ первымъ правительственнымъ дѣломъ, которое указывало на близость войны. 14 Апрѣля Александръ отправился къ арміи въ Вильну, а 27 Апр. Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ. Русскій и Французскій послы, князь Куракинъ и герцогъ Лористонъ, получили свои отзывныя грамоты. Война стала неизбежною.

I.

1. Въ ночь 11—12 Юня у Ковны началась переправа „великой арміи“ черезъ Нѣманъ, тогдашнюю границу Россіи, при чемъ 300 Поляковъ шли впереди. Извѣстіе объ этомъ Александръ получилъ на балу въ Закретѣ, предместьи Вильны. Оставляя Вильну, Государь отправилъ рескриптъ на имя князя Салтыкова, и въ немъ, между прочимъ, было сказано: „мы не положимъ оружія, доколѣ хотя единый изъ враговъ будетъ оставаться въ предѣлахъ земли нашей“. 16-го Наполеонъ былъ уже въ Вильнѣ, гдѣ оставался 18 дней. Въ Вильнѣ онъ издалъ свою знаменитую прокламацію: „Вторая Польская война началась.... Россія

увлекается рокомъ“ и т. д. Александръ отвѣчалъ приказомъ по арміи: „На начинающаго Богъ“... и все еще послалъ ген.-адъют. Балашова съ мирнымъ письмомъ къ Н. „Даже боги не могутъ сдѣлать, чтобы не было того, что случилось“, отвѣчалъ классическою фразою Н. и спрашивалъ Балашова о кратчайшей дорогѣ въ Москву.

Обезпечивъ фланги, Наполеонъ главныя свои силы, доходившія по наименьшему счету до 375 т., направилъ противъ Русской Западной арміи, насчитывавшей до 175 т. (ген. Харкевичъ). Согласно господствовавшей тогда теоріи Фуля, Западная армія была раздѣлена на 2 неравныя части: 1-я армія М. Б. Барклая-де-Толли съ главною квартирою въ Вильнѣ и 2-я армія князя П. И. Багратіона съ главною квартирою въ Волковискѣ. Послѣ перехода непріятеля 1-я армія стала отступать къ Дриссѣ (притокъ З. Двины), гдѣ рѣшено было устроить „укрѣпленный лагерь“ (на подобіе Торресъ-Ведрасъ у Лиссабона) и даже перейти въ наступленіе (приказъ 27 Іюня, въ день Полтавы). Вслѣдствіе такого передвиженія разстояніе между нашими арміями увеличилось отъ 100 до 250 верстъ, и Н., казалось, имѣлъ основаніе сказать, что „теперь Багратіонъ и Барклай больше не увидятся“. Оставивъ противъ 48 т. Багратіона 80 т. Иеронима, да въ центрѣ 75 т. вице-короля Евгенія Богарне, Н. главную свою армію, доходившую до 220 т., направилъ туда, гдѣ З. Двина и Дибирь (между Витебскомъ и Оршей) образуютъ какъ бы родъ „естественныхъ воротъ“ во внутреннюю Россію, и искалъ случая нанести рѣшительный ударъ арміи Барклая, насчитывавшей до 127 т. Къ счастью, военный совѣтъ въ Дрисскомъ лагерѣ (между прочимъ, здѣсь состоялись важныя назначенія: генераль-квартирмейстеромъ назначенъ К. Ѳ. Толь, а начальникомъ штаба А. П. Ермоловъ, оказавшіе неоцѣнимыя услуги въ эту кампанію) призналъ Дриссу второю „Пирною“, система Фуля была безповоротно осуждена, и Барклай отвелъ свои войска къ Полоцку (2 Іюля). Въ то же время, для защиты Петербурга противъ корпусовъ Макдональда и Юрка (Пруссаки), стоявшихъ на З. Двинѣ и осаждавшихъ Ригу (Русскій ген. Эссенъ), отъ 1-й арміи былъ выдѣленъ „отдѣльный корпусъ“ П. Х. Витгенштейна (до 30 т.). Сіе послѣднее обстоятельство заставило и Наполеона усилить свой лѣвый флангъ присоединеніемъ къ нему корпусовъ Удинѣ и Виктора. На правомъ флангѣ великой арміи находились корпуса князя Шварценберга (Австрійцы) и Ренье (Саксонцы), противъ которыхъ стояла наша 3-я или „обсерваціонная“ армія А. П. Тормасова съ главною квартирою въ Слуцкѣ (на Стыри), насчитывавшая до 43 т. (съ нею должна была соединиться Дунайская армія Чичагова, приказъ 18 Іюля).

Между тѣмъ, 7 Юля, Государь рѣшилъ временно покинуть армию и обратиться съ призывомъ къ своему народу. Поручивъ А. С. Шишкову, остававшемуся въ Дриссѣ, составить „Воззваніе“ къ Москвѣ и Манифестъ о всеобщемъ ополченіи („Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданѣ Минина... Соединитесь все: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, и никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“), Государь черезъ Смоленскъ направился въ Москву. Прибытіе Государя вызвало настоящій взрывъ патріотическаго чувства. Смоленское дворянство (7 Юля) рѣшило выставить 20 т. ополченія. Въ Москвѣ, куда Государь прибылъ ночью (11—12 Юля), многотысячная толпа народа встрѣчала его кликами: „Веди насъ, куда хочешь: веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ“ и т. п. Въ Успенскомъ соборѣ, по распоряженію встрѣчавшаго Государя архіепа. Августина, пѣвчіе вмѣсто „Спаси, Господи“ пропѣли: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“; престарѣлый митрополитъ Платонъ въ благословеніе Государю прислалъ образъ препод. Сергія Радонежскаго. 15 Юля въ Слободскомъ дворцѣ столь же горячо откликнулись на призывъ Государя Московское дворянство и купечество: рѣшено выставить по одному ратнику съ 10 душъ и въ короткое время собрано пожертвованій до 2½ м. рублей. „Этого дня я никогда не забуду“, сказалъ растроганный Государь и въ знакъ особаго расположенія поцѣловалъ графа Ѳ. В. Ростопчина (Московскій ген.-губер. съ 23 Мая). 18 Юля, въ день своего отъѣзда, Государь издалъ манифестъ объ организациі ополченія (убазъ Сенату 31 Юля): 16 „ополченныхъ“ губерній раздѣлены на три округа Московскій, Петербургскій и Казанскій. Ополченія выставялись и другими губерніями и даже отдѣльными лицами: таковъ напр., „Украинскій полкъ“ Кіевской и Подольской губ., батальонъ вел. кн. Екатерины Павловны, два конныхъ полка графа Дмитріева-Мамонова и графа Салтыкова, отрядъ Херсонскаго помѣщика Скаржинскаго и др. Въ то же время стекались пожертвованія принасами и деньгами со всей Россіи, даже изъ далекой Сибири: такъ, наприм., рабочій г. Барнаула Бѣлкинъ пожертвовалъ 5 р., завѣщанныхъ ему отцомъ, „на черный день“. Война становится священною и народною.

Между тѣмъ Барклай, съ отъѣздомъ Государя изъ арміи получившій большую самостоятельность, окончательно склоняется къ „системѣ отступленія“ (или „системѣ ретроградныхъ линій“, какъ ее называли), которую онъ находилъ (еще съ 1807 г.) наиболѣе цѣлесообразною въ борьбѣ съ Н. и наиболѣе соответствовавшею обстоятель-

свямъ. Система эта, мѣшавшая возможности нанести Русской арміи быстрый и рѣшительный ударъ, очень раздражала Наполеона, и онъ презрительно называлъ ее „Пароянскимъ способомъ войны“, на который способенъ только Нѣмецъ, какимъ и былъ по своему происхожденію Барклай. По занятіи Французами Полоцка, Барклай отступаетъ къ Витебску и въ тотъ же день, 7 Іюля, посылаетъ приказъ Багратіону соединиться съ 1-ю арміей. (8 Іюля въ Великихъ-Лукахъ подписанъ трактатъ съ Испаніей). Съ цѣлью задержать натискъ Наполеона, происходитъ рядъ аріергардныхъ боевъ подь Витебскомъ (13, 14, 15 Іюля: между прочимъ, гр. Коновницынъ писалъ женѣ, что 13-го подь Островно „видѣлъ Бонапарта на бѣлой маленькой лошаdkѣ безъ хвоста“). Такъ какъ Багратіонъ былъ задержанъ подь Могилевомъ и не могъ поспѣть къ Витебску, то Барклай продолжаетъ отступление къ Смоленску, куда и стягиваетъ войска къ 20 Іюля. Между прочимъ, Смоленскіе крестьяне спрашивали: „не будемъ-ли въ отвѣтъ, если убьемъ Француза?“

Бодрящее впечатлѣніе производили дѣйствія 3-й арміи Тормасова при Кобринѣ (15 Іюля, гр. Ламбертъ), Городечнѣ (31 Іюля, оба подь Брестомъ), а также дѣйствія отдѣльнаго корпуса кн. Витгенштейна: при Клястицахъ (18—19 Іюля), Боярцикѣ (20 Іюля), гдѣ былъ убитъ Я. П. Кульневъ—воинъ „духа высокаго“, и при Свольнѣ (31 Іюля, подь Дриссою 2-я армія Багратіона, „растянутая какъ вѣшка“, не только избѣжала опасности быть раздавленою превосходными силами непріятеля (48 т. противъ 155), но, пользуясь тѣмъ, что непріятель наступалъ двумя колоннами (Вандаммъ и Груши на Минскъ—Оршу, смѣнившій Іеронима Даву и Понятовскій на Ігумень—Могилевъ), имѣла еще частичный успѣхъ: при Мирѣ (подлѣ Новогрудка, 27 Іюня) взята въ плѣнъ бригада Туридъ, при Романовѣ (подлѣ Слуцка, 2 Іюля), по донесенію атамана Платова, „два лучшихъ непріятельскихъ полка истреблены въ прахъ“. 6 Іюля Багратіонъ былъ уже въ Бобруйскѣ. Получивъ приказъ соединиться съ 1-й арміей, послѣ упорныхъ боевъ 11 Іюля у Салтановки и Фатовой (подь Могилевомъ, занятымъ Даву еще 8 Іюля), главнымъ героемъ которыхъ былъ Н. П. Раевскій съ двумя сыновьями-юношами, Багратіонъ переправился черезъ Днѣпръ у Старого—Быхова (Н. С. Дороховъ со своими „Ізюмцами“ перешелъ рѣку вплавъ). Идя „распашнымъ шагомъ“ (въ послѣдніе 20 дней онъ прошелъ 600 верстъ, потерявъ въ пути до 10 т.), Багратіонъ 22 Іюля подошелъ къ Смоленску, гдѣ и произошло соединеніе 2-й и 1-й арміи. Несмотря на свое старшинство по службѣ, Багратіонъ, къ удовольствію

Государя подчинился Барклаю, хотя обѣ арміи продолжали дѣйствовать отдѣльно.

По присоединеніи Багратіона, славнаго сподвижника Суворова, военный совѣтъ 25 Іюля рѣшительно высказался за наступленіе, не смотря на то, что соединенныя силы Русскихъ все-же значительно уступали силамъ Наполеона (120 т. противъ 180 т.). Въ силу такого рѣшенія Русская армія начинаетъ наступленіе на Витебскъ. Оставивъ Багратіона ближе къ Смоленску (приказъ—Выдра), Барклай со своею арміею направляется на Рудню (на половинѣ пути отъ Смоленска въ Витебскъ), но, замѣтивъ обходное движеніе непріятеля (къ Порѣчью), осторожный Барклай приказываетъ Багратіону отходить обратно къ Смоленску, и самъ отступаетъ на удобную позицію (Волково). Дѣйствительно, Наполеонъ черезъ ту же Рудню, Инково (здѣсь Платовъ нанесъ пораженіе генералу Себастьяни) подходитъ къ Днѣпру, переправляется на лѣвый берегъ (въ Рясанѣ) и подступаетъ къ Смоленску.

2—6 Августа подъ Смоленскомъ, этимъ „дорогимъ ожерельемъ Россіи“, происходитъ рядъ боевъ, въ которыхъ Русская армія и ея вожди покрыли себя неувадкою славою. 2—4 Авг. Д. П. Невѣровскій подъ натискомъ кавалеріи Мюрата „какъ левъ“ отступаетъ черезъ Ляды къ Красному. 4—5 Авг. Раевскій съ 13—15 т. болѣе сутокъ держится въ Смоленскѣ противъ цѣлой арміи Наполеона: къ нему на подмогу спѣшить Багратіонъ. „Другъ мой, писалъ онъ Раевскому, я не иду, а бѣгу, чтобы скорѣе соединиться съ тобою“... Раевского смѣняетъ больной Д. С. Дохтуровъ, предпочитая „умереть на полѣ, а не на постели“, и съ 20 т. продолжаетъ удерживать непріятеля. Въ этой оборонѣ Смоленска участвовали также Коновницынъ, пр. Евгений Виртембергскій и д. 5 Авг., во время всеобщей, шла канонада Смоленска поза ста орудій, городъ представлялъ собою „изверженіе Везувія“; изъ 2250 домовъ его уцѣлѣло только 350. Наконецъ, по приказанію Барклая, Дохтуровъ отступаетъ, при чемъ изъ пылающаго города вынесена чудотворная икона Смоленской Божіей Матери (6 Авг.). На слѣдующій день произошелъ новый бой подъ Смоленскомъ у Лубина (Валутино), гдѣ взявъ въ плѣнъ равный П. А. Тучковъ 3-й. 8 Авг. Тучковъ 1-й и Дохтуровъ соединились у Соловьевой переправы и перешли Днѣпръ. Русскія потери подъ Смоленскомъ доходили до 20 т. Въ эти же дни происходили бои подъ Полоцкомъ (5 Авг.), въ которыхъ выдающееся участіе принимали Петербургская и Новгородская „дружины“ (между прочимъ здѣсь участвовалъ писатель М. Н. Загоскинъ), послѣ чего

главныя силы Витгенштейна отошли къ Бѣлому (подлѣ Боярщины), гдѣ и оставались около двухъ мѣсяцевъ (до 4 Окт.).

Со взятіемъ Смоленска въ рукахъ Наполеона оказался почти весь Западъ Россіи, Литвы и Бѣлоруссія, гдѣ и было введено Французское управленіе (архіеп. Могилевскій Варлаамъ въ церкви поминалъ Наполеона); это былъ очевидный успѣхъ, но успѣхъ болѣе политическій чѣмъ нравственный. Иначе дѣло обстояло въ стратегическомъ отношеніи: движеніе великой арміи отъ Нѣмана до Двѣира въ продолженіе 7 недѣль стоило ей огромныхъ потерь (до $\frac{1}{3}$ арміи, какъ считаютъ): хотя эта армія своею численностью значительно превосходила Русскую армію, но послѣдняя не только не была разбита, но послѣ упорнаго сопротивленія отступила и загородила Москву. Въ Смоленскѣ Наполеону предстояло рѣшить важную дилемму: пріостановить-ли кампанію и остановиться въ Смоленскѣ, или идти на Москву? Наполеонъ, хотя и чувствовалъ, что его увлекаетъ внутрь Россіи, вопреки мнѣнію своихъ маршаловъ избралъ второе рѣшеніе и послѣдовалъ за отступающими Русскими войсками въ Москву.

Система отступленія, которой неизмѣнно слѣдовалъ Барклай, была непріятна не одному Наполеону: она была непривычна, непонятна не соответствовала настроенію ни Русской арміи, ни Русскаго общества и съ самаго начала вызывала къ себѣ отрицательное и даже враждебное отношеніе. Александръ былъ вынужденъ сдѣлать уступку общему голосу недовольства и пожертвовать Барклаемъ, которому вполнѣ довѣрялъ. Въ дни Смоленскихъ боевъ, 5 Авг. чрезвычайный комитетъ въ Петербургѣ избралъ новаго главнокомандующаго, на котораго указывалъ общій голосъ: то былъ недавно закончившій Турецкую войну (Бухарестскій миръ 16 Мая) 67-лѣтній „свѣтлѣйшій“ князь (съ 29 Юля) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Представившись Государю въ Каменно-островскомъ дворцѣ и помолвившись въ Казанскомъ соборѣ, 11 Авг. новый главнокомандующій „съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости“, отправился на „великое дѣло“, сопровождаемый кликами народа: „спаси насъ, побей супостата!“ Кутузовъ откровенно говорилъ, что разбить Наполеона онъ не надѣется, но надѣется его „обмануть“. Недаромъ Н. называлъ Кутузова „le renard du Nord“*) и къ этому предусмотрительно добавлялъ, что „ключъ къ Москвѣ взять“. т. е. Смоленскъ.

*) Лисицею Сѣвера.

10 Авг. заключенъ въ Або Русско-Шведскій договоръ. въ силу котораго 10 тыс. отрядъ Штейнгеля изъ Финляндіи присоединился къ Витгенштейну; при этомъ Александръ высказалъ Бернадоту мысль о возможности отступленія „даже не до береговъ Волги“ Въ то же время у него крѣпнеть рѣшимость не заключать мира съ врагомъ: „скорѣе отрощу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ пустыняхъ Сибири, нежели заключу постыдный миръ“, сказалъ онъ Вильсону, Англійскому агенту.—17 Авг. новый главнокомандующій прибылъ къ отступавшей арміи на позицію у Царева-Займища, а на третій день издалъ приказъ объ отступленіи. Въ числѣ основаній такого распоряженія могло быть и то, что 20 Авг. гр. М. А. Милорадовичъ, съ этого времени оставшійся при арміи, привелъ сформированныя имъ ополченія Тульское, Орловское, Черниговское. Впрочемъ, отступленіе теперь продолжалось недолго: 22 Авг. Русская армія остановилась у с. Бородинна на р. Колоцѣ. 24 Авг. Французы заняли Колоцкій монастырь и Шевардинскій редутъ, который защищаль кн. Горчаковъ 2-й. а 26 Авг., какъ уступка общественному мнѣнію, произошла „эпическая битва“, „великая битва подъ Москвою“—Бородинскій бой.

Подъ Бородинымъ (собственно три села: Семеновское, Бородино и Горки) у Наполеона было 126—130 т. и 556 орудій, у Русскихъ 115—125 т. и 660 орудій (ген. А. Скугаревскій). Здѣсь были все представители арміи „двадцати языкъ“: въ порядкѣ численности, послѣ Французовъ слѣдуютъ Поляки (Брониковскаго, Хлопицкаго, Понятовскаго), Нѣмцы (Пруссаки, Саксонцы, Вестфальцы, Баварцы, Виртембергцы и др.), Итальянцы, Португальцы и Испанцы; былъ также Иллирійскій полкъ Южныхъ Славянъ и даже Голландцы и Швейцарцы. Съ Русской стороны въ битвѣ участвовало и Московское ополченіе (въ немъ находились князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, Ф. Н. Глинка, а въ конницѣ была дѣвица-кавалеристъ Дурова-Александрова). Здѣсь пало 52 т. Русскихъ (около 1/2 арміи) и до 35 т. Французовъ. Русскіе вѣрили въ свою побѣду. Кутузовъ доносилъ, что „послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія... непріятель нигдѣ не выигралъ ни шага земли съ превосходнѣйшими своими силами“ (занятая непріятелемъ такъ наз. Курганная батарея ночью была очищена имъ). Подъ Бородинымъ, по выраженію Ермолова „Французская армія расшиблась о Русскую“. Послѣдовали щедрыя награды: Кутузовъ произведенъ въ фельдмаршалы и получилъ 100 т. р.; оставшійся въ арміи и послѣ назначенія Кутузова Барклай, подъ которымъ въ Бородинскомъ бою было убито пять лошадей, получилъ Георгія 2 ст., раненый Багратіонъ получилъ милостивое письмо Государя и

50 т. р., 14 генераловъ получили Георгія 3 ст., а солдаты сверхъ награды по 5 р. Правдивая реляція Кутузова была напечатана съ пропускомъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорилось объ огромныхъ потеряхъ и разстройствѣ Русской арміи, а также о намѣреніи Кутузова отступить. Французы одержали здѣсь тактическую побѣду, но понесли стратегическое пораженіе. Наполеонъ за 800 лье (болѣе 3000 верстъ) отъ Парижа хотѣлъ не привести въ разстройство свою 20 тыс. гвардію и довершить побѣду. Впослѣдствіи императоръ Французовъ высказалъ мысль, что „изъ 50 сраженій имъ данныхъ въ битвѣ подъ Москвою высказано наиболѣе доблести и достигнутъ наименьшій успѣхъ“, а по выраженію другого участника боя, „если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ Правды, то Слава, конечно, признала бы насъ братьями“ *).

27 Августа „гробовая могила Бородина вторгается въ Москву“. 1 Сент. на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ Кутузовъ рѣшилъ взять на себя великую историческую отвѣтственность—сдать Москву безъ боя и отступить: „Я чувствую, что мнѣ придется платить за разбитые горшки. Жертвую собой для блага Отечества. Приказываю отступить. Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія.“ 2 Сент. Русская армія уныло проходила черезъ Москву, при чемъ гр. Милорадовичъ заключилъ перемиріе съ Муратомъ до 7 ч. утра, а 3 Сент. по двумъ пушечнымъ сигналамъ непріятель устремился въ Москву. Наполеонъ на Поклонной горѣ, любуясь городомъ, ждалъ депутаціи Московскихъ бояръ, которыхъ онъ приказалъ привести, но вмѣсто депутаціи узналъ „небывалое, неслыханное дѣло: столица отступаетъ, Москва ушла!“ (С. М. Соловьевъ). При гробовомъ молчаніи Наполеонъ въѣзжаетъ въ опустѣвшую Москву. Около мѣсяца Французы употребили на путь отъ Смоленска до Москвы (около 300 в.), куда дошло ихъ около 100 т.

Москву стали покидать жители еще послѣ Смоленска. Графъ РаSTOPчинъ не могъ не предвидѣть возможности оставленія Москвы, хотя для успокоенія оставшагося населенія говорилъ иное въ своихъ знаменитыхъ „афишахъ“ (Корньюша Чихиринъ). Только въ послѣдніе дни были вывезены Московскія святыни, присутственные мѣста и даже

*) Въ „Р. Инвалидѣ“ помѣщенъ приказъ Наполеона послѣ Бородинскаго боя; приказъ этотъ начинается такъ: „Французы! Вы разбиты! Вы позволили себя покрыть безчестіемъ и позоромъ! Только одною кровью Русскою вы можете смыть это пятно!“ Черезъ два дня общается новое сраженіе и т. д.

пожарный обозъ, хотя и тогда еще гр. Растропчинъ звалъ народъ на Три Горы и отдалъ на судъ его 20-лѣтняго парня Верещагина, который перевелъ одну изъ прокламацій Наполеона. Наконецъ, велѣдъ за арміей, и гр. Растропчинъ покинулъ Москву, въ которой оставалось 20—30 т. простого народа.

Со вступленіемъ Наполеона въ Москву начались грабежи и пожары: горѣлъ Гостиный дворъ, горѣло Замоскворѣчье; буря въ ночь 3—4 Сент. развела цѣлое море пламени, угрожавшее и Кремлю, въ которомъ помѣстился Н. Страшная истина открылась ему тогда: „Это они сами поджигаютъ!... Что это за люди: это Скины!“ Онъ побѣжденъ. 4 Сент. „сквозь пожаръ“ Н. принужденъ былъ переѣхать на нѣсколько дней въ Петровскій дворецъ. Сгорѣло $\frac{3}{4}$ Москвы, до 800 церквей, изъ 30 т. домовъ осталось нѣсколько тысячъ. 8 дней затѣмъ продолжался организованный грабежъ: пострадали монастыри (Даниловъ, Заиконоспасскій), богатые подмосковныя села (Вороново гр. Растропчина, Кусково гр. Шереметева), при чемъ особенно отличались тѣ „Французы“, которые понимали и говорили по-русски, т. е. Поляки. „Правда о Московскомъ пожарѣ“ графа Растропчина до сихъ поръ не вполне выяснила происхожденіе этого пожара, и обѣ стороны, т. е. Русскіе и Французы, взаимно обвиняли одна другую въ „варварскомъ“ поступкѣ; Н. прямо приписывалъ пожаръ Москвы распоряженіямъ гр. Растропчина, т. е. умышленнымъ поджогамъ, и учредилъ (12 Сент.) судныя комиссіи надъ „поджигателями“, къ числу которыхъ былъ отнесенъ и „какой-то“ строитель воздушнаго шара Леппихъ-Шмидтъ, хотя, конечно, пожары могли быть и слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ со стороны непріятельскихъ солдатъ. Какъ бы то ни было, но послѣдствія пожаровъ и грабежей для Наполеоновской арміи были печальны: погибло множество остававшагося въ Москвѣ провіанта и всякаго рода запасовъ, что въ скоромъ времени вызвало прямой недостатокъ въ нихъ (уже въ первый день пребыванія Французовъ въ Москвѣ съ трудомъ можно было достать блага хлѣба), началось также то нравственное разложеніе великой арміи (упадокъ дисциплины, мародѣрство, общая дезорганизация), которое было одною изъ главныхъ причинъ ея гибели. Такъ „при заревѣ Московскаго пожара стало меркнуть солнце Аустерлица“.

Занятіе и пожаръ Москвы конечно произвели сильное и тяжелое впечатлѣніе на все Русское общество; но уже въ своемъ донесеніи Государю Кутузовъ говорилъ, что „занятіе Москвы не есть еще покореніе Россіи“. Подучивъ извѣстіе о гибели Москвы, Государь тогда же

высказалъ (полк. Мишо) свою твердую рѣшимость до конца продолжать борьбу съ Наполеономъ, этимъ „Аттилою нашего времени“: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Таже мысль высказана въ манифестъ 8 Сент.: „Не въ ту сторону зашелъ Наполеонъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ... Россія не привыкла покорствоваться, не потерпитъ порабощенія“. Потеря Москвы ударъ нравственный и политическій, писалъ Александръ Бернадоту. Лично на Государя пожаръ Москвы произвелъ такое потрясающее впечатлѣнiе, что онъ въ одну ночь посѣдѣлъ и изъ денета превратился въ взрущающаго человѣка. „Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу“, говорилъ онъ впоследствии. Большую нравственную поддержку въ эти дни оказала Государю его супруга, Елизавета Алексѣевна, а также его сестра-другъ в. кн. Екатерина Павловна, герц. Ольденбургская, проживавшая съ своимъ мужемъ въ Ярославль. Въ Петербургѣ подняла было голову партія мира, къ которой принадлежали вел. князь Константинъ Павловичъ, гр. Румянцовъ, гр. Аракчеевъ и др. 15 Сент., въ день коронаванiя, народъ (по свидѣтельству графини Эдлингъ) встрѣтилъ Государя въ Казанскомъ соборѣ мрачнымъ и страшнымъ молчанiемъ... Но скоро все измѣнилось. Русское общество охватило „святой энтузиазмъ“, разгоралась народная жажда мести, настало, по выраженiю одного современника, „время жестокое и обманчивое“. Скоро все поняли, что Москва лишь „западня Наполеону“, что съ занятiемъ Москвы „для Русскихъ тогда лишь начиналась война“.

До 14 Сент. Наполеонъ какъ-то упустилъ изъ вида Кутузова, который, по оставленiи Москвы, перешелъ сначала на Рязанскую дорогу, а за тѣмъ направился къ Красной Пахрѣ (притокъ р. Москвы) и къ 20 Сент. сталъ на позиціи у Тарутина на Калужской дорогѣ, т. е. прикрылъ хлѣбородныя губерніи Россіи, Тулу и Брянскъ съ ихъ заводами и занялъ положенiе на флангѣ непріятеля. На двѣ недѣли война какъ бы зампраетъ. Въ этихъ, какъ и послѣдующихъ дѣйствiяхъ, во всей своей силѣ сказались военный талантъ Кутузова, его прозорливость и огромный боевой опытъ. Поставивъ себѣ цѣлью подольше задерживать непріятеля въ Москвѣ, Кутузовъ въ это время разставлялъ ему сѣти: пополняетъ и приводитъ въ порядокъ свою армію, организуетъ партизанскую войну (такъ наз. „малая война“), какъ бы въ помощь которой разгорается настоящая народная война. Тогда же произошли нѣкоторыя перемѣны и въ высшемъ командномъ составѣ нашей арміи: мѣсто вышедшаго въ отпускъ Барклая занялъ Тормасовъ (армія его перешла подъ начальство Чичагова, къ 9 Сент. соединив-

шагося съ 3-й арміей на р. Стыри), а графъ Коповницынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ.

Къ Тарутино подходятъ ополченія: Тверское, Ярославское, Владимирское, Тульское, Калужская „милиція“, ополченія южныхъ городовъ, 20 т. Донскихъ казаковъ. Къ концу Сентября въ Тарутинскомъ лагерѣ было до 120 т. человекъ (118.500 ч., въ томъ числѣ 10 т. ополченцевъ и 20 т. казаковъ) и около 700 орудій. Москва охватывается кольцомъ партизанскихъ отрядовъ: въ окрестностяхъ Москвы А. С. Фигнеръ, на Рязанской дорогѣ полк. Ефремовъ, на Серпуховской кн. Кудашевъ, на Боровской поруч. Фонвизинъ, между Боровскомъ и Москвою А. Н. Сеславинъ, на Можайской дорогѣ кн. Вадбольскій и отрядъ Д. В. Давыдова (организаторъ перваго партизанскаго отряда еще съ 24 Авг.) развѣзжали отъ Можайска до Вязьмы; кромѣ того, извѣстны еще партизаны: П. С. Дороховъ, Бенкендорфъ, Прендель, Чернозубовъ, Фиглевъ, Иловайскій 2-й и другіе „богатыри эпохи сильной, эпохи славы“ (кн. Вяземскій). Развѣдочная служба, тысячи убитыхъ и плѣнныхъ непріятелей, захватъ обозовъ и провіанта, стѣсненіе фуражировки (о чемъ, между прочимъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ переговоры Мюрата съ Милорадовичемъ).

Партизанамъ и войскамъ оказываетъ содѣйствіе весь Русскій народъ, который организуетъ свою народную войну (подобно Испанской гверильѣ: „Россія—новая Испанія безъ границъ“). Начавшись съ занятіемъ Смоленска, народная война разгарается съ занятіемъ Москвы, какъ жажда народной мести за поруганіе святынь, за пожары, грабежи и насилія. Главную народную военную силу составляли дворянскія ополченія въ губерніяхъ, занятыхъ непріятелемъ. Тутъ участвуютъ люди разныхъ званій, состояній, возрастовъ и даже половъ. Такъ, въ Смоленской губ. извѣстны: мѣщанинъ Манчинковъ Порѣчскаго у., гдѣ раньше всего началась народная война, предводители дворянства Колековъ, Нахимовъ, Храповицкій, помѣщики Энгельгардъ († 15 Окт.) и Шубинъ († 24 Окт.), кн. Тенишевъ, исправники Богуславскій, Семичевъ, городничій Адамовичъ, п.-полк. Дибичъ, майоръ Емельяновъ, городовоі голова Полозовъ (Рославльскій у.), бурмистръ с. Левшина, старостиха Василиса (Сычевскій у.), гусарскій солдатъ Самуель (Гжатскій у.), Тверской помѣщикъ Цызыревъ, Волынской г. помѣщикъ Самуровъ („Самуровцы“): въ Московской г. извѣстны: голова Вельяминовской волости Ив. Андреевъ, сотскій с. Лучинскаго Пав. Ивановъ, священникъ Іоаннъ Скабеевъ (с. Дубровна Верейскаго у.): крестьянинъ Герас. Куринъ и староста Стуловъ (с. Павлово Богород-

скаго у.), между прочимъ, истребили два непріятельскихъ эскадрона. Крестьяне держали пѣсты, выслѣживали и истребляли или забирали въ плѣнъ шайки „міродѣровъ“ (мародеровъ) и т. п.

Между тѣмъ Наполеонъ въ Москвѣ очутился „въ положеніи мореплавателя на необитаемомъ островѣ“ (С. М. Соловьевъ). Среди необычныхъ плановъ о походѣ на Петербургъ, не дождавшись мирныхъ предложеній со стороны Александра. Н. при случаѣ самъ заговариваетъ о мирѣ то черезъ плѣннаго Тучкова (еще въ Смоленскѣ), то черезъ Тутолмина, начальника Воспитательнаго дома въ Москвѣ, наконецъ черезъ отставнаго гвардейскаго капитана Яковлева, бывшаго въ Москвѣ. Наполеону удается (9 Сент.) доставить письмо Александру („простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія. остановила бы мое движеніе“), но отвѣта нѣтъ, гробовое молчаніе. 22 Сент. Н. съ тою же цѣлью посылаетъ гр. Лористона къ Кутузову, отъ котораго получаетъ отвѣтъ, что при его назначеніи слово „миръ“ даже не было произнесено. На возваніе интендента Лессепа (21 Сент.), приглашавшее населеніе къ открытію правильнаго торговаго въ Москвѣ, отклика тоже не послѣдовало. Между тѣмъ положеніе непріятельской арміи въ Москвѣ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе: съ развитіемъ партизанскихъ отрядовъ и народныхъ ополченій сталъ ощущаться недостатокъ въ провіантѣ, лошади грызли кору, начинался голодъ и его спутники—болѣзни, въ арміи усиливался упадокъ дисциплины и даже приказы Наполеона (отъ 27 Сент.) оказывались безсильными. Сбывались слова Кутузова, сказанныя имъ еще въ Филяхъ: „Доведу я Французовъ, какъ въ прошломъ году Турокъ, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо“ („Ворона и Курица“). Пора было подумать о выходѣ изъ такого положенія.

Наконецъ, и Кутузовъ выходитъ изъ своего кажущагося бездѣйствія („Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвѣ“, писалъ ему, между прочимъ, Государь). 6 Октября произошелъ авангардный Тарутинскій бой, на р. Чернишнѣ, имѣвшій большое нравственное значеніе: непріятель, оставивъ трофеи (1 штандартъ, 38 оружій, 40 зарядныхъ ящиковъ, 1500 плѣнныхъ), впервые отступилъ. Къ сожалѣнію, здѣсь палъ доблестный ген. Багговутъ. Кутузовъ получилъ золотую шагу, Л. Л. Беннигсенъ Андрея Первозван. и 100 т. р. (вскорѣ оставилъ армію). Въ эти же дни (5—8 Окт.) марш. Сенъ-Сиръ, замѣнившій раненаго Удинѣ, очистилъ Полоцкъ, при чемъ Тентяревскій казачій полкъ захватилъ обозъ и казну ген. Вреде, а Чаплицъ (изъ арміи Чичагова) взялъ въ плѣнъ генер. Конопку.

Гуль Тарутинскаго боя, о которомъ было доложено Наполеону во время смотра арміи, заставилъ его ускорить свое рѣшеніе. Въ ту же ночь 6—7 Окт. Наполеонъ началъ выступленіе изъ Москвы, отдавъ приказъ марш. Мортъе взорвать Кремль. Черезъ два дня, въ ночь 8—9 Окт. покинулъ Москву и Мортъе, захвативъ въ плѣнъ ген. Винцингероде и Нарышкина (отбиты 28 Окт.). 11 Окт. въ очищенную непріятелемъ Москву вступилъ ген. Иловайскій 4-й. Взрывъ Кремля, котораго Москвичи ждали какъ „последняго дня міра“, не вполне удался, и куполь Ивана Великаго, хотя и безъ креста, попрежнему заблестѣлъ на радость жителей. Картина выступленія 107 тыс. непріятельской арміи, затрудняемой огромными обозами съ награбленнымъ добромъ, наглядно свидѣтельствовала объ упадкѣ арміи, возстановить которую уже не въ силахъ былъ императоръ Французовъ. Н. направился къ Оминскому и былъ выселженъ Дороховымъ и Сеславинымъ. 11 Окт. маіоръ Болховитиновъ привезъ извѣстіе объ очищеніи Москвы фельдмаршалу (въ Леташевку). „Боже, Создатель мой, наконецъ Ты вынялъ молитвы нашей, и съ сей минуты Россія спасена!“ Послѣ почти пятинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ (3 Сент.—8 Окт.) началось отступленіе великой арміи.

II.

1. Изъ Москвы армія Наполеона направилась на Калужскую дорогу. Но „этотъ Скиѳъ“ уже предупредилъ? 12 Окт. раздался гулъ битвы при Малоарославцѣ, продолжавшейся 18 часовъ: 5—8 разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, изъ 200 домовъ едва уцѣлѣло 20, съ той и другой стороны было по 5—6 т. убитыхъ, и хотя за наступившей темнотою поле битвы осталось за Французами, но Милорадовичъ, сдѣлавшій въ этотъ день переходъ въ 50 верстъ („ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы“, сказалъ Кутузовъ), ночевалъ на позиціи, а Кутузовъ въ 2½ вер.: дорога на Калугу была загорожена (Дохтуровъ получилъ Георгія 2 ст.). На слѣдующій день казаки Платова взяли 11 орудій и едва не захватили самого Наполеона (онъ ночевалъ въ Городнѣ, въ лачугѣ ткача и съ Малоарославца послалъ при себѣ опиумъ). Наши разъѣзды направилась на Медынь—Юхновъ—Ельню—Смоленскъ.

Послѣ Малоарославца, на военномъ совѣтѣ Наполеонъ (между прочимъ съ нимъ произошелъ глубокой обморокъ) прямо заявилъ, что предстоитъ 250 лье (болѣе 1000 верстъ) отступленія, что уже достаточно сдѣлано для славы и надо думать о спасеніи арміи. Принято

рѣшеніе отступать по кратчайшей дорогѣ на Верею—Можайскъ—Смоленскъ. Съ этого времени „звѣзда Наполеона начинаетъ меркнуть“. Съ этого же времени начинается знаменитое фланговое движеніе Кутузова и преслѣдованіе отступающей великой арміи. Кутузовъ, предвидя неизбежную гибель непріятельской арміи („все это рухнетъ безъ меня“, говорилъ онъ), думалъ только о томъ, „чтобы было дешевле“, „чтобы было съ чѣмъ прійти къ границѣ“; вопреки цѣлкой военной „молодежи“ онъ полагалъ, что не слѣдуетъ доводить непріятеля до отчаянія, „лучше построить золотой мостъ непріятелю, чѣмъ получить отъ него *coup de collier*“ (непоправимый ударъ): да и по соображеніямъ политическимъ Кутузовъ былъ противъ полнаго разгрома Наполеона, полагая, что наслѣдство его все равно достанется не намъ.

14 Окт. Н. отступаетъ къ Боровску, а Кутузовъ къ Дятчину. т. е. обѣ арміи расходятся въ противоположныя стороны. Н. теперь думалъ о Парижѣ, какъ прежде о Москвѣ. При непривычныхъ утреникахъ до 4° Н. черезъ Бородино (16 Окт.) спѣшить къ Смоленску. Кутузовъ преслѣдуетъ его только своими передовыми отрядами. У Колоцкого монастыря (19 Окт.) Даву бросилъ 23 знамени, 27 орудій, взорвалъ зарядные ящики. 22 Окт. у Вязмы произошелъ аріергардный бой: гр. Милорадовичъ и Платовъ, потерявъ 700 чел., захватили 3 т. плѣнныхъ, 13 знаменъ, 3 орудія, непріятель оставилъ 4 т. убитыхъ; наступила полная деморализація корпуса Даву. У Дорогобужа, въ Землинѣ (24 Окт.), между прочимъ, брошенъ въ озеро крестъ Ивана Великаго (по другимъ, крестъ брошенъ въ Вильнѣ, есть также извѣстіе, что онъ вовсе не былъ увезенъ изъ Москвы); здѣсь же 25 Окт. начинаются снѣгъ, метель и первые морозы, доходившіе до 8°, и вокругъ ночныхъ костровъ начинаютъ попадаться трупы замерзшихъ враговъ. 27 Окт. Кутузовъ былъ въ Ельнѣ; партизаны Давидовъ, Сеславинъ, Фигнеръ и гр. Орловъ-Денисовъ взяли въ плѣвъ бригаду Ожеро (19 офицеровъ, 1650 солдатъ). До Смоленска Французы потеряли всего 240 орудій. 28-го же, черезъ 15 дней послѣ Малоарославца, Н. прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ морозъ дошелъ уже до 12°, и назначилъ 4 дня отдыха. Въ арміи Н. усиливается мародерство, противъ котораго оказывался безсильнымъ его геній. 26 Окт. взять Витебскъ (ген. Гарнѣ). Въ этотъ день Витгенштейнъ и Чичаговъ (въ Слонимѣ) получаютъ извѣстіе объ очищеніи Москвы (т. е. спустя двѣ недѣли), при чемъ Витгенштейнъ организуетъ такъ наз. „подвижные магазины“. 28 Окт. Чернышевъ, идя на связь съ Витгенштейномъ, между прочимъ освободилъ Винценгероде и Нарышкина, захваченныхъ въ Москвѣ.

2. Отъ Смоленска до Березины начинается новая фаза (вторая) небывалаго, страшнаго отступленія, продолжавшагося тоже 15 дней (2—16 Ноября). Въ Смоленскѣ была произведена нѣкоторая реорганизація арміи Наполеона: 4 кавалерійскихъ корпуса сведены въ одинъ, у ген. Заюнчека (корпусъ Понятовскаго) было 800 чел., Вестфальцы Жюно составляли 700 чел. пѣхоты и 500 безлошадныхъ кавалеристовъ, всего оставалось 42—50 т. вооруженныхъ, въ томъ числѣ 5 т. конныхъ. 2-го Ноября Н. выступилъ изъ Смоленска. Шедшая впереди дивизія Клапареда (главная квартира) вытѣснила изъ Краснаго Ожаровскаго. 3 Ноября Н. съ 16 т. проходилъ въ виду 12 т. гр. Милорадовича, причемъ одна изъ колоннъ Наполеоновской гвардіи сдалась въ плѣнъ; затѣмъ Н. напалъ на Ожаровскаго (у Путкова) и вступилъ въ Красное. 4 Ноября (у Мерлина) гр. Евгений Виртембергск. и Паскевичъ стали поперекъ дороги корпуса вице-короля, который потерялъ 2 т. убитыхъ, 2220 плѣнныхъ и 17 орудій (карре ген. Гюльминд). Въ это время Кутузовъ стоялъ въ 5 верст. отъ Краснаго и попрежнему заботился только о томъ, чтобы непріятель не свернулъ съ опустошенной дороги: голодь, зима и преслѣдованіе должны довершить остальное; „за десятирехъ Французовъ не дамъ я одного Русскаго“, говорилъ онъ.

5 Ноября Н. со своими маршалами (въ Польскихъ костюмахъ, съ березовыми палками въ рукахъ, какъ любятъ описывать Польскіе историки) атакуетъ Русскихъ подъ Краснымъ. Торماسову приказано отступить, и Н. (черезъ Доброе) направляется къ Оршѣ, и только Ней, „храбрѣйшій изъ храбрыхъ“, остался въ Смоленскѣ отрѣзаннымъ. Доволенъ былъ и Кутузовъ: ему досталось „не вставая съ постели“ (какъ онъ говорилъ) 5—7 т. вооруженныхъ плѣнныхъ (всего же около 30 т.), до 70 орудій, маршальскій жезлъ Даву; множество монеты также было оставлено въ лагерѣ. За Красное Кутузовъ—„Смоленскій“, Платовъ—графъ. (Тогда же Кутузовъ издалъ челоуѣколюбивый приказъ о немщеніи Бѣлоруссамъ). Въ тоже время Ней, взорвавъ 8 Годуновскихъ башенъ и королевскую крѣпость, бросивъ 140 орудій, 600 фуръ, всѣхъ больныхъ и раненыхъ, выступилъ изъ Смоленска съ 16 т., изъ которыхъ только 8 т. вооруженныхъ, 300 лошадей и 12 орудій. 6 Ноября въ Смоленскѣ вступили Русскіе и возвратили икону Божіей Матери („Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой“). Лук. I. 56). Красное открыло Наполеону путь къ Оршѣ (путь этотъ онъ совершилъ на конѣ) и далѣе къ Борисову. 9 Ноября въ Оршу прибылъ и Ней, но только съ 800 чел.: онъ потерялъ почти весь свой отрядъ въ Лосминскомъ оврагѣ (дивизія Ригара и Милорадовичъ) и перешелъ Дибиръ съ 3 т. (у Сырокоренья). Красное довер-

шило разстройство непріятеля („Волкъ на царнѣ“). Страшная трагедія близилась къ развязкѣ.

Въ то время какъ остатки арміи Наполеона подвигались къ Днѣпру и Березинѣ, туда же направлялись, сближаясь между собою, три Русскихъ арміи (считая и армію Кутузова), чтобы желѣзнымъ кольцомъ охватить непріятеля (такой планъ былъ выработанъ въ Петербургѣ еще 30 Авг.). Передовой отрядъ арміи Чичагова, подъ начальствомъ гр. Ламберга, пройдя Несвижъ (1—3 Ноября, здѣсь было отбито на 1 мил. р. награбленнаго въ Москвѣ жемчуга и брилліантовъ), Минскъ (4 Ноября), 9 Ноября, т. е. опередивъ Французовъ, былъ уже въ Борисовѣ, куда стянулась и остальная армія Чичагова (30 т. и 180 орудій), къ которой присоединилось еще 3500 ч. Лидерса (15 т. Эртеля остались въ Мозырѣ, а 30 т. Сакена сторожили Шварценберга и Ренъе). Разославъ по арміи „примѣты сего челоуѣка“ (т. е. Наполеона) и оставивъ по сю сторону (Брили, противъ Студянки) Чаплица, Чичаговъ переправился на лѣвую сторону Березины, чтобы идти къ Оршѣ противъ Наполеона. Въ это же время „спаситель Петрополя“ Витгенштейнъ (при Смоленцахъ 2 Ноября) не успѣлъ войти въ связь съ Чичаговымъ и отбросить Виктора и Удинѣ отъ главныхъ силъ, съ которыми они и соединились 11 Ноября у Бобра (между Борисовымъ и Оршей). 12 Ноября Чичаговъ неожиданно былъ отгѣсненъ на правый берегъ Березины, причѣмъ потерялъ ок. 1000 чел. и фургоны съ столовымъ серебромъ, и Удинѣ овладѣлъ Борисовымъ. Главная армія Наполеона, съ которою теперь соединились войска Виктора и Удинѣ, представлялась послѣднимъ какъ „толпа привидѣній“ и требовала реорганизации. Соединенная армія, въ которой насчитывалось 80—100 т. чел., имѣла вооруженныхъ только до 40 т.; 1800 чел. спѣшенной гвардейской кавалеріи были соединены въ два батальона, резервной конницы было 150 чел., изъ 500 офицеровъ образованъ „священный эскадронъ“ подъ командою Груші и Себастьяни, сожжены императорскіе „орлы“ всѣхъ полковъ.

Въ то время какъ Чичаговъ, введенный въ заблужденіе противорѣчивыми и ложными извѣстіями, направился съ своею арміей верстъ на 30 къ Югу отъ Борисова (Шабашевичи), Наполеонъ приказываетъ наводить мосты черезъ Березину (инженеры Эблѣ и Шассу) въ 16 вер. къ Сѣверу отъ Борисова у дер. Студянки, и 14 Ноября начинается переправа, которой не могъ помѣшать находившійся на противоположномъ берегу небольшой отрядъ Чаплица и Корнилова. 15 Ноября (въ этотъ день морозъ съ 10° дошелъ до 27—30°) перешла Березину

старая гвардія съ Наполеономъ. и въ Студянкѣ оставался еще только корпусъ Виктора да толпы безоружныхъ. Теперь только стала возвращаться армія Чичагова, приближался Кутузовъ и прибылъ въ Борисовъ Витгенштейнъ, которому сдалась находившаяся тамъ дивизія Партунъ. 16 Ноября самые ужасные часы переправы: Витгенштейнъ атаковалъ корпусъ Виктора, бой продолжался весь день, на протяженіи квадратной версты были вырыты траншеи среди труповъ („траншеи Эблѣ“), на Березинѣ образовался цѣлый островъ изъ труповъ людей и лошадей. трупы оказывались даже въ полозьяхъ саней... Всего подъ Березиною погибло до 50 т. чел. Изъ 40 т. вооруженныхъ непріятелей послѣ Березины оставалось тыс. 15, а черезъ три дня ихъ было только 9 т. Того же 16 числа произошли неудачныя дѣйствія отрядовъ Чичагова противъ Удинъ у Зембина, гдѣ были ранены Чаплицъ, Воиновъ, кн. Щербатовъ, но выручены Павлоградскими гусарами.

„Березинская переправа (14, 15 и 16 Ноября) дѣлаетъ болѣе чести побѣжденнымъ“ (Богдановичъ). Современники обвиняли въ неудачахъ исключительно Чичагова („Щука и Котъ“), но если тутъ были виноватые, то къ числу ихъ слѣдовало бы отнести и Витгенштейна, и Чаплица, дѣйствіями котораго особенно былъ недоволенъ Кутузовъ.

3. Оставался еще путь отъ Березины до Нѣмана, на который потребовалось тоже 15 дней. Зембинская плотина на Виленской дорогѣ, по которой направились Н. и остатки его арміи, представляла собою „похоронную процессію среди еловыхъ лѣсовъ“ (В. К. Надлеръ), при чемъ натискъ Русскихъ все усиливался. Въ Молодечнѣ Н. рѣшилъ покинуть свою армію (заговоръ Малѣ въ Парижѣ). Опубликованный тогда „29-й бюллетень“ (22 Ноября), правдоподобно объясняя причины неудачи кампаніи, между прочимъ, изливаетъ злобу на казаковъ—эту „негодную конницу“, которая „подобно Аравитянамъ въ пустынѣ“ отхватывала обозы. Также повторилъ Н. въ своей прощальной рѣчи въ Сморгони (23 Ноября): единственный побѣдитель нашъ чрезвычайная стужа (по зима въ 1812 г. даже запоздала), также пожаръ Москвы, низкіе происки и нѣкоторыя ошибки. Оставивъ своимъ „намѣстникомъ“ Мюрата и приказавъ ему держаться въ Вильнѣ, Н. incognito (заговоръ Лапи) покинулъ армію. 24-го онъ былъ въ Вильнѣ („что касается арміи, то ея нѣтъ“, сказалъ онъ Маре, герцогу Бассано), отсюда на саняхъ пана Вибскаго направился въ Волковискъ, 28-го былъ уже въ Варшавѣ въ гостинницѣ „Англія“, гдѣ представителямъ Варшавскаго герцогства, между прочимъ, сказалъ, что „не въ силахъ воевать съ стихіями“, „дикимъ суевѣрнымъ народомъ-рабами“ и „дьяволами-каза-

ками“, у которыхъ „чортъ сидитъ въ тѣлѣ“; „отъ великаго до смѣшного только шагъ“), за тѣмъ черезъ Дрезденъ онъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда прибылъ 7 Декабря.

Наступила агонія остатковъ великой арміи. Въ день отъѣзда Наполеона (въ арміи говорили: онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ въ Египтъ) произошло полное пораженіе корпуса Виктора Дунайскою арміею, и аріергардъ великой арміи былъ уничтоженъ. 25 Ноября Мюратъ прибылъ въ Вильну; отъ всѣхъ дивизій осталось 4.300 чел., въ городѣ начался дикій грабежъ, а 26 Ноября (въ день великомуч. Георгія Побѣдоносца) въ окрестностяхъ Вильны былъ уже Сеславинь. 27-го Мюратъ выѣхалъ изъ Вильны въ каретѣ, за нимъ верхами маршалы Даву, Левевръ, Мортъе, Бессьеръ: остатки аріергарда порученъ Нею. Въ арміи былъ полный хаосъ, такъ что даже Виленскіе Евреи проявили мужество и отрѣзали батальонъ гвардіи. На Поварской горѣ, въ 6 верстахъ отъ Вильны, потеряна послѣдняя артиллерія, добыча, трофеи, казна, даже карета Наполеона, все это было захвачено Донцами. 28 Ноября Вильну заняли Русскіе, и нашли тамъ 140 орудій, 14 т. четв. ржи, 5 т. ч. муки. 30 Ноября въ Вильнѣ Кутузовъ былъ встрѣченъ Чичаговымъ, который поднесъ фельдмаршалу ключи города („взятыя у васъ въ Борисовѣ экипажи съ посудою и пр. отобраны и велѣно вамъ доставить“, будто сказалъ при этомъ фельдмаршалъ). Въ честь Кутузова, „Спасителя Отечества“, была устроена арка. Довольный фельдмаршалъ выразилъ опасеніе найти въ Вильнѣ вторую „Капую“. Между тѣмъ Мюратъ 29 Ноября былъ уже въ Ковнѣ, сдѣлавъ въ три дня около ста верстъ. 1 Дек. Мюратъ, порицая Н. за бѣдствія арміи, выступилъ изъ Ковны съ 1000—1500 чел., 2—4 орудіями и 20 т. безоружныхъ. 2 Дек. Ней занялъ Алексатинскія высоты Ковны; въ 10 ч. утра Оруркъ и Платовъ показались на Гюмбиненскихъ высотахъ, и Ней, зажегши Ковну, направился по Тильзитской дорогѣ, гдѣ Пруссаки пугали бѣглецовъ „казаками“ и сторонились ихъ зловонныхъ отрядовъ. Поздно ночью въ Волковискѣ раздался стукъ въ квартирѣ ген. Дюмà, и на вопросъ хозяина послѣдовалъ отвѣтъ: „это я, аріергардъ великой арміи, маршалъ Ней“. Мюратъ прискакалъ въ Кенигсбергъ, за нимъ прибыло 450 гвардейцевъ, 600 конныхъ и 9 орудій, изъ корпусовъ осталось по нѣскольку солдатъ и офицеровъ. Въ Кенигсберскихъ госпиталяхъ находилось до 10 т. больныхъ, среди которыхъ, не смотря на самоотверженные труды врачей (человѣколюбивый докторъ Ларрей) развился тифъ, уносившій множество жертвъ (Ларибусьеръ, инжен. Эблѣ). Попытка реорганизаціи арміи собрала всего до 10 т. чел.

Исторія не помнитъ такой страшной катастрофы: изъ 620 т. (640 т.) великой арміи обратно за Вислу перешло только 80 т. (большею частью войска обонхъ фланговъ), а 540 т. стали жертвами похода. изъ нихъ 190 т. (ок. 200 т.) плѣнныхъ, а изъ остальныхъ 350 т. половина погибла отъ меча, а другая половина отъ усталости, голода, холода и болѣзней.

Велки были потери и у Русскихъ: за 45 дней (отъ Малоярославца) Рускіе потеряли 60-70 т., 48 т. больныхъ и 12 т. убитыхъ. Въ Вильнѣ у Кутузова было около 86 т., да въ походѣ 15—16 т., а всего ок. 100 т. и 557 орудій.

11 Дек. въ Вильну прибылъ Государь. Кутузову былъ поднесенъ на серебряномъ блюдѣ Георгій 1 ст. 12 Дек., ровно черезъ 6 мѣс. послѣ начала войны, Государь на балу, въ день своего рожденія, сказалъ Кутузову: „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу“. Манифестъ 25 Дек., между прочимъ. свидѣтельствовалъ, что „уже нѣтъ ни одного врага на лицѣ земли нашей“. Тогда же въ особомъ „Воззваніи“ было возвыщено народу о намѣреніи Государя „въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа“.

Одинъ подвигъ Александра не мирится съ Наполеономъ закончился. Начинался другой его подвигъ докончить борьбу съ Наполеономъ.

4. Наполеонъ, хотя и одинъ, но ушелъ. Еще въ Сморгони и Варшавѣ онъ говорилъ, что оставляетъ за тѣмъ. „чтобы привести триста тысячъ солдатъ“ и „вести вторую кампанію, потому что первая война не кончилась одною кампаніей“, и обѣщаль Полякамъ „возвратиться весною съ новой арміей“. Наполеонъ не могъ примириться съ положеніемъ, въ какое его поставилъ исходъ кампаніи 1812 г. Это понимали многіе, и яенѣ другихъ понималъ это Александръ, который еще послѣ Московскаго пожара сказалъ: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Кампанія 1813—1814 гг. была рѣшена, какъ необходимое продолженіе войны 1812 г.

Важнымъ толчкомъ къ началу войны 1813 г. было заключеніе Прусскимъ ген. Юркомъ Таурогенской конвенціи, 18 Дек. подписанной Дибичемъ. 24 Дек. Витгенштейнъ направляется въ Кенигсбергъ, а 28-го и вся Русская армія выступаетъ изъ Вильны за границу, подъ предводительствомъ Кутузова, котораго Пруссаки встрѣчали привѣт-

ствіями: „Vivat der Grosse Alte!“ Благодаря стараніямъ Прусскихъ патріотовъ, особенно „жельзнаго барона“ Штейна, въ Февралѣ заключенъ Калишскій договоръ съ Пруссіей (3 Марта произошло свиданіе Александра и Фридриха-Вильгельма въ Бреславлѣ); къ союзу присоединились Англія и Швеція, затѣмъ и Австрія, началась война 1813—1814 гг. „за освобожденіе Европы“ и Германіи въ частности. Александръ является „вождемъ безсмертной коалиціи, къ которому обращены всѣ надежды“, „Агамемнономъ среди царей“, „Пастыремъ народовъ“. Начинается какъ бы обратное движеніе волны Европейскихъ народовъ: какъ прежде Наполеонъ во главѣ почти всей Европы прошелъ отъ береговъ Сены до береговъ Оки, такъ теперь Александръ во главѣ Европейской коалиціи проходитъ отъ береговъ Оки до береговъ Сены.

Война 1812 г. называется также „нашествіемъ Наполеона“ и „Отечественною войною“. Точнѣе въ 1812-мъ году было „нашествіе Европы“ подъ предводительствомъ Наполеона. По своей разорительности и по пространству, на 12 губерній нашествіе это далеко оставляетъ за собою сто лѣтъ предъ тѣмъ бывшее нашествіе Карла XII, и въ народной памяти какъ бы воскресаютъ времена великой „Разрухи“ и даже времена Батыя („безсчастныи сонъ и плачь красной дѣвицы“ въ народныхъ пѣсняхъ). По своей цѣли—защита, оборона отечества, по тому единодушію какое проявилъ тогда весь Русскій народъ, наконецъ, по тѣмъ неисчислимымъ жертвамъ, какія онъ принесъ (считываютъ, что въ 1812-мъ году было выставлено 320 т. ополченцевъ, въ томъ числѣ 50 т. конныхъ, не считая чисто народныхъ ополченій, и пожертвовано болѣе ста мил. рублей) война эта имѣетъ преимущественное право на названіе „отечественной“ войны. Она потребовала крайняго напряженія всѣхъ силъ народныхъ, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ. Поднялось до высшей степени присущее Русскому народу благочестивое и патріотическое чувство, т. е. чувство любви къ отечеству и народной гордости. Истиннымъ выразителемъ такого настроенія народнаго былъ А. С. Шишковъ, составитель „воззваній“ къ народу и манифестовъ, „Русскій Фихте“, какъ его называли. Тогда начался походъ противъ „французоманіи“ (выраженіе Шишкова), т. е. Французскаго языка, модъ, театровъ. Такой подъемъ народнаго чувства нашелъ себѣ отраженіе и въ литературѣ: появляется Пушкинъ „нашъ поэтъ, наша отрада, святая некра, выбитая изъ груди Россіи нашествіемъ Европы“ (П. И. Бартеневъ), пропекаетъ расцвѣтъ Русской литературы въ ближайшія десятилѣтія. Сама война 1812-го года долго служила источникомъ вдохновенія лучшихъ нашихъ поэтовъ и писа-

телей, не только современниковъ и даже участниковъ событія (какъ Жуковскій, князь Вяземскій, Батюшковъ, Глинка, Загоскинъ, Лажечниковъ), но и послѣдующихъ (отъ Пушкина, Лермонтова и Тютчева до Майкова и графа Л. Толстого). Эта же эпоха нашла себѣ отраженіе и въ архитектурѣ (А. Л. Витбергъ, К. А. Тонъ), и въ живописи (полотна В. В. Верещагина) и въ музыкѣ Глинки. Война 1812-го г. и необходимое продолженіе ея, заграничный походъ 1813—14 г.г., пробуждаетъ общественную мысль, которая направляется главнымъ образомъ на критику крѣпостного права: въ концѣ царствованія Александра I-го происходятъ „общественныя движенія“, завершившіяся 14 Декабря 1825 г.

Въ 1812-мъ году рѣшалась судьба не одной только Россіи, но и Европы и Германіи въ частности, что открыто и признавалось современниками. (4 Іюня 1818 г. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III съ своимъ наслѣдникомъ и свитою, обзрѣвая въ Москвѣ ряды обгорѣлыхъ улицъ и домовъ, „сталъ на колѣни, приказавъ и сыну своему сдѣлать тоже: отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: „вотъ наша спасительница!“). Съ этого времени Россія пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе въ международныхъ отношеніяхъ, получаетъ преобладающее вліяніе на дѣла Европы.

„Подвигомъ“ Русскаго народа была война 1812-го года, и въ этомъ отношеніи Александръ былъ истиннымъ представителемъ своего народа. Занимая центральное мѣсто въ великой борьбѣ 1812—1814 гг., исходъ которой, можно сказать, главнымъ образомъ зависѣлъ отъ его проникательности, настойчивости, твердости, неусыпныхъ трудовъ, выдающагося дипломатическаго таланта. Александръ въ тоже время проявляетъ необыкновенную скромность и сильно развитое благочестивое чувство. По окончаніи тяжелой борьбы, воздавъ должное всеѣмъ сословіямъ, всему Русскому народу, который по всесвѣтному признанію его (въ манифестахъ) является какъ бы „главнымъ героемъ“ этой борьбы, Александръ отказывается отъ присвоеннаго ему современниками, но оставшагося за нимъ въ исторіи имени „Благословеннаго“ и смиренно относитъ все содѣянное Промыслу Божію: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“, гласитъ надпись на медали 1812 года.

Таково вкратцѣ значеніе „вѣчной памяти двѣнадцатаго года“.

А. П. К.

12 Іюня 1912 г. Е—графъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНАТОЛІЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ЕГОРОВА.

Къ новому мѣсту служенія моего въ Москву я прибылъ, сколько мнѣ помнится, во второй половинѣ Января мѣсяца 1866 года.

Тотчасъ по прибытіи моемъ я, разумѣется, явился къ моему новому начальнику, отдѣльному цензору по иностранной цензурѣ Владимиру Максимовичу Ведрову. Уже изъ рассказовъ о немъ, я понялъ, что буду имѣть дѣло хотя и съ образованнымъ, но достаточно взбалмошнымъ человѣкомъ, что на самомъ дѣлѣ и оказалось.

Бывшій профессоръ всеобщей исторіи въ Казанскомъ университетѣ, Ведровъ, послѣ какой-то непріятной исторіи съ своими коллегами профессорами этого университета, попалъ цензоромъ въ Москву. Какъ всесторонне образованный человѣкъ, несомнѣнно имѣлъ онъ свои достоинства и хотя не вполне отвѣчалъ своему новому назначенію, не умѣя говорить ни на одномъ иностранномъ языкѣ, но теорически зналъ ихъ и не затрудняясь давалъ отзывы о прочитанныхъ имъ книгахъ. Припоминая эту особенность языковѣднія моего перваго начальника по иностранной цензурѣ, я долженъ сказать, что впоследствии мнѣ приходилось имѣть дѣло въ этой спеціальной цензурѣ съ такими сослуживцами, которые, не зная вовсе иностранныхъ языковъ, ни теоритически, ни практически, благополучно фигурировали въ ней въ роли цензоровъ, возбуждая удивленіе умнѣемъ выворачиваться въ критическіе моменты изъ „паскуднаго положенія“... Но если съ этой стороны Ведровъ стоялъ головою выше такихъ фальсифицированныхъ полиглотовъ, то съ другой онъ, по суетливости и мелочности своего характера, могъ также одержать верхъ надъ любой капризной бабой. Немного надо было мнѣ времени, чтобы понять, что если я избавился отъ печальной доли влачить свое существованіе на развалинахъ Симбирскаго пожарища, за то здѣсь, въ столицѣ, гдѣ жизнь сулила мнѣ

столько пріятныхъ перспективъ, я нарвался на челоѣка, отъ неуживчивости права котораго жизнь эта будетъ мнѣ отравлена.

Со свойственной молодости жизнерадостностью, я принялся, однако, не теряя бодрости духа, за новое служебное дѣло и за ознакомленіе съ новой жизненной обстановкой моей. Не имѣя тогда, по роду моей канцелярской обязанности, никакого прямого отношенія къ самому процессу цензирования, я находилъ мою новую обязанность уже тѣмъ пріятной, что въ ней мнѣ приходилось значительно менѣе удѣлять времени канцелярщинѣ и отдавать его больше на просмотръ книгъ и журналовъ на языкахъ всего свѣта. Уже одно соприкосновеніе къ такого рода работѣ давало мнѣ возможность расширить мой кругозоръ и развить умъ при выборѣ чтенія по вкусу и по желанію. Въ этомъ отношеніи служба по иностранной цензурѣ имѣетъ несомнѣнно свои пріятныя стороны передъ всякой другой. Но рядомъ съ этимъ мнѣ приходилось очень туго по части матеріальной: я получалъ весьма скудное содержаніе. Особенно чувствительнымъ для меня былъ этотъ недостатокъ въ первое время, пока канцелярія Московскаго отдѣльнаго цензора по иностранной цензурѣ и комитетъ внутренней цензуры помѣщались въ нижнемъ этажѣ зданія стараго Университета, и я не имѣлъ казенной квартиры, которая мнѣ была предоставлена уже позднѣе. Перемѣщеніе названныхъ цензурныхъ учреждений изъ занимаемаго ими помѣщенія въ зданіе принадлежащее Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго они тогда отошли въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, въ Шереметевскій переулокъ, въ домъ княгини Мещерской, совершилось черезъ годъ по прибытіи моемъ въ Москву. Тогда только я нѣсколько оправился, имѣя прекрасную даровую квартиру въ двѣ комнаты съ отопленіемъ, и зажилъ какъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ братомъ Несторомъ (нынѣ д. ст. сов., занимающій должность председателя Мирового Съѣзда въ Варшавѣ и члена консультаціи при Министерствѣ Юстиціи), только что окончившимъ тогда гимназію въ Харьковѣ и поступившимъ сначала на математическій факультетъ Московскаго Университета, а потомъ перемѣнившій его на юридическій.

Первымъ председателемъ Московскаго Цензурнаго Комитета по внутренней цензурѣ, по введеніи новаго устава о цензурѣ и печати и по назначеніи въ Петербургъ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенатора М. П. Щербинина, былъ Н. П. Мансуровъ, назначенный на эту должность изъ Самарскихъ губернаторовъ. Это былъ природный бюрократъ-карьеристъ, который, не особенно утруждая себя службой, успѣлъ въ послѣдствіи, имѣя большія связи въ Петербургѣ, добратся благополучно до предѣла чиновничьихъ стремле-

ній—Члена Государственнаго Совѣта. Долженъ однако отмѣтить, что онъ относился, какъ къ моему двоюродному брату, который былъ при немъ секретаремъ Московскаго Комитета, такъ и ко мнѣ, человѣку ему не подчиненному, весьма доброжелательно.

Что касается цензурской коллегіи, то въ составѣ ея (первомъ по сформированіи Московскаго комитета внутренней цензуры по Уставу 1865 года я засталъ слѣдующихъ лицъ: Росковшенку, Ѳедорова, Рахманинова, Прибиля и Безсомыкина. Двое первыхъ смѣнили Мансурова поочередно въ предсѣдательствованіи въ названномъ Комитетѣ, а о послѣднемъ изъ нихъ я буду имѣть случай говорить еще. Относительно же остальныхъ могу сказать, что цензоръ Рахманиновъ слылъ за человѣка выдающагося ума, Прибиль былъ родственнымъ сенатора Щербинина, а о Безсомыкинѣ, что онъ отличался своими чудачествами, изъ коихъ слѣдующее было извѣстно о немъ чуть-ли не всей Москвѣ. Страшась болѣе всего умереть внезапной смертью на улицѣ, онъ постоянно носилъ при себѣ въ боковомъ карманѣ виць-мундира записку такого содержанія: сей трупъ принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Ивановичу Безсомыкину, живущему тамъ-то. Былъ онъ человѣчкомъ небольшого роста, типичнаго Московскаго стариннаго склада, образованный, весьма вѣжливый и со всѣми очень обходительный. Всѣ они теперь уже покойники. Миръ праху ихъ!

Черезъ два года по находженіи моемъ въ цензурѣ, я, одновременно съ нею, а именно съ Ноября 1868 г., принялъ предложенную мнѣ должность помощника правителя дѣлъ въ канцеляріи Совѣта высочайше утвержденного Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 г., правителемъ дѣлъ котораго былъ камергеръ Панинъ. Попалъ я на эту должность по настоянію покойнаго дяди моего, директора Межевого архива, Дмитрія Андреевича Егорова, пожелавшаго почему-то ввести меня въ кругъ Московскаго высшаго общества. Предсѣдательницей названнаго благотворительнаго общества была маститая, 80-ти лѣтняя столбовая дворянка и коренная Москвичка Татьяна Александровна Савина, жившая въ собственномъ старинной архитектуры домѣ съ бѣлыми колоннами и лѣпными украшеніями на Арбатѣ. Женщина она была властнаго характера и типичной наружности, носила постоянно чепецъ съ рюшами на сѣдой головѣ и платья стариннаго фасона на худоцавой, высокой и прямой фигурѣ своей. По воспитанію своему это была одна изъ послѣднихъ представительницъ Русскаго высшаго общества временъ Александра I. По французски она говорила и писала безупрочно, а по русски говорила по наслышкѣ отъ деревенскихъ бабъ. Она, напримѣръ, произносила слова такъ: рабенокъ, секлетарь, пришпектъ и т. п.

Дядя мой, далеко не свѣтскій человѣкъ и оригиналь большой руки, родившійся и умершій въ Москвѣ никуда изъ нея ни разу не выѣзжавшій, имѣлъ собственный небольшой деревянный домъ на Зубовскомъ бульварѣ, не далеко отъ дома сестры своей, Екатерины Андреевны Прониной, находившагося противъ церкви Троицы въ Зубовѣ, въ началѣ Дѣвичьаго поля. Онъ былъ большой знатокъ по части гражданскихъ дѣлъ, и это обстоятельство побудило Т. А. Савицу, имѣвшую вѣчно какіе-то процессы по своей Смоленской вотчинѣ, познакомиться съ нимъ и на столько помнить его, что безъ его совѣта и апробаціи она ничего не предпринимала. Въ виду такого отношенія къ дядѣ моему, она оказывала и мнѣ особенное свое благорасположеніе и требовала, чтобы я непрѣменно бывалъ у нея каждое Воскресеніе вечеромъ, когда она принимала своихъ знакомыхъ и дамъ-патронессъ, въ числѣ коихъ я припоминаю слѣдующихъ: кавалерственную даму генеральшу Чертову, Стрекалову, княгиню Трубецкую, графиню Олсуфьеву, фрейлину Тютчеву, Еришову и пр. По поводу первой изъ нихъ ходилъ тогда анекдотъ, будто она, будучи дѣвницей, долго отказывала своему жениху генералу Чертову, не рѣшаясь носить его демоническую фамилію, но подъ конецъ согласилась и написала своей подругѣ: „malgré tout, je suis devenue diabollesse!“ Ею оставленъ по завѣщанію значительный капиталъ на учрежденіе института въ Москвѣ, который нынѣ и находится на Пречистенкѣ и носить ея имя. Эти барыни были попечительницами надъ находившимися въ вѣдѣніи нашего общества женскими руководѣльными школами, размѣщеннымъ по всей обширной Бѣлокаменной, и каждая изъ этихъ попечительницъ вносила свою долю благотворительной заботливости о питомцахъ ввѣренной ей школѣ, откуда выходили не столько грамотныя дѣвушки, сколько умѣлыя швеи и мастерицы по женскимъ руководѣліямъ. Для меня самымъ пріятнымъ временемъ посѣщенія этихъ школъ былъ Ноябрь мѣсяць, когда въ нихъ происходили экзамены. Тогда каждая изъ этихъ знатныхъ барынь устраивала въ своей школѣ роскошный завтракъ, соперничая въ изысканности яствъ одна переть другой, такъ какъ кромѣ предѣвательницы всѣхъ попечительницъ служившихъ въ Обществѣ, приглашался на него, вмѣсто немощнаго владыки митрополита Филарета, первый викарій его, епископъ Леонидъ, любимецъ всѣхъ этихъ барынь. На меня возлагалась обыкновенно миссія приглашенія его, и я не разъ бывалъ у него по этому поводу у него на подворіи на Тверской, гдѣ всякій разъ поражался массою удивительной работы подушекъ: этими подношеніями его поклонницъ были завалены у него въ два ряда его диваны. Преосвященный этотъ, надо сказать, былъ дворянскаго происхожденія, служилъ во флотѣ и имѣлъ, при пріятной наружности, свѣт-

скія манеры, чѣмъ и плѣнялъ всѣхъ. имѣвшихъ съ нимъ сношеніе, а особенно барынь. И ужъ какіе-же закатывали онѣ ему завтраки! Завтраки эти были конечно постные, но приготовленные первоклассными поварами и сервированные на фампльныхъ золотыхъ, серебрянныхъ и фарфоровыхъ сервизахъ, съ ихъ гербами и лакеями въ дивреяхъ цвѣта ихъ гербовыхъ щитовъ, что представляло, по контрасту со скромной школьной обстановкой, среди которой завтраки давались, совѣмъ необычайное и интересное для наблюдений зрѣлище. Такихъ „постныхъ“ блюдъ, кулебякъ, стерлядей, осетровъ и проч. какъ въ тѣ Ноябрьскіе дни экзаменовъ нашихъ женскихъ школъ, мнѣ болѣе не доводилось ѣсть: да и надо сказать, что вѣдь и тѣхъ баръ что были тогда, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, вскорѣ послѣ упраздненія крѣпостного права, теперь уже и слѣдъ простыль!.. Ихъ знали еще только тѣ, которые, какъ я, пережили эпоху великихъ реформъ Царя-Освободителя, положившихъ конецъ безшабашной расточительности Россійскихъ феодаловъ.

Посѣщая воскресные вечера моей гостепріимной патронессы, къ которой всѣ въ Москвѣ относились съ особеннымъ уваженіемъ (хотя по мужу своему, она была только всего вдовою поручика) и которую самъ Принцъ Ольденбургскій наѣзжая въ Москву по дѣламъ своего вѣдомства, обязательно посѣщалъ и цѣловалъ ей руку, я имѣлъ возможность познакомиться со многими представителями и представительницами тогдашняго Московскаго общества. У Савиной я, между прочимъ встрѣчалъ Юрія Самарина, прославившагося только что изданной имъ тогда книгой о нашей Остзейской окраинѣ. Однажды я засталъ у нея-же мальчика, лѣтъ 16, въ Лицейской курткѣ, обратившаго на себя мое вниманіе необыкновенной юркостью и умѣніемъ подластиться къ хозяйкѣ дома. Мальчикъ этотъ оказался внукомъ Т. А. Савиной и въ своемъ родѣ тоже знаменитостью, прогремѣвшей впоследствии своими мошенническими подвигами на весь свѣтъ, извѣстный корнетъ Савинъ, дѣйствовавшій болѣе подъ фамиліями князя Савина, графовъ Тулузъ-Лотрека, Ламберта и проч. Можно было уже и тогда предвидѣть, что изъ этого юнца, высижившаго потомъ въ тюрьмахъ стараго и новаго свѣта, не выдетъ добродѣтельнаго человѣка.

Выше я упомянулъ о митрополитѣ Филаретѣ. Въ бытность мою въ Москвѣ, мнѣ пришлось два раза видѣть этаго знаменитаго іерарха Русской церкви и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ первый разъ я видѣлъ его еще въ 1858 г., когда я, будучи воспитанникомъ Виленскаго Института, пріѣзжалъ на каникулы къ родителямъ моимъ въ Москву, гдѣ отецъ мой занималъ въ то время должность начальника Инженернаго Округа. Это было 22 Юля, въ день

Маріи Магдалины и тезоименитства императрицы Маріи Александровны, въ Успенскомъ соборѣ. Отецъ мой взялъ меня съ собой на богослуженіе, чтобы показать мнѣ знаменитаго митрополита Московскаго. Какъ теперь вижу его небольшую худощавую фигуру, въ которой только одни глубокіе и пронизательные глаза горѣли жизненнымъ огнемъ, отражая въ себѣ мощь его духа. Когда наступилъ моментъ проповѣди, Филаретъ вышелъ изъ алтаря и, опираясь на посохъ, произнесъ свое слово твердымъ и отнюдь не старческимъ голосомъ, раздавшимся съ одинаковой силой по всему собору, при затаившей дыханіе сплошной массѣ народа и окружившихъ его со всѣхъ сторонъ архіереевъ и священнослужителей, участвовавшихъ въ богослуженіи. Онъ говорилъ на тему о покаявшихся подобно Маріи Магдалинѣ грѣшникахъ, и проповѣдь эта (находящаяся въ общемъ собраніи его рѣчей) отличалась тѣмъ-же мастерствомъ богословскаго изложенія и языка, соперничать съ которымъ могъ съ нимъ развѣ только другой знаменитый духовный витія нашей церкви—архіепископъ Херсонскій Иннокентій. На меня, какъ самая наружность проповѣдника и особенно необыкновенное выраженіе его удивительныхъ глазъ, такъ и его проповѣдь, произвели сильное, до сихъ поръ неизгладимое впечатлѣніе, хотя съ тѣхъ поръ прошло полвѣка... Въ другой разъ, я видѣлъ того-же свитителя девять лѣтъ спустя, въ 1867 г., уже въ гробу, въ Чудовомъ монастырѣ. Долго ходившая по Москвѣ молва о болѣзненномъ состояніи, происходившемъ отъ старческой немощи почти девяностолѣтняго архипастыря, завершилась наконецъ его вѣчнымъ сномъ. Помню его похороны. Я находился на Тверской, гдѣ была вся Москва, въ ожиданіи прохода печальной процессіи изъ митрополичьяго дома въ Чудовъ монастырь въ Кремль. Еще ничего не видя, можно было догадаться о выходѣ ея съ мѣста по пробѣжавшему въ сплошной народной массѣ движенію, словно отъ электрическаго тока. Какой-то стихійный гулъ сопровождалъ колесницу съ гробомъ, становясь постепенно яснѣй и сильнѣй по мѣрѣ приближенія ея къ мѣсту, гдѣ я находился, и, когда наконецъ шествіе поровнялось со мною, гулъ этотъ превратился въ какой-то стонъ, прерываемый криками раздавленныхъ. Устоять на мѣстѣ не было возможности, не рискуя жизнью. Не упомяну въ настоящее время, кто именно изъ іерарховъ былъ во главѣ того необозримаго сонма духовныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ похоронахъ Филарета; но могу сказать, что такого количества архіереевъ, архимандритовъ и прочаго разнаго рода лицъ духовнаго званія мнѣ никогда больше не приходилось видѣть. Здѣсь были представители не только всѣхъ сорока сороковъ церквей Московскихъ, но и многихъ иногороднихъ. Особенное-же вниманіе обращали на себя ряды монашествующихъ изъ всѣхъ древнихъ Московскихъ

мужскихъ и женскихъ монастырей и единовѣрческое духовенство, шествовавшее за гробомъ съ зажженными свѣчами краснаго и зеленаго воска. Сама-же колесница, запряженная двумя лошадьми въ черныхъ попонахъ и девевянный гробъ, покрытый архіерейскою мантией, представляли, по контрасту своему со всей остальной духовной процессіей, суровый по скромной простотѣ своей видъ.

Тѣло митрополита Филарета было выставлено на три дня въ Чудовомъ монастырѣ, а затѣмъ перевезено въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ и погребено. Не имѣя возможности протискаться до него днемъ изъ-за массы народа, непрерывнымъ потокомъ осаждавшей Чудовъ монастырь, я проникъ туда въ поздній часъ ночи. Съ лицомъ покрытымъ воздухомъ, лежалъ покойный митрополитъ въ гробу изъ кипарисоваго дерева, на катафалкѣ, среди церкви. На ноги его была возложена святительская мантия, а вокругъ гроба лежали на табуретахъ атрибуты его сана. Только одна сухая рука его виднѣлась изъ его облаченія, и народъ прикладывался къ ней какъ къ нетлѣнной. Монахи въ черныхъ мантияхъ, смѣняясь, читали положенныя при архіерейскихъ похоронахъ Евангелія, и по всему древнему храму, освѣщенному нѣсколькими лампадами и восковыми свѣчами, разносился запахъ ладона, смѣшанный съ запахомъ кипариса отъ гроба съ прахомъ великаго духовнаго витія.

Въ Москвѣ я пробылъ ровно четыре года. Хотя служба моя не приносила мнѣ матеріальнаго довольства, и я долженъ былъ во многомъ себѣ отказывать, но, обладая природенной способностью приноровляться къ жизненнымъ обстоятельствамъ, я сумѣлъ лавировать въ столичной жизни благополучно, не отказывая себѣ и въ развлеченіяхъ. Большой интересъ представляла для насъ тогда моему двоюродному брату, секретарю, а впоследствии цензору Московскаго Комитета Н. В. Егорову, пріятелю моему Л. С. Кроткову (съ которымъ я еще въ Симбирскѣ познакомился) и мнѣ бывать въ судебныхъ учрежденіяхъ въ Кремлѣ и высказывать тамъ по цѣлымъ часамъ при разбирательствѣ разныхъ уголовныхъ дѣлъ, выслушивая рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ и наблюдая съ особеннымъ вниманіемъ за всей процедурой новаго для Россіи гласнаго суда, введеннаго по волѣ великаго преобразователя Судебными Уставами 20 Ноября 1864 года, коими начата исторія нашей гражданственности.

Первыми пионерами судебной реформы были въ Москвѣ: предсѣдатель Окружнаго Суда Люминарскій и товарищи его Андреевскій-Синеоковъ, Дейеръ и Арсеньевъ. Они старались всячески подчеркнуть независимость новаго суда, а Ю. Е. Люминарскій тотъ даже прославился тѣмъ, что встрѣтилъ самаго министра юстиціи графа Палена,

посѣтившаго Московскій Окружной Судъ, не на крыльцѣ, а занимаясь у себя въ кабинетѣ. Въ адвокатскомъ же мірѣ блисталъ краснорѣчіемъ князь Урусовъ, при первомъ дебютѣ котораго въ судѣ по дѣлу о какой-то дѣвицѣ Маріи, задушившей въ болѣзненномъ припадкѣ родовъ своего вѣнчаннаго ребенка, я присутствовалъ и былъ свидѣтелемъ той оваціи со стороны публики, которая была сдѣлана ему по вынесеніи присяжными засѣдателями оправдательнаго вердикта этой несчастной жертвѣ темперамента. Все это было ново, невидано и сіяло такимъ разительнымъ контрастомъ съ тьмою отжившаго и безвозвратно погребеннаго суроваго прошлаго нашей горемычной родины, о царившемъ правосудіи въ которой до того Н. С. Аксаковъ говоритъ, что при воспоминаніи о немъ „волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ по кожѣ дереть“, что мы, свидѣтели славныхъ дней ея обновленія, съ пламеннымъ восторгомъ встрѣчала всѣ вводимыя и быстро слѣдовавшія одна за другой коренныя реформы въ государственномъ управленіи. То была великая эпоха наивысшаго проявленія творческаго духа въ преобразовательной дѣятельности Царя-Освободителя.

Какъ всякая великая эпоха въ исторіи народовъ, такъ и эта, отразилась также и на родномъ искусствѣ. Никогда еще наша сцена не достигала такой высоты, какъ въ ту незабвенную эпоху. Образцовый Московскій Малый Театръ, всегда и прежде стоявшій впереди прочихъ, дошелъ въ ту пору до зенита своей славы. Такія имена, какъ Щепкинъ, Шумскій, Садовскій, Самаринъ, Живокини, Никифоровъ, Медвѣдева, Васильева, Рыкалова, Ѳедотова, Никулина и Акимова украшали ея подмостки и были кумирами Всероссийскими.

Я видѣлъ на Маломъ театрѣ Щепкина всего разъ въ моей жизни. Это было въ томъ-же 1858 году, когда въ пріѣздъ мой въ Москву видѣлъ я и Филарета. Шла, тогда еще новая пьеса Сухого-Кобылина „Свадьба Кречинскаго“ въ такомъ составѣ исполнителей: Шумскій-Кречинскій, Садовскій-Расплюевъ, Щепкинъ-Муромцевъ, Рыкалова—его жена, Ѳедотова—дочь. Мнѣ много разъ случалось потомъ видѣть ту же пьесу, но такого высоко-художественнаго воспроизведенія ея, въ такомъ составѣ гениальныхъ исполнителей, мнѣ, да и не мнѣ только, а и современнымъ мнѣ и будущимъ поколѣніямъ, на врядъ ли когда-либо прійдется увидѣть, въ этомъ я твердо увѣренъ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но впечатлѣніе отъ игры этихъ великихъ артистовъ врѣзалось у меня въ памяти до того, что они стоятъ передо мной какъ живые во всемъ недосыгаемомъ своемъ творческомъ величіи, будто я ихъ сейчасъ вижу. Играли-ли они Гоголя, Островскаго, Грибоедова, Сухого-Кобылина или Бобарыкина, Дьяченку, Александрова-Крылова—безразлично, даже въ самыхъ пустыхъ по содержанию и

слабыхъ пьесахъ, повсюду они всецѣло перевоплощали себя въ изображаемую ими личность; олицетворяя ее и отрѣщаясь отъ собственной, они давали художественно законченныя типы со всеми подобающими чертами и особенностями. Умѣніемъ и тайной такого перевоплощенія владѣють немногіе лицедеи, и тогда они именуется уже не просто актерами, а артистами. Для такихъ избранныхъ драматическаго искусства не существуетъ слабыхъ, эпизодическихъ ролей: достаточно нѣсколько авторскихъ намековъ, чтобы изъ недомолвленной роли они создали живой сценическій образъ. Къ плеядѣ такой категоріи артистовъ Русской сцены я, кромѣ поименованныхъ Москвичей, могу причислить за мое время еще только трехъ на Петербургской сценѣ, а именно: Самойлова, Васильева и Давыдова: но объ нихъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Возвращаясь-же къ игрѣ Московскихъ артистовъ, долженъ сказать, что всякій изъ нихъ, въ своемъ амбуа, не имѣлъ себѣ соперниковъ и конкурентовъ. Таковъ, на примѣръ, Шумскій былъ въ Кречинскомъ; Садовскій—этотъ серьезный комикъ подобнаго которому мнѣ уже не доводилось видѣть, былъ единственъ въ роляхъ Расплюева, Осипа въ „Ревизорѣ“ и во всѣхъ пьесахъ Островскаго; Самаринъ въ характерныхъ роляхъ резонеровъ и драматическихъ, Никифоровъ въ бытовыхъ и эпизодическихъ, Живокни, котораго Московскіе купцы называли „Животина“ за его тучность, смѣшилъ всѣхъ до упаду остроуміемъ и комизмомъ и въ этомъ отношеніи нашелъ себѣ впоследствии соперника въ Петербургскомъ Варламовѣ, также какъ и онъ, готовомъ жужжать въ роли мухи въ „Орфеѣ въ аду“ и плясать качучу въ женскомъ нарядѣ. Что касается женщинъ, то кто видѣвъ Фодотову въ роли Катерины въ „Грозѣ“, или въ „Василисѣ Мелентьевнѣ“, или Никулину въ роляхъ старыхъ дѣвъ, Медвѣдеву и Васильеву въ роляхъ *grande-dame*, а Акимову въ роляхъ свахъ и приживалокъ, тотъ не можетъ забыть игру этихъ удивительныхъ артистокъ и быть имъ неблагодаренъ за минуты высокаго эстетическаго наслажденія. Но не однѣ эти звѣзды первой величины украшали тогда сцену Малаго театра: были и такія, которыя мерцали на ней не столь ярко, принося на алтарь роднаго искусства и свою послѣднюю ленту, хотя и въ менѣе отвѣтственныхъ, но всегда добросовѣстно и съ должной выдержкой исполненныхъ роляхъ. Таковы были: Вильде, Петровъ, Фодотовъ, Степановъ, Музиль, Рябовъ и неизмѣнный лакей и половой—Гельцеръ. Содѣйствуя своей прекрасною игрою успѣху дѣла, они связываютъ въ моемъ воспоминаніи свои имена съ именами своихъ великихъ товарищей по искусству и усиливаютъ то неизгладимое впечатлѣніе, которое осталось во мнѣ отъ общей картины исполненія.

Чтобы постичь, на сколько было совершенно исполненіе пьесъ въ этомъ замѣчательномъ ансамблѣ Московской труппы Малаго театра, я приведу слѣдующій примѣръ. Одно время репертуаръ даваемыхъ въ этомъ театрѣ пьесъ былъ существенно измѣненъ, и вмѣсто драматическихкихъ произведеній Русскихъ авторовъ, въ немъ стали давать классическія переводныя пьесы иностранныхъ, Шекспира, Шиллера, Мольера, Расина, Кальдерона и проч. И что-же? Тѣ самые исполнители, которые, казалось, были созданы для нашихъ только отечественныхъ писателей, въ такомъ же художественномъ совершенствѣ выполняли эту новую для нихъ задачу. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть въ Парижѣ въ „Maison Molière“, т. е. въ извѣстномъ театрѣ „Comédie Française“, Тартюфа съ Кокленомъ и съ прочими артистами этого прославленнаго театра, и я вспоминалъ Самарина въ роли Тартюфа и Шумскаго въ роли Оргонта, игра которыхъ въ этихъ роляхъ была несравненно художественнѣе и выше прирожденныхъ Французовъ. Тоже могу сказать и объ „Укрощеніи Строптивой“, видѣнной мной на лучшемъ въ Германіи театрѣ, Мюнхенскомъ, и тутъ игра нашихъ несравненныхъ Москвичей была куда совершеннѣе Нѣмцевъ. „Актеръ, говоритъ Суворинъ по поводу юбилея В. Н. Давыдова, это исключительный художникъ. Онъ не оставляетъ послѣ себя писанныхъ произведеній, не оставляетъ своей души въ нихъ, какъ художники въ картинахъ, въ статуяхъ, какъ писатели въ поэтическихъ произведеніяхъ. Артистическая душа только на сценѣ, и затѣмъ она переходитъ въ устные рассказы, въ анекдоты, воспоминанія, и легенды и чрезъ эту память невидимое вѣяніе руководитъ подроставшимъ поколѣніемъ артистовъ“.

Вотъ именно этимъ сіяніемъ талантовъ, этою артистичностью первыхъ великихъ исполнителей Московской сцены Малаго театра держится и понынѣ въ немъ духъ былого, и еще долго, будемъ надѣяться, пребудетъ онъ въ поколѣніяхъ служителей Русскаго искусства.

Одновременно съ такимъ высокимъ процвѣтаніемъ Малаго театра, отличался въ ту пору своими исполнителями въ Итальянской оперѣ и стоящій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Большой театръ, одинъ изъ обширнѣйшихъ театровъ въ Европѣ. Тамъ приводили всѣхъ въ восторгъ замѣчательныя пѣвицы: Арто, сестры Маркизіо, Онноре, Феруччи, Бенатти и пѣвцы: Станіо, Падилла, Рота и неизмѣнный Итальянецъ-Москвичъ Фянокки. Арто была лучшей ученицей Віардо, и дѣйствительно мнѣ рѣдко доводилось слышать болѣе выработанный голосъ въ сопранныхъ партіяхъ, какъ у нея. Мужъ ея, баритонъ Падилла, былъ также недюжинный пѣвецъ. Сестры Маркизіо отлича-

лись необыкновенной спѣвкой своей въ дуэтахъ, и конькомъ въ ихъ репертуарѣ была „Семирамида“. Теноръ Станіо, обладая прекраснымъ голосомъ и красивой наружностію, производилъ фуроръ въ „Робертѣ“, особенно въ нѣмой сценѣ съ балериной Кеммереръ на монастырскомъ кладбищѣ.

Но кромѣ вокальной части, тогда процвѣтала также и музыкальная въ лицѣ двухъ братьевъ Рубинштейновъ, которыми подѣлился обѣ столицы: первый водворился въ Петербургъ и тамъ основалъ Консерваторію; второй—въ Москвѣ, гдѣ имъ также основана Консерваторія.

Съ Николаемъ Рубинштейномъ и его игрою я познакомился впервые у Погодиныхъ. Большая пріятельница моей матери и жены историка профессора М. П. Погодина, вдова Виленскаго вице-губернатора В. П. Нельская, жила въ то время въ Москвѣ у Погодиныхъ, въ ихъ домѣ на Дѣвпчьемъ полѣ, гдѣ занимала тѣ самыя комнаты въ мезонинѣ, гдѣ проживалъ Гоголь. Получивъ однажды приглашеніе отъ нея на одинъ изъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которые изрѣдка устраивалъ маститый историкъ въ своей извѣстной портретной галлерей Русскихъ писателей, я засталъ тамъ между прочими гостями и Николая Рубинштейна. Послѣ чтенія хозяиномъ дома изъ его исторіи Россіи отрывка о „Несторѣ-Лѣтописцѣ“, сѣлъ за фортепіано Николай Рубинштейнъ и сыгралъ намъ знаменитую рапсодію Листа такъ, какъ только онъ, Николай, умѣлъ играть. Сильное впечатлѣніе произвело на меня тогда это гениальное произведеніе въ исполненіи такого музыкальнаго колосса, какимъ былъ Московскій Рубинштейнъ; но потомъ, когда я услышалъ въ Петербургѣ игру великаго Антона, я забылъ о братѣ его!.. То былъ поистинѣ царь фортепіано, и о немъ мнѣ придется еще сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, Московская жизнь моя протекала не среди однихъ служебныхъ занятій, но и среди разнообразныхъ удовольствій, а такъ какъ театръ составлялъ для меня предметъ страстнаго обожанія и стоялъ всегда на первомъ планѣ всякихъ удовольствій, то я имѣлъ возможность вдосталь насладиться имъ.

Возвращаясь къ цензурѣ, скажу, что за время нахождения моего въ Москвѣ произошли въ составѣ служащихъ нѣкоторыя перемѣны. Такъ предѣдатель Цензурнаго Комитета Мансуровъ получилъ назначеніе въ Петербургъ, а мѣсто его занялъ старшій по службѣ изъ цензоровъ Росковшенко. Почти въ тоже время и начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенаторъ М. П. Щербининъ ушелъ въ Сенатъ первоприсутствующимъ, а на его мѣсто назначенъ М. Н. Похвисневъ, бывшій Виленскій гражданскій губернаторъ, поступившій туда на эту должность вмѣсто Россета и хорошо знавшій моего отца.

Последнее обстоятельство послужило къ немалой моей пользѣ: такъ уже въ Декабрѣ 1869 г. я получилъ отъ председателя С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета Александра Григорьевича Петрова письмо, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ поступить пока къ нему въ Комитетъ помощникомъ секретаря съ тѣмъ, что, можетъ быть, возможно будетъ перейти мнѣ на высшую должность въ центральный комитетъ иностранной цензуры, при чемъ добавлялъ: „при благорасположеніи М. П. Похвиснева къ вамъ, можно будетъ что либо для васъ сдѣлать“. Разумѣется, я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и 14 Января 1870 г. былъ назначенъ въ Петербургъ на предложенную мнѣ Петровымъ должность. Но прежде чѣмъ переброситься въ моихъ воспоминаніяхъ изъ Москвы въ Петербургъ, я долженъ еще удѣлить нѣсколько словъ бывшему первому начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати сенатору Щербинину.

Подъ начальствомъ М. П. Щербинина мнѣ почти не довелось служить, и я съ нимъ познакомился, какъ съ дальнимъ родственникомъ, только по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Какъ личность, онъ былъ человекъ стараго закала, весьма образованный чиновникъ Воронцовской школы. Онъ состоялъ управляющимъ канцеляріею, когда графъ, а впоследствии князь Воронцовъ, былъ намѣстникомъ на Кавказѣ. Въ благодарную память о своемъ начальникѣ, онъ посвятилъ ему книгу съ описаніемъ его біографіи и объ управленіи имъ Новороссійскимъ и Кавказскимъ краями.

Покойный М. П. Щербининъ очень любилъ вспоминать свое прошлое; но, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ разсказовъ его у меня остался въ памяти только одинъ, и то относящійся еще ко времени председательствованія его въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

„Въ одинъ изъ Царскихъ пріѣздовъ въ Москву, рассказывалъ онъ, пришлось мнѣ выдержать большое испытаніе. Аксаковъ издавалъ тогда свой „Денъ“ въ Москвѣ, и вотъ въ цензуру была представлена одна изъ его статей для этого журнала, которая была запрещена. Получаю вдругъ приглашеніе отъ генераль-губернатора кн. Долгорукаго пожаловать къ нему. Являюсь. Встрѣчаетъ меня князь заявленіемъ, что императрица Марія Александровна, находившаяся тогда вмѣстѣ съ Государемъ въ Москвѣ, по просьбѣ фрейлigny Тютчевой (сестра которой была за Аксаковымъ) желаетъ, чтобы запрещенная нами статья была непременно напечатана въ „Днѣ“. Собираю цензоровъ, перечтываемъ еще разъ эту статью и находимъ ее положительно невозможной, о чемъ я и сообщаю князю Владимиру Андреевичу. Не тутъ-то было! Императрица приказала мнѣ вторично сказать черезъ министра двора графа Адлерберга, что она непременно желаетъ, чтобы статья

появилась въ „Днѣ“. Отвѣчаю опять, что, по долгу службы, я, къ огорченію моему, не могу исполнить волю Ея Величества. Назначается балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, и я получаю приглашеніе. Государь, проходя мимо и увидя меня, дѣлаетъ рукой знакъ, чтобы я подошелъ къ нему. Когда я посмѣшилъ приблизиться, онъ задаетъ мнѣ вопросъ, правда-ли, что я отказалъ Императрицѣ въ просьбѣ на счетъ дозволенія статьи Аксакова? Отвѣчаю утвердительно и привожу причину мою отказа.—„И прекрасно сдѣлалъ“, сказалъ Александръ II. подавъ мнѣ милостиво руку*).

Досадою очень, что не могу припомнить содержанія Аксаковой статьи, подавшей поводъ къ неудовольствію съ одной стороны и одобренію съ другой и заставившей пережить нѣсколько непріятныхъ дней разсказщику.

Къ этимъ немногимъ строкамъ прибавлю выписки изъ тѣхъ циркулярныхъ распоряженій, которыя были изданы въ то время и которыя характеризуютъ правительственную власть перваго періода вступленія въ силу Устава о цензурѣ и печати 1865 года.

14 Декабря 1865 г. № 747.

Циркулярное распоряженіе, въ которомъ относительно пожара 1864 г. въ г. Симбирскѣ сказано:

„Въ послѣднее время напечатаны были въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, на основаніи частныхъ корреспонденцій, и затѣмъ перепечатаны въ нѣкоторыхъ С. Петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, извѣстія и слухи касательно подробностей производившагося въ г. Симбирскѣ разслѣдованія о причинахъ бывшихъ тамъ въ 1864 г. пожаровъ. Такъ какъ означенное дѣло подлежитъ еще дальнѣйшему производству, то, до окончательнаго его разъясненія и преданія виновныхъ суду по закону, преждевременное оглашеніе упомянутыхъ извѣстій и слуховъ не можетъ не препятствовать существенно успѣшному движенію слѣдственныхъ розысканій и пр.“

Сообщая объ этомъ, начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, сенаторъ М. И. Щербининъ предлагаетъ подвѣдомственнымъ ему цензурнымъ учрежденіямъ „неуклонно руководствоваться изложенными соображеніями, при просмотрѣ сочиненій и повременныхъ изда-

*) Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Государыня Марія Александровна приказала тогдашнему предсѣдателю Онекунскаго Совѣта князю П. И. Трубецкому передать М. И. Каткову ея желаніе, чтобы не распространялся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о посѣщеніи Императоромъ Московскихъ женскихъ учебныхъ учрежденій. Князь Трубецкой, видѣвшій въ Катковѣ только газетчика, считалъ для себя неумѣстнымъ ѣхать къ Каткову и приказалъ своему чиновнику М. И. Полуденскому передать Каткову это желаніе Государыни. (Слышано отъ М. И. Полуденскаго). П. Б.

ній, въ которыхъ не должны быть допускаемы никакія извлеченія изъ вышеупомянутыхъ статей о Симбирскихъ пожарахъ или полемики по этому поводу“.

14 Мая 1866 г. № 939.

Конфиденціально сообщается сенаторомъ Щербининымъ подвѣдомственнымъ учрежденіямъ, что министръ Императорскаго Двора сообщилъ о желаніи Государя Императора, чтобы кромѣ предположенной къ сооруженію у Лѣтняго Сада часовни, въ ознаменованіе Божественной благодати, охранившей Его Величество отъ опасности, что либо напоминало и могло увѣковѣчить преступное покушеніе на царубійство. О такомъ высочайшемъ повелѣніи предлагается строго наблюдать, „чтобы преступное покушеніе на жизнь Его Величества не было изображено въ рисункахъ, картинахъ и другихъ художественныхъ произведеніяхъ подлежащихъ просмотру“.

28 Іюня 1866 г. № 1497.

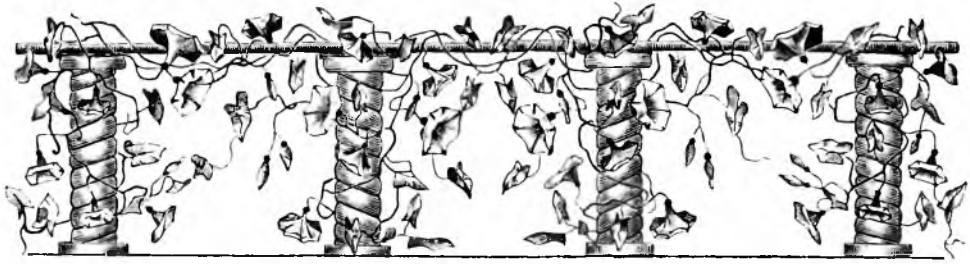
Имъ-же циркулярно по вѣдомству предлагается сдѣлать немедленное распоряженіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ подлежащихъ предварительному разсмотрѣнію, впредь, отнюдь не были напечатаны, безъ испрошенія на то каждый разъ особаго разрѣшенія, „никакія извѣстія касательно посѣщенія женскихъ учебныхъ заведеній Ихъ Императорскими Величествами“.

23 Сентября 1866 г. № 1935.

Щербининъ-же дѣлаегъ распоряженіе по цензурному вѣдомству о недопущеніи къ перепечатанію сочиненія подъ заглавіемъ „Война кухарки съ барыней или паша коса на камень, Петербургъ, исторійка Нестора Ого“, изд. второе, дозволенное въ Москвѣ въ 1866 г., такъ какъ „означенная книга, по своему стремленію возстаповитъ прислугу противъ хозяевъ, можетъ при распространеніи произвести весьма вредное вліяніе на нѣкоторую часть общества“.

Анатолій Егоровъ.

СТАРЫЯ ПИСЬМА.

(Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго).

Извѣстный государственный дѣятель, первый (по времени) министр, председатель департамента Государственнаго Совѣта, адмиралъ графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ (1754—1845), не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, былъ въ тѣсной дружбѣ съ бывшимъ генераль-адъютантомъ императора Павла Н. О. Кутлубицкимъ (1775—1849) и постоянно съ нимъ переписывался.

Близкое знакомство ихъ началось въ Петербургѣ въ царствованіе Павла, когда Мордвиновъ былъ еще вице-адмираломъ; а переписка открылась впоследствии изъ деревни, куда Кутлубицкій благоразумно переселился по кончинѣ Павла и прожилъ въ ней все царствованіе Александра Павловича.

Кажется, что ихъ сближала и дружба, въ которой находились между собою ихъ супруги. Часть этой переписки обнаружена П. Майковымъ въ „Русской Старинѣ“ 1897 г., большая часть утрачена; но въ домашнемъ архивѣ Кутлубицкаго сохранились еще слѣдующія три письма Мордвинова.

I.

Петербургъ. 10 Ноября 1816 года.

М. г. Николай Осиповичъ.

Подношу вамъ мою маленькую книжку, въ которой требуемое скромно, а общаемое—велико. Но и жолудь не велико зерно, а произрастаетъ дубъ, дерево высокое и вѣтвистое. Книжку мою я посвятилъ Россійскому дворянству, ибо сему сословію достойно есть подвизаться всегда во благо отечества, въ коемъ и ихъ собственное тѣсно заключено.

Если вы одобрите начала и виды, то удостойте предлагаемое вашимъ покровительствомъ. Сочинитель усердно желаетъ добра вамъ

живущимъ и чадамъ вашимъ по всемъ вѣкамъ грядущимъ, доколѣ на землѣ имя Россіянина извѣстно будетъ.

Пишетъ онъ чистосердечно и убѣждаетъ, потому что самъ въ томъ убѣжденъ. ибо у всехъ народовъ частное пособіе, вкупѣ соединенное, единымъ было вѣрнымъ средствомъ къ достиженію всякаго благоустройства....“

Намъ неизвѣстно названіе сочиненія Н. С. Мордвинова, о коемъ идетъ здѣсь рѣчь, но о немъ-же говорилъ Мордвиновъ, когда писалъ Кутлубицкому 8 Апрѣля 1816 года. „Меня проклинали здѣсь (въ Петербургѣ) въ прозѣ и въ стихахъ, въ журналахъ и газетахъ; все единогласно присвоили меня запереть накрѣпко и лѣчить отъ сумасбродства по поводу печатной моей книжки, гдѣ я сказалъ, что у насъ все будетъ дорого и не будетъ денегъ для покупки привозныхъ игрушекъ и флѣровыхъ одеждъ.....¹⁾“ („Русская Старина 1897).

2.

Петербургъ, 24 Октября 1820 года.

Мы окружили нашимъ проѣздомъ всю Европу или, правильнѣе сказать, лучшую ея часть. Путешествіемъ нашимъ были довольны, по рады, что возвратились домой на свои собственные постели, безъ переноски ихъ по трактирамъ и переноски сундуковъ изъ дому въ домъ.

Вездѣ и хорошо, и худо, по одинаковой участи, всемъ челоѣкамъ вообще предназначенной.

Въ Парижѣ, съ буйными головами и игрушками въ великомъ у нихъ изобиліи, мы проводили зиму и много сидѣли дома, потому что *кололи женщинъ и рѣзали князей*²⁾ въ то время....

Генріета Александровна моя³⁾ отъ страховъ была больна и донинѣ еще въ слабомъ состояніи, а я возвратился, какъ бы и не отлучался

¹⁾ Т. е. влѣдствіе управленія графа Гурьева Министерствомъ Финансовъ. О томъ писалъ и Н. М. Лонгиновъ (см. выше). П. Б.

²⁾ Въ этомъ 1820-мъ году былъ убитъ наследникъ Французскаго престола, герцогъ Беррійскій; но къ чему относятся слова „кололи женщинъ“, не знаемъ. П. Б.

³⁾ Супруга Н. С. Мордвинова, Генріета Александровна. Англійскій обликъ ея повторился въ ея внукахъ Столыпинныхъ и въ величавой красотѣ ея внучки, княгини Маріи Аркадіевны Вяземской; она отличалась и наилучшими нравственными качествами своихъ дѣда и бабки, рожд. Кобл. (1764—1843), которая въ свою очередь была въ постоянной перепискѣ съ женою Кутлубицкаго Авдотьею Савельевной, рожд. Ваксель (1777—1840); переписывались онѣ по французски и по англійски, зачастую переходя съ одного языка на другой въ одномъ и томъ же письмѣ.

отсюда. Два года прошли, и бывшія передо мной явленія исчезли: кажутся они, будто я видѣлъ ихъ во снѣ... Вѣроятно, что при старости такъ и со всѣми бываетъ: ничто уже болѣе не поражаетъ, ни глубоко не впечатлѣвается въ ослабѣвшихъ уже чувствахъ; желаю однако, чтобъ ваши долго бы воспоминали вамъ молодость....

3.

Петербургъ. 16 Января 1825 года.

Бѣдствія наши не были такъ велики, какъ ихъ разнесла молва. При всеобщемъ почти въ Европѣ наводненіи наше менѣе вреда причинило, нежели въ другихъ мѣстахъ, а съ щедрымъ пособіемъ всемплоститвѣйшаго Государя, Царской фамиліи и благодѣтельныхъ особъ наиболѣе потерпѣвшіе вознаграждены въ ихъ убыткахъ....

Въ нижнемъ этажѣ моего дома¹⁾ вода была на 2 аршина и 2 вершка. Потери мои въ городскомъ домѣ и на дачахъ простираются до 7 тысячъ рублей; хотя при скудныхъ въ настоящее время доходахъ нашихъ сія сумма и значительна, но безъ бѣды жизни не проживешь.....²⁾

*

Изъ большинства писемъ и записочекъ Мордвинова между прочимъ видно, что онъ постоянно страдалъ изнурительной болѣзнію, рожистымъ воспаленіемъ на головѣ; такъ *12 Июля 1812 года* онъ пишетъ:

„Два мѣсяца весь домъ мой захворалъ, и я по сіе число лежу хоть и не въ постели, а на канапѣ окутаннымъ. Наступила на насъ презлая капель, которая переходитъ отъ одного къ другому²⁾, а ко мнѣ присовокупилась и рожа“.

отъ 14 Марта 1814 г. „Опять рожа овладѣла моей головой; не могу и писать. Съ трудомъ поднялся съ подушки, чтобъ написать вамъ и пожелать счастья на великіе наступающіе праздники“.

отъ 24 Апрѣля 1820 г. „Давно писалъ бы къ вамъ, еслибъ не враждебная рожа на головѣ, часто посѣщающая меня въ Петербургѣ,

¹⁾ Въ 1815 году адресъ Мордвинова въ Петербургѣ, судя по конвертамъ, былъ въ домѣ графини Головиной на Екатерининскомъ каналѣ, межъ Кукушкинымъ и Вознесенскимъ мостами; гдѣ онъ былъ въ 1825 году, намъ не извѣстно.

²⁾ Капель (въ настоящемъ случаѣ повидимому коклюшъ) у Н. С. Мордвинова значитъ въ женскомъ родѣ; здѣсь-же и „канапе“ склоняется по-русски. Мордвиновъ и Наполеона своеобразно называлъ „Неаполеономъ“.

которая уже два раза удерживала меня въ постели по возвращеніи. Въ чужихъ краяхъ она меня совсѣмъ было оставила, а здѣсь старую пріязнь ко мнѣ изъясляетъ"... и т. д.

Однако этотъ недугъ не помѣшалъ Николаю Семеновичу Мордвинову принимать постоянно видное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, произносить долгия рѣчи, вести продолжительную тяжбу изъ за обширныхъ Крымскихъ земель на Южномъ берегу Крыма, которыя были заняты имъ, когда онъ начальствовалъ въ Николаевѣ, и дожить до 90 лѣтняго возраста.

Большинство другихъ писемъ Мордвинова касается исключительно будничныхъ событій семейной жизни. Отмѣчаемъ изъ нихъ лишь одну фразу Мордвинова по отношенію къ Кутлубицкому, которая въ устахъ извѣстнаго филантропа, никому никогда не льстившаго, является замѣчательной и даетъ нѣкоторое разъясненіе этой дружбѣ. Она заключена въ словахъ: „да укрѣпить васъ Богъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ и сердечныхъ чувствахъ, коими Онъ васъ такъ щедро одарилъ!“

Подчеркиваемъ это выраженіе и потому, что до сего времени мало было слышно о *щедро одаренныхъ* Гатчинцахъ... Ихъ чаще всего рекомендовали намъ какъ „опричниковъ Павловскаго царствованія“, изъ которыхъ лучшій, по выраженію Растончина, заслужилъ быть колесованнымъ безъ суда.... Беремъ на себя трудъ, въ ряду дальнѣйшихъ писемъ и очерковъ, на примѣрѣ Н. О. Кутлубицкаго показать, что Растончинъ былъ неправъ въ своей рекомендаціи и что среди Гатчинцевъ были люди заслуживающіе глубокаго уваженія и симпатій, въ чемъ здѣсь роенился и Н. Мордвиновъ, одинъ изъ передовыхъ людей того времени...

II.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ 1809 ГОДА.

Изъ писемъ братьевъ Василія, Николая и Дмитрія Егоровичей Кишенскихъ *) къ Н. О. Кутлубицкому.

„С. Петербургъ, 2 Іюля 1809 г.

Послѣ долгихъ странствованій достигли мы наконецъ здѣшнихъ шумныхъ и кичливыхъ мѣстъ, гдѣ лишь чахнетъ человекъ!

Я нашелъ здѣсь все дорого и всѣхъ жалующихся на дороговизну и судьбу, а щеголи и щеголихи нарядовъ своихъ не умаляютъ, и сами однако всѣ въ долгу...

*) Отецъ Кишенскихъ, Егоръ Васильевичъ, былъ Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства съ 1798 по 1804 г., смѣнивъ князя Г. А. Грузинскаго. О событіи этихъ выборовъ въ формулярѣ князя Грузинскаго записано: „Князь Георгій

Квартира у насъ прекрасная, но очень шумно, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ штатской совѣтницы Кисловой подъ № 102.

Новости тѣже что и у насъ: сахаръ 65 р. пудъ, кофей—56 р. сукно Аглицкое 28, овесъ купилъ по 8 р. 30 к., а сѣно 45, мука 15.

Государь изволить на сихъ дняхъ ѣхать въ Финдляндію.— У генераловъ отняли пампахи, отличаются они теперь одними кокардами. А у гвардейскихъ отняли эксельбанты, а будутъ уже два эполета....

Слышимъ, что и султаны скоро будутъ сняты.

Что будетъ, Богъ знаетъ; но есть похожее на миръ....

Николай Кишенскій.

P.S. Я вамъ давно не писалъ, и причиною моего молчанія было то, что вы при прощаніи нашемъ у батюшки сдѣлали мнѣ сухое привѣтствіе, что меня весьма обрадировало. Впрочемъ, если мнѣ это только показалось, то прошу извинить....

2 Ноября 1809 г., С. Петербургъ.

Новость здѣсь только та, что пріѣхалъ сюда на дняхъ Австрійскій шарже д'аферъ Сень-Жюліанъ. Ваша супруга собирается въ Петербургъ въ дорогое время; хорошо бабы могла запасть дровами: они здѣсь 12 рублей за сажень. Невразумительная дороговизна даже въ своихъ продуктахъ, а къ иноземнымъ приступу нѣтъ! Однако позвольте реко-

Александровичъ Грузинскій (Елисаветградскаго легкоконнаго полка капитанъ, уволенъ 1788 г. въ отставку майоромъ) губернск. предв. дв., съ 1795 г. избранъ вторично на 3-хъ лѣтіе съ 1798 г. Сего же числа 1 Юня въ 7-мъ часу пополудни, въ присутствіи Губернскаго Правленія, вице-губернскій кн. Ухтомскій объявилъ высочайшее именное Е. И. В. повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Господинъ ст. сов. Пяжегород. вице-губ. кн. Ухтомскій! Препоручаю вамъ объявить зѣвшему дворянству волю мою на то, чтобы на мѣсто кн. Грузинскаго избранъ былъ другой губернскій предводитель дворянства. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ“. Въ Нижнемъ Новгородѣ, Юня 1 дня 1798 г. Того ради въ Губернскомъ Правленіи опредѣлено: означенное Е. И. В. повелѣніе, для самоскорѣйшаго по оному исполненія, находящимся здѣсь нынѣ г.г. дворянамъ, позвавъ ихъ въ сей день въ присутствіе Губернскаго Правленія, объявить... и объявлено.... Выслушавъ объявленное имя Е. И. В. повелѣніе, г.г. дворяне того-же 1 Юня избрали на мѣсто князя Грузинскаго губернскимъ предводителемъ надворнаго совѣтника Егора Васильевича Кишенскаго, о чемъ составили постановленіе... и сообщено того же 1 Юня 1798 г. за № 73 вице-губернатору“... Е. В. Кишенскій служилъ въ должности губернскаго предводителя по 1804 годъ, въ которомъ его смѣнилъ князь Петръ Сергѣевичъ Трубецкой. П. Б.—Напомнимъ читателю, что въ этомъ 1798 году императоръ Павелъ совершилъ второе свое путешествіе по Россіи и обозрѣлъ восточныя губерніи (въ 1797 г. онъ ѣздилъ по губерніямъ западнымъ). П. Б.

мендовать для вашей супруги магазинъ madame Kolin, гдѣ есть кружево по 300 рублей аршинъ! Посмотришь по баламъ на наряды, подумать можно, что торговля процвѣтаетъ, а рублевки уже по 260! Впрочемъ у васъ кадочки наполнены, и жирные рублевки ваши не допустить почувствовать здѣшней дороговизны...

Василій Кишенскій.

П. О. Кутлубицкій, начитавшись о справочныхъ цѣнахъ „Петербурга, повидимому не стерпѣлъ и отвѣчалъ такъ:

„На силу-то бумага дешевѣла, любезной Николай Егоровичъ! А судя по сему, можно надѣяться, что и съ другихъ товаровъ курсъ спадеть.... Я нимало не претендую, что вы въ три мѣсяца по своему отъѣздѣ мнѣ не писали: надо думать, что бумага и перья, а можетъ быть и песокъ, словомъ все, было чрезвычайно дорого. Но теперь по дешевизнѣ бумаги и мы удостоились получить одно письмо.... Въ немъ между прочимъ вижу, что вы при разставаніи со мной въ домѣ вашего батюшки сочли мое прощенье за „сухое“ привѣтствіе.... Благодарю васъ за истолкованіе онаго, а теперь напередъ покорно прошу васъ разъяснить мнѣ, какого роду бываетъ привѣтствіе мокрое, дабы я со временемъ умѣлъ оныя различать, за что буду вамъ очень и очень благодаренъ.

Теперь скажу вотъ что: право-же мнѣ было досадно, что вы въ три мѣсяца за всѣ мои къ вамъ ласки, ни разу обо мнѣ не вспомнили....

Эти реплики также интересны для характеристики П. О. Кутлубицкаго. По нимъ видно, какъ бывшій „Гатчинецъ“ свободно владѣлъ перомъ, что такъ необычно для того времени, когда и монархи еще писали по русски „штопъ“ вмѣсто „чтобъ“.

III.

Рядная записъ приданаго.

Къ сей записи ген. лейт. П. О. К. жена его, урожденная Вакселева руку приложила.

У сей рядной записи свидѣтелями были и руку приложили: 1) бригадиръ Николай Ив. сынъ Нефедьевъ. 2) совѣтникъ Александръ Никитичъ с. Висленевъ, 3) Мих. Сем. с. Мавринъ, 4) Иванъ Никит. с. Казнаковъ. 5) Александръ Семен. Крюковъ, 6) Дмитрій Федор. с. Глинка, 7) Гавриилъ Григорьев. с. Баршевъ, 8) Андрей Алексѣев. с. Карцевъ, 9) Секундъ-майоръ Андреичъ Иван. с. Хвостовъ.

Сію записъ писать С. Петербургской палаты Суда и Расправы 2-го департамента крѣпостныхъ дѣлъ Александръ Ушаковъ. „Совершить по указамъ, секретарь Василій Шелаголинъ“ 1800 г. Февраля 10-го.

Внизу записи сдѣлана приписка рукой Авд. Сав. „22 Апрѣля 1801 года значущіяся по сей записи деньги отъ мужа моего получила и сверхъ того отъ

него-же 10.000 рублей займообразно для покупки дома С. Петербургскаго у вдовствующей госпожи дѣйств. ст. совѣтницы Федоси Ивановой Елагиной и въ немъ по реэстру мебели“.

Въ старицу считалось повидимому излишнимъ дѣлать запись приданаго, при томъ дѣлали его официально въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей. Этотъ обычай даетъ намъ возможность развернуть бытовую страничку изъ давно прошедшаго и кстати указать не только на родство, но даже и на кругъ знакомства лицъ давно умершихъ. Такова запись приданаго Авдотьи Семеновны Кутлубицкой, супруги Н. О. Кутлубицкаго, рожденной Ваксель, которую Императоръ Павелъ называлъ „колибри“ за ея малый ростъ“.

„Ѣта 1800 Февраля въ 10 день. покойнаго государственной коллегіи совѣтника и кавалера Савелія Савельева сына Вакселя жена, вдова Анна Иванова дочь, въ родѣ своемъ не послѣдняя, выдала я дочь свою Авдотью Савельевну въ замужество за генераль-лейтенанта и кавалера Н. О. Кутлубицкаго и въ благословеніе ей дала святые образа—первый Спасителя, второй—Феодоровской Богоматери, третій—Св. Евдокии, всѣ они въ серебряныхъ ризахъ сваружи вызолоченныхъ. Да въ награжденіе слѣдующихъ ей указныхъ частей изъ имѣнія рѣченнаго покойнаго моего мужа, а ея родителя Савелія Савельева сына Вакселя, движимаго, состоящаго въ наличныхъ деньгахъ и за домъ С. Петербургскій, всего восемьдесятъ тысячъ рублей; недвижимаго лежащаго въ Костромской и Вологодской губерніяхъ въ разныхъ округахъ селахъ и деревняхъ 736 душъ мужеска пола. полагая душу по 200 рублей. Разными брилліантовыми, золотыми и серебряными вещами и платьемъ по цѣнѣ 8487 р. 73 к., о чемъ учинена особая запись, подъ кою онъ Кутлубицкій и дочь моя Авдотья своеручно расписались. Затѣмъ наличными деньгами 11626 руб. да сверхъ всего онаго людей дворовыхъ, писанныхъ по 5-й ревизіи и въ подушный окладъ, положенныхъ за мною съ ней Авдотьей и сыновьями моими, а ей родными братьями Львомъ, Апполономъ и Николаемъ Вакселевыми-же.... (идеть перечисленіе дворовыхъ людей изъ Вологодской губерніи деревни Лецовки, дер. Хомутики, Кадниковской округи и дер. Ростовки, а также Костромской губерніи, села Цоповки). „Чѣмъ я Авдотья съ своей стороны, оставаясь навсегда довольной, и впредь объ ономъ мнѣ Авдотѣ и моимъ наслѣдникамъ нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ не просить“...

„Къ сей записи покойнаго Государст. Адмиралт. Коллегіи совѣтника С. С. Вакселя жена вдова Анна Ив. д. руку приложила. Къ сей записи ген. лейт. Н. О. К. жена А. С. урожденная Вакселева, руку приложила.

Слѣдуетъ подробный „Реэстръ“ приданаго. „Кровать штофная съ приборомъ, занавѣси къ окнамъ атласныя, кровать бѣлая кисейная съ приборомъ, занавѣси къ окнамъ кисейныя же. Покрывала тканья Англицкаго съ фалбарамы, покрывала кисейныя съ фалбарамы, покрывала шитыя по розовому атласу съ фалбарамы, одѣяла атласныя розовыя, бѣлое атласное стеганое и пр. (въ томъ-же духѣ съ присовокупленіемъ 2 тюфяковъ сафьяновыхъ зеленыхъ, перинъ пуховыхъ и подушекъ къ нимъ).

Далѣ идутъ: „муфта соболя, хвосты на шею соболя, опушка на бекевъ (?) соболя-же“... и пр. Перечисляются засимъ „дезабилъе канифасныя съ фэлбарами, дезабилъе коленкоровыя, Аглицкаго тканья съ фэлбарами“; тамъ-же значутся „пудренныхъ рубашекъ 5, сертучковъ 2, ктрмановъ (?)—6. и т. д. Слѣдуетъ переходъ на скатерти камчатныя, и скатерти ткатскія; полотенца, „два фарфора“, ручныя тонвія, и „поровнѣ“, есть и „городская позолотка“. Цифры всѣхъ этихъ необходимыхъ предметовъ“ кажутся довольно круглыми, но безъ излишества, напримѣръ: „салфетокъ камчатныхъ 2 дюжины, тоже другого сорту 3 дюжины, тоже „столовыхъ“ 9 дюжинъ, для закуски камчатныхъ 4 дюжины“ итого салфетокъ 18 дюжинъ. Интереснѣе другихъ разрядъ „платя верхняго“, которое выписываемъ цѣликомъ.

„Платъе Русское объаренное (!) серебряной накладкой, тафтяное круглое, къ нему сертучекъ и юпки къ нему-же, круглое тарлатановое съ синелевой накладкой, лено-батистовыя, парчи бѣлой Турецкой съ золотыми цвѣтами, парчи Турецкой синей съ золотыми цвѣтами-же, Кисей Французской шитой въ тамбуръ, тоже кисей тамбурной, кисей шитой бумагой разнымъ узоромъ, кисей Остъ-Индской шитой золотомъ, матеріи Польской, ленобатистовое полосатое, атласное полосатое, тафты розовой, атласу розоваго, кисей Турецкой шитой шелкомъ, Французской черной матеріи, и атласу зеленаго.... Тутъ-же значится кисей тамбуріи для туалету 13 арш., тоже атласу розоваго 22½ арш. А всего по цѣнѣ на 8487 р. 73 коп. 24 Дек. 1799 года. Подписано „Анна Векселева“.

Сообщилъ И. А. Бронскій.

ПИСЬМА КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ*).

І. Къ князю А. Б. Куракину.

Писано до воцареніи Павла Петровича.

1.

1782. 1 Марта, Болонья.

Я не дала вамъ никакихъ извѣстій о моемъ мѣстопробываніи, дорогой кузень, чтобы имѣть предлогъ написать вамъ отсюда и повторить увѣренія въ почтеніи и искренней дружбѣ, которую я къ вамъ издавна питаю, и которая можетъ, конечно, только возрасти, чѣмъ больше узнаешь. Это и оправдывается на миѣ: при послѣднихъ нашихъ свиданіяхъ я нашла новыя основанія любить и уважать васъ, и я надѣюсь, когда мы хорошенько устроимся въ Петербургѣ, я буду часто наслаждаться вашимъ обществомъ, и вы не будете считать меня такой ужъ буквой. Вы согласитесь, если я не была всегда въ веселомъ настроеніи, это потому, что положеніе мое до сихъ поръ было тягостнымъ и непріятнымъ, чтобы не сказать болѣе, и другой пріобрѣлъ бы ненависть къ роду человѣческому, который я люблю, хотя 20-лѣтній несчастный опытъ не способствовалъ этому. Наконецъ, если справедливо оцѣнить моихъ дѣтей такъ, чтобы они были счастливы, и оставить меня хотя бы въ покоѣ, вы всегда найдете во миѣ пылкаго и постоянного друга, нѣжную, но просвѣщенную мать, рѣдкую женщину, которая не желаетъ ничего лучшаго, какъ быть веселой и въ мирѣ со всѣми, какъ и сама съ собой.

Я не оправдываюсь въ томъ, что нацарапала и царапаю; я пишу, какъ говорю, безъ прикрасъ, чистосердечно; не думайте найти, что

*) Переведено съ Французскаго изъ 14-й книги „Старинны и Новизны“, съ любезнаго позволенія В. И. Смольянинова. Въ письмахъ знаменитая княгиня выражаетъ себя гораздо подлиннѣе, нежели въ своихъ Запискахъ. Зачѣмъ она вошла въ сношенія съ другомъ Павла Петровича и зачѣмъ писала не иорусски, надо догадываться. П. Б.

либо кромѣ рапсодій въ моей перепискѣ, которой прошу придать правильность и постоянство. Обѣщайте мнѣ по прочтеніи сжигать мои письма: тогда я буду писать вамъ свободно и съ удовольствіемъ.

Я провела два съ половиной дня съ кардиналомъ Лега, который безспорно одна изъ умнѣйшихъ головъ Италіи. Онъ очень снисходителенъ ко мнѣ, а это, признаюсь, нисколько не вредитъ въ людскихъ отношеніяхъ. Возможно, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; таково по крайней мѣрѣ его желаніе, и онъ превосходно выразился, говоря объ Императрицѣ: это, сказалъ онъ, женщина, которую нельзя не повиждать; въ противномъ случаѣ пришлось бы упрекать себя, какъ въ непростительномъ поступкѣ въ томъ, что не видалъ ея, будучи ея современникомъ.

Кстати, вы увидите въ Тосканѣ архимандрита Фокшани, который, оказавъ въ послѣднюю войну большія услуги нашей арміи, потерялъ вслѣдствіе этого свой монастырь и блестящее положеніе; по какому-то подозрѣнію Потемкина онъ былъ очень плохо вознагражденъ. Это очень умный и талантливый человѣкъ; я весьма рекомендую вамъ его. Будьте его заступникомъ; представьте его Ихъ Императорскимъ Высочествамъ и передайте ему мой привѣтъ, такъ же Вадковскому и Плещееву. Желаю Салтыковымъ много здоровья и терпѣнія. Надѣясь въ Петербургъ найти въ нихъ тоже расположеніе, которое, какъ мнѣ казалось, они имѣли къ моимъ дѣтямъ и ко мнѣ. Я съ нетерпѣніемъ желаю ихъ возвращенія, тѣмъ болѣе, что Петербургъ очень чуждъ мнѣ. Онъ всегда былъ такимъ, съ тѣхъ поръ какъ я перестала быть ребенкомъ, и общество ихъ тамъ будетъ для меня драгоценно.

Кардиналъ Лега, послѣ того какъ я написала эти строки, поручаетъ мнѣ просить васъ предупредить его заранѣе о пріѣздѣ Ихъ И. В., чтобы онъ могъ приготовить лошадей.

Прошайте, мой дорогой кузенъ, будьте здоровы и вспоминайте иногда о той, которая никогда не перестанетъ быть, съ полнѣйшимъ уваженіемъ, вашей покорной служгой и другомъ.

2.

1782. 2 Октября. Пиза.

Лыцу себя надеждой, что мой любезный кузенъ, князь Куракинъ, не совсѣмъ меня забылъ, и что моя дружба къ нему извинитъ въ глазахъ его эти строки, обращаемя къ нему по просьбѣ отъ Компасси. Этотъ человѣкъ питаетъ въ душѣ благодарность и восхищеніе передъ Россіей, хотѣлъ бы имѣть счастье поцѣловать руку Е. И. В. Великаго

Князя. Онъ бѣденъ, у него прекрасный еще голосъ: вотъ его достоинства. Обратите на нихъ вниманіе Е. П. В. и какая нибудь полсотня червонцевъ осчастливить бѣднягу.

Надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ либо въ Венеціи, либо въ Вѣнѣ и представиться ко двору Ихъ П. В. Могу ли я осмѣлиться передать имъ черезъ васъ мое глубокое почтеніе? Я не имѣю счастья знать Великую Княгиню; но по всему, что я о ней слышала, она уже приобрѣла мое почитаніе. Великій Князь не узнаетъ своего крестника: настолько онъ выросъ и возмужалъ. Если онъ будетъ осчастливленъ покровительствомъ В. К., я не буду сожалѣть, что недостатокъ значенія нашего уважаемаго Никиты Ивановича *) оставляетъ его безъ всякой опоры. Лыщу себя надеждой, что Его П. В. увидитъ, что онъ ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы стать способнымъ служить ему, когда нибудь настолько же успѣшно, насколько онъ всегда будетъ усерденъ въ своей службѣ.

Моя дочь присоединяется къ своему брату, чтобы напомнить вамъ о себѣ; они радуются васъ снова увидѣть, такъ же какъ и мамаша, которая остается съ полнымъ почтеніемъ, князь, ваша слуга и искренній другъ.

3.

1796 г. 29 Ноября. Село Троицкое.

Я надѣюсь, вы извините меня, дорогой кузень, что я немножко надобѣдаю, обращаясь къ вамъ, но я такъ боюсь имѣть видъ будто я уклоняюсь отъ моихъ обязанностей, что я не могу не воспользоваться вашей старинной ко мнѣ дружбой, для исполненія слѣдующихъ порученій.

Первое, передать Его Величеству, нашему милостивому Государю, мое поздравленіе и изъявленіе преданности. Я сдѣлала бы это сама, если бы не думала, что у Е. П. В. множество дѣла и безъ чтенія моего письма, о чемъ свидѣтельствуютъ всеобщія народныя милости, которыя онъ изливаетъ на свое государство.

Второе, поблагодарить его за увольненіе меня на покой, котораго настоятельнѣйше требуетъ мое здоровье.

Я присягнула ему, еще не зная, что не нахожусь болѣе на службѣ; но все же не перестану возносить мольбы о его благоденствіи, хотя я вновь веду частный образъ жизни, который, женщина больная и сраженная горемъ должна предпочитать всему. Я знаю образъ

*) Графа Панина, который тогда доживалъ свой вѣкъ. П. В.

мыслей и просвѣщенное воспитаніе Е. В., которое было направлено къ тому, чтобы заставить его любить справедливость и добродѣтель. Поэтому я надѣюсь, что, когда Е. В. сравнитъ прохождение моей службы съ тѣмъ, какое было, къ несчастью, довольно обычнымъ, онъ обратитъ ко мнѣ свое благоволеніе: нужно отдать мнѣ справедливость, что среди всѣхъ хитростей и сдѣлала однако около полу-миліона сбереженій для Академіи Наукъ и Россійской Академіи, основательницею которой я была и, не взявъ ничего изъ причитавшагося мнѣ жалованія въ 5.000 рублей, имѣла счастье оставить ей 50.000 р. наличными деньгами и два каменные дома, построенные на ея средства.

Я желаю лишь уваженія моей службѣ, которую я имѣю отъ честныхъ людей. У меня нѣтъ ни пенсій, ни богатствъ: но, привыкнувъ сокращать потребности до необходимаго, я ничего кромѣ этого не желаю. Будь въ живыхъ вашъ дѣдъ-дядя, онъ отдалъ бы мнѣ справедливость въ другомъ событіи и въ моемъ поведеніи, которымъ я заслужила его уваженіе и о которомъ мы поговоримъ, когда я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть¹⁾.

Мое третье порученіе извинится передъ г. Донауровымъ, отъ котораго я только что получила письмо, извѣщающее меня, что Е. И. В. велѣлъ ему заявить мнѣ, что я уволена отъ Академій какъ Наукъ такъ и Россійской²⁾. Я бы тотъ же часъ отвѣчала о полученіи сего, также какъ я графу Самойлову писала, но, не имѣя чести господина Донаурова знать (а живу я за 110 верстъ отъ Москвы), не могу свѣдать здѣсь объ отцествѣ его и чинѣ. Бога ради, меня извините передъ нимъ и увѣрьте его, что, если-бъ я не считала за неучтивость безъ имени и отчества къ нему относиться, то бы я, всеконечно, о полученіи его письма съ должнымъ уваженіемъ его увѣдомила. Я прилагаю при семъ копію письма, которое я написала нѣсколько дней тому назадъ г. Самойлову³⁾, для того, чтобы вы узнали въ немъ, мой милый

¹⁾ Намекъ на „Петербургское дѣйство“, участіе въ которомъ княгиня Дашкова сильно преувеличивала, когда это было выгодно: въ ночь на 28 Іюня она спокойно спала дома и явилась къ Екатеринѣ уже тогда, когда та изъ Казанскаго собора перешла во дворецъ. Сама Екатерина писала Понятовскому, что шесть мѣсяцевъ была въ сношеніяхъ со всѣми вождями заговора, прежде чѣмъ Дашкова узнала хоть одно имя.

²⁾ Княгиня Дашкова была отставлена отъ всѣхъ должностей 12 Ноября 1796 г., т. е. черезъ пять дней по воцареніи Павла.

³⁾ Письмо княгини Дашковой генераль-прокурору Самойлову: „Милостивый государь мой, графъ Александръ Николаевичъ. Прошу ваше сіятельство сдѣлать мнѣ одолженіе донести Правительствующему Сенату, что я получила указъ Его Императорскаго

кузенъ, ту, которая, старая и немощная, всегда неизмѣнна къ своимъ старымъ друзьямъ.

Выполнивъ сейчасъ то, что я была должна, чтобы успокоиться по отношенію къ г. Донаурову, обращаюсь къ вамъ съ моимъ четвертымъ порученіемъ: доложить Е. И. В. Императрицѣ мое нижайшее почтеніе и поздравленіе. Теперь васъ искренне поздравляю и желаю всевозможнаго благополучія. Все честные люди будутъ радоваться, когда станутъ преуслѣвать человекъ честный и съ такимъ благороднымъ образомъ мыслей, какъ вашъ. Не забудьте, что уже годъ какъ вы обѣщали достать мнѣ портретъ Е. И. В. Государя. Достаньте мнѣ, пожалуйста, портретъ и супруги его, Императрицы, и я съ удовольствіемъ и признательностью уплачу вамъ, что они вамъ будутъ стоить.

Черезъ три или четыре дня я покину свое прелестное убѣжище, чтобы ѣхать въ Москву, хотя я хромаю, и бывають минуты, что отъ схватокъ въ ногахъ бывають у меня невыразимыя боли. Я въ Москвѣ усядусь на диванъ, и тамъ друзья и многочисленная родня, своими стараніями выразить мнѣ свою дружбу, заставятъ меня забыть, что я дѣлаюсь, подобно Скарону, калѣкою, не имѣя въ утѣшеніе талантовъ, которыми онъ обладалъ.

Прощайте, дорогой кузенъ. Прошу васъ, продолжайте свою дружбу ко мнѣ; мою же вы давно приобрѣли вмѣстѣ съ самымъ душевнымъ уваженіемъ, съ которымъ пребываю, князь, вашей покорной слугой и кузиной. Княгиня Дашкова.

Величества, по которому всемиловѣйше увольняюсь отъ бремени, по болѣзнямъ моимъ неспоенаго мнѣ, чѣмъ я считаю себя облагодѣтельной. При семъ случаѣ примите увѣреніе личной моей къ вамъ дружбы и почтенія, съ которымъ пребуду на всегда вамъ, милостивый государь мой, покорная услужница, княгиня Дашкова. Село Троицкое. 26 Ноября (1796).

Воцареніе Екатерины Великой.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось полторасти лѣтъ съ вошествія на Русскій престоль Екатерины Великой.

Подъ династією Рюрика, первые вѣка бытія своего Россія процвѣтала и превосходила просвѣщеніемъ Западную Европу; затѣмъ эта династія вынесла на плечахъ своихъ Татарское иго, объединила на громадномъ пространствѣ пестрое народонаселеніе и самодержавіемъ возродила твердую государственную силу, и когда эта династія пресѣклась избранъ былъ на царство Годуновъ, какъ государь самодержавный. Въ 1613 году тѣми же правами самодержавія облеченъ былъ отрокъ, мало кому извѣстный Михаилъ Романовъ. Эта династія процарствовала почти полторасти лѣтъ. Вѣчная ей благодарственная память за умиреніе Россіи послѣ ляхолѣтъя, за Уложеніе, за Петра Великаго.

Но внукъ нашего генія является Божіимъ наказаніемъ за совершенныя преступленія. „Какъ въ 1612 г. въ Русской исторіи, такъ и вообще, когда прекращается, смертію или измѣною, самое бытіе признанной народомъ власти, народъ, верховный рѣшитель своихъ судьбъ, возобновляетъ прервавшееся отношеніе, утверждая новую власть“ (слова Ѡ. П. Тютчева). Нѣтъ народа, который бы такъ охотно повиновался своему правительству какъ народъ Русскій; но Русскимъ людямъ стало не въ терпежь, когда плоды нашихъ побѣдъ были почеркомъ пера отданы захватчивому сосѣду, когда государь въ Петербургѣ оскорблялъ церковно-служителей, устроилъ себѣ въ Зимнемъ Дворцѣ (тамъ гдѣ нынѣ аптека) Лютеранскую кирку и ѣздилъ въ Ораніенбаумъ самолично служить Лютеранскую обѣдню; когда изъ православныхъ церквей по его приказанію выносились иконы, и полковымъ священникамъ приказано было, чтобы они склоняли солдатъ, отправляемыхъ на безсмысленную войну противъ Даніи, ѣсть скоромную пищу въ Петровъ постъ; когда въ Мемель созывались Нѣмецкіе пасторы для обсужденія мѣръ къ объявленію Лютеранства господствующимъ

исповѣданіемъ въ Россіи. Отечество наше находилось на краю полной гибели. Кто же станетъ во главѣ его? Не жалкій ли, невмѣняемый Шлиссельбургскій узникъ, правнукъ царя Іоанна Алексѣевича? Представители всѣхъ сословій государства находились тогда въ гвардейскихъ полкахъ. Духовенство все было за Екатерину (Еще въ послѣдніе годы Елисаветинскаго царствованія одинъ діакоинъ возглашалъ ее при богослуженіи не Высочествомъ, а Величествомъ). Собрать голоса, какъ при избраніи Михаила Ѳедоровича, не было ни времени, ни возможности; всякое другое представительство было невозможно, и только зложелатели Россіи, одержимые къ ней, по выраженію Екатерины, Канскимъ безсознательнымъ братоненавидѣніемъ, да наши своей земль-песвоеземцы, которые глядять на Русскія событія въ иностранныя очки, могутъ оставаться въ убѣжденіи, будто Екатерининское восшествіе на престоль уподоблялось сценамъ императорскаго Рима.

Екатерина Великая, которую Русскіе люди знали и цѣнили уже много лѣтъ, которая, въ одномъ частномъ письмѣ къ Гриму называла наше вѣроисповѣданіе дубомъ, предназначеннымъ подъ своею сѣнью укрывать весь міръ, сознавала себя ясно и отчетливо, съ перваго же дня своего царствованія, не только самодержавною Русскою Государынею, но и народною избранницею.

„Пордъ сѣдой еѣ удивился
И обладать собой избралъ“.

сказаль Державинъ, офицеръ Измайловскаго полка, въ который она пріѣхала раннимъ свѣтлымъ утромъ 28 Іюня 1762 года. Никакого колебанія, ни малѣйшей уторопленности. Съ первыхъ же часовъ правленія умныя, ясныя и вполне положительныя приказанія, такъ что на третій день царствованія государственный канцлеръ графъ Воронцовъ пишетъ въ Лондонъ своему племяннику, что Екатерину любятъ уже, какъ покойную Елисавету. Можно сказать, что съ каждымъ годомъ своего царствованія она все больше влюблялась въ Русскій народъ и усвоивала себѣ его душу, отдавая ему предпочтеніе передъ другими народами. Вотъ разгадка ея успѣховъ. Она основательница новой династіи, при которой Россія могла одолѣть Наполеона (представителя Католической Европы), при которой расширилась Россія, умножилось слишкомъ въ десять разъ ея населеніе, и Гоголь могъ сказать: „Русь, куда же несешься ты? Дай отвѣтъ! Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ, летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь сторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“...

Лишь бы не забывались народолюбивыя завѣты Екатерины Великой, начертавшей и нынѣшнюю Государственную Думу, и Государственный Совѣтъ. П. Б.

Императоръ Александръ Второй во Владимиръ.

1858.

Крестьянство и потомственное дворянство отпраздновали юбилей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: но остался классъ мелкихъ чиновниковъ, коимъ это преобразование принесло только горе. такъ какъ потомственное дворянство, въ замѣнъ бывшихъ крѣпостныхъ, успѣло создать новыхъ крѣпостныхъ, такъ называемое „личное дворянство“ изъ мелкаго чиновничества, дослужившагося до чина 10-го класса, и нажившаго себѣ клочъ земли или домишко, кои и обложены налогами въ пользу потомственныхъ дворянъ. Также обложены и всѣ недворяне, обучавшіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ чиномъ 10-го класса и владѣющіе имуществомъ въ родѣ вышеозначеннаго. При этомъ эти „личные дворяне“ не имѣютъ никакихъ дворянскихъ правъ, какъ то: не могутъ опредѣлять дѣтей въ дворянскія учебныя заведенія, поступать въ дворянскія богадѣльни, служить по выборамъ и т. д. Словомъ, „личные дворяне“ обязаны только платить, не имѣя никакихъ дворянскихъ правъ *).

Не вхожу въ дальнѣйшія подробности конца освобожденія, а вспомяну его начало по отношенію къ собственной личности и товарищамъ моимъ по воспитанію, коихъ живыхъ уже очень мало. Когда Редакціонныя въ Петербургѣ Коммисіи встрѣтили сильный реакціонный отпоръ дворянъ въ центральныхъ губерніяхъ, рѣшена была поѣздка Императора Александра II по этимъ губерніямъ и въ томъ числѣ по Владимирской, въ коей я учился въ гимназій.

За два мѣсяца до пріѣзда Государя (въ 1858 году) начались приготовления къ его пріѣзду. Дворянское Собраніе помѣщалось въ одномъ домѣ съ гимназіей, но съ вывѣской: „Домъ Благороднаго Дворянства“. Дворянскій залъ сообщался съ гимназическою залою, такъ что Госу-

^{*)} Забыто было также и великое число дворовыхъ. Большинство ихъ стало добывать себѣ пропитаніе наймомъ труда, но престарѣлые, малолѣтніе остались не причемъ, и, кажется, только въ Москвѣ позаботился о нихъ благотѣльный К. Т. Солдатенковъ. П. Б.

дарь, пройдя черезъ залу дворянъ, вошелъ и въ нашу залу, гдѣ рядами стояли гимназисты, съ трепетомъ ждавшіе въ первый разъ увидѣть своего Государя.

Два мѣсяца передъ прїѣздомъ Государя были употреблены со стороны дворянъ на устройство помѣстной выставки въ Дворянскомъ Собраніи, и начальство гимназіи стало обучать гимназистовъ строиться по солдатски, кричать „здравія желаемъ и ура“. Инструкторами были наши дядьки изъ Николаевскихъ солдатъ. Кричать то или другое привѣтствіе гимназисты обязаны были смотря по тому, которую руку подыметъ инспекторъ.

Ждали съ ранняго утра, полагая, что Государь прибудетъ по осмотру выставки, послѣ полудня. Но онъ прибылъ раньше, и чѣмъ-то взволнованный. За нимъ губернаторъ и нѣсколько военныхъ.

Увидавъ строй гимназистовъ, Государь спросилъ: „почему у нихъ нѣтъ ранцевъ?“ Кто-то изъ свиты отвѣчалъ, что это не кадеты. На привѣтъ Государя мы отвѣтили „здравія желаемъ...“ Государь поморщился и пошелъ въ нижній этажъ, гдѣ стояли строемъ наши дядьки, отвѣтившіе на привѣтъ громкимъ „здравія желаемъ...“ Подойдя къ пансіонерскому лазарету, Государь замѣтилъ, что тутъ „пахнетъ“ и возвратился во второй этажъ, гдѣ мы стояли рядами. Государь рѣзко сказалъ: „прощайте, дѣти!“ Начальство замахало руками, и гимназія грянула „ура“. Государь вспыхнулъ и, крикнувъ: „я этого не люблю“, быстро уѣхалъ въ губернаторскую квартиру, а за тѣмъ векоръ и изъ Владимира.

Помню: не у одного меня брызнули слезы отъ словъ Государя, а начальство напоминало послѣднюю сцену изъ „Ревизора“.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Государя стали выгонять гимназическое начальство, замѣнять его новымъ, къ крайнему нашему огорченію: не понимали за что такая напасть.... старались, хлопотали, и—вдругъ...

Н. Дилекторскій.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ П. И. БАРТЕНЕВУ.

І. Кастана Андреевича Коссовича.

Драгоценной для меня памяти, К. А. Коссовичъ (вѣроятно Бѣлорусецъ), былъ уроженцемъ города Слудка. Родители его были до того бѣдны, что зимою ему приходилось забираться на чердакъ, чтобы согрѣться висѣвшими тамъ шубами домохозяевъ-Евреевъ. За отличіе въ наукахъ онъ посланъ былъ въ Московскій Университетъ и, живя въ казенныхъ номерахъ на Моховой, перечисленъ былъ, вслѣдствіе Возсоединенія Уніи (1839), въ православные. Онъ долго преподавалъ Греческій языкъ въ Московской 2-й гимназій. Ему случилось давать уроки въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи какого-то Француза, который переманилъ къ себѣ мальчика-Армянина, привезеннаго изъ Ордубата въ Москву вмѣстѣ съ шелковыми товарами. Коссовичъ освободилъ его изъ Французской семьи. Это былъ Степанъ Никитичъ Теръ-Макартычъянцъ, мой товарищъ по Университету, и у него-то меня узналъ Коссовичъ, черезъ котораго вошелъ я и въ домъ А. С. Хомякова: племянника его М. П. Бестужева ѣздилъ я (1849) въ Сызранскій уѣздъ готовить въ 3-й классъ гимназій. Занятіе Санскритскимъ языкомъ сблизило меня съ Коссовичемъ. Ниже слѣдующее письмо его писано изъ Петербурга, гдѣ для него, благодаря графу Д. Н. Блудову, устроено было мѣсто редактора ученыхъ работъ при Императорской Публичной Библіотекѣ. Коссовичъ выписалъ меня въ Петербургъ для занятій съ Шевичами, двумя старшими внуками графа Блудова, что было для меня счастьемъ. Позднѣе Коссовичъ занялъ должность профессора восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Письмо его написано по случаю тяжелой болѣзни А. С. Хомякова, котораго Коссовичъ считалъ благодѣтелемъ, такъ какъ Хомяковъ далъ ему 5000 р. для поѣздки на Лондонскую всемірную выставку 1851 года, дабы онъ получилъ возможность познакомиться съ пріѣхавшими на выставку Индѣйцами. П. Б.

Дорогой и незабвенный Петръ Ивановичъ.

Приношу вамъ глубокую благодарность за страшныя, но, слава Богу, и отрадныя вѣсти о нашемъ единственномъ Алексѣѣ Степановичѣ.

Вчера только я узналъ отъ Костича¹⁾, что Ал. Степановичъ очень боленъ, но что ему лучше: изъ вашего же письма я вижу ясно всю грозу, уже бывшую у самыхъ основаній жизни человѣка, съ которымъ соединено столько любви и упованій. Благодареніе Провидѣнію, не отнявшему отъ насъ этой жизни. Свѣдѣнія ваши утѣшительны, но больной еще слабъ. Если алопатія нестерпима для Ал. Ст. и болѣе уже не нужна, то попеченія врачей (но врачей не эгонистовъ, по крайней мѣрѣ за режимомъ) не были бы излишни; ибо въ подобномъ случаѣ можно и должно отказаться имъ отъ теоріи и не оставить никакихъ способовъ, остающихся внѣ теоріи, къ тому, чтобы больной выздоровѣлъ. Вы, конечно, навѣдываетесь каждый день. Каждую вашу вѣсточку сочту благодареніемъ. Скажите, что его друзья поддерживаютъ его искреннею и сердечною молитвою.

Приношу вамъ сердечную благодарность и за трудъ вашъ. Столь живы эти письма Алексѣя Михайловича, что, принявшись, я прочиталъ ихъ въ одинъ вечеръ, и этимъ въ душѣ благодарилъ уже васъ въ тотъ же день. Благодарность на словахъ откладывалась со дня на день: виною отерочекъ, частью, было и незнаніе адреса. Сколько за подарокъ, столько же и еще болѣе, благодаренъ вамъ за душевную теплоту, которою согрѣты ваши оба ко мнѣ письма. Если вы хотѣли оживить меня, я былъ оживленъ и глубоко порадованъ ими; цѣль ваша, слѣдовательно, относительно ко мнѣ была достигнута. Подобное письмо было бы для меня всегда наградою за лучшія дѣла жизни, которыхъ, къ сожалѣнію, не знаю за собою.

Радъ бы вамъ сказать что нибудь о себѣ: увѣренъ, что радостное для меня было бы и для васъ радостно. Но нѣтъ у меня настоящихъ внутреннихъ радостей. Доброе расположеніе меня окружаетъ, это правда: но внутренній мой путь весь въ терніяхъ, подсекающихъ самую основу моего бытія²⁾. Тернія не отъ занятій ученыхъ (о да прильпнетъ языкъ, если бы я это сказалъ и если бы это было), бываютъ тернія между наукою и человѣкомъ, отбивающія его отъ нея, какъ отъ невѣсты, которую самъ Богъ, кажется, ему назначилъ. Не фаталистъ я, благодарю Бога, и стараюсь, чтобы все было какъ слѣдуетъ; но порядочная доля бѣды нашей и счастья, какъ ни старайся и ни хлопочи, сулитса счастіемъ.

¹⁾ Сербъ, жившій у Блудовыхъ.

²⁾ К. А. Коссовичъ съ Москвы былъ влюбленъ въ Елисавету Николаевну Делонѣ. Она позднѣ вышла за доктора душевныхъ болѣзней Балинскаго; тогда и самъ онъ нашель себѣ семейное счастье въ супружествѣ. П. Б.

Я васъ смутилъ, можетъ быть, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ подобными мыслями. Но вѣдь это—я; меня же хотѣли вы мысленно видѣть, ожидая, безъ сомнѣнiя, отъ меня какой нибудь вѣсточки.

Прощайте, безцѣннѣйшій. Не забывайте писать ко мнѣ. Ахъ, если бы имѣлъ я право, я бы возложилъ на васъ обязанность писать ко мнѣ о Хом. каждый день, покуда оба мы не будемъ совершенно спокойны.

Прощайте, сердечно вамъ благодарный и преданный Коссовичъ.

1857 г. 9 Января. СПБ.

*

II. Архимандрита Порфирiя Успенскаго.

Милостивый государь.

Приношу вамъ усерднѣйшую благодарность за переданныя мнѣ отъ васъ книги. При чтенiи ихъ у меня прежде родилось желанiе, чтобы Господь благословилъ полнымъ и ожидаемымъ вами успѣхомъ труды ваши для блага соотчичей. И теперь при воспоминанiи о васъ всякой разъ мысленно повторяю это молитвенное желанiе вамъ утѣшительныхъ успѣховъ на поприщѣ вашей литературной дѣятельности. Очень сожалѣю, что не удалось мнѣ видѣться съ вами въ Москвѣ. Но надѣюсь, что Господь не лишитъ меня случая и къ личному знакомству съ вами.

Присланныя вами рукописи комитетъ поручаетъ мнѣ для прочтенiя; съ полнымъ удовольствiемъ беру на себя это дѣло, постараюсь прочитатъ ихъ въ возможной скорости. Съ истиннѣйшимъ къ вамъ почтенiемъ имѣю честь быть вашимъ усерднѣйшимъ слугою

Генв. 11 дня 1857 г.

Архим. Порфирiй.

III. Ю. О. Самарина.

Препровождаю къ вамъ, почтеннѣйшій Петръ Павловичъ, апотеозу Незабвеннаго*) и воспоминанiе о Журавскомъ. Я такъ спѣшилъ, что оно вышло очень нескладно, но въ смѣси авось пройдетъ. Если же вамъ эта вещь покажется черезъ чуръ небрежно написанною, то, пожалуйста,

*) Это подаренная мнѣ Ю. О. Самариннымъ литографiя съ картины Берлица Кригера, на которой Николай Павловичъ изображенъ съ кадилыми ему архiereями. Государь приказалъ убрать эту литографiю изъ магазиновъ, и она сдѣлалась рѣдкостью. П. Б.

безъ церемоіи, возвратите мнѣ съ отмѣтками и замѣчаніями. Искренно вамъ преданный Юрій Самаринъ.

Изъ деревни, Апрѣля 29-го 1857¹⁾.

IV. Н. И. Лорера²⁾.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Получилъ 25 руб. п не понимаю за что. Неужели мой рассказъ Русскаго офицера, который я шутками рассказаль княгинѣ Е. Алекс.³⁾ стоить 25 руб.? Дорого и щедро платите за подобныя рассказы. Впрочемъ увидимся, переговоримъ. Обнимаю васъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ. Сердечно сожалью, что скоро съ вами разстанусь; постараюсь воспользоваться послѣдними минутами чаще васъ видѣть. Примите мое душевное уваженіе, съ коимъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Лореръ.

19 Мая 1857.

V. Князя П. В. Долгорукова.

1.

С.-Петербургъ, 20 Февраля 1856.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ,

Письмо ваше отъ 17 Февраля имѣлъ я честь получить и спѣшу отвѣтить вамъ, что Бантышъ-Каменскій, въ своихъ книгахъ, надѣлалъ кучу промаховъ. напримѣръ, смѣшалъ въ одно лицо двухъ Ивановъ Максимовичей Шуваловыхъ, двухъ родныхъ братьевъ, изъ коихъ старшій, генералъ-маіоръ, умеръ въ 1736 году, а младшій, отецъ знаменитаго Ивана Ивановича Шувалова, послѣ смерти брата своего былъ раненъ при взятіи Мпннхотъ Очакова. Точно также Бантышъ смѣшалъ въ одно лице двухъ Василювъ Ѳедоровичей Салтыковыхъ, изъ коихъ одинъ (родной дядя императрицы Анны) умеръ въ 1730 году, а другой, дальній родственникъ его, умеръ въ 1775 году. Точно также Бантышъ увѣряеть, что отъ брака предка моего князя Юрія Алексѣевича Долгорукова съ княжною Пожарскою произошелъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ, завоеватель Крыма. Князь Юрій женатъ былъ два раза; отъ перваго брака съ Морозовою онъ имѣлъ сына Михаила, моего предка. отъ 2-го брака съ княжною Пожарскою дѣтей не имѣлъ,

¹⁾ Въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857 года, которою я тогда завѣдывалъ, помѣщено было воспоминаніе Ю. О. Самарина о Журавскомъ. П. Б.

²⁾ Это извѣстный Декабристъ, дядя А. О. Смирновой.

³⁾ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Черкасской. В. П.

а завоеватель Крыма былъ правнукомъ брата князя Юрья, князя Дмитрія Алексѣевича. Также Бантышъ напечаталъ, что фельдмаршалъ князь Долгоруковъ былъ сыномъ князя Владимира Михайловича, тогда какъ онъ былъ сыномъ князя Владимира Дмитриевича. Все это можетъ дать вамъ понятіе, какъ писалъ Бантышъ; основываться на Бантышѣ все равно, что строить на пескѣ.

Напечатанная въ моей книгѣ родословная Шуваловыхъ извлечена изъ бумагъ Павла Ѳедоровича Карабанова, который лично зналъ Ивана Ивановича и сестру его княгиню Голицыну. Павлу Ѳедоровичу было уже тридцать лѣтъ въ эпоху смерти Ивана Ивановича Шувалова.

Почему вы не присылаете мнѣ родословной вашей фамиліи?

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь Петръ Ивановичъ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою князь Петръ Долгоруковъ.

2.

1 Июля 1857 года. Село Богословское-Спѣшиново.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ я вашу прекрасную біографію И. И. Шувалова. Трудъ образцовый.

Вы сѣтуете, что я, въ Россійской Родословной Книгѣ, не указываю источниковъ, но не разочли, что если бы я захотѣлъ указывать источники, то Родословная Книга, вмѣсто 9 или 10 томовъ, имѣла бы ихъ двадцать? *).

Когда я уже печаталъ 4-ю часть, графъ Петръ Шуваловъ (нынѣ СПб. губернской предводитель дворянства) мнѣ сообщилъ подлинныя фамиліные акты и бумаги, на основаніи коихъ поколѣнная роспись Шуваловыхъ, возведенная до половины XVI вѣка, напечатана въ концѣ 4-й части Родословной Книги.

Съ тѣхъ поръ, узналъ я еще одинъ фактъ. Въ 1767 году, при собраніи депутатовъ Всероссийскихъ, 23-хъ лѣтній графъ Андрей Петро-

*) Ихъ всего напечатано четыре. Князь Петръ Владимировичъ Долгорукій увлекся своею враждою къ правительству, къ сожалѣнію не кончилъ своей прекрасной генеалогической работы и уѣхалъ въ чужіе края. Гдѣ теперь его бумаги по новой Русской исторіи, которую онъ зналъ отлично, но односторонне и злобно? П. Б.

вичъ Шуваловъ избранъ былъ секретаремъ, и ему поручено было вести протоколы этаго безсмертнаго собранія. Ему дано было нѣсколько помощниковъ. въ томъ числѣ 22-хъ лѣтній Мих. Илар. Голенищевъ-Кутузовъ. Замѣйте молодость лѣтъ ихъ. Въ то время не требовалось одного удара паралича для поступленія въ Сенатъ, и двухъ для поступленія въ Государственный Совѣтъ. Такъ какъ вы большой охотникъ на ссылки, то сошлюсь вамъ, для факта о Шуваловѣ, на Записки о жизни Александра Ильича Бибикова, изданныя сыномъ его сенаторомъ А. А. Бибиковымъ (СПБ., 1817, страница 91).

Александръ Григорьевичъ, управлявшій имѣніями Шуваловыхъ, былъ бригадиръ Александръ Григорьевичъ Гурьевъ, отецъ перваго графа Гурьева, который первоначальнымъ возвышеніемъ своимъ, свадьбою съ графинею Салтыковою и пріобрѣтеннымъ черезъ нее родствомъ, обязанъ покровительству фамиліи Шуваловыхъ. Александръ Григорьевичъ женатъ былъ на Аннѣ Михайловнѣ Еропкиной, семейство которой было коротко знакомымъ съ семействомъ Шуваловыхъ.

Если вы будете еще писать Русскія біографіи, и если вамъ угодно будетъ вашу рукопись сообщить мнѣ до ея напечатанія, я всегда готовъ передать вамъ свѣдѣнія, какія могу имѣть. Написавъ Русскую исторію двухъ послѣднихъ вѣковъ и записки объ этой эпохѣ (все это находится въ рукописи, и во избѣжаніе оффиціального любопытства, хранится не у меня), и могу сообщить вамъ многое и всегда съ удовольствіемъ готовъ это сдѣлать.

Лѣтній адресъ мой: Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, на станцію Войковскія Выселки, а зимній въ С. Петербургъ, на Владимирской улицѣ, въ домѣ барона Фредерикса. (Съ 1 Мая по 1 Октября я въ деревнѣ). Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію вашъ покорнѣйшій слуга

князь Петръ Долгоруковъ.

VI. Н. И. Крылова.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ деревню, мнѣ нужно бы лично видѣться съ вами, и я съ этою цѣлью заѣзжалъ вчера къ вамъ, но не захватилъ васъ дома. Въ мою 2-ю статью вкралась нѣкоторыя опечатки и пропуски: надо ихъ оговорить въ 3-ей книжкѣ „Бесѣды“. Для справки мнѣ необходимъ мой манускриптъ, благоволите мнѣ его возвратить:

я люблю сберегать старое тряпье. По обѣщанію А. И. Кошелева, мнѣ слѣдуетъ получить 50 экземпляровъ моей статьи; теперь я ѣду въ деревню и тороплюсь раздать ее, кому заблагоразсудится моей личности. Въ заключеніе не мѣшало бы дѣлателью получить кой-какую мзду. Надѣясь на ваше благорасположеніе, имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Крыловъ.

Р. С. До 12 часовъ я буду дома.

5 Юля.

VII. С. Т. Аксакова.

1.

23 Апрѣля 1856.

Любезный Петръ Ивановичъ.

Я раздѣляю чтеніе „Хроники“ на два раза, потому что будетъ тѣсно и душно. И такъ прошу васъ завтра не прѣзжать, и если вы извѣстили о моемъ приглашеніи П. А. Безсонова, то сдѣлайте одолженіе, написать съ нему, чтобы и онъ не прѣзжалъ. Черезъ недѣлю повторимъ чтеніе, и тогда милости прошу. Вашъ С. Аксаковъ.

Понедѣльникъ.

2.

Любезный Петръ Ивановичъ.

Я видѣлся съ вами на такое коротенькое время, что не успѣлъ поговорить съ вами о томъ, что я пишу и попросить вашего содѣйствія. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: я пишу на память, пишу о томъ, что слышалъ и въ обонхъ случаяхъ могу надѣлать большихъ ошибокъ, а потому не можете ли вы мнѣ сдѣлать большаго одолженія, навести справки о слѣдующихъ вопросахъ:

1) Въ которомъ году былъ открытъ пансіонъ для Донцевъ у Сергѣя Николаевича Глинки?

2) Кто такой былъ Шатровъ? Вы мнѣ уже говорили о томъ, но я забылъ.

3) Правда ли, что когда Шатровъ, дослужившись до коллежскаго ассесора и получивъ грамоту на потомственное дворянство, сталъ просить герба, то императоръ Александръ I-й приказалъ помѣстить въ гербъ золотую лпру? Это Шатровъ рассказывалъ при мнѣ Шуперину. Объ этомъ вы можете достовѣрно узнать отъ Степана Алексѣевича Маслова, который очень бы меня одолжилъ, еслибъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Николаѣ Петровичѣ Николевѣ, особенно о томъ, что сдѣлалось съ его трагедіей Малакадель, и вообще съ оставшимися послѣ него рукописями?

4) Нельзя ли достать біографію Николева, написанную Масловым? Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ былъ такъ обязателенъ, что обѣщаль мнѣ ее достать.

5) Когда Николай Ивановичъ Ильинъ былъ правителемъ канцеляріи у Растопчина, и даже правда ли это?

Пожалуйста поклонитесь и поблагодарите за меня М. Н. Лонгинова за его посѣщеніе и книги. Если ему попадутся какіянибудь свѣдѣнія объ А. П. Писаревѣ до 1826-го года, то онъ очень одолжитъ меня, если сообщитъ ихъ вамъ или прямо мнѣ въ Сергіевскій Посадъ. Прощайте, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, надѣюсь что вы по дружбѣ своей не потяготитесь моими просьбами. Вашъ душевно

С. Аксаковъ.

3.

24 Сентября 1856.

Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за ваше дружеское вниманіе и обязательное исполненіе моей просьбы. Я получилъ ваши письма отъ 15 и 17 Сентября; получилъ также книжку: „Памятникъ Друзей“ и письмо отъ почтеннаго Степана Алексѣевича Маслова. Сегодня я не успѣю писать къ нему, но на дняхъ непременно напишу и поблагодарю. Вы такъ радушно готовы одолжать меня, что я не премину обратиться къ вамъ съ разными доуками. Надѣюсь въ исходѣ Октябрю проѣхать въ Москву съ оконченною статьею и попрошу васъ ее немедленно выслушать и не отказать въ вашихъ совѣтахъ, потому что въ этой статьѣ много будетъ по вашей части. Благодарю за поздравленіе 65 лѣтняго новорожденнаго. Обнимаю васъ. Вашъ душевно С. Аксаковъ.

4.

20 Іюня 1857.

Премного благодарю васъ, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за всѣ ваши заботы и хлопоты о моей книгѣ. Изданіе вышло славное, и большая половинна полнотипажей очень хороша¹⁾. Прилагаю обертку, которая мнѣ нравится болѣе другихъ.

Константинъ сказалъ мнѣ, что вы желаете взять все изданіе на тѣхъ условіяхъ, на какихъ беретъ у меня книги Бауновъ. Я очень охотно на это соглашаюсь²⁾. Я предлагалъ третье изданіе Руж. Охотн. Баунову, но онъ отвѣта мнѣ не далъ и хотѣлъ напередъ посмотреть книгу, а потому я не считаю себя обязаннымъ ее отдавать другому.

¹⁾ Это „Записки Ружейнаго Охотника“, во второмъ изданіи, я занимался имъ. Оно съ рисунками, которыми завѣдывалъ профессоръ К. Ф. Рулье. П. Б.

²⁾ Это не состоялось. П. Б.

И такъ, когда вы получите отъ переплетчика всѣ 1200 экземпляровъ, то деньги (2250 р. сер.) можете отдать моей дочери, которая живетъ въ Москвѣ. Книга же будетъ продаваться по 2 р. 50 к. с.

Теперь покорнѣйше прошу, 1-ое, расплатиться съ типографіей и дать имъ 10 р. на водку: пусть они раздѣляютъ между собой, какъ знаютъ. 2-е, расплатиться за политпажи съ Б. Ф. Рулье и дать ему столько экземпляровъ, сколько онъ потребуеъ изъ числа тѣхъ 50 экземпляровъ, которые я приказалъ напечатать особо для подарковъ. 3-е, расплатиться съ переплетчиками. Деньги на все это извольте взять у моей дочери Ольги Сергѣевны или затратьте свои въ счетъ будущей расплаты.

Еще разъ благодарю васъ за дружескія заботы. Я теперь сижу за пересмотромъ исторіи моего дѣтства. Статья въ „Бесѣду“ будетъ доставлена черезъ недѣлю. Обнимаю васъ всею душою. С. Аксаковъ.

5.

5 Августа 1857. Абрамцево,

Вы уже отдали деньги, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, изъ чего я долженъ заключить, что вы получили мое письмо и мою статью для „Бесѣды“. Я надѣялся, что вы напишите ко мнѣ объ этомъ хоть одну строчку. Не мало ли вы оставили у себя денегъ на расплату съ типографіей, переплетчиками и съ Рулье за политпажи? Убѣдительно васъ прошу прислать мнѣ, какъ можно скорѣе, корректуру моей статьи: въ ней должна быть сдѣлана весьма важная поправка.

Обнимаю васъ. Душевно вашъ С. Аксаковъ.

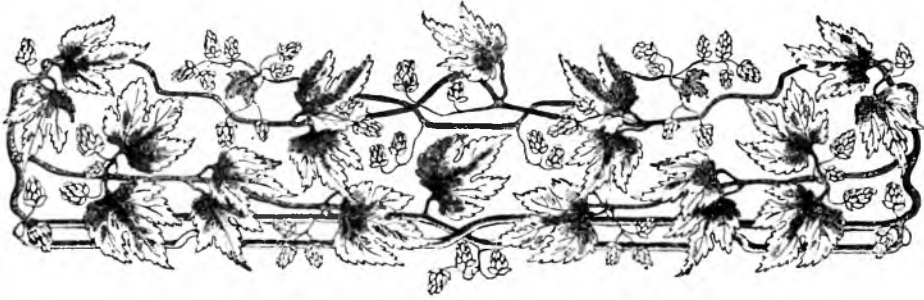
6.

Препокорнѣйше васъ благодарю, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, за присланные счета и за всѣ ваши заботы. У меня есть маленькая слабость къ аккуратнымъ счетамъ, и вы можете судить, какъ меня радуетъ вашъ подробнѣйшій отчетъ. Я еще съ просьбой къ вамъ: узнайте, пожалуйста, у Каткова адресъ имя и отчество Вишневецаго.

Обнимаю васъ всею душою С. Аксаковъ.

P. S. Сдѣлайте одолженіе доставьте мнѣ 15 мѣсяца Іюня *Revue de deux Mondes*, попросите отъ меня Мих. Ник. Лонгинова. Онъ вѣрно доставитъ. Мнѣ только прочесть статью о моей „Хроникѣ“.

Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

24 Юля 1893 въ Ревель.

Эстляндскій губернаторъ князь С. В. Шаховской, внучатный племянникъ славнаго комика и братъ отѣнно даровитаго супруга старшей дочери Каткова, самъ мнѣ рассказывалъ о началѣ своей извѣстности. Будучи вице-консуломъ въ Рагузѣ, сдѣлался онъ агентомъ Славянскаго Благотворительнаго Общества и на присылаемыя Аксаковымъ деньги Московскихъ купцовъ доставлялъ оружіе и порохъ, которыя держалъ у себя подъ поломъ и раздавалъ Герцеговинскимъ повстанцамъ. Паша въ Рагузѣ имѣлъ жену Французенку, которая ему надоѣла. Однажды онъ познакомилъ съ нею нашего вице-консула.

Начались катанья верхомъ, и отвергнутая своимъ господиномъ жена до того сблизилась съ Русскимъ вице-консуломъ, что для него похитила у мужа тайнопись его переписки. Молодой князь такимъ образомъ получилъ возможность заранее узнавать о направленіи и передвиженіяхъ Турецкихъ войскъ, предупреждалъ повстанцевъ и тѣмъ облегчалъ имъ побѣды и одолѣніе. Вдругъ нашъ посоль Вѣнскій требуетъ его телеграммой въ Вѣну и оттуда немедленно посылаетъ его въ Петербургъ. До Русской границы провожалъ его Австрійскій жандармъ, далѣе Русскій. Его приводятъ въ Мин. Ин. Дѣлъ, и Гирсъ, тогдашній директоръ Азіатскаго Департамента, объявляетъ ему выговоръ за то, что онъ слишкомъ много занимается Славянскимъ Благотв. Обществомъ. Князь ссылается на то, что общество это дозволено, и что вѣроятно самъ Николай Карловичъ членомъ какого-либо благотворительнаго учрежденія, при чемъ объявляетъ, что лучше выйдетъ въ отставку, чѣмъ согласится на стѣсненіе этой его дѣятельности. За тѣмъ идетъ онъ къ князю Горчакову, его не принимаютъ, къ Вестману, къ Гамбургеру—тоже. Горе и смущеніе свое сообщаетъ онъ графинѣ Блудовой; та его утѣшаетъ и велитъ придти къ ней тогда-то, въ часъ дня. Обазывается, это день ея именинъ: у нея накурено, принаряжено. Вскорѣ

приходить Государь, и когда князь хочет удалиться, графиня вмѣсто того представляетъ его. „Такъ вотъ ты какой молодецъ! Ну сказывай, какъ по твоему справятся тамъ съ Турками?—Если прислано будетъ столько-то милліоновъ, да придутъ переодѣтые Русскіе солдаты, тогда можно ручаться.—Ужъ очень ты горячъ!“

Вечеромъ того же дня присылаетъ за нимъ канцлеръ. Но князь велитъ сказать посланцу, что такъ какъ онъ не былъ принятъ и по-даетъ въ отставку, то не имѣетъ никакой надобности беспокоить его свѣтлость своимъ посѣщеніемъ. Вскорѣ онъ дѣйствительно подалъ про-шеніе и уѣхалъ въ Москву, гдѣ умиралъ его дядя, симпатичнѣйшій Александръ Павловичъ Евремовъ. Отецъ отнесся довольно сурово къ быстрому рѣшенію сына, который за тѣмъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Нежданно-негаданно телеграмма отъ канцлера съ запросомъ о здоровьѣ его чиновника. Отецъ пишетъ отвѣтъ о его болѣзни. Отъ канцлера снова телеграмма съ просьбою ежедневно увѣдомлять о ходѣ болѣзни. Потомъ выяснилось, что за частнымъ обѣдомъ у Наслѣдника, гдѣ были Государь и графиня Блудова, Цесаревна стала жаловаться на кп. Горчакова и объясняла болѣзнь молодого князя Шаховскаго его съ нимъ обращеніемъ. По выздоровленіи онъ получилъ отличную должность въ Одессѣ и тутъ, переодѣваясь чумакомъ, успѣлъ перевести въ Румынію много оружія, доставленнаго Аксаковымъ.

*

Памяти Тютчева.

И у домашняго простаго камелька,
 И въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты солонной,
 Намъ не забыть его, сѣдого старика
 Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной.
 Лѣнливой поступью прошелъ онъ жизни путь,
 Но мыслью обнялъ все, чтѣ на пути замѣтилъ,
 И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
 Онъ былъ какъ голубъ чистъ и какъ младенецъ свѣтель.
 Искусство, знаніе, событія нашихъ дней
 Все откликъ въ немъ будило неизбѣжно,
 И словомъ брошеннымъ на акты и людей
 Клеймо онъ вѣчное накладывалъ небрежно.
 Вы помните его среди его друзей,
 Какъ мысли сыпались нежданнаго живыя,
 Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
 И вечеръ длившійся, и годы прожитые.

ЦЕЗАРЬ ЛОЖЬЕ. Дневникъ офицера Великой Арміи въ 1812 г. Переводъ съ Французскаго. м. 8-ка. М. X № 367 стр.

Въ предисловіи къ этому дневнику А. М. Васютинскій говоритъ, что Ложье былъ офицеромъ Итальянской королевской гвардіи, входившей въ составъ корпуса принца Богарне. Но фамилія де Ложье не Итальянская, и частички *de* вовсе нѣтъ у Итальянцевъ. Удивляешься, какъ будучи въ походѣ, могъ онъ до такихъ подробностей все записывать о незнакомыхъ ему мѣстахъ, до упоминанія числа домовъ въ городахъ и селеніяхъ. По образованію, Ложье превосходилъ большинство своихъ товарищей и не забываетъ, что въ немъ течетъ кровь древнихъ побѣдителей міра—Римлянъ. Въ Наполеона онъ вѣритъ, какъ въ Бога и говоритъ, что за нимъ всѣ охотно шли, не зная даже куда.

То что признано за высшее проявленіе любви къ отечеству въ Русскихъ, которые жгли свое достояніе, лишь бы ничего не досталось неприятелю, Ложье называетъ разореніемъ, которое оставляли эти Татарскія орды. Казаковъ онъ выставляетъ трусами и грабителями и считаетъ главнымъ двигателемъ ихъ нападений одну корысть, что въ битвѣ 26 Августа побѣда осталась за Наполеономъ, что напоминаетъ приводимыя барономъ Байемъ чьи-то слова, что въ Бородинѣ побѣдили Русскіе, а въ битвѣ *de la Moskva* побѣдилъ Наполеонъ. Но Ложье тутъ же прибавляетъ, „что никакое бѣдствіе, никакое проигранное сраженіе не сравняется въ ужасахъ съ Бородинскимъ полемъ, „на которомъ мы остались побѣдителями.“ Для людей военныхъ дневникъ Ложье, по точности описываемыхъ имъ сраженій, стычекъ и другихъ военныхъ дѣйствій, долженъ быть любопытенъ. Мы же, профанія въ ихъ дѣлѣ, съ довольствіемъ читаемъ дневникъ который въ изложеніи знакомыхъ

намъ событій внесъ много непосредственнаго. Непомнится, чтобы кто изъ писавшихъ о пребываніи Наполеона между Суражемъ и Яновичами, гдѣ онъ держалъ военный совѣтъ о дальнѣйшемъ шествіи на Москву, обратилъ вниманіе, какое тяжелое чувство испытали солдаты итальянцы образовавшіе кругомъ палатки Императора двойное каре, при видѣ изобилія кушаній и тонкихъ винъ на столѣ Императорской прислуги, въ то самое время, какъ они голодали. Ложье восхищается Польскими аристократами, образовавшими подъ начальствомъ князя Огинскаго почетную гвардію императора, и считаетъ еще все Польскими Литовскія и Бѣлорусскія губерніи. Такъ Ляды онъ называетъ пограничнымъ городомъ Польши.

Можно привѣтствовать издательство „Задруга“ за переводъ этой любопытной книги, и пожелать, чтобы она была во всѣхъ бібліотекахъ нашего юношества и молодежи. Языкъ перевода мѣстами страдаетъ галлицизмами. Странно звучитъ сочетаніе *вахмистръ* съ фамиліей Грассини.

Нельзя не коснуться читая о роли, Поляковъ въ 1812 г., какъ Александръ I щедро отблагодарилъ ихъ за предательство, какъ онъ писалъ этому самому Огинскому, что возстановить Польшу въ границахъ 1772 г. т. е. вернуть ей Подолію, Волинь и Кіевъ....

За одни подобныя обѣщанія ему дѣйствительно можно было бы обречь себя на непрерывные переѣзды, но онъ вѣроятно до послѣднихъ дней своихъ не созналъ, какъ онъ былъ виноватъ предъ Россіей.

Подсчетъ того, что осталось отъ великой арміи при переходѣ черезъ Березину, при Студянкѣ, до сихъ поръ наводитъ ужасъ, какъ и описаніе того, что претерпѣвали несчастные возвращавшіеся изъ Россіи. А въ концѣ концовъ невольно спросишь, по чьей винѣ мы выпустили Наполеона? И что было бы, если бы его задержали у себя?

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка 20 копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Угнѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Н. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТІЕ СВЯТЫЙШАГО ПАТРИАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексѣя Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912

8.

стр.

- 481. Изъ своеручныхъ писемъ Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу.
- 492. Императоръ Александръ Павловичъ и В. С. Поповъ. Ихъ разногласіе.
- 494. Императоръ Павелъ. Изъ Архива Н. О. Кутлубицкаго.
- 529. Разсказы о старинѣ. А. Ханенко.
- 539. 1812-й годъ. Госпожа Сталь въ Россіи.
- 580. Рядовой Сучкинъ (быль). Изъ воспоминаній стараго гусара. Безсмертный.
- 583. Изъ воспоминаній П. И. Щукина.
- 597. Стихи князя П. А. Вяземскаго приписанные Ф. И. Тютчеву. Левъ Зильовъ.
- 604. Н. И. Тургеневъ. Изъ его дневника юношескихъ лѣтъ.
- 630. С. М. Иконниковъ. Участникъ войны 1812 года.
- 632. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива».

Внутри обложки: о книгѣ В. И. Маслова «Литературная дѣятельность
К. Ф. Рытѣва».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1912.

В. И. МАСЛОВЪ. Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣва. Кіевъ. 1912. 8-ка. V, 371 и 144, съ портретомъ К. Ѳ. Рылѣва и на заглавномъ листѣ съ изображеніемъ мечтателя.

К. Ѳ. Рылѣву! Сколько думъ припоминается этимъ именемъ, какъ долго оно было запретнымъ, и тѣмъ съ большею охотою произносилось негласно.

Судьба Рылѣва, конечно, необыкновенна: поэтъ всенародно повѣшенный 13 Іюля 1826 года. Карамзинъ утверждалъ, что честному человѣку не подобаетъ заслуживать себѣ висѣлицу (*il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu*). Конечно, Рылѣвъ какъ частный человѣкъ, былъ человѣкомъ лично-честнымъ; но какъ дѣятель общественный онъ достоинъ былъ висѣлицы, такъ какъ затѣялъ, произвольно и не спросяся народа, измѣнить государственное управленіе. Эту двойственность усмотрѣлъ въ немъ Императоръ Николай Павловичъ, который, отецъ вѣроятно, прочиталъ бы его стихи; ибо мы знаемъ, что еще въ молодыхъ годахъ восхищался онъ Державинымъ и потомъ приблизилъ къ себѣ Жуковскаго. Пушкинъ вѣрно про него сказалъ, что кого каралъ онъ явно, тому онъ втайнѣ милости творилъ, и эта милость пролилась на Рылѣва на другой же день послѣ кроваваго событія, котораго онъ былъ однимъ изъ главныхъ возбуждателей. По отношенію къ Декабристамъ Государь выразилъ себя въ письмѣ къ графинѣ Потемкиной, которая попросилась у него повидаться съ братомъ своимъ княземъ Трубецкимъ въ Цетрпавловской крѣпости. Онъ до мелочей заботился о сосланныхъ въ Сибирь Декабристахъ. Жаль, что до сихъ поръ не напечатаны его письма къ комеданту Читы Лепарскому. Читавшій эти письма, покойный князь Друцкой-Соколинскій сказывалъ намъ, что эти письма по истинѣ умилительны. Попеченіемъ Государя пользовались семейства сосланныхъ и пятерыхъ повѣшенныхъ. Дальній родственникъ Рылѣва Александръ Михайловичъ, уроженецъ Севастополя и участникъ его обороны, взысканъ былъ его вниманіемъ: онъ даже опредѣлилъ его адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу. Этотъ Рылѣвъ по воцареніи Александра Николаевича выпросилъ у него позволеніе напечатать сочиненіи Кан-

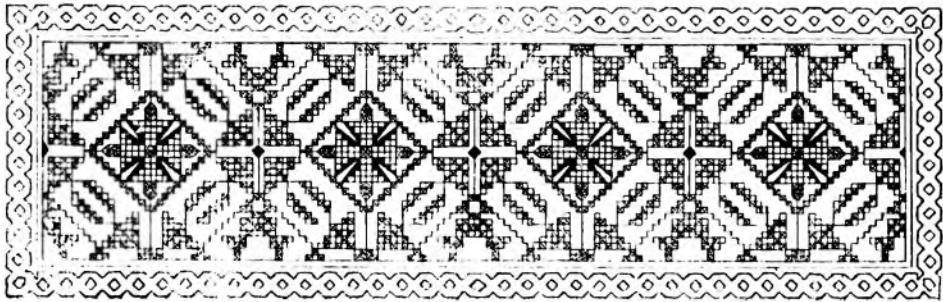
дратія Ѳедоровича, которые потребовали втораго изданія; но, когда издатель вздумалъ приложить портретъ, то Государь отклонилъ просьбу о томъ. Еще долго запретъ тяготѣлъ надъ Рылѣвымъ и его произведеніями. Прекрасная статья о нихъ А. Н. Сиротинина едва не подверглась аресту въ „Русскомъ Архивѣ“ и спасена была только заступничествомъ К. П. Побѣдоносцева, который зналъ наизусть много стиховъ Рылѣва.

Немногіе изъ Декабристовъ могли догадываться, что приведенію ихъ замысловъ къ исполненію радѣли въ Вѣнѣ. Представителемъ Австріи былъ у насъ тогда Лепдельтеръ, родомъ Еврей, женившійся на Лавалѣ, внучкѣ Козипкой, которая отъ дѣда своего Мясникова, одного изъ „прибыльщиковъ“ Елисаветинскаго царствованія, унаслѣдовала большія богатства. На другой внучкѣ женатъ былъ тотъ князь Трубецкой, котораго заговорщики назначали диктаторомъ будущей Россійской республики. Въ домѣ Лавалы уже спито было новое государственное знамя. Невозможно, чтобы Лепдельтеръ не принималъ тутъ своего тайнаго участія: онъ исполнялъ этимъ тайныя же приказанія Меттерниха, который разсчитывалъ напугать новаго Государя заговоромъ и держать его подъ своею опекою, какъ его предшественника.

В. И. Масловъ озаглавилъ свою книгу *Литературная дѣятельность*, но сія послѣдняя такъ переплелась съ заговоромъ, что, восхваляя Рылѣва какъ писателя, невольно воздается ему хвалу и какъ заговорщику.

Во всякомъ случаѣ эта книга заслуживаетъ полнаго признательнаго вниманія. Составитель съ откровенною добросовѣстностію перечислялъ не только все то, что писалъ Рылѣвъ, но и то, что о немъ писали у насъ и въ чужихъ краяхъ.

Извѣстно, что А. С. Хомяковъ на вечерѣ у Рылѣва, гдѣ собрались его сообщники, доказалъ имъ, что они никѣмъ не уполномочены измѣнять государственную жизнь Россіи. Доводы его были такъ искренны и такъ сильны, что Рылѣвъ безъ шапки убѣжалъ съ собственной своей квартиры. Изъ книги г. Маслова узнаемъ, что Хомяковъ подѣйствовалъ на Рылѣва; въ бумагахъ изложена эта же самая мысль,

Изъ своеручныхъ писемъ Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу *).

Получившій отличное образованіе, членъ стариннаго Курляндскаго дворянства, Германъ-Карлъ Кайзерлингъ (1677—1764) нѣкогда вывелъ въ люди Бирона, который, утвердившись въ Россіи, сдѣлавшись, по своей близости къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, герцогомъ Курляндскимъ, возблагодарилъ его своимъ покровительствомъ. Въ 1633 году Кайзерлингъ былъ уже президентомъ Императорской Академіи Наукъ; но вскорѣ перемѣнилъ ученое поприще на дипломатическое и получилъ должность нашего полномочнаго министра при королѣ Польскомъ Августѣ III-мъ. Онъ былъ посланникомъ въ Берлинъ и въ Вѣннъ, но потомъ опять дѣйствовалъ въ Варшавѣ. Онъ умѣлъ отлично отстаивать выгоды Россіи и отстранять воздѣйствіе на нее поднимавагося въ политическомъ отношеніи перваго короля Прусскаго, съ которымъ дружилъ Петръ Великій. Внутреннее состояніе Курляндіи и Польши были близко знакомы Кайзерлингу, и онъ лучше чѣмъ кто другой могъ помогать Екатеринѣ въ ея замыслахъ, клонившихся къ возвышенію избравшей се своею самодержицею Россіи. Екатерина вѣроятно знала его еще въ царствованіе Елисаветы Петровны. По воцареніи Екатерины, онъ своими совѣтами могъ утвердить ее въ мысли о возвращеніи Бирону Курляндскаго герцогства. Ближайшее изученіе подлинныхъ дѣлъ послужить, можетъ быть, къ нѣкоторому оправданію Бирона и относительно его жестокостей. Не даромъ С. М. Соловьевъ почти умалчиваетъ о нихъ. Не даромъ Пушкинъ защищаетъ Бирона противъ Лажечникова. Сама Анна Ивановна, подобно своей матери, была женщина жестокая, упражнялась въ сараѣ, рядомъ со дворцомъ, стрѣльбою въ кабановъ, увеселялась ледянымъ домомъ, казнила Волынскаго (по женѣ родственика ея дядѣ Петру Великому), его друзей и князей Долгорукихъ.

Екатерина вступила въ переписку съ Кайзерлингомъ вслѣдъ за своимъ вѣщаніемъ на царство и продолжала ее до его кончины. П. Б.

*) Подлинники напечатаны въ 48 и 51 томахъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Русскій переводъ, тамъ же помѣщенный, принадлежитъ С. М. Горюнову. П. Б.

*

Къ графу Кайзерлингу. 25 Сентября 1762: Je vous écris en français; mais si cela vous gêne, je vous écrirai à l'avenir dans un mauvais allemand que j'ai coutume de parler¹⁾.

*

Графъ Кайзерлингъ, посылаю вамъ съ унтеръ-офицеромъ моеѣ гвардіи Толстымъ (это тотъ самый, который открылъ заговоръ Хрущевыхъ и Гурьева) орденъ св. Александра для графа Браницкаго²⁾, который былъ здѣсь съ принцомъ Карломъ Курляндскимъ³⁾. Меня просили объ этомъ знакѣ отличія для него: впрочемъ я весьма желала бы знать, каково его положеніе и розданы ли наши ордена въ Польшѣ сообразно заслугамъ, родовитости или общественному положенію. Уполномочиваю васъ вручить или задержать этотъ орденъ смотря по тому, что вамъ покажется болѣе сообразнымъ съ моимъ достоинствомъ и интересомъ. Нужно согласиться, что этотъ графъ Браницкій оказалъ услугу и обнаружилъ много усердія ко мнѣ въ свое пребываніе здѣсь въ 1758 г. Вы дадите понять графу Брюлю⁴⁾ тѣмъ способомъ, какъ вы найдете удобнѣе, что онъ можетъ быть увѣренъ, что если по Курляндскимъ дѣламъ онъ будетъ сопротивляться моимъ планамъ, я изведу его въ конецъ и выгоню изъ Польши. Вы будете имѣть возможность съ Толстымъ сообщить мнѣ болѣе точныя подробности о всемъ, что относится до положенія моихъ дѣлъ въ Польшѣ, много ли вамъ нужно денегъ, слѣдуетъ ли въ видахъ привлеченія къ намъ Поляковъ назначить новую комиссію о вознагражденіяхъ, и какъ великъ долженъ быть расходъ на этотъ предметъ. Однимъ словомъ, старайтесь поставить мои дѣла тамъ, гдѣ вы находитесь, на блестящую ногу, а я не пренебрегу ничѣмъ, чтобы содѣйствовать вамъ въ этомъ: создавайте мнѣ друзей, заставляйте трепстать моихъ враговъ и будьте увѣрены, что я буду всегда къ вамъ благосклонная Екатерина.

Москва. 7 Декабря 1762.

PS. Мнѣ очень хочется уволить Ржищевского и послать на его мѣсто Левашева, бывшаго въ Регенсбургѣ: всѣ единовѣрцы наши въ Польшѣ очень недовольны первымъ; я же нахожу его очень глупымъ, преданнымъ Брюлю и слишкомъ трусливымъ. По этой послѣдней при-

¹⁾ Пишу къ вамъ пофранцузски; но если для васъ это неудобно, буду писать на плохомъ Нѣмецкомъ языкѣ, какимъ обыкновенно говорю.

²⁾ Родной дѣдъ князя С. М. Воронцова. П. Б.

³⁾ Во время Семилѣтней войны. П. Б.

⁴⁾ Первому министру Августа III-го, короля Польскаго. П. Б.

чинѣ оны плохо поддерживалъ нашихъ друзей; ему можно было бы назначить небольшую пенсію и уволить его.

*

Графъ Кайзерлингъ. Я получила со Стрелаловымъ ваши №№ VI, VII, VIII, IX, X и буду теперь отвѣчать на нихъ по порядку. Поблагодарите моихъ друзей за докладныя записки, которыя они мнѣ прислали и за довѣріе, которое они мнѣ показываютъ, и увѣрьте ихъ, что они вполне могутъ разсчитывать на мою дружбу и поддержку. Я признаю ихъ друзьями Россіи и моими собственными въ частности.

На первую памятную записку. Вы можете сказать въ отвѣтъ князьямъ Чарторижскимъ, что я желала бы избавить республику отъ неустройства, въ которомъ она къ несчастію находится, и что конечно я помогу моимъ друзьямъ и деньгами и войскомъ, чтобы поддержать ихъ, но что прежде всего я желала бы знать: 1) Сколько нужно того и другаго, чтобы устроить конфедерацію? 2) Будетъ ли она направлена противъ личности короля или злоупотребленій? 3) Какимъ образомъ и когда состоится начало этого союза? 4) Кто будутъ тѣ начальники, которыхъ намѣреваются призвать? Когда я буду извѣщена объ этихъ подробностяхъ, то буду имѣть возможность сообразоваться и принять надлежащія мѣры.

Я не отвѣчаю на вторую памятную записку; нахожу только, что будетъ нѣсколько затруднительно имѣть успѣхъ по этому проекту. Тѣмъ не менѣе я приказала дать вамъ инструкцію поддерживать домогательство моихъ друзей тамъ, гдѣ вы находитесь, и представлять двору на вакантныя мѣста и милости, не ожидая приказаній отсюда, всѣхъ которыхъ вы признаете принадлежащими къ моей партіи. Прибавлю этимъ письмомъ, что я желала бы въ особенности, чтобы это были: графъ Браницкій, которому я послала орденъ, стольникъ Пояатовскій, графъ Ржевусскій, оберъ-каммергеръ Пояатовскій.—На вашъ № VIII имѣю вамъ сказать, что я приказала отвѣчать на записку подъ-канцлера и что по дѣламъ Курляндіи я посмотрю что придется дѣлать, ежели секвестръ, наложенный по моему приказанію на доходы герцога, внушенія которыя я приказала сдѣлать принцу Карлу, что если оны не удалятся изъ Курляндіи, то долженъ опасаться за свою свободу также какъ и за своего любезнаго Брюля (Цигенгайнъ)—не будутъ имѣть успѣха.

Я согласна на созваніе комиссіи въ Варшавѣ подъ вашимъ наблюденіемъ, и я приказала вставить пунктъ о честныхъ людяхъ,

которые должны быть выбраны. Вамъ слѣдовало бы опредѣлить сумму, которою мы удовлетворимъ кредиторовъ и всѣхъ остальныхъ. Постарайтесь же привлечь къ намъ Масальскихъ.—На вашъ № IX отвѣчаю, что я только что получила отъ короля Прусскаго, въ отвѣтъ на письмо которое я ему писала, письмо, которымъ я очень довольна. Ваши мысли нравятся мнѣ, и я тѣмъ болѣе была бы рада придти къ соглашенію съ Прусскимъ королемъ относительно Польскихъ дѣлъ, что такимъ образомъ этотъ король былъ бы вырванъ изъ рукъ Франціи; нужно, чтобы это происходило въ величайшей тайнѣ и еще лучше непосредственно между королемъ и мною. Я также очень желала бы, чтобы предположеніе исходило отъ него. Посмотрите, не можете ли вы устроить это, на что, какъ мнѣ кажется, вы надѣетесь.—Вашъ № X приглашаетъ меня вернуться въ Петербургъ, чего я не сдѣлаю этою зимою: всемъ такъ хорошо, и я боюсь подвергнуть опасности великаго князя, который счастливо вызволился*). Карнавалъ начался, и теперь все только и думаетъ объ удовольствіяхъ.

*

3 Января 1763 г. Москва.

О депешѣ увѣрить можно посла, что ни единая оригинальная не бывала и не есть въ рукахъ Прусскаго короля, но что страсть бывшаго императора такъ велика была, что онъ иногда невинныя слова какъ будто вредныя королю Прусскому толковалъ и тако и ему сообщалъ, и то не въ оригиналѣ.

Сіе можетъ служить графу Бюту въ оправданіе противъ великое множество его злодѣевъ, которые ищутъ ему крѣмъ дѣлать изъ его разговоръ съ нынѣшнимъ вице-канцлеромъ.

*

Москва, 27 Января 1762.

Графъ Кайзерлингъ. Я получила черезъ Толстого ваши № 12 и 13 и, кажется, по почтѣ № 11 и 14 и чрезъ Аппа 15 и 16. Я приказала выслать вамъ 50000 тысячъ червонцевъ звонкою монетою съ курьеромъ.

Ваша записка съ изложеніемъ основанийъ есть образцовое произведеніе: отвѣтъ на нее дерзокъ и обнаруживаетъ крупное невѣжество

*) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ до того былъ смертельно боленъ, что бывшій канцлеръ Бестужевъ предлагалъ Екатеринѣ выдти замужъ за графа Г. Г. Орлова, привѣнчать младенца, получившаго позднѣе имя Бобринскаго, какъ привѣнчаны были обѣ дочери Петра Великаго, и на основаніи „Правды воли Монаршей“, объявить его наследникомъ Русскаго престола. П. Б.

автора, когда онъ говоритъ: „это изложеніе очевидно переносить отвѣтственность на имп. Елис., ся министерство и на самый Русскій Сенатъ“. Очевидно, что онъ не знаетъ, что Русскій Сенатъ вмѣшивается лишь въ исполненіе законовъ внутри страны. Когда ему представляютъ или онъ самъ изыщетъ какой нибудь новый проектъ, полезный для внутреннихъ дѣлъ, онъ его обсуждаетъ и спрашиваетъ моихъ приказаній, чтобы его осуществить, но онъ никогда не мѣшается и не вмѣшивался въ дѣла внѣшнія и тѣмъ менѣе давать совѣты по онымъ своему монарху. Я приказала отправить къ вамъ рескриптъ предложенный нами. Я надѣюсь, что, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, которыя вы примите и средствамъ, мною доставляемымъ партіи, которую я имѣю, и поддержкѣ, которую я вамъ окажу, если и соберется чрезвычайный сеймъ, то онъ тѣми или другими способами обратится въ мою пользу. Мои намѣренія весьма далеки отъ того чтобы захватить Курляндію. У меня нѣтъ жажды завоеваній. У меня достаточно народовъ, которыхъ я обязана дѣлать счастливыми, и этотъ уголокъ земли не прибавитъ ничего къ ихъ счастью, которое я поставила себѣ цѣлью. Но взявшись за дѣло правое и потому славное, я буду поддерживать его со всею твердостью, которую Богъ даровалъ мнѣ. Я приказала Симолину, чтобы лишь только герцогъ Іоганнъ¹⁾ прибудетъ въ Митаву, ему было передано все, что ему принадлежитъ.

Я твердо рѣшилась учредить въ Варшавѣ комиссію о вознагражденіяхъ²⁾. Вамъ вышлегея отвѣтъ на Декабрьскую записку Двора, который вы представите за своею подписью, измѣнивъ его по вашему усмотрѣнію. Вы назначите содержаніе, кому найдете нужнымъ для моей службы въ Польшѣ. Говорятъ, что Струбе сошелъ съ ума. Я душевно рада придти къ соглашенію съ Прусскимъ королемъ по Польскимъ дѣламъ; я, кажется, сообщала вамъ уже объ этомъ и, такъ какъ мы теперь находимся на такой ногѣ, чтобы вести частную переписку, то это будетъ наилучшимъ средствомъ придти къ соглашенію въ полной тайнѣ. Посылаю Пучкова въ Литву, снабженнаго всѣмъ что ему нужно, и адресую его къ Флеммингу съ собственноручнымъ моимъ письмомъ. Молодой графъ Понятовскій можетъ кушиться при вашемъ содѣйствіи что ему нужно. Я приказала держать на готовѣ еще 20000 червоищевъ, на случай если этихъ денегъ вамъ было бы недостаточно. Я вамъ душевно признательна за все привѣтливое, что вы говорили на мой счетъ молодому графу Орлову; онъ передалъ это все своимъ братьямъ. Еще разъ рекомендую вамъ

¹⁾ Т. е. Биронъ. П. В.

²⁾ За издержки, понесенныя Полаками на содержаніе проходившихъ нашихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну. П. В.

этого молодого человека¹⁾: онъ общается сдѣлаться очень хорошимъ малымъ; онъ пошелъ въ родъ свой, съ которымъ благодарность связываетъ меня по гробъ.

Помѣта канцлера: Получено 28 Января 1763.

*

Я только что получила вашу № 17. Борхъ²⁾, какъ говорятъ, возвратился, когда узналъ, что въ Курляндіи все кончено. Если это извѣстіе ложно, его личность будетъ хорошо, а возложенное на него порученіе дурно приняты.

Вашъ № 18-й весьма интересенъ; я очень одобряю данный вами отвѣтъ. Нужно будетъ посмотреть, что изъ этого послѣдуетъ. Я ссылаюсь въ этомъ дѣлѣ на мои предыдущія письма. Не имѣю ничего возражать противъ всего этого. Мнѣ только было бы любопытно знать, не есть ли этотъ Корфъ тотъ самый, который хромаетъ и который когда-то натворилъ столько интригъ здѣсь, что не поможетъ его пребыванію здѣсь сдѣлаться приятнымъ. Пучковъ имѣетъ приказаніе сноситься съ вами.

*

4 Февраля 1763.

Въ отвѣтъ на вашу 19 сообщая вамъ, что, видя опасность, въ которой находитесь Польскій король, что мнѣ было подтверждено Французскимъ курьеромъ, я собрала совѣтъ, чтобы опредѣлить, какія мѣры слѣдовало бы предпринять въ моихъ интересахъ въ случаѣ смерти этого короля. Было рѣшено въ принципѣ дѣйствовать въ пользу одного изъ Пястовъ, а именно графа Понятовскаго, а если бы его кандидатура не удалась, то въ пользу князя Адама Чарторыжскаго, хранить это въ секретѣ, держать въ готовности на границѣ тридцать тысячъ человекъ, а также пятьдесятъ тысячъ, которые могли бы служить имъ подкрѣпленіемъ, постараться узнать предположенія другихъ дворовъ о ихъ кандидатахъ.

Извѣщаю васъ о всемъ этомъ, дабы вы знали, чего держаться и чтобы получить ваше мнѣніе по этому предмету. Надѣюсь, что Ашъ уже прибылъ къ вамъ.

*

Графъ Байзерлингъ. Я очень рада видѣть изъ вашего № 23, что г. Ашъ прибылъ благополучно. Я приказала послать вамъ его тысячу

¹⁾ Речь идетъ о младшемъ Орловѣ, Владимирѣ Григорьевичѣ. Онъ уѣхалъ тогда въ Лейпцигъ учиться. П. Б.

²⁾ Пріѣхавшій къ Екатеринѣ изъ Курляндіи. П. Б.

рублей векселями и такимъ образомъ сохраню вамъ на закуску тѣ двадцать тысячъ, о которыхъ вы просите; ружья, карабины и другіе военные припасы отправлены подъ величайшимъ секретомъ въ Кіевъ и Смоленскъ. Прусскій король писалъ мнѣ (никто не видѣлъ его письма) о Польскихъ дѣлахъ; онъ сообщилъ мнѣ, что для него безразлично, кого бы ни возвели на престолъ, лишь бы то не былъ Австрійскій принцъ и что онъ былъ бы не прочь отъ одного изъ Пястовъ. Я отвѣтила ему, что соглашусь на устраненіе Австрійца, подъ условіемъ чтобы онъ (король) поступилъ такъ же по отношенію ко всякому кандидату, поддержанному Франціею, что я также очень расположена въ пользу Пяста, лишь бы онъ не находился на краю гроба или на жалованьи какой либо державы. Такъ какъ вы желаете сохранить Ржичевскаго, то я вамъ его оставляю, но берегитесь, чтобы онъ не оказался въ рукахъ графа Брюля: выплатите ему то, что ему слѣдуетъ, т. е. 1507 червонцевъ.

Посылаю вамъ при семъ два письма, о которыхъ вы просили; я очень рада, что число нашихъ друзей растетъ теперь. Я очень интересуюсь знать, что дѣлаетъ Пучковъ; смертельно боюсь, чтобы Радзивиллъ не распорядился его убить. Многіе изъ моихъ подданныхъ, проживающихъ въ сосѣдствѣ съ Радзивиллами, описали мнѣ ужасными красками ихъ злодѣйства. Будьте здоровы и будьте увѣрены въ моемъ расположеніи. Екатерина.

*

1 Апрѣля 1763.

Графъ Кайзерлингъ, ваши №№ 26—29 съ ихъ приложеніями были переданы мнѣ Тиромъ. Я читала съ большимъ удовольствіемъ секретныя депеши; я очень рада, что вы вполне разделяете мое мнѣніе относительно Польши. Я приказала запечатать эти депеши и запретила ихъ давать кому бы то ни было. Чтобы лучше сохранить секретъ, я не держала совѣта и не буду его держать; я приказала канцлеру и вице-канцлеру говорить любопытствующимъ о дѣлахъ Польскихъ, что я была бы не прочь помочь Саксонскому вронъ-принцу взойти на престолъ, если бы король не дѣйствовалъ съ такою враждебностію противъ меня. На будущее время надѣюсь, что тайна будетъ сохраняться лучше, ибо я не буду посвящать никого въ то что будетъ имѣть видъ секрета; все еще ново, и я изучаю своихъ (сотрудниковъ), чтобы полнѣе овладѣть ими.

Вы можете для блага моей службы раздать находящіяся у васъ деньги, а также и тѣ которыя получите, отчитываясь только лично

миѢ, какъ бы въ моихъ личныхъ деньгахъ, о чемъ я извѣщу и Коллегію, и Кабинетъ, что вы будете лично миѢ давать отчетъ.

Одобряю, что вы сдѣлали относительно примаса: его слабость неопытна: примасъ, подающій столь дурные примѣры, будетъ плохимъ вице-королемъ въ теченіи времени, пока престолъ будетъ вакантнымъ. Одобряю все сдѣланные вами расходы и молю Бога, чтобы Литовскій трибуналъ имѣлъ успѣхъ. Такъ какъ вы вновь настаиваете относительно писемъ Масальскимъ отцу и сыну, посылаю вамъ ихъ вмѣстѣ съ моимъ письмомъ къ вамъ по этому предмету. Если вы того желаете, я напишу также примасу. Распутите слухъ, тѣмъ способомъ который признаете приличнымъ, что если дерзнуть схватить, чтобы засадить въ Кенигштейнъ кого-либо изъ друзей Россіи, я напелю Сибирь своими недругами и спущу Запорожскихъ казаковъ, которые хотятъ прислать ко миѢ депутацію, чтобы просить меня дозволить имъ отомстить обиды, наносимыя миѢ Польскимъ королемъ (гайдамаковъ любить въ Польшѣ).

Если сеймъ не можетъ закончиться въ мою пользу безъ того, чтобы сеймики состоялись подъ покровомъ конфедераціи, было бы полезно, чтобы это произошло въ такое время года, когда мои войска имѣли бы возможность ихъ поддерживать. Я буду имѣть въ Маѣ мѣсяцъ 15000 человекъ въ Смоленскѣ, 18000 между Кіевомъ и Черниговымъ и гораздо значительнѣйшій корпусъ въ Ригѣ. Если желаютъ, чтобы эти войска двинулись къ Оливѣ и Слуцу, необходимы на мѣсяцъ жизненные припасы, коихъ посылаю вамъ списокъ, а если на четыре мѣсяца, то нужно четверное количество. Если бы мои друзья взяли себѣ устроить эти склады, я выслала бы имъ необходимую сумму, 200 гусаръ, 100 казаковъ и 100 артиллеристовъ будутъ 1 Мая въ Кіевѣ, и совершенно такое же число въ Смоленскѣ. Все военные припасы будутъ на мѣстѣ къ тому же числу, и я надѣюсь выслать вамъ съ этимъ же курьеромъ пятьдесятъ т. червонцевъ, которыхъ у меня просить на указанное миѢ употребленіе; я пошлю запечатанное предписаніе въ Смоленскъ и другое въ Кіевъ, которыя по простому письму графа Кейзерлинга, моего посла, должно будетъ распечатать и въ которыхъ будетъ выражено, чтобы отпускать все что онъ потребуетъ и чему я безъ задержательно вышлю списокъ. Въ Смоленскѣ губернаторомъ князь Козловскій, а въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ господинъ Галбовъ; но въ случаѣ его отсутствія нужно будетъ обращаться къ генералъ-маіору Чичерину, которому я немедленно пошлю мои приказанія.

*

Я пишу вамъ это письмо, чтобы узнать ваше мнѣніе. Англія очень горюитъ меня скорѣйшимъ заключеніемъ со мною коммерческаго

и союзнаго договора. Прежде чѣмъ согласиться на это, я хотѣла посмотреть, какой оборотъ примутъ Европейскія дѣла. Съ этою цѣлью я подъ различными предлогами избѣгала даже разсмотрѣнія предложеній, которыя мнѣ дѣлали: теперь, не имѣя болѣе хорошихъ предложений для ссылки на нихъ, я приказала выслушать предложенія Англійскаго посла. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ составила проектъ союзнаго и оборонительнаго договора: но прежде чѣмъ принять рѣшеніе, я желала бы знать ваше мнѣніе объ этомъ. Я приказала довѣрительно объявить Вѣнскому и Прусскому дворамъ, что Англія дѣлаетъ предложенія относительно союзнаго договора, что я не хотѣла дать своего согласія, не сообщивъ имъ прежде объ этомъ; я сдѣлала это, чтобы эти дворы не взяли подозрѣніе и чтобы они могли сдѣлать мнѣ предложенія относительно (заключенія) дружественныхъ договоровъ, о чемъ я лично недѣлю тому назадъ написала королю. Я вамъ скажу безъ обиняковъ, что моя цѣль—быть связанной дружбою и даже оборонительными союзами со всеми державами, чтобы всегда имѣть возможность стать на сторону болѣе угнетаемаго и такимъ образомъ быть арбитромъ Европы: прошу васъ сказать мнѣ, если я ошибаюсь, и при этомъ не стѣсняясь. При семъ посылаю вамъ проектъ составленный въ Коллегіи.

*

Петергофъ, 26 Іюля 1763.

Велѣдствіе вашихъ секретныхъ донесеній, адресованныхъ мнѣ въ собственные руки, я вамъ открыла мои намѣренія, что я не хочу и не могу назначить другаго срока, какъ кончина Польскаго короля, чтобы подать руку конфедераціи этой земли. Я однако не удивляюсь нетерпѣнію, которое мои друзья обнаруживаютъ усиленными ходатайствами, дабы привести дѣла къ этой развязкѣ ранѣе срока. Ихъ интересъ такъ великъ и ихъ планы такъ важны, что если они успеютъ ихъ осуществить, то будутъ заслуживать извиненія въ глазахъ публики за всѣ средства.

Иное дѣло въ отношеніи меня. Моя истинная слава пострадаетъ безъ сомнѣнія, когда я окажусь содѣйствующею низложенію съ престола владѣтеля сосѣдняго и дружественнаго безъ всякой другой причины, какъ развѣ за слишкомъ большое его довѣріе къ министру недобросовѣтному и слабому (находящемуся притомъ на краю могилы), который настолько же дерзокъ въ замыслахъ своихъ предпріятій, насколько трусливъ въ ихъ исполненіи. Но затѣвать конфедерацію и поддерживать ее до смерти—столь неопредѣленное странство времени не поглотитъ ли у меня суммы денегъ столь зна-

чительныя и не пошатнеть ли и не измѣнить ли настолько мой вѣсъ и вліяніе у прочихъ, что дѣйствительно окажется труднымъ оцѣнить, на сколько то и другое соответствуетъ пріобрѣтенной выгодѣ—избранію національнаго короля. Впрочемъ мнѣ кажется нѣтъ надобности изъяснять вамъ въ этомъ письмѣ о политической подкладкѣ, относительно моей имперіи, въ непродолжительной конфедераціи, которая окончилась бы возстановленіемъ добраго порядка во внутреннихъ дѣлахъ королевства (если вообще подобный порядокъ можетъ имѣть мѣсто при такомъ правительствѣ). Я васъ слишкомъ знаю, графъ Кайзерлингъ, за посланника просвѣщеннаго и преданнаго, чтобы хотя минуту сомнѣваться въ вашемъ усердіи и проницательности по отношенію къ столь важному и постоянному интересу моей имперіи, потому что безъ сомнѣнія не случайный деспотизмъ партіи, находящей себѣ поддержку въ интригахъ собственнаго двора, въ состояніи создать наконецъ монархическое правленіе, которое есть единственный и дѣйствительный предметъ тревогъ для союзей; поэтому не слѣдуетъ ли смотреть на настоящій деспотизмъ скорѣе, какъ на продолженіе анархіи, имѣющей источникомъ самый принципъ ихъ правительства, чѣмъ на дѣйствительное приближеніе къ постоянному порядку вещей для націи? Я хотѣла указать вамъ на эти предварительныя соображенія единственно для вашего собственнаго свѣдѣнія, дабы вы могли видѣть основанія, по которымъ составлены послѣдніе мои собственноручные приказы вамъ удерживать моихъ друзей отъ преждевременной конфедераціи, давая имъ въ тоже время увѣренія самыя положительныя, что мы неизмѣнно будемъ поддерживать ихъ во всемъ, что благоразумно, до смерти короля, по воспослѣдованіи коей мы безъ сомнѣнія будемъ дѣйствовать въ ихъ пользу. Я сочла тѣмъ болѣе нужнымъ написать вамъ это письмо, что усмотрѣла изъ вашей депеши, адресованной въ Коллегію за № 77, отъ 20-го н. ст. сего мѣсяца, что неблагонамѣренная партія очень хлопочетъ, чтобы побудить ихъ и ихъ войска къ вооруженіямъ. Когда я сопоставляю это сообщеніе съ тѣмъ, которое вы сдѣлали мнѣ лично*), т. е. что наши друзья вооружаются и вербуютъ людей съ такимъ усердіемъ и такою поспѣшностію, какъ будто бы они имѣли уже мое положительное согласіе на немедленное составленіе конфедераціи, я нахожу довольно вѣроятнымъ, что первые могли бы болѣе взволноваться необдуманымъ рвеніемъ нашимъ.

Предстоящее вступленіе въ Польшу моихъ четырехъ полковъ можетъ вызвать еще большее броженіе въ умахъ, въ особенности въ виду пере-

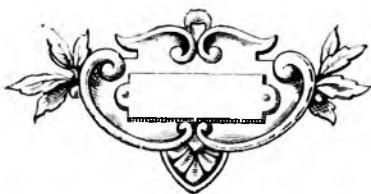
*) Значить, графъ Кайзерлингъ побывалъ въ Петербургѣ. П. Б.

движеній и дѣйствиі этихъ войскъ, которыя вы должны направлять согласно моимъ приказаніямъ. Вслѣдствіе сего я нахожу нужнымъ указать вамъ направлять то и другое со всею свойственною вамъ осторожностію и предусмотрительностію, довольствуясь смягченіемъ того, что въ дѣйствительности могло бы оказаться невыносимымъ для благонамѣренныхъ въ дѣйствіяхъ Виленскаго трибунала, дабы то содѣйствіе, которое мы рѣшились дать по ихъ ходатайству, не перевершило наше стремленіе, заключающееся въ томъ, чтобы не допустить ихъ дѣла до открытаго разрыва прежде предполагаемаго нами срока. На этотъ конецъ я желаю, чтобы вы сократили пребываніе моихъ полковъ въ этой землѣ елико окажется для васъ возможнымъ и чтобы вы имъ указали для возвращенія въ свои квартиры слѣдованіе по мѣстности наименѣ возбужденной. Вы сами хорошо поймете, что все что я вамъ симъ предписываю имѣеть цѣлю предупредить возникновеніе конфедерациі, противной моимъ интересамъ.

Незначительность времени, которымъ мы можемъ располагать, не дозволяетъ отсылку вамъ суммъ, о которыхъ вы просите; поэтому уполномочиваю васъ занять въ Варшавѣ или Данцигѣ такую сумму, которая потребна для надобностей службы, выдавая векселя съ уплатою здѣсь на имя тайнаго совѣтника Панина и генераль-квартирмейстера князя Вяземскаго: эти выданные вами векселя будутъ уплачены здѣсь по истеченіи 6 дней, такъ какъ сумма на этотъ предметъ совершенно готова.

*

Въ день воцаренія Екатерины жилъ въ Петербургѣ другой Кайзерлингъ. На него послался Фридрихъ II-ой, бесѣдуя съ проѣзжавшимъ въ Петербургъ на посольство графомъ Сегюромъ, которому король выражалъ увѣренность въ томъ, что Екатерина неповинна въ гибели Петра III-го, и прибавилъ, что объ этомъ можетъ разсказать ему, графу Сегюру, Кайзерлингъ. П. Б.

Императоръ Александръ Павловичъ и В. С. Поповъ.

Ихъ разномысліе.

1811¹⁾.

„Чтеніе появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ произвело во мнѣ ужасныя воображенія. Подобныя внушенія всегда въ устахъ извѣстныхъ въ Россіи мятежниковъ. Въ Россіи не созрѣли еще умы къ воспріятію лестнаго, но и опаснаго дара вольности: уметвованія о ней воспалительны, а слѣдствія злоупотребленія ея могутъ быть ужасны“. Слѣдуетъ перечень слѣдствій. Въ примѣръ приводится Франція съ подробностями. Далѣе Поповъ²⁾ пишетъ: „Истина историческая неоспорима, что крестьяне въ Россіи за 200 лѣтъ были вольны. Но что тогда въ ней происходило?“ Слѣдуетъ перечень бѣдствій и смуть. Заключение письма: „Государь, благосостояніе и сила Имперіи основываются на твердости связей, всѣ части соединяющихъ. Внушенія о расторженіи ихъ весьма опасны“.

Вотъ собственноручный отвѣтъ Императора В. С. Попову.

Писаніе ваше нахожу я совершенно излишнимъ; позвольте мнѣ думать, что я столько же умѣю понимать вещи какъ и вы. Въ упоминаемой книгѣ ничего похожаго всѣмъ вашимъ опасеніямъ я не нашелъ, и пышныя ваши напомниманія о мѣрахъ пріятыхъ въ прошедшія времена не могу признать вѣрными. Вообще не вижу я иначе въ подвигѣ вашемъ какъ охоту прослыть совѣтодателемъ. Я конечно столько же искренно привязанъ къ своему отечеству какъ и вы. Благосостояніе онаго составляло и будетъ составлять всегда первѣйшую мою заботу.

¹⁾ Помѣщается съ подлиннаго списка. П. Б.

²⁾ Василій Степановичъ. П. Б.

Прочтите 1767 годъ Трудовъ Водянаго Экономическаго Общества 2-й части, стр. 11, 12, 13, и вы удостовѣритесь, что и при блаженной памяти Императрицѣ Екатеринѣ II-й мысли подобныя не сочтены были столь опасными какъ вы ихъ представляете, и отвѣтъ, о коемъ я упоминаю, получилъ отъ нея обѣщанное награжденіе.

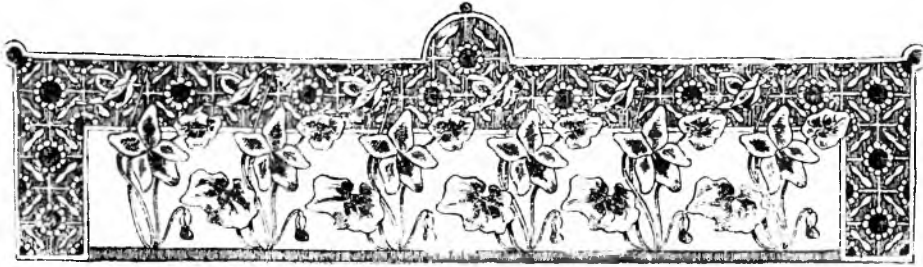
Александръ".

Сентября 12-го 1811 года.

Сообщеніе В. С. Потова.

Имѣя доступъ къ Императрицѣ, бабкѣ Вашего Величества, я однажды въ бесѣдѣ слышалъ отъ нея: дѣло зашло о неограниченной власти ея не только внутри Россійской Имперіи, но и въ чужихъ земляхъ. Я говорилъ ей съ изумленіемъ о томъ слѣпомъ повнновеніи, съ которымъ воля ея вездѣ была исполняема и о томъ усердіи и ревности, съ какими старались все ей угождать. Это не такъ легко, какъ ты думаешь, сказала она. Во-первыхъ, повелѣнія мои конечно не исполнялись бы съ точностію, если бы не были удобны къ исполненію. Ты самъ знаешь, съ какою осмотрительностію поступаю я въ изданіи моихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, извѣдываю мысли просвѣщенной части народа и по нимъ заключаю, какое дѣйствіе указъ мой произвести долженъ. Когда же напередъ я увѣрена объ общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе видѣть то, что ты называешь слѣпымъ повнновеніемъ, и вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не принаровлено къ обычаямъ, къ мнѣнію народному, и когда въ ономъ я бы послѣдовала одной своей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ. Во-вторыхъ, ты ошибаешься, когда думаешь, что вокругъ меня все дѣлается только мнѣ удобное. Напротивъ того: это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому сообразно съ заслугами, достоинствами, склонностями и привычками, и повѣрь мнѣ, что гораздо легче дѣлать пріятное для всехъ, нежели чтобы все тебѣ угождали. Напрасно сего будешь ожидать и будешь огорчаться; но я сего огорченія не имѣю, ибо не ожидаю, чтобы все безъ изыятія по моему дѣлалось. Можетъ быть, сначала и трудно было себя къ тому приучить; но теперь съ удовольствіемъ я чувствую, что, не имѣя прихотей, капризовъ и вспыльчивости, не могу я быть въ тягость, и бесѣда моя всемъ правится. Перенимай у меня, поступай такъ дома и скажешь послѣ мнѣ спасибо.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ.

Изъ архива Н. О. Кутлубицкаго.

Чѣмъ занять былъ комендантъ Михайловскаго Замка предъ событіемъ 11 Марта 1801 года? Трудно представить болѣе бережное отношеніе къ письменному матеріалу, чѣмъ это проявилъ Н. О. Кутлубицкій въ своемъ архивѣ, въ которомъ онъ сохранилъ ученическія тетради изъ шляхетнаго корпуса временъ П. И. Мелиссино, письма своего отца, служившаго при графѣ П. А. Румянцовѣ-Задунайскомъ (который управлялъ тогда Малороссіей), отпуски служебныхъ бумагъ со времени царствованія Павла; официальные и частныя письма, когда либо имъ полученныя; ежедневныя записи своихъ личныхъ расходовъ, начиная съ 1799 года; распоряженія по имѣнію за всѣ 50 лѣтъ своего въ немъ проживанія и пр.

И такъ онъ дѣлалъ до послѣднихъ дней 75-ти лѣтней жизни. Нужно думать, что онъ придавалъ своему архиву не безъ основанія важное значеніе въ дальнѣйшемъ... Къ сожалѣнію, этотъ обширный архивъ не былъ своевременно разобранъ, и въ теченіи свыше 60 лѣтъ по кончинѣ Н. О. Кутлубицкаго, перемѣшиваясь съ перенесенной позднѣйшихъ поколѣній, образовалъ груды разрозненныхъ бумагъ, служившую нѣкоторое время для растопки каминовъ и другихъ „хозяйственныхъ надобностей“ управлявшихъ имѣніемъ. Пожары помѣщичьихъ усадебъ 1905—1906 гг. довершили истребленіе архива, какъ въ Нижегородской, такъ и въ Черниговской губерніи, куда переселился Н. О. Кутлубицкій въ концѣ 40-хъ годовъ (незадолго до своей кончины) въ имѣніе своей сестры В. О. Войцеховичъ, подъ г. Городней, на хуторъ „Никольскій“.

Не лучшая участь постигла и большую часть старинныхъ предметовъ, бывшихъ у Николая Осиповича: многіе портреты императора Павла, портреты всѣхъ членовъ императорской фамиліи, начиная съ Екатерины и Петра III-го, бюсты Павла, его шпаги и пр. Только по „Русскому Архиву“ 1868 года можно узнать, что трость императора Павла, подаренная Кутлубицкому на одномъ изъ парадовъ, сохранялась у Александра Ивановича Ханенко, который, будучи друженъ съ Кутлубицкимъ, напечаталъ черезъ 17 лѣтъ послѣ его смерти въ

томъ же „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года воспоминанія его о временахъ Императора Павла *), служація до сего времени цѣннымъ матеріаломъ для характеристики, какъ этого царствованія, такъ и самого Кутлубицкаго.

Но и въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ попадается кое-что достопамятное. Таковы, напримѣръ, реестры бумагъ, полученныхъ Кутлубицкимъ въ бытность его комендантомъ Михайловскаго дворца. Судя по сохранившейся нумераціи этихъ бумагъ, пѣлы всѣ поступившія къ коменданту за 1800—1801 г., а изъ числа бумагъ исходящихъ отъ коменданта уцѣлѣлъ черновикъ приказа по карауламъ № 20, написанный Кутлубицкимъ въ первыхъ числахъ Марта 1801 г.

На комендантѣ дворца лежала обязанность наблюдать „за чистотой и порядкомъ во дворцѣ и вокругъ онаго“; распоряженія-же по охранѣ касались только карауловъ внѣшнихъ, но не внутреннихъ. Это ограниченіе обязанностей низводитъ роль Коменданта до роли „смотрителя“, и вмѣстѣ съ тѣмъ снимаетъ съ него отвѣтственность за происшедшее въ дворцѣ въ ночь съ 11 на 12 Марта, передъ чѣмъ Кутлубицкаго арестовалъ лично генералъ-губернаторъ графъ Паленъ, предъявивъ вымышленный имъ приказъ Императора.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ напомнить, что торжественное освященіе замка происходило 8 *Ноября 1800 г.* Приказъ о назначеніи свиты Его Величества генер.-лейтенанта Кутлубицкаго на должность коменданта отданъ 12 *Ноября 1800 г.* Перѣздъ Павла изъ зимняго дворца послѣдовалъ 1 *Февраля 1801 г.* Императоръ указалъ гр. Палену, что ему извѣстно о заговорѣ *утромъ 9 Марта 1801.* („On veut renouveler 1762 an“). Вечеромъ въ 10 *час. 11 Марта* Кутлубицкій былъ арестованъ Паленомъ („Генераль, пожалуйте вашу шпагу:

*) *Александръ Павловичъ Ханско* († 4 Юля 1895 г.) былъ большимъ любителемъ письменныхъ памятниковъ Малороссійской старины. Въ 40-хъ годахъ, во время знакомства его съ Н. О. Кутлубицкимъ, онъ былъ предводителемъ дворянства Суражскаго уѣзда. Онъ умеръ 80-лѣтнимъ старцемъ: всѣ знавшіе его помнятъ присущія ему „доброту и незлобіе“, качества, которыми отличался и Кутлубицкій. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: „Святитель Осодосій Углицкій“, „Исторія *Мелжевиць урржеденій въ Малороссіи*“, Очеркъ города Погара (Стародуба). А. Н. Х. былъ высокообразованнымъ и гуманнымъ человѣкомъ. Извѣстно его стихотвореніе, начинающееся словами:

Былъ нѣкогда ужасный вѣкъ.
 Въ какомъ-то странномъ ослѣпленнѣ
 Своихъ собратій униженьемъ
 Тогда гордился человѣкъ!
 Но вотъ ужъ новой жизнью вѣтъ,
 Настала счастья пора,
 И сколько славы и добра
 Въ прекрасномъ будущемъ свѣтлѣтъ!

(Написано наканунѣ 19 *Февраля 1861 г.*)

Государь приказалъ васъ арестовать⁴, и на возраженія *Бутлубицкаго* повторилъ: „развѣ вы не знаете порядка (службы)?“ А 12 Марта 1801 г. комендантомъ императорской резиденціи назначень генераль Беннгсенъ.

Резеръ приходящійся дѣламъ по части коменданта Михайловскаго Замка.

№ 1.

24 Декабря 1800 г.

Въ Придворную Канцелярію Михайловскаго Замка коменданта Бутлубицкаго.

Государю Императору благоудно было поручить мнѣ наблюдать въ Михайловскомъ Замкѣ какъ внутри, такъ и около оного всю чистоту и порядокъ, для исправленія чего непремѣнно нужно имѣть:

1) Въ коридорахъ, по лѣстницамъ и крыльцамъ около замка и внутри около для таковой чистоты 50 человекъ рабочихъ.

2) Снабжать ихъ метлами, деревянными и желѣзными лопатами, топорами и ломами и всегда снабжать, чтобъ въ тѣхъ инструментахъ ни малѣйшей остановки не было.

3) Для усыпанія по лѣстницамъ и крыльцамъ песку, котораго нынѣ при Замкѣ совсѣмъ не имѣется.

4) Для чистки и вывозки нужныхъ мѣсть подрядчика, или какъ разсудитъ придворная канцелярія, ибо отъ однихъ караульныхъ солдатъ и придворныхъ служителей довольно той нечистоты, которую нужно немедля вычистить.

5) Для вывозки изнутри Замка снѣгу необходимо должно имѣть 10 лошадей, ибо изъ Замку приказано снѣгъ всегда вывозить.

6) Для освѣщенія по лѣстницамъ и корридорамъ фонарей, которыхъ нынѣ поставлено 244, въ каждый фонарь по 3 свѣчи—3 1/2 пуда: въ караульныхъ постахъ 20 фут., а всего въ сутки 4 пуда свѣчей, и для зажженія оныхъ и чистки фонарей нужно имѣть 10 человекъ.

Поэтому за нужное нахожу въ Придворную Канцелярію сообщить и требовать, дабы она благоволила въ самоскорѣйшемъ времени нуж-

нѣмъ снабдить, чтобы ни съ чѣмъ ни малѣйшей остановки не было, или неудобно ли будетъ поручить мнѣ взять подрядчика, на что, я надѣюсь, канцелярія повелѣніе уже получила?

Передъ мраморными лѣстницами нужно имѣть по два круга для очищенія ногъ, а лѣстницы мраморныя мести щетками, которыя и нужно всегда имѣть.

*

26 Дек. 1800 г.

Изъ Придворной Е. И. В. Канцеляріи.

На сообщеніе в. пр-ва отъ 24 сего Декабря, касательно отпусканія по высочайшему Государя Императора повелѣнію для наблюденія всякой чистоты и порядка разныхъ потребностей и пр. Придворная Канцелярія уѣдомляетъ, какъ ваше пр-во полагать изволите удобнѣе имѣть на то подрядчика, то канцелярія и предоставляетъ прискаты онаго в. пр-ву, съ тѣмъ, что потребныя деньги платитъ будетъ по присылаемымъ отъ васъ счетамъ.

№ 3. Дек. 26 дня 1800 г.

Въ экспедицію строенія Михайловскаго Замка.

Мнѣ нужно знать, отъ экспедиціи-ли освѣщаются фонари внутри Замка, на дворѣ и около него состоящіе, а равно по проспекту до воротъ? Буде отъ экспедиціи, то благоволятъ того подрядчика или кто оныя освѣщаетъ, прислать сегодня-же въ вѣдомство мое, дабы я могъ сдѣлать взысканіе за позднее освѣщеніе и нечистоту фонарей, и сообщить по которою число онъ долженъ освѣщать. Г. л. Кутлубицкій.

Отвѣтъ.

получ. 27 Дек. 1800 г.

Освѣщеніе по наружности Замка обязался исправлять крестьянинъ Иванъ Васильевъ въ 1798 г. на 3 года отъ Голь-Интендантской, какъ изъ прилагаемой при семь копія приказа усмотрѣть изволите. Чтожь касается до внутреннихъ у Замка фонарей, то онъ-же Васильевъ далъ подписку освѣщать и содержать оныя съ 15 Сентября 1800 г. на 1 годъ цѣною по 9 р. 65 к. за каждый, а съ ночниковъ во дворцѣ, которые освѣщаются денно и ночью, по 14 р. 55 к. въ годъ; по на заключеніе съ нимъ договора отъ его сіят. г. оберъ-гофмейстера и кавалера графа Ив. Андр. Тизенгаузена резолюціи еще не послѣдовало,

безъ коей онъ Васильевъ отозвался освѣщать нынѣ не болѣе какъ по 1 Января будущаго 1801 г.

Карль Нюхельбегеръ *).

Григорій Баженовъ.

Декабря 27 дня 1800 г. № 1782.

Секретарь Вас. Быковъ.

Въ Придворную Канцелярію.

№ 4. Декабря 26 дня 1800 г.

Для предосторожности отъ пожара въ Михайловскомъ Замкѣ и во флигеляхъ онаго по усмотрѣнію моему необходимо сдѣлать до 15 постовъ. На каждомъ посту по расчету моему должно имѣть достаточное количество разнаго пожарнаго инструмента, котораго имѣется весьма недостаточно, почему нахожу за нужное сообщить въ Придворную Канцелярію и требовать, чтобъ она благоволила въ наискорѣйшемъ времени по прилагаемой въдомости всѣ инструменты исправить, и если послѣдуетъ промедленіе, то неисправность въ случаѣ несчастія—пожара безъ оныхъ, останется на отчетѣ Придворной Канцеляріи, Ген. лейт. Кутлубицкій.

Въ экспедицію строенія Михайловскаго Замка.

Дек. 26 дня 1800 г.

Отъ экспедиціи строенія производится топка въ замкѣ, на кухняхъ въ 1-го, 3 и 4-го этажахъ безъ всякаго присмотра и притомъ еще къ ночи. Изъ каминовъ и печекъ жаръ и головни выпадаютъ, и ни одного смотрителя надъ ними въ комнатахъ во время топки не бываетъ. Отсега можетъ произойти неминуемое несчастіе: кромѣ того отъ всѣхъ почти каминовъ и нѣкоторыхъ печей, откуда они не растопятся, вездѣ идетъ дымъ. Во флигеляхъ-же Замка, которые еще совсѣмъ не отстроены, живутъ отъ экспедиціи разночинцы и мастеровые люди. Тамъ-же по коридорамъ и по лѣстницамъ и чуланамъ и въ нѣкоторыхъ кухняхъ, словомъ сказать, вездѣ запакощено и нечистота вездѣ довольно, а нужныя мѣста полны; за тѣми-же флигелями въ саду въ ямахъ таковыя-же нечистоты зарыты во множествѣ, отчего весною можетъ произойти не только привлеккій запахъ, но и болѣзни (отъ чего Боже сохрани!)

*) Отецъ поэта-декабриста.

Посему необходимымъ нахожу въ экспедицію сообщить и требовать, чтобы она обратила все свое вниманіе и имѣла крайнюю осторожность въ топкѣ печей и каминовъ и чтобы кто топятъ, были безотлучно въ комнатахъ, а кто ихъ смотрители, дать мнѣ знать, дабы я могъ отъ себя часто напоминать объ исполненіи порученнаго имъ дѣла; а камины и печи, изъ которыхъ идетъ дымъ, заранѣе исправить. Въ означенныхъ-же флигеляхъ приказать всѣ нечистоты въ самоскорѣйшемъ времени вычистить, и кто отъ экспедиціи будетъ приставленъ, того прислать ко мнѣ, дабы я могъ дѣлать взысканіе въ случаѣ нечистоты. Ген. л. Кутлубицкій.

Отвѣтъ.

На отношеніи № 5 отъ в. пр-ва экспедиція имѣетъ честь отвѣтствовать: что смотрѣніе *по внутренности* Михайловскаго дворца *не принадлежитъ* до ея вѣдомства, для чего съ онаго отношенія препровождена къ его сіятельству графу П. А. Тизенгаузену копія. Чистота-же прочихъ строеній поручена протоколисту Лошкареву, которому и сдѣлано подтвержденіе о наблюденіи за оной, такъ и очистить нужными мѣста въ саду.

Карль Кюхельбекеръ.

№ 1783 Декабря 29 Ян. 1800 г.

Секретарь В. Быковъ.

*

Въ Придворную Канцелярію. На вторичное требованіе объ отпускѣ пожарныхъ инструментовъ послѣдовалъ такой отвѣтъ:

Касательно отпуска пожарныхъ инструментовъ, о сихъ его сіятельство приказалъ отозваться, что именнымъ высочайшимъ указомъ особо повелѣнія сего не было, а посему на отпускъ оныхъ приказанія оныя дать не можетъ.

Совѣтникъ 4-го класса Данауровъ.

№ 18, 5 Янв. 1801. Секретарь Матвѣевъ.

Отъ 11 Генваря 1801 года.

С.-Петербургскому коменданту Епифанову.

Милостивый государь Николай Дмитріевичъ.

Всеподданнѣйше докладывалъ я Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, Великому Князю Александру Павловичу о плацъ-адъютантѣ Михайловскаго Замка г. артиллеріи поручикѣ Мацелевѣ.

касательно прибавочнаго жалованья въ сравненіе тѣхъ плацъ-адъютантовъ, которые находятся подъ командою вашею, то Его Императорское Высочество повелѣть изволилъ, чтобы и на онаго требовать вмѣстѣ съ вашими. То покорнѣйше прошу при будущихъ требованіяхъ на него требовать также со дня опредѣленія его въ Михайловскій Замокъ плацъ-адъютантомъ.

Высочайшій указъ:

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей Державинъ!

Состоящему при Михайловскомъ замкѣ плацъ-адъютанту Мацелеву повелѣваемъ производить жалованья изъ казначействъ вашихъ по 300 р. на годъ, начиная со дня опредѣленія его на сей должности.

Пребываю вамъ благосклонный *Шуваль*.

Февр. 14 дня 1801 г.

Михайловскій Замокъ.

Съ подлиннымъ выс. указомъ свидѣтельствую надвор. совѣтникъ Александръ Посадовскій.

*

Письмо Державина.

М. г. мой Николай Осиповичъ!

Каковъ получилъ я высочайшій Е. И. В. указъ въ 14 день Февраля. съ онаго имѣю честь препроводить конію и притомъ увѣдомить васъ, мил. гос. мой, что въ исполненіи сего предписано отъ меня Петербургскому для остаточныхъ суммъ казначейству, дабы оное причитающееся за вычетомъ на госпиталь по 1 к. съ рубля, съ 12 Ноября 1800 г. по 1 Января 1801 г. 40 р. 42½ к. отпустилъ.

Гасриль Державинъ.

*

Оберъ гофмейстеру Е. И. В. Графу Тизенгаузену.

Такъ какъ уже кончены и торги съ подрядчикомъ, который долженъ держать для чистоты и пожарныхъ инструментовъ во всякое время 6 лошадей съ зимней и лѣтней упряжью, между первымъ кухоннымъ корпусомъ и ледникомъ, дабы лошади всегда стояли на чистомъ воздухѣ, то и прошу покорнѣйше ваше сіятельство кому слѣдуетъ приказать поскорѣе сдѣлать небольшой навѣсъ, а также и для тѣхъ

полицейскихъ 8 лошадей, которыя наряжаютъ для порядка отъ позиціи на мосту необходимо имѣть конюшню и небольшой сарай, котораго выстроеннымъ не имѣется.

Отвѣтъ графа Тизенгаузена.

Получ. 15 Января 1801 г. № 2.

Поспѣшаю увѣдомить в. пр—во, что сверхъ положенныхъ по плану въ Михайловскомъ дворцѣ *никакихъ орудій пристроекъ Государемъ Императоромъ производить не послѣдно*, а потому самому я не осмѣливаюсь приступить къ построению требуемаго вами навѣсу, *безъ особаго на то Высочайшаго соизволенія*.

*

Февраля 3 дня 1801 г.

Его сіятельству П. А. фонъ-дербъ Палену.

Его Императорское Высочество Высочайше повелѣть соизволилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству, что позволяется всѣмъ желающимъ пріѣзжать въ Михайловскій замокъ, не исключая и большого подъѣзда могутъ издти на театральный мостъ вокругъ замка до тѣхъ крылецъ и воротъ, къ которымъ имъ нужно будетъ, въ какихъ-бы то экипажахъ ни было. Исполняя симъ высочайшую волю имѣю честь быть съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью,

Отвѣтъ.

Получ. Февр. 3 дня 1801 г.

Милостивый государь мой Николай Осиповичъ!

По полученному отъ вашего пр—ва отношенію съ изображеніемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія о дозволеніи всѣмъ желающимъ пріѣзжать въ Михайловскій Замокъ не исключая и Большаго подъѣзда и на театральный мостъ вокругъ замка до тѣхъ крылецъ и воротъ, къ которымъ имъ нужно будетъ, въ какихъ бы то экипажахъ ни было: въ здѣшнемъ городѣ надлежащее обвѣщеніе учинено, о чемъ увѣдомляя, имѣю честь и пр. Графъ фонъ-дербъ Паленъ.

*

Въ Придворную Е. И. В. Канцелярію.

Февраля 4 дня 1801 г.

Сего года Генваря 4 дня сообщено было канцеляріи относительно пожарныхъ инструментовъ съ вѣдомостью для скорѣйшаго распоря-

женія, но и по сю пору никакого успѣху не имѣется, хотя отъ господина оберъ-гофъ-маршала Александра Львовича Нарышкина его сятельству Ивану Андреевичу графу Тизенгаузену *при мнѣ извѣстно высочайшее повелѣніе объявлено*. послѣ чего доставлено ко мнѣ 9 кадокъ для воды, изъ которыхъ, какъ скоро ихъ наполнили водою, все потекло, и едва потолоки не промокли.

Посему за нужное нахожу вторично въ канцелярію сообщить и требовать исполненія по вѣдомости какъ слѣдуетъ; если-же и за симъ сдѣлается отъ канцеляріи промедленіе, а между тѣмъ случится (отъ чего Боже сохрани!) пожаръ, то все оное останется на отчетѣ канцеляріи.

*

№ 8. Февраля 4 дня 1801 г.

Въ экспедицію строенія Михайловскаго Замка.

Еще прошлаго году Декабря 28 дня сообщено отъ меня въ оную экспедицію, чтобы зарытую въ саду всю нечистоту въ ямахъ, наполнившихся отъ рабочихъ людей, а равно и во флигеляхъ вычистить. *однако и по сю пору не вычищено*, отъ чего и теперь уже *пресвѣлая вонь въ саду*, посему за нужное считаю еще разъ напомнить оной экспедиціи, *съ тѣмъ однакоже, что если она еще промедлитъ, то о семъ случаѣ будетъ доиссено („Его Им. Величеству“ зачеркнуто, и сверху написано вновь) „кому слѣдуетъ“...*

Притомъ на чердакахъ слуховыя окна прибиты наглухо, они-же непременно должно быть на петляхъ, чтобы при несчастномъ случаѣ тотчасъ можно отворить, и къ каждому окну нужна лѣстница, да еще на чердакахъ задѣлать тѣ мѣста, куда снѣгъ набивается, что нужно непременно теперь же сдѣлать.

Отвѣтъ.

„Нужныя мѣста“ въ саду вычищены на вывозъ еще въ прошломъ мѣсяцѣ, о чемъ и рапортовано экспедиціи 12 Генваря протоколистомъ Лошкаревымъ, а какъ нѣкоторыя ямы отъ тѣхъ мѣстъ не были засыпаны, то сего числа приказано засыпать ихъ мусоромъ. Что-жъ касается до кухонныхъ корпусовъ, то въ угольномъ, гдѣ живутъ служители „нужное мѣсто“ было вычищено прошедшей осенью, а при другихъ корпусахъ „нужныхъ мѣсть“ по плану не положено; а потому, пока сіи сдѣланы не будутъ, то по множеству живущихъ людей нельзя

не быть тамъ и дурному запаху. Но какъ для сихъ корпусовъ по нуждѣ были вырыты временно „три нужныя мѣста“, то экспедиція прикажетъ оныя очистить и что-бы впредь оныя не засорять, просить в. пр—во приказать, или чтобы оныя ямы совсѣмъ засыпать.

На чердакахъ слуховыя окошки на петляхъ, осталось придѣлать къ нимъ только завертки, что и приказано экспедиціей сдѣлать, тоже и лѣстницы.

Карлъ Кюгельбекеръ, Григорій Боженовъ.

№ 35. Февраля 5 дня 1801 г.

Февраля 4 дня 1801 г.

Его сіятельству графу П. А. фонъ-деръ Палену.

Милостивый государь Петръ Алексѣевичъ!

Его Императорское Величество повелѣтъ соизволилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству, что позволяется всѣмъ желающимъ прїѣзжать въ Михайловскій замокъ ѣздить также и съ лугу черезъ Луговой мостъ, въ какихъ бы экипажахъ то ни было.

Отвѣтъ.

Получ. 5 Февр. 1801 г.

Милостивый государь мой Николай Осиповичъ!

Велѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія объявленнаго мнѣ вашимъ пр—вомъ, что позволяется всѣмъ желающимъ прїѣзжать въ Михайловскій замокъ и съ лугу черезъ Луговой мостъ въ какихъ бы то экипажахъ ни было: учинено въ здѣшнемъ городѣ надлежащее обвѣщеніе. Увѣдомляя о семъ имѣю честь быть и проч. Графъ фонъ-деръ Палень.

(Безъ числа).

Г. караульному офицеру стоящему у Садовыхъ воротъ.

Предписывается вамъ строжайше подтвердить всѣмъ часовымъ стоящимъ у желѣзныхъ воротъ, чтобы пропускать въ боковыя желѣзныя ворота всѣ экипажи въ шорахъ, въ саняхъ, подъ фартуками и верхами по аллеѣ до Замка, и обратно въ тѣже ворота. Въ ямской же упряжкѣ никакихъ экипажей въ тѣ ворота и по аллеѣ ни къ замку ни обратно не пропускать, которымъ назначенъ прїѣздъ въ Симеоновскіе ворота*). Средніе-же ворота остаются только для Высочайшей фамиліи и по-словъ.

*) Ворота противъ Симеоновскаго моста черезъ Фонтанку.

Приписано: „Въ Свѣтло Христова Воскресенье, во время заутрени, первый сигналъ въ 12 часовъ, а второй въ часъ“.

*

Февраля 6 дня 1801 года.

Его Высокопревосходительству Петру Хрисанфовичу Обольянинову.

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ мнѣ сообщить вашему высокопревосходительству, чтобъ представляющемуся сего числа драгунскаго Энгельгардта полку прапорщику Ермолаеву, который отставленъ къ штатекимъ дѣламъ по старости лѣтъ и долгой его службы, дать мѣсто по званію его, гдѣ онъ пожелаетъ.

*

Въ экспедицію строенія.

Февраля 7-го 1801 г.

Его Императорское Величество усмотрѣть изволилъ, что на Михайловской площади за шлакъ-баумомъ, на углу у канавы, лежитъ очень много большихъ каменьевъ, то высочайше повелѣть изволилъ мнѣ, чтобъ тѣ камнья убрать въ 12 часовъ на счетъ экспедиціи, которыя камнья и убраны прочь и отвезены на дворъ Кабинета, и за оную перевозку заплачено мною сто рублей, то и сообщаю въ оную экспедицію, чтобъ по полученіи сего сообщенія немедленно отпустить оныя деньги подъ росписку плацъ-адъютанта г. Мацелеву.

Отвѣтъ № 13 пол. 11 Марта 1801 г. отъ графа Тизенгаузена.

Экспедиція строенія Михайловскаго Замка доноситъ мнѣ, что в. пр-во сообщеніе требовать изволите отъ нея за уборку и перевозку лежащихъ около воротъ и мостовъ бамней 100 рублей денегъ, а какъ изъ сообщенія вашего не видно, у какихъ именно воротъ и мостовъ камень, сколько числомъ и куда именно убрано не извѣстно: то я покорно прошу васъ, милостиваго государя моего, напередъ объ ономъ увѣдомить меня обстоятельно, дабы можно было по отпуску денегъ, показать именно въ отчетахъ.

*

Въ Готъ-Интендантскую канцелярію.

8 Февраля 1801 г.

Нанятый отъ экспедиціи строенія трубочистъ Гейслеръ чиститъ въ замкѣ трубы по контракту, копію съ котораго прилагаю. Однакожь,

по многократному моему понужденію, оный трубочистъ контракту не выполняетъ, за что я его уже нѣсколько разъ штрафовалъ арестомъ: обязавшись чистить трубы въ недѣлю разъ или болѣе, онъ и въ мѣсяць двухъ разъ не чиститъ, а когда и чиститъ, но не все и неважно. Отъ сего уже нѣсколько разъ выкидывало изъ трубъ: и чистку производить самъ-третей не болѣе, а какъ не безызвѣстно мнѣ, что она канцелярія Михайловскій Замокъ приняла, почему и счелъ нужнымъ сообщить въ оную, чтобы канцелярія благоволила въ само-скорѣйшемъ времени принять все свои мѣры нанять другого за счетъ его, или прибавить ему людей до 10 человекъ и дать ихъ въ мое вѣдомство, чтобы я могъ во избѣжаніе несчастія къ чисткѣ ежедневно ихъ понуждать.

По сообщенію в. пр-ва отъ 8 сего Февраля касательно неисправности трубочистнаго мастера Гейслера, экспедиція строенія отозвалась, что трубочистый мастеръ Гейслеръ состоялъ подъ вѣдѣніемъ экспедиціи до 1 Ноября 1800 года, а съ того времени по приказанію его сіят. оберъ-гофмейстера графа П. А. Тизенгаузена отданъ въ команду г-ну капитану Замка тайн. совѣтнику, Нащокину, а посему въ силу означеннаго повелѣнія его сіят. экспедиція не можетъ принять его обратно въ свое вѣдомство и не отвѣтствуетъ за его неисправность. Сего-же 11 Февраля означенный трубочистъ Гейслеръ по призывѣ въ гофъ-интенданскую, подпиской обязался: по силѣ контракта чистку трубъ производить съ крайнимъ прилежаніемъ и раченіемъ, дабы никогда въ ономъ остановаки быть не могло, а такъ какъ отъ Гейслера залогоу взято не было при заключеніи договора за неисправность, то отъ здѣшней Ремесленной Управы затребовалъ свидѣнія состоитъ-ли оный Гейслеръ въ числѣ цеховыхъ трубочистныхъ мастеровъ и можно ли, ему въ разсужденіи сего обязательства сдѣлать довѣріе. Статскій совѣтникъ Ильинъ.

Караульному капитану, стоящему на гауптвахтѣ въ Михайловскомъ Замкѣ.

По полученіи сего приказа извольте имѣть наипрожайшее смотрѣніе и вѣрше при смѣнѣ карауловъ сдавать, чтобы часовые стоящіе на наружныхъ постахъ отъ вашего караула отнюдь не ввали, что случается весьма часто.

во 1-хъ: позволять всѣмъ ѣздить кругомъ Замка во всякихъ экипажахъ, то есть въ каретахъ, коляскахъ, саняхъ и съ поклажей черезъ все мосты къ воротамъ или крыльцамъ.

во 2-хъ: чтобы часовые смотрѣли, если кто прїѣдетъ къ которымъ бы то ни было воротамъ или мостамъ, когда сѣдоки выйдутъ вонъ изъ экипажа, или поклажу снимутъ, то чтобъ пустые экипажи и санн ѣхали на то мѣсто, гдѣ имъ показано стоять: также если кто захочетъ ѣхать обратно отъ воротъ или мостовъ, то позволять экипажамъ подъѣзжать.

въ 3-хъ: Черезъ верхній садъ позволять всѣмъ ѣздить во все стороны.

въ 4-хъ: Чтобъ часовые отнюдь не приказывали скидать шляпъ и шапокъ проходящимъ, а оставляли на ихъ волю (а когда будетъ повелѣно, то объ ономъ будетъ и особо предписано).

въ 5-хъ: Черезъ Садовый мостъ, чтò къ Нижнему саду, кромѣ Высочайшей фамиліи никому не позволять ѣздить.

въ 6-хъ: Актерскимъ экипажамъ позволять стоять между Театральнымъ мостомъ и большимъ крыльцомъ.

въ 7-хъ. Чтобы все караулы, принадлежащіе къ Михайловскому Замку относились къ вамъ г. капитанъ, на гаупвахту: а вамъ относиться прямо черезъ дежурнаго штабъ-офицера ко мнѣ, а болѣе ни подъ какимъ видомъ нигуда: буде-же паче чаянія послѣ сего приказу воспослѣдуетъ противное, то будетъ строго взыскано съ г. караульнаго капитана. Комендантъ Мих. Замка ген. лейт. Кутлубицкій.

*

Г. Караульному офицеру стоящему у Воскресенскихъ воротъ*)

№ 17. (Числа не указано).

По полученію сего приказа извольте настрояйше смотрѣть и вѣрнѣе при смѣнѣ карауловъ сдавать, чтобы часовые вашего караула отнюдь не ввали, чтò случается очень часто, а выполняли бы по ниже-слѣдующимъ пунктамъ, а именно:

Часовые у Воскресенскихъ воротъ должны (*наблюдать* зачеркнуто и *рукой Императора Павла написано „смотреть“*), чтобы во время прїѣзду къ замку все партикулярные экипажи, какъ-то кареты въ

*) Воскресенскими воротами называли главные, выходящіе на южный фасадъ дворца, къ статуѣ Петра Великаго.

шорахъ или хомутахъ и сани парами, подъѣзжали на подъѣзды, а придворные экипажи въ шорахъ цугомъ и парные шталмейстерскіе могутъ въѣзжать въ ворота, а потомъ выѣзжаютъ долой со двора, также и сани придворные могутъ выѣзжать въ ворота (а потомъ выѣзжаютъ); придворные экипажи остаются на горнверкѣ, то есть на площади у монумента, а партикулярные экипажи становятся за горнверкомъ, то есть на площади къ фонтану и кругомъ горнверка.

Часовые у средняго моста должны смотрѣть, чтобы черезъ ихъ мостъ не ѣздили на извозчикахъ въ одиночку, также чтобы каковойнибудь поклажи черезъ оный мостъ не везли, а чтобы оную поклажу везли на боковые мосты а впрочемъ, всеѣ экипажи и сани парами могутъ ѣхать черезъ мостъ къ Замку на подъѣздъ.

Буде-же послѣ сего что окажется противное, то взыщется строго съ г. караульнаго офицера *).

№ 18. Г. караульному капитану стоящему на гауптвахтѣ въ Михайловскомъ замкѣ. (Число не указано).

Хотя и было приказано уже нѣсколько разъ, чтобы г. капитанъ имѣлъ бы смотрѣніе за гауптвахтой и за караулами, которые на оную относятся, чтобъ не ломали и не били вещей, которыя имъ даны въ караулни равномѣрно и стеколь, но никакого успѣху не вижу: то и принужденъ предписать вамъ г. капитанъ, что буде послѣ сего приказу что будетъ разбито и изломано или утрачено, то все оное будетъ взыскано за гауптвахту съ г. капитана, а за прочіе караулы съ тѣхъ кто на нихъ былъ.

№ 19. Сходственно полученнаго мною сего 16 Февраля отъ господина дѣйств. тайнаго совѣтника и государственнаго казначея Державина

*) Черновикъ этого приказа написанъ на перечеркнутомъ рапортѣ нижеслѣдующаго содержанія:

Отъ гауптвахты Февраля 14 дня 1801 года.

На всехъ караулахъ и постахъ новаго ничего нѣтъ.

Главный рундъ визитирь-рундъ и патруль исправно ходилъ.

Пароль былъ „Казань“.

Посты объѣзжали по поѣздѣ въ 3³⁷ часа полковникъ Рахмановъ 1-й. Главнымъ рундомъ ходилъ въ 11 часовъ и посты осматривалъ пополуночи въ 6¹⁴ часовъ штабсъ-капитанъ Яхонтовъ 1-й, визитирь-рундомъ ходилъ въ 1 часъ прапорщикъ Аксаковъ. Унтеръ-офицерскій патруль въ 12 часовъ, ефрейторскій для порядка въ 2 часа, а въ прочіе часы патрули каждые четверть часа исправно ходили. (Подписано). Дежурный при караулахъ полковникъ Симаковъ? (или Саблуковъ, не разборчиво).

вина сообщенія, которымъ онъ увѣдомляетъ, чтобъ требовать я изъ казначейства слѣдующее жалованье состоящему при Михаил. Замкѣ плацъ-адъютанту Мацелеву съ 12 Ноября 1800 г. по 1 Января 1801 г., потому и благоволить оное казначейство означенную сумму денегъ отпустить Мацелеву подъ его росписку 40 р. 42 $\frac{1}{2}$ к.

№ 20. Г. Караульному офицеру, стоящему у Новыхъ воротъ.

По полученіи сего приказа извольте настрожайше подтвердить и смотрѣть, чтобъ ваши часовые (у всѣхъ 4 воротъ, какъ-то у старыхъ, у новыхъ, у ранжерейныхъ и у садовыхъ) не врази; во первыхъ всѣмъ позволять ѣздить во всѣ ворота во всякое время безостановочно какъ днемъ, такъ и ночью *), а смотрѣть имъ только, чтобы пьяный народъ и побродяги не таскались, а буде который побродяга заупрямится, того брать подъ карауль, а въ протчемъ никого не останавливать; во вторыхъ: что случится, то обо всемъ относиться прямо на гаупвахту въ Замокъ, а болѣе никуда.

Сохранившіеся приказы коменданта по наружнымъ карауламъ со времени переѣзда Государя во дворецъ, мѣстами даютъ намекъ на безпокойство, что можетъ что-то случится, о чемъ необходимо доносить только ему, и *„ни подъ какимъ видомъ и никуда болѣе“*; но намеки эти слишкомъ неопредѣленны и не даютъ основанія утверждать, что комендантъ своевременно зналъ что-либо о готовящемся событіи. Личный просмотръ нѣкоторыхъ приказовъ самимъ Императоромъ, съ собственноручной его помѣткой *„смотреть“* (вмѣсто *„наблюдать“*) еще не дѣлаетъ ихъ съ этой стороны сколько-нибудь важными. Гораздо болѣе говоритъ случайно сохранившійся рапортъ дежурнаго по карауламъ полковника отъ 14 Февраля 1801 г., изъ котораго видно, что *„патрули каждая четверть часа исправно ходили“*, что указываетъ на болѣе чѣмъ достаточную *внимательную* охрану Замка, вѣрны за мѣсяць до трагическаго событія.

Вышеприведенныя бумаги коменданта, отмѣченныя въ его реестрѣ, конечно далеко не исчерпываютъ всѣхъ его распоряженій, изъ которыхъ большинство несомнѣнно отдавалось *словесно*, иногда отъ него лично, иногда отъ имени Государя, къ которому Кутлубицкій являлся раньше другихъ генераловъ каждое утро.

Что касается 11 Марта 1801 г., то искать въ реестрѣ официальныхъ бумагъ коменданта что-нибудь относящееся къ свершившемуся событію, конечно не приходится. Въ этомъ случаѣ необходимо обратиться къ личнымъ воспоминаніямъ И. О. Кутлубицкаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., насколько

*) Было написано „до 10 часовъ вечера“, но зачеркнуто.

это было возможно при условіяхъ тогдашней цензуры... Воспоминанія эти забыты и не повторены въ исторіи царствованія Павла даже П. К. Шильдеромъ, сочиненіе котораго является наиболѣе подробнымъ. Кутлубицкій извѣгалъ говорить объ этомъ событіи даже съ ближайшими къ нему людьми, и ни на какія вопросы на эту тему, ему предлагаемые любопытными, обыкновенно не отвѣчалъ. Единственнымъ естественнымъ исключеніемъ изъ этого правила является продолжительный (болѣе часа) разговоръ его съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, при проѣздѣ сего послѣдняго черезъ Нижній-Повгородъ въ 1837 году; но что онъ передать въ этомъ разговорѣ Государю, всегда интересовавшемуся событіемъ 11 Марта 1801 г., никому не можетъ быть извѣстно, такъ какъ разговоръ этотъ происходилъ наединѣ.

*

Разсказы генерала Кутлубицкаго о временахъ Павла I-го *).

15 Июля 1849 года, въ хуторѣ Никольскомъ, въ 6-ти верстахъ отъ города Городни (Черниговской губерніи) скончался генералъ-лейтенантъ, бывшій генералъ-адъютантъ императора Павла I-го, Николай Осиповичъ Кутлубицкій. За нѣсколько лѣтъ до кончины поселился онъ съ жившею при немъ незамужнею дочерью въ хуторѣ родной сестры своей В.—О.—В., оставивъ на попеченіе сына имѣніе, въ Нижегородской губерніи, подаренное ему Павломъ Петровичемъ и состоящее изъ 1399 душъ.

Я познакомился съ Николаемъ Осиповичемъ въ деревнѣ у родныхъ моихъ, гдѣ онъ гостилъ по недѣлѣ и болѣе. Онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе. Потомъ нѣсколько разъ я бывалъ у него въ Никольскомъ, гдѣ меня плѣняли особенное, неподдѣльное радушіе и доброта старика и его дочери, невыразимая искренность и гостепріимство хозяйки и ея любезныхъ дочерей, племянницъ старика, который горячо любилъ сестру и ея дѣтей: помогалъ сыновьямъ ея, бывшимъ на службѣ, предназначалъ пособіе, которымъ желалъ обезпечить недостаточное состояніе своихъ племянницъ. Все это семейство чрезвычайно влекло къ себѣ всякаго. У нихъ, бывало, чувствуешь себя настоящимъ человекомъ: нѣтъ ни приторной угодливости, ни холодной вѣжливости: все такъ тепло, горячо и свободно, все просто.

*) Статью эту написалъ достопамятный дѣятель просвѣщенія въ Черниговской губерніи Александръ Ивановичъ Ханенко, ровню какъ и слѣдующую за нею. Онѣ перепечатываются изъ „Русскаго Архива“ 1866 и 1868 годовъ, нѣмнѣ принадлежащихъ къ числу книжныхъ рѣдкостей. П. Б.

все отъ души. Пословица „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“, въ ихъ обществѣ никогда мнѣ не приходила въ голову. Они были очень религіозны: съ особеннымъ усердіемъ посѣщали церковь: любимымъ чтеніемъ ихъ были книги духовнаго содержанія, которыя они выписывали, но охотно читали и другія книги. Бѣдный всегда ими былъ не только надѣленъ, но и обласканъ у нихъ; нуждающемуся они искали сами какъ бы помочь дѣйствительнѣе. Роскоши у нихъ не было, но довольство и чистота такъ и улыбались вездѣ. Глядя на ихъ старій домъ, я часто думалъ: въ такихъ-то домахъ жили когда-то правда и счастье вмѣстѣ съ нашими дѣдами.

Комната старика украшалась нѣсколькими иконами въ переднемъ углу. Надъ скромной постелью, въ головахъ, безъ рамокъ прибиты были два портрета: Серафима и Марка, подвижниковъ Саровской пустыни. Въ углу небольшой бюстъ императора Павла, и его же портретъ масляными красками, по срединѣ другой стѣны, надъ кроватью. Кромѣ этого Николай Осиповичъ еще имѣлъ золотую табакерку съ портретомъ его благодѣтеля Павла I-го и съ надписью: По Богѣ онъ единъ, я имъ и существую. Табакерка эта обратила на себя вниманіе покойнаго императора Николая Павловича и переходила изъ рукъ въ руки придворныхъ, на завтракъ въ Гатчинскомъ дворцѣ, куда Кутлубицкій приглашенъ былъ государемъ, во время представленія ему въ Петербургѣ (послѣ обѣдни къ Николаю Осиповичу явился ординарецъ въ мундирѣ императора Павла, и потомъ онъ приглашенъ былъ къ завтраку).

У Николая Осиповича былъ еще перстень съ камнемъ, на коемъ вырѣзанъ было удивительнаго сходства профиль императора Павла. работы извѣстнаго въ то время рѣзчика Мозжечкова. Во время пріѣзда въ Нижній-Новгородъ покойнаго государя Николая Павловича, Кутлубицкій представлялся ему, особенно отъ другихъ дворянъ, въ кабинетѣ. Государь разговаривалъ съ нимъ болѣе часа. Тогда же онъ обратилъ вниманіе на перстень: велѣлъ его снять, чтобы ближе рассмотреть работу и возвращая сказалъ: „если бы мнѣ не жаль было лишить тебя этой вещи, то я бы отнял ее у тебя“. Николай Осиповичъ всегда помнилъ эти слова и въ послѣдствіи (въ 1843 году) завѣщала одному изъ любимыхъ племянниковъ своихъ, чтобы перстень этотъ, послѣ его смерти, какимъ бы ни было образомъ, былъ переданъ въ руки государя, что и было исполнено въ 1852 году.

Старикъ Кутлубицкій любилъ поговорить о прежнемъ времени. а я, часто бывая съ нимъ по нѣскольку часовъ на одинъ (впрочемъ

онъ не всегда говорилъ обо всемъ при всѣхъ), любилъ послушать и старался выпытывать у него всѣ подробности царствованія, котораго онъ былъ живая лѣтопись. И потому въ памяти моей сохранился цѣлый рядъ разсказовъ, которые я теперь хочу записать, зная, что иногда самое незначительное происшествіе пустой анекдотъ могутъ бросить новый свѣтъ на характеръ историческихъ лицъ и самаго времени; а все прошлое для насъ такъ драгоценно. Всякая подробность прежняго быта, всякая мелочь старины, открывая особенные обычаи или привычки нашихъ предковъ, намъ болѣе и болѣе уясняютъ картину ихъ прежняго быта; и, воссоздавая такимъ образомъ прежнихъ людей и прежнее время, дается возможность современному человѣку наблюдать всѣ незначительныя пружины, всѣ незамѣчаемыя обстоятельства, направлявшія ходъ исторіи. Только на основаніи изученія прошедшаго можно гадать о будущемъ. Только въ прошедшемъ можно наблюдать тѣ законы, по которымъ двигалось человѣчество и по которымъ вѣроятно будетъ двигаться впередъ.

Въ предлагаемыхъ мною разсказахъ Кутлубицкаго, я по возможности, сколько помню, буду стараться сохранить тонъ и манеру самаго разсказчика, даже нѣкоторыя его выраженія. Онъ разсказывалъ мнѣ въ разное время, какъ что приходилось; я же постараюсь записать ихъ въ возможно-последовательномъ порядкѣ, хотя много и нельзя будетъ связать хронологической нитью по отдельности происшествій.

У Павла Петровича, когда онъ былъ великимъ княземъ и наследникомъ престола и жилъ еще въ Гатчинѣ, была собственная его рота, и при ней пушка, въ которой сдѣлалась раковина. Задѣлывать въ пушкахъ раковины въ то время почиталось секретомъ, и задѣлывающій ихъ назывался секретнымъ мастеромъ (весь секретъ состоялъ въ томъ, чтобы, снявъ воскомъ форму раковины, задѣлать ее серебромъ). Наследникъ желалъ самъ видѣть производство этой работы, почему, по его требованію, Мелесино¹⁾ и прислалъ къ нему секретнаго мастера съ адъютантомъ своимъ Аракчеевымъ. Его высочество было очень доволенъ, вспомнилъ, что его видѣлъ у его начальника, и въ разговорѣ съ наследникомъ Аракчееву удалось намекнуть: не угодно ли ему въ Гатчинѣ завести артиллерійскую батарею? Павлу это понравилось: онъ попросилъ у императрицы Екатерины двухъ артиллерійскихъ офицеровъ: императрица поручила Мелесино спросить: кто пожелаетъ перейти въ батарею наследника? Старики отвѣчали: „кого матушкѣ

¹⁾ Петръ Ивановичъ Мелесино, начальникъ артиллерійскаго корпуса.

угодно, пусть и назначить: а сами вызываться не станемъ“. Мелесно доложилъ ихъ отвѣтъ Екатеринѣ, которая, какъ кажется, была довольна ихъ привязанностью къ ней: а между тѣмъ, желая сдѣлать пріятное наследнику исполненіемъ какъ бы уже нѣсколько забытой его просьбы, назначила къ нему вмѣсто двухъ нѣсколькихъ офицеровъ (кажется, четырехъ) изъ кадетъ, коихъ ученическіе чертежи лежали у нея въ кабинетѣ. Она приказала ихъ подать: подъ первымъ чертежомъ подписано было имя Капцевича, подъ другимъ—Кутлубицкаго. Ихъ и назначила она съ другими товарищами. Аракчеевъ, подавшій мысль о составленіи батареи, былъ сдѣланъ ея командиромъ, а Кутлубицкій адъютантомъ при этой батарее. Онъ находился всегда при наследникѣ, который его очень любилъ, называлъ его Николкой и очень часто заставлялъ его у себя въ кабинетѣ перечерчивать болышею частію планы и фасады какихъ-то дворцовъ. Впослѣдствіи жену Кутлубицкаго императоръ называлъ колибри, по причинѣ малаго ея роста.

Однажды, когда онъ принялся передвигать столъ для своей работы съ одного мѣста на другое, Павелъ Петровичъ сказалъ ему: „Оставь, это не твое дѣло, ты слуга государственный; у меня есть для этого свой холопъ, какъ у тебя Андрюшка“ (въ Гатчинѣ онъ зналъ домашнюю жизнь каждаго изъ своихъ приближенныхъ). „Иванъ, закричалъ онъ на Кутайсова, передвинь столъ“. Иванъ Павловичъ Кутайсовъ слышалъ весь разговоръ изъ передней, и съ той поры уже не возлюбилъ Кутлубицкаго.

Черезъ нѣкоторое время его службы, кажется, чуть ли не черезъ годъ, Павелъ Петровичъ самъ предложилъ ему ѣхать въ отпускъ къ отцу въ Малороссію: на дорогу подарилъ ему свою шинель, въ которой, говорилъ покойный Николай Осиповичъ, я только передѣлалъ воротничекъ: вмѣсто краснаго поставилъ черныи. Великому князю было извѣстно черезъ самага же Кутлубицкаго, что отецъ его, жившій въ маленькомъ своемъ имѣніи Полтавской губерніи, въ Прилудкомъ уѣздѣ, служилъ въ канцеляріи графа Румянцева, управлявшаго Малороссіею, и находился при немъ въ Турціи, и что по милости графа самъ онъ былъ опредѣленъ въ корпусъ. Почему, отпуская его домой, Павелъ поручилъ ему передать письмо къ Румянцову, самъ привязалъ его къ шнурку, на которомъ Кутлубицкій, по обыкновенію, носилъ на груди крестъ, приказалъ вручить тайно самому графу, замѣтивъ при томъ, что тайнаго съ нимъ свиданія онъ можетъ добиться чрезъ его карлика.

По прїѣздѣ молодого адъютанта къ обрадованному отцу, первымъ угощеніемъ, по старому обычаю, была ему предложена баня. Домъ отца Николая Осиповича состоялъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ большими сѣнями, въ которыхъ была сдѣлана печка. Послушный сынъ не смѣлъ отказаться отъ бани, а между тѣмъ куда спрятать письмо? Осмотрѣвъ, что въ сѣняхъ никого нѣтъ, вынулъ онъ изъ печи кирпичину, положилъ туда свой крестъ съ письмомъ и осторожно закрылъ опять кирпичемъ: по возвращеніи же изъ бани, онъ поспѣшилъ вынуть положенное, такъ чтобы никто не могъ видѣть.

Послѣ первыхъ дней общей радости, проведенныхъ дома, Николай Осиповичъ сказалъ отцу, что ему слѣдовало бы съѣздить къ графу Румянцову, поблагодарить за его опредѣленіе въ корпусъ. Отецъ похвалилъ сына за его благородныя чувства, на другой день снарядилъ тележку и въ ней отправился съ сыномъ въ имѣніе графа Ташань, гдѣ онъ тогда проживалъ. Прїѣхавши на мѣсто, остановились въ постояломъ домѣ и, переодѣвшись, отправились въ домъ графа. По докладѣ о нихъ, старикъ вышелъ къ нимъ въ тудупѣ, поблагодарилъ отца и сына за память, погладилъ послѣдняго по головѣ, далъ ему поцѣловать свою руку и пригласилъ обоихъ къ обѣду.

Послѣ обѣда отецъ Николая Осиповича ушелъ отдохнуть, а сынъ сказалъ ему, что останется посмотреть сада; и только что онъ ушелъ въ садъ, какъ и выбѣжалъ за нимъ карликъ графа, который безпрестанно увивался возлѣ него. Осмотрѣвшись, чтобы никого не было, Кутлубицкій едва успѣлъ сказать ему, что онъ имѣетъ надобность видѣть на единѣ графа, какъ карликъ скрылся подъ балкономъ, и чрезъ нѣсколько минутъ кивнулъ ему, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ, и провелъ темнымъ коридоромъ въ спальню графа, а самъ исчезъ. Кутлубицкій увидѣлъ передъ собою постель и перегородку, изъ за которой услышалъ слова графа: „взойди, мой другъ, сюда“. И когда онъ взошелъ, старикъ спросилъ его: „что тебѣ надо?“ Кутлубицкій объяснилъ ему свое порученіе и, вынувъ привязанное ко кресту письмо, подаль его графу, который, поцѣловавъ печать, спросилъ: „за чѣмъ ты прежде мнѣ не сказалъ объ этомъ?“ и приказалъ завтра такимъ же образомъ взойти къ нему для полученія отвѣта. И когда на другой день Кутлубицкій былъ опять тѣмъ же путемъ проведенъ карликомъ, графъ самъ привязалъ ему на крестъ свой отвѣтъ наслѣднику. „Смотри, я тебѣ вручаю, сказалъ онъ, мою сѣдую голову; чтобы у тебя... этого письма никто не видѣлъ; ежели, въ случаѣ, заболѣешь, съѣшь его“. Потомъ прибавилъ: „я вижу, что наслѣдникъ тебя любитъ;

когда онъ взойдетъ на престоль, вѣроятно ты будешь къ нему близокъ. Смотри же, вотъ тебѣ мое стариковское наставленіе: проси у государя за всѣхъ и для всѣхъ; но для себя, чтобы языкъ не заикался, чего нибѣудь просить. Сердце царево въ рудъ Божіей, и когда Богу угодно будетъ тебя наградить черезъ царя, то онъ и наградитъ. Но чтобы самъ ты никогда ничего не просилъ для себя⁴. Кутлубицкій за все время пребыванія своего при дворѣ старался быть вѣренъ этому благородному наставленію рѣдкаго по чувству и характеру вельможи время Екаторины и однажды имѣлъ случай разсказать о томъ императору Павлу, когда онъ спрашивалъ у него, зачѣмъ онъ никогда ничего для себя не просить.

Однажды великій князь, проѣзжая верхомъ по Мѣщанской улицѣ, встрѣтилъ партію арестантовъ и поручилъ слѣдовавшему за нимъ Кутлубицкому подать имъ милостыню. Одинъ изъ нихъ, видя наследника престола, сказалъ такъ, что могъ слышать Павелъ, ѣхавшій шагомъ: „Помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи твоемъ“. Великій князь приказалъ записать имя и фамилію произнесшаго эти слова и по восшествіи на престоль немедленно велѣлъ возратить его на родину. (Записку эту всегда ему клали въ карманъ). Возвращенный былъ уроженецъ Симбирской губерніи Прохоръ Матвѣевъ, невинно осужденный за воровство.

Въ день неожиданной кончины императрицы Екаторины, великій князь Павелъ Петровичъ ѣздилъ для развлечения на мельницу, въ Рошну, въ большихъ четверомѣстныхъ саняхъ, вмѣстѣ съ Марією Федоровною. Напротивъ ихъ сидѣлъ графъ Ильинскій, въ какомъ-то странномъ Польскомъ или охотничьемъ уборѣ со шнурками, и какой-то другой придворный. На запяткахъ стояли Капцевичъ и Кутлубицкій. Дордогой великій князь говорилъ о видѣнномъ имъ и Маріей Федоровной снѣ. Сонъ этотъ разсказанъ въ Запискахъ графа Растончина: „Последній день царствованія Екаторины и первый день императора Павла“^{*)}). По поводу этого сна, графъ Ильинскій сказалъ: „Вѣроятно ваше высочество скоро будете императоромъ, и тогда я выиграю мой процессъ съ казною“. У графа былъ процессъ съ казною о имѣніи въ нѣсколько тысячъ душъ. На это великій князь отвѣчалъ: „Навѣрное выиграю бы; по моему бы всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе: помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція“.

*) Наше чатано въ Чтеніяхъ общ. ист. и древн. Росс. 1864, кн. 2.

Во время этой поѣздки пріѣхалъ въ Гатчину съ извѣстіемъ о болѣзни Государыни графъ Зубовъ (братъ любимца) и послалъ къ великому князю доложить о своемъ пріѣздѣ двухъ гусаръ по двумъ различнымъ дорогамъ, не зная, по которой изъ нихъ онъ будетъ возвращаться.

На возвратномъ пути наслѣдникъ, примѣтивъ скакавшаго противъ него гусара, когда тотъ поровнялся съ санями, спросилъ у него по-Малороссійски (гусары все вообще были изъ Малороссіянъ): „Що тамъ таке?“ Посланный отвѣчалъ: „Зубовъ пріѣхавъ, ваше высочество“. — А богацько ихъ? спросилъ Павель¹⁾. Гусаръ, вѣроятно часто слыша Русскую пословицу: одинъ какъ персть, и не понимая ее, отвѣчалъ: „одинъ якъ песь, ваше высочество“. — Ну съ однимъ можно справиться, отвѣчалъ наслѣдникъ; потомъ снялъ шапку и перекрестился.

Возвратясь во дворець, наслѣдникъ призвалъ къ себѣ Зубова въ кабинетъ, велѣлъ приготовить экипажи, но не поѣхалъ въ Петербургъ, пока не прислалъ отъ себя нарочнаго находившійся при великихъ князьяхъ кн. Оболенскій²⁾). Тогда Павель уѣхалъ въ каретѣ, а вслѣдъ въ саняхъ съ однимъ изъ придворныхъ Кутлубицкій. Дорогою они встрѣчали много посланныхъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ. По прибытіи въ зимній дворець, государя встрѣтили на крыльцѣ со свѣчами. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи были въ мундирахъ его полка (вѣроятно Гатчинскихъ).

По вошествіи уже на престоль, однажды, когда съѣзжались во дворцовую церковь къ обѣднѣ, Павель, замѣтивъ въ окно очень красивыхъ лошадей, спросилъ: „Чьи они?“ И когда ему доложили, что это лошади графа Румянцева, то онъ сказалъ: „жаль, что они не въ Нѣмецкой упряжи, они были бы еще красивѣе“. Узнавъ такое мнѣніе государя, генераль-губернаторъ Петербургскій Архаровъ побралъ подписки у всѣхъ жителей Петербурга, чтобы никто не ѣздилъ иначе, какъ въ Нѣмецкой упряжи, о чемъ немедленно далъ знать брату своему, второму Московскому генераль-губернатору³⁾, который въ свою очередь обязалъ такими же подписками жителей Москвы, не спросясь о томъ предварительно у старшаго тамошняго генераль-губернатора

¹⁾ Т. е.: много ли ихъ?

²⁾ ?.. П. Б.

³⁾ Тогда въ столицахъ было по два генераль-губернатора, второй или младшій несъ должность оберъ-полицеймейстера и былъ замѣненъ имъ впоследствии.

князя Долгорукова *). Старикъ обидѣлся и написалъ о томъ государю. Получивъ письмо, Павелъ тотъ часъ же послалъ Кутлубицкаго съ приказаніемъ, чтобы Архаровъ просилъ прощенія у князя Долгорукова, поручивъ арестовать перваго и посадить подъ Ивановскую колокольню. ежели онъ не примирится съ княземъ. „Смотри, прибавилъ государь, чтобы твоя одна нога была здѣсь, а другая въ Москвѣ. Вся Россія собирается въ Москву къ моей коронаціи, а они всехъ заставляють передѣлывать упряжи“.

Кутлубицкій пріѣхалъ къ князю Долгорукову; узнавъ, что онъ отдыхаетъ, просилъ его не будить; а между тѣмъ послалъ за Архаровымъ, рассказалъ ему причину своей посылки, объяснивъ ему необходимость просить у князя прощенія. Между тѣмъ князь проснулся, выслушавъ царскаго флигель-адъютанта, простилъ Архарова и поцѣловался съ нимъ по просьбѣ Кутлубицкаго, какъ онъ говорилъ, для того, чтобы донести ему можно было о томъ государю; просилъ также разорвать и самое письмо Долгорукаго къ государю, привезенное имъ обратно. Окончивъ это, Кутлубицкій полетѣлъ на фельдъ-егерскихъ назадь въ Петербургъ, куда пріѣхалъ часу въ 10-мъ вечера, прямо во дворецъ. Кутайсовъ, узнавъ, что Кутлубицкій стучится въ дверь, не велѣлъ его пускать; но тотъ успѣлъ продвинуть свою палку въ дверь и сильно стукнулъ въ нее кулакомъ, что случилось въ то самое время, когда Павелъ въ халатѣ и колпакѣ проходилъ въ свою опочивальню. Онъ вздрогнулъ, услыша стукъ; но когда ему объяснилъ Кутайсовъ, что это ломится въ дверь Кутлубицкій и что ему сказано было, что теперь не время безпокоить государя, то онъ велѣлъ его тотчасъ же впустить, прибавивъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Обрадованный доносеніемъ Кутлубицкаго, Павелъ надѣлъ на него снятый съ себя орденъ св. Анны, который онъ всегда носилъ на шеѣ. Когда онъ выходилъ изъ кабинета, камеръ-лакей успѣлъ ему шеннуть, что ему нужно что-то ему передать на единѣ. Кутайсовъ, увидѣвъ у Кутлубицкаго орденъ на шеѣ, приказалъ подать Шампанскаго, чтобы его поздравить. Выпили по стагану вина: наконецъ, чтобы узнать, что хочетъ сказать ему камеръ-лакей, Кутлубицкій просилъ Кутайсова перемѣнить данный государемъ орденъ: такъ какъ онъ къ нему привѣлся, привыкъ, то вмѣсто того изъ орденовъ государя дать другой такой же.

По уходѣ Кутайсова, камеръ-лакей сказалъ ему, что наследникъ престола проситъ его явиться къ нему во всякое время, когда

*) Князя Юрія Владимировича.

онъ возвратится изъ Москвы, хотя бы и ночью. Кутлубицкій поспѣшилъ къ наслѣднику. Въ первой комнатѣ, по его словамъ, горѣла свѣча и сидѣла штатсъ-дама: другія комнаты были темны, и только въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ, теплилась передъ образами лампадка. Узнавъ о приходѣ Кутлубицкаго, наслѣдникъ позвалъ его къ себѣ и, руководимый свѣтомъ лампадки, онъ прямо подошелъ къ кровати, на которой подъ одѣяломъ лежалъ Александръ Павловичъ съ своею супругою. Замѣтивъ у Кутлубицкаго пожалованный ему орденъ, онъ и Елисавета Алексѣевна поздравили его. Кутлубицкій поцѣловалъ руку наслѣдника и, объѣжавши кругомъ кровати, поцѣловалъ также поданную изъ подъ одѣяла руку его супруги. Александръ Павловичъ пригласилъ свѣтъ Кутлубицкаго и рассказать ему, зачѣмъ онъ былъ посылаемъ въ Москву: Кутлубицкій отвѣчалъ: „кто же мнѣ поручится, что вани высочество сохраните въ тайнѣ то что я скажу?“— „Какую же тебѣ нужно поруку: ну вотъ Богъ тебѣ порукою“, отвѣчалъ наслѣдникъ, указывая на образъ. Тогда Кутлубицкій и рассказалъ ему все подробности своего порученія.

При этомъ разсказѣ, я замѣтилъ Николаю Осиповичу странность и неблаговидность его поруки, почти клятвы, у наслѣдника въ такомъ неважномъ дѣлѣ. Старикъ мнѣ отвѣчалъ: „надо было жить въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ, тогда бы поступокъ мой не показался бы страннымъ; я еще жалѣлъ, что не попросилъ таковой же поруки у Елисаветы Алексѣевны“.

По смерти императрицы Екатерины, Зубовъ оставался по дворцѣ по прежнему¹⁾. Между тѣмъ Павелъ приказалъ купить на Морской улицѣ домъ и отдѣлалъ его какъ дворецъ, только не велѣлъ ставить императорскаго герба. Когда домъ былъ готовъ, убранъ и снабженъ всею столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на нѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми, тогда, наканунѣ рожденія Зубова, государь послалъ къ нему Кутлубицкаго сказать, что онъ даритъ ему этотъ домъ ко дню его рожденія²⁾, и завтра съ императрицею будетъ у него пить чай. Зубовъ поблагодарилъ и переѣхалъ со дворца въ подаренный ему домъ.

На слѣдующій день императоръ съ Маріею Федоровною въ сопровожденіи Капцевича и Кутлубицкаго (на запяткахъ), послѣ обѣда,

¹⁾ Князь Зубовъ жилъ въ томъ помѣщеніи съ Комендантскаго подъѣзда, гдѣ въ наши дни жила и скончалась графиня А. Д. Блудова. П. Б.

²⁾ Князю Зубову не было и 30 лѣтъ, родился онъ 15 Ноября 1767 года. П. Б.

отправился къ Зубову, который встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ и упалъ къ ногамъ ихъ. Государь и государыня подняли его и пошли съ нимъ подъ руку по лѣстницѣ, при чемъ Павелъ сказалъ ему: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Въ гостинной подали Шампанскаго; государь сказалъ графу: „сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго“, и обращаясь къ государынѣ, сказалъ: „выпей все до капли“. И выпивши самъ разбилъ бокаль, при чемъ опять Зубовъ падаль къ ногамъ его и былъ поднятъ съ повтореніемъ: „Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Потомъ подали самоваръ. Государь сказалъ Маріи Федоровнѣ: разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки. По чашкѣ чаю подано было также Капцевичу и Кутлубицкому, стоявшимъ въ другой комнатѣ, но видѣвшимъ и слышавшимъ все въ открытую дверь. Они выпили и, по обыкновенію тогдашняго времени, опрокинули на блюда чашки, выражая этимъ, что они пить болѣе не желаютъ. Государь, замѣтивъ это, сказалъ: „вѣдь вы дома вѣроятно пьете по двѣ чашки и не хотите беспокоить государыню; она нальетъ вамъ и по другой.“ Послѣ чаю государь и государыня уѣхали, сопровождаемые Зубовымъ по лѣстницѣ. Считаеьсь больнымъ, онъ былъ въ сюртукѣ. Вскорѣ потомъ князь Зубовъ уѣхалъ за границу.

Въ послѣднее время царствованія императрицы Екатерины, пріѣзжалъ изъ Германіи какой-то князь очень красивой наружности, по выраженію Николая Осиповича, „какъ писанный“, и помѣщенъ былъ во дворцѣ *). Цѣль его пріѣзда была обратить на себя благосклонное вниманіе императрицы. Къ нему опредѣленъ былъ для показанія Петербурга чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Самъ ли кн. Зубовъ или изъ угожденія къ нему другіе успѣли искусною интригою повредить пріѣзжему князю: не смотря на то, онъ по видимому начиналъ нравиться императрицѣ. Въ то время въ Измайловскомъ полку служилъ князь Щербатовъ, молодой человекъ пылваго нрава, иногда предававшійся увлеченіямъ и шалостямъ своихъ лѣтъ. Въ театрѣ, въ первыхъ рядахъ кресель, сидѣлъ Нѣмецкій князь съ приставленнымъ къ нему чиновникомъ. Рядомъ съ надменнымъ гостемъ занималъ мѣсто упомянутый князь Щербатовъ, въ кафтанѣ, съ модною въ то время суковатою палкою. (Военнымъ въ службѣ тогда позволено было ходить въ статскомъ платьѣ). Въ антрактѣ Щербатовъ спросилъ по французски своего сосѣда: Какъ вамъ нравится, князь, наши Русскіе актеры? Но не получивъ отвѣта, повторилъ свой вопросъ по нѣмецки. Въмѣсто отвѣта гордый иностранецъ, обратившись къ своему приставу, сказалъ

*) Это былъ принцъ Десагсъ. П. Б.

ему: „Какъ дерзки у васъ молодые люди! Они такъ смѣло навязываются со своими разговорами“. — Ахъ ты, Нѣмецкая свинья. Я самъ Русскій князь, закричалъ вспыльчивый Щербатовъ, и ударилъ своею палкою по лицу надменнаго Нѣмца. Окровавленнаго его увезли домой, но уже не во дворець, а въ лучшую гостиницу, куда перевезли всѣ его вещи. Встревоженный Зубовъ доложилъ тотчасъ же о случившемся непріятномъ происшествіи и объяснилъ, что онъ считаетъ теперь неприличнымъ битаго князя помѣстить во дворець и долженъ былъ для него приготовить другое помѣщеніе. На другой день императрица черезъ Зубова послала ему табакерку съ своимъ портретомъ и съ изъясненіемъ крайняго сожалѣнія о случившемся. Князь, принявъ съ признательностію подарокъ императрицы, поблагодарилъ Зубова за случившееся съ нимъ, намекнувъ, что онъ найдетъ время съ нимъ расчитаться, и уѣхалъ за границу.

Молодой Щербатовъ былъ отставленъ изъ полка, съ запрещеніемъ вѣзжать въ столицу. По восшествіи на престолъ Павелъ Петровичъ вызвалъ его изъ деревни и опредѣлилъ въ тотъ же полкъ съ пожалованіемъ чинами противъ сверстниковъ. Князь Зубовъ, находясь за границей, получилъ отъ оскорбленнаго въ Россіи Нѣмецкаго князя вызовъ на дуэль; тотъ, считая себя не въ правѣ стрѣляться за Щербатова, переслалъ ему вызовъ. Императору было извѣстно объ этомъ, и когда князь Щербатовъ просился у него въ отпускъ за границу, то онъ приказалъ дать ему на дорогу пять тысячъ рублей. Когда Щербатовъ по возвращеніи представлялся государю, онъ былъ очень доволенъ и спросилъ его: „что убилъ Нѣмецкую свинью?“ На что тотъ отвѣчалъ утвердительно.

Въ царствованіе императора Павла въ Петербургѣ было только семь Французскихъ модныхъ магазиновъ: онъ не позволялъ больше открывать, говоря, что терпитъ ихъ только по числу семи смертныхъ грѣховъ.

Во время пребыванія государя послѣ коронаціи въ Москвѣ, онъ любилъ по утрамъ гулять верхомъ по городу. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, онъ замѣтилъ у церкви Іоанна Воина, за Москвой-рѣкой, большое стеченіе народа; узнавъ, что народъ собрался по случаю храмоваго праздника слушать проповѣдь отца Матѳея, онъ сошелъ съ лошади, отдалъ ее полицейскому чиновнику, а самъ, вошедъ въ церковь, остановился у самаго входа за народомъ, облокотясь на одного изъ мужиковъ. Между тѣмъ вышелъ въ рясѣ, изъ сѣверныхъ вратъ

алтаря, не служившій въ тотъ день священникъ отецъ Матвѣй, сталъ передъ налоемъ и началъ проповѣдывать. Предметомъ проповѣди была жизнь празднуемаго Святаго. Юанна Вонна. Проповѣдникъ не могъ видѣть государя и краснорѣчиво говорилъ о долгѣ воиновъ: не жалѣть своей жизни, сражаясь за вѣру и царя, и о пронтекающей изъ того обязанности царей любить своихъ подданныхъ, дорожить ими и заботиться о ихъ благосостояніи. Проповѣдь эта такъ тронула государя, что глаза его были наполнены слезами; прослушавъ ее до конца, онъ вышелъ изъ церкви, и когда полицейскій чиновникъ подвелъ ему лошадь, онъ сказалъ ему: ты вѣрно сегодня на водкѣ у священника будешь видѣть отца Матвѣя: скажи ему мое спасибо. По возвращеніи во дворецъ, императоръ послалъ за митрополитомъ Платономъ и сказалъ ему: „Ты меня училъ закону Божьему и помазалъ на царство, но я отъ тебя не слыхалъ такого наставленія, какъ сегодня отъ отца Матвѣя; привези его сейчасъ ко мнѣ съ проповѣдью“, что немедленно было и исполнено. Когда вошелъ отецъ Матвѣй, государь подошелъ къ нему подъ благословеніе, и когда тотъ не хотѣлъ дать поцѣловать ему руку, Павелъ сказалъ ему: „Я у тебя цѣлую руку, какъ у служителя алтаря, а ты у меня какъ у помазанника Божія. Если ты мнѣ не дашь своей, то и я не дамъ тебѣ моей руки“. Послѣ сего отецъ Матвѣй исполнилъ желаніе государя, который заставилъ его вновь прочесть предъ нимъ проповѣдь и просилъ его подарить ему, говоря, что онъ, вставши съ постели и помолившись Богу, прочтетъ ее, прежде чѣмъ начнетъ заниматься дѣлами. И съ тѣхъ поръ всегда на столікѣ предъ постелью государя клали вмѣстѣ съ молитвенникомъ и эту проповѣдь.

Государь тогда же пригласилъ отца Матвѣя быть придворнымъ проповѣдникомъ, поручивъ митрополиту озаботиться продажей его дома, по отъѣздѣ его въ Петербургъ, куда онъ тогда и отправился. На новомъ мѣстѣ своего назначенія, онъ къ каждому празднику приготавливалъ проповѣдь; но ни разу не произносилъ ихъ въ продолженіи года, потому что не получалъ на то приказанія. Въ продолженіи этого времени скончалась его жена, оставленная имъ въ Москвѣ. По случаю бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ палатникомъ Венгерскимъ, совершившагося въ Гатчинѣ, туда поѣхалъ весь дворъ, по тѣсногѣ помѣщенія митрополиту съ архіереемъ отведена была только одна комната. Отецъ Матвѣй пришелъ туда къ митрополиту и сказалъ ему о желаніи своемъ принять монашество. Владыка одобрилъ его намѣреніе и общался постричь его по возвращеніи въ Лавру. Нѣтъ, постригите меня здѣсь, потому что такъ желаетъ государь.

отвѣчалъ отецъ Матвѣй. На другой день по постриженіи съ именемъ Михаила, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Сергіевской пустыни близъ Петербурга, и на обѣдѣ во время церемоніи его назначенія, передъ словами: аксіось, Кутлубицкій, по приказанію императора, принесъ на серебряномъ блюдѣ орденъ Іоанна Іерусалимскаго, который и былъ возложенъ на него императоромъ. На слѣдующій день онъ былъ хиротонисанъ во епископа и такимъ же порядкомъ Кутлубицкимъ былъ принесенъ орденъ первой степени Іоанна Іерусалимскаго, уже на золотомъ блюдѣ.

Однажды императоръ Павелъ ѣхалъ по Петербургу; за его экипажемъ слѣдовалъ верхомъ Кутлубицкій; онъ издали примѣтилъ карету, ѣхавшую на встрѣчу государю. И такъ какъ въ то время всѣ экипажи, встрѣчающіеся съ нимъ, должны были останавливаться: мужчины выходили изъ нихъ, а дамы дѣлали реверансъ на ступенькахъ кареты, почему всѣ почти экипажи избѣгали встрѣчи съ государемъ, завидѣвши его, сворачивали въ другія улицы, то Николаю Осиповичу пришло на мысль, что это какая-нибудь провинціальная. Когда карета поровнялась съ государемъ, дверки открылись, и на ступенькахъ появилась дама, горбатая съ переди и съ зади. Государь хотѣлъ отвѣчать поклономъ на ея привѣтствіе; но онъ вдругъ отворотился и надулся. Кутлубицкій, замѣтивъ неудовольствіе государя, поспѣшилъ догнать экипажъ и узнать у лакея о имени и мѣстѣ жительства барыни. Императору понравилась расторопность Кутлубицкаго. Онъ подозвалъ его рукой къ себѣ и спросилъ: „что это за дама?“—Польская графиня такая-то.— „Зачѣмъ она сидѣла на ступенькахъ?“ Это такъ показалось вашему величеству, потому что она горбата съ переди и съ зади.

По возвращеніи во дворецъ, государь приказалъ Кутлубицкому узнать, за чѣмъ пріѣхала эта графиня въ Петербургъ. Оказалось, что она имѣла значительный процессъ въ Сенатѣ о помѣстьѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, продолжавшійся уже лѣтъ десять. Она уже нѣсколько разъ, по приглашенію своихъ знакомыхъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ для окончанія этого дѣла; но, несмотря на обѣщанія, оно все не оканчивается. Государь на другой день по утру послалъ Кутлубицкаго къ генераль-прокурору князю Куракину сказать, чтобы онъ не выпускалъ сенаторовъ изъ присутствія, пока они не кончатъ того процесса и чтобы онъ самъ привезъ къ государю рѣшеніе по оному.

Николай Осиповичъ засталъ князя Куракина въ уборной, окруженнаго оберъ-секретарями: они хотѣли удалиться, видя въ немъ

посланника Павла, но онъ просилъ ихъ остаться и при нихъ передалъ приказаніе императора. Разумѣется, дѣло было кончено въ тотъ же день и въ пользу графини. Когда князь Куракинъ привезъ къ государю сенаторское рѣшеніе, то онъ приказалъ тотъ-часъ снять съ него копію и завѣрить самому Куракину, и приказалъ отвезти таковую къ графинѣ, при чемъ отойдя и подозвавъ Кутлубицкаго къ окну, сказалъ ему тихонько: „Николка, постарайся, чтобы завтра уѣхала изъ Петербурга эта графиня“. Николай Осиповичъ тотъ-часъ же отправился къ ней и засталъ у нея почти всѣхъ сенаторовъ-Поляковъ, которые, узнавъ, что государь принимаетъ въ ея дѣлѣ участіе, нашли приличнымъ посѣтить ее. Когда Кутлубицкій подаль ей отъ имени государя рѣшеніе, и она прочла его, то она перекрестилась и отъ радости не могла устоять на ногахъ. Пришедши въ себя, она сказала: „Позвольте, генераль, выпить Шампанскаго за ваше здоровье?“ — „Хорошо, матушка, отвѣчалъ Кутлубицкій, сперва выпьемъ за здоровье государя, а потомъ и за меня грѣшнаго“. Послѣ Шампанскаго, онъ сказалъ графинѣ, отозвавши ее въ сторону, что государю угодно, чтобы она тотъ-часъ же выѣхала изъ Петербурга. Она отвѣчала, что очень рада была тотчасъ это исполнить, но не можетъ такъ скоро достать подорожную и лошадей. „Объ этомъ не беспокойтесь, матушка“, отвѣчалъ Николай Осиповичъ и, пославъ за частнымъ приставомъ, приказалъ ему тотчасъ доставить подорожную и лошадей. Графиня между тѣмъ собралась, и онъ верхомъ проводилъ ее до заставы. Когда, возвратясь во дворецъ, доложилъ государю о томъ, что она выѣхала и онъ проводилъ ее за заставу, то онъ былъ очень доволенъ и поцѣловалъ точнаго исполнителя его приказаній въ лобъ.

Государю, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, угодно было послать на ревизію полковъ, расположенныхъ въ южныхъ губерніяхъ, Кутлубицкаго, не смотря на то, что ревизія этихъ войскъ только что произведена была двумя генералами, посланными по высочайшему повелѣнію. Николай Осиповичъ, прибывъ на мѣсто расположенія перваго, подлежащаго его ревизіи, полка, узналъ, что ревизоры брали съ каждаго полка взятки, подъ видомъ денегъ на прогоны, тогда какъ имъ на дорогу и содержаніе отпущены были деньги передъ отправленіемъ ихъ изъ Петербурга. Почему онъ счелъ необходимымъ написать къ нимъ, чтобы взятая ими съ каждаго полка деньги были ими возвращены, о чемъ онъ на обратномъ пути будетъ освѣдомляться, и, чтобы они такимъ образомъ избавили его отъ непріятности донести о томъ государю.

Въ эту побѣдку Николай Осиповичъ встрѣтился въ Каменцѣ-Подольскѣ со знакомой ему графиней, которой уродство принесло такую же существенную пользу, какую часто приноситъ красота. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовало могущество красоты, изъ уваженія къ которой удалено было ей противоположное.

По мѣрѣ возвращенія Николая Осиповича, по забраннымъ имъ въ полковыхъ канцеляріяхъ справкамъ, оказывалось, что взятыя прежними инспекторами деньги были возвращены, исключая 4,000 рублей. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, бывшіе ревизоры успѣли, прежде представленія его императору, увидѣться съ нимъ, прося его пощадить ихъ, и, когда онъ спросилъ ихъ: зачѣмъ они не прислали остальныхъ денегъ, то они отвѣчали, что остальные взялъ Иванъ Павловичъ себѣ, и когда они ему говорили о возвращеніи, то онъ и слышать не хотѣлъ.

Государь былъ очень обрадованъ пріѣздомъ Кутлубицкаго, пожаловалъ, по словесному его представленію, семействамъ нѣкоторыхъ отставныхъ генераловъ и полковниковъ пансіоны. По словамъ Кутлубицкаго нѣкоторые изъ нихъ были до того бѣдны, что жены и дочери сами воду носили. Поговоривъ съ нимъ, императоръ обыкновенно въ эту пору послѣ обѣда ходилъ къ Маріи Федоровнѣ пить кофе; онъ приказалъ идти за собою и Николаю Осиповичу, и представлялъ его государынѣ, говоря, что онъ очень радъ, что по ревизіи его не сдѣлано никого несчастнымъ. Выпивши вмѣстѣ съ государемъ чашку кофе изъ рукъ императрицы, онъ послѣдовалъ за нимъ по приказанію черезъ внутреннія комнаты въ залу, куда съѣзжались ежедневно по вечерамъ лица, составлявшія общество двора. Когда вошли въ залу, Кутлубицкій пробѣжалъ за колоннами и сталъ на свое мѣсто, какъ вдругъ государь позвалъ его и, обращаясь къ знаменитому Репнину, сказалъ ему: „Ваше сіятельство, вотъ мой ценнокъ*), мой генераль-инспекторъ; онъ посланъ былъ на ревизію столькихъ полковъ, и я черезъ него не сдѣлалъ ни одного несчастнымъ, а ваше сіятельство сегодня представили мнѣ двухъ капитановъ написать въ рядовые“. — Чтожъ дѣлать, государь, отвѣчалъ Репнинъ, они этого стоили. „А ты думаешь какъ, Николаика?“ сказалъ Павелъ, взглянувъ на Кутлубицкаго. Тотъ упалъ на колѣни со словами: государь, ты милостивъ, прости ихъ! „Растопчинъ, сказалъ на это Павелъ, напиши указъ, что я ихъ прощаю“.

*) „Что онъ послалъ ревизовать насъ своего ценка?“ говорили недовольные этой посылкой старики-генералы, но вѣроятно эти слова дошли до императора.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ случилось Кутлубицкому, жившему во дворцѣ (по прежнему обычаю) ударить придворнаго лакея за грубость: тотъ пожаловался Нарышкину, который довелъ о томъ до свѣдѣнія государя. Онъ сдѣлалъ выговоръ Кутлубицкому и не велѣлъ ему являться на глаза. Это случалось съ приближенными Павла нерѣдко. Старикъ Николай Осиповичъ говорилъ, что это значило, что день онъ могъ отдохнуть дома, зная, что его не потребуютъ, тогда какъ въ обыкновенное время и ночью онъ не совѣмъ раздѣвался, чтобы быть готовымъ на призывъ императора. Но вышло противное. Когда разсерженный государь прогналъ Кутлубицкаго, Кутайсовъ навязывалъ ему галстухъ и на слова его: „Кутлубицкій слишкомъ уже распанѣлъ“, отвѣчалъ „какъ ему не распанѣть, когда ване величество такъ его балуете. Вотъ онъ посланъ былъ на ревизію полковъ: его предшественникамъ, прежнимъ ревизорамъ, назначено было на путевыя издержки по 10,000 рублей, а ему ваше величество изволили забыть сдѣлать о томъ распоряженіе. Чтожъ, онъ не хотѣлъ даже попросить меня напомнить о томъ вашему величеству“. „Чѣмъ же онъ ѣздилъ, возразилъ государь, бралъ взятки?“ — „Мало чего не говорятъ по городу“, отвѣчалъ Кутайсовъ. — „Позвать Кутлубицкаго“, закричалъ выплывшій Павелъ, и Николай Осиповичъ, явившійся по зову, увидѣлъ въ камердинерской Кутайсова и Нарышкина, сидящихъ на диванѣ. „Кутлубицкій, сказалъ изъ нихъ первый, васъ требуетъ государь“ и указалъ на дверь.

Павелъ въ волненіи ходилъ по кабинету и, увидя вошедшаго Кутлубицкаго, встрѣтилъ его гнѣвнымъ взглядомъ и словами: „такъ ты воръ!“ Но тотъ, мгновенно смекнувъ въ чемъ дѣло и чувствуя свою невинность, а также зная характеръ Императора, бросился передъ нимъ на колѣни и сказалъ: „Государь, ежели я виноватъ, повели меня казнить; но ежели я правъ, повели казнить и того кто меня оклеветалъ“. Павелъ, пораженный его словами, началъ успокаиваться. Тогда Николай Осиповичъ на болѣе спокойный вопросъ: откуда онъ взялъ денегъ на дорогу, объяснилъ, что онъ, незадолго передъ командировкою своею, получивъ въ подарокъ отъ него 1300 душъ, считалъ неприличнымъ просить еще денегъ на путевыя издержки, и просилъ начальника недавно учрежденнаго тогда банка графа Румянцева дать ему подъ залогъ 100 душъ 20,000 рублей, который отвѣчалъ ему, что для этого нужно предварительно соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, требующихъ времени, почему онъ и предлагалъ ему пока своихъ 20,000, которыя онъ ему возвратитъ по совершеніи залога. — „Куда же ты дѣвалъ всѣ эти деньги? Ты ихъ не могъ употре-

бить всё на дорогу?" спросилъ его Павелъ. — Не спрашивай, государь, отвѣчалъ Николай Осиповичъ: но не смотря на неоднократно повтореніе: „не спрашивай, государь“, онъ наконецъ, по настоянію Павла, долженъ былъ признаться, что значительную часть этихъ денегъ отдалъ бѣднымъ отставнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, отъ имени императора, на что имѣеть ихъ расписки. Тогда государь отпустилъ милостиво Кутлубицкаго и закричалъ: „Ивана сюда!“ Николай Осиповичъ занялъ на диванѣ мѣсто Кутайсова, который поспѣшилъ на зовъ государя. Въ скважину замка видно было, какъ снята была съ него лента и посыпались на спину удары палкою, которыхъ Кутлубицкій съ Нарышкинымъ насчитали 40. Во время этой операціи, шумъ отъ которой достигъ до кабинета Маріи Федоровны, бывшаго надъ самымъ кабинетомъ государя, прибѣжалъ камеръ-лакей государыни спросить: отъ чего шумъ въ комнату императора? На что отвѣтилъ Кутлубицкій: скажи матушкѣ, что батюшка Ивашку за Николку наказываетъ. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ кабинета съ повязанной лентой Иванъ Павловичъ, но на спинѣ виднѣлись слѣды палки. Онъ сѣлъ молча возлѣ Кутлубицкаго; но черезъ нѣсколько минутъ вызвалъ его въ другую комнату и сказалъ ему; „Прости меня, Николай Осиповичъ, я передъ тобою виноватъ“. — Богъ съ вами, Иванъ Павловичъ. Государь васъ наказалъ и довольно; съ вола двухъ шкуръ не деруть — „Поди же скажи объ этомъ Государю: онъ мнѣ не приказалъ являться къ нему на глаза, пока ты не простишь“. Кутлубицкій вошелъ въ кабинетъ, сталъ передъ Павломъ на колѣни и сказалъ ему: Государь, прости Ивана Павловича: ты наказалъ его и довольно: съ вола двухъ шкуръ не деруть.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ Павловичъ успѣлъ таки отдалить отъ двора Кутлубицкаго: онъ былъ сдѣланъ членомъ артиллерійскаго департамента, предсѣдателемъ котораго былъ графъ Аракчеевъ. Тотъ сейчасъ же хотѣлъ командировать его для осмотра Казанскаго пороховаго завода, но Николай Осиповичъ отклонилъ отъ себя это порученіе. Во время новаго назначенія онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ со своимъ предсѣдателемъ и бывалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Грузинѣ. Между тѣмъ, покровительствомъ Кутайсова, Аракчееву назначень былъ особенный докладъ государю, разъ въ недѣлю, въ Четвергъ, по дѣламъ артиллерійскаго департамента, чего никогда не бывало и не нужно было, потому что артиллерійскій департаментъ составлялъ часть вѣдомства Военной Коллегіи. Это сдѣлано было единственно для Аракчеева, чтобы доставить ему случай чаще быть въ сношеніи съ государемъ; но это продолжалось недолго: Аракчеевъ имѣлъ только всего два доклада.

Вотъ какъ это случилось. Государь тогда жилъ въ Гатчинѣ и послѣ перваго доклада Аракчеева разсердился на Кутайсова, прогналъ его, не велѣлъ ему показываться на глаза, и передъ его квартирой постоянно стояла кибитка, запряженная почтовыми лошадьми, которыя перемѣнялись каждые два часа, какъ бы въ ожиданіи, куда везти любимца. Приѣхавши со вторымъ докладомъ, Аракчеевъ не нашелъ нужнымъ посѣтить находящагося въ немилости. Между тѣмъ въ Петербургѣ жила жена Кутайсова и не знала о происшествіи съ ея мужемъ: ей никто объ этомъ не говорилъ, чтобы напрасно ей не тревожить, такъ какъ это случалось съ приближеннымъ императора нерѣдко и продолжалось недолго. Къ графинѣ Кутайсовой въ это время родственники прислали изъ деревни какого-то близкаго имъ сироту-мальчика, прося опредѣлить его въ кадетскій корпусъ. Такъ какъ Аракчеевъ былъ въ то время начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, то она послала этого мальчика къ нему съ адъютангомъ своего мужа, прося приказать опредѣлить его. Аракчеевъ наканунѣ возвратился изъ Гатчины и когда войдя въ пріемную увидѣлъ адъютанта съ мальчикомъ и узналъ отъ него въ чемъ дѣло, то сказалъ при находящихся тогда въ его пріемной: „мнѣ все попрекаютъ Кутайсовымъ, а я отъ него и выйденнаго яйца не видѣлъ; скажите графинѣ, что я не могу опредѣлить его въ корпусъ“. Когда адъютантъ передалъ слова эти графинѣ, она была въ непріятномъ волненіи и не могла понять, что это значить. Въ это самое время Николай Осиповичъ проходилъ мимо ея оконъ, она его подозвала и рассказала о случившемся. „Не беспокойтесь, графиня, возразилъ онъ, дайте мнѣ этого мальчика: я сейчасъ опредѣлю его“:— „Сдѣлайте одолженіе и если нельзя на казенный, то на мой счетъ“.— „Не беспокойтесь, повторилъ Николай Осиповичъ, каждый начальникъ корпуса его приметъ, узнавъ, что онъ присланъ вами“. Такъ и случилось: онъ взялъ мальчика съ собою въ корпусъ, гдѣ при имени графини Кутайсовой его тотъ часъ же приняли. Графиня рассказала обо всемъ своему мужу, который, съ недѣлю посидѣвши дома и наслушавшись въ волю, не трогаясь съ мѣста, почтоваго колокольчика, опять вступилъ въ прежнее значеніе при императорѣ. Оскорбленный внезапной перемѣной прежнихъ отношеній къ нему Аракчеева, Кутайсовъ задумалъ погубить его, и орудіемъ этого избралъ Кутлубицкаго, никогда искренно не расположеннаго къ Аракчееву. Графъ Иванъ Павловичъ былъ мастеръ въ интригахъ: недаромъ онъ, плѣнный Турченокъ, взятый въ Кутаисѣ, впоследствии былъ оправданъ къ камердинеру Людовика XVIII-го, по словамъ Николая Осиповича, учиться дворскимъ хитростямъ.

Неожиданно Николай Осиповичъ былъ потребованъ въ Гатчину. „Правда ли, спросилъ у него, государь, что Аракчеевъ у себя въ Грузинѣ выстроилъ домъ артиллерійскими солдатами? Вѣдь ты у него бывалъ тамъ?“ Николай Осиповичъ хорошо зналъ, что это правда и дѣйствительно былъ у него въ Грузинѣ, но отвѣтилъ: „Я былъ у Аракчеева не въ Грузинѣ, а въ другой отчинѣ и не думаю, чтобы это была правда, потому что у Аракчеева не двѣ головы и ему извѣстна вся отвѣтственность за подобнаго рода поступки“. „Ну, Николаша, сказалъ Павелъ, ты опять при моей особѣ подвижнымъ комендантомъ: гдѣ я буду, тамъ и ты. Теперь ступай, отпусти своихъ животовъ (лошадей) въ Петербургъ, а самъ въ придворномъ экипажѣ поѣзжай въ Петергофъ и приготовь все къ моему пріѣзду: я завтра туда переѣзжаю“.

У Николая Осиповича былъ вѣрный кучеръ Татаринъ, на котораго было можно совершенно положиться; а такъ какъ, по прежней адъютантской привычкѣ, онъ имѣлъ всегда карандашъ и клочекъ бумаги, то онъ посѣпшилъ написать на ней нѣсколько словъ, предупреждая Аракчеева, чтобы тотъ принялъ свои мѣры (потому что вѣроятно тотчасъ же будетъ посланъ въ Грузино флигель-адъютантъ для разслѣдованія этого дѣла) и отдавая записку въ руки кучера, сказалъ: по пріѣздѣ въ Петербургъ отнеси и отдай эту записку въ руки самому графу Аракчееву и когда онъ прочтетъ, попроси его при тебѣ же сжечь.

Когда Николай Осиповичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, явился туда флигель-адъютантъ Балабинъ, говоря, что при отправленіи его для произведенія слѣдствія въ Грузины, ему приказано было увидаться съ нимъ и спросить о дорогѣ.

Изъ Петербурга въ Грузино прямой проселочной дорогой было верстъ 75, а почтовой на Новгородъ верстъ 200. Николай Осиповичъ совѣтовалъ избрать ему послѣднюю, тѣмъ болѣе, что въ пріѣздъ его черезъ Новгородъ губернаторъ доставить ему все зависящее отъ него для удобнѣйшаго производства порученнаго ему на мѣстѣ разслѣдованія. Между тѣмъ, когда кучеръ Кутлубицкаго явился къ Аракчееву, и отдалъ ему въ кабинетѣ, глазъ на глазъ, отправленную черезъ него записку, Аракчеевъ прочелъ ее, и слезы покатались у него на глазахъ; и когда кучеръ повторилъ просьбу Николая Осиповича, чтобы онъ эту записку при немъ сжегъ, Аракчеевъ отвѣчалъ: скажи своему генералу, что я не сожгу ея, а при тебѣ съѣмъ, и тотчасъ же это исполнилъ.

Немедленно посланъ былъ Аракчеевымъ адъютантъ прямымъ путемъ въ Грузино и съ помощію мѣстнаго исправника успѣлъ устроить тамъ дѣло такъ, что, не смотря на то, что, по словамъ Николая Осиповича домъ строили артиллерійскіе солдаты, по пріѣздѣ флигель-адъютанта оказалось, что домъ построенъ былъ наемными людьми, подъ распоряженіемъ отставнаго унтеръ-офицера.

Впослѣдствіи, въ царствованіе императора Александра Павловича, когда графъ Аракчеевъ, будучи на верху своего могущества, жилъ въ Грузинѣ, Николай Осиповичъ, бывшій давно въ отставкѣ, проѣзжая вблизи, оставивъ свое семейство на станціи, на перекладной смѣло подѣхалъ къ тому подѣзду, къ которому кромѣ государя никто не смѣлъ подѣзжать, и не смотря на удивленіе пораженныхъ такою смѣлостію адъютантовъ и свиты Аракчеева, былъ принятъ имъ чрезвычайно любезно, какъ прежній сослуживецъ. Аракчеевъ все время разговаривалъ съ нимъ и упросилъ его остаться отобѣдать.

По словамъ Николая Осиповича, императоръ Павелъ всегда говѣлъ на Страстной недѣлѣ; но въ послѣдній годъ царствованія отговѣлъ раньше, на Крестопоклонной, чтобы, какъ онъ самъ говорилъ, имѣть свободное время для принятія въ подданство Грузіи и, желая угодить своимъ новымъ подданнымъ, хотѣлъ явиться при этомъ торжественномъ случаѣ въ одеждѣ прежнихъ ихъ государей-императоровъ Греческихъ, почему и велѣлъ приготовить для себя далматинъ. Одежда эта, дарованная Византійскими императорами, какъ отличіе, нѣкоторымъ святителямъ Восточной церкви, сдѣлалась впослѣдствіи священнымъ облаченіемъ сперва архіепископовъ, а потомъ и епископовъ, подъ смреннымъ именемъ сакоса. Вслѣдствіи сего распространилась молва, будто бы императоръ желаетъ священнодѣйствовать, для чего и заказалъ себѣ архіерейское одѣяніе.

Въ послѣднее время императоръ Павелъ чувствовалъ себя не совсемъ здоровымъ, а въ послѣдній день своего царствованія, проснувшись, еще лежа въ постель, позвалъ къ себѣ Кутлубицкаго и послалъ его за генералъ-губернаторомъ Паленомъ. Когда онъ съ нимъ возвратился, императоръ былъ уже одѣтъ. Послѣ обѣда (обѣдъ при дворѣ былъ тогда въ 2 часа по полудни), отдохнувши, т. е. посидѣвши съ книгою около часа въ креслѣ, государь обыкновенно ходилъ къ императрицѣ, гдѣ пилъ кофе, и потомъ заходилъ къ дѣтямъ. Но въ этотъ день, вмѣсто того, онъ приказалъ позвать дѣтей къ себѣ; когда ихъ привели, а нѣкоторыхъ принесли на рукахъ, Павелъ сбросилъ

шпагу и бросивши на полъ съ дивана подушку, игралъ съ ними на полу. Потомъ, когда онъ ихъ отпустилъ, воротилъ опять великую княжну Анну Павловну: Аннушку ко мнѣ! закричалъ онъ. И когда няня принесла ее опять, государь снялъ со стѣны небольшой образъ пресвятыя Богородицы, взявши для этого на приставленный имъ столъ перекрестилъ ее нѣсколько разъ образомъ и, положивъ его ей за пазуху, отпустилъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, Паленъ сказалъ императору, что рапортуя ему ежедневно о благосостояніи города, ему бы необходимо было знать о благосостояніи дворца, какъ части города. Посему государь приказалъ Кутлубицкому, какъ коменданту дворца, предварительно доносить о благосостояніи онаго генераль-губернатору. Николай Осиповичъ и дѣлалъ это поздно вечеромъ, иногда самъ, а чаще посылая съ рапортомъ о томъ къ Палену своего адъютанта. Въ этотъ день, послѣ обыкновеннаго, такъ называемаго собранія во дворцѣ, на которомъ присутствовалъ государь, Николай Осиповичъ, самъ прѣхавъ въ 10 часовъ къ Палену, засталъ большое общество и нѣкоторыхъ изъ бывшихъ съ Паленомъ того же вечера во дворцѣ, какъ то Зубова и другихъ. Онъ ихъ засталъ за Шампанскимъ, какъ ему сказали, по случаю именинъ или рожденія Палена. Николай Осиповичъ съ нимъ выпилъ такъ же стаканъ Шампанскаго за здоровье виновника торжества хозяина и вышелъ, чтобы отправиться домой, но его провожалъ Паленъ и въ передней сказалъ ему: „Генераль, пожалуйста вашу шпагу, государь приказалъ васъ арестовать“. На возраженіе Николая Осиповича, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и что онъ просить позволенія поѣхать объясниться къ государю, который вѣроятно еще не спитъ, Паленъ отвѣчалъ: „Развѣ вы не знаете порядка?“ Такимъ образомъ Николай Осиповичъ долженъ былъ отдать ему шпагу и отвезенъ былъ адъютантомъ Палена на гауптвахту. На другой день возвратили ему шпагу, объявивъ ему, что государь ночью скончался отъ апоплексическаго удара.

РАЗСКАЗЫ О СТАРИНѢ*).

Въ дополненіе къ записаннымъ мною рассказамъ Н. О. Кутлубицкаго о временахъ Павла I-го (напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 г. стр. 1301—1331), присоединяю еще нѣсколько не вошедшихъ туда, при чемъ считаю полезнымъ дополнить ихъ рассказами и другихъ современниковъ Кутлубицкаго; а также мѣстными преданіями

*) Изъ „Русскаго Архива“ 1868 года.

о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, близкихъ здѣшнему краю (Малороссіи).

Во время пребыванія двора въ Петергофѣ, однажды ночью позвали Н. О. Кутлубицкаго къ императору, который тогда спалъ одинъ, въ особой комнатѣ съ отвореннымъ окномъ и вставленною въ немъ проводочною сѣткою. „Какъ тебѣ не стыдно, сказать ему государь, я только и сплю передъ разсвѣтомъ, а на взморьѣ, въ кабакѣ, такой шумъ, что не даютъ мнѣ покоя. Пойди, уйми ихъ. Да только не расправляйся съ ними строго“. Кутлубицкій приказалъ прислать за нимъ съ казаками верховую лошадь на взморье, а самъ отправился туда пѣшкомъ, прямою дорогою черезъ садъ. Сходя по золотой лѣстницѣ, онъ оглянулся, и ему показалось, что въ комнатѣ великой княгини Анны Ѳедоровны горитъ свѣча, и она читаетъ книгу. Продолжая идти, онъ былъ невольно пораженъ, когда вблизи Мопплезира увидѣлъ великую княгиню гуляющую въ саду въ сопровожденіи великаго князя и наследника, который сказалъ ему нѣсколько словъ. Несмотря на прелесть ночи и очаровательную мѣстность, Кутлубицкій сильно безпокоился неудовольствіемъ государя. Въ такомъ взволнованномъ расположеніи духа онъ пришелъ на взморье, гдѣ уже засталъ казаковъ и свою лошадь, вошелъ въ трактиръ и попросилъ содержателя. вмѣсто содержателя къ нему вышелъ прикащикъ его въ халатѣ, съ чубукомъ въ рукахъ и на рѣзкія замѣчанія, сдѣланныя ему Кутлубицкимъ, отвѣчалъ грубо и дерзко до того, что вывелъ Николая Осиповича изъ терпѣнія, и тотъ приказалъ казакамъ убротить его нагайками. Оказалось, что этотъ прикащикъ тоже купецъ, и за самовольную съ нимъ расправу хотѣлъ жаловаться государю. Чтобы не допустить до этого, Н. О. на другой день заплатилъ ему 5 или 6 тысячъ рублей.

Когда я былъ еще холостымъ, рассказывалъ Н. О., то у меня были знакомы камеръ-юнгферы изъ прислуги государыни и великой княгини. Они по временамъ ко мнѣ заходили: вѣдь мнѣ нужно было знать все, что дѣлается во дворцѣ; иногда батюшка (такъ онъ часто называлъ Павла, изъ сыновней преданности къ своему благодѣтелю) спроситъ что нибудь.—такъ надо знать что отвѣчать. Вотъ однажды ко мнѣ забѣжала камеръ-юнгфера великой княгини Анны Ѳедоровны и говорить, что великая княгиня очень скучаетъ, даже чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою. Мнѣ пришло въ голову, что вѣроятно скучаетъ въ отсутствіи своего супруга императора, находившагося тогда съ Суворовымъ въ Италіи и желаетъ посѣтить своихъ родителей, но не знаетъ, какъ это сдѣлать; почему я на другой день, когда батюшка

отдыхаль послѣ обѣда, побѣждалъ на половину великой княгини, и когда она меня приняла, то я ей осмѣлился высказать свои предположенія и рѣшился предложить мой советъ. Благодарю васъ, генералъ, за ваше участіе ко мнѣ, вы отгадали мое желаніе: но научите, какъ мнѣ это сдѣлать?—Очень просто, сегодня въ собраніи¹⁾ извольте припять на себя грустный видъ. Императоръ это замѣтитъ, подойдетъ къ вамъ и спроситъ о причинѣ вашей грусти; тогда вы и скажите, что скучаете въ отсутствіи великаго князя и чтобы находиться ближе къ нему, желаете также посѣтить вашихъ родителей, которыхъ давно не видали. Императоръ самъ всегда былъ почтительнымъ сыномъ и уважаетъ всегда это чувство въ другихъ. Онъ вѣроятно тотчасъ же доставитъ возможность исполнить ваше желаніе. Такъ дѣйствительно и случилось: великая княгиня все исполнила по совету Н. О., и государь похваливъ ее чувства къ родителямъ, спросилъ: когда же вы желаете ѣхать къ родителямъ?—Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, отвѣчала она.—Но сейчасъ этого нельзя сдѣлать, замѣтилъ императоръ; а завтра все будетъ готово къ вашему путешествію, и, призвавъ оберъ-штальмейстера, приказалъ къ завтрашнему дню приготовить двѣ кареты и все необходимое для поѣздки за границу великой княгини.

Императоръ Павелъ покровительствовалъ женитьбѣ Кутлубицкаго и былъ расположенъ къ женѣ его, которую онъ часто называлъ колибри (она была маленькаго роста). Императоръ иногда заходилъ къ Николаю Осиповичу, помѣщавшемуся во дворцѣ, разговаривалъ и шутилъ съ его женою. Однажды онъ ее спросилъ: „Страшенъ ли я, боитесь ли вы меня?“ Нѣтъ, государь, отвѣчала она: вы не страшны, и я васъ не боюсь.—А красивъ ли? продолжалъ императоръ.—У васъ чудесные глаза, отвѣчала ловкая женщина. Рассказывая объ этомъ, Николай Осиповичъ прибавлялъ, что у покойнаго государя глаза были чудные.

Однажды на разводѣ императоръ отдалъ Николаю Осиповичу свою торменную трость²⁾, съ которою старикъ не разставался никогда, и даже самъ размѣрилъ ею себѣ могилу. Я какъ-то спрашивалъ: Не съ этой ли палкою былъ знакомъ П. П. К...въ?—Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, въ кабинетѣ государя была другая палка изъ воловьей жилы.

¹⁾ Каждый вечеръ всѣ члены высочайшей фамиліи собирались въ извѣстную залу, куда приходилъ императоръ и гдѣ находились также придворные, имѣющіе на то право; это и называлось собраніемъ.

²⁾ Эта самая палка находится теперь у меня; ее подарилъ мнѣ племянникъ Н. О., на память о его почтенномъ дядѣ.

Маститый старикъ. Пастовскій помѣщикъ, бывшій Зеньковскій предводитель дворянства, Петръ Петровичъ Пащенко, житель знаменитой сивами Опшны, разсказывалъ мнѣ, что онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ Кутлубицкимъ и Капцевичемъ; но что онъ былъ большой шалуни, лѣнновецъ и ничему не учился, а игралъ только въ карты (въ хлюсты) на мѣдные деньги съ подобными ему товарищами на корпусномъ чердакѣ. Такъ какъ его шалости всегда почти обрацали вниманіе Аракчеева, бывшаго въ то время поручикомъ и командиромъ егерской малолѣтней роты, который часто поэтому имѣлъ привычку дергать его за пучекъ, то однажды товарищи его передъ танцевальнымъ классомъ натыкали ему въ пучекъ булавокъ: выведенный изъ терпѣнія его умысленными шалостями, Аракчеевъ и въ этотъ разъ схватилъ его за пучекъ и окровавилъ всю руку. Въ такомъ положеніи онъ привелъ его къ начальнику корпуса Мелесину, который улыбнулся и велѣлъ наказать Пащенко, но потомъ запретилъ офицерамъ драться. Шалуна-кадета препорядочно высѣли. Когда уже въ царствованіе императора Александра I-го Пащенко находился въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ, куда онъ доставлялъ селитру, то случайно встрѣтился съ захватившимъ туда Аракчеевымъ и представился ему. Аракчеевъ тотчасъ вспомнилъ о булавахъ въ тунелѣ, Пащенко былъ выпущенъ изъ корпуса въ кавалерійскій полкъ, который былъ расположенъ возлѣ Слонима. Императоръ Павелъ прѣздомъ смотрѣлъ въ строю ихъ полкъ, а потомъ въ Слонимѣ, въ домѣ гетмана Огинскаго (гдѣ помѣщался государь), фельдмаршалъ Репнинъ представилъ ему офицеровъ: каждый изъ нихъ становился на правое колено, опираясь на палку лѣвою рукою и въ такомъ положеніи цѣловалъ руку императора. — По словамъ Пащенко, роскошь въ Полтавской губерніи и вообще въ Малороссіи началась со времени генераль-губернатора князя Куракина, которому сталъ подражать бывшій Полтавской губерніи предводитель Семень Михайловичъ Кочубей: у него было 13000 душъ, но онъ прожилъ все состояніе и разорился до такой степени, что не было чѣмъ его похоронить. До того времени въ Полтавѣ жили очень просто: поваровъ не было, все держали кухарокъ*), Шампанскаго не знали, въ продажѣ было одно только Крымское вино по 1 руб. 50 коп. сер. за ведро: никто не зналъ иностранныхъ языковъ кромѣ Латинскаго; одинъ только Паскевичъ (отецъ фельдмаршала) говорилъ пофѣмецки. Въ Опшнѣ Пащенко слылъ мѣстнымъ банкиромъ, составивъ разными предпріятіями и оборотами порядочный

*) Изъ дневника прадеда моего Н. Д. Ханенка видно, что въ 1730-хъ годахъ у значительныхъ Малороссіянъ были уже повара.

капиталь въ продолженіи своей многолѣтней жизни. Рассказывали, что разъ, замѣтивъ молодого человѣка скучающаго и ко всему равнодушнаго, велѣдствіи моднаго когда-то (въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія) байронизма, онъ сказалъ: я удивляюсь, что вы скучаете: мнѣ когда сдѣлается скучно, я перечту тысячу рублей пятачками и пове-селѣю. Бывшій Малороссійскій военный губернаторъ, князь Репнинъ любилъ Пащенку, часто игралъ съ нимъ въ карты, иногда даже занималъ у него небольшія деньги (тысячи по двѣ). Пащенко всегда радъ былъ ему служить ими, только не иначе какъ на извѣстный срокъ и на честное слово; когда князь упоминалъ о заемномъ письмѣ, тогда Пащенко говорилъ, что на заемное письмо онъ не можетъ ему занять, а на честное слово—сколько угодно, хорошо зная, что въ послѣднемъ случаѣ князь непременно возвратитъ ему деньги въ срокъ.

Упомянутый въ рассказѣ Пащенко Семень Михайловичъ Кочубей, въ послѣдніе дни царствованія императора Павла, находился по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ; и такъ какъ, по особенному распоряженію государя, не позволено было ему оставаться долѣе назначенныхъ для того нѣсколькихъ дней, а между тѣмъ дѣла его не были еще окончены, то онъ и обратился съ просьбою помочь ему къ своему родственнику, бывшему передъ тѣмъ Малороссійскимъ губернаторомъ М. П. М.*), отозванному отъ должности за то, что въ одной изъ своихъ официальныхъ бумагъ выразился, что такой-то взять подъ стражу, тогда какъ въ подобномъ случаѣ слѣдовало, по принятому порядку, писать: взять подъ караулъ или подъ арестъ. Этотъ родственникъ С. М. Кочубей, вѣроятно будучи лично извѣстенъ С.-Петербургскому генералъ-губернатору Палену, пріѣхалъ къ нему вечеромъ 11 Марта 1801 года ходатайствовать о позволеніи остаться еще одинъ день Кочубею въ Петербургѣ. Когда доложили о немъ Палену, тотъ выбѣжалъ встревоженный и спросилъ: что вамъ нужно? Торопливо выслушавъ объясненіе, онъ отвѣчалъ: вашъ родственникъ, когда хочетъ, и навсегда можетъ оставаться въ Петербургѣ.

Одинъ Малороссійскій дворянинъ хорошей фамиліи имѣлъ дѣло въ Герольдіи о внесеніи его въ родословную книгу и, находясь въ Петербургѣ по одному общественному дѣлу, рѣшился подать лично прошеніе императору, прося прибавить къ его гербу девизъ: Помяну имя Твое въ роды родовъ. Прошеніе онъ по тогдашнему обычаю подалъ, ставши на колѣна. Павелъ прочелъ просьбу, она ему понравилась, и онъ сказалъ: сто душъ. Проситель отъ страха и радости упалъ

*) Михаилу Павловичу Миклашевскому, біографія котораго написана О. В. Чижевскимъ. П. В.

ничь.—Мало? сказалъ императоръ. 200. Но тотъ, ничего не понимая, продолжалъ лежать. Мало, повторилъ государь.—300, мало.—400, мало.—500, мало.—ни одной. Насилу наконецъ опомнившійся проситель всталъ; и хотя, не умѣя встать въ пору, не получилъ имѣнія, но дѣло его въ Герольдїи окончилось скоро и успѣшно.

Въ 10 верстахъ отъ уѣзднаго города Суража, Черниговской губерніи, находится село Ляличи съ великолѣпнымъ каменнымъ господскимъ домомъ, при немъ съ огромнымъ паркомъ, обведеннымъ прочною каменною оградой, со всѣми затѣями барства прежняго времени. Эта усадьба, роскошно отдѣланная и меблированная, была выстроена по распоряженію императрицы Екатерины II-й, средствами всего края: планъ дома, проэктированный знаменитымъ Гваренги, былъ исправленъ карандашемъ самою императрицею¹⁾; самое село было названо Екатеринодаромъ и подарено графу Петру Васильевичу Завадовскому. Рассказываютъ, что Завадовскій, представляя государынѣ для утверженія составленный Гваренги проэктъ для зданія Государственнаго Банка, такъ восхищался имъ, что Екатеринѣ вздумалось выстроить ему такой домъ же на мѣстѣ его родины²⁾.

Говорятъ также, что императрица намѣрена была посѣтить это роскошное жилище во время своего путешествія по Бѣлоруссіи, но намѣреніе это не осуществилось. Признательный Завадовскій въ саду подареннаго ему помѣстья поставилъ бронзовую статую своего благодѣтеля, гр. Румянцова, и никогда не проходилъ мимо нея, не снимая шляпы предъ ликомъ Кагульского героя³⁾. По восшествіи на престолъ императора Павла, Екатеринодаръ вслѣбно называть прежнимъ его име-

¹⁾ Этотъ планъ съ поправками императрицы многіе видѣли у прежнихъ владѣльцевъ Ляличъ.

²⁾ Отецъ его имѣлъ помѣстье близъ Стародуба и въ с. Даховичахъ, а также и въ с. Красновичахъ, близъ Ляличъ. Братъ П. В. Завадовскаго, Иванъ Васильевичъ, былъ полковникомъ Стародубскимъ. П. В., бывши въ силѣ, завладѣлъ многими монастырскими землями возлѣ Суража и даже, говорятъ, отнималъ почти насильно прилегающія къ его имѣнію земли своихъ небогатыхъ сосѣдей; почему онъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ своихъ земляковъ: братъ его, жившій возлѣ Стародуба въ с. Меридовкѣ, Ілья Васильевичъ, былъ очень добрый и всѣмъ любимый человекъ.

³⁾ Имѣніе Ляличи при сынѣ гр. Завадовскаго было продано Энгельгардту, потомъ барону Черкасову и теперь находится во владѣніи Н. А. Аргутаньева. При продажѣ барону Черкасову, наследниками Энгельгардта увезена была статуя въ Смоленскую губернію. Въ прошломъ году купленъ этотъ замѣчательный памятникъ Черниговскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Павловичемъ Голицынымъ и подаренъ городу Глухову, въ которомъ была сосредоточена административная дѣятельность графа, во время управленія имъ Малороссіею, гдѣ эта статуя будетъ воздвигнута, какъ знакъ тройной признательности—современника, потомка и всего края.

немъ—Ляличи. Графъ Завадовскій отставленъ отъ службы и высланъ въ деревню, при чемъ, по мѣстному преданію, ему пожалованъ былъ орденъ: бѣлая лента съ оригинальною надписью... И даже разсказывали, что въ первое время, приставленъ былъ къ нему полицейскій чиновникъ для наблюденія, чтобы ежедневно надѣвалъ этотъ орденъ. Другіе говорятъ, что ему была дана не лента, а бѣлыя пуговицы на кафтанъ съ такою же надписью. Въ продолженіе всего царствованія Павла графъ Завадовскій жилъ въ Ляличахъ, откуда ему не дозволено было выѣзжать далѣе 10-ти верстъ. Исправнику повелѣно было наблюдать за нимъ. Этотъ исправникъ, Шпаковскій, человѣкъ грубый и корыстолюбивый, дѣлалъ находящемуся въ опалѣ графу всевозможныя притѣсненія: безпрестанно ѣздилъ въ Ляличи и каждый разъ возвращался оттуда съ деньгами и разными вынужденными подарками: ежели иногда случалось графу отъ скуки выѣхать къ какому нибудь сосѣду верстъ за 10, то исправникъ сейчасъ являлся туда и заставлялъ графа, хоть въ полночь, несмотря ни на какую погоду, возвращаться домой. По восшествіи на престолъ императора Александра I-го, Завадовскій немедленно былъ вызванъ въ Петербургъ и потомъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія. Разсказывали, что этотъ исправникъ такъ надобѣлъ графу, что онъ, будучи министромъ, употребилъ все свое вліяніе, чтобы исправники были по выбору мѣстнаго дворянства, а не по назначенію отъ правительства, каковымъ былъ хорошо ему знакомый исправникъ.

Когда графъ Румянцовъ отправилъ своихъ секретарей: Безбородку и Завадовскаго на службу въ Петербургъ, то вышелъ за ними на крыльцо и сказалъ: Не забывайте меня старика¹⁾.

Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ слишкомъ 30-ти лѣтъ, не зная никакого иностраннаго языка кромѣ Латинскаго; но въ два года выучился по французски, а потомъ по нѣмецки и итальянски. По-французски онъ писалъ и говорилъ отлично, только чрезвычайно бѣгло²⁾.

Назначенный статсъ-секретаремъ, Безбородко не былъ еще знакомъ съ Петербургскимъ обществомъ и потому иногда охотно, по просьбѣ своихъ товарищей, дежурилъ за нихъ въ праздничные дни. Однажды на масляной угоднѣ было государынѣ приказать пригласить къ завтраку

¹⁾ Слышалъ отъ Петрушкевича, отецъ котораго въ то время служилъ у гр. Румянцова.

²⁾ Слышалъ отъ племянника Безбородка А. Я. Бакуринскаго.

на блины дежурныхъ статсъ-секретарей. Камеръ-лакей доложилъ, что никого изъ нихъ нѣтъ во дворцѣ. „Какъ, спросила императрица, неужели нѣтъ даже дежурнаго?—Въ статсъ-секретарской есть какой-то Безбородко, отвѣчалъ камеръ-лакей.—Пригласить его; вѣдь онъ тоже статсъ-секретарь, сказала государыня. Въ разговорѣ съ Безбородкою императрица коснулась какого-то закона: онъ прочелъ его наизусть, и когда государыня приказала подать книгу, то пока ее принесли, онъ сказалъ на какой именно страницѣ напечатаны самыя слова. Съ тѣхъ поръ государыня обратила особенное вниманіе на Безбородка. Память у него была превосходная; всемъ извѣстно, какъ онъ однажды императрицѣ прочелъ наизусть, держа передъ собою чистый листъ бумаги, одинъ чрезвычайно важный указъ, который онъ еще не успѣлъ написать по ея приказанію.

Племянникъ князя Безбородка, А. Я. Бакуринскій, жившій у своего дяди, находясь на службѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и бывшій у него домашнимъ человѣкомъ, рассказывалъ, что онъ часто посылалъ его въ свою огромную библіотеку, не справляясь съ каталогомъ, взять въ такомъ-то шкапу, на такой-то полкѣ извѣстную книгу, — и никогда не ошибался. Этотъ же племянникъ рассказывалъ, какъ Безбородко пріѣзжалъ въ Черниговъ къ его матери, сестрѣ своей, бывшей замужемъ за Черниговскимъ губернаторомъ Бакуринскимъ. Онъ и братья его, будучи дѣтьми, привѣтствовали дядю на крыльцѣ, причесанные по тогдашней модѣ съ тупеями. Латинской рѣчью, заранѣе приготовленною ихъ учителемъ-семинаристомъ. Изъ Чернигова Безбородко отправлялся въ Стальное, гдѣ жила его мать; онъ однажды ѣхалъ туда на лошадахъ губернатора и, возвращаясь, говорилъ шути своему зятю, что его кучеръ очень удачно сострѣлъ надъ его управленіемъ почтовымъ вѣдомствомъ. Когда императрицѣ угодно было увеличить прогонные платежи, то, чтобы сдѣлать это менѣе непріятнымъ образомъ для народа, говорилъ Безбородко, я предложилъ государынѣ уменьшить самыя версты изъ 700 въ 600-тыя, что было одобрено и приведено въ дѣйствіе. Вашъ кучеръ, везши меня пьяный, зацѣпилъ колесомъ за версту, началъ сердиться и ворчать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обратился: Що такъ густо наставлено столпникъ, що неможно пропхати не зачечившиєсь!

Безбородко всегда любилъ свою родину и покровительствовалъ своимъ землякамъ: пріѣзжая въ Петербургъ, все они являлись къ нему и находили у него ласковый пріемъ. Одинъ изъ нихъ, ожидая въ кабинетѣ за кресломъ князя, писавшаго письмо по его дѣлу къ одному

вліятельному лицу, отъ котораго дѣло зависѣло, ловилъ мухъ и замахнувшись разбилъ стоявшую на пьедесталѣ дорогую вазу. „Поймалъ?“ спросилъ Безбородко, не переставая писать. Другой Малороссійанинъ, никакъ не могъ застать его дома и забрался въ его карету, стоявшую у дворцоваго подъѣзда. Безбородко удивленъ былъ, заставши въ каретѣ посѣтителя, который объяснилъ ему дорожною причиною такового обстоятельства и самое дѣло, по которому онъ искалъ, и нашелъ его покровительство.

Тотъ же племянникъ Безбородко рассказывалъ, что однажды, ожидая къ обѣду императрицу, которая обѣдала по тогдашнему обычаю въ 2 часа, онъ послалъ его сказать повару, чтобы обѣдъ былъ готовъ скорѣе, къ пріѣзду императрицы, и когда тотъ возвратился въ кабинетъ, графъ спросилъ его: „ну что онъ говорить?“ племянникъ отвѣчалъ, что поварь сказалъ ему: доложите графу, что хорошій обѣдъ нельзя такъ скоро сдѣлать какъ раздѣлить Польшу. „И ему до этого дѣло“, отвѣчалъ Безбородко.

Во время слѣдованія императора Павла I-го чрезъ Смоленскую губернію, не смотря на предварительное высочайшее повелѣніе, чтобы собственно для проѣзда государя не было дѣлацо особенныхъ приготовленій и исправленія дорогъ, онъ засталъ множество крестьянъ, чистившихъ дорогу; спрошенные государемъ, они сказали, что они высланы для исправленія пути помѣщикомъ Храповицкимъ по случаю царскаго проѣзда и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались вообще на притѣвленія своего владѣльца. Прибывши на станцію, взволнованный императоръ, въ присутствіи окружающихъ его придворныхъ и находившагося при немъ государя-наслѣдника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній. Какъ вы думаете, Храповицкаго надо наказывать въ примѣръ другимъ? Всѣ безмолствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику престола, сказалъ: ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите такъ, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ. Благодушный Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату, какъ въ это самое время подъѣхала отставная карета Безбородки, находившагося тоже въ свитѣ государя. Великій князь наслѣдникъ бросился къ нему, рассказалъ въ короткихъ словахъ происшедшее и просилъ его успокоить государя. „Будьте благонадежны“, отвѣчалъ Безбородко съ обыкновеннымъ своимъ Малороссійскимъ выговоромъ, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ вошелъ въ комнату къ государю. — Ну вотъ, Александръ Андреевичъ, обратился къ нему Павелъ и объяснивъ

дѣло. прибавилъ: „какъ ты думаешь, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ Храповицкаго разстрѣлять?—Достоудожно и достопохвально, государь, отвѣчалъ князь Безбородко съ тѣмъ же Малороссійскимъ выговоромъ. Великій князь наслѣдникъ и всѣ были поражены таковымъ его отвѣтомъ.—„Вотъ видите, воскликнулъ государь, что говорить умный человекъ; а вы чего всѣ испугались?“ Подождавъ немного, князь Александръ Андревичъ продолжалъ: Только, государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣній государя караетъ законъ: слѣдовательно нужно послать указъ Смоленской Уголовной Палатѣ, чтобы она немедленно прѣѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе. Государь на это согласился, и сейчасъ о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ Уголовной Палатѣ, а государь отправился въ путь. Безбородко съ намѣреніемъ отсталъ; замѣтивши въ дали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и зеркаломъ, вышелъ изъ своего экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ ихъ, спросилъ предсѣдателя, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи, не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ порученномъ имъ дѣлѣ, что въ противномъ случаѣ онъ и вся палата могутъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ императора.

По суду Храповицкій, высланный крестьянъ для исправленія дороги не по случаю проѣзда государя, а особенно потому, что она была испорчена дождями, былъ оправданъ*).

А. Ханенно.

*) Рассказъ этотъ я слышалъ отъ двухъ почтенныхъ стариковъ, Черниговскихъ помѣщиковъ; одинъ изъ нихъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ княземъ Безбородкомъ.

1812-й годъ.

БАРОНЕССА СТАЛЬ ВЪ РОССІИ.

Было 14 Мая, когда въѣзжала я въ Россію. Эта годовщина первого дня революціи была для меня особенно знаменательна. Тутъ для меня закончился кругъ Французской исторіи, начавшійся 14 Іюня 1789 года. Когда застава, отдѣляющая Россію отъ Австріи, открылась, чтобы пропустить меня, я поклялась никогда не вступать въ предѣлы страны, подчиненной такъ или иначе Наполеону. Неужели эта клятва не позволить мнѣ опять видѣть прекрасную Францію?

Первымъ, съ кѣмъ я встрѣтилась въ Россіи, былъ Французъ, служившій когда-то въ конторѣ у моего отца, о которомъ онъ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ, и это имя, произнесенное какъ напутственное слово, показалось мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи, такъ несправедливо называемой варварской страной, я испытала лишь чувства добрыя, благородныя. Пусть моя признательность призоветъ благословеніе на эту страну и на ея Государя! Я вступила въ Россію, когда Французская армія прошла уже далеко въ Русскіе предѣлы, а между тѣмъ иностранка-путешественница не подвергалась никакимъ непріятностямъ и притѣсненіямъ: ни я, ни мои спутники не знали ни слова порусски; мы говорили на языкъ враговъ, опустошавшихъ страну. По досадной случайности, у меня даже не было прислуги, которая говорила бы порусски, и если бы не врачъ Нѣмецъ (докторъ Реннеръ), великодушно согласившійся быть нашимъ проводникомъ до Москвы, мы, право, заслужили бы названіе глухихъ и нѣмыхъ, какъ Русскіе называютъ иностранцевъ. Наше путешествіе было спокойно и безопасно: такъ сильно въ Россіи госте-

пріимство и у знати, и у простого народа. Съ первыхъ же шаговъ мы узнали, что прямой путь на Петербургъ уже занятъ войсками, и чтобы попасть въ столицу, надо проѣхать черезъ Москву. Это лишнихъ двѣсти миль, но мы уже сдѣлали ихъ полторы тысячи, и теперь я радуюсь, что мнѣ удалось увидѣть Москву.

Первой губерніей, черезъ которую намъ пришлось проѣзжать, была Волынь, часть Русской Польши. Это страна очень плодородная, переполненная Евреями, подобно Галиціи: но она не такъ бѣдна, какъ сія послѣдняя. Я остановилась во дворцѣ одного Польскаго пана, къ которому меня направили; онъ посоветовалъ мнѣ послѣпить отъѣздомъ, потому что Французы уже шли на Волынь, и они могли достигнуть ея черезъ восемь дней. Поляки вообще любятъ болѣе Русскихъ, чѣмъ Австрійцевъ. Русскіе и Поляки народы Славянскаго племени; они прежде были врагами, но они уважаютъ другъ друга, между тѣмъ какъ Нѣмцы, опередившіе Славянъ въ Европейскомъ просвѣщеніи, не относятся къ нимъ справедливо. Легко было замѣтить, что Поляки на Волыни не боялись нашествія Французовъ и, хотя образъ ихъ мыслей былъ извѣстенъ, но ихъ не преслѣдовали въ мелочахъ, что могло бы только возбудить, а не сдерживать ненависть; а все таки покореніе одного народа другимъ явленіе весьма печальное: должно пройти много вѣковъ, пока водворится единеніе и изгладятся изъ памяти имена побѣжденнаго и побѣдителя.

Въ Житомирѣ, губернскомъ городѣ Волыни, мнѣ разсказывали, что въ Вильну отправился начальникъ Русской полиціи, чтобы узнать поводъ къ наступленію Наполеона и надлежащимъ образомъ высказаться противъ его вторженія въ предѣлы Россіи. Трудно повѣрить, какихъ жертвъ стоило Александру поддерживать миръ; а на самомъ дѣлѣ не въ отступленіи отъ Тильзитскаго договора могъ Наполеонъ обвинять Александра, скорѣе въ слишкомъ добросовѣтной вѣрности губительнымъ условіямъ мира заслуживалъ упрека Русскій Императоръ. Александръ въ правѣ былъ объявить войну, такъ какъ Наполеонъ первый нарушилъ договоръ. Въ то время какъ Россія закрывала двери Англичанамъ, Наполеонъ позволялъ ввозить во Францію колоніальныя товары и, сказать правду, главною цѣлью войны Франціи и Европы противъ Россіи было стремленіе сосредоточить въ рукахъ дома Бонапартовъ и компаніи всю торговлю Англійскими товарами. Достойный поводъ, чтобы взволновать всѣ народы материка! Въ разговорѣ съ министромъ полиціи Балашовымъ Французскій императоръ предавался непонятной болтливости, которую можно было бы считать за уступку, если не знать, что она была нужна ему, чтобы усилить страхъ, который внушалъ онъ, показывая, будто стоитъ выше всякихъ расчетовъ. „Вы

думаете⁶, сказалъ онъ Балашову, что я забочусь объ Якобинцахъ-Полякахъ⁶? И на самомъ дѣлѣ, въ канцеляріи Румянцова вотъ уже нѣсколько лѣтъ лежитъ письмо г. Шампаньи, въ которомъ онъ предлагастъ вычеркнуть имя Польши и Поляковъ изъ всѣхъ Европейскихъ дѣловыхъ бумагъ. Какое несчастье для этой націи, что императоръ Александръ не принялъ титулъ короля Польскаго и не приобщилъ участь этого угнетеннаго народа къ свободной жизни другихъ народовъ. Наполеонъ спросилъ при Балашовѣ одного своего генерала, былъ-ли онъ въ Москвѣ, и каковъ это городъ. Генераль отвѣчалъ, что Москва показалась ему скорѣе большой деревней, чѣмъ столицей. А сколько тамъ церквей? продолжалъ Наполеонъ. Около тысячи шести сотъ (сорокъ сороковъ). „Совершенно непонятно“, возразилъ Наполеонъ, „я при томъ, когда уже никто больше не вѣруетъ!“ — Простите, ваше величество, сказалъ Балашовъ. Русскіе и Испанцы еще сохранили свое благочестіе. Отвѣтъ удивительный; онъ предвѣщалъ, надо было ожидать, что Москвичи будутъ Кастильцами Сѣвера.

Тѣмъ не менѣе Французская армія дѣлала быстрые успѣхи. Французовъ, которые дома не могли сопротивляться никакому игу, привыкли повсюду видѣть побѣдителями, и я имѣла основаніе бояться, что встрѣчу ихъ уже на пути къ Москвѣ. Странная моя судьба: сначала бѣжать отъ Французовъ, среди которыхъ я родилась, которые прославили моего отца, и бѣжать отъ нихъ до предѣловъ Азіи! Неужели судьба не можетъ низвергнуть человѣка, которому выпало на долю унижать родъ человѣческій? Я думала, что должна направиться въ Одессу, городъ сдѣлавшійся благоустроеннымъ, благодаря просвѣщенному управленію герцога Риншедь; оттуда я отправилась бы въ Константинополь и въ Грецію. Я рѣшилась на это большое путешествіе, думая о поэмѣ „Ричардъ Львиное сердце“, которую я предполагаю написать, если мнѣ это позволить мое здоровье. Эта поэма должна обрисовать нравы и природу Востока и освѣтить большой періодъ исторіи Англій, когда энтузіазмъ крестовыхъ походовъ уступилъ мѣсто увлеченію свободою. А такъ какъ рисовать возможно только то, чѣмъ мы чувствовали, то я должна бы отправиться въ Константинополь, въ Сирію и въ Сицилію, чтобы тамъ ознакомиться съ обликомъ Ричарда. Мои спутники, лучше меня зная мои силы, не совѣтовали мнѣ предпринимать это путешествіе и увѣрили, что поторопившись я могу ѣхать на почтовыхъ скорѣе, чѣмъ движется армія. Мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ у меня оставалось мало времени.

Въ Кіевѣ я познакомилась съ Русскимъ гостепріимствомъ. Губернаторъ генераль Милорадовичъ окружилъ меня любезными заботами. Онъ былъ адъютантомъ Суворова и такъ же, какъ и тотъ, неустра-

шимъ. Онъ вселилъ въ меня больше вѣры въ военные успѣхи Россіи. Такой вѣры у меня до той поры не было. Мнѣ приходилось ранѣе встрѣчаться только съ нѣкоторыми офицерами Нѣмецкой школы, но съ Русскими они не имѣли ничего общаго. Въ Милорадовичѣ я увидѣла настоящаго Русскаго человѣка, пылкаго, храбраго, довѣрчиваго и незараженнаго духомъ подражанія, подъ которымъ иногда у его соотечественниковъ скрывается ихъ народный характеръ. Онъ разсказалъ мнѣ много о Суворовѣ. Все говоритъ, что это былъ человѣкъ высокообразованный, хотя сохранившій природное чутье, основанное на непосредственномъ знаніи людей и вещей. Онъ много работалъ, но скрывалъ это, чтобы сильнѣе поражать воображеніе своихъ солдатъ, во всемъ стараясь казаться вдохновеннымъ.

По моему, Русскіе имѣютъ гораздо больше общаго съ народами Юга или Востока, нежели Съвера. По природѣ своей они жители Востока. Генераль Милорадовичъ разсказывалъ мнѣ про одинъ полкъ Калмыковъ, который стоялъ гарнизономъ въ Кіевѣ. Начальникъ отряда этихъ Калмыковъ пришелъ однажды къ Милорадовичу и признался, что ему очень тяжело проводить зиму въ городѣ и онъ хотѣлъ бы получить разрѣшеніе перейти со своимъ отрядомъ въ сосѣдній лѣсъ. Ему не могли отказать въ этомъ незатѣйливомъ удовольствіи, и онъ двинулся со своимъ отрядомъ по снѣжнымъ сугробамъ и расположился въ повозкахъ, служившихъ имъ одновременно и жилищами. Русскіе солдаты легко переносятъ усталость, всѣ неудобства климата и войны, а народъ во всѣхъ сословіяхъ пренебрегаетъ препятствіями и физическими трудностями. Все это свидѣтельствуетъ, что онъ способенъ совершить великіе подвиги. Калмыцкій князь, которому деревянный домъ казался жилищемъ слишкомъ пысканнымъ, на зимнихъ балахъ дарилъ алмазы дамамъ, которыя особенно ему нравились. Не имѣя возможности говорить съ ними, онъ замѣнялъ комплименты подарками, какъ это дѣлаютъ въ Индіи и во всѣхъ безмолвныхъ странахъ Востока, гдѣ слово не имѣетъ такой выразительной силы, какъ у насъ. Милорадовичъ въ день моего отъѣзда пригласилъ меня на балъ къ одной Молдавской княгинѣ. Къ великому сожалѣнію я не могла тамъ быть. Всѣ иноземныя страны и народы, по своему складу еще далекіе отъ Европейцевъ, особенно возбуждаютъ воображеніе. Россія—это преддверіе иной невѣдомой земли Востока, откуда вышло столько вѣроисповѣданій, гдѣ еще сокрыты необъятныя сокровища настойчивости и духовныхъ дарованій.

Почти девять сотъ верстъ отдѣляютъ Кіевъ отъ Москвы. Русскіе возницы мчали меня съ быстротой молніи; они пѣли пѣсни и этими пѣснями, какъ увѣряли меня, подбадривали и ласкали своихъ лошадей:

ну, бѣгите, голубчпки, говорили они. Я не нашла ничего дикаго въ этомъ народѣ: напротивъ, въ немъ есть много изящества и мягкости, которыхъ не встрѣчаешь въ другихъ странахъ. Русскій возчикъ не пройдетъ мимо женщины, какого она бы ни была возраста или сословія, чтобы не поклониться, а она отвѣчаетъ наклоненіемъ головы, полнымъ граціи и благородства. Одинъ старикъ, который не могъ объясняться со мною словами, показалъ мнѣ сначала на землю, а потомъ на небо: это означало, что черезъ землю достигнетъ онъ скоро небесъ. Я знаю, что, возражая мнѣ, могутъ вполнѣ основательно указать на жестокія злодѣянія, имѣвшія мѣсто въ Русской исторіи: но я обвиняю во всемъ не народъ, а бояръ, развращенныхъ деспотизмомъ, который они поддерживали и отъ котораго сами же страдали. Къ тому же политическіе раздоры всегда и всюду искажаютъ народный характеръ, и нѣтъ ничего печальнѣе въ исторіи, какъ появленіе властелиновъ, которые черезъ преступленіе достигаютъ власти и черезъ преступленіе лишаются ея: но это явленіе всегда сопровождается роковымъ образомъ неограниченную власть. Люди низшаго класса, ставшіе черезъ темные происки правителями своей страны, не имѣютъ ничего общаго съ жителями деревни, и я понимаю все худое, что о нихъ говорили и должны говорить. Для того, чтобы узнать воинственный народъ, надо узнать солдата и тотъ классъ, изъ котораго выходятъ онъ, земледѣльцевъ-крестьянъ.

Хотя двигалась я съ большою быстротой, но мнѣ казалось, что стою на мѣстѣ: на столько природа страны однообразна. Песчаная равнина, рѣдкіе берозовые лѣса да крестьянскіе поселки, находящіеся на большомъ разстояніи одинъ отъ другаго, съ ихъ деревянными, построенными по одному образцу избами, вотъ все, что встрѣчала я на пути. Меня охватилъ своего рода кошмаръ, который приходитъ иногда ночью, когда кажется, что дѣлаешь шаги и въ тоже время не двигаешься съ мѣста. Безконечною казалась мнѣ эта страна, и цѣлая вѣчность нужна, чтобы ее пройти. Постоянно на пути попадались гонцы: мчавшіеся вѣхали съ неимовѣрной быстротой; сидѣли они на деревянныхъ скамеечкахъ, въ телѣгъ, запряженной парой лошадей, и ничто не останавливало ихъ ни на мгновеніе. Толчки подбрасывали ихъ чуть ли не на два фута надъ повозкой и, падая на свое мѣсто съ удивительной ловкостью, они спѣшили крикнуть: ну, пошолъ! съ воодушевленіемъ, какое охватываетъ Француза въ день битвы. Славянский языкъ удивительно звученъ: я даже скажу, что въ немъ есть что-то металлическое, слышится бряцаніе мѣди, когда произносятся Славяне нѣкоторыя созвучія, столь непохожія на западныя нарѣчія. Мимо насъ проходили резервные батальоны: спѣшвшіе къ военнымъ

дѣйствіямъ казаки присоединялись къ арміи, но въ безпорядкѣ, безъ опредѣленной формы въ одеждѣ, съ большимъ копьемъ въ рукѣ, въ сѣроватомъ одѣяніи, большой капюшонъ котораго они надѣвали на голову. Я совсѣмъ иначе представляла себѣ этотъ народъ. Они живутъ за Днѣпромъ и ведутъ независимый образъ жизни, подобно дикимъ, но на войнѣ отдаются въ полную власть военачальникамъ. Грозныя арміи мы привыкли представлять себѣ въ прекрасныхъ мундирахъ наиболѣе яркихъ красокъ. Тусклые цвѣта, въ какіе одѣваются казаки, наводятъ тоже страхъ, но своеобразный. Кажется, что это мертвецы поднялись на васъ.

На пути отъ Кіева до Москвы стало труднѣе на станціяхъ доставать лошадей, ибо мы находились совсѣмъ вблизи арміи. Я боялась, что меня остановятъ какъ разъ въ то время, когда особенно надо было спѣшить и когда мнѣ приходилось ждать по пяти и шести часовъ у почтовой станціи, гдѣ рѣдко встрѣчалась удобная для отдыха комната. Я съ содроганіемъ думала, что вдругъ, почти на краю Европы, достигнетъ меня армія, и какъ трагично и въ тоже время смѣшно будетъ мое положеніе; полной неудачей закончилось бы мое предпріятіе. Обстоятельства, какія побудили меня къ нему, не вѣсь извѣстны; могутъ спросить, почему покинула я родину и даже нѣкоторые не лишены доброты люди, зная, что родина стала мнѣ тюрьмою, съ сокрушеніемъ скажутъ, что, конечно, это очень тяжело, но все же было бы лучше не покидать ея.

Я прибыла въ Орловскую и Тульскую губерніи, которыя потомъ столь часто упоминались въ бюлетеняхъ той и другой арміи. Проѣзжая черезъ Русскіе провинціальныя города, я была принята во многихъ домахъ. Многіе дворяне изъ окрестностей пріѣзжали повидаться со мною, сказали много пріятнаго о моихъ произведеніяхъ, и признаюсь, мнѣ было очень лестно узнать о моей литературной извѣстности въ такомъ отдаленіи отъ родины. Жена губернатора приняла меня поазіатски съ шербетомъ и розами; ея комната была изящно украшена картинами и музыкальными инструментами. Повсюду въ Европѣ рѣзка противоположность богатства и нищеты, въ Россіи же ни то ни другое не выдѣляется. Народъ не бѣденъ, а знать способна, когда это необходимо, вести такой же образъ жизни, какой ведетъ народъ. Съ одной стороны суровыя лишенія, съ другой изысканія удовольствія отличаютъ эту страну. Сами вельможи, въ палатахъ которыхъ вы найдете все, что есть блестящаго и роскошнаго во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ, питаются въ пути гораздо хуже Французскаго поселника и способны переносить не только на войнѣ, но и во многихъ житейскихъ случаяхъ физическое существованіе очень стѣсненное.

Суровость климата, болота, лѣса и пустыни, покрывающія значительную часть страны, заставляють человека бороться съ природой. Фрукты и цвѣты произрастають лишь въ оранжереяхъ, воздѣлываніе овощей не распространено, виноградниковъ совсѣмъ не встрѣчаешь. Обстановка жизни, въ которой находится Французскій крестьянинъ, возможна въ Россіи лишь при большихъ затратахъ. Необходимое можно получить только въ роскоши; отсюда происходитъ, что когда роскошь невозможна, отказываются даже отъ необходимаго. Нѣтъ въ Россіи совсѣмъ того, что Англичане называютъ „комфортомъ“, а мы Французы просто довольствомъ. Ничто не въ состояніи удовлетворить воображеніе Русскаго вельможи; но когда поэзіи богатства нѣтъ, они пьютъ квасъ, спятъ на полу и ѣдутъ день и ночь въ открытой повозкѣ, не сожалѣя о роскоши, къ которой, казалось, они такъ привыкли. Они любятъ въ жизни ея величіе и пышность болѣе, чѣмъ тихія радости, которыя она можетъ дать. Они, подобно людямъ Востока, выказываютъ необычайное гостепримство иноземцу; его осыпають подарками, а сами часто пренебрегаютъ обыкновенными удобствами личной жизни. Всѣмъ этимъ надо объяснять то мужество, съ которымъ Русскіе перенесли пожаръ Москвы, соединенный со столькими жертвами. Они заботятся о внѣшнемъ блескѣ болѣе, чѣмъ о своемъ благосостояніи; роскошью неизмѣнены, а денежная жертва удовлетворяетъ ихъ гордость тѣмъ полнѣе, чѣмъ съ большей пышностью они ее приносятъ. Въ народѣ этомъ есть что-то исполинское; обычными мѣрами его не измѣрять. Я не хочу этимъ сказать, что тамъ нѣтъ ни истиннаго величія, ни постоянства, но отвага, пылкое воображеніе Русскихъ не знаютъ предѣла; у нихъ все болѣе колоссально, чѣмъ соразмѣрно, во всемъ болѣе смѣлости, чѣмъ благоразумія; и если они не достигаютъ цѣли, которую себѣ поставили, то это потому, что они перешли ее.

Я подъѣзжала къ Москвѣ, но ничто не говорило о близости столицы. Тѣже далекія одна отъ другой деревни, тоже безлюдіе и тишина вдоль широкихъ полосъ, называемыхъ въ Россіи большими дорогами. Деревенскія избы не были многочисленнѣе. Въ Россіи такой просторъ, что все въ ней теряется, даже дворцы, даже само населеніе. Кажется, что мы пробѣгаемъ въ странѣ, изъ которой ушли обитатели. Отсутствие птицъ усиливаетъ впечатлѣніе безмолвія. Животныя тоже рѣдки, по крайней мѣрѣ ихъ мало встрѣтишь по дорогѣ. Все тонетъ въ необъятномъ пространствѣ, надъ всѣмъ царить оно и захватываетъ воображеніе, подобно многимъ метафизическимъ идеямъ, отъ которыхъ не можетъ освободиться мысль, разъ онѣ охватили ее. Наканунъ моего пріѣзда въ Москву, вечеромъ послѣ утомительно жаркаго дня, я остановилась среди поля въ мѣстности довольно красивой. Крестьянни

живописно одѣтыя по обычаю страны возвращались съ работъ и въ пѣсняхъ Украйны воспѣвали любовь и свободу, но непонятная грусть и печаль слышались въ этой мелодіи. Я попросила ихъ поплясать, и онѣ согласились. Я не знаю ничего болѣе миловиднаго, граціознаго, какъ эти народныя пляски: въ нихъ выливается непосредственная красота, которою природа обогащаетъ искусства: въ нихъ вы найдете и долю стыдливаго сладострастія. Индійскія баядерки, по моему, должны воплощать это сочетаніе истомы и живости, въ которомъ заключается прелесть Русской пляски. Эта истома и эта живость говорятъ о мечтательности и страстности, двухъ чертахъ народнаго характера, которыхъ не коснулась еще образованность, которая она не успѣла еще видоизмѣнить, ни усмирить. Я была поражена мплой веселостью этихъ крестьянокъ, какъ поражена была видѣтъ ее въ различныхъ отбѣнкахъ у большинства людей, съ которыми имѣла дѣло въ Россіи. Я воображаю, какъ страшны бывають они, когда ихъ страсти возбуждены: у нихъ нѣтъ выдержки, какую даетъ воспитаніе, и обуздать свою страстность они не въ силахъ. Вслѣдствіе невѣжества, какое господствуетъ въ ихъ средѣ, требованія нравственности развиты слабо: кражи весьма часты въ Россіи, но на ряду съ ними развито и гостепріимство. Русскіе даютъ вамъ и берутъ отъ васъ, слѣдуя непосредственнымъ чувствамъ своимъ, великодушію или хитрости: и то, и другое развито въ этомъ народѣ. Въ подобномъ образѣ жизни много общаго съ дикарями: но мнѣ кажется, что теперь только тѣ народы сильны, которые не вышли изъ состоянія, какое мы бы назвали варварскимъ, то есть необразованнымъ, или тѣ, которые свободны. Народы, вполне образованные, равнодушны къ рабству, помышляютъ только о личномъ благосостояніи, и тѣмъ, которые вынесли изъ образованности лишь умѣнье разсуждать о могуществѣ и рабствѣ, суждено быть побѣжденными. Я часто думаю, что представляютъ собою теперь мѣста, которыя я видѣла такими тихими, гдѣ тѣ милыя молодыя дѣвушки, тѣ крестьяне съ длинными бородами, въ которыхъ было столько покорности волѣ Провидѣнія: быть можетъ, они уже погибли: быть можетъ, принуждены были бѣжать, ибо никто изъ нихъ не отдался въ руки непріятеля. Любопытно отмѣтить, какъ проявляется въ Россіи общественное самосознаніе. Слава побѣдоносности, которую доставили этому народу безчисленные успѣхи его войскъ, горделивое самоувѣніе знати и способность самопожертвованія, которая такъ сильна въ народѣ, вѣра, вліяніе которой глубоко и могуче, ненависть къ иноземцамъ, которую старался искоренить Петръ 1-ый, желая сдѣлать страну просвѣщенной, но которая все же осталась въ крови Русскихъ и пробуждается при всякомъ случаѣ, все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ народъ могучимъ. Нѣсколько гемныхъ анекдо-

товъ о предшествовавшихъ царствованіяхъ, какіе-то Русскіе. промотавшіеся въ Парижѣ, да остроумные слова Дидеро, составили Французамъ представленіе, что Россія состоитъ лишь изъ развращеннаго двора, придворныхъ камергеровъ да крестьянъ-рабовъ. Если бы это соотвѣтствовало дѣйствительности, это было бы ужасно. Надо хорошо взглянуть въ этотъ народъ, чтобы узнать его: мнѣ пришлось наблюдать его при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ представился весь, въ пору несчастій и воодушевленія, время самое удобное для наблюденія. Не лишнимъ будетъ повторить, что народъ этотъ созданъ изъ противоположностей поразительно рѣзкихъ. Быть можетъ, совмѣщающіяся въ немъ Европейская культура и Азіатскій характеръ тому причина. При встрѣчѣ Русскіе такъ ласковы, что съ первыхъ же дней чувствуешь себя съ ними другомъ, какимъ, пожалуй, не почувствуешь съ инымъ черезъ десять лѣтъ. Молчаливость Русскихъ совершенно особенная: они молчатъ тогда, какъ предметъ ихъ живо занимаетъ. Впрочемъ, иногда они очень разговорчивы; но разговоръ ихъ не больше какъ любезность: въ немъ не выражаютъ они ни своихъ чувствъ, ни своихъ мнѣній. Часто сравнивали ихъ съ Французами; но я думаю, что это сравненіе въ высшей степени ошибочно. Гибкость ихъ природы дѣлаетъ Русскихъ способными подражать во всемъ. Сообразно съ обстоятельствами они могутъ держать себя какъ Англичане, Французы, Нѣмцы, но никогда они не перестаютъ быть Русскими, т. е. пылкими и въ тоже время осторожными, болѣе способными къ страсти, чѣмъ къ дружбѣ, болѣе гордыми, чѣмъ мягкими, болѣе склонными къ набожности, чѣмъ къ добродѣтели, болѣе храбрыми, чѣмъ рыцарски-отважными и такими страстными въ своихъ желаніяхъ, что никакія препятствія не въ состояніи удержать ихъ порыва. Русскіе гораздо гостепріимнѣе Французовъ: но у нихъ общество не состоитъ, какъ у насъ, изъ круга развитыхъ мужчинъ и женщинъ, которымъ доставляетъ удовольствіе взаимный обмѣнъ мнѣній. Собираются вмѣстѣ, какъ на какой-то праздникъ, гдѣ можно встрѣтить много посѣтителей, найти вкусные плоды, видѣть рѣдкости Европы и Азіи, послушать музыки, поиграть, однимъ словомъ, ищутъ развлеченій въ предметахъ внѣшнихъ, а не удовлетворенія запросовъ ума и сердца: ихъ потребность взаимнаго общенія удовлетворяется чисто-дѣловыми сношеніями, а не обществомъ. Кромѣ того, будучи вообще очень мало образованы, они не находятъ удовольствія въ дѣльныхъ разговорахъ; блистать умомъ у нихъ не льститъ самолюбію. Поэзія, краснорѣчіе, литература еще совсѣмъ не развиты въ Россіи. Гордости и честолюбію у Русскихъ льстятъ лишь роскошь, могущество и храбрость. Всѣ другіе способы отличиться кажутся еще этому народу извѣженностью и пустою забавою.

Но намъ возразятъ: вѣдь народъ находится въ рабствѣ: какой характеръ можемъ предполагать у него? Конечно, было бы лишнее говорить, что всѣ просвѣщенные люди желаютъ Русскому народу выдти изъ этого состоянія, и навѣрно императоръ Александръ желаетъ этого больше всѣхъ; но рабство въ Россіи, въ своей сущности, не похоже на то рабство, какъ мы его понимаемъ на Западѣ. Здѣсь не побѣдители подчинили побѣжденныхъ суровымъ законамъ, какъ это было во время феодальнаго правленія; отношеніе господъ къ народу похоже скорѣе на отношеніе къ челяди у древнихъ, нежели на отношеніе крѣпостныхъ нашего времени. Третьяго, или средняго, сословія въ Россіи не существуетъ вовсе; это большое препятствіе процвѣтанію наукъ и искусствъ, ибо зачастую въ этомъ третьемъ классѣ развиваются таланты; однако по отсутствію промежуточнаго звена между господами и народомъ, между ними существуетъ больше взаимной привязанности. Разстояніе между двумя сословіями кажется значительнѣе потому, что между обѣими крайностями нѣтъ ступеней, а въ дѣйствительности они соприкасаются гораздо тѣснѣе потому, что ихъ не различаетъ средній классъ. Такимъ общественнымъ устройствомъ весьма задерживается просвѣщеніе высшихъ классовъ, но оно не служитъ въ ущербъ благополучію низшихъ. Впрочемъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ представительнаго строя, гдѣ государь соединяетъ въ себѣ власть законодательную и исполнительную, люди часто болѣе чувствуютъ униженіе, жертвуя своимъ убѣжденіемъ и своимъ характеромъ, чѣмъ въ этомъ огромномъ государствѣ, гдѣ простыя понятія о всѣхъ и о родинѣ управляютъ несмѣтнымъ множествомъ народа, руководимаго нѣсколькими вождами. Огромное пространство Русскаго государства тоже содѣйствуетъ тому, что деспотизмъ господъ не ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на народъ; наконецъ, болѣе всего надъ умами господствуетъ духъ вѣры и воинственности. И можно навѣрно сказать, что онъ поведетъ Русскихъ отъ ихъ заблужденій къ великимъ и прекраснымъ подвигамъ. Одинъ умный человекъ выразился, что Россія похожа на Шекспировскія пѣсы, гдѣ все величественно, что не ошибочно, и все ошибочно, что не величественно. Это замѣчаніе весьма вѣрно; но въ то опасное время, когда я проѣзжала страну, первыми предметами удивленія были сила сопротивленія и готовность къ жертвамъ, которую выказалъ этотъ народъ. Видя такія добродѣтели, никто не осмѣлился бы замѣтить недостатки, какіе можно было бы порицать въ другое время.

Еще издали завидите вы золоченые кунолы Московскихъ церквей. Москва стоитъ среди равнины; вѣдь и вся Россія ничто иное, какъ огромная равнина, и потому, подъѣзжая къ большому городу, вы даже

можете не замѣтить его обширности. Кто-то справедливо замѣтилъ, что Москва скорѣе деревня, нежели городъ. Все смѣшалось тамъ, лачужки, дома, дворцы, базары, подобные восточнымъ, церкви, общественныя учрежденія, пруды, роици и парки. Вы найдете въ этомъ огромномъ городѣ все разнообразіе нравовъ и племенъ, составляющихъ Россію. Не желаете-ли вы, говорили мнѣ, купить Кашемировую шаль въ Татарской части? Видѣли вы Китай-городъ? Азія и Европа соединены въ этомъ огромномъ городѣ. Въ немъ живетъ свободнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ на все дворъ неизбѣжно кладетъ отпечатокъ. Знатные жители Москвы за мѣстами, за положеніемъ не гонятся, но большими пожертвованіями доказываютъ свою любовь къ отечеству: въ мирное время они жертвуютъ на общественныя учрежденія, во время войны на военныя дѣйствія. Огромныя богатства Русскихъ вельможъ идутъ на разнообразныя коллекціи, на предирія и на пиры, подобныя пирамъ Тысячи и одной ночи, но часто необузданно-страстные обладатели богатствъ прожигаютъ ихъ безцѣльно и безумно. Когда я пріѣхала въ Москву, всѣ говорили лишь о жертвахъ, которыя приносились на войну. Молодой графъ Мамоновъ ставилъ свой полкъ и самъ хотѣлъ служить въ немъ только подпоручикомъ. Графиня Орлова, по азіатски любезная и богатая, жертвовала четвертую часть своихъ доходовъ. Когда я проходила мимо дворцовъ, окруженныхъ обширными, какъ въ деревняхъ, садами, мнѣ говорили, что вотъ владѣлецъ этого далъ государству тысячу крестьянъ, тотъ двѣсти. Мнѣ странно было слышать выраженіе „дать людей“; но надо сказать, что сами крестьяне шли на войну съ воодушевленіемъ, и на войнѣ господа были лишь ихъ руководителями. Какъ только Русскій поступаетъ въ солдаты, ему брѣютъ бороду, и съ того времени онъ свободенъ. Предполагали дать свободу всѣмъ шедшимъ на военную службу; тогда бы вся страна оказалась свободной, ибо на войну поднялись почти всѣ. Будемъ надѣяться, что государству удастся провести безъ особыхъ потрясеній столь желанное освобожденіе подневольныхъ. Но съ бородой не такъ легко расставались: она придавала много силы и достоинства лицу. Русскій съ его долгой бородой не пройдетъ мимо церкви, чтобы не перекреститься. Глубоко трогательна вѣра Русскихъ въ образъ. Убранство церквей отличается роскошью; вкусъ къ роскоши, вообще свойственный Русскимъ, сближаетъ ихъ съ Азіей, вы видите въ церкви лишь золото, серебро, рубины. Рассказываютъ, что кто-то изъ Русскихъ предлагалъ написать Библію буквами, составленными изъ драгоценныхъ камней. Онъ зналъ, что этимъ возбудитъ любовь къ чтенію, подѣйствовалъ на воображеніе. Удивительно, что этотъ даръ воображенія не проявился еще ни въ искусствахъ, ни въ поэзіи. Русскіе во всѣхъ

областяхъ могутъ быстро достигнуть опредѣленной точки успѣха, но дальше они не идутъ. Первые шаги дѣлаютъ всегда произвольно и лишь вторые стараются обдумать. Надо сказать, что вообще Русскіе, столь непохожіе на жителей Сѣвера, до настоящаго времени не показали себя способными къ глубокомыслию. Нѣкоторые дворцы въ Москвѣ, для ускоренія постройки, воздвигнуты изъ дерева: народъ отъ природы непостояненъ во всемъ, кромѣ вѣры и любви къ родинѣ, склоненъ и любить перестраивать свое жилище. Многіе изъ этихъ прекрасныхъ зданій воздвигались для какого-нибудь праздника, предназначались для блеска лишь одного дня; при сооруженіи ихъ затрачивались огромныя богатства, и они сохранились до роковаго дня всеобщаго разрушенія. Многіе дома выкрашены разноцвѣтными красками: зеленой, желтой, розовой, и рѣзба на нихъ, ихъ гнцательна, какъ украшеніе десерта.

Кремль, эта крѣпость, служившая опорой Русскимъ царямъ въ борьбѣ съ Татарами, окруженъ высокой зубчатой стѣной съ башнями по угламъ; башни своей странной формой похожи скорѣе на Турецкіе минареты, чѣмъ на укрѣпленія: въ этомъ ихъ сходство съ крѣпостными башнями Востока. Но хотя внѣшній видъ городскихъ строеній носитъ восточный характеръ, вліяніе христіанства сказывается повсюду. О немъ говорятъ множество церквей, которыя столь почитаемы въ Россіи и которыя въ этомъ городѣ привлекаютъ вашъ взоръ на каждомъ шагу. Невольно сравниваешь Москву съ Римомъ, но не потому, что она имѣетъ сходство съ нимъ въ стилѣ своихъ зданій, этого нѣтъ; но удивительное сочетаніе сельской тишины и пышныхъ дворцовъ, обширность города и безчисленное множество церквей сближаютъ Римъ Азіи съ Римомъ Европы. Мнѣ довелось видѣть внутренность Кремля въ первыхъ числахъ Августа. Я входила туда по лѣстницѣ, по которой нѣсколько дней тому назадъ шелъ императоръ Александръ. Его окружало необъятное множество народа, всеъ благословляли его и клялись до послѣдней капли крови защищать отечество. Свое слово они сдержали. Сначала мнѣ открыли залы, въ которыхъ хранилось оружіе Русскихъ воиновъ. Подобные арсеналы другихъ странъ заслуживаютъ ббльшаго вниманія. Русскіе не пережили рыцарства, они не принимали участія въ Крестовыхъ походахъ. Военственный духъ Русскихъ воспитывался въ войнахъ съ Татарами. Поляками и Турками среди жестокостей, которыя поддерживались съ одной стороны дикостью Азіатскихъ народовъ, съ другой лютостью тирановъ, правившихъ Россіей. Ихъ отвага не благородное мужество Баярдовъ и Персіевъ, но неустрашимость неистовой храбрости, которою жила Россія въ продолженіи многихъ вѣковъ. Впервые выступивъ въ Европейскомъ обществѣ, Русскіе

не обнаружили духа благороднаго рыцарства, который такъ свойственъ народамъ Запада; они показали себя безжалостно страшными къ своимъ недругамъ. Постоянныя усобицы въ Русской исторіи до Петра Великаго и даже послѣ него дурно отразились на нравственности народа, особенно въ высшихъ классахъ: деспотическое правленіе, единственнымъ исходомъ изъ котораго было убійство самаго тирана, уничтожало сознание чести и долга въ умахъ народа. Но любовь къ отечеству и преданность вѣрованіямъ вышли сильными и непреклонными изъ всѣхъ кровавыхъ бѣдствій исторіи, а народъ съ такими добродѣтелями можетъ еще удивить міръ.

Изъ арсенала меня повели въ покои древнихъ Русскихъ царей: тамъ хранятся одѣянія, въ которыя облачались они въ дни вѣнчанія на царство. Ничего красиваго въ этихъ покояхъ нѣтъ, но ихъ убранство согласуется со строгостью жизни, которую вели раньше да и теперь ведутъ Русскіе цари. Во дворцѣ Александра царить пышное великолѣпіе, но онъ самъ спитъ на жесткой постели и путешествуетъ какъ простой казацкій офицеръ. Въ Кремлѣ показываютъ двойной тронъ, который сдѣланъ былъ для Петра и его брата Іоанна. Ихъ сестра царица Софія ставала обыкновенно за мѣстомъ Іоанна и подсказывала ему, что онъ долженъ былъ говорить. Но несамостоятельность Іоанна скоро должна была уступить врожденнымъ силамъ Петра, и онъ одинъ завладѣлъ престоломъ. Начиная съ его царствованія Русскіе цари перестали носить Азіатскія одежды. При Петрѣ Россія увидѣла парижъ эпохи Людовика XIV-го. Не умаляя своего восхищенія передъ этимъ великимъ человѣкомъ, я все же скажу, что весьма неприятнымъ является въ немъ противоположность необузданной силы дарованій со стремленіемъ провести церемонную правильность въ одеждѣ. Имѣлъ ли онъ поводъ искажать восточныя нравы своего народа, имѣлъ ли онъ право переносить столицу на Сѣверъ, на границу имперіи? Это большой вопросъ и еще не рѣшенный; лишь вѣка могутъ дать на него отвѣтъ.

Я всходила на соборную колокольню, называемую колокольней Ивана Великаго. Съ нея отрывается видъ на весь городъ. Оттуда смотрѣла я на дворцы царей, покорившихъ своимъ оружіемъ царства Казанское, Астраханское и Сибирское. Я слушала пѣніе въ церкви, гдѣ служилъ экзархъ Грузій; въ немъ можно видѣть представителя христіанскаго единенія Азіи и Европы. Сорокъ сороковъ церквей свидѣтельствовали о набожности жителей Москвы. Торговья учрежденія Москвы тоже носятъ Азіатскій характеръ. Люди въ чалмахъ и въ разнообразныхъ восточныхъ костюмахъ раскладываютъ передъ вами рѣдкіе товары; Сибирскіе мѣха, Индійскія ткани могли вполне удовлетворить страсти къ роскоши Русскихъ вельможъ, у которыхъ вообра-

женіе плѣняется и соболями Самоѣдовъ и рубинами Перевъ. Въ Московскомъ дворцѣ, въ саду Разумовскаго, вы найдете превосходную коллекцію растений и подборъ минераловъ; графъ Бутурлинъ тридцать лѣтъ жизни посвятилъ собиранію прекрасной библіотеки. На нѣкоторыхъ книгахъ, ему принадлежащихъ, сдѣланы помѣтки рукою Петра Перваго. Этотъ великій человекъ и не думалъ, что Европейская образованность, которую онъ такъ ревностно поддерживалъ, придетъ въ Россію лишь для того, чтобы разорять просвѣтительныя учрежденія, которыя основалъ онъ въ странѣ, стремясь образованіемъ воспитать ея неуимчивый духъ. Далѣе находится пріютъ подкидышей, одно изъ наиболѣе человѣколюбивыхъ учрежденій всей Европы. Больницы для людей всѣхъ сословій встрѣчаются въ различныхъ частяхъ города. Наконецъ, кругомъ видишь лишь богатство, дѣла милосердія, роскошныя зданія и благотворительныя учрежденія, церкви и дворцы, которые расточаютъ благодѣянія для значительной части населенія и проливаютъ кругомъ себя блескъ роскоши. Какъ на ладони представилась передъ нами всѣ извилины Москвы-рѣчки, которая послѣ нашествія Татаръ не видѣла уже потоковъ крови въ своихъ водахъ. День былъ великолѣпный, солнце радостно играло лучами на блестящихъ куполахъ церквей. Мнѣ вспомнился престарѣлый архіепископъ Платонъ, пастырское письмо котораго, написанное къ Александру въ восточномъ духѣ, такъ меня тронуло: онъ посылалъ икону Божіей Матери, чтобы отвратить отъ Россіи чужака, готоваго покорить Россію. На мгновеніе мнѣ пришла въ голову мысль, что вѣдь Наполеонъ можетъ придти сюда, очутиться на этой самой башнѣ, съ которой я любовалась городомъ, можетъ уничтожить ее; мелькнула вдругъ и другая мысль, что дерзнетъ онъ стать на мѣсто царское, какъ дерзнулъ завладѣть имъ на время ханъ Золотой Орды. Но небо было такъ безоблачно и прекрасно, что я отогнала свой страхъ. Спустя мѣсяць, этотъ прекрасный городъ былъ обращенъ въ груды пепла. Этимъ Русскіе заявили, что они опустошатъ всю покоренную врагомъ страну тѣмъ самымъ огнемъ, который онъ принесъ съ собой. Но развѣ Русскіе и ихъ монархъ не искупили своей ошибки? Несчастіе, постигшее Москву, возродило страну; этотъ благочестивый городъ погибъ, какъ мученикъ, пролитая кровь котораго даетъ новыя силы братьямъ, его пережившимъ.

Извѣстный графъ Ростопчинъ, имя котораго столь часто встрѣчается въ приказахъ Государя, пришелъ навѣстить меня и пригласилъ на обѣдъ. При Павлѣ I-омъ онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ бесѣдѣ онъ казался человекомъ своеобычнымъ, и можно было предсказать, что онъ обнаружитъ свой рѣшительный и сильный нравъ, когда этого потребуютъ обстоятельства. Графиня Ростопчина любезно

подарила мнѣ сочиненіе, написанное ею о торжествѣ въры. Ея книгу украшаютъ прекрасный слогъ и высокіе нравственные идеалы. Я навѣстила графиню въ ея подмосковномъ имѣніи*); дорога туда лежитъ черезъ лѣсъ и озеро. Съ приближеніемъ Французовъ графъ Ростопчинъ самъ поджегъ это имѣніе, этотъ прелестный уголокъ Русской равнины. Конечно, подобный поступокъ долженъ былъ удивить даже враговъ. Императоръ Наполеонъ сравнилъ графа Ростопчина съ Маратомъ, совершенно забывъ, что губернаторъ Москвы жертвовалъ личнымъ достояніемъ. Марать же поджигалъ дома другихъ (а Наполеонъ не допускаетъ въ этомъ разницы). Графа Ростопчина можемъ упрекнуть только въ томъ, что онъ слишкомъ долго скрывалъ неблагоприятныя извѣстія объ арміи; трудно сказать, себѣ ли онъ этимъ льстилъ, или другимъ. Англичане, съ ихъ удивительною прямою въ нравѣ, всегда отдають отчетъ, какъ въ успѣхахъ, такъ и въ неудачахъ, и у нихъ одушевленіе поддерживается лишь правдою, какова бы она ни была. Русскіе не достигли еще этого нравственнаго совершенства; оно возможно лишь въ государствѣ съ политической свободой.

Ни одна образованная народность такъ не близка къ дикарямъ, какъ Русская, и людей сильныхъ, способныхъ на великій подвигъ, всегда можно упрекнуть въ порокахъ, которые такъ свойственны ихъ необузданной природѣ. Много восхваляли знаменитыя слова Дидеро: „Русскіе стнли прежде чѣмъ созрѣли“. Я не знаю мнѣнія болѣе ошибочнаго: даже ихъ пороки, за небольшимъ исключеніемъ, мы должны приписать не ихъ испорченности, но силѣ ихъ нравственнаго закала. Одинъ выдающійся человекъ сказалъ: „стоитъ Русскому пожелать, и городъ взлетитъ на воздухъ“. Ярость и хитрость смѣняются одна другою, когда Русскій рѣшается на какой-либо поступокъ, дурной или хорошей. Скороспѣлое преобразование Петра I отнюдь не измѣнило у Русскихъ характера. Къ своему счастью они пребываютъ еще въ состояніи, которое мы назвали бы варварскимъ; ими управляетъ чутье, подчасъ благородное, но всегда произвольное, которое допускаетъ размышленіе лишь при выборѣ средствъ, но отнюдь не цѣли: я говорю, къ счастью для нихъ, но не потому, что хочу восхвалять варварство; подъ этимъ словомъ я подразумѣваю первобытную мощь, которая лишь одна у народовъ можетъ замѣнить силу гражданской свободы.

Я встрѣтила въ Москвѣ людей просвѣщенныхъ какъ въ наукахъ, такъ и въ литературѣ; но здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, почти все профессорскія кафедры заняты Нѣмцами. Во всехъ областяхъ Русской жизни чувствуется недостатокъ въ людяхъ свѣдущихъ. Большинство

*) Т. е. въ Сокольникахъ. П. Б.

молодыхъ людей идутъ въ университетъ лишь для того, чтобы выйти скорѣе на военную службу. Чины гражданской службы соответствуютъ въ Россіи чинамъ военнымъ. Всѣ умы направлены на войну; во всѣхъ другихъ областяхъ, управленія, въ политической экономіи, народномъ просвѣщеніи другіе народы далеко опередили Русскихъ. Однако въ литературѣ Русскіе сдѣлали нѣкоторыя попытки. Мягкость и звучность ихъ языка замѣчаютъ даже тѣ, которые его не понимаютъ: онъ долженъ быть особенно хорошъ въ музыкѣ и поэзіи; но Русскіе, какъ и многіе другіе народы материка пошли по ложному пути, когда стали подражать Французской словесности, которая даже въ достоинствахъ своихъ подходитъ только къ Французамъ. Мнѣ кажется, что Русскіе должны скорѣе черпать образцы словесности у Грековъ, чѣмъ у Римлянъ. Сходство Русскаго писма съ писмомъ Греческимъ, древнія сношенія съ Византійскою имперіей и будущія судьбы Россіи, которыя зовутъ ее, быть можетъ, въ Спарту, быть можетъ, въ Аѣны, все должно побуждать Русскихъ изучать Грецію; но главное, необходимо, чтобы ихъ писатели почерпали поэзію изъ тайниковъ своей души. До сихъ поръ ихъ творенія были непрониновенны, а сильная народность никогда не можетъ удовлетвориться такими слабыми приѣмами.

Я покидала Москву съ сожалѣніемъ. Неподдалеку отъ города остановилась я въ лѣсу, куда въ праздничные дни приходитъ народъ поплясать и порадоваться солнышку, блескъ котораго такъ непродолжителенъ, сіяніе котораго видятъ они такъ рѣдко даже въ Москвѣ. А что же дальше, къ Сѣверу? Говорятъ, что по мѣрѣ приближенія къ Архангельску становится все болѣе рѣдкими березовые лѣса, столь утомительные своимъ однообразіемъ; ихъ тщательно оберегаютъ, какъ апельсиновыя деревья во Франціи. Направляясь отъ Москвы къ Петербургу, вы видите кругомъ вначалѣ лишь голый песокъ, а затѣмъ безконечныя болота. Когда идетъ дождь, земля становится черной, и тогда уже не найдете дороги. Но все же и здѣсь избы говорятъ о довольствѣ. Крестьяне украшаютъ свои жилища столбиками, вокругъ оковъ вы видите рѣзныя украшенія изъ дерева. Хотя проѣзжала я лѣтомъ, но вездѣ стоялъ передо мною угрожающій признакъ зимы: казалось, онъ скрывался за тучами. Плоды, которые давали мнѣ, были всѣ жесткіе; ихъ созрѣваніе было искусственно ускорено. На розу смотрѣла я съ грустью; она напоминаетъ мнѣ нашъ родной прекрасный край; а цвѣты, казалось, не поднимали уже такъ горделиво своихъ головокъ, какъ будто чувствовали надъ собою леденящую руку Сѣвера, готовую сорвать и уничтожить ихъ.

Мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Новгородъ. Этотъ городъ, шесть сотъ лѣтъ назадъ, былъ республикой и входилъ въ составъ Ганзейскаго

союза. Новгородцы въ продолженіе многихъ вѣковъ сохранили свой гордый духъ республиканской независимости. Привычно думать, что свобода провозглашена въ Европѣ въ послѣднее столѣтіе; мнѣ же кажется, что она принесла намъ не свободу, а деспотизмъ.

Въ самой Россіи закрѣпощеніе крестьянъ введено было лишь въ шестнадцатомъ вѣкѣ. До царствованія Петра I-го. Государственные указы начинались такими словами: „Царь указалъ и бояре приговорили“. Петръ I-ый сдѣлалъ неоцѣненное благодѣяніе Россіи, но онъ принизилъ значеніе родовитыхъ вельможъ и объединилъ въ своихъ рукахъ свѣтскую и духовную власти: все это дѣлалъ онъ, желая устранить препятствія въ исполненіи его начертаній. Ришелье поступалъ также во Франціи; вотъ почему такъ восхищался имъ Петръ I-ый. Извѣстно, что, увидавъ гробницу Ришелье въ Парижѣ, онъ воскликнулъ: „Великій человекъ, я отдалъ бы половину своей страны, лишь бы научиться у тебя управлять другою“. Въ этомъ случаѣ царь былъ очень скромнень, ибо имѣлъ надъ Ришелье много преимуществъ. Онъ былъ великимъ полководцемъ, и кромѣ того создалъ въ своей странѣ флотъ и насадилъ промышленность, тогда какъ Ришелье былъ лишь тираномъ-правителемъ во внутренней политикѣ и коварнымъ дипломатомъ во вѣшной. Но возвратимся къ Новгороду. Въ 1470 году этимъ городомъ завладѣлъ царь Иванъ Васильевичъ: онъ лишилъ его свободы и приказалъ перевезти въ Московскій Кремль такъ называемый „вѣчевой колоколъ“, звонъ котораго призывалъ гражданъ на площадь, гдѣ они обсуждали свои общія дѣла. Лишившись свободы, Новгородъ сталъ бѣднѣть: его торговля падала и населеніе уменьшалось. Такъ губительно и вредно, говоритъ лучший Русскій историкъ, сказывается на всемъ неограниченный произволь самовластія! Въ настоящее время Новгородъ представляетъ необыкновенно печальную картину. Окружающій его валъ свидѣтельствуетъ, что городъ былъ нѣкогда большимъ и населеннымъ; теперь вы видите лишь разбросанные, рѣдкіе дома, обитатели которыхъ кажутся тѣнями рыдающими надъ могильной плитой. Быть можетъ, тоже зрѣлище представляетъ теперь и Москва. Но народъ отвоевалъ ее; онъ же ее и возродитъ.

Безконечныя болота тянутся отъ Новгорода до Петербурга. Когда подъѣзжаешь къ одному изъ самыхъ красивыхъ городовъ міра, кажется, что невидимый волшебникъ чудотворнымъ мановеніемъ жезла перенесъ сюда на пустынную почву все, что есть прекраснаго въ Европѣ и Азій. Основаніе Петербурга говоритъ намъ о той могучей силѣ Русской воли, которая не знаетъ ничего непреодолимаго. Кругомъ города все низменныя мѣста, и самъ онъ построенъ на болотѣ, и подъ мраморомъ подложены сваи; но, видя величественныя зданія, забываешь

о непрочности ихъ основаній и невольно остановишься въ раздуміи передъ чудомъ, какъ могъ этотъ прекрасный городъ построиться въ такое короткое время. Этотъ народъ, отличается неслыханной настойчивостью въ борьбѣ съ природой и полчищами враговъ. Необходимость дѣлаетъ Русскихъ терпѣливыми и непобѣдимыми, но въ обыкновенной жизни они очень непостоянны.

По приѣздѣ въ Петербургъ первымъ чувствомъ моимъ было желаніе возблагодарить Небо за то, что я нахожусь на берегу моря. Я увидѣла на Невѣ Англійскій флагъ, знакъ свободы, и почувствовала, что могу, поручая себя океану, отдаться подъ непосредственное покровительство Провидѣнія, довѣрившись стихіямъ, а не быть въ зависимости отъ людей, въ особенности же отъ человѣка, который, кажется, пришелъ для возстановленія злыхъ началъ на землѣ.

Противъ дома, въ которомъ я поселилась въ Петербургѣ, находится статуя Петра I-го. Онъ представленъ сидящимъ на конѣ, который, на дыбахъ, взбирается на крутой утесъ посреди змѣй, задерживающихъ его шаги. Правда, змѣи помѣщены тамъ, чтобы поддерживать громадную тяжесть коня и всадника. Но идея памятника мало удачна: въ дѣйствительности государь никогда не боялся зависти, символомъ которой служатъ эти змѣи: пресмыкающіеся не были его врагами, и Петръ I-ый ничего не боялся въ своей жизни, какъ только Русскихъ, которые печалились о старыхъ обычаяхъ страны. Но то обаяніе, которое сохранилось къ его личности, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ благѣ, которое сдѣлалъ онъ для Россіи, ибо сто лѣтъ послѣ своей смерти деспоты уже не имѣютъ льстецовъ. На пьедесталѣ его статуи начертано: „Петру Первому Екатерина Вторая“. Эта простая и тѣмъ не менѣе гордая надпись заслуживаетъ похвалу за свою правдивость. Они двое сумѣли высоко поднять народное сознаніе и внушить народу мысль, что онъ непобѣдимъ; это значитъ уже сдѣлать его таковымъ по крайней мѣрѣ у своего домашняго очага, ибо побѣда есть нѣчто случайное, что зависитъ чаще отъ ошибокъ побѣжденнаго, чѣмъ отъ дарованій побѣдителя.

Въ Петербургѣ, конечно, нельзя сказать о женщинѣ Французскую поговорку: *elle est vieille, comme les rues* *), ибо улицы имѣютъ совершенно новый видъ. Зданія блистаютъ ослѣпительной бѣлизной, а ночью, освѣщаемыя луною, онѣ кажутся громадными бѣлыми привидѣніями, которыя ставъ неподвижно, смотря за теченіемъ Невы. Я не нахожу ничего особенно красиваго въ этой рѣкѣ, но такихъ прозрачныхъ водъ я не видала нигдѣ. Гранитная набережная длиною въ тридцать верстѣ

*) Она стара, какъ улицы.

окаймляетъ ея русло. и величіе этого сооруженія человѣческихъ рукъ достойно хрустальныхъ водъ. которыя оно украшаетъ. Еслибы Петръ I-ый предпринялъ подобныя работы на Югѣ. онъ не получилъ бы того. чего желалъ—флота; но его начинанія на Югѣ болѣе бы отвѣчали духу народа. Русскіе. живущіе въ Петербургѣ. кажутся Южанами. осужденными жить на Сѣверѣ и. выбиваясь изъ силъ. бороться съ климатомъ. который имъ совсѣмъ не привыченъ. Жители Сѣвера. обыкновенно. большіе домоѣды и боятся холода. ибо онъ для нихъ постоянный врагъ. Простонародье въ Россіи совсѣмъ иныхъ привычекъ: кучера зимою ждутъ по десяти часовъ близъ воротъ и не жалуются; они ложатся на снѣгъ подъ повозки и ведутъ образъ жизни Неаполитанскихъ ѣбдяковъ на шестидесятомъ градусѣ географической широты. Вы видите ихъ расположившимися на ступеняхъ лѣстницъ. какъ Нѣмцы на своихъ перинахъ. Иной разъ они спятъ стоя. прислонившись къ стѣнѣ головою. То безпечные. то пылкіе. они предаются съ одинаковой страстностью и сну. и неутомимымъ трудамъ. Многіе изъ нихъ большіе пьяницы и тѣмъ отличаются отъ жителей Юга. которые очень трезвы. Но и Русскіе бываютъ трезвы. когда требуютъ этого трудныя обстоятельства войны. Русскіе вельможи тоже Южане по своимъ привычкамъ. Надо посмотрѣть на ихъ дачи. построенныя на острову. образуемомъ Невой. въ обводѣ самого Петербурга. Южныя растенія. благовопія Востока. Азіатскіе диваны украшаютъ ихъ жилища. Огромныя оранжереи. гдѣ зрѣютъ плоды всѣхъ странъ. создаютъ искусственный климатъ. Обладатели этихъ дворцовъ стараются уловить каждый лучъ солнца. пока оно видно на горизонтѣ. Они радуются ему. какъ другу. который скоро уйдетъ отъ нихъ. но котораго знали они нѣкогда въ какой-то болѣе счастливой странѣ.

На другой день моего пріѣзда я отправилась на обѣдъ къ одному изъ купцовъ. особенно уважаемыхъ въ городѣ. Онъ славился Русскимъ гостепріимствомъ и всякій разъ. когда обѣдалъ у себя. вывѣшивалъ надъ домомъ флагъ. и этимъ приглашалъ къ себѣ друзей своихъ. Обѣдъ былъ устроенъ на открытомъ воздухѣ. всѣ наслаждались прощальными днями уходящаго лѣта. а подобные дни на Югѣ Европы даже не называли бы лѣтними. Садъ былъ очень живописенъ. его украшали цвѣты и деревья. но уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома начинались пустыни и болото. Природа окрестностей Петербурга представляется мнѣ вѣчнымъ непріятелемъ. который захватываетъ свои права. какъ только человекъ перестаетъ съ нимъ бороться.

На слѣдующее утро я пошла въ церковь Казанской Божіей Матери. построенную Павломъ I по образцу собора Св. Петра въ Римѣ. Внутренность церкви. украшенная многочисленными мраморными ко-

лоннами, необычайно красива; само же зданіе мнѣ не нравится, и именно потому, что напоминаетъ храмъ Святого Петра, но отличается отъ него тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше старались подражать ему. Развѣ можно въ два года выполнить то, что стоило цѣлаго столѣтія лучшимъ художникамъ міра? Русскіе затѣмъ предпочли скоростью наверстать время, какъ и пространство: но время сохраняетъ только то, что оно создало, а произведенія искусства, которыя, казалось бы, создаются вдохновеніемъ, требуютъ вдумчивой и долговременной обработки.

Изъ храма Казанской Божіей Матери я направилась въ Александро-Невскую лавру, посвященную одному изъ доблестныхъ Русскихъ князей, который своими завоеваніями продвинулъ границы Россіи до береговъ Невы. Императрица Елисавета, дочь Петра I-го, перенесла мощи святого въ серебряную раку, на которую богомольцы имѣютъ обыкновеніе класть монету, когда просятъ о чемъ либо святого. Въ Александро-Невской лаврѣ находится гробница Суворова, и памятникъ украшенъ лишь его именемъ. Покойному большаго не надо; но Русскіе не должны довольствоваться этимъ въ увѣковѣченіи памяти человѣка, оказавшаго Россіи столько услугъ. Впрочемъ этотъ народъ столь воинствененъ, что геройскіе подвиги удивляютъ его гораздо менѣе, чѣмъ могли бы удивить другихъ. На кладбищѣ Александро-Невской лавры многіе знатные люди воздвигаютъ памятники своимъ предкамъ, но ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не выдѣляется ни красотой художественнаго выполненія, ни величіемъ творческаго замысла. Правда, смерть не производитъ на Русскихъ особенно сильнаго впечатлѣнія, и быть можетъ причиною тому бодрое настроеніе Русскихъ, быть можетъ ихъ невосстоянство; но долговременная печаль не въ Рускомъ характерѣ. Они болѣе склонны къ суевѣрію, чѣмъ глубокому благочестивому чувству: суевѣріе связано съ условіями земной жизни, а вѣра съ загробной: суевѣріе основано на сознаніи неизбѣжности судьбы, вѣра на добродѣтели.

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Румянцовъ былъ со мною чрезвычайно любезенъ: къ сожалѣнію, онъ былъ такимъ же въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ и поддерживалъ его континентальную систему, тогда какъ было бы гораздо лучше, если бы, слѣдуя Англійскимъ министрамъ, отказался отъ нея; какъ только она была нарушена. Безъ сомнѣнія, въ странѣ съ неограниченной властью монарха воля Государя направляетъ все, но санъ перваго министра требуетъ, чтобы одни и тѣже уста не произносили противорѣчивыхъ словъ. Воля государя есть воля всей страны; страна же можетъ мѣнять политику, когда этого требуютъ обстоятельства. Въ лицѣ министра представлено лишь единичное мнѣніе, и оно должно быть одинаково

въ столь важныхъ дѣлахъ въ теченіе всей его жизни. Нельзя себѣ представить человѣка болѣе изысканныхъ пріемовъ и болѣе любезнаго въ обхожденіи съ иностранцами, какъ Румянцовъ. Я была у него, когда стало извѣстно, что посланникомъ Англіи назначенъ лордъ Тирконнелъ и адмираломъ Бентинкъ; какъ тотъ, такъ и другой личности выдающіяся: это были первые Англичане, возвратившіеся на материкъ, съ котораго были изгнаны властью тирана. Послѣ десяти лѣтъ ожесточенной борьбы, послѣ десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ при всѣхъ успѣхахъ и неудачахъ Англичане оставались вѣрны главному правилу своей политики, безусловной добросовѣстности, послѣ этихъ десяти лѣтъ они, наконецъ, возвратились въ страну, которая прежде всѣхъ другихъ сбросила ненавистное иго всемірной монархіи. Ихъ выговоръ, ихъ простота, ихъ гордость обнаруживали въ нихъ людей правдивыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и они знали истинное положеніе дѣлъ, которое Наполеонъ сумѣлъ скрыть отъ людей, читавшихъ лишь его извѣстія и сообщенія его агентовъ. Даже противники Наполеона на материкѣ настолько оцутаны и запуганы распространившейся ложью, что не могутъ уже, какъ мнѣ кажется, довѣряться своему личному мнѣнію: чтò касается меня, то я держалась всегда собственнаго мнѣнія, отбросивъ все совѣты благоразумія и нерѣдко и низости, которыя душатъ всѣхъ въ Бонапартовской системѣ. Мое происхожденіе не позволяло бы мнѣ отказаться отъ этого, но мой разумъ не всегда былъ бы въ силѣ защищать себя отъ столькихъ софизмовъ. Поэтому я съ душевнымъ возненіемъ опять слушала голосъ Англіи, съ которой почти всегда можно жить въ согласіи, когда желаешь заслужить уваженіе честныхъ людей и своей личности.

На другой день графъ Орловъ *) пригласилъ меня на островъ, названный въ честь его Орловскимъ. Этотъ островъ самый живописный изъ всѣхъ, которые образуетъ Нева. Садъ украшенъ тѣнистыми дубами, столь рѣдкими въ этой странѣ. Графъ и графиня Орловы не жалѣютъ средствъ для пріема иностранцевъ, которые находятъ у нихъ и предупредительность, и пышность. Въ ихъ домѣ чувствуешь себя покойно, какъ въ тихомъ сельскомъ пристанищѣ, въ которомъ однако пользуешься всѣми удобствами и роскошью городской жизни. Графъ Орловъ является представителемъ просвѣщенныхъ Русскихъ вельможъ, и его любовь къ роднѣ тронула меня глубинной своей. Въ первый разъ я была у него въ день объявленія мира съ Англіей. Это было въ Воскресенье; въ его саду, открытомъ въ этотъ день для гуляющихъ, мы видѣли много Русскихъ торговцевъ. Они носятъ длинныя бороды и одѣваются

*) Графъ Григорій Владимировичъ. П. Б.

какъ мужики, то есть простые крестьяне. Гуляющіе собрались на островъ, чтобы послушать чудную музыку графа Орлова; музыканты исполнили Англійскій гимнъ *God save the King*, эту пѣснь свободы поетъ страна, которая считаетъ монарха главнымъ ея хранителемъ. Мы были растроганы и отъ души рукоплескали этому гимну, который долженъ стать роднымъ для всѣхъ Европейцевъ. Европейцы должны или служить тираніи, или ненавидѣть ее. Графъ Орловъ подошелъ къ кущамъ и объявилъ имъ, что сегодня празднуется миръ Россіи съ Англіей. Услышавъ это, они перекрестились и возблагодарили Бога за то, что море вновь открыто для нихъ. Орловскій островъ находится въ серединѣ другихъ острововъ, на которые лѣтомъ переѣзжаютъ Петербургскіе вельможи и даже Государь съ Государыней. Неподалеку находится Строгоновскій островъ; богатый владѣлецъ его выписалъ изъ Греціи очень много цѣнныхъ предметовъ древности. Двери его дома всегда были гостепримио открыты, и туда могъ идти каждый, кто былъ представленъ хозяину: онъ не назначалъ званыхъ обѣдовъ или ужиновъ, но радушно встрѣчалъ всѣхъ, кто хоть разъ былъ принятъ въ его домъ. Часто онъ не зналъ и половины тѣхъ лицъ, которыя у него обѣдали; но ему нравились пышность гостепримства, какъ нравились всякій блескъ роскоши. Подобные обычаи гостепримства приняты во многихъ Петербургскихъ домахъ, а потому вполне понятно, что вы не найдете здѣсь тѣхъ оживленныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ Французы. Общество слишкомъ многочисленно, чтобы могла завязаться постоянная и общая бесѣда. Всѣ люди высшаго свѣта отличаются изысканными приемами, но они недостаточно образованы; среди людей, близкихъ ко двору и чувствующихъ на себѣ давленіе власти, нѣтъ взаимнаго довѣрія, и они не могутъ понять прелести умышленнаго общенія.

Речь многихъ Русскихъ вельможъ блистаетъ изяществомъ и благородствомъ, такъ что въ началѣ составишь себѣ ложное представленіе объ умѣ и образованности своего собесѣдника. Начало почти всегда блестяще: вашъ собесѣдникъ, будь онъ мужчина или женщина, поражаетъ васъ своимъ умомъ, но часто дѣло не идетъ дальше блестящаго начала. Русскіе совѣмъ не привыкли быть въ бесѣдѣ задушевными и говорить, что думаютъ. Еще недавно Русскіе такъ боялись своихъ повелителей, что и теперь не могутъ привыкнуть къ разумной свободѣ, которую старается водворить Александръ.

Нѣкоторые Русскіе дворяне пытались блеснуть на поприщѣ словесности, но просвѣщеніе не такъ еще распространено въ Россіи, чтобы обо всемъ этомъ могло составиться общественное мнѣніе, основанное на мнѣніи каждаго. Русскіе слишкомъ страстны, чтобы любить

отвлеченныя идея; ихъ забавляетъ лишь то что на лицо, и у нихъ не было еще ни времени, ни желанія обобщить наблюденія мыслію. Да къ тому же весьма опасно высказываться въ этомъ великосвѣтскомъ, близкомъ ко двору, обществѣ, гдѣ все наблюдаютъ другъ за другомъ, гдѣ такъ часто другъ другу завидуютъ. Молчаніе Востока замѣнили здѣсь слова любезныя, но пустыя и поверхностныя. Эта атмосфера блеска и веселія можетъ плѣнить, но лишь на мгновеніе; она не воспитываетъ челоуѣка, не развиваетъ его дарованій. Люди, которые такъ проводятъ время, не приобрѣтаютъ способности ни къ труду умственному, ни къ другимъ занятіямъ. Совсѣмъ не то встрѣчала я въ Парижскомъ обществѣ. Людей благородныхъ и образованныхъ объединяють бесѣды либо дѣловыя, либо остроумныя.

Царская семья.

Наконецъ мнѣ удалось увидѣть и самого монарха, неограниченнаго въ своей власти ни закономъ, ни обычаями, но умѣряющаго ее своими личными наклонностями. Въ началѣ я была представлена императрицѣ Елисаветѣ, и она показала мнѣ ангеломъ-хранителемъ Россіи. Ея приемы сдержанны, но то, что говоритъ она, полно жизни. Она черпаетъ свои мысли и чувства изъ источника великихъ и благородныхъ мыслей. Я была тронута, слушая ее; меня поразило въ ней нѣчто невыразимое, что отражало не величіе ея сана, но гармонию ея души. Давно не приходилось мнѣ встрѣчать болѣе тѣсное слияніе могущества и добродѣтели. Когда я разговаривала съ императрицей, дверь открылась, и императоръ Александръ удостоилъ меня чести бесѣдовать съ собою. Первое, что особенно изумило меня въ немъ, это выраженіе необычайной доброты и величія, которыми озарено его лицо: эти два качества казались нераздѣльны въ немъ. Въ первыхъ же словахъ, сказанныхъ мнѣ, тронула меня благородная простота, съ которой подходилъ онъ къ великимъ вопросамъ, волновавшимъ Европу. Я всегда считала признакомъ посредственности боязнь говорить о важныхъ вопросахъ, боязнь, которая свойственна почти всѣмъ государямъ Европы. Александръ, наоборотъ, бесѣдовалъ со мною такъ, какъ сдѣлали бы это государственные люди Англіи, которые видятъ силу въ самихъ себѣ, а не въ цѣпи загражденій, которыми можно себя окружить. Александръ, достоинства котораго умышленно не признавалъ Наполеонъ, челоуѣкъ выдающагося ума и рѣдкой образованности, и я не думаю, чтобы онъ могъ найти въ государствѣ министра, болѣе нежеди онъ самъ способнаго разбираться въ дѣлахъ и направлять ихъ къ цѣли.

Онъ не скрылъ отъ меня, что сожалѣеть о восторгахъ, которые возбуждали въ немъ Наполеонъ. Дѣдъ Александра чувствовалъ подобное преклоненіе передъ личностью Фридриха Второго. Подобныя увлеченія необыкновенными личностями основываются всегда на какомъ нибудь благородномъ чувствѣ, но имъ присущи заблужденія и ошибки. Александръ съ рѣдкой проникательностью обрисовалъ впечатлѣніе, какое произвели на него бесѣды съ Бонапартомъ, когда тотъ высказывалъ свои рѣзкія мысли, какъ будто всѣ должны поражаться каждою изъ нихъ вопреки ихъ рѣзкости. Онъ рассказалъ мнѣ о Макиавелистическомъ наставленіи, которое Наполеонъ счелъ нужнымъ преподать ему. „Видите“, говорилъ онъ Александру, „я стараюсь всегда поссорить моихъ министровъ и генераловъ для того, чтобы каждый открывалъ мнѣ недостатки и ошибки своего соперника. Я поддерживаю постоянное соревнованіе своимъ обращеніемъ съ людьми, которые меня окружаютъ: одинъ день отдаю предпочтеніе одному, другой—другому, и никто никогда не можетъ быть увѣренъ въ моей благосклонности“. Какая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ порочная теорія! Вдругъ придетъ человекъ, который станетъ выше его и покажетъ всю бесполезность подобной системы. Святое дѣло правственности состоитъ въ томъ, что она блестяще содѣйствуетъ великимъ успѣхамъ въ нашемъ мѣрѣ. Тотъ, кто создаетъ всю святость дѣла, тотъ съ радостью принесетъ ему въ жертву всѣ свои временные успѣхи: а гордецы, которые въ порокахъ своей души видятъ величіе мысли, должны знать, что если безнравственность и блистаетъ иногда остроуміемъ, то истинное величіе и гениальность—лишь въ добродѣтели. Увѣренная въ чистосердечности Александра въ его сношеніяхъ съ Наполеономъ, я въ тоже время была убѣждена, что онъ не послѣдуетъ примѣру несчастныхъ государей Германіи и не заключитъ мира съ врагомъ властителей и народовъ. Душа благородная не можетъ дважды обмануться въ одномъ человекѣ. Довѣряется и разочаровывается Александръ не сразу; онъ относится къ такимъ переменамъ, немного подумавъ. Молодость и высшія преимущества Государя наводили на подозрѣніе о легкомысліи его характера; но онъ вдумчивъ, какъ человекъ, испытавшій несчастіе. Въ разговорѣ со мной Александръ выразилъ сожалѣніе, что онъ не полководецъ. На эту благородную скромность я замѣтила, что труднѣе быть государемъ, чѣмъ генераломъ, а поддерживать своимъ примѣромъ общественный духъ своего народа—значитъ выиграть главное сраженіе и одержать побѣду, которой еще не было равной. Императоръ съ восторгомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и объ его великой будущности. Онъ сказалъ мнѣ о своемъ желаніи (которое признаетъ за нимъ весь мѣръ) улучшить положеніе крестьянъ, еще закованныхъ цѣпями

рабства: „Государь, сказала я, въ вашемъ характерѣ есть залогъ конституціи для вашего государства, и ваша совѣсть тому порукой“. — „Если бы это было такъ, то я не былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ счастливой случайностью“. Прекрасныя слова и, думаю, въ своемъ родѣ первыя, произнесенныя государемъ съ неограниченной властью. Сколько доблести нужно, чтобы судить о деспотизмѣ, будучи самому деспотомъ, сколько доблести, чтобы никогда не злоупотреблять имъ, когда управляемый народъ удивляется и рѣдкой умѣренности власти. Въ Петербургѣ высокопоставленные господа менѣе свободолюбивы въ своихъ началахъ, чѣмъ самъ государь. Привыкшіе къ неограниченному господству надъ своими крестьянами, они хотятъ, чтобы монархъ такъ же былъ всемогущъ для того, чтобы поддерживать іерархію деспотизма. Сословія городского или буржуазіи еще не существуетъ въ Россіи, но она начинаетъ уже развиваться: сыновья священниковъ, купцовъ, нѣкоторые крестьяне, получившіе свободу отъ своихъ господъ, чтобы поступить въ артисты, могутъ считаться зачатками третьяго сословія въ государствѣ. При томъ Русская знать не похожа на знать Германіи или Франціи: въ Россіи считаешься знатнымъ, когда достигнешь военного чина. Безъ сомнѣнія, знатныя семейства, каковы Нарышкины, Долгорукіе, Голицыны и др. всегда будутъ занимать первыя мѣста въ государствѣ: однако вѣрно и то, что аристократическія привилегіи имѣютъ люди, которые по волѣ государя вдругъ сдѣлались знатными, и изъ-за честолюбія гражданъ стремятся къ тому, чтобы ихъ сыновья достигли офицерскихъ чиновъ и числились состоящими въ классѣ привилегированныхъ. Потому и воспитаніе кончается на пятнадцатомъ году: все снѣшать поступить въ военное сословіе, во что бы ни стало, о прочемъ же заботы нѣтъ. Конечно, не время теперь осуждать порядокъ вещей въ странѣ, выступившей на непріятеля. Въ болѣе спокойное время можно было бы открыто сказать истину, что у націи много мощи и величія, но у нея нѣтъ порядка, не распространено просвѣщеніе. Это замѣтно и въ общемъ ходѣ управленія и въ дѣйствіи отдѣльныхъ лицъ. Петръ I, причисляя Россію къ Европейскимъ державамъ, безъ сомнѣнія придалъ ей много добра: но за то онъ утвердилъ въ ней деспотизмъ, подготовленный его отцомъ. Но Екатерина II, не будучи сторонницей неограниченной власти, нѣсколько ослабила ея тяготу. Если бы политическія условія водворили миръ въ Европѣ, и если сѣятель зла не тревожилъ бы народы, то Александръ посвятилъ бы все заботы свои улучшенію благосостоянія своей страны, и онъ обдумалъ бы законы, могущіе обезпечить странѣ благосостояніе. Только отъ него можетъ ждать себѣ блага Россія.

Отъ императора я направилась къ его уважаемой матери. Никакая клевета не могла пробудить къ ней чувства неблагожелательнаго отъ ея супруга, ея дѣтей или отъ несчастныхъ семействъ, которымъ она покровительствовала. Я ниже расскажу, какъ она править своимъ царствомъ благотворительности, которое создала она въ всемогущемъ царствѣ своего сына. Она живетъ въ Таврическомъ дворцѣ, и ходъ въ ея покои идетъ черезъ залу, построенную Потемкинымъ. Зала эта поражаетъ своей огромностью. Часть ея занята зимнимъ садомъ: видишь растенія и деревья изъ-за колоннъ, окружающихъ центръ. Въ этомъ жилищѣ все исполненскихъ размѣровъ. Замыслы князя были широки и причудливы. Потемкинъ строилъ города лишь для того, чтобы императрица ихъ видѣла во время своего путешествія, приказывалъ штурмовать крѣпость, чтобы понравиться красивой княгинѣ Долгорукой, не удостоившей его своего вниманія. Любовь къ отечеству послѣ любви къ Богу есть одно изъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ, испытываемыхъ человѣкомъ. Только родина должна сильно отличаться отъ другихъ странъ, окружающихъ ее, чтобы внушить къ себѣ глубокую привязанность. Народы, сливающіеся другъ съ другомъ своими особенностями или такіе, которыхъ исторія раздѣлила на нѣсколько областей, не преданы съ истинной любовью условному союзу, которому они дали имя родины.

Я провела день на дачѣ камергера двора Нарышкина, человѣка любезнаго, общительнаго и вѣжливаго, но большаго любителя всякихъ празднествъ: по нему можно составить себѣ понятіе о меремѣнчивости вкусовъ, обнаруживающей недостатки и свойства Русскихъ. Домъ Нарышкина всегда открытъ; когда у него на дачѣ соберется не болѣе двадцати человѣкъ гостей, онъ скучаетъ въ подобномъ философскомъ уединеніи. Учтивый къ иностранцамъ, всегда суетливый и тѣмъ не менѣе не забывающій какъ должно вести себя при дворѣ; ищущій нищи для своего воображенія и находящій ее лишь въ вещахъ, а не въ книгахъ; вездѣ нетерпѣливый, только не при дворѣ, остроумный, когда ему это выгодно, склонный скорѣе къ роскоши, чѣмъ властолюбивый, стремящійся во всемъ къ извѣстному Азіатскому величію, въ которомъ богатство и положеніе предпочитаются личнымъ достоинствамъ. Его дача такъ пріятна, какъ можетъ быть пріятна природа, созданная рукою человѣка: всѣ ея окрестности безводны и болотисты: это имѣніе точно оазисъ. Взойдя на террасу, видишь Финскій заливъ, и въ дали на берегу виднѣется дворецъ, построенный Петромъ I-ымъ; разстояніе отдѣляющее море отъ дворца почти вездѣлано, и лишь паркъ Нарышкина восхищаетъ взоры. Мы обѣдали въ домѣ Молдавьянъ, то есть въ залѣ, построенной во вкусъ этого народа; она была приспособлена для защиты отъ солнца, предусмотрительность почти

излишная въ Россіи. И здѣсь кажется, что живешь у народа, лишь случайно поселившагося на Сѣверѣ; Русскіе во многомъ придерживаются обычаевъ Юга, какъ будто намѣрены въ Петербургѣ водворить климатъ своей древней родины. Столъ былъ уставленъ плодами всѣхъ странъ, сообразно восточному обычаю выставляя на видъ лишь плоды, въ то время какъ толпа слугителей обносила каждаго изъ гостей мясомъ и зеленью. Мы слушали музыку рѣдкаго и извѣстнаго въ Россіи оркестра. Состоялъ онъ болѣе чѣмъ изъ двадцати музыкантовъ, и каждому изъ нихъ назначено брать особую ноту: по названію этой ноты даютъ клычку и самому музыканту. Такъ, напримѣръ, когда проходитъ одинъ изъ нихъ, говорятъ: „вотъ это соль“, другой—вотъ это „ми“ или „ре“ Нарышкина. Исполненіе оркестра отличалось постепеннымъ *crescendo*. Эту музыку кто-то называлъ „живымъ органомъ“. Подобнаго рода игра производитъ хорошее впечатлѣніе, но не на близкомъ разстояніи; точность и чистота гармоніи возбуждаютъ самыя возвышенныя чувства, но подойдя ближе къ этимъ жалкимъ исполнителямъ, слыша одни трубные звуки, не выражающіе никакихъ душевныхъ настроеній, получаешь разочарованіе. Непріятно видѣть, какъ изящное искусство сводится къ искусству механическому и художественное произведеніе разучивается черезъ механическія же упражненія. Затѣмъ жители Украины, въ красныхъ одѣянїяхъ, стали пѣть мелодичныя народныя пѣсни. И были тѣ пѣсни, то радостныя, то грустныя: онѣ иногда рѣзко обрываются, какъ будто воображеніе этого народа не въ силахъ закончить то, что ему нравилось съ начала, или задерживать прелесть именно въ минуту, когда она наиболѣе властно и сильно дѣйствуетъ, подобно тому, какъ султанша въ „Тысячѣ и одной ночи“ прерываетъ разсказъ, когда вниманіе наиболѣе возбуждено.

Во время этихъ разнообразныхъ увеселеній вельможный Нарышкинъ предложилъ провозгласить здравіцу за успѣхъ объединеннаго оружія Русскихъ и Англичанъ, и въ это время далъ знакъ своей артиллеріи, почти столь же громкой, какъ артиллерія любого Государя. Восторгъ объялъ всѣхъ гостей, меня же душили слезы. Недоставало еще, чтобы чужой властелинъ заставилъ меня желать пораженія Французамъ! Я тогда сказала въ отвѣтъ, что желаю пораженія тому, кто притѣсняетъ какъ Французовъ, такъ и Европу, и его паденіе для истинныхъ Французовъ будетъ торжествомъ. Англичане, Русскіе и самъ Нарышкинъ выразили одобреніе моимъ чувствамъ, и имя Франціи, нѣкогда подобное имени Армиды, еще разъ было произнесено съ глубокимъ уваженіемъ къ славнымъ рыцарямъ моря и Востока, шедшимъ въ походъ противъ нея.

Калмыки, со сплюсненнымъ лицомъ, воспитываются у Русскихъ господъ, какъ бы для сохраненія типа Татаръ, которыхъ побѣдили Славяне. Въ этомъ дворцѣ Нарышкина бѣгали два-три такихъ полудикихъ Калмыка. Они довольно пріятны въ дѣтствѣ, но съ двадцатилѣтняго возраста теряютъ всю прелесть юности. Упрямые, хотя и рабы, они забавляютъ господъ упрямствомъ, какъ бѣлка бьющаяся о прутья клѣтки. Этотъ образецъ униженной человѣческой породы производитъ тяжелое впечатлѣніе; мнѣ казалось, что я ясно видѣла посреди всей пышной роскоши, до чего можетъ быть доведенъ человѣкъ, не имѣющій ни религіи, ни закона, и это служило укоромъ всей горделивой пышности.

На долгушахъ, запряженныхъ отличными лошадьми, доставили насъ послѣ обѣда въ паркъ. Дѣло было въ концѣ Августа, когда небо блѣднѣло, и зелень лужаекъ поддерживалась искусственно уходомъ садовника. Самые цвѣты были лишь аристократической прихотью, стоившей большихъ затратъ. Не слышно было даже чириканія птичекъ въ лѣсу, онѣ совѣтъ не довѣряли этому короткому лѣту: на лугахъ не видно было скота: ему не могли бы предоставить пастбищемъ растительность, стоившую столько же заботъ. Вода текла съ помощью машинъ, направлявшихъ ее по саду, гдѣ вся эта природа походила на праздничную декорацию, которую убираютъ прочь съ уходомъ зрителей. Наши коляски остановились передъ садовымъ сараемъ, представляющимъ цѣлый Татарскій станъ: здѣсь мы опять услышали музыку; трескъ и грохотъ трубъ и кимваловъ ошеломляющимъ образомъ дѣйствовали на слухъ. Для того, чтобы не слышать его, устроили нѣчто подобное зимнему катанію на саняхъ, быстрота котораго такъ забавляетъ Русскихъ; катались на лодкахъ съ высокой деревянной горы со скоростью молніи. Эта игра восхищала какъ женщинъ, такъ и мужчинъ и доставляла намъ нѣкоторое ощущеніе войны отъ необыкновенной скорости въ виду опасности. Такъ они проводили время почти ежедневно. Это былъ какой-то сплошной праздникъ. Подобное времяпровожденіе у большинства Петербургской знати. У нихъ, какъ видно, не можетъ быть рѣчи о какомъ нибудь собесѣдованіи, и польза ученія въ такомъ обществѣ незамѣтна; когда захотятъ собрать большое общество, такія развлеченія представляютъ единственный способъ разогнать скуку, которую всегда наводитъ многолюдная салонная толпа. Можетъ ли быть среди всего этого шума любовь? спросили бы Итальянки, которыя идутъ въ общество лишь для того, чтобы видѣть человѣка, которымъ онѣ хотятъ быть любимы. Я провела слишкомъ мало времени въ Петербургѣ и не могу составить себѣ правильнаго понятія о томъ, чѣмъ держится Русская семья; однако

мнѣ казалось, что съ одной стороны въ нихъ было больше семейныхъ добродѣтелей, чѣмъ могъ бы кто сказать: но съ другой стороны, сентиментальная любовь у нихъ большая рѣдкость. Обычаи Азіи, которые попадаютъ на каждомъ шагу, ведутъ къ тому, что женщины совсѣмъ не вмѣшиваются въ дѣла хозяйства: мужъ управляетъ всѣмъ, а жена только занимается нарядами и принимаетъ гостей по приглашенію. Нравственность въ Петербургѣ теперь гораздо выше, чѣмъ она была при прежнихъ правителяхъ и правительницахъ, которые своимъ поведеніемъ давали дурной примѣръ: двѣ нынѣшнія императрицы заставили любить добродѣтели, которыхъ онѣ сами служатъ образцомъ. Но всетаки законы нравственности не совсѣмъ прочно водворились къ умахъ Русскихъ. Власть повелителя у нихъ столь сильна, что при переходѣ отъ одного царствованія къ другому всѣ взгляды на вещи могутъ подвергнуться коренному измѣненію. Русскіе, мужчины и женщины обыкновенно вносятъ въ любовь свойственную имъ пылкость: но по непостоянству характера они легко измѣняютъ. Подобная неустойчивость ихъ мысли дѣлаетъ счастье для нихъ непродолжительнымъ. Усовершенствованіе духа поэзіей и искусствами весьма рѣдкое явленіе у Русскихъ, и при характерахъ необузданныхъ и пылкихъ любовь есть скорѣе прихоть и вредъ, нежели глубокое разумное чувство. Высшее общество въ Россіи представляетъ какой-то непрерывный круговоротъ: деспотическое правительство развило крайнюю осторожность такъ, что Русскіе обходятъ предметы, могущіе имѣть какія-либо послѣдствія. Такая замкнутость и скрытность при смѣнѣ правительствъ была имъ необходима, и ей объясняется недостатокъ правдивости, въ которомъ обвиняютъ Русскихъ. Утонченность цивилизаціи искажаетъ во всякой странѣ прямоту характера; но когда государь имѣетъ неограниченное право высылать, заключать въ тюрьму и ссылатъ въ Сибирь и т. д., его могущество становится непосильнымъ для человѣка. Можно быть достаточно гордымъ, чтобы пренебрегать благосклонностью, но, чтобы выносить страшныя преслѣдованія, для этого нуженъ героизмъ, а героизмъ свойственъ немногимъ.

Ни одно изъ этихъ сужденій, конечно, не относится къ современному правительству, ибо его верховный вождь въ высшей степени справедливъ, какъ императоръ и особенно великодушенъ, какъ человѣкъ. Но подданные все еще находятся въ состояніи рабства, которое самъ государь давно уже рѣшилъ устранить. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе этой войны можно было замѣтить, какія добродѣтели выказали Русскіе даже изъ круга придворныхъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ въ обществѣ почти не видно было молодыхъ людей—всѣ ушли въ армію: женатые, единственные сыновья, господа, владѣльцы огром-

наго состоянія служили простыми добровольцами и при видѣ опустошенной страны и своихъ имѣній они не падали духомъ, но воодушевлялись побужденіемъ отомстить и не сдаваться непріятелю. Такія качества спасаютъ народъ отъ беспорядковъ, злоупотребленій и несправедливости, которую причинили ему плохое управленіе, недавняя цивилизація и деспотическія учрежденія.

*

Мы отправились посмотреть кабинетъ естественныхъ наукъ, замѣчательный Сибирскими произведеніями. Мѣха этой страны заманили Русскихъ, какъ Испанцевъ золотые рудники Мексики. Было время въ Россіи, когда размѣнной монетой еще служили мѣха куницы и бѣлокъ: столь велика была потребность въ защитѣ на зимнее время. Самое замѣчательное въ Петербургскомъ университетѣ—это богатая коллекція костей допотопныхъ животныхъ и особенно остатки исполинскаго мамонта, найденнаго почти нетронутымъ въ Сибирскихъ льдахъ. По геологическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что исторія міра гораздо древнѣе, чѣмъ намъ онъ извѣстенъ. Мысль о безконечности всегда заставляеть содрогаться. Жители и даже животныя этихъ крайнихъ предѣловъ обитаемаго міра какъ будто обдають холодомъ, которымъ дышетъ вся природа на много миль отъ ихъ страны, и цвѣтъ шерсти животныхъ бѣлый, какъ снѣгъ, земля такъ какъ будто теряется во льдахъ, и мгла приостанавливаетъ растительную жизнь. Меня удивилъ видъ жителей Камчатки, которыхъ такъ неуклюже изобразили въ Петербургскомъ музее. Священники той страны, называемые шаманами, въкотораго рода гадатели: они носятъ у себя подъ кафтаномъ изъ древесной коры (лыка) что-то похожее на стальную сѣтку, къ ней привязано нѣсколько желѣзныхъ пластинокъ, бряцаніе которыхъ при каждомъ движеніи гадателя сильно поражаетъ слухъ. Въ минуты вдохновенія они очень подобны людямъ пораженнымъ нервнымъ припадкомъ, и впечатлѣніе, производимое на внимающихъ, похоже скорѣе на колдовство, нежели на силу духа. Внутренняя жизнь въ этихъ печальныхъ странахъ проявляется только въ страхѣ: сама земля, видимо, отталкиваетъ отъ себя человѣка своими ужасами.

Затѣмъ я была въ крѣпости, посѣтила храмъ, гдѣ находятся гробницы всѣхъ государей послѣ Петра Великаго. Эти гробницы стоятъ, какъ бы въ день похороннаго обряда, но не помѣщены въ склепахъ, такъ что чувствуешь себя весьма близко къ этимъ мертвецамъ *).

*) Петропавловскій соборъ состоитъ въ военномъ вѣдомствѣ. По отношенію къ царскимъ гробницамъ въ военномъ министрѣ Милютинѣ демалогъ переселилъ историка. Бывало, въ соборѣ наглядно предъ посѣтителемъ проходить вся новая Русская исторія.

Павелъ I вступилъ на престолъ. онъ повелѣлъ короновать останки своего отца, который не получалъ этого почета при жизни, и не могъ быть помѣщенъ въ крѣпости. По повелѣнію Павла I-го совершенно былъ вторично обрядъ погребенія его отца и матери Екатерины II. Оба гроба снова были выставлены, четыре камергера стояли на стражѣ у ихъ тѣлъ, какъ будто скончавшихся наканунѣ, и они были помѣщены рядомъ и примирены лишь подъ властью смерти. Въ числѣ государей, унаслѣдовавшихъ деспотическую власть отъ Петра I-го, есть нѣсколько такихъ, которые свергнуты были съ престола кровавымъ заговоромъ. Тѣже придворные, у которыхъ нѣтъ силы характера, чтобы сказать правду своему государю, способны возмущать народъ противъ него; и это притворство и лицемѣріе—неизбѣжные спутники всякой политической революціи; имъ необходимо окружать лестью свою жертву. Однако до чего дошла бы страна, управляемая деспотически, если бы тирану помимо всѣхъ законовъ не угрожалъ князь? Ужасный выборъ, могущій показать, какого рода эти учрежденія, въ которыхъ преступленіе составляетъ противовѣсъ власти.

Поклонившись праху Екатерины II-ой, я отправилась въ ея лѣтнее мѣстопробываніе (Царское Село). Дворецъ и паркъ устроены съ большимъ некусствомъ и великолѣпіемъ. Воздухъ становился уже холоднѣе, хотя было только 1-ое Сентября, и въ это время большимъ несоотвѣтствіемъ были южные цвѣты, обвѣваемые сѣвернымъ вѣтромъ. Всѣ записи, собранныя о Екатеринѣ II-ой, какъ о государынѣ, возбуждаютъ восхищеніе, и я не знаю, не обязаны ли Русскіе больше ей, нежели Петру I-му увѣренностью въ свою непобѣдимость, принесшую имъ столько успѣховъ. Обаяніе женщины умѣряло суровость власти и вело рыцарскую вѣжливость къ побѣдамъ, за которыя ей поклонялись. Екатерина II обладала въ высшей степени здравымъ умомъ правительницы: люди съ бѣльшими дарованіями, казалось, менѣе походили на гениальныхъ; ея высокій умъ внушалъ глубокое уваженіе тѣмъ Русскимъ, которые не довѣряли собственному мышленію и вѣрялись ея мудрому руководительству. Невдалекѣ отъ Царскаго Села находится дворецъ Павла I-го, прелестное зданіе: въ немъ вдовствующая императрица съ дочерью помѣстила лучшія произведенія своего таланта и своего изящнаго вкуса. Они свидѣлствуютъ объ удивительномъ терпѣніи этой матери и ея дочерей, вѣрно хранящихъ семейныя добродѣтели.

Д. А. Милютинъ поручилъ своему обожателю П. П. Аранетову надъ всѣми царскими гробницами устроить одинаковыя бѣломраморныя памятники. Надписи на нихъ выцѣкли и теперь съ грудомъ читаются; а съ Александра Навловича ключи города Парижа сняты и повѣшены такъ высоко, что ихъ не видать. П. Б.

Я увлеклась новыми впечатлѣніями и не знаю, какъ я забыла о войнѣ, отъ которой зависѣла судьба Европы. Я порывалась высказать всему міру тайныя чувства моея души и была вполнѣ увѣрена, что нечего бояться высказывать истины, которыя, признанныя всѣми, могутъ получить силу. Но между тѣмъ неудачи слѣдовали одна за другой, а общество не было о нихъ освѣдомлено. Одинъ остроумный человѣкъ сказалъ, что въ Петербургѣ все скрываютъ, хотя ничто уже не было тайною, а на самомъ дѣлѣ правду уже предчувствовали (но по привычкѣ молчали). Русскіе сановники скрываютъ наравнѣ то, что должно быть извѣстно сегодня, и правду можно узнать лишь случайно. Одинъ иностранецъ открылъ мнѣ, что Смоленскъ уже взятъ, и Москва находится въ величайшей опасности. Мною овладѣло уныніе. Я опасалась, не произойдетъ ли повтореніе печальной исторіи мира Австріи и Пруссіи послѣ покоренія ихъ столицъ. Я боялась, что третій разъ съ успѣхомъ повторится эта исторія. Я не замѣчала народнаго воодушевленія: непостоянство характера у Русскихъ мѣшало мнѣ наблюдать его. Уныніе сковало всѣ чувства, и я не знала, что у людей съ сильной впечатлительностью послѣ этого унынія послѣдуетъ тоже потрясающее возбужденіе. До возбужденія у простого народа царило непонятное равнодушіе; но когда народъ пробудился, перестали существовать для него всѣ преграды и опасности, и онъ не страшась пошелъ впередъ на неровную борьбу съ людьми и стихіями. Я знала, что внутреннее управленіе, какъ военное, такъ и судебное, часто попадало въ руки продажныхъ людей, и что вслѣдствіе растратъ невозможно было составить понятія ни о числѣ войскъ, ни о мѣрахъ принятыхъ для его обезпеченія продовольствіемъ: лѣзь идетъ рука объ руку съ воровствомъ въ этой странѣ, гдѣ такъ мало образованія: среднее сословіе не сохранило простодушія крестьянъ и не приобрѣло великодушія бояръ, никакого общественнаго мнѣнія не создано еще въ новомъ третьемъ сословіи, лишившемся простосердечія народной вѣры. Во взаимныхъ отношеніяхъ было тоже замѣтно, что у начальниковъ арміи замѣчалась зависть. Интересы правителя деспотическаго требуютъ всегда возбуждать соревнованіе между его подданными, и воля одного человѣка властная измѣнить судьбу отдѣльной личности, постоянно возбуждаемая надежды и опасенія естественно поддерживаетъ постоянную зависть и соревнованіе, усугубляемая ненавистью къ иностранцамъ. Генералъ, командовавшій Русскою арміею, Барклай-де-Толли, хотя и рожденный въ Россіи, не былъ вполнѣ Славянскаго происхожденія, и этого достаточно, чтобы мѣшать ему вести Русскихъ къ побѣдѣ: кромѣ того, онъ направлялъ свои блестящія дарованія на лагерную жизнь, на позиціи, на маневры, между тѣмъ какъ главнымъ

боевымъ пріемомъ у Русскихъ считается атака (приступъ). Заставлять отступать, даже по мудрому и разумному требованію, значитъ охлаждать въ нихъ пылъ, въ которомъ состоитъ вся ихъ сила. Поэтому слѣдствіе похода было самое печальное, а замалчиваніе о неудачахъ имѣло еще болѣе ужасныя послѣдствія. Англичане въ своихъ газетахъ сообщаютъ всегда наиболѣе точныя свѣдѣнія о всѣхъ раненыхъ, плѣнныхъ и убитыхъ въ сраженіи. Въ этомъ видна благородная искренность правительства, одинаково правдиваго какъ въ отношеніяхъ къ народу, такъ и къ государю и признающаго за обоими право знать, въ какомъ положеніи находятся общественныя дѣла. Съ глубокой скорбью смотрѣла я на прекрасный городъ Петербургъ, которымъ скоро завладѣетъ непріятель и когда вечеромъ возвращалась съ островъ и видѣла золоченый шпиль на крѣпости, сверкавшій въ воздухѣ подобно огненному лучу, въ то время какъ Нева отражала мраморныя набережныя и окружающіе ее дворцы, я представляла себѣ все эти чудесныя творенія померкнувшими отъ высокомерія властелина, готоваго сказать, подобно сатанѣ на вершинѣ горы: „Царства земныя принадлежатъ мнѣ“. Все прекрасное въ Петербургѣ казалось мнѣ близкимъ къ грядущему разрушенію, и я не могла наслаждаться этой картиной безъ чувства скорби.

Я собралась посмотреть воспитательныя учрежденія, основанныя императрицей, и тамъ еще болѣе, чѣмъ среди дворцовъ росла моя тоска: достаточно было дуновенію Бонапартовской тирании коснуться учреждений, имѣющихъ цѣлью совершенствованіе народа, чтобы ихъ чистота исчезла. Институтъ Святой Екатерины*) состоитъ изъ двухъ домовъ, въ каждомъ изъ нихъ воспитывается по сту пятидесяти дѣвиць дворянскаго и купческаго сословія; ихъ воспитаніемъ руководить сама императрица и доставляетъ имъ все, что можетъ дать богатая семья своимъ дѣтямъ. Порядокъ и изящество замѣчаются даже въ мелочахъ жизни институтской, и въ основу преподаванія изящныхъ искусствъ положены религія и нравственность. Въ Русской женщинѣ много природной граціи, и я, войдя въ залу, гдѣ воспитанницы насъ привѣтствовали, видѣла, сколько учтивости и скромности выразила каждая изъ нихъ въ почтительномъ поклонѣ. Затѣмъ были вызваны дѣвицы, изъ которыхъ каждая отличалась какимъ либо талантомъ, и одна изъ нихъ, зная наизусть отрывки лучшихъ Французскихъ писателей, прочла мнѣ нѣсколько наиболѣе краснорѣчивыхъ страницъ моего отца въ его „Cours de morale religieuse“. Вѣроятно, это нѣжное вниманіе исходило отъ самой императрицы. Я испытала сильное волненіе, когда вдругъ

*) Это Смольный монастырь. П. Б.

услышала слова, столь дорогія моему сердцу. Въ каждой странѣ за предѣлами имперіи Бонапарта грядущее потомство воздастъ справедливость тѣмъ, которые даже въ могилѣ чувствовали удары императорскихъ навітовъ. Всякій разъ передъ обѣдомъ воспитанницы въ институтѣ Святой Екатерины пѣли псалмы хоромъ. Это пріятное и звучное пѣніе возбудило во мнѣ умиленіе и грусть. Какъ отразится война на этихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ? Куда скроются эти голубки передъ побѣдителемъ? Послѣ обѣда дѣвушки собрались въ великолѣпномъ залѣ, гдѣ начали танцовать. Ихъ лица не выдѣлялись красотой, но сами онѣ были необыкновенно граціозны; это дочери Востока, которыхъ христіанство воспитало въ скромности. Сначала онѣ исполняли древній танецъ по мелодіи: „Vive Henri quatre, vive se roi vaillant! (Да здравствуетъ Генрихъ IV, да здравствуетъ сей храбрый король). Сколько прошло дѣтъ съ тѣхъ поръ! Двѣ маленькія дѣвочки съ круглыми личиками закончили балетъ Русскою пляскою: этотъ танецъ порою принимаетъ слишкомъ развязный видъ, но исполняемый дѣтми становится невинною Русскою пляскою. Не нахожу словъ описать, какъ я была очарована талантами дѣвушекъ, взлетѣянныхъ пѣжною заботливостію императрицы.

Подъ покровительствомъ государыни находятся институты глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Съ своей стороны императоръ удѣлялъ много заботъ кадетскому корпусу, директоромъ котораго состоялъ генералъ Клингеръ, человекъ большого ума. Все эти учрежденія приносятъ большую пользу, но въ чемъ ихъ можно упрекнуть—это въ излишней роскоши. Было бы цѣлесообразнѣе учредить подобныя школы по всему государству, обставить ихъ не такими удобствами, но позаботиться, чтобы онѣ распространяли въ народѣ просвѣщеніе. Все въ Россіи начинается съ роскоши, и кровлю строятъ ранѣе основанія. Есть только два большіе города въ Россіи, Петербургъ и Москва, другіе едва заслуживаютъ этого названія; и кромѣ того, они находятся другъ отъ друга на большомъ разстояніи: даже дворцы вельможъ столь удалены одинъ отъ другаго, что ихъ владѣльцы могутъ сообщаться между собою съ трудомъ. Жители разбросаны по всему пространству государства, и одинъ человекъ едва ли можетъ помочь своимъ знаніемъ другому. Крестьяне считаютъ посредствомъ особаго счетнаго прибора: его я видѣла и у служащихъ на почтѣ. Греческіе попы гораздо менѣе образованы, чѣмъ католическіе священники и еще менѣе, чѣмъ протестантскіе пасторы: поэтому духовенство въ Россіи совсѣмъ не способно дѣйствовать на народъ, какъ это мы видимъ въ другихъ странахъ Европы. Связующимъ звеномъ нація служатъ вѣра и любовь къ родинѣ; но нѣтъ у нихъ очага, лучи котораго могли бы разливаться на все

части государства; и объ столицы не въ состояніи еще сообщать провинціямъ пріобрѣтенныя ими знанія по литературѣ и по искусствамъ. Если бы эта страна имѣла возможность пользоваться миромъ, она бы съ успѣхомъ шла по пути преобразованій, начертанныхъ императоромъ Александромъ. Но кто знаетъ, не проявятся ли въ этой войнѣ добродѣтели, вліяніемъ которыхъ возродится народъ. Русскіе до настоящаго времени имѣли даровитыхъ людей лишь на военномъ поприщѣ; во всѣхъ другихъ областяхъ они оказывались лишь подражателями, и книгопечатаніе у нихъ было введено сто двадцать лѣтъ тому назадъ. Другіе Европейскіе народы развивали свои природныя дарованія вліяніемъ пріобрѣтенныхъ знаній; у Русскихъ не наступило время такого развитія. Подобно тому, какъ двѣ рѣки по сліяніи текутъ въ одномъ руслѣ, не смѣшивая своихъ водъ, такъ и природныя дарованія у Русскихъ не проникаются образованіемъ и часто видимъ, какъ одинъ и тотъ же человекъ представляется вамъ то Европейцемъ, живущимъ въ общественномъ укладѣ, то Славяниномъ, дѣйствующимъ подъ вліяніемъ бурныхъ порывовъ. Талантъ появится у нихъ въ искусствахъ, а въ особенности въ литературѣ, когда они найдутъ средство воплотить въ рѣчи свою природу, какъ они ее проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Я видѣла представленіе Русской трагедіи, предметомъ которой было освобожденіе Москвитянъ, когда они отгѣснили Татаръ къ Казани. Смоленскій князь выступалъ въ боярскомъ нарядѣ, и Татарское войско называлось Золотой Ордою. Эта трагедія почти вся была составлена по правиламъ Французскаго драматическаго искусства; ризмъ стиховъ, декламация, постановка сценъ, все было Французское: только одно явленіе составлено было въ Русскомъ духѣ: изображался потрясающій ужасъ молодой дѣвушки передъ проклятіемъ своего отца. Авторитетъ родителей у Русскаго народа почти такъ же силенъ, какъ въ Китаѣ, и поэтому силу народнаго гонія всегда должно искать въ простомъ народѣ. Люди высшаго общества всѣхъ странъ походятъ другъ на друга, и ни одно изъ сословій такъ мало способно доставлять дѣйствующихъ лицъ трагедіи, какъ нашъ высшій свѣтъ. Во всей Русской исторіи одна личность особенно меня занимаетъ, это Иванъ Грозный. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ осаждалъ Новгородъ. Бояре, вида его дрихлымъ, просили его передать начальство надъ войскомъ его сыну. Это предложеніе привело старика къ страшную ярость, и ничто не могло успокоить его: сынъ бросился ему въ ноги, но онъ оттолкнулъ его съ такой силой, что несчастный умеръ на третій день. Отецъ въ отчаяніи сдѣлался равнодушнымъ какъ къ войнѣ, такъ и къ своей власти, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти сына скон-

чался самъ. Это возмущеніе старика-деспота противъ требованія времени—нѣчто великое и торжественное. Передъ вами первобытный человѣкъ, который живетъ лишь инстинктами: чувства эгоизма и дикой ярости смѣняются нѣжными чувствами человѣколюбія.

Въ Россіи существовавалъ законъ, каравшій одинаково за увѣчіе руки, какъ и за убійство. Русскій человѣкъ крѣпокъ своей военной силой; всѣ другіе виды дѣятельности, относящіяся къ образованности, къ дѣятельность на пользу общества и государства, слабо развиты въ Россіи. Но женщины, которыхъ встрѣчала я въ Петербургѣ, казались мнѣ воодушевленными горячею любовью къ родинѣ, въ чемъ заключается главное нравственное могущество государства. Княгиня Долгорукая, баронесса Строганова и многія другія изъ высшаго общества лишились своихъ имѣній отъ разоренія въ Смоленской губерніи, но онѣ не падали духомъ, а поощряли другихъ къ подобнымъ жертвамъ. Княгиня Долгорукая рассказывала мнѣ объ одномъ старикѣ съ длинной бородой, который, сидя на горѣ у города Смоленска, со слезами на глазахъ говорилъ своему сыну, котораго держалъ на колыбеляхъ: „Въ старину, сынъ мой, Русскіе одерживали побѣды въ далекихъ краяхъ Европы, а теперь чужеземцы нападаютъ на нихъ въ ихъ родинѣ“. Эта скорбь старца не была напрасна, и мы скоро увидимъ, чѣмъ искупятся эти слезы.

*

Императоръ покинулъ Петербургъ, и стало извѣстно, что онъ поѣхалъ въ Або, гдѣ долженъ былъ видѣться съ генераломъ Бернадотте, Шведскимъ принцемъ. Тогда не было сомнѣнія, чью сторону принялъ онъ въ нынѣшней войнѣ; отъ этого зависѣло благо Россіи и всей Европы. Мы увидимъ дальше, какое вліяніе имѣло это на ходъ событій. Извѣстіе о вступленіи Французовъ въ Смоленскъ прибыло во время переговоровъ Шведскаго принца съ Русскимъ императоромъ. Здѣсь они обязались никогда не подписывать мира. „Если Петербургъ будетъ взятъ, сказалъ Александръ, отступимъ въ Сибирь. Тамъ я возстановлю древніе обычаи и, по примѣру нашихъ длиннородныхъ предковъ, мы вернемся снова завоевать царство“. „Это рѣшеніе освободитъ Европу“, воскликнулъ Шведскій принцъ. Его предсказаніе начинается исполняться. Второй разъ я видѣла императора Александра по его возвращеніи изъ Або, и бесѣда, въ которой я имѣла честь участвовать, насколько убѣдила меня въ твердости его рѣшенія, что, вопреки занятію Москвы и всей послѣдовавшей тревогѣ, я увѣрена была, что онъ не сдастся никогда. Онъ изволилъ мнѣ сказать, что по взятіи Смоленска маршалъ Бертье писалъ Русскому главнокомандующему относительно нѣкоторыхъ военныхъ дѣлъ, и въ концѣ письма

говорилъ о томъ дружескомъ чувствѣ, которое всегда питалъ Наполеонъ къ императору Александру. Но это было насмѣшкой. Наполеонъ далъ Русскому императору урокъ политики и урокъ войны, допуская въ первомъ наглый обманъ, а во второмъ надменное пренебреженіе; но онъ ошибся въ Александрѣ; онъ принялъ благородство его характера за лесть; онъ не сумѣлъ замѣтить, что увлекался имъ Александръ лишь потому, что считалъ его борцомъ за идеи Французской революціи, которымъ самъ горячо сочувствовалъ; но Александръ никогда не имѣлъ намѣренія войти въ союзъ съ Наполеономъ для порабощенія Европы. Наполеонъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, былъ увѣренъ, что онъ сумѣетъ оселбить человека посредствомъ ложнаго толкованія его собственной пользы, но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: онъ встрѣтился съ совѣстью, нравственной силою, которой онъ не зналъ и съ которой онъ никогда не считался. Русскіе очень уважали своего полководца Барклая-де-Толли, но послѣ неудачъ въ началѣ похода онъ долженъ былъ уступить начальство извѣстному генералу, князю Кутузову. Тотъ прибылъ въ армію за шесть только дней до большого сраженія, даннаго почти у воротъ города (Москвы) при Бородинѣ. Мнѣ довелось видѣть князя наканунѣ его отъѣзда. Это былъ старецъ весьма любезный въ обращеніи; въ его лицѣ было много жизни, хотя онъ лишился одного глаза и получилъ много ранъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ военной службы. Глядя на него, я боялась, что онъ не въ силѣ будетъ бороться съ людьми суровыми и молодыми, устремившимся на Россію со всѣхъ концовъ Европы. Но Русскіе, извѣженные царедворцы въ Петербургѣ, въ войскахъ становятся Татарами, и мы видѣли на Суворовѣ, что ни возрастъ, ни почести не могутъ ослабить ихъ тѣлесную и нравственную энергію. Растроганная покинула я знаменитаго полководца. Не знаю, обняла ли я побѣдителя или мученика, но я видѣла, что онъ понималъ величіе подвига возложеннаго на него. Передъ нимъ стояла задача возстановить добродѣтели, посаженныя христіанствомъ, защитить человеческое достоинство и его независимость: ему предстояло выхватить всѣ эти блага изъ когтей одного человека: ибо Французы, Нѣмцы и Итальянцы, слѣдовавшіе за нимъ, виновны въ преступленіяхъ его полчищъ. Передъ отъѣздомъ Кутузовъ отправился помолиться въ церковь Казанской Божіей Матери, и весь народъ, слѣдовавшій за нимъ, громко называлъ его спасителемъ Россіи. Какія мгновенія для простаго смертнаго! Его годы не позволяли ему надѣяться пережить труды похода; однако въ жизни человека бываюгъ минуты, когда онъ готовъ пожертвовать жизнью во имя духовныхъ благъ.

Увѣренная въ великодушiи и благородствѣ Шведскаго принца, я рѣшилась ѣхать въ Стокгольмъ прежде, чѣмъ отплыть въ Англію. Къ концу Сентября я покинула Петербургъ, чтобы черезъ Финляндію направиться въ Швецію. Мои друзья, съ которыми я сошлась по родству нашихъ душъ, пришли проститься со мною; то были Робертъ Вильсонъ, вездѣ ищущій случая состязаться, своимъ бодрымъ духомъ воодушевляющій друзей; господинъ Штейнъ, человекъ античнаго склада, который живетъ лишь одной надеждой видѣть свое отечество свободнымъ; Испанскій посолъ, Англійскій министръ лордъ Тирконеллъ; остроумный адмиралъ Бентинкъ; Алексій Ноель, единственный Французскій эмигрантъ, бѣжавшій отъ императорской тираніи, единственный вмѣстѣ со мною представитель Франціи; полковникъ Дёрнбергъ, неустранимый Гессенецъ, котораго ничто не можетъ отклонить отъ его цѣли; такъ же много Русскихъ, прославившихся потомъ своими подвигами. Мiровая исторія не знаетъ времени болѣе тревожнаго, чѣмъ то, которое мы переживали; но это хорошо сознавалъ каждый: единственная я, какъ женщина, не была въ опасности, но мнѣ много уже пришлось пережить. Прощаясь съ этими достойными рыцарями чело-вѣчества, я не знала, кого изъ нихъ опять увижу, и вотъ теперь уже не стало двухъ. Когда человѣческія страсти въ безумномъ круговоротѣ поднимаютъ однихъ противъ другихъ, когда народы ожесточенно бросаются другъ на друга, тогда съ горечью сознаешь, съ какими бѣдствіями связана человѣческая судьба; но когда видишь, какъ человекъ, передъ которымъ, подобно Лапонскому идолу, изъ страха зажигаютъ кадило, какъ онъ потоками разливаетъ по всей землѣ ужасныя бѣдствія и несчастія и дѣлаетъ всѣхъ честныхъ людей своими жертвами: тогда испытываешь неслезанный суевѣрный ужасъ.

Въ Финляндіи картина сразу мѣняется; вы видите новую страну, вы имѣете дѣло съ новымъ племенемъ, не-славянскаго происхожденія. Говорятъ, что Финны пришли прямо изъ сѣверной Азіи и что ихъ языкъ не имѣетъ никакого сходства со Шведскимъ языкомъ, среднимъ между Англійскимъ и Нѣмецкимъ. По облику Финны большею частью вида Германскаго: у нихъ свѣтлые волосы, блѣлый цвѣтъ лица, въ которомъ мало жизни, какую видишь на лицѣ у Русскихъ; ихъ нравы гораздо мягче, и простой народъ обладаетъ сознательной честностью, почерпнутой изъ протестанскаго ученія, и чистотой нравовъ. Вы видите, какъ по воскресеніямъ дѣвушки возвращаются отъ проповѣди, верхомъ на коняхъ, а молодые люди идутъ пѣшкомъ за ними. У Финляндскихъ пасторовъ встрѣчаешь гостепримство и радушный пріемъ: они считаютъ своей обязанностью принимать путешественниковъ, какъ членовъ семьи. Въ Финляндіи почти нѣтъ замковъ, ни вѣзможъ, и

пасторъ считается первымъ въ ряду съ остальными жителями страны. Преобладающими и первыми жителями страны являются пастухи. Въ Финской пѣснь дѣвушка обѣщаетъ подарить своему возлюбленному жилище пастуха, если оно ей достанется при раздѣлѣ. Это напоминаетъ изреченіе молодого пастуха-Француза: „Если бы я былъ царемъ, то пасъ бы моихъ овецъ верхомъ на конѣ“. Даже фантазія у нихъ не простирается за предѣлы имъ извѣстнаго. Природа Финляндіи во многомъ отличается отъ природы Россіи: вмѣсто болотъ и равнинъ, окружающихъ Петербургъ, скалы, горы и лѣса; но эти горы однообразны, а лѣса состоятъ только изъ ели и березы. Огромныя глыбы гранита, разбросанныя на поляхъ и по краямъ большихъ дорогъ, придаютъ видъ мощи странѣ; но около этихъ земныхъ гигантовъ мало жизни, и растительность постепенно исчезаетъ по направленію къ Сѣверу. Мы пробѣжали лѣсомъ, который на половину уничтоженъ пожаромъ: сѣверный вѣтеръ, усиливающий пламя, содѣйствуетъ опустошительнымъ пожарамъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Человѣкъ всеми средствами борется съ природой въ этомъ ледяномъ климатѣ. Города въ Финляндіи встрѣчаются рѣдко и тѣ немногочисленны. Они не являются средоточіями общественной жизни, въ нихъ нѣтъ живой дѣятельности: это видите вы въ сѣверныхъ городахъ какъ Шведскихъ, такъ и Русскихъ: на восемь зимнихъ мѣсяцевъ все живое погружается здѣсь въ сонъ.

Императоръ Александръ завладѣлъ Финляндіей по Тильзитскому договору въ то время, когда разстроенныя силы царствовавшего тогда Густава IV не были въ состояніи защищать страну. По своему нравственному облику государь этотъ внушалъ много уваженія, но, какъ и самъ убѣдился съ первыхъ лѣтъ, онъ не былъ въ силахъ держать бразды правленія. Шведы сражались въ Финляндіи съ необыкновенною храбростью, но безъ воинственнаго державнаго вождя малочисленный народъ не могъ одолѣть могущественнаго противника. Александръ сталъ властителемъ Финляндіи въ силу завоеванія и договора; но должно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ благоустроилъ эту новую провинцію и уважаетъ свободу, которою она пользовалась прежде. Онъ предоставилъ Финнамъ всевозможныя льготы въ податяхъ и въ военной повинности и великодушно оказалъ помощь городамъ, пострадавшимъ отъ пожара: его милости восполнили до извѣстной степени то, что потеряли Финляндцы, лишившись свободы; не знаю, всѣ ли свободные люди могутъ согласиться на такого рода обмѣнъ.

Господствующія въ XIX вѣкѣ мысли о естественныхъ границахъ вели Россію къ завоеванію Финляндіи; она нужна была ей, какъ Норвегія Швеціи, и достоверно извѣстно, что вездѣ, гдѣ не существовало естественныхъ границъ, тамъ подымалась изъ-за нихъ война.

Я съѣла на корабль въ Або, столицѣ Финляндіи. Въ этомъ городѣ есть университетъ и замѣтна духовная образованность; но медвѣди и волки такъ близки зимою, что по неволѣ всякій думаетъ лишь о защитѣ своей жизни; на это тратится много времени, которое въ другихъ странахъ посвящено образованію. Эта борьба съ окружающею природою закаляетъ характеръ человѣка и ограждаетъ отъ вредныхъ послѣдствій праздности. А все таки повсюду я грущу и тоскую о Югѣ и яркихъ лучахъ южнаго солнца, съ которымъ сроднилась моя душа. Одни лишь ужасы и привидѣнія вы видите въ мнѣологическихъ преданіяхъ жителей Сѣвера; они передъ вами и ночью, и днемъ: тускляя облака, которая будто зовутъ на землю мертвецовъ подышать холоднымъ могильнымъ воздухомъ, окружающимъ людей живыхъ. Въ этихъ странахъ выступають рѣзко двѣ противоположности: тамъ гдѣ борьба за существованіе наполняетъ всю жизнь, тамъ гдѣ умственная работа легко становится мистической, внѣшній міръ не вдохновляетъ человѣка; онъ живетъ однимъ внутреннимъ міромъ.

Съ тѣхъ поръ какъ императоръ началъ столь жестоко меня преслѣдовать, я лишилась вѣры въ судьбу; но за то больше вѣрю въ Провидѣніе и не ищу земного счастья. Всякій рѣшительный шагъ пугаетъ меня, но я въ изгнаніи, и обстоятельства заставляютъ поступать рѣшительно. Я боялась моря, и меня утѣшали, говоря: сколько людей совершали это путешествіе, и все шло благополучно. Такія рѣчи успокоительно дѣйствовали почти на всѣхъ путешественниковъ; но воображеніе не поддается такимъ утѣшеніямъ, и ему страшна морская пропасть, отъ которой отдѣляетъ тебя слабая снасть корабля. Г. Шлегель *) замѣтилъ мое волненіе передъ отплытіемъ въ Стокгольмъ. Онъ показалъ мнѣ близъ Або тюрьму, гдѣ былъ заключенъ не задолго до своей смерти (въ другой тюрьмѣ близъ Грисегольма) одинъ изъ наиболѣе несчастныхъ королей Швеціи Эрикъ IV. „Если бы вы были тамъ, сказалъ онъ мнѣ, указывая на тюрьму, какъ бы желали вы плыть по этому морю, которое васъ теперь пугаетъ“. Это справедливое сужденіе скоро дало другое направленіе моимъ мыслямъ, и первые дни нашего плаванія были мнѣ даже пріятны. Мы проходили вдоль острововъ. Хотя у самого берега больше опасности, чѣмъ въ открытомъ морѣ, за то не испытываешь того ужаса, который производитъ видъ волнъ, поднимающихся чуть не до облаковъ. Я попросила показать мнѣ землю на горизонтѣ, открывавшемся нашему взору: безконечное возбуждаетъ страхъ, тѣмъ не менѣе оно нравится. Мы про-

*) Этотъ извѣстный Нѣмецкій писатель находился при баронессѣ Сталь и сопровождалъ ее въ ея переѣздахъ. П. Б.

дили мимо острова Аланда, гдѣ вели переговоры о мирѣ послы Петра I-го и Карла XII, опредѣляя границы захваченной ими холодной земли, которую не успѣла еще согрѣть кровь пролитая ихъ подданными. Мы надѣялись прибыть въ Стокгольмъ на слѣдующій день, но противный вѣтеръ заставилъ насъ бросить якорь близъ одного острова, сплошь покрытаго скалами со скудной растительностью. Мы поспѣшили на этотъ островъ, чтобы почувствовать землю подъ ногами. Я всегда была очень склонна къ грусти и, не имѣя возможности заниматься въ это свободное время, повидимому благопріятное научнымъ занятіямъ....

Перевела изъ сочиненія баронессы Сталь „Десять лѣтъ изгнанія (Dix années d'exil) Надежда Ржиго“.

*

Принадлежащая къ лучшимъ людямъ въ исторіи Франціи, своеобразная славная писательница баронесса Сталь, дочь министра финансовъ Неккера, родилась (1766) и умерла (1817) въ Парижѣ. Она имѣла благородство не только не увлекаться Наполеономъ, но на словахъ и перомъ ему противодействовать. Онъ ее преслѣдовалъ въ Германіи (гдѣ одѣжили ее Гёте и Шиллеръ) и въ Швейцаріи, куда она должна была перебраться въ богатое помѣстье свое Коппетъ. Когда книга ея о Германіи была арестована и преслѣдованіе начало постигать и лицъ, у нея собиравшихся, она бѣжала и, проѣхавъ Россію и Швейцарію, спаслась въ Англии. Ей было уже 46 лѣтъ. Съ 1786 г. она была въ супружествѣ со Шведскимъ во Франціи посланникомъ Сталь-Гольштейномъ, въ 1802 году овдовѣла, а черезъ восемь лѣтъ влюбилась въ молодого офицера Рокка, вышла за него за мужъ и скончалась вслѣдъ за нимъ. Сынъ ея баронъ Сталь издалъ въ свѣтъ ея книгу (извлеченіе изъ которой, выше помѣщено) еще въ царствованіе Александра Павловича, въ 1822 году. П. Б.

РЯДОВОЙ СУЧКИНЪ.

(БЫЛЬ).

(Изъ воспоминаній стараго гусара).

Въ 80-хъ годахъ минушаго столѣтїя N-ій драгунскій полкъ не разъ имѣлъ счастье быть командируемъ подъ г. Томашевъ (Петроковской губ.) для охраны лѣсовъ царскаго имѣнїя „Спала“, гдѣ Государь Императоръ Александръ III-й любилъ охотиться, отдыхая отъ державныхъ трудовъ на лонѣ природы, которую онъ такъ любилъ. Государя сопровождала очень небольшая свита, и среди ея почти всегда былъ простой „вейскїй“ (т. е. сельскїй) ксендзъ одной изъ окружающихъ Спалу деревенекъ. Къ нему Александръ III-й отменно благоволилъ. Рассказывали, что Государь первоначально узналъ его совершенно случайно, помнится, на облавѣ, ксендзъ оказался неглупымъ собесѣдникомъ и изряднымъ охотникомъ; самая же главная причина сближенїя, да будетъ позволено такъ выразиться, была, думается, та, что за все время милости ксендзъ ни разу ни о чемъ не попросилъ. Неудивительно, что, когда Государь прибывалъ въ Спалу, этотъ скромный ксендзъ бывалъ чуть-ли не на каждой царской облавѣ.

Столь исключительная для армейской части командировка, конечно, всякаго начальника заставила бы, какъ говорится, пороть горячку: тогдашнїй же командиръ N-аго полка (великїй любитель приказовъ) налегъ на нихъ; и вотъ полковые приказы, одинъ другого длиннѣе, полились какъ изъ рога изобилїя, ежедневно, многочасно и многообразно, и официально, и конфиденціально, и секретно, и даже совершенно секретно и т. д. Кажется, все буквально было предусмотрено: анъ-глядь! пунктикъ и нашелся; пропустили его. Объ этомъ и будетъ рѣчь.

Охраненіе заключалось въ томъ, что всѣ лѣса Спалы день и ночь были окружены цѣпью конныхъ постовъ, коимъ строжайше вмѣнялось въ обязанность, не вступая ни въ какіе разговоры со всѣми проходящими и проезжающими, направлять ихъ на ближайшіе пропускные посты, гдѣ дежурили разные особые административные чины, кои одни и вѣдали, кого и какъ надлежало пропускать.

Коротко, ясно и точно, какъ это въ военномъ дѣлѣ и требуется, никого и ни подъ какимъ видомъ самостоятельно полковымъ постами въ лѣсъ не пропускать. Служба охраны велась, конечно, не только образцово, но педантично-точно и идеально-внимательно; короче говоря — отъ сердца*).

Люди 3-го эскадрона, занимавшаго постами дорогу отъ г. Томашова къ лѣсамъ Спалы, движеніе по коей было сравнительно-бойкое, конечно хорошо принаровились къ пропуску разныхъ лицъ и не шли ни на какія удочки, коими подлавливали ихъ, при провѣркѣ правильности несенія аванпостной службы, рунды и другое всякое начальство... Но всего не предугадаешь! Проруха вышла и даже не малая, грозившая большими непріятностями. Въ одно погожее утро часовой, одного изъ постовъ, рядовой Сучкинъ, издали замѣтивъ ходко ѣхавшій въ лѣсу экипажъ, запряженный по-польски четверткой, выѣхалъ впередъ, навстрѣчу съ крикомъ „чекай“ (остановись); но господинъ, сидѣвшій въ экипажѣ, „вольный“, т. е. штатскій, въ фантастическомъ зеленомъ костюмѣ и въ шляпѣ, съ перомъ цапли, воткнутымъ сзади, приказалъ пріостановившему было лошадей кучеру ѣхать впередъ. Сучкинъ, схвативъ подъ уздцы передовую пару, живо остановилъ лошадей; къ этому времени подскакали и другіе чины поста и преградили путь. На счастье, всю эту суматоху издали замѣтилъ офицеръ, только что смѣнившійся съ постовъ; онъ въ карьеръ подскакалъ и, къ ужасу своему, узрѣлъ въ „вольномъ“ господинѣ лицо весьма высокопоставленное. Приказавъ пропустить экипажъ, офицеръ выслушалъ отъ особы нѣсколько суровыхъ замѣчаній, особливо по поводу того, что ему нижніе чины даже не потрудились отдать установленную воинскую честь.

Сейчасъ же о случившемся дали знать начальству, которое не замедлило явиться. Бѣднаго Сучкина замучили допросами и болѣе

*) Въ то время, какъ увѣренъ я и теперь, въ кавалеріи не знали ни усталости, ни переутомленія; не знали, подъ командой незабвеннаго І. В. Гурко, и вкуса лимонадовъ и монпасе и пр. атрибутовъ печальной памяти разрухи 1905 года.

всего напирали: какъ это онъ даже чести-то не отдасть, что Сучкинъ резонно отпарировалъ, удостовѣряя, что это было никакъ невозможно. такъ какъ на посту полагается часовому не спать, не дремать и лишъ господамъ офицерамъ честь отдавать, а не штатскимъ въ вольномъ платьѣ.

Въ тотъ же день командиръ полка былъ удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу въ Спалу, и Государь, которому задержанное лицо¹⁾ пожаловалось и просило примѣрнаго взысканія съ виновныхъ (помилуйте, вы подумайте только! Не отдали даже чести!) много смѣялся и поблагодарилъ командира полка за правильное и точное несеніе чинами полка охранной службы... Картина!..²⁾.

Сучкина наградили, хотя долго укоряли: „ну, какъ же, братецъ, все таки чести-то было не отдать!“ Сучкинъ почему-то полагалъ, что особа была „главнокомандующій морскими флотами“.

Намъ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ былъ случай подумать. Слава Богу, что все это лично самъ Царь узналъ, а то плохо было бы многимъ! Уставъ—уставомъ, а политика—политикою.

Посвящается памяти генерала А. Я. фонъ-Тая.

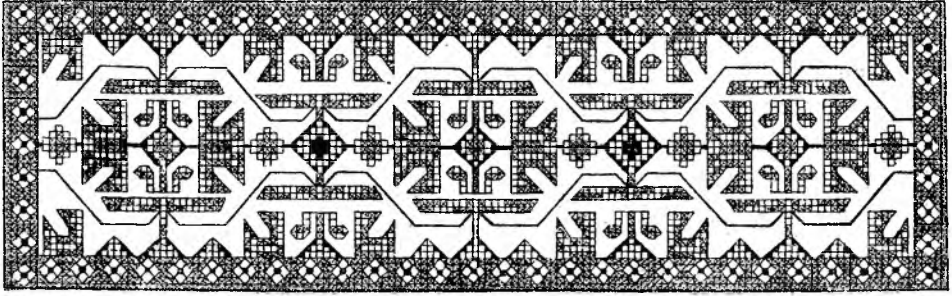
С. Саблуково Арзамасскаго уѣзда.

Безсмертный.

¹⁾ Нынѣ умершее.

²⁾ Лѣтъ черезъ шесть послѣ этого случая, на большихъ маневрахъ, это же высокопоставленное лицо, встрѣтивъ полкъ, прослѣдовало мимо отвернувшись.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ П. И. ЩУКИНА.

Отецъ мой весной и осенью ѣзжалъ за границу. Въ этихъ поѣздкахъ его сопровождали: я или братъ г-жи Гюбнеръ Карлъ Карловичъ Алланъ¹⁾, а впоследствии мои сестры Надежда, или Антонина, или братъ Дмитрій. Сборы отца въ заграничное путешествіе начинались приготовленіемъ дорожной корзины съ провизіей. Поваръ Егоръ приносилъ въ столовую блюда съ окорокомъ ветчины, ногой телятины, бычачьимъ языкомъ, рябчиками, цыплятами, солониной и т. д. Отецъ самъ нарезывалъ куски, дѣлалъ бутерброды и укладывалъ въ корзину. Эта корзина была настолько велика, что въ нее входило еще нѣсколько бутылокъ краснаго вина и воды S-t-Galmier, бутылка вермута, банка съ паюсной икрой, банка съ вареньемъ, банка съ черносливомъ, приборы и салфетки²⁾. Заграницей случалось, что изъ за большихъ размѣровъ корзины насъ не пускали въ вагонъ, и происходили препирательства съ начальниками станцій; но въ концѣ концовъ все улаживалось. Бывало также, что на заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ мы садились не въ тотъ поѣздъ, или забывали свой багажъ на пограничной таможенѣ. Разъ какъ-то мы ѣхали изъ Парижа въ Лейпцигъ и ночью принуждены были выйти въ Кассель, потому что поѣздъ далѣе не шелъ, и только поутру мы могли продолжать путь; оказалось, въ Парижѣ сѣли не въ тотъ поѣздъ, вслѣдствіе чего въ Кассельскомъ вокзалѣ

¹⁾ Мой отецъ называлъ Аллана просто „Карломъ“ и говорилъ ему „ты“, а за глаза звалъ его „паукомъ“. Будучи косымъ, Алланъ плохо видѣлъ, и когда наливалъ себѣ въ стаканъ вино или воду (чаще первое), то лилъ всегда мимо.

²⁾ Эта запасливость объясняется тѣмъ, что въ былое время ѣда въ Нѣмецкихъ гостиницахъ уже черезъ-чуръ не подходила къ Русскимъ желудкамъ. Помню, въ 1894 г. во Франкфуртѣ А. А. Половцовъ вздумалъ угостить обѣдомъ князя П. А. Вяземскаго и меня. Заплачено было щедро, а мы встали изъ-за стола чуть не голодные. П. Б.

пришлось лечь спать на скамейкахъ. Нашъ багажъ иногда оставался на какойнибудь пограничной таможи, потому что мы забывали присутствовать при осмотрѣ. Отецъ прекрасно считалъ, и кельнерà, которые имѣютъ обыкновеніе обсчитывать иностранцевъ, всегда имъ уличались. Такъ, въ Кенигсбергскомъ вокзалѣ одинъ кельнеръ при сдачѣ отцу денегъ хотѣлъ было его обсчитать: отецъ такъ раскричался, называя кельнера „шницбубъ“, что хозяинъ буфета едва могъ его успокоить. Въ другой разъ, въ Триентѣ, въ гостинницѣ, за табльд'отомъ, гдѣ присутствовало много Австрійскихъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона, при обношеніи блюда съ волованомъ, вышло такъ, что намъ послѣднимъ подали это блюдо, и, какъ нарочно, вся начинка волована оказалась уже разобранной: отецъ поднялъ при всѣхъ такой шумъ, что хозяинъ гостинницы сталъ его успокоивать, и такъ какъ дѣло было передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ на лошадахъ въ Риву (на Гардское озеро), то хозяинъ, чтобы смягчить отца, далъ намъ въ дорогу запасъ провизіи. Бѣда, бывало, если гдѣ плохо или недостаточно кормили; даже дома, если экономка подавала чего-нибудь въ маломъ количествѣ, отецъ выходилъ изъ себя и кричалъ: „точно украла. что такъ мало подаешь“.

Отецъ, живя подолгу въ Парижѣ, самъ ходилъ въ складъ покупать минеральную воду S-t Galmier, которую постоянно пилъ*), и самъ относилъ обратно пустыя бутылки. Опасаясь, что въ гостинницѣ его письма не будутъ отправлены, отецъ самъ носилъ ихъ въ почтовое отдѣленіе. Прежде чѣмъ идти обѣдать за табльд'отъ въ Grand Hôtel, или въ Hôtel Continental, или въ Hôtel du Louvre, отецъ предварительно заходилъ въ каждую изъ нихъ и заставлялъ метръ-д'отеля читать себѣ обѣденное меню, и какой составъ блюдъ приходился отцу болѣе по вкусу, въ ту гостинницу мы и шли обѣдать. Иногда обѣдали мы въ Diner de Paris, въ пассажѣ Joffroy, гдѣ за пять франковъ давали обѣдъ съ бутылкой обыкновеннаго или полбутылкой лучшаго вина...

Мнѣ вспоминается слышанный отъ В. С. Абакумова и Николая Михайловича Федюкина разсказъ, какъ встарину пили Московскіе купцы. Московскій городской голова Михаилъ Леонтьевичъ Королевъ, Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ, Павелъ и Дмитрій Петровичи Сорокоумовскіе, Иванъ Ивановичъ Рогожинъ, Василій Гавриловичъ Куликовъ и Николай Ивановичъ Каулинъ ходили обыкновенно пить Шампанское въ винный погребокъ Богатырева, близъ Биржи, на Карунинской пло-

*) Воду S-t Galmier отецъ выписывалъ для себя въ Москву ящиками.

щади. Прежде всего Королевъ ставилъ на столъ свою шляпу-цилиндръ, затѣмъ начинали пить и пили до тѣхъ поръ, пока шляпа не наполнялась пробками отъ Шампанскаго; тогда только кончали и расходились...

Изъ семьи Петра Кононовича Боткина *) вышло нѣсколько даровитыхъ людей. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: писатель Василій Петровичъ (родился въ 1810 г.), медикъ Сергѣй Петровичъ (родился въ 1832 г.) и художникъ Михаилъ Петровичъ, самый младшій сынъ Петра Кононовича отъ второго брака (родился 26 Іюля 1839 г.). Михаилъ Петровичъ обладаетъ драгоцѣннѣйшимъ собраніемъ старинныхъ художественныхъ вещей. Надо имѣть много познаній, вкуса, терпѣнія и любви, чтобы собрать то, что собрано Михаиломъ Петровичемъ. Это собраніе находится въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Острову, въ домѣ М. П. Боткина. Отчасти можно познакомиться съ собраніемъ и по роскошному изданію, напечатанному Михаиломъ Петровичемъ въ 1911 году, въ Петербургѣ, у Голике и Вильборга. Михаилъ Петровичъ собиралъ въ продолженіи 50-ти лѣтъ; въ особенности пріобрѣлъ онъ много вещей въ Италіи, гдѣ подолгу жилъ. Древній міръ прекрасно представленъ въ Боткинскомъ собраніи Греческими расписными вазами, терракотовыми статуэтками, масками, свѣтильниками, мраморными барельефами, слезницами, золотыми и другими вещами; старинныя картины работы замѣчательныхъ Итальянскихъ мастеровъ; коллекція Итальянской маіолики XV, XVI и XVII в.в. состоитъ изъ лучшихъ образцовъ этого искусства: художественная рѣзба по дереву принадлежитъ къ эпохѣ Итальянскаго Возрожденія; между старинной бронзой имѣются акваманилы XIII в. и болѣе сорока дверныхъ молотковъ (стукальцевъ); работы изъ слоновой кости, начиная съ VI в.; Итальянскія кожаныя издѣлія XV и XVI в. Боткинская коллекція золотыхъ Византійскихъ перегородочныхъ эмалей, вывезенныхъ изъ Грузіи, Сванетіи и Аэона, единственная въ мірѣ, какъ по количеству, такъ и по разнообразію изображеній. Есть также вещи изъ старинной выемчатой эмали. Въ собраніи Русской финифти (эмали) находится между прочимъ замѣчательный, серебряный съ позолотой, наугольникъ отъ Евангелія, съ расписной финифтью, съ изображеніемъ Евангелиста Луки, работы Усольца-иконописца. Есть и нѣсколько, такъ рѣдко геперь попадающихся, серебряныхъ Сасанидскихъ вещей. Много у Михаила Петровича этюдовъ и эскизовъ художника А. А. Иванова, о

*) Это дѣдъ П. И. Щукина. П. Б.

которомъ онъ издалъ въ 1880 году книгу: „Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка“. Немало картинъ написалъ и самъ Михайлъ Петровичъ, преимущественно религіознаго содержанія.

Вспоминаю, какъ послѣ всѣхъ моихъ путешествій было пріятно возвращаться къ отцу въ Парижъ или въ Виши. Съ какимъ удовольствіемъ я съ нимъ бесѣдовалъ, рассказывая о видѣнномъ и какъ заботливо относился онъ ко мнѣ! Этихъ свиданій съ отцомъ, послѣ моихъ экскурсій за границей, я никогда не забуду. Отцовская любовь казалась мнѣ всегда болѣе осмысленной, чѣмъ материнская; да и другой, болѣе искренней, болѣе безкорыстной я никогда не знавалъ...

У моихъ родственниковъ я встрѣчалъ Ивана Ильича Маслова, который управлялъ Московской Удѣльной Конторой и занималъ въ домѣ принадлежащемъ этому вѣдомству, на Пречистенскомъ бульварѣ, прекрасную, громадную квартиру. У И. И. Маслова останавливались И. С. Тургеневъ и М. Д. Скобелевъ¹⁾, когда они пріѣзжали въ Москву. И. И. Масловъ былъ скучвѣйшій человѣкъ. По смерти его, М. Д. Скобелевъ сталъ останавливаться въ гостиницѣ Дюссо. Въ ночь на 29 Іюня 1882 года Скобелевъ, находясь въ Москвѣ, былъ найденъ въ номерѣ гостиницы Англія на Петровкѣ—голымъ, связаннымъ и мертвымъ. Изъ гостиницы Англія тѣло его перевезли въ гостиницу Дюссо...²⁾.

Считаю умѣстнымъ вспомнить здѣсь о покойномъ Сергѣѣ Михайловичѣ Соловьевѣ, котораго хотя лично и не знавалъ, но о которомъ слышалъ отъ близкаго знакомаго. С. М. Соловьевъ происходилъ изъ духовнаго званія, что впоследствии сынъ его, Всеволодъ, замалчивалъ

¹⁾ Въ моемъ собраніи имѣются подаренныя мнѣ бывшимъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ Н. И. Гродековымъ бумаги М. Д. Скобелева, относящіяся въ особенности до Ахаль-Текинской экспедиціи, и нѣсколько записныхъ книжекъ Михаила Дмитріевича, которыя онъ называлъ „мерзавками“. Генералъ-лейтенантъ Л. Н. Соболевъ подарилъ мнѣ Георгіевскій крестъ Михаила Дмитріевича, который онъ носилъ въ Турецкую кампанію, и красный съ синимъ карандашъ, которымъ Михайлъ Дмитріевичъ писалъ во время осады Геокъ-Теле. Отъ бывшаго начальника Московской Удѣльной Конторы И. А. Новикова я получилъ кокарду съ фуражки Скобелева.

²⁾ Я сидѣлъ у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго, когда получено было изъ Москвы извѣстіе о кончинѣ Скобелева. Графъ тутъ же распорядился, чтобы цензура не пропускала въ иностранныхъ газетахъ подробностей объ этой кончинѣ. Черезъ день графъ сообщилъ мнѣ, что когда докладывалъ Государю про Московское извѣстіе, Государь сказалъ: Мнѣ всегда казалось, что онъ не кончитъ просто. Въ день его кончины получилъ я отъ него письмо съ ходатайствомъ за Минскаго архіерея. П. Б.

и даже пытался произвести свой родъ отъ какого-то Малороссійскаго дворянина Соловейчика. Сергѣй Михайловичъ рассказывалъ, что въ молодости отправился онъ какъ-то смотрѣть невѣсту; при входѣ въ ея квартиру на него бросилась собака. Обиженный Сергѣй Михайловичъ немедленно вернулся домой, сказавъ, что послѣ такого невѣжества не можетъ быть и рѣчи о сватовствѣ. Однажды у себя дома Сергѣй Михайловичъ, увидавъ на сынѣ Всеволодѣ бѣлый жилетъ, сказалъ: „бѣлые жилеты носятъ только дураки“; сынъ въ отвѣтъ указалъ отцу на присутствовавшего тутъ же Павла Алексѣевича Писемскаго (сына писателя), бывшаго тоже въ бѣломъ жилетѣ. „Господинъ Писемскій въ гостяхъ“, нашелся отвѣтить Сергѣй Михайловичъ. Разъ одинъ мой знакомый жаловался Сергѣю Михайловичу на нервное расстройство; С. М. Соловьевъ отвѣтилъ: „противъ нервовъ прекрасна *березовая каша*“. Сергѣй Михайловичъ читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ монотонно, тихо, съ полузакрытыми глазами, такъ что многіе студенты засыпали. Однажды, читая о Петрѣ Великомъ, онъ вдругъ возвысилъ голосъ, приводя слова Петра: „проснитесь! что вы спите!“ Дремавшіе студенты невольно встрепенулись.

Въ 80-хъ годахъ я познакомился съ Алексѣемъ Васильевичемъ Орѣшниковымъ, однимъ изъ хранителей Историческаго Музея въ Москвѣ. Началось это знакомство съ того, что я принесъ въ Историческій Музей, къ А. В. Орѣшникову, какъ къ свѣдующему нумизмату, нѣсколько монетъ для ихъ опредѣленія. Потомъ я сталъ видѣться съ А. В. Орѣшниковымъ въ Сибирскомъ подворьѣ, на Варваркѣ, гдѣ онъ имѣлъ комиссіонерскую контору по продажѣ кожевеннаго товара, а также сталъ бывать у него въ домѣ, на Садовой, у церкви Ильи Пророка. А. В. Орѣшниковъ былъ центромъ, гдѣ собирались тогда извѣстные Московскіе нумизматы: Андрей Николаевичъ Лѣвиновъ (+), Іосифъ Ивановичъ Горнунгъ (+), Павелъ Васильевичъ Зубовъ, Михайлъ Прововичъ Садовскій (+), Александръ Андреевичъ Корзинкинъ и Владимиръ Константиновичъ Трутовскій. Въ семьѣ Алексѣя Васильевича провелъ я не одинъ пріятный вечеръ. Черезъ А. В. Орѣшникова я купилъ у Чудновскаго (изъ Кіева) коллекцію древнихъ Римскихъ монетъ. Сдѣлался я также членомъ Московскаго Нумизматическаго Общества и сталъ бывать на засѣданіяхъ этого общества, обыкновенно происходившихъ по вечерамъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, на Берсеневкѣ.

По рекомендаціи П. В. Шумахера навѣстилъ я старую оперную пѣвицу, пользовавшуюся когда-то извѣстностью, Дарью Михайловну

Леонову, жившую на Бронной; она показала мнѣ много интересныхъ Японскихъ вещей, вывезенныхъ ею изъ Японіи, гдѣ она пѣла у микадо.

Въ Москвѣ я продолжалъ собирать книги, которыя покупалъ въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Готье и Ланга, а также у букинистовъ. У Глазунова служилъ въ прикащикахъ Петръ Петровичъ Жариновъ, отличавшійся способностью отыскивать рѣдкія книги. На Никольской, въ такъ называемомъ „Проломѣ“, гдѣ церковь Троицы въ Поляхъ, и не доходя Проломныхъ воротъ, ютятся и теперь, какъ и прежде, лавочки букинистовъ; но самыхъ типичныхъ букинистовъ, торговавшихъ въ этомъ „Проломѣ“, уже нѣтъ. Я говорю о Платонѣ Львовичѣ Байковѣ и Аеанасіи Аеанасьевичѣ Астаповѣ. Первый давнымъ давно умеръ, а второй уже нѣсколько лѣтъ какъ ликвидировалъ свое дѣло и нашелъ себѣ пристанище въ книжной лавкѣ Фадѣева на Моховой. Лавочка Байкова находилась ближе къ Никольской и, будучи темной, освѣщалась и днемъ сильно коптѣвшей керосиновой лампой, висѣвшей на потолкѣ. Старикъ Байковъ, съ большимъ горбатымъ носомъ, въ пенснэ, страшно ругался, когда узнавалъ, что продешевилъ какую-нибудь книгу. Такъ однажды онъ продалъ старинную рукописную книгу сказокъ Боккачіо, современную автору, писанную на пергаментѣ, съ миниатюрами, за 800 рублей коллекционеру Мих. Мих. Зайцевскому*), а послѣдній ее кому-то перепродалъ за нѣсколько тысячъ рублей. Байковъ долго не могъ забыть этой продажи, бранилъ и проклиналъ Зайцевскаго, на чемъ свѣтъ стоитъ. Байковъ, кромѣ книжной торговли, занимался продажей серебра, фарфора, мебели и другихъ вещей, которыя скупалъ по домамъ. Лавочка А. А. Астапова находилась ближе къ Проломнымъ воротамъ, а самъ онъ жилъ рядомъ съ лавочкой, въ миниатюрномъ помѣщеніи, которое такъ было заставлено полками и шкафами съ книгами, что въ немъ едва можно было повернуться. А. А. Астаповъ, небольшого роста, горбатый, самъ страстный любитель книгъ, хорошо зналъ многихъ Русскихъ библиофиловъ, о которыхъ любилъ рассказывать. Андрей Александровичъ Титовъ купилъ у Астапова богатое собраніе рукописей покойнаго профессора Осипа Максимовича Бодянскаго. Но не однѣ рѣдкія книги и рукописи встрѣчались у Астапова; попадались иногда и другія вещи. Помню, я видѣлъ у него прекрасный портретъ, писанный масляными красками,

*) Послѣ смерти М. М. Зайцевскаго, я купилъ у его сына, Ивана Михайловича, присяжнаго повѣреннаго, въѣрь пятидесятихъ годовъ XIX ст., съ живописью Французскаго художника A. Soldé.

масона и писателя Николая Ивановича Новикова. Мой братъ Дмитрій долго не могъ уговорить Астапова продать ему прелестную пастель XVIII в., работы Франсуа Бушэ, изображающую погрудный портретъ молодой женщины. Интересно прослѣдить Одиссею этой пастели: какъ она, написанная Буше для фаворитки Людовика XV и своей ученицы маркизы Помпадуръ, попадаетъ изъ Парижа въ скромную лавочку букиниста въ Москвѣ. Отъ маркизы Помпадуръ пастель перешла къ ея брату, маркизу de Maigny, а послѣ его смерти была продана въ Парижѣ съ аукціона; потомъ находилась въ Берлинѣ, у художника-гравера Даниила Ходовецкаго; на гравюрѣ Ходовецкаго „Cabinet d'un peintre“, представляющей его кабинетъ, изображена именно эта пастель висящею на стѣнѣ; затѣмъ пастель попала въ Берлинѣ на аукціонъ, а изъ Берлина—къ кому-то въ Россію и въ концѣ концовъ къ Астапову. Наконецъ моему брату удалось купить ее у Астапова за сто рублей и за ящикъ съ сотней Рижскихъ сигаръ. У А. А. Астапова же было два прекрасныхъ бюстика изъ бѣлаго бисвитнаго фарфора, изображающіе императора Александра I и императрицу Елисавету Алексѣевну; въ настоящее время Астаповъ пожертвовалъ ихъ въ Музей 1812 года, и они находятся пока въ складѣ этого Музея, въ Потѣшномъ дворцѣ. Неказисты были эти холодныя, неоттапливаемые, книжныя лавочки въ „Проломѣ“; но коллекціонерамъ онѣ были дѣрзкія, такъ какъ иногда они находили тамъ рѣдчайшія вещи. На Никольской, близъ Грѣческаго монастыря, подъ воротами, у букиниста, торговавшего книгами и лубочными картинами, я купилъ однажды за пять рублей „Народныя Русскія легенды“ А. Н. Афанасьева, считающіяся библиографическою рѣдкостью.

На воскресный торгъ у Сухаревой башни аккуратно ходили нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ и пріятелей: И. Е. Забѣлинъ, В. К. Вульфъ, М. О. Вивьенъ и др. Я же бывалъ изрѣдка и если бывалъ, то всегда заходилъ къ торговавшему тамъ въ лавкѣ глухонѣмому букинисту, съ которымъ приходилось объясняться съ помощью писанья на аспидной доскѣ. М. О. Вивьенъ купилъ однажды у Сухаревой за безцѣнокъ карандашный рисунокъ П. Соколова, изображающій три дѣтскія головки, и продалъ его мнѣ. Этотъ рисунокъ увидалъ у меня С. С. Стрекаловъ и попросилъ уступить ему: оказалось, что на рисунокѣ были изображены самъ С. С. Стрекаловъ и его братья въ дѣтствѣ. Взамѣнъ Соколовскаго рисунка Стрекаловъ прислалъ мнѣ первый и самый интересный изъ четырехъ томовъ сочиненія В. Laborde'a „Choix de chansons mises en musique“, съ гравюрами Moreau le Jenne (изд. 1773 г.). Случалось, что я находилъ рѣдкія книги у букинистовъ и

на Красной площади, во время „Вербь“. Разъ, на Смоленскомъ рынкѣ, въ зданіи, гдѣ преимущественно торгуютъ мясомъ, я купилъ у букиниста нѣсколько томовъ сочиненій „Restif de la Bretonne'a“ съ гравированными картинками Binet.

Въ 1882 году для Всероссійской промышленной выставки¹⁾, на Ходынскомъ полѣ, выстроили превосходное, громадное, круглое зданіе изъ желѣза и стекла. Были выстроены еще отдѣльные павильоны. Въ этомъ же зданіи въ 1893 году Французы устроили свою выставку. Къ сожалѣнію, впоследствии это зданіе было разобрано и отправлено въ Нижегородскую ярмарку для устройства въ немъ въ 1896 году тоже, Всероссійской выставки. Такимъ образомъ Москва лишилась прекраснаго постояннаго выставочнаго зданія, которое могло бы служить для будущихъ выставокъ. Недешево обошлись разборка, перевозка и опять постановка выставочнаго зданія близъ ярмарки. Послѣ закрытія Нижегородской выставки дальнѣйшая судьба зданія была печальна: долгое время оно стояло пустымъ, съ разбитыми стеклами, и въ концѣ концовъ было продано за безцѣнокъ. Между прочимъ часть выставочнаго зданія купила транспортная контора „Надежда“ и устроила изъ него склады на ярмаркѣ, на Сибирской пристани²⁾.

Аванасій Аванасьевичъ Феть очень добивался получить чинъ камергера, и какъ только этого достигъ, немедленно заказалъ себѣ мундиръ. Въ камергерской формѣ А. А. Феть поѣхалъ показаться къ Боткинымъ на Покровку. Софья Сергѣевна въ это время была больна, и когда Феть пріѣхалъ туда, то засталъ Софью Сергѣевну уже мертвой. А. А. Феть носилъ кожаные штиблеты, сшитые гр. Д. Н. Толстымъ.

¹⁾ Въ Россіи первая выставка отечественной промышленности была въ 1829-мъ г. въ Петербургѣ, вторая—въ 1831-мъ году въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ. У меня имѣются каталоги той и другой выставки, а также акварельный рисунокъ и лубочная картинка Московской выставки 1831 года. На акварели изображенъ вестибюль Кремлевскаго дворца, гдѣ выставлены самовары, желѣзныя косы, проволока, сабельные клинки, тѣлѣкіе станки и другія вещи. Вдали изображена лѣстница, раздѣленная перегородкой на двѣ половины: по одной половинѣ публика поднимается вверхъ, по другой спускается внизъ. На лубочной картинкѣ представлено посѣщеніе выставки 2 Ноября 1831 года императоромъ Николаемъ I, императрицей и наследникомъ со свитой; длиннородные купцы съ медалями на шеѣ стоятъ за прилавками, на коихъ разложены разные ткани, и одинъ изъ купцовъ подноситъ императрицѣ или шаль, или шарфъ; что именно, трудно разобрать.

²⁾ В. А. Кокоревъ предлагалъ министру финансовъ Грейгу не разбирать это выставочное зданіе, а обратить его въ общій для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Москвы вокзалъ. П. Б.

При нѣскѣ они сильно скрипѣли. По словамъ Аѳанасія Аѳанасьевича, Левъ Николаевичъ сшилъ эти штиблеты вмѣстѣ съ сапожникомъ, его обучавшимъ. За матерьялъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ заплатилъ самъ. По смерти А. А. Фета моя тетка Марья Петровна поставила эти штиблеты въ кабинетъ покойнаго подъ стеклянный колпакъ. Въ настоящее время они находятся у Ильи Семеновича Остроухова.

Павелъ Лукичъ Пигулинъ не отличался набожностью и никогда не говѣлъ. Когда же онъ былъ на казенной службѣ, и отъ него требовали ежегодно свидѣтельства о говѣннѣ, то онъ получалъ его отъ знакомаго священника изъ Троице-Сергіевского посада. Павелъ Лукичъ возмущался, почему въ церковь кошекъ пускаютъ, а собакъ нѣтъ; также находилъ страннымъ, что, когда варить муро, то въ прованское масло вливаютъ большое количество бѣлаго вина, которое несоединимо съ масломъ. Однажды лѣтомъ мимо Пикулинской дачи въ Марьиной слободкѣ проходилъ священникъ. Пикулинскій песъ Болванъ изъ подъ воротъ залааялъ на батюшку, а тотъ сталъ совать подъ ворота свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ и совалъ ее до тѣхъ поръ, пока собака не выхватила у него палку и не убѣжала. За полученіемъ обратно палки священнику поневолѣ пришлось обратиться къ Павлу Лукичу, который конечно велѣлъ отдать палку, причемъ замѣтилъ батюшкѣ, что „нехорошо дразнить собакъ“. Пигулинъ рассказывалъ, что когда онъ служилъ въ Екатерининской больницѣ, то во время бывшей въ Москвѣ холеры въ 1848 году отпускалось для больныхъ Шампанское; но послѣднимъ оно было не по вкусу, и они предпочитали пить клюквенный морсъ. Шампанское же выпивали врачи. Онъ же рассказывалъ, что однажды за актеромъ Д. Т. Ленскимъ долженъ былъ заѣхать одинъ изъ его пріятелей, чтобы ѣхать вмѣстѣ обѣдать. Но Ленскій напрасно его прождалъ и потомъ узналъ, что пріятель уѣхалъ въ Кусково. По этому случаю Ленскій написалъ пріятелю: „ты уѣхалъ въ Кусково, а меня оставилъ безъ куска“.

Московскій генералъ-губернаторъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, живя лѣтомъ въ Москвѣ, любилъ кататься въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ иногда сиживалъ на скамейкѣ вмѣстѣ съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, толстякомъ Юріемъ Всеволодовичемъ Мерлинымъ*). 1-го Мая князь В. А. Долгоруковъ ѣздилъ на гулянье въ Сокольники. Архитекторъ Алексѣй Александровичъ Мартыновъ подарилъ князю свою книжечку „Названія Московскихъ улицъ и

*) Ю. В. Мерлинъ собиралъ старинныя вещи, и у него было много замѣчательныхъ.

переулковъ съ историческими объясненіями¹⁾. По этой книжечкѣ Владимиръ Андреевичъ нерѣдко экзаменовалъ во время обѣда своихъ гостей. „Скажите“, спроситъ онъ кого-нибудь изъ нихъ. „почему такая-то улица въ Москвѣ называется такъ-то? Не знаете? А я вамъ скажу“. И Владимиръ Андреевичъ, на основаніи книжечки Мартынова, объяснялъ причину, почему улица такъ называется. Красавица Марья Семеновна Пустовалова пользовалась у князя Владимира Андреевича большимъ расположеніемъ, благодаря чему она не разъ выручала своего мужа Константина Александровича²⁾ изъ разныхъ непріятностей. Князь В. А. Долгоруковъ умеръ въ Парижѣ, почти всеміи забытый. Послѣ смерти князя многія его вещи были проданы съ аукціона. На старой площади у Ильинскихъ воротъ, въ лавочкѣ Сергѣя Тихоновича Большакова, я видѣлъ нѣсколько кожаныхъ футляровъ съ касками князя В. А. Долгорукова. Въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ имѣются три старинныя серебряныя братины, которыя принадлежали князю В. А. Долгорукову. Я самъ купилъ послѣ князя большой, серебряный золоченый съ крышкой стаканъ съ пестрой эмалью, художественной Аугсбургской работы, начала XVIII вѣка, и кинжалъ, на стальномъ клинкѣ котораго вырѣзана надпись: „Vendetta corsa“.

Михаилъ Михайловичъ Савостинъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія о покойныхъ М. М. Зайцевскомъ и Ю. В. Мерлинѣ, которыя цѣликомъ здѣсь привожу.

„Михаила Михайловича Зайцевскаго“, пишетъ мнѣ М. М. Савостинъ, „я хорошо зналъ. Маленькаго роста, лысый, бритый, онъ былъ похожъ на Наполеона и сходствомъ этимъ очень гордился. Карьера его началась службой при Большомъ театрѣ, въ качествѣ капельдинера при артистахъ. Какъ-то дирекція сдѣлала аукціонъ старыхъ костюмовъ и бутафорій; Зайцевскій костюмы купилъ, вѣроятно, задаромъ, хорошо нажилъ, и это обстоятельство сдѣлало его старьевщикомъ окончательно. Сталъ онъ ходить подъ Сухаревку; тогда было просто: бары посылали своихъ лакеевъ продавать вещи съ рукъ. Какъ-то Зайцевскій у Сухаревой увидалъ лакея, продающаго рѣдкія книги; купилъ ихъ, узналъ адресъ владѣльца книгъ и приобрѣлъ очень дешево богатѣйшую бібліотеку. Чудный человекъ попался Зайцевскому жена—Олимпиада Ивановна. Когда онъ женился, она была мастерицей; затѣмъ открыла

¹⁾ Изъ „Русскаго Архива“. П. Б.

²⁾ К. А. Пустоваловъ былъ некрасивый, мало симпатичный человекъ. Въ одномъ юмористическомъ журналѣ были напечатаны автографы извѣстныхъ Москвичей, между прочимъ и К. А. Пустовалова: „По жегѣ и я извѣстенъ“.

собственное дѣло и была первой портнихой, шила на Закревскихъ и всю тогдашнюю аристократію. Какъ любитель, Михайлъ Михайловичъ былъ оригиналь и никому не показывалъ вещей. Даже жена и дѣти, изъ коихъ старшій Иванъ Михайловичъ, былъ присяжнымъ повѣреннымъ, ничего не видали и познакомились съ коллекціей послѣ смерти Михаила Михайловича. Зайцевскій, большой охотникъ играть въ карты, какъ-то разъ забылъ дома ключи отъ флигеля, гдѣ хранились крупныя вещи коллекціи; онъ нарочно вернулся за ними изъ клуба. Во время коронаціи императора Александра III, великіе князья, иностранные принцы, наслышавшись о вещахъ Зайцевскаго, пріѣзжали посмотреть ихъ, но онъ нарочно съ утра удиралъ куда-нибудь, чтобы ничего не показывать, и пріѣзжающіе для осмотра получали всегда отъ Олимпиады Ивановны отвѣтъ, что мужъ ушелъ рано утромъ и вернется домой ночью. Каждую недѣлю онъ объѣзжалъ раза по два всѣхъ торговцевъ и всѣ рынки. Имѣлъ слабость, разъ торгуя вещь, во что бы то ни стало ее купить. Всѣ это знали и уже ни копѣйки не уступали. а нѣкоторые слѣдующій разъ спрашивали больше. Зайцевскій ругался. десятокъ разъ возвращался, но намѣченную вещь всетаки покупалъ. Разъ я попросилъ его взять меня съ собой, при объѣздѣ рынковъ и торговцевъ. Это началось такъ: я зашелъ къ нему; жилъ онъ въ Хлѣбномъ переулкѣ; отъ него мы взяли извозчика и поѣхали къ Университету, къ Горюнову, гдѣ купили икры. На Волконкѣ обошли всѣхъ часовщиковъ, посѣтили всѣ мебельныя лавки и у Александровскаго сада (въ то время тамъ попадались вещи). Затѣмъ поѣхали къ Сухаревой, тоже обошли всѣхъ, елико возможно, закусили купленной икрой въ трактирѣ и поѣхали на Нѣмецкій рынокъ, оттуда въ Таганку, къ Серпуховскимъ, къ Калужскимъ воротамъ и домой на Смоленскій. Эти поѣздки онъ совершалъ почти каждый день. Коллекція была удивительная; было все: громадная библіотека (купилъ Готье) гравюры, въ томъ числѣ Англійскія, въ краскахъ, цѣлыми папками. Миниатюрами были увѣшаны цѣлыя стѣны. Эмали—часть выхватилъ М. П. Боткинъ, часть—Д. А. Постниковъ; теперь эти вещи Постниковскія находятся въ Музеѣ Императора Александра III, проданы мною. Мебель, бронза, фарфоръ Русскій и иностранный. Ковши и серебро были куплены княземъ Л. С. Голицынымъ, Веригинымъ и Четвертинскимъ. Только при теперешнемъ понятіи можно оцѣнить это сокровище. Вѣроятно въ вашей коллекціи есть много вещей отъ М. М. Лучшія же, какъ Боккачіо, ушли за границу. Дѣти ничего не знали и продавали лучшія маіолики Гамбургерамъ по 15 р. Чтобы имѣть деньги на покупку, Зайцевскій потихоньку продавалъ иностранцамъ, Вертгеймеру, Давису и др. О Зайцевскомъ расскажу слѣдующій случай, похожій на

анекдотъ. Всѣ знали страсть Зайцевскаго во что бы то ни стало достать вещь, которая ему правилась; страсть эту торговцы эксплуатировали, а любители любили дразнить какою-нибудь рѣдкостью, зная, что подобной у Мих. Мих. нѣтъ. І. И. Горнунгъ далъ Бакастову какія-то рѣдкія двѣ копѣйки Варшавскаго монетнаго двора и сказалъ: „увидишь завтра Мишку, покажи монету и подразни его“. Бакастовъ встрѣтилъ Зайцевскаго у Сухаревой на торгу и говоритъ: „посмотри, М. М., какую вещь я нашелъ“. — „А, гдѣ взялъ? продай!“ — Да разбиралъ я сегодня выручку на черной половинѣ трактира и нашелъ монету въ кассѣ“. Какъ Зайцевскій ни приставалъ, чтобы продать ему монету, какъ ни ругался, говоря, что и нога его никогда въ трактирѣ не будетъ, но монету продать Бакастовъ не могъ и вечеромъ возвратилъ владѣльцу. Въ Понедѣльникъ опять всѣ собрались въ трактирѣ, смѣялись надъ Зайцевскимъ, который до самаго вечера клянчилъ монету. Часовъ въ одиннадцать появился Зайцевскій и, наскоро поздоровавшись, прямо обратился къ Бакастову: „покажи монету!“ Бакастовъ полѣзъ въ кошелекъ, сдѣлалъ испуганное лицо и сказалъ: „ахъ, какая досада, проходилъ я сегодня мимо Срѣтенскаго монастыря, да должно быть по ошибкѣ монету опустилъ въ кружку“. — „Ну прощай, сказалъ Зайцевскій, мнѣ некогда“. Прошелъ часъ, компанія все еще сидѣла, какъ вдругъ появляется Зайцевскій и ругаясь налетаетъ на Бакастова: „что же ты врешь! я сейчасъ былъ въ монастырѣ, далъ монаху три рубля, отпечатали кружку, но никакой монеты тамъ нѣтъ“. Надо было слышать тотъ хохотъ, который поднялся, видѣть всю суету и комичную фигуру Зайцевскаго, съ руками, унизанными кольцами съ камнями и съ такой же громадной булавкой. Зайцевскій убѣжалъ, годъ не ходилъ къ Бакастову, а потомъ конечно примирился“.

„Юрій Всеволодовичъ Мерлинъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ В. А. Долгоруковѣ, въ чинѣ камергера, и пользовался большимъ вліяніемъ. Думаю, что онъ давалъ деньги В. А. Только этимъ я могу объяснить его разореніе. Покупалъ Мерлинъ много, преимущественно картины, которыхъ у него было 400 шт.; было много у него рѣзныхъ камней, эмалей и т. п. Ковшъ Салтанова, купленный Гейне, шелъ изъ коллекціи Мерлина. У него былъ кумъ, художникъ и реставраторъ картинъ, Ѳедоръ Яковлевичъ Борзенко*). Для того, чтобы продать что-нибудь Мерлину, надо было заплатить 10% Борзенко. Покупалъ Мерлинъ только на книжку и преисправно

*) Ѳ. Я. Борзенко я тоже знавалъ и покупалъ у него гравюры. Онъ жилъ на Лубянской площади.

платилъ 6⁰/₀ за долгъ, но деньги (самый капиталъ) получались съ трудомъ: ихъ у него всегда былъ недостатокъ. Красавецъ собой и атлетическаго сложенія, притомъ же колоссальная фигура, онъ былъ обиженъ природой: не былъ онъ настоящимъ мужчиной. Коллекція его въ то время стоила 315000 р.; онъ самъ мнѣ показывалъ опись и цѣны. Затѣмъ онъ ее заложилъ Королеву, и тамъ она пропала. Остатки ея попали Мараевой. Умеръ онъ гдѣ-то служа въ Петербургѣ и живя бѣдно, въ номерахъ. Лакей и его жена лѣтъ двадцать служили ему вѣрой и правдой, безъ жалованья; денегъ у него никогда не было. Все время онъ имъ говорилъ, что онъ ихъ осчастливитъ и далъ имъ конвертъ, строго наказавъ не вскрывать до его смерти и беречь какъ зеницу ока, обѣщая, что при соблюденіи этихъ условій они будутъ осчастливлены. Представьте же себѣ положеніе бѣдняковъ, когда они нашли въ конвертѣ что-то въ родѣ старой газеты. У нихъ я купилъ грамоту Петра, данную какому-то полку, и грамоту трехъ патриарховъ, въ томъ числѣ и Гермогена. Вещи эти находятся у васъ“.

*

Насталъ 1890-й годъ—самый тяжелый въ моей жизни. Въ этомъ году отецъ привелъ въ порядокъ могилу своего отца, находящуюся въ Москвѣ, на кладбищѣ Покровскаго монастыря, гдѣ погребено большинство моихъ родныхъ. Памятникъ на могилу моего дѣдушки былъ вновь сдѣланъ въ мастерской архитектора Кампиони (на Большой Дмитровкѣ) и поставленъ на мѣсто прежняго съ возобновленной надписью: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло раба Божія Московскаго купца Василія Петрова Щукина, скончавшагося 1836 года 24-го Апрѣля пополудни 2 часа. Житіе его было 80 лѣтъ. Тезоименитство его Апрѣля 12 дня“.

Осенью отецъ сталъ прихварывать. Незадолго до смерти ему было не совсѣмъ хорошо, но этому нездоровью особеннаго значенія никто изъ насъ не придавалъ. Въ Субботу 1 Декабря отецъ жаловался на недомоганіе, а въ Воскресенье 2 Декабря, во время обѣда, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно; изъ столовой отецъ поднялся наверхъ, въ кабинетъ; скоро началась агонія, и нашъ добрый отецъ скончался въ присутствіи матери, братьевъ, Сергѣя съ женой, Дмитрія, Владимира, Ивана, меня и сестры Антонины съ мужемъ. Братъ Николай, пріѣхавшій ночью, уже не засталъ отца въ живыхъ. Еще позднѣе пріѣхали сестры Надежда изъ Тулы и Ольга изъ Новотаволжанки со своими мужьями. Отецъ умеръ отъ грудной жабы, на 73-мъ году своей жизни *). Нача-

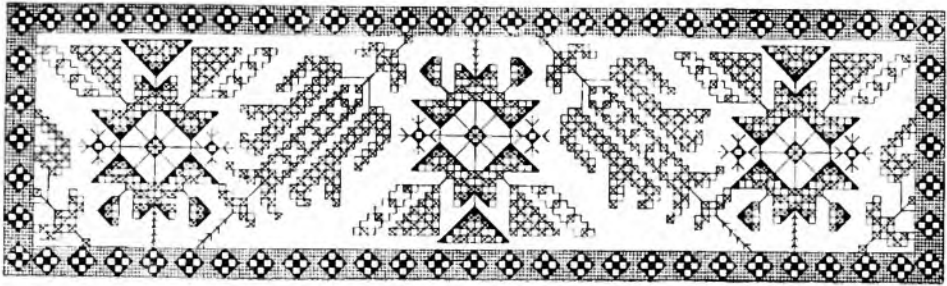
*) Отецъ родился 17 Января 1817 года.

лись обычныя панихиды и приготовленія къ похоронамъ. Швейцарь Егоръ Акимовичъ и поваръ Егоръ Петровичъ, которымъ часто отъ отца доставалось, сами попросили, чтобы имъ позволили читать у гроба отца псалтырь, что конечно имъ разрѣшили, и они по очереди стали читать. 5 Декабря состоялись похороны въ приходской церкви Воскресенія Христова на Остоженкѣ. За отпѣваніемъ присутствовали: почетный опекунъ генераль-лейтенантъ А. А. Козловъ, городской голова Н. А. Алексѣевъ, гласные Думы, выборные купеческаго общества, члены Московскаго Учетнаго Банка, родные и много знакомыхъ. Было множество вѣнковъ, между прочимъ отъ К. Т. Солдатенкова „въ память 52-хъ лѣтней дружбы“ *). Отъ церкви Воскресенія Христова до Покровскаго монастыря гробъ отца несли на рукахъ рабочіе Чижовской артели, по собственному желанію. Похоронили отца близъ самой монастырской церкви.

Съ любезнаго дозволенія П. И. Щукина извлечено изъ четвертой части его „Воспоминаній“ .

*) Отецъ подружился съ К. Т. Солдатенковымъ еще до своей женитьбы. Оба жили въ Москвѣ, въ Таганкѣ, и квартира отца состояла всего изъ двухъ комнатъ; въ одной стояли кровать и конторка, а въ другой—два ткацкихъ станка, на коихъ работалась кисея.

ОТКРЫТІЕ НИЖЕГОРОДСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.

1779.

Нижегородскій край, въ теченіе слишкомъ 700 лѣтнаго существованія, нѣскольکو разъ подвергался внутреннимъ перемѣнамъ какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ. То имъ управляли князья (1228—1392), потомъ воеводы (до 1713 г.), губернаторы (до 1779 г.) и, наконецъ, намѣстники и генераль-губернаторы. Край этотъ, заселенный когда-то Мордвой, Черемисами и Мещеряками, въ XIII столѣтїи съ нѣсколькими Русскими поселеніями, во главѣ коихъ стояли посадъ Радловъ (что нынѣ Городецъ на Волгѣ) и Нижній-Новгородъ (до 1350 г.), входилъ въ составъ Суздальскаго княжества. При великомъ князѣ Константинѣ Васильевичѣ (1350—1355) образовалось самостоятельное Нижегородское княжество, и тогда прибыло еще много Русскихъ поселеній на Волгѣ, Окѣ и по р. Кудьмѣ. Въ то время владѣнія Нижегородской области доходили до устья Суры, включая берега р.р. Пьяны и Тешы. Съ прекращеніемъ самостоятельности Нижегородскаго княжества, подчиненныя ему земли причислены къ Московскому государству и управлялись царскими намѣстниками и воеводами. При Петрѣ Великомъ, въ 1708 г., состоялось первое раздѣленіе Россїи на губерніи. Нижегородская область вошла тогда въ составъ Казанской губерніи подъ именемъ Нижегородской провинціи, управлявшейся также воеводою. Но въ 1713 г. назначенъ первый Нижегородскій губернаторъ Андрей Петровичъ Измайловъ*). Въ 1719 г. Россія вновь подверглась измѣненіямъ. Наконецъ, послѣ Пугачевского бунта, Екатерина, 7 Ноября 1775 г., издала особыя положенія, по

*) Нижегород. Лѣтописецъ, стр. 97; значить, въ 1913 г. исполнится 200 лѣтъ существованію Нижегородской губерніи. Мѣстной ученой Архивной Комиссіи слѣдовало бы составить хотя бы краткую исторію Нижегородской области за все время ея существованія и ея политическаго значенія въ составѣ другихъ областей Россїи. П. Ю.

которымъ учреждались намѣстничества, заключавшія въ себѣ иногда двѣ-три области и составлявшія потомъ отдѣльныя генераль-губернаторства. 5 Сентября 1779 г. послѣдовалъ указъ Сенату.

„Всемилоостивѣйше повелѣваемъ нашему генераль-поручику, правящему должность генераль-губернатора Нижегородскаго, Ступинину, исполнить, по изданномъ отъ насъ въ 7 день Ноября 1775 г. Учрежденіямъ для управленія губерній имперіи нашей, равномѣрно и Нижегородскаго намѣстничества, составляя оное изъ тринадцати уѣздовъ, и именно: Нижегородскаго, Горбатовскаго, Арзамасскаго, Починковскаго, Ардатовскаго, Лукояновскаго, Сергачскаго, Перевозскаго, Княгининскаго, Васильскаго, Макарьевскаго, Балахнинскаго и Семеновскаго. Вслѣдствіе чего переименовать городами: въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи: село Горбатово и Мецкерскую слободу подъ однимъ названіемъ Горбатовъ, село Лукояново г. Лукояновымъ, Перевозъ Пьяный подъ именемъ Перевозъ, и монастырскую слободу Макарьевку г. Макарьевымъ; главной дворцовой канцеляріи села: Ардатово г. Ардаатовымъ и Княгинино г. Княгининымъ; Коллегіи Экономіи и Главной Дворцовой Канцеляріи село Семеново¹⁾ г. Семеновъ; гвардіи коннаго полку село Починки г. Починки; бывшей поташной конторы село Сергачъ г. Сергачъ. Къ сей губерніи причислить, по способности отъ уѣздовъ другихъ губерній, и именно: отъ Муромскаго до 1900 д., отъ Шатскаго 2900 д., отъ Саранскаго до 4500 д., отъ Краснослободскаго до 400 д., отъ Кадомскаго до 1300 д., отъ Санчуйскаго до 100 д., отъ Козьмодемьянскаго до 600 душъ. Отдѣлнить же отъ оной: изъ Нижегородскаго уѣзда до 400 душъ, изъ Арзамасскаго до 2400 д., городъ Алатырь съ уѣздомъ въ числѣ до 7700 д., города Курмышъ съ уѣздомъ до 280 тыс. и Идринъ съ уѣздомъ до 7600 д., которыя всѣ мѣста подъ вѣдѣніемъ Алатырской провинціальной канцеляріи, приписать подъ управленіе Казанской губерніи до того времени, покуда оныя по способности распределены будутъ въ новопоставленныя намѣстничества: а впрочемъ, въ назначеніи границъ сей губерніи, съ прикосновенными ей, предоставляемъ на соглашеніе генераль-губернаторовъ и правящихъ ту должность²⁾.

Для удобности распределенія земель между намѣстничествами Вятскимъ, Казанскимъ, Костромскимъ и Нижегородскимъ, губернаторъ А. А. Ступининъ вызывался въ Петербургъ, откуда 10 Октября возвратился. Жители встрѣтили его съ почетомъ. Купечество поднесло ему хлѣбъ-соль, при чемъ „Нижегородской банковской для вымѣна госу-

¹⁾ Значитъ, село это принадлежало двумъ вѣдомствамъ, а между тѣмъ г. Звѣздиль въ Памяти. Книжкѣ Нижегород. губ. 1895 г., стр. 94, говорить, что это было какое-то „экономическое дворцовое село“ (!).

²⁾ Дѣло Нижегород. городов. магистрата за 1779 г. № 1796. Мѣстная ученая Архивная Комиссія почему-то не нашла нужнымъ напечатать этотъ указъ вполнѣ въ своихъ „Дѣйствіяхъ“, а въ приведенныхъ изъ него выдержкахъ (вып. 12—14, стр. 71, стол. 1), допустила искаженія. Такъ, вмѣсто Муромскаго у., напечатана Курмышскій, вмѣсто Санчуйскаго—Санчуринскій.

дарственныхъ ассигнацій директорскій товарищъ⁶⁶ Андрей Протопоповъ сказалъ рѣчь.

Въ концѣ года Ступининъ пожалованъ званіемъ сенатора, а въ 1783 г. мы видимъ его уже въ чинѣ генераль-аншефа. Назначенный на его мѣсто въ 1784 г. ген.-поручикъ фонъ-Рейндеръ носилъ званіе ген.-губернатора Нижегородскаго и Пензенскаго.

Послѣ литургіи въ Архангельскомъ соборѣ, совершенной Антоніемъ, епископомъ Нижегородскимъ и Алатырскимъ, открылся крестный ходъ въ зданіе присутственныхъ мѣстъ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятиемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государынѣ и всему царствующему дому; при этомъ владыка произнесъ приличествующую случаю рѣчь. По окропленіи комнатъ св. водой, генераль-губернаторъ съ приглашенными перешелъ въ залу присутствія и, прочитавъ указъ, объявилъ намѣстничество открытымъ. Послѣ него „отъ имени всего благороднаго общества“ сказалъ державнѣйшей Императрицѣ „слово похвальное“ Протопоповъ.

„Возгремѣлъ благоденствующій твой гласъ въ предѣлахъ Низовскія земли къ удивленію, радости и одобренію человѣчества, Всепресвѣтлѣйшая Монархія, Всемилостивѣйшая Матерь Отечества! Возсіалъ купно съ нами и лучъ твоего къ намъ благоволенія, со властію повелѣвающій уклониться мрачной темнотѣ различныхъ неудобностей, и заступитъ мѣсто вожделѣнному свѣту, порядочнымъ благоучрежденіямъ, къ общему спокойствію, тишинѣ и безопасности“ и т. д.

Бупечествомъ былъ устроенъ обѣдъ, а вечеромъ составлена роскошная по тому времени пллюминація.

На Благовѣщенской площади „изображена гора съ изобиліемъ произрастеній“, на ней „храмъ Россійскаго благополучія съ отверстыми вратами“. Черезъ нихъ въ храмъ „видѣлся престоль, съ положенной на немъ книгой „закона“. На лѣво былъ Нижній-Новгородъ съ Нижегородскимъ гербомъ на одной изъ Кремлевскихъ башенъ. Передъ храмомъ „на открытомъ мѣстѣ“ обелискъ съ вензелевымъ изображеніемъ Императрицы. Внизу съ лѣвой стороны обелиска статуя „Россія“, сыплющая на жертвенникъ оміамъ, въ знакъ своей благодарности „Просвѣтительницѣ“, и на ней надпись въ стихахъ:

На высотѣ горы, плодами утучненной,
 Воздвигнуть свѣтлый храмъ предъ взоромъ всей селенной
 И Росскому на вѣкъ блаженству посвященъ.
 Въ немъ сладкій нашъ покой закономъ укрѣпленъ;
 Въ немъ сила царствуетъ божественныя власти,
 Защита въ немъ отъ бѣдъ, спасеніе отъ напасти.
 Тебѣ, Монархія, мы даромъ симъ должны.

Во храмъ обилия и счастья введены
 Благотворящею твоею се рукою.
 Какой же мы алтарь воздвигнемъ предъ тобою?
 Какой соорудимъ тебѣ, богиня, храмъ?
 Россія ревности вкигаетъ олимпамъ;
 Но граду Нижнему Рифейски горы ниски.
 Дабы достойные воздвигнуть обелиски”.

По правую сторону этого изображенія была поставлена статуя „Премудрости“, „въ видѣ Миневры“, поражающей дракона съ надписью:

Въ водахъ и въ тишинѣ храня премудры средства,
 Копьемъ враговъ разить, хранить своихъ отъ бѣдства.

Рядомъ съ ней фигура „Мужества“ со стихами:

Металломъ крыта грудь, души есть твердо свойство,
 Зримъ въ видѣ мужества и бодрость и геройство.

Еще правѣе „Милосердіе“:

И лавръ и маслина, побѣды и щедроты,
 Се милосердію пристойныя доброты.

По лѣвую сторону храма стояла статуя „Правосудія“.

На мѣрилахъ дѣла кладезь, не зря судимаго лица:
 Достоиннымъ судъ дастъ, мечемъ караетъ злы сердца.

Еще лѣвѣе „Прозорливость“.

Прошедшее все окомъ зрять
 И все грядущее объемлеть.
 Въ дѣлахъ разсудокъ здравый чтить.
 Правдивы мѣры предприемлеть.

Далѣе, статуя „Изобиліе“.

Что жъ удовольствію течеть изъ пѣдръ природы,
 Все щедрою рукою Богиня льетъ въ народы.

Между аллегорическими фигурами стояли „лавровыя деревья“, въ среднѣй конхѣ на щитахъ горѣли вензеля Цесаревича Павла Петровича и его супруги Маріи Ѳеодоровны. По сторонамъ были двѣ пирамиды, между которыми на двухъ обвитыхъ лаврами колоннахъ красовался вензель Екатерины II подъ императорской короной. Всю фигуру „храма Россійскаго благополучія“ вѣнчала летящая Слава съ трубой и распущеннымъ свиткомъ, на которомъ былъ написанъ день, мѣсяцъ и годъ празднуемаго торжества.

При первомъ же открытіи намѣстничества (15 Декабря) Ступининъ отправилъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ курьера и въ отвѣтъ на это, отъ 24 Декабря, послѣдовалъ собственноручный рескриптъ.

„Алексій Алексѣвичъ! Я съ удовольствіемъ получаю первое увѣдомленіе ваше объ открытіи намѣстничества Нижегородскаго въ новомъ его образѣ. Воздавая справедливость вашимъ ревностнымъ трудамъ въ исполненіи воли моей, возлагаю на васъ изъявить благоволеніе мое и всему тамошнему обществу за ихъ признаніе къ моимъ попеченіямъ о благѣ ихъ. Отъ усерднаго ихъ содѣйствія ожидаю я наилучшихъ и совершеннѣйшихъ въ томъ успѣховъ, пребывая въ прочемъ вамъ доброжелательная Екатерина“.

Объ окончательномъ открытіи и устройствѣ присутственныхъ мѣстъ опять было донесено Императрицѣ, а отъ нея послѣдовалъ рескриптъ (3 Января 1780 г.):

„Не съ меньшимъ благоволеніемъ приняла я и вторичное ваше донесеніе о совершеніи открытія Нижегородскаго намѣстничества и о дѣйствительномъ вступленіи въ губернскомъ городѣ всѣхъ установленныхъ мѣстъ во отправленіи должностей. Въ подвигахъ, всякому изъ васъ подлежащихъ, я желаю наилучшихъ успѣховъ на пользу общую, изъ коей единственно произтекаетъ вся моя благоугодность. Засвидѣтельствуйте всему тамошнему дворянству¹⁾ и всѣмъ прочимъ мое удовольствіе и благопризваніе усердія, съ каковымъ они приняли мое о добрѣ ихъ попеченіе“²⁾.

Но, увы, намѣстничество просуществовало только 18 лѣтъ. Именнымъ указомъ Сенату 12 Декабря 1798 г. повелѣно раздѣлить Россію на 40 губерній; въ этомъ числѣ была и Нижегородская губернія, въ каковомъ рангѣ она остается и по сію пору.

П. Юдинъ.

¹⁾ Вѣроятно, при открытіи намѣстничества, 22 Декабря 1779 г., состоялось первое въ Нижегородской губерніи дворянское засѣданіе и произведены первые выборы.

²⁾ Оба эти рескрипта тоже не напечатаны въ „Дѣйствіяхъ“ Нижегородской ученой Архивной Комиссіи.

СТИХИ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Приписанные О. И. Тютчеву.

Въ сборникѣ стиховъ князя П. А. Вяземскаго „Въ дорогѣ и дома“, издавномъ въ Москвѣ въ 1862 году, имѣется на стр. 181 стихотвореніе подъ заглавіемъ „Ночь въ Венеціи“. Въ немъ 15 строкъ, при чемъ первыя двѣ строфы (повторяющіяся въ концѣ стихотворенія) въ соединеніи съ двумя другими строфами, вставленными въ нихъ, даютъ полный текстъ стихотворенія О. И. Тютчева, помѣщеннаго въ его „Сочиненіяхъ“, изд. въ 1900 году въ Петербургѣ на стр. 202, подъ заглавіемъ „Венеція“.

„Ночь въ Венеціи“ князя П. А. Вяземскаго, какъ значится въ примѣчаніи къ указанному сборнику (стр. 367), „написана въ 1853 году, напечатана въ разныхъ журналахъ и потомъ въ книжкѣ „За границей“ 1859 года“.

Въ „сочиненіяхъ“ же О. И. Тютчева подъ стихотвореніемъ „Венеція“ ничего не означено; но всѣ стихотворенія размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ. При стихотвореніи предшествующемъ „Венеціи“ означенъ Декабрь 1852 г., а при помѣщенномъ вслѣдъ за „Венеціей“ 1853 годъ, такъ что можно предположить, что „Венеція“, также какъ и стихотвореніе князя Вяземскаго, относится къ 1853 году.

Слѣдуетъ выяснитъ, какъ могли попасть четыре строфы стихотворенія князя Вяземскаго въ „Сочиненія“ Тютчева. Обратное предположить трудно во первыхъ потому, что послѣ двухъ начальныхъ строкъ (являющихся первой и послѣдней строфами у Тютчева) въ стихотвореніи Вяземскаго слѣдуютъ девять строкъ тѣсно связанныхъ по содержанию съ первыми, и наконецъ, во вторыхъ, потому, что изданъ сборникъ князя Вяземскаго при жизни его, тогда какъ „Стихотворенія“

Тютчева напечатаны его дѣтьми черезъ 17 лѣтъ по кончинѣ поэта. Кстати можно думать, что свой сборникъ князь Вяземскій показывалъ Тютчеву, будучи съ нимъ не только знакомъ, но и друженъ, и, если-бы эти строфы были дѣйствительно Тютчевскими, то князь Вяземскій не преминулъ-бы сдѣлать соответствующую посылку.

Привявъ эти строфы за строфы князя Вяземскаго и основываясь на томъ, что въ перечнѣ стихотвореній, печатанныхъ впервые и помѣщенномъ въ Тютчевскомъ сборникѣ 1900 года, стихотвореніе „Венеція“ не значится, можно думать, что оно перепечатано не изъ какого-либо повременнаго изданія, а изъ сборника, изданнаго вдовою Тютчева, такъ какъ и въ перечнѣ стихотвореній, съ указаніемъ перваго мѣста и времени ихъ напечатанія, также этого стихотворенія нѣтъ.

Но печатаніемъ сборника Тютчевскихъ стихотвореній, изданнаго его вдовою, занимался Апполонъ Николаевичъ Майковъ, давній пріятель поэта, знатокъ и дѣятель Русской поэзіи. Какъ могъ ошибиться Майковъ? Единственно, что можно предположить, это, что эти строфы могли очутиться случайно въ бумагахъ Тютчева списанными его рукою, какъ понравившіяся ему и имѣющія дѣйствительно Тютчевскій характеръ*).

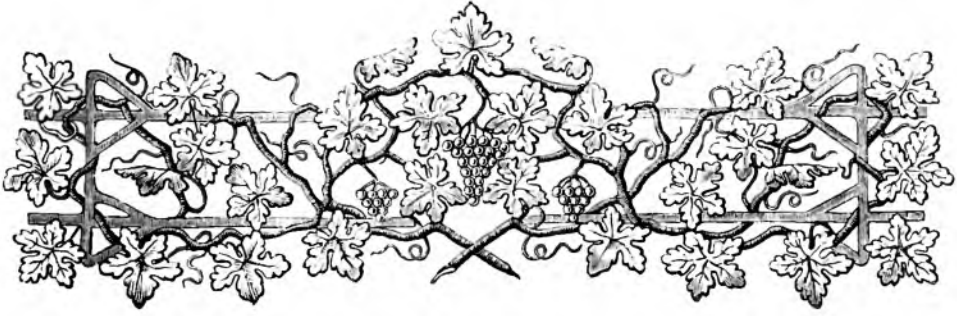
Различаются эти совпадающія строфы только тѣмъ, что у князя Вяземскаго одна строка читается: *Умолкнулъ народный напѣвъ...* А у Тютчева таже строка: *Умолкнулъ веселый напѣвъ...*

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать вообще на близость предмета и вдохновенія у обоихъ поэтовъ. Когда князю Вяземскому удавалось возвыситься надъ нѣкоторой сухостью и прозаичностью, стихи его начинаютъ звучать по-тютчевски. Эту общность надо конечно искать уже въ свойствахъ ихъ дарованій, и странно, что до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія на эту созвучность двухъ, казалось-бы, совершенно противоположныхъ по внутреннему своему складу писателей.

Ставрополь на Волгѣ.

Левъ Зиловъ.

*) По нашему мнѣнію, было напрасно поручать изданіе стиховъ Тютчева Майкову, который влюбленъ былъ въ стихи собственные, читалъ ихъ встрѣчному и поперечному, сердился, когда слушающій не выражалъ восхищенія или хоть бы одобренія прослушанному. Не таковъ былъ Тютчевъ, забывавшій про стихи свои, даже наилучшіе. П. Б.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Изъ его дневника юношескихъ лѣтъ.

Императорская Академія Наукъ выпустила въ свѣтъ первый томъ бумагъ Н. И. Тургенева (1789—1872), содержащій въ себѣ любопытныя черты, какъ для его жизнеописанія, такъ и вообще для исторіи Русскаго просвѣщенія. Николай Ивановичъ былъ предпоследнимъ изъ четырехъ Тургеновыхъ, сыновей Ивана Петровича († 28 Ф. 1807) который потерялъ ссылку за свое сотрудничество Мартинисту Новикову, и Екатерины Семеновны (рожд. Качаловой † около 1822 г.), женщины властной, скопидомливой и строгой. Знали мы нѣкоего Адриана Ѳеодоровича Гомзякова, товарища братьевъ Тургеновыхъ по Университетскому пансіону. Онъ вспоминалъ, какъ въ Университетской церкви дѣрала она уши сыновьямъ своимъ, если они молились небрежно. Выросли люди что называется выпколенные, душеильные. Изъ нихъ старшій Андрей (1781—1803) задышный другъ Жуковскаго, рано умеръ, едва успѣвъ проявить въ словесности и на службѣ свои необыкновенныя способности. Второй Александръ (1784—1845), другъ челоѳчества, сотрудникъ Гааза, сдѣлался извѣстенъ повсюду. Разъ Соболевскій на своемъ письмѣ къ нему за границу написалъ: Тургенову, Богъ знаетъ гдѣ, и письмо дошло. Намъ кажется, что въ Николаѣ Ивановичѣ выразились свойства его родителей. Преданіе уѣрляетъ, что самый даровитый изъ братьевъ былъ младшій, Сергѣй (1792—1827). Онъ служилъ съ отличіемъ въ Константинополѣ при баронѣ Г. А. Строгановѣ, но въ 1826 году такъ поразило его Донесеніе Слѣдственной Коммисіи, обвинившее Николая Ивановича въ преступныхъ замыслахъ, что онъ повредился въ умѣ. Уходъ за нимъ Жуковскаго и графини Генріеты Разумовской явствуетъ изъ ихъ переписки, въ 1-й книгѣ сборника „Девятнадцатый Вѣкъ“.

Кто бы могъ подумать, что сотрудникъ желѣзнаго Штейна, сочинитель книги „Теорія налоговъ“, десятки лѣтъ обдумывавшій, какъ раскрѣпить помещичьихъ крестьянъ, увлекался въ молодости стихотворствомъ. Знатная часть вышедшей теперь книги наполнена его стихами, изъ которыхъ почти всѣ, ей, ей, не хуже того, что появляется теперь (не говоря уже о пакостникахъ печати). Вотъ напримѣръ:

Ванька, ты ли не доволенъ
 Щастьемъ жизни твоея?
 Полно, полно. будь спокоенъ.
 Есть несчастнѣе тебя.
 Какъ тебѣ за то сердиться.
 Что удачи нѣтъ въ любви?
 Надо съ рокомъ помириться,
 Будь спокоенъ и терпи.
 Коль одна тебѣ сказала,
 Что не можешь жить съ тобой.
 Въ пощѣду отказала:
 Можно сердце дать другой.
 Можно въ Катеньку влюбиться.
 Коли Маша не мила.
 Потомъ Лизанькой плѣниться:
 Въ мѣрѣ семъ все суета.
 Какъ не глупо сокрушаться
 Отъ измѣны дорогой?
 Глупо, глупо такъ прельщаться
 И—жить въ свѣтѣ для одной.

Каминь.

Во время скучное печали и вѣщастья.
 Когда все пасмурно и на дворѣ ненастье:
 Когда мой чижицекъ, повѣсивъ носъ, сидитъ,
 И все вокругъ меня, все Сентяремъ глядитъ:
 Когда, набравши дровъ, каминь свой затопляю
 И синій огонекъ мѣхами раздуваю:—
 Тогда съ уныніемъ сажусь противъ него.
 Забывши цѣлый свѣтъ и друга своего,
 Бесѣдую одинъ съ моимъ воображенемъ.
 И, видя ходъ вещей, и времени стремленье,
 Несчастье всѣхъ людей, ничтожность жизни ихъ,
 Которая кратка, какъ самый скорый мигъ,—
 Теряюсь въ мысляхъ весь, себя самъ забываю.
 Но вдругъ смущенный взоръ въ каминь я обращаю
 И вижу—угольки потухли уже тамъ.
 Вотъ участь всѣхъ людей, награда суетамъ:
 Жаръ въ углѣ пропадаетъ, и уголь потухаетъ:
 Такъ, послѣ славы всей,—и смертный умираетъ.

20 Января. (1807) На сихъ дняхъ г. Милоновъ давалъ намъ *шуршукъ*
 (техническій терминъ членовъ собранія) по случаю принятія его въ

сочлены нашего истинно-полезнаго собранія. Тутъ я повеселился. Потомъ сказали, что Соковнинъ, Антонскій, Милоновъ и азъ грѣшный пьяны (слово жестокое). Я не смотрѣлъ на это. На другой день въ Субботу прѣѣзжаю въ пансіонъ, меня требуютъ къ А. М. Смирнову, за тѣмъ—чтобъ шель къ Антону съ цифрою 3 (помноженному на три). Мнѣ показалось низкимъ идти къ симъ господамъ, и я почелъ за нужное ѣхать домой¹⁾. Теперь Воскресенье, и завтра не намѣренъ ѣхать въ пансіонъ: послѣ завтра присягать въ чинѣ переводчика, а тамъ можетъ быть въ Пятницу ѣхать въ Петербургъ²⁾. И *ergo* намѣреніе побранить меня А. А. А. пресѣчется.—Лѣтъ за тридцать передъ симъ горѣли въ Москвѣ Дмитровка и Тверская. Вотъ что странно: у обѣдни на Тверской приходитъ человекъ въ коришневомъ кафтанѣ, съ сѣдой бородой, подаетъ попу *памятку*; пошь, желая послѣ молиться объ усопшихъ, находитъ тамъ извѣщеніе, что эти улицы будутъ горѣть, и Тверская совсѣмъ выгоритъ, что точно и исполнилось. Пошь прочелъ это всему народу; искали человека вездѣ, но тщетно. Это сказывала *Арафели Мишавна*. Въ ея время это случилось.

*

Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человекъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься Исторією; тамъ все говорить о томъ, что было и чего уже нѣтъ!... Такъ пишетъ Карамзинъ, говоря очень съ выгодной стороны о Борисѣ Годуновѣ.

*

На сихъ дняхъ обѣдалъ у дядюшки Петра Ивановича Путятина сенаторъ и кавалеръ Николай Андреевичъ Беклешовъ. Дядюшка спрашиваетъ его о дѣлѣ, которое въ Сенатѣ. Сенаторъ говоритъ: не знаю. Оберъ-прокуроръ Титовъ говоритъ его превосходительству и дядюшкѣ, что оно уже послано изъ Сената. Сенаторъ говоритъ: *а, такъ это безъ меня!* Титовъ подходитъ послѣ къ Алексѣю Николаевичу Сухотину и говоритъ: „*экой сенаторъ, самъ подписалъ дѣло, а говоритъ, что оно кончено и послано безъ него*“, т. е. онъ подписалъ, не зная самъ что. Это нѣсколько забавно, но не рѣдко.

*

2-го Мая. Мысли на балконѣ (на Фурштадской улицѣ, въ домѣ поганой Корфшц, гдѣ мы³⁾ нанимали противъ кирки).

¹⁾ Князь Вяземскій называлъ директора Университетскаго благороднаго пансіона „Трикратный Антонъ и на закусу Пропоновичъ“. П. Б.

²⁾ Въ Петербургѣ въ это время находился отецъ Тургенева, вскорѣ тамъ умершій. П. Б.

³⁾ Т. е. семья Тургеневыхъ; прѣѣзжавшая на похороны Ивана Петровича (схороненнаго въ Невской Лаврѣ). П. Б.

Закуривши трубку, сажусь я на балконъ. Первой предметъ, которой представляется глазамъ моимъ, есть *Сонъ Таврическій*. Взоръ останавливается, и воображеніе дѣйствуетъ. Я представляю себѣ, отъ чего садъ сей называется *Таврическимъ*. Потемкинъ! Ты, думаю, былъ причиною сего имени; ты назывался *Таврическимъ*. Отъ сада перехожу къ сему вельможѣ, бывшему предметомъ почтенія, уваженія и (даже) разговоровъ всей Россіи. Тутъ приходитъ мнѣ на мысль *Сонъ Радищева*, когда онъ ѣхалъ въ Москву (*Ъзда въ Москву*). Сей вельможа изъ ничего [достигъ] высочайшей степени величія, до которой можетъ достигнуть Россіянинъ. Но наконецъ забылся, возмечталъ о себѣ слишкомъ много и пожелалъ имѣть болѣе, быть еще славнѣе,—пожелалъ и потерялъ все, совершенно все. Вотъ участь человѣка: *блеснетъ и потухнетъ на свѣти*.—Тутъ бросаю взоръ въ другую сторону и вижу *Реформатскую церковь*. Вотъ, говорю я самъ себѣ, вотъ какъ люди удалены отъ натурального существованія. Вотъ церкви, различныя вѣры, различныя мнѣнія, но *все* вѣрять въ *Единого Бога*. Кажется, сего довольно, мысли всѣхъ одинаковы въ существованіи Творца.

5 Июня. Однажды сижу я задумавшись въ кофейномъ домѣ: вдругъ одинъ молодой человѣкъ, которой все вертѣлся, пѣлъ и свисталъ, подошелъ къ столу, подлѣ меня стоявшему и, увидѣвъ на немъ лежащую табакерку, обернулся ко мнѣ и сказалъ голосомъ самымъ нѣжнымъ: „Смѣю спросить, чья это табакерка?“ Я отвѣчалъ, что моя: онъ *вторилъ*: „Извините мою смѣлость“. Потомъ, отпустивъ мнѣ еще съ полдюжины учтивостей такого рода, сказалъ, нѣсколько подумавши: „*Лидишфѣтъ на вашей табакеркѣ превосходенъ*“. Я сказалъ *оа*.—Онъ: Вѣрно она изъ Парижа? *И*: Нѣтъ. Онъ: Изъ Лондона? *И*: Еще того менѣе. Онъ: Да скажите, сдѣлайте одолженіе. Правда, что изъ Лондона рѣдко выходитъ что-нибудь превосходное; но еслии она не изъ Парижа, то я не понимаю, откуда она вывезена. Кто, кромѣ Француза, въ состояніи сдѣлать такую прекрасную вещь?—*И*: Русской. *О*: Помилуйте, вы шутите, что ни сдѣластъ Русской, то все это пахнетъ Русскимъ. *И*: Вы не ошибаетесь.—*О*.; Впрочемъ я люблю моихъ компатріотовъ. При всемъ ихъ невежествѣ и дикости, они добры, что называется по фр[анцузски] *bon homme*. И этого-то нельзя сказать по-русски. *И*: (къ служителю) Подай мнѣ стаканъ воды. Погода пасмурна, мнѣ хочется спать. *Служ*. Нѣтъ, сударь, погода прекрасная (что въ самомъ дѣлѣ правда, но я чуть-чуть было не заснулъ отъ лепетанья сего повѣсы). Сей молодой человѣкъ, будучи человѣкъ свѣтлой, сдѣловательно и проницательный, примѣтилъ, что я въ одну минуту сказалъ служителю болѣе, нежели ему въ тридцать или сорокъ. повернулся и отошелъ къ зеркалу, оправилъ жабо, вытянулъ манжку,

взбилъ хохолъ и такимъ образомъ по окончаніи своего туалета, обернулся назадъ, забилъ одну руку въ (нижнее платье) штаны, а другой рукавомъ начался чистить ихъ (штаны) и въ такой позиціи, нагнувъ шею, какъ бодрая лошадь, стуча каблуками, подошелъ ко мнѣ и вдругъ, вытянувши шею и вздернувъ и опустивъ носъ, зѣвнувъ, сказалъ: *A diable!* и пропѣлъ мнѣ: однимъ словомъ ваша табакерка восхитительна. Но, сказалъ онъ, подумавъ немного: вы, я думаю, знаете, что нынче почитается *du bon ton*—имѣть фаворитную націю. любить жителей ея болѣе прочихъ и стараться подражать имъ во всякой бездѣлицѣ. *Я.*: Нѣтъ не знаю. *О.*: Вы шутите, но шутки на сторону; вы по вашему задумчивому виду похожи на Англичанина, и вѣрно вы это имитуете. Признайтесь: вѣрно Англія ваша фаворитная нація?—*Я.*: Все это для меня не понятно, и не знаю, въ чемъ признаваться. *О.*: То есть, сказать вамъ однимъ словомъ: вы болѣе всего любите Англичанъ. *Я.*: Нѣтъ. *О.*: Ну такъ Французовъ? *Я.*: Нѣтъ. *О.*: Этому я вѣрю, ну такъ неужели Нѣмцовъ? *Я.*: Нѣтъ. *О.*: Да кого же? *Я.*: Я люблю людей честныхъ. *О.*: О, этотъ отвѣгъ много звучитъ. Неужели можно любить Нѣмца, хотя бы онъ былъ разчестенъ. Вообще Нѣмцы все такъ неловки, говорятъ все *des platitudes* и думаютъ, что говорятъ *bon mot*. Отъ нихъ вѣчно воняетъ табакомъ. Да нѣтъ, Нѣмцы совсѣмъ не привлекательны. Ну, и такъ вы естимуете честныхъ людей: это справедливо по вашему? *Я.*: Да. *О.*: Да скажите же, какая у васъ вообще фаворитная нація, какой народъ вы болѣе прочихъ любите и имитуете. т. е. подражаете? *Я.*: Вообще люблю болѣе Русскихъ, только не болтуновъ, обезьянничать никому не хочу, а научаться хорошему и полезному стараюсь у всякаго. Довольно ли? *О.*: Какъ, Русскихъ? *bravo!* вотъ забавно—любить Русскихъ, этихъ бородачей, этихъ невѣждъ, варваровъ. *Я.*: Ежели ты, повѣса, осмѣлишься еще розинуть ротъ для хулы Русскихъ, которымъ ты быть не достоинъ и чѣмъ я горжусь, то берегись; вызвать тебя на поединкъ будетъ для тебя много, и ты этого не стоишь, но вотъ взгляни на мою палку и знай, что она заставитъ тебя молчать, ежели слова мои на тебя не подѣйствуютъ.

Молодой повѣса вздумалъ было горячиться, вызывать меня на дуэль, но узнавъ, что противъ его шпаги я хотѣлъ драться палкою, которою на него погрозился, отвернулся отъ меня, завистать и пошелъ вонъ.

Дни черезъ два увидѣлъ я въ томъ же кофейномъ домѣ одного моего пріятеля; подлѣ него сидѣлъ одинъ молодой человекъ, имѣющій отъ природы прекрасныя дарованія и обогатившій умъ свой большими свѣдѣніями. Мой пріятель говорилъ ему о философіи и старался направить его неопытный умъ на путь истины и философіи.

10 Июня. Я разскалъ моему пріятелю о семь шалунѣ, и онъ мнѣ сказаъ, что этотъ повѣса живетъ у какой-то графини или княгини, ѣздитъ во Французскія лавки покупать *bonnets, ridicules* и разныя тому подобныя глупыя мелочи, привезенныя изъ Парижа: что иногда дѣти сей гр. или кн. даютъ ему щелчки въ носъ, какъ сказано въ Евгеніѣ Лукичѣ Развратинѣ, деруть (оттягиваютъ) уши, и безъ того длинныя. Знакомый моего пріятеля, услышавши нашъ разговоръ, сказаъ, что онъ въ тотъ день былъ у сей Графини или Княгини и самъ слышалъ, какъ этотъ шутъ разсказывалъ о семь происшествіи съ большимъ жаромъ и въ заключеніе сказаъ, что онъ меня вызывалъ на дуэль, и что я струсилъ. Я спросилъ у сего знакомаго, кто такой этотъ шутъ? Онъ сказаъ, что это Полякъ, перекрестившійся въ Греко-Россійскую вѣру. Я сказаъ ему: я уже его знаю, но если бы и не зналъ, то не очень бы хорошихъ былъ о немъ мыслей, узнавъ, что онъ Полякъ да еще въ добавокъ—и перекрестившійся!

10 Июня. Дня съ три тому назадъ, какъ шелъ сильный дождикъ и какъ я сидѣлъ подъ открытымъ окошкомъ и писалъ предыдущій вздоръ. И читать-то этого никогда не стану; выдралъ бы (нѣтъ, не выдралъ бы) вонъ сей листъ, да нѣтъ, на что же? Третьяго дня я купался ввечеру подъ колодезь; вода прехолодная. Ѳедька тоже купался, но очень много и отъ того, кажется, на другой день занемогъ.—Вчера послала меня матушка къ родимой моей тетушкѣ, которая всегда говоритъ, что меня любить и сдѣлаетъ наслѣдникомъ послѣ своей дочки (какъ будто бы мнѣ ея наслѣдство и любовь нужны; что наслѣдство, что любовь ея для меня совершенно одно: я всѣмъ равно пренебрегаю). Любовь человѣка, котораго я самъ люблю и почитаю или просто люблю, который мнѣ по сердцу, любовь, говорю, такова человѣка гораздо для меня лестнѣе и пріятнѣе наслѣдства его или какого-нибудь другаго.

Хотѣлось бы побывать въ арміи, подраться, только чтобъ не тяжело ранили. А впрочемъ если убьютъ, то будетъ и безъ меня довольно на землѣ дураковъ.

26 Июня 807. Нынче Середа. Третьяго дня, въ Понедѣльникъ, было гулянье на Трехъ Горахъ и на Прѣсенскихъ Прудахъ. Я отъ скуки поѣхалъ. Прежде всего заѣхалъ я на травлю медвѣжью, въ первый разъ отъ роду. Вхожу, заплативши 25 копѣекъ (за что же? за то, чтобъ посмотреть на несчастныхъ животныхъ и удивляться варварству людей; и потому этихъ 25-ти копѣекъ мнѣ было жаль, ибо зрѣлище сіе мнѣ ничего болѣе не показало, какъ новый опытъ подобія человѣка лютымъ звѣрямъ), и первый предметъ, представляющійся моимъ глазамъ, былъ—несчастная медвѣдица, привязанная къ кольцу

въ землѣ, безъ ушей и безъ губы, которыя оторвали собаки. Я спрашиваю у стоящаго подлѣ меня извозчика, что это за медвѣдь, и онъ мнѣ отвѣчалъ: „*Это, баринъ, Матка Воробьевская*“. (Марія Египетская. естълибъ ты знала, какъ святое имя твое употребляется во зло!). Вдругъ привели двухъ страшныхъ собакъ и какъ скоро ихъ спустили, то онъ бросился въ уши медвѣдю, которой началъ защищаться, но псарники (люди, которые врядъ ли не свирѣпѣе еще сего медвѣдя) оттащили собакъ посредствомъ рычаговъ. Собакъ отвели. У медвѣдя текла кровь изъ ушей и рта. Медвѣдя увели. Вдругъ партеръ (точно партеръ, потому что зрители стояли на землѣ) избунтовался. *А! Егорку, Егорку!* кричали всѣ мужики. Я опять спросилъ у своего сосѣда, что это за *Егорка*? Онъ отвѣчалъ: „*Это, баринъ, маткой медвѣдь, одинъ всѣхъ собакъ переломаешь. Ужъ лить съ 6 ея травить*“. Вдругъ трое псарниковъ тащатъ на арканѣ упомянутаго *Егора*. О, о! Вотъ тутъ-то будетъ потѣха! говорилъ (или все равно кричалъ) партеръ. Но и Егора собакъ съ шесть или семь, очень страшныхъ, отблали такъ же, какъ и Марью. Партеръ аплодировалъ ха, ха, ха и Русскими бон-мо (т. е. именемъ матери съ прилагательнымъ). Потомъ привели другую Машку Серебрянскую, по словамъ моего сосѣда, очень въ этомъ свѣдущаго. Это былъ самый лютѣйшій изъ медвѣдцевъ, сломалъ подъ себя двухъ собакъ. Одинъ изъ псарниковъ сказалъ мнѣ, что онъ живетъ у хозяина за 50 р¹[ублей] въ годъ за то, чтобъ въ будни кормить несчастныхъ животныхъ, и въ Воскресенье и другіе праздничные дни увеселять ими почтеннѣйшую публику, и прибавилъ, что сія Машка была *самый лютѣйшій зверь*. Въ продолженіе всей травли народъ, между коимъ и мой сосѣдь, восхищался, и сосѣдь мой рассказывалъ мнѣ все съ охотою и (жаромъ) антузіасмомъ. (Я вздохнулъ и пожалѣлъ!). Послѣ сего 10 человекъ привели еще двухъ медвѣдей и пустили ихъ другъ на друга. Они боролись. По окончаніи сего одинъ изъ псарниковъ закричалъ: *Иванъ Сидоричъ!* Я спросилъ у свѣдущаго моего сосѣда, не еще ли приведутъ медвѣдя, котораго зовутъ Иваномъ Сидоричемъ. Нѣтъ, сказалъ онъ, усмѣхнувшись: какой медвѣдь! Это самъ хозяинъ. (Я подумалъ, что сей хозяинъ малымъ чѣмъ отличается отъ Егорки или Машки).—Потомъ поѣхалъ на Три Горы и думалъ: должно ли запретить сіи варварскія забавы: думалъ и заключилъ, что не должно; ибо это составляетъ важное увеселеніе для простаго народа, который долженъ имѣть свои забавы, увеселенія.

Потомъ пріѣхалъ на Прѣненскіе Пруды, народу было тьма. Берега отъ прудовъ превысокіе и всѣ были усеяны, нѣтъ: *улицлены* зрителями. Пріятная пестрота. Эта картина болѣе всего мнѣ понравилась, болѣе самаго фейерверка, очень хорошаго.

*

28 *Юня*. Вчера былъ я въ Архивъ*) и занимался перетаскиваніемъ столбцевъ изъ шкаповъ въ сундуки. Какой вздоръ! Чѣмъ занимаются въ Архивѣ; и еще Каменскій сердится, зачѣмъ рѣдко ѣздятъ. (Я переводчикъ, значить или.... Тамъ есть переводчики, которые не переводятъ, а переносятъ старые столбцы (Полинька глупинькой Горчаковъ возилъ столбцы на рогожкѣ!); слѣд. изъ переводчиковъ дѣлаются переносчиками и перевощиками.

*

10 *Юля*. 7-го числа былъ празднованъ здѣсь миръ. Весь городъ былъ иллюминированъ. Вчера же было гулянье на Тверскомъ бульварѣ, и горѣлъ тотъ же щитъ, что противъ дому генер.-губ. Тутолмина: потому еще были нѣсколько подобно пирамидамъ иллюминацій и плясали Цыганки и самъ славный Ванька Цыганъ тоже плясалъ. Есть Цыганки очень изрядныя лицомъ и фигуροю, очень, очень изрядныя, но только, я думаю, ввечеру, а на завтра, когда онѣ смогутъ бѣлила и румяна, будутъ очень, очень посредственны и даже не совсѣмъ пріятны, чему я видѣлъ примѣръ въ Липецкѣ. Народу было тьма, а особливо около картины. Вдругъ полицейскій говорить: *прошу распространиться*. — *Что такое?* Вдругъ видѣнъ Тутолминъ со всей своей свитой; какое глупое важничество (если можно такъ сказать)! Наверху картины видны были стихи Мерзлякова, не слишкомъ хорошіе; да правда, и поэту не легко написать на заказъ четыре стиха, сильныхъ и выразительныхъ.

Каковъ-то будетъ миръ, не извѣстно. проченъ ли? Но вообще думаютъ, что онъ не можетъ быть продолжителенъ, или проченъ, или выгоденъ для насъ: и миру сему, кажется, не такъ радуются, какъ бы надобно радоваться *миру* въ пространномъ смыслѣ сего слова. При словѣ *Миръ* что воображаетъ каждый? Отдыхающихъ челоуѣковъ: водворяющееся спокойствіе, торговля, науки, искусства, художества, все оживаетъ, все пріемлетъ видъ новый, радостный. *Миръ* можно сравнить въ семь случаевъ съ животворною *Весною*. По наступленіи весны вся природа обновляется.

На бульварѣ же видѣлъ я еще старшаго Родіона Быкова, который учился въ Пансіонѣ. Онъ ходитъ съ подвязаной рукой, какъ раненый на сраженіи, откуда пріѣхалъ: служить въ гвардіи; собой очень не дурень.

*) Иностраннхъ дѣлъ, гдѣ Н. П. Тургеневъ состоялъ на службѣ. П. Б.

11 *Юля*. Вчера былъ я въ благородномъ собраніи, куда могъ идти всякій, дворянинъ. Было очень много купцовъ, даже были въ Русскомъ платьѣ. Оед. Михайл. Золотаревъ, купецъ знакомый, былъ и звалъ меня къ себѣ въ лавку. Но это ничего, что были купцы: много было и хуже ихъ дворянъ, напримѣръ Университетскіе студенты, профессорскія дѣти, сами профессора, канцелярскіе служители: всѣхъ сихъ скотовъ я не промѣнялъ бы ни на одного порядочнаго купца. Потомъ былъ ужинъ. Я ужиналъ. Говорять, было 400 кувертовъ. И поѣлъ изрядно; была давана водка и красное вино. Еще пили тамъ лимонадъ: но я не пилъ, потому что не съ кѣмъ было. То-то кабы былъ Сергѣй Карповъ, Иванъ Базилевскій, старинные пріятели: мы болѣе порадовались бы за ужиномъ *миру*. Нѣтъ ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ совершенно вольно обращаться, такъ, какъ съ ними. Было множество посѣтителей. Все не то, естли не съ кѣмъ раздѣлять удовольствія. И удовольствіе тогда только можетъ назваться удовольствіемъ, когда оно раздѣляется съ подобными себѣ. Это извѣстно и доказано. Я, помнится, читалъ и въ *Pucelle* эту же аксіому, но только въ другомъ смыслѣ.

14 *Юля*. Третяго дня былъ я на Прѣсенскихъ Прудахъ: все еще по случаю мира веселятся. Народу было множество. Часу въ 11-мъ была такая тѣснота, что съ очень большимъ трудомъ можно было продраться сквозь народъ для выходу и то тѣмъ, кто привыкъ толкаться или кто смотритъ на это съ равнодушіемъ такъ, какъ я. Мнѣ все бы равно хоть еще раза два пройти. Тамъ видѣлъ я Лаптева, который пріѣхалъ изъ арміи: на немъ Прусская лента котораго-то Орла, бѣлая въ серединѣ, а по краямъ желтая. На него смотрѣли: иные говорили, что это Польская, и даже спорили. Да и часто такъ бываетъ: многие спорять, сами не зная о чемъ. Философы, богословы и подобные имъ спорять *о души*, не понимая, о чемъ спорять: спору ихъ никто рѣшить не можетъ. Да и странно, какъ спорить о томъ, чего никакой умъ человѣчскій постичь не можетъ. Они берутъ на себя слишкомъ много.

Въ Вѣстникѣ М. Каченовскаго à peu près пишутъ, что Нѣмцы, претерпѣвши много неудачъ и не находя ничего (утѣшительнаго) на землѣ, бросились на небо и (тамъ) открыли двѣ планеты. Прямые Нѣмцы; какъ ни говори, а они смѣшны.

15 *Юля*. Мы нынче получили отъ брата А. И. письмо, и онъ пишетъ, что уже пріѣхалъ въ Цете|рбургъ. Онъ ѣздитъ съ Новосильцовымъ къ арміи съ Государемъ.

Нынче день прехолодный. Вчера былъ я въ Сокольникахъ, гдѣ былъ обще-народный праздникъ по случаю мира. Все поле было усеяно народомъ, и изрѣдка были видны шатры, возвышенныя мѣста для

комедіи, гдѣ плясали по канату и проч., пѣли фабричныя, Цыгане, играла музыка. Картина прекрасная. Былъ дождикъ, но это ничего. Во время дождя я сталъ въ палатку, гдѣ были Тутолминъ, кажется, Мордвиновъ, начальникъ Моск[овской] милиціи, сенаторы: Дмитріевъ, Кутузовъ, Багратионъ и проч. подобныя имъ. Въ десятомъ часу зачали зажигать плашки. Одинъ полицейскій, подобный какому нибудь Алексѣю Алексѣичу, говорилъ Цыганамъ, которые не пѣли, между тѣмъ какъ мужики сего требовали: *Пойте для увеселенія публики*. Мнѣ это странно показалось. Потомъ начался фейеръ-веркъ. Я стоялъ на хорошемъ мѣстѣ. Подлѣ меня стояли три Нѣмки и съ ними, кажется, актеръ бывшаго Нѣмецкаго театра, Галтенгофъ, который хорошо поеть, но не для меня. Одну изъ Нѣмокъ нѣсколько сдавили; она плакала и ушла въ коляску. Одна изъ нихъ молоденькая, очень изрядная собою и очень хорошо говорить по-русски, стояла подлѣ меня и по уходѣ благодарила меня за то, что я ее сберегалъ. Это спасло ее, что она изрядная собою, а то бы я столкнулъ ее, потому что она Нѣмка. Тутъ были православныя Русскіе мужички. Я ихъ просилъ не толкаться, только просилъ. Другой же дуракъ со шпагою ударилъ одного палкою. Это мнѣ показалось очень досадно. —Этотъ праздики былъ по большей части для народа. Нѣтъ ничего досаднѣе поганыхъ полицейскихъ, которые при полицеймейстерѣ Ивашкинѣ (очень учтивомъ и добромъ) говорятъ народу очень учтиво, но когда онъ отвернется, то и зачнуть поталкивать да бить. О подлецы! Бить же народъ было запрещено. Фейерверкъ былъ прекрасный, очень превосходный. Еще были зажжены лагуны, т. е. смоленыя бочки, дымъ отъ которыхъ былъ пре-страшный. Жаль только, что для православныхъ не было ни пивца, ни винца, а то тѣ ли бы было. Тутъ-то бы они порадовались.

Всего пріятнѣе картина многочисленнаго народа, которымъ все поле было усѣяно. Тутъ я видѣлъ г. *Плетенева*, который славно пишетъ (т. е. почеркъ хорошъ) и дѣлаетъ разныя штуки перомъ. Я у него и сперва дома и въ Пансіонѣ учился и получилъ изъ его класса портретъ Вольтера, имъ перомъ сдѣланный.

6 *Августа*. Вотъ сколько протекло времени, въ которое я не бралъ въ руки своего *Бреда*. Причиною тому самъ не знаю что. Часть этого бездѣйствія проведена мною въ Княжевѣ. Я провелъ тамъ четыре дня не очень веселыхъ: былъ раза два или три у Воейкова, самаго ближняго сосѣда. Я знакомъ съ его сыномъ, съ которымъ учился въ Пансіонѣ. Этотъ Воейковъ надѣлалъ довольно шуму въ Пансіонѣ. Чѣмъ же, спросишь ты, Н. Т., можно надѣлать шуму въ Пансіонѣ? Очень, очень рѣдко, отвѣчаю я, или почти никогда, прилежаніемъ, и часто, очень часто, или почти всегда изряднымъ лицомъ. Вотъ порокъ,

который всегда сопровождается съ общественнымъ воспитаніемъ, и которой имѣеть очень пагубное вліаніе на здоровье мальчиковъ, которые натурально, по молодости своей, не знаютъ, чѣмъ они жертвуютъ минутному, менѣе нежели скотскому наслажденію. Менѣе нежели скотскому, говорю я, потому что страсти въ сихъ несчастныхъ мальчикахъ еще ничего не могутъ произвести, между тѣмъ какъ скоты приступаютъ къ сему не прежде, какъ будучи побуждаемы самою природою. Я не говорю здѣсь объ этомъ Воейковъ, но вообще о всѣхъ несчастныхъ жертвахъ, которыхъ незнающіе родители ввѣряютъ таковому общественному воспитанію, каковъ сей Пансіонъ. Нѣкоторые, имѣющіе состояніе, дабы воспитывать дѣтей своихъ дома, думаютъ (совѣтъ несправедливо), что въ Пансіонѣ можно лучше быть воспитану. *Итъ!* они ошибаются и очень грубымъ образомъ. Надобно войти во всѣ подробности сего общественнаго воспитанія. Какъ можно оставлять мальчика лѣтъ 12 или и болѣе на его произволь? (Конечно на его произволь, потому что въ Пансіонѣ ни къ чему принудить не можно). И какъ полагаться на надзираніе какого-нибудь Нѣмца (Фрейденрейхъ), который получаетъ за надзираніе 50 или 60 и который обучаетъ сверхъ того каждый день за 200 или 150 руб., или университетскаго студента, каковъ Алек. Загорскій, которой только что читаетъ по-русски; какъ, говорю, полагаться на надзираніе такого невѣжды, какъ ввѣрятъ невинныхъ младенцевъ такимъ необразованнымъ людямъ? О несчастныя жертвы! Я произнесъ сіи слова, и сердечный вздохъ невольно вылетѣлъ изъ глубины моего сердца. Я самъ былъ лѣтъ 8 въ семь Пансіонѣ, но не [въ] таковомъ положеніи, я былъ полу-пансіонеромъ, это совѣтъ не то. Самъ видѣлъ несчастныхъ, которые надолго загубили себя. Всѣхъ бы (начальника Антонскаго и надзирателей) не жалко перевѣшать. Начальникомъ тутъ давно уже Антонскій, профессоръ энциклопедіи—этого довольно, чтобъ дать понятіе о его познаніяхъ.

Матушка пишетъ изъ Петербурга, что дѣло ся съ И. В. Лопухинымъ вѣдно разобрать въ общемъ Петерб. Сената собраніи. Вотъ загадка этотъ И. В. Такой рѣдкой человекъ и какъ себя замарываетъ въ мысляхъ благомыслящихъ людей. Я не говорю—*вслѣхъ* людей, потому что злословіе коварныхъ пустомелей кромѣ чести ничего произвести не можетъ.

19 Августа. Поѣхалъ я сегодня въ Донской монастырь посмотрѣть ходъ. Сергѣй уговорилъ меня. Слышалъ проповѣдь архимандрита Виктора, которой говорили, что не въ наружности состоитъ почитаніе иконъ, но во внутренности, что Тихвинская, Казанская, Донская и проч. всѣ равны. Но Матрена Павловна Салтыкова, 80 лѣтняя ста-

руха, осердилась на него, зачѣмъ онъ со всѣхъ сторонъ монастырскаго собора велѣлъ нарисовать Донскую Богородицу, а не различныхъ. Эту старушенку и нынче и въ Успенскъ день въ соборѣ видѣлъ я уже согбенную и насплу таскающуюся, но разбѣленную и разрумяненную и имѣющую лице синее. Говорятъ, что она все свое имѣніе употребила на украшеніе церквей, что не совсѣмъ полезно. Она не пропускаетъ ни одного церковнаго праздника, гдѣ бы ни была, и лакеи ея, столь же старые, но въ ливреяхъ еще древнѣйшихъ, ходятъ по церкви и почитаютъ себя людьми надобными, подобно какъ ходятъ глупые дьяконы, которые, крича во все горло, думаютъ, что они столь же велики, какъ бы и Бонапарте. А. А. Антонскій отозвалъ насъ обѣдать къ брату своему Виктору, что мы (или по крайней мѣрѣ... въ точности исполнили. За обѣдомъ 8 разъ пили здоровье Шампанскимъ (но жаль, что не по полной рюмкѣ), при пѣніи синодальными пѣвчими многолѣтія. Послѣ обѣда, когда на ланитахъ святыхъ отцевъ заигралъ живѣйшій (и вмѣстѣ очень яркій) румянецъ, преосвященный Августинъ, Московскій викарій (съ котораго, какъ говорятъ, Владимиръ, сынъ нашего Каменскаго, взялъ сколько-то сотъ за то, что старался о брилліантовой панагії, которую ему прислали) пошелъ со всѣми въ садъ, гдѣ посреди высокихъ липъ, пьяныхъ монашескихъ Харитона Чеботарева лицъ и бон-мо оберъ-секретаря Саидунова, приносилъ чистѣйшую жертву Бахусу прекраснымъ пуншемъ, пивомъ и Венгерскимъ. Моисей, ректоръ Академіи, во цвѣтъ лица своего, очень много вралъ и, между прочимъ, не будучи со мною знакомъ, звалъ меня къ себѣ. Августинъ тоже звалъ когда-нибудь на вечеръ. Антипъ, ключарь Успенскаго собора, набивалъ бездонные карманы поповскіе грушами. Племянникъ Платоновъ, протопопъ, вралъ не менѣе другихъ, но только мнѣ на ухо.

Брату Александру Ивановичу хочется непременно, чтобъ я ѣхалъ въ чужіе края и въ особенности въ Гёттингенъ. Не знаю, что онъ въ этомъ находитъ для меня полезнаго. Если судить по себѣ, то: *не вѣстъ старцамъ во тулцѣхъ бытъ*. Мой планъ ѣхать лѣтъ на 5 по бѣлу свѣту потаскаться, удовлетворить любопытству, имѣть отъ того пріятныя для сердца воспоминанія и сказать: я былъ въ Китаѣ, Америкѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Болѣе ни на что не претендую.

*

8 Сентября (1807) я началъ ходить въ Университетъ на лекціи и чувствую ихъ пользу.

Почти всѣ лекціи преподаются въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы нѣкогда жили *). Это производило во мнѣ разныя впечатлѣнія. Потому

*) Т. е. когда ихъ отецъ былъ директоромъ Московскаго Университета. П. Б.

скажу, что нынче былъ я въ Университетѣ, въ годовомъ собраніи общества испытателей природы. Предѣдателемъ тутъ гр. Ал. Кирил. Разумовскій. И удивительно, что онъ ничего не говорилъ въ продолженіи сего собранія. Какъ президенту, надобно бы ему было сказать какую-нибудь рѣчь. Секретарь сего общества, г. Дружининъ (директоръ народныхъ училищъ) говорилъ, что они дѣлали, кто у нихъ членами, и между прочимъ жаловался, что у нихъ въ собраніи нѣтъ денегъ, но что, прибавилъ онъ, г. г. члены сдѣлаютъ вспоможеніе. Какая подлость и, что называется, не *у мѣста* (*déplacé*)! Послѣ многихъ Французскихъ рѣчей, г. *Каризинъ* (тоже членъ) говорилъ рѣчь на Русскомъ. Каменскому (сыну) она понравилась, но мнѣ и *Буринскому* нѣтъ.

Въ рѣчи сей нѣтъ, во первыхъ, связи и предметъ очень обыкновененъ. (Онъ говорилъ, что у насъ мало своего, но что все иностранное; критиковалъ Русскихъ, какъ и всѣ другіе, т. е. что ѣздить въ чужіе края расточать имѣніе и проч.). Строкъ десять прочиталъ онъ объ окаменѣlostяхъ, которыя собралъ около Москвы. Но предисловіе, или лучше сказать, критика его была почти на двухъ страницахъ. Впрочемъ гладко написано и довольно изрядно. Мѣсты же его были очень не у мѣста: произношеніе тоже не хорошо. Графскіе музыканты и нѣвчіе дурно играли роли свои: но что касается до *Перовскаго* (побочнаго сына графа, который сдѣланъ студентомъ), то онъ игралъ *роль свою* превосходно: т. е. роль дурака!

Нынче же прислали кресты А. А. Антонскому, Керестури, и Политковскому—Анны 2-й, а *Стригову*, который *былъ* ректоромъ. Анны 2-й съ браніантами. Антонскій отъивно радъ, и Керестури, говорятъ, тоже. Завидные люди (не по кресту, а потому что радуются).

27 Сентября. Я еще не писалъ въ моемъ Бредѣ*) о настоящемъ моемъ бредѣ, т. е. о философіи, которою я теперь занимаюсь. Будучи въ Пансіонѣ, думалъ я, что надобно знать только одни языки, и что тотъ ученый человѣкъ, кто знаетъ къ тому Исторію и Географію: но теперь думаю, что ученіе пансіонское не заключаетъ въ себѣ всего нужнаго.

— Le but de la Philosophie est de connoître les lois de penser et d'agir.

Вотъ какъ у насъ пописываютъ: но вопросъ, такъ ли понимаютъ? Отвѣтъ коротокъ, не поскучай выслушать: *нѣтъ!*

Космополитъ значить *Weltbürger*. Нѣкоторые ученые почитаютъ себя и почитаемы космополитами, какъ мнѣ помнится.

*) Такъ называлъ Тургеневъ свою записную книжку. П. Б.

O ciel! que de vertus vous me faites haïr, *Corneille*. Это сказала Ninon de Lenclos, славная въ свое время и въ своемъ родѣ, одному маркизу, которой старался ей себя выхвалять. Извѣстенъ трагическій конецъ побочнаго сына ея. Онъ воспитывался не у матерп и лѣтъ 20-ти былъ представленъ ей какъ молодой человекъ просто. Онъ по несчастію въ нее влюбился, открылся—и застрѣлился, узнавъ отъ нея, что она его мать. Она очень огорчилась. Братъ Ал(ександръ) Ив(ановичъ) между прочими картинами подарилъ намъ и ея портретъ, въ которомъ много правильнаго, хорошаго, но *ne m'aime*.

4 Октябрю. Въ письмахъ чувствительнаго философа нашелъ я довольно изряднаго. Книга эта очень бы понравилась тому, кто не читалъ еще книгъ въ этомъ родѣ. Съ удовольствіемъ прочиталъ бы ее года за два передъ симъ. Въ одномъ письмѣ нашелъ я выраженіе сего философа, представляюще гордыхъ людей: *ils rampent avec orgueil sur la surface de la terre*. Оно мнѣ понравилось; понравилось—и внесено въ Бредъ. Однажды случилось, что сей философъ доказалъ за столомъ у графа (у коего онъ жилъ учителемъ для сына) одному молодому безбожнику, доказалъ существованіе Бога, представляя Его хозяиномъ дома, въ которомъ все ѣли и пили лучшее, не зная, кто ихъ кормить. (Стара шутка, сказалъ я самъ себѣ. Это еще я у Снѣгирева слышалъ (когда онъ училъ катехизису). Письма кончаются тѣмъ: сей философъ Montendre, сообщаетъ другу своему Saint-Tieu, котораго сестра идетъ за него по любви, что узнать въ графѣ своего отца, а графъ узналъ въ немъ сына, въ существованіи котораго онъ отчаявался болѣе 20 лѣтъ.

Невольники (рабы) всехъ возрастовъ и націй составляли важный предметъ торговли во всей Греціи. Жадные торгаша (*négociants*) выставляютъ ихъ, какъ негодный товаръ, на площадяхъ; и когда является покупатель, то они заставляютъ ихъ плясать, дабы можно было судить о ихъ силѣ и проворствѣ. Когда рабы не исполняютъ своихъ обязанностей, то господа ихъ могутъ и сковывать, осуждать вертѣть камень (*meule*)¹⁾ на мельницѣ, запрещать имъ жениться или развести съ женами, но не имѣютъ власти надъ ихъ жизнію; когда съ ними поступаютъ жестоко, то заставляютъ ихъ бѣгать или, по крайней мѣрѣ, имѣть убожище въ храмѣ Тезея. Въ семъ послѣднемъ случаѣ они требуютъ перейти въ услуженіе къ другому господину, менѣе жестокому, иногда (успѣвають) имъ удается избавиться отъ ига тиранства, кот(орое) во зло употребляло ихъ слабость.

(У насъ и этого нѣтъ!).

Невольники должны были брить свои головы, но они покрывали ихъ (колпаками, шапками, *bonnets*). Ихъ одежда должна была прости-

¹⁾ На поляхъ рукописи къ этому слову прибавлено: „meule—точильный брусъ“.

ратся только до колѣнъ, но многіе изъ гражданъ носили также. Запрещено, подъ опасеніемъ очень великихъ наказаній, бить¹⁾ чужихъ невольниковъ (не своихъ), ибо всякое насиліе есть преступленіе противъ государетва и пр.

(Также и этого у насъ нѣтъ).

Когда рабъ отпущенъ на волю, то онъ не переходитъ въ классъ гражданъ, но въ классъ водворившихся (domiciliés, водворенныхъ), кот(орый) приближается къ сему послѣднему—свободою, а къ классу рабовъ—малымъ уваженіемъ, кот(орымъ) оный пользуется.

Вчера мнѣ одинъ хозяинъ корчмы, Русской купецъ, слишкомъ много нагрубилъ: я его за это очень изрядно и побилъ.

20 Июня. Я въ Петербургѣ! Какая переменна въ моей Бѣлой Кнѣгѣ! Ровно другую недѣлю я живу здѣсь. Признаюсь, что съ Москвой разстался я не равнодушно. Со многими не хотѣлось разставаться. Но такъ и быть! Я выѣхалъ за заставу, вздохнулъ и сказалъ Москвѣ: прости—и можетъ быть на вѣки!²⁾ Я очень любовался окрестностями Москвы и Петровскаго дворца, наслаждался свѣжимъ воздухомъ и дышалъ хотя и свободно, но все оборачивался къ Москвѣ и заочно прощался съ милыми сердцу моему. Приѣхавши въ Клинъ, выпилъ въ трактирѣ водки, поѣлъ и опять поѣхалъ. Въ Твери написалъ письмо къ мадушкѣ, которое она и получила. Тутъ догналъ меня Везьяминовъ, тотъ плаксивый мальчишка, надъ кот(орымъ) баронъ Швенгфельдъ смѣялся въ Пансіонѣ и кот(орый) былъ всегда предметомъ моей жалости и нѣкот(орого) презрѣнія. Я и въ семъ случаѣ не переѣмилъ чувствъ своихъ. Онъ, можетъ быть, думалъ, что я прежде поклонюсь ему, и для того не кланялся мнѣ. Я думалъ иначе,—и такимъ образомъ мы ѣхали вереть съ 200 вмѣстѣ, вмѣстѣ останавливались, но не говорили ни слова другъ съ другомъ. Поѣхавши изъ Твери ночью, я заснулъ и потерялъ свою шапочку и платокъ, въ ней бывшій. Проснувшись, я просилъ Василья сбѣгать назадъ и поискать. Между тѣмъ я остановился. Темная ночь, маленькой осенній дождикъ (который) моросить, лошади, ходяція въ лѣсу съ заунывными колокольчиками, шумъ вѣтра, вѣющаго между листьевъ,—все это располагало душу мою къ мечтамъ печальнымъ. Двѣ станціи принужденъ я былъ ѣхать безъ картуза и за цѣлую дорогу безъ платка. Въ Торжкѣ же Василій

¹⁾ На поляхъ прибавлено: infliger определити наказаніе.

²⁾ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, будучи на пять лѣтъ старше брата Николая и на восемь Сергѣя, руководилъ ихъ судьбами. Онъ учился въ Геттингенѣ и настоялъ чтобы братья туда ѣхали: самъ же онъ уже состоялъ на службѣ при Новосильцовѣ, съ которымъ ѣздилъ на войну 1807 года, кончившуюся Тильзитомъ. Тамъ вѣроятно, узналъ его императоръ Александръ Павловичъ, при которомъ потомъ Тургеневъ имѣлъ значеніе въ Петербургскомъ служебномъ мѣрѣ. П. Б.

купилъ мнѣ картузь, кот[орый] покрывалъ вмѣстѣлице ума и вкуса до самаго П.бурга.

*

Роща. Полночь. Приѣхавши сюда, я узналъ¹⁾, что здѣсь скончался императоръ Петръ III-й. Мы (т. е. съ г. Куницынымъ) съ товарищами, г. Воронковскимъ, Чижевымъ и Соловьевымъ пошли ко дворцу, который показался намъ великолѣпнымъ и со вкусомъ построеннымъ. Посмотрѣвши немного на дворецъ, пошли въ садъ. Тутъ попался намъ садовникъ, Англичанинъ, который, спросивши мою фамилію, куда ѣдемъ, повелъ насъ по саду. Садъ очень хорошъ, особенно понравилосъ мнѣ множество каскадъ: они, сливаясь съ другими, составляютъ прозрачные ключи, которые разливаются по прекрасному лугу. Я сказалъ садовнику, что одинъ изъ прудовъ не чистъ²⁾. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что прудъ очень чистъ. После я узналъ мою ошибку, когда товарищи сказали мнѣ, что видимая мною тина было дно. Поблагодаривши добраго Англичанина, мы возвратились на ночлегъ въ *харчевню*, гдѣ поужинали. Товарищи мои ушли спать. Я же сижу одинъ и пишу, все вокругъ меня тихо, кромѣ того, что г-нъ харчевникъ довольно сильно храпитъ.

Не безъ горести расстался я съ любезнымъ моимъ братомъ-благодѣтелемъ. Чтѣ писать объ этомъ? Надобно только чувствовать.

Въ Стрѣльнѣ (былъ у меня, а я у него) видѣлъ любезнаго Воейкова въ солдатскомъ халатѣ и такой же шапкѣ. Также видѣлъ и Тарховыхъ. Они все служатъ въ Конной Гвардіи. Любезный теска подарилъ мнѣ на память 24 пули кот[орыя] нужны для пистолетовъ, подаренныхъ Д. Н. Блудовымъ. Я же ему обѣщалъ прислать изъ Риги кур[ительнаго] табаку.

За Стрѣльную выѣхалъ съ Д. Г. Соколовичемъ, А. Ѳ. Владиславлевымъ и Постниковымъ (этотъ изъ Пед. Инст.). Выпивши у заставы двѣ бутылки вина, давши солдатамъ конногвард. на водку, мы выѣхали и остановились на лугу, гдѣ выпивъ, кажется, Шампанскаго или Цимл., Владиславлевъ вырѣзалъ на соснѣ: *Турр*. Я для памяти подарилъ Сокол. пенковую мою трубку, и этотъ добрыйшій человекъ всунулъ мнѣ въ руку свои часы, подаренные ему его братомъ, и кот[орые] ему самому были очень нужны. И наконецъ, не хотѣвши ихъ брать назадъ, я насильно ему отдалъ.

Во время дороги примѣтилъ, что *я забывался* отъ того, что не спалъ. Сижу въ телѣгѣ и дѣлаю чертъ знаетъ что: начну какъ будто хлѣбать что нибудь изъ чашки, хочу взять хлѣбъ и вижу, что тащу

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: „вспомнилъ“.

2) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: „видя на немъ тину“.

за телѣгу. Василій смѣется; я опомнюсь, между тѣмъ какъ не сплю и вижу, что совсѣмъ не то дѣлаю, что думаю дѣлать. Къ тому же мнѣ сказывали, что одинъ лакей, не спавши шестеро сутокъ, сошелъ съ ума: вмѣсто того, чтобы съѣсть на запятки, онъ бросился бѣжать. Это очень вѣроятно, и я увѣренъ, что человѣкъ, не спя долгое время, можетъ потерять память и разсудокъ и проч. Въ Вышнемъ Волочкѣ видѣлъ князя Богратіона и на немъ звѣзды.

28 Июля. *Корчма въ 60 сертгалъ отъ Риуи.* Ночь. Приѣхавши сюда, выпили мы водки, купили у молодой Латышской дѣвушки земляники, такъ искусно завернутой въ корѣ, что ягоды совсѣмъ не измялись. Она, когда мы купили въ первый разъ, не хотѣла отдавать ягодъ, прежде нежели ей отданы будутъ деньги. Это замѣчательно. Потомъ поѣли ветчины, напилсь чаю, напоили имъ и извоциковъ: товарищи пошли спать, я остался и спажу теперь въ тишинѣ. Сегодня по утру проѣхали мы городъ *Волшеры* (Wolmar), кот(орый) кажется похуже Валокъ, зашли въ хлѣбную за хлѣбомъ, потомъ въ трактиръ выпить водки, кот(орой) рюмка стоитъ 5 коп. За такую же рюмку по дорогѣ отъ Москвы до П.-бурга платилъ я 20 коп. Въ этой и вообще во всѣхъ корчмахъ и трактирахъ воздухъ одинаковъ и непріятенъ, вѣроятно отъ табаку. Теперь уже рѣдко встрѣчаются намъ Чухонцы, у кот(орыхъ) кажется на лицѣ напечатлѣны *работво*¹⁾ и слишкомъ великая простота. Латыши гораздо лучше ихъ одѣваются, особливо женщины: всѣ въ бѣлыхъ платкахъ, и многія въ шляпахъ. Физіономіи сихъ послѣднихъ гораздо лучше Чухонцевъ. Мы думали, что такое различіе въ двухъ сосѣднихъ народахъ происходитъ отъ какой-нибудь важной причины, какъ-то: отъ состоянія ихъ, управления помѣщиковъ и проч. Но мнѣ сказывали, что они одинаковы въ ихъ состояніяхъ, но что все это зависитъ отъ обыкновенія. Когда между Латышами увидишь Чухонца, то разница эта такъ сказать бросается въ глаза очень чувствительно.

20-го Июля. Вотъ уже третій день, какъ мы покойны, т. е. что мы нашли себѣ попутчиковъ²⁾, какихъ-то Гильзитскихъ женщинъ и дѣвушку, кот(орья) каждый годъ по нѣскольку разъ приѣзжаютъ въ Ригу для продажи товаровъ. Этою находкою обязаны мы г. Гебгарту, секретарю здѣшняго ратгауза, котораго рекомендовала намъ хозяйка наша, *м-me Sivart*, также женщина добрая и очень словоохотливая. Она рассказывала мнѣ о раненыхъ солдатахъ, которые пришли въ Ригу въ бытность здѣсь Государя. Также она сказывала мнѣ, что здѣсь можно видѣть кнуты, которыми били, выгоняя изъ города католическихъ

¹⁾ Въ рукописи къ этому слову въ концѣ страницы сдѣлана приписка: „вздоръ“.

²⁾ Въ рукописи исправлено: „попутчицы“.

поповъ, которые ловили на узицахъ дѣвокъ, приводили ихъ къ себѣ и по прошествіи года или болѣе и менѣе зарывали ихъ живыхъ въ землю. Это открылъ старикъ, нечаянно зашедшій почевать въ церковь и видѣвшій таковое погребеніе одной несчастной; за это-то ихъ и выгнали.

Но по наступленіи ночи стало что-то грустно. Я много думалъ о своемъ состояніи настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, о братѣ Андреѣ Ивановичѣ, и все это окончилось слезами. Мнѣ пришла въ то время мысль, что человѣкъ тогда только не несчастливъ, когда онъ забывается, не думаетъ о себѣ. Я въ то время былъ въ состояніи чертъ знаетъ что написать къ брату Ал. Пв.

Вчера мои Нѣмки пѣли мнѣ пѣсню, кот(орую) сочинила жена короля Прусскаго Фредерика II (она была рыжая). Король ея не любилъ и никогда съ нею не жилъ, но пріѣзжалъ иногда къ ней, кажется, въ Шарлотенбургъ. Однажды, когда онъ пріѣхалъ, то сочиненную ею пѣсню заставила нѣтъ пѣвчихъ подлѣ саду, гдѣ ходилъ король (голосъ очень хорошъ). Король слышалъ, но не перемѣнился: королева заплакала и, уходя изъ саду, еще пропѣла что-то. Нѣмки сказывали мнѣ, что и король плакалъ, но я имъ не повѣрилъ. Хотя Нѣмки все пѣсни пѣли мнѣ очень смѣшно, и эту также, но голосъ этой очень хорошъ.

Геттингенъ. 19 (31) Августа. Среда. Сегодня въ 4 утра пріѣхали въ Геттингенъ: въ 7 или 8 часовъ стали въ трактиръ. Мальчики, кот(орые) тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ явились къ намъ съ услугами въ разсужденіи квартиры, кот(орую) мнѣ и показали. (Притомъ еще они сказали, что ихъ послали Русскіе студенты къ намъ, между тѣмъ какъ ихъ никто не посылалъ). Но какъ бы то ни было, они показали намъ квартиру. Когда я пришелъ въ другой разъ посмотреть комнаты, то хозяйка, посмотрѣвши на меня, сказала своему мужу, что я похожъ на г. Тургенева. Отгадала, отгадала! Братъ во все время своего пребыванія въ Геттингенѣ жилъ въ этомъ домѣ, только въ верхнемъ этажѣ. А въ этой комнатѣ, гдѣ я живу и въ той, гдѣ живетъ г. Куницинъ, жилъ А. М. Тургеневъ (der Herr Rittmeister von Turgenew).

Вчера ввечеру былъ я у Р. Θ. Тимковскаго. Отъ него пошелъ домой и по прошествіи нѣкотораго времени смотрѣлъ на церемонію, составленную для случая выбора новаго проректора. У насъ діаконы провозглашаютъ: *Рождество Твое, Христе. Боже нашъ*; а здѣсь какой нибудь Герентъ будетъ разсказывать дѣянія Александра Великаго, критикуя ихъ своимъ образомъ, и будетъ врать про Французскую революцію и вмѣстѣ говорить свои Нѣмецкіе бон-мо. Какая разница! Право, лучше бы теперь послушать первое, нежели второе. Желалъ (бы)

побывать теперь въ Москвѣ. Здѣсь и въ новый годъ (большой праздникъ у Нѣмцовъ) ничто не веселилось; только, кажется, перестали шить сапоги и дѣлать колбасы и сосиски.

Я теперь въ безпокойствѣ, въ разсужденіи моего векселя, который пропалъ и вѣроятно, что не найдется, и 500 р. для меня потеряны. Бездѣлица, а теперь мнѣ очень нужная, и эта бездѣлица причиною моего безпокойства. Я боюсь и вспомнить о томъ щастливомъ днѣ, въ который долженъ буду оставить Геттингенъ. Всю скуку я предвидѣлъ, и сердце мое не обманулось въ предчувствіи.

Сегодня читалъ съ Рандомъ *Иеру въ неволѣ*, соч(иненіе) Коцебу. Это чтеніе, хотя и пріятное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, возродило во мнѣ чрезвычайно непріятныя мысли. О Россія. Россія! Если бы жизнь моя могла быть въ семь случаевъ полезна славному, доброму Русскому народу, сей часъ радъ бы пожертвовать оною тысячу разъ!

Бьетъ 10 часовъ ночи. Все тихо, но сердце мое сильно бьется и напоминаетъ мнѣ, что я въ Геттингенѣ. Проклятый городъ! Когда буду я внѣ стѣнъ твоихъ? Когда буду свободно дышать воздухомъ Русскимъ, роднымъ. Дышать свободно можно, кажется, только въ Россіи. При этомъ имени невольный вздохъ вылетаетъ изъ моего сердца, угнетѣннаго всеѣмъ чужимъ. Самая природа здѣсь для меня мачиха; и солнце не такъ тепло, не такъ красно, и люди не тѣ. Да откроется предо мною непроницаемое таинство, и да узнаю, отъ чего истинно происходитъ это сладчайшее чувство любви ко всему родному. Чѣмъ далѣе удаляюсь отъ Отечества, тѣмъ ближе сердце мое дѣлается къ нему*).

На сихъ дняхъ получилъ отъ бр(ата) А(лександра) И(вановича) 500 по 12 и $\frac{5}{8}$ шил. Спасибо ему! Но какой дурной курсъ! За 500 р. получилъ я 180 тал. Не знаю, какъ расплатиться съ долгами. А ужъ живу очень экономно. Черезъ 17 дней начнется 1810 въ Россіи. Ниспошлетъ ли Провидѣніе благословеніе свое на Россію и загладитъ ли 1810 г. прошедшіе? Духъ разума и славы, осѣни Россію крыломъ своимъ и дай Александру сдѣзаться тѣмъ Александромъ, какимъ онъ былъ за 4 года!

Курсъ вашъ 11 съ чѣмъ-то шил. Хорошо! Что-то будетъ въ передъ.

А ты, Россія, восприни вновь съ новымъ годомъ и затыми блескомъ своимъ все царства земныя! Явись въ прежнемъ сіяніи своемъ, величественномъ и благодѣтельномъ для вѣрныхъ сыновъ твоихъ. Или собери сихъ послѣднихъ и ступай карать нарушителей твоего бла-

*) Судьба велѣла И. И. Тургеневу почти всю жизнь провести на чужбинѣ; за то до конца неуклонно оставался онъ человекомъ Русскимъ, съ твердымъ разумомъ и широкою душою. П. Б.

женства. Потомъ стрясъ съ себя тяжелое бремя, бремя рабства и явился какъ восходящее солнце, въ полномъ сіяніи славы и разума!

Прошлаго Воскресенья прѣѣхалъ Сергѣй, и пустыня моя обновилась. Я много спрашивалъ его о Россіи и изъ всего вижу, что все у насъ находится въ безпечной дремотѣ, все унижено и унизилось, и все въ страшнѣйшемъ и страннѣйшемъ безпорядкѣ.

25 Августа (6 Сент.). Вторникъ. Кажется въ Субботу, записавшись у проректора Эйхгорна, пошелъ я къ Шлецеру. Прихожу, доложили. Я немного подождать. Выходитъ почтенный старикъ. Взялъ у меня письмо, попросилъ садиться, взялъ для себя стулъ, я тоже сдѣлалъ. Сѣвши онъ началъ разсматривать печать на пакетѣ и сказалъ, что это кажется ему быть отъ одного изъ знакомыхъ его Русскихъ; и отвѣчалъ ему, что я братъ того Тургенева, кот[орый] имѣлъ честь и проч. *Tausend Mal!* (такъ какъ-то), вскричалъ съ удивленіемъ Шлецеръ: *Sie sind doch der Bruder von meinem theueren intimen Freund H. v. Turgenev?* Началъ со мною очень ласково говорить и просилъ чаще къ себѣ ходить. Прощаясь сказалъ: *au revoir* и проводилъ до сѣней. Онъ далъ мнѣ каталогъ лекцій; но на другой день прислалъ другой и приказалъ сказать, что первый, кот[орый] онъ далъ.—прошлаго года. На второмъ сдѣлалъ самъ подпись по-русски. Когда я записался у проректора, то онъ сперва сказалъ, что надобно заплатить 3 тал. съ чѣмъ-то. Потомъ же, узнавши, что дворянинъ, сказалъ, что надобно заплатить 6 съ чѣмъ-то. Потомъ, когда прислалъ съ матрикелемъ педеля, то педель сказалъ, что надобно заплатить 8 съ чѣмъ-то. Вотъ каково быть здѣсь дворяниномъ.

Въ прошедшій Вторникъ, позавтракавши хорошо у Коха, въ 11 ч. утра сѣли мы съ Н. П. Бутырескимъ въ почтовую коляску и поѣхали въ Эрфуртъ*) по (экстра-почтѣ).

*) Отъ поѣздки въ Эрфуртъ сохранился листокъ, исписанный карандашомъ и приклеенный къ полямъ рукописи около этого мѣста (86 листъ). Содержаніе его слѣдующее: 5 Окт. Среда. Эрфуртъ. Не даромъ прѣѣжали мы сюда. Сюда прѣѣхали мы часовъ въ 11 утра сегодня и стали въ трактирѣ. За большую комнату платимъ 2 тал. Сейчасъ пришли изъ-за города. Тамъ видѣли нашего Императора и Французскаго: хорошо разсмоглись. Они смотрѣли Французскій полкъ: палба была славная. Подъ Фр[анцузскимъ] Императоромъ лошадь показалась мнѣ очень простою, но она скакала по полю прытче всѣхъ. Нашего вел. князя также давеча по утру видѣлъ, а на смотрѣ не видѣли. Императоръ Фр[анцузскій] сперва сѣлъ въ карету у своего крыльца, поѣхалъ прежде къ брату своему, Вестфальскому королю, оттуда еще куда-то, а потомъ и къ нашему Императору. Оттуда поѣхали вмѣстѣ верхами. Солдаты [кричали] по окончаніи смотра: *vive l'Empereur!* Фр[анцузскій] Императоръ одѣтъ былъ очень просто: мундиръ безъ штыля, шляпа маленькая безъ пера и проч. 7 Октября. Пятница. Послѣ обѣда. Вчера было намъ довольно скучно цѣлые послѣ обѣда, потому что оба Императора отсюда уѣхали въ Веймаръ для охоты. Сказываютъ, что прѣѣдутъ завтра. Сегодня былъ въ Августин-

1808 (въ Эрфуртѣ).

Въ трактирѣ сказали намъ, что послѣ обѣда оба Импер[атора] будутъ *смотреть* полкъ за городомъ. Мы пошли къ Наполеонову дому (гдѣ онъ живетъ, который называется (Gouvernements-Gebäude). Тутъ сказали намъ, что Импер[аторъ] побѣдетъ скоро верхомъ. Мы остановились, ждали, видѣли какъ Императоръ выѣхалъ, но не верхомъ, а въ каретѣ. Онъ заѣхалъ къ какому-то королю, оттуда къ брату своему, королю Вестфальскому, оттуда еще куда-то и наконецъ къ нашему Императору. Народу довольно бѣгало за его каретой. У нашего Императора побывать онъ съ полчаса или болѣе, и оттуда оба побѣжали верхомъ за городъ. Тутъ я довольно изрядно видѣлъ нашего и Франц[узскаго] Императоровъ. Подъ Наполеономъ была лошадь очень простая съ виду, съ хвостомъ; однакожь послѣ видѣлъ я, какъ прытко она скачетъ, и узналъ, что она Арабская. Полкъ стоялъ на полѣ. Императоры побѣжали туда. Мы сперва стали на валу, кот[орымъ] окруженъ городъ; тутъ много было народу, однакожь оттуда не хорошо видно было, потому что это было далеко. Мы пошли по большой дорогѣ туда, гдѣ все происходило и очень хорошо разсмотрѣли обоихъ Импер[аторовъ], когда они стояли на одномъ мѣстѣ, и полки пѣхотной и гусарской проходили мимо и салютовали имъ. Во время этого смотра была оружейная и пушечная пальба. Одинъ баталіонъ палилъ хорошо, а другой дурно; одинъ изъ капитановъ послѣдняго говорилъ мнѣ на другой день, что это происходило отъ того, что Импер[аторъ] (Французскій) былъ всегда передъ фрунтомъ, что солдаты смотрѣли на него и робѣли. По окончаніи смотра побѣжали Императ[оры] назадъ въ городъ. Я стоялъ на валу, и полкъ пѣхотный проходилъ мимо. На другой день, когда мы были еще въ постели, чистильщикъ сапоговъ или трактирный служитель сказалъ намъ, что Императоры ѣдутъ въ 10-ть часовъ на охоту въ Веймаръ, что туда идегъ очень много народу. Мы послали его поискать для насъ коляски; но это было, какъ все они говорили, невозможно. Импер[аторы] уѣхали, и въ этотъ день послѣ обѣда было намъ очень скучно. Поутру пошелъ я къ гр. П. А. Толстому, узнавъ отъ фельд-егеря, гдѣ онъ живетъ. Онъ принялъ меня, кажется, ласково. Говорилъ, чтобы я пріѣзжалъ учиться въ Парижъ въ политехническую школу, звалъ меня обѣдать; я сказалъ, что ѣду въ Веймаръ. „Зачѣмъ?“ спросилъ онъ.—Чтобы видѣть Импер[аторовъ], отвѣчалъ я. „Я ужъ на нихъ посмотрѣлся“, сказалъ мнѣ графъ. Много скомъ монастырѣ. Вчера поутру былъ у графа Толстого; принялъ, кажется, хорошо. Говорилъ, чтобы я пріѣзжалъ учиться въ Парижъ; при прощаньи сказалъ, что *онъ мнѣ и въ Геттингенъ можетъ быть полезенъ*.

честь вашему сіятельству, думалъ я. Потомъ сказать, что естъли я хочу видѣть хорошенько нашего Государя, то онъ возьметъ меня когда-нибудь съ собою и поставитъ меня во дворцѣ (или какъ это называть) въ комнату, гдѣ я очень хорошо могу насмотрѣться на Государя. Я поблагодарилъ его и простился: онъ при прощаньи сказалъ мнѣ: „*И тебѣ и съ Геттингенъ могу быть полезенъ*“. Я хотѣлъ было попросить у него рекомендательное письмо къ профессору Герену; но жаль, что послѣ не былъ уже у него. На другой день, т. е. въ Пятницу послѣ обѣда, пушечная пальба возвѣстила прїѣздъ Импер[аторовъ]. Мы были тогда на почтѣ и, услышавъ, тотчасъ пошли къ дому, гдѣ живетъ нашъ Импер[аторъ]. Черезъ нѣсколько времени прїѣхали Импер[аторы] въ открытой коляскѣ четверкою (Jagdwagen). Кучера хотѣли въѣхать въ ворота подъ домъ наш[его] Импер[атора], но Его И. В. махнулъ рукою и Наполеону, чтобы остановились у воротъ. Однако передній кучеръ былъ уже почти въ воротахъ и не скоро могъ повернуть назадъ. Тутъ я разсмотрѣлъ очень хорошо Наполеона. Государь нашъ, ставши кажется на подножку, прощался съ нимъ, потомъ когда Наполеонъ сталъ отъѣзжать, то я, оглянувшись, увидѣлъ неподалеку отъ себя нашего Императора, кот[орый] еще простился съ Наполеономъ. Потомъ проскакали 5 или 6 эскадроновъ кирасировъ, кот[орые] стоятъ на караулѣ у двухъ Императоровъ. Черезъ часъ или болѣе Государь нашъ поѣхалъ къ Фр[анцузскому] Импер[атору] обѣдать, я въ это время также его видѣлъ. Потомъ видѣлъ Великаго Князя Константина Павловича, кот[орый] шелъ пѣшкомъ къ Фр[анцузскому] Импер[атору]. На другой день я также его видѣлъ, когда онъ шелъ пѣшкомъ къ нашему Императору. Видѣлъ многихъ: Румянцова, А. Н. Голицына, кажется Н. А. Толстаго, Сперанскаго, о кот(оромъ) узналъ уже въ Геттингенѣ изъ письма братаина, видѣлъ одного въ генеральскомъ мундирѣ съ Александровской лентой и теперь догадываюсь, изъ газетъ, что это былъ графъ Аракчѣевъ. Видѣлъ Фр(анцузскаго) генерала *Уоино*, какъ мнѣ сказали, и другихъ. Видѣлъ Саксонскаго короля, принца-примаса, оба старики. О послѣднемъ сказывали мнѣ, что его въ Эрфуртѣ народъ очень любитъ. Въ Субботу, въ половинѣ 2 часа выѣхали съ ординарною почтою изъ Эрфурта. Одинъ изъ пассажировъ, кажется, житель Эрфуртскій или Веймарскій, сказывалъ мнѣ, что въ Эрфуртѣ изъ одной церкви (всѣхъ святыхъ, *Aller Heiligen*), мимо кот(орой) мы проѣзжали, недѣли за четыре выгоняли чорта.

(21) 9 Ноября *). *Понедѣльникъ*. Въ прошедшій Вторникъ было здѣсь большое торжество по причинѣ дня рожденія Вестфальскаго

*) Въ датѣ ошибка: надо 28 Окт. (9 Ноябри).

короля Ер.¹⁾ Наканунъ охрипый крикунъ запретилъ народу работать подь опасеніемъ 5 талеровъ штрафа. Я ходилъ въ церковь. Она была полна Нѣмецкаго народа, кот(орый)²⁾ всегда и вездѣ останется Нѣмецкимъ народомъ. Нѣкоторые стояли въ шляпахъ; солдаты подлѣ алтаря въ шляпахъ, студенты съ собаками, пасторъ на колѣвахъ просилъ Бога о виспосланіи щастія Отцу Отечества. Но Нѣмцы—чего не въ состояніи дѣлать эта шушера! Въ вечеру ратгаузъ, домъ Консиліума, префектуры и нѣкоторыхъ чиновниковъ были освѣщены. Въ ратгаузѣ горѣлъ щитъ, гдѣ былъ изображенъ бюстъ короля съ подписью, кажется *pater patriae*. Геній какой-то держалъ надъ его головой вѣнокъ.—Пониже, сказала я Ранду,—еще пониже. Оттуда пошелъ съ Данилевскимъ и Рандомъ въ ложу на хоры, въ залу къ Коху, гдѣ былъ балъ. Тутъ опять подлюбовался просвѣщенными Нѣмцами. Танцевали, пили, ѣли, веселились. Нѣкоторые студенты Вестфальскіе франтили въ своихъ мундирахъ *de la garde*³⁾ *d'honneur*, кот(орые) носить право получили они за то, что подь предводительствомъ здѣшняго берейтера и какого-то фабриканта они встрѣчали короля и провожали. О Нѣмцы! Понжераръ говорилъ Данилевскому во Вторникъ: *Aujourd'hui toute la canaille de Göttingue s'assemblera...* и что Нѣмцы не хотѣли праздновать рожденіе короля: *mais lorsqu'on leur promet du brandwein et un tonneau de bière*, то они...

Какъ восхищаются Геттингенскіе жители нашимъ праздникомъ! Да и подлинно, всѣ были и сыты и пьяны. Старый генералъ Лестоку смѣшилъ меня. Естьлибъ я самъ былъ на весельѣ, то я бы не такъ замѣчалъ его проказы, но мнѣ некогда было веселиться такимъ образомъ: я веселился тѣмъ, что все идетъ порядочно и всѣ довольны. Праздникъ сталъ намъ около 550 талер. Мы не думали, чтобы было такъ много. Посторонніе полагаютъ, что гораздо болѣе.

18 (30) Октября. Воскресенье. Вечеръ. Вогъ уже прошелъ послѣдній день такъ называемыхъ *ferien*. Завтра начнетъ пр. Геренъ читать свои лекціи. Я немного приготовился по тетрадамъ Э. Я. Ранда (кот(орыя) мнѣ списываетъ Крамеръ); но все еще предвижу большую, очень большую трудность въ слушаніи лекцій и въ записываніи. Но съ помощію Божіею приступлю къ началу этого важнаго въ жизни моей подвига. Буду очень стараться и прилежать: въ этомъ даю себѣ честное слово. Съ начала очень, кажется, охотно я хочу приступать: не знаю, чтѣ будетъ впередъ, но почти увѣренъ, что пойдетъ дѣло изрядно, потому что въ Геттингенѣ, чтѣ дѣлать какъ не учиться?

¹⁾ Т. е. Иеронима, брата Наполеона I. П. Б.

²⁾ Въ рукописи послѣ этого слова сверху приписано „NB“.

³⁾ Въ рукописи: „garde“.

Авось, авось! Авось, можетъ быть, и мы чему-нибудь да научимся! Но вотъ что меня беспокоитъ: я буду учиться, прилежать, но надобно въ свое время имѣть и развлеченіе, а здѣсь я не предвижу себѣ никакого порядочнаго удовольствія: предвижу только послѣ трудовъ одну скуку. Не знаю, какъ пройдутъ эти два года.

19 (31) Окт. Понед. Сегодня послѣ обѣда слушалъ двѣ лекціи у Герена. Первая, о древней Исторіи, была для меня легче, потому что я приготовился по его Compendium, а вторая потому труднѣе, что въ тетрадахъ, кот(орыя) у меня списаны, нѣтъ вступленія, кот(орое) проходилъ Герень. Читаетъ хорошо и для меня понятно. Мѣсто имѣю я также хорошее, 6 №. По утру я занимался выписываніемъ различныхъ мѣстъ изъ Гено.

1809.

25 Декаб. 808. (6 Январ. 809). Сегодня у насъ на Руси праздникъ Рождества Христова. При этой мысли все мнѣ живо представляется. Наприм(ѣръ), въ Москвѣ почти каждый беретъ участіе въ праздникѣ, а поутру рано видны одни только лакеи, кот(орые) ѣздятъ съ визитными карточками. Рано всѣ идутъ къ обѣднѣ. Потомъ видно, что одѣтые въ праздничныя платья идутъ по улицамъ. Ходятъ въ гости другъ къ другу. Потомъ видны поны, монахи и монахини, кот(орые) катаются по улицамъ, когда ѣздятъ со крестами. Я конечно бы мало или совсѣмъ не веселился теперь тамъ на праздникѣ, но но крайней мѣрѣ можно радоваться, смотря на другихъ веселящихся; а здѣсь и этого-то удовольствія имѣть нельзя. Все мертво и уныло. Все произростаетъ для собиранія денегъ и картофеля. У насъ теперь громогласные музыканты и играли: по обѣимъ сторонамъ шли съ факелами; въ серединѣ шли студенты по двое и по трое съ палками и трубками. Передъ домомъ проректора всѣ выстроились. Сперва закричалъ одинъ изъ студентовъ не знаю что-то. Потомъ вся толпа кричала (похоже на то, какъ бывало въ пансіонѣ ученики кричали или *укали*). Здѣсь вся толпа кричала, какъ мнѣ сказывали: *Нощ!*, разслушать нельзя было. Покричавши, они пошли назадъ къ какому-то Ейхторну и другимъ. На улицѣ подлѣ нашей слышенъ былъ опять такой же крикъ—это значить, что они благодарятъ стараго проректора.

21 (2) Пятница. Одиннадцать часовъ ночи.—Какъ провелъ я день этотъ? По утру хотѣлъ идти къ проректору записаться, но не успѣлъ: Купилъ себѣ шляпу, палку. Послѣ обѣда ходилъ играть съ Воронковскимъ на биліардѣ. Потомъ ходилъ съ г. Бутырекимъ къ Англинскому учителю и записался у него (ходить къ нему всякой день по 1-му часу

за 6 тал. въ мѣсяць). Оттуда, когда шелъ домой, встрѣтился мнѣ А. П. Данилевскій¹⁾ и позвалъ меня къ себѣ. Въ 6 часовъ должно ему было идти къ Латинскому учителю. Такъ какъ и мнѣ онъ нуженъ, то мы пошли вмѣстѣ, и я уговорился пока ходить 3 раза въ недѣлю. Цѣны еще не знаю. Данилевскій и Wunderlich (Лат. учитель) не совѣтывали мнѣ учиться у Брауна (Англ. учит., у кот(орого) я записался) и совѣтывали лучше учиться у *Бенеке*, и г. Wunderlich пошелъ уже просить сего послѣдняго. Не знаю, чѣмъ рѣшится. Не знаю, чѣмъ-то кончилъ Вейденгамеръ²⁾ (студентъ Моск(овскаго) университета) свой трудный нынѣшній подвигъ.

17 (29) Сентября. Четвертъ. Сегодня пошло письмо въ Россію къ матушкѣ и брату, и будетъ—№ 4-й. Я писалъ къ нему все о теперешней своей скукѣ. Такой скуки я еще никогда съ собою не помню. Мнѣ кажется, что я здѣсь никакъ не могу прожить долго и принужденъ буду для избѣжанія этой несносной болѣзни возвратиться домой. Ахъ! при одномъ имени этомъ сейчасъ слезы полились изъ глазъ. Богъ знаетъ, что со мною будетъ; вотъ уже третій день, какъ я самъ себя не знаю и самъ себѣ не принадлежу: жестокая скука совершенно овладѣла мною.

21 Января. (2) Февраля. Четвертъ. Эту недѣлю я почти ничѣмъ не занимался; причиною этому безпокойство о векселяхъ: досадно потерять, что называется *ни за что ни про что* 500 р., а особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ большаго моего кармана. Но я положилъ себѣ за правило не думать о потанныхъ деньгахъ. Дѣло-ста наживное! Тотъ не разбогатѣеть, который присвоить себѣ мой вексель, а я не разорюсь. Вотъ Русская нравственность.—Геттингенъ для меня скученъ, но мысль, что я когда нибудь уѣду отсюда, подкрѣпляетъ мое терпѣніе.

Сегодня сказывалъ мнѣ Вундерлихъ, что Франція объявила войну Австріи. Мысль эта, соединенная съ другими многими, сдѣлала меня на цѣлый вечеръ болѣе мрачнымъ и будетъ возбуждать во мнѣ другія, столь же непріятныя.

Россія! Россія! съ благоговѣніемъ и любовію произношу священное имя твое и оставляю въ сердцѣ моемъ таяться различнымъ чувствованіямъ. Еслибы пезначущая жизнь моя могла содѣйствовать къ твоему благу—съ радостію пожертвовалъ бы ею. Тысячу разъ умеръ бы для моего отечества, для Россіи!!!

¹⁾ Это будущій историкъ Отечественнѣй войны. П. Б.

²⁾ Къ этимъ словамъ въ рукописи слѣдуетъ слѣдующее примѣчаніе: „Кончилъ удачно и ничего не получилъ; какъ онъ сказывалъ, что и самъ того ранилъ“.

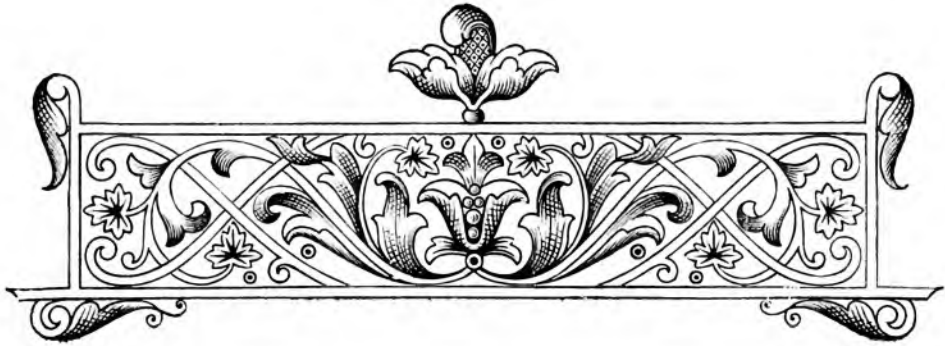
Да носится Геній благотворительный надъ странами Русскими! И да будетъ Русской тѣмъ, чѣмъ благодѣтельная для него судьба назначила быть ему: да будетъ Русскимъ. Этого слова довольно.

1810.

Въ Субботу ходилъ я на поклонъ къ Струве, а потомъ и къ нашему попу, единственному порядочному человѣку въ Касселѣ, и завтракалъ у него Русскую водку и огурцы—славно, какъ Русскихъ кормятъ Рускіе! Но на другой день, въ Воскресенье, поѣхали мы къ обѣднѣ. Церковь наша мнѣ очень понравилась. При входѣ во храмъ невольно почувствовалъ я священное благоговѣніе къ *Божеству* и *Отечеству*; сердце мое забилося, и я изъ глубины души молился *первому о послѣнемъ*. Дьячки бѣдные грустны: въ Касселѣ имъ скучно: Русскихъ совсѣмъ тамъ нѣтъ. Послѣ обѣдни мы пошли къ попу по его приглашенію и завтракали у него прекраснѣйшимъ Русскимъ образомъ. Никогда, думаю, здѣсь не ѣдалъ я съ такимъ аппетитомъ. Меня кормилъ Русской по-русски!

Непонятно, какъ эти журналисты и многіе другіе могли такимъ несправедливымъ образомъ нападать на Шишкова. Книга его подлинно имѣетъ большія достоинства; и предубѣжденіе злонамѣренныхъ и глупость *невинныхъ* его опровергателей должны быть очень велики. Впрочемъ я бы посоветовалъ господамъ журналистамъ поосторожнѣе и даже порѣже говорить о Ломоносовѣ, о которомъ каждой Русской долженъ говорить съ величайшимъ душевнымъ почитаніемъ. Можно разсуждать какъ хочешь свободно о Херасковѣ, иногда о Сумароковѣ и нѣкоторыхъ другихъ, но что касается до Ломоносова, то каждое слово о семъ необыкновенномъ человѣкѣ должно быть взвѣшено. Даже и Шишкова можно иногда почестъ вольнодумцемъ, когда онъ говоритъ о Ломоносовѣ.

С. М. Иконниковъ.

УЧАСТНИКЪ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

1.

Копія.

по УКАЗУ

Его Величества Государя Императора

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО

и прочая, и прочая, и прочая... (№ 1823).

Предъявитель сего майоръ Степанъ Михайловъ сынъ Иконниковъ, который, какъ изъ полковаго формулярнаго списка значить, отъ роду имѣеть 30 лѣтъ, изъ дворянъ: въ службу вступилъ кадетомъ, 794-го Октября 19-го въ 1-й Кадетскій Корпусъ, прапорщикомъ 803-го Июня 30-го съ опредѣленіемъ въ Подольскій Мушкетерскій, что нынѣ 36-ой Егерскій полкъ, въ ономъ подпоручникомъ 804-го Октября 25-го, поручникомъ 806-го Апрѣля 5-го, штабсъ-капитаномъ 810-го Мая 28-го, переведенъ въ 11-ый Егерскій полкъ 813-го Июля 10-го, въ ономъ капитаномъ 815-го Августа 10-го.

Въ теченіе службы былъ въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля: 805-го Августа 19-го противъ Французовъ чрезъ Галицію, Слезію.

Моравію и Австрію до Баваріи; въ продолженіи сего похода въ сраженіяхъ—Октябріа 19-го при открытіи непріятеля въ м. Ламбахъ, 22-го при отступленіи непріятеля чрезъ рѣку Энсъ, въ сраженіи при городѣ того же имени, 24-го при г. Амштетинѣ, 30-го во время сильнаго сраженія напавшаго непріятеля въ лѣсу и въ ночи на 31-ое число подъ г. Кремсомъ; при открытіи и совершенномъ истребленіи укрѣпившагося въ горахъ сильнаго непріятельскаго корпуса. Ноябріа 4-го при м. Шенграбенѣ, гдѣ раненъ въ ляжку лѣвой ноги пулею на вылетъ и взятъ былъ въ плѣнъ, 806-го Ноябріа 19-го въ Пруссіи до м. Пултуска, 807-го Генваря 23-го въ сраженіи при селеніи Юнкендорфъ для содержанія въ дефилеяхъ передовыхъ форпостовъ, 24-го въ сраженіи и для прикрытія регимента арміи, 25-го при д. Ландебергѣ, 26-го и 27-го при м. Прейсшишъ-Эйлау въ генеральномъ сраженіи.

812-го Юліа съ 4-го отъ герцогства Варшавскаго къ г. Дриссъ, Юліа 3-го въ авангардѣ при г. Диснѣ, гдѣ 7-го числа у перестрѣлки съ непріятельскою кавалеріею, 14-го при сраженіи подъ г. Витебскомъ, Августа 5-го при г. Смоленскѣ, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ, въ которомъ находился по 1-ое Апрѣля 1814-года. Въ штрафахъ, подъ судомъ и домовыхъ отпускахъ не бывалъ.

Холость, къ повышенію чиномъ аттестованъ достойнымъ, а сего 1817-го года Генваря въ 16-й день по ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА приказу отъ службы уволенъ съ награжденіемъ чиномъ маіора, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ за ранами. Во свидѣтельство чего по Высочайше представленному мнѣ уполномочію сей указъ данъ маіору Иконникову за моимъ подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати при главной квартирѣ г. Могилевѣ на Двѣпрѣ 1817-го года Августа 6-го дня.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего генераль-фельдмаршала, главнокомандующій 1-ю арміею, Государственнаго Совѣта членъ и орденъ Россійскихъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія 1 класса, св. Равноапостольнаго Князя Владимира 1 степени, Св. Анны 1 класса; и иностранныхъ: Императорско-Австрійскаго Маріи Терезіи командоръ, королевскихъ: Прусскихъ чернаго и краснаго орла, Французскихъ почетнаго Леіона и Св. Людовика большаго креста; Англійскаго Бани, Шведскаго Меча, Саксонскаго Военнаго достоинства и Нидерландскаго Вильгельма 1-хъ классовъ кавалеръ, имѣющій шпату лаврами украшенную князь Барклай-де-Толли.

II.

Копія.

Свидѣтельство (№ 9514).

Дано сіе изъ Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ отставному маіору Степану Иконникову, въ томъ, что онъ, Кавалерскою Думою Военнаго Ордена С. Георгія, въ засѣданіи съ 9 Декабря 1862 года, опредѣленъ въ почетную стражу при гробѣ фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго въ городѣ Кіевѣ и что за таковымъ его опредѣленіемъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 18-го Марта 1805 года предположенія бывшаго государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцева, назначено ему г-ну Иконникову содержаніе по двѣсти восьмидесяти пяти рублей девяносто копѣекъ серебромъ въ годъ, которое будетъ производиться ему изъ Кіевской Казенной Палаты ежегодно съ истеченіемъ каждой трети по предъявленіи сего свидѣтельства. Санктпетербургъ. Декабря 28 дня 1862 года. Членъ Капитула генераль-лейтенантъ. Бѣлогужевъ. Директоръ Тюрбертъ. Начальникъ Отдѣленія К. Татаринцовъ.

Имя С. М. Иконникова, въ числѣ участниковъ войны 1812 года, записано на стѣнахъ Храма Спасителя въ Москвѣ; портретъ его и копія съ подлинныхъ документовъ находятся въ Музеѣ 1812 года. С. М. Иконниковъ скончался 22 Іюня 1868 года, 80 лѣтъ, и похороненъ на старомъ Кіевскомъ кладбищѣ, Щекавицкомъ, близъ церкви. С. М. Иконниковъ—отецъ Русскаго историка Владимира Степановича.

Выдержки из Записной Книжки „Русскаго Архива“, замѣтки, выписки.

(Ревель, 11 Юля 1892. Отъ графа В. В. Адлерберга).

Отецъ его, графъ Владимиръ Федоровичъ Адлербергъ съ женою, двумя дочерьми и тремя сыновьями, до Ноября 1841 года (когда, съ отъѣздомъ въ Крымъ князя А. Н. Голицына, освободился большой домъ на Фонтанкѣ, тогда бывший почтоваго вѣдомства, а теперь министра двора) проживалъ на дворѣ Аничковскаго дворца, рядомъ съ такъ называемымъ Кабинетомъ, въ небольшихъ семи комнатахъ скромно убранныхъ, даже безъ чистаго хода. Лѣстница была одна съ кучерскою, облѣдѣнная зимою, лѣтомъ вонючая, такъ какъ находилась рядомъ съ отхожими мѣстами. Однажды Адлербергъ заболѣлъ, и Николай Павловичъ, прѣхавшій навѣстить его, поразился убожествомъ и неудобствомъ этого входа. Онъ призвалъ смотрителя дворца, разобралъ его и много кричалъ. Тѣ же дни все приведено было въ наилучшій видъ, который и длился, пока Адлербергъ былъ боленъ и Государь ежедневно къ нему приходилъ изъ Аничкова дворца. За тѣмъ и сыновья успѣли вырасти, и дочери стали невѣстами, а другъ царевъ, никогда о себѣ ничего не просившій, продолжалъ жить въ самой мизерной обстановкѣ. Государь, любившій его сердечно, ни разу не обратилъ на то вниманія. Одна изъ дочерей графа Адлерберга, Анна Владимировна Новицкая, сказывала мнѣ, что въ это помѣщеніе нерѣдко запросто прихаживала къ ея родителямъ Императрица Александра Федоровна. Однажды съ ея приходомъ принесли (чуть ли еще груднаго) ея первенца и посадили его на разостланномъ полу; на тотъ же коверъ былъ посаженъ и его ровесникъ первенецъ Адлерберговъ. Цесаревичу дали кусокъ бѣлаго хлѣба. Покушавъ, онъ потянулся съ нимъ къ первенцу Адлербергу. Вотъ бы нарисовать, какъ пророческую картинку. Предшественникъ графа Адлерберга по должности министра двора, князь П. М. Волконскій, le Prince Non (Князь-Нѣтъ), какъ его звалъ самъ царь за его скупость на казенныя траты и деньги, держалъ дворцовое внутреннее управленіе въ небреженіи, но только лишь по виѣшности. Бережливость соблюдалась до 1881 года; преемникъ отца, графъ Александръ Владимировичъ, сдавая должность, представилъ свыше 50 милліоновъ сбереженія.

Однажды гр. В. В. Адлербергъ ѣздилъ съ Канкринымъ и княземъ Павломъ Павловичемъ Голицынымъ въ Ораніенбаумъ осмотрѣть лѣтнія помѣщенія. По возвращеніи двое послѣдніе посажены были подъ арестъ на полтора мѣсяца за то, что на заставѣ не расписались.

Въ 1849 г., отправляя конный полкъ на Венгерскій полкъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ постоянно гнѣвался за самые пустяки, выходилъ изъ себя и приводилъ въ отчаяніе и солдатъ, и офицеровъ. Между солдатами былъ нескрываемый ропотъ. Это было мѣсяца за три до кончины Великаго Князя. Рыжій, сутуловатый, весь красный, съ огромнымъ загривкомъ, онъ производилъ очень непріятное впечатлѣніе.

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича

Только тотъ одинъ
Кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно, и дышалъ,
И дѣйствовалъ, и жилъ.

какъ выразился о томъ времени зло-желательный полу-Полякъ Некрасовъ. Но еще много раньше, въ 1834 году, Пушкинъ писалъ въ своемъ „Памятникѣ“: ...въ мой жестокойъ вѣкъ возславилъ и свободу.

Эта невѣроятная для нашихъ дней муштра—принадлежность Нѣмецкихъ князей и Нѣмецкой власти, ненавистная Екатеринѣ Великой. Генеалогію надо искать въ Штутгартѣ и Людвигсбургѣ, въ предкахъ четырехъ братьевъ, отъ которыхъ столько Русскихъ людей пострадало изъ-за кантиковъ, выправокъ, окраски будокъ, ровненія шаговъ и пр.

По кончинѣ Михаила Павловича, преемникъ его, т. е. Александръ Николаевичъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, но много мягче.

Графъ Василій Владим., нынѣ слѣпой, служилъ 12 лѣтъ въ конной гвардіи (1846—1855). Онъ помнитъ, какъ въ 1852 г. въ Гатчинѣ торжествовали открытіе памятника Императору Павлу. Покровы сняли, но веревка оставалась на шеѣ статуи, и у державнаго сына отъ этого показались слезы. Всѣхъ поразило это чудесное напоминаніе. Знаменательная случайность произошла и на пробномъ открытіи, куда допущены были немногія лица, и на торжественномъ, когда у подножія памятника Государь поставилъ съ барабаномъ своего отрока-внука, будущаго Александра III-го, находя, что онъ похожъ лицомъ на Императора Павла, что кажется намъ невѣрно: сходство было скорѣе съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

Любопытно, что, по словамъ графа В. В. Адлерберга и другихъ, солдаты между собою, называли Николая Павловича: *Карлъ Павловичъ*.

Конная гвардія стояла въ какомъ-то Польскомъ городкѣ, когда скончался Михаилъ Павловичъ. Собрались въ церковь. Священникъ сказалъ проповѣдь съ пышными фразами. Солдаты хмурились, а потомъ

на площади, когда полковой командиръ объявлялъ, что незабвенный отецъ и благодѣтель, который незамѣнимъ для полка, замѣщенъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ полку громко осуждали. Личныя благодѣянія Великаго Князя, негласныя пенсіи, уплата долговъ, щедрія пособія, больше относились къ офицерамъ. Но сихъ послѣднихъ донималъ швейцаръ великаго князя, ссужая ихъ деньгами за страшные проценты. Однажды задолжалъ ему будущій фельдмаршалъ князь Барятинскій, Покойный Соболевскій, славившійся опытностью въ счетахъ и денежныхъ дѣлахъ, сказывалъ мнѣ, что однажды Пушкинъ просилъ его принять участіе въ нелѣпномъ положеніи молодого красавца и помочь ему разобраться въ поддѣланныхъ деньгахъ, т. е. скупить его векселя ниже того, что на нихъ написано, и усовестить взаимодавцевъ. Соболевскій съ Пушкинымъ пошли къ задолжавшему молодцу: у него оставались только богатые ковры, а вся обстановка роскошнаго помѣщенія увезена заложенная. Это былъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Онъ и вѣкъ свой всего менѣе думалъ о деньгахъ.

*

Въ VIII-й главѣ своего знаменитаго сочиненія *Contract Social Russe* пишетъ о Петрѣ Великомъ: у Петра былъ геній подражательности, но генія настоящаго не было въ немъ. Иныя изъ его дѣлъ хороши, но большинство ихъ совершенно не кстати (*déplacées*). Ему хотѣлось создать Пѣмцевъ, Англичанъ, тогда какъ слѣдовало созидать Русскихъ. Онъ навсегда помѣшалъ имъ быть тѣмъ, чѣмъ они могли сдѣлаться. Онъ внушилъ имъ, что они то чѣмъ они не суть.

Къ стр. 159-й первой книги сего года „Русскаго Архива“. Въ ненастную пору, къ почтовой станціи въ городѣ Торжкѣ подѣхалъ императоръ Николай Павловичъ, выразивъ намѣреніе покушать. Смышленная повариха, рослая и красивая, смекнула, что ему нельзя выдти изъ коляски, не загрязнивъ ногъ. Она тотчасъ сбросила съ себя нарядное верхнее платье и разостлала передъ крыльцомъ. Государю это понравилось, и онъ похвалилъ не только ее, но и ея куриныя котлеты, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались извѣстны по всей Россіи. Повариха переѣхала въ Петербургъ, гдѣ съ успѣхомъ торговала.

На той же стр. упомянуто о Г. И. Тумачевскомъ. Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ я звалъ на моемъ вѣку, образованный, въ обращеніи изящный, высоко-нравственный. Онъ былъ совершенно преданъ князьямъ Воронцовымъ и пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ. Помню, какъ бывало, работалъ надъ Воронцовскимъ архивомъ, жилъ я одинъ въ Одессѣ, въ великолѣпномъ приморскомъ дворцѣ (который, къ моему прискорбію, нынѣ занятъ Гимназіей, гдѣ большинство учениковъ Евреи), въ безсонныя ночи, видалъ я на обширномъ дворѣ, куда выходили мои окна, чью-то тѣнь. Это Григорій Ивановичъ выходилъ изъ своего скромнаго помѣщенія смотреть, все ли благополучно. Князь Семенъ Михайловичъ сказывалъ мнѣ,

что Тумачевскій—сынъ графа Сень-При, бывшаго князю Михаилу Семеновичу сослуживцемъ и другомъ.

*

Князь П. А. Вяземскій про и чиновниковъ: „Это тля, точащая порфиру“.

Графиня Фоссъ подь 24 Февраля 1813 г.: Ich höre dass man mit Staffetten vorsichtig sein muss: General Benkendorf soll in Munchenberg, wo er sich befindet, alle Briefe öffnen, die er auffangen kann, т. е. Я слышала, что нужно быть осмотрительной съ письмами; генераль Бенкендорфъ, говорятъ, вскрываетъ въ Мюнхенбергъ, гдѣ онъ сейчасъ находится, все письма, которыя онъ только можетъ перехватить.

Графъ Александръ Христофоровичъ, будущій начальникъ III-го Отдѣленія Государевой Канцелярїи, вѣдавшей секретныя дѣла, обучился соглядатайству отъ Спренгпортена, который убѣдилъ императрицу Марію Федоровну, въ первые мѣсяцы царствованія Александра Павловича, что такъ какъ молодой Государь совѣзмъ не знаетъ Россіи, то необходимо составить для него подробное донесеніе о томъ что внутри ея дѣлается, и предложилъ для того себя. Получено царское согласіе. Марія Федоровна отдала ему въ спутники юношу Бенкендорфа, сына ея умершей прїятельницы. Они объѣхали большое пространство (до Тобольска). Донесенія Спренгпортена должны храниться въ Государственномъ Архивѣ.

*

Въ 1866 году, когда М. Н. Муравьеву, возвратившемуся въ Петербургъ съ Виленскаго генераль-губернаторства было поручено слѣдствіе по дѣлу Каракозова, Англійскій Клубъ давалъ ему обѣдъ въ помѣщеніи своемъ на Фонтанкѣ. Даже Валуевъ сказалъ ему тогда фразистую свою рѣчь. Послѣ обѣда Муравьевъ ушелъ на балконъ и закурилъ трубку. Подлѣ него сидѣлъ баронъ Дельвицъ, и окружало его нѣсколько чело-вѣкъ. Явился Некрасовъ и попросилъ позволенія прочитать хвалебныя свои стихи. Они были произнесены, и провозглашено „здоровье мнро-творца края“. „Ваше сіятельство, позвольте мнѣ эти стихи напеча-тать?“—„Это ваша собственность, и вы можете располагать ею по произволу“.—„Но я бы просилъ вашего совѣта“.—„Въ такомъ случаѣ, не совѣтую“. Баронъ А. И. Дельвицъ говорилъ мнѣ, что положеніе Некрасова было прежалкое, такъ что и присутствовать при этой сценѣ было непрїятно.

*

Барытшнскій, отличный мастеръ Русскаго стиха, не твердъ былъ въ правописаніи и за поправками иногда обращался къ Алексѣю Андреевичу Елагину, пасынокъ котораго И. В. Кирѣевскій былъ съ нимъ очень друженъ. Слышано отъ Сергѣя Ивановича Кирѣевского.

С. И. Кирѣевскій дѣлаетъ поправку къ стихотворенію Хомякова о чтеніи Евангелія. Слова *близъ потока* тутъ только для рифмы, Кирѣевскій предлагаетъ измѣнить такъ.

Въ часѣ полночный, свое око
Устреми на небеса.

*

Извѣстная Нѣмецкая поговорка, которою Нѣмцы оправдываютъ свою привычку къ раннему утреннему вставанью: *Morgen Stunde—Gold im Munde.* (Утренній часъ—золото во рту). Намъ кажется ея объясненіе таково: у Нѣмцевъ въ старину, такъ же какъ и у насъ до сихъ поръ по мѣстамъ, работники, получивъ плату за свой трудъ, клать ее себѣ за щеку за неизмѣнимъ другого мѣста для бережи. Кто рано вставалъ, тому мечталось за щеку положить монету золотую.

*

17 Декабря 1837 года сгорѣлъ Зимній дворецъ. На житье въ него изъ Летняго дворца (бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка) перешелъ Петръ III-й, на Страстной недѣль 1762 года и устроилъ въ верхнемъ этажѣ для себя Лютеранскую кирку. При Екатеринѣ туда переведена аптека. Пожаръ 1837 года начался въ этомъ помѣщеніи придворной аптеки. Вечеромъ къ дежурному гофмедику (впослѣдствіи лейб-медику) Э. И. Рейнгольду вбѣжалъ въ помѣщеніе дежурства, дрожа всѣмъ тѣломъ, аптекарскій ученикъ Нѣмецъ, страшный заика, не заикавшійся только когда пѣлъ. (Обладавшему прекраснымъ, обработаннымъ голосомъ и музыкальной памятью, пѣніе отлично ему удавалось). По блѣдному испуганному лицу ученика было видно, что онъ хотѣлъ сообщить что-то особо-важное и злобщее, но кромѣ неопредѣленныхъ звуковъ, ужасныхъ гримасъ и отчаянныхъ жестовъ ничего не выходило. Всѣ увѣщанія и даже репрессивныя мѣры, предпринимаемая гофмедикомъ, чтобы возвратить оторопѣвшему Нѣмчику языкъ, оказывались тщетными. Тогда Эмилиі Пвановичъ, вспомнивъ про его музыкальный талантъ, закричалъ надъ его ухомъ: „Wenn du nicht sprechen kannst, singe doch, verfluchter Kerl“¹⁾). Это помогло: бѣдняга мигомъ оправился, сталъ въ театральную позу, приложилъ руку къ сердцу, а другою указывая на дверь, запѣлъ (на голосъ недавно появившейся и производившей тогда фуроръ въ Петербургѣ оперы Мейербера „Робертъ Дьяволъ“): *Spiritus ist entbrannt, Alles steht in Flammen!*²⁾.

Рейнгольдъ догадался, въ чемъ дѣло и, слѣдуя за нимъ, побѣжалъ въ аптеку, находившуюся въ концѣ длиннаго корридора, довольно далеко отъ дежурной докторской комнаты, какъ разъ надъ заломъ Петра

¹⁾ Коль скоро не можешь говорить, такъ поѣ же, проклятый.

²⁾ Спиртъ загорѣлся, все въ пламени.

Великаго, гдѣ еще наканунѣ дежурные дворцовые гренадеры слышали, впрочемъ не обративъ на это особаго вниманія, запахъ гари.

Аптечное помѣщеніе было все въ пламени, проникнуть въ него было невозможно, почти тотчасъ полъ его провалился, обрушился на потолокъ Петровскаго зала, разомъ вспыхнувшаго, и огонь съ неудержимой силою разлился по всему дворцу; дворецъ черезъ нѣсколько часовъ чуть ли не до тла сгорѣлъ. Но истинъ съ чудодѣйственной быстротой онь, съ небольшимъ черезъ годъ, былъ возобновленъ графомъ П. А. Клейнмихелемъ*). Слышано отъ графа А. В. Олсуфьева, а имъ отъ самого гофмедика Рейнгольда.

*

Человѣкъ усиливается посредствомъ памятниковъ создать себѣ на землѣ безсмертіе, которое не умѣлъ готоваго сохранить въ раю. Время, какъ будто изъ жалости, нѣсколько медлитъ, но потомъ сіе самодѣльное безсмертіе погребаетъ въ развалинахъ. (Филареть, послѣднее изданіе его „Словъ“, IV, 567.)

Премудрый сынъ Сираховъ приписываетъ милостынѣ достоинство жертвы и богослуженія. „Творяй милостыню, аки жрай жертву хваленія“ (Сир. XXXV. 2). Но приношеніе Богу должно быть чисто не только отъ гнусности, но и отъ низости. „Да не принесеши, говорить законъ, цѣны псесей въ домъ Господа Бога твоего“ (Втор. XXIII. 18). Посему можно судить, какъ нужно заботиться о томъ, чтобы подаваемое въ милостыню было почерпнуто изъ чистаго источника.

При семь приходитъ на мысль спросить, очень ли хорошо поступаютъ, когда говорятъ: дай деньги на зрѣлище, или на другое суетное увеселеніе: половина ихъ издержится для твоего удовольствія, а другая обратится въ милостыню. Чтѣ тутъ будетъ? Милостыня ли очиститъ суету, или суета лишитъ чистоты милостыню? Найдется ли на сіе отвѣтъ, который былъ бы пріятнѣе вопроса? Но, конечно, не подлежитъ сомнѣнію то, что, если бы назначаемыя на благотворительное увеселеніе деньги, съ устраненіемъ увеселенія и на него издержекъ, сполна были отданы на милостыню: то милостыня была бы вдвое больше, несравненно чище. Апостоль учитъ насъ плакать съ плачущими (Рим. XII, 15), а не ликовать съ мыслью о несчастныхъ, и не переполнять чашу веселія, чтобы дрождіе досталось плачущимъ.

Надѣюсь, впрочемъ, что никто не оскорбится нашею заботою, чтобы избрѣтательное искусство благотворительности, доброе въ намѣреніи, сколь можно большо имѣло достоинства въ средствахъ и способахъ дѣйствованія.

(Филареть, тамъ же IV, 597.)

*) Въ графскомъ гербѣ генераль-адъютанта П. А. Клейнмихеля, въ день освященія Зимняго дворца, помѣщены были, по высочайшему повелѣнію слова: „Усердіе все превозмогаетъ“.

СО Д Е Р Ж А Н И Е
В Т О Р О Й К Н И Г И
„РУССКАГО АРХИВА“

1912 года.

(выпускн 5, 6, 7 и 8).

301. Списокъ ремесленниковъ, высланныхъ изъ Дерпта въ 1708 г. Сообщилъ **Н. Г. Иваскъ**.

5. Посольство князя **Б. И. Куракина** въ Голландію въ 1711 году. Статья **С. И. Кедрова**.

295. Къ дѣду о Царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. **Н. Г. Высоцкаго**.

302. Челобитые Марѣи Ивановны Сурминой.

72. Знаменитые богачи. Сообщилъ **Н. Г. Иваскъ**.

466. Водареніе Екатерины Великой **П. Б.**

321. Екатерина Великая. Труды ея въ первые два года царствованія. Своеручныя письма и замѣтки.

336. Еще своеручныя замѣтки **Екатерины Великой**, разныхъ годовъ. (Изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ).

481. Изъ своеручныхъ писемъ Екатерины Великой къ графу Кайзерлингу.

232. Злоключенія депутата. Къ исторіи Екатерининской Комиссіи. Сообщилъ **Н. Г. Иваскъ**.

461. Письма княгини **Е. Р. Дашковой** къ князю **А. В. Куракину** и графу **А. Н. Самойлову**.

494. Императоръ Павелъ. Изъ архива **Н. О. Кутлубицкаго**.

529. Разсказы о старикѣ **А. Ханенко**.

67. Изъ Архива **Н. О. Кутлубицкаго**. Неразпечатанное почти сто лѣтъ письмо. Письмо монахини. О жалованныхъ земляхъ и ихъ цѣнности. Сообщилъ **И. А. Бронскій**.

453. Старые годы. Изъ архива **Н. О. Кутлубицкаго**. Сообщилъ **А. А. Бронскій**.

604. **Н. И. Тургеневъ**. Изъ его дневника юношескихъ лѣтъ.

492. Императоръ Александръ Павловичъ и **В. С. Поповъ**. Ихъ разногласіе. 1811.

Внутри обложки: Голодъ во Франціи передъ нашествіемъ на Россію. Изъ Записокъ канцлера **Панье**, извлечено **С. Фарфоровскимъ**.

417. 1812-й годъ. Общій очеркъ войны. Составилъ **А. П. К.**

629. **С. М. Иконниковъ**. Участники войны 1812 года.

243. Къ годовщинѣ 1812 года. **Эль-Эсъ**.

539. 1812-й годъ. Госпожа Сталь въ Россіи. Ея Записки.

134. Пожаръ Москвы. Записи **И. М. Свѣгирева**.

212. Московскіе храмы по уходѣ Французовъ. Записи **И. М. Свѣгирева**.

131. Письма 1812 года. Графъ **Н. В. Нессельроде** къ тещѣ своей графинѣ **Гурьевой**.

244. Французское нашествіе 1812 года въ письмахъ современниковъ. Изъ архива **Н. О. Кутлубицкаго**. Сообщилъ **И. А. Бронскій**.

Внутри обложки: Объ изданіи Портретной Галлерей 1812 года.— О дневникѣ Итальянскаго офицера **Цезаря Ложье**.

30, 161 и 383. Изъ писемъ **М. Н. Лонгинова** къ графу **С. Р. Воронцову**.

206. Завѣщаніе **Федора Петровича Газа**.

305. Привѣтъ старой Москвы Русскому Царю 28 Мая 1912. **А. А. Александрова.**

228. Письмо Ф. Ф. Вигеля. (Его послѣдняя жизнь въ Москвѣ).

597. Стихи князя **П. А. Вяземскаго**, приписанные **В. И. Тютчеву**. Замѣтки **Льва Зилова.**

240. Пекушеніе въ пустынь. Стихотвореніе **В. Н. Глинки.**

282. Переписка **В. А. Жуковскаго** съ принцем **П. Г. Ольденбургскимъ** о Кирѣевскомъ, съ предисловіемъ **Д. В. Кобеко.**

287. Замѣтки о письмахъ Пушкина и о разночтеніяхъ въ его стихахъ. **Н. О. Лернера.**

480. Памяти Тютчева. (Стихи).

306 и 470 Письма къ **П. И. Бартеневу** отъ **П. А. Плетнева** и **Н. П. Гилярова**. **К. А. Коссовича**, архимандрита **Порфирія**. **Ю. В. Самарина**. **Н. И. Лорера**. князя **П. В. Долгорукаго**. **Н. И. Крылова** и **С. Т. Аксакова.**

292. Письмо **А. П. Зонтага** къ **П. И. Бартеневу.**

439. Изъ Записокъ **А. Е. Егорова.** Служба и жизнь въ Москвѣ 1866—1869.

254. Раненый Севастополецъ о порядкахъ въ Симферопольскомъ госпиталѣ 1855—1856. **Заннека Лебедева.**

304. Александръ III. Речь о немъ **А. М. Золотарева.**

468. Императоръ Александръ Второй во Владимирѣ **Н. Диленторскаго.**

580. Рядовой Сучкинъ. Быль. (Изъ воспоминаній стараго гусара). **Безсмертный.**

479. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (князь **С. В. Шаховскаго**).

226. Изъ воспоминаній о генераль-адъютантѣ **М. П. Драгомировѣ**. **Безсмертнаго.**

77. Московскіе городекіе головы и замѣстители ихъ. **Н. Г. Иваска.**

142. Графа **С. Р. Воронцова** работа о Русскомъ солдатѣ.

82 и 583. Изъ воспоминаній **П. И. Щукина**. Внутри обложки: О Сборникѣ **П. И. Щукина**, выпускъ десятомъ.— О Гербовникѣ **Князева**. **Н. Г. Иваска.**

234. Къ исторіи Поволжскаго раскола. Пришибенскіе иконоборцы. **П. Юдина.**

218 Очерки Терской Старины. Побѣги въ горы. Исторія одной раскольничьей общины у Шамиля (1848—1859). **Ведора Чернозубова.**

156. Изъ Записной книжки издателя «Русскаго Архива».

634. Изъ Записной книжки издателя «Русскаго Архива».

Внутри обложки: о книгѣ **В. П. Маслова**: «Литературная дѣятельность **К. Ф. Рыльева**»

сь прибавленіемъ о необходимости земскаго собора, который долженъ былъ рѣшить, какимъ именемъ родомъ правленія подобаетъ замѣнить самодержавіе. Стало быть, правъ былъ Сергій Павловичъ Шиповъ, вспоминая, какъ, въ самый день 14 Декабря, на площади, Рылѣевъ, отдѣлившись отъ своихъ соумышленниковъ, подошелъ къ Шипову въ то время молодому Семеновскому офицеру и сказалъ ему, что онъ отказывается отъ всей своей политической дѣятельности.

Первая треть книги г. Маслова занята библиографіею, по нашему мнѣнію излишнею для такого второстепеннаго писателя, какъ Рылѣевъ (этими мелочными разысканіями повадились грѣшить даже относительно первоклассныхъ нашихъ писателей). Къ сожалѣнію у насъ изъ всего любить тво-

рить себѣ кумиры; оно и легче нежели проникаться мыслями того, кого изучаешь.

Большая остальная часть книги посвящена жизнеописанію Рылѣева и представляетъ собою истинную исторіографическую заслугу. Г-у Маслову достушно было самое дѣло о Рылѣевѣ, хранящееся въ Государственномъ Архивѣ. Рылѣевъ не получилъ прочнаго умственнаго образованія. Семья, въ которой онъ выросъ, не могла способствовать правильному и спокойному его развитію. Отецъ—грубый тиранъ, мать—Нѣмка. Жизнь—посреди болотъ окружающихъ Петербургъ. Собственно говоря, Рылѣевъ не зналъ Россіи, но подобаетъ ему сердечный вздохъ Русскихъ людей, такъ какъ онъ смертію искупилъ свои заблужденія.

П. Б.

Полныя годовыя изданія Русскаго Архива продаются по 5 р. 50 к.

Главныя статьи

1904.

Письма А. Я. Булгакова къ его брату.—Н. О. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцесса Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія князя Всеволода Ивановича Барятинскаго.—Черты изъ домашней жизни императрицы Анны.—Архимандритъ Макарій и Тобольскіе Декабристы.—Воспоминанія О. А. Гиллрова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Свѣгирева.—Двѣ Калмычки.—Переписка графовъ Несельроде.—Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма И. В. Кирѣевскаго.—Хозяйственныя записки И. В. Пупечникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—Н. П. Боголѣповъ. Его записки.—Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдовосцева.—Записки архіепископа Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.—Записки А. П. Хвостовой.—Записки К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексѣя Петровича.—Водареніе Петра третьяго.—Воспоминанія Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра Ш-го. Записки графа Сегюра въ полномъ переводѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Книгопродавцамъ уступка 20 копѣекъ.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частью возвышенной. Вотъ эти годы

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Угнѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1903 продаются по 7 рублей за каждый годъ. годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 7 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

И. М. ПАВЛОВЪ. Наше переходное время. (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: «День», «Москва» и «Русь»). М. 1888. 496 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой 1 руб. 25 к.

ЖИТИЕ СВЯТЫЙШАГО ПАТРИАРХА НИКОНА. Съ его портретомъ и съ письмами къ нему царя Алексѣя Михайловича. М. 1909. 144 стр. цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеповъ.**